Люфтваффельники

Алекс Сидоров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — кадровый военный. Сотня безумно смешных рассказиков о жизни советского лётного училища.

- Алекс Сидоров
  - 1. Люфтваффельники
  - 2. Очень нужная веСТЧ
  - 3. Игра в хлястики (цепная реакция)
  - 4. Гой еси, добры молодцы
  - 5. Разновидность половой жизни
  - 6. Комсомольский вожак
  - 7. Любой ценой или путевка в Чернобыль
  - 8. Витя Копыто
  - 9. Ушитая шинель
  - 10. Рассказ Лёлика (полуночные покатушки)
  - 11. Рассказ Лёлика — 2 (страдания Плуга)
  - 12. Подмоченная репутация
  - 13. Бигус
  - 14. Пиночет, бигус и телевизор
  - 15. Национальные кадры
  - 16. Стихоплет
  - 17. Туалет
  - 18. Рас-пись-ные узоры
  - 19. Ремонт туалета
  - 20. Широкораскрытый рот
  - 21. Гарнизонный караул
  - 22. Витя — циркач
  - 23. Наручники
  - 24. Баю, баюшки, баю
  - 25. Любовь и политика
  - 26. Спорт и приметы
  - 27. Сломанное ухо
  - 28. Пластическая хирургия
  - 29. Городской патруль
  - 30. Две по три
  - 31. Гипнотизер
  - 32. Экстрасенсы
  - 33. Папаша Мюллер
  - 34. Газированные танцы
  - 35. Хорошо иметь домик в деревне
  - 36. Охота на уток
  - 37. Особенности национального менталитета

- 38. Роза, Рита, Рая
- 39. Честь мундира
- 40. Посылка
- 41. Снежные барсы: Лирика
- 42. Снежные барсы: Практика
- 43. Тем, кому за 30-ть
- 44. 23 февраля
- 45. Химический день
- 46. Часы «Seiko»
- 47. Легенда (сказка, рассказанная на ночь в военном училище после очень тяжелого дня)
- 48. Мороз
- 49. Кавказская пленница
- 50. Блатной пост
- 51. Петрович и дерево
- 52. Война за водные ресурсы
- 53. Синие паруса
- 54. Блажен, кто верует
- 55. Дизель и дискотека
- 56. Женитьба Копыто
- 57. Круг замкнулся
- 58. Зайчик в тумане
- 59. Вечерняя поверка
- 60. Армейская элита
- 61. Агдам
- 62. Как хорошо быть генералом
- 63. Голый король
- 64. Вампиры
- 65. Нервные клетки не восстанавливаются
- 66. Как принимают в партию
- 67. Боевая ничья
- 68. Проверка на жадность (невинная шалость)
- 69. Нервы, нервы, нервишки…
- 70. Кто кого и сколько раз?!
- 71. Двое из ларца, одинаковы с лица
- 72. Скучно
- 73. Шлагбаум
- 74. Канал правительственной связи
- 75. Глубокий вдох
- 76. Белокурое совершенство
- 77. Полевой выход или сон под наркозом
- 78. Шутки богов
- 79. Не болит голова у дятла
- 80. Пробитый

- 81. Если хочешь быть здоров…
- 82. Закон Ома
- 83. Основы казарменной педагогики
- 84. Жаль
- 85. Прыжок
- 86. Физиология
- 87. Постой паровоз, не стучите колеса…
- 88-й
- 89. Спиртосодержащее
- 90. Экскурсия в Дисбат
- 91. Перекур
- 92. Тульские пряники
- 93. Мал золотник, да дорог
- 94. Дурная голова рукам покоя не дает
- 95. Политинформация с эротическим уклоном
- 96. Под белоснежным куполом
- 97. Штучка с ручкой
- 98. От кутюр
- 99. За буйки не заплывать!
- 100. Бым-тыдыдым!

Алекс Сидоров
Люфтваффельники

1. Люфтваффельники

- Афанасьев! Четыре!

В строю раздаётся вздох облегчения владельца фамилии. В казарме, так называемой абитуре, стоит ещё пока не строй а, скорее всего толпа, или даже вернее будет сказать — стадо разноцветной и разношёрстной молодёжи, каждый из которой приехал поступать в военное училище. Идёт оглашение результатов письменного экзамена по математики.

— Баранов! Кто Баранов? А?!!! Это ты Баранов! Два! Вот посмотрите, это именно тот случай, когда фамилия как нельзя лучше показывает истинное содержание и всё богатство внутреннего мира своего владельца.

У дежурного офицера хорошее настроение и, наверное, он мнит себя великим мыслителем, а может даже и где-то глубоко, в своём скудоумном сознании, возможно — поэтом. Как знать?!

Но, очень похоже. Он пытается постоянно острить. Правда, топорно, по-тупому, по-казарменому, но выбора у нас нет, приходится покорно слушать. И раз мы все здесь по своей воле, то надо привыкать к этим корявым потугам на оригинальность военного сатирика, который, пользуясь своим возвышенным положением, пытается отыграться за свою моральную убогость на людях, скованных военной дисциплиной, и готовых терпеливо сносить любое подобное хамство.

Еще жива надежда, стать в недалеком будущем военным (красивым, здоровенным), влиться в ряды офицеров доблестной Красной Армии. И вот тогда уже, мы выскажем, ох выскажем всё, что об этом истинном баране в погонах думаем. Но в настоящий момент, у нас лишь одно право. Это право слушать и молча сносить хамство и оскорбления.

Кто не готов, не может или его нежная душа бунтует против такого скотства — вопросов нет. Шаг «вперёд» из строя и домой к маме. Но здесь нет места для слабости, мы приехали учиться и побеждать. И этого мудака в форме, лучше воспринимать именно как мудака. В голову не брать, сознание отключить, всерьёз не воспринимать. Ну, вот например — если из мусорного бака вылезет грязная ободранная крыса с облезлым хвостом и, глядя на вас пристально, заговорит человеческим голосом. «Мол, так и так, раздолбай ты этакий товарищ, уши у тебя оттопыренные, да и руку на сердце положа, дурак ты законченный. .» Не знаю, как вы, а я уж точно слова той мерзкой гадины на свой счёт серьёзно не приму. Потому что, не входит она — крыса та драная, в общество уважаемых мной людей, мнение которых для меня

жизненно важно и актуально.

Эх, если бы тот лейтенантик мысли читать умел, вот апломба бы у него явно поубавилось, веселье мигом бы улетучилось.

— Баранов, ну что стоишь как баран! Свободен Баранов! Пошёл собирать вещи. Домой! К своим баранам! — лейтенантик очень доволен своими афоризмами, доволен собой, гаденькая улыбка растянулась на его детском розовом личике от уха до уха.

По его новенькой с иголочки форме понятно, что ещё пару месяцев назад, этот хамло-затейник был таким же курсантом, и летал по нарядам как сраный веник. Но сейчас, куда деваться, статус его заоблачно высок. Он, мать его, господа, не много ни мало — офицерьё. И не дай Бог, будет нашим командиром взвода. Вот намучаемся, пока этот служака в оловянных солдатиков не наиграется, пока его дурная спесь не слетит. Вот же повезёт кому-то. Мама не горюй! Держись ребята!

Баранов вышел из строя, углубился в спальное помещение и начал собирать свои вещи, украдкой глотая слёзы. Жаль, конечно. Неплохой парнишка, из глубинки, и не его вина, что в сельской школе, таблицу умножения не успели выучить к десятому классу. То уборочная, то посевная, то очередная продовольственная программа нашей заботливой партии. Учиться в принципе то, и некогда. Так и зависли где-то на 8х8=64. А про дискриминант квадратного уравнения, Баранов только на экзамене в первый раз услышал.

А лейтенантик разошёлся не на шутку, хоть грязный носок в рот ему пихай. Моя б воля, так до самых гландов! Чтоб не пикнул. Но офицерику про наши заветные желания было не ведомо, и он самозабвенно продолжил. Вдохновение — страшная сила. Не иначе, Пегас лягнул копытом, пониже спины.

— Таких как ты Баранов, ждут колхозы. Ну, ничего, годик покрутишь коровам хвосты, и в армию. Но не офицером, нет. А солдатом. Стране нужны солдаты! А то, что же будет, если все офицерами то станут?! Это же ужас какой-то! А командовать то кем?! А, Баранов?! А после армии, ты опять в колхоз. К своим баранам! ХА-ХА! А эти орлы! Ну те, которые поступят там, окончат, наверное. Эти точно будут офицерами. Да! Точно! Это я тебе говорю! Да, авторитетно заявляю!!! Красой и гордостью нашей армии. Ну, прямо как я! Они станут не просто офицерами, а офицерами доблестных Военно-воздушных сил! Люфтваффе! Так звучит это по-немецки! ВВС значит. Чувствуешь, какая мощь в этом слове. ЛЮФТ! ВАФЬ! ФЕ! Какая экспрессия! (очевидно «люфтваффе» — это было единственное слово из курса немецкого языка военного училища, что отложилось в гениальной голове данного полиглота).

Клянусь, чем хотите, но что такое «экспрессия», для того филолога, до сих пор является самой страшной военной тайной. Но слово то, само слово, красивое. Не правда ли?! А звучит то как?! Не слово, а музыка! ЭКСПРЕССИЯ!!!

— Они ещё тобой покомандуют Баранов. Покомандуют! Ты ещё здесь? Ну, всё. Прощай!

Баранов, собрав свои нехитрые пожитки и со старинным бесформенным чемоданом в руке, у которого были ободраны уголки, скрылся за входной дверью казармы.

— Вихрев! Три! Голубев! Пять! Ни фига себе! Орёл, а не Голубев! Где Голубев? Ты, Голубев?! Фамилию менять надо, Голубев! Ты же орёл, математику, и на пять! Ну, череп, ну гений, ЭВМ! Ну, прям Софья Ковалевская! Я и то, только на три в своё время сдал и то со шпорой.

Лейтенант мечтательно закатил глазки, вспоминая дела давно минувших лет. И так, бесконечно долго, с комментариями этого «форменного идиота» или «идиота в форме» (от перемены мест слагаемых, как известно результат не меняется), которого, никто, нигде, никогда не только не слушал, но и вообще не воспринимал всерьёз, и нашедшего в нашем лице достойных, покорных и молчаливых слушателей, продолжалась моральная пытка.

В зависимости от озвученных результатов, кто-то, не сдержав эмоций, всхлипывал и уходил собирать свои вещи, кто-то молча сжимал кулаки на удачу, кто-то закатывал глаза и счастливо улыбался. Оставшиеся, затаив дыхание, с тревогой и волнением, ждали оглашения итогов своих экзаменационных достижений.

— Петровский! Два!

— Ууу-раааа!!!

Строй вздрогнул. Такой реакции на приговор, не ожидал никто. Оторопел и сам глашатай. Он так и остался стоять с широко открытым ртом, громко скрипя своим скудным умишком, пытаясь осознать происходящее. Он даже несколько раз заглянул в оценочную ведомость, на предмет выявления ошибки оглашения результата. Он даже подумал, что возможно оговорился и назвал более высокую оценку, нежели ту, что стояла напротив фамилии Петровского. Несколько раз повторил, что оценка именно: «ДВА!». Но всё равно, происходило нечто необъяснимое. Абитуриент Петровский ликовал!

Петровский — высокий, хорошо сложенный, видный парень из Москвы, с явно интеллигентскими замашками, ломая строй, с восторженным улюлюканьем, метнулся в спальное помещение за своей сумкой. Попутно, он выкрикивал в адрес лейтенанта всё, что думает о нём. О его умственных и мужских способностях,

включая конец его бездарного жизненного пути в стандартной конструкции из неструганных осиновых досок. И, где именно, он — Петровский, в скором времени и желает увидеть данного лейтенанта-мудака. И, что характерно — это обязательно в белых тапочках фирмы «Адидас», да ещё и с тремя полосками.

Все громко зашумели в знак одобрения, раздался свист и аплодисменты. Настроение у всех, за исключением лейтенанта, резко улучшилось.

Петровский выскочил на центральный проход казармы, именуемый «взлёткой» и на некоторое время остановился. Он, картинно раскланялся, поблагодарил всех за внимание, пожелал терпения, остающимся в этом заповеднике законченных моральных уродов. Затем, набирая ускорение, побежал к выходу, задорно размахивая модной спортивной сумкой с множеством кармашков на молниях.

Все ребята провожали его восторженными взглядами, ибо парень высказал то, что копилось у нас в душе, просилось на язык, но пока была жива надежда, поступить в училище, этот самый язык был наглухо прикушен зубами.

Лейтенант тем временем жалко нечленораздельно мычал, пытаясь скомпоновать достойный ответ вслед, убегающему Петровскому, но его мозговая деятельность дала явный сбой, алгоритм образования разумных словосочетаний завис — ум зашел за разум, ЭВМ в офицерской черепушке настойчиво требовала перезагрузки. Хаотично открывающиеся уста издавали лишь бульканье слюны и обрывки междометий.

А Петровский продолжал развивать успех. Увеличивая скорость, он неумолимо приближался к выходу, продолжая блистать колоссальными познаниями в области многоэтажных словарных конструкций русского языка за пределами цензуры. О таком богатстве родного нелитературного языка, многие стоящие в строю просто не догадывались. Сапожники, грузчики и прочие знатные матершинники просто отдыхают. Филолог!

Счастье для Петровского было очень близко, фактически на расстоянии вытянутой руки. Он даже протянул её, руку в смысле, чтобы взяться за ручку тяжеленной входной двери казармы, потянуть её на себя и оказаться на улице, на свободе. Но дверь открылась раньше. На какое-то мгновение, на долю секунды. Но это мгновение, круто изменило развитие происходящих событий.

Итак, дверь открылась, и в казарму вошёл настоящий полковник. Почему настоящий?! Да потому, что на его груди сверкала звезда Героя Советского Союза, военная форма была выцветшей от палящих лучей, скорее всего Афганского солнца. Волосы на голове этого стройного, подтянутого полковника были

белоснежно седы, а на кителе пришиты три красные полоски, которые означали, что офицер имел боевые ранения.

Толпа, тоесть наше пока ещё стадо, перестало свистеть, шуметь, аплодировать, и заворожено замолчало. Заткнулся и лейтенант, так и не находя сил и воли подтянуть отвисшую нижнюю челюсть, чтобы закрыть свой рот, только сейчас начавший исторгать грязные ругательства и всевозможные проклятия вслед убегающему абитуриенту.

Петровский начал тормозить, отчаянно скользя по отполированному до зеркального блеска полу. Но сила инерции, известная всем (то есть, почти всем) из курса физики 5-го класса средней школы, сделала своё дело. Мятежный москвич со всей дури, влетел в этого полковника и, сменив дерзкий тон на оправдательно-подобострастный, очень быстро залепетал.

— Папа, я математику на два балла завалил! Короче, военный из меня не получится, поехали домой к маме. Буду поступать в Тимирязевку, на ботаника. Ну, какой из меня военный? У меня на портянки аллергия, и на «тумбочку» тоже (тумбочка — суточный наряд по роте). А, папа?! Я пшёнку НЕНАВИЖУ!!!

Полковник с трудом устоял на ногах, и взял своего сынулю за ворот дорогого фирменного батника, встряхнул основательно, и пристально посмотрел в глаза. Петровский-младший при росте в районе 185 см. съёжился до размеров котёнка и попытался отвести глаза в сторону.

— Победитель всех столичных олимпиад по математике завалил сраный экзамен?! Ботаником значит будем?! Цветочки нюхать! А Родине, кто служить будет?! Итак, быдло вокруг! Понабрали по объявлению кого попало! Была армия, а сейчас бардак, сборище из карьеристов и недоучек!

Полковник почему-то пристально посмотрел на молчащего лейтенанта. Тот тоже непроизвольно съёжился и попытался где-нибудь затеряться или испариться.

— Короче, мама поплачет и перестанет, а ты — гордость школы с физико-математическим уклоном, победитель городских литературных конкурсов всё равно военным станешь. Где это видано, восемь поколений Петровских служило своей стране, а девятое поколение — цветоводом в оранжерею?! Вот уж хренушки, сыночек, дорогой! Пойдёшь со вторым потоком сдавать экзамены! И только попробуй мне отчислиться! На порог не пущу, фамилии лишу! Я тут с твоим будущим командиром роты переговорил. Толковый мужик! Если заметит, что ты дурака валяешь, под отчисление из училища начнёшь косить, он обещал использовать лучшие методы воспитания двух самых признанных и авторитетных педагогов.

— Типа Макаренко, папа?! — жалобно промямлил Петровский-младший.

— Лучше сынок, гораздо лучше! — ласково и многообещающе улыбнулся полковник: — Он к тебе обещал «Ипатьевский» метод применить и метод «Еблонского». В зависимости, так сказать, от твоих закидонов и внешних обстоятельств, сыночек мой дорогой.

Петровский-старший обвёл своим мудрым отеческим взглядом наш строй. Было видно, что данная сцена его откровенно тяготит и раздражает, но отеческий долг, как и воинский долг, этот человек выполнит до конца. Причём, любой ценой.

— «Ипатьевский» метод — это значит «ипать», «ипать» и ещё раз «ипать». Скрупулёзно и методично, пока до вас, дорогие мои, не дойдёт, что делать надо всё с первого раза, в отведенный срок, точно и качественно! А метод «Еблонского» — это сразу с правой… в «ебло»! Больно, согласен. Метод крайне непопулярный, но очень прогрессивно доходчивый! Надеюсь, до этого не дойдёт, ты — мальчик понятливый, а как говорил великий Зигмунд Фрейд: «человек такая скотина, которую надо или кормить или бить, а лучше чередовать!» Старый, всем знакомый метод «кнута и пряника», «морковки и палки», кому как нравится, — полковник уже обращался ко всем, кто стоял в строю.

Мы инстинктивно подтянулись и заворожено внимали словам убелённого благородной сединой военного.

— А мамочке, я передам, что ты её любишь, скучаешь, целуешь. Но сегодня, сбылась твоя самая заветная мечта — стать настоящим мужчиной и продолжить славную династию Петровских, в которой были царские офицеры, белые офицеры, красные офицеры, советские офицеры. И какого бы цвета флаг не болтался над нашей многострадальной родиной, Петровские будут всегда защищать этот флаг, и свою родную землю. А то, что руководить вами будут отцы-командиры, не всегда достойные уважения, и приказы будут один дурнее другого, то не удивляйтесь этому. Беда эта в армии, именно от вас самих ребята, так как умные и толковые, не доходят до выпуска, бросая всё на полпути, устав от хамства и тупости бездарей, которые ни на что не способны. И чтобы скрыть ничтожность свою, вот и лезут, и прутся эти ублюдки в армию, где у подчинённых нет возможности обсуждать действия бездарного командира, карьериста, лизоблюда, раздолбая и недоучки. Беда это нашей армии, беда. Поэтому ребята, хорошо учитесь, достойно служите, настанет и ваше время. Когда станете большими начальниками, не

глумитесь над людьми, как сейчас вам достаётся от. . — полковник мельком бросил взгляд на лейтенанта, так и стоящего с открытым ртом, замолчал и повернулся к сыну: — Ты ещё здесь?! А ну марш на экзамены!

И вы знаете, Петровский сдал все вступительные экзамены на пятёрки, и служил образцово, наряды тянул без нытья и стенаний, папой своим героическим никогда не кичился, перед ребятами своими «московскими замашками» не рисовался. Короче, был вполне нормальный мужик.

Учились мы с ним в одной роте и однажды, все еще находясь под впечатлением от его виртуозной матерной тирады в казарме «абитуры», выданной в адрес зарвавшегося офицера, я поинтересовался, откуда рафинированный москвич обладает такими глубокими познаниями в непечатном разделе русской литературы. На что курсант Петровский улыбнулся и, подмигнув мне, выдал следующее.

— Понимаешь, мы же не всегда в Москве жили. Папу помотали по гарнизонам, мама не горюй! Я такое чудо, как асфальт, в первый раз увидел, когда мне 12 лет исполнилось, но не в этом дело. Там, где я вырос, детских садиков вообще не было, и моими няньками были солдаты в прямом смысле этого слова. А все их педагогическое образование это ШМАС — школа младших авиационных специалистов, пойми правильно и будь великодушен. А ребенком я был, ой каким, шкодным и непослушным. Так что, батенька, делайте выводы. И о методах Ипатьева и Еблонского, можно сказать, я наслышан с самого детства. Вот так!

Если честно, Петровский был очень вежливым, корректным, ответственным, исполнительным и аккуратным курсантом, скрупулезно выполняя все поручения, приказы и распоряжения. Вышеупомянутые методы великих педагогов Ипатьева и Еблонского, к нему никогда не применялись, потому что повода такого, вообще, не возникало!

Единственное, что его отличало от всех остальных ребят это то, что когда уставали мы безмерно, когда тупые шутки офицеров — этих доморощенных массовиков-затейников с воспалённым чувством самовлюблённости, убогими потугами на юмор и оригинальность, доводили нас до белого каления и отчаяния, когда руки опускались от безысходности, твердил он часто и повторял бесконечно с абсолютным философским спокойствием.

— А, что вы хотели? Мы все здесь с вами — люфтвафельники!

И вы знаете, он был прав. Но, тем не менее, своё прозвище он получил именно — «Люфваффе». Далее, в зависимости от обстоятельств, оно могло трансформироваться в «Люфт»,

«Ваффе», «Люфтвафельник», или просто, но со вкусом: «Ваффельник». На которые, кстати, он никогда не обижался. Ибо считал, что данное прозвище, наиболее правильно обозначает и отражает не его человеческую сущность, как личности, а общее положение курсанта, в стройной армейской иерархии, как таковое, в целом.

2. Очень нужная веСТЧ

Выдержав бесконечную череду строгих экзаменов, а также различных серьезных проверок и заковыристых психологических тестов, мы поступили в училище ВВС. Прогулявшись в «казенную» баню, где нас переодели в военную форму одежды, мы сразу поняли, что детство для нас закончилось. Причем закончилось сразу и однозначно радикально, без малейшей надежды на какую-либо пролонгацию или «второй срок». Все, пипец, «you are in army now, baby» и никаких соплей, горшков, сосок, кукол, мамок, нянек и традиционных сказок на ночь с нежным поцелуем в лобик.

Беззвучный щелчок невидимого переключателя и ты уже взрослый, со всеми от сюда вытекающими… Ну, что же?! Ладно, взрослый, так взрослый, вам же хуже будет. Так! Где тут ближайший оружейный склад?! Мне, как действующему «защитнику Родины» персональный автоматик с пульками полагается?! Ась?! Хочу автомат! Срочно дайте мне автомат! Хочу автомат! Хочу, хочу, хочу …

Буквально, чуть ли не на второй день КМБ — курса молодого бойца, нас в полном составе учебного батальона, а это в районе 1000 тушек пока еще неоперившихся «потенциальных орлов», местами похожих на свежеощипанных бройлерных цыплят с синюшными черепушками, подстриженными в «абсолютный ноль», организованно погнали на склад.

На этом складе мы должны были получить обязательную и самую необходимую для любого военнослужащего веСТЧ, без которой в армии «ну просто никуда».

Что характерно, эта замечательная вещь постоянно сопровождает каждого без исключения военнослужащего на протяжении всего срока его службы. От эпохального момента незабываемой процедуры подстрижки «налысо» в 17-летнем возрасте, посредством убогой «паЛикмаХтерской» машинки с безнадежно тупыми ножами (тайно мечтающей стать гламурным «эпилятором», и поэтому безжалостно и остервенело выдирающей волосы из твоего скальпа), аж до самого выхода на заслуженный пенсион, после 25-ти «безупречных».

Эта, несомненно, нужная и незаменимая в «армейском хозяйстве» вещь навязчиво преследует абсолютно любого среднестатистического солдата, матроса, прапорщика, офицера и даже генерала, независимо от его принадлежности к какому-либо виду или роду войск — от авиации, до флота и т. д. и т. п. Она является обязательной к регулярно-периодическому

использованию во всех местах возможной службы защитника Родины — от Крайнего Севера, до знойного Юга, от очень Дальнего Востока, до самых западных границ необъятного СССР. И даже проходя службу за пределами Советского Союза — в странах Варшавского Договора например, тем более и тем паче, «первое», что ты получишь по прибытию к новому месту службы, обязательно будет — …?!

А вот и не угадали, совсем не оружие! Оказывается, есть более важная штукенция, без которой военный — невоенный!

П Р О Т И В О Г А З!!!

Да, да, именно противогаз, без которого в армии просто ступить некуда. Уже, будучи офицерами, куда мы только не забрасывали и не закидывали этот искренне ненавистный всеми нами еще с курсантских времен «резиновый предмет»?! Но нет, он как мифическая птица «Феникс» опять возрождался из небытия и забвения.

Несколько раз в году, с гаденькой подачи штатного «химика» естественно (чтобы у него носовой платок, одеколон, туалетная вода и все домашние цветы благоухали «хлорпикрином»), от «верхнего» начальства поступал строгий и многообещающий «рык»: «Найти, отмыть, пришить бирки к сумке, привести в соответствие, предоставить, быть готовым сдать все нормативы!» Тихий восторг, переходящий в неконтролируемую истерику.

Оказывается, как убедительно вливал «химик» в наши «благодарные» уши, что несмотря на огромное количество всевозможных конвенций, актов, пактов, биллей, протоколов, коммюнике, мораториев, договоренностей и прочих международных соглашений о полном запрете химического, биологического, бактериологического и прочего, не менее гадкого и противного химического оружия, опасность его применения чрезвычайно высока! И, следовательно, поэтому, каждому новоявленному защитнику Родины непременно полагается иметь индивидуальное средство защиты — противогаз!

И это, как минимум, а в перспективе — еще и личный ОЗК (общевойсковой защитный костюм), что между прочим, еще несколько килограммов резины. И все это замечательно-великолепное достижение латексно-каучуковой научной мысли и безобразно-отвратные изделия резинотехнической промышленности, курсантам надлежало носить до такой степени часто, а в идеале — постоянно и не снимая, чтобы мы неизбежно срослись и свыклись до полного гармоничного единения, как с собственной кожей. Обалдеть, какая радостная перспектива! Почему мы сразу не рождаемся с резиновой кожей, посыпанные слоем талька?! Что-то эволюция явно не доработала.

Итак. Нас организованно отвели на склад хим. имущества, где от обилия резиновых изделий, разложенных на многочисленных стеллажах и необъятных полках, у всех парней откровенно зарябило в глазах, перехватило дыхание и поехала крыша. Вот оно, прозрение!

Только здесь и сейчас, мы наконец-то осознали и поняли, по какой веской причине в стране победившего социализма повсеместный дефицит с детскими надувными шариками, а также, с далеко недетскими презервативами.

Судя по грандиозному училищному складу, вся резина, произведенная в советском государстве, прямиком шла на изготовление огромного количества противогазов, ОЗК и костюмов Л-1, не иначе. Увиденные объемы хранящихся на складе резиновых изделий вызвали у нас поголовное выпучивание изумленных глаз и безвольное отвисание нижней челюсти.

Причем, такая реакция возникла абсолютно спонтанно у каждого курсанта, входящего в бездонные недра грандиозного складского хранилища.

А сколько таких складов в стране?! А сколько таких училищ и воинских частей?! А сколько складов гражданской обороны?! То-то! А заводы все выпускают и выпускают, а ранее изготовленные изделия все накапливаются и накапливаются. Кто-нибудь видел хотя бы один противогаз на какой-либо свалке или в помойке?! А?! Я не видел. Не выбрасывают такое богатство, не выбрасывают.

А во время нашего «счастливого детства и беззаботной юности» ни шарик тебе красивый надуть, ни презерватив в аптеке купить. Вся резина то в государстве тю-тю — на противогазы вышла, не иначе! А куда же еще?!

Вспоминайте, кроме резиновых сапог, убогих калош и бракованных резиновых мячей, на прилавках магазинов больше резиновых изделий и не наблюдалось. Даже кровоостанавливающий жгут в аптеке мало-мальски приличный не купишь, чтобы потом хулиганскую рогатку замастрячить с «благой» целью высадить пару соседских стекол. Фигушки тебе, а не полноценное детство! Вот так и пришлось остаться приличным благовоспитанным человеком, почти не познавшим всей прелести битья оконных стекол. Мда…, дела…, местами даже начинает развиваться некий комплекс неполноценности с ненавязчивым осознанием частичной персональной ущербности и недоразвитости что ли…

А взрослым дядям, каково было?! Им же еще надо каким-то немыслимым образом покрышки для легковых машин где-то достать, которые всегда в остром дефиците числились?! А резина

то где?! Где?!

Где-где?! Там! Да, да, именно там — на складе химического имущества, конечно же.

Ну, допустим, цветные шарики надуть — фиг с ними, старшеклассники-школьнички из этого возраста давно уже выросли, до личных машин типа «Москвич», «Жигули» и безумно помпезная «Волга», а также связанного с ними лихорадочного поиска дефицитных всесезонных колес — еще не доросли, а вот презерватив — это понимаешь, очень нужная в хозяйстве вещь!

Ну, наверное, не мне, вам рассказывать для чего он применяется. Каждый уважающий себя мужчина должен уметь уверенно пользоваться и, несомненно, знает, для каких именно целей был изобретен презерватив.

А самое главное — как он действительно должен использоваться по своему прямому назначению — для гарантированного обеспечения истинного удовольствия и полномасштабного удовлетворения своего хозяина, при максимально высоком уровне полной безопасности во время непосредственного проведения самого процесса…, что-то так?! Если не совсем корректно и не точно сформулировано, поправьте меня, пожалуйста.

Некоторые особо одаренные и «продвинутые» индивидуумы, между нами «девочками» говоря, умудряются безотказный и многострадальный презерватив, фактически «черти для чего» приспособить, включая «многоразовое» его использование, словно американский «Шатл», прости господи. Как у них это получалось?! Ума не приложу, т. к. после наших «развлечений» презерватив обычно в бесполезные лохмотья превращался, в клочья и тряпочки разносило… Честно-честно! Может, эти парни как-то иначе его использовали, кто знает?!

Лично я всегда применял «изделие № 2» Баковского завода резиновых изделий по его прямому и первоначально-задуманному назначению — для получения персонального удовольствия и повсеместного удовлетворения, включая и моральное, естественно! Итак, прошу прощение за небольшое лирическое отступление…, что-то на ностальгическую лирику потянуло.

Приходишь, бывало еще стыдливым школьником в аптеку и под «многоствольные» укоризненные взгляды, а также под осуждающий шепоток всевозможных старушек-бабулек из неизменно-постоянной очереди, стоящих, кто — за пургеном, кто — за аспирином, солидно покупаешь сразу пару десятков пачек. А чего мелочиться?! Чтобы на всех хватило, а то будешь, потом еще в азартном порыве пару раз забегать в аптеку с «горящими»

глазами. Не удобно это, да и сам «процесс» прерывать тоже как-то не хочется. Короче, набив полные карманы пачками с презервативами, с гордо задранным носом, идешь в «самое подходящее место» — иногда к себе домой, иногда к другу, реже — к подружке или к однокласснице… Когда как, раз на раз не приходится, с кем договоришься, поймите правильно.

Затем, дрожащими от нетерпения и трепетного вожделения пальцами, распечатываешь упаковку. Осторожненько извлекаешь его родимого. Такого тоненького, почти прозрачного. Берешь аккуратненько в руки, почти нежно, чтобы не дай бог не повредить ненароком. Обязательно проверяешь его на целостность и прочность прогрессивным методом интенсивного орального надувания. И досконально убедившись в полной боеготовности презерватива, а также в отсутствии всяких неожиданных сюрпризов, в виде мелких дырочек (согласитесь, уважаемые, никому из нас незапланированные проблемы на будущее, из-за банально порванного презерватива, абсолютно не нужны, не так ли?!), смело натягиваешь "изделие № 2" на … водопроводный кран! … а куда же еще?!

Далее, открывается вентиль, набирается вода, презерватив неимоверно растягивается, принимая в себя весьма достойные объемы жидкости, но при этом, он держится настоящим молодцом — не лопается. Вот, что значит высокие технологии и «Знак качества», а также магическая надпись мелким шрифтом: «Проверено электроникой»!

Чего там проверено?! И как вообще можно электроникой такие изделия проверять?! Арнольд Шварценеггерович Терминатор их там, на конвейере надувает, что ли?! Хрен его знает, но всех парней нашего двора данный вопрос очень-очень интересовал. Точнее некуда!

Ну а затем, бежишь на крышу или на максимально верхний этаж высотного дома, открываешь окно и «процесс» пошел… В результате — полный восторг и неописуемое удовольствие всех окружающих (за редким исключением тех, "на кого бог послал"), при обеспечении максимального уровня личной безопасности и полного морального удовлетворения! Все сходится?! То-то! Интересно, а Вы о чем подумали?!

Тем временем, на складе химического имущества, с помощью обычной ржавой и затертой в хлам металлической рулетки с нас сняли необходимые размеры.

Один прапорщик шустро измерял объем головы курсанта в двух проекциях: 1-я — от центра лба, через висок, затылок, другой висок и обратно, 2-я — от макушки курсантской тыковки через висок, щеку, подбородок и аналогично по такому же

маршруту, обратно до макушки.

На основании этих наиважнейших антропологических параметров, второй прапорщик торжественно выдавал каждому «обмеренному» курсанту письменное заключение на гербовой бумаге о принадлежности данного «люфтваффельника» к чистокровной арийской нации — шутка естественно. В реалии, нам выдали резиновые маски для противогаза 5-ти основных размеров, от 0-го — самая маленькая маска (для кошек, кукол и детей), до внушительного 4-го (при желании и небольшом старании, можно натянуть хоть на рыло носорога).

Выданные маски были откровенно убогими, с безнадежно пожелтевшей от преклонной старости резиной, мутными стеклами и поголовно залипшими клапанами. В теории, эти клапана вообще-то положено регулярно прокапывать чистым медицинским спиртом, во избежание возможного залипания «оного», которое в реальных боевых действиях может привести к неизбежному удушению бойца, еще до момента применения коварным врагом какого-либо химического оружия.

Но, судя по весьма довольным «синюшным» лицам двух складских прапорщиков, медицинскому спирту нашлось более достойное применение. При близком знакомстве с маской противогаза, складывалось однозначное впечатление, что спирт как таковой, эти радикально засохшие и крепко прилипшие (в каждой второй маске), клапана не видели с момента их выпуска на заводе, в районе 60-70-х годов. Реально, маски были древние.

В комплекте с «видавшей жизнь без прикрас» маской выдавалась фильтрующая коробка — металлический цилиндр, размером чуть большим 1-литровой банки и очень древний гофрированный шланг, безусловно напоминающий хобот слона. А также, в раздаточное окошко склада еще торжественно выбрасывалась потрепанная брезентовая сумка цвета хаки.

Успешно поймав эту, вылетевшую прямо в твое лицо, сумку или подобрав ее с пола склада хим. имущества, можно было смело считать себя абсолютно подготовленным для достойной встречи коварного супостата с полным арсеналом химического и прочего мерзопакостного оружия. Напоминаю — запрещенного всеми международными гуманными конвенциями.

Осталось совсем ничего — все это «современное» резино-металлическое великолепие следовало собрать в единую конструкцию, а маску надо было еще предварительно отмыть от остатков талька и толстенного слоя грязи, а также от белесого налета высохшего пота многочисленных предыдущих владельцев.

Ну, что же, отмоем. А кто говорил, что будет легко?! Одно уже радовало, что ОЗК хоть не всучили, пока. Теплилась в душе

слабая надежда и пробивалась в мозгу смутная догадка, что все комплекты ОЗК, ушлые кладовщики растащили по своим друзьям и знакомым. Среди любителей зимней рыбалки, чулки от ОЗК, да и сам плащ, пользуются большим и заслуженным уважением. Не так ли, господа «зимние» рыбаки?!

Возвратившись в казарму, курсаты организованно пришили бирки с «ФИО, номером фильтрующей коробки и размером маски» к противогазным сумкам. Затем стали нудно и упорно отмывать персональные маски.

Резиновые маски отмывались с большим трудом. Слой грязи, жира, чужого пота и талька сопротивлялся героически. Эта адская смесь превратилась в некую мастику, которая обладала феноменальным свойством к прилипанию и глубоко проникла фактически в саму структуру резины. Но, мы не стали отступать, ибо, если не отмоешь эту дрянь, будет совсем тоскливо. Надевать противогаз все равно заставят, а если маска не будет идеально чистая то, кроме личного чувства брезгливости как минимум, болезненное «раздражение» на коже лица будет гарантированной наградой за проявленную лень и безалаберность.

Казарма превратилась в импровизированную «прачечную». Все курсанты «стирали» личные маски от противогазов. Парни остервенело терли их с повсеместным использованием сапожных щеток и мыла, а также вплоть до применения зубных щеток и дефицитной зубной пасты «Pomorin». Вымыли, вытерли, вывернули на изнанку, положили сушиться.

По казарме проползла откровенно пугающая «информация из достоверных источников», что на завтрашний день запланированы практические занятия по «химии» с подгонкой противогазов и обязательным окуриванием в настоящей газовой камере, с применением реальных ОВ — отравляющих веществ. Пипец, начинается… но, это будет еще только завтра. Пока живем и наслаждаемся жизнью, дихлофос, дуст, клопомор и прочая «боевая» дрянь пока подождут…

В соседнем 44-м классном отделении на 2-ярусной койке проживали весьма колоритные парни — одессит Андрюха Чуханин, под 190 см. ростом с огромной черепушкой «а-ля-мечта любого археолога-антрополога» и внушительно-выдающейся «английской челюстью», а также, белорус Вася Рожнев — худенький, миниатюрный пацанчик с детским личиком и тыковкой размером «с кулачок», опять же, детский.

Соответственно, у «презентабельного» Чуханина была маска для противогаза солидного и «взрослого» 4-го размера, а у «дюймовочки» Васи Рожнева — маска «детского» и «учебного» 0-го размера.

После того, как маски высохли и ребята, присоединив их к гофрированным шлангам, уложили в свои личные брезентовые сумки, «на арену» вышел наш (тогда еще только начинающий и неопытный, но уже очень гениальный и шкодный) незабвенный пройдоха и законченный шутник Жека Ящиков. Не мудрствуя лукаво, незаметно для самих хозяев противогазов, он виртуозно подменил маски у противогазов Чуханина и Рожнева.

Вечером, ничего не подозревающие «соседи» из 44-го отделения сдали свои противогазы на хранение в оружейную комнату и положили их в пирамиду, пока еще свободную от стрелкового оружия.

Как уже ранее обращалось Ваше внимание, по какому-то непонятному мне принципу и абсолютно нелогичному ритуалу, установленному в Красной армии, личное оружие, как правило, почти всегда выдается гораздо позже, чем «любимый и архинужный» противогаз! И это, наверное, правильно?! Ну, посудите сами…

Если вдруг, неожиданно-коварно, враг зловредный нападет без объявления войны, то мы все один, дружненько персональные противогазы наденем, и будем тупо пугать агрессора-супостата своим «угрожающим» внешним видом! УУУуууу!!! Страшно?!

А чего?! Огромная толпа лысых и очкастых, с серыми презервативами на головах, это я вам авторитетно скажу — зрелище совсем не для слабонервных! У любого «нарушителя границы» моментально обильный энурез и неудержимая слабость желудка образуется с перепугу…, а может от гомерического хохота?! Кто знает?!

Или, обнаружив перед собой огромное стадо «слоников», вражина проклятый от искреннего недоумения начнет в карту смотреть, личное местоположение по навигационному спутнику определяя или на глобус планеты Земля ошарашено пялиться, глазенки выпучив, а может быть даже побежит штурмана своего, «а-ля-Сусанин», лично расстреливать. Ибо, справедливо посчитает, что промахнулся банально на десяток тысяч километров и вместо страны Советов, завел свое войско в дикую Африку.

Аааaа, в Африке, горы вот таАААаКой вышины!!!!
Аааaа, в Африке, реки вот тааАААаКоой ширины!!!
Крокодилы, бегемоты!!!
Обезьяны, кашалоты!!!
И зеленый попугай!!! … ну и так далее…
Аааа-АааАА!!! И зеленый попугай!!! (еще пару раз для порядка)

Еще, в Африке водится злой противный Бармалей! Будет их (врагов в смысле), пугать, бить и обижать! Ну, может и еще на что-нибудь более радикальное сподобится?! Как знать?! Как знать?! Короче, не ходите дети в Африку гулять!

Наверное, что-то подобное с самого раннего детства прочно сидит в мозгах у многих отцов-командиров, ничем не наученных с 22 июня 1941 года. Потому, как по моему личному убеждению и, по мнению авторитетных преподавателей из военной академии, где мне довелось в последующем учиться, самое наипервейшее, что надобно вручать солдату или офицеру, вновь прибывшему в расположение части — личное оружие!!! Посредством которого, он — вояка то есть, и будет вести приятно-познавательную и местами очень убедительно-задушевную беседу с «незваными гостями» о скоротечности их вражеской жизни в частности и о ее бестолковой бесперспективности, в целом. Если я неправ, убедите меня.

Возможно, все «химики» Красной армии сейчас начнут бросать в мою сторону угрожающие взгляды и тяжелые камни. Ну, а тем временем, ночь уже закончилась, и на уральском горизонте показалось солнце. Итак, вернемся на первый курс в училище ВВС.

Утром настал день истины — нас повели в «газовую камеру» на обязательное и традиционное окуривание. Это было первое наше «боевое» окуривание и все ребята немного нервничали, ибо среди курсантов ходили «ужасающие» слухи о неимоверно жестоком нормативе: «Трубка порвана» — это когда надо было затаить дыхание и, зажмурив глаза, быстро отвернуть фильтрующую коробку от «порванного» шланга. Затем открутить «порванный» шланг от маски, отбросить его в сторону и старательно навернуть фильтрующую коробку непосредственно на маску, сделать резкий выдох, чтобы выдавить из маски «отравляющий» газ, коварно пробравшийся туда во время вышеописанной разгерметизации при выполнении данного упражнения и открыть глаза». Вот в принципе, фактически и все…

Все просто, в теории! Описать словами данный алгоритм обязательных действий получилось гораздо дольше, чем реально по времени выполняется данное увлекательное упражнение. Ибо, в суровой действительности, в условиях применения всякой отравляющей дряни, а также если хочешь просто тупо выжить с желательной перспективой узнать, что такое — счастливая старость, то все эти действия необходимо выполнять гораздо быстрее.

Вот именно для всеобщего и качественного привития у ребят полезных навыков выживания и 100 %-го отучения «защитников Родины» от всевозможных фобий, страхов, мандражирования и прочей слюнявой трехомудии, всех курсантов первого курса обучения, организованно и поголовно погнали на «травлю» в газовую камеру, которая находилась на учебном аэродроме. Нет худа без добра, хоть на самолеты издалека посмотрим!

Перед увлекательным процессом «поголовного смертоубийства личного состава, посредством неизбежного удушения отравляюще-раздражающими газовыми смесями типа «хлорпикрин и еще что-то» в замкнутом пространстве», с нами провели подробнейший инструктаж.

Во время занимательной и познавательной беседы, солидный подполковник с кафедры «Хим. Защиты» убедительно объяснил, что наши противогазы, несмотря на их, откровенно убогий внешний вид и весьма древнюю конструкцию, вполне способны спасти наши никчемные и бестолковые жизни от всех известных на сегодняшний день средств отравы насекомых, включая — дуст, хлорку, дихлофос, устаревшие — «зарин», «зоман» и прочую дрянь, но совершенно бесполезны при обычном «угарном газе» — окиси углерода и еще чего-то там — вновь изобретенного.

Короче, как мы все поняли из данного инструктажа — нам впарили давно устаревшую конструкцию противогазов, которую в самое ближайшее время, возможно, спишут за абсолютной ненадобностью и выбросят на ближайшую свалку, ввиду их полной бесполезности. Или безвозмездно передадут для дальнейшего использования в армии дружественных Африкано-Азиатских стран, за их смутное обещание пойти по социалистическому пути развития. Ну, а пока наше мудрое руководство думает какую именно армию, из какой братской страны осчастливить таким роскошным подарком, потаскайте ребятки то, что есть и скажите спасибо за проявленную о вас заботу. Мда, жизнеутверждающее начало, ничего не скажешь.

Оказывается, в армии есть и другие — более современные модификации фильтрующих коробок в частности и противогазов в целом, которые в наше училище никогда не поставлялись. Но в плане на дерзновенную перспективу, это обязательно когда-нибудь случиться. Даже и не переживайте, дорогие детишечки!

А мы особо и не переживали. Очень познавательная и жизнеутверждающая лекция, куда деваться?! Всем курсантам сразу реально полегчало, и в наши трепетные души прочно вселился безнадежный оптимизм и безысходная надежда на относительно благополучный исход авантюрного предприятия по предстоящему «боевому» окуриванию.

Прямо перед строем нашей 4-й роты располагался неприметный вход в бетонный бункер — «газовая камера», «братская могила», «душегубка», «могильник», «морг» и т. д. Названий много, выбирайте на любой вкус, кому какое нравится. Входная дверь в «душегубку» была чрезвычайно мала, с низкой притолокой, и заходить в камеру надо было, согнувшись в «три погибели», почти опускаясь на корточки или подключая передний привод — на карачках то есть. Какой … «архитектор» изобрел такую пакостную дверь?! Его бы сейчас сюда…

А на улице шикарный август, солнышко светит, травка зеленеет, птички поют, бабочки летают, кузнечики стрекочут, высоко в голубом небе реактивных самолет чертит белый инверсионный след… Красота! Эх, а тут такая радость…, тьфу, то есть, такая гадость…

Перед сеансом «всеобщей травли тараканов» (на мой непредвзятый взгляд, это название наиболее точно описывает данное увлекательное мероприятие, в роли тараканов, естественно мы — курсанты первого курса, прошу любить и жаловать) провели многократную тренировку на свежем воздухе.

На все, про все — норматив в 4-ре секунды! За это время необходимо снять пилотку, расстегнуть брезентовую сумку и напялить на себя резиновую маску противогаза. При этом следовало обеспечить ее надевание так быстро и качественно, чтобы персональные уши, не завернулись в трубочку. Вообще-то, иногда отцы-командиры требовали надевать пилотки на личную тыковку, но не в этот раз.

Итак, прозвучала первая команда «Газы», все ребята быстренько натянули противогазы и замерли. Зачет в армейском подразделении идет по последнему бойцу. Вроде уложились, подполковник несказанно удивлен и весьма доволен. Стоит, улыбается и, не веря своим глазам, тупо пялится в циферблат секундомера. И вдруг в тишине застывшего по стойке «смирно», монолитного строя 4-й роты раздается удивленный возглас курсанта 44-го отделения Андрюхи Чуханина.

— НиЧче-го не понимаю! (интонация в голосе, точно такая же, как из мультфильма «Следствие ведут колобки»)

Незамедлительно, раздается реплика, достойная вышеупомянутого мультфильма, но уже из уст Васи Рожнева.

— Ан-налогично!

Все курсанты, поддавшись праздному любопытству, начали активно крутить головами, чтобы выяснить причину, вызвавшую подобное недовольство ребят, причем настолько сильную, что «задроченные, затюканные и забитые минуса» посмели что-то «вякать» в полный голос. В результате, в строю повсеместно начал

раздаваться смех, сначала приглушенный резиновыми масками. Затем некоторые парни, не выдержав острой нехватки кислорода в процессе лошадиного и гомерического ржания, начали срывать свои противогазы и хохотать во все горло.

«Химический» подполковник тоже прыснул в кулак и приблизился к Чуханину и Рожневу. Пользуясь всеобщей «неразберихой», все парни стали самопроизвольно снимать противогазы, чтобы воочию увидеть следующую картину.

Громада одессит Андрюха Чуханин стоял в надетом на голову противогазе с маской нереально маленького размера! Как он вообще смог натянуть на свою огромную тыкву такую микроскопическую маску, честно говоря, непонятно. Наверное, только с титаническим усилием но, тем не менее, парень уложился в «жестокий» норматив 4 сек.

Маска 0-го размера была натянута так, что ее толстенная резина растянулась почти до идеальной прозрачности латексного презерватива и не порвалась лишь только из-за колоссального запаса прочности, заложенного в «кондовую» конструкцию. Стеклянные очки маски противогаза, судорожно натянутого на голову курсантом Чуханиным, находились где-то в районе его «английского» подбородка (самой нижней его части) и «ослепшему» одесситу приходилось неимоверно запрокидывать свою голову назад, а глазенки, в свою очередь, опускать неестественно вниз, чтобы получилась проекция фокусной линии, относительно проходящая через стекла очков. Иначе, Андрюха вообще ничего не мог разглядеть, что творится на «свежем воздухе», за пределами резиновой маски. В момент «аварийного» запрокидывания» головы назад, гофрированный шланг противогаза вытянул из брезентовой сумки тяжелую фильтрующую коробку, которая угрожающе болталась ниже пояса одессита, угрожая причинить серьезные телесные повреждения его мужскому достоинству.

Короче, это сложно описать. Такое надо видеть собственными глазами — Чуханин реально напоминал слепого слона, который отчаянно задирает хобот к верху и громко трубит: «Ничего не понимаю!»

Рядом с Андрюхой стоял абсолютно спокойный Вася Рожнев, у которого на маленькую «детскую» головушку была нахлобучена огромная резиновая хренотень. Причем, подбородочная часть маски висела тоже где-то в районе поясного ремня Василия, и при малейшей попытке пошевелить головой, эта конструкция хаотично трепыхалась. Если бы Вася оказался трехголовым змеем Горынычем из русской сказки, то в эту маску легко поместились бы все три его головы. Нервозная обстановка на «химическом»

занятии немного разрядилась, все курсанты от души повеселились. Спасибо тебе Евгеша Ящиков! Что бы мы без тебя делали?!

Насмеявшись вдоволь, преподаватель-химик без труда разобрался в причине данного казуса и приказал ребятам поменяться масками. Все встало на свои места, занятия продолжились, мы перешли к отработке своих действий, при повреждении гофрированного шланга противогаза. Ага, начинается, а что же дальше?!

«Химический» подполковник раз 50-т включал секундомер и давал сакраментальную команду «Газы».

Натренировавшись до посинения, мы научились «без сучка и задоринки» выполнять норматив: «Трубка порвана», спокойно и без суеты перекрывая положенное время. Ха! Всего то делов?! А пугали, пугали… Ну-ну!

— Газы!

Все уже, наверное, в 51-й раз мгновенно напялили противогазы. Офицер-химик приоткрыл дверь «могильника».

— В колонну по одному, по отделениям, в камеру, шагом марш!

Построились, согнулись пополам, залезли. Мде…, мрачно, тоскливо, страшновато, волнительно. Камера вообще-то приличная, человек 100 спокойно могут дискотеку устроить. В центре бетонного помещения стоит ведро с «гадостью», источающей хлорпикрин. Всем теоретически «пофигу», мы в противогазах. Чего бояться?!

Вдруг, несколько пацанов неожиданно ломанулись к выходу. Они почему-то недостаточно хорошо согнулись и, поочередно врубившись головой в верхнее бетонное перекрытие (прямо как слепые), упали на задницы и, срывая с себя противогазы, обливаясь слезами и захлебываясь соплями, поспешно выползли наружу. Оставшиеся в камере курсанты злорадно захихикали. «Первая волна эмиграции» почему-то подумалось мне в этот момент.

Подполковник через мембрану «командирского» противогаза, глухо объявил.

— Клапана залипли! Бывает. В настоящем бою, они были бы уже трупами. Смотрите и запоминайте! А смеяться рано, потери еще будут! Обещаю!

Ага, вот оно как бывает. Считай, первые потери уже есть. А у этих «трупов» остались папа, мама, а возможно, что и девчонка, жена, дети… Мде, однако, невесело.

— Трубка порвана!

Понеслось. Так! Ага! Быстро зажмурил глаза, затаил дыхание

и шустренько откручиваю «гофру». Открутить-то легко! Действительно, с «порванным» шлангом, все парни расстались достаточно быстро — прилично опережая норматив. Это было отчетливо слышно по падающим на бетонный пол шлангам. Так, ну почему именно сейчас, резьба на фильтрующей коробке никак не хочет попадать в резьбу на маске?! Блин, такое впечатление, что я кручу этот грёбанный фильтр уже целую вечность?! Когда же резьба зацепится и пойдет куда надо?! Ведь на свежем воздухе, при многократном повторении, у меня не было ни одной осечки?! Вот она, так называемая «эмоциональная» составляющая — нервы. Вроде руки не трясутся и мне совсем не страшно… Ну, почти не страшно. Бля…, ну почему эта долбанная резьба не попадает?! Ведь кроме шуток, уже нет сил сдерживать в легких перегоревший воздух, который настойчиво рвется наружу… Твою мать, ну и где эта дверь?! Пора пробираться к выходу… Не забыть бы еще пригнуться… Есть! Наконец попал коробкой в резьбу на маске, пошла родимая! Давай, давай, накручивайся…

Я лихорадочно завинчиваю резьбу, стыкуя фильтрующую коробку с резиновой маской в единое целое. Есть! Ура! Уф, даешь вдох фильтрованного воздуха! Нет, стоп! То есть, наоборот — резкий выдох и открыть глаза!

Мама дорогая…!!! Что же это делается?!

А делалось действительно «нечто». Почти половина ребят так и не смогли справиться с простейшим нормативом, который на улице давался всем легко и непринужденно, не вызывая вообще никаких проблем. А в стесненных условиях «газовой душегубки» некоторые ребята так и не смогли попасть резьбой фильтра в резьбу маски и, не выдержав нервного напряжения, хватанули отравленный воздух, в результате чего — горючие слезы, обильные сопли и паническое бегство в крошечную дверцу.

И таких ребят оказалось весьма немало. У спасительного выхода образовалась непроизвольная свалка, в которую хаотично ломилась обезумевшая толпа, ослепших от слез курсантов. Многие, особенно, рослые парни, забыв напрочь про скромные габариты двери, натыкались лбами в бетонную притолоку и выползали из камеры уже на карачках. И смех, и грех было наблюдать за этой картиной.

Спокойный подполковник стоял на выходе из «душегубки», стараясь своевременно пригибать панически эвакуирующихся отроков, чтобы они не набили себе синяки и шишки. Тех ребят, которые уже были полностью деморализованы и дезориентированы, и безнадежно ползали на четвереньках по полу «морга», абсолютно потеряв правильное направление для своего спасения, преподаватель «химии» легким пинком нежно и

вежливо направлял в нужную сторону к выходу на свежий воздух.

Но это еще не все. Когда вторая волна «эмигрантов» схлынула, началась третья серия — те парни, которые вроде бы все сделали правильно и вовремя прикрутили фильтры к маскам, но забыли «на радостях» сделать резкий выдох, вдруг тоже уверенно потянулись к выходу на улицу. Ибо, той толики раздражающего газа, что проникла в их маски, в момент отстыковки «гофры» и разгерметизации противогаза, было достаточно, чтобы вызвать нестерпимую резь в глазах, а также обильное слизе- и слезотечение но, с незначительной временной задержкой.

В результате, в газовой камере нас осталось не так уж и много. Подполковник посмотрел на «выживших» и укоризненно покачал головой. Затем, он не торопясь, обошел всех и каждого, подергал за противогазы, проверяя герметичность, спросил фамилии, сделал отметку в контрольных списках и дал команду на выход.

А на свежем воздухе светило солнце, пели птички, зеленела травка, стрекотали кузнечики, пахло полевыми цветами, и летали бабочки. Боже, как хорошо! Как хорошо и замечательно просто дышать, просто жить! Как красиво вокруг …

И на всем этом великолепии зеленого поля с множеством ярких полевых цветов ползало стадо пацанов, которые безудержно ревели и обильно сопливились по полной программе.

В результате, те парни, кто не прошел процесс окуривания с первой попытки, были вежливо и настойчиво приглашены «химическим» подполковником на второй акт «марлезонского балета», без права на отказ естественно.

3. Игра в хлястики (цепная реакция)

Прошли вступительные экзамены, всевозможные многочисленные психологические тесты, местами хитрые, местами занудные. Закончились проверки по линии особого отдела, мы посетили военных медиков, проскочили суровую мандатную комиссию и, наконец, поступили в военное училище. После КМБ — курса молодого бойца и торжественного принятия воинской присяги, заступаем в первый наряд по курсантской столовой. С непривычки и из-за отсутствия элементарного житейского опыта, все быстро забегались, замотались, выдохлись и еле таскаем ноги.

Замучавшись окончательно, присели на подоконник, буквально на пару минут — отдышаться. Сидим, бессильно свесив свои натруженные руки. Замудохались настолько, даже разговаривать не хочется.

Проходящий мимо 3-курсник из 8-й роты с нескрываемым любопытством посматривает на нас — загнанных «минусов» («минус» — курсант 1-го курса обучения, на его левом рукаве, под шевроном, всего одна нашивка). На открытом и дружелюбном лице 3-курсника гуляет легкая добродушная усмешка. Очевидно, глядя на нас, вспомнил себя ушастого и задроченного, на незабываемом 1-м курсе обучения.

Неожиданно он останавливается и ласково спрашивает: "Ребята, случайно из Перми кто-нибудь есть?". Я, устало, подняв глаза и медленно облизав пересохшие губы, ответил: "Есть, случайно я". Да что там ответил?! Не ответил, а еле слышно промямлил, фактически прошептал на последнем издыхании. Парень подходит ближе и опускается передо мной на корточки, не переставая участливо улыбаться, смотрит на мое откровенно жалкое состояние и протягивает руку. Знакомимся.

Оказывается, что мы с ним из одного района, и даже с одной улицы, но учились в соседних школах. Что ни говори, а приятно встретить человека, с которым можно хотя бы мимолетно поболтать о пустяках, которые вызывают исключительно положительные эмоции. Глобальная усталость понемногу и незаметно отступает на задний план. В отупевшем от непривычной и монотонной работы сознании, всплывают приятные картины и позитивные образы из совсем еще недавнего беззаботного периода доучилищной гражданской жизни. Память человека вообще достаточно интересная штукенция. В тот момент, мне отчетливо вспомнились милые для сердца образы

родной улицы, дома, …родителей. Времени прошло совсем «ничего», а кажется, что пролетела целая вечность.

Но, время, отведенное на незапланированный распорядком дня, короткий передых закончилось, и мы расходимся по своим участкам работы. На прощание, Андрей называет меня незнакомым словом — «зёма» и крепко жмет руку. Пока.

Под вечер, вымотавшись окончательно и беспредельно, я с мраморным выражением лица каменной статуи и остекленевшим отсутствующим взглядом, сижу на табуретке, смотрю в «никуда», долго и мучительно собираясь с силами, чтобы заставить себя встать и пойти умыться. А еще желательно переодеться в относительно чистую форму и в идеале — пора бы двигаться в расположение роты, чтобы успеть поприсутствовать, хотя бы формально, на обязательной вечерней поверке. А вставать так не хочется. Услышал бы команду «Отбой», так и рухнул бы с табуретки на бетонный пол столовой и проспал бы без сновидений, как будто в обмороке, часов 20-ть, не меньше.

Глаза предательски слипаются, и секундная стрелка часов неумолимо мотает свои круги, и вставать с табуретки все же надо. Надо, но не хочется.

— Саня, привет, хорошо, что ты еще не ушел. А я тебе сюрприз приготовил. По всей столовой рыскаю, найти пытаюсь. А ты, оказывается, тут отвисаешь. В нирвану провалился?! Не засыпай! Нельзя сейчас спать. А то сознание рубанется, и в это время, пол вдруг неожиданно подпрыгнет кверху и больно треснет тебя по лицу. Уже проходили. Сам на 1-м курсе, асфальтную болезнь поймал. Так же замумукался с непривычки, прислонился к стенке и заснул стоя. А потом, как шмякнулся об пол, чуть нос не сломал. А нам носы ломать нельзя. Для летной работы сломанный нос — запретный шлагбаум. Запомни. Если в драку ввяжешься, нос береги. Слышишь?! Ты давай, глазенки то открывай. Сюрприз!

Услышав голос нового «зёмы», я нехотя разлепил свинцовые веки, устало поднял чугунную голову и обомлел от неожиданной и невиданной картины.

Андрей принес для меня огромный противень еще горячей жареной картошки с аппетитной золотистой корочкой, полбуханки свежайшего мягкого хлеба, большой кусок сливочного масла, полный чайник душистого компота и банку тушенки, покрытую толстенным слоем концентрированного машинного масла. Вот это точно сюрприз всем сюрпризам сюрприз!

Андрей поставил на ближайший стол противень с картошкой, протянул мне чистую ложку и сел рядом на табуретку, открывая

перочинным ножиком банку тушенки.

— Ну, чего задумался?! Налетай, пока картошечка не остыла!

Пока я жадно уминал за обе щеки давно забытую пищу, которая после отвратной каши всевозможных разновидностей, казалась мне божественным нектаром и манной небесной. Довольный произведенным эффектом, «зёма» намазывал прямо на поверхность полбуханки хлеба 200-граммовый кусочек масла, сооружая бесподобный по размеру бутерброд. При этом, он по доброму улыбался и размеренно рассказывал мне «что и как», объясняя нехитрые правила курсантской жизни и давая короткие, немногословные, но очень четкие описания личных качеств тех или иных офицеров училища.

Видя, с какой скоростью, я жадно поглощаю обильную пищу, Андрей не выдержал и громко засмеялся.

— Ээээ зёма, ты давай осторожней. Я понимаю, что большому куску и рот радуется, но ты повнимательней, а то ложку ненароком проглотишь. Держи пальцами крепче и проверяй чаще её наличие в руке. Вопросов нет, у курсанта желудок с оцинкованными стенками, это факт неоспоримый, ложка в результате все равно переварится, но вот недостача военного имущества все же не приветствуется. Ты это… жевать не забывай. Хотя бы через раз, что ли. И куски поменьше от бутерброда откусывай, а то челюсть вывихнешь. Мне аж смотреть страшно, как ты рот широко открываешь. Спокойно можешь в цирке выступать. А что?! Прикинь, хороший аттракцион — смертельный номер, на арене дрессированные курсанты! Звучит?! Выходит офицер в форме, кнутом громко щелкает, а ты прыгаешь на тумбу, и пасть свою безразмерную распахиваешь, как тигра какая-нибудь прожорливая, прости господи. А он туда свою голову закладывать будет, причем, не снимая фуражки. А, действительно, зачем снимать, все равно поместиться. Эффектный номер! Опасный, согласись, куда деваться?! Ладно-ладно, не отвлекайся, ешь, тщательно пережевывая пищу. Давай, и на тушенку налегать не забывай. Кстати, какой у тебя рост? Я тебе второй комплект формы ХБ принесу. Хочешь, могу «стекляшку» с лавсаном принести, она меньше мнется и не так сильно выцветает. Уже подшитую и подогнанную по фигуре. А то вам только одну ХБшку выдали, постираться надумаешь, а она высохнуть не успеет. Короче, второй комплект всегда надо иметь, чтобы в мокром не ходить. Неприятно это и натереть в подмышках и в промежности можно. А енто …уже не просто больно, а очень больно, поверь на слово, проверять на себе не стоит. Потом, еще «подменку» (старая ношеная форма) дам, чтобы в нарядах хорошую одежду не пачкать. Вторые портянки

принесу, ноги береги, грибок подцепишь, потом долго не отвяжешься, хреновая штукенция. Пипец полный, можно гнить заживо. Если что, только шумни, у меня «Микосептина» больше половины тюбика в тумбочке валяется, хорошо помогает.

Когда я подъел все принесенные зёмой продукты питания и выпил целый чайник наваристого компота, Андрей вытащил из внутреннего кармана два хлястика от шинели и молча протянул их мне. Я удивленно захлопал глазами.

— Зачем это?

Зёма добродушно всезнающе ухмыльнулся и дружески похлопал меня по плечу.

— Бери-бери, скоро узнаешь. Береги их, никому не давай. Очень нужная вещь. Дефицитная.

Хлопнув по рукам, я простился с Андреем, и с давно забытым чувством абсолютной сытости, скоренько двинулся в сторону казармы своей родной 4-й роты. Неумолимо приближалось время вечерней поверки, опаздывать было нельзя. Иначе, можно было запросто получить еще пару нарядов вне очереди. А этого, чего-то не очень то и хотелось. Это уже потом наступит такое время, когда суточные наряды по роте воспринимались, как законный повод отдохнуть от учебы или внезапных учений по тактике, а на 1-м курсе, наряды, мягко говоря, совсем не радовали и были откровенно в тягость.

Придя в роту, я в полусонном от опьяняющей сытости состоянии, почти на автопилоте, тупо и не приходя в сознание, простоял вечернюю поверку, вяло выкрикнул свое: «Я!» и быстро умывшись и почистив зубы, завалился спать.

Непосредственно перед самым моментом отхода ко сну, я вытащил из внутреннего кармана гимнастерки два хлястика от шинели, еще раз недоуменно покрутил их в руках и, повинуясь мудрому предупреждению опытного зёмы, запрятал их в глубине своей полевой сумки, которые использовались нами в качестве «школьных портфелей» для переноски конспектов по учебным дисциплинам. Неосознанно выполнив последнее указание своего дорогого Зёмы, я провалился в глубокий и здоровый сон, напрочь забыв о хлястиках.

Через некоторое время в строгом соответствии с годовым календарем наступила осень и всем курсантам 1-го курса обучения выдали новенькие шинели. А дальше началось непонятное и плохо объяснимое.

Буквально на второй день, неожиданно у нескольких ребят из нашей роты, во время плановых занятий в главном учебном корпусе, прямо из раздевалки, пропали хлястики с шинелей. Кому они понадобились, непонятно?! Ведь у каждого из нас на

новеньких шинелях эта часть армейского туалета присутствовала изначально. Тем не менее, факт остается фактом. Более того, на следующий день пропало еще пару хлястиков. Своего рода это был толчок для начала необратимой цепной реакции, которая мгновенно приняла лавинообразный характер.

…И понеслось, как будто прорвало плотину. Хлястики пропадали везде и повсеместно. И в учебных корпусах, и в расположении роты, в медсанчасти, в курсантской столовой и даже в городе на танцах… короче — везде и всюду, где была необходимость снять шинель и выпустить ее из вида хотя бы на короткое время.

Самое смешное и обидное, что ничего не помогало. Никакие ухищрения не давали гарантированных результатов сохранности хлястика. Пришьешь, бывало, хлястик к шинели суровыми нитками в три, а то и в четыре слоя, его срежут вместе с пуговицами и суровыми нитками. Закрутишь пуговицы, которые держать хлястик «авиационной контровочной проволокой диаметром 0,7 миллиметра», вырвут прямо с «мясом» — кусками войлока шинели.

Дело дошло до того, что, зайдя в роту и бросив шинель на табуретку непосредственно у тумбочки дневального, чтобы быстренько посетить туалет, на пару минут буквально по малой нужде. Возвращаешься, бежишь, торопишься, на ходу стряхивая последние капли и заправляя в галифе свое болтающееся из стороны в сторону мужское достоинство, а хлястика на твоей шинели уже нет. И не просто «нет», а как будто и не бывало никогда.

Причем в целой роте из 144 курсантов нет ни одного свидетеля, кто бы видел, чтобы к твоей родной шинельке хоть кто-нибудь, не то что прикасался, а хотя бы приблизился?! Фантастика! Мистика! Но факт оставался фактом. Хлястики стали расходным материалом в прямом смысле этого слова. Вот тут то, я и вспомнил своего дорогого зёму самыми добрыми словами, ибо, лишившись «родного» хлястика, у меня осталось в запасе еще два.

В результате активной и плодотворной деятельности неизвестных злоумышленников, половина роты напоминала "временно беременных". Так как лишенные хлястиков шинели смешно топорщились во все стороны, и курсанты, которые не смогли обеспечить сохранность этого остродефицитного предмета одежды и озабоченные поиском пропавшего хлястика, напоминали объемную небезызвестную куклу — "баба на чайник"!!!

Чтобы спасти свой внешний вид, приходилось самому же

снимать свой личный хлястик, оставляя шинель в раздевалке на вешалке во время занятий или на ночь в раздевалке казармы. Хлястик же в это время для сохранности клался под подушку или под матрас или же ночевал в полевой сумке, надетой на боковую спинку металлической кровати.

Однажды посреди зимней уральской ночи нашу 4-ю роту, как и все остальные роты в 1-м батальоне поднял комбат Серов. Он решил бороться с поголовной пропажей хлястиков суровыми административными мерами — тоесть, нам приказали построиться в центральном коридоре с шинелями в руках и повесить на них «заныканные» хлястики.

Построились. Повесили. Полковник Серов обошел всех и проверил наличие хлястика на шинели у каждого курсанта. Все 144 хлястика были в наличии. Удовлетворенный Пиночет подал команду «Отбой» и отправился в следующую роту, вверенного ему учебного батальона, наводить порядок с хлястиками там.

Команда «Отбой» всегда желанна для любого курсанта и горячо любима, повторять ее два раза никогда не требовалось. Все быстренько и скоропостижно рухнули в свои еще неостывшие койки досматривать неожиданно прерванные сны. Поспали, досмотрели, утром встали, пипец — десятка хлястиков как не бывало!!!

Хлястики стали навязчивой идеей всех и каждого. Их снимали с шинелей друг у друга и соседей по батальону, снимали со старых шинелей, найденных в ротной каптерке и оставшихся от предыдущего выпуска. Тем не менее, хлястики все равно пропадали, как будто они были живые и активно разбегались при малейшей попытке оставить их без присмотра. Хлястики снимали во время увольнений в город в раздевалках многочисленных домов культуры города, где проводились дискотеки для молодежи, причем снимались с большим удовольствием с шинелей курсантов ракетного училища и училища внутренних войск, которые базировались в нашем городе.

Известен случай, когда наши курсанты в количестве 3-х человек пришли на танцы в ДК им. Гагарина и обнаружили там «стратегов» из ракетного училища, лихо отплясывающих на танцполе, которые, пользуясь подавляющим численным преимуществом, с нескрываемой издевкой в голосе, посоветовали нашим парням уносить свои ноги пока целы и пролетать мимо по траверсу «как фанера над Парижем», ибо все девушки уже заняты.

Наши ребята всегда отличались умом и сообразительностью. Нарываться на бесперспективный конфликт было бессмысленно. Инстинкт самосохранения удержал их от желания резко и доходчиво ответить на выпад ракетных острословов или сразу

ввязаться в законную драку. Поэтому, вежливо и церемонно откланявшись, наши ребята, перед отступлением на исходные позиции, заглянули в раздевалку дома культуры и в отместку за необоснованную грубость ракетчиков, сняли все хлястики с их шинелей.

Улов составил 21 хлястик, которые были незамедлительно розданы личному составу 4-й роты под одобрительные улюлюканья и достаточно обидные комментарии в адрес наших вечных «соратников по оружию» из ракетного училища. Мы очень живописно представляли себе их унылые физиономии, когда «стратеги» закончили куражиться на дискотеке и собрались возвращаться в свое училище. Во, мордуленции у них повытягивались, мама не горюй! Ничего, хамов надо учить, в следующий раз будут повежливей.

Хлястики снимали и при сдаче гарнизонного караула у вновь заступившего состава наряда, который уже впрягся в несение дежурства. Естественно, при условии, что нас меняли курсанты из ракетного или «помидорного» училища внутренних войск.

Солдатские хлястики нас не интересовали по определению, ибо сукно солдатских шинелей радикально отличается по цвету от курсантских. Поэтому солдаты Красной армии могли спать спокойно. Они в сферу нашего повышенного интереса, как охотников на шинельные хлястики, просто не входили.

Тем временем, наши безбашенные охламоны, умудрялись привозить из гарнизонного караула от 2-х до 5-ти хлястиков, которые мгновенно расходились по рукам страждущих ребят, профукавших (мягкий вариант) свои родные хлястики.

Все, доставшиеся по наследству от старших курсов обучения, шинели были распущены по швам на куски войлока, из которых в училищном ателье нашили горы запасных хлястиков и распределили во всех ротах 1-го курса поровну. Или по честному?! Не помню, но хватило всем и не по разу.

В результате — уже у каждого курсанта-первокурсника в личной полевой сумке лежало по 2–3 запасных хлястика, 4-й висел на шинелке, пришитый к ней намертво и все равно хлястики продолжали пропадать с патологически безысходной периодичностью. Просто фантастика! Удивительное явление, лежащее за пределами разумного объяснения.

Но самое смешное, что как только мы перешли на 2-й курс обучения, ВСЁ!!! Эпидемия пропажи хлястиков внезапно и самопроизвольно закончилась! Непостижимо, но факт!

Как только на левом плече курсантской шинели, прямо под шевроном, появились две «курсовки» — нашивки, указывающие курс обучения в военном училище, пипец, хлястики перестали

пропадать, причем совсем. Тоесть, абсолютно! Интерес к ним просто сошел «на нет», и они оставались мирно висеть на своих законных местах, независимо от длительности нахождения шинели вне пределов пристального внимания законного хозяина.

Аж даже стало как-то неинтересно учиться. Приходишь в раздевалку после очередного занятия, сердце трепетно колотится в азартном сомнении — сняли хлястик или все же не сняли?! Нет, не сняли. И уже не снимут, 2-й курс, однако. А это уже каста «неприкасаемых», не хухры-мухры. Куда деваться, а жаль, было так весело.

Лишь однажды, у киевлянина Лелика Пономарева, когда он учился уже на 3-м курсе обучения, кто-то из «минусов», по личной дурости, попытался снять хлястик с шинели. Этот неизвестный «потенциальный самоубийца» отстегнул одну пуговицу, удерживающую хлястик и, наверное, уже предчувствовал долгожданный момент скорого обладания дефицитным предметом армейского одеяния, но очевидно его бегающий и мельтешащий вороватый взгляд упал на левый рукав шинели Лелика, где под шевроном висела уже приличная батарея из целых 3-х курсовок.

Злоумышленник, скорее всего, был неприятно удивлен. Он явно оцепенел от ужаса, испытал слабость в коленках, его руки бессильно повисли вдоль тушки и он, потеряв остаток самообладания, панически бежал с места незавершенного преступления. Будем надеяться что, не замочив галифе. Ибо, в нашем военном училище, ребята, переступив порог 3-го курса обучения, были уже кем-то вроде «полубогов» или что-то в этом роде.

Что ни говори, а в авиационном училище уважение к старшим было неотъемлемой частью воспитания и передавалось из поколения в поколение, причем абсолютно ненавязчиво, без каких-либо карательных или унизительных воздействий со стороны старшекурсников. Просто, так было заложено в самих взаимоотношениях между ребятами.

Старший — значит мудрый! Он видел больше тебя, прошел дальше тебя, умеет и знает то, до чего ты, еще пока не добрался, в силу своей молодости и неопытности. И уже только этот факт заслуживает искреннего уважения со стороны младшего поколения. Так было, так есть и так должно быть.

Итак, эпидемия пропажи хлястиков, с момента нашего перехода на 2-й курс неожиданно закончилась. Причем, мгновенно, одним днем. Как будто кто-то невидимый нажал на секретную кнопку. Раз …и все кончилось.

Зато, новый, только набранный 1-й курс ходил как стадо

"поголовно беременных кошелок" в необъятно просторных одеяниях бесформенных шинелей.

И уже мы, повинуясь установившейся традиции, в свою очередь, передавали по наследству своим неопытным и откровенно паникующим «зёмам» из рук в руки по 2–3 остродефицитных хлястика для их шинелей.

4. Гой еси, добры молодцы

Благополучно выдержав «бесконечную» череду вступительных экзаменов и очутившись внутри периметра прочных стен военного училища на правах «постоянной прописки», все ребята, сменив «гражданское» обличие на строгую униформу курсанта ВВС, независимо друг от друга и от уже имеющегося уровня физической подготовки персональной тушки, неожиданно поняли и с несказанным удивлением осознали, что неплохо бы «эту самую физическую подготовку» немного усовершенствовать, радикально усугубить и многократно улучшить.

К такому несколько неожиданному и весьма неприятному открытию привел «массовый поголовный падеж» скота… тьфу, блин, прошу прощения, новоиспеченных защитников Родины естественно, который произошел во время первого же марш-броска в противогазах, с оружием и с полной выкладкой. Курс молодого бойца (КМБ) всё и всех расставил на свои места. Причем, мгновенно.

Чудесным летним утром 4-я рота «обреченно» вышла на «Старт». У каждого курсанта за плечами вещмешок со всякой «хренотенью», на боку болтается брезентовая сумка с противогазом, на поясном ремне висит штык-нож, фляга с водой и подсумок с запасными магазинами, на правом плече — автомат Калашникова. В глазах у каждого сквозит «высокая тоска, необъяснимая словами», в душе прочно поселилось противное чувство страха вперемешку с ощущением фатальной безысходности.

Командир 4-й роты капитан Хорошевский еще умудряется шутить. Садист-извращенец…

— Скажите спасибо, дорогие мои детишечки, что бежите марш-бросок без «бронников» и без касок, то есть, вам несказанно повезло — бежите фактически налегке!

Ну, спасибо, етить твою…! Куда еще «бронники»?! И так все лямки от амуниции в наши плечи больно вдавились…

— А куда бежим, товарищ капитан?

— Не «куда», а «сколько»?! Бежим 10-ку, то есть 10 километров по «офицерским горкам»! Рота, перемотать портянки!

— А почему горки «офицерские»…?

— Сейчас узнаете! Готовы?! Рота, вперед! Не растягиваться, плотнее строй! Зачетное время роты по последнему… Командирам взводов, подгонять отстающих!

Хороший денек, ничего не скажешь! Подняли ни свет ни заря! Навьючили как полковую лошадь всякой тяжеленной хренотенью

— штык-нож и фляга по мужскому достоинству постоянно долбят, того и гляди в «евнухи» переведут. Противогазная сумка по левой ляжке больно стучит, автомат на спине прыгает, а тут еще какими-то «брониками» пугают… Бля, похоже, что к общему «счастью» еще и портянка в сапоге сбилась, вот что за невезуха…

Пробежали километров 5-ть, чуть не померли, с непривычки, честно говоря. Содержимое желудка навязчиво рвется наружу, печень распухла и сочится желчью, селезенка противно «ёкает», ноги горят, соленый пот безжалостно разъедает глаза, кожу в паху и подмышками. Многие парни, особенно «рыхлые» с лишним весом совсем скисли. А ротные офицеры бегут себе легко и непринужденно — сайгаки сраные, как будто в заднице моторчик с биостимулятором у каждого…

— Рота, стой!

Неужели все?! Аллилуйя! Выжил, ура! Сейчас бы повалиться в душистую траву и раскинув руки на манер «морской звезды» лежать бы бесконечно долго, блаженно глядя в голубое небо… нет, еще для полного счастья — сапоги бы скинуть с долбанными портянками… и пусть разопревшие ноги немного передохнут и подышат…

— Рота, перемотать портянки!

Уф, есть в жизни счастье! Какое блаженство перемотать мокрую от пота портянку на сухую сторону. Ноги конечно уже сильно потерлись и в сапоге им весьма неуютно и даже весьма больно, но все же лучше, чем сбившаяся портянка «острым напильником» сдирает кожу на ступне при каждом шаге, причиняя невыносимую боль… Живем, парни…

— Рота, газы!

Что?! Какие в жопу газы?! И так сердце вот-вот из груди выскочит. Натруженные легкие не справляются с вентиляцией измотанного «вусмерть» организма… Какие газы?! Капитан, совсем «ку-ку»?! Мы же сейчас передохнем тут… все… сразу…

Скованная воинской дисциплиной, 4-я рота вяло напялила резиновые презервативы и нас выгнали на вторую часть дистанции — «офицерские горки». И началось — спуск-подъем-спуск-подъем-спуск… подъем …и не было этому ни конца, ни края… Очки противогазов сразу запотели, видимость свелась к нулю.

А герметичная маска противогаза превратилась в импровизированный резиновый бассейн, в котором плескался твой же персональный соленый пот, безжалостно обжигая кожу твоего же собственного лица. Нирвана, блин …переходящая в безысходную гармонию.

Тяжело и бездумно (фактически полностью отключив

сознание — на полном автопилоте и одних инстинктах) передвигая ноги в неподъемных сапожищах, мы продвигались по бесконечной дистанции шаг за шагом… Одной рукой старательно прижимая противогазную сумку к левой ноге, чтобы фильтрующая коробка с выпирающими ребрами жесткости не раздолбила бедро (все равно приличный синячище остался)… Второй рукой, периодически сдвигая штык-нож и флягу с водой в сторону от ременной бляхи и как следствие, от многострадального мужского достоинства, чтобы данные предметы армейской амуниции окончательно не раскололи вдребезги твои персональные яйца… Третьей рукой натягивая лямки вещмешка, чтобы он не размолотил взопревшую и просоленную от пота спину… В четвертой руке, держа на весу тяжеленный автомат Калашникова… Пятой рукой, утирая пот с «загривка»… Шестой… …что-то много рук получается, не находите…

Мы тупо бежали по «бесконечной» дистанции к «эфемерному» финишу. Который как уже казалось, был чем-то нереальным и абсолютно недосягаемым… по крайней мере, не в этой жизни…

Сказать, что до финиша 10-километрового марш-броска добежали не все, значит, ничего не сказать. К долгожданному полотнищу неопределенного цвета с выцветшей надписью «Финиш» самостоятельно приползли далеко не все. Именно «доползли», а не то что «добежали». Кто-то добрался до конца 10-километровой дистанции на четырех костях, благополучно подключив передний мост и воспользовавшись преимуществом полного привода.

Некоторых ребят тупо приволокли за шиворот в полубессознательном состоянии, более выносливые товарищи. Кого-то притащили просто волоком, ухватившись за ноги и за поясной ремень. А в это время его облеванная морда лица, заботливо освобожденная от «удушливого» противогаза (чтобы не захлебнулся бедненький), безжизненно волочилась по земле, оставляя на «проклятом» маршруте длинный след из однородной смеси липких слюней и недавнего содержимого желудка «внезапно уставшего» бойца — скудный рацион училищной столовой в полном объеме нехитрого меню.

Оружие «страдальца», давно выпавшее из его ослабевших ручонок, притащил за финишную линию, естественно, уже кто-то другой — более тягучий и выносливый паренек, но тоже на грани потери личного сознания.

Может создаться превратное мнение, что мол, какой ужас, позор, в армии все поголовные чахлики и слабаки?! А ничего подобного! Каким бы богатырем до училища ты не был, а

попробуй пробежать «свою первую» дистанцию в 10-ть км., да еще с 5-6-ю «чужими» автоматами Калашникова по 3,5 килограмма каждый.

А кто-то из ребят притащил на «финиш» по 3-4-ре «чужих» вещмешка, при этом, «допинывая» на манер футбольного мяча 5-й мешок, на который банально не хватило рук. Кто-то из ребят вывалил на долгожданном финише груду «ничейных» противогазов, сорванных на дистанции с «бездыханных» сокурсников…

Уф! «Добежали» все! Фиг с ним, что рота не уложилась в норматив, но что откровенно радует — ничего не потеряли и никого не бросили! Вот так и зарождается армейское братство — своих не бросаем! А бегать марш-броски мы еще научимся, но чуть позже, не сейчас, не сегодня…

А сейчас, ноги подкашиваются и во рту противный горький привкус… и пот в три ручья, и пить ужасно хочется, а воды во флягах нет. Вылили воду еще на дистанции, чтобы бежать было полегче. 800 грамм воды — это, я вам скажу, просто кошмарно-паразитный вес, от которого надо было срочно избавиться! Особенно когда этот самый вес, находясь в твердой оболочке армейской фляжки, монотонно молотит по твоим же персональным яйцам. А это очень неприятно и больно, поверьте на слово!

А на финише, как этой водички не хватает?! Мама дорогая! Горло пересохшее сейчас бы прополоскать и глазенки воспаленные, разъеденные соленым потом промыть бы… И горечь противная во рту, тьфу… а слюны то и нет …даже сплюнуть нечем… эх, водичка-водичка… и зачем ее только из фляжки собственноручно вылил…?!…о чем думал?!…вот бы ее сейчас сюда, на пересохшие губы…

На финише, толпа «выживших» и от этого безмерно счастливых курсантов спонтанно и дружно повалилась прямо в дорожную пыль на бесчувственные тела «ранее скончавшихся» товариСТЧей, создавая хаотичную «кучу мала» из «винегрета» бездыханных тел, свалки «бесхозного» оружия, «ничейных» противогазов и «незнамо чьих» вещмешков.

Уф, выжили! Аж не верится… Правда, кто-то из ребят блюет желчью в ближайших кустах, кому-то суют в нос ватку с нашатырным спиртом… Но «это» такие мелочи! Живой… а сердечко так и норовит из груди выскочить… И ноги стерты до кровавых мозолей проклятыми портянками в неподъемных противотанковых сапогах… и настроение, мягко говоря, достаточно поганое…

Лежишь в общей куче на ком-то слабо шевелящемся и тяжело

дыша, с тоской и эмоциональным надрывом лихорадочно думаешь… Вот что за хрень?! Господи, и зачем мне все это?! Вот какого хуля, я поперся в это военное училище?! Оно мне надо?! Сидел бы сейчас в каком-нибудь гражданском институте на «галерке» уютной аудитории, незаметно для лектора сосал бы вкусное «жигулевское» пиво уже из 3-й бутылки, расписывая партию увлекательного преферанса. И старательно протирая джинсы на персональной заднице, бросал бы откровенно похотливые взгляды на загорелые стройные ножки смазливой девчонки… Эх, красота…

Звучит отвратная команда: «Рота, строится!» Твою то мать, а вставать из приветливой и комфортной дорожной пыли так не хочется! Лежал бы себе тут «недвижимым телом» прямо до пенсии… но, надо вставать.

Опираясь на крепкую руку, протянутую чеченцем Золманом, нехотя отрываю свою задницу от горячей и рассохшейся на многочисленные трещины земли. Лето на Урале, жара за 30-ть, а у нас КМБ! Сбылась мечта идиота! You are in army now! Так мне и надо! Дураков надо учить…

Ладно, сопли вытерли, желчь сплюнули, дурные мысли в сторону! Выжили и, слава Богу! Мужики! Мы — мужики! Мужчины, а не какие-то там дохлики!!! Добежал до финиша?! Значит, я могу! Сумел! Добежал сам, самостоятельно… Вынес! Сдюжил! Кстати, а почему у меня в руках два автомата?! Это я еще второй автомат доволок?! Оп-па! Да я еще и герой — помог ближнему?! Есть повод для гордости! Живем, парни!

— Мужики, чей автомат?! Заберите, за ради Бога…

Вот именно тут — на финише бесконечной дистанции проклятого марш-броска на 10 километров до нас впервые дошла вся гениальность армейского уставного порядка — нашивать на все предметы военной амуниции таблички с фамилиями их владельцев.

После пересечения линии финиша и при маломальском возвращении личного сознания в персональную тушку, курсанты-первогодки (в обиходе «минуса») немного отдышались, щедро размазывая слюни, сопли, вперемешку с недавним завтраком по своим щекам и рукавам гимнастерок. Наличие носового платка с успехом заменяла личная пилотка, реже — пилотка соседа, еще реже — портянки, причем, исключительно свои и никак иначе, … если чужие, то лишь в результате фатальной ошибки.

Итак, перед построением мы начали вытаскивать из общей кучи армейской амуниции, хаотично сваленной на финише, «свои» мешки, «свои» противогазы и «свои» автоматы, сравнивая при этом увлекательном процессе сортировки, свою фамилию с

фамилией, написанной на бирках, накрепко пришитых суровыми нитками к брезентовым сумкам противогазов и внешней стороне вещмешков.

С автоматами было немного сложнее, т. к. их серийные номера мы запомнить еще не успели, то приходилось периодически сверяться с записью в личном «Военном билете».

По мере уменьшения «кучи малы», периодически попадались тела «бездыханных бойцов», заваленных впопыхах сверху всевозможной армейской утварью. Ребят откапывали, приводили в чувство и ставили в строй.

В результате, с величайшим трудом разобравшись «где чьё», мы в откровенно потрепанном состоянии, но с зарождающимся чувством гордости за себя любимых, вернулись в казарму.

Видок у ребят был — мама не горюй! Тем не менее, среди нас оказались парни, которые не просто благополучно пережили изматывающий марш-бросок на длинную дистанцию по летней жаре за 30-ть градусов в тяжеленных сапогах и удушливых противогазах, но и помогли «добраться» до конца дистанции менее выносливым товариСТЧам. А некоторые парни, пересекли линию финиша, обвешанные «чужой» амуницией с ног до головы и при этом не показывали даже малейших признаков физической усталости. Фантастика!

Среди таких «самородков» оказалось немало ребят с Кавказа — азербайджанец Фахраддин (в миру Федя), чеченец Золман, осетин Илья и прочие достойные представители «нерусской национальности». Также достаточно тягучими и двужильными проявили себя ребята с Украины.

Эти парни переносили любой уровень физической нагрузки легко и непринужденно. Как бы играя и особо не напрягаясь. Удивительно, но факт. Самое удивительное, что эти ребята в один голос утверждали, что спортом никогда особо не увлекались и в различных секциях не занимались, тем не менее, их результаты по физ. подготовке были впечатляющими.

Такое несколько неожиданное открытие подвигло остальных ребят в шок и вдохновило радикально заняться своей физической формой, дабы хоть немного подтянуться к более выносливым курсантам. Стыдно быть слабым и немощным. И в ближайших кустах блевать желчью тоже стыдно. Мужики мы или кто?! Надо будет на досуге поработать над собой и занять достойное место в ряду «настоящих реальных» парней, а не в куче слабаков и хиляков, валяющихся на финишной линии бездыханными тушками, иначе стыдно. Стыдно и недостойно звания мужчины!

Тем более, наличие в училище ВВС огромного количества шикарных спортгородков с разнообразным спортинвентарем

этому всячески способствовало. Мудрое руководство военного училища повсеместно понатыкало всевозможных полос препятствий, просторных стадионов со спортплощадками и компактных спортгородков по всей территории училища в неимоверном количестве, радикально превышающем все разумные нормы. Спортивных объектов в училище ВВС было просто в избытке. Ко всему прочему, в каждой роте был еще свой спортивный уголок, оборудованный всевозможными штангами, гирями, гантелями и тренажерами. Мол, занимайтесь, дорогие детишечки, на здоровье! Укрепляйте свою мышечную систему, стравливайте пар избыточной потенции по мере надобности и при острой необходимости. Растите так сказать над собой, с благой целью знатно посрамить НАТОвских солдат и еже с ними, голливудских культуристов «а-ля-Рэмбо».

К тому же, честно говоря, монотонность и однообразие армейской жизни надоедали и угнетали до такой степени, что хотелось использовать любую возможность, чтобы тупо убить время до наступления «вечерней проверки» с единственной целью услышать самую любимую команду для любого военного «Отбой!».

Услышать и забыться в сладком сне со смутной надеждой на яркие эротические грезы с участием сексапильной мадамы, желательно Мишель Мерсье — исполнительницы главной женской роли в общеизвестном кинофильме «Анжелика».

А куда деваться?! Строгая изоляция в периметре училища, отсутствие полноценной возможности вплотную пообщаться с представительницами противоположного пола, постоянное буйство гормонов и т. д. и т. п. Опять же милый нашему сердцу, дорогой Пиночет (комбат 1-го учебного батальона полковник Серов), в который раз «наглухо» закрыл все увольнения в город. Извращенец, чтоб ему…

Ну, а пока, все желающие, дабы не погрязнуть в остром приступе онанизма, изнуряли себя продолжительными занятиями в спортуголке роты и тягали ….и тягали …и тягали на свой худосочный пупок тяжелое железо.

Почему на худосочный?! А на первом курсе при перестройке организма с домашнего питания, ориентированного исключительно на удовлетворение капризных запросов «радости всего семейства», на казенный рацион, состоящий из обильной разновидности всевозможных каш, круп и нетленного бигуса, все ребята катастрофически похудели, габариты заострились, мослы и кости живописно выперли наружу. Курсанты, почти все как один, напоминали наглядное учебное пособие по анатомии для изучения скелета человека.

Но, естественно из общего правила есть редкие исключения. Один из них — сержант 42-го классного отделения со смешной фамилией Гвинтовка (подпольная кличка — «Винчестер»). Сержант был великолепен, что и говорить. Рост в районе 185 см., узкие бедра, широкие плечи, исключительно гармонично развитая рельефная мускулатура. Парнишка пришел в училище после года службы в армии и поэтому свой нос в курсантской столовой брезгливо не воротил, а спокойно и даже с завидным аппетитом поглощал все убогие изыски армейских поваров. Когда все остальные ребята катастрофически теряли свою массу, Гвинтовка уверенно набирал вес, который затем благополучно перегонял в свои роскошные объемные мышцы.

Чего греха таить, у сержанта Гвинтовки, фигура была на зависть не только нам всем, но и знаменитому Арнольду Шварценеггеру, который именно из-за острого приступа зависти к сержанту Гвинтовке обожрался анаболиками буквально пачками и чуть не помер от цирроза печени, не иначе.

Естественно и в 4-й роте у Винчестера сразу же появились преданные фанаты и восторженные последователи, которые буквально смотрели в рот своему кумиру, наивно полагая, что если будут старательно подавать ему штангу в спортуголке роты для выполнения упражнения «жим лежа», то и сами непременно станут такого же богатырского телосложения. Ребята из «фэн-клуба Винчестера» все свободное время проводили в «качалке», бездарно высушивая свои худосочные тельца до толщины пергаментной бумаги, без малейшей надежды приблизиться к своему кумиру. А почему?! А потому, что кушать надо было кашку в курсантской столовой! Ку-шать! Кушать, а не брезгливо нос воротить!

А на первом курсе кушать кашку было ой, как противно! Бунтовала душа и желудок всячески противился принимать в свои недра такую отвратную гадость как армейская кашка, что перловая, что пшенная, что сечка, что…! Тьфу на нее! Тьфу, на них! А Гвинтовка кушал, причем, за обе щеки. И щеки у него были, будь здоров — гораздо шире самой морды остального лица, включая пилотку, зимнюю шапку и даже фуражку.

Но, как уже ранее отмечалось, в природе-матушке встречаются еще и редкие «самородки» — с виду абсолютно неказистые ребята, но с фантастической силой и умопомрачительной выносливостью. Как правило, эти парни не отличаются ярко выраженной мускулатурой. Они зачастую немного мешковатые но, тем не менее, обладают невиданной силой. НЕВИДАННОЙ!

Скрытые богатыри, одним словом! И что характерно, эти

парни все как один, как правило, неимоверно добродушные и абсолютно спокойные.

Итак. Вечер. 4-я рота после отвратного ужина с хитом программы — неизменно мерзопакостным бигусом (см. «Бигус») имеет пару десятков минут личного времени. Курсанты заняты «кто, чем придется».

Азербайджанец Фахраддин Мирзалиев, весь ссутулившийся и сгорбившись почти с три погибели, в растянутой майке и в безразмерном галифе шел в дальний туалет казармы мимо спортуголка, противно шаркая по полу тапочками 42-го размера, которые с величайшим трудом налезли на ножку 48-го (или даже 50-го, сейчас уже не помню, простите) размера. Стоит отметить, что у Феди была ножка как у легендарной Золушки, только наоборот — 48-50-й размер (все сапоги и ботинки шили для Феди-Фахраддина по спецзаказу, т. к. в армии такой обуви никогда не было).

Сержант Гвинтовка, в это время, возлежал на тренажере и работал жим штангой от груди из положения лежа. Двое ребят из преданной «массовки» подобострастно и с благоговейным придыханием подавали и принимали тяжелую штангу из рук своего кумира.

Федя, осторожно протискиваясь в узком коридоре казармы, своим оттопыренным локтем (рука ведь засунута глубоко в карман галифе, поймите правильно) нечаянно цепляет оконечность грифа штанги. Винчестер из последних сил пытаясь удержать приличный вес штанги на вытянутых руках, теряет равновесие и дабы не получить травму руки (вывих или еще чего посерьезней) неимоверным усилием отбрасывает штангу через свою голову на пол. Грохот неимоверный. Массовка еле успела отпрыгнуть в разные стороны.

Штанга покатилась по коридору казармы прямо на Фахраддина. А тот не вынимая рук из кармана, с трудом вытащил ножку 48-50-го размера из тапочка 42-го размера и небрежно остановил движение штанги ступней своей босой ноги.

Раздраженный сержант сел на скамейке и угрожающе рявкнул.

— Совсем охренел, обезьяна горбатая?! Куда прешь как баран?! Чуть не покалечился из-за тебя! А ну подай сюда штангу, если сможешь, конечно, и пупок не развяжется…

На грохот металла в дальнем коридоре казармы сбежался почти весь личный состав 4-й роты, включая дежурного офицера лейтенанта Зайчика. В результате, 144 человека увидели следующую картину.

Федя Мирзалиев, откровенно плохо ориентируясь в русском

языке (официальном государственном языке, прошу заметить) но, все-таки смутно осознавая по тембру голоса возмущенного сержанта Гвинтовки, что тот проявляет некое недовольство и, наверное, даже сомневается в его «мужских способностях» (а для нац. кадров «это» святое), вынул одну руку из кармана и, согнувшись в поясе, взялся за гриф штанги четко посередине. Затем, натужно крякнув, Фахраддин разогнул свою спину, приняв вертикальное положение. Штанга описав окружность концами грифа, мягко легла на плечо курсанта Мирзалиева. Сверкнув черными как уголь глазами, Фахраддин одной рукой выжал штангу у себя над головой. При этом вторая его рука продолжала оставаться в кармане галифе. Толпа курсантов замерла, в воздухе повисла тишина.

Зафиксировав четкое положение снаряда на вытянутой руке, Федя мило улыбнувшись, небрежно бросил штангу на пол (рискуя проломить пол и обрушить потолок у соседей снизу — в 5-й роте). Под откровенно изумленные взгляды курсантов 4-й роты, Федор снисходительно пробурчал.

— Вот так, мальчишки!

Живописно шаркая ножками 48-50-го размера в тапочках 42-го, Мирзалиев потопал дальше — в туалет.

Сержант Гвинтовка благополучно прикусил свой язык и сразу расхотел заниматься на тренажере. Причем, навсегда! Кроме шуток! На протяжении всего срока обучения в военном училище, Винчестер ни разу не был замечен со штангой в руках. Наверное, он мгновенно понял и осознал всю бесперспективность своих занятий в «качалке» и поэтому благополучно переключился на турник и брусья, развивая не только силу, но гибкость и ловкость…

Разбирая штангу, ребята из «массовки» посчитали общий суммарный вес снаряда и тихо ужаснулись, т. к. получалось что-то в районе 100-110-ти килограмм!!! Если они и ошиблись, то совсем ненамного. И «этот» вес, Фахраддин выжал одной рукой!!! Фантастика!

Что характерно, Федя действительно показывал чудеса физической силы и выносливости. При проведении погрузо-разгрузочных работ ему не было равных. Он работал с выносливостью механической машины, совершенно не нуждаясь в «перекурах» и паузах на отдых. Богатырь, куда деваться!

А когда ему показали пару приемов из классической борьбы, Федя понял, что «многое пропустил в своей жизни». Немного позанимавшись на борцовском ковре с сержантом 45-го классного отделения Валерой Гнедовским (КМС по борьбе), Федя Мирзалиев прочно занял вершину пьедестала в своей весовой категории и не

уступил его до самого выпуска из училища ВВС. Равных и авторитетов для него не было. Федору было достаточно ухватиться за противника и, борцовский поединок мгновенно заканчивался. Фахраддин тупо заламывал своего противника или, оторвав его от ковра, покрутив в воздухе как некую пушинку, бросал на лопатки, не обращая ни малейшего внимания на попытки «жертвы» поспорить или оказать сопротивление, не говоря уже про желание провести какой-либо прием.

p. s. Обладая недюжинной силой и неимоверно уравновешенным нравом, Федя всячески тянулся и к научно-техническим достижениям цивилизации. В 45-м классном отделении он был «ответственным хранителем» общественного магнитофона, радиоприемников, бурбуляторов (см. «Закон Ома») и фотоаппарата «Зенит» — официально запрещенная роскошь. Фахраддин стремился быть гармонично развитой личностью, поэтому с охотой брался чинить все, что было связано с электричеством…

Как-то Федя чинил неисправную розетку в туалете. Щупа-пробника с неоновой лампочкой для определения наличия электрической фазы у него естественно не было. Поэтому Федя, опасливо выглядывая из-за угла помещения, максимально вытягивал руку, предварительно послюнявив кончик своего пальца …и многократно пощупав оголенный провод, панически убегал в коридор, как будто электрическая фаза могла его догнать?! И смех и грех, но Федя старался и успешно осваивал непривычные для себя сферы деятельности.

При этом Федя оставался большим и добродушным ребенком, который никогда ни с кем не спорил и не цеплялся, но всегда первым бросался разнимать не в меру «зарвавшихся ястребов».

Когда в стране начался дележ Нагорного Карабаха, азербайджанец Фахраддин Мирзалиев продолжал оставаться лучшим другом для армянина Эдварда Серобяна. Никакие «новомодные политические веяния в стране» не могли повлиять на его уважительное отношение к сослуживцам и разрушить преданную мужскую дружбу.

Не знаю почему, но воспоминания о «добром азербайджанском увальне» всегда отзываются в моем сердце какой-то особенной теплотой!

Тот же Федор, до самого выпуска из училища, на каждом марш-броске регулярно помогая менее выносливым товарищам, пересекал линию финиша, притаскивая еще пару-тройку «чужих» автоматов в нагрузку к своему тяжеленному пулемету, которым его «наградили» как самого сильного в 4-й роте.

А как Фахраддин отметил свою «неожиданную» свадьбу, это

отдельная история (см. "Особенности национального менталитета")

5. Разновидность половой жизни

Когда мы учились в военном училище то, честно говоря, нас частенько раздражал постоянный, тотальный и неусыпный контроль, со стороны офицеров и прочих отцов-командиров, при почти полном отсутствии свободного времени и личной жизни.

Распорядок дня был составлен с такой профессиональной и продуманной изощренностью, что даже на туалет отводилось минимально необходимое для этой процедуры время. Мы, постоянно, были чем-то заняты.

Подъем «ни свет, ни заря», утренняя зарядка до изнеможения — бегом вокруг училища, уборка и наведение порядка на закрепленной территории, уборка кроватей и спального помещения, утренний туалет, построение с проверкой внешнего вида и готовности к занятиям. Затем, бегом на завтрак, прием вовнутрь скудного рациона питания, построение на плацу для развода на учебные занятия. Затем, собственно, сами занятия, напряженные и насыщенные. Между учебными парами были незаметные переменки, настолько короткими, что времени хватало только на быстрый переход из одной аудитории в другую или учебный корпус. Покурить, и размять язык было некогда. Многие из нас, кстати, бросили обе эти пагубные привычки — курить и трепать языком.

После занятий, бегом в роту и построение на обед. Обед происходил в хронической патологической спешке, пища лихорадочно забрасывалась вовнутрь организма фактически не пережеванной. Создавалось такое впечатление, что буквально через пару минут, в мире начнется ядерная война, ракеты уже летят, и мы должны успеть опустошить свои тарелки до ее начала, чтобы бегом занять свои места по боевому расчету училища. Но, слава политикам, война никак не начиналась, но все равно, упорно ждали ее начало фактически по пять раз на день.

После обеда, опять бегом в роту, сменить учебники и тетради. Пока бежишь из столовой в расположение роты, слышно, как в желудке плещется не менее скудный, чем завтрак — рацион обеда. Создавалось устойчивое впечатление, что в армии, все и всегда, куда-то спешат и постоянно опаздывают. В училище постоянно царил хаос, мельтешение, нервозность, суета и беготня.

Далее, сортировка — кто-то в наряд, кто-то — в караул, кто-то — на работы. Остальные, опять, на плац, бегом — построение для развода на самоподготовку.

Самоподготовка — коротка передышка и возможность тупо спокойно посидеть и собраться со своими мыслями, что-то прочитать, выучить учебный материал, написать письмо, вздремнуть или просто, временно отключить утомленное и задроченное сознание.

После самоподготовки, опять в роту, желательно, а вообще-то какой там «желательно» …. бегом. В казарме снова, в очередной раз построились, и на ужин. Бегом!

Бегом! Бегом! Бегом! Самая распространенная команда, что мы слышали в периметре нашей незабвенной альма-матер — «Бегом!» На первом курсе, нам казалось, что мы поступили не в авиационное училище, а в конно-спортивное. Но вся эта бесконечная беготня оказалась еще «цветочками», «ягодки» начались на втором курсе обучения, когда наш «кавалерийский эскадрон с авиационным уклоном» начали усиленно готовить к спортивному смотру в масштабе всех ВУЗов страны, но это уже отдельная история. .

А вот, после ужина, тут уже относительно неспешная романтическая прогулка по училищу, но опять же, исключительно, строем и с песней. После замечательного променада и вечернего моциона, очередное построение в роте и коллективный просмотр очень познавательной программы «Время», но не более.

Кинофильмы и развлекательные передачи — непозволительная роскошь. Время, отведенное для просмотра телевизора, с патологической жестокостью совпадало с вещанием по 1-му ТВ каналу такой чудесной и занимательной информационной программы «Время». Тихий восторг! И так изо дня в день, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом.

Содержимое данной замечательной передачи, напоминало диагноз психического расстройства «Дежавю» — было ранее, когда-то уже видел, ничего нового. Зеленая скукота, местами переходящая в отвращение. Нирвана!

Информационный голод, просто и жестоко свирепствовал. Приемники строго запрещены, магнитофоны — предательство! Затертые в хлам книги и журналы передавались из рук в руки тайно, по предварительной секретной записи со строгим соблюдением всех мер и средств конспирации.

С началом политических метаморфоз в стране — ускорение, перестройка и прочие политические бредни, длительность просмотра телепередач была увеличена, ровно, на время вещании исключительно нужной программы «Прожектор перестройки». Которая в курсантской среде именовалась не иначе как — «Лучина развала».

«Прожектор перестройки» — это те же яйца, что и программа «Время», только вид с боку. Создавалось полное впечатления законченного «дурдома», ибо в «Лучине развала» те же самые дикторы из предыдущей программы «Время», но уже в других костюмах, восторженно и в более высоком темпе, бодренько и шустренько, пересказывали краткое содержание, только что закончившейся всеми обожаемой и любимой передачи «Время», почти слово в слово. Неописуемый восторг!

Затем, уборка закрепленной территории до заката солнца или уже после него — все зависит от времени года. Зимой, солнце, естественно, заходит за горизонт гораздо раньше, чем заканчивается плановая уборка закрепленной за каждой ротой необъятной территории родного училища.

И, наконец, долгожданная вечерняя поверка, минут на сорок, а то и на часик, в зависимости от настроения дежурного офицера, а вечерний туалет — 10 минут на 144 человека. По принципу — кто не успел, тот опоздал. И долгожданный отбой — всем спать! Но, не факт!

Опять же, в зависимости от настроения дежурного офицера, возможна очень интересная и глубоко интеллектуальная игра — «три скрипа». Это когда, замотанные за день курсанты, упав, почти замертво, на свои древние койки с растянутыми почти до самого пола панцирными сетками, но теме не менее — такие уютные и желанные, дружно зависают и замирают, боясь пошевелиться. Ибо, дежурное чучело, с погонами офицера, услышав три любых скрипа в огромном спальном помещении на полторы сотни человек, незамедлительно, с поганенькими шуточками и смехуечичками, поднимает весь личный состав роты — все 144 человека и манежит их до потери чувств, до полного изнеможения, последовательным чередованием команд: «Подъем» и «Отбой».

До тошноты, до рвоты, или пока сам не устанет, бедненький. Пока, головушка у него не закружится от хаотичного мельтешения курсантов. Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Пока не надоест ему — горячо любимому всеми нами начальничку, наблюдать вид полуголой и вспотевшей от усердия полуторасотенной мужской толпы, истово носящейся в казарме из спального помещения в центральный коридор и обратно. В коридор и обратно, в коридор и обратно, туда-сюда, туда-сюда.

Побегали часик?! Ну ладно, смотрю притомились, соколики?! Дышите тяжеловато и гимнастерки мокрые от пота, солевые разводы на спинах выступили?! Ну, ладненько. На сегодня достаточно, теперь так и быть: «Отбой, 45 секунд, время пошло! Бегом! Кто не понял?! В три скрипа играть хотите?!»

И так, каждый день, неделя за неделей, из месяца в месяц, до полугода с перерывом на сессию и короткий отпуск домой. А потом, опять, все сначала, с небольшими вариациями по нарядам, караулам, хозяйственным работам и масштабной уборке снега на обширной закрепленной территории, да после обильных осадков, да аж до самого асфальта, да еще …. И ни минуты свободного времени.

Кто-то удивленно воскликнет: «Постойте, любезный, но бывает суббота и, временами случается воскресенье, а так же, всевозможные праздники?!». Все верно! Но суббота — полнокровный учебный день, с той разницей, что вместо самоподготовки, в роте начинается парко-хозяйственный день, иначе — половая жизнь.

Половая жизнь — не то, что вы подумали! Это ее особая, специфическая разновидность. Половая жизнь, в армейской интерпретации — это особый вид извращенной пытки, родившийся в гипертрофированном сознании дегенеративно-архаически слабоумного военноначальника с признаками прогрессирующей импотенции.

Итак, из помещения выносятся все кровати и тумбочки. Прямо на улицу, если нет жидких осадков, естественно. Снег — не жидкие осадки, значит, на улицу. 144-ре кровати, 72 тумбочки (одна тумбочка на двоих). Все это — через узкую лестницу, со второго этажа. Через эту же лестницу, таскают свое имущество соседи сверху и соседи снизу. Выход из здания один, общий на три роты. Толчея страшная! Хаос, столкновения, дорожно-транспортные происшествия, разборки, шум, гам … Бред!!! А, никто не обещал, что будет легко! Вперед, быстрее! До построения осталось 4 минуты 37 секунд, время пошло, опоздавшие будут наказаны! Бегом!

Построились, посчитались, проверились. Все в наличии?! Все! Продолжаем ПХД, начинаем мыть полы. Телевизор включить?! Чтобы повеселей было?! Ага, размечтались, отвлекаться начнете, производительность снизится! Да и не положено телевизор включать, не время. В распорядке дня, какое время указано? Правильно, 21.00 — программа «Время» и 21.45 — «Прожектор перестройки». Вопросы?! Недовольные могут писать жалобы в ООН, Пересу де Куэлеру. Все, разговоры прекратить, приступить к влажной уборке.

Итак. Хозяйственное мыло нарезается тоньше лапши и взбивается в ведрах с водой до состояния идеальной однородной пенной субстанции. В качестве миксера для создания однородной массы, используется обычная штыковая лопата и мышечная сила рук.

С полов тщательно соскребается, натертая до зеркального блеска вонючая мастика, которая пролежала на полу семь календарных дней. Соскребается острыми кромками битого стекла. Работа кропотливая и скрупулезная. Когда грязно-вонючая маргариноподобная дрянь собрана, то стекла желательно очистить, они еще пригодятся. Потом, полы заливаются приготовленным раствором, дополнительно мылятся и натираются сапожными щетками до образования пены, обильности которой позавидует самый искусный брадобрей. Вода льется рекой. Основная часть воды, собирается тряпками в ведра, а затем, вся эта вспененная грязь, соскребается, все теми же осколками стекла и оттирается досуха, до идеально белого цвета натурального дерева. Острые края битого стекла становятся закругленными и абсолютно безопасными. Осколков стекла частенько не хватает, дефицит, надо искать, а то может не хватить. Площадь пола в казарме впечатляющая. Эхо гуляет.

Офицер, появляющийся временами для контроля этапов уборки, тыкает носом в оставшиеся серые пятнышки. Его не волнует, что этим полам а, следовательно, и доскам уже более 45-ти лет. Выбора нет, поскребем и дочистим! В результате, пол принимает идеально белый, с легким желтоватым оттенком — натуральный цвет дерева.

Структуру волокон дерева отлично видно, ее можно изучать и сравнивать. Сами доски затерты до феноменальной гладкости, занозу посадить невозможно! Шероховатость — ноль!

Затем, на это, сияющее чистотой, великолепие, на фактуру натурального дерева, из ржавых металлических банок образца 1962 года, вываливается скользкая и противная масса вонючей мастики, которая равномерно растирается до тончайшего слоя в толщину пару-тройку микрон. Толще нельзя, будет скользко и небезопасно. А затем, кусками войлока от старых шинелей и валенок, вся огромная площадь казарменных полов натирается до зеркального блеска.

Очевидно, кто-то из читателей удивится и задаст резонный вопрос: «Нахрена, вся эта мутотень и онанизм с мастикой?!» И будет абсолютно прав. Более того, придя в училище курсантом, я застал идеально покрашенные полы. Они благородно мерцали толстенным слоем замечательной половой краски. Мыть их было одно удовольствие. Провел слегка влажной тряпкой и полы засверкали. Красота.

Эту краску невозможно было повредить ни грубыми сапогами с подковками, ни волочением тяжеленных металлических предметов. Покрытие пола вызывало трепетное благоговение и восхищение.

Но роль личности в истории чрезвычайно высока. Все метаморфозы и радикальные потрясения в армейской среде происходят исключительно под воздействием капризов или амбиций личности, обличенной властью.

Однажды, в училище началась всеобщая паника, переходящая в истерику. Все офицеры страшно нервничали и жутко переживали. Оказывается, нас решил посетить, сам — начальник ВУЗ ВВС генерал-майор Горелов. Атас! Туши свет!

Доморощенные лизоблюды и холуи, через его адъютанта выяснили, что грозный генерал — поборник экологически чистых материалов типа: дерева, металла, асфальта. Писец!

Училище бросило учебу и перешло на круглосуточный режим подготовки к встрече дорогого и долгожданного гостя. Кому повезло, те круглосуточно долбили метровый лед на дорогах и в результате титанических усилий, героически очистили всю территорию родного училища от многометровых залежей снега, до асфальта. Снежные сугробы были выровнены до идеально квадратной формы. Грани этих импровизированных кубов и параллелепипедов были настолько остры, что казалось: «прикоснись, порежешься».

На всех дорогах, дорожках, тропинках, а так же на гигантском плацу, везде, куда не кинь взор, везде чернел асфальт. Вопреки и назло суровой уральской зиме.

Жаль, траву не покрасили и листья к веткам на деревьях не приклеили. Нормальненько бы так смотрелось — в декабре нет снега, и травка с листочками зеленеется. Но, наше руководство утвердило лишь промежуточный вариант — это зима без снега. Нету снега зимой на Урале! Нету, и никогда не было! А если и падает, то исключительно мимо асфальта. Не ложиться снег на асфальт, сдувает его наверно?!

Тем, кому не повезло, довелось отскребать от полов, уложенных еще в 1943 году немецкими пленными строителями, замечательную половую краску. Уверен, такую краску, сейчас не производят. Это была супер краска. Ее скребли лопатами, так как стеклышки ее просто не брали, даже царапин на полу не оставляли.

Технология использования лопаты была следующая — к штыковой лопате в месте соединения черенка с металлической частью, привязывалась прочная парашютная стропа. Лопата ставилась на пол под углом штыка в 20-25-ть градусов, не более. В кончик черенка упирался своей грудью крепкий курсант. Верхом на лопату, становился балласт — второй курсант, он становился ногами на кромку штыка лопаты и, ухватившись обеими руками за черенок, для поддержания своего шаткого

равновесия и всячески старался не упасть на пол. За концы парашютной стропы цеплялись по два курсанта с каждой стороны, по типу бурлаков и вся эта конструкция начинала свое поступательное движение, которое сопровождалось душераздирающим скрежетом и визгом. При удачном раскладе, удавалось содрать до метра краски, шириной в 1,5–2 сантиметра. И так далее, без конца и края, мы вспахивали идеальное покрытие нашего пола.

Краска отчаянно сопротивлялась. Она быстро приводила в негодность стекла, делая их поверхность тупой и гладкой, стойко сопротивлялась и воздействию на себя импровизированного плуга — штык лопаты тоже быстро терял заточку и жалко скользил по поверхности крашенного пола. В порыве безысходности и отчаяния, мы изобретали все новые способы борьбы со стойким противником.

Эту краску пробовали разогревать утюгами. В результате, спалили в роте все утюги. Запороли циклевальную машину, задрочился весь личный состав. Форменное безумие.

На исходе третьих бессонных суток, окончательно одуревая от усталости и поэтому, потеряв всякий страх и инстинкт самосохранения, к Пиночету четким строевым шагом подошел курсант-первокурсник и внес рациональное предложение.

Обалдевший от такой невиданной наглости, Пиночет хотел, было показательно изнасиловать наглеца, но, осознав всю гениальность предложения, окинув смелого парня с ног до лысой головы с оттопыренными ушами, своими воспаленными от усталости глазами, принялся обнимать. Мы были спасены.

Ушастый первокурсник предложил не шкрябать, и отдирать феноменальную краску от пола, а просто и тупо, перевернуть сами доски. Аллилуйя! Все вооружились ломиками, фомками, гвоздодерами и работа закипела с новой силой. Единый порыв энтузиазма, сделал свое дело. Мы истово работали за возможность реализовать свое попранное право на сон.

Вот так, в наших казармах появился девственно деревянный пол. А чтобы он не чернел от времени, мудрое командование решило, после предъявления деревянного пола высокому гостю из Москвы, потом уже натирать его мастикой, которая хранилась на складах еще со времен татаро-монгольского нашествия на Русь.

Кстати, как это обычно и случается, грозный генерал из Москвы не приехал, точнее не доехал, по причине глубокого беспробудного запоя в другом проверяемом им училище. Честь и хвала начальнику этого училища!

Возвращаемся к технологии половой жизни. Далее, пол натирается кусками войлока и шерсти, оставшихся от старых

шинелей и прохудившихся валенок. Натирается пол, исключительно, до зеркального блеска. Полы реально можно использовать вместо громадного зеркала. Отражение от него просто фантастическое. Зачастую, в нем отражается потолок, не говоря уже о светильниках. Блики и солнечные зайчики играют не хуже, чем на лакированном паркете.

По факту завершения работ, надлежит пригласить дежурного офицера, который, еще раз, придирчиво и брезгливо осматривает результат нашей «половой жизни». Если, что-то ему не нравилось, то все вышеописанные процедуры приходится повторять заново, в той же последовательности. А это означает, что если кто-то из ребят собирался пойти в увольнение, то данная долгожданная прогулка попадала под реальную угрозу срыва. И твоя судьба зависела, от сослуживцев, которые, естественно, взваливали весь участок работы на себя, давая тебе, счастливому, возможность прогуляться по улицам города, поесть мороженного, посмотреть на красивых девушек и заглянуть в «пельменную» на традиционную тройную порцию. В следующую субботу, уже ты будешь мыть полы, и за себя и за своего друга, обеспечивая ему возможность посмаковать уральские пельмени и зацепиться языком с местной красавицей. Обычная взаимовыручка!

Простые смертные, не входившие в кандидаты на увольнение, автоматически лишались возможности посетить училищный кинозал, чтобы в очередной раз (раз в 50-й или 60-й), посмотреть такие великие и замечательные киношедевры, как «Чапаев» или «Ленин в Октябре». Так что, в принципе, выбор был не велик. Хрен редьки не слаще. Что полы перемывать, что такое кино смотреть. Хотя вру, прошу прощения, слукавил. В кинозале появлялась реальная возможность немного поспать, скрючившись в неудобной позе на жестком деревянном кресле.

Молодому растущему организму катастрофически не хватало калорий. Скудная и однообразная еда в курсантской столовой не могла компенсировать израсходованную за день энергию. Всех и всегда, неумолимо, тянуло в сон. Итак, ПХД завершился, чистоту полов сдали дежурному офицеру, в кино на эпохальный фильм — «Броненосец Потемкин» сходили. Всё! Субботу пережили, слава богу. Отбой.

А следующий за субботой день, обычно наступало долгожданное воскресенье. Отдыхай, не хочу! Но, не сразу. Так как, командование обычно планировало проведение очередного грандиозного спортивного праздника.

В зависимости от времени года, это будет марш-бросок с полной выкладкой и вооружением. Недалеко, километров на 6-ть, иногда, на 10-ть. Зимой — лыжи, однозначно, червонец. Опять же,

уборку территории никто не отменял. И к тому же, накопились срочные и неотложные хозяйственные работы, которые в рабочие дни, выполнить просто невозможно, из-за постоянной планомерной загрузки личного состава. Вот и остается, единственная возможность — воскресенье. Вы уж постарайтесь, ребятки. Напрягитесь, потом отдохнете! Надо постараться, чтобы эти работы на следующие выходные не зависли. А то там и тогда, в строгом соответствии с планом, еще более важные и ответственные мероприятия намечаются.

Кто тут в увольнения собирался в воскресенье?! К сожалению, не получится, ребята. Жаль, но не успеваете, все запланированные работы и внеплановые мероприятия выполнить. Опять же, пора к караулу готовиться, а там глядишь и в наряд, по хозяйственным работам, собирайтесь.

Кстати, на тумбочке давно тебя не видели. С чего бы это?! Пора, пора, голуба! А об увольнении, даже и не заикайся. Вон, как успеваемость просела, хвостов нахватал. Тунеядец, и это при всех созданных тебе заботливым государством, райских условиях. Живешь тут, на всем готовом, у страны за пазухой. Отказа ни в чем не знаешь, разгильдяй! Не забудь, из наряда сменишься, в командировку поедешь, с выездным караулом — груз по железной дороге сопровождать. Ненадолго, на месячишко, не дольше. Это если в одну сторону пилить. Обратно, чтобы не скучать, еще другой груз поохраняешь. А там и сессия не за горами. Давай, дерзай, душа моя. Ты еще здесь?! Получай номер и давай на старт праздничной эстафеты по 3-ри км. на каждом этапе. Вечером в оцепление, репетиция парада в честь Великого Октября. Давай, шевелись, опять не успеваем. Бегом!

Про праздники, вообще говорить не хочется. Праздники — это отдельная засада, попадалово, только держись. Не буду о грустном, слеза наворачивается. Праздник для курсанта, что свадьба для лошади — голова в цветах, шея и спина в мыле, яйца в поте, задница в побоях! Полный восторг! Мы не любили праздники, особенно, общегосударственные с какой-нибудь колоссально-круглой датой! Тогда, вообще, полный писец!

Вот, примерно, в таком режиме проходит жизнь и учеба курсанта в военном училище. Не вздохнуть, не выдохнуть. Все равны и всем одинаково тяжело, пока не втянешься и не научишься определять из потока бесконечных задач и вводных, взаимоисключающих приказов то, что наиболее важное, и что надлежит выполнить в первую очередь, а на что-то можно, вообще, наплевать и забыть, тупо проигнорировать.

А еще, очень перспективно — «включать дурака», но данное мастерство доступно далеко не каждому индивиду в курсантских

погонах. Оно достигается долгими и упорными тренировками, с постоянной практикой. Иначе нельзя, можно квалификацию потерять. Есть природные самородки, награжденные этим великим даром, просто так, на халяву — Витя Копыто, например. Талант! Да, что там, Талантище! Самородок! Но, сейчас, пока, речь не о нем.

6. Комсомольский вожак

Вот, в этой бесконечной круговерти учебы, работы, службы, искусственно созданных проблем, тягот и лишений, где все, изначально, находятся в равных условиях, всегда выделялась одна разновидность курсантов, которых никто особо не любил и мягко говоря — не уважал. Их брезгливо сторонились, презирали и холодно ненавидели.

Это были комсомольские вожаки. Данную замечательную публику отбирали еще в школах, присматривались к ним, беседовали, что-то обещали, прикармливали, выделяли достойных и самых надежных. Этих, показательно фанатичных приспособленцев и публичных горлодеров, заботливо проводили сквозь все препоны, препятствия и подводные камни вступительных экзаменов. Обеспечивали им, успешное прохождение медицинской комиссии, независимо от состояния их тщедушной тушки и убогой психики (наш комсомольский вожак регулярно разговаривал во сне и частенько бродил по ночам — лунатик).

Эти «избранные» и «перспективные» кандидаты в политработнички, уже на «абитуре», не скрывая своего привилегированного положения, с апломбом в голосе авторитетно заявляли, что «все уже решено». И на первых же выборах в секретари комсомольской организации роты, командование училища, настоятельно рекомендовало свежеподстриженной и пока еще разобщенной массе курсантов-новобранцев, единодушно проголосовать, именно, за него — единственно достойного и опытного комсомольского вожака с впечатляюще солидным и непрерывным стажем руководящей работы.

По большому счету, среди нас, уже не было наивных мальчиков. И мы, действительно единогласно голосовали за нужного и послушного командованию, комсомольского вождя. Занять пост и руководящее кресло — это одно, а реально иметь влияние и авторитет у людей — это совсем другое. Человеческое уважение зарабатывается медленно, каждый день, каждый час. И отнюдь, не пламенными и дежурными речами с трибуны, по директивам и постановлениям резерва коммунистической партии.

За всю историю своего обучения в военном училище, я ни разу не помню, чтобы этот комсомольский вожак, по фамилии Конфоркин, хотя бы раз принял активное или посильное участие в «половой жизни». При первых признаках начала уборки, этот

авангард комсомола, быстренько собирался и всегда скоропостижно уходил на супер-пупер-гипер-мега-важное внеочередное заседание совета комсомола батальона, где собирались такие же тунеядцы комсомольского разлива, для неотложного решения архиважных накопившихся задач. Чего они там решали, нам не ведомо (наверное, что-то очень секретное и не иначе, как на государственном уровне), но появлялось это чудо, исключительно во время самого окончания уборки, или уже во время построения роты на ужин, на обед, в кино, в увольнение и т. д. Его нежным ручкам с розовыми пальчиками гармонично подошел бы маникюр.

Если, недовольный офицер не принимал чистоту пола, и нам следовало продолжить уборку, заседание совета батальона непостижимым образом затягивалось точно на такое же время и продолжалось, вплоть, до победного конца — до отбоя на сон. Взаимосвязь между этими событиями была фантастически незыблемая. Такое впечатление, что комсомольская разведка работала феноменально образцово, оберегая свой передовой отряд от грязной работы и любого проявления физического труда. Белая кость, голубая кровь! Таких беречь надо! Понятно, газеты читаем! Особенно, решения всяких Пленумов и последних по счету Съездов, не дураки! Осознаем всю значимость момента! Ускорение, перестройка, борьба с привилегиями и очковтирательством, это вам не хухры-мухры! Понимать надо!

В списке увольняемых в город курсантов, первой, всегда стояла фамилия Конфоркина. Ясно и понятно — ему надо было всегда, срочно и постоянно делиться передовым опытом комсомольской работы с представителями других комсомольских организаций, перенимать прогрессивные методы работы с молодежью. Ура, товарищи!

На хозяйственные работы, нашего минивождя, старались не назначать, по причине его постоянной занятости и патологической незаменимости. А то вдруг, невзначай, надорвется мешком картошки или захлебнется, пролив ведро с водой!

На уборку территории?! Ни в коем случае! Там снег, иногда бывает и дождь! Вдруг простудится?! Сами управитесь, не сахарные, не растаете. Беречь надо Конфоркина, он один такой на полторы сотни бездельников. Если заболеет?! Кто же тогда это стадо, на трудовые подвиги поднимет?! Кто, за советскую власть, личным примером, агитировать станет?! А?! То-то.

В караулы, Конфоркина, тоже особо не привлекали. Вечно занят он, да и страшно такому орлу, автомат в руки доверять. За время учебы в училище, Конфоркин на стрельбище, ни разу, не

завалил ни одной мишени. Тайна полета пули, после его выстрела, была гарантирована. Автомат в его нежных ручонках жил своею персональной жизнью, абсолютно независимой от воли и желаний своего хозяина — активиста Конфоркина.

Но, если чудо случалось, и комсомольского вождя определяли для идейного усиления личного состава караула, то все сутки на пролет, высунув от усердия язык, флагман прогрессивной молодежи, ваял «Боевой листок». В этой бумажке, он анализировал наши действия, давал оценку и рекомендации по дальнейшему росту над собой, прорабатывал и песочил всех и каждого, пилил и резал. Беспощадно клеймил, жег каленым железным словом комсомольского актива всех и каждого, стругал и снимал стружку многократными слоями.

В перерывах между творчеством, Конфоркин мужественно таскал на своей спине топчан в комнате отдыха, занимая место сменившихся с поста бойцов. На законные требования курсантов, убрать свою комсомольско-активную задницу с топчана и освободить место отдыха для сменившихся часовых, Конфоркин выпучивая глаза, начинал эмоционально рассказывать о проделанной за сутки колоссальной работе, о ее важности и нужности для всего караула, и о своей заслуженной потребности в длительном отдыхе. Потому что, не щадил себя, пахал в поте лица. Один! Сам! Без ан-сам-бля! Только цветных карандашей, за сутки, целых семь штук облизать надо, чтобы «Боевой листок» красивым был, ярким, в глаза бросался. Чтобы, вместо туалетной бумаги «БЛ» был бы не пригоден к использованию, мазался и пачкался. Вон, даже сейчас, разные несознательные элементы — раздолбаи-курсанты, так и вьются вокруг информационного стенда, чтобы безжалостно спустить в очко результаты его кропотливых трудов. Вдруг украдут?! Тогда второй листок рисовать придется, а вождь уставший?! Понимать надо, всю сложность политического момента!

Когда наступал момент проведения очередного комсомольского собрания, этот моральный уродец — Конфоркин, потуже затягивал поясок, взбирался на трибунку и кратенько — часика на 3-ри, заводил песню о скорой победе коммунизма. Он напоминал всем о роли и нужности комсомола и себя лично, бесценного, не забывая при этом, вскрывать наши недостатки, гневно клеймить позором двоечников и тунеядцев, бездельников и разгильдяев, недостойных носить погоны курсанта. Его тоненькая гусиная шейка напрягалась, он багровел от праведного гнева и резал правду матку про сексуально озабоченных самоходчиков и нарушителей воинской дисциплины, про слабаков, неспособных подтянуться на перекладине и пробежать

марш-бросок, про злостных уклонистов от конспектирования многочисленных и таких, несомненно, полезных для углубленного изучения, трудов уважаемых основателей марксизма-ленинизма.

Далее, шел подробный список всех нарушителей воинской дисциплины, явных и скрытых врагов советской власти, предателей и вредителей, с подробным описанием состава и места совершенных преступлений. Маленький такой списочек, на 143 человек, не больше. При этом Конфоркин скромно умалчивал о своих личных достижениях в спорте и учебе.

Ради справедливости, хочу заметить, что сделать простейшее упражнение на брусьях или перекладине, даже — элементарный вис не удавался нашему вожаку, авангарду и рулевому, направляющей и руководящей силе, предназначенной сплачивать, объединять и мобилизовывать на ратные подвиги и трудовые свершения. При висе на перекладине, тонкие пальчики Конфоркина мгновенно разжимались, и он смачно падал на пол. Офицер, проводящий занятия, брезгливо отводил глаза и ставил в журнале, напротив фамилии Конфоркина точку, которая потом, волшебным образом превращалась в 5-ку.

Экзамены, вожак Конфоркин сдавал, тоже весьма оригинальным образом. Он заходил в аудиторию, громко представлялся, акцентируя внимание экзаменаторов на своей комсомольской должности, тянул билет, брал листок и садился за последний стол. Не делая никаких подготовительных записей для ответа, Конфоркин тупо смотрел на входную дверь. Если его вызывали к ответу, то он просил еще пару минут для шлифовки последних штрихов к своему выступлению.

Затем, на экзамене, обязательно, появлялся какой-нибудь училищный офицер-политрабочий и подсаживался к экзаменатору. Далее, начиналась процедура обычной торговли. По факту ее завершения, подзывался Конфоркин, который начинал бордо нести всякую ахинею, не имеющую ничего общего с учебным материалом. Экзаменатор обычно прерывал его ответ на полуслове, и оценка нашему активисту выставлялась исходя из степени принципиальности и неподкупности экзаменатора.

Благодаря нашим дорогим и уважаемым преподавателям, Конфоркин не смог окончить военное училище ни с красным дипломом, ни с занесением на доску почета. Честь им и хвала! Низкий поклон и большое человеческое спасибо! А так же искреннее уважение!

Тем не менее, наш вождь был отличником боевой и политической подготовки, наша живая икона и постоянный наглядный пример для подражания. На всех построениях и

подведениях итогов, Конфоркина бесконечно часто выводили из строя и ставили, нам неучам и бездельникам, в пример для подражания. Конфоркин нисколько не стыдился своего участия в подобном лживом фарсе и позорной клоунаде. Он воспринимал все, как исключительно справедливое и заслуженное почитание его многочисленных достоинств и талантов. Похоже, этот восемнадцатилетний мерзавец и моральный уродец, изначально потерял чувство реальности и элементарной справедливости. Возможно, именно таких вождей — беспринципных и лживых, способных на любой подлог и мерзость, ради мифической заоблачной цели и подбирало наше политическое руководство, лелеяло их и холило. Тянуло за уши!

Однако, реакция курсантов на происходящее представление, была диаметрально противоположная.

Сказать, что мы не долюбливали это чудо комсомольского движения, значит слукавить. Мы его, просто, холодно презирали. Общаться с ним, было оскорбительно по отношению к самому себе же, любимому.

Конфоркину было, мягко говоря, нелегко. В результате своей хитрости и приспособленчеству, он остался один. Совсем один! Осознав это, он всячески искал контакта и дружбы с ребятами, но получал в ответ равнодушие и брезгливое презрение.

На каждом очередном отчетно-перевыборном комсомольском собрании, при настоятельно рекомендованном свыше, выдвижении кандидатуры Конфоркина на следующий срок, все курсанты единогласно переизбирали этот кусок дерьма. Фактически, только по одной причине — чтобы он заседал на бесконечном совете комсомольских секретарей батальона, среди себе подобных говнюков, и не портил нам настроение своим присутствием. Таким, среди нас, не место! Номенклатурный изгой.

Сразу, официально заявляю, что комсорг нашего взвода — курсант Серега Филин, был замечательный и справедливый мужик, который всегда делил с нами в полном объеме все тяготы и лишения воинской службы. От работы он не прятался, от проблем не увиливал, а так же принимал самое активное участие в наших небольших невинных шалостях и периодических безобразиях.

Остальные курсанты-комсорги в других взводах и классных отделениях нашей 4-й роты и соседних братских рот, входящих в 1-й учебный батальон, тоже были нормальные и вменяемые ребята, которые никогда не филонили от службы и работы. Они с честью и достоинством несли общественную нагрузку по проведению формальных и бестолковых комсомольских

собраний, в строгом соответствии с Планом работы комсомольской организации батальона, разработанного при непосредственном участии великого комсомольского вождя Конфоркина, который, будучи вожаком комсомольской организации роты, заслужил всеобщее массовое презрение.

Пришло время выпуска из училища и Конфоркин был с позором изгнан из рядов вчерашних курсантов, а ныне молодых офицеров, которые весело и в теплой дружеской обстановке отмечали присвоение первого воинского звания — лейтенант. Где, с кем, как обмывал свои золотые погоны и первые звездочки, великий комсомольский вождь Конфоркин, никого не волновало.

Тем не менее, лично я, и все мои сослуживцы, испытываем глубокое чувство искреннего уважения к курсантам, занимавшим ответственные посты в руководстве первичными комсомольскими организациями, за их честность и принципиальность, надежность и справедливость, добросовестность, работоспособность, скромность и порядочность, а так же — сохраненное чувство собственного достоинства. Троекратное «Ура!» Вам, ребята!

А вот должности повыше в комсомолько-партийной иерархии занимают уже ребятки с гнильцой. Оно и понятно. Результат строгой селекции и искусственного отбора! Номенклатура! Элита! Генофонд!

7. Любой ценой или путевка в Чернобыль

Слаб человек! Слаб по сути, и сущности своей. Слаб духом, корыстен в мыслях. Подвержен страстям всевозможным и периодическим всплескам неконтролируемых эмоций. А также падок на славу и популярность различную (чтобы имя его на слуху было, да погромче, да так, что эхо потом еще долго перекликалось…). Слаб на деньги, комфорт и прочие материальные ценности — персональное благосостояние то есть. О карьере своей, опять же постоянно заботится, о продвижении по служебной лестнице постоянно беспокоится. Чтобы не кисла карьера, не хирела, не застаивалась, а головокружительно и стремительно набирала обороты. Виток за витком! Виток за витком! Быстрее и дальше, выше и глубже! Виток за витком! Чтобы репутация его регулярно болталась в самых престижных рейтингах на самых заоблачных высотах и никак не ниже.

Постоянно терзается человек в смутных сомнениях и гложет себя, поедом нещадно есть в бесконечном поиске всевозможных путей для достижения поставленных целей, чтобы не упустить сопутствующую выгоду и занять достойное место в жизни, утвердиться на устойчивых позициях. Желательно на самой вершине иерархической лестницы, поближе к солнцу и в непосредственной близости к сытной кормушке или в самых ее ближайших окрестностях.

А, достигнув ее — ближайшей поставленной цели в смысле, получив результат какой-никакой запланированный и осуществив мечту свою заветную, прибыль полновесно-звенящую и загадочно-шуршащую, а также моральную посчитав раз несколько, сразу же разочаровывается в результате и немедленно начинает ставить себе очередную недостижимую и более головокружительную задачу. Сущность такая человеческая — искать постоянно чего-то, стремиться куда-то?! Бесконечный бег по кругу, от рассвета и до заката, без конца и края. Суета и метания. Сбавил темп — выпал из обоймы. Остановился — значит умер. А ну пшёл на обочину жизни, уступи лыжню следующему. И никуда от этого не деться. Такова «се ля ва»! Мде…

Только вот личные цели и возможные пути реализации задуманного у каждого, разные. Свои пути опять же, персональные направления, дорожки, тропинки, тропочки… Разные все и у всех. У кого-то, прямые и ровные, как проспекты многополосные. Дави тапочкой на «газ», быстрее ветра

пролетишь. У кого-то, бульвары уютные, красивейшие. Езжай себе неспеша, все равно до финиша без проблем доедешь. У кого-то улочки, камнем мощенные, не движение, а пробуксовка постоянная, не езда, а ерзанье. Того и гляди, в кювет вылетишь?! Хорошо, если на буксир возьмут и сзади толкач упрется?! У кого-то, размокший шлях, то яма, то канава. Ползи себе, родненький, до куда мощи и бензина хватит. А у кого, вообще, чистое поле! Куда идти?! Куда податься?! Свалишься в овраг, и вытащить некому… Кто-то, дальше обочины так и не двинется… У всех дорожки разные, а до цели жизни, до пункта назначения, всем добираться надо. Вот и пыхтят, тужатся люди, скребут копытами, ручками загребают — передний мост подключают, газики выпускают, головушкой упираются и двигаются вперед по жизни своей, кто как может и как получится…

Для достижения целей своих заветных, кто-то, засучив рукава гораздо выше локтя и набрав полную грудь воздуха, ныряет в жизненные проблемы с головой, самоотверженно пашет и днем и ночью, с личным временем не считаясь. Зачастую махнув рукой на здоровье, заслуженный отдых, справедливые возмущения родных и близких, и личное материальное благосостояние в целом. Шаг за шагом, по мизерным крупицам зарабатывая авторитет, всеобщее уважение, как подчиненных, так и начальства, и получает признание незыблемости своих полновесных высказываний (брошенных даже в полголоса или мельком), медленно продвигается к намеченным вершинам, в качестве попутного груза, получая абсолютную непререкаемость своей житейской мудрости и профессионального опыта. И благоговейный шепоток в спину: «Сам … сказал! Глыба! Монстр! Серый кардинал! Мозг! Череп! Мастер! …»

А кто-то хочет все и сразу! Раз! …и направление в академию! Два! …и звание досрочно! Три! …должность запредельную на три ступени выше! Четыре! …орден за боевые заслуги! (но так, чтобы пороха не нюхать и от боевых действий подальше, а войнушку с Арнольдом Терминаторовичем Шварцен-ниггером можно и по телевизору посмотреть) А вот служить верой и правдою, в монотонности будней завязнув по уши, ой как не хочется?! Долго это и муторно — изо дня в день на работу ходить и на этой самой работе еще и работать, работать, работать… Тьфу, блин! Расстройство одно! И кто только эту самую работу придумал?! Садист какой-то, не иначе?! Жди теперь, когда же тебя начальство, наконец, заметит?! Когда оно (начальство, в смысле), твой патриотичный порыв и фанатичный блеск в нетерпеливо бегающих глазенках разглядит?! Когда оно твою личную преданность и готовность выполнить любой (да-да, абсолютно

ЛЮБОЙ) приказ оценит?! Года пройдут …десятилетия… ужас какой?!

А ведь ты — такой неординарный! Такой талантливый!! Такой умный!!! Руку на сердце положа, ведь рядом поставить некого! Точно-точно, некого!

И такой несчастный! Несчастный, потому что непризнанный и недооцененный в своей ярко-индивидуальной и глубоко-завуалированной гениальности.

А для мгновенного достижения своих головокружительных далеко-идущих планов и супермегаграндиозных целей надобно подвиг совершить какой-нибудь?! Но, не такой, как во время войны — с одной гранатой на четыре танка прыгать, нет! Конечно же, нет! Хлопотно это и опасно! Ну их, эти танки, гранаты и все такое… Фу, бяка какая! Рапорт в Афганистан тоже как-то писать не очень хотелось бы… Страшновато там как-то и неуютно… Душманы бородатые в халатах нестиранных и вонючих с кинжалами острыми, да и жарковато — климат, честно говоря, не радует, и вообще… Это не наши методы! Слишком уж все просто как-то и, честно говоря, небезопасно все это…

А вот все-таки надо бы чего-нибудь этакое… чтобы «Ух!», чтобы у всех сослуживцев челюсти в немом удивлении поотвисали! Да на асфальт! На асфальт, с грохотом и со звоном… И прогреметь на все училище …или на весь округ, а лучше …еще и на все МО СССР?! Масштабней надо брать! Грандиозней! Вот только тему надо выискать перспективную, чтобы зазвенело имя твое! Чтоб нарицательным стало… типа Ворошилов (Ворошиловский стрелок), Стаханов (Стахановское движение) там, в крайнем случае… Эх, красота!

Вот, именно примерно такие творческие мысли периодически терзали молодого и непомерно амбициозного свежеиспеченного лейтенанта Ивана Чубрей. Который, буквально «вчера» получил офицерские погоны и, не пожелав расставаться с дорогим своему сердцу и таким привычно-родным училищем ВВС, отказался от распределения ехать для дальнейшего продолжения службы «куда Родина пошлет». Незнамо куда, то есть! Да и на фиг нужно?! А максимально приложил все свои убогие усилия, чтобы остаться командиром 2-го взвода 4-й роты 1-го учебного батальона.

И так хотелось лейтенанту Чубрей карьеру свою резко двинуть, что потерял он аппетит, покой и сон. Все думу свою думал идею гениальную вынашивал, чуть мозг не вскипятил и голову не сломал.

Для начала Иван Чубрей решил сделать вверенный ему взвод курсантов «отличным» по всем показателям боевой и политической подготовки! Благая цель, вопросов нет, но какой

ценой?!

В результате, почти шесть месяцев методично «затраханный» во все приличные и неприличные физиологические отверстия, несчастный 2-й взвод летал «подъем-отбой» до посинения и рвоты. При каждом удобном моменте и при наличии хотя бы пяти минут «свободного личного» времени (для справления естественных надобностей, письмецо домой написать и прочее) подавалась откровенно осточертевшая всем курсантам команда «Отбой» со всеми вытекающими отсюда обязательными разборками кроватей, раздеванием, укладыванием в горизонталь «баиньки» и т. д. и т. п. Ну, а потом естественно через пару секунд (не то, что уснуть не успеешь, даже лечь нормально не успеешь), следовала команда: «Подъем!» Побежали сломя голову одеваться и строиться в коридоре на центральной «взлетке»…

И так, столько раз подряд, сколько лейтенанту Чубрей будет угодно. А угодно было бесконечное число раз! Пока гимнастерки у курсантов не прилипали к спине от пота, и с кончика носа на пол не капало. Пока «свободное личное» время не заканчивалось… так, и носились, туда-сюда, туда-сюда…

Самое интересное, что определенный Уставом норматив в 45 секунд, 2-й взвод перекрывал легко и непринужденно, но Ване Чубрей этого было мало. Задавшись, одному ему известной целью, многократными повторениями образцово-показательно задрочив личный состав до состояния «не стояния», лейтенант все же добился, что 2-й взвод выбегал на построение за 20 секунд, иногда — за 15! Обалдеть! Какая радость?! И что дальше?! А смысл?! В книгу Гиннеса рекорды писать будем?!

Добившись этого «грандиозного и головокружительного» успеха, спустя еще пару месяцев Ванечка наконец-то осознал, что за такой «эпохальный» подвиг звезду Героя Советского Союза ему все же не дадут! Хоть треснись головой об стену! Мде… Неувязочка вышла! Не тот размах «подвига», бляха-муха. Увы! Только зря личный состав 2-го взвода столько времени, не вынимая и без перерыва на выходные. Целых полгода впустую потерял. Эх! А время то идет! А подвига все нет?! Что делать?! Чего придумать?!

Надо что-то более фундаментальное кумекать, а то так и зачахнешь в безвестности?! И молодой офицер усиленно скрипел мозгами, буквально кипя и фонтанируя потоками бестолковых предложений и показывая завидную плодовитость на дурные инициативы.

А если затянуть поясные ремни потуже?! Насколько потуже?! Да хоть по объему головы?! Вид у курсанта с гламурно тонкой талией гораздо молодцеватей будет?! Нет?! Не годиться?!

Несварение желудка и непроходимость кишечника образоваться может?! Да что Вы говорите?! Не знал, не знал! А может, все же попробуем?! Вдруг прокатит?! Красиво же?! Вон какая талия у Софи Лорен там, у Бриджит Бардо?! Ну, красиво же! Не дадут за это орден?! Точно?! Жаль! Мде! А я так надеялся!

Эврика! Вот еще идейка имеется! А если закрепленную территорию вылизывать по три раза в день с коротким перерывом на занятия, сон и принятие пищи?! А по выходным дням вообще личный состав в увольнения не отпускать, в кино не водить, а чистить-чистить-чистить?! Сказано-сделано! В результате, 43-е и 44-е классные отделения фактически жили на территории, доводя ее до неприлично-идеального состояния и ослепительного сияния, всем мартовским котам на зависть (у них яйца никогда так не блестели, как асфальт в зоне ответственности 2-го взвода 4-й роты). Наконец Ваню заметили и даже мельком похвали! Ура! Не зря старался значит?!

Но у каждой медали, как известно две стороны, не так ли?! Пока замученные курсанты фанатично и с остервенением мели асфальт, охотясь за каждой пылинкой, красили и многократно перекрашивали бордюры, подстригали крону кустарников до состояния идеального куба, пололи травку, боролись с сорняками и трепетно ловили каждый листочек, опавший с ближайшего дерева, лишая его даже теоретической возможности опуститься на землю, катастрофически просела учеба.

А чего вы хотели?! Учиться же некогда! Когда уроки делать и конспекты читать, если по три раза в день с метлой и граблями на бреющем полете по закрепленной территории носишься?!

В результате, на 20-е число очередного календарного месяца, досконально и скрупулезно изучив оценочную ведомость 43-го и 44-го к/о, командир 1-го учебного батальона полковник Серов (в миру — Пиночет) жестоко изнасиловал лейтенанта Ивана Чубрей прямо перед строем батальона. Молодому и рьяному офицеру было однозначно и строго поставлено на вид, что надобно более грамотно руководить личным составом, с целью гармоничного совмещения учебного процесса и процедуры наведение идеального порядка на закрепленной территории. Тем более, основная задача курсанта училища ВВС — изучать устройство дорогостоящей авиационной техники и постигать всевозможные премудрости прочих дисциплин, не забывая про шикарное и безумно объемное марксистко-ленинское наследие, подробно конспектировать которое, никто не отменял. Училище ВВС выпускает высококвалифицированных специалистов для воздушного флота страны, а не профессиональных дворников для РЭО и ЖЭКов!

Получив болезненный щелчок по носу и унизительный пинок под зад воспаленному самолюбию а, также попав в черный список офицеров, не способных разумно спланировать хозяйственные работы без ущерба учебе, лейтенант Ваня крепко призадумался. Надо было срочно совершить какой-нибудь незабываемый подвиг, чтобы однозначно реабилитироваться в глазах желчного и злопамятного Пиночета, а также попутно завоевать мировую популярность и вселенскую славу.

Совершать личный подвиг в составе ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, лейтенант Чубрей как-то не горел особым желанием. Его больше устраивал вариант с коллективным подвигом, где коллективом, послушно осуществляющим запланированный и грандиозный подвиг, был вверенный ему личный состав курсантов. А заслуженные лавры, слава, почет и уважение достанутся ему, как гениальному руководителю и идейному вдохновителю данного геройства.

Но где?! Где взять подходящие условия для осуществления задуманного?! Территория училища ВВС хоть и была огромна, но все равно развернуться негде. Простора маловато для такой обширной души и личности глобального уровня, как у лейтенанта Вани Чубрей?! Масштаб нужен! Требуется впечатляющий и грандиозный простор для его трепетной и деятельной натуры, вынужденно и незаслуженно прозябающей в этой дыре! Естественно, временно прозябающего, а как же иначе?!

Даже наличие миллионного города с развитой инфраструктурой сразу же за периметром колючей проволоки, ограждающей наше училище, не радовала лейтенанта Чубрей, удрученного откровенными неудачами и полным отсутствием головокружительных перспектив в карьерном росте.

Что делать?! Извечный русский вопрос, ежедневно и методично угнетал Ваню, внося раздрай и дисбаланс в его, и так неспокойную душу.

И тут случился Чернобыль! Ба-бах! И в нашей стране разом все переменилось! Причем, абсолютно не в лучшую сторону. Затыкать кипящий ядерный котел, извергающий в атмосферу тонны смертельно опасных веществ, перепуганное «вусмерть» государство, не задумываясь, бросило немереные силы и колоссальные ресурсы. А куда деваться?! Ни для кого не будет секретом, что в то страшное время, руководство страны не считалось ни с материальными затратами, ни с человеческими жизнями.

И вот тут Ванечку вдруг осенило! Е*ать, колотить! Вот оно, счастье! Кому катастрофа, а кому реальная возможность для «эпохального» подвига и старта головокружительной карьеры!

Лейтенант Чубрей не спал несколько ночей, все просчитывал достоверную вероятность своего возможного успеха и ожидаемые потери, в случае чего… А не спать было из-за чего. Вот как сделать так, чтобы заработать себе «заслуженную» славу и при этом не загнуться «вусмерть» в долбанном Чернобыле?! Ась?! Добровольцем поехать?! …или не поехать?! А как же слава?! Мде… думай голова, думай!

Ваня, конечно же, умом особым не блистал, но и патологическим дураком тоже не был. Патологических дураков в училище ВВС не берут! Их на заумных тестах психофизической лаборатории выявляют и безжалостно отсекают. Жаль, что тестов на порядочность еще не разработали! Очень жаль!

Итак, самому страшновато в Чернобыль ехать, грудью своей реактор, изрыгающий смертельное излучение затыкать, это даже не обсуждается, а вот если…?! Прикинув член к носу, лейтенант Чубрей решил выступить весьма хитро и прозорливо. Для начала, он вызвал к себе на «задушевный разговор» секретаря комсомольской организации 4-й роты курсанта Конфоркина, с которым очень долго шептался в канцелярии роты.

Известный «шланг» и комсомольский вожак по совместительству курсант Конфоркин, услышав про Чернобыль, мгновенно сбледнул с лица и попытался выброситься в окно. Его можно было понять! Лучше многочисленные переломы конечностей и долгое лечение в окружном госпитале, чем медленная и мучительная смерть от последствий радиоактивного излучения. И вся эта «радость» в 17 лет. Обалдеть, какие заманчивые перспективы?!

Конфоркин тоже умом особым не блистал, но инстинкт самосохранения был развит посильнее, чем у кого-либо из наивных и простодушных ребят, 17-летних сверстников. Просто так, секретарями комсомола роты не становятся. Там, наивных дурачков нет, поверьте на слово. Циники, будь здоров. Пробу ставить негде.

Наверное, лейтенант Чубрей все же периодически зажимал Конфоркину рот своей рукой, чтобы тот не визжал от панического страха и животного ужаса, услышав про возможную поездку в Чернобыль. Попутно, молодой офицер быстро излагал свой незатейливый, но гениальный план.

Заметно трясущийся от «самоотверженной готовности спасти отечество в минуту страшной опасности» комсорг Конфоркин после 2149-го повторения, все же перестал мочиться под себя и частично осознал всю «убийственную красоту и бронебойную перспективность» данного «генитального» плана и немного поколебавшись, все же присоединился к героической инициативе

лейтенанта Чубрей. А как же?! Такой громкий резонанс и многообещающий фурор ожидается! Только успевай в лучах славы купаться! Но сначала, надо немного поработать, грамотно подготовить почву и обильно посеять нужное зерно…

Итак! В 4-й роте объявили экстренное комсомольское собрание. Все курсанты равнодушно расселись на «взлетке» — в центральном коридоре казармы и приготовились немного вздремнуть по возможности, но не выгорело. На этот раз нам не свезло.

Конфоркин с мраморным лицом влез на огромную трибуну с портретом Ильича из разноцветного деревянного шпона и с надрывной патетикой в дрожащем голосе, повсеместно упирая на пример Павки Корчагина, призвал нас всех поголовно и что характерно — в инициативном порядке, отказаться от ПЕРВОГО летнего отпуска и поехать добровольцами-ликвидаторами в Чернобыль! Спасать человечество в частности и цивилизацию на планете Земля в целом! Пипец! Приехали! Спать сразу расхотелось!!! Причем, сразу и координально!

Первый летний отпуск?! Ухулел совсем, что ли?! Головушкой ослаб, милый?! Кто учился в военном училище, тот несомненно знает насколько долгожданный и безмерно желанный этот ПЕРВЫЙ ЛЕТНИЙ отпуск. Да чего скрывать, рисоваться и юлить, каждый курсант фактически жил ожиданием душещипательного момента, когда сможешь оставить за спиной училище на целых 3 ˚СУТОК и приехать в родной город. Где, сглатывая неожиданный комок в горле и скрывая непрошенную слезу, сможешь украдкой прикоснуться к шершавой стене родного дома, обнять родителей, прижаться своей щекой с огрубевшей от уральских ветров кожей к щеке любимой девочки. И зарывшись носом в ее волосы, будешь жадно вдыхать такой знакомый и в тоже время уже давно забытый запах «маминых духов», тайно слитых по капельке из дефицитного флакона. А тут добровольно «в отказ», да еще и в гребанный Чернобыль. Туда, где взрослые мужики загибаются пачками. Пять баллов! Ага, сейчас?! Совсем с умишком простился, что ли?!

Рота взревела от негодования! Ребята повскакивали со своих мест и, не скрывая эмоций, засыпали комсомольского вождя соответствующими репликами.

— Ты что еб*нулся, Конфоркин?!

— У нас же нет специальной подготовки и соответствующих средств защиты от радиации. Нам всего по 17–18 лет! Туда мужиков взрослых берут, у кого уже дети есть!

— По телеку показывали, что военкоматы призывают «партизан» из запаса! Опять же, преимущественно из инженерных

войск и хим. защиты!

— Если хочешь облучиться и стать импотентом в 17 лет — твоя проблема! Флаг тебе в руки и попутного ветра в спину! А я еще девчонку не пробовал, …а очень хочется…

— Да он уже импотент! И дебил в придачу! Ему терять нечего! Пошел ты на хуль со своим Чернобылем и с инициативой ублюдочной! Мы хотим полноценную семью создать и детей вырастить! Своих детей! Собственных…

— Пошел в жопу, придурок! Сам и езжай! Штаны свинцовые не забудь! А в задницу дозиметр ДП-22 засунь! Только поглубже! Я к тебе потом на могилку приду, пару кочанов капусты на холмике посажу! Козлина!!!

— Надо ж такое придумать?! Писюневичей малолетних… а смысл?! Какая от нас будет польза?! Ну, загнемся там быстренько и зачем…?!

— Тебе надо?! Вот сам и езжай! Не фиг за других решать и агитировать! И не надо тут Корчагина вспоминать?! Корчагин?! А я не хочу, чтобы моя жена по соседям бегала, мужской … искала…

И все в том же духе, не стесняясь в выражениях и не фильтруя лексикон.

Конфоркин обиженно и праведно дул щеки. Он возмущенно кричал с высокой трибуны, живописно жестикулируя и эмоционально брызгая слюной, обвиняя и клеймя позором всех и каждого.

— Трусы! Родина в опасности! Надо ее срочно спасать! Спасать человечество! Спасать мир! Спасать планету! Спасать саму жизнь на Земле! Предатели! Вы должны! Вы обязаны! Вы присягали… Вы… Вы… Вы…

Короче, драл свое горло, будь здоров, но его выкрики утонули в ответных репликах.

— Не «вы» должны, а «мы»! И ты тоже в том числе! Ты тоже присягал! Вот за себя и отвечай, кретин! Решил рвануть на АЭС?! Пиши рапорт и вперед! А за себя, мы сами решим и ответим…

— Провокатор хренов! Засунь язык в жопу и молчи в тряпочку! Не смеши народ, все равно не отправят! Слава Богу, законченных дураков среди нашего командования нет, чтобы молодежь в ад посылать…

— Не угадал Конфоркин! Курсантов не отпустят! Только законченным долбое*ом себя выставил…

Командир 4-й роты Володя Нахрен стоял в коридоре казармы в полном ступоре и в глубокой задумчивости. Такого идиотизма от комсорга Конфоркина не ожидал даже он.

В результате, все 143 человека из списочного состава роты (за

исключение комсорга) дружно и единогласно послали Конфоркина в …Чернобыль! Но, не все оказалось так просто.

Потерпев первую сокрушительную неудачу посеять зерно «инициативы снизу» через «комсомольского вожака» и услышав оглушительное мнение личного состава по данному вопросу, лейтенант Чубрей закусил удила и пошел на непопулярные, но проверенные временем, методы убеждения (читай — принуждения).

Не имея официальной возможности влиять на всех курсантов 4-й роты, он начал методично трахать мозги своим подчиненным из 43-го и 44-го классных отделений, всячески принуждая написать рапорта о «добровольной» отправке в Чернобыль.

Узнав про это, капитан Хорошевский попытался по-тихому образумить зарвавшегося офицерика, который явно задержался в детстве и заигрался в «оловянных солдатиков», потерял чувство меры и ощущение реальности. Но, заигравшийся в героя, лейтенант Чубрей пошел на открытый конфликт с командиром 4-й роты, демонстративно проигнорировав его строгий запрет на участие в данной авантюре.

Стоит отдать должное, наш командир роты, защищая своих курсантов, орал в кабинете на Ваню Чубрей многоэтажным матом так смачно, что дневальный курсант на тумбочке (за 50-ть метров и три толстенные стены), болезненно морщился от невыносимой громкости виртуозных и доходчиво-убедительных ругательств, которые откровенно резали слух. Но, бесполезно! Лейтенант Чубрей решил идти до логического конца своей откровенной авантюры.

Ребята сопротивлялись до последнего но, регулярно и планомерно давя на психику, играя на личном честолюбии, а также, повсеместно используя метод «коллективного» убеждения, Ваня Чубрей все же собрал с курсантов 2-го взвода рапорта о добровольном направлении в Чернобыль. Собрал, но не со 100 % личного состава, оставался один «диссидент» — сомневающийся и упирающийся — курсант Симонов.

Имея смутное «удовольствие» начинать службу в училище ВВС при первичном направлении мандатной комиссии в 44-е классное отделение, я написал рапорт о переводе в нормальное 45-е к/о, под начало вполне вменяемого и абсолютно адекватного офицера — лейтенанта Зайчика. То есть, подальше от постоянных опытов бесноватого Вани Чубрей на своем любимом личном составе. Не хотелось быть безголосым кроликом в руках эгоистичного самодура, поймите правильно.

Потрясывая моим рапортом о переводе в 45-е к/о и ехидно ухмыляясь, лейтенант Чубрей прилюдно обозвал меня

презренным предателем и жалким трусом, всячески давя на юношеский максимализм и пытаясь взять «на слабо». Но затем, осознав, что вверенный ему 2-й взвод, теряет потенциального отличника (я учился весьма достойно и прилично тянул остальных ребят-сокурсников), уже тет-а-тет с ласковой и подкупающей улыбочкой доверительно поведал мне, по секрету естественно, все свои доскональные «подковерные расчеты» о том, что никого никуда не пошлют! Чубрей раскрыл основу «гениального плана» — шумно заявить о себе! Всколыхнуть общественность! Прогреметь на всю страну и …никуда не поехать! Ну, не пустят молодежь в Чернобыль! НЕ ПУСТЯТ, при любом раскладе!!! Наш «искренний» душевный порыв и «добровольная» инициатива с поездкой в Чернобыль в качестве героев-ликвидаторов была полной профанацией и не более того. Пшик! Но, пшик с резонансом! Понимать надо…

— Симонов, перестань чудить, гоношиться и ерепениться! Забери рапорт и засунь его себе в задницу, причем, плашмя! Вас — школяров, все равно никуда не пошлют! Вы же еще писюневичи 17-летние!!! Молокососы нецелованные, куда вас отправлять, сам посуди?! Правильно вы на собрании раскусили и затею расщелкали, не ожидал, честно говоря! Не такие уж вы яйцеголовые, как кажетесь! Короче, не ссы в компот и забери свой рапорт о переводе. А лучше, садись и пиши рапорт на Чернобыль. Героем станешь! Точно говорю! Симонов, держись меня и все будет в лучшем виде…

После таких откровенных слов, шокирующих своей неприкрытой беспринципностью, я окончательно укрепился в мысли, что под командованием данного человека, служить не буду ни под каким соусом. Непорядочен! Допустим даже, что я струсил?! Чего греха таить?! Не хотелось ехать в Чернобыль, хоть стреляйте! Да, страшно! Очень страшно в 17 лет здоровье свое на ядерный алтарь класть и жалким импотентом становиться! СТРАШНО и НЕСПРАВЕДЛИВО! Но, я нашел в себе мужество открыто заявить о своем страхе и откровенном сомнении в целесообразности посылки 17-летних «детей» в зону радиоактивного загрязнения и об отказе участвовать в подобном безумии.

Посудите сами, зачем рисковать парнями, которые еще жизнь не видели?! Девок не щупали, наконец! Это же будущее поколение! Нельзя бездумно выбивать молодежь! Ведь семьи новые не создадутся. Дети не родятся. У страны будущего не будет… И это понимали все офицеры нашего военного училища. Но лейтенант Чубрей был иного мнения.

Дальше больше, неугомонный «энтузиаст» Ваня Чубрей

побежал с пачкой «добровольных» рапортов к комбату Серову. Полковник, осознав услышанное, пришел в искренний ужас (чего отродясь с Пиночетом не случалось) и тоже попытался поговорить с лейтенантом по-доброму и мягко разубедить в целесообразности осуществления данной авантюры. Не тут то было!

Не достучавшись ни до разума, ни до совести, ни до элементарного здравого смысла лейтенанта Чубрей, комбат орал отборным профессиональным матом так, что в городе за периметром нашего училища, случайные прохожие непроизвольно пригибали головы и испуганно переглядывались. Бесполезно! Чубрей тупо уперся и стоял на своем.

Не получив у комбата поддержки и монаршего благословления на задуманное безумие, Ваня самостоятельно (нарушив субординацию) вышел со своей инициативой на командование училища ВВС. Генерал, выслушав горячую тираду лейтенанта Чубрей, сразу же послал дурного офицера с его 3,14зданутой инициативой на …ммммммм… в ….Чернобыль и запретил впредь беспокоить когда-либо по данному идиотскому вопросу, пообещав отправить «умалишенного» лейтенанта на квалифицированное психиатрическое освидетельствование.

Обиженный лейтенант Чубрей пошел искать защиту и понимание к замполиту нашего училища полковнику Боргударову. Что он ему влил в уши?! Не знаю! Возможно, чистосердечно рассказал свой план, со всеми подводными течениями, многоступенчатыми расчетами и головокружительными раскладами. Кто знает?! Все может быть. Но, Боргударов проникся и поддержал… Короче, «инициативу курсантов» отправили по «политическим» каналам через голову генерала на рассмотрение в округ.

А тем временем, над несчастным 2-взводом глумились все курсанты всего училища, без исключения. Как только их не называли?! И парни были правы.

Ребята, «добровольно» написавшие рапорта под откровенным давлением «внешних обстоятельств», удрученно вздыхали! Откровенно говоря, ехать никто не хотел, а куда деваться?! Чубрей задрочит ведь, с живых не слезет, к бабке не ходи. От этого дурака никуда же не деться. И парни тоже были своего рода правы. В армии от дурного командира защиты фактически нет! Никакой! «Нравится — не нравится, ложись моя красавица!» Такие дела.

Пока решался вопрос о моем переводе в 45-е к/о, лейтенант Чубрей продолжал со мной плотно работать — и кнутом и пряником и лаской и уговорами. Я остался единственным из 2-го

взвода, кто уперся и категорически отказался писать «рапорт камикадзе». Нам 17 лет!!! Все! Вот мой главный аргумент! Какой, в жопу, Чернобыль?! Мы еще дети! Пусть переростки с длинными пиписьками, но — дети! Мне даже водку в магазине еще не продают! Не положено! Запрещено! Водку значит, не положено?! А в Чернобыль, милости просим?! Ага! Сейчас!

На Ваню Чубрей тоже постоянно давили, причем, все — и Нахрен и Пиночет! Его жестоко драл генерал! Бесполезно! Ваня пошел буром и ва-банк!

Однажды, 4-я рота шла на завтрак. Нас остановил полковник Боргударов — зам. генерала по политической части и срываясь на эмоции, местами даже всхлипывая и прикладывая носовой платок к глазам и промакивая испарину на лбу, выдал зажигательную речь.

— Командование училища гордиться вами! Ваша готовность защитить Родину и т. д. и т. п. (минут на 30–40 и под финиш) … командование округа, посоветовавшись с Москвой, приняло категорическое решение не отправлять вас в Чернобыль. Спасибо вам! Низкий поклон, мешок горячих поцелуев и все такое… Пришла специальная телеграмма за подписью САМОГО…

Пока замполит говорил, 2-й взвод стоял, не шелохнувшись и затаив дыхание с мраморными лицами. Парни реально напряглись, в Чернобыль никому не хотелось! Услышав «благую» весть, курсанты 43-го и 44-го к/о не сдержались и у них вырвался вздох откровенного облегчения. Во время «благодарственной» речи Ваня Чубрей стоял рядом со строем роты с безумно-азартным румянцем на щеках и нервно покусывал губы.

Что было в той телеграмме?! А кто его знает?! Курсанты очень надеялись, что там было предписание о сдаче лейтенанта Чубрей на принудительное психиатрическое лечение но, увы… Он так и остался руководить и командовать несчастным личным составом многострадального 2-го взвода 4-й роты.

Слава нашему генералу, Пиночету, Володе Нахрену, лейтенанту Зайчику, меня вывели из подчинения бесноватого офицера и достаточно быстро перевели для дальнейшего обучения в 45 к/о. Где, я благополучно и с колоссальной массой различных приключений доучился до самого выпуска. Выпустился с достойными результатами, поверьте на слово.

А звезда Вани Чубрей вскоре благополучно закатилась. Сначала он попытался было открыто нахамить Пиночету?! Но это, как известно занятие бесперспективное и очень опасное. В результате, лейтенант получил несколько суток ареста на гарнизонной гауптвахте (было такое время, когда сажали младших офицеров). Затем еще и наш генерал, откровенно

уязвленный, что его мудрые и настойчивые «отеческие пожелания» и добрые убеждения нагло игнорируются молодым и ранним офицеришкой, который прыгает через голову своего высокого начальства, выдал ненавязчивое указание «данного мудоковатого инициативного долбо*ба» в академию никогда не пускать и должность «командир взвода» — его предельный потолок. Дальше не двигать, на вышестоящие должности не назначать! Пожалейте курсантов, в конце концов! Сослать бы его куда?! Так не возьмет же никто! Низкий поклон Вам, товарищ генерал!

А мораль сей истории такова, что нельзя быть хитрожопым и совершать громогласные подвиги за чужой счет и за чужой спиной. Хочешь послужить Родине?! Вопросов нет! Пиши рапорт за себя лично и вперед! Хоть в Чернобыль! Хоть в Афганистан! Хоть к черту в зубы! Но, просчитывать многоходовую ублюдочную комбинацию, четко осознавая, что ни один нормальный командир не подставит 17-летних пацанов под несомненный риск загубить не только свое здоровье, но и саму жизнь. Нельзя класть ребят пачками в угоду своему карьерному росту. Нельзя так! Неправильно! Скотство это! Нельзя идти по головам, по костям и по трупам. Мерзко это… Таких офицеров надо останавливать! И останавливать жестко и однозначно! И держать подальше от людей! А лучше, вообще избавляться как от профнепригодных и беспринципных. Не место им в армии…

8. Витя Копыто

Бог Витю любил! Не ясно за что и не понятно почему. Но обычно говорят, что убогих и немощных, слабых и недоразвитых, недоделанных так сказать, любят больше, помогая им, и прощая любые проступки. Так как это, несомненно, даёт возможность почувствовать себя великим и справедливым, сильным и добрым, великодушным и местами даже могучим… Кстати, попробуйте на досуге.

Летом 1985 года Витя Копыто приехал поступать в военное училище ВВС (Военно-воздушных сил) из славного города с неповторимым и поэтичным названием — Пилопедрищенск.

Представьте восторг членов приёмной комиссии, когда в кабинет вошло нескладное чудо генной инженерии и представилось: «Здрасте! Я — Витя Копыто из Пилопедрищенска, приехал поступать на офицера Красной Армии».

Хохот стоял такой, что стены дрожали, стёкла дребезжали, а суровые лица военноначальников были мокрыми от слёз умиления. Да что говорить, они — эти суровые военные просто умывались слезами восторга. Насмеявшись до истерики и обрыдавшись до желудочных коликов, суровые члены единогласно решили принять данный индивидуум практически вне конкурса, фактически независимо от результатов экзаменов. Так, чисто прикола. Юмор всегда имел место в рядах Красной армии, независимо от звания и возраста служивого люда, а в доблестных ВВС особенно. А идея приемной комиссии была проста и незатейлива — чтобы в Красной Армии были такие выдающиеся и нестандартные ребята как данный редкий вид из Красной книги, чтобы окружающим его соратникам по оружию, служить было не так грустно, чтобы люди каждое утро на службу с нетерпением бежали, с целью насладиться бесплатной клоунадой. Их можно было понять, поскольку Витя был ещё тот экземпляр HOMO SAPIENS.

Итак, Витя Копыто имел незабываемую и незаурядную внешность. Высокий за 185 см., худощавый до сухостоя, с торчащими наружу мослами, сутулый с непропорционально длинными руками ниже колен, которые при ходьбе хаотично болтались как две тонкие сосиски, тоесть абсолютно независимо от тела и вопреки желанию их хозяина. Научить Витю двигать руками чётко, ритмично или хотя бы в такт движения, как это предусмотрено строгими статьями образцово-показательного Строевого Устава, не получилось ни у одного отца-командира.

Крики и вопли строевых офицеров типа: «Копыто, твою мать,

не подсекай ногу! Одновременное движение — левая нога, правая рука и наоборот! Раз! Раз! Раз! Левой, левой! У тебя, что все руки и ноги ЛЕВЫЕ?! На месте ШАаа-ГОМ Марш! НАПРА-ВО! Где право? Право где? Подними правую руку! Ну, чего ты две руки поднял! Ты что, в плен сдаёшься? НАЛЕ-ВО! Ах, ты — уё-чудовище! Кто-нибудь, дайте мне автомат! Я застрелю этого мудака! Нет, лучше сам застрелюсь! И не отговаривайте меня! Копыто, умоляю тебя, исчезни с глаз долой и от греха подальше, пока я тебя не искалечил! Старшина, слушай приказ — направить курсанта Копыто в наряд по кухне недельки на две! Нет, не на кухню, на свинарник! Во, именно туда, там ему самое место! Бля, ты посмотри, что он выписывает…?! Убью мерзавца, это не курсант, а ходячее недоразумение! Краб сухопутный, ну чего ты раком пятишься?! Ааааааа, ну дайте мне, наконец, Калашникова, прострочу на хуль эту пи…ду нестроевую! Копыто, пшшшёл вон, в наряд, на свинарник, с глаз долой!» — были на плацу стабильно регулярны. Это еще мягкий вариант, поверьте на слово.

А Витя старался. Да, старался. Он хаотично и судорожно махал руками и громко топал ногами. Он даже пытался тянуть носок и держать спину ровно, но от его стараний толку было мало. И они, эти его старания, напоминали скорее изощрённое издевательство над офицером-преподавателем, проводящим строевые занятия с нашим 45-м отделением.

Все попытки довести строевые занятия с этим чудом природы, а точнее сказать «недоразумением» до логического завершения, обычно заканчивались отборным матом офицеров, которые вспоминали всю родословную Виктора от момента образования жизни на планете Земля — от амёбы, до венца эволюции, старательно размахивающего руками, словно ветряная мельница. Далее, обычно следовала гарантированная истерика у проводящего занятие офицера, нервный срыв, переходящий в продолжительную депрессию и глубокий запой. Этот офицер терял веру в себя, как в личность, способную руководить, вверенным ему, личным составом, и свои преподавательские способности. Далее, бедолага-преподаватель терял лицо в своих же собственных глазах, и только железная дисциплина, а так же строгий запрет портить военное имущество (а военнослужащий в армии — это как ни крути, казённая вещь, практически расходный материал, состоящий на балансе войсковой части), не позволяла ему наложить на себя руки.

Виктору обычно объявлялось полтора десятка нарядов, причём, сразу и все внеочередные, с правом замены самого себя любимого. И пока он доблестно торчал на тумбочке в течение месяца, надорванная психика несчастного офицера более-менее

приходила в норму. Однако глубокая моральная травма оставалась навсегда, можно сказать на всю его сознательную жизнь, а возможно даже преследовала и на законной пенсии, после 25-ти безупречных, являясь ночью в кошмарном сне, в виде неказистого паренька с выпученными глазами напуганного ребёнка, и хаотичным движением парализованного робота, танцующего «брейк-данс» после удара молнии.

Повторно заниматься строевой выправкой с Витей, желающих офицеров больше не находилось. Все объявленные наряды рано или поздно заканчивались, Витя занимал своё законное место в строю учебного отделения, согласно ранжиру — по весу, по росту, по жиру, и опять начинал сбивать монолитный шаг боевого подразделения на произвольное шарканье своих кривых ног. Офицеры стыдливо отводили глаза, стараясь не замечать происходящее.

Лицо Виктора тоже заслуживает отдельного описания. При общей худобе, Витя имел пухлые розовые щёчки, небесно голубые глаза, выпученные как у лягушки. На его голове произрастали соломенные волосы, абсолютно непослушные и не признающие расчёску, которые торчали в разные стороны словно у ёршика для чистки унитаза. Живописный портрет гармонично дополняли мясистые губы, оттопыренные уши, кривой нос, который катастрофически не справлялся с проходящим через него потоком воздуха. Мечта и задача максимум всей роты — уснуть раньше Вити, иначе его храп, чудовищной громкости и тональности, сводил к минимуму всю призрачную надежду на ночной отдых, независимо от степени усталости соседей по казарме. Всё лицо Вити было густо усыпано веснушками, причём абсолютно независимо от наличия весны за окном. И ко всем вышеперечисленным достоинствам, Витя ещё отчаянно гундосил и шепелявил, что делало его речь непередаваемо пикантной. Элементарные и общепринятые словосочетания, озвученные Виктором, приобретали неожиданный смысл, становились афоризмами и обретали право на новую, долгую жизнь.

А самое удивительное и непостижимое, что Виктор искренне считал себя неотразимым красавцем, от которого всё женское население нашей страны буквально млеет и тает. Да что там — просто сходит с ума от вожделения и похотливой страсти, мечтая подарить свою красоту и всю себя, без остатка, этому половому гиганту эротической мысли. Казанова просто отдыхает и стыдливо снимает шляпу, вместе с париком, перед нашим героем-любовником. И что самое парадоксальное — почти так оно и было. Виктор был лучшим знатоком всех женских общежитий в городе… но об этом потом.

Бог Витю любил. Причём любил постоянно! Прощая ему все прегрешения, вольные и невольные, оберегая это дитё неразумное от недругов в офицерских погонах, от нарядов внеочередных, болезней прилипчивых, женщин разведенных и многодетных, и прочей незваной гадости, и нечисти.

Виктору сходило с рук так много и столько всего, причем так часто, что это было просто каким-то немыслимым наваждением. Но историй этих и чудес достаточно много, поэтому с вашего позволения начнём.

9. Ушитая шинель

Свершилось. Мы поступили на первый курс военного авиационного училища и в строгом соответствии с установленным порядком нас незамедлительно переодели в военную форму но, естественно, по универсальному армейскому принципу — бери что дают, потом в казарме поменяетесь.

О подгонке формы по размеру курсантской тушки не было и речи. Единственное, что более-менее совпало, это размер сапог. Хотя, в данном случае ошибиться было весьма проблематично. Маленькие сапоги не налезали, а из больших размеров обуви, ноги сами выпрыгивали. Тяжеленные армейские сапоги оставались стоять на месте, будто приклеенные к земле, а их новоявленный владелец выскальзывал наружу, теряя по пути, неумело намотанные портянки. Поэтому сразу же, с сапогами под мышкой, бежал обратно в каптерку, менять обувь на меньший размер.

Сапоги в Красной армии — произведение искусства, сноса нет! Тут не поспоришь! Изделие явно создавалось с учетом опыта предыдущих поколений, на все случаи жизни и для всех климатических условий сразу.

Подошва — просто супер, износостойкая и негнущаяся с таким агрессивным протектором, что жестоко позавидует любой самый продвинутый водила-джиппер, привыкший активно месить грязь в ближайшем карьере. Высокая проходимость курсанта на пересеченной местности была обеспечена. И это впечатляло. Но вот все остальное?! Грубая кожаная колодка новых сапог была способна легко перемолоть в кровавый фарш любые, даже самые неприхотливые ноги. В первое время страдали все, включая даже тех, кто еще до училища умел идеально мотать портянки и те, кто проходил до службы всю жизнь босиком в деревне. Разнашивались сапоги мучительно и долго, через многочисленные мозоли. У некоторых ребят — через кровавые мозоли.

Чтобы относительно мягкие резиновые каблуки быстро не стачивались об асфальт, и не нарушался сход-развал строевой стойки бойца, а вместе с ним и его молодцеватая походка, предусмотренная Строевым уставом Вооруженных сил СССР, нам выдали по 4-ре металлические подковки и строгий приказ, немедленно их приколотить. В результате, вес сапог значительно вырос и наше полувоенное (еще не приняли присягу) стадо еле передвигалось, устало и тяжело волоча ноги в неподъемных сапогах, шумно шаркая и скребя железными подковами по

асфальту, высекая многочисленные искры.

Обмундирование ХБ (хлопчатобумажное) было новеньким, еще без погон и знаков различия, без подворотничков и естественно стояло колом. Все швы на нашем обмундировании, были прошитые крепчайшими нитками, не хотели гнуться и создавали эффект ортопедического корсета. Из широченных воротников новеньких гимнастерок 54-го размера потешно торчали длинные тонкие гусиные шейки молоденьких защитников родины. Галифе были тоже соответственно неимоверных 54-х размеров и смешно топорщились в разные стороны. Если гимнастерку еще можно было с грехом пополам утянуть в одну большую складку за спиной и притянуть к телу поясным ремнем, то с галифе такой фокус не проходил. Филейная часть каждого курсанта напоминала внушительные окорока дородных женщин из числа постоянных клиентов магазина «Богатырь». Некоторые ребята могли легко завернуться в свои галифе не менее двух раз. С кого снимали эти мерки, непонятно?! Не иначе как с лошади Буденного или с его персонального автомобиля. А самое смешное, что размер по росту всей формы был исключительно 3-й.

Складывалось устойчивое впечатление, что Красная армия — это армия колобков-коротышек, этаких толстозадых недомерков с ростом не выше 176 сантиметров. Так как основная масса ребят, поступивших в училище, были ростиком под 180–185, и в плечах 48-50-ть, то можете представить, как все это на нас сидело. Смех, да и только.

Пилотки, выброшенные из окна раздачи, ловкой рукой каптерщика, почти все были 59-го и 60-го размеров. Пилотка 57-го размера была такой же редкостью, как ХБ размера — 48, 5-й рост. Шутки шутками, но пилотки реально напоминали подробное строение женского полового органа. Бред какой-то, форменная издевка от военного кутюрье.

Пилотки сразу же распластались вширь и комично повисли на наших ушах, так как вся растительность на черепах новоявленных курсантов была безжалостно сбрита под ноль. Вот идиотизм — все начальники в армии наверно думают, что наши дома предназначены исключительно для разведения всякой заразы и в них толпами плодятся вши, клопы и блохи.

Должен вас разочаровать товарищи генералы, адмиралы и прочие военноначальника, по себе других не судят. Что такое вши, чесотка, грибок, дизентерия, лишай, туберкулез и прочая дрянь, мы узнали и близко познакомились с этими неприятными и позорными явлениями, исключительно, в Красной армии.

Новенькие ремни из пока еще грубой кожи, затянутые по

приказу отцов-командиров «до нельзя» — по окружности головы владельца этого самого ремня, жестоко впивались в наши похудевшие бока. А при малейшей попытке ослабить затяжку, массивная тяжелая бляха со звездой, больно била по мужскому достоинству, грозя перевести тебя в разряд эстрадных певцов с фальцетом, типа — Володи Преснякова (отечественный вариант) и Демоса Руссоса, а то и самого великого оперного кастрата — Фаринелли.

Наш строй курсантов, без преувеличения, походил на стадо военнопленных без знаков различий, военной выправки и откровенно жалкого вида. Передвигались мы исключительно не в ногу, позорно путая «лево» и «право», ломая строй при малейшей попытке начать движение или совершить какой-либо простенький маневр в виде элементарного поворота по пути движения. Но, сейчас речь идет о военной форме, а именно о таком ее замечательном шедевре — шинели.

Шинель — всепогодное изделие из натуральной чистой шерсти, архаизм военной моды и очень неудобный предмет одежды. Складывалось такое впечатление, что шинель создавалась специально в одной единственной целью — исключить массовую сдачу военнослужащих в плен. Ибо поднять руки на уровень хотя бы головы, будучи одетым в шинель, не представляется возможным. Поэтому, русский солдат — самый лучший солдат в мире и всегда воюет «до последнего». Исчерпав все силы, средства и маломальские возможности оказывать сопротивление врагу, он просто не может поднять руки и показать неприятелю свою готовность вступить в переговоры для обсуждения достойных условий капитуляции. Не может и все тут, поэтому будем воевать дальше, до победного… Шутки, шутками, но действительно, руки в шинели не поднимаются, невозможно это и все тут.

Шинель оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, она имеет длинные полы из чистошерстяного сукна, которыми можно укрываться в непогоду, но при этом продувается насквозь и совсем не защищает от зимнего ветра. Она намокает «на раз» и становится тяжелее свинца. Сохнет очень неохотно и теряет при этом первоначальную форму. Имеет хлястик, который надо постоянно охранять и оборонять от многочисленных желающих его умыкнуть, но это уже другая история.

Более того, стоит присесть на корточки (не дай бог в боевых условиях) и для того чтобы встать в полный рост, надо положить свое оружие на землю или повесить его на шею. А дальше, как средневековая дама на балу, подтянуть полы шинели к верху, чтобы не наступить на них в самый ответственный момент и не

зарыться носом в землю. Выбраться из окопа, тоже непростая задачка на ловкость и сообразительность. В этот момент, боец абсолютно беззащитен, ибо его руки заняты не оружием, а длиннющими полами шинели.

Вопросов нет, шинель хороша при езде на лошади, ниспадая по ее спине на круп, защищая потную кобылу от переохлаждения, воспаления легких и летального исхода, а кавалериста от опасности примерзнуть задницей к седлу, но извините, товарищи дорогие, лошадей в армии давно уже нет, а в авиации тем более. Особенно в реактивной! Почему же тогда шинели остались?!

Есть мнение, и мудрые воины по секрету говорят, что типа — старая гвардия в лице заслуженного Буденного и еже с ними уважаемых кавалеристов-революционеров из 1-й Конной армии, не желает расставаться со своей молодостью. И поэтому, всячески лоббирует продвижение в войска убогой формы одежды, образца времен царя Гороха. Но, тогда в соответствии с этой логикой, давайте впадать в маразм не частично, а повсеместно и окончательно. Чего стоит, списать все танки и пушки, и опять поставить под ружье грациозных кобыл и ретивых жеребцов.

Долой тягачи! Запрягай залетную! Пусть лучше она атомный ракетоносец ТУ-160 на рулежку вытягивает. Хрен с ней, что не справится и копыта в разные стороны откинет, зато старички порадуются. А еще шашки надо всем военным раздать и шпоры к ботинкам и сапогам присобачить. Красиво же?! Прям как раньше, в Октябрьскую революцию! Ерунда, что с шашкой в кабине самолета не совсем удобно, а шпорами периодически за педали цепляешься — это все мелочи, недостойные внимания. Не будем брать в расчет, что и могучая катапульта для спасения летчика из подбитого самолета, уже без ног его родимого, из кабины выдернет, зато традиции сохраняются. А это очень немаловажно и пользительно для воспитания молодого поколения в лучших традициях 1-й Бронекопытной Армии. Эх, лепота!

Мда, ничему не учатся, господа военноначальники. Забыли, как от отчаяния в 41-м, бойцы с голой шашкой на броню немецких танков бросались. Все не хватает смелости от, далеко не самого лучшего, наследия отказаться, посидеть в кресле кожаном, в кабинете уютном, с видом на Москву златоглавую, мозгами поскрипеть, рубануть любимой шашкой по столу, зеленым сукном обтянутому и дать команду военному институту разработать новую форму, в которой хотя бы воевать нормально можно. Оглянулись бы на опыт наших ребят в Афгане, когда тяжеленные сапоги сразу безжалостно выбрасывались и парни в старых кедах и кроссовках, которые уже стоптаны сверх меры, по горам лазили, а шинели, только вместо одеяла использовались,

по причине их полной непригодности к ведению боевых действий в современных условиях. Но не так все просто, ибо склады военного имущества уже на 100 лет вперед шинелями забиты, прожорливой моли на радость.

Так вот, получили мы новенькие шинельки, преимущественно 56-го размера, рост 6-ть и тихо ужаснулись. Когда первый шок прошел, началась осторожная примерка этих попон лошадиных.

Погрузились ребята во все это великолепие… и потерялись в нем. Подумав немного, пришли мы к такому решению, что носить это обилие натурального сукна из чистой шерсти вообще не представляется возможным. Помощи от командования ждать не приходится, и надежды поменять на мало-мальски приемлемые размеры не было, и нет. Стало быть, надо срочно учиться на закройщиков и самостоятельно постигать все тонкости и премудрости шитья, причем вручную. И причем, в свободное от службы время — тоесть значит ночью, в ущерб своему личному и так, не особо продолжительному отдыху.

Казарма спонтанно превратилась в мастерскую по перешиву шинелей. В плечах, естественно, ушить шинель ни у кого не получилось, а вот распороть по швам с самого низа до подмышек и вырезать оттуда по внушительному куску войлока, которым потом натирали сапоги до блеска, это сделали все курсанты без особых проблем. Так как опыта к кройке у нас, мягко говоря, не было никакого, то и вырезанные клинья были у всех разные, в соответствии с личным понятием о целесообразности и чувства меры. У кого-то побольше, у кого-то поменьше, но в относительных пределах разумного.

Но, не стоит забывать, что у нас в 45-м классном отделении был такой яркий индивидуум «от кутюр», как Витя Копыто, который не поскупился и резанул свою шинель очень радикально и «от души». Когда он, наконец, сшил все, что осталось воедино, то получилась достаточно оригинальная конструкция, которая очень напоминала сильно зауженное женское вечернее платье с нереально широченными плечами.

Когда Витя напялил свое творение на себя, то сразу выяснилось, что такой гламурный фасон его шинели, дает ему возможность перемещаться только при условии, что он будет ставить свои ноги, как топ-модель — тоесть одну перед другой и никак иначе, ибо подол его шинели был чрезвычайно узок.

Витя жеманно продефилировал по «взлетке» казармы, вульгарно виляя бердами и призывно покачивая ягодицами, туго обтянутыми шинельным сукном, чем вызвал бурю восторга и откровенно похабных реплик среди курсантов всей роты, особенно у контингента «национальных кадров». Наше

настроение улучшалось прямо на глазах, чего нельзя было сказать про Витю. Он понял, что совершил фатальную ошибку и резанул лишнего, но распарывать заново шинель и все перешивать, вставляя клинья, ему очень не хотелось. Дабы вернуть себе возможность к нормальному передвижению, Витя решил отрезать нижнюю часть шинели и тем самым увеличить свободное пространство для движения ног.

Так как Витя сначала делал, а потом думал…или вообще не думал, то он взял ножницы и быстренько отхватил подол шинели. А так как, он это сделал на глазок, то получилось, естественно совсем неровно. Витя опять напялил свою многострадальную шинель, встал перед зеркалом, скорчил недовольную гримасу и снова взялся за ножницы.

Отрезал. Надел. Посмотрел. Опять неровно. Процесс резки нижнего края шинели продолжался бесконечно долго. Размер шинели по росту неуклонно сокращался с 6-го до 4-го. Получавшиеся результаты, Виктора от кутюр, все равно не устраивали.

Так как ножницы в казарме были собственностью всей роты, то вокруг Копыто скопилось большое число курсантов, занявших очередь на право воспользоваться ими. А Витя все кромсал и кромсал свою шинель. Наконец, Лелик Пономарев не выдержал.

— Копыто! Чего ты шинкуешь свою шинель, как будто лапшу нарезаешь. Возьми кусочек мыла, проведи прямую линию и отрежь сколько надо. Утомил уже, ждем тут все. Ты, что капусту солишь?! Строгаешь и строгаешь?!

Витя посмотрел на Лелика, как глубоковерующий человек смотрит на великое божество, и побежал за мылом. В результате, где-то с третьего раза, он, наконец, провел относительно ровную линию и отрезал последний кусок от нижнего края своей куцей шинели.

В результате всех вышеперечисленных действий, Витя получил нечто похожее на удлиненный зауженный пиджак, у которого боковые внутренние карманы торчали ниже полы шинели, где-то на целый сантиметр. А сама пола шинели в надетом состоянии, была выше уровня колен Виктора. И это притом, что по Уставу, длина шинели должна быть от 28-ми до 32-х см. до уровня земли.

При построении на ужин, Витя старательно прятался за нашими спинами, стараясь не попасть на глаза командиру роты, но не тут то было. Нахрен зорким взглядом вычленил из толпы курсантов, соблазнительно семенящие неприкрытые коленки бойца и выдернул Копыто из строя. То, что он увидел в первом приближении, привело его в ужас, а потом — в ярость. Что

сказал, а точнее, проорал Володя Нахрен, я скромно опущу из опасения, что рассказ может попасть в руки несовершеннолетнего читателя, но мы были в шоке. А удивить нас было достаточно трудно, поверьте на слово. Так витиевато и красноречиво, капитан Нахрен еще не выражался. Затем ротный, двумя сильными движениями, распустил Виткину шинель по свежезашитым швам и приказал восстановить ее первоначальное девственное состояние.

Ссутулившийся и глубоконесчастный Витя сидел всю ночь, старательно вставляя, вырезанные ранее, суконные клинья в свою распотрошенную шинель. К утру, с воспаленными глазами и бессчетным количеством раз уколотыми иголкой руками, он представил на наш суд нечто кривобокое и косоперетянутое, абсолютно бесформенное и убогое, что совсем не годилось для повседневной носки.

Старшина роты — Игорь Мерзлов, посмотрев на все это безобразие, укоризненно покачал головой, еще немного пожурив для приличия, неразумного курсанта Копыто, пожалел бестолкового Витьку и, покопавшись в бездонных запасниках ротной каптерки, нашел относительно новую шинелку, оставшуюся от предыдущего выпуска. Счастья и благодарности Виктора не было предела.

Уже во время службы, непосредственно на аэродроме, мы всегда носили комбинезоны и куртки — удобную и практичную специальную одежду из другого времени, из другой эпохи, в которой было абсолютно комфортно, на зависть всем остальным родам войск, особенно сухопутным.

10. Рассказ Лёлика (полуночные покатушки)

Наряд по хозяйственным работам, овощной цех курсантской столовой, 00.30. ночи. Личный состав 45-го классного отделения чистит картошку. Норма — 7-мь ванн. Самых обычных эмалированных ванн, которые когда-то очень давно — в своей молодости, были ослепительно белого цвета.

После оглашения приговора, мнения разделились. Одни парни убеждённо утверждали, что этот подвиг невозможен по-определению и установленная норма абсолютно нереальна. И придумать её, мог только безумный прапорщик, лютоненавидящий всех, кто в далёкой перспективе наденет офицерские погоны. Другие — просветлённые оптимисты, говорили, что если поднатужиться, быстренько отремонтировать две картофелечистящие машины, которые ржавели без движения уже не один десяток лет, поменьше говорить, побольше работать (оптимизировать, так сказать, процесс), то к утру вполне реально. Энтузиасты, одним словом.

А такой индивидуум, как Витя Копыто — уроженец славного города Пилопедрищенска, с апломбом в голосе утверждая, что может сотворить «это» один, тоесть, самолично. И что подобное, ему совсем «не слабо», и он готов на спор, под любое желание и под достойное вознаграждение, да под хорошую закуску. .

И тут, заговорил Лёлик. Заговорил тихим, спокойным голосом, не прекращая при этом, чистить картошку.

— Возвращалась как-то моя сестра домой, после работы, поздно вечером. А темнеет в Киеве рано, быстро и качественно — раз и уже ночь (как свет в комнате выключить). Сестрёнке года 22–23, точно не помню, но где-то в этом районе. Короче, не столь важно. Важно другое. Летний вечер, сестрёнка—красотка цокает каблучками, звёздное небо, мало уличных фонарей, красивейший город Киев — рай для влюблённых и романтиков, где один уютный парк переходит в другой. На улице фактически ни души. И вдруг, из кромешной темноты украинской ночи, прямо навстречу красивый парень 28–30 лет с открытой белозубой улыбкой. Сестрёнка оторопела, остановилась и чуть не закричала. Кричать, надо признаться, было от чего. Парень, сложенный как греческий бог Аполлон, загорелый, с идеальной фигурой (Шварцнеггер от зависти обожрался стероидами и чуть не умер), ну просто мечта любой девчонки, был абсолютно голый. Руки держал за спиной и стоял босиком на асфальте (благо в Киеве

летом очень тепло и комфортно). Стоял, гордо развернув плечи, совершенно не стесняясь и не пытаясь скрыть своё мужское достоинство.

— Здравствуйте, удачный вечерок, не правда ли?! — голос его, по словам сестры, звучал словно музыка.

— Мммм, — попыталась ответить Лена, а в голове её проносились возможные варианты развития событий, от самых кошмарных и неприемлемых, до более-менее «не очень».

— Вам куда? — вежливо поинтересовался молодой человек.

— На Березняковскую, — пролепетала сестрёнка, что являлось чистосердечной правдой.

— Будьте любезны, садитесь мне на спину. Я подвезу, — улыбка не сходила с приятного лица ночного незнакомца.

«Наверное, в дурдоме день массового побега, а я новости по радио не слушала, только музыку», — подумала сестрёнка и попыталась вежливо отказаться.

Отказ не очень удивил голого доброжелателя. Не переставая улыбаться, он разомкнул руки у себя за спиной, и Лена увидела холодный блеск лезвия ножа перед своим лицом.

— Пожалуйста, садитесь. Мне не трудно. Да, и по пути! — с подкупающей настойчивостью предложил «Аполлон».

Учитывая все убедительные аргументы в пользу неожиданной поездки, Лена задрав модную узкую юбку, идеально облегавшую её крутые бёдра, полезла на спину полуночному скакуну. Повесив дамскую сумочку себе на шею, Лена сцепила свои руки на мускулистой груди незнакомца. Тот обхватил своими руками её роскошные стройные ноги, подпрыгивая и цокая языком в такт галопа, поскакал по ночному Киеву.

Лена, умирая от страха, думала только об одном — как всё это происходящее действо, смотрится со стороны. А действительно?! По ночному городу, по нагретому за летний солнечный день асфальту, под романтичным звёздным небом, по набережной Днепра, несётся удалой жеребец-красавец. Его хорошо развитые рельефные мышцы перекатываются под загорелой кожей. Ну, точно — мечта любой, даже самой привередливой капризули. И такой красавчик гарцует абсолютно голый, шлепая босыми ногами по асфальту, с перепуганной ношей на спине, у которой юбка задрана до трусов и дамская сумочка, переброшенная через шею, подпрыгивает и бьёт по спине, строго в такт галопа.

— Какой подъезд? — прохрипел взмыленный конь, приближаясь к нужному дому, тяжело переводя дыхание.

Путь был неблизкий, а сестрёнка — лакомый кусочек, поймите правильно, кровь с молоком, настоящая хохлушка:

возьмёшь в руки — маешь вещь! Короче, заморился коник.

— Третий, — пролепетала наездница.

Скакун послушно прогарцевал до парадной, аккуратно ссадил ошалевшего жокея на ступеньки, вежливо поклонился, галантно поцеловал руку и убежал в темноту ночи. Только пятки сверкнули.

«Наверное, это я сошла с ума и сбежала из дурдома», — подумала Лена и, не дожидаясь лифта, опять задрав юбку, перескакивая через три ступеньки, взбежала на свой этаж. Забыв напрочь про ключи от квартиры в своей сумочке, она нажала на кнопку звонка.

Кнопку звонка Лена держала не просто долго, а очень долго. Ну, короче пока я не втащил её в квартиру. Причём прямо так, с задранной юбкой. С мамой сразу поплохело! А вы что хотели?! Сестрёнка — ну просто обалденная красавица, ухажёры толпами крутились. Мда.

Некоторое время ушло на то, чтобы Лена перестала рыдать, выпила 3-4-ре стакана воды, 2-3-ри пузырька «валерьянки». Мама, кстати, выпила всё в тройной дозе, поймите правильно — другие весовые категории. Немного успокоившись, сестренка рассказала о происшедшем. Маме немного полегчало, папа перестал искать своё старое, ржавое охотничье ружьё. А я побежал во двор, надеясь тоже верхом покататься, перед сном грядущим. Для моциона говорят, очень пользительно на ночь, верховой ездой заниматься. Надо будет попробовать при случае.

Пока я выскочил на улицу, конь ретивый, этот Сивка-Бурка полуночный уже ускакал. Жаль, конечно. Хотел я из него мерина сделать. Просто руки чесались, мама не горюй! Как вы знаете, я — КМС по боксу, и КМС по гребле на каноэ. Так что здоровьица мне, слава богу, и спасибо родителям, а так же — тренерам, не занимать. Удар справа хорошо поставлен, так что мустанга того голозадого, объездил бы точно. К медицине меня никогда не тянуло, вида крови боюсь, поэтому и бокс бросил, но в тот вечер, я за проктолога потрудился бы с удовольствием. Глубокий АНАЛиз его заднице бы устроил. Сгоряча в тот момент, очко лошадиное на немецкий крест порвал бы, не задумываясь. Или на Британский флаг, короче, не важно, как получилось бы, так и порвал бы. Но, не свезло мне стать медиком. Разминулись.

Но, нет худа, без добра! Сестрёнка наотрез отказалась работать в вечернюю смену, пока отец не отдал мне… (О боже, благослови того коня и всё коневодство в целом!) ключи от «копейки»! И я, естественно, с превеликим энтузиазмом возил Ленку темными вечерами с работы, мысленно благодаря судьбу за посланника небес, из-за которого почти целых полгода

наслаждался за рулём автомобиля.

Личный авторитет и популярность, дети мои, особенно среди особей женского пола, напрямую зависят от возможности набить друзей и девчат в старое корыто, способное самостоятельно передвигаться, причём не только под горку.

Ах, если бы раньше знать этот рецепт! Да я бы сам регулярно Ленку пугал голой жопой из кустов или катал бы на своей спине от работы до дома и обратно.

Но счастье не бывает вечным, страхи сестры пропали прямо пропорционально моим опозданиям к её проходной в конторе. Нет, а чего она хотела?! У кого в 18 лет была персональная машина под задницей. Столько надо успеть! Везде надо поприсутствовать, засветиться. Ну, опаздывал я иногда. Не каждый же день. Тоже мне цаца, не ночевала же на работе.

Короче, всё встало на свои места, машина в гараж, а я стал пешеходом. А всё потому, что сестра быстренько вышла замуж, и забирать её с работы стал законный муж. Такие дела…

Лёлик на некоторое время замолчал, набирая в бачок картошку и отбрасывая огромную гору очистков из под своих ног. Ребята заслушались и перестали чистить картошку, пытаясь понять высокую философию повествования.

Вытерев грязный нож, о не менее грязную штанину ХБшного галифе и оглядев недоумённые и заинтересованные лица парней, Лёлик продолжил.

— Самое странное, что объяснение ночного заезда, сестрёнка всё-таки получила, причём непосредственно от самой лошади. Киев, знаете ли, светский город, в нём есть такое достижение инженерно—транспортной мысли, как метро. Во как! И вот однажды, Лена ездила в Гидропарк (это место такое в городе с одноимённым названием станции метро), и на обратном пути, читая книжицу, почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Отрывает глаза от лямурной муры, и видит, как на неё смотрит, причём, приветливо улыбаясь, кто бы вы думали?! Правильно! Ночной жеребец!

— Неужели опять голый? — в полной тишине спросил Витя Копыто.

— Ага, и в жопе три пера Жар-птицы торчит, — под общий хохот продолжил Лёлик.

— Дурень! Кто же его голого в метро то пустит?! Откуда он денежку для проезда доставать будет?! Опять же, день на дворе, а этот скакун, похоже, лишь при Луне оголяется. Хорошо, хоть мехом не обрастает, оборотень парнокопытный!

Слушай сюда. Короче, на этот раз парень был одет очень даже прилично. Весь «по фирме», с ног до головы. Джинса там, батник,

кроссы и прочее. Подходит он к сестрёнке, наклоняется. Та думает, он сейчас опять покататься предложит. Перепугалась, жуть! Уже зажмурилась, и милицию звать приготовилась, а может санитаров из «дурки». Точно не скажу, да и сестрёнка сама это и под гипнозом не вспомнит. Но, по словам её, слышит она этот ангельский голос, которым на полуночных скачках, конь тот ретивый вещал.

— Мол, здравствуйте девушка. Я вижу, вы меня узнали, и я вас узнал. Вы не подумайте чего, с головушкой у меня всё в полном порядке. Просто мы тогда в картишки не слабо поиграли. Ну и получил я ставку — голяком, ночью, девчонку какую-нибудь до ее дома галопом доставить. А ребята, за нами на машине следом ехали и ржали как настоящие лошади. Вы их с перепугу, просто не заметили.

Поцеловал ей руку и на следующей станции вышел. А мораль сей басни такова — не фиг в азартные игры на «слабо» играть, себе дороже будет.

— Копыто, не стой раззявя рот, картошку чисти, пока ставку тебе за 7-мь ванн картошки не придумали — голяком по плацу маршировать. .

11. Рассказ Лёлика — 2 (страдания Плуга)

Когда я боксом занимался в секции славного города Киева, и делал неплохие успехи. . Ну да ладно, что я всё о себе, да о себе любимом. Ведь скромность — это моё из моих многочисленных достоинств, как вы все знаете.

Короче, был у нас в секции парень — сильный как слон, красивый как крокодил, добрый как котёнок и сообразительный как носорог. И звали его — Плуг. Нет, вы не подумайте чего, папа и мама его очень любили, и в паспорте у него, естественно, что-то другое было написано, но мы того не ведали и звали его коротко и любя — просто Плуг. Ибо прямолинеен он был, как данное изобретение человечества, упорен (боксёрские груши на тренировках под его ударами жалобно стонали, лопались по швам, и истекали песком прямо к его могучим ногам). А самое ценное, что умиляло нас до слёз — был человек он абсолютно открытый, искренний и ничего не скрывал от своих душевных товарищей, которые были с ним вежливы (попробуй не будь — сразу погибнешь на ринге в дружеском бою) и местами даже деликатны.

Так вот, однажды в раздевалке, перед тренировкой, Плуг из сумки с формой вытаскивает старые кеды Вьетнамского ширпотреба. Старшее поколение меня понимает — с резиновым мячиком на щиколотке и, отчаянно чертыхаясь, начинает их обувать. При этом, на его лице такая буря эмоций, мама не горюй!

— Плуг, а где твои «адидасы» новые, — спросил один из ребят, наблюдая за ярковыраженными моральными страданиями нашего доморощенного интеллектуала, с внешним видом громилы-австралопитека.

То, что мы услышали, лишило нас возможности тренироваться не только в этот день, но и ещё длительное время, по причине пребывания в состоянии близком к истерике, которое возникало сразу же при входе в спортзал нашего дорогого Плуга.

Готовы?! За подробности не ручаюсь но, лично зная автора, сам в достоверности этих событий нисколько не сомневаюсь.

В общем, едет наш Плуг с очередной тренировки. На плече тяжёлая сумка с амуницией, на ногах новенькие кроссовки «Адидас», в животе пару литров минеральной воды. Любил Плуг попить водички после тренировки для восстановления водно-солевого баланса, а влазило в него, как в хорошего верблюда.

Итак, переполненный троллейбус, город действия — естественно Киев. Троллейбус едёт медленно, водителю спешить некуда, до конца смены ещё много часов, до остановки Плуга, тоже ещё далеко, до туалета, однако так же не близко. Одним словом — безысходная гармония! Минералка в желудке уже давно переработалась из живительной влаги в субстанцию жёлтого цвета, сомнительного качества и настойчиво ищет выход из организма.

Короче, Плуг понимает, что до своей остановки, а тем более до своего родного унитаза, он не доедет. И это, не совсем приятное открытие его несколько озаботило, более того — озадачило! А Киев, знаете ли, город миллионный, и на улицах днём, все эти миллионы фактически и шарахаются. Представляете?! Нет, чтобы дома сидеть, у телевизоров! Они — все эти миллионы, практически на улице и, причём, именно на той, где идёт троллейбус, в котором едет страдающий от изнеможения Плуг.

Долго думать Плуг не любил, а возможно, что и не умел, поэтому, моральная сторона вопроса давно уже была решена. Умирающий от нетерпения Плуг, ждал очередной остановки, любого ближайшего подъезда, и пусть лучше лопнет такой атавизм эволюции, как совесть, чем его любимый и нужный мочевой пузырь. Такова в принципе незатейливая логическая цепочка, выстроившаяся в голове нашего интеллигента в первом поколении. Переминаясь с ноги на ногу, Плуг начал энергично протискиваться к выходу.

Тем временем, рядом, на задней площадке троллейбуса, разворачивались события, мимо которых Плуг, как настоящий джельтмен, пройти тоже не мог. Какой-то подвыпивший мужчинка цеплялся к симпатичной девчонке (а в Киеве все девчонки — просто конфетки, поверьте на слово), в слабой надежде познакомиться или выпросить номер телефона, на будущие перспективы. Девушка, по всей видимости, не горела желанием стать музой какого-то бухарика и отнекивалась, как могла. Ухажёр был настойчив, остановка была рядом, двери открывались, Плуг был решителен и галантен.

В тот момент, когда двери троллейбуса начали своё движение на открытие, Плуг коротким ударом в корпус, пресёк дальнейшие ухаживания кавалера, отправив его в длительный полёт за пределы пространства троллейбуса, подхватил свою сумку, выскочил на остановку. Перепрыгнув через толпу людей (потенциальных пассажиров), поваленных на асфальт, вылетевшим из троллейбуса пьяненьким Ромео-неудачником, Плуг со скоростью олимпийского чемпиона по бегу, влетел в

ближайший от остановки подъезд. Бросив сумку со спортивной формой под ноги, он быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что в подъезде ни души, лихорадочно схватился за ширинку. Нетерпеливо вжикнула молния, долгожданный миг блаженства и заслуженного облегчения был совсем рядом, но стук женских каблучков по ступенькам подъезда, заставил молнию на джинсах вернуться в исходное положение. Плуг чуть не завыл от обиды и отчаяния. Его страдания уже давно перешагнули за грань возможного терпения.

В подъезд вошла девушка из троллейбуса.

— Здравствуйте, вы так быстро убежали, что я не успела сказать вам «спасибо». Я вам так благодарна, так благодарна. Этот жлоб преследовал меня почти от самого института. А вы сюда в гости? Я вас здесь раньше никогда не видела. А я тоже здесь живу. Меня Ингой зовут. Может, на кофе зайдёте, — защебетала она, совершенно не делая пауз между фразами.

«Ну, туалет же у них в квартире должен быть», — интуиция Плуга была на высоте, и он энергично кивнул головой. Говорить и сдерживать накатывающую волну, он уже одновременно не мог. Засунув одну руку в карман джинсов, он фактически пережимал свое мужское достоинство, не давая разбушевавшейся жидкости, вырваться за пределы организма.

Что ещё говорила его неожиданная спутница, Плуг уже не слышал, так как в его ушах настойчиво булькали продукты жизнедеятельности его могучей тушки.

Пока девушка доставала ключи из сумочки, вставляла их в замочную скважину, Плуг, тихо подвывая и судорожно пританцовывая, сдерживал себя от непреодолимого желания вышибить дверь, чтобы оказаться наедине с керамическим другом, самым для него желанным на тот момент в его жизни.

— Проходите, пожалуйста, в большую комнату, а я сразу на кухню. Может минеральной воды, пока кофе варится?!

Слова Инги показались Плугу чудовищным издевательством, но достойно и вежливо ответить уже не было сил, и он с жалкой улыбкой благодарности на лице, энергично помотал головой в знак отрицания.

— Проходите, не стесняйтесь. Только прошу вас, разуйтесь, пожалуйста. Там ковёр иранский с толстым ворсом, ручной работы. Настоящая персидская культура, папа из командировки привез. Вон магнитофон, записи разные есть. Вам что нравится? Мне итальянцев дали. Вы, какой кофе предпочитаете? Арабику или робусту?! Сейчас вода закипит, я скоро, — голос Инги долетал до Плуга, уже издалека, и через раз.

Он, тем временем, рыскал по квартире в поисках маленькой

комнаты с таким белым, с таким желанным, с таким нужным предметом, как унитаз. Счастье уже было так близко, но синяя птица удачи откровенно глумилась над страданиями Плуга. Явно, сегодня был не его день! Ну, очевидно, звёзды и планеты не так встали! Не так!

В коридоре, ведущем к двум заветным сантехническим достижениям человечества, одно из которых, О Боже! — сам туалет, лежала огромная овчарка, причем, агрессивно оскалив зубы и её немигающие глаза зловеще смотрели, буквально, сквозь оторопевшего от неожиданной встречи Плуга.

«Знатная зверюга! Наверное, медалистка?! Вон как пристально смотрит, не отрываясь. Похоже тренированная. Сейчас бросится?! А у меня джинсы новые. Порвет на тряпочки. Всё! Это конец», — успел тоскливо подумать страдалец.

Просить даму в первую минуту пребывания с ней наедине, в её же квартире, о возможности получения доступа в туалет, минуя злобную собачину, было для гордого Плуга позором, смерти подобным.

Плуг в отчаянии сглотнул слюну, и осторожно, чтобы не расплескать своё содержимое и не нервировать собачку, медленно вернулся в комнату.

Его мыслительный процесс резко активизировался. Вот, что значит настоящий боец, мужчина, для которого безвыходных ситуаций не существует по определению! Взгляд Плуга быстро скользил по комнате! Синхронно с ним всплывали гениальные ремарки: «Открывать окно, не успею! Цветов на подоконнике много, переставить не успею. Мокрые штаны, назад в детство?! Никогда! Лучше смерть! Горшки с цветами — маловато будет, всё не поместится! Эх, два литра минералки — всё же перебор!»

Скрипя зубами, на нечеловеческих усилиях воли, сдерживаясь из последних сил, чтобы не обмочить штаны, Плуг расстегнул молнию и, периодически пережимая пальцами рук своё внушительное мужское достоинство, разбрызгивая по возможности равномерно на всю его внушительную площадь, излил свое содержимое, ну короче, продукты своей жизнедеятельности, на густой ворс роскошного ковра. «Должно же впитаться когда-нибудь?!», — мудро рассудил наш страдалец, оправдывая свой отчаянно гениальный ход и испытывая, при этом, фантастическое облегчение, переходящее местами в неземное блаженство, а также, граничащее с экстазом и поросячьим восторгом. Уф, полегчало!

Жизнь опять приобрела смысл и краски, душа вернулась в бренное тело. Плуг включил магнитофон и замурлыкал популярную мелодию, подпевая солисту модной группы, попутно

обдумывая возможную версию разумного объяснения наличия жидкости на ковре (на всём ковре, причем площадью где-то 3-ри на 4-ре метра), да ещё и в таких обильных количествах.

За спиной Плуга раздался мелодичный звон — это Инга вкатывала в комнату маленький столик на колёсиках, на котором разместились изящные чашечки с ароматным кофе, зефир в шоколаде, сливочная помадка и другие всевозможные вкусности.

— Странно, почему весь ковёр влажный?! — Инга с недоумением осматривалась в комнате, осторожно переступая с ноги на ногу, утопая в роскошном ворсе красивого ковра по самую щиколотку. Она даже внимательно посмотрела на потолок, но не обнаружила там следов протечек от соседей сверху.

Надо было срочно что-то говорить и говорить разумно-правдоподобное, и Плуг, спасая неловкость своего положения, недолго думая, взял и выдал следующее.

— Аааааааа, это собака ваша! Да! Именно собака! Пришла и пописала, прямо на ковер и что характерно — в разных местах, — поделился своими наблюдениями доморощенный гигант мысли.

Увидев округлившиеся глаза Инги, Плуг расценил это как явный успех своей версии, и сразу же начал развивать инициативу. В боксе, ведь что главное — это нападение, а Плуг был талантливый боксёр. Придав своему голосу нотки легкого укора, Плуг перешел в убедительное наступление.

— Выгуливать животину надо чаще. А то, она бедная, дотерпеть не может, часа своего желанного дождаться. Вы знаете, как оно терпеть то?! Это надо же, так скотину мучить?! Гринписа на вас нет! — неожиданно для самого себя выдал зажигательную речь новоявленный защитник животных, юннат — переросток.

Тем временем, Плуг присел на корточки и потрогал влажный ковер пальцами правой руки. Затем поднес пальцы к своему носу, потер их между собой и с важным видом понюхал, громко втягивая воздух в ноздри. Затем, скорчив брезгливо-убедительную гримасу на своем, необремененном интеллектом, лице, авторитетно заявил с видом непререкаемого эксперта в области кинологии и ее окрестностей.

— Моча. Да-да! Обычная стандартная моча среднестатистической овчарки. Точно говорю, пришла ваша собачка и прямо на моих глазах на коврик этот …ммм…как его… иранский и пописала. Ага! Нассала говорю, собака…ваша. Кстати, где тут у вас можно руки помыть?!

Инга как-то очень странно посмотрела на самоуверенного Плуга, который тем временем, очень убедительно и красноречиво ратовал за любовь к домашним животным и призывал проявлять гораздо большую заботу о выгуле собаки на улицу для

оправления «малой» и, не побоюсь этого слова — «большой» нужды.

— Как собака?! Она же плюшевая! Её, папа из Германии привёз. Он у меня в Аэрофлоте работает, из Борисполя за границу летает…

Что ещё говорила Инга, Плуг уже не слышал. Перепрыгивая через целые пролеты ступеней, с сумкой в руке, он сломя голову, летел по лестничной клетке. И то, что он бежит почти босиком — тоесть в носках, а его новенькие кроссовки «Адидас», остались мирно стоять в прихожей, у гостеприимной и красивой любительницы плюшевых собак, он понял уже, у себя дома. .

12. Подмоченная репутация

У нашего командира батальона было вполне стандартное для армейской среды прозвище. Мы называли его скромно и со вкусом, с сыновним почтением и с благоговейным придыханием, с нежностью и вожделением, сарказмом и трепетом, но без изысков — Пиночет.

Это сейчас в средствах массовой информации с поразительной настойчивостью появляются репортажи о том, что Пиночет, дескать, душка, милашка и вообще образцовый человек, с нежной и ранимой психикой, заботливый дедушка и идеальный семьянин, любитель всевозможной флоры и фауны, безнадежно погрязший в благотворительности и милосердии. При нем, Чили уверенно вошла в десятку самых динамично развивающихся стран, где экономика государства, и благосостояние простых чилийцев бурно развивается и пухнет как на дрожжах. И те многочисленные и регулярные демонстрации с портретами кровавого диктатора Пиночета, которыми потрясают эмоциональные жители данной латиноамериканской страны — ни что иное, как знак огромного искреннего уважения и почтения к этому замечательному генералу-путчисту, который ни много, ни мало, несомненно достоин незамедлительного выдвижения на безальтернативной основе к награждению Нобелевской премией мира за спасение страны и ее населения от социалистического хаоса.

Но, в середине 80-х годов прошлого века, комментарии к тем же самым демонстрациям благодарных чилийцев с портретами Пиночета в руках, были абсолютно иные. Суровые дикторы советского телевидения гневно обличали ненасытного кровавого мясника, погубившего массу невинных граждан и гноившего в застенках и казематах чилийской тюремной системы замечательного марксиста-ленинца Луиса Корвалана. Пиночетом пугали маленьких детей. Его имя стало нарицательным. Портрет холеного генерала с тоненькими усиками и проницательным взглядом висел в каждой ленинской комнате, как образец коварства и враждебности, жестокости, вопиющей изощренной несправедливости и беспощадности противника, гонителя всего прогрессивного человечества.

Можно сказать, Пиночет — собирательный образ наиболее вероятного противника, врага всего социалистическо-коммунистического общества в целом и каждого строителя светлого общественно-колхозного будущего, в частности. Этакая

модель империалистического мерзавца, и местами, даже не побоюсь этого слова — подонка.

Ну, а по причине поразительного внешнего сходства, а так же сходства в большинстве качеств характера и, особенно — в поступках, с нашим дорогим полковником Серовым, который имел честь, командовать 1-м учебным батальоном то, не мудрствуя лукаво, в курсантской среде, наш комбат был моментально крещен Пиночетом.

Надо отдать должное, комбат был незаурядной личностью. Каждого из почти тысячи курсантов, вверенного ему личного состава, он знал не только в лицо и со спины, но и по имени, отчеству, день рождения, откуда родом, состав семьи, черты характера, способности и слабые стороны, спортивные достижения, проступки, оценки на экзаменах и еще много чего.

Это была ходячая электронно-вычислительная машина, которая мгновенно вытаскивала из своих мозговых ячеек памяти личное дело на курсанта, быстро перелистывала его, сразу находила самое слабое место, и наказание было поистине изощренно чудовищным, ибо Пиночет всегда бил ниже пояса. Женатым, он отменял увольнения в город, молодых родителей лишал возможности увидеться с детьми (даже на КПП), не отпускал на телефонные переговоры по срочным телеграммам «Молния» и прочее, прочее, прочее. Городских ребят отправлял на хозяйственные работы именно на свинарник, по горло в навоз. Сельских ребят, которые молились на свинок и поросят, даже здесь лишал возможности, вдохнуть родным деревенским воздухом, почувствовать себя дома. Они направлялись исключительно на работы, требовавшие сообразительность и городскую наглость. Уроженцев северных районов и вечно холодных областей страны, Пиночет распределял в Туркестан и на Кавказ, детей калмыцких степей — в тайгу, прибалтов — на Дальний Восток, таджика Мишку, который даже при +5 по Цельсию уже синел как баклажан и клацал зубами азбуку Морзе — за Полярный круг. В действиях нашего отца-командира прослеживалась какая-то патологическая изощренная жестокость, которую, однако, он всегда объяснял правильными и возвышенными словами о нашей же личной пользе и заканчивал свою пламенную речь, всепоглощающей заботой о безопасности нашей великой родины. Не подкопаешься. Безопасность родины — это святое.

Один факт из биографии Пиночета многое объясняет в его поведении. Полковник Серов был не настоящий представитель ВВС. Ранее он служил в Воздушно-десантных войсках и при неудачном приземлении с парашютом, имел неосторожность

расколоть своей любимой ЭВМ, тоесть головой, крепкий, добротный дубовый пень. Долбаные медики-педики из госпиталя, признали его негодным для прохождения дальнейшей службы в строевых частях, а вот в военное училище — да на ура! Легко! Глумиться над молодежью, ломать об колено и калечить их судьбы, вытирать свои ноги об их чистые и нежные души — это, пожалуйста! Ни в чем себе не отказывайте, товарищ полковничек!

Пиночет закатал рукава на своих волосатых ручищах, и действительно, ни в чем себе не отказывал. А какой, с контуженого спрос?! Да никакой! Чего с него взять, с убогого?! У него и справка есть!

Не было в истории батальона, ни одного случая, чтобы двое ребят, которые хотели бы поменяться друг с другом своими распределениями, и в результате, каждый был бы счастлив и доволен судьбой, после визита в кабинет комбата, добились своего. Никогда!

Пиночета проклял даже его старый закадычный друг, такой же полковник, с которым они общались и дружили семьями более 20 лет. Его дочь (дочь друга Пиночета) вышла замуж за курсанта из нашей роты. Замуж вышла по большой и красивой любви, за развитием которой, благоговейно наблюдало все наше расхристанное и безалаберное курсантское братство.

Добрые и нежные стихи, свидания украдкой, трогательные слезы. Все очень искренне и красиво! Но молодая красавица-жена поехала с мужем не в Минск, откуда парень был родом, и где его ждала пустующая 3-х комнатная квартира (парнишка был почти сирота, и к тому же, на Василия пришел официальный запрос из Белоруссии), а в Мары-2. Это почти в пустыню, на границе с Афганистаном. В 7-ми метровую комнату полуразрушенного общежития, к скорпионам и фалангам, размером с пачку сигарет, к змеям и варанам. Свое гениальное решение Пиночет объяснил тем, что Василий, когда-то очень давно — еще на первом курсе, стоя на тумбочке дневального, слишком вяловато вскинул руку в воинском приветствии и промямлил свой доклад сухо, без должного энтузиазма и служебного рвения, так-сяк, дежурными фразами. Этого «преступления» было достаточно, чтобы навсегда занять свое достойное место в безразмерном «черном списке» Пиночета, выйти из которого не было никаких шансов. А исключений из своих же правил, Пиночет не делал никому, даже закадычным друзьям. Слезы и мольбы лучшей подруги жены — тещи Василия, так же остались без внимания. Мары-2! Все, вопрос закрыт, вперед!

Складывалось такое впечатление, что Пиночет никогда не был курсантом. Раз, и он уже сразу родился полковником. Мама,

вместо добрых сказок на ночь, читала ему статьи из Общевоинских Уставов. Вместо детского питания и материнского молока грудной Пиночет вскармливался сухим пайком со складов НЗ. Из детских игрушек у него были гранаты и штык-нож, а в песочнице он лепил куличики в формочке из армейской каски, профессионально орудуя малой саперной лопаткой. Вместо обуви — «сменки», Пиночет носил в школу брезентовый мешочек цвета хаки на резинке от трусов, в котором лежали начищенные до блеска яловые сапоги с подковками. Вместо костюмчика Зайчика или Белочки на школьный утренник, юный Пиночет приходил в бронежилете и камуфляже, туго перетянутый портупеей.

В курсантских умах витало стойкое мнение, что пользоваться носками, Пиночет просто не умеет, ибо, кроме портянок, он больше ничего не признает. Даже вместо столовых салфеток после еды, вытирается все теми же легендарными портянками, причем, ношенными длительное время. Так же, складывалось устойчивое впечатление, что о существовании одеколона, туалетной воды и дезодоранта, Пиночет просто не догадывался. Не доложили ему, о существовании одеколона и туалетной воды, и все тут. Не проинформировали, мерзавцы! Накажу, ух накажу!

Были индивидуумы, которые утверждали, что в квартире Пиночета, на пороге стоит тумбочка дневального. И по прибытии в дом главы семейства, жена или дети его (кто там сегодня определен по графику дежурства), внятно и четко докладают своему папаше обо всех происшествиях, случившихся в его отсутствии. Не берусь судить за достоверность всего вышеперечисленного, но думаю, истина где-то рядом.

Домой Пиночет никогда не спешил. В 6.00. утра он был уже на подъеме личного состава, сквозь зубы, брезгливо и желчно раздавая указания офицерам, куда и сколько направить, а лучше — «послать» курсантов, для наведения порядка на закрепленной территории. В 22.00. после отбоя на сон личного состава, комбат еще долго шарахался по ротам, с фонариком в руке, дотошно пересчитывая спящий личный состав, регулярно доводя до истерики дежурного офицера, а дневальных курсантов — до ареста на гауптвахту, своими бесконечными придирками и многочисленными замечаниями.

Но самое любимое занятие для Пиночета, его хобби, так сказать — это была охота на самоходчиков. Пиночет обожал лично, темной ночью, прямо с забора, снять самоходчика, привести его в подразделение, разбудить и, построив роту, пару часиков прокомпостировать всем мозги, изобличая злостного нарушителя воинской дисциплины, с описанием всех прелестей флоры и фауны места его дальнейшей службы. И напоследок,

арестовать за соучастие в несанкционированном ночном рандеву, весь наряд роты.

Эффектным завершением полуночной экзекуции было торжественное внесение в «черный список» фамилий всех проштрафившихся фигурантов данного дела. Чтобы знали и помнили, что в этой жизни уже ничего хорошего их, голубчиков, больше не ожидает. И до остальных потенциальных мерзавцев, очередь внесения в незабвенный и бесконечный «черный список» дойдет скоро. Очень скоро! Все под колпаком! Все под тотальным контролем! Ждите и трепещите! Идеальных и добросовестных нет, есть замаскировавшиеся, невыявленные, неразоблаченные и затаившиеся. Во как!

Вот такой, душка и милашка, был наш любимый и родной отец-командир Пиночет. А чтобы поток самоходчиков никогда не иссякал, то комбат искусственно создавал все условия для поддержания численности этих самых самоходчиков, в пределах, необходимых для его успешной ночной охоты. Тоесть, время от времени, за какую-нибудь фигню, он закрывал увольнения всему батальону на календарный месяц. Для начала. А там посмотрим, на ваше поведение. Всегда можно и продлить, по мере надобности, но исключительно в воспитательных целях и только для укрепления воинской дисциплины.

Итак, душная летняя ночь. Окна в казармах открыты настежь, в призрачной надежде на слабый ветерок или робкий сквознячок. Все спят. Накопившаяся за учебный день усталость и хроническое недосыпание, помноженное на молодость, обеспечивали мгновенное наступление глубокого и здорового сна курсанта уже при одном виде родной кроватки. Одеяла и простыни скомканы в ногах, всем жарко, но объятья Морфея нежны и желанны. Это даже не сон, скорее всего — глубокий обморок. Хоть из пушки стреляй, хоть водой поливай, бесполезно, рота спит.

Полусонный, изнывающий от духоты, наряд натирает плавящейся от жары мастикой, полы в коридоре, до идеального зеркального блеска (кто служил, тот знает). Вонь от мастики, редкостная?! Но выбора нет, ибо самим Уставом такая процедура предусмотрена. А Устав в армии — священен и обсуждению не подлежит.

Уже три недели, как рота без увольнений — воля великого и ужасного Пиночета, куда деваться.

Но в России были, есть и всегда будут законченные рецидивисты и безбашенные вольнодумцы, которые, не смотря ни на что, идут против системы — в самоволке болтался Витя Копыто. Своим монотонным нытьем, он достал дежурного по роте, и фактически спровоцировал его, почти до «неуставных

отношений» — желание двинуть по физиономии Копыто как никогда было близко к осуществлению.

Сержант скрипнул зубами и сдержался, но поставил категорическое условие: «Попадешься, скажешь, в окно вылез! Наряд тебя не видел и вообще, ни в курсах! Когда же ты импотентом станешь?! А? Козел-производитель!»

Счастливый Копыто сразу согласился на все условия, побрился, почистил зубы, облился флаконом «Шипра» и растворился в ночной темноте.

В эту ночь Пиночет, как неугомонный и зловещий граф Дракула, вышел на охоту за очередной неискушенной душонкой нетерпеливого курсанта. По его подсчетам, три недели — достаточный срок, чтобы нашлось юное невыдержанное и невоздержанное в своих похотливых желаниях существо, готовое ради вкушения запретного плода, в виде женской ласки, рискнуть своим настоящим и будущим. А уж он — владелец этого настоящего и творец будущего, тут как тут. Охотничий инстинкт и предчувствие, неудержимо влекли полковника Серова в ночь.

Пиночет занял удобную позицию за углом казармы, стоящей вдоль внешнего забора училища, ограждающего наш островок благочестивости и показной пристойности от вакханалии и разврата, пьянства и распутства, беснующегося на улицах этого, с виду, милого и уютного городка. Ну, вот кто бы еще из спящих курсантов оценил такую заботу отца-командира, о наших неокрепших моральных устоях. Эх, неблагодарные бездари! Посредственность! Ведь не ценят!

Пиночет напрягся. В свете яркой и полной Луны, на забор взгромоздилось тело и замерло, отбрасывая тень, смутно похожую на курсанта Копыто. Пиночет решил, что опытный самоходчик, что-то почувствовал и не торопится перемахнуть через забор, дабы оказаться на казенной земле. Комбат решил не рисковать результатом охоты и, прижимаясь спиной к побеленной стене казармы, отодвинулся от угла здания, и занял выжидательную позицию, аккурат, напротив раскрытого окна.

А на кромке заборе, действительно висел ослабший Витя Копыто. Он никогда не отличался ни силой, ни выносливостью, и такое упражнение, как полоса препятствий всегда вызывала у него панический ужас. А в принципе, чего греха таить, любое физическое упражнение и спортинвентарь вызывал у Копыто панику и длительную истерику.

То, что Пиночет принял за звериное чутье махрового самоходчика, замершего на заборе, в предчувствии страшного и непоправимого изменения в его бестолковой судьбе, оказалось банальным упадком сил у полуночного ловеласа после бурной

ночи любви. Витя на 50 % своего костлявого тела почти перевалил через кромку забора, болтаясь, как сосиска, и балансируя из последних сил, пытаясь перевести дух, лихорадочно восстанавливал свое прерывающееся дыхание. Его ноги, по инерции, слабо и хаотично елозили по внешней стороне забора, пытаясь придать победный импульс немощной тушке. Курсант Копыто даже и не догадывался, что за углом родной казармы, его ждет суровая судьба в лице изнемогающего от нетерпения и охотничьего азарта Пиночета. Но БОГ, Витю любил!

Пока Витя переводил дух и набирался сил для финишного рывка, а Пиночет затаив дыхание, рисовал картину праведных и жестоких истязаний самоходчика и всего наряда преступной роты. А так же за компанию, и растяпы в виде дежурного офицерика, прозевавшего такой факт вопиющего нарушения воинской дисциплины, произошло следующее.

Дневальный по роте Андрей Яровой, тщетно пытаясь смениться на тумбочке, для краткого похода в туалет по малой нужде, решил на время оставить пост дневального, но не выпускать его из поля зрения. Звать ребят, натирающих намастиченные полы в центральном коридоре, он не стал. И это правильно! Зачем, отрывать людей от работы?! Со словами: «Лучше нет красоты, чем поссать с высоты!» Яровой расстегнул галифе, передвинул висящий на ремне штык-нож с живота за спину, встал на широкий подоконник (казарму строили пленные немцы, подоконники были шириной почти 1 метр). И, испытывая поросячий восторг, излил содержимое своего организма прямо на голову, затаившегося под окном, Пиночета.

Пиночет вздрогнул. На него обильным потоком, лился незапланированный метеосводкой дождь. «Ну, что за хрень?! В гидрометеоцентре работают коновалы и сказочники, все время врут! Обещали ЯСНО! Знал бы про дождь, плащ-накидку взял», — злобно прошипел комбат. Пиночет задрал голову и то, что он увидел, его озадачило. В недрах его идеальной бесстрастной ЭВМ проскочила искорка нестыковки и несоответствия. Пиночет увидел над собой идеально звездное небо. «Если я вижу небо и звезды, значит, туч и облаков нет! А если нет облаков и туч, значит, не может быть и дождя!» Логика комбата была на высоте. Пиночет вытер рукой, стекающие по лицу капли, поднес к носу и понюхал пальцы.

Не буду на 100 % утверждать но, зная дотошность этого человека, смею предположить, что он, возможно, попробовал жидкость на вкус. Пораженный результатами орального анализа, Пиночет резко отодвинулся от стены, развернулся лицом к окну и поднял голову. Его глаза встретились с глазами изумленного

дневального Ярового, который стоя в проеме окна на втором этаже, потрясывал своим мужским достоинством. Он вытряхивал последние капельки, перед тем как зачехлить в галифе своего младшего брата.

Вся короткая и бестолковая жизнь, в одно мгновение, пронеслась перед глазами несчастного Андрея Ярового. Особенно яркой была, та ее часть, которой уже не суждено будет сбыться. Никогда! Ибо, заполучить такого могущественного и злопамятного врага, как Пиночет — дорогого стоит. Он так и замер, на подоконнике, с членом в руках, загипнотизированный всепрожигающим взглядом Пиночета. Ну, прямо как кролик перед удавом, в ожидании своей участи — приглашения на обед, в виде основного блюда.

Первой реакцией Пиночета, было желание ворваться в казарму, и образцово-показательно изнасиловать курсанта, осмелевшего, пусть даже нечаянно, нассать на его драгоценную полковничью голову. Он даже сделал шаг и потянул руку к входной двери. Но, его персональная ЭВМ в мозгу, максимально быстро смоделировала ситуацию, когда эта же самая рота, изначально скованная воинской дисциплиной, будет кататься в истеричном припадке неудержимого хохота, биться головами об идеально отполированный пол, узнав истинную причину происходящей экзекуции. «Руководить этим быдлом, он, конечно же, сможет. Закусит удила, и только держись! Пороть и драть! Драть и пороть! Нет проблем. Чередуй себе для разнообразия эти два проверенных способа воспитания. Методичным и скрупулезным, ежедневным и планомерным компостированием мозгов, он будет жестоко пресекать их наглые улыбочки и смехуечички, но все же репутация будет безнадежно подмочена. Независимо от его усилий, эта позорная информация уже утром, на завтраке, в курсантской столовой, облетит все училище, и обрастет такими пикантными подробностями, что хоть стреляйся. Выпуск свидетелей его позора из училища, положения в целом, не спасет. Будет новый набор, придут очередные желторотые засранцы, но они уже изначально будут передавать из уст в уста, легенду про «обоссанного комбата». А это, недопустимо! Ох! А, сколько еще ухмылок и насмешек, следует ожидать от своих же коллег, сослуживцев-офицеров, да и генерал (начальник училища, кстати, нормальный мужик) тоже не упустит возможности позубоскалить на эту тему. Катастрофа! Конец карьере, хоть переводись отсюда. Или нет?! Радикально — в отставку?! На пенсию?! Бесполезно! Такое не забывается. В городке, из квартиры не выйдешь. Соседи тоже узнают, тогда только держись! Бляха-муха, ну влетел!»

Пиночет вернулся на место и посмотрел наверх в открытое окно. Яровой так и стоял, с нависающим над головой комбата поникшим членом. Парень был в ступоре.

— Курсант Яровой, — шепотом ласково позвал его Пиночет.

— Я, — на автопилоте ответил Андрей, медленно выходя из оцепенения.

Пиночет медленно поднес указательный палец к своим губам, призывая к молчанию о данном происшествии. Яровой энергично закивал головой в знак согласия. Комбат, так же молча, продемонстрировал, что если курсант Яровой будет много болтать, то его резкое движение ладони поперек горла, показало неизбежные перспективы для нескромного на язык фигуранта этого ночного происшествия. Андрей интенсивно замотал головой в знак отрицания. Пиночет развернулся и молча, осторожно, почти на цыпочках, двинулся домой. Яровой, так и продолжал стоять на подоконнике, глядя ему в след, не веря своим глазам и пытаясь осознать происходящее.

В это время, тяжело дыша и громко сопя, из-за угла казармы выполз изможденный Витя Копыто. Увидев спину удаляющегося комбата, Витя получил нежданный прилив энергии и пулей влетел в расположение роты. Первое, что он там увидел — это был Андрей Яровой, стоящий на подоконнике с уже посиневшим мужским достоинством, крепкозажатым в руке.

— Андрюха, меня не спалили?

— Нет.

— Пиночет заходил?

— Нет.

— Дежурный по училищу расход сверял?

— Нет.

Успокоенный, не задумываясь лукаво, Витя прыгнул в койку и мгновенно захрапел. До подъема оставалось около 4-х часов. Забивать голову мыслями и задавать лишние вопросы, Витя не умел и не имел привычки. Его сознание отключилось сразу же, с момента прикосновения головы к подушке, он погрузился в нирвану. Во сне Витя сладко улыбался, самовольная отлучка прошла идеально. Он был счастлив, жизнь удалась.

Яровой слез с подоконника и, наконец, разжал онемевшие от перенапряжения руки, с трудом застегнул ширинку на галифе, снял пилотку и вытер ей вспотевший лоб.

Глядя на проходящего мимо него сонного курсанта Симонова, бредущего как лунатик на автопилоте, в туалет, тихо произнес.

— Слышь, Санька, а БОГ то Витю, нашего дурачка, любит. Точно любит, причем сильно.

Я, еще находясь в нежных объятьях Морфея, автоматически

продолжая движение по зову природы, утвердительно промычал.

— Угу, регулярно. Факт!

— Сань, а вместе с этим кретином, сегодня ночью, заодно и меня, БОГ полюбил. Правду говорю. Ты не поверишь? Дай слово, что никому. .

13. Бигус

Вы, когда-нибудь, ели бигус? Вы, не ели бигус?! Вы, наверное, даже и не знаете, что такое бигус?! Кто не вкушал это чудо кулинарного искусства, приготовленное искусными руками военных поваров, тот однозначно, очень много потерял. Ради этого деликатеса, стоило поступить в военное училище. Потому что прикоснуться к этому фантастическому продукту мне довелось только в одном месте. Больше нигде и никогда, я не смаковал ничего подобного, даже отдаленно напоминающее по вкусу и запаху это легендарное блюдо.

«Бигус» в исполнении военных поваров краснознаменного и орденоносного училища ВВС — это протухшая и многократно прокисшая квашеная капуста с добавлением таких ингредиентов как морковь, картошка и много еще чего.

Квашеную капусту в нашем училище обычно засаливают и заготавливают осенью, причем, в неимоверных количествах — десятки тонн.

Основная версия данного действа — для обеспечения курсантов всю долгую уральскую зиму витаминами в виде капустного рагу и всех остальных блюд, в которых присутствует квашеная капуста — борщ, щи, солянка, мясное рагу и прочее. А так как заготовка и засолка идет без малейшего соблюдения какого-либо рецепта или какой-нибудь технологии, то капуста сразу же становится несъедобной, мгновенно прокисает и протухает.

Возможно, я ошибаюсь, и с рецептом дело обстоит именно как раз наоборот. Наверное, все же есть некий супер секретный рецепт, который мгновенно и скоропостижно делает исключительно качественную и аппетитную белокочанную свежайшую и хрустящую капусту абсолютно несъедобной мерзкослизкой однородной субстанцией с феноменально отвратительным запахом, практически непригодную для еды.

Вкус данной дряни тоже не менее поразительный, сравнить его невозможно ни с чем. Если только с боевыми отравляющими веществами типа «зарин», «зоман», «фосген» и V-газы, применение которых категорически запрещены многочисленными международными конвенциями.

Складируется бигус в огромных хранилищах, в глубоких бетонных ваннах (по 2,5–3 метра глубиной), под несколькими слоями пластиковой пленки, которая частично сдерживает распространение обалденно «привлекательного» запаха. Гуманизм превыше всего!

По мере необходимости, капуста извлекается из хранилища и доставляется в столовую, в варочный цех. Процедура извлечения квашеной капусты заслуживает отдельного внимания.

Сначала, дежурный прапорщик по столовой очень долго и нудно ищет добровольцев из числа наряда, назначенного для производства хозяйственных работ. Но клинических дураков и явных олигофренов в военное училище, как правило, обычно не принимают. Их отсеивают еще на приемной комиссии, при прохождении психофизической лаборатории, где законченные кретины и дебилы выявляются на проверочных тестах и безжалостно отсортировываются.

Не найдя оных, дежурный прапорщик назначает «добровольцев» своим волевым решением. Дезертиров и уклонистов расстреливают!!! (шутка, в военном училище нет дезертиров по-определению, здесь все по своей воле или воле своих строгих родителей). Оставшиеся курсанты в числе невыбранных, открыто и красноречиво-бессовестно благодарят судьбу, а так же своих ангелов хранителей, и с откровенной жалостью и сочувствием смотрят вслед уходящим в неизвестность товарищам.

Затем из числа насильно назначенных добровольцев, выбираются два «камикадзе», которым в принципе доверяется самое главная и ответственная часть операции — спуститься внутрь хранилища и стоя по колено в зловонной жиже, совковыми лопатами нагребать данное кушанье в безобразно изъеденные капустной кислотой огромные металлические баки. Остальные невольники-добровольцы на веревках должны вытащить огромные баки наверх и волоком дотащить их в столовую, в варочный цех.

«Камикадзе» надевают противогазы и обвязываются веревкой, чтобы в случае чего, ребята сверху могли их срочно эвакуировать из хранилища и провести реанимационные мероприятия. Сверху на сапоги, «камикадзе» натягивают чулки от ОЗК (общевойсковой защитный костюм, кстати, очень устойчивый к воздействию всякого химического оружия). Раньше, пытались лазить в хранилище бигуса просто в обычных сапогах, но за неделю купания в капусте, яловые сапоги растворялись, чуть ли не до гвоздей и подковок! Чулки от ОЗК в данном случае — явно правильное решение. Со стороны, операция по извлечению квашеной капусты, напоминает работу ликвидаторов на Чернобыльской АЭС. Очень похоже! Риск конечно, безусловно, разный, но внешне, все процедуры поразительно идентичны. Форму ХБ (хлопчатобумажная) после посещения хранилища квашеной капусты лучше сразу выбросить, без малейшей надежды

на дальнейшее использование. Отстирать ее просто невозможно. Даже после многократной безжалостной стирки с последующим продолжительным выветриванием, эта ХБшка все равно источает кислодурманящий аромат, который обычно приводит к приступам неудержимой рвоты и обильному слезо- и сопле-течению.

В варочном цеху, эту капусту кладут в борщ, щи, солянку, рагу и прочие блюда из меню курсантской столовой. Ее смешивают с нормальными съедобными продуктами в различных комбинациях и пропорциях, делая конечные блюда абсолютно непригодными для питания и употребления вовнутрь организма.

Весь длительный период уральской зимы (зима на Урале бывает по 9-ть месяцев в году, а лето — плавный переход с весны на осень), в училище отмечен маниакальным присутствием в рационе курсантов блюд с изобилием бигуса.

Меню типа:

на первое — капуста с водой,

на второе — капуста без воды,

на третье — вода без капусты,

неизменное по содержанию, висело в столовой каждую зиму, причем, каждый божий день.

Бигус — бесспорно отрава, мама не горюй. Без риска для жизни есть его нельзя. Язва желудка — это минимум, что можно получить от такой длительной капустной диеты. В доказательство моих слов, рекомендую посмотреть медицинские книжки всех выпускников военных училищ — 100 % гастрит желудка for ever!

В процессе приготовления блюд из бигуса, в столовой стояла сногсшибающая вонь. Под воздействием высокой температуры котлов, вареная капуста начинала источать синильную кислоту и многократно усиливала свое раздражающее воздействие на органы обоняния. Среди ребят ходила шутка, что бигус — это изуверское химическое оружие, замаскированное под обычную пищу, чтобы оно — ОВ (боевое отравляющее вещество), не попало под массовое разоружение по какой-нибудь гуманной мирной конвенции. Бачки и кастрюли с блюдами из бигуса медленно, но реально растворялись, металл беспомощно коррозировал. Кислота, содержащаяся в квашеной капусте не щадила даже эмалированную посуду. Эмаль позорно темнела и отслаивалась, открывая новые пути для всепожирающей кислоты.

А так как оцинкованные желудки имели далеко не все курсанты военного училища, то всю бесконечно длинную зиму, эта гадость на наших столах оставалась нетронутой. Блюда с квашеной капустой безжалостно вываливались в мусор на свалку, где суровой морозной зимой эта масса замерзала и ждала своего

второго пришествия.

Даже неприхотливые военные свиньи, проходившие службу на училищном свинарнике, отказывались подходить к своим лоханкам, если туда заливали объедки, содержащие бигус.

С отступлением морозов и началом первых потеплениях, это рыжее квашеное месиво оттаивало и начинало вонять с новой силой. Запах был такой несказанно «приятный», что из училища срочно и скоропостижно эвакуировались все крысы. Стаи облезлых серых грызунов ломились напропалую, брезгливо уклоняясь от мест на поверхности земли, где были вывалены горы квашеной капусты.

Вечно голодные и всеядные вороны, пролетающие над училищной свалкой, теряли сознание прямо в воздухе и на землю падали уже бездыханные тушки. Под действием солнечных лучей бигус продолжал разлагаться и источать все более изощренные ароматы.

Запах гниющего бигуса сводил с ума жителей близлежащих районов города. Все в округе, радиусом в несколько километров воняло тухлой, многократно прокисшей и перебродившей капустой.

Ласковой и солнечной весной, люди в своих квартирах вместо того, чтобы открывать окна и жадно ловить первые робкие солнечные лучи и нежные пьянящие запахи ранних цветов, законопачивали щели в окнах своих домов гораздо более качественно и тщательней, чем в самые трескучие морозы. Но это помогало слабо. Фактически, вообще не помогало.

В своих ответах на практических занятиях по тактике и стратегии, искушенным и строгим преподавателям, курсанты предлагали в качестве секретного оружия использовать незабвенный бигус. Например, взять и распылить над Западной Европой дисперсную смесь из борща на основе нашей любимой капустки и все — этого в принципе, будет достаточно. НАТО пипец! Полная потеря боеспособности и поголовная массовая капитуляция! А если снарядить боеголовки стратегических ракет контейнером с концентрированной квашеной капустой, то и незабвенной обнаглевшей Америке настанет гарантированный хрендец! Есть правда опасение, что ракетка может не долететь. Пока то, да се, кислота из боеголовки вытечет, и корпус ракеты разъест. Тогда развалится родимая, прямо на старте. В этом случае и нам всем, на Родине бигуса, тоже мало не покажется. Однако!

Были среди курсантов вообще безбашенные, одуревшие вояки — этакие перспективные политики-шантажисты предлагавшие, вообще, весь мир на колени поставить угрозой экологической

катастрофы планетарного масштаба. Их план был прост, дешев и ужасен одновременно. Эти безжалостные и беспринципные негодяи, предлагали вывалить все запасы нашего бигуса в мировой океан. По их незатейливым предположениям, тогда в морях и океанах не только все подводные лодки и авианосцы врагов-супостатов мгновенно проржавеют и перетонут, но и вся живность — от китов до креветок вымрет. Мир окажется на краю голодной смерти из-за массовой гибели всех возобновляемых морских ресурсов. А это согласитесь, беспроигрышный козырь на любых переговорах, с любым противником. Шантажировать можно было любую страну мира. Да, что там, все ООН можно с руки кормить. Правда, осуществлять этот план никто особо не стремился, по причине глобального масштаба возможных непредсказуемых и неконтролируемых бедствий, но согласитесь, предложение само по себе просто чудовищное, антигуманное и античеловечное. А значит, 100 % обеспечит мировое господство даже без начала активных военных действий! Одной угрозы массового применения бигуса, будет уже достаточно, чтобы поставить весь капиталистический мир на колени! Вот! Ну как, страшно?!

Преподаватели с кафедры тактики грустно улыбались и осаживали зарвавшихся ястребов, напоминая им о терпимости и гуманизме, о добром отношении к окружающему миру и к природе, в целом. Отнимать надежду на будущее у всего человечества — это перебор! В моду входила толерантность!

Тем временем, наступала настоящая весна, изобилие капусты в хранилищах и на свалке начинало бродить и многократно перебраживать, невыносимые запахи начинали действовать просто угнетающе и постоянно изматывать психику. Все ребята становились раздраженными и нервными. Воняло все вокруг и каждый в отдельности. Одеколон, вылитый на гимнастерку, был не в силах перебить окружающее зловоние.

В конце концов, утомленный начальник училища вызывал к себе в кабинет своего заместителя по тылу — полковника Волченко и давал ему жесткое приказание: «Немедленно уничтожить оставшиеся запасы проклятого бигуса».

Зам. по тылу как хороший хозяин пытался всячески оттянуть момент безалаберного и расточительного использования дефицитных продуктов питания. В результате чего, бигус в столовой, готовился в радикально увеличенных объемах, порции капусты в курсантском рационе катастрофически увеличивались. Проклятую капусту, исполнительные повара, пихали во все продукты, во что только можно и во что — нельзя.

Но, все равно, бигус никто ни ел, и легендарная свалка росла

вширь и ввысь. Фактически, капуста просто меняла место своей дислокации. Из хранилища, пройдя длинный путь через столовую, она, абсолютно нетронутой, переселялась на свалку, где получала новые благоприятные климатические условия для своего разложения уже на молекулярном уровне. Дождь, солнце и ветер делали свое дело. Одно радует, в училище совсем не было мух и тараканов. Эти ребята, совместно с крысами и воронами объявили бойкот всем блюдам из квашеной капусты. Наверное, раз попробовав бигус, все твари передохли в жестоких мучениях от кошмарной изжоги.

В результате наступало время, когда наш генерал окончательно свирепел и приходил в бешенство от неисполнительности своего тыловика. Старик безжалостно драл хозяйственного заместителя по тылу, который, обливаясь искренними горючими слезами, давал запоздалую команду выкопать огромную яму для захоронения грандиозных остатков квашеной капусты.

Яма копалась быстро, так как все курсанты стремились избавиться от этого счастья — бигуса, самым скорейшим образом. Тем не менее, несмотря на всеобщую заинтересованность, хранилища опустошались не один день, так как запасы капусты были просто неимоверные. В результате ударного труда, бигус закапывался глубоко под землю, хранилища вымывались, свалка вычищалась до идеала.

На месте массового захоронения бигуса, искренне страдающий и украдкой плачущий полковник Волченко давал команду разбить красивый сад или цветочные клумбы, но отравленная капустной кислотой земля не хотела поддерживать жизнь высаженных деревьев и растений. Участки земли с проплешинами, напоминающими пустынный лунный пейзаж, четко указывали места захоронения данного замечательного продукта. Стоя на них, сквозь толщу земли можно было уловить кислодурманящий запах квашеной капусты.

Могу поспорить, что и сейчас, по истечении более двадцати лет после описываемых событий, на этой земле мало что растет.

14. Пиночет, бигус и телевизор

Как уже ранее отмечалось, культурная программа в училище была безнадежно скудная. Кроме информационной программы «Время» и убогого «Прожектора перестройки» по телевизору смотреть больше ничего не дозволялось. Однако время шло, мы взрослели, не спали на лекциях и хорошо учились. Полученные знания, законспектированные в тетрадях и тщательно проработанные на самостоятельной подготовке, просились найти им достойное применения в повседневной жизни. Пытливый ум курсантов постоянно искал область реализации теории в практике. Иначе, эти знания остались бы просто бесполезным балластом.

После курса лекций по электротехнике, в расположении роты появилась очень полезная рационализаторская доработка — от телевизора, болтающегося на массивной платформе с цепями под потолком до тумбочки дневального, стоящей на входе в казарму, был протянут потайной провод. Этот секретный провод шел под плинтусом и венчался микровыключателем — «микриком», расположенным на торцевой стороне тумбочки, невидимой для входящего в казарму постороннего человека. Зато, дневальный по роте получал возможность, вздергивая правую руку в молодцеватом воинском приветствии и монотонно бубня «молитву» — доклад об отсутствии происшествий, левой рукой незаметно обесточить телевизор.

Пока, забредший на огонек офицер слушал стандартный бред дневального, инерционный экран допотопного лампового телевизора медленно сворачивал изображение. Огромные лампы, находящиеся в чреве, висящего на цепях, гробоподобного достижения научно-технической мысли прогрессивного человечества гасли и «голубой» экран неохотно погружался во тьму. Курсанты, участвовавшие в несанкционированном просмотре телепередач, успевали скоропостижно раствориться в темноте спального помещения и принять горизонталь в родных кроватках, талантливо изображая беспробудно крепкий и здоровый сон.

Данная незатейливая система работа исправно и добротно, сбоев не давала. Доклад дневальных на тумбочке стал размеренным и напевным, длительность его заметно увеличилась. Проверяющим офицерам приходилось минут по пять, а то и более, стоять на пороге роты, выслушивая неторопливый и обстоятельный рапорт.

Зато, после ухода домой дежурных офицеров нашей роты, мы

получили возможность приобщится к прекрасному, просматривая по ночам различные кинофильмы и телепередачи.

Но, как показывает жизненный опыт — никогда не стоит расслабляться или считать себя умнее других. Враг тоже умен и коварен, уберечься от его происков можно только постоянно эволюционируя — тоесть, набираясь опыта и подстраиваясь под постоянно изменяющиеся обстоятельства. А если попроще, то надо быть всегда начеку.

А мы как-то расслабились, успокоились и почивали в объятьях убаюкивающей эйфории, абсолютно забыв, что наш командир батальона — коварный Пиночет, не дающий себе ни сна, ни продыху, ни днем, ни ночью. Хотя, что с контуженного возьмешь?! Дурная голова ногам покоя не дает!

Батальон уже около месяца плотно висел в училище, лишенный всех видов увольнений в город за досадное происшествие с портвейном «Акдам». Речь о данном божественном нектаре ликероводочной продукции пойдет немного дальше.

Так вот, влекомый своим охотничьим инстинктом, неугомонный и кровожадный Пиночет вышел на традиционную ночную охоту. Скажем честно, ночка у него не задалась. Облазив все густые заросли крапивы, заботливо рассаженные вдоль всего бесконечного периметра ограждения училища и тщательно культивируемые комендантом училища подполковником Голдыревым (таким же законченным извращенцем, как и его лучший друг — Пиночет), наш комбат в результате к своему всепожирающему стыду, никого не поймал. Ну, не было ни одного самоходчика, и все тут, хоть вешайся от отчаяния.

Полковник Серов скрупулезно облазил все тайные курсантские тропы, проинспектировал все дыры в колючей проволоке. Ничего! Ни одной поклевки! Дело принимало неожиданный оборот, Пиночет пошел на принцип. Переборов свою патологическую врожденную брезгливость по отношению к вечно чавкающим и жующим свиньям, он инкогнито посетил свинарник, надеясь застать на его территории какого-нибудь хитромудрого курсанта, тайно зарывающего в навоз пару бутылочек «беленькой». Про запас, до лучших времен. В долговременное хранение. Но, опять ничего! Облом! Явно, жизнь для Пиночета теряла разумную перспективность и всякий смысл.

Пиночет начал проявлять отчаянное беспокойство, в его голове не укладывалось, что бессонная ночь может пройти впустую, без улова. Не может такого быть! Просто, не бывает такого, по-определению, и все тут!

Комбат решил поступиться своим профессионализмом

охотника и заглянуть на заповедную территорию, где обычно никогда не охотился. Он решил обследовать самый короткий путь к ближайшему студенческому общежитию, так называемую «дорогу жизни». Про «дорогу жизни» знали все офицеры училища, но устраивать засады на ней считалось признаком дурного тона, не достойным для искушенных ловцов нарушителей воинской дисциплины и распорядка дня. Позволить себе задержать самоходчика на «дороге жизни» могли только желторотые лейтенантики, и то лишь в самом начале своей карьеры ловцов и азартных следопытов. Настоящие мастера охоты и слежки лишь снисходительно улыбались и выискивали более интересные варианты для своего самоутверждения и профессионального роста.

Эта легендарная тропа была прямолинейна как линия, соединяющая две точки по кратчайшему расстоянию. Земля на ней была утоптана до состояния асфальта. Ни травинки, ни цветочка не успевало вырасти на пути стада курсантов, регулярно шарахающегося по данной тропинке. Движение на ней было очень интенсивным и нагруженным. Оно частенько напоминало дорожку муравьев, передающих невидимую эстафетную палочку. Незабвенная дорожка пролегала прямо от запасного выхода курсантской столовой и была удобна тем, что некоторые нетерпеливые ловеласы, умудрялись исчезать прямо с ужина и через полтора часа, появляться уже в расположении роты, непосредственно перед вечерней поверкой, уставшие, но довольные и счастливые.

В порыве отчаяния, раздраженный комбат, в последней надежде ринулся в темноту хозяйственного двора, на «дорогу жизни». Моветон! А куда деваться?! Возвращаться с пустыми руками — удар по самолюбию ниже пояса!

Для обеспечения скрытности своей миссии, полковник Серов таким удобным достижением человечества, как фонарик, естественно не воспользовался. В результате своих ночных длительных странствий неприкаянный и неугомонный следопыт Пиночет позорно свалился в яму, выкопанную за курсантской столовой прямо на «дороге жизни», буквально накануне днем. Яма была подготовлена для захоронения в ней остатков «бигуса», который не съели за минувшую зиму брезгливые курсанты. В качестве ремарки — «бигусу» посвящена отдельная история.

Неосторожно оступившись в темноте, Пиночет упал на дно глубокой ямы. Убиться или покалечиться при падении ему не удалось, так как на дне этой ямы, его ждала мягкая и зловонная подушка из протухшей квашеной капусты. Вымазавшийся в склизкой вонючей жиже, с катастрофической и запредельной

концентрацией капустной кислоты, временами теряющий сознание от фантастически «приятного» удушающего запаха, наш комбат, стоя по пояс в тухлой капусте, отчаянно боролся за свою жизнь. Пытаясь выбраться из плена, несколько раз скатившись по крутым стенкам глубокой ямы, в которой надлежало захоронить огромное количество бигуса. Погрустневший полковник Серов, наконец, осознал бренность своего существования и, наверное, хотелось бы верить — зарекся ловить самоходчиков.

Кричать и звать на помощь, Пиночет не мог, ибо мышцы его горла были спазмированы от удушающего запаха прокисшей капусты. Надо отдать должное, Пиночет был настоящий боец от природы, он настойчиво цеплялся за край ямы, спасая свою жизнь. А упорство и мужество всегда вознаграждается.

С большим трудом, выбравшись из пьянящего ароматного плена, временами теряющий сознание, полковник Серов еще некоторое время лежал на краю овощной ямы, медленно приходя в себя и глубокомысленно глядя на звездное небо, в глубине которого нагло пролетали шпионские спутники — дерзкие и яркие светящиеся точки. Ему казалось, что эти самые спутники до мельчайших подробностей засняли и хладнокровно зафиксировали его позорное падение и хаотичное копошение в мусорной яме. И сейчас незамедлительно передают самые живописные кадры с секретной киноленты прямо в штаб-квартиру ЦРУ, непосредственно в Лэнгли.

«Хорошо, хоть запах не научились записывать и передавать эти долбанные НАТОвские консервные банки. А то бы, сейчас, все аналитики в США передохли бы от вонючего восторга», — Серов сел на краю ямы и смачно плюнул вниз. Снизу, из ямы, в ответ поднялась новая волна нестерпимого смрада.

«Вот она, оказывается, какая — смерть полковника», — тоскливо думалось ему. «Хорошо бы я выглядел, на дне кислотной ямы, захлебнувшийся бигусом! Нашлись бы и те, кто порадовался искренне, а виноватых, как обычно и нет. В прощальном слове, наверное, скажут следующее: «Сам, мол, дубина деревянная, по ночам лазил, где ни попадя, приключения на свою задницу выискивал. Вот и нашел, любезный. Да закройте же крышку гроба, наконец, а то слезы от нестерпимой вони, так и брызжут. Да, просолился полковник знатно, надолго сохранится». Разумеется, к могилке на кладбище, за километр никто не подойдет, а на холмике у памятника капусту посадят, мерзавцы. Точно, капусту. Вот уроды! Так всегда и бывает, служишь не за честь, а за совесть, а они капусту тебе на холмик! Мол, лежит тут козлина редкостная, от капусты смерть принявшая. Эх, нет в жизни справедливости! И какая скотина дала команду вырыть на

этот сраный могильник?! Знаю, знаю. Скорее всего, зам. нашего старика по тылу — полковник Адик Волченко. Сам дурак с красной рожей, горлопан вечно пьяный, бигусом провонял спасу нет, и еще имя дурацкое такое — Адик. Точно, мудак какой-то! Не даром его курсанты называют «Гадик Сволченко»! Боевой офицер чуть не погиб из-за этой тыловой сволоты. Ладно! Попросит еще у меня роту, другую для хозяйственных работ?! Ага, сейчас! Разбегусь посильнее!»

Пиночет понемногу пришел в себя и, чертыхаясь, двинулся к дому, по пути обдумывая возможность зайти в гараж, переодеться во что-нибудь чистое, и выбросить испорченную одежду, отстирать которую не было никакого шанса. Так же он хотел бы искупаться в училищном пруду, который находился рядом с КПП, чтобы хоть немного смыть с себя вонючую слизь, которая нехотя стекала с полковника, оставляя на его пути зловонный склизкий след.

Вместо шампуня, Серов планировал использовать ацетон или еще чего покрепче. «Лучше вонять ацетоном, чем тухлятиной», — грамотно рассудил он. На крайний случай, в гараже, канистра бензина припасена, придется пожертвовать на благое дело.

Проходя мимо нашей казармы, Пиночет по профессиональной привычке, мельком бросил взгляд на фасад здания. О, чудо! Матерый комбат сразу напрягся и сделал стойку, он увидел всполохи разноцветных отблесков на оконном стекле — явно работал телевизор, причем глубоко в неурочное время. Несанкционированно! Нарушение! Измена! Предательство!

Пиночет стремительно ворвался в казарму и пулей влетел на второй этаж. От взыгравшего в крови командирского куража и азарта, а так же, в предчувствии знатного порева, полковник Серов забыл о своем немного непрезентабельном виде и сногсшибательном запахе. Комбат рвался в роту. Он летел по лестнице, как гончая по кровавому следу на долгожданной охоте, преследуя раненого и опасного зверя.

Но, и мы не лыком шиты. Сработала ночная сигнализация. Не та электронная сигнализация с многочисленными разновидностями датчиков и навороченных систем спутникового слежения, которыми сегодня оборудуют современные машины и квартиры, а примитивная и поэтому абсолютно надежная и безотказная.

На темном участке лестничного проема была натянута обычная нитка, на одном из конце которой висела пустая и мятая консервная банка из под тушенки. Пиночет на бегу зацепил нитку ногой, она порвалась и в ночной тишине, пустая банка, громыхая и звеня, покатилась по ступенькам лестничного пролета. Комбат

чертыхнулся и ускорился, активно помогая себе руками, цепляясь за перила.

Он буквально влетел в роту как вихрь, как ураган, как разъяренный демон. Но, его ждала мирная, идиллическая картина. Бодрствующий дневальный, спокойно, вкрадчивым и размеренным голосом принялся докладывать свою уставную скороговорку об отсутствии происшествий в нашем подразделении.

Пиночет не дослушав рапорт, метнулся в спальное помещение. Личный состав роты, сладко посапывая и местами громко попукивая, умиротворенно спал. Экран телевизора был равнодушно черен. Комбат нервно заметался по казарме, пытаясь найти курсантов, шарахающихся после команды: «Отбой». Сопровождающий его сержант из состава наряда, принюхавшись, пытался держаться от свирепого командира подальше, стараясь при этом, незаметно, зажимать нос пальцами.

Пиночет энергично прошелся по расположению роты и вдруг остановился у задранного под потолок телевизора, его осенила гениальная мысль. Он повернулся к сержанту, тот мгновенно убрал руку от своего носа и старательно задышал ртом. Пиночет многозначительно и ехидно улыбнулся.

— Сержант, дайте дневальному команду, пусть принесет мне табуретку.

— Есть товарищ полковник! Только разрешите, я сам, лично принесу?!

Не дожидаясь разрешения комбата, дежурный по роте, стремительно испарился из ареала досягаемости запаха благоухающего Пиночета и, найдя свободную табуретку, присел на нее. Сержант не спешил вернуться к Серову. Парень не мог надышаться воздухом, он словно не дышал, а большими глотками пил чистый неотправленный воздух.

Устав ждать табуретку, Пиночет начал возбуждаться и генерировать.

— Сержант! Вы что там — табуретку из бревна выстругиваете? Я просил любую табуретку. Любую, а не ручной работы из красного дерева!

Дежурный сержант, услышав голос раздраженного комбата, перестал наслаждаться чистым воздухом, и предварительно облившись одеколоном, взятым из ближайшей тумбочки, подбежал к Пиночету с табуреткой в руках. Остановившись подальше, он, максимально вытянув руки, протянул ее комбату. При этом несчастный сержант старательно работал мышцами лица, отчаянно пытаясь спасти свой нос от прорывающихся в него, паров омерзительного амбре. Он максимально оттопыривал

верхнюю губу, пытаясь перекрыть ее канал поступления тошнотворных запахов в носоглотку. Так же, дежурному по роте приходилось еще сдерживать слезы, непроизвольно наворачивающиеся на его глазах и накатывающие приступы дурноты. Пиночет глядя на отчаянную мимику сержанта, нахмурился.

— Сержант Бояринов! Что у вас, с лицом? Нервный тик, что ли?!

— Никак нет! Просто пылинка попала в нос. И в глаза тоже. И вообще, чего-то мне нехорошо. Тошнит что-то, наверное, бигус на ужине нечаянно съел. Самую малость, вот и мутит.

И тут до Пиночета дошло, он вспомнил свои недавние похождения в мельчайших подробностях, особенно, длительное купание в яме с прокисшей квашеной капустой. Теперь, отчаянная мимика на лице сержанта ему стала понятна и объяснима.

Так как он сам провонял квашеной капустой буквально насквозь, то его восприятие запахов несколько притупилось. Мозг Пиночета перешел в щадящий режим и, спасая рассудок и жизнь своего бестолкового хозяина, максимально повысил порог восприятия для рецепторов обоняния. Но для окружающих людей, этот запах был просто невыносим. Более того, в целой роте, никто из ребят уже не спал. Все курсанты, лежащие в койках, затаили дыхание, старательно укрываясь с головой, чтобы спрятаться от страшной вони, заполонившей огромное по площади и объему спальное помещение казармы.

Но у Пиночета выбора не было, отступать было поздно, и комбат решил идти до конца.

— Сержант, подойдите ближе и поставьте табурет на пол. Вот здесь.

Сержант уже не смог ответить: «Есть!». С большим трудом, сдерживая приступы накатывающей рвоты, со слезами на глазах, парень поставил табурет в указанное место и сразу же отступил назад.

Пиночет влез на табурет, вытянул руку и пощупал корпус телевизора. Естественно, ламповый гроб был раскален докрасна, его смело можно было использовать для отапливания жилого помещения в холодное время года. Пиночет довольно ухмыльнулся и, выдрав провода вместе с клеммой коробкой и предохранителями, торжествующе обратился ко всему составу роты.

— Ну, что?! Меня не проведешь! Опыт не киснет! Его не пропьешь и в карты не проиграешь. Старый конь борозды не портит! Ха-ха. Не делайте вид, что спите. Нечего прикидываться! Что, за дурака меня считали, да?! А я не дурак, нет! Я —

полковник! Я — профессионал своего дела! Я наказываю всю роту. Так как увольнений у вас уже нет, я лишаю всех возможности просмотра телевизора. Провода и клеммник ложу к себе в сейф. Когда посчитаю нужным тогда и отдам! А может, вообще не отдам?! Ха-ха. Приятных снов, птенчики. Мундеркинды недоделанные! С кем решили тягаться, дорогие мои детишечки?! Еще пиписьки не выросли! Сладких вам сновидений, разгильдяи!

Считая свою миссию выполненной, не желая больше задерживаться и источать аромат капустного зловония дальше, Пиночет спрыгнул с табурета. Небрежно помахивая проводами и клеммником, он вышел на улицу. Его настроение заметно улучшилось. Хоть что-то удалось прищучить. Ткнуть носом зарвавшихся и обнаглевших школяров. Он еще о-го-го! Есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! Ради таких моментов и стоит жить!

С чувством образцово выполненного долга, на выходе из здания, комбат довольно и сладко потянулся, аж до многочисленного и громкого остеохондрозного хруста в своих суставах и позвоночнике. Он остановился на крыльце казармы, чтобы глубоко вздохнуть чистого ночного воздуха. Полковник Серов широко и счастливо улыбался. Жизнь прекрасна!

Еще стоя на ступенях казармы, он услышал, как над его головой хаотично захлопали ставни окон — это 4-я рота активно боролась за свою жизнь и здоровье.

На подоконниках многочисленных окон, Пиночет увидел курсантов в нижнем белье, которые усиленно махали полотенцам и одеялами, стараясь выгнать из казармы протухший и отравленный воздух. Так же до него доносились следующие реплики с откровенно издевательским содержанием и нелицеприятными комментариями.

— Старый конь борозды не портит?! Ха-ха. Но и глубоко не вспашет. Поелозит по молодке и сразу сдохнет.

— Вот уж хрен! Какая молодка его к себе подпустит?! Пиписька давно уже сморщилась! К бабулькам, в дом престарелых и то, по записи, пока яйца совсем не отсохли.

— Провода «ложу» в сейф! Дурилка вонючая, не «ложу», а «кладу»! Ложат член, причем конкретно! Да, и по всей морде!

— А я реально думал, что не выдержу и наблюю. Нет, точно! Койка у меня на втором ярусе, вот Петровичу бы внизу досталось. Веришь, еле удержался?! До сих пор позывы на рвоту по кишкам шарахаются.

— И не говори! Сержант то наш, сейчас голову в раковине замачивает, аж зеленый весь. Того и гляди, всего наизнанку вывернет. Вот досталось парню! Ребята одеколоном платок

смочили и под нос ему пихают! Пока, не очень помогает. Спазмы по телу так и бегают, трясет парня, надо с наряда снимать, не достоит до утра.

— А Пиночет то чего?! Получается — по ночам бигус подворовывает. Не может отвыкнуть от дерьма?! Вот бедолага. Жаль, конечно, человека! Его жена точно ТАКОЕ приготовить не сможет! Тут особый талант нужен, чтобы руки из жопы росли и еще секретные ингредиенты типа «зарин», «зоман» и обязательно «фосген» добавить. Для более качественного удушения.

— Пиночет же военный по пояс. Бигус для него — деликатес. Ностальгия! Понимаешь?! Круче всякой икры. Вот он по ночам по свалкам и ползает, за нами доедает.

— А чего ползать, мы ему весь бачок отдадим, пусть лопает, хоть в три горла жрет. Еще добавки накидаем.

— И чего он в этом говне полезного нашел?! Его даже свиньи на свинарнике не едят, рыло воротят, пока из лоханки не выкинешь.

— Мама родная, а как же его домой то, такого вонючего пускают?! Квартира по площади раз в триста меньше казармы. А у нас вонища такая, что того и гляди в окно выпадешь.

— Да уж, блевать так и тянет, сил нет. Вот урод, приперся! Жрал бы себе бигус в одну харю. Пришел похвастаться, дубина. Пиночета кусок.

— Ребята бросай махать полотенцами, вроде полегче дышать стало. Наряд весь одеколон и туалетную воду в роте собрал и в проходах между кроватей брызгают.

— Вроде, действительно, уже терпимо становится.

— Парни! Стас из проводов времянку смастерил, телек заработал! Айда смотреть. В ночном сеансе «Полосатый рейс» показывают.

Все курсанты дружно попрыгали с подоконников и исчезли в глубине здания, Пиночет с тоской посмотрел наверх, в раскрытые окна казармы. На втором этаже, на белом потолке играли разноцветные блики — начинался «Полосатый рейс».

После всего услышанного в свой адрес, возвращаться в роту для более качественного наведения пошатнувшейся воинской дисциплины, комбату уже почему-то не захотелось. Повертев в руках, ставший бесполезным клеммник и провода от телевизора, обиженный Пиночет размахнувшись, забросил его в открытое окно нашей казармы. Затем, оттянув на себе одежду, он пару раз втянул через нос воздух. Понюхав одежду, Серов брезгливо скривился и быстрым шагом скрылся в ночной темноте.

На следующий день и еще пару недель кряду, на всех построениях, от Пиночета разило адской смесью запаха бензина,

ацетона и различных дешевых и очень дорогих одеколонов. Но, несмотря на все предпринятые меры, сквозь эту гремучую парфюмерную смесь, все же назойливо пробивался несравненный и удивительно стойкий запах бигуса.

А у полковника Серова появилось железное правило — всегда становиться к своему собеседнику с подветренной стороны.

15. Национальные кадры

В бытность Советской армии всегда существовал и активно насаждался известный лозунг, рожденный в недрах Главного политического управления Министерства обороны — Народ и армия едины! А так как народ в СССР был многонациональный, то и армия тоже была многонациональная. В соответствии с Конституцией, все граждане Советского Союза наделялись равными правами и возможностями, особенно по защите своей единой и неделимой Родины. Красиво, впечатляюще и справедливо, не так ли?!

Вот только условия поступления в военные училища для представителей различных национальностей и народностей были очень даже различные.

Для обеспечения наличия в монолитных рядах защитников родины ребят из всей многоликой и многогранной прослойки советского общества, руководству нашего училища (и не только нашего), выполняя строгие указания ГЛАВПУРа, приходилось сдерживать и основательно прореживать многочисленную толпу желающих стать красными офицерами из таких республик, как — Украина, Белоруссия и Россия. И при этом открывать «зеленую улицу» и поддерживать наиболее благоприятные «хлебосольные» условия для представителей Средней Азии, Кавказа, Молдавии, Крайнего Севера и прочих уважаемых братских республик нашей великой и необъятной страны, принимать выходцев из малых народов, по «целевому» направлению — фактически, без экзаменов и вне конкурса.

Для примера, положа руку на сердце, могу откровенно сказать, что на 30 человек нашего учебного классного отделения приходилось 20 национальностей и народностей. Славян было менее 10 человек. Зато, в нашем дружном отделении числились — таджик Мишка (Мумин), казах Эрик, армянин Эдвард, азербайджанец Федя (Фахраддин), башкиры Тамерлан и Радул, молдаванин Олесь, татарин Раис, киргиз Адиль, грузин Костя (Котэ), чеченец Золман. В нашем 45-м отделении даже более года отлично служил и учился замечательный и умненький курсант — еврей Ицек, но его подвело здоровье, и парень был комиссован в начале 2-го курса обучения. Расставаясь с нами, он искренне плакал огромными слезами и его вечно грустные карие глаза в тот день были наполнены особенно пронзительной тоской. Но, позвольте, продолжу.

А так же еще, были в наличии — осетин Илья, латыш Марис, немцы (наши «русские» немцы, братья — Курт и Карл), тувинец

Булат, уйгур Коля (возможно — Кола, кличка — «Пэпси»), белорус Вася, пятеро русских и еще много достойных и хороших ребят из Хохляндии. И еже с нами в роте учились единичные экземпляры парней из таких редких, малых и почти неизвестных народностей, о которых мы, вообще, никогда, нигде и ничего не слышали. Такая вот получилась незатейливая солянка. Коктейль. Ассорти. Сложный бутерброд. Слоеный пирог.

И что характерно, у ребят из Средней Азии и с Кавказа, которые абсолютно не владели общепринятым государственным языком, были фантастически замечательные аттестаты за среднюю школу. В основном — сплошные пятерки, хоть в МГУ принимай медалистов-отличников. Когда эти гении немного освоились, и приблизительно где-то, через год учебы, начали с большим трудом, но все же понимать речь окружающих их сограждан, любопытствующая курсантская братия стала активно пытать их следующими вопросами.

— Фахраддин! Ты не против, если тебя Федей будем звать, а то язык можно сломать, пока выговоришь?! Фахраддин! Вот имечко, нарочно что ли так назвали?! Объясни мне — тупому русскому, как ты — Федор, имея за школу пятерку по математике, до сих пор 2 + 3 на пальцах считаешь, и каждый раз у тебя разные ответы получаются?! Ты же вундеркинд дипломированный! Отличник, медалист золотой, просвещенный и просветленный гигант научной мысли. Твой аттестат нужно в красивую рамочку на стенку казармы вешать и экскурсии водить. Такая красота идеальная!

Здоровенный азербайджанец Федя-Фахраддин скромно улыбался, и стыдливо отмахиваясь огромной ручищей. Для ремарки — Федя мог легко обхватить 3-х литровую банку полную воды, причем ладонью одной руки и, оторвав ее от стола, держать в воздухе, сколько угодно длительное время. Размер ножки, у этой казарменной Золушки, тоже был впечатляющий — 48–50. Сапоги, для него, шились исключительно на заказ. Складские прапорщики только беспомощно разводили руками — армия такой гигантской обувью не располагала. Как все неимоверно сильные люди, Федор, был законченным добряком и неторопливым увальнем. Он даже говорил очень медленно, неспешно и обстоятельно подбирая каждое слово.

— Эээ! Да это, не я отличник! Папа мой отличник! Папа к директор школа ходил. Говорил долго. Домой ходил, барашек резал, опять к директор ходил. Говорил много. Делал много. Для один сын, мой папа ничего не жалко! Я — это один сын! Астальной дети, только пять мой систер. Я — гордость! Фамилий! Род! Мужчина! Все в дом для меня не жалко. Папа в школу много

ходил. Один барашек — один пятерка! Много барашек, папа резал.

— Охренеть, надо же?! Ты слышал Лелик?! Пока мы десять лет в школе мозгами скрипели, штаны о парты протирали, всякие там таблицы — от банального умножения до Брадиса слюнявили, Федору раз и золотую медаль на блюдечке! Бери дорогой, не стесняйся, заработал, однако! Слышь Федя, а позволь полюбопытствовать, друг любезный! А какого рожна, ты в армию поперся. Ты же гений, тебе самое место в институте науку двигать, атомы расщеплять, бензин мочой разбавлять или на директора магазина учиться — усушка, утруска, испарения, лом, бой, пересортица.

— Не! Институт не хачу, скучно, дольго! Надо диссертаций покупать, защищать диссертаций надо. Много банкет в рестаран делать, долго. А на директор магазин не получилось. Мой семья очень бедный. Нет возможность директор магазин быть. Нет в дом столько денег. Мой папа немного бедный. Начальником хачу стать. Бальшим, важным. Черный «Вольга» хачу. Все уважать Фахраддин будут, папа мой уважать будут. Скажут: «Какой Фахраддин стал?! Черный «Вольга» за ним привозить!» Папа мой серьезный ходить, важный! Хорошо! Всем хорошо!

— Ты хочешь сказать, что в форме, ты — начальник?!

— Да, кто форма и погону носит — бальшой начальник! В наш милиций мест не быль, очередь туда бальшой, ждать очень дольго. Пожарник мест не быль. Папа барашек резал, военком ходил. Военком вино пил, барашек кушал и говорил: «Разнарядка в военный училищ есть. Форма будет, погон будет, Фахраддин начальник будет» Папа головой кивал, военком руку жал. Друзья!

— Федя, а в ВВС то зачем? Тут летать надо, самолет вжи-вжи, ремонтировать нада, мало-мало. А?! В экипаж попадешь, летать нада, с парашют прыгать нада?! Страшно! А?!

— А Фахраддин не будет летать, высота сильна боюсь. Училище закончу, домой поеду. Папа с военком вино пил, я помощник военком буду. Начальник! Может «Вольга» дадут. Красивый «Вольга», черный. Домой в отпуск ездил, по городу в форме с папой ходил, все видел Фахраддина в форме. Папа важный ходил, все его уважают. Папа что-то говорил, все его слюшал! Хорошо!

— Федя, а скажи нам честно! Ты на экзаменах в училище был? Ты вообще писал чего-нибудь, корень квадратного многочлена искал?

— Нет, не был. Мне бумажка военком дал, что экзамен, я в Бакы сдал. На один пятерка сдал. Папа барашек резал, военком барашек кушал.

Ну, что тут скажешь?! У каждого свой путь в армию и в авиацию. Многие пацаны, не набравшие баллы на вступительных экзаменах, домой в слезах поехали. А сколько толковых мечтателей о небе, конкурс не прошли?! Просто мест не хватило!

Нету больше местов и все тут. Кончились места, причем, большая половина, еще до самих вступительных экзаменов и кончилась!

Правильный лозунг придумали в ГЛАВПУРе — Народ и армия едины! Какой народ, такая и армия! Хотя, если честно, с нашим Федей проблем в принципе то и не было. Он работал как вол, служил замечательно — в нарядах не спал, грязи не чурался, туалеты драил, марш-броски бегал, тяжеленный пулемет таскал без устали. Даже учиться пытался по мере сил и возможностей, но после училища поехал к себе на родину, служить в военкомате большим начальником. И таких, как Федя, у нас в отделении было 2/3.

Вопросов нет, ребята из национальных кадров в основной массе своей были замечательные. За годы нашего обучения в училище, не было ни одного конфликта на межнациональной почве. Даже когда начались трения в городах Сумгаит и Степанакерт между армянами и азербайджанцами, Федя и Эдвард оставались самыми закадычными друзьями и ездили в отпуск вместе. Настоящая мужская дружба оказалась гораздо прочнее и выше политике и межнациональной розни.

Чеченец Золман представлял собой образец честности и порядочности. Справедливость и чувство ответственности были у него в крови, прописаны на генетическом уровне. Он всегда, добровольно, вызывался на самые трудные и неприятные участки службы и работы. Как будто хотел доказать самому себе, что и это неприятное задание, ему по силам. На марш-бросках, Золман всегда тащил ослабевших товарищей. Однажды, он пересек финишную линию с восемью автоматами, помогая менее выносливым сослуживцам дотянуть после 10 км. марша. Ну, как не уважать такого парня, даже если его и приняли в военное училище, «за красивые глаза»?!

Службу тащили все на равных, независимо от национальности и религии. Туалеты мыли, очки драили без гнилых базаров, что это немужская работа. Жили по принципу: «Нагадил, убери за собой сам. Слуг здесь нет!»

В наряд на свинарник ходили и православные, и католики и мусульмане. В нашей дружной военной семье различий не было. Все ребята как бы растворились друг в друге и стали составной частью единого организма.

А вот учеба давалась всем по-разному. Многие ребята, по-

русски более-менее научились разговаривать только к третьему курсу обучения. Но им кое-что прощалось. Хотя, чего кривить душой, прощалось почти все — полное отсутствие знаний по точным наукам, ибо установка ГЛАВПУРа была строга и сурова — национальных кадров, за неуспеваемость, не отчислять.

В военном училище существует развитая система анализа успеваемости личного состава. Каждый календарный месяц, на 20-е число, проводится строгий подсчет неудовлетворительных оценок у каждого курсанта в отдельности по всем предметам и за классное отделение, в целом. Данная информация стекается в Учебный отдел училища, где сидят яйцеголовые офицеры-аналитики, которые составляют занудные сводки и дают многочисленные научно-обоснованные рекомендации для корректировки учебного процесса. А так же, рекомендации командованию, обратить внимание на то или иное подразделение, где произошла просадка успеваемости, с целью провести воспитательную работу и мобилизовать всех для ликвидации позорной угрозы отчисления курсанта из училища.

Воспитательная работа обычно сводилась к массовому лишению всех, причем поголовно всех, увольнений в город. Мол, сидите, ребятки и учите, грызите гранит науки и подтягивайте отстающих. А в город, к девочкам, пойдут отличники и хорошисты. Селекция, однако! Дебилам, к девочкам нельзя. Не стоит генофонд нации портить! Да и стимул для поднятия успеваемости, тоже, согласитесь, очень прогрессивно действующий. Зигмунд Фрейд был прав, безусловно.

По большому счету, личная успеваемость отдельно взятого курсанта, особо никого не интересовала, ибо, в армии всегда культивировалась коллективная ответственность за себя и за своих товарищей. И все отцы-командиры всегда боролись, и будут бороться за то, чтобы именно его подразделение носило звание — «Отличное». Тогда, глядишь, в академию отпустят или внеочередную открытку на покупку дефицитного автомобиля подкинут. Короче, служите и вас заметят! А может, даже и наградят?! Посмертно! А так хочется, чтобы при жизни.

В нашем легендарном многонациональном отделении, обильно насыщенном школьными медалистами и круглыми отличниками, выращенных на репетиторстве овец и баранов, результат в 220 двоек на 30 курсантов, на 20-е число календарного месяца был достаточно частым и рядовым явлением. Учитывая, что из 30 человек нашего доблестного отделения, далеко не все курсанты получили аттестаты в обмен на отару овец, то 10 человек училось очень даже прилично — на 4 и 5. Следовательно, остальные 2/3 отделения, были круглыми,

стабильными и беспросветными двоечниками абсолютно по всем предметам.

На традиционных построениях в конце учебного месяца, в районе 21-22-го числа, командир роты Володя Нахрен, мрачно прогуливаясь вдоль строя ученичков, с результатами нашей успеваемости в руках, раздраженно бормотал следующее.

— 41-е классное отделение! 6-ть двоек на 20-е число! Позор! Вы, тянете нашу отличную роту назад, прямо в яму. Из-за таких неучей и бездельников, как вы, у нас отобрали переходящий красный вымпел и передали его нашим заклятым друзьям снизу — в незабвенную 5-ю роту. У вас же в отделении ни одного нац. кадра, откуда двойки?! А?! Стыдно! Обидно, аж до слез!

Володя с нескрываемым презрением посмотрел на съежившихся под его тяжелым взглядом ребят.

— Все, писец! В эти выходные дни парадную форму можете не гладить. Даже, и не подходите к каптерке! В увольнения, никто из 41-го отделения, не идет! В отделении одни славяне и 6-ть двоек! Опять на самоподготовке в домино рубились?! Поймаю, подвешу за яйца! Лейтенант Зайчик! А Вам, любезный командир этого долбанного взвода, я бы посоветовал, ежедневно и лично контролировать самостоятельную подготовку вверенного личного состава! Распустились!

Нахрен рубанул по воздуху рукой, сказал, как отрезал. Личный состав 41-го отделения тоскливо опустил плечи и повесил носы. Лейтенант Зайчик съежился до размера кролика. Нахрен был суров и страшен. По косвенным признакам, можно было предположить, что Володю уже «поимел», в приватной беседе комбат Пиночет, причем — в самой извращенной форме.

— Так, далее, 42-е и 43-е классные отделения — молодцы! Ни одной двойки! Чувствуется работа сержантов и комсомольского актива. Работа и результат на лицо! Всем увольнения! И в субботу и в воскресенье! Все 100 % личного состава, на волю в пампасы. Девчонки уже изнылись, истосковались, через КПП не пройдешь, стоят пачками, тоскуют. Сержант Гвинтовка, списки увольняемых, мне на стол, на подпись! Так держать парни!

Курсанты из 42-го и 43-го отделений, вдохнули полную грудь воздуха и шутливо приняли высокомерный вид. Ротный, тем временем, продвигался дальше вдоль строя курсантов.

— 44-е отделение! Одна двойка! У Чижевского, за сопромат! Охренеть! И это отделение — гордость нашего батальона и всего училища?! «Отличное отделение»?! Так вот голубчики, хуль вам, а не увольнения! Будете сидеть, день и ночь, в ленинской комнате. И все вместе будете заталкивать или вбивать, в эту тупую башку, этого сраного Чижевского, весь этот долбаный

сопромат!!! Всем понятно?! Кто не согласен, может передать личное персональное спасибо гениальному мундеркинду Чижевскому! Или написать жалобу в ООН, Пе-рэ-су Де-ку-эй-ле-ру. Вопросы?! Вопросов нет.

Командир роты остановился напротив курсанта Чижевского и, скрутив листок с оценками, постучал им по голове бестолкового украинского парня. Чижик, покраснел и виновато засопел, сопромат был далеко за пределами его понимания и представления об окружающем мире. Нахрен еще раз постучал по голове Чижевского, старательно прислушиваясь, к отголоску эха.

— И никто, никогда в увольнения не пойдет! И не мечтайте. Кто сказал, про срочные и важные переговоры по телефону?! Все вопросы к Чижевскому. Хоть «темную» ему устройте, хоть сами за него летучку по сопромату перепишите, мне все равно! Но до следующего 20-го числа, в 44-м «отличном отделении» увольнений в город НЕТ! Вот вам Чижевский — крепкий и дубоватый парень! Учите его или казните, мне все равно! Мне важен результат на 20-е число! Вернете звание «отличного», тогда поговорим. Все, как сказал великий Ленин — учиться, учиться и учиться! Кто не согласен с классиком марксизма-ленинизма?! Никто?! Я так и знал!

Доходила очередь и до нашего, легендарного 45-го классного отделения. Нахрен сразу категорически мрачнел, чернел и хмурился как никогда. Он долго смотрел в бумажку с двойками, сопел, прокашливался, набирался сил и выдавливал следующее.

— Ага, наконец-то — 45-е, многострадальное, многоликое и многонациональное! Сборище потенциальных нобелевских лаурятов, непризнанных гениев и заслуженных научных светил! Стадо вундеркиндов и банда законченных дебилов и отъявленных негодяев. Уууууу! Смерти моей хотите, да?! Господи, ну почему же вы такие тупые?! За какую провинность мне всучили такое количество безнадежного и беспросветного быдла?! Ёёёёёёё! Ладно, лирику в сторону, а теперь сухой язык цифр! 182-е двойки!!! Всего-то! Ну, что же ребятки, сразу видно, что в этом месяце, вы все очень хорошо поработали, старательно напрягли остатки своих извилин и славно потрудились. Что отрадно, результат не заставил себя ждать! У вас наметились заметные сдвиги и радикальная динамика в положительную сторону. Учебный отдел и командование училища вами приятно удивлены и, прямо сказать, довольно. Так держать! Всего то, смешно сказать — 182 двойки. Ха-ха! 182, а не обычные гарантированные 200, и не, упаси господи, 220! Начинали то с 220-ти в месяц, да было дело! Вспомнить страшно! А теперь, молодцы! Мо-лод-цы! Старшина, подготовь увольнительные записки для 45-го

отделения, ребята в этом месяце достойно потрудились. По труду и награда! Такой замечательный прогресс в успеваемости надо достойно поощрить! А полудурки, из 41-го и 44-го отделения, где все имеют славянскую внешность и внятно чирикают по-русски, пусть берут пример с 45-го «дикого» отделения и перенимают у них передовой опыт. Ну, вот в принципе и все. А, чуть не забыл, по итогам месяца наша рота откатилась на второе место по успеваемости в батальоне и потеряла звание «отличная». Позор! На первом месте — 5-я рота, с разрывом в одну двойку. В одну сраную двойку! И это при том, что у них на круг, на 4-ре нац. кадра меньше, чем у нас в роте. О чем это говорит?! А говорит это, о том, что — у наших абреков и басмачей, потенциал гораздо выше, чем у душманов и саксаулов из 5-й роты. И мы, просто обязаны быть на первом месте в батальоне по успеваемости, но никак не на втором. Второе место никому не нужно! Второй — значит последний! Я считаю, что этот позорный факт целиком и полностью ложиться на плечи нашего «отличного» 44-го отделения, которое не имеет права, вообще получать неудовлетворительные оценки. Никогда! Чижевский, это ты во всем виноват! Мерзавец, дубина, эпюра тупая, бестолочь! Ух, я тебя, доведешь до греха! Сиди и учи, пока сопромат из ушей не потечет! Все, все свободны! Повторяюсь — особая благодарность 45-му классному отделению. Видно, что парни приложили максимально усилий и выходят на новые рубежи и орбиты, молодцы! Ведь могут же, могут, когда захотят! Так держать! Я вами горжусь! Глаза бы мои вас всех не видели. Тьфу! Разойдись!

Вот такие дела! Можно сказать, мне даже повезло служить и учиться в таком оригинальном отделении. Пересказывая и объясняя на самостоятельной подготовке по 10–20 раз один и тот же материал для ребят со слабым знанием русского языка, я научился терпимости в общении с другими людьми, а так же сам, лично, усваивал предметы до уровня наших опытных и искушенных преподавателей. В результате чего, на экзаменах, всегда отвечал без подготовки и только на «отлично». Но речь сейчас не обо мне. Речь пойдет о выдающемся и непревзойденном в своем роде, киргизе по имени Адиль. (см. «Стихоплет»)

16. Стихоплет

В военном училище, где нет возможности уединиться и побыть один на один со своими мыслями, в условиях жестко регламентированного распорядка дня и культурного голодания, у многих ребят неожиданно раскрываются неизвестные ранее таланты и скрытые способности. Монотонные будни, заставляют человека искать занятия по душе, которые помогли бы отвлечься от монотонного однообразия и хоть как-то скрасить рутину повседневной жизни.

Спящие способности неожиданно пробуждались, и курсанты начинали испытывать непреодолимую тягу к творчеству. Кто-то из ребят начал плести ажурные цепочки из нихромовой проволоки, кто-то стал рисовать и, весьма, прилично. Витя Копыто начал писать письма своим многочисленным подругам по 15–20 листов каждое, этакие настоящие произведения и литературные изыски, состоящие из многочисленных витиеватых словосочетаний и многоэтажных душещипательных оборотов. Стоит особо отметить, что эти письма не всегда помещались в стандартный почтовый конверт. Можно только предполагать, какими обильными потоками слез умиления и восторга были омыты данные литературные перлы.

А вот, киргиз Адиль, неожиданно, начал писать стихи. Причем, писать начал на языке, которого практически не знал и владел им, просто отвратительно — тоесть, на русском. Далее по тексту, я попытаюсь процитировать эти стихи. Примерно, конечно же, но по возможности, максимально близко к оригиналу. Для удобства прочтения, на месте ударения, в слогах будет стоять заглавная буква. Качество стихов и рифма были следующими.

Дружище ЗахАр
Съешь мой сахАр
Автомат, портянка, тумбочка
В мой аул есть пять дом и два улочка
Мой родина — мать
А папа — кетмень
Я стою на посту
И стою целый день
Буду дальше стоять
Потому что не лень и т. д.

«кетмень» — это, по словам Адиля, какое-то древнее

национальное киргизское орудие труда, типа — мотыга специальная, которую при желании, можно использовать как оружие.

К творчеству нашего самобытного поэта, мы относились достаточно терпимо и с пониманием — не зубоскалили и не критиковали. В военном училище нас научили принимать людей такими, какие они есть, с их достоинствами и недостатками, с сильными и слабыми сторонами. Если откровенно и по-хорошему рассудить то, каждый из нас самих — далеко не подарочек! Самое главное, чтобы человек был хороший! А у каждого, есть право на личное стадо муравьев в своей собственной голове. Это бесспорно и обсуждению не подлежит. Людей надо стараться понять и поддержать, ведь все мы находились далеко от дома, в непривычных и чуждых для себя условиях.

В свое время, я тоже немного баловался графоманией и по просьбам ребят, веселил их какой-нибудь похотливой ерундой. Иногда, под заказ, карябал пару незамысловатых строк о чистой и вечной любви, чтобы кто-нибудь из пацанов вставил эту рифмованную лямурную лабуду в письмецо для своей девушки. На лавры великого Пушкина, я никогда не претендовал, но ребята смеялись от души. А смех, как известно, снимает усталость и продлевает жизнь. Курсантам, мои потуги на оригинальность и стихоплетство, нравились. Они частенько просили озвучить какую-нибудь незатейливую эпиграмму. Я никогда не капризничал и не отказывал. Все дружно хохотали и при случае, просили почитать еще. Их смех был благодарным и очень искренним, а на большее, я и не рассчитывал. Скромность, по моему чистосердечному убеждению, украшает любого человека, даже самого законченного раздолбая.

И вот, как ни странно, наш начинающий поэт, решил получить благословление на начало своей творческой деятельности почему-то, именно от меня. Так, неожиданно для себя, я стал первым доверенным слушателем, критиком и идейным вдохновителем нашего Адиля.

Однажды ночью, Адиль с горящими от возбуждения глазами (кстати, внешне Адиль очень похож на афганского душмана, особенно, темной ночью), разбудил меня и попросил оценить его новые произведения. Не смотря на страстное желание послать Адиля в дальнее пешее путешествие с сексуальным уклоном и завалиться на кровать, чтобы досмотреть внезапно прерванный эротический сон с участием Мишель Мерсье (актриса, сыгравшая Анжелику в легендарном французском фильме), я героически выслушал его очередное творческое изыскание в области русской литературы, причем даже старательно отрифмованное.

Самолет лететь на небо
Я стоять, махать рукой
Летчик — смелый, сильный, умный
Воздух чисто голубой
Тучка есть совсем немного
Не мешать лететь ему
Я пойду своя дорога
Буду кушать бастурму и т. д.

— СашА, мне важно знать твой авторитетный мнений! Ты сам, очень понятно пишешь, твой стихи — музыка для мой уши. Мне интересна твой добрый слово на мой стихи. Ну, как?! Скажи, только, правда! Я не обижаться и пойму правильна. Не сильно гавно?!

Художника обидеть может каждый. Творческая натура легко ранима. Критика в данном случае, была просто неуместна. Вспоминая, с чего начинал Адиль, прогресс был явно грандиозный. Учитывая, что из меня самого, поэтишка — так себе, я искренне похвалил парня, уже за само желание творить. При этом мне пришла в голову занятная мысль, которая получила неожиданное развитие. Но, давайте, начнем по порядку. Итак, стараясь открыто не зевать, я выдал следующее.

— Адиль, это гениально! Учитывая, что русским языком ты владеешь так же виртуозно, как я — китайским, то, не кривя душой, могу сказать, что ты — молодец!

Адиль просиял, в кромешной темноте спального помещения была видна его ослепительно белая улыбка. Я, еще находясь в полусонном состоянии, подумал: «Почему у него такие белые зубы? Щетку и пасту впервые увидел в училище, а белизна зубов, как с картинки, в нашей медсанчасти?!», но речь не о зубах, а о творчестве и я продолжил.

— Слушай, дружище! А какого рожна, ты пишешь на русском. Пойми правильно, все красивое уже давно написано. В русской литературе уже есть такие знатные поэты, как — Есенин, Некрасов, Гумилев, Пушкин, Фет, Блок, Маяковский, Багрицкий, Ершов, Мандельштам, Вяземский, Высоцкий, Филатов, Галич, Цветаева и многие другие.

Адиль искренне ужаснулся. Он не ожидал, что в русской поэзии есть еще кто-то, кроме Пушкина, портрет которого, висел в школе его родного аула. Более того, Адиль по наивности считал, что все стихи, а так же и все, что с ними связано, написано исключительно А.С. Пушкиным. А уроки по русской литературе были его любимым предметом в родной школе, так

как на закономерный вопрос об авторстве любых стихов, ответ его соплеменников был предельно прост — «Пушкин». И все тут. Гарантированная пятерка в кармане, тоесть в дневнике и в аттестате кстати тоже.

Итак, Адиль был в шоке, он страшно выпучил свои раскосые глаза. Белки его темно карих глаз нереально светились в ночной темноте, в скупом свете фонаря дежурного освещения.

— Их так много?!

— Да, дорогой! Их очень много. Гораздо больше, чем ты можешь представить. Россия вообще испокон веков славилась своими умными людьми, особенно в литературе. И зачем тебе состязаться со всеми ними?! Что тебе мешает стать самобытным национальным поэтом?! Рупором своего народа, так сказать. Начни писать на своем родном языке. Сколько у киргизов признанных в мире стихоплетов? Не знаешь?! И я не знаю! Так вот, ты и будешь первым. Не надо тратить время на перевод своих гениальных мыслей с киргизского языка на русский, мелодичность теряется. Сразу пиши на своем родном — киргизском языке, заодно и прославишь его. Язык бескрайних степей, шум ветра, незабываемый запах травы и навоза, лошади, овцы и верблюды, кумыс, кизяк и прочее. Красота и все такое! Короче, дерзай!

Я еще долго лепетал что-то несвязное и вливал в уши Адиля какую-то беспросветную лабуду. Мой язык временами переставал шевелиться, я засыпал. Но Адиль все понял как надо. Его осенила великая идея, написать грандиозную поэму, и работа закипела.

По ночам, после команды: «Отбой», Адиль бежал в ленинскую комнату, где старательно изводил кубометры бумаги. Временами, на самостоятельной подготовке, он просил пару минут нашего драгоценного внимания, выходил к учебной доске и начинал страстно читать готовые отрывки из своей поэмы.

КабардЫ булдА сектЫ
ЧембердЫ копнА елдЫ
ИчфулдА мантЫ пиндУ
ХабарлЫ дуртА фяндУ. .

Хочу предупредить сразу — за достоверность не ручаюсь, воспроизвожу по памяти, на слух. Возможны катастрофические ошибки, искажающие весь гениальный смысл данного произведения. Прошу простить, но оригинал не сохранился. Тем не менее, что-то похожее и созвучное.

Затем наш казарменный поэт скромно замолкал, с надеждой, вопросительно вглядываясь в наши задумчивые и одухотворенные

лица. Мы были великодушны и, хотя никто из нас, ни хрена не понимал, мы всегда горячо и активно хвалили творчество Адиля, часто прося повторить тот или иной отрезок его стихотворения. Наш киргиз светился от удовольствия. Это давало ему силы и вдохновение для продолжения работы над своим нетленным творением. Как мало надо дать человеку, чтобы улучшить ему настроение, подарить маленький кусочек счастья!

Но, с ростом объема поэмы Адиля, ему требовалось более серьезная поддержка. Писать стихи — это тяжелый труд, поверьте на слово. Этот труд сопровождается своими кризисами, творческими взлетами и провалами. А большому поэту для уверенности в себе и подпитки сил, необходимо всеобщее признание более многочисленной аудитории благодарных слушателей, чем наше достаточно лояльное к творческим изысканиям Адиля, 45-е классное отделение. И такой случай, вскоре подвернулся.

Однажды, наш незабвенный и малоуважаемый комсомольский вожак Конфоркин, долго суетился под ногами и что-то нудно блеял про всеобщий глобальный конкурсный концерт всенародной самодеятельности бездарных и безталантных, убогих и безголосых, причем, в формате всего училища.

Он пытался агитировать нас принять активное участие в этой законченной показухе, направленной исключительно на благо мира во всем мире. Упирая на то, что победители данного сомнительного конкурса, поедут с дружескими визитами в ракетное училище и в училище внутренних войск нашего гарнизона. К тому же, в качестве главной заманиловки, Конфоркин авторитетно обещал, что на время репетиций и проведение самих концертов, все участники конкурса освобождались от всех многочисленных видов нарядов и хозяйственных работ. Но, тем не менее, все равно, дураков, готовых выставить себя на посмешище курсантской публике, почему-то, не находилось. И тут, меня осенило.

— Слышь, Конфоркин! Только тебе! Только по секрету! Исключительно из-за хорошего к тебе отношения. Да не суетись ты, и спрячь свой блокнотик. Лично у меня талантов нет, и не предвидится, но я знаю такой талант!!! Просто, ТАЛАНТИЩЕ!!! Человек огромадной самобытной культуры. Поэму по ночам ваяет, причем, исключительно на родном, киргизском языке. Представь, сколько тебе плюсов, как секретарю комсомольской организации отслюнявят. Сам Конфоркин, среди всеобщей серости и убогости, нашел, воспитал, взлелеял и выпестовал такую редкую жемчужину! А?! Может даже назначат в секретари

всего батальона! Ну, чем не карьерный рост?! Показать, где талант обитает?!

Конфоркин прикинул возможные головокружительные перспективы в своем скудном умишке и ухватился тонкими ручонками за рукав моей гимнастерки. Идея ему понравилась. Он чуть ли не ссал паром, выпрыгивая из широченного галифе. Еще бы, такая удача. Но, его точило маленькое смутное сомнение.

— На киргизском стишки, говоришь?! А, если наше быдло необразованное, не поймет?! Они же русскую речь не всегда с первого раза понимают. Вдруг освистают мерзавцы?! Это же риск, на грани провала, с последующей опалой. Могут обвинить в политической близорукости! Понимать надо?!

— Не сомневайся, все будет в лучшем виде. Тем более, это развитие национальной самобытной культуры! Замполит, просто охренеет от восторга! А успех, я обеспечу! Грандиозный успех будет, поверь на слово, только одно маленькое условице. Ты, дружок, в агитбригаду запиши еще человек с десяток, я скажу кого, только петь-позориться и скакать по сцене мы не будем, учти. Мы, так сказать — группа поддержки нашего доморощенного поэта. От нарядов, естественно, полное освобождение, а так же индульгенция на будущее от твоих общественно-комсомольских поручений — никаких стенгазет, докладов на собраниях и прочей фигни. Идет?! А успех, будет просто потрясающий! Ошеломительный успех будет! Факт! Гарантирую!

Хлопнув по рукам с комсомольским активистом, я быстренько надиктовал ему десяток фамилий проверенных выдающихся ребят из разряда «рецидивистов-заводил-раздолбаев». Комсорг сначала пытался отнекиваться и спорить в целесообразности привлечения данных кандидатур, но я сумел найти нужные слова и красноречиво убедил составить именно такой список. Отпустив сияющего Конфоркина, я пошел излагать парням из списка, абсолютно гениальный, но простой в исполнении, план.

Наступил день долгожданного конкурса. В просторном училищном клубе восседал весь наш 1-й учебный батальон, до последнего человека, присутствовал партийный бомонд и комсомольский актив всего училища. В жюри восседали важные представители политотдела училища. Офицеры батальона, естественно, располагались на первых рядах амфитеатра зрительного зала.

Конкурсанты в порядке очередности выходили на сцену и старательно блистали своими скудными талантами. Кто-то бездарно пел, совершенно не попадая в музыку. Кто-то играл на

гармошке или гитаре, страшно фальшивя. Кто-то откровенно убого показывал заезженную миниатюру или пытался пародировать Хазанова.

Все было достаточно халтурно и топорно, зал откровенно скучал, и вяло похлопывал. Откровенных бездарей и коновалов, просто тупо освистывали. Тоска смертная! Но, выбора у толпы не было. Ибо, лучше быть зрителем на таком безалаберно халтурном конкурсе, чем активным участником на праздничном кроссе по пересеченной местности на дистанции в 6 км, при полной боевой выкладке или на грузо-погрузочных работах в складах ближайшей товарно-сортировочной базы. Подошла очередь Адиля.

Он вышел на сцену и принял многообещающую театральную позу. Надо отметить, что парень был сам по себе достаточно колоритной фигурой. Рост за 180 см., голова 60-го размера, огромные руки, раскосые глаза, смуглое скуластое луноликое лицо, иссиня черные волосы, кривые ноги и сапоги 46-го размера. Ну, точно, душман афганский, зарежет и не дрогнет! Кергуду — шутка!

Адиль картинно заломил руки, и страшно выпучив свои раскосые глаза, эмоционально резанул минут на 50-т, без перерыва, без пауз и остановок.

ТындербЭй улдА замдЫ
КолоржУс юлмАй холвАх
ЦапервУ гюльбА ерсЕц
ПапюрькЕ ындЫ пюждЕц. .
КурултАй тюнбАм арнАк
ЧиркашИ бильдЫн бурхАк
ШубармУ овцЭк лямбУн
УкурмА жамшАн дукдУн. .

Курсанты, сидящие в зале мгновенно прекратили болтать и хихикать, все удивленно замерли и уставились на сцену, широко раззявя от крайней степени изумления свои рты. У некоторых, особенно слабонервных, челюсти отвисли аж почти ниже колен. Парни ожидали чего угодно, но только, не этого. А со сцены и из огромных мощных динамиков, развешанных на стенах зала, неслось, неудержимое, эмоциональное и совершенно непривычное и непонятное.

МугульмА сантА бабАй
ДурунбАй цывЭ торнАй
Абдульмек зирбАн хуйнАк
ЖойболсАн чурИм кунАк. .

Зал, все эти бесконечно долгие 50-т минут, которые показались вечностью, находился в состоянии шока. ТАКОГО выступления не ожидал никто. Ступор и столбняк посетил всех и каждого. В клубе воцарилась гробовая тишина. После убогих и откровенно пресных выступлений предыдущих конкурсантов, такое действо производило неописуемое завораживающее впечатление.

А наш киргиз разошелся не на шутку. Его словно прорвало, он эмоционально махал руками и притопывал ногами. Обильная слюна пенилась и летела из его перекошенного рта прямо в первые ряды зала. Микрофон и колонки дребезжали и хрипели от напряжения, передавая в зал сильную энергетику незнакомого и непривычного для наших ушей, языка. Адиль активно жестикулировал и жутко вращал выпученными глазами. Он так широко открывал рот, что буквально заглатывал микрофон до самых гланд.

Члены комсомольского актива, после 45-ти минут изумленного бездействия, начали постепенно приходить в себя и недоуменно посматривать на Конфоркина. Тот, чувствуя неладное, неуютно ерзал на стуле своим костлявым задом, временами оборачиваясь в зал, выискивая глазами группу поддержки неугомонного поэта.

Когда Адиль, наконец, выдохся и склонился в почтительном низком поклоне, коснувшись пальцами поверхности сцены, я громко зааплодировал.

В гробовой тишине зала, мои одинокие звонкие аплодисменты, были как что-то нереальное и запредельное — эдакий раздражитель, который, оказался за гранью адекватного понимания данной ситуации. Нонсенс! Зал инстинктивно вздрогнул. Мои упрямые и громогласные аплодисменты били прямо по ушам, били прямо по нервам.

Остальные ребята из группы поддержки нашего литературного дарования, согласно нашей предварительной договоренности, расселись в клубе так, чтобы своим присутствием охватить весь огромный зал, не оставив в нем бесконтрольных мест. И вот, поддерживая мои старания, в различных концах слушательской аудитории, тоже начали раздаваться громкие аплодисменты. Некоторые курсанты из нашей группы поддержки, вскочили со своих мест и бурно аплодируя, засвистели в знак восхищения и одобрения. Витя Копыто истерично и восторженные закричал.

— Браво! Браво! Брависсимо! Бис! Браво!

Остальные, непосвященные в заговор, курсанты нашего батальона, сидящие в зале, ошарашено и недоуменно переглядывались. Некоторые крутили пальцем у виска. Наша восторженная и бурная реакция на тарабарские стихи, им была абсолютно непонятна. Но, затем под влиянием заразительного примера, или стадного чувства (назовите как угодно), а может, чисто ради хохмы, тут и там стали подниматься со своих мест многочисленные группы курсантов и громко зажигательно аплодировать. Зал постепенно, но уверенно утонул в дружных и длительных овациях.

Толпа разошлась не на шутку. Заводя саму себя, она — курсантская масса ревела и ликовала. Зал начал организованно скандировать.

— Браво! Бис! Браво! Бис! Браво! Бис! Браво! Бис! Браво! Бис! Браво! Бис!

Адиль сиял от счастья. Он беспрестанно кланялся и посылал в зал воздушные поцелуи. Это был, несомненно, успех!

Курсанты поголовно включились в нашу авантюру и подхватили незамысловатую игру, имитируя искренний сопливый восторг и восхищение.

— Браво! Давай еще раз! С самого начала! ТындербЭй улдА замдЫ! Гениально! Браво! Абдульмек зирбАн хуйнАк! Класс! Браво! Бис! Браво! Бис!

Офицеры, сидящие в первых рядах зала, недоуменно переглядывались. Они чувствовали себя, «не в своей тарелке». Осознавали себя, чужими на этом празднике жизни.

Отцы-командиры и политрабочие, тоже ничего не понимали, но видели поросячий восторг целой 1000 курсантов. И это было, абсолютно непредсказуемо и необъяснимо. Такой бурной реакции зала на непонятную «абра-кадабру», никто из них, не предполагал и никак не ожидал. А представить себе, что 1000 курсантов, находящихся в зале, в совершенстве знает киргизский язык — это, вообще, согласитесь, сумасшествие. Но, тем не менее, зал был в полном экстазе и диком восторге. Рев и овации не смолкали.

Делать нечего и представители офицерского лагеря, чтобы не выглядеть законченными идиотами и «белыми воронами» на фоне беснующейся восторженной толпы, тоже нехотя поднялись со своих мест и стоя приветствовали грандиозный успех самобытного поэта, делая вид, что понимают глубокий смысл и литературную красоту киргизских стихов.

Зал не утихал еще минут 10–15. Всем ребятам неожиданно понравилось участвовать в этой игре. Хаос и вакханалия открыто бесновались в огромном зале училищного клуба.

Затем, исключительно по настоятельному требованию

курсантской толпы, Адиль на «бис», озвучил еще пару десятков четверостиший из своей поэмы. Каждое из них, встречалось залом очень тепло и восторженно, громом аплодисментов, криками одобрения и бурей оваций. Создавалось впечатление, что все курсанты досконально понимают слова автора, млеют и тают от его поразительного таланта. Комсомолец Конфоркин гордо распушил хвост и с важным видом что-то самозабвенно комментировал толстым и красномордым полковникам из политотдела училища.

Концертный конкурс удался на славу! Адиля единогласно делегировали в агитбригаду, чтобы он смог осчастливить своим нетленным произведением, обожаемых и дорогих нашему сердцу, курсантов из «помидорных» училищ, которые располагались на территории нашего военного гарнизона.

Мы не могли отказать себе в удовольствии и не поделиться с ними, самым дорогим и любимым, что у нас было — грандиозной и фундаментальной поэмой на киргизском языке, причем в исполнении лично самого гениального автора.

Ну, теперь держитесь, дорогие краснопогонные друзья, попали, так попали! Нашему злорадному восторгу не было предела, Адиль получил путевку в большую жизнь.

Обалдевший от такого неожиданного оглушительного успеха и зрительской признательности, Адиль с новой силой и удвоенной энергией уселся за написание очередного продолжения своей остродефицитной поэмы, доведя длительность ее прочтения с жалких 50-ти минут до неполных полутора часов.

Жаль, читатель не сможет увидеть выражение лиц у курсантов и офицеров ракетного училища, а в последствии — и у ребят из училища внутренних войск, когда Адиль неожиданно обрадовал их своим приездом. Он однозначно и бесповоротно поразил их всех, своим редкостным талантом и надолго остался в самых потаенных глубинах их мозга с незабываемыми строками своего нетленного и гениального выступления.

Честно сказать, картина была, просто, неописуемая. Особенно увлекательно было наблюдать как у всех «помидоров» дружно вытянулись рожи, когда после полуторачасовой одухотворенной поэмы, с обязательным эмоциональным притопыванием и непроизвольным обильным слюнотечением автора и чтеца в одном лице, наши «наемные плакальщицы», в гнетущей тишине обалдевшего и откровенно недоумевающего зала, начинали дружно визжать от восторга, топая ногами. Они по-честному отрабатывали нашу секретную договоренность, отбивая свои ладони в бурных овациях, и требовали повторить все заново — на

«бис».

Самое смешное, что «помидорам» ничего не оставалось делать, как тоже активно и старательно хлопать в ладоши, вслед за нами. Долг вежливости — раз, а во-вторых — лучше добровольно похлопать минут десять, а то, не дай бог, поэт обидится и завернет свою бесконечную песню повторно, с самого начала. А это уже более чем серьезно! Вторично выслушать Адиля в течение еще полутора часов — это, я вам скажу, пытка еще та — за гранью гуманизма, не иначе!

Доведенные до полуобморочного состояния, ракетчики и конвоиры, остервенело хлопали в ладоши, не давая, Адилю выступить на «бис». При малейшей попытке нашего поэта повторно подойти к микрофону и что-нибудь сказать, залы в «помидорных» училищах мгновенно взрывались. Они дружно заходились в приступе всеобщей паники и благоразумно срывались на бурные, долговременные и благодарные овации.

Растроганный теплым приемом Адиль, тем временем, купался в лучах заслуженной славы, это был его звездный час. Он был искренне счастлив и это уже дорогого стоит. Рядом с ним неотступно следовал наш неугомонный комсомольский вожак Конфоркин, который неустанно акцентировал внимание окружающих на том, что это именно он — Конфоркин нашел данную литературную жемчужину в однообразной и безликой серой массе курсантской посредственности и убогости. А также, лично создал все условия для полного раскрытия самобытного таланта этого замечательного киргизского поэта.

Конфоркин украдкой заглядывал в свой блокнотик и выразительно цитировал первоисточник.

— Нет, вы только послушайте: «ЕбулдА мантЫ пиндУ», — музыка, а не слог! А сколько эмоций?! Какая красота, отточенность слога и экспрессия! А рифма?! Ууу, это гениально!

Адиля единогласно выдвинули на конкурс талантов в округ — военный округ. Группа поддержки, к большому нашему сожалению, с ним не поехала. Не отпустило командование училища. И как следствие этого, в округе, Адиля не поняли. Не оценили и все тут.

По его возвращению, в спальном помещении казармы состоялся обстоятельный и авторитетный разбор полетов, с глубоким анализом причин творческого краха и прерванного гастрольного турне.

— Адиль, не грусти, я тебя умоляю. Это занюханное окружное жюри, просто бездарность, посредственность, серость, убогость, тупость и необразованность, сборище мракобесов и ретроградов. Они, просто не готовы к такому размаху твоего грандиозного

таланта. Чего ты от них хочешь, если эти полковники, из округа, в слове «рапорт» делают три ошибки. Они, кроме Общевоинских Уставов, никаких книжек никогда не читали. А ты — это самородок! Тем более что пишешь на родном киргизском языке. Кто из этих окружных дятлов знает киргизский?! Нет, ты скажи! Тогда, я скажу! Слушай сюда! Не им тебя судить! Не доросли эти деревянные деятели военных искусств до такой глыбы, как ты! Поверь на слово. ЧембердЫ копнА елдЫ! Это ж силища! Сколько эмоций?! Плюнь на них и работай дальше. Настоящих великих поэтов, частенько, только потомки и почитают, а современники не замечали вовсе. Все зависть! Обычная человеческая зависть и серость! Идиоты! Они еще детям и внукам будут рассказывать, как нечаянно прикоснулись к прекрасному, но по своей убогости и бронелобой сущности, не оценили этого! Не бери в голову. Будь выше них. Твори! Вот прямо сейчас, иди и твори!

И Адиль творил дальше. На момент нашего выпуска из училища, его поэма доходила, без малого, до 4-х часов непрерывной озвучки. Чувствуете размах?! Вот это шедевр! Глыба! Силища! Поэт с большой буквы!

Очень жалею, что не имею копии его нетленного творения. Нет, честно, не смейтесь!

17. Туалет

Разведка донесла, что послезавтра, неожиданно, без разрыва дипломатических отношений, тоесть коварно, ровно в 4 часа утра (ну, почему именно в 4-ре утра?! вот почему им 10-ть утра не подходит?!), войска всех империалистических стран мира (вот гады!!! выходной день, значит, испоганят — не будет долгожданных увольнений в город), нападут на наше краснознамённое, орденоносное, образцовое во всех отношениях военное училище. Это ВОЙНА!!! Но мы не спим. Мы на посту! Мы на высоте! Мы все как один! Мы так легко не сдадимся, отстоим, не посрамим. .

Разведчик — Витя Копыто подслушал разговор офицеров в курилке: «учебный год на исходе, а тактические учения по плану не закрыты». А план, это … понимаешь план!

План рождается в муках, обсуждается длительно на всех инстанциях, утверждается у вышестоящего начальства очень даже не просто! Далее, на каждый план, пишется план выполнения плана, с обязательным подробным описанием всех выполненных мероприятий по обеспечению выполнения каждого пункта первоначального плана. Если появляются замечания и выявляются недоработки и недостатки в процессе выполнения плана, то незамедлительно составляется план устранения этих замечаний и недоработок, которые вносятся в очередной план, который дополняет и корректирует первоначальный глобальный план, и так без конца и края. Один план переходит в другой, дополняя, оптимизируя и конкретизируя его. Годовой план переходит в квартальный, квартальный — в месячный, месячный — в декадный или в еженедельный, еженедельный — в ежедневный, ежедневный — в почасовой и тому подобный. А ещё есть и календарный план, который со всеми вышеперечисленными планами не имеет ничего общего и т. д. и т. п. А самое главное, что все последующие планы должны быть лучше, насыщеннее и совершенней предыдущих планов. Поэтому, учитывая бесконечный процесс постоянной эволюции и прогрессии, неизбежно наступает момент, когда очередной план трансформируется в законченное колоссальное и непотребное уродство, абсолютно нереальное и невозможное к исполнению, неосуществимое даже с авральным привлечением всех ресурсов и мобилизацией поголовных героических усилий.

А за выполнение плана спрашивают, причём, ой как больно, спрашивают! Поэтому, искусство написания планов, внесения в них корректив, отметок о выполнении и устранении замечаний,

перенос невыполненных мероприятий (причём, исключительно по абсолютно «объективным» причинам) в следующий план — это я вам скажу мастерство буквально запредельное, доступное не каждому гению военной мысли. Этому надо в академиях учиться, лучше даже и не в одной, но это уже отдельная история.

Итак, в спальном помещении казармы 4-й роты лихорадочно был собран филиал государственного военного совета — четыре курсанта второго курса обучения. Цель — игнорировать предстоящие учения, по причине их частого проведения. Просто надоели, обрыдли до невозможности! Задача — попасть в наряд по роте. Способ выполнения — наглый залёт. Исполнение — лежание на кровати в дневное время на глазах у офицерского состава, что категорически запрещено. Повестка утверждена, регламент выполнен, план разработан, все проголосовали единогласно. Осталось осуществить.

Витя Копыто выслушав все подробности и предложения, восторженно промолвил.

— Это генитально!

Не судите строго, парень немного гундосил, при этом, одновременно, шепелявил и невнятно говорил, доставляя всем окружающим неописуемое удовольствие, так как из его уст, непроизвольно, рождались замечательные реплики, которые имели право на долгую жизнь.

Лёлик чмыхнул и поправил Витю.

— Конечно, ГЕНИАЛЬНО, кто бы сомневался?! А генитально, Витя, это там, где ты постоянно чешешься.

Глумиться над Витей было некогда, надо было срочно выполнять гениальное решение нашего военного минисовета. И четыре наглых курсантских тела, прямо в сапогах, на глазах у обалдевшего от такого вопиющего безобразия — почти военный мятеж, попрание всех устоев воинской дисциплины, командира роты, виртуозно и синхронно, приняли горизонтальное положение.

Результат был достигнут мгновенно! Уже через секунду (в армии все наказания личного состава происходят быстро или очень быстро), мы стояли в кабинете ротного командира по стойке «смирно» и слушали познавательный курс лекций по географии, на котором по достоинству оценили бескрайние просторы нашей необъятной родины с названиями возможных мест нашей дальнейшей службы. И то, только при условии, если нам удастся искупить свою вину. Слава Богу, не кровью.

— Готовы понести любое заслуженное наказание! — дружно рявкнули наши четыре курсантские глотки.

Командир роты несколько смягчился и продолжил вещать о

том, что тогда, нам, может быть позволят благополучно закончить обучение в этом, буквально признанном во всём научном мире, учебном заведении. Да-да, именно в нашем кладезе стратегической военной мысли на уровне таких авторитетных монстров, как Кембридж и Оксфорд, Гарвард и Сорбонна, МГУ и Бауманка. Оказалось, что нам выпала великая честь учиться в остродефицитном месте, по сравнению с которым, Вест Поинт и Колорадо Спрингс — жалкие интернаты для дебилов и олигофренов деградирующего американского генофонда. Вот оно как?! Обалдеть! А мы и не догадывались.

Через пару минут, красноречие ротного иссякло, лекция закончилась, состав наряда оглашён, и мы отправились готовиться к суровым будням несения суточного дежурства.

Через день, ровно в 4-ре часа утра (пунктуальность врага заслуживает особое уважение и искреннюю признательность), рота была поднята по тревоге, вооружилась и убежала в ночь для поддержки наших дружеских соединений. А наряд по роте, естественно, остался охранять вверенное имущество — тоесть казарму, тумбочку дневального, пустую оружейку и самих себя любимых. Грамотное решение?! Да, несомненно! Поймите правильно, уже набегались по тревогам вдоволь и, если появился реальный шанс «наступить на гофрированный шланг» или «закоротить на массу», то не воспользоваться им — грех.

Пока за колючей проволокой, что несколькими неприступными рядами опутывала наше великое учебное заведение шли «кровопролитные» бои… Кстати, о колючке! Такое количество колючей проволоки, наверное, все же оправдано — чтобы всякое быдло с «гражданки» не смогло пробраться через забор военного училища, затесаться в курсанты и овладеть суперсекретными знаниями, во как! А может наоборот — чтобы мы, овладевшие этими самыми суперсекретными знаниями, не сбежали. Ведь далеко не каждый способен осознать своё счастье. К такому счастью надо привыкать долго, иногда десятилетиями. И лучше в отдалённых гарнизонах, чтобы сравнить было не с чем. Посвятить себя всего без остатка, служению великой цели, пока эта цель присутствует, конечно, а потом уже как получится — выбирайся из этих скотских мест сам, по мере сил и возможностей. Легкой жизни никто не обещал, тяготы знаете ли, лишения всякие… А кому сейчас легко?! Простите, отвлёкся.

Так вот, пока шли ожесточённые боевые действия (по вялым крикам «Ура!», можно было сделать вывод, что силы с обеих сторон уже давно на пределе), наш наряд искренне переживал за своих товарищей. А как не переживать?! Не звери же, какие, на их месте бывали и мы сами.

Курсантская столовая сиротливо пустовала, а сухпай, отправленный для прокорма бойцов на передовую, имел маркировку гораздо более древнюю, чем наши даты рождения.

Те несколько дней, что народ воевал, его кормили всякой дрянью из консервных банок, образца нашествия татаро-монгольского ига на Русь. Причём, содержимое этих банок составляли павшие в боях кони этого самого ига, да еще, похоже, вместе со сбруей, амуницией и самими наездниками — абсолютно несъедобная и отвратная мешанина. Справить естественные надобности в чистом поле, под ураганным огнём противника, тоже удавалось далеко не всегда. Народ терпел, а куда денешься. Терпение — это вообще отличительная черта русского солдата.

Поэтому, после окончания учений, оказавшись под крышей своей дорогой, любимой, уютной (будьте великодушны и поймите правильно) казармы, где было целых два туалета с пять «очками» (очко — это такой тип унитаза, только не керамический, а чугунный, и сесть на него невозможно по определению, а справлять естественные надобности можно лишь в положении «присев на корточки»), в каждом, и наличие холодной воды (горячей никогда не было и поспорю, что нет, и не будет, вообще, никогда) — это для измотанного человека просто рай. Поверьте на слово.

И все — почти полторы сотни человек личного состава нашей 4-й роты, переступив порог казармы, не успев толком раздеться и сдать оружие, сразу же бросились гадить в таких фантастически комфортных условиях.

Как упоминалось выше, содержимое складов НЗ (неприкосновенного запаса) перекочевало во внутрь защитников родины. Гадость конечно, но голод — не тётка. Там оно частично переварилось, что уже замечательно и даже удивительно, так как «это» просто несъедобно по определению. Но молодость берёт своё (нас так просто не отравишь) и личный состав, все как один, дружно, вереницей словно муравьи, бросились в туалеты.

Вода не успевала набираться в бачки для слива отработанных отходов жизнедеятельности измученных бойцов, страждущие подгоняли облегчившихся. Те, выскакивали из кабинок туалетов, фактически еще со спущенными штанами, освобождая насиженное место для следующих. Импровизированный конвейер работал слаженно и чётко, радуя глаз своей отлаженной функциональностью и трудовой дисциплиной, пока Витя Копыто не принёс страшную весть.

— Дальний туалет засрали! Воды в бачках нет, а они гадят и гадят! Не могли на улице под кустиком, да с лопушком, комфорт

им подавай?! Надо «стартер» искать, пробивать придется.

Дежурный по роте Филин (фамилия у него такая) принёс ещё более угрожающую новость.

— Эти. . разворовали все подшивки газет из «ленинской комнаты».

Люди старшего поколения меня поняли. Все мемуары вождя мирового пролетариата, а так же, все мудрые и своевременные постановления любимой партии и мудрого правительства пошли на гигиеническое обслуживание обтирочных поверхностей уставших бойцов. Учитывая, что туалетной бумаги в армии никогда не было, нет, и не будет, к бабке не ходи, использование нетленного наследия великого Ленина и прочих общепризнанных классиков теории коммунизма для протирки анальных поверхностей — это уже было ЧП политического масштаба. Потеря периодической печати типа «Правда», «Красная звезда», «Политический вестник», «Трезвость и культура» и прочее — это равносильно измене, предательству Родины. Пипец, приехали!

При таком раскладе, в наряде можно было провести всю оставшуюся жизнь, состариться вплоть до увольнения через 25 лет безупречной службы в запас. Однако, нерадостная перспектива.

В очках, фекальные массы прочно спрессовались с идеями марксизма-ленинизма, и сантехническая система казармы прекратила своё функционирование. Совсем прекратила, тоесть абсолютно перестала работать. Наступил сантехнический коллапс.

Надо было срочно спасать положение. Пока курсант Филин бегал, искал «стартёр» — устройство для устранения засоров в канализационной системе, по конструкции очень простое, но надёжное и эффективное, как любое гениальное русское изобретение, Витя и Лёлик оттесняли от забитого туалета негодующую толпу страждущих облегчения. Я в это время, используя всю свою силушку (спасибо папе с мамой) толстенной проволокой заматывал ушки замка в двери туалета.

Рокот возмущения и недовольства докатился до канцелярии, двери открылись, вышел командир роты Володя Нахрен. Естественно, фамилия у него была абсолютно другая, но она ему так не подходила, как эта. Ну не отражала его родная фамилия всю сущность данного человека, и всё тут.

— Ну, что за шум?! — тоном утомлённого интеллигента спросил ротный.

Выслушав многочисленные претензии ребят по поводу закрытия туалета, ротный решил выступить в роли поборника справедливости — так сказать, отца родного, и выступил.

— Открывай, — получил я команду. Получил — выполнил, спорить с командиром в армии как-то не принято, не прижилась данная процедура как-то вот, почему-то. Бесперспективно это, уж поверьте.

Нахрен зашёл в туалет, осмотрелся. То, что он там увидел, ему явно не понравилось. А казарма у нас была старая, её ещё пленные немцы строили. Это сейчас молдаване и таджики знатными строителями считаются, а тогда лучше пленных фашистов строителей не было. Это точно, даже и не спорьте!

Наша рота располагалась на втором этаже трёхэтажного здания, потолки были по 5-ть метров, своды и арки — как в тевтонских замках. А в туалетах были полы из полированного мрамора! (запомните, пожалуйста, сей факт — из полированного мрамора).

— Филин! — ласково позвал Нахрен дежурного по роте.

— Да, товарищ капитан, — курсант Филин появился, словно из ниоткуда. Всем своим видом, Сергей показывал полную готовность выполнить любой приказ мудрого командира. Более того, он уже предпринял все усилия для выполнения тех распоряжений ротного, о которых сам ротный еще только собирался сообщить прозорливому подчиненному, но обстоятельства были сильнее и поэтому Филин беспомощно всплеснул руками.

— «Стартёра» нигде нет, всё обыскал. Разрешите, к дежурным слесарям, сбегать?!

Ротный посмотрел на дежурного по роте курсанта Филина взглядом умудрённого воина и небрежно промолвил.

— За мной.

Серега Филин — крепкий уральский парень, послушно засеменил за командиром. Через пару минут они вернулись, Филин нёс в руках два блина для штанги по 25 кг. каждый. Негодующая толпа удивленно притихла, так как события начинали развиваться нетипично. Как прочистить забитые очки таким спортинвентарём, как штанга никто не знал, а учиться, согласитесь, никогда не поздно.

Я, на правах дневального, заглянул в туалет и увидел следующее — Нахрен подошёл к технологическому отверстию канализационной системы, на секунду задумался, сунул руку в карман галифе и вытащил. . взрывпакет (именно такой же, какой Витя Копыто удачно ловил на аналогичных учениях — отдельная история). Ротный поджёг шнур, аккуратно опустил взрывпакет в технологическое отверстие, накрыл его ведром, благо оно стояло рядом. Сверху на ведро положил, один на другой два блина от штанги, что принёс Филин, а сверху на блины, поставил самого

курсанта Филина и поспешно вышел из туалета.

Прогремел взрыв!!! Усиленный в замкнутом пространстве системы канализации, эффект его был просто неописуемо потрясающий. Филин, оправдывая свою фамилию, происходящую от названия ночной хищной птицы, широко округлив удивлённые глаза до размера суповых тарелок, подлетел к потолку, вперемешку с блинами от штанги и разорванным в клочья ведром. «Как мячики у жонглёра в цирке» — почему-то подумалось мне. Пять очек, словно праздничные орудия, салютовали своим содержимым, и на потолке (5-ть метров высоты) звёздными разводами отразилось месиво из канализационной системы. Сами чугунные очки, не выдержав гидроудара, сорвались с цементной подушки, и их разметало как пушинки. Одно очко просто раскололось. Система канализации казармы была разрушена до основания, циркуляция сточных вод нарушилась, и на полированный мраморный пол туалета, бурля и пузырясь, ринулся зловонный поток из туалета наших соседей сверху — 16-й роты.

Филин, не желая больше быть подопытным участником взрывотехнических экспериментов, благоразумно затерялся в толпе зрителей. Причём, в момент своего отползания на четвереньках, он больше не напоминал мудрую птицу — талисман передачи «Что? Где? Когда?». Он скорее походил на старую, грязную, зловонную жабу, а его форма, некогда однотонной расцветки хаки, приобрела камуфлированную окраску с большими коричневыми пятнами.

— ЗаеBeetles, — промолвил Витя Копыто, просунув свою вездесущую белобрысую голову в дверной проем раскуроченного туалета.

Нахрен угрюмо взирал на результат своих глубокообдуманных действий. Долго бы он так стоял в состоянии ступора, если бы не неожиданный визит.

— Володя, Володя!!! — в роту вбежал командир расположенной под нами 5-й роты (подпольная кличка — ЧЕРЕП, объяснять не имеет смысла, она говорит сама за себя).

Нахрен очнулся и вышел из туалета в коридор. Навстречу ему бежал взволнованный майор Череп.

— Володя, что случилось?

По безумным глазам Черепа, Нахрен понял, что случилось что-то страшное, и предпочёл ответить нейтрально, равнодушно пожав плечами.

— Не знаю, а что?!

— Володя, ты понимаешь, ко мне в кабинет, приходит мой курсант, ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ!!!!!! И рассказывает страшные вещи!!!

Нахрен делает искренний вид — что он, ну очень удивлён данным неожиданным событием. Командир нашей роты, с живым интересом и участием, берёт крайне возбужденного Черепа под руку, пытаясь увести подальше от туалета. А командир 5-й роты, буквально, бьется в истерике от переполняющих его эмоций.

— Так вот, прибегает курсант! Ну, ВЕСЬ! Понимаешь, просто весь в этом самом?! Ну, ты понимаешь и говорит, что сидел на очке, никого не трогал, газетку читал при этом, мундеркинд хренов. Пукнул понимаешь, засранец доморощенный! Выхлопные газики выпустил, бульдозер недоделанный! И в этот самый момент, что-то сдетонировало… и прямо из очка, в него ударил этот… ну, словно гейзер! Да такой силы, что парню просто яйца чуть не оторвало!!!

— Так оторвало или нет?! — с почерневшим лицом спросил Нахрен.

— Нет, не оторвало, обошлось! Но он весь, ты понимаешь, буквально весь, с ног до головы, конкретно в натуральном 100 % ГОВНЕ…!!!

Нахрен просветлел лицом и почти повеселел.

— Да не знаю я, ничего! У меня в роте все в порядке! Пошли, посмотрим!

И как радушный хозяин распахнул двери туалета, пропуская вперёд дорогого гостя.

Пока шла эта животрепещущая беседа, содержимое канализационных труб от 3-го до 2-го этажа казармы, вытекло на мраморный пол туалета, идеально отполированный гитлеровскими гастробайтерами, и покрыло его абсолютно ровным слоем.

Череп, продолжая что-то эмоционально рассказывать и, не глядя под ноги, сделал шаг вперёд. Его сапог попал на эту природную смазку, идеальной консистенции, сцепление с полом исчезло, вторая нога взлетела выше первой и задралась на уровень его выдающейся головы. «Ему только в кордебалете выступать», — почему-то пронеслось у меня в голове в тот незабываемый момент.

В результате совершения таких немыслимых акробатических кульбитов, равновесие майора нарушилось. Отчаянно балансируя руками и тщетно пытаясь уцепиться за Нахрена, гость плюхнулся плашмя на спину, прямо в однородное месиво и подчиняясь законам инерции, проскользил через весь туалет — от порога до самого окна, вдоль 5-ти раскрытых кабинок с вывороченными очками. Раскинутые в разные стороны руки, хоть и играли роль импровизированного якоря, щедро загребая фекальные массы с пола, но в данном случае были малоэффективны.

Комментарии излишни, хвалёная «Полицейская академия» во всех её многочисленных частях и сериях, просто отдыхает.

18. Рас-пись-ные узоры

Пока разрушенный туалет стоял «бермудской» территорией или даже, вернее всего — зловонной «зоной призраков», в дальний коридор казармы никто из ребят старался не заходить. Мало ли?!

Там было неуютно и дурно пахло. К тому же, открывать дверь, туго закрученную толстенной проволокой, было «чревато». Откроешь, тебя же и заставят ремонтировать. Ну, уж нет! Спасибо за доверие конечно, но в дураки не нанимался! В сантехнике ничего не понимаю, честно! И от одного вида фекалий, повсеместно висящих на стенах и периодически капающих с потолка, становится дурно! Могу даже потерять остатки сознания. Точно-точно!

В таких декорациях хорошо фильм ужасов снимать. Честно говоря, в те незабвенные времена развитого социализма о существовании подобных фильмов еще и не догадывались, но туалет 4-й роты представлял идеальную картину для какого-нибудь блокбастера с кошмарно-ужасным сюжетом. Состояние разгромленного туалета было просто отвратное, поверьте на слово. А от сопутствующего данной «жизнеутверждающей картине» обалденного запаха, так и тянет блевать! До сих пор! Честно! Как вспомню, так и тянет, прямо беда какая-то?! Лучше не проверять, вам же хуже будет!

А так?! В принципе, ребята постепенно принюхались и перестали брезгливо воротить носы! Периодически одеколон в спальном помещении разбрызгивали, окна в дальнем коридоре открывали. Да и в спальном помещении казармы тоже. Вот так, до самой глубокой осени с открытыми окнами и проспали. Зимой, правда, пришлось все окна закрыть и заклеить, морозы, холод и все такое… Короче, терпимо, протянули почти полгода.

А куда деваться?! Но главная проблема была не в этом. Справлять естественные надобности где?! Вроде по всем документам, поэтажным планам здания и подробным описям всевозможного имущества казармы, второй туалет в 4-й роте числится, а в наличии его фактически и нет. То есть, он вроде как бы по документам есть! И соответствующее помещение под него в перечне помещений 2-го этажа казармы отведено! Но реально…?! Его нет!

Ведь как можно назвать помещение полноценным туалетом, если его невозможно использовать по прямому назначению. Тем более, туда и зайти то противно! Без противогаза и ОЗК (общевойсковой защитный комплект) вообще лучше не соваться.

С потолка фекалии капают, некогда белоснежные стены в противных коричневых потеках и желтых разводах, штукатурка повсеместно отслоилась, на полу толстенный слой липкого дерьма и запах… Ах, какой специфический запах?! Просто сногсшибательный.

А чего вы хотели?! Окна ведь в самом туалете не откроешь, чтобы хоть чуть-чуть проветрить. До них надо вплавь добираться, т. к. на полу раскинулось «море широкое», а извращенцев и умалишенных в 4-й роте нет, и никогда не было. Патологических дураков еще на вступительных экзаменах психо-физическая лаборатория безжалостно отсекла. Стоп!

Хотя, все-таки вру, был один! Почему был?! Есть! И даже в наличии. Офицер, куда деваться?! Незабвенный командир 4-й роты, целый капитан — Володя Нахрен, собственной персоной! Это же именно он додумался взрывпакет в технологическое отверстие канализационной системы бросить! (см. «Туалет»)

В свое время, курсант Хорошевский, не будучи еще капитаном Нахреным как раз в нашей 4-й роте и обучался. Точно-точно! Наверное, именно тогда — еще с курсантских времен, ушастый и налысоподстриженный первокурсник Вова Хорошевский вынашивал сокровенную мечту и дерзновенную идею мгновенной прочистки забитых очек. Причем, гарантировано!

Так и стоит перед глазами душещипательная картина: «темная ночь, огромная казарма забылась тревожным сном, а юный Володенька Хорошевский, закатав рукава гимнастерки, отчаянно крутит ручку «стартера», старательно пробивая «вусмерть» закоксованное очко в дальнем туалете». Не иначе, именно в эти бессонные ночи в его «гениальную» головушку и поселилась мечта-червячок о том, как бы максимально облегчить и радикально убыстрить отвратную процедуру прочистки качественно засратых очек. А реализовать ее (мечту в смысле), курсант Хорошевский смог только спустя много лет, уже будучи могущественным и ужасным капитаном Нахреным! Вот оно как оказывается?! Вот оно как?! Наверное, так и рождаются легенды?!

Интересно, а в те стародавние времена ПФЛ уже функционировала или Володя Хорошевский «фантастически-гениальным» уже потом стал, после выпуска из военного училища?! Когда офицерские погоны на плечи примерил?! Вопросец, однако?! Мде…, непроизвольно задумаешься! Недаром по училищу среди курсантов весьма прилипчивая присказка гуляет: «Чем я ближе к портупее (офицерский ремень), тем тупее и тупее!» Неужели, закономерность?! Не дай Бог! Очень не хотелось бы… Sorry за лирическое отступление. Итак.

Но, жизнь — это весы, даже не обсуждается! Поэтому, не было «худа без добра». Ходить дневальным в суточный наряд по роте в 3-ю смену стало одно удовольствие.

Еще бы?! Проторчал на тумбочке положенное время, быстренько подмел в дальнем коридоре — пыль разогнал по углам, полы помыл — грязной тряпкой поелозил для вида (все равно никто не проверит, побрезгуют офицеры в вонючий коридор пройти-прогуляться), а к железной двери с хаотично-намотанным клубком ржавой проволоки на замочных ушках лучше не приближаться. Ну ее, эту дверь. Еще и неизвестно, что там на ней делается. Может, там уже стадо фекальных мутантов расплодилось?! Повылезала всякая нечисть из разрушенной канализации и поджидает по ночам прямо за железной дверью наивную жертву?! Вдруг кто и зайдет — заглянет «на огонек»?! А его сразу цап-царап — утащат в канализационный коллектор и надругаются в извращенном виде, да еще и всей многочисленной сворой?! УУуууу! Страшно?! Потом к стене прикуют «на веки вечные» и будут кормить одними фекалиями! Бээеее, какая гадость! Брррр! Глупости конечно, но зайти за железную дверь, желающих не находилось!

По ночам, когда курсанты мирно посапывали в своих коечках, в дальний коридор вообще старались не заходить. А чего там делать, территория заброшенная и запущенная. Дикая, одним словом! Ну ее в пень… Тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо! …и по дереву постучать (желательно по осине).

Из-за того, что в 4-й роте на 144 полноценно-функционирующие курсантские тушки остался только один нормальный туалет с 5-ю исправными очками, то все свободное время курсантов уходило на бесконечное стояние в длиннющей очереди с одной-единственной целью — облегчиться. Причем, облегчиться в весьма некомфортных, нервозных и не побоюсь этого слова — в «нечеловеческих» условиях. Т. к. остальные страждущие стояли буквально над душой (над твоей головой за дверью кабинки) и нетерпеливо вздыхали, повсеместно подгоняя и ставя в пример какого-нибудь индивидуума с прямой кишкой как у утки, который мог уложиться в «олимпийский» норматив за 45 секунд. А ты тут расселся как барин на природе, как курица на насесте, как богдыхан в паланкине, как…. Освободи место, уже 2 минуты прошло…

Стоп! А посидеть?! Подумать о прекрасном?! Погрезить наяву?! Поразмышлять о смысле жизни с одухотворенным видом, когда испытываешь неземное блаженство, избавляясь от груза ненужных проблем?! А газетку почитать на сон грядущий, наконец?! Нет, ну так мы не договаривались! Никаких условий,

блин! Стоят, понимаешь, с напряженными лицами «на низком старте», сверлят глазами, с позитивного настроя сбивают! Никаких условий уединиться…

А вот еще новая мода появилась — сходить по маленькому «дуэтом»! Вот извращенцы, бляха-муха, чего только от отчаяния не придумают?! Хоть стой, хоть падай?!

Забегает, допустим, в туалет «особо нетерпеливый» (в ушах булькает, клапан срывает), а во всех кабинках уже стоят более расторопные бойцы, широко расставив ноги (иначе не получится, «очко» имеет ширину достаточно приличную и еще ушки с боков — подставки рифленые для ног, чтобы подошвы не скользили), и делают свое «мокрое дело». А страждущий курсант, отчаянно пометавшись, покорчившись в приступе нетерпения, потанцевав, сколько выдержал, погарцевав как конь ретивый и, презрев все рамки приличия, расстегивая ширинку, «мученик» становится у первой же кабинки за спиной писающего курсанта и, скомандовав: «Не двигайся», изливает из своего вибрирующего брандсбойда мощную струю аккуратно между широко расставленных ног впередистоящего бойца! Ву-аля!

Одно радует, что хоть не в твои сапоги, а прямо в «очко». Снайпер, етить его… Ситуация не для слабонервных, честно говоря! И к тому же весьма дурацкая! Представьте, ты уже закончил «водные процедуры», а пошевелиться не можешь, т. к. между твоих ног журчит и плещется струя из фонтана соседа сзади, …твою дивизию… Ну ничего, сейчас закончишь, я тебе урок вежливости быстренько преподам….

С процедурой «отхода ко сну» тоже стало весьма проблематично! После вечерней поверки и оглашения команды: «Отбой!», личный состав 4-й роты уже не летел стремглав в койки, сметая все на своем пути, стремясь уложиться в 45 секунд, а вальяжно прогуливался по казарме, ожидая пока освободиться ближайшее «очко», чтобы неспешно, с чувством, с толком и расстановкой…, ну вы меня понимаете?!

В результате, после команды «Отбой», поправ все требования строго Устава и Распорядка дня, утвержденного лично генералом — начальником училища, все курсанты на полузаконных основаниях хаотично шарахались еще часа полтора, два, три… Попутно заваривался чай, кое-где в кубриках слушалось радио, иногда «самопроизвольно» включался телевизор и т. д. и т. п. Дисциплина катастрофически падала. Офицеры 4-й роты, тоже не могли уйти домой вовремя пока полноценно не уложат весь личный состав в горизонталь «баиньки».

В результате, дежурный офицер, вынужденный дожидаться пока курсанты «не нагуляются», покидал казарму глубоко за

полночь, а с утра «ни свет, ни заря», ему уже надо было снова прибывать в училище с благой целью поднимать личный состав роты на зарядку. Вследствие такого «нещадного режима работы» наши офицеры банально не высыпались, были безмерно раздражительны, имели красные глаза хронически невыспавшегося человека и еле таскали ноги.

Так случилось, что лейтенант Зайчик неожиданно приболел, лейтенант Чубрей в очередной раз сидел на гауптвахте, не рассчитав длину и остроту своего языка при разговоре с Пиночетом, а лейтенант Гвоздев уехал в отпуск по семенным обстоятельствам и в казарме остался один Нахрен.

Командир роты с воспаленными глазами кролика-альбиноса, как будто в них засыпали песок, уже неделю «отбивал» и «поднимал» роту в гордом одиночестве, как проклятый. Он фактически уже спал на ходу. Если капитан Хорошевский и добирался до дома, то, наверное, только для того чтобы попить водички и сразу же бежать обратно на службу. Бедолага! Жаль, конечно, а куда деваться?! Тяготы и лишения воинской службы (в тексте Присяги даже прописано) никто не отменял. Работа такая!

И вот однажды после ужина, дабы сэкономить время на туалет после вечерней поверки, Нахрен вывел роту на традиционную «вечернюю прогулку» (есть такая беда — при любой погоде шарахаться строем полчаса по улице перед сном — полезно и все такое, иногда с песней).

Зима, мороз -30, звездное небо, под ногами задорно хрустит свежий снежок. Идем (в ногу естественно), гуляем типа, дышим свежим воздухом на сон грядущий. Моцион, куда деваться?! Спасибо, хоть песни не поем. Холодно очень, можно горло «на раз» посадить. Офицер бредет рядом, периодически поглядывая на часы.

Отведя роту за столовую, ротный, воровато оглянулся и дал неожиданную команду: «Справить естественные надобности!»

В замершем от удивления строе никто из 144-х курсантов даже не пошевелился. Уж, не прислышалось ли?! Что за бред?!

Во-первых: зима на дворе, северный ветер и жутко холодно. Во-вторых: на улице писать как-то неудобно (остатки воспитания чего-то смутно навевали). В-третьих: пописаешь на белый снег, останутся характерные следы, потом утром будет стыдно перед преподавателями! Особенно стыдно будет перед женщинами (в училище много гражданского персонала на общеобразовательных кафедрах, столовая, библиотеки и прочее), которые ходят мимо столовой на кафедру «Войскового ремонта». Опять же, с четвертого этажа главного корпуса, где расположена кафедра «Иностранных языков» и основной контингент, опять же женщины

будет видно… Библиотека рядом, секретка… Не, плохая мысль, однозначно!

Но, Нахрен был неумолим и ничего не хотел слушать. Он разражено забубнил, временами срываясь на противный визг.

— Никакие отговорки не принимаются! Всем поссать здесь! Немедленно! Я что, с вами жить в казарме обязан, да?! Я домой хочу! К жене, к детям… Я соскучился, в конце концов…

Нахрен смахнул набежавшую слезу и, взяв себя в руки, опять заревел, как поднятый из берлоги медведь (поднятый посреди зимы, естественно).

— В казарме после команды «отбой», чтобы не было ни одного шарахающегося тела! Понятно?! Кто встанет с кровати в туалет, пусть сразу занимает место на тумбочку. Пять нарядов вне очереди! Все слышали?! Рота, слушай мою команду! Первая шеренга, 5-ть шагов вперед, шаааа-гом марш!

Делать нечего, как в дурном анекдоте: «Айн, цвай, драй, пись-пись-пись!!!» первая шеренга вышла из строя и приблизившись к белоснежному сугробу в виде бесконечного параллелепипеда с идеальной гранью, об которую можно было обрезаться, с трудом и грехом пополам справила свои малые нужды.

В уральской ночи под светом подслеповатых фонарей на ослепительно белом снегу сразу же проявились и обозначились характерные желтые воронки, с окаемками расплавленного снега.

Дальше больше, курсанты из последующих шеренг, осознав, что «куда деваться, гуляй рванина», стали поголовно глумиться, выписывая на белом бордюре всевозможные витиеватые вензеля и достаточно протяженные узоры, желтого цвета!

Не судите строго! Пожалуйста! Это не мы такие! Это нас так подставили! Капитану Нахрену в тот момент все было «пофиг», его мозг от хронической усталости выпал в осадок и дал «отсечку». Офицер нетерпеливо посматривал на часы. Ему очень хотелось домой, любой ценой.

Из глубины строя раздался гундосый голос «рецидивиста» курсанта Копыто с наивно-провокационным вопросом.

— А покакать здесь можно?!

Нахрен скрипнул зубами и, передразнивая спросившего, театрально кривляясь, раздраженно пробурчал.

— Нет! Еще чего?! По-ка-кать только в роте! Вам все по-нятно, кур-сант Ко-пы-то?! А то здесь пока то, да се, можете свои дра-го-цен-ные яйца отморозить! Отвечай потом за тебя! Вот неблагодарные?! О вас же забочусь!

Ага?! Верим! Ладно, хрен с тобой, заботься дальше! А толпа в 144 «потенциально бессовестных рыла» разошлась не на шутку и расписала почти все сугробы на дороге от столовой до учебного

корпуса не хуже чем профессиональные художники, выставляющие работы в Лувре. Поймите правильно, в среде 144-х молодых и «безбашенных» разгильдяев всегда найдутся творческие и талантливые натуры. И процесс пошел!

Каких картин только не появилось на дороге?! Инопланетянин? Пожалуйста! Крестики-нолики?! Поиграем! Был даже весьма упрощенный вариант Венеры Милосской, правда, с руками и всеми физиологическими подробностями (голая баба, короче)! Многослойная волнистая линия — дилетантский замах на копирование общеизвестной картины Айвазовского «Девятый вал» (коллективная работа, есть повод для гордости) и т. д. и т. п.

Кое-кто из ребят, умудрился оставить личную роспись! Кто-то старательно вырисовывал собаку с задранным хвостом и отвисшими яйцами, а когда «вдруг неожиданно» закончились «краски», попросил друга завершить начатое. Как тут откажешь?! Конечно, не вопрос!

Ну, а Витя Копыто не придумал ничего лучшего, как старательно написал на снегу: «4 рота!» Коротко и ясно.

Когда данная вакханалия, наконец, закончилась по причине полного истощения естественных запасов красящего материала для «наснежно-сугробного» творчества, озверевший от длительного ожидания капитан Нахрен, погнал нас в казарму «бегом».

Прибежали в казарму, разделись. Пять минут на умыться, построились. Вечерняя поверка пролетела молниеносно. Курсанты, услышав свою фамилию, не успевали выкрикнуть «Я!» Команда «Отбой», все рухнули в койки. Командир роты капитан Нахрен ушел домой вовремя и абсолютно счастливый, в надежде выспаться от души. Зря это он так!

Выспаться то он выспался, но на утро… его ждал неожиданный сюрприз! Плоды нашей «не совсем культурной» живописи, не особо бросающиеся в темноте уральской ночи, с первыми лучами утреннего солнца предстали во всей своей истинной красе.

Картина на училищной дороге за курсантской столовой была просто чудесная. На ослепительно белом снегу, на идеально ровненьких сугробах были ТАКИЕ разнообразные живописные узоры ярко-желтого цвета с однозначно-явным происхождением оных, что женская фракция гражданского персонала училища ВВС немедленно пришла в неописуемый ужас. А когда «пришла в себя», то сразу же пришла в кабинет к генералу с праведным возмущением о вопиющем факте непотребного свинства и ужасающей невоспитанности.

Короткое расследование, проведенное начальником училища,

не покидая периметра персонального кабинета, моментально сузило круг подозреваемых до казармы 4-й, 5-й и 16-й роты 1-го учебного батальона (туалетный стояк трехэтажного здания то «тю-тю»).

Генерал незамедлительно вызвал к себе нашего комбата, и ни в чем себе не отказывая, знатно отодрал Пиночета. Тот вылетел из кабинета начальника училища как пробка из бутылки шампанского и, придерживая руками разодранную задницу, не заходя к себе в кабинет, посетил все три «подозрительные» роты и знатно отодрал всех попавшихся на глаза офицеров. Отодрал всех без разбора! Так, на всякий случай! Для профилактики! Нашел бы непосредственного виновного, вообще бы загрыз!

Затем кто-то из «невинно-изнасилованных» робко посетовал, что, мол, порют не тех, кого надо бы… и сослался на «конкретную» надпись с указанием непосредственного «автора» — 4-я рота! Услышав «эпохальную» информацию Пиночет мгновенно сорвался на место происшествия, где обстоятельно осмотрел всю расписную территорию в общем, и каждый шедевр в отдельности. А когда, наконец, нашел главную улику, неоднократно ее перечитал, каждый раз, старательно шевеля губами и чуть ли не водя указательным пальцем непосредственно по самой надписи! Возможно, Пиночет даже ее и законспектировал, на всякий случай. Кто знает, все может быть?! Затем полковник Серов задрал хобот к небу и победно протрубил боевой клич! Прямо, как слон перед случкой. Виновный найден! Ай, да я?! Шерлок Холм, однозначно! Вычислил все-таки, блин! Ай, молодца! Дедукция, не иначе! А ну, подать сюда какого-нибудь офицеришку из 4-й роты! А почему какого-нибудь?! Подать сюда самого командира 4-й роты! Капитана Хорошевского ко мне! НЕ-МЕД-ЛЕН-НО!

А Володя Нахрен в это время, сладенько позевывая после «полноценной ночи» еще только шел на службу. Шел-шел и пришел! Прямо под апогей разборок. Как его порол Пиночет?! Мама дорогая?! Это надо было слышать?!

Общевоинские Уставы строго-настрого запрещают насиловать командира на глазах у подчиненных! Стоит отдать должное, Пиночет неукоснительно выполнил это требования — он уединился с «дорогим Володенькой» в своем кабинете! Интим, антураж и все такое… Но, громогласные крики комбата и жалобные всхлипывания Нахрена многоголосым эхом разносились далеко за пределами нашего училища ВВС. То, что Пиночет практикует «садо-мазо», мы в принципе смутно догадывались но, что так активно и с изощрениями?!

Капитан Нахрен после продолжительного «сеанса насильной

любви», проведенной в кабинете полковника Серова еще пару недель имел бледный вид и неровную походку.

Самое смешное, что живописные картины, исполненные с применением нетрадиционных материалов, исчезли с белоснежных сугробов в районе дороги за столовой уже буквально на следующее утро.

Не иначе, капитан Нахрен вооружившись лопатой, всю ночь лично перелопачивал кубометры снега, скрывая позорные следы «вечернего туалета» 144-х бойцов, вверенной ему 4-й роты.

Почему лично?! А никого из ребят нашей роты для этой процедуры не привлекали. По крайней мере, не помню…

Эх, какие картины пропали?! Высокохудожественные и широкомасштабные! Одни росписи «художников» чего стоили?! Витиеватые, с затейливыми крендебубелями… Эх, загляденье!

И с краешка роскошной «выставки», скромненькая афиша: «4-я рота!»

19. Ремонт туалета

После вышеописанных событий, туалет простоял в неисправном состоянии почти полгода. Наряды по роте при пересменке, передавали его как некое виртуальное имущество, как бермудскую территорию. Он — туалет тоесть, вроде бы есть, но за дверь, замотанную толстенной проволокой никто никогда не заходил. Да и командир роты не горел особым желанием вспоминать потрясающе разрушительные результаты своих глубокообдуманных экспериментов со взрывчатыми веществами.

Наша 4-я рота, да и не только наша, а так же соседи сверху и снизу, были вынуждены пользоваться вторым туалетом. Великое счастье, что Нахрен сэкономил на учениях по тактике всего лишь один взрывпакет, а не два или три или… Просто ужас, какая волна разрушений могла прокатиться по нашему военному училищу. Да не дай Бог…

Из-за того, что исправно функционирующий туалет в роте остался всего лишь один, то время выхода на построение увеличилось ровно вдвое. И отговорка у курсантов для отцов-командиров, раздраженных постоянными опозданиями личного состава, появилась абсолютно бронебойная.

— Где тебя носит, козья морда? Почему ещё не в строю?! Сгною в нарядах!

— Да я, товарищ великий полководец, нужду справлял, естественные так сказать надобности. Кстати Уставом предусмотренные. А туалетик у нас, как вы можете лично убедиться — один функционирует, а страждущих — полторы сотни! Пока в очереди достоишься, уже второй раз занимать надо. Беда просто!

И никуда против этой убийственной правды не попрёшь, ибо данный вид нужды испытывают все поголовно — и холопы и бояре. Такова суровая правда жизни. Се ля ви.

Дисциплина катастрофически падала. Вместе с ней падала и боеготовность, причём по вполне объективным, научнообоснованным причинам. Это ведь только на первый взгляд: «туалет — так себе заведеньице». Не ракетная же шахта с ядреной боеголовкой, наконец, примется спорить неискушённый читатель.

А вот и нет, дорогие! Туалет — это без преувеличения, есть очень важный стратегический объект и от его исправности и пропускной способности, зависит вся боеготовность армии. Например, поднимают армейское подразделение по тревоге! А оно, вместо того, чтобы занимать свои рубежи обороны и места,

согласно боевого расчета и штатного предписания, в очереди стоит, чтобы на законных основаниях справить естественные надобности. Я особо замечу — естественные! Или, что это за боец, воин-победитель, который со спущенными портками стыдливо бегает по коридорам бетонных бункеров и гадит, где придётся. Да там же, только от одного «приятного» запаха захочется войну быстрей закончить, чтобы скорее противогазы снять и на чистый воздух выбежать. Хоть в плен скоропостижно сдавайся, прости господи.

А вы знаете, что количество «очек» в туалетах строго регламентировано и рассчитано исходя из штатной численности военнослужащих в подразделении?! Это самое количество очек, целые военно-медицинские институты рассчитывали. Не одна кандидатская и докторская диссертация на тему: «Пропускная способность туалета типа «сортир» в период ведения боевых действий в условиях повышенной температуры и влажности, при 40 % дизентерии у личного состава. .» были с триумфом защищены. Сколько достойных умов из военных академий, генералов под это дело получили?! Поверьте на слово — много, на военной библии можно поклясться — на Общевоинских Уставах. А вы говорите, туалеты?!

Да, если бы шпионские спутники, бороздящие просторы холодного космоса, определили и распознали выход из строя сразу трёх туалетов в 3-этажной казарме 5-й, 4-й и 16-й роты краснознаменного военного авиационного училища, к бабке не ходи, началась бы очередная мировая война. Такой момент пропадает! Эх!

Ну ладно спутники. Не научили их пока еще инженеры из НАСА исправность канализации определять! Шахты ядерных ракет — пожалуйста, а вот сантехнику нет. Недоработали конструктора, не все параметры в ЭВМ спутников для разведки заложили. Мда, реально облажались тогда ребята из ЦРУ и РУМО.

Кстати, пора бы кому-то из них и об отставке подумать. Такой момент для нападения профукали. Целых три роты Красной армии были фактически небоеспособны! НАТОвским супостатам самое время — только воюй! Вот дурачье! Пора, пора! Пора с американских разведчиков погоны срывать и по мордам! По мордам! И в отставку… а то — и пулю в лоб.

Чего греха таить — и резидентура вражеская, тоже однако, не доработала. За что их в Лэнгли держат, за что зарплату исправно платят?! Непонятно. Нашему командиру роты Володе Нахрену впору орденишко НАТОвский отчеканить и выдать, с формулировкой: «За подрыв оборонного потенциала страны

Советов». Сам, того не ведая, Нахрен сработал похлеще засланного диверсанта. Ба-бах!!! И более 400 бойцов, в 1-м батальоне военного училища, потеряны для обороны. Кстати, а куда «особый отдел» смотрел?! Может, капитан Нахрен это вредительство специально затеял?! Надо бы разобраться, внести ясность в существо вопроса. Хотя на дворе не 37-й год, но …

Такие вот дела. Чего греха таить, что было, то было. Но, тем не менее, хрупкое равновесие на грани глобальной катастрофы удержалось, Третья мировая война не разразилась, и мир был спасён.

А спасали его так. Исходя из впечатляющих масштабов разрушений, вызванных обдуманными действиями рассудительного капитана Нахрена, весь сантехнический стояк, объединяющий туалеты на трёх этажах был «вчистую» уничтожен. И чтобы реанимировать его, необходимо было объединить усилия всех трёх рот, пострадавших от взрыва и в едином порыве, одновременно, осуществить все виды ремонтных работ — от проброски и герметизации новых труб, до — установки «очек» и цементирования отвалившийся керамической плитки.

К Володе Нахрену регулярно приходили многочисленные ходоки из 16-й и 5-й роты. Он принимал дорогих гостей как радушный хозяин, поил чаем, вежливо выслушивал, входил в положение, широко улыбался, много обещал и ничего не делал. Спросите почему?! Отвечаю. Такова сущность нашего ротного, которого мы и перекрестили в Нахрена. Нахрен жил по принципу: «День прошел и, слава богу». А завтра будет новый день.

Время шло, наши соседи с положением дел мириться не хотели. Первым сдался майор Череп. Благо, его 5-я рота находилась на первом этаже здания и, следовательно, он был в более выигрышном положении. Итак, 5-я рота, за счёт внутренних ресурсов и собственными силами (а в армии всё делается только собственными силами и, исключительно, за счёт внутренних ресурсов) отремонтировал разрушенный туалет, ввела его в строй и начал активно эксплуатировать в штатном режиме.

Соседи сверху ещё пару месяцев поуговаривали Володю Нахрена, а затем напряглись и тоже сделали ремонт. Осталось за малым — восстановить недостающее звено, чтобы сдать исправный объект в эксплуатацию. Этим звеном был второй этаж, тоесть — мы.

От соседей сверху в последний раз пришли ходоки и, используя все достижения виртуозного убеждения и политеса дипломатии, а именно — грязный шантаж (пообещали использовать свой туалет по его прямому назначению, независимо от степени нашей готовности и исправности нашего

отрезка канализационной системы), всё-таки убедили Володю Нахрена приступить к ремонту.

Ротный был мрачнее тучи. Его можно было понять, ибо стать фильтром и отстойником для фекальных масс соседей сверху — перспектива малоприятная.

Долго думать наш командир роты не любил, да и не умел, поэтому ремонтная бригада была определена почти мгновенно, а именно — тот наряд, что стоял в день вселенских потрясений. Наши слабые доводы и жалкое лепетание, что мы, вроде как бы тут, и не причём, и такой чести — недостойны, да и чужой славы нам тоже как бы — не надо, были пресечены самым главным аргументом, который одновременно являлся и стимулом нашей дальнейшей трудовой деятельности.

— Через неделю зимний отпуск. Не успеете отремонтировать туалет, значит, не поедете, — ласково произнёс ротный. Это уже был удар ниже пояса.

В спальном помещении казармы опять лихорадочно был собран военный мини совет. Цель — поехать в отпуск! Задача — ремонт туалета. Способ выполнения — разыскать необходимые материалы и инструменты. Исполнение — круглосуточный режим работы.

Отдельно следует отметить что, отдав нам ценное указание, командир роты посчитал свою задачу полностью выполненной. А все остальные мелочи — поиск цемента, труб, извёстки, белил, новых очек наконец, кистей, мастерков, лопат и т. д. и т. п. — это уже мелочи, с которыми личный состав должен сам успешно справляться.

И мы справлялись. Где нашли расходные материалы, это вообще отдельная история, причём из разряда дел, которые попадают под юрисдикцию уголовного права. Так как — было хищение, кража, обман на доверии, мошенничество, заведомое введение в заблуждение, грабёж, и много ещё чего. Но жалкие остатки нашей совести дают нам возможность спокойно спать по ночам, ибо, за давностью происходящего, а также — небольших количеств материалов и отсутствия злого умысла, и личной выгоды в виде обогащения (посмотрите лучше на современных олигархов), нам полагается амнистия.

Единственное, за что меня мучает совесть — песок для раствора был изъят из детской песочницы. В результате, целое поколение детишек, выросших в военном городке, было лишено возможности делать куличики. Вот, исключительно этим детям, мы и приносим свои искренние извинения. Поверьте, не корысти ради, а исключительно из жгучего желания, увидеть своих родных и близких, а также — восстановить подорванную боеготовность

армии и страны в целом, мы и пошли на такие крайние меры. Простите нас, дети! Итак, лирику в сторону.

Потолки и стены туалета, после очистки от засохшего дерьма, белили извёсткой, украденной в столовой (там шел плановый косметический ремонт). Причём, вместо кистей, использовали свои личные сапожные щётки. Лестницы и леса, для доступа на 5-ти метровую высоту, собирали как карточный домик из курсантских тумбочек и кроватей. Техника безопасности отсутствовала изначально, как стопор прогрессивного достижения строительных технологий. Из-за отсутствия строительной ванны, бетон месили прямо на шикарном полированном мраморном полу (кто-то из бывших пленных немцев, возможно, схватился за сердце и заглотил пачку валидола), что поделаешь?! А кому тогда было легко?! Вместо герметика и уплотняющих прокладок, на стыки труб пошли наши полотенца и портянки, перетянутые проволокой, а местами даже — дефицитной изолентой для электропроводки. Но, такая роскошь как изолента быстро кончилась. В дело шло все!

Где нашли недостающие, разбитые очки, уж извините, не скажу. На этот вид воинских проступков и преступлений, срок давности не распространяется.

Работы велись круглосуточно! В столовую не ходили, ели прямо там же — в туалете, среди цемента, краски и труб. При всём — при этом, ещё умудрялись сдавать зимнюю сессию, причём на отличные оценки. Ответы на экзаменах проходили без подготовки — прямо у стола, где тянут билеты с вопросами. Времени на ремонт катастрофически не хватало. Мы зашивались!

Последний замес бетона происходил, когда первая партия отпускников-счастливцев в парадной форме, пересекала КПП, покидая родную альма-матер. Узнав об этом, стиснув зубы, мы ускорились.

Темп работы вырос ещё многократно. Что ни говори, а стимул — великий двигатель прогресса. Ещё последнее очко не успело занять своё законное место на пьедестале в крайней кабинке, а нетерпеливый Витя Копыто (поезд на Пилопедрищенск уходил через 1 час 47 минут), уже стучался в двери кабинета командира роты с бодрым докладом о нашей готовности к сдаче стратегического объекта.

Было отчетливо слышно, как в длинном коридоре, используя все своё шепелявое красноречие, Витя виртуозно грузит уши капитана Нахрена, а на полу туалета лежит еще около четверти куба цементного раствора.

Не долго думая, цемент полетел в многострадальное технологическое отверстие восстановленной канализационной

системы, полы быстро протерлись, инструмент аккуратно поставлен в угол.

Какие все-таки замечательные полы?! Идеально блестели от малейшего прикосновения даже безнадёжно грязной ветоши!

Нахрен задумчиво походил по туалету, слил воду в каждом бачке. Посмотрел, как она мощным водоворотом исчезает в недрах новеньких очек канализационной системы. Прислушался, не раздались ли возмущённые крики соседей снизу?! Еще раз окинул все своим командирским оком, хлопнул ладонями и довольно крякнул.

— Ну вот, тут делов на раз пёрднуть! А вы полгода тянули. Можете ведь, когда вас заинтересуешь! — и с видом великого Макаренко, ротный пошёл в канцелярию за нашими отпускными билетами.

Особо приглашения нам не требовалось, через 10 минут, туалет и все с ним связанное, а также — и само училище, уже были историей.

14 дней законного отпуска пролетели, как один. Пришло время возвращаться в альма-матер.

Первого человека, кого мы увидели в родной казарме после зимнего отпуска, был разъярённый Володя Нахрен. Оказывается, тот цемент, что мы слили в сантехническую систему, в воде не растворяется. Вообще — тоесть абсолютно не растворяется! Совсем — по определению не растворяется и все тут! Он — цемент значит, оказывается не просто тяжелее воды, он, ею даже не смывается, а занимает в системе труб крайнее нижнее положение, где и благополучно кристаллизуется. Кристаллизуется цемент прямо в воде. Обалдеть! Вот чудеса, однако. Причём, чем больше воды, тем цемент качественнее и крепче становится. Но нам эти строительные изыски были неведомы. Мы — ВВС, а не стройбат, в конце концов, но это уже лирика.

Короче, канализационная система многострадального туалета опять пребывала в своём типичном стандартном состоянии — тоесть была абсолютно неисправна.

Состав ремонтной бригады остался неизменный и постоянный, как масса электрона или скорость света в вакууме. И мы, опять засучив рукава, сели на очередном военном совете.

А спешить то нам уже было абсолютно и некуда, по ряду объективных причин — до следующего отпуска целых 6-ть месяцев. За это время всю казарму можно было до фундамента разобрать и заново отстроить.

А самое главное — в государстве начиналась очередная борьба за качество, а так же, было объявлено о нетерпимости к

показухе и очковтирательству. В стране начиналась перестройка, гласность и курс на дружбу с Западом.

В тоже время, на мировой арене намечалось радикально политическое потепление, и очередной глобальной войны из-за подрыва боеготовности Красной армии, по причине неисправного туалета в отдельностоящей казарме, можно было не опасаться.

20. Широкораскрытый рот

В нашей замечательной и дружной роте служили и учились ребята со всего бескрайнего Советского Союза. Это были времена, когда был жив лозунг, придуманный в недрах Главного политического управления Министерства обороны — Народ и армия едины! Поэтому, существовала строгая разнарядка о процентной составляющей в Красной армии для представителей различных народов, национальностей, малых народностей и даже — племен Крайнего Севера. Гребли и заманивали всех этих самых представителей, любой ценой, правдами и неправдами. Чтобы, со всей прямолинейной открытостью, авторитетно, чистосердечно и гордо заявить вероятному врагу-супостату, что в стране Советов и победившего социализма у всех и каждого, равные возможности.

Хочешь стать элитой общества — податься в офицеры?! Да, легко, пожалуйста! Дорога открыта для любого гражданина СССР. Все многонациональное население нашей необъятной родины имеет честь и желание служить в Красной армии, и с радостью и энтузиазмом защищает завоевания Великого Октября. Ну вот, что-то такое, вроде как похоже. Достаточно близко к тексту пропагандисткой брошюрки ГЛАВПУРа.

Поэтому и весь личный состав нашей роты был компактной моделью всего нашего государства — идеальная министрана, вся такая же многонациональная и многоязычная, многоликая и разношерстная. Частенько, некоторым курсантам приходилось язык свой государственный, вплоть до самого выпуска из училища, будучи офицерами золотопогонными, учить и бесконечно шлифовать и совершенствовать. Ну, не знали они этого языка, не пользовались им никогда и даже не догадывались о его существовании. Не нужен в высоких горах и бескрайних степях, этот самый великий и могучий русский язык — язык Пушкина и Толстого, Лермонтова и Есенина, общегосударственный язык, наконец — общепринятый стандартный язык отцов-командиров.

И такие доклады дневального по телефону, как этот, были, совсем не редкость. Притом, что абонент был уже на втором курсе обучения.

— Дню-валл-ный — Тум-бала-бочка! Мыш-ка Холлм-на-заров, слюш-хает! Тю-ба, тю-ба говно-рил-ка! Чам-вон хо-тиш! А?! Чур-ка ну-рус-кая! Да?!

Хотите, верьте, хотите, нет. Факт, остается фактом. Самое смешное, что при кошмарном конкурсе на поступление, этих ребят принимали просто так, по факту прибытия в училище, сразу

при пересечении КПП. Принимали просто за само согласие податься в офицеры. И выгнать их, по причине профессиональной непригодности или просто из-за банальной неуспеваемости, тоже не моги! ГЛАВПУР! Разнарядка! Народ и армия едины!

Мне посчастливилось учиться в классном отделении, где на 30 человек, было 20 национальностей и народностей. Вопросов нет, в большинстве своем эти парни — замечательные, хорошие и надежные ребята. Но тащить их силком, порой обманом, и выпускать из училища в виде сырого материала, с начальным и убогим знанием не то, что специальных военных дисциплин, но и просто русского языка, так, ради галочки и отчетности?! Согласитесь, что это не совсем правильно. Перебор!

В нашем военном училище, было принято на 20-е число каждого календарного месяца, подводить итоги успеваемости учебного подразделения по всем предметам и дисциплинам. Отмечать успехи, шпынять и позорить за проколы и недостатки. Так вот, результат в 220 двоек на 20-е число месяца на 30 человек личного состава — вполне стандартная ситуация для нашего, далеко не самого худшего по успеваемости 45-го классного отделения. Но, об этом, потом. Сейчас, история о другом. Держитесь крепче. Итак.

В нашей роте учился типичный и стандартный среднестатистический представитель солнечной Молдавии (в те времена, эта республика входила с состав единого и неделимого СССР), звали его — Олесь Потыну. Он был родом из села, с весьма поэтичным названием — Большие Пидоры (ударение на втором слоге).

Сей факт, не давал покоя многим казарменным острословам, особенно таким, как Витя Копыто. Опуская тот факт, что сам Копыто приехал из не менее замечательного города — Пилопедрищенск, Витя регулярно доставал Олеся расспросами о его родном селе. При этом живо интересовался наличием села с названием Малые Пидоры, и откуда собственно появилось такое интересное наименование данного населенного пункта и почему ударение в слове «Пидоры» надо ставить на второй слог, а не на первый.

Стоит отметить, что Олесь Потыну был парень, весьма неплохой, старательный, добрый, открытый и надежный, но честно сказать — немного тормознутый. А если быть совсем объективным, то Потыну был очень сильно тормознутым. Не буду настаивать, и спорить, не его в этом вина, темперамент у всех разный. Но долгая и размеренная жизнь в Молдавских предгорьях, наложила свой отпечаток на поведение и поступки уравновешенного Олеся. Соображал он катастрофически

медленно и тяжело. Было отчетливо слышно, как натужно скрипят его мозги, перемалывая своими громоздкими жерновами полученную информацию, которая как мука неторопливо и шурша, пересыпается по извилинам и заполняет закрома его девственно чистого мозга. Говорил по-русски Олесь вполне сносно, но так же обстоятельно и неспеша, при этом смачно причмокивая губами и с утомительно длинными-длинными паузами. Чем, регулярно, доводил до белого каления, более темпераментных сослуживцев. В частности, того же явновыраженного холерика Виктора Копыто.

Надо заметить, что Потыну был человек добродушный, незлобивый, неконфликтный и необидчивый. Очевидно, он просто не осознавал, что его временами — достаточно часто, беззлобно подкалывают и подтрунивают. А когда доходило, через пару дней, а может и много позже, то было уже несвоевременно отвечать шуткой на шутку.

Все ребята, неоднократно отмечали, что Олесь, просит рассказать анекдоты про молдаван, которые старательно и медленно, при этом, стандартно шевеля губами, записывает в свой блокнотик. Можно было предположить, что потом, в отпуске, он пересказывает эти анекдоты односельчанам и слывет у себя на малой родине, в Больших Пидорах (ударение на второй слог), балагуром и весельчаком. Пускай, не жалко. Анекдотов у нас в достатке. Для хорошего человека еще придумаем. Легко!

Однажды, незабвенный командир роты 4-й Вова Нахрен, будучи ответственным дежурным по 1-му батальону, выполняя ценное указание Пиночета, прошарахался всю ночь в поисках самоходчиков. Результат был нулевой, но, тем не менее — ни на минуту не присел. Его проблемы. Вольному воля, а дурная голова, ногам покоя не дает!

По утвержденному командованием училища распорядку дня, после обеда, ему полагалось 4-ре часа законного отдыха. Уставший, с гудящими и отекшими ногами, Нахрен приполз в родное подразделение и сразу дал команду дневальным, занести в его канцелярию свободную койку. С большим трудом, стянув сапоги с опухших ног, Володя приготовился почивать. Оставалась небольшая заминка с табельным пистолетом Макарова, которым на время несения дежурства, вооружается любой и каждый офицер Красной Армии. Дабы, не класть оружие под подушку, Нахрен логично определил, что самое безопасное для пистолета место — это оружейная комната роты, где под сигнализацией и неусыпным оком дневального на тумбочке, храниться 144 автомата Калашникова, пара пулеметов этого же прославленного конструктора-оружейника и море патронов.

Капитан Нахрен дал команду открыть «оружейку», вскрыть крайнюю пирамиду и на самую верхнюю полку положил свой табельный ПМ (пистолет) в кобуре на портупее.

На его глазах, дневальный курсант по роте закрыл «оружейку», опечатал замок и подключил сигнализацию, продублировав, сей факт у дежурного по училищу полковника Пупкина. Успокоенный и умиротворенный Володя Нахрен отправился спать.

Но, как часто случается в нашей жизни, все пошло не так. Потому что, все в этой самой жизни очень даже, далеко не просто. Есть еще различные стечения обстоятельств и феноменальные легендарные случайности, предвидеть и учесть которые, далеко не всегда представляется возможным.

Ни для кого не секрет: «То, что является результатом длительного мыслительного процесса и выполняется на строго законных основаниях, а так же по давно отлаженным, доведенным до автоматизма и отработанным до изнеможения процедурам, обычно хорошо начинается, но весьма плохо заканчивается, и зачастую, приводит к абсолютно непредсказуемым последствиям». Это своего рода разновидность законов подлости, или законов Мэрфи, кому как угодно.

Пока Нахрен досматривал свой первый сон и собирался смотреть вторую его серию, в расположение роты ввалилось отделение курсантов, назначенное во внутренний караул по училищу — охрана боевого знамени, автопарка, оружейных складов, аэродрома, местной гауптвахты, периметра и прочее.

Для обеспечения процедуры получения личным составом караула личного оружия и боеприпасов, дневальный позвонил дежурному по училищу полковнику Пупкину и попросил снять «оружейку» с сигнализации. Полковник Пупкин, скрупулезно сверившись с графиком нарядов, нажал кнопку на пульте и отключил 4-ю роту от сигнализации, а так же разрешил дневальному выдать это самое оружие и боеприпасы, исключительно личному составу караула. Все законно и буднично. Алгоритм отработан до автоматизма, практически до изжоги.

Но, в жизни всегда есть место случайности. Курсант Олесь Потыну, вынимая свой автомат из пирамиды, увидел кожаный ремень, свисающий с верхней полки оружейного шкафчика. Это его озадачило. Думать не было ни времени ни желания, и он потянул за этот ремень. В результате, ему на голову свалилась тяжелая кобура с пистолетом ПМ.

Кроме автомата и пулемета системы Калашникова, когда-то в детстве, Олесь видел еще охотничьи ружья. Но это было дома, в

родном селе Большие Пидоры (как все уже помнят, ударение на втором слоге). Пистолет Макарова на занятиях по огневой подготовке пока еще не изучался. Не подошло время. Учебным планом, проведение данного занятия было предусмотрено в следующем месяце. Подождать бы всего ничего. Но, ведь интересно?! Ой, как интересно! Любопытство — не порок! Все знают. А двигатель прогресса!

Соблазн — великий искуситель. В руку Олеся приятно и удобно лег вороненый пистолет. И так захотелось с кем-нибудь поделиться своей неожиданной находкой, что Олесь, минуя дневального на тумбочке, который в этот самый момент, докладывал полковнику Пупкину по телефону о планомерной выдаче оружия и боеприпасов, беспрепятственно вышел из «оружейки».

Первого, кого он увидел, был Виктора Копыто, идущий по коридору за своим многострадальным автоматом. До Виктора было метров 12–14, где-то так. Большой и восторженный ребенок Потыну, переполняемый положительными эмоциями, непроизвольно протянул руку с пистолетом навстречу своему главному поставщику новых анекдотов про молдаван.

— Га! Вы-тёк! Ды-высь, шо я маю!

Витя Копыто тоже искренне удивился, увидев пистолет. Сделав еще шаг навстречу Олесю, он протянул свои длинные нескладные ручонки и, открыв рот, начал говорить.

— Да. .

Он, очевидно, хотел сказать: «Дай!», а может: «Дай, мне!» Неважно, на букве «А», когда рот Виктора был максимально открыт, неожиданно прогремел выстрел.

В наступившей, сразу после выстрела, звенящей тишине, в легком и сладковатом облачке пороха, раздался шум падающего тела, а затем мелодичный звон подпрыгивающей на полу стреляной гильзы. Кости и мослы Виктора Копыто с грохотом, распластались на идеально натертом полу казарменного коридора.

Олесь озадаченно крутил в руках дымящийся пистолет. Он, то заглядывал в ствол, то наводил его на очевидцев происходящего, как бы приглашая всех ребят поучаствовать в процессе исследования внутреннего содержимого ствола пистолета. Всем своим растерянным видом, Олесь Потыну призывал очевидцев в свидетели, что он, здесь ни причем, а дурная железяка выстрелила сама, без его непосредственного участия.

Из канцелярии прибежал взъерошенный и заспанный Нахрен, прибежал прямо в носках и в галифе. Увидев лежащего на полу

бездыханного курсанта Копыто, ротный страшно выпучил безумные глаза и бросился к Потыну, отбирать пистолет. Перепуганный Олесь, сначала тупо тянул ПМ на себя, очевидно не желая расставаться с такой занятной штукенцией, но после 3-4-х минут молчаливого пыхтения и сопения, сопровождавших это импровизированное «перетягивание каната», Потыну, наконец, разжал пальцы и пистолет перешел в руки законного хозяина.

Ротный прямо так, в носках и с пистолетом в руке, нервно метался по коридору. Было видно, что от отчаяния, он не знает, что делать. У курсанта Потыну тем временем подкосились ноги, и он медленно осел на пол. В его мозгу начинался процесс неторопливого осознания случившегося события и его непосредственная роль в данной ситуации.

Все курсанты в казарме находились в подавленном состоянии глубокого столбняка. Вид неподвижно лежащего на полу товарища, погибшего на наших глазах, парализовал всех и каждого. Так близко, смерть еще никто, из нас, не видел. В роте повисла гнетущая тишина.

Но БОГ, Витю любил! Неожиданно тело Копыто зашевелилось. Витя открыл глаза и сел. Он поднес руку к левой щеке, прикоснулся к ней и немного скривившись, сразу отдернул. Мы увидели немного крови на его пальцах.

Тем временем, Витя энергично поклацал зубами, поплямкал языком, повертел головой, с удивлением оглядывая, замерших сослуживцев, которые смотрели на него, как на ожившее приведение. Копыто еще раз осторожно покрутил головой, послушал, как легонько щелкнули его шейные позвонки, бодренько вскочил на ноги. Все, изумленные очевидцы происходящего, сразу же бросились к нему.

Факт остается фактом, но произошло очередное чудо. Где-то наверху, в небесной канцелярии, посчитали, что такой замечательный пацан, как Витя, рановато собрался переезжать в мир иной — не по графику, без предварительной заявки и согласования. Не готовы в этом загробном мире, к такому счастью. Не выдержит их райская гармония и благочестивая умиротворенность, внепланового прибытия такого редкостного безбашенного раздолбая. Вероятно, на небесах, решили повременить с этим незаслуженно радостным событием наступления всеобщего хаоса, и единогласно решили оставить Виктора Копыто на Земле, на радость и развлечение нам, любезным. Наслаждайтесь-ка ребятки сами, а нам такой подарочек без надобности. Ну, что-то, типа вроде того.

То, что Витя отклячил свою нижнюю челюсть и широко

раззявил рот, спасло ему жизнь. Удивительно, но пуля вошла исключительно точно, в его раскрытый рот, аккуратно, почти ювелирно, не задев ни губы, ни зубы, ни язык. Так как Витя находился к Олесю немного под углом, то и вышла летящая пуля точно через середину его левой щеки, оставив небольшую сквозную ранку, с чуть-чуть рваными краешками, которая даже почти не кровоточила. Непостижимо! Чудо! Фантастика!

В расположение роты скоропостижно прибыли мрачный Пиночет, дежурный по училищу полковник Пупкин и добродушный на вид, вечно улыбающийся майор-«особняк». Всех очевидцев данного происшествия загнали в ленинскую комнату, где мы дружно строчили рапорта, о степени своего участия, или неучастия, в данных событиях.

Пиночет в коридоре жестоко порол Нахрена. Он нисколько не ограничивал себя в использовании крепких выражений из богатого арсенала великого и могучего русского языка, из обширного раздела его нелитературной и непечатной составляющей. Через неплотно закрытую дверь, было видно, как Вова Нахрен разводит руки в разные стороны и, оправдываясь, сильно хлопает ими по своим ляжкам. Создавалось впечатление, что он собирается взлететь. Взъерошенный Петя-петушок, очень похоже! Смешно, но не до шуток!

В роту прибыл начальник медслужбы училища и фельдшер с чемоданом лекарств. Они долго, недоуменно и растерянно осматривали Витю Копыто, не веря своим глазам и рассказам очевидцев о том, при каких обстоятельствах было получено данное ранение. В это время, неунывающий мудак Витя (иначе не скажешь), развлекался тем, что набирал полные легкие воздуха, и плотно сомкнув губы и раздувая щеки, выпускал этот самый воздух через аккуратную дырочку в левой щеке. Болевых ощущений или какого-либо дискомфорта, он не испытывал, а пошалить хотелось, даже сейчас. Настроение его было замечательное, претензий к Олесю он не имел, а брать в голову негатив, Витя не имел привычки. Единственное, что его беспокоило: «Не будет ли через это отверстие вываливаться пища, и вытекать компот?» Идиот!

Обескураженные медики забрали Виктора в медсанчасть, где ему наложили один-единственный стежок хирургического шва на щеку, смазали зеленкой, воткнули под лопатку укол от столбняка и оставили на амбулаторное лечение.

Внимательно изучив наши письменные и устные показания, назначив замены в состав наряда раненому Копыто и неожиданно виртуозному снайперу Потыну, нас отправили на развод караула, строго предупредив держать язык за зубами, до момента

окончания служебного разбирательства.

Сутки караула прошли в общей нервозности и в пугающем неведении. Все переживали за Олеся Потыну. Мы уже знали, что Виктор жив и здоров, и через 5–6 дней, когда шов окончательно затянется, его вернут к нам. А вот судьба и ближайшее будущее молдаванского боевика-террориста Олеся была очень туманна. То, что его не посадили на училищную гауптвахту и не передали для ареста в заботливые руки военной комендатуры для задушевных бесед с прокурором, наводило на различные мысли. Чаще, невеселые.

Когда мы вернулись из караула и сдали оружие и боеприпасы, то нас опять загнали в ленинскую комнату. С нами очень долго и занудно беседовали Пиночет, «особняк» и один из первых заместителей нашего генерала. Мозги посушили знатно и качественно. В результате их умозаключений и грозных речей, получалось, что виновны мы все поголовно, и сажать нас надо немедленно, причем, персонально каждого. Но, учитывая гуманность и человеколюбие нашего государства, командование училища приняло решение, поступиться своими высокоидейными принципами, взять грех на свою кристальночистую совесть и не отправлять нас — законченных мерзавцев, в кандалах по этапу на Колыму, для усиления бригады лесорубов-невольников, а дать возможность искупить свою вину, образцовым служением своей справедливой и милосердной родине. Во как!

Короче, все остается как есть. Мы скромно держим язык за зубами, Олесь образцово-показательно задрочен и запуган, Копыто жив и здоров, и вообще — без малейших претензий. Обо всем забыть! Согласны?!

Мы были единодушно и единогласно согласны. Всю 3-х часовую пургу и лабуду, что нам вливали в уши отцы-командиры, мы поняли как надо. Все до противного очень просто объяснялось — наше краснознаменное училище, награжденное несколькими орденами и обласканное руководством ВВС, решило не выносить сор из избы, и сохранить свое лицо. Идея нормальная, почти благородная, учитывая, что никто не пострадал. Ну, почти не пострадал.

В результате, все вернулось на круги свои. Пиночет получил выговор, Нахрен — строгач, «особняк» за свою скромность и правильное понимание момента, тоже что-то получил, но из разряда материального. Что-то говорили про открытку, дающую право вне очереди на покупку ВАЗ-2105. Утверждать не берусь. Информация об инциденте с оружием за периметр ограждения училища не вышла и, все фигуранты этого дела, остались довольны, а самое главное — живы и здоровы.

Витя, вернувшись из санчасти, щеголял с аккуратным, почти незаметным розовым рубцом на левой щеке. В кармане своей гимнастерки, он носил пулю, которая, пройдя сквозь его щеку, ударилась о стену и сильно деформировалась, но была узнаваема. Ее потом нашли, при уборке спального помещения.

В результате, у Виктора появилась новая душещипательная история для гарантированного проникновения сквозь неприступную оборону невинности наивных девушек. Копыто, трогательно пуская скупую мужскую слезу, рассказывал, как при выполнении совершенно секретного задания командования (причем, исключительно государственной важности), в него стрелял суперопасный преступник — шпион всех империалистических держав мира (кажется, его звали — Бонд, Джеймс Бонд). И только благодаря своей железной хватке, буквально, своими персональными зубами, он — Виктор тоесть, прервал смертельный полет безжалостного кусочка металла. В этот момент повествования, пуля извлекалась из кармана и служила неопровержимым доказательством правдивости рассказчика, дополняя натурную картину «боевого» ранения. Я просто рыдал от умиления, фактически умываясь слезами, частенько являясь свидетелем таких изысканных маневров Виктора Копыто. Оборона крепостей рушилась, девушки выбрасывали белый флаг и отдавали себя на разграбление благородному и смелому воину, борцу с империалистическим шпионом. Как его там звали?! Кажется — Бонд, Джеймс Бонд?!

Олесь Потыну тоже продолжил учебу в училище. Свою заторможенность в действиях и в процессах мышления, он компенсировал исключительно точным и пунктуальным выполнением всех предписаний и распоряжений, в строгом соответствии с требованиями и регламентом всевозможных инструкций и наставлений. Ни на шаг в сторону, ни малейшей толики личной инициативы. Олесь стал человек-параграф. Общевоинские Уставы были его настольной книгой, почти что — библией. В последствии, после успешного выпуска из училища, Олесь перевелся в Сухопутные войска и занял бы достойное место в кресле военного коменданта одного из гарнизонов на территории своей родной солнечной Молдавии, но… об этом чуть позже.

А пока в роте, после отбоя, полушепотом еще долго обсуждалась возможная причина, по которой Олеся не вышибли из училища, а оставили для дальнейшего обучения. В качестве основной версии называлось, что Потыну был не совсем молдаванином, а — гуцулом. А таких представителей из Красной книги, в Советскую армию еще не заносило. Поэтому, его и

оставили, для рассады.

Выдвигалось предположение, что его дальний родственник является одним из многочисленных секретарей коммунистической партии Молдавии, и занимает уютный кабинет в Кишиневе, где важно восседает на своей персональной табуретке. Возможно, но не факт.

Самое интересное, что находились те, кто искренне считал, что Потыну хотел реально отомстить Виктору Копыто за многочисленные шутки в адрес жителей села Большие Пидоры. (Все помнят, где ставится ударение?!). И это, спустя полтора года?! Долго, однако, до парня доходило?! Но дело замяли, чтобы не разжигать межнациональную рознь. Данная версия, не выдерживает ни какой критики. Бред сивой кобылы в лунную ночь. Полная чушь, потому что Виктора и Олеся связывали узы настоящей крепкой мужской дружбы. Это точно, без вариантов. Проверено и доказано бескорыстной взаимовыручкой и помощью. Неожиданная стрельба, только крепче сплотила этих достойных друг друга, но таких разных, представителей HOMO SAPIENS.

Вообще, версий и предположений было много. Лично мне кажется, наиболее достоверной была другая причина, по которой Олесь Потыну вышел сухим из воды, а Виктор Копыто остался живым и здоровым. Ответ прост и незатейлив!

БОГ, Витю любит! А вместе с ним, возлюбил и Олеся Потыну.

21. Гарнизонный караул

Наше 45-е классное отделение впервые заступает в гарнизонный караул. В казарме ажиотаж. Все усиленно готовятся. Еще бы, гарнизон — это не внутри училища, где свой замкнутый микромир, где все свои, пусть надоевшие хуже горькой редьки и отвратные, но такие родные.

Даже, если так сложилось, что ты сидишь в камере на училищной вахте, то будь спокоен, тебе не дадут пропасть. В это время, твой соплеменник пишет для тебя пропущенные лекции, под копирку. А курсанты из состава караула усиленно подкормят и обеспечат возможность поспать в неурочное, запрещенное для сна время. Причем, это будут совершенно посторонние парни — не из твоей роты и даже — не из твоего батальона. Но тем не менее… Потому, как всем парням известна прописная истина: «сейчас охраняешь ты, а завтра уже охранять будут тебя и наоборот». Круговорот курсантов в карцере — процесс бесконечный и хаотичный, как легендарное Броуновское движение.

Да и местное начальство, пусть не подарочек, но все же свое, родное — из ВВС. А в ВВС, будет вам всем известно, самые демократичные и воспитанные офицеры, деликатные и терпеливые, а местами даже — душевные и сентиментальные. Их отношение к младшим по возрасту и званию, почти семейное. Даже, шутливые оскорбления и бесконечные шпыньки, отпускаемые в наш адрес, и те безобидные и абсолютно беззлобные. Так, больше для приличия. Ради порядка.

Гарнизонный караул — что-то новое, еще неизведанное и поэтому, всем ребятам немного волнительно.

В гарнизоне все иначе. Гарнизон — это враждебная территория, где расположена и дислоцирована огромная масса военных училищ, воинских частей, рыскающих патрулей, зверей-краснопогонников и ракетчиков, а так же самых страшных и беспощадных отморозков среди армейской среды — офицеров комендатуры, которые люто ненавидят любое послабление в воинской дисциплине, даже самое незначительное отступление от требований статей Общевоинских Уставов.

Курсант для них — это пока еще неразоблаченный и непойманный потенциальный нарушитель воинской дисциплины, почти, предатель родины, самое место которому на гауптвахте, а еще лучше — в дисциплинарном батальоне. А если у этого олуха, погоны на плечах с голубым просветом и золотистый пропеллер в петличках, то значит, он вдвойне опасен. Ибо, вольнодумец он, не

обремененный фундаментальными знаниями об устройстве большой саперной лопаты, и не познавший красоту монолитного пешего строя и гармонию 12-ти часового марширования на плацу под бравурные военные марши, в исполнении духового оркестра!

Вы знаете?! Они — офицеры комендатуры, в чем-то, наверное, правы. Ну, не занимаются такой ерундой в ВВС, некогда нам! Есть другие дела, на наш взгляд, более важные и нужные. Нас учат всегда думать, старательно читать электрические схемы, скрупулезно распутывать хитросплетения проводов и трубопроводов, быстро и правильно принимать единственно правильное решение, сохранять свою индивидуальность для успешного решения задач, от которых зависит человеческая жизнь — жизнь экипажа, наконец. Все наши действия досконально осознаны. Интеллект всегда наготове. Более того, он просто есть, присутствует интеллект и все тут.

Отбирают в ВВС строго и кропотливо, при условии наличия этого самого интеллекта. Ибо, люди в авиации, никогда не считались расходным материалом. «Пушечное мясо» — это не о нас. Мы — в идеале, должны быть продуктом штучного производства. Потому как, земля одинаково твердая для всех! Даже обращение к военнослужащим в авиации, строго уважительно, по имени-отчеству, независимо от возраста и звания, без показного паркетного шарканья, без громкого щелканья каблуками, без прогнутой спины и сексуально оттопыренного зада, без подобострастного взывания к чинам и регалиям, без «чего изволите’с». Нет этого! Не прижилось. Да, если честно, то и не приветствуется! Более того, местами даже, презирается подобное шарканье и любая попытка к лизоблюдству.

Поэтому в искреннем рвении офицеров гарнизонной комендатуры всегда присутствовало страстное желание гноить его — соколика сизокрылого, в недрах свободолюбивого ВВС, взращенного и обязательно — с тройной энергией. А все потому, что летать этот мерзавец, возможно, когда-нибудь сможет, и станет. Свысока, на весь мир, сволота улыбающаяся, на всех нас, на сырой земле остающихся, и в том числе — на меня любимого, смотреть будет. Да он, подонок, мечту мою заветную, о небе синем, украл фактически! Он что себе позволяет?! Думает, лучше меня?! Ишь чего возомнил, паскуда?! Фас его! Трави, пока не ушел! Если нам суждено по земле ползать, то летать в синем небе — вообще крамола. Контрреволюция! Измена!

Наверное, именно так и думают обладатели красных погон, с ненавистью глядящие на курсантов военно-воздушных училищ. Иного объяснения и оправдания их красноречивым взглядам и непристойным поступкам, найти просто невозможно. Но, тем не

менее, после каждого заступления в гарнизонный караул, в расположение родного училища возвращались далеко не все наши бойцы. ВВС несло потери. Одно радует, что потери — восполнимые, временные. Некоторые парни пополняли число «сидельцев», не успев растерянно хлопнуть ресницами, превращаясь из охраны в арестантов. Их оружие привозили оставшиеся на воле сослуживцы, молча ставили в пирамиду, сдавали патроны и грустно смотрели на пустующие, осиротевшие кровати.

— Как они там, сейчас?!

А там, это значит на губе. Ибо каждый уважающий себя помощник военного коменданта или начальник гауптвахты, да что там, и сам начальник гарнизона, узнавая, что заступают представители ВВС, считал за норму, арестовать пару-другую «летунов-залетчиков», для долговременной отсидки в комфортабельной обстановке общей камеры, в сугубо воспитательных целях, естественно. Дабы доказать на их же собственной шкуре, этим выскочкам обнаглевшим, что жизнь на земле не сахар, и нам — ВВС, в ней, не место. Земля принадлежит красным погонам и им подобным.

Поэтому, к гарнизонному караулу готовились истово, Устав учили как поэмы Пушкина в школе, с выражением и нараспев. Форму утюжили, сапоги гладили и драили до зеркального блеска, каблуки стоптанные перебивали, миллиметры на шевронах и петличках вымеряли, бляхи на ремнях натирали до благородно-золотого блеска. Психоз и нервозность были массовым явлением.

И отведенные сутки, караульную службу тащили супер-пупер-мега-гипер-образцово, чтобы повода для ареста не было по-определению, даже теоретически. Но «помидорные» офицеры глазам своим не верили, день и ночь покоя не знали, все искали и рыскали, чтобы нас — голубчиков, у себя в нежданных гостях, да на нарах оставить. Гостеприимно, ничего не скажешь.

В тот день, все пошло очень даже удачно. Желчный и мерзопакостный краснопогонный полковник пару часов раздраженно брюзжал на разводе караула о неспособности и непригодности ВВС, как рода войск в современной войне в целом, и нас — всех убогих дебилов, косящих от настоящей земной службы, в рядах авиации, в частности. Этот дежурный комендант обошел всех и каждого, задал по паре-тройке самых каверзных вопросов из Устава Гарнизонной и Караульной Службы. Получив идеальные и исчерпывающие ответы, он рассвирепел еще больше, фактически пришел в неистовство. Наши знания, полковник посчитал за прямое оскорбление и издевательство. Ибо, по его авторитетному разумению — не в состояние ВВС по своему

вольнодумному строению мозга, осознать и оценить все отточенное великолепие и строгую красоту Устава. Не дано это им это, и все тут.

Затем, при приемо-сдаче гауптвахты, полковник решил поприсутствовать лично, в смутной надежде подловить нас на каком-нибудь явном нарушении процедуры приемо-передачи арестованных и развить это в свою пользу. Но, пошло немного не по его сценарию.

Дело в том, что на гарнизонной гауптвахте сидят не только честные образцово-показательные военнослужащие, волей случая, попавшие в поле зрения гарнизонного патруля и мелкие нарушители воинской дисциплины, но и лица, находящиеся под следствием за достаточно опасные преступления. А так же, в отдельных камерах сидят и те, кто уже осужден военным судом-трибуналом, и ожидает неизбежной пересылки в дисциплинарный батальон или того хуже — в тюрьму. А сидеть, многим из них, ой как не хочется.

При проверке наличия арестованных, комендант-краснопогонник маячил у нас за спинами, постоянно вмешивался в процедуру проверки, и вообще создавал всяческую нервозность и суетливую неразбериху. Сложилось так, что дверь в камеру была открыта, шла перекличка и поголовная проверка подследственных.

Каюсь. Виноват, что выполнил бездарное распоряжение дежурного коменданта, но дверь, ведущая из длинного коридора с многочисленными камерами на улицу, во внутренний дворик гауптвахты, тоже была открыта.

Противно, видите ли, господину полковнику спертым воздухом застенков и казематов дышать, портянки арестантские нюхать. Свежего весеннего ветерка захотелось. Сказано-сделано, приказы в армии выполняются беспрекословно. В результате, тяжелая железная дверь, надежно закрывающая коридор с рядами камер, осталась нараспашку, выход во двор гауптвахты фактически был свободен.

Один из подследственных, очевидно не желая переходить в разряд осужденных, с отчаянием бросается на полковника и сбивает его с ног. Очень удачно сбивает. Так, что это визжащее и копошащееся тело полковника, блокирует всех нас в мрачном и узком коридоре гауптвахты. В это время, подследственный, легко перемахивая через поверженного офицера, вырывается во внутренний дворик, прямо в объятия пьянящей весны.

Возможно, для обычного человека, 3-х метровый забор с верхним рядом колючей проволоки будет являться непреодолимым препятствием, но не в этом случае. Жажда

свободы чудеса творит. Этот отчаянный малый, лихо перемахнул через кирпичный забор, легко преодолел колючую проволоку, натянутую по верхней кромке, и ищи-свищи ветра в поле. А полковнику осталось бы писать на себя подробный рапорт с чистосердечными повинными показаниями. Именно на себя любимого, за содействие своим бездействием и персональной дуростью, дерзкому побегу. Мы были девственно чисты, ибо только выполняли все многочисленные ценнейшие указания краснопогонного полковника, причем, точно и в срок.

Но звезды в тот день улыбнулись старому хрычу. А может, это случилось, потому, что в составе караула был Витя Копыто?! А как все помнят, Бог Витю любил, а заодно, любил и всех окружающих Виктора, включая брезгливого и желчного коменданта.

Не прошло и пару минут истеричной паники, хаоса и визгливых криков полковника о том, что все пропало, как дерзкий беглец был возвращен на свое законное место прописки. Дело в том, что на калитке внутреннего дворика гауптвахты стоял наш боец.

Положено так, пост этот сменный, и каждый из состава караула, в течение суток, хотя бы раз имеет смутное удовольствие помаячить в качестве дворецкого или швейцара, кому как будет угодно, на калитке.

Витя Копыто, чья очередь запирать и отпирать засов металлической двери, на этот раз почему-то тупить не стал, а молниеносно быстро сориентировался в ситуации, открыл калитку и выбежал на улицу, но стрелять по убегающему солдатику не стал. Чай, не душегуб какой, а просто догнал беглого, завалил на асфальт, скрутив своим брючным ремнем, попинал его слегка и беззлобно для приличия — для порядка, так сказать, в меру дозволенного, но не более, и приволок любезного под крышу родной камеры.

Каким образом, Виктор Копыто, которого регулярно притаскивали на финишную линию всевозможных кроссов в жалком состоянии (чаще всего в полубессознательном), смог так легко догнать ловкого беглеца, остается загадкой?! Но факт на лицо, курсант Копыто нежным, но увесистым пинком тяжелого сапога под зад, с поразительной точностью профессионального форварда, загнал беглеца в узкий проем двери арестантской камеры.

Полковник сиял от счастья, он пожимал нам руки, целовал всех как детей родных, обещал состряпать благодарное письмо на малую родину и настойчиво просил поскорее забыть сам факт данного позорного происшедшего и особенно — его бесценные

команды и своевременные распоряжения. А уж он в свою очередь, лично, клятвенно обещал забыть о нашем существовании на ближайшие сутки, до самого окончания времени нашего пребывания в составе гарнизонного караула.

Такой соблазнительный расклад нас более чем устроил. Появилась реальная возможность, впервые в истории училища, вернуться из гарнизонного караула со 100 % личного состава.

Надежда то появилась, но вот только именно с этого момента началось все идти не совсем так или совсем не так?! Впрочем, судите сами.

22. Витя — циркач

Для того чтобы бесплатная рабочая сила, пребывающая в камерах гауптвахты не простаивала и не страдала онанизмом, в СССР была отработанна система для более полезного и продуктивного использования этой самой дармовой силы. Причем официально, на законных основаниях.

Все очень правдиво и с юмором показано в известном фильме Леонида Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика». В реальной жизни, данная процедура — есть полное соответствие великому киношедевру.

Поступает заявка от работодателей — хороших личных знакомых коменданта, и «выводной» — человек из состава караула, вооружившись штатным оружием, сопровождает бригаду, принудительно набранную из «добровольцев», в виде мелких и неопасных нарушителей воинской дисциплины, куда «надо».

В тот день, «надо» было везти арестантов в городской цирк. Там шел плановый капитальный ремонт перед открытием очередного гастрольного сезона, и не хватало рабочих рук для уборки грандиозных залежей строительного мусора.

Вопросов нет, отвезем, хотя если честно, городской цирк не входит в перечень военных стратегических объектов, обеспечивающих обороноспособность страны, но приказ есть приказ и провинившиеся бойцы безропотно поплелись работать в цирк. Хорошо еще, что не укротителями тигров и не канатоходцами, а в качестве неквалифицированной физической силы — грузчиками. Тоесть, круглое таскать, плоское катать. Не удивляйтесь, я не оговорился.

Всевозможные трудности, постоянные лишения и периодические унижения для отбывающих справедливое наказание на гауптвахте военнослужащих, создавались искусственно, но об этом отдельная история. Если в двух словах, то основная задача гауптвахты — быстрое и качественное перевоспитание всевозможных нарушителей воинской дисциплины, значит — сделать пребывание военнослужащего на гауптвахте невыносимым по-определению, чтобы в следующий раз он сто раз хорошо подумал, надо ли ему проходить через все многочисленные тяготы, лишения, унижения и всевозможные оскорбления еще раз. Может, лучше оставаться образцово-исполнительным солдатом и спокойно считать дни до «дембеля» (курсантам — до выпуска из училища). Такая вот неказистая и незамысловатая, но очень доходчивая армейская педагогика.

Выводным в команду «циркачей» был назначен, кто бы вы думали?! Конечно же, незабвенный Витя Копыто — наш утренний герой, обласканный благодарным полковником. Тот комендантский полковник, когда, наконец, отстирал свои галифе (обгаженные после попытки неудачного побега), даже клятвенно пообещал, что не посадит Витю на «губу», если его самого, когда-нибудь ненароком задержит строгий комендантский патруль. Щедро?! Несомненно. Воистину, царский подарок!

Начальник караула — лейтенант Зайчик подробно проинструктировал Витю, лично отобрал из числа отбывающих арест, наименееопасных и максимально добропорядочных сидельцев. Зайчик скрупулезно согласовал по телефону все свои действия с нашим новым другом и покровителем — краснопогонным полковником из комендатуры. Затем, заказал в автопарке бортовой ЗИЛ-131, для перевозки бригады арестантов и сопровождающего их курсанта Копыто на стратегический объект ударных трудовых свершений и головокружительных подвигов — в городской цирк. Реально, цирк!

Была дерзкая, пьянящая весна, стремительная и нетерпеливая. Асфальт и земля уже освободились от снега, первая травка робко пробивалась к свету. Фантастически синее небо и ни единого облачка, оглушительно и задорно щебетали одуревшие от пьянящего восторга птички, ласковое солнышко игриво припекало, и ослабленный за долгую зиму курсантский организм неумолимо тянуло в сон.

Витя, уставший после утренней беготни за арестантом, стоял во дворе гауптвахты ссутулившийся, полусонный, и жалкий, среди разношерстной бригады мелких нарушителей воинской дисциплины. Он так гармонично смотрелся среди них, что только наличие поясного ремня на шинели (у арестованных вояк отбирают ремни, исключительно из гуманных соображений — чтобы не повесились от такого счастья, как пребывание на губе) и автомата за спиной, указывало на его привилегированное положение.

Раздраженно урча, подъехал армейский ЗИЛ-131 с брезентовым тентом цвета хаки, все бодренько попрыгали в кузов. Мощная машина, изрыгнув клубы черного дыма, громыхая и вибрируя, повезла бойцов трудового фронта на работу в городской цирк. Служба пошла своим чередом. Через некоторое время, ЗИЛ вернулся и встал на стоянку напротив ворот гауптвахты, так как щедрый «помидор» — комендатурский полковник, определил его в качестве дежурной машины.

Время шло своим чередом, близилось время обеда. Наступила моя очередь становиться на калитку. Я взял свой автомат из

оружейной пирамиды, подоткнул магазин с патронами и пошел менять клюющего носом на посту Лелика, который откровенно и бессовестно разомлел на весеннем солнышке. При этом Лелик героически боролся с наступающим сном. Чтобы не заснуть стоя и не потерять вертикальную устойчивость, киевлянин пропустил свой поясной ремень через скобу массивного запора на воротах гауптвахты и фактически висел на этих воротах в полусонном состоянии, сохраняя шаткое равновесие.

Отвязав дремлющего Лелика от ворот, я отпустил его на отдых, а через полчаса, уже сам начал активно подумывать о том, как бы привязать свое засыпающее тело к огромным воротам гауптвахты. Весенний сон успешно развивал наступление по всем фронтам. Организм настойчиво просился выпасть в осадок, а мое разумное сознание под воздействием ласковых солнечных лучей, стремилось скорейшим образом погрузиться в нирвану. Но ситуация развивалась по другому сценарию.

Через некоторое время, мне продублировали команду начкара Зайчика, отправить машину в цирк, чтобы привезти наших подопечных и охрану на плановый обед. Я разбудил дремавшего в кабине ЗИЛа солдатика и передал ему ценное распоряжение. Тот быстро завел машину и погнал в цирк. Вернувшись на калитку, я принялся ждать своей смены.

Пригревало солнышко, я щурился как мартовский кот, да и мысли меня посещали соответствующие. Подставляя лицо нежным солнечным лучам, я незаметно погрузился в анабиоз, который прерывался периодическими неконтролируемыми всплесками гормонов, навевающих эротические фантазии с активным участием безумно красивой дочки начальника гауптвахты (отдельная история, у такого монстра и такая дочка — жемчужина). Реальность и мечты перемешались. Я грезил наяву. Перед глазами смутно маячил приятный образ нежного и стройного создания с длинными светлыми волосами почти до колен, стройные ножки, серо-зеленые глаза, брови вразлет, пухлые сочные губки в форме сердечка, бархатная загорелая кожа…

Вернувшийся ЗИЛ нарушил гармоничный ход моих похотливых мыслей. Из кузова грузовика шустро попрыгали арестанты. Солдатик-водитель, высунувшись из кабины, крикнул, что после обеда вернется, ЗИЛ фыркнул и скрылся за поворотом. Перед воротами осталась стоять бригада циркачей в полном составе. Ну, почти в полном — за исключением выводного Вити Копыто. Я старательно протер глаза. Витя не появился.

— Пацаны, поймите меня правильно, а где мудак с автоматом?

«Военнопленные» озадаченно переглянулись. Перебивая и дополняя, друг друга, они дружно загалдели.

— Не знаем! Мы его с самого начала работы не видели. Он нас передал старушенции, что в цирке смотрительницей работает. Божий одуванчик, добрая такая. Она раньше акробаткой скакала. Давно, лет сто назад, не меньше. Мы ее команды и выполняли. Все делали. Да. Мусор таскали, полы подметали, мебель двигали. Круглое таскали, плоское катали. Как положено. Арену пылесосили. Опилки граблями ровняли. Потом машина пришла, жрать то охота. Обед дело святое. Кормить нас положено. По Уставу положено. Ну, мы сели и приехали. Все. Охрану так и не видели. Не, а чего нас охранять?! Нам бежать не с руки. У нас сроки несерьезные, скоро отпустят. Мы же не совсем горем убитые, в бега подаваться. Не, скоро домой! Дембель неизбежен как победа коммунизма над капитализмом. Выводного курсача не видели. Может, он в цирке остался, заныкался где и спит. Мы не причем.

Не могу сказать, что их ответ меня удивил. Я мысленно выматерился и загнал арестантов на территорию губы, где сдал их конвоирам, для сопровождения на обед.

Известием о пропаже курсанта Виктора Копыто, причем вместе с автоматом и 60-ю патронами, начкара Зайчика решил пока не радовать. Зная Копыто, можно было однозначно предположить, что в бега он не подался. Незачем ему это делать, смысла нет и все тут. Он, конечно дурачок, но не патологический, это однозначно!

Постепенно курсантский состав караула входил в курс происходящего ЧП — чрезвычайного происшествия, а лейтенант Зайчик продолжал прибывать в наивном неведении. По распорядку дня, ему полагалось 4 часа сна — законный отдых. Ну и ладненько, спи маленький, спи сладенький, баю-бай! А мы пока подумаем, как Витеньку нашего непутевого в лоно родной гауптвахты вернуть.

На расширенном филиале военного совета многие ребята просто обалдели от такого неожиданно замечательного известия, но единогласно решили не суетиться, а сгонять в цирк, найти этого, скорее всего спящего суслика, и разбудить его ласково и нежно — дружеским таким, основательным, от души естественно, пинком (с разбега!!!) по костлявой заднице. Но нашему гениальному плану не суждено было осуществиться, Витя появился раньше.

Опасливо озираясь, он подошел к калитке гауптвахты с внешней стороны забора и жалобно поскребся. Когда я подошел к окошку, состоялась следующая изысканная беседа.

— Где тебя черти носят, козья морда?! Зайчик узнает, стадо ежиков родит и тебя с говном съест!

— Саня, а Саня, ты скажи мне, арестанты здесь?!

— Да здесь, не ссы! Все на месте, гандон штопанный, давай заходи! Конь педальный. Дитя понедельника, ублюдок подарочный. Мы, тут все на измене, на ушах стоим. Решаем, где тебя искать. Фу, обошлось! Считай, повезло, будешь должен!

— Да погоди! Санечка, миленький! Посмотри, родненький, мой автомат здесь?

Замечательный вопрос, не правда ли?! Витя Копыто просрал автомат. Туши свет! В наше время — это тюрьма, причем без вариантов.

— Стоп, я не понял! Ты прое**ал автомат?!

— Не смотри на меня так! Я тебя умоляю, все потом! Посмотри в пирамиде, вдруг на месте?! Может, я его здесь забыл?! А?! Ну, вдруг забыл?!

— Спокойно, сейчас вспомню. Нет, точно, ты с ним уехал. Ты когда в кузов залазил, еще ремнем за прицепное устройство зацепился и чуть на асфальт не навернулся. Точняк. Тебя морячок из бригады арестованных за хлястик словил. Помнишь?!

— Да, точно. А может, кто их этих…, из цирка прихватил? А?!

— Копыто, мать твою, стой на месте, я сейчас!

Я сорвался с поста и метнулся в караулку. Пробегая мимо комнаты начкара, через открытую дверь я увидел сладко спящего на топчане лейтенанта Зайчика. На его детском личике, блуждала нежная, наивная улыбка. «Спи дорогой, спи лапушка. В твоих же интересах подольше не просыпаться», — подумалось мне.

Место в оружейной пирамиде, отведенное под автомат Виктора было свободным. Я перепроверил серийные номера всех автоматов в карауле, допросил всех членов цирковой бригады. Безуспешно, ни самого автомата, ни его следов не наблюдалось. Дело — дрянь, с какой стороны не посмотри! Я вернулся к калитке.

— Копыто тупорылое, где тебя черти носили? Отвечай, скотина!

— В общаге, у Маринки…

— У какой, на хрен, Маринки, дубина пилопедрищенская, автомат где?!

— Не помню! Понимаешь, я не пооооомнюююююю!!!!!

— Так, спокойно! Вытри сопли и внятно расскажи. Где, что и как?! Только подробно, с самого начала, без истерии. Кстати, патроны где?

— Здесь, у меня в подсумке.

— Уже, счастье. Давай сюда, от греха подальше. Хоть что-то

осталось. Ну, рассказывай, все не так уж и плохо! Поехали, по порядку.

— Ага, по порядку. Так! Приехали в цирк. Бабка там старая, как урюк сморщенная. Я ее главной назначил в бригаду — бугром, так сказать.

— Ну, ты наглец! Ладно, прости, не отвлекайся.

— Ну, побродил по цирку. Нашел закуточек. Там диваны стояли мягкие, то ли кожа, то ли дерматин, пыльные все и кадушки с пальмами. Здоровенные! Я пыль с дивана стер, под пальмой и прилег. Да, точно, под пальмой! Буквально на минуточку, клянусь! Дальше не помню. Проснулся уже у Маринки в общаге.

— Ты что, дурак?! Хотя в принципе, если так, то может и не посадят! Короче, кончай косить, я не прокурор. Рано пока еще косить! Колись на правду. Дебила кусок, причем большая половина! Витя, ты понимаешь, что реально попал?! Витя, правду, правду! Всю правду, всю! Быстро!

— Только не смейся! Ладно? Сплю я! И снится мне море, пальмы, пляж, песок белый, мелкий такой, как манная каша. И Маринка, вся такая аппетитная, манящая, загорелая. Яхта на волнах покачивается, паруса опущены. Красота! Маринка попкой так сладко крутит, сисечками упругими игриво трясет, соски большие, оттопыренные. Волосы мокрые на плечи спадают…

— Слышь ты, маньяк-затейник, совсем мозг перекосило?! Кончай эротику, факты давай! И давай, пожалуйста, по возможности без порнухи. Я тоже не железный. Весна, сам понимаешь. Короче давай, по существу.

— Ну, короче проснулся я от боли нестерпимой … в паху, ну это…член встал … вот… ну и побежал к ней, в общагу. Там рядом совсем, шесть-семь кварталов всего-то. Думал, успею. Возвращаюсь, как раз ЗИЛ отходит, решил, что меня запалили. Ну, и вернулся. Как думаешь, на долго посадят?

— Витя, ты к Маринке с автоматом приходил?

— Не помню! Ты же меня знаешь. Я же в такие моменты ничего с собой поделать не могу…

— Это Витя, уже ни для кого не секрет. Все население на планете Земля в курсе, что у тебя член прямо поперек мозгов встает. Малокровие у тебя, понимаешь?! Малокровие — болезнь такая. Как член встанет, так кровь от мозга и отливает. Вся, до последней капли! Лечится она одним способом — ампутацией. Альтернативы нет, запомни! Лука Мудищев твоя фамилия, понял?! Стой здесь, я быстро!

Я опять оставил пост. А что делать?! Мы своих в «би-де» не бросаем, как говорит наш гундосый интеллектуал Витя. Я

пробежался по всем постам и собрал у ребят всю имеющуюся наличность. Никто не спорил и не жадничал, ибо известие о пропаже автомата, повергло всех парней в удрученное состояние. Все искренне переживали за несуразного, но безобидного по своей сути Виктора. Собранные деньги передал Вите, чтобы он, не мешкая, на такси слетал в цирк, а затем и к своей очередной зазнобе — Маринке. Автомат надо было срочно искать. Часы равнодушно тикали, время неумолимо утекало.

Толпа курсантов всей душой болела за это чудо несуразное природы. Витьку было жаль, расставаться с ним, в наши планы не входило. Мы готовы были на все, чтобы прикрыть его и по возможности помочь ему. Фактически, мы уже покрывали проступок Копыто, о возможности наказании нас самих, никто не думал. Дружба и взаимовыручка в военном училище, далеко не пустой звук. Но этого было мало, Витя попал, причем попал реально — отчисление из училища, уголовное дело, суд, тюремный срок.

Но мы забыли о самом главном, что БОГ, Витю любил! Не прошло и часа, как к воротам гауптвахты лихо подкатило такси. Из него вылезло сияющее от счастья нескладное членистоногое чудовище в мятой и грязной шинели, с автоматом Калашникова в руке. Он победно вскинул руку, сжимающую легендарный автомат.

Ликующая толпа обступила Витю, все искренне радовались. Копыто, сбледнувший с лица и осунувшийся от пережитых волнений, смешно мямля и трогательно шепелявя, поведал нам следующее.

— Перерыл весь цирк. Облазил все закоулки и дырки, пыли нажрался вдоволь. Ну, нет и все тут. Уже хотел было лететь к Маринке, такси то стоит, счетчик тикает. Тик-так-тик-так! Как вдруг натыкаюсь на бабку — акробатку цирковую пенсионного образца. Она меня и спрашивает: «Не потерял ли чего, касатик?», берет меня под руку нежно, а пальцы знаете какие цепкие, как клешни. Семенит себе тихонько и приводит меня к каморке папы Карло, где там всякие ведра, тряпки, швабры. Смотрю, а там мой родненький Калашников чернеется. Я давай бабку обнимать-целовать, чуть душу не вытряс. Оказывается, старушка та, пальмы поливала. А я «калаша» как к кадушке прислонил, так и сдуру, там же и оставил. Ну, и убрала она автоматик, от греха подальше, чтобы не затерялся при ремонте. Вещь в хозяйстве нужная, авось пригодится, пока я типа, на улицу за мороженным бегаю. Она то решила, что я за сладеньким соскучился, правильно в принципе решила. Мировая старушенция. Любит меня, как родного внука. Обещала контрамарки в цирк, в неограниченном количестве. В

директорскую ложу Маринку свожу, красота!

Витя бы еще долго трещал своим длинным языком, который, как всем известно, у него без костей, но судьба готовила ему новое испытание.

— Курсант Копыто!

— Я!

Проснувшийся начкар Зайчик пребывал в хорошем расположении духа. Он лениво позевывал и сладко потягивался. Отмеренные сутки нашего дежурства близились к завершению, наряд в свою очередь неумолимо катился к успешной сдаче. Никаких происшествий и поводов для волнений не намечалось и не предвиделось.

— Копыто, герой ты наш образцово-показательный, вот никогда бы не подумал, что Копыто вдруг предотвратит попытку дерзкого побега! Любезный, получи быстренько наручники и сопроводи осужденного из 1-й камеры, для передачи его в руки сотрудников милиции.

— Есть!

23. Наручники

Наручники?! Вот это да! Обалдеть! Такое прогрессивное изобретение человечества, мы никогда не видели, только в кино. Лишь, в заграничном боевике, когда законопослушный герой — полицейский красавец, типа — Алена Делона, небрежно поигрывая ими, мастерским, почти неуловимым движением, с характерным щелчком застегивает блестящие браслеты, с короткой цепочкой посредине, на руках отъявленного негодяя. Или еще, в фильме «Семнадцать мгновений весны», когда изверги из гестапо, безжалостно сковав руки беспомощной радистки Кэт, пытают грудного ребенка. Сволочи!

А вот в реальной жизни, настоящих наручников, никто из нас никогда не видел, и пользоваться ими не умел. Даже теоретически. Прозорливый начкар лейтенант Зайчик, дабы избежать развития лавинообразного нездорового ажиотажа среди любопытных и любознательных детишек-переростков, счел необходимым скрыть от скучающего стада курсантов-экспериментаторов, наличие в караульном помещении, такой занимательной игрушки, как наручники.

И возможно, это бы так и осталось в глубокой тайне, до самого окончания наряда. А там наручники были бы тихо, без суеты переданы по описи военного имущества следующему начальнику караула. И так же спокойно и мирно пролежали бы в ящике стола до очередной пересменки.

Но, по закону жанра: «Если на стене висит ружье, то оно обязательно выстрелит». Пришла пора стрелять и наручникам. По крайней мере, громко щелкнув, заявить о своем присутствии.

Весь состав караула жестоко завидовал Виктору. Еще бы, наделенный законной властью, небрежно покручивая на указательном пальце тускломерцающие браслеты, Копыто олицетворял собой само Правосудие. Суровое, неотвратимое, но справедливое.

Лейтенант Зайчик скептически посмотрел на пыльного, но счастливого Виктора и продолжил инструктаж.

— Курсант Копыто! Все просто. Берешь осужденного, прямо в камере сковываешь ему руки за спиной. Парень реально опасен, поэтому без сантиментов. Терять ему нечего, он расстрелял состав выездного караула. Всех добил, сука! Так, что без церемоний и реверансов. Патрон в стволе, но от греха подальше, поставь автомат на предохранитель. В разговоры, с мерзавцем, не вступать, любопытство свое не тешить. Подробности дела настолько омерзительные и чудовищные, что лучше не знать.

Итак, сковал и сразу ведешь его в здание военной прокуратуры, в кабинет военного коменданта — сразу у поста на первом этаже, направо, не ошибешься.

— Многих убил?

— Семь новобранцев — первый караул после присяги и прапорщика, плюс проверяющего офицера. Дедушка сраный, его пьяного с наряда сняли за жестокость и издевательства, а он… девять душ загубил. Так Копыто, я все вижу! Ты, давай там без самодеятельности. С энтузиазмом, но без фанатизма! Я тебя знаю, застрелишь звереныша при попытке к бегству. А когда будут спрашивать про синяки на его жопе, окажется, что он — сука, бежать не хотел, а ты его штыком уговаривал. Все, Виктор, приговор вынесен, справедливый. Не нам с тобой судить. Нам его передать из рук в руки, и забыть. Сопроводительные документы на душегуба уже у коменданта. Милиция там же, чай пьют, заждались давно. Звонили уже. Автозак у шлагбаума, но это уже не наша забота. Пойдешь один, шестьдесят шагов — недалеко, твою дорогу мне из окна видно, так что не чуди. Понял? Туда и назад. Все понял?!

— Понял.

— Не «понял», а «так точно»! Вернемся в роту, за утреннюю смекалку и оперативность, проявленную при задержании беглеца, объявлю благодарность. Рад?!

— Мне бы, товарищ лейтенант, лучше бы амнистию. А?!

— Какую еще амнистию? Не понял. Разъясни.

— Да, у меня еще где-то в районе 11-ти внеочередных нарядов осталось. Накопилось чего то вдруг. Ни с того, ни с сего. Все больше незаслуженные, случайные. Само собой как-то, вот. Отстоять не успел, да и не очень хочется…

— Тьфу ты, а я уже черти чего подумал. Амнистия?! Вот сказанул?! Ты иди, потом разберемся. Кстати, ключ от наручников не забудь. Маленький зараза, не потеряй, в одном экземпляре. И не забудь наручники с гаденыша снять, а то менты заиграют, мы тогда, караул хрен сдадим. А браслеты по описи числятся. Ну, все, топай! Я за тобой смотрю!

Копыто сунул ключик от наручников в карман пыльной шинели. На входе в коридор с камерами, я незаметно передал Витьке, находившиеся у меня на временном хранении, два его магазина с патронами. Один из них Виктор подоткнул к автомату, второй засунул в подсумок на поясе, передернул затвор, поставил «калашик» на предохранитель, пристегнул штык-нож. Лицо его было серьезным и сосредоточенным. В коридоре гауптвахты, возле камеры № 1, Витя передал письменное распоряжение начкара, стоящему на посту курсанту Яровому.

Андрей Яровой по телефону перепроверил у начкара Зайчика данное распоряжение на конвоирование осужденного и, получив подтверждение, открыл дверь камеры.

Витя пробыл внутри камеры недолго, он выполнил все как полагается и даже немного больше. Убийца был жестко скован и беспрекословно, молниеносно выполнял все отрывистые и строгие команды конвойного Копыто. Яровой потом рассказал, что в камере № 1 добродушный и безобидный Витя мало, в чем себе отказал. Он пинал дедулю-душегуба истово, с несвойственным ему остервенением, еле оттащили. По словам Андрюхи Ярового, ублюдок, словно мячик, летал в своей камере от стенки к стенке.

Витю за данные неуставные действия никто из ребят, никогда не осуждал. Я думаю, многие из нас на его месте сделали бы то же самое, а то и еще хуже. Девять жизней — это страшный кровавый аргумент, кошмарно-огромная цена за попытку самоутвердиться в своем сомнительном убогом превосходстве над окружающими людьми. Подобных уродов надо лечить, причем, лечить очень больно.

Витя сопроводил арестованного куда положено, бодро протопал шестьдесят шагов и скрылся в здании военной прокуратуры. Комендант позвонил начкару Зайчику, известил о благополучном получении груза, поблагодарил за службу. До окончания времени наряда оставалось немногим более часа. Все шло не просто хорошо, а как нельзя лучше.

Так сложилось, что мне опять выпала очередь торчать на калитке. Я не был против, погода радовала, да и если честно — не особо хотелось драить полы и наводить марафет перед сдачей караульного помещения. В узкое окошко калитки, больше похожее на бойницу, я видел как по асфальтовой дорожке, ведущей от здания прокуратуры, гремя мослами и шаркая кривыми ногами, ковыляет сутулый Витя Копыто. По мере его приближения, я отчетливо понимал, что в его позе присутствует что-то неестественное. Но что?

Свои непропорционально длинные руки Копыто держал скрещенными на груди, и его автомат, болтаясь на ремне, свисал через эти скрещенные руки, почти до самой земли. Причем, в такт шагам Виктора, «калашик» болтался из стороны в сторону и бился о кренделеподобные ноги нашего уникума.

Когда Витька Копыто подошел непосредственно к воротам гауптвахты, я не знал, плакать мне или смеяться. Внимание! Готовы?! Руки Виктора были надежно скованы наручниками в районе запястьев.

— Ну, писец! Ты — долбоебина Витя, просто неисправимый

кретин. Ну, какого хуля, ты надел браслеты?! Вот, кто тебя надоумил? Назови мне имя, и я лично, его поцелую. Иди сюда, чудо в перьях, давай сниму.

— Не получится.

— Это еще почему, не получится? Еще как, получится!

— Я ключ сломал.

Ну что тут скажешь. Витя с поразительным упорством искал приключения на свою худосочную задницу. Шестьдесят шагов туда и шестьдесят шагов обратно. Этого было достаточно, чтобы свести на «нет», всю фантастическую удачу и небесную милость, которая методично спасала Витю весь сегодняшний день, в его злоключениях с поиском автомата в городском цирке. Любой, другой, благодарно и благоговейно молил бы небо, и вел себя тише воды, ниже травы. Но Витя Копыто — это вам не любой, это дурачина с большой буквы. Если бы существовало «Всепланетарное Общество Дураков, Идиотов и Кретинов», то Виктор был бы его бессменным председателем или, на худой конец — самым почетным членом с удостоверением под № 000001. Бесспорно, его ждет колоссальное будущее. Так испытывать судьбу!

Но, похоже, ангел-хранитель устал от крендебубелей зарвавшегося отрока и тупо решил бросить его на произвол суровой судьбы. Ангела тоже можно понять. Ну, сколько еще, можно испытывать его терпение на прочность?! Пора и честь знать! Дальше сам, дорогой! За что боролся, на то и напоролся. Кушай дерьмецо полной ложной, приятного аппетита, не обляпайся!

Оказать помощь Витьке на этот раз я не успел, во внутренний дворик гауптвахты выглянул Гнедовский и громко продублировал полученную команду.

— Курсанта Копыто к начкару!!!

— Ну, вот и все Витя, иди. Привет Зайцу!

Витя грустно вздохнул, скорбно опустил вниз руки и, волоча по асфальту автомат, обреченно побрел в караулку.

Такого отборного и изощренного мата от интеллигентного и утонченно воспитанного лейтенанта Зайчика, завсегдатая театров и знатока всевозможных художественных выставок, не ожидал никто. Стекла в караулке дребезжали, стены тряслись. Все опасались, что офицерские вопли будут слышны в кабинетах военной прокуратуры и комендатуры, расположенной в 60-ти шагах от гауптвахты. Какое счастье, что лейтенант был не в курсе всех подробностей поиска автомата! Визит «Кондратия» к нашему отцу-командиру был бы неминуемо обеспечен. Когда словарный запас беснующегося начкара значительно истощился, состоялась

примерно такая беседа. Ну, почти такая. Иначе, просто надо писать: «пип-пип-пип и т. д.» Цензура, коррекция, редактирование и все такое, поймите правильно.

— Виктор, друг мой! Ты, не оставляешь мне выбора, милый! Пойми меня правильно. В описи караульного помещения числятся наручники. Одна пара и ключ к ним. В количестве — одна штука. И я должен, это имущество передать следующему составу караула, который нас, может быть, не смотря на все твои титанические усилия, когда-нибудь надеюсь сменит. Что весьма сомнительно, учитывая сложившиеся обстоятельства. Причем, прошу заметить, исключительно твоими стараниями, данные обстоятельства и сложились. Согласен?

— Угу.

— Душа моя! Учитывая, тот факт, что данный аксессуар в свободной продаже отсутствует. У нас нет возможности для маневра и незаметной подмены наручников на исправный комплект. Так?

— Угу.

— Голубчик! Ключ, находящийся в единственном экземпляре — сломан. Сломан, заметь любезный, именно тобой. Когда ты, сокровище яхонтовое, пытался безуспешно освободиться из заточения собственной глупости. И теперь, в сложившихся обстоятельствах, возможность снять эти наручники, просто отсутствует. Верно?

— Угу.

— Виктор, крепись, как мне не тяжело, но я вынужден принять единственно правильное решение. Я все досконально обдумал, рассмотрел все возможные варианты решения данной проблемы и в результате… Выход есть! Будь мужественным! Виктор! Прими наше решение достойно, оно далось мне очень нелегко, поверь! Итак! Виктор, я решил передать наручники по смене, вместе с тобой. Так сказать, с обременением, с довеском. С невольником чести, так сказать. С караульной собачкой, что ли?! Ты не переживай, солнце ясное. Тебя тоже внесут в опись имущества караульного помещения, и будут передавать по смене. Поставят на довольствие, и даже возможно будут кормить. Не пропадешь. А мы, заступая, время от времени на дежурство в гарнизонный караул, будем тебя навещать. Да! Передачки передавать, письма с родины…

— Товааааааариииииищ лейтенааааант, не бросайте меня. Я отслужу, я все наряды отстою. Не надо мне амнистии. Ну ее, эту амнистию. Хотите еще 11-ть нарядов объявите. Да мне же в радость! Я вообще, на тумбочке жить могу, но только в рооооо-теееееее! Не бро-саааа-ййй-теееее меееее-нясяяяяя!!!!

Витя перепугался не на шутку, его отчаяние было абсолютно искренним, а паника — очень красноречивой.

Зайчик тем временем лихорадочно думал, что делать. В кабинете начкара собрался весь личный состав караула, свободный от несения дежурства на постах. Каждый усиленно размышлял и пытался предложить свои рецепты для решения проблемы по вызволению нерадивого Копыто из нежных объятий стальных браслетов.

— Давайте сначала с него автомат снимем!

Сказано-сделано, разомкнули карабинчик на ремне, протащили его между скованных рук и зацепили вновь. Автомат Копыто занял свое законное место в пирамиде с оружием. «Наверное, в первый раз за все время наряда», — подумалось многим.

— Давайте распилим! На штык-ноже пилка по металлу есть!

— Ага, супер, просто гениально! И сдавать наручники будем кусками, запчастями и по весу!

Все ребята лихорадочно скрипели мозгами, старательно прорабатывая любую возможность безболезненного освобождения нашего товарища. Придумать надо было что-то оригинальное, и очень быстро придумать, время катастрофически и безжалостно утекало. Иногда, проскакивали очень радикальные предложения.

— Слушайте, а может, руки Вите отрежем, потом пришьют в госпитале, были же такие случаи, в газете писали. Нам же главное караул сдать… Ну да, ну да, не пойдет! Да не смотрите на меня так, я просто не подумал, погорячился…

— Надо подсолнечным маслом руки смазать, глядишь и проскользнет. Или оружейным…

Зайчик просветлел лицом и ухватился за эту идею, как за спасательный круг, как утопающий хватается за соломинку, он действовал оперативно. Отсчитаны деньги, и гонец в лице комсорга Филина трусцой побежал в ближайший продовольственный магазин. Тем временем, мозговой штурм продолжался.

— Стоп, придумал, вспомнил! Я в кино видел, как канцелярской скрепкой браслеты раскрывали. Вроде, несложно?! Могу попробовать.

Попробовали все и каждый, причем не один раз. Расковыряли все замки, ободрали вороненое покрытие наручников, разогнули все скрепки. И, о чудо! Один из браслетов, нехотя клацнув, раскрылся. Одна рука Виктора была свободна. Ура! Раздался победный рев и с новым напором и энтузиазмом, ребята принялись ковыряться во втором замке наручников. Копыто повеселел, замаячила реальная надежда. Но, удача — девка

капризная. Второго спасительного и желанного щелчка не раздавалось. Хоть стреляйся.

Вскоре, с бутылкой рафинированного подсолнечного масла из магазина вернулся курсант Филин. Время катастрофически таяло.

Уже новый состав караула построился на плацу для развода. Было слышно, как помощник дежурного коменданта, изливаясь соловьем, хвалил наш караул, за идеально пронесенное дежурство. Я, стоя на посту у калитки, не торопился впускать новую смену на территорию караульного помещения, отчаянно оттягивая наступление момента истины.

А тем временем, обстоятельный и прозорливый Филин, который вместе с маслом, принес и тюбик клея «Момент», выдавив микрокапельку из тюбика, и аккуратно склеил сломанный ключик.

Безусловно, пользоваться им было нельзя, но лежа на самом дне ящика стола, этот ключ представлял собой, вполне сносный вид целой вещицы. Была смутная надежда на то, что новый начкар не проверит его работоспособность в действии на практике. Но это вряд ли! Обязан. Строго по инструкции. Положено!

В это время, развод на плацу закончился и я, получив несколько грозных напоминаний от помощника коменданта, наконец-то открыл калитку. Новый караул, дружно и громко топая сапогами, неумолимо и угрожающе входил во внутренний дворик гауптвахты. Слабая надежда Виктора на освобождение улетучивалась прямо на глазах.

Но БОГ, Витю любил! В последний решающий момент, когда уже все опустили руки и виновато отвели глаза в сторону от нашего бестолкового страдальца, Копыто в порыве отчаяния, жалобно взвизгнув, сжал зубы, обильно полил руку смесью оружейного и подсолнечного масла и сильно сдавил кисть руки. Что-то в ней громко хрустнуло и Витя со страшным стоном и отборным русским матом, стянул оковы со своей руки. Очередное чудо!

Быстро вытерев наручники от следов масла, Виктор передал их лейтенанту Зайчику, тот так же быстро, но аккуратно положил их в стол, рядом с ключом. В этот судьбоносный момент, секунда в секунду, в кабинет вошел капитан-ракетчик — начкар нового караула.

Сдавали караул мучительно долго и тяжело. Ракетчики глумились на полную катушку. Мы перемыли караулку несколько раз, подмели двор и перекрасили разметку номеров камер внутри гауптвахты. Данная экзекуция продолжалась бы еще бесконечно

долго, но привезли ужин для нового состава караула. Капитан-ракетчик, балдеющий от безнаказанной возможности поиздеваться над «летунами», был везде и всюду. Он совал свой нос в каждую дырку и тыкал туда же носом нашего лейтенанта. Зайчика уже просто мелко трясло, нервы его были на пределе. Когда солнце уже скрылось за горизонтом, а на ночном небосводе зажглись яркие звезды, «вражеский» капитан изрядно устав, наконец, смилостивился.

— Конечно, жалею я вас. По-хорошему, надо бы до утра здесь оставить. Подкрасить кое-где, отмыть получше. Да ладно. Добрый я. Моим орлам ужинать пора, а вам еще до училища пилить часполтора, не меньше. Живете, где-то за городом, как на хуторе. Хрен с тобой, летеха, будешь должен. Лети отсюда, пока я не передумал.

И капитан поставил долгожданную роспись в журнале приема-сдачи караула. Ах, дурачок, дурачок! Он так увлекся процессом унижения ненавистных авиаторов, что пропустил самое главное. Документацию поста по описи, он естественно принял. А вот опись имущества поста не посмотрел, наивно полагая, что стол, стулья, топчан, лампа и телефоны никуда не денутся. И точно, они никуда не делись. Но в описи был новый маленький пунктик о наручниках и ключе к ним, в единственном экземпляре. Совсем недавно, сей пунктик появился, от руки вписанный, шариковой ручкой. Только-только наручники в моду входить стали. Перестройка в стране однако, ускорение, а наручники — игрушка редкая, модная, заграничная, на валюту наверно купленная.

Получив заветную подпись и продублировав ее звонком в комендатуру, о наконец-то произведенной приеме-передаче караула, мы получали долгожданную возможность благополучно смениться и скоропостижно покинуть эти отвратительные негостеприимные стены гауптвахты, в не менее мерзкой и недружелюбной комендатуре. Но уйти, мы должны красиво.

— Караул, к машине!

Лейтенант Зайчик, убедившись, что все наши замученные представители доблестного ВВС удобно разместились в кузове училищного «УРАЛА», оружие и патроны в наличии, назначив старших по левому и правому борту кузова машины (положено по Уставу), быстро сел в кабину. Перед тем, как закрыть дверь и скомандовать водителю: «Домой, на базу», он вежливо напомнил капитану-ракетчику о маленьком довеске к военному имуществу гарнизонного караула, лежащем в самом нижнем ящике стола. Мило улыбнувшись, лейтенант вскинул правую руку в образцовом и щеголеватом воинском приветствии.

— Честь имею! Счастливо оставаться!

— Наручники?! Постойте, но, я же их еще не проверил?!

— Твои проблемы, капитан! Подпись стоит, доклад в комендатуру о смене наряда прошел. Желаю удачи и счастья в личной жизни! Все, поехали!

— Ладно, пока. Пойду, посмотрю, что за браслеты, никогда не видел.

Зайчик захлопнул дверь и кивнул водителю, УРАЛ грозно рыкнул, обдав капитана облаком сизого выхлопа, и увез наше замученное, но счастливое братство с враждебной территории гарнизонной комендатуры, всех — 100 % личного состава. Впервые в истории, аллилуйя!

В расположении роты, лейтенант Зайчик был заметно возбужден, он нервно смеялся по любому поводу и долго хихикал, представляя лицо капитана-ракетчика, играющего с браслетами. Нам всем очень хотелось, чтобы капитан примерил на себя это редкое, но очень прочное украшение. Надеюсь, что произошло все именно так.

Пока мы сдавали в «оружейку» автоматы и патроны, Зайчик взахлеб говорил, как нам всем неимоверно и фантастически повезло. Что звезды и планеты встали очень удачно. Что сегодня — наш, безусловно, счастливый день. Что все это, просто фатальное стечение обстоятельств, чудо, мистика, фантасмагория, наваждение и прочее…

Мы охотно соглашались с ним, кивали головой, но не стали рассказывать истинное положение дел, дабы не вгонять лейтенанта в глубокую депрессию и в ужас, переходящие в длительный и беспробудный запой. Пожалели его слабую, неискушенную офицерскую психику. Он ведь не знает, что ему повезло просто так — исключительно случайно. За компанию, не более того. Фактически ненароком. Вместе с одним человеком, которого, БОГ очень любит.

24. Баю, баюшки, баю

Мама дорогая, как же хочется спать?! Услышал бы сейчас команду «Отбой», сразу же «сложил бы шасси» и повалился прямо на бетонный пол …и сладко проспал, не видя снов, минут 600…, нет, 900 минут! Точно, 900 минут гораздо лучше, чем 600…

Свинцовые веки, наплевательски игнорируя категорический приказ ускользающего сознания: «не спать!», мягко смыкаются. Размеренный голос старшины 4-й роты, проводящего очередной инструктаж перед заступлением 45-го классного отделения во «внутренний» караул, становится все тише, мягче и ласковей… мурррр-мурррр… Ощущение реальности неумолимо притупляется, уставший мозг начинает работать в импульсно-проблесковом режиме, периодически чередуя полные отсечки разумной деятельности с прерывистыми вспышками искаженного сознания…

Блым-блым… инстинктивно поправил ремень автомата Калашникова на правом плече, чтобы не сползал… блым-блым… непроизвольно вздрогнув, выпрямил ослабшие колени, чтобы не подкосились ноженьки… блым-блым… ст. 129 Устава гарнизонной и караульной службы?! Конечно помню, о чем речь, наизусть отбарабаню… блым-блым… часовой есть лицо неприкосновенное… блым-блым… серый бетонный пол неожиданно подпрыгнул и сменил привычное горизонтальное положение на неестественно вертикальное… блым-блым… Странно однако?! С чего бы это? …блым-блым… Бац! Искры из глаз!

Взметнувшийся вверх пол, больно врезал меня по лицу, сдирая кожу на щеке… блым-блым… раздался противный лязг железа по бетону — мой автомат лежит рядом со мной… блым-блым… Не понял?! А почему я лежу на полу, когда буквально еще мгновение назад стоял в строю… Кстати, на полу так уютно и хорошо, мягко… кто-нибудь, бросьте в меня одеяло… пожалуйста… блым-блым… Как на полу?! Мде… приехали! Вырубился, твою…дивизию, вот стыдобища!

Склонившийся надо мной старшина предельно вежлив.

— Уснул батенька? Пора просыпаться, милый! Агу! Агу, маленький!

Под дружный хохот ребят и последующие нецензурные комментарии старшины роты, нехотя отдираю свои кости от «гостеприимного и желанного» пола чтобы, частично проснувшись, опять принять вертикальное положение… Руки-ноги целы, ствол автомата не погнулся, вот и ладушки. Царапина

на щеке не в счет, зато успел чуть-чуть вздремнуть и немного расслабиться…

Находясь в здравом уме и трезвой памяти, могу однозначно констатировать — в стенах военного училища нам постоянно хотелось есть и спать. Оно и понятно, организм любого растущего ребенка (среднестатистический курсант — ребенок-акселерат с большой пиписькой и ничего более, поверьте на слово) настойчиво требует калории и отдых.

Строгий распорядок дня, утвержденный самим «ах, каким важным, генералом — начальником училища ВВС» и Общевоинские Уставы, безусловно подразумевали и то и другое.

Про высококалорийное питание см. «Бигус», а на незыблемом праве каждого военнослужащего на отдых — регулярном здоровом и глубоком сне, остановимся дополнительно.

Теоретически, каждый курсант имел законное право на гарантированный отдых в горизонтальном положении в пределах своей персональной койки. И что характерно, данное право периодически предоставлялось, но зачастую не в полном объеме (уборку территории никто не отменял, поэтому будь любезен обеспечить чистоту, а когда это будет сделано — твои личные проблемы, ночь — самое подходящее время).

Так вот, для полноценного восстановления потрепанных за день сил времени для отдыха все равно не хватало. Да-да, катастрофически не хватало!

Бесконечная и суетливая беготня курсантских подразделений в периметре училища, шныряющих словно стайки тараканов при включенном на кухне свете и убого-однообразная пища, которая уже не лезла нам в горло (хоть закрывай глаза и зажимай нос), а также богатый выбор всех разновидностей суточных нарядов, караулов, хозяйственных работ, марш-бросков по пересеченной местности с полной выкладкой и без оной, парко-хозяйственные дни, регулярная уборка закрепленной территории, «половая жизнь» (ничего общего с нормальным сексом, поверьте на слово), утренняя физзарядка с традиционной пробежкой в 3 км., бесконечные строевые занятия на безразмерном плаце, организованная беготня между учебными корпусами во время перемены, широкомасштабные спортивные «праздники» по выходным дням перед увольнением в город и вместо увольнения в город и т. д. и т. п., выматывали среднестатистического курсанта до состояния «не стояния». Ребята, особенно с 1-го курса обучения, напоминали некое аморфное существо… вернее, вещество, которое передвигалось в окружающем пространстве лишь с единственной целью — приткнуться к любой точке опоры (в идеале — к горизонтальной) и «закоротить мозг на массу» —

сомкнуть веки и забыться в глубоком обмороке. Если не прикладывать к сопящему телу внешнее физическое воздействие, то такой обморок может длиться неприлично долго — до 24 часов и это не предел скрытых возможностей курсанта, поверьте на слово. А как мы завидовали бурым медведям, мама дорогая?! Проспать всю зиму в уютной берлоге — это же ТАКОЕ счастье! Фактически, нирвана!

Уставшие и замотанные курсанты спали везде и повсюду. Спали на лекциях, в учебных лабораториях, на семинарах и на групповых занятиях в аудиториях. Засыпающий объект в форме цвета хаки, отдавшись на милость Морфея и отключив свое сознание но, оставаясь скованным воинской дисциплиной, под монотонно-убаюкивающую речь лектора продолжал хаотично елозить шариковой ручкой по своему конспекту. В результате получались весьма интересные кривые линии и прерывистые графики, которые получили название «Диаграмма сна», т. к. наглядно демонстрировали время полного угасания мозговой деятельности курсанта, глубину погружения в нирвану и длительность сна.

Демонстративно сложить ручки на парту и придавить их сверху своей стриженной головушкой, дабы сладко похрюкать минут несколько, такую роскошь курсанты позволить себе не могли. Это же военное училище, а не гражданский институт, там какой, прости господи. Устав, дисциплина, армейская выправка и все такое. Понимать надо! Поэтому, спали с прямой спиной, сидя за партами, и даже не подпирая отяжелевшие головы руками.

Наиболее продвинутые экземпляры — Витя Копыто, например, умудрялся спать с открытыми глазами, что вызывало приступы восхищения и неприкрытой зависти среди остальных курсантов, обделенных таким талантом.

На курсанта Копыто было любо-дорого посмотреть. Во время лекции, перед погружением в спячку, его веки с белобрысыми ресницами, делали несколько ленивых движений моргательного характера. Амплитуда движения век постепенно снижалась и веки Виктора замирали в распахнутом состоянии. Его взгляд постепенно стекленел и терял осмысленность. Глазки выпучивались как у перепуганной лягушки-путешественницы при виде земной поверхности с высоты птичьего полета или увидев Ивана-царевича, забредшего в непролазное болото в поисках какой-то стрелы.

Максимально вылезшие из орбит глазенки Витьки Копыто застывали неодушевленными фарфоровыми шариками, зрачки расширялись. Отсутствующий и расфокусированный взор упирался в одну точку. Не в силах бороться с чарами Морфея,

Витенька неумолимо засыпал. Он начинал медленно релаксировать, постепенно расслабляя группу мышц своего тела, ненагруженную в процессе сохранения сидячей позы и вертикального равновесия.

Его нижняя челюсть в строгом соответствии с эпохальным открытием Исаака Ньютона о всемирном тяготении, постепенно и однозначно тянулась к источнику гравитации и отвисала почти до самой поверхности стола. Мясистые губы курсанта Копыто, расслабившись и полураскрывшись, открывали оперативный простор для обильной слюны, скопившейся во рту и выделяемой слюнными железами. Так как Витя крепко спал и рефлекторно-глотательных движений не делал, то слюнка, воспроизводимая добросовестными железами, постепенно заполняла всю полость его безразмерного рта. А далее, в соответствии с гениальным открытием другого великого ученого мужа по имени Архимед, при очередном погружении расслабленного языка Виктора в полость рта, образованную нижней челюстью, накопившаяся слюна начинала выливаться наружу в объеме, вытесненном языком курсанта Копыто. Сплошная физика, куда деваться.

Липкая слюнка текла тоненькой струйкой прямо по Витькиному подбородку, затем, потеряв «русло», начинала капать на гимнастерку, где частично впитавшись, продолжала свой путь в область поясного ремня, который играл роль импровизированной плотины. На плотине-ремне жидкость, именуемая слюной, начинала скапливаться, набирая объем, вес и потенциал «разрушительной силы».

Как правило, преподаватель, читающий лекцию, за пару минут до окончания занятия, продолжая монотонно бубнить учебный материал, неожиданно вставлял провокационную фразу: «Кто спит…», а затем, резко повышая громкость голоса, рявкал отрывистую команду.

— Встать!

Курсанты, которые боролись с неумолимо накатывающим сном с переменным успехом и вполуха слушали лекцию, как правило, умудрялись осознать подвох в словах офицера и оставались сидеть на своих местах. А вот крепко спящие особи, благополучно пропустив мимо ушей тихое «вступление» и разбуженные знакомой командой «встать», мгновенно просыпались и подброшенные невидимой пружиной условных рефлексов, вскакивали со стульев и замирали в идеальной строевой стойке, показывая всем своим молодцевато-бравым видом полную готовность выполнить любой приказ партии и правительства.

Коварному преподавателю оставалось только переписать

«спавших на лекции» и передать список «преступников» командиру роты.

— Суточный наряд в полном составе, прошу любить и жаловать.

А вот теперь представьте, как вскакивал неожиданно проснувшийся Витя Копыто. Весь объем жидкости, скопившийся в районе его поясного ремня, получив свободу, обильным водопа… прошу прощения, слюнопадом, выплескивался на стол, на пол и на впередисидящих товарищей. Ребятам из ближайшего Витькиного окружения можно было не ходить с душ. А курсант Копыто гарантированно оставался после занятий, чтобы вымыть полы в «затопленной» аудитории.

Ребята спали в суточных нарядах, где спать категорически запрещено. Тумбочка дневального имела столешницу, установленную под углом к линии горизонта, чтобы дневальному курсанту было неудобно сидеть сверху и не создавалось благоприятных условий для нарушения воинской дисциплины — сна в неурочное время. Ничего страшного, спали стоя! …как лошадь в стойле.

Дневальный по роте спал, прислонившись к стенду с Общевоинскими уставами. А на лестницу перед входной дверью устанавливали «сигнализацию» — металлическую банку из под сгущенки, привязанную к тонкой нитке.

Когда дежурный офицер по училищу ВВС, томясь от предвкушения застукать спящий наряд, крадучись поднимался по лестнице в казарму нашей роты, то обязательно обрывал нитку, незаметно натянутую поперек ступенек. Пустая банка со страшным грохотом летела вниз по лестнице, а дневальный мгновенно просыпался и, не приходя в сознание дико выпучив глаза, орал текст доклада, что за время «несения службы никаких…, никого …и ничего»! Стоим на посту, охраняем покой Родины! Народ и страна могут спать спокойно! Ура!

Умудрялись спать в карауле, на постах под «грибком» и на вышках. Спали и под дождем и под снегом, завернувшись в тулуп или в брезентовый плащ. Самое опасное — уснуть на постовой вышке, т. к. запросто можно было упасть с высокой лестницы или обжечься, прислонившись к включенному прожектору. Все равно спали.

Спали даже на первом посту — знамя училища. Пост № 1 был в штабе, напротив «стекляшки» с дежурным офицером по училищу. Этот пост все курсанты откровенно не любили, т. к. всегда на виду, фиг расслабишься. Под ногами у часового была медная пластина с «микриком» и вывод на зуммер сигнализации. Шаг в сторону — рев сирены (знамя украли), мгновенно

прибегала тревожная группа из караулки, а также из «аквариума» выскакивал деж. по училищу и его помощник с пистолетами.

— Руки вверх! Всем оставаться на своих местах! Стреляем без предупреждения!

Знамя училища охранялось как «молодильные яблоки» из одноименного мультфильма. Все равно спали! В ночное время, часовой на посту, выбрав время, когда дежурный офицер отбивался «баиньки», а его помощник начинал клевать носом, курсант осторожно садился на подоконник ближайшего окна, при этом, не перенося вес своего тела с подошв тяжелых сапог. Затем, осторожно снимал с себя автомат, откидывал приклад и аккуратно упирал его в медную пластину с «микриком». Потом, часовой своей грудью упирался в ствол автомата и только после этого снимал затекшие ноги с пластины.

Все, далее следовала мгновенная отключка, но сон бойца оставался очень чутким, чтобы «в случае чего» успеть проделать все вышеуказанные процедуры в обратном порядке.

Также на посту № 1, прямо за спиной часового в стену штаба был заколочен «корабельный» гвоздь, шляпка которого отступала от поверхности стены см. на 7–8. Высокие парни из состава караула, стоя на посту незаметно цеплялись за шляпку мощного гвоздя металлическим кольцом с карабинчиком, расположенным на ремне автомата и полуповиснув, не снимая ног с «микрика» естественно, умудрялись «быстренько» вздремнуть «не сходя с места».

Спали на ходу прямо в строю роты. Спали на бегу. Спали в позе Роденовского мыслителя, приткнувшись мимолетно своей пятой точкой на любой холмик. Спали в позе «бегущего египтянина», согнувшись буквой «зю» или свернувшись в рулет … в спирать …на весу… спали.

А как хорошо и уютно спать в училищном клубе при организованном просмотре замечательного киношедевра всех времен и народов «Броненосец Потемкин». Причем, особенно сладко спиться именно при 27-м просмотре… А как чудесно спиться под «Ленина в Октябре» или под «Юность Максима»?! Одно удовольствие, хочу вам сказать. Главное, чтобы кресло попалось с исправной «поджопницей» и свет в зале не забыли выключить, тогда совсем полный кайф. Полтора часа гарантированного сна! Это ли не счастье?!

А были еще и довольно неожиданно-экзотические места для курсантского сна. Такие как сушилка в казарме. Под столом в «ленинской комнате». В каптерке на полках. На табуретках, сдвинутых в ряд в курсантской столовой. На всех комсомольских собраниях я честно проспал уперевшись носом в широкую спину

впередисидящего Лелика — богатыря из Киева, который надежно скрывал мое бесчувственное тело от зоркого взора приглашенных лиц из президиума. Спали в сопле реактивного двигателя на учебном аэродроме. В груде брезентовых чехлов самолета, сваленных в углу ангара. В помпезной бархатной шторе насыщенно-бордового цвета, которую нам поручили повесить в актовом зале перед партконференцией училища. В бункере с картошкой овощного склада. Потом, правда, спина долго болела от твердых клубней, но это уже мелочи, точечный массаж своего рода.

Но было еще одно неожиданное место, которое вспоминается с особой теплотой и отвращением одновременно.

Итак. Лютая уральская зима. На улице -35 и северный ветер с порывами до 20 метров. Гражданские «кукурузники» Ан-2 с аэродрома местных авиалиний не рискуют оторваться от земли — опасно. А те безбашенные «асы», которым все же удалось поднять машину в воздух, тупо висят на одном месте над ВПП аэродрома на манер бумажных змеев и не могут продвинуться ни на метр по запланированному маршруту. Хохма!

Провисев длительное время в воздухе, пока здравый смысл не заставит пилота отказаться от полета или пока топливо в баках не закончится, Ан-2 тяжело падали в сугробы аэродрома, где их сразу же привязывали прочными тросами, чтобы порывы ветра не унесли самолеты в заснеженные дали.

Группу из 5-ти курсантов 45-го классного отделения назначили на училищный свинарник. В числе сомнительных счастливцев оказался и я. Спорить и возмущаться в армии не принято, назначили, так назначили.

Пришли на свинарник, пересчитали живность по головам, наряд приняли. После ужина в курсантской столовой на территорию свинарника дежурный тягач в виде бессменной лошади притащил бочку с объедками. Превозмогая приступы отвращения и рвотного рефлекса от противно-отвратного вида месива из объедков, свиней обильно и сытно накормили. Чтобы пища не успевала замерзнуть в лоханках, ее разбавляли горячей водой, которую мы сливали из труб центрального отопления.

В свинарнике было откровенно не жарко. Свинки жались друг к другу и в общую кучу, пытаясь устроиться с комфортом на предстоящую ночь. Оно и понятно, вместе завсегда теплее. А вот нам как ночевать? Вместе со свиньями ложиться?

Кстати, о здоровье свинушек, командование училища позаботилось даже больше, чем о курсантах, т. к. в наших казармах сегодня градусник показал в районе 10-ти градусов «жары», а в свинарнике было аж целых 14!

Вдоль стен свинарника, на некотором возвышении от пола были проложены трубы с горячей водой, диаметром см. 30, не более, но зато теплые — центральное отопление, куда деваться, все чин по чину.

Побродив некоторое время по свинарнику и не найдя подходящего места для ночлега, ребята стали укладываться прямо на трубы. Не со свиньями же спать, право слово?! Мы были одеты в обычные телогрейки и шапки с опущенными «ушами». Улеглись на горячие трубы так, что голова последующего курсанта укладывалась на сапоги предыдущего. И хотя сапоги товарища — не самая удачная замена подушки, но все же лучше, чем ничего. В импровизированной живой цепочке мне досталось место «замыкающего».

А теперь представьте, труба диаметром в 30 см., под спиной почти тоненькая жердочка, а мы лежим, греемся и даже спим. Во как! Словно куры на насесте, а куда деваться?! Спим! И это радует.

Просыпаюсь от того, что кто-то дергает меня на ногу. Осторожно так дергает, но весьма настойчиво. Нехотя открываю один глаз и пытаюсь приподнять голову, но так, чтобы не потерять шаткое равновесие. Резких движений делать нельзя, иначе все вместе свалимся с этого теплого насеста прямо в грязное стойло к храпящим свиньям.

Так вот, поднимаю голову и с удивлением обнаруживаю, что рядом с моими ногами прямо на горячей трубе сидит крыса и с аппетитом пожирает подошву моего сапога. Очевидно, при кормлении свиней, я наступил в лужу с объедками и к подошве прилип кусочек съестного. И теперь наглая зверюга, аккуратно обгладывает резину на подошве, сохранившую привкус пищи. Что характерно, крыса жевала весьма увлеченно, интенсивно двигая челюстями, но при этом брезгливо обходила стороной металлическую подковку, приколоченную к подошве сапога. Ничего себе раскладец?! Пока я тут сплю, меня уже практически доедают! Ну дела?!

Обалдевший от такой вопиющей наглости, я энергично задрыгал ногами, отгоняя непрошенного гурмана. Крыса, задорно цокая коготками по металлической трубе, виртуозно уворачивалась от моего сапога, не горя желанием получить подошвой тяжелого сапога по наглой морде. Но и расставаться с дефицитным «продуктом» тоже не хотела.

Некоторое время она обиженно пищала, мол, «а компот?» Но, осознав, что десерт ей уже не обломится, крыса нехотя и степенно удалилась, даже не делая слабой попытки шустренько затеряться в какой-нибудь дырочке! Ага, сейчас?! Всем своим видом она

давала понять, что свинарник — это ее территория, а мы тут так — разнообразие в ее рационе и ни как иначе.

Более того, по ее наглой морде и многообещающему писку, я отчетливо понял, что она обещала еще вернуться! И возможно, с многочисленными друзьями! Так что, всем оставаться на своих местах, «я требую продолжение банкета»!

Спать как-то сразу расхотелось и остаток ночи, я просидел рядом с ребятами, охраняя их покой и сон от непрошенных гостей.

Утром, рассказывая парням о визите крысы, в качестве доказательства своих слов, я продемонстрировал сапог с надкусанной подошвой…

p. s. С тех пор, ко сну отношусь очень трепетно и предпочитаю спать со всеми удобствами в горизонтальном положении и желательно на мягкой кровати. Но, в принципе, всех жизненно полезных навыков, полученных за время обучения в военном училище, пока еще окончательно не растерял и при желании, могу спать сидя, полулежа, прислонившись, стоя, но вот спать с открытыми глазами, увы… так и не научился.

25. Любовь и политика

Витя Копыто страдал. Страдал явно, открыто, практически на грани истерики. Причиной вызвавшей столь явные и необратимые нарушения в его шатком душевном равновесии, был приказ Пиночета о лишении нашей замечательной роты всех видов увольнений в город, сроком на календарный месяц, за безобразно плохие показатели в конкурсе строевой песни. Вина наша была очевидна, и наказание вполне заслуженное, хотя на наш взгляд — неоправданно суровая. Хотя, Пиночет думал иначе и в чем-то он был тоже прав, так как в целой роте не нашлось желающих драть глотку патриотической песней на морозе — 37 по Цельсию. Пиночет был уязвлен и гонял нас, лично, персонально, индивидуально, по плацу в течение трех часов, пытаясь выдавить из 4-й роты арию, достойную пусть не Большого театра, но хотя бы достаточно внятную и относительно разумную по смыслу.

Согласитесь, продуваемый насквозь всеми суровыми уральскими ветрами училищный плац — не самое лучшее место для песнопения. От жуткого холода, рота издавала неопределенное мычание и нестройное завывания в унисон снежной метели, так как болеть ангиной или воспалением легких добровольно желающих не находилось. Каждый курсант, отдельно вызванный из строя, пел, причем достаточно громко. Но, стоило ему оказаться в недрах строя, как его КПД (коэффициент полезного действия) катастрофически падал и вместо жизнеутверждающих куплетов на тему, как хорошо в стране советской жить, создавалась жалкая имитация с безмолвно раскрывающимся ртом.

Да честно говоря, и — рот то открывался не слишком широко, из-за вполне обоснованного опасения, получить за щеку или глубоко в горло, по самые гланды, мощный заряд снега, которым был щедро сдобрен по-зимнему колючий уральский воздух.

В результате комбат сдался. Все-таки мороз — это солидный аргумент в пользу временного перемирия в процессе противостояния между великим и могучим военноначальником с безликой серой массой полуобмороженных курсантов, отчаянно цепляющихся за остатки своего потрепанного здоровья.

Пиночет адски замерз, устал, разозлился, да что там — практически пришел в бешенство, но сдаваться он не привык. Поэтому, приняв временное поражение в частности, он решил взять реванш в целом и на будущее! Поэтому, не мудрствуя

лукаво, решил ударить в самое больное место. Тоесть, фактически лишил надежды на получение иллюзии краткосрочной свободы. Этот изверг в полковничьих погонах, сатрап и душитель вольнодумцев, угнетатель инакомыслящих и поборник крепостного права, отменил все увольнения в город. Совсем все, тоесть абсолютно все.

По оглашении приговора на ближайший месяц, толпа скрипнула зубами и смирилась. Смирилась, что не будет возможности сходить на почтамт и услышать по телефону далекий голос родных и близких. Смирилась, что не будет походов в кино с обязательным, традиционным и долгожданным заходом в легендарную пельменную «Минутка», на ставшую традиционно-стандартной тройную порцию. Смирилась, что не будет коротких и эмоционально-жарких встреч в студенческих общежитиях с красивыми и такими желанными девушками. Смирилась, что много еще чего не будет…

В принципе, месяц — это не катастрофа вселенского масштаба, можно и потерпеть. Чего-чего, а бывало и многократно хуже. Нас сложно удивить какой-либо гадостью. А Пиночет пусть подавится. Все равно, орать ему в угоду на морозе, да и при ветре от «умеренного» до «сильного», с порывами до 30-ти м/сек. не будем. Хватит, оторались. Не первый год в армии.

Смирились все, кроме Вити Копыто. Гиперпотенция которого не давала ему покоя. Она не давала ему спать по ночам, наполняла его сны сладострастными фантазиями и эротическими грезами. Вите срочно надо было посетить пару-тройку своих безотказных подружек из любой ближайшей к училищу студенческой общаги. В приватных беседах в узком кругу широких лиц, Витя неоднократно утверждал, что его многочисленные подружки по такому параметру как «безотказность», безусловно и однозначно, превзошли легендарный автомат Калашникова.

Итак, Витя отчаянно метался по расположению роты, настойчиво ища сострадания и сочувствия к своему плачевному положению, а так же одобрения своему «генитальному» плану.

План его был прост и незамысловатен, как и сам Витя. А Витя рвался в самовольную отлучку. Не надолго, на пару часов. Препятствием в его грандиозных замыслах было то, что комбат обязал дежурного офицера каждую ночь — не менее двух раз за ночь, приходить в спальное помещение и с фонариком в руке считать наличие личного состава, спящего в своих койках. В случае обнаружения отсутствующего курсанта, наряд по роте незамедлительно и безжалостно отправлялся под арест на гауптвахту как соучастники злоумышленника. А сам

отсутствующий, после прибытия на базу, направлялся на заседание педагогического совета для рассмотрения персонального дела о немедленном отчислении из училища. Не слабо?!

Тем не менее, курсант Копыто, не раздумывая, был готов рисковать будущими погонами офицера ради сиюминутного удовлетворения своей страждущей похоти, но отправлять друзей в карцер на гауптвахту, где даже летом температура не всегда поднимается выше нуля по Цельсию, Виктору как-то не очень хотелось. Джельтмен, однако. Куда деваться?!

Копыто как коршун кружил около тумбочки дневального, с плаксивой надеждой и щенячьим подобострастием заглядывая в глаза дежурному по роте курсанту Филину. Он проникновенно и жалобно взывал к сочувствию, объясняя Сереге Филину уже в трехсотый раз, что не может спокойно спать по причине обморожения ног, возникающего каждую ночь из-за катастрофической не хватки одеяла, которое регулярно вздымается к потолку, поднимаемое самопроизвольно, тоесть независимо от желания и воли хозяина, постоянноэрегирующим мужским достоинством Виктора. А использовать руки для снятия напряжения, Витя не может, так как — это противоречит его моральным устоям и глубоким личным убеждениям.

Копыто давил на жалость и взывал к мужской солидарности. Филин длительное время достаточно спокойно парировал, что вся рота находится в таком же плачевном положении. Витя не сдавался. Он словно собачонка на привязи таскался за дежурным по роте. Тот делал вид, что не замечает тело, постоянно валяющееся в его ногах. Но когда Витя начал расстегивать ширинку своего галифе, чтобы предъявить в качестве аргумента свои распухшие от вожделения и твердые от воздержания яйца, Филин взорвался. Утомленный за весь день монотонным бубнением Виктора, он не горел желанием лицезреть на опухшее мужское достоинство и окаменевшие причиндалы казарменного Казановы. Сергей Филин сорвался на крик, чего, кстати, за ним никогда не водилось и более того — не замечалось. Вообще никогда, но, тем не менее, на этот раз, уравновешенный и добродушный уральский увалень Филин повысил свой голос до раздраженного крика.

— Достал ты уже, производитель хренов! Эстет извращенец. Сходи на ужин в столовую, попроси два ведра чистого брому и выпей залпом. Сразу полегчает! А еще помогает голой жопой на снегу пару часов посидеть. Некоторые вон штангу тягают до паховой грыжи, потом вообще на бабс смотреть не могут. Челентано в «Укрощении строптивого» дрова рубил, тоже

вариант. Евнухам кстати, очень спокойно спиться, проверено, могу посодействовать. Витя, ну почему ты не импотент?! Столько прекрасного вокруг, возьми Устав почитай, сразу в сон потянет. А тебя переклинило, как кобеля мартовского. Это ж надо, какая цаца, подрочить уже не может?! Хочешь, я тебе «Playboy» достану. Свежак, всего восьмилетней давности. Очередь на него неделя, но для тебя, хоть звезду с неба. А дальше, ручками, ручками! Чай, не отсохли то, рученьки?! И вообще, будь мужчиной, возьми себя в руки, наконец. Пора контролировать свои поллюции. Не хочешь?! Ну, ты заелся, батенька. Не создавай проблем окружающим. Давно пора ориентацию сменить! Посмотри сколько парней в роте красивых, мускулистых. Жеребцы! Нет, не нравится ему. Был бы гомосеком, и нет проблем. Отметелили бы тебя разок до полусмерти, кастрировали к чертовой матери и вышибли на «гражданку», пинком под зад. И всем хорошо и спокойно! Гармония! А ему все не так, все не эдак, девок вынь и положь. Вообще обнаглел. Кому сейчас легко?! Короче, слушай сюда, маньяк озабоченный, дон Жуан портяночный, спермотоксикоз ходячий! Обеспечишь 100 % алиби наряду, хуль с тобой, вали хоть на всю ночь. Но наличие твоей сексуально озабоченной тушки в постели, буду принимать лично. Все, избавь меня от своих эротических изысков. Фрейда на тебя нет. Спирохета бледная!

Виктор, получив карт-бланш от дежурного по роте, ринулся создавать своего клона, который будет достойно представлять его тело на койке в отсутствии хозяина. Население казармы с любопытством наблюдало за происходящем в спальном помещении, в динамике развития событий.

Витя быстренько притащил шинель из раздевалки, положил ее на кровать и накрыл одеялом. В первом приближении можно было считать, что тело сформировано удачно. Остались такие немаловажные нюансы, как руки и голова. Копыто хотел ограничиться первоначальным вариантом, но Филин его забраковал.

— Витя! Курсант, который спит, накрывшись с головой, сразу вызовет подозрение у дежурного офицера. Неестественно это, понимаешь?! Нетипично для спящего человека. Тяжеловато дышать, выхлопом своим анальным. Вредно это и небезопасно. Особенно после нашего ужина. В меню одна прокисшая квашеная капуста, пойми правильно. Это ж такое обильное газовыделение, почище зарина с фосгеном, а ты нос под одеяло прячешь. Дежурный офицер, первый тебя спасать ринется. Сразу на воздух потащит, а может и дыхание «рот в рот» делать начнет. И тогда разоблачения точно не избежать. Думай лучше, старайся! Иначе

никуда не пойдешь. Гарантирую!

И Витя старался. Он сбегал в медсанчасть, где всеми правдами и неправдами выклянчил у дежурной медсестры одну замызганную медицинскую резиновую перчатку, далеко не первой свежести, явно предназначенную на выброс. Перчатку эту надул и у запястья перевязал ниточкой. Получилась кисть руки, которая при выключенном освещении в спальном помещении, вполне естественно и сносно смотрелась на темно-синем армейском одеяле, как растопыренная пятерня спящего человека. Осталось за малым — сформировать голову. Простая формальность, а без нее Филин поклялся не выпустить нашего сексуально озабоченного сослуживца за пределы казармы, и Копыто лихорадочно метался в творческом поиске.

Варианты с шапкой и старым проколотым футбольным мячом были отвергнуты по причине низкопробной халтуры и недостоверности, тоесть несоответствия стандартному лицу будущего офицера Красной армии. За морду небритой обезьяны в первом приближении, еще туда-сюда, но на фоне румяных красавцев на соседних койках, данные варианты были — полный моветон. Копыто был на грани отчаяния. Он театрально заламывал руки, трогательно закатывал глаза, но курсант Филин был непреклонен и непоколебим.

И тут Витю осенило, громыхая сапогами, он ринулся в «ленинскую комнату» (старшее поколение знает, что такие святые места были в каждом подразделении Красной армии). Через пару минут, Витя бежал обратно. Тяжело дыша, он тащил гипсовый бюст вождя всего мирового пролетариата В.И.Ленина.

Витя с размаху ухнул тяжеленный бюст в свою кровать. Жалобно скрипнули пружины, койка прогнулась под тяжестью гиганта мысли. Толпа в казарме изумленно замерла. От Витьки Копыто можно было ожидать чего угодно, но только не этого.

Копыто заботливо накрыл Ленина одеялом по шею, расправил складки, с нежностью заботливой мамочки поправил подушку. Сделал шаг назад и картинно замер, любуясь полученным результатом.

В спальном помещении наступила тишина. Тишина гробовая, зловещая. Все присутствующие были в состоянии ступора. Филин, который был не только дежурным по роте, но еще и секретарем комсомольской организации сначала побледнел, затем покрылся красными пятнами. Через пару минут он собрал волю в кулак и спокойным размеренным голосом, лишенным всяких эмоций произнес.

— Витя, когда тебя поймают в самовольной отлучке — это воинское преступление. И тебя, может быть, отчислят, а наряд

посадят на пять суток. Ну, на семь. Пусть, даже на десять. Хрен с тобой. Возможно, скорее всего, посадят на гарнизонную гауптвахту и, там мы провисим целый месяц. В принципе — говно вопрос, за друга пострадать — святое дело. Более того, допустим, что, даже, учитывая тот факт, что ни для кого из офицеров училища не секрет, что ты — недоразвитый долбоеб, с интеллектом ниже уровня городской канализации, то возможно, что тебя даже и не отчислят. А, скорее всего, посадят вместе с нами в один карцер, чтобы мы сами, за пять или десять суток, в зависимости от того, сколько начислит Пиночет, тебе доходчиво объяснили, что так делать, нехорошо. Но если в твоей кроватке, ночью найдут спящего ЛЕНИНА — это, Витя, уже политика! Если дежурного офицера сразу «Кондратий» не хватит, когда он в луче фонарика, знакомую с детства бороденку увидит, причем шаловливо задранную кверху. Да еще и в ласковые глазенки почитаемого вождя, заметь Витенька, прошу покорно, давно усопшего, посмотрит. Это будет достойная картина. Вот кстати, тоже вопрос для обсуждения. Как у дежурного лейтенанта с душевным равновесием? Устойчива ли его психика офицерская?! Готова ли она к ночным свиданиям с призраком коммунизма?! Если он сразу в окошко прыгать не начнет, то нас тогда не только отчислят, причем всех, но возможно даже и посадят. В дисбат посадят, Витя, а может сразу и в тюрьму. Политика дело такое! Так как согласись, что твоя кроватка мало напоминает филиал мавзолея вождя всего прогрессивного мирового пролетариата. И в самовольную отлучку, Ленин предпочитал бегать в Финляндию или в Швейцарию какую, а не на долбаный Урал. Да и ты, дурак пилопедрищенский, не являешься ближайшим родственником Владимира Ильича, чтобы он к тебе так запросто — по-родственному, на огонек заглянул. Ты давай думай по-быстрому, дурилка фанерная, что ты в «особом отделе» блеять будешь, чтобы нас грешных, при самом наилучшем раскладе только в психушку определили. Может быть лет через двести, нас всех оттуда и выпустят. Но, правда, поставят на учет в КГБ. К бабке не ходи. И самое приличное место работы, которое нам светит — это дворник в той же психушке по месту лечения или кочегар в засратой котельной. Одна надежда, что командование училища обгадится с большого перепугу, и не захочет докладывать наверх. Выносить сор из избы, так сказать. Докладать, о том, что курсант Витенька Копыто свою коечку по дешевке сдает, как в горячий курортный сезон в Сочах черноморских, прости господи. И сдает то, не кому попало, а людям проверенным, надежным соратникам по борьбе с мировым империализмом. Конспиративную квартирку для товарища Ульянова-Ленина открыл. А то вождь,

однако, устал от наплыва благодарных граждан, которые в мавзолее у него толкаются. Шумят окаянные. Спасу от них нет. Вот и решил отдохнуть, от суеты столичной. Отлежаться у Наденьки, у своей дорогой, сподобился. Ночку, другую, перекантоваться. Да, товарищ Витя Крупская?!

Филин сделал паузу, а затем, постепенно увеличивая громкость своего голоса, перешел на общепринятый доходчивый русский язык. И он высказал Виктору все, что думает о нем. А именно — о его потенции, ночных поллюциях, о приступах спермотоксикоза, о его остростоящем вопросе, опухших яйцах, обмороженных ногах и задранном к потолку одеяле, эротических фантазиях и снах, полных нереализованной страсти. Также Филин красноречиво прошелся по страданиям нежной утонченной души, по толпам и стадам необласканных и недолюбленных женщин, вожделеющих и поголовно мечтающих о патологическом страдальце Викторе, самое достойное место которому, в первом ряду мастурбатория и т. д. и т. п.

В заключение своего яркого и страстного монолога, Серега Филин пообещал лично, своим табельным штык-ножом, основательно и радикально укоротить мужское начало Вити Копыто, вплоть до проведения экспресс-операции по перемене пола, причем без малейшего наркоза, если тот не возьмет себя в руки.

Витя в ту ночь, в самовольную отлучку все же сходил. Но это уже другая история.

26. Спорт и приметы

В училище намечались отборочные соревнования по борьбе. Борьба, как разновидность спорта всегда была в чести у командования Вооруженных Сил. Борцам сразу создавались все условия для тренировок — на пару дней освобождались от нарядов, и давали возможность потренироваться — после занятий, около часа перед отбоем на сон или в воскресенье, вместо увольнения в город. Но, тем не менее, в 80-е годы прошлого века, в военные училища шли лучшие представители советской молодежи. Фактически, приходили уже готовые мастера и кандидаты в мастера спорта по различным видам, задача которых была предельно проста — быстро набрать форму и физическое состояние, необходимое для принятия участия в состязаниях и соревнованиях. Тоесть, достойно выступить за честь своего подразделения, а затем — училища, а затем — округа, и глядишь, доходило дело до соревнований на уровне Министерства обороны. Но там, естественно, приходил конец триумфальному шествию казарменных и доморощенных спортсменов, так как, на ковер выходили уже профессионалы, главная задача которых в системе обороны страны как раз и заключалась в ежедневных тренировках и выступлениях за честь родины на международных соревнованиях. Противостоять таким видным военным спортсменам было по определению невозможно, каким бы самородком от природы и какими предыдущими достижениями, званиями и регалиями, ты не владел. Ибо, учеба в военном училище — это каждодневный, тяжелый труд, с лекциями и практическим занятиями, самоподготовкой и семинарами, с нарядами, караулами, хозяйственными работами, учениями, а так же однообразным питанием на уровне… говорить не хочется.

И спорт в училище был тоже достаточно своеобразный. Это были марш-броски по пересеченной местности, полоса препятствий, рукопашный бой, стрельба и т. д. и т. п. И везде, ты — курсант должен иметь одинаково высокие показатели. А согласитесь, невозможно быть профессионалом и в штанге и в беге одновременно, так как это требует развитие разной группы мышц. Но в военном училище такими тонкими изысканиями и умозаключениями никто не занимается. Там конвейер. Там куют защитников родины. Все как один. Все одинаково хороши во всех областях, в любых видах и сразу. Пусть не чемпионы, но уровень подготовки достаточно высок и стабилен. А индивидуальный подход с учетом физических и физиологических особенностей

каждого индивидуума — это слишком дорого, да и не нужно при массовом и бесперебойном производстве защитников родины.

Даешь необходимое количество среднестатистических бойцов с показателями выше среднего! Ура, товарищи! … индивидуальность — это конечно замечательно, но не в ущерб массовости и давайте ребятки, своими силами. Энтузиазмом напрягитесь, мобилизуйте внутренние резервы, изыщите скрытые таланты и все такое, но результат и победу обеспечьте. Надо постоять за честь роты, батальона и училища! Думайте активней и давайте быстренько двигайте вперед, к вершинам спортивных побед!

Так вот, с нами в 4-й роте учился в недалеком прошлом кандидат в мастера спорта по классической борьбе — Валера Гнедовский. КМСом он стал еще в школьные годы. В свое время, он достойно выступал на городских соревнованиях, на районных, на областных, готовился поступать в институт физкультуры, но внезапно ощутил необъяснимую тягу к Военно-Воздушным Силам и, не мудрствуя лукаво занял свое достойное место среди себе подобных курсантов-люфтваффельников.

За время плодотворной учебы в военном училище, Гнедовскому присвоили звание сержанта. А также, научили ловко бегать по полосе препятствий, далеко и точно бросать гранату, метко стрелять, быстро и далеко тащить ослабшего и заблеванного желчью товарища на многокилометровом марш-броске, в то время, когда другой тягучий и выносливый курсант тащит оружие и амуницию все того же обгадившегося сослуживца. Это именно, как раз тот случай, когда зачетное временя идет по последнему из подразделения, пересекающему заветную финишную линию. К слову будет сказано, этим вещмешком, переходящим вымпелом, так сказать, который еще ни разу самостоятельно не дополз до финиша, был наш легендарный Витя Копыто. А Валера Гнедовский был парень хоть куда — крепок, строен, силен, вынослив и когда услышал объявление о подготовке к соревнованиям по борьбе, вспомнил, что он типа тоже, того — борец тоесть.

За два дня, отведенных на подготовку, Гнедовский свою былую форму, конечно же, не набрал, но пару приемов все-таки вспомнить успел. Его успокаивало то, что все эти соревнования — полная профанация, по сути, и ему предстоит бороться с такими же, как и он, курсантами, чьи индивидуальные особенности и личный почерк спортсмена растворились в конвейерной системе физической подготовки Красной армии.

Коронкой Валеры Гнедовского был бросок разгибом (прогибом). Это прием, когда борец обхватывает своего

противника в районе грудной клетки, сцепляет свои руки в замке за спиной на пояснице, и резким, почти нечеловеческим усилием, используя взрывную энергию своих спинных мышц, отрывает противника от земли. А дальше — перекидывая через свою голову, бросает его на маты или через вращение вокруг вертикальной оси, укладывает противника на лопатки. Это почти всегда, 100 % чистая победа.

Валера в свое время, виртуозно проводил этот сложный прием, и поэтому, в отведенные дни для тренировок, положил себя всего, чтобы вспомнить данную технику. Распыляться на остальное, банально не хватало времени.

На соревнованиях Валера блистал, все его поединки заканчивались в поразительно короткое время. Вышел. Пожал руку. Захват. Бросок. Туше!

Все шло замечательно, Гнедовский легко выиграл училище, все его соперники были повержены. Все что они могли вспомнить после поединка — лучезарную улыбку Гнедовского, мягкое рукопожатие, жесткий захват, напоминающий железный обруч. Затем пол уходил из под ног, освещение и трибуны взлетали и перемешивались, борцы шаркали ногами по потолку и стремительно летели на ковер. Гром аплодисментов и они свободны.

А Валера продолжал свое триумфальное шествие. Он выиграл город, но на округе ему встретился непростой соперник. Гнедовский с ним еще не боролся, но присутствовал в качестве зрителя на некоторых его поединках.

И Валера понял что, не смотря на то, что они находятся в одной весовой категории, все не просто, совсем не просто. Валера был на ее нижней границе, а противник — на верхней. Валера был высоким, худощавым и жилистым, а противник — низеньким, широким и плотным. Оставалась только одна надежда на молниеносное проведение своего коронного приема. До решающей схватки оставался один день.

Гнедовский сидел в бытовой комнате казармы и подшивал чистый подворотничок к своей гимнастерке, вид его был задумчив и невесел. Он уже размышлял о предстоящем поединке, проводил воображаемый бой, пытаясь предусмотреть возможное развитие событий. Мимо проходил Витя Копыто с утюгом в руке.

— Привет чемпион! Чего невесел, нос повесил. Послезавтра завалишь жирного, и остается только в Москву смотаться. А там, можно и не бороться. Выйдешь, в первый день, сразу на коврик ляжешь, чтобы эти «любители» из профессионально ЦСКА тебя не покалечили. И все — кум королю, сват министру! Пока все пердят и потеют, ты по столице шарахаешься. Красота!

— Не так все просто Витя. Похоже, Москва мне не светит. Соперник мой тяжеловат, а я спину закрепостил. Мышцы забил напрочь, понимаешь?

Витя растерянно похлопал выпученными глазами. В последнем письме в родной Пилопедрищенск, он уже обстоятельно отписал, что служит с чемпионом почти всея Красная армия и всех ее окрестностей в виде Варшавского договора, что этот богатырь его командир и фактически — закадычный корефан. И такие упаднические настроения Гнедовского ломали Виктору всю живописную картину на полгода напряженной переписки. Легенда рушилась прямо на корню.

— Брось Валера! Какие проблемы?! Ты же боец! Вышел, победил и всего делов! Москва на кону. Кончай киснуть. Может тебе надо чего?! Так ты скажи, я в раз обеспечу.

— Да нет, Витя! Тут массаж нужен профессиональный, мышцы в порядок привести.

— Всего то?! Псссс! Говно вопрос! Сейчас промассажируем, профессионально и качественно. Будь уверен! Я сказал. Ты только, это. Расскажи хоть, как этот самый массаж делается, а то я забыл чего-то. Да я, для тебя, хоть звезду с неба…

Сказано-сделано. Гнедовский направляя Виктора в его неуклюжих манипуляциях, по ходу процедуры, объяснил, как провести массаж спины. Витя очень старался. Пружины на кровати Гнедовского жалобно скрипели и скулили, прогибаясь почти до самого пола, кожа у Валерки была бордово красная. В результате, он взмолился о пощаде и согнал Виктора со своей спины.

Виктору Копыто данная процедура понравилась, и он пытался провести ее дальше, стараясь ущипнуть Гнедовского за распухшую спину. Пациент душевно благодарил Виктора за оказанную помощь и всячески уворачивался от назойливого массажиста.

Гнедовский надел гимнастерку и принялся с характерным хрустом, разминать пальцы, травмированные при проведении борцовских поединков.

Копыто подсел к своему кумиру.

— Валер, может еще чего надо. Ты это, только скажи. Ну, чего мрачнее тучи?

И тут сержант Гнедовский совершил самую страшную ошибку в своей жизни. Об этом он потом неоднократно вспоминал в своих высказываниях. Он поделился с Виктором своей заветной приметой.

— Понимаешь Витя! Примета у меня была. Есть, тоесть была,

короче, неважно… Перед соревнованиями, тренер категорически запрещал нам с девушками миловаться. Ну, чтобы мы свои силы не тратили, а то на ковре запаса энергии не хватит. Так вот! Я заметил, что у меня все наоборот. Как надо на решающую схватку выходить, если я с девушкой «ни-ни», то и на ковре полный провал! А если всю ночь «тили-тили-трали-вали», то и победа в полном ажуре! Каким бы мастером противник мой не был. Ни разу, примета меня не подводила. А самое главное, чтобы у девушки имя было — Виктория, Вика, победа значит. Подруга у меня была Вика — огонь и лед в одном стакане. Такие ночи были, эх… Всегда с ней выигрывал.

Копыл просветлел лицом. Уж чего-чего, а рецепт завтрашней победы Гнедовского проблемой для Вити не был.

— Валерка, тебе крупно повезло! Посмотри на меня! Посмотрел? Да я, тебя к таким кралям отведу. Живой не уйдешь.

Гнедовский недоуменно посмотрел на Виктора, но тот уже вошел в раж и развивал свою мысль в нужном направлении.

— Короче, Вики, Викули на примете у меня нет, но не грусти! Я же Витя! Я тебя в такую общагу отведу, там девчонки визжать будут от восторга. Я же им чемпиона города предоставлю, да что города …?! Все, решено! Ты — член сборной СССР по борьбе!

Видя, что Гнедовский пытается возразить, Копыто не дал ему шанс вставить хотя бы слово в свою вдохновенную речь.

— Нет, ты — член олимпийской сборной СССР! Ну, ладно, ладно, резервный состав! Валера, да тебя там так отмассажируют, что и Москва тебе покориться. Ну, чего расселся, давай собирайся!

— Куда? — спросил Гнедовский ошарашенный внезапным натиском и бурной энергией неугомонного Виктора Копыто.

— Куда-куда?! На кудыкину гору, воровать помидоры! В самоволку, Валера, в нее родимую. Помидоры твои разминать! А ты, что думаешь? К дежурному офицеру пойдем и попросим. Выпишите «увольнительную записку», дяденька, пожалуйста. Сержанту Гнедовскому бороться послезавтра, а у него примета персональная. Надо сначала девчонку Вику в койке «запороть», тогда и соперника на ковре сможет забороть. Так что ли?!

Гнедовский проклял себя за свой длинный язык, и за то, что угораздило его поделиться подобным с известным треплом Витей Копыто. Но отступать было бессмысленно. Копыто видя, что Валера багровеет от злости, понял, что его жизни и здоровью угрожает реальная опасность, сразу перешел на ласковый тон.

— Валерочка, дружище, ну посуди сам. Зачем препятствовать судьбе. Я — твой счастливый билет. Никто не узнает. В наряде по роте классные парни, я им уже все рассказал. Не злись, по секрету

рассказал. Точно, под честное слово. Они все поняли, вошли в положение. Готовы рискнуть. Нас прикроют. Парни — кремень. Дежурный по батальону — лейтенант Зайчик. А у него лямур-тужур-абажур! Женился кролик неделю назад. К бабке не ходи, после отбоя к молодой жене слиняет на часок, а расход личного состава по телефону проверит. Ну, решайся! Ты ничем не рискуешь. А в 4-х этажной общаге, я тебе столько Вик найду. Очередь в коридоре к олимпийскому чемпиону мира выстроится. Вот увидишь. Ну, ладно, не злись! К чемпиону Европы! Пятикратному! Ладно — трехкратному!

Долго ли, коротко, уговаривал Виктор сомневающегося Гнедовского?! В результате уговорил. Гнедовский умылся, почистил зубы, облился одеколоном и поплелся вслед за Витей.

А через 4-ре часа Витя принес Гнедовского в расположение роты на своих руках, фактически приволок на себе. При этом Валера был в бессознательном состоянии, форма грязная, местами разорвана, а на петличке с пропеллером ВВС висел мятый цветок. Такие же жеваные и поломанные цветочки торчали из голенища сапога и бляхи кожаного поясного ремня.

Когда всё население казармы, забыв о сне и об отдыхе, вспомнив свои скудные познания по реанимации и оказанию первой медицинской помощи, бросилось использовать все эти знания на практике. Вызывать «скорую помощь» и докладывать по команде наверх решили только в самом крайнем случае.

Раздев Гнедовского, все ахнули. Все его тело было в ссадинах, кровоподтеках и в синяках. Удивленные увиденной картиной, парни дружно загалдели.

— Ни хрена себе девки оголодали! Что же они с парнем то вытворяли! — изумился комсорг Филин.

— Копыто, а ну колись, что там было. И главное, где эта общага, чтобы не забрести туда по-ошибке. А то сгинешь, на раз! Измордуют мегеры, живым не уйдешь! Затрахают до смерти!

— Ты куда парня завел? В женский монастырь или в бабскую зону?! Идиота кусок!

Витя Копыто молчал как партизан, и только жалобно сопел. Когда он стянул гимнастерку со своих худосочных чресл, то все увидели, что его тело тоже капитально ободрано и в многочисленных кровоподтеках.

Общими усилиями мы привели Гнедовского в чувство. Он открыл глаза, сдавленно простонал, попросил стакан чая, спросил о целостности своих костей. Когда его мутный взгляд, скользящий по встревоженной курсантской массе, остановился на Викторе Копыто, Валера сделал попытку встать, чтобы прибить своего ночного проводника, но силы оставили его и он повалился

на матрас.

Копыто благоразумно затерялся на втором плане. Гнедовский опять пришел в себя, медленно выпил сладкого чая. Молодой организм брал свое, его самочувствие улучшалось прямо на глазах, и Валера поведал о своих злоключениях.

— Чтобы я, еще, хотя раз… с этим мудаком… Короче, выводит меня Копыто, к общаге. Правда, поплутали основательно, час где-то, в грязь влезли непролазную, по колено увязли. Сусанин в натуре, дипломированный гид, штурман-заблуда. В результате, все же вышли мы к общаге. Старое такое здание, в 4-ре этажа, кирпичное. Пока по грязи ползали, время позднее наступило, и комендантша закрыла входную дверь. Витя хоть и ездил мне по ушам, что та бабка-комендантша у него с руки ест и с хлебом-солью каждый раз встречает, ни хрена дверь не открыла. Я уже хотел обратно идти, но вы же Копыту все знаете. Он же никогда не сдается. Говорит, запасной вариант имеется — пожарная лестница есть. Правда она на другой стороне здания и надо будет потом по карнизу, по периметру здания, на высоте 4-го этажа прогуляться. А обратно, мол, через дверь выйдем. Никуда зловредная старуха не денется, откроет любезная, чтобы нас выпустить. Мамой клянусь, не хотел лезть! Но сутенер этот белобрысый, «на слабо» взял! Влезли мы не на 4-й этаж а, слава богу, только на 3-й! Хотя, зачем 3-й и 2-го бы хватило за глаза… Короче, карниз узкий, сантиметров 15-ть, идем по нему, руками за отливы у окон цепляемся. На улице жарко, не смотря, что ночь на дворе, окна раскрыты, только занавески задернуты. Нет, чтобы в первое же окно влезть и уже по коридорам пройти?! Идиоты! Этот кадр, по карнизу первым идет, в окна заглядывает и подманивает: «Вика! Вика! Вика!», представляете?! «Вика, Вика, Вика!!!» Типа — «цыпа-цыпа-цыпа!» Кретин! А я понять не могу, почему в комнатах никого нет?! Потом дошло. Короче, добрались, до комнаты одной, где магнитофон играет, шум голосов девичьих слышится. Так как Витя впереди полз, то заглянул в это окошко первым, оборачивается ко мне и говорит. Мол, девчонки шмотку модную меряют. Похоже, весь этаж в одну комнатку набился, сейчас мы тут всех Вик сразу и отсортируем. А сам облизывается, как кот на сметану. Говорит, мол, девчонки чуть ли не в очередь на примерку стоят, кто-то уже раздевается, многие еще не оделись, красота! Ну, я тоже к этому окну приполз, интересно же посмотреть, а сквозняком штору треплет. Прямо нам по рожам хлещет. Стоим за окном, как два мудака на жердочке, а из комнаты нас не видно. Чтобы поустойчивей стоять, я перехватился не за отлив окна, а за раму, за саму фрамугу открытую. И тут наш подарочек Пилопедрищенский, сквозь

штору, рыло свое похотливое в комнату сунул и говорит так гаденько: «Здравствуйте, девочки!». Девчонки как завизжали, засуетились, и давай прикрываться кто чем. Давай толпой из комнаты ломиться, аж в дверях застряли. А одна дура, симпатичная правда, металась, металась по комнате с голыми сиськами, потом подбежала к нам и окно закрыла. Идиотка! Совсем мозги переклинило, истеричка недоделанная!

Гнедовский сделал паузу, как будто заново переживая недавнее событие, и отхлебнул чая, заботливо подлитого в его стакан. Все ребята посмотрели на его пальцы, которыми он сжимал стакан с чаем, с почерневшими ногтями, под которыми запеклась кровь.

Толпа слушателей понемногу начала давиться от смеха и сдержанно подхихикивать, представляя картину происходящего. Только наличие 3-го этажа и узкого карниза под ногами наших ребят в рассказе Валеры, не давало возможности расслабиться и откровенно заржать в полное горло. Деликатность, однако. Валерка продолжил.

— Так я и говорю, эта истеричка закрывает окно и прищемляет мне пальцы. Я завыл от боли и естественно их разжимаю, еще некоторое время старательно балансирую на карнизе, в отчаянии скребу ногтями по стеклу, прямо как кошка. Даже, пытаюсь присосаться своими губами к стеклу закрытого окна, в виде страстного поцелуя «взасос»… Вы знаете, почему-то совсем не помогло. Делать нечего, теряю равновесие и лечу вниз. По пути пособирал все ветки на клене, что под окнами рос, и смачно шмякнулся в цветочную клумбу. Великое счастье, что ее, клумбу в смысле, недавно рыхлили. Чернозем спас, слава яйцам! Только осознал, что полет успешно закончился и я жив?! Верите, «мама» сказать не успел?! Как на меня сверху упало костлявое тело Копыто. И я выключился.

Рота взревела от восторга. Осознав, что ребята живы и здоровы, что их кости целы, а ссадины и синяки — дело житейское, курсантская толпа дала волю своим чувствам. Кто-то хохотал до изнеможения, кто-то катался по полу, кто-то визжал и вытирал набежавшие слезы восторга подвернувшейся под руку портянкой. В роте царил веселый хаос. Подробности данного происшествия пересказывались там и тут с новыми вновь придуманными нюансами.

Гнедовский недоуменно смотрел на окружающих, потом волна всеобщего смеха захлестнула его и, переосмыслив происходящее, представив себя со стороны, он принялся неудержимо ржать, как полковая лошадь. Возможно, это всего лишь была реакция на пережитые страхи и потрясения.

Только Витя Копыто не смеялся. Он чувствовал себя виноватым за то, что Гнедовский мог покалечиться или даже убиться. В любом случае, мог затаить обиду и перестать, с ним общаться. Такой позор пережить не просто. Но Валерка был реальный парень, незлопамятный и отходчивый. Честно просмеявшись минут 5-10, он подозвал Копыто и протянул ему руку.

— Хрен с тобой, что ты на меня свалился, и втоптал в колумбарий по самые уши. Давай пять! Спасибо, что не бросил на улице, а притащил на базу.

Копыто осторожно пожал руку и робко улыбнулся, потом улыбнулся смелее. И уже через мгновенье тряс своей грязной от чернозема головой, и хохотал от души, разбрызгивая слюну из широко открытого рта. Рота не спала почти до самого утра, в разных уголках казармы пересказывались и моделировались особенно удачные моменты ночных похождений наших ребят. Особенно, типа: «Здравствуйте, девочки!»

Наступил решающий день. Валера Гнедовский все же вышел на борцовский ковер для поединка, пожал руку своему противнику, попытался молниеносно провести бросок, но по гримасе боли, исказившей его лицо, мы поняли, что победы не будет. Толстяк удачно подмял Валеру и собирался провести свой встречный прием, но ассистент нашего борца бросил полотенце на ковер. Гнедовский сдался. Судья сразу остановил поединок. Этим ассистентом был Витя Копыто. Уж он то знал точно, что Валера бороться сегодня не может, не в форме.

Когда Гнедовский уходил из борцовского зала, он улыбался, что для проигравшего согласитесь нетипично, но он улыбался искренне, от души, от уха до уха. Это заметили все зрители в зале. Заметили и удивились. Уже потом, вечером, в спальном помещении роты, Валера сказал мне полушепотом.

— Санька! А ведь я только на ковре понял! Витьку то — нашего дурачка, БОГ любит! Точно, точно! С третьего этажа пролететь сквозь дерево и ничего! Вообще, ничего! Ни убился, ни покалечился, кости целы, связки не порвал, только ногти на руках черные и все. А Витька меня до училища дотащил. Осилил. И не попались мы в самоволке. И не сдал нас никто из осведомителей сраных. И примета моя заветная, кстати, тоже сработала на все 100 % — нет Вики, нет победы. Все сходится.

Гнедовский опять улыбнулся и загадочно посмотрел на меня.

— А ты знаешь?! И меня БОГ полюбил, за компанию, с Витькой. Не было бы его рядом на карнизе, ведь разбился бы в кашу. Как два пальца об асфальт. Нет, ну представь! «Здравствуйте, девочки!».

Валерка сверкнул белозубой улыбкой, удобно устроил свою голову на подушке и быстро уснул, а будить его и высказывать мысль о том, «что не было бы Вити Копыто, не летал бы ты — Валера Гнедовский, с того карниза», я уже не стал.

Засыпая, я слышал, как в коридоре, Витя Копыто предлагал какой-то очередной жертве, сделать профессиональный спортивный массаж. Он убедительно ссылался на то, что его мастерством великого массажиста и костоправа, пользовался сам великий чемпион — Валера Гнедовский.

27. Сломанное ухо

Неожиданно для себя и своего желания, Валера Гнедовский стал кумиром и объектом подражания для Вити Копыто. Витя повсюду таскался за Валерой, пытаясь стать ему верным другом и незаменимым спутником. Копыто пересел за один с Гнедовским стол в столовой, пытался копировать его походку и манеру разговаривать, держать спину. Регулярно, предлагал ему по вечерам восстанавливающий массаж. Обещал провести незабываемую экскурсию по всем студенческим общежитиям города и обеспечить успешное и продолжительное знакомство с лучшими представителями женского населения, самыми красивыми и гостеприимными, ласковыми и нежными, а так же безотказными, как легендарный автомат Калашникова. Все свое свободное время, Копыто старался находиться рядом с объектом обожания и почитания, чтобы всячески демонстрировать ему свое искреннее уважение и поросячий восторг. Он раньше других начинал хихикать и смеяться, когда Валера рассказывал очередной анекдот. Ловил взгляд Гнедовского, пытаясь предугадать его желание.

— Сигарета?! Спички?!

Некурящий Витя стал регулярно носить в карманах курительные принадлежности, желая даже в этом, угодить Валерке.

В суточный наряд, Витя старался попасть, именно с Гнедовским. Таким образом, Витя пытался загладить свою вину перед Валерой, за драматические обстоятельства ночного полета с 4-го этажа студенческого общежития, в результате чего и прервалось победное шествие Гнедовского на борцовском ковре. Если быть объективным, то Гнедовский не был тщеславным, и поражение на соревнованиях в округе, его почти не тревожило.

Тем не менее, Валеру ждало более серьезное испытание, в виде постоянного присутствия Виктора. Гнедовский стоически и терпеливо переносил общество Копыто. Что ни говори, но выдержка и спокойствие — отличительная черта военного человека.

Когда счастье, иметь такого почитателя как «ненавязчивый» Витя Копыто, давно перевалило за границу переносимого, Валера взмолился.

— Копыто, милый! Ну, чего тебе надобно? В чем я провинился? Не томи, говори быстрее.

— Валер, а Валер! Я тут подумал. Ты такой сильный, красивый и вообще здоровенный. Это все от спорта? Да?! Скажи

правду, открой секрет.

— Да, Витенька, именно от спорта!

— Я, так и думал! Валера, а бороться — не очень сложно, правда?! Я вот видел, как ты раз, бац-бац, и уже сверху сидишь. А тот, только догами дрыгает и верещит жалобно. Здорово!

— Витя, не все так просто.

— Да ладно, чего там. Я же видел. Бац! Хрясть! Будум-будум! Приемы, наверное, знаешь?

— Знаю.

— Секретные, да?

— Нет, Витя, не секретные. Их, тебе, в любой секции покажут. А дальше, работать надо. Оттачивать. Каждый день работать, помногу часов. Понял?

— Слушай, покажи мне пару приемчиков. Я же толковый! Да, я на раз! Все пойму и освою. Ну, будь другом. Покажешь?

Как не отнекивался Гнедовский, но в результате понял, что лучшим способом отвязаться от неугомонного Копыто — будет выполнение всех его условий и желание. «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не писалось. Надоест ему под потолком летать и ковер носом пахать. Больно это, и унизительно!», — разумно рассудил Валера.

В борцовском зале, Валера честно показал Виктору самые простые и эффективные приемы. Нескладный и некультяпистый Копыто попыхтел полчасика, пару раз завалил поддавшегося Гнездовского и почувствовал себя наследником Поддубного. Уставший и вспотевший Витя разлегся на матах, давая отдых своим мослам, и принялся вести светскую беседу.

— Мышцы у тебя классные, рельефные. Это тоже от борьбы? Мне бы такие. А как бы, бац-бац и мышцы, но без много часов? Нельзя, так?!

— Нет, Копыто, нельзя.

— Валера, а я слышал, таблеточки есть потрясные. Название, правда, какое-то неблагозвучно, типа: «Металл обдристал». Заглотил пару пачек и лежи себе у телевизора, а мышцы из тебя так и лезут, так и прут. Вон, Шварценеггера видал? Так этого Арнольда, исключительно с таблеток, расквадратило! Расперло, как родненького. Точно говорю!

— «Метан дростиноллон», точно не знаю, но вроде так. Сам я не любитель колеса закатывать, но про них слышал. Только от этой химии Витя, ты уже по девочкам бодренько не побегаешь. Твой свисток паровозный, тот самый — вечно торчащий и постоянно боеготовый, вместо солнечных часов можно будет использовать. Только сломанных часов, так как, они одно и тоже время показывать будут — пол шестого. Причем, постоянно.

Копыто ужаснулся. Вопиющая несправедливость услышанной перспективы, возмутила его до глубины души.

— Охренеть, я на это, не согласный. Только фактически настоящим борцом заделался, а тут сразу импотенцией пугают. Нет справедливости в жизни! Эх, жалко, соревнования по борьбе закончились. Все не вовремя.

— Не понял, а при чем здесь соревнования.

— Как это, при чем?! Показал бы мне раньше эти приемчики, я бы тоже боролся, ничего здесь такого нет. Я то думал?! А тут, запросто! Бац-бац, и на лопатки. Часик то и нужен, для закрепления. Типа, чтобы прием не забыть.

Услышав такую ересь от бахвалящегося Копыто, обычно невозмутимый и уравновешенный Гнедовский взорвался.

— Витя, не манди! Чтобы настоящим борцом стать, надо не просто работать, а пахать! Годы! Каждый день, по два раза в день! Пахать следует, до седьмого пота! Понял! Пахать до желчи, до рвоты, до сломанных ушей!

Зря Валера упомянул про сломанные уши. Зря. Но слово не воробей, из пушки не застрелишь. Огромные оттопыренные уши-локаторы непризнанного атлета-борца, фактически потенциального чемпиона, с титулом: «Всея Красная армия», Виктора Копыто, зафиксировали интересную и неожиданную информацию.

— Погоди пылить, Валера! Что ты там, про сломанные уши, сказал? Их нельзя сломать. Они же, вообще, не ломаются. Они мягкие. Без костей, реально. Все знают, что только кости ломаются. Разводишь меня?! Да?! Как лопушка, разводишь?

Копыто мял и жамкал свои внушительные уши. Всем видом демонстрируя Гнедовскому гибкость и эластичность данного органа слуха. Уязвленный в неверии, Валера Гнедовский совершает вторую ошибку. Нет, чтобы свести все к шутке и согласиться с Виктором, он презрительно сплевывает на пол.

— Тундра! Язык у тебя без костей! Чтобы ты знал! Сдуру, и хуль сломать можно! Зарубку сделай на стене, а то забудешь! А лучше татуировку у себя на любимом члене. Когда ссать пойдешь, то читать будешь, может тогда дойдет, что уши ломаются, причем очень легко и просто! Настоящим, борец считается, только сломав ухо. И не ранее. Каждый классный борец знает, что это такое. Мастером не станешь, без этого. Посмотри на уши всех великих борцов. На форму их ушей посмотри! Вислоухий тупорыл!

Витя потерял покой, его посетила феноменально «генитальная» мысль. От волнения, он начал путать буквы в словах.

— Варела! А ты сам, когда-нибудь, ломал ухи?

— Спрашиваешь?! Два раза.

— А как? Это больно? И в чем фишка?

— Ломается ухо, обычно при падении. Или когда из захвата вырываешься. Ухо заворачивается при трении об ковер, хрящик трещит и лопается или просто надламывается.

— Ну, и чего?! А дальше что?

— Что-что?! Жидкость из ушного хряща растекается под кожей, ухо опухает как уральский пельмень, синеет и болит пару дней.

— А потом? Кстати, сильно болит?

Гнедовский почесал правое ухо, пожал плечами и задумался.

— Да, как тебе объяснить? Сильно, не сильно. Все относительно, у борцов всегда что-то болит. Тренировки, броски, работа. Сам пойми. Наш тренер говорил: «Если борец утром проснулся и у него ничего не болит, значит — он уже умер». Вот так! Нет, не сильно болит. Терпимо.

— Валер, а Валер! А видно, что человек, этот самый и есть того! Типа борец. А? То, что мышцы офигенные — это понятно. А вот сломанное ухо, видно? Посмотрел на уши и сразу понял, что перед тобой, не сопля какая, а громила реальная, борец заслуженный.

— Копыто, ты мертвого достанешь! На, смотри! Видишь утолщения на хрящах. Пощупай. Пальцами потри!

Гнедовский наклонился к лежащему Виктору и показал деформированные хрящики ушной раковины. Это была его третья ошибка. Копыто осторожно, но с горящими от восторга глазами, пощупал уши Гнедовского и для сравнения свои. Уши Гнедовского ему явно нравились больше.

После обеда, в соответствии с распорядком дня, начиналось время самостоятельной подготовки. Появлялась возможность сделать домашнее задание, подготовиться к семинару, написать доклад, переписать конспект и много еще разных полезных дел. Это официальное предназначение, так называемой «самохи». Неофициально, на «самохе» писались письма на родину, записки знакомым девчонкам, расписывался преферанс или «тысяча», кто-то просто спал, и обсуждались интересующие всех последние новости и события.

В тот день, возмутителем всеобщего спокойствия в аудитории, отведенной нашему взводу для самостоятельной подготовки, был возбужденный Витя Копыто.

Сначала, с видом заговорщика и распирающим его чувством полного превосходства над всеми присутствующими, кроме Гнедовского конечно, Виктор просветил нас, бестолковых, что у них — настоящих борцов, самая распространенная и коварная

травма — это перелом уха. Виктор поведал нам всем, по секрету естественно, страшную тайну о том, что какие бы заслуженные титулы и медали борец не заработал в своей карьере (да хоть, само олимпийское золото), он никогда не достигнет настоящего уважения и почитания среди своих коллег-борцов, если не познает радость обладания сломанным ухом. Во, как!

Развивая свою теорию, Копыто разглагольствовал, что настоящая иерархия среди мастеров ковра и татами, основывается и базируется на строгом подсчете количества, этих самых, зафиксированных переломов и травматических вывихов ушей. За подтверждением правдивости, этой ужасной и засекреченной от посторонних и несведущих ушей, тайны, Виктор обращался к Валере Гнедовскому, как главному и авторитетному свидетелю. Гнедовский угрюмо молчал и только недовольно морщился. Было видно, что эта ерунда его тяготит, и он жалеет о своей болтливости, и готов откусить свой собственный длинный язык.

Самое интересное началось дальше. Утомив всех нас, описанием сложной структуры тайной борцовской ложи, по сравнению с которой, масонская ложа — просто пионерский отряд, Виктор загорелся желанием немедленно приобщиться к обществу настоящих борцов.

Он начал просить всех и каждого помочь осуществить самую заветную мечту его детства — сломать ухо. Курсанты отнекивались, как могли, шарахались от Виктора, как от прокаженного. Но, он не давал играть в домино, мешал писать письма, ныл и канючил, мешал всем сразу и каждому в отдельности.

Первым сдался Лелик. Он тщетно пытался вздремнуть. Его огромному организму явно не хватало калорий, поступающих вместе с пищей и поэтому каждую зиму, его неумолимо тянуло в сон. Прямо, как огромного медведя.

— Все, это уже невозможно! Иди сюда, дурачина. Сейчас, я тебе сломаю все, что угодно, включая голову. Только дай покоя и тишины.

Витя послушно, на цыпочках, подскочил к Лелику и протянул ему голову. Гигант-киевлянин задумался.

— Ну, и чем же тебе, твои уши отрывать?

— Да, не отрывать! А сломать! Пальчиками, раз и все.

Лелик помял уши Копыто между пальцев, те скользили и распрямлялись, но ломаться не хотели.

— Не получается! Все, попробовали, не вышло. Угомонись!

— Как это не вышло?! У всех вышло, а у меня не вышло. Ломай!

Остальным ребятам стало любопытно, все оставили свои привычные занятия и стали подключаться к происходящему, по мере сил и желания. Рассудительный комсорг Филин, почесав свой внушительный нос, внес предложение.

— А давайте, попробуем ухо в дверном проеме зажать. Я так в детстве грецкие орехи колол.

Сказано-сделано. Картина, стоящего на коленях Виктора Копыто с ухом, зажатым в дверном косяке, иногда посещает меня по ночам. Чтобы Витя не расхотел и не передумал, его нежно поддерживают двое ребят, а еще двое добровольцев пытаются эту дверь закрыть. Витя жалобно верещит и трепыхается, но при малейшей попытке прекратить экзекуцию, немедленно настаивает на ее дальнейшем продолжении, с обязательным завершением в виде долгожданного результата. Так тянулось достаточно долго, пока не лопнуло терпение у Валеры Гнедовского.

— Все, хорош! Копыто, в последний раз, при свидетелях тебя спрашиваю. Ты, действительно этого хочешь?

— Да!

— Не пожалеешь?

— Нет!

— Хрен с тобой, держите его, только крепче!

Толпа навалилась на Витю и зафиксировала его, без малейшего шанса на движение. Гнедовский достал из своего планшета пассатижи, демонстративно поклацал ими в воздухе, перед носом Копыто.

— Не расхотелось?

Виктор зажмурил глаза и отрицательно мотнул головой. Гнедовский поднес пассатижи к уху Копыто, аккуратно сложил вдвое хрящик и сильно нажал на ручки инструмента. Все услышали слабый щелчок, который заглушил душераздирающий вопль Виктора Копыто. Гнедовский разжал пассатижи и небрежно махнул рукой.

— Все, отпускайте.

Руки, удерживающие борца-любителя, в этот момент перешедшего в профессионалы, разжались. Освобожденный Виктор подскочил до потолка и, подвывая, завертелся, его движения были хаотичны. Он то скакал и прыгал по учебной аудитории, то пытался присесть на стул, то запрыгивал на кафедру и бился головой о трибуну. Из его глаз брызгали и лились слезы. Именно, одновременно брызгали в разные стороны, причем на внушительное расстояние, и лились в два ручья. Слезы стекали по его пухленьким щекам, соединяясь в один мощный водопад на подбородке. Все попытки поднести руку и потрогать отекшее и посиневшее ухо, заканчивались громогласным

приступом нового воя. Витя отдергивал руку, как при ударе током и продолжал свою хаотичную пляску.

Все курсанты, изумленно, смотрели на происходящее, только Валера Гнедовский невозмутимо убирал пассатижи в планшетку. Бросив мимолетный взгляд на прыгающего и завывающего Копыто, он спокойно произнес.

— За что боролся, на то и напоролся. Я предупреждал. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не писалось. Ладно, Копыто! Хватит скулить, не будь бабой. Я знаю эту боль. Вполне терпимо, только ухо руками не трогай.

Виктор перестал метаться и начал вытирать слезы и сопли, размазанные по лицу. По большому счету, его мечта сбылась. Ухо заживет и в процедуре наматывания лапши на соблазнительные девичьи ушки, появится новая легенда о великом мастере ковра и татами. Доказательство на ушах, пожалуйста, убедитесь, не стесняйтесь. Желающие пощупать становитесь в очередь.

Копыто попытался представить приятный эффект от ощупывания тонкими ласковыми женскими пальчиками его утолщенных хрящей на ухе. Ему должно это понравиться. Боль отступала, и Витя начал мечтать и грезить о будущих победах. Один раз потерпеть, зато всю жизнь пользуйся женским состраданием. Но странные слова Гнедовского вернули его в реальный мир.

— Витек, кстати, чуть не забыл. Будь ласка, прихвати с ужина в столовой кружку эмалированную.

— Зачем?

— Иначе, ты спать не сможешь. Ушко еще дней 5–6 будет бо-бо. Ночью, если тебе уснуть все же получится, ворочаться начнешь или еще чего. Короче, чтобы не орать от боли. Послушай опытного товарища, я дважды уши ломал, мой статус повыше твоего будет в секретной борцовской иерархии, имени Великого мастера Брюс-Копыто-Ли. Ха-ха! Настоятельно рекомендую кружку на ухо надевать и веревкой к голове привязывать. Чтобы не свалилось.

— А раньше чего не сказал?!

— А ты раньше не спрашивал, да и не слушал! Я тебя долго отговаривал. А ушко у тебя внушительное по размерчику, здесь кружкой не обойтись, кастрюля понадобиться. А лучше, бачок для первого.

— Очень смешно!

— Не, не смешно. Смешно будет, если отек не спадет. Тогда одно ухо будет больше другого. Вот, это смешно. Но, ничего, не ссы в компот! У меня пассатижи всегда с собой, обращайся, если что! Второе сломаем, для симметрии. Технология уже отработана.

Витя Копыто завыл от обиды, он не понял, что Гнедовский уже шутит и глумится над ним, отучая совершать безрассудные и необдуманные поступки. Отек с уха, разумеется, сошел, но пару ночей Виктору пришлось поспать с кастрюлей, привязанной к голове. В результате чего, некоторое время его называли «космонавтом».

Помогло ли ему сломанное ухо, при общении с представителями женского пола, не знаю. Скорее вряд ли, так как наступило время, когда Витя решился на пластическую операцию по корректировке формы своих ушей. Это уже отдельная история.

28. Пластическая хирургия

Описывая оригинальную и противоречивую внешность незабвенного Виктора Копыто, я упустил одну немаловажную, но очень выдающуюся и живописную деталь — уши.

Уши у Виктора были уникальные в полном смысле этого глубоко пафосного понятия. Ну, врать не буду, они были, конечно же, гораздо меньше, чем допустим у такого знатного представителя фауны, как слон. Или у того же ишака, уши тоже конечно длиннее, чем у курсанта Копыто. Но все же, что ни говори, а по своим геометрическим размерам и что характерно — по такому параметру как развесистость, у Витеньки ушки были более впечатляющими, чем у стандартного и среднестатистического курсанта любого рода или вида войск Красной армии.

Более того, Витя мог этими ушками шевелить, причем обоими одновременно, каждым в отдельности, по очереди или попеременно, в такт музыке или в соответствии с забойным ритмом, отбиваемым чьими-нибудь ловкими руками по столу или любой твердой поверхности.

А самое любопытное и смешное, что когда Витя нервничал или начинал разговаривать очень эмоционально, то его ушные мышцы, недоразвитые от природы у основной массы населения планеты Земля, начинали самопроизвольно двигаться, независимо от желания хозяина — тоесть Виктора Копыто. Данный поразительный и забавный факт придавал Вите особую пикантность и постоянно вызывал приступы гомерического хохота у всех, кто когда-либо имел счастье пообщаться с этим потешным чудом природы.

Впервые на эту удивительную особенность Витькиной мимики обратили внимание еще на первом курсе. Как только сформировали нашу 4-ю роту из вновь набранных и свежее подстриженных потенциальных защитников родины, после первой же в нашей жизни образцово-показательной вечерней поверки, наша рота стала организованно разучивать гимн Советского Союза.

Первое что сразу бросилось многим курсантам в глаза, и абсолютно выбило их с серьезного настроя, была сногсшибательная картина старательно поющего серьезный текст величавого гимна СССР, нескладного и некультяпистого лысого курсанта со странной и потешной фамилией — Копыто.

Вытянувшись в струнку по стойке «Смирно» и насколько возможно распрямив свою сутулую спину, выпучив глаза, Виктор

Копыто отчаянно фальшивя и протяжно завывая, очень старательно пел: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки…», а его внушительные и развесистые лопухи-уши вытворяли ТАКОЕ…, что монолитный строй курсантов с мощными дурными глотками, вместо громогласных и жизнеутверждающих куплетов начал постепенно выдавать нечленораздельные всхлипывания и бормотания вперемешку с приглушенным смехом, местами переходящим в несдержанный истерический хохот. Короче, «начали за здравие, кончили за упокой», тоесть наоборот — начали солидно и пафосно, закончили в разнобой с откровенным лошадиным ржанием.

В этот момент, всем своим видом курсант Копыто напоминал худенького слоника, который усиленно машет своими ушками в тщетной надежде преодолеть земное притяжение и, присоединившись к мигрирующим стаям перелетных птиц, улететь из промозглой и дождливой уральской осени в сторону солнечного и теплого юга.

Вот именно тогда — на первой вечерней поверке, мы осознали, что наша новая и пока еще непривычная казенная жизнь в мрачных стенах военного училища никогда не будет монотонно скучной. Так как нам неожиданно и несказанно повезло учиться вместе с редкостным явлением природы, уникальным самородком и прирожденным комиком — Витей Копыто из города Пилопедрищенска. И надо отдать должное, наш дорогой и местами даже всеми любимый Витенька ежедневно, ежечасно, ежеминутно и абсолютно полностью оправдывал все наши предположения, возложенные на него надежды и связанные с ним самые дерзновенные ожидания.

Присутствие Виктора на любом торжественном мероприятии, автоматически превращало это самое ответственное мероприятие в законченный фарс и бесплатную комедию.

Однажды, наш не в меру активный ротный комсорг Конфоркин имел неосторожность предоставить Виктору Копыто слово для выступления на очень важном, в политическом смысле, комсомольском собрании, при обсуждении эпохального и не побоюсь этого слова — суперпупергипермегасерьезного вопроса. Все, возможные кандидаты на эту, несомненно, ответственную и весьма почетную роль, благополучно отвертелись, сославшись на кошмарно-громадную массу очень неотложных дел исключительно государственного значения, а Витя, не мудрствуя лукаво о возможных последствиях, «сдуру» согласился.

Он всю неделю по-честному готовился к своей фундаментальной речи, перелопатил тонну газет в «ленинской комнате». Причем, что характерно — почти всегда после самой

любимой для каждого без исключения курсанта команды — «Отбой», когда более дальновидные и мудрые товарищи, которые благоразумно и прозорливо предпочли «самоотвод» и политическое забвение, уже досматривали вторую серию сладких снов. А ответственный и польщенный оказанным ему политическим доверием Виктор тем временем, старательно и самозабвенно готовился к головокружительной карьере комсомольского активиста. Как он старался?! Как он готовился стать рупором глобальной перестройки и всеобщего ускорения, а так же еще многих подобных грандиозных и абсолютно бесперспективных, между нами девочками говоря, откровенно сомнительных и утопических идей?! Любо-дорого посмотреть!

И вот его звездный час настал. Серьезный Витя неспеша взгромоздился на высокую лакированную трибуну, с портретом незабвенного Ильича на фронтальной стороне, который искусно сотворили казарменные умельцы из кусочков разноцветного шпона различных пород дерева. Ушастый докладчик собрался со своими гениальными мыслями, медленно выпил полстакана воды, пару раз степенно прокашлялся и принял очень солидный вид. Он долго и обстоятельно пролистал все свои заранее заготовленные бумажки, при этом беззвучно шевеля толстенькими губами, еще раз прокашлялся и начал читать свой актуальный доклад о постоянном и неуклонном усилении руководящей роли партии в сложной политической обстановке текущего времени, при новом угрожающем витке всеобщей гонки вооружения в современном мире.

С началом сурового повествования о повсеместном обострении классовой борьбы на планете Земля, уши Виктора сразу же стали выполнять роль импровизированного сурдопереводчика — переводчика для глухих, изъясняющегося при помощи языка жестов.

Одновременно с первыми звуками голоса своего хозяина, уши курсанта Копыто заметно напряглись, приняли полную боевую готовность и сразу же предательски зашевелились. По мере продолжения увлекательного доклада, стремительно увеличивая амплитуду своего хаотического движения, верхние кончики Витькиных ушей начали активно выписывать в воздухе различные высокохудожественные фигуры — от эллипсов и параллелепипедов до восьмерок и различных завитушек. Они — уши, реально двигались по очень сложным и замысловатым траекториям.

Еще первая фраза из уникальной, очень важной и, несомненно, своевременной речи не была окончена, как в помещении казармы уже носилось многоголосое эхо

громоподобного хохота. Вторую реплику наше уважаемого докладчика уже никто не услышал. Все присутствующие на собрании тупо давились от лавинообразно распространяющихся приступов неудержимого смеха.

В результате, комсомольское собрание было просто банально сорвано из-за непрекращающейся массовой истерики у всех его участников, включая суровых проверяющих офицеров из политотдела училища, которые буквально сползли от хохота под столы президиума, покрытые огненно красным кумачом, где бессовестно ржали до слез, разбрызгивая слюни в разные стороны. Вот так, фактически не успев начаться, неожиданно закончилась перспективная и многообещающая политическая карьера нашего ротного клоуна Вити Копыто.

После такого грандиозного… провала или успеха, мнения в роте радикально разделились, никогда неунывающий курсант Копыто целиком и полностью посвятил себя учебе и боевой подготовке.

В целом, Виктор был успешный ученик и бесценный собеседник. Любой, даже самый строгий и предвзято настроенный офицер-экзаменатор сразу же забывал номер билета, и входящие в него вопросы, а возможно даже и само название учебной дисциплины, по которой проводился данный экзамен или зачет, в тот самым момент, как только курсант Копыто выходил отвечать на экзаменационный билет.

При своем ответе на вопросы билета, Витя непроизвольно и потешно хлопал ушами как добродушный слон после купания или — как корова, лениво отгоняющая назойливых мух. Огромные лопухи Витеньки дергались, мелко вибрировали, оттопыривались в разные стороны и плотно прижимались к его черепушке с копной непослушных желто-соломенных волос. Причем все это происходило с такой интенсивностью и амплитудой, что собеседник обычно сразу терял разумную нить разговора и вообще любой интерес к самой беседе, и согнувших пополам от неумолимо накатывающего приступа кишечных коликов, начинал следить только за хаотичным движением ушных раковин на голове Виктора.

В результате, утирая слезы умиления и поросячьего восторга, рыдающий и временами заходящийся в истерике экзаменатор, всегда прерывал ответ Виктора на полуслове и просил его незамедлительно покинуть аудиторию, опасаясь за свой рассудок, пошатнувшийся интеллект и состояние здоровье в целом. Оценка за экзамен всегда была положительной независимо от уровня знаний курсанта Копыто. Более того, следует отметить, что Виктор был твердым хорошистом, имея в своем активе в

большинстве — оценку в 4-ре балла.

При малейшей попытке экзаменатора поставить Вите удовлетворительную оценку, курсант Копыто начинал настаивать на продолжении своего ответа и парочке любых дополнительных вопросов. Преподаватель, обычно опасаясь получить себе гарантированную паховую грыжу из-за длительного и неконтролируемого смеха, сразу соглашался в одностороннем порядке авансом повысить оценку проверяемого и, уже теряя способность разговаривать, не переставая давиться от непроизвольного смеха или расплываясь в широченной улыбке — а-ля-Буратино (от уха до уха) жестом выставлял Виктора за дверь.

Самое любопытное и смешное — Виктор еще имел наглости искренне возмущаться, что его якобы не дослушали и вследствие этого, банально недооценили, занизив экзаменационную оценку при потенциально отличном и исчерпывающем ответе.

Наш друг был, несомненно, уникальной личностью. Постоянное общение с ним доставляло истинное удовольствие. Уверяю вас, картина была просто уморительная.

Причем, сам Витя авторитетно утверждал, что эта уникальная способность — шевеление ушами, присуща всем членам многочисленного и великого клана Копыто, проживающего как в самом знатном городе Пилопедрищенске, так и за его пределами. Этим даром владеют все люди, носящие фамилию Копыто — от близких родственников, до самых дальних отпрысков и различных случайных внебрачных ответвлений.

Уши — это фактически знак качества, своего вида родословная, передающаяся по наследству в древнем генеалогическом древе Копыто, как экстерьер у породистых собак.

Поэтому, чего скрывать, мы регулярно и достаточно активно пользовались таким неожиданным подарком суровой военной судьбы. Когда у нас не было позитивного настроения, и обрыдлая монотонная курсантская жизнь казалась полным беспросветом, ребята частенько просили Виктора помахать ушами или подрыгать ими в такт какой-нибудь общеизвестной популярной мелодии. Если Витя сам был не в настроении и отказывал нам в дружеской услуге, то достаточно было парой отточенных реплик завести этого неуравновешенного по натуре «холерика» и бесплатный концерт был гарантированно обеспечен.

А Витя заводился легко и просто — с пол-оборота. Он старательно пыхтел, как старый дизель, потешно душ щеки, пускал слюну, напряженно сдерживаясь из последних сил. А в это самое время его уши, предательски выходя из повиновения хозяину, самопроизвольно начинали отбивать джигу или задорную чечетку, на радость нам — охламонам в курсантских

погонах, мгновенно и гарантированно выводя нас из самой глубокой и затяжной депрессии. Спасибо тебе дружище за огромное количество радости и всепоглощающего позитива, щедро подаренного тобой за все время нашей совместной учебы и продолжительной нелегкой службы.

Однако стоит отметить, что самому Виктору данный подарок судьбы был откровенно в тягость. И он в задушевных беседах с товарищами, время от времени искренне сокрушался по поводу своей неожиданной исключительности и жалобно клял свою судьбу, которая по его словам могла бы наделить его более полезным и нужным достоинством. В принципе, его можно было понять. На малой родине, в Пилопедрищенске, все жители городка или уже привыкли к такой особенности рода Копыто, либо сами принадлежали к его многочисленным ответвлениям. Но, в военном училище, данное уникальное явление было настоящей достопримечательностью и постоянным поводом для гордости всего 45-го нашего классного отделения, всей 4-й роты соответственно и 1-го батальона в целом.

Да что там говорить, однажды, мы пытались выдвинуть Виктора в комсомольскую агитбригаду, чтобы он ездил с концертами по враждебным училищам нашего военного гарнизона и выступал с номером оригинального жанра: «Художественное шевеление ушами под ритмы популярной музыки». Не прокатило, так как наш бронелобый замполит (6-ть см. лобовая кость, остальное — затылок) — образцово показательный марксист-ленинец, на просмотре генерального прогона этого номера так долго и бессовестно заразительно хохотал, что его пришлось обильно отпаивать водой. В результате, извели не один графин, а Виктора срочно убрали со сцены и с глаз высокого начальства. Так как одного его присутствия в поле зрения замполита, было достаточно для продолжения длительного приступа неудержимого гомерического ржания у вечно угрюмого и брюзжащего офицера. Причем постоянно всем недовольного и высокомерно — брезгливо смотрящего на курсантов заплывшими жиром глазками.

В результате, когда несанкционированная и продолжительная истерика у политического полковника, наконец, закончилась и к нему вернулась способность трезво оценивать окружающий мир, он посчитал, что более гуманным будет не выпускать Виктора на большую сцену и не подрывать боеготовность наших братских училищ.

Красномордый полковник разумно прикинул, что ракетчики и ребята из внутренних войск, увидев такое чудо, будут хохотать до истерики, до кишечных коликов и массового недержания мочи,

а может и того хуже. А это уже — вредительство, диверсия и подрыв боеготовности страны и как следствие — особый отдел, военный трибунал, сорванные погоны и позорное увольнения из рядов Красной армии после долгих и безупречных лет службы, и возможно, даже — без пенсии. Инстинкт самосохранения у полковников из политотдела всегда был весьма развит. Не поспоришь, факт.

Наша инициатива о продвижении Виктора в артисты и на большую сцену категорически не прошла. А жаль, такой талант загубили! Да, что там?! Талантище!

Если читатель помнит, то Виктор Копыто, желая приблизиться к своему кумиру — Валере Гнедовскому и встать с ним в один уровень как великий и опытный борец классического стиля, методично достал нас всех своим бесконечным нытьем и прошел через секретную процедуру поломки хрящика ушной раковины — торжественный обряд посвящения в секретный клан классических борцов. В результате этого действа, в движении его ушей нарушилась синхронность, и появился явный дисбаланс. По нашему общему мнению, от этого, мимика Виктора только выиграла. Он стал еще смешнее дергать своими внушительными ушами, но уже — в разнобой, с некоторой временной задержкой и погрешностью в чистоте исполнения тех или иных фигурных элементов при выполнении произвольной программы своих показательных выступлений. Довольны были все, кроме Виктора.

И вот однажды, Витя задумал радикально изменить свою судьбу. В тайне от нас, он посетил единственный в миллионном уральском городе салон красоты, где пластический хирург, после того как взял себя в руки и перестал ржать после осмотра такого уникального пациента, провел Вите одну операцию и перекроил правое ухо. Цена вопроса — 80 рублей. В то время, это была месячная зарплата молодого инженера. Как Витя смог накопить такие колоссальные деньги, для нас была полная загадка. Денежное довольствие курсанта военного авиационного училища было в районе 9-15 рублей в месяц. Щедро, не так ли?! Хотя, не будем гневить бога, на редкое посещение кино или на незабываемый поход в легендарную пельменную «Минутка», для поедания ставшей уже стандартной, тройной порции уральских пельмешков, в принципе хватало. Но, не более того.

Тем не менее, из города Виктор вернулся с внушительной повязкой на голове. Его зимняя шапка не налезала на эту объемную конструкцию из бинтов и нахлобучивалась только на самую макушку его черепа. В результате, курсант Копыто все две недели спал исключительно на левом боку. На любые наши вопросы, он тупо нес какую-то околесицу, причем, каждый раз

разную и абсолютно бредовую и мы, посовещавшись, решили оставить его в покое. Захочет — сам расскажет.

Но когда наступило время «Ч» и бинты были, наконец сняты, мы повеселились от души. А признаться, причина этому была очень веская. Правое ухо Виктора после профессиональных манипуляций пластического хирурга, из огромного и оттопыренного лопуха превратилось в маленькое аккуратное высокохудожественное изящное ушко — мечту любой, даже самой помешанной на своей гламурной внешности девушки-капризули. Зато левое ухо, оставалось в своем первозданном и нетронутом великолепии.

С разными по форме и величине слуховыми аппаратами, Витя Копыто выглядел не просто комично, он был потрясающе живописен. Сдерживаться от смеха было вообще нереально и, стены казармы регулярно сотряслись от дружного гогота курсантских глоток, стекла отчаянно задребезжали и не лопнули только потому, что суровая уральская зима снаружи наморозила на них толстенный слой инея и льда.

— Витя, ты что натворил?! Ты как посмел такую красоту испортить?! Дубина, что мы то делать будем?! Такой редкий дар загубил, весь талант свой, 8-е чудо света под нож, под скальпель! Эх, остается только с тоски повеситься!

— Мои уши, что хочу, то и делаю. Имею право.

— Согласен, имеешь. Но ты в зеркало, когда в последний раз смотрелся, чудо пластической хирургии?! Ты же несимметричный весь!

— Временно это, временно.

— Тебе же срочно надо на все документы перефотографироваться. Твой портрет явно не сходится с документами, поверь на слово, чудовище перекошенное. Тебя любой патруль сразу запишет, можешь не сомневаться. Ибо твой наружный облик не совсем соответствует а, точно говоря — совсем не соответствует фотокарточке курсанта Копыто в военном билете.

— Когда второе ухо сделаю, тогда и перефотографируюсь.

— А может ты совсем и не Витя Копыто, а шпиён какой?!

— Да ладно, парни. Я это, я! Собственной персоной.

— Чем докажешь? Не смогли в Лэнгли парня похоже найти, да еще чтобы ухами махал как Витя наш всеми любимый, вот и заслали казачка внешне похожего. А чтобы народ не догадался, уши ему и попортили. Перекроили и переиначили. Нет, мол, такой возможности ушами дрыгать и все тут. Была, да вся вышла! А ну колись вражья морда, куда Витьку нашего девали?

Витя Копыто, не понявший нашего незатейливого юмора,

испуганно выпучил свои глаза и начал эмоционально оправдываться. Его левое ухо, временно избежавшее тесного знакомства со скальпелем пластического хирурга сразу начало выписывать всеми любимые и знакомые кренделя, правда, в гордом одиночестве, так второе ушко осталось недвижимым.

— Да вы что парни?! Я это! Вон родинка у меня на мошонке в форме чернильной кляксы, посмотрите!

Витя вскочил и начал быстро расстегивать свои галифе, призывая всех ребят принять самое активное участие в его опознании и идентификации.

Толпа курсантов развеселилась еще больше, желающих лицезреть мужское достоинство курсанта Копыто в непосредственной близости почему-то не нашлось и сторона обвинения в подлоге и подмене, сразу пошла на мировую.

— Ладно, все верю, убедил! Ты это, ты, несомненно! Вон как твой лопух слева машет, того и гляди от земли оторвешься и взлетишь с правым креном. А чего сразу два махолета не подрезал?! Да не суй мне под нос свою мотню волосатую, не буду я твою родинку смотреть! Ее кстати и нарисовать можно. Да оденешь ты галифе или нет?! Не тряси своей сосиской. Отстань противный.

— Ну, во-первых, сразу два уха не делают. Я же спать стоя не умею, не слон там какой, и не лошадь этого, как его, При…, Пре…, Переживальского. Во! Ну и фамилия, язык сломаешь. Чего переживать то, кстати? Смени фамилию и живи себе, радуйся! А то — Пе-ре-живальский, бред какой-то. Ну вот, короче — деньги. Именно в них и проблема. Деньги!

Витя картинно похлопал себя по всем карманам и чмокнул языком.

— Во-первых, я уже сказал, а во-вторых, денег на два уха не хватило. Банально (Витя эффектно вставил красивое словечко) не хватило. Дорого! Только на одно и хватило. Мда, 80 рубликов, не шутка.

— Ну и что дальше? Домой отпишешь, типа — дорогие папа и мама, срочно вышлите телеграфом 80 рублей, надобно портрет поправить.

— Не, домой нельзя, я хочу до отпуска и второе ухо сделать. Сам. Чтобы домой так — нежданчиком, раз — и сюрпризом. Я, ребята на вас надеюсь, помогите, а? До отпуска полтора месяца, а после операции надо 14-ть дней ждать пока хрящики срастутся и отек спадет. Времени совсем не осталось, не успею я. Помогите парни! Не гоже мне таким кривым оставаться, нам ведь по 9-ть рублей (сержантам — 12–15 рублей) в месяц заботливое государство платит, я вам за год все отдам! До копеечки.

Витя так искренне и жалобно скорчил свою умильную рожицу, что его левое ухо, еще не потерявшее свою уникальную способность дрыгаться, самопроизвольно и по-честному отработало показательную программу по сбору милостыни. Мы, в очередной раз, давясь от смеха и осознавая, что Витька хоть и законченный чудак на букву «М» и редкостный обалдуй, но это наш родной и всеми любимый обалдуй и дурачина. А своих ребят, мы в «биде» — версия Копыто, никогда не бросаем.

Все ребята быстренько порылись по карманам причем, прошу заметить, чаще всего — именно по своим карманам, пустили шапку по кругу и без труда набрали нужную сумму.

Витя искренне и трогательно благодарил всех сразу и каждого в отдельности. Он, медленно двигаясь по проходу между кроватями в спальном помещении роты, подходил к каждому парню и, проникновенно заглядывая в глаза, долго тряс руку, выражая свою искреннюю признательность. Витя был искренне тронут нашим теплым к нему отношением. Чего уж там, курсант Копыто чуть не плакал от умиления и нахлынувшей нежности и благодарности, а мы еле сдерживали приступы хохота, глядя как предательски шевелиться его огромное левое ухо.

Особо слабонервные ребята, нетерпеливо вырывали свою руку из ладоней Виктора и выбегали в коридор где, заскочив за угол, сгибались пополам, бессовестно и громко ржали почти до истерики, катаясь по идеально натертому до зеркального блеска полу. Кое-кто, даже бился головой об стену! Витя, прости!!! Но это было выше наших сил. Витенька, если бы ты мог увидеть себя со стороны…?!

Командование училища пошло навстречу курсанту Копыто и предоставило ему внеочередное увольнение в город для посещения пластического хирурга в «Салоне красоты».

Через пару недель с Виктора сняли вторую повязку, и он предстал перед нами во всей красе — с идеальными маленькими аккуратными и розовенькими ушками. Очевидно, врач-пластик привык иметь дело с капризными дамочками и, удовлетворяя их прихоти, набил руку на конвейерном производстве женских ушек изысканной формы, а Витя был единственным мужиком, кто заморочился такой проблемой.

В результате, Витя Копыто получил комплект превосходных, аккуратных, симметричных, идеальных, миленьких, сексуальных женских ушек. Для полной красоты которых не хватало только пары золотых сережек с бриллиантами.

Это был полный пипец! Представьте — конопатая, губастая, носастая, волосатая физиономия и такие миниатюрные декоративные ушки, которые украсили бы любую девочку.

Декаданс, моветон, абсурд и еще весь набор умных слов, смысла которых в полном объеме мы никогда не понимали, мощным потоком вылился в эти самые новенькие гламурные ушки Виктора.

Но сам Витя был очень доволен. Его новые уши больше не торчали шире его плеч и не возвышались выше макушки черепа, и что самое главное, при разговоре хозяина, они оставались абсолютно неподвижными. Виктор каждую свободную минуту бежал в бытовую комнату где, уткнувшись своим гнусавым носом в огромное зеркало, любовался несравненной и писаной красотой.

Незаметно приблизилось время экзаменов, Копыто успешно сдал зимнюю сессию и в хорошем расположении духа, предвкушая неизбежный фурор от своего эффектного появления в родном доме, почти ни с кем не простившись, включив форсаж, умчался в отпуск на свою историческую родину. Разъехались и остальные ребята.

Отпуск пролетел как всегда скоропостижно, фактически одним днем. Основная масса ребят провела его, вообще не приходя в сознание. На дворе была перестройка и шла очередная активная и непримиримая борьба с пьянством и алкоголизмом, поэтому поймите правильно и сделайте соответствующие выводы. Народ отрывался, как мог — будто при неминуемом конце света.

И вот, вытряхиваясь из автобуса маршрута № 12, курсанты 3-го курса обучения лениво и собрав в единый кулак силу воли, нехотя брели в сторону КПП родной альма-матер. А навстречу нам бежал крайне возбужденный Витя Копыто. На все наши удивленные возгласы, приветствия, реплики и комментарии, что он ошибся направлением и отпуск сегодня закончился, а Пиночет уже давно заждался и изнемогает от нетерпения и неразделенной страсти, Витя только раздраженно отмахнулся рукой и запрыгнул на подножку отъезжающего в сторону города автобуса. Мы удивленно переглянулись, недоуменно пожали плечами и продолжили свой обреченно неторопливый путь к воротам училища, рядом с которыми гордо вздымался в небо памятник замечательному и легендарному самолету МИГ-21.

Вечером в казарме после ужина, прямо перед вечерней поверкой появился расстроенный «в розовые сопли» Витя. Весь его внешний вид говорил о том, что он находится в крайней степени отчаяния и сама жизнь со всеми ее многочисленными позитивными проявлениями ему уже не в радость. Безнадега!

Курсант Копыто устало рухнул на табуретку, и устало склонил голову. На его щеках явно просматривались многочисленные следы, и дорожки недавно высохших слез.

Ребята моментально и плотно обступили нашего бедолагу, и молча стали ждать. Зная темперамент Виктора, ждать нам нужно было не очень долго — совсем недолго, всего ничего. И оправдывая наши надежды, он вскоре заговорил.

— Меня дома не приняли. Говорят, что я — не я! Говорят, что меня в армии подменили, что настоящий Витька погиб или в Афганистан отправили, а меня в подмену прислали. Меня мама не узнала, отец чуть по морде не набил и с крыльца не выбросил. Такие дела. Я ведь когда приехал, то дверь тихонько своим ключом открыл и вошел, все как раз дома были, я не раздеваясь, и завалил на кухню. Как я шапку снял, мама сковородку с котлетами на пол уронила, а батя за топор схватился, только собака признала, ластиться стала. Когда я им про операцию рассказал, еще хуже стало. Батя кричит: «Ты — не Копыто! Отступник, предатель!» И в рыло все норовит мне кулаком заехать. Маманя его еле оттащила, а сама все две недели моего отпуска проплакала. Как на меня посмотрит, так сразу и плакать. Родичи пришли проведать, посмотрели на меня, даже за стол не сели. По городу слух прошел, что я — не я! Из дома весь отпуск почти не выходил, хреново дело. А куда пойдешь, когда все окна закрывают, когда я здороваться пытался. Пошел вечером на танцы, все от меня шарахаются как от прокаженного. Девчонки носы воротят, даже самые отвратные кобылы. Парни чуть в челюсть не заехали и в бубен не настучали. Совсем не уважают. Беда! Из дома уезжал, батя в мою сторону даже не посмотрел, только сплюнул с досады, а мама 200 рублей тайком сунула и шепнула, мол, взад вертай ухи свои, тогда отец отойдет — простит, значит. Вот так две недели только с собачкой и разговаривал, лишь она родимая меня и признала.

Витя сделал небольшую паузу, тяжело вздохнул и, пустив скупую мужскую слезу (очевидно, к этому времени, все уже закончились), и горестно продолжил.

— Приехал в город, бросил в казарме вещи и бегом в клинику, а этот козлина пластический и говорит: «мол, сделать ничего нельзя, хрящи мои лишние, что с ушей срезали, давно выкинули. Нарастить невозможно. Урезать?! Легко, хоть под ноль — это пожалуйста, а возвернуть как было, да еще, чтобы двигались, так фиг тебе!» И еще бумагу мне в нос пихает, где я расписался, что претензий не имею и всем доволен. Беда! Что делать то? Посоветуйте парни!

— А что делать то?! Нечего делать! Ты когда эту аферу скрытно от своих друзей-товарищей мутил, у нас советов не очень то спрашивал, а теперь посоветуйте. Что тут насоветуешь?! Ну, раз обратного пути нет, живи с тем, что имеешь. Не трогай

больше ничего, пока еще хуже не сделалось.

— Ребята, а может вытянуть как-то можно, а? Вон ведь Саньку Полимонова вытянули же, почти на 8-мь сантиметров вытянули (это отдельная история о большой и чистой любви), а мне то гораздо меньше надо. А ушные мышцы я сам накачаю, ей-ей накачаю! Зашевелятся родимые, как миленькие зашевелятся. Еще лучше прежнего заработают.

Копыто еще долго стенал, рыдал, жаловался на несправедливую и жестокую судьбу, в отчаянии бился головой о прикроватную тумбочку, его оттаскивали. Тогда, он пытался грызть двухъярусную металлическую кровать, его опять оттаскивали. Витя картинно заламывал руки и жалобно скулил.

Долго ли, коротко, но общими усилиями, мы, наконец, убедили Виктора в невозможности вернуть его первоначальные уши вместе с безвозвратно потерянным уникальным даром непревзойденной их подвижности. «Имеющий — да не ценит, потерявший — плачет». В результате Витя смирился и направил все свою энергию на восстановление пошатнувшихся родственных связей.

Финал этой истории был следующим — Витя старательно извел не один кубометр бумаги для написания покаянных писем на свою малую родину в Пилопедрищенск, умоляя всех своих многочисленных родственников принять и возлюбить его такого, какой он есть, и помочь ему убедить своего сурового и непреклонного отца, чтобы он сменил гнев на милость. А еще лучше — в перспективе, простил сына своего неразумного и заключил его в свои объятия.

Стоит отметить, что вода и камень точит. Его титанический труд не прошел даром, суровое отцовское сердце со временем оттаяло, и Витя получил официальное родительское прощение.

А когда пришло долгожданное всеми время надеть золотые лейтенантские погоны и выпускаться из родного училища, то из Пилопедрищенска приехал многочисленный десант клана Копыто.

Вот тут уже веселилось все училище поголовно. Такого количества людей с шевелящимися ушами, мы больше не встречали нигде и ни разу.

29. Городской патруль

— Так! Так, так, так! — майор-ракетчик смотрел на нас снизу вверх. Он был очень маленького роста, в районе 160-ти сантиметров (с нижней границы), в фуражке несколько выше естественно, а если в прыжке, то вообще — видный гренадер, а так — толстенький и лысенький коротышка — этакий Колобок. Его ножки, обутые в хромовые сапоги, смешно торчали из необъятных галифе, как две тоненькие спички. Длиннющая портупея еле сходилась на внушительном брюхе. Создавалось впечатление, что у майора под кителем в районе живота висит внушительный рюкзак, набитый продуктами питания.

Майор был откровенно смешон и честно говоря, нам совсем не нравился. Нам — это составу гарнизонного патруля. И самое противное, что наше мнение об этом майоре никто не спрашивал и в расчет не брал. В армии есть железное правило: «Командира не выбирают, а назначают. Так что неважно, нравится, не нравится — ложись моя красавица!»

На ближайшие 12-ть часов, этот великий воин, станет нашим начальником — начальником гарнизонного патруля.

В составе патруля — я и Лелик, курсанты училища ВВС. По разнарядке, полученной из военной комендатуры, нас выделили для несения службы в качестве патрульных, а начальника назначили уже на разводе во дворе напротив гарнизонной гауптвахты. Ребята мы немаленькие, под 190 см. и наш колобок-начальничек явно закомплексовал перед своими громадными подчиненными. Чтобы посмотреть нам в глаза, майору приходилось неестественно задирать голову. При этом его огромная пижонская фуражка, явно шитая в «левом» ателье, плохо держалась на абсолютно круглой и лысой голове офицера (трение об волосы отсутствует, поймите правильно) и постоянно сваливалась на бок, смешно зависая на его маленьких, но оттопыренных в разные стороны ушках.

Нам приходилось постоянно скрывать свои непроизвольные улыбки, делать супер серьезный вид и благоговейно ловить каждое слово из многочисленных и однотипных но, тем не менее, очень ценных указаний нашего вождя во время проведения им традиционного и занудного инструктажа.

В принципе, указания были просты и предельно понятны — ловить всех и каждого, но повторил эту стандартную для любого патруля задачу наш новоявленный начальник не менее десятка раз: «Ловить, ловить и ловить. Чем больше, тем лучше».

Ибо у майора есть план, в случае не выполнения которого, он

клятвенно пообещал внести в список злостных разгильдяев и нарушителей воинской дисциплины нас с Леликом, причем с формулировкой: «за злостное пренебрежение своими служебными обязанностями и халатное несение патрульной службы», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тоесть вплоть до длительного содержания на гарнизонной гауптвахте, унылое и хорошо знакомое здание которой, находилось прямо перед нашими глазами.

Зря это он! Так сразу?! Ты не прав, майор! Нельзя угрожать своим подчиненным. Стимулировать можно и нужно, а угрожать не стоит. Непедагогично. Пагубно это. Практика доказала. Может быть, такой подход к людям оправдан в условиях ракетного училища, где этот ретивый колобок начальником какой-то учебной лаборатории трудится, кто знает, но мы с Леликом были из училища ВВС. И пугать и стращать нас, было абсолютно бесперспективно. Себе дороже.

Мы напряглись, насторожились и обиделись. Тут уже дело принципа, теперь точно рвать свою задницу в служебном порыве никто не станет. Все, пипец, весь наш энтузиазм и фанатичный настрой на образцовое несение службы сразу закончился. Именно уже на неграмотно проведенном инструктаже и закончился. Но ракетный майор об этом пока еще не догадывается, да и незачем ему это знать. Пусть надеется, что мы очень испугались и будем сейчас бордюрный камень от усердия грызть, копытом по асфальту бить, искру высекая, чтобы рвение свое всячески показывать. Ага, сейчас. Только разбежимся посильнее.

— Значит так! Слушай сюда! Патрулируем центральный проспект методом совершения возвратно-поступательных движений от городской набережной до центральной площади и всех военных — кто в форме значит, пишем! Всех пишем, пишем, пишем. Неважно, что боец умыт, подстрижен, побрит на 2-а миллиметра под кожей, воняет одеколоном за 7-мь метров, идеально поглажен и знает Общевоинские Уставы на зубок. Идеальных нет! Все, кто в форме — это однозначно разгильдяи и раздолбаи. Всех ко мне! Пока я пишу одного, вы не стоите столбами, а высматриваете других военных и активно рыскаете в постоянном поиске. Увидели голубчика с погонами! Все, не дожидаясь команды, вперед! Самостоятельно подходите к нему и говорите: «Вас вызывает начальник патруля!», а я тут сам разберусь! Все понятно?! Да, чуть не забыл, офицерье тоже тащите. Если кто-то станет убегать, догнать и приволочь мерзавца силой. Парни здоровые, скрутите. Мы его быстренько на гауптвахту определим, мне вот даже «Ромашку» выдали для оперативной связи с комендатурой. Если что, дежурную машину

пришлют.

Майор похлопал пухлой ладошкой по радиостанции «Ромашка», которая представляла собой сочленение двух внушительных по размеру агрегатов и убогой многосекционной антенны, вплетенной в плечевой ремень.

«Ромашка» всегда славилась своей тяжестью, неудобством применения, вечно дохлыми аккумуляторами и безобразной связью. Стоило зайти за угол здания, как два абонента уже не понимали друг друга. Проще было докричаться до Луны, чем наладить устойчивую связь на расстоянии более 100-та метров.

Ладно, хочет майор таскать этот металлохлам — его проблемы. Ему полезно попотеть и похудеть, а то вон как кожа на морде натянулась, того и гляди треснет.

Мы с Леликом, отключив сознание, внимательно слушали непрекращающийся инструктаж ракетного начальника, время от времени в произвольном порядке утвердительно кивая головой. Показывая всем своим серьезным видом, что полностью разделяем озабоченность начальника патруля о низком уровне воинской дисциплины в военном гарнизоне, в нашем городе, во всей армии и даже в стране в целом.

В результате инструктажа выяснилось, что пристальным вниманием и гиперпотенцией майора осталась не охвачена только наша планета Земля и ее ближайшие окрестности, но это было только делом ближайшего будущего. Майор азартно рвался в бой.

Этот истеричный инструктаж, временами переходящий в личные нападки и необоснованные обвинения в адрес всего военного сообщества в целом, продолжался без малого 12-ть часов — все время нашего совместного дежурства. Короткие паузы в нравоучениях удивительным образом совпадали с перерывами на прием пищи и на то время, когда майор увлеченно и азартно записывал в «черный список» очередную жертву.

Правду говорят более опытные военные товарищи: «С сухопутными и «помидорами» что-то не так?!» Общение с ракетным майором, полностью подтвердило этот незыблемый в ВВС постулат. Действительно, вроде все как у людей — две руки, две ноги, объемная тушка по середине, одна голова, сверху военная форма. Но вот содержимое головушки вызывает смутное подозрение и явные опасения о наличии мозга в черепной коробке. Не закостенел ли он, не атрофировался?! Ибо, поведение данных ребят, мягко говоря, не совсем адекватное.

Итак, работа закипела. Мы вышли на центральный проспект города, где пересекались все маршруты движения наземного транспорта, люди совершали пересадки с одного автобуса на

другой, с трамвая на троллейбус и так далее.

Вот прямо здесь на остановках общественного транспорта, майор развернул массовую перепись военного населения города. Он истово писал всех и каждого. За дело и просто до кучи — для количества, обвиняя бойцов чуть ли не в предательстве Родины. Писал поголовно — солдат, курсантов, прапорщиков и молодых офицеров. Возле него выстроилась огромная очередь из кандидатов на занесение в «черный список».

У майора-ракетчика не было ничего святого. Он выдергивал ребят из объятий девушек, снимал с подножек автобуса. Двух солдатиков записал за «не отдание» воинского приветствия патрулю, когда они, выходя из троллейбуса, выносили огромные сумки какой-то немощной бабульки. Молодой румяный лейтенантик пополнил список за аналогичное преступление когда, прогуливаясь с красавицей женой и маленьким ребенком, толкал впереди себя детскую коляску.

Нам с Леликом было противно не только участвовать в этом безобразном действе, но и даже находиться рядом. Красная повязка с надписью «Патруль» на левой руке была как позорное клеймо. Всем своим видом мы старались показать окружающим людям, что не имеем ничего общего с этим разбушевавшимся коротышкой откровенно исходящим на желчь.

А майор тем временем упивался своей властью. Его надутые щеки покрылись землистым румянцем, по лицу стекал обильный пот, глаза безумно блестели, он визгливо отчитывал каждого записываемого и злорадно хихикал. Было такое впечатление, что этот глубоко закомплексованный человечек мстит всем окружающим его военным за свою ничтожность, за малый ростик, за непомерно толстую задницу, за блестящую потную лысину, да мало ли еще за что. Но мстит, причем с какой-то патологической жестокостью. Я стыдливо отводил глаза от прохожих, которые с открытой укоризной и явным неодобрением смотрели на нашу отвратную компашку.

Пока я старательно отворачивался от презрительных взглядов гражданских людей и с нескрываемым интересом и отчаянной тоской наблюдал за движением редких облаков в голубом небе, багровый от стыда Лелик молча метнулся в толпу. Честно говоря я не ожидал, что мой друг ранее незамеченный в проявлении садистских наклонностей, так легко впитает в себя чужую озлобленность на весь окружающий мир и добровольно примкнет к этому мерзкому шабашу и вакханалии. «Власть — это зараза!!!», — подумалось мне. Но вскоре я все понял. Лелик рискнул и сделал гениальный ход.

Проталкиваясь сквозь толпу военных «желающих записаться»

к майору подходил разраженный полковник, причем полковник-ракетчик. Вызванный Леликом и скорчив брезгливо-недовольную гримасу, он угрожающе приближался к начальнику патруля. Он не просто приближался, точнее, будет сказать — он угрожающе надвигался, как массивный ледокол надвигается на жалкую льдинку.

— Товарищ майор, у Вас какие-то проблемы?! — полковник пренебрежительно обошел длинную очередь из испуганно грустных вояк, обреченно ожидающих своей участи.

Майор нехотя оторвался от увлекательного занятия по наведению воинской дисциплины и удивленно уставился своими маленькими поросячьими глазками на разгневанного полковника. Тот, постепенно увеличивая громкость своего голоса, продолжил.

— Вы что товарищ майор, забылись?! Или Уставы плохо знаете?! Кто Вам дал право вызывать к себе старшего по воинскому званию. Может, еще пальчиком меня поманите, свистом окликните или апорт как собачке бросите?! Ась?! Не слышу! Я сейчас же немедленно позвоню военному коменданту. Форменное безобразие! Да я Вас …

Майор захлопал заплывшими жиром глазками и мгновенно пришел в искренний ужас, на его лице менялись эмоции от подобострастной улыбки до противной мелкой трясучки. Его безвольная нижняя челюсть мелко вибрировала, сотрясая все три основательные складки на шее чуть ниже подбородка.

— Товарищ полковник! Уверяю Вас, это досадная ошибка! Просто какое-то фатальное недоразумение! Патрульный не правильно меня понял, он обознался и побежал не за злостным нарушителем воинской дисциплины, а за таким достойным и уважаемым офицером как Вы! Накажу! Ей-ей, накажу! Смешаю с дерьмом и съем сейчас же! Прямо здесь, съем, задрочу, заинструктирую, да я его… Простите меня пожалуйста! Это ошибка, недоразумение, накладка, недоработка, стечение обстоятельств, больше не повторится. Клянусь честью, слово коммуниста.

Пока шла эта занимательная беседа, к остановке подошел очередной автобус и гостеприимно распахнул свои двери. Толпа военных, стоявших в очереди на экзекуцию, мгновенно сориентировалась и решив не испытывать судьбу, массово уклонилась от процедуры переписи населения. Все вояки поголовно загрузились в салон автобуса и дружно поехали по маршруту № 11, независимо от необходимости и надобности лишь бы, куда подальше от бесноватого майора.

А майор вертелся ужом перед полковником, выказывая всяческую готовность почистить ему ботинки и погладить брюки,

вылизать пятую точку или еще чего, лишь бы погасить данный конфликт прямо здесь и сейчас. Колобок фактически валялся в ногах у сурового и оскорбленного офицера.

Через некоторое время полковнику надоело наблюдать за унижением и самобичеванием майора, он великодушно сменил гнев на милость и двинул по своим делам. Майор снял мокрую от пота фуражку, вытер испарину с багровой лысины и набросился на нас с упреками.

— Вы что, совсем охулели?! Уже полковников притаскиваете. Для вас что, совсем авторитетов нету?! Это же ПОЛКОВНИК!!!!! Целый полковник, а не какой-то там кусок дерьма!!! Ну, писец, дали двух кретинов из ВВС!!! Полковник — это… полковник!!! Зарубите себе на носу, идиоты! Уф, чуть не пропал из-за вас ни за что!

Мы сразу дружно включили «дурака» и ушли в глубокую защиту, показывая свою природную тупость и ограниченность в умственном развитии.

— Дык! Товарищ майор, Вы же сами сказали всех без разбору тащить, включая товарищей офицеров. Вот и перестарались, токмо из-за усердия и желания Вам угодить, старание проявили и служебное рвение, дабы выполнить Ваше ценное указание. Вот! Да, что там полковник?! Да, для Вас, товарищ майор, мы не то, что полковника, генерала притащим! Да, генерала! Да, точно, даже не сомневайтесь! Только прикажите! Правда, мало их в гарнизоне, всего четыре штуки. Да и не просто их найти, они — генералы эти, в черных «Волгах» все больше ездят, но если надо, то из машины вытащим! Скрутим и вытащим! Да уж! Только прикажите, товарищ майор!

Майор от изумления выпучил маленькие глазки и с явной опаской посмотрел на наши тупые, но решительные физиономии. Он долго пускал слюну, захлебываясь от переполняющих его эмоций и, наконец, промямлил.

— Вы это! Того, поменьше фанатизма. Я понимаю, в армии рядовой обязан выполнять приказ командира не задумываясь, точно, качественно и в срок. Молодцы, конечно! Хвалю за проявленное усердие но, с полковником — это перебор. Перебор говорю! Полковник — это… это же ПОЛ-КОВ-НИК! Понятно?! Слушай сюда, внимательно! Устанавливаю ценз для офицеров — брать только младших офицеров до капитана, но не более! Ясно? До капитана! Это значит 4-ре маленькие звездочки и один просвет, понятно?! А лучше, ну вас от греха, стойте рядом! Будете бегать, когда я прикажу, понятно?! И самим ни шагу, ни-ни, все поняли?!

— Так точно!!!!!

С этой минуты, наряд для нас с Леликом перешел в пассивную стадию и продолжился в более спокойном режиме. Майор старался нас особо не трогать и не тревожить. От греха подальше. Он временами с явной опаской поглядывал на своих патрульных и обескуражено покачивал головой. Похоже, колобок уже сам был не рад нашему с Леликом присутствию и откровенно побаивался наших необдуманных действий, которые могли привести к непредвиденным и фатальным для него последствиям. Поглядывая в нашу сторону, майор в полголоса, практически еле слышно, отчаянно матерился, кляня двух дебилов из ВВС (типа нас с Леликом). Ну и хрен с ним, а наряд тем временем шел своим чередом.

Когда наш неугомонный начальничек записывал очередного жалобно оправдывающегося прапорщика, неожиданно из-за угла здания, прямо на ракетного колобка вывалился развеселый курсант нашего родного училища ВВС. Учитывая, что в этот день плановых увольнений в город не было, к бабке не ходить — парень был в самоволке. Без вариантов. Более того, его форма была расстегнута, а фуражка залихватски заломлена на затылок и держалась только на честном слове.

Надо отдать должное, заметив патруль, парнишка моментально сориентировался. Он развернулся на 180 градусов и молниеносно метнулся за угол. Но поздно! Майор увидел его маневр, и лихорадочно дописывая данные на очередного разоблаченного врага народа, отдал нам команду: «Фас!»

Ловить своих пацанов — самое последнее дело, но мы бодренько рванули выполнять приказ начальника патруля, который, мелко семеня короткими ножками, припустил вслед за нами.

Самовольщик бежал истово, показывая чудесную физическую форму, в которую принудительно вгоняли каждого курсанта нашего незабвенного училища. Худощавый парень просто летел над землей. Он красиво, шутя, легко и непринужденно уходил в отрыв от преследователей.

Честно говоря, мы с Леликом, особо и не старались догнать брата по крови. Бежали старательно, но неспеша — почти трусцой, к тому же штык-ножи, висящие на поясных ремнях, постоянно сползали вперед к начищенной до яркого блеска бляхе и больно били прямо по мужскому достоинству, а майор, с его внушительными носимыми запасами подкожного жира и сала, вообще был в безнадежных аутсайдерах.

И все было бы хорошо и замечательно, если бы юный самоходчик знал географию города. Но, парнишка был с первого курса обучения и по неопытности совершил непоправимую

ошибку — он свернул в неудачное место и забежал в глухой двор, в котором с двух сторон стояли глухие стены домов, а третью сторону венчал почти 3-х метровый бетонный забор.

Заметив опасно неправильный курс беглеца, мы пытались кричать летящему в мышеловку коллеге, но было поздно, майор тоже заметил ошибку самоходчика, и у него открылось второе дыхание, прижимая к своему брюху убогую радиостанцию «Ромашку», начальник патруля заметно прибавил в скорости.

Забежав во двор, мы увидели жалкую картину. Парень, оказавшись в каменном мешке, тщетно пытался допрыгнуть до края забора, в надежде зацепиться и перелезть через него. Заметив нас с Леликом, он перестал прыгать и жалобно залепетал.

— Ребята, отпустите, я же свой…

Мы, одновременно сдвинув штык-ножи за спину, подбежали к парню и, не теряя времени, молча подхватили его на руки. Не сговариваясь, на втором замахе, мы с Леликом сильно подбросили первокурсника вверх. Обалдевший от такого развития событий, самоходчик ясным соколом взлетел высоко в небеса, как будто его выстрелила пушка. Парень, отчаянно размахивая руками и хаотично дрыгая ногами, еле уцепился за кромку забора, чтобы по инерции не перелететь на другую сторону транзитом. Что ни говори, а запулили его в небеса знатно, от души, причем гораздо выше забора. Первокурсник только успел крикнуть: «Спасибо!» и сразу исчез на другой стороне двора, по ту сторону глухого забора.

Лелик тяжело дыша, прислонился спиной к забору. Я согнулся в поясе, уперевшись руками в свои колени. Мы устали и тяжело дыша, медленно приходили в себя. Лелик лениво ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Вот оно как! Наберут раздолбаев по объявлению, географию не учат, города совсем не знают! А мы тут катапультой работай! Сань, скажи, мы ведь не были такими беспросветными дятлами?!

— Угу.

— Куда катится армия?! Кто придет нам на смену?!

— Не говори.

— Ужас! Даже от патруля сбежать не могут. Представляешь?!

— Ага.

— И это, наша смена?! ВВС вымирает.

— Эх.

— Регресс! Мир обречен!

— Мда.

Пока мы переводили дыхание, после мощного импульса

затраченного на катапультирование нашего худосочного собрата по училищу, во двор, наконец, приполз или прикатился, кто его знает, красномордый начальник патруля. Он был уверен, что боец, находящийся в каменном мешке уже схвачен и, спешить ему, собственно говоря, уже некуда. Как же вытянулась в эллипс, его некогда круглая физиономия, когда в пустом дворе он обнаружил лишь только личный состав своего патруля собственной персоной и ни малейшего намека на злостного нарушителя воинской дисциплины.

— Это?! Как же? А?! Боец то где? Где курсант?

— Убежал.

— Куда?

— Через забор махнул и исчез.

— Как перемахнул?

— Как, как, к верху каком. Как бибизьяна, абрамгутанг вот, легко и со свистом.

— А вы что же?

— Мы?! А мы что?! Мы — не сайгаки какие, через заборы скакать или кургуру там, прости господи?! Увольте, товарищ майор, не приучены мы такие крендебубели выписывать.

— А он как смог? А?! Отвечать!

— А кто его знает?! Может, прыгун, какой. Мастер спорта там или кандидат чего-нибудь. В нашей бурсе всего в достатке, чемпионов всяких тоже. Мы же ВВС, у нас как в Греции каждой твари по паре или что-то вроде того! Короче, убежал и все! Нет его! Хоть стреляйте, нету. Самим обидно, бежали сколько, загнали, а его нету. Уф, заморились.

Майор подошел к забору, уперся в него ручонками, задрал голову и попытался допрыгнуть до верхней кромки. Не вышло. Он злобно сплюнул на землю.

— Узнать в лицо сможете?

— Куда там, мы только спину его и видел.

— А ну, подсадите меня.

Сказано-сделано, мы с Леликом неспеша подхватили офицера за толстые ляжки и приподняли максимально вверх. Колобок ухватился своими ручонками за шершавую кромку забора и попытался подтянуться, но не тут то было. Весовая категория не позволила ему взгромоздиться на верхнюю кромку забора и, слава богу, а то нам с Леликом потом пришлось бы снимать его оттуда.

— Все, опускайте меня, только бережно.

Мы осторожно и почтительно опустили ракетного колобка на грешную землю. Он еще некоторое время побродил вдоль забора, затем пару раз в приступе бессильной злобы пнул его, потом еще

звонко шлепнул себя ручками по ляжкам и обиженно сплюнул под ноги. Наконец майор смирился.

— Эх, только время зря потеряли. За мной, на маршрут!

Красный, потный и заметно воняющий майор потащился на центральный проспект города. Мы, немного отстав, двинули следом. Близилось время ужина. После долгой беготни, хотелось усиленного питания. Организм настойчиво требовал еды.

Учитывая, что обед в комендатуре был образцово противный, то ни я, ни Лелик, фактически не притронулись к зловонным помоям, которые радикально превзошли по отвратности всю ту дрянь, которой нас кормили в родном училище. Что ни говори, а гарнизонную гадость по такому показателю, как несъедобность, превзошел лишь только наш легендарный бигус, который не шел ни в какое сравнение с жалкими потугами безталантных поваров гарнизонной комендатуры. О, бигус! Его тайная рецептура хранилась в строгом секрете и была недоступна широкой военной общественности. И, слава богу. Тем не менее, есть хотелось нестерпимо и наши вечно пустые желудки начали успешно переваривать сами себя.

30. Две по три

Проходя мимо легендарной пельменной «Минутка» и сглатывая обильно набегающую слюну, мы дружно заканючили.

— Товарищ майор!!! Давайте зайдем, немного перекусим.

— В комендатуре поедите.

— В комендатуре кормят по солдатской норме, а мы — курсанты ВВС. Нам положен другой харч. Тем более, ужин уже прошел, пока мы тут с вами бегали. А там все самое вкусное уже сожрали, проглодиты или троглодиты вечно голодные. Если что и осталось, то холодное и несъедобное. А тут пельмешки, горяченькие, почти как дома. И порции солидные, сметанка, перчик, аджика, горчичка, соусы разные. Нуууу, товаааааарищ майор???!!!!

Майор остановился, задумчиво посмотрел на часы. Посмотрел на нас. До комендатуры надо было добираться более получаса.

— А ладно, пошли!

И мы ввалились в пельменную. Первого за кассу пропустили майора. Старший по званию! Начальник!

Колобок долго смотрел на большую тарелку для супа, в которой аппетитно дымилась внушительная порция пельменей. Майор подошел к кассе.

— Одна!

Розовощекая и приветливая толстушка в идеально чистом ослепительно белом халате быстро пробила чек, и наш начальник осторожно взяв глубокую тарелку горячих пельменей, пошел занимать место в зале. А мы с Леликом в это время решали очень важный глобальный вопрос — сколько же пельменей брать, чтобы потом два раза за добавкой не бегать.

Следом за нами в «Минутку» зашли студенты, погремев мелочью, они, спросив у нас разрешения, встали перед нами в очередь, так как, терзаясь в смутных сомнениях, мы никак не могли прийти к общему решению по объемам и размерам наших с Леликом порций. Студенты тем временем быстро продвигались к раздаче и дружно загалдели в районе кассы.

— Одну! Две по пол!

— Одну по две! Да, да, именно так.

— Две по пол!

— Одну!

— Три по пол! Одну!

— Одну и одну половинку!

Касса весело затрещала, добрая повариха шустро наполняла

глубокие тарелки горячими пельменями и выставляла их на раздачу. Те немногие, кто рискнул взять сдвоенную порцию, были приятно удивлены. Пельмени огромной горой возлежали на больших тарелках. Малейшее неосторожное движение грозило неминуемой потерей продукта. Сдвоенные порции наполняли суповую тарелку с большой горкой.

Потеряв остатки терпения и, изойдя на обильную слюну, мы, наконец, сошлись во мнениях и приняли непростое, но судьбоносное решение. Лелик решительно двинулся к кассе. Громадой своего мощного тела он закрыл зал от взгляда кассирши. Выложив деньги на красивое блюдечко, киевлянин спокойно произнес.

— Две по три.

Кассирша несказанно удивилась, ее добрые голубые глаза широко распахнулись, приветливая улыбка на румяном лице дрогнула, и она, замерев в нерешительности, не стала пробивать чек.

— Может, три по две?

— Нет! Две по три!

Добродушная тетка, как-то странно посмотрела на Лелика, она встала из-за кассы, выглянула в зал и внимательно посмотрела на меня.

— Точно?! Две по три?

— Да. Две по три.

Кассирша удивленно пожала плечами и пробила чек. Затем она обратилась к поварихе.

— Мариш! Сделай две по три!

— Оль, может три по две?

— Нет, Мариш, две по три! Клиент настаивает! Ты уж постарайся!

Из варочного цеха вышла не менее румяная повариха. Она с ног до головы осмотрела нас с Леликом, усмехнулась, тоже удивленно пожала плечами и ушла. В зале наступила тишина, стук вилок прекратился, аппетитное чавканье смолкло. Все посетители с интересом и нескрываемым любопытством смотрели как на нас, так и за дальнейшим развитием увлекательных событий.

Через непродолжительно время, из варочного зала выкатили тележку на колесиках. На ней стояли две большие глубокие эмалированные миски (почти тазики), заполненные пельменями.

Не знаю, как Лелик, но я сразу понял свою ошибку. Мы явно переоценили свои силы и вместительность своих желудков. Съесть это было невозможно. Просто, нереально! Но и отступать тоже было поздно. На кону стояла честь курсантов ВВС.

Но порции?! Порции были ужасающе огромны! Скорее всего, дамы из «Минутки» решили проучить двух наглецов и навалили пельменей от души, гораздо больше положенных трех порций.

— Сметанкой полить?!

Ласковый голос поварихи звучал заботливо-издевательски. Я не успел ничего пробормотать, как выступил Лелик.

— Ясень пень! Два раз по две порции! И хлеба еще!

— Хлеба??!!

В зале кто-то охнул. Повариха и кассирша перестали улыбаться. Я выпал в осадок. Есть, конечно, хотелось, но не до такой же степени. Хлеба????!!!! Лелик увлекся и переигрывал. Бежать было стыдно, отступать поздно, надо было приступать к знатному ужину. Окинув замерший в недоумении зал, мы пошли искать свободные места. Далеко обойдя стороной, стол с нашим дорогим начальником, я увидел как майор планомерно и жадно поглощал пельмешки, его хомячьи щечки мелко вибрировали.

Мы с Леликом сели за стол у окна и одновременно вытерли свои приборы о салфетку. Повариха прислуживала нам как заправская официантка, чего в «Минутке» отродясь не бывало. Лелик вытащил носовой платок, далеко не первой свежести и под удивленный шепот остальных посетителей кафе, солидно засунул его за воротник рубашки. Трапеза началась.

Полтазика каждый из нас, заглотил в первые пару минут. Ели жадно, почти не жуя. Голод, знаете ли, молодой растущий организм и все такое. Далее пошло труднее. У кассирши от увиденного сразу повлажнели глаза, и она, сдержанно всхлипывая, убежала в подсобку. Повариха героически стояла рядом, украдкой вытирая набегающие слезы своим ослепительно белым фартуком.

— Мальчики! Деточки! Сыночки! Где же вас так морили?!

— Бу-бу! Мня-мнян! Чвак-чвям! Уффф!!!

Повариха и вернувшаяся в зал кассирша с нескрываемой ненавистью посмотрела на притихшего и сразу съежившегося толстомордого майора. Все в зале повернулись к начальнику патруля и сверлили его недобрыми взглядами. Студенты смотрели на происходящее широко раскрытыми от ужаса глазами. Они явно и открыто испугались своего возможного призыва в ряды Красной армии. Испугались не по-детски. Теперь уже повариха не выдержала и громко зарыдала.

— Ой, мамочки! Вы приходите сюда почаще сыночки. У нас тут порции большие. Кафе студенческое, цены приемлемые. Приходите мальчики.

— Угу-мням! Ага-чвя!

Вкусная и калорийная пища поглощалась уже с непосильным

трудом и адскими усилиями, приходилось часто запивать молоком. Хлеб я уже не ел, только пельмени, игнорируя даже чудесную жирную сметану. Но Лелик не сдавался. Железный характер, уважаю!

Он солидно накалывал пельмень на вилку, густо макал его в сметану, посыпал молотым перчиком. Все это великолепие, он отправлял в рот и медленно пережевывал. Затем откусывал добрый кусок хлеба, который предварительно макал в блюдце с острой аджикой. Вид аппетитно жующего друга вызывал у меня приступы тошноты. Я тихо прошептал.

— Лелик, давай передохнем.

— Через пару пельменей.

— Может, доешь за меня?!

— Саня, держим марку!

— Я лопну или облююсь. Опозоримся!

— Спокойно, дыши глубже. Мы их сделаем. Еще добавку попросим.

Я чуть не упал со стула. Лелик сохранял полную невозмутимость, его движения были плавными и размеренными. Все в кафе, ждали развязку, включая тех, кто уже давно поел и мог уйти, но остался из чистого любопытства.

Ракетный майор нервно дожевывал последний пельмень. У нас в тазиках оставалось еще где-то штук по двадцать внушительных уральских пельменей. Было такое ощущение, что пережеванная и проглоченная пища уже не проваливается в желудок, а складируются где-то в горле, чуть-чуть ниже челюсти.

Мы с Леликом одновременно сделали паузу и максимально ослабили поясные ремни со штык-ножами, чтобы они не давили на желудок. Наши кителя натянулись в области живота, пуговицы врезались в петли. Только суровые армейские нитки, удерживали эту хрупкую конструкцию от разрыва, а наши раздутые животы от вываливания на стол. Мы, незаметно для окружающих ослабили ремни на трещащих по швам брюках. Пришлось даже расстегнуть ширинки. Толпа зрителей заворожено затаила дыхание.

Переглянувшись друг с другом, мы опять взялись за вилки. Толпа студентов жалобно застонала, повариха зарыдала с новой силой и опять убежала на кухню. Кассирша в который раз перестала выбивать чеки, изумленно глядя на процесс поедания пельменей.

Последний пельмень я вкладывал в свой рот уже в полуобморочном состоянии, вяло помусолив, я оставил его за щекой. Жевать и глотать пельмень, не было сил. Лелик держался молодцом, он смачно облизал свою вилку, промокнул последним кусочком хлеба остатки аджики и доел всю сметану. Виват! Так

их!

Когда, мы с ним, как два беременных королевских пингвина, медленно и осторожно протискивались в двери, выходя из кафе, нас остановила повариха. Она уже перестала плакать и протянула нам объемный пакет, замотанный в несколько слоев плотной упаковочной бумаги.

— Возьмите ребята, не откажите. Вы такие большие! Наверное, еще растете?! Вам питаться надо. Берите, берите!

На все наши слабые попытки отказаться, она не обращала внимания. Отказываться с большей убедительностью и гораздо активней, к сожалению уже не получалось, так как пельмени оставшиеся во рту и не поместившиеся в пищевод, мешали языку полноценно двигаться. Пока я что-то жалко мямлил, Лелик не стал долго капризничать и ломаться, а благодушно поблагодарил и взял пакет. Покинув гостеприимную «Минутку», мы опять оказались на своем маршруте патрулирования.

Последующее наше дежурство как-то не заладилось, откровенно говоря, мы потеряли мобильность. Со стороны наш патруль напоминал прогулку колобка-майора с двумя глубоко беременными военнослужащими. Наша походка и все движения были плавными, медлительными и очень пластичными. Так как нас мучила жестокая отдышка, то о беге не могло быть и речи. Иначе, можно было сразу лишиться своего драгоценного содержимого, которое медленно и нехотя переваривалось. Нас основательно и неудержимо тянуло в сон.

Тот вечер для всех военных нашего гарнизона прошел в относительной безопасности и спокойствии. Заметив нашу группу, военнослужащие заблаговременно меняли маршруты движения и скрывались во дворах и переулках. Мы их не преследовали, по причине полной невозможности ускорить свое равномерное и степенное передвижение. Майор отчаянно страдал, пассивный образ жизни был явно не для него.

По пути в комендатуру, майор, изучая свой список нарушителей, раздраженно сетовал.

— Вот незадача! 49-ть разгильдяев всего-то! Поймали бы того самоходчика, было бы ровно 50-т! Вот, что сейчас делать?! Может, Вас голубчиков записать?

— За что?

— За что?! За то, что армию позорите! Жрете, как будто вас 100 лет не кормили. Что, самые голодные? Да?!

— Да, голодные! Еще бы чего перекусили, но деньги кончились. Порции маловаты, вот и приходится по три брать. Эх, надо было сразу по пять! Пять ведь гораздо лучше, чем три, а Сань, что думаешь?!

Я скромно промолчал, отчаянно борясь с приступом накатывающей рвоты, а у майора от услышанного вылезли из орбит поросячьи глазенки. Он начал жадно хватать ртом воздух не зная, что сказать. «Кондрашка» приближалась к начальнику патруля со скоростью реактивного самолета. Майор был на грани гарантированного инфаркта, инсульта и умственного помешательства. Белки его глаз неумолимо наливались кровью. Тем временем, Лелик добродушно и миролюбиво продолжил.

— Товарищ майор! Зачем нас писать? Смысла нет. Ну, запишите и что?! 49-ть плюс еще 2! Будет 51! Опять неровное число, а где еще 9 искать? Ночь на дворе. Да и время патруля уже закончилось. А?!

Майор ничего не ответил. Он вообще, больше не проронил ни слова. Наверное, где-то глубоко в своей душе, он категорически зарекся ходить в патруль с курсантами ВВС, кто знает?!

В комендатуре нас ждал родной ЗИЛ-131 цвета хаки, в кузове которого мы тряслись до самого училища.

В роте, после команды отбой мы, наконец, развернули тяжелый шуршащий пакет, который нам дали добрые тетки из кафе «Минутка». В нем, завернутый в несколько слоев бумаги, для сохранения тепла, лежал герметично закрытый полиэтиленовый мешок с вареными пельменями, густо политыми сметаной и отдельно в салфетке, лежали две алюминиевые вилки.

31. Гипнотизер

В уютном городке, где базировалось наше авиационное училище, находилось еще множество различных войсковых частей, которые гармонично объединялись в единый военный гарнизон. И все было бы в этом гарнизоне чинно и благопристойно, если бы не факт размещения еще двух полнокровных военных училищ, в которых проходила квалифицированная и успешная перековка гражданских желторотых пацанов в матерых офицеров доблестной Красной армии.

Итак, в числе наших соседей числились — Командное училище ракетных войск стратегического назначения и училище Внутренних Войск. Как вы прекрасно понимаете и те и другие, являлись представителями сухопутных войск и обладателями помидорно красных просветов погон, с незначительными, почти незаметными различиями в тоне оттенка. Основная разница была в цвете околыша на фуражке. У ракетчиков — черный, у ВВ — красный.

Какой-либо агрессии к ребятам из данных училищ мы никогда не испытывали в силу своей врожденной интеллигентности и толерантности, а считали их, мягко говоря, убогими неудачниками достойными искреннего сострадания и жалости. Простите парни, поймите правильно — юношеский максимализм, задорная глупость и не более того.

Наша нескромная убежденность в превосходстве основывалась на том, что во времена бытности Варшавского Договора, наше замечательное училище распределяло свои юные офицерские кадры фактически 90 % на территорию стран Восточной Европы. А это в активе — двойная зарплата, и сама заграница — Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, другая жизнь и культура, возможность посмотреть на чужой мир в течение от 3-х до 5-ти лет, приобрести дефицитные и нужные для будущей комфортной жизни вещи и мебель, скопить деньжат на машину. Согласитесь, для молодой семьи — неплохой шанс быстро и прочно встать на ноги. Всем этим, наверное, и объясняется немыслимый кошмарно высокий конкурс при поступлении в наше орденоносное и легендарное училище ВВС.

И такая реальная перспектива — посмотреть мир и себя показать, была почти у всех выпускников нашей любимой и всецело обожаемой альма-матер, за исключением малой толики тех ребят, кто имел неосторожность пополнить ряды Морской авиации или авиации ПВО. Этим бедолагам заграница не светила

по определению. Загреметь под выпуск в стройные ряды Противовоздушной обороны считалось наказанием, «залетом», так как к твоим услугам простирался весь необъятный Советский Союз со всеми его многочисленными отдаленными и засекреченными «Бермудскими территориями» с сомнительными прелестями монотонной и будничной службы в плохо благоустроенной, но уже засекреченной со всех сторон дыре. Сколько молодых семей разбилось в щепки об условия быта, совсем непригодные для мало-мальски нормальной жизни и воспитания детей?! Тем не менее, у этих ребят тоже был реальный шанс изменить свою жизнь к лучшему, поступив в академию. И уже после ее окончания, получив шикарное образование, занять достойное место в штабах и военных НИИ, где была своя перспектива — неторопливо и размеренно, гарантированно выслужиться в полковники — тоже вполне неплохо, согласитесь.

У ребят из морской авиации было слабое утешение в красивой черной форме, позолоченном кортике, и курортных местах дальнейшей службы. Всю оставшуюся жизнь дыши себе на здоровье полезными ионами и купайся в море. Красота! А какая рыбалка?!

В ракетчики в основном подавались те абитуриенты, которые завалили вступительные экзамены в нашем авиационном училище. Кстати, Баранов, над которым потешался хамоватый лейтенант (см. «Люфтвафельники»), при оглашении оценок за математику, в последствии успешно поступил в «стратеги» и слыл у них достаточно продвинутым математическим гением.

А вот уже во Внутренние войска попадали исключительно выдающиеся и законченные вундеркинды, пролетевшие с поступлением, как в авиационное, так и в ракетное училище. Вот такая в принципе незамысловатая цепочка эволюции и устанавливала интеллектуальную градацию для всех курсантов нашего замечательного и дружелюбного военного гарнизона.

Учитывая возможные радужные перспективы для своих птенчиков, наше училище было объектом нескрываемой ненависти, основанной на искренней зависти сухопутных представителей курсантской молодежи.

Будущее у ребят из Ракетного училища было гораздо тоскливей нашего. Это очевидно. Их перспективы — закрытые военные городки на Тугалыме или еще подальше, бетонные шахты пусковых установок и разнообразные развлечения — от беспробудного пьянства до тоскливого онанизма на хорошо охраняемой закрытой территории за многорядной колючей проволокой, посреди непроходимых дебрей вековой тайги. А так

же бесконечные дежурства в условиях, когда электрическая лампочка вполне напоминает солнышко, а душистые ароматы лесных цветов безжалостно отсекаются в недрах фильтровентиляционной установки. И так все 25 лет. Романтика, ничего не скажешь! Пронеси господи!

Про ребят из Внутренних войск, вообще говорить не стоит. Там полный писец! Тюрьмы и казематы, охрана и конвой, вечный караул. Подопечная публика — это в целом татуированный контингент, надолго изолированный от нормального общества. Мы в курсантские годы во время несения караулов повидали и то, и это. Терпимо конечно, но кому как?! Мне, такая служба не понравилась! Поэтому, кроме ВВС альтернативы для меня не было.

Учитывая все аспекты и непростые условия будущей службы наших соседей по гарнизону, мы как воспитанные и жалостливые люди вели себя весьма корректно и даже, видит бог, деликатно. Первыми в драку не лезли, а если все же драться приходилось, то били их по возможности не сильно. Так, для порядка, не более. Зачем обижать маленьких, сирых и убогих?! Грех это.

Все драки и многочисленные стычки происходили в основном из-за особей женского пола — представителей студенческой элиты коих в городе нашем было просто немеренно. В гостеприимном уральском городе было семь институтов и один университет, соотношение сил явно не в пользу военных. Нас — курсантов, на всех желающих и страждущих просто физически не хватало, но мы старались. Честное слово, старались!

А так как девушки — это, как правило, в будущем, женщины, жены, матери, хранительницы очага и все такое, то у них генетически — в голове записано следующее — свой домашний очаг надлежит создавать и лелеять в наиболее благоприятных условиях. Согласитесь, любезные, что Восточная Европа, пусть и не Западная, но все же, наверное, предпочтительнее, чем Чита и Копитнари, Соликамск и Лабытнанги, Чирчик и Салехард.

Прошу меня понять правильно, я ничего не имею против этих замечательных населенных пунктов и ребят из других родов войск, проходящих там нелегкую службу, но женщины — существа рассудительные и прагматичные. Поэтому вектор их симпатии и страстной любви однозначно был направлен в сторону авиационного училища. Суровая реальность!

Не я придумал пословицу: «С милым рай в шалаше, если милый атташе». Кстати, из уст незабвенного Виктора Копыто та же мудрость звучала несколько иначе: «С милым рай в шалаше, если милый в неглиже».

Объективно сложилась ситуация, что курсанты нашего

училища были завсегдатаями на разгульных девичниках, самыми желанными гостями в комнатах студенческих общежитий, достойной парой в танцах, надежным спутником на прогулке по вечернему городу, визитной карточкой, подчеркивающей высокий статус девушки, лучшим подарком на свадьбу. Наших ребят реально рвали на части, за ними шла настоящая охота. Клянусь, правда, было такое время! Это сейчас человек в форме — пустышка, объект, не представляющий интереса для женщины в качестве надежного спутника жизни и отца ее будущих детей. Но, более двадцати лет назад ситуация была координально иная. Ладно, не будем о грустном.

Итак, в то время пока ребята с голубыми погонами на плечах пользовались повышенным вниманием и благосклонностью со стороны самых красивых и очаровательных девушек города, курсантам остальных двух училищ приходилось глотать слюну и жестоко завидовать. А так же довольствоваться дамами не первой свежести, которые по ряду объективных причин не смогли закрутить лямур-тужур-абажур с каким-нибудь представителем из ВВС. Понимаю, что звучит самонадеянно и нагло, но это неоспоримый факт. Такая информация доходила до нас от самих девчонок.

Как известно, зависть — сестра агрессии. Менее удачливые оппоненты, обделенные вниманием юных красавиц, в порыве отчаянной зависти начали провоцировать и цеплять наших орлов везде и повсеместно. При этом получалась следующая оригинальная ситуация — общеизвестный факт, что беда и зависть объединяют, поэтому курсанты-ракетчики и курсанты-конвоиры стали активно дружить между собой против нас — курсантов ВВС, коварно сплачиваясь в монолитную массу, чтобы общими усилиями, настучать в бубен жизнерадостным и любвеобильным «летунам». Но, будучи объективным, замечу, что такое счастье выпадало им не часто. Совсем не часто. Редко. Очень редко. Почти никогда.

Как ни крути, а в ВВС, достаточно неплохой отбор по здоровью. Учитывая, что наши выпускники будут представлять Красную армию на территории Европы, то поголовное большинство курсантов-авиаторов были парни ростом выше 175 см и весьма крепкого телосложения. Распорядок дня и планомерные изнуряющие занятия по физической подготовке не давали нам шансов остаться слабыми и чахлыми. Почти никто из нас не курил. Мы крепчали и матерели не по дням, а по часам. В основной массе, за редким исключением, Копыто — не в счет!

Короче, парням из «помидорных» училищ приходилось не сладко. Их всегда, везде и повсеместно тупо били, качественно

метелили, методично месили, энергично колошматили, быстро и ловко выкидывали из общежитий, при необходимости долго волочили по асфальту, красиво и ритмично пинали на танцах, смачно и глубоко макали в лужи, эффектно и далеко забрасывали в колючий кустарник. Дамы, как правило, при этом, визжали от восторга, восхищаясь шикарной физической формой ребят из ВВС, и с особым трепетом и страстью дарили нам свою любовь. И ничего тут не поделаешь — естественный отбор, однако, женщина всегда предпочтет более яркого, сильного и эффектного самца. Се ля ви.

Когда прибегал комендантский патруль или приезжал начальник гарнизонной гауптвахты в сопровождении самого коменданта гарнизона, то им в лапы попадались лишь поверженные и потрепанные представители курсантов-сухопутчиков. Они, взахлеб рыдая и размазывая сопли, жаловались на хулиганов — курсантов ВВС, при этом скромно опуская такую малозначительную подробность, как свою активную инициативу при организации данного боестолкновения.

Поверьте на слово, мы — не белые и пушистые овечки, мы — обычные настоящие мужики, всегда готовые постоять за себя и за свою спутницу. Но, провоцировать кулачные бои из-за отсутствия женского внимания, нам не было никакой необходимости. Потому что, женского внимания, направленного в наш адрес было достаточно, ласку и нежность мы получали практически в избытке. А красиво рисануться, поиграть своей рельефной мускулатурой и впечатляющей физической формой только для своего личного удовольствия или ради визгливых восторгов в угоду пассии — это слишком дешево. Мы были выше этого. Потому как скромность — это всего лишь одно из наших многочисленных достоинств. (кергуду — шутка, поймите правильно) «Мы, свою хформу и нужные мышицы у койке напряжем и покажем, когда надо будет знатно поибацца! Чего зря силушку богатырскую трепать и на всякое быдло расходовать!», — поговаривал незабвенный Витя Копыто. Мудрость и благородство, из него, временами так и перли, так и лезли во все стороны.

В результате, после ряда таких дружеских выяснений отношений, разъяренный комендант докладывал начальнику гарнизона о фактах вопиющего безобразия регулярно творящихся на вверенной ему территории. Начальник гарнизона вызывал к себе в кабинет трех начальников училищ и, вспомнив свою молодость, планомерно и качественно насиловал им мозг.

По факту завершения проведенной процедуры, обиженные и недовольные генералы, отвыкшие от подобного к себе обращения,

поддерживая руками свои разорванные сзади задницы, вползали в служебные «Волги» и, добравшись до родного училища, объявляли всеобщие экстренные построения.

Затем, взгромоздившись на трибуны, генералы изливали свой праведный гнев, страстно и долго, вдохновенно и с упоением поголовно пороли свой любимый личный состав, лишали всех увольнений на месяц и, наглотавшись валидола с коньяком, ехали в баню, где жестоко завидовали молодости и неугомонной потенции своих подопечных курсантов.

Месяц в городе проходил в тоске и унынии. Отчаяние студенток было массовым и искренним. Они толпами приходили на КПП — контрольно-пропускные пункты, приносили какие-нибудь вкусности для своих любимых и желанных соколиков, томящихся в неволе, картинно заламывая руки, хором и по отдельности, исполняли плач Ярославны из «Слова о полку Игореве».

Наш «старик» — начальник училища ВВС, проезжая через КПП, на служебной «Волге», часто наблюдал душещипательную сцену, когда двое истосковавшихся влюбленных целуются прямо сквозь разделяющую их колючую проволоку забора. Их руки трогательно и нежно тянутся навстречу друг другу, пренебрегая опасностью пораниться об острое препятствие безжалостного ржавого колючего заграждения. Сердце старого солдата таяло от нежности и умиления. Он вспоминал свою молодость и украдкой от водителя, смахивал нечаянно набежавшую слезу.

Чем именно обливалось генеральское сердце — кровью или завистью, история умалчивает. Но, обычно суровый генерал объявлял всеобщую амнистию и отменял свой жестокий приказ на запрет всех увольнений в город.

Узнав о появлении в городе курсантов-авиаторов, остальные училища тоже мгновенно снимали свой мораторий на выход город. Баланс сил в городе строго и неуклонно сохранялся. Шансы должны быть равными у всех, независимо от цвета погон на плечах. Статус кво! Справедливость.

Время, отведенное для восстановления благоразумия и равновесия в умах, и правопорядка в гарнизоне, заканчивалось одновременно во всех трех училищах гарнизона. И начиналось все с начала.

Ворота в училищах открывались, выплескивая на улицы города, огромные волны сексуально позитивной энергии. Наши ребята скоропостижно занимали свои достойные места в комнатах студенческих общежитий, на танцах, на городской набережной, а также в сердцах и страстных объятиях юных и стройных красавиц.

Традиционные завистники, сглатывая обиду, опять начинали цеплять более удачных, зацелованных и обласканных авиаторов. Далее опять следовали неизменные по своему алгоритму события — стычка, драка, патруль, комендатура, слезы, и стенания «сухопутчиков».

Представителей ВВС никогда не ловили, ибо с места дуэли, они всегда уходили на своих двоих. Иногда, с помощью своей дамы сердца. Гарнизонный УАЗик или ГАЗ-66 привозили на гауптвахту очередную партию поверженных и потрепанных сухопутных курсантов, которые давали стандартные признательные показания, обвиняя невоспитанных и неуловимых хулиганов-авиаторов, и все начиналось снова — баран, овца, давай с конца! Порочный замкнутый круг!

Тогда, после очередной выволочки у начальника гарнизона, три генерала, в который раз поддерживая свои разодранные в клочья задницы, решили сделать невозможное — прекратить данный конфликт раз и навсегда. Посовещавшись в бане или еще где, им виднее, генералы решили организовать творческие и теплые встречи между курсантами наших училищ, чтобы мы узнали друг друга лучше — в домашней обстановке так сказать, и возлюбили бывших недругов, как братьев своих. Возлюбили искренне и нежно. Ну-ну.

Началась эпоха принудительных дружеских визитов, рандеву, светских раутов, приемов, концертов и экскурсий. По субботам и воскресеньям нас сажали в автобусы и возили друг к другу в гости. Так же, наши училища обменивались своими ансамблями и концертными бригадами. Все было достаточно нервозно и натянуто, лживо и неестественно.

В увольнения нас, естественно не пускали. Наши генералы решили тряхнуть стариной и действовать до победного конца, не считаясь с затратами и боевыми потерями. А потери были внушительные. Усиленные патрули оцепили плотным кольцом все студенческие общежития, а также жестко контролировали периметры наших училищ.

Самоходчиков ловили пачками, камеры на всех гауптвахтах были переполнены. Образовалась длинная очередь из курсантов с объявленными взысканиями — многочисленными сутками ареста, но лишенных возможности отсидеть, по причине недостаточной пропускной способности карцера. Гормоны играли, ситуация с поддержанием воинской дисциплины была на грани возникновения мятежа.

Регулярная показная гостеприимность «сквозь зубы» начинала уже бесить. Взаимное раздражение и недовольство нарастало в геометрической прогрессии, не смотря на все

титанические усилия командования. Напряженность в отношениях даже между ребятами внутри нашего училища приближалась к критической массе. Обычно спокойные курсанты стали нервозными и дерзкими, многие закурили, атмосфера накалялась.

И вот, однажды в субботу, наш батальон, как самый потенциально опасный, загоняют в училищный клуб в полном составе, даже наряд сняли с тумбочек дневального.

Надо отметить, что наш клуб был очень шикарный. Он имел глубокую сцену на уровне хорошего театра, и огромный зал на 1500 мест с роскошной акустикой.

Все расселись, не понимая, что происходит. Читать нам лекции о пользе полового воздержания и опасности венерических заболеваний было бесполезно. Кроме откровенных комментариев из зала и дружного издевательского хохота, другой реакции на них никогда не было. Но, выбора у нас не оставалось, мы — люди подневольные. Собрали нас в зале, значит, что-то будет. Давайте, бубните чего-нибудь, может поспать удастся.

Предчувствие нас не обмануло, началось представление. Оказывается, к нам приехали дорогие нашему сердцу, курсанты из училища Внутренних Войск, да еще и с дружеским концертом. Только этого нам не хватало. Соскучились, аж до рвоты!

Время тянулось ужасно медленно. Программа «помидоров» была достаточно скудная и нудная. Противная тягомотина. Против наших талантливых парней, они тянули слабо. Не спалось, зал раздраженно гудел, в воздухе висело и множилось недовольство. После короткого антракта, на сцену вышел краснопогонный конферансье и открыл второе отделение.

— Дорогие друзья! Попрошу чуточку Вашего внимания и терпения. Будьте великодушны. Мы ведь друзья, не правда ли?!

Ага, друзья, конечно, держи карман шире! Сразу же из зала, в ответ полетели реплики следующего содержания. Чего-чего, а за словом в карман у нас не лазили. Микрофон и усилитель для обеспечения громкости и доходчивости, не были в числе первой необходимости, акустика в зале была потрясающая.

— Таких друзей, за хуль и в музей!

— Твои друзья, в овраге кобылу доедают!

— После вашей дружбы, потом жопа долго болит!

— Милый друг, ты не заменишь мне подруг!

Конферансье заметно смутился, его лицо сравнялось по цвету с погонами. Наши офицеры, занимавшие первые ряды в зале, повскакивали со своих мест и пытались угомонить орущую толпу, утомленную бездарным представлением.

Конферансье уже собирался еще что-то сказать, как вдруг на

сцену вышел курсантик-помидор, маленький и ушастый. Внешне, он очень походил на Чебурашку. Ушастик подошел к микрофону, мягко отодвинул конферансье и очень вежливо и вкрадчиво произнес.

— Здравствуйте! Вы, вряд ли мне поверите, но я — гипнотизер.

Буря искреннего восторга пронеслась по залу, тысяча человек кричала и свистела, вопила и топала ногами. Такой наглости, мы еще не слышали.

Чебурашка щелкнул пальцами, и шум в зале начал непроизвольно стихать. Оставались некоторые очаги шумного веселья и островки вакханалии. Ушастик вглядываясь в эти группы шумящих курсантов, выискивал заводилу и настойчиво приглашал его на сцену. Никто особо не возражал. Желающих посрамить этого клоуна набралось человек двадцать. Среди них, затесался и Виктор Копыто. Он развязно подошел к Чебурашке и, вызывающе глядя на него сверху вниз, заявил, что гипнозу не подвержен, вообще.

Ушастик не удивился такому признанию а, засунув руку в карман своего галифе, вытащил оттуда огромную луковицу. Спокойно показав ее всему залу, со словами: «Это апельсин, угощайся!», — протянул лук курсанту Копыто. Виктор осторожно взял в свои руки луковицу и недоверчиво понюхал ее. Ушастик ласково улыбнулся и плавно развел руки, как бы пытаясь обнять Виктора.

— Ну, что же ты?! Сейчас зима, витаминов не хватает, а тут такой вкусный и сочный апельсин. Ешь. Смелее.

Далее произошло то, от чего в зале наступила гробовая тишина. Был отчетливо слышен хруст луковой шелухи и аппетитное чавканье Виктора. На наших изумленных глазах, законченный раздолбай Витя Копыто совершенно послушно и с упоением поедал огромную луковицу. Он, с непередаваемым восторгом, откусывал огромные куски и, брызгая во все стороны противным луковым соком, абсолютно реально пожирал эту дрянь. Причем, на его лице застыли эмоции, передающие фантастическое блаженство.

Зал заворожено смотрел на происходящее на сцене. Возможность факта предварительного сговора, даже не рассматривается. Непостижимо, но Витя, под действием неуловимого гипноза, поедал мерзкий лук. Фантастика!

Пока Копыто наслаждался «апельсином», Чебурашка занялся остальными. Кого-то он убедил, что тот — великий Паганини, и его скрипка находится у парня на его ноге. Курсант моментально стянул свой сапог и, пристроив его подошву у себя под

подбородком, принял позу профессионального скрипача и старательно заелозил невидимым смычком по голенищу ялового сапога. Наслаждаясь своей музыкой, он закрыл глаза и покачивался телом в соответствии с воображаемой партитурой. Обалдеть!

Группа грибников ползала по сцене и собирала подберезовики и опята. Рыбаки тянули невод, переполненный рыбой. Бригада лесорубов валила лес и грузила его в кузов несуществующего грузовика. Из некоторых ребят, Ушастик соорудил мебель и комфортно расположился в импровизированном кресле, вытянув ноги на стол, которым служил парнишка из 2-й роты. Стоящий рядом торшер, в виде послушного сержанта из 3-й роты, гармонично дополнял обстановку в кабинете Чебурашки. Он мгновенно включался и выключался по первому звонкому щелчку пальцев своего краснопогонного хозяина. Мда…

На сцене происходило много различных чудес, всего уже и не вспомнить. Но весь зал заворожено, с чувством похожим на удивленное благоговение, наблюдал за происходящим.

Мне потом вспомнился мультфильм «Маугли», когда бандерлоги послушно пялились на выкрутасы удава Каа. Очень похоже! Однако страшные ребята учатся в училище Внутренних Войск. Можно только предположить, какой идеальный порядок и дисциплина будут обеспечены в зоне, которую возглавит Чебурашка.

Если честно, наших ребят очень долго беспокоил вопрос: «Какого хрена, такой талантливый парень, как ушастый гипнотизер-Чебурашка, забыл в училище Внутренних Войск?! Да с такими возможностями, можно так себе жизнь устроить, только держись!!!»

Есть мнение, что далеко не все люди подвержены гипнозу. Возможно, но молодой растущий организм, при скудном на витамины училищном рационе, уставший от бесконечных нагрузок и нарядов, среагировал почти 100 %.

Не могу утверждать, была ли в процессе этого представления, проведена установка на снижение нашей агрессии и увеличение всеобщей миролюбивости к окружающему нас миру, не знаю. Но, после такого же концерта в ракетном училище, в нашем гарнизоне наступила тишина и гармония. Драки между курсантами соседних враждующих училищ прекратились полностью, а стычки между конкурирующими фирмами, обычно дальше вялотекущих словесных перепалок никогда не заходили. Забияки, попыхтев для приличия, спокойно расходились по своим делам.

Может, это всего лишь совпадение?! Не знаю! Не мне судить! Но факт остается фактом, на глазах у тысячи сослуживцев, Витя Копыто послушно захомячил огромную луковицу! После концерта, да и всю свою сознательную жизнь, он уверенно утверждал, что осознавая факт поедания лука, он не мог остановиться и при этом явно ощущал во рту вкус зрелого сочного апельсина!

32. Экстрасенсы

Первая половина самоподготовки закончилась. Основные задания по урокам и учебные материалы были проработаны. Личный состав 45-го классного отделения плавно переходил к решению личных, но не менее важных и неотложных дел, а именно — письма на родину, чтение художественной литературы, карты, домино и сон. Кому чего, по необходимости. Те ребята, кому было лень заниматься всеми вышеперечисленными делами, вяло обсуждали недавние события, оставившие в их памяти неизгладимые и яркие впечатления. Киевлянин Лелик сложил зимнюю шапку вдвое и пытался принять удобное положение, пристраивая получившуюся конструкцию под свою голову. Попутно, он упражнялся в остроумии на Викторе Копыто.

— Витек! Тебя на витамин «Це» не тянет? А то у меня в планшетке гарная цибуля завалялась.

Копыто моментально перестал дремать, завелся с пол-оборота и начал эмоционально оправдываться.

— Ну, писец! Теперь, до конца моих дней не будет покоя. Лелик, я прошу тебя слезно! Не надо хватать меня за «невры»!

— Может, за «нервы»?! Чего ты заводишься?! Все видели, не отвертишься. Зачавкал цибулю. Сам зачмокал, лично, один, без ансамбля, в одно лицо. Это вежливый вариант. А попроще — в одну харю, аж причмокивал от удовольствия! Нет, чтобы друзьям и товарищам предложить. Поделиться апельсинчиком, спасти, так сказать, от возможной цинги и авитаминоза, нет! Схомячил прямо с шелухой! Жадина жлобская! Все, ненавижу тебя, а ну отсядь от меня немедленно и койку в казарме передвинь, противный.

В разговор вклинился, разгадывающий кроссворд, комсорг Филин.

— Кто знает? Ценный пушной зверек, обладающим носким и практичным мехом, живет в норах у воды, питается рыбой, семейство грызунов, 7-мь букв.

Все, кто еще не заснул, задумались. Первым отозвался Копыто.

— Мандатра.

Курсанты отвлеклись от своих насущных дел и дружно заржали, некоторые, даже взахлеб. Филин, делая запись в кроссворде, невозмутимо прокомментировал.

— Мандатра — это в другом месте пушной зверек. У твоей очередной подруги под юбкой, например. Неверно, тем более что в «мандатре» 8-мь букв. Правильный вариант — ондатра.

Тем временем, приняв удобную позу, Лелик продолжал

глумиться над курсантом Копыто.

— Витек, а ты вообще, чего-нибудь помнишь из того, что на сцене с тобой Чебурашка тот вытворял?

— Смутно, а что?!

— А ты помнишь, как собачкой был, за апортом бегал, ногу задирал, когда на стойку микрофона мочился и Пиночету сапоги лизал?

— Врешь!!! Не может быть!

— А ты откуда знаешь, что не может?! Ты же не помнишь ни хрена! А как Зайчику в любви признавался и пытался его изнасиловать прямо в зале, тоже не помнишь?! Тысяча человек офигела от происходящего и помнит, а ты не помнишь?! Лейтенант Зайчик, до сих пор от тебя шарахается, в роту боится зайти. Уж очень активно ты его домогался, ели оттащили! Впятером держали, пока ты ширинку на себе рвал.

Лелик незаметно для Виктора, подмигнул ребятам, призывая подыграть. Копыто был в ужасе. Все утвердительно загалдели, Витя густо покраснел.

— Охренеть!!! Ну, попал?!! Блин, этот «экстра-секс» сраный всю жизнь испоганил. Позору, до самого выпуска. Встречу в городе, в увольнении, вот отыграюсь. Сука!!!

Лелик не унимался, продолжая подтрунивать и травить Виктора.

— И как же, ты отыграешься, милый? Ботинки ему языком почистишь, что ли?! Или в кино бесплатно сводишь, а потом верхом на шею свою посадишь и до «помидорного» училища домчишь быстрее ветра?! Дурень, чтобы с таким Чебурашкой справиться, самому надо экстрасенсом быть, магом и чародеем. Не хухры-мухры, понимать надо. Иначе, он об тебя ноги вытрет, а ты еще ему спасибо скажешь!

— Да я, его! Я, чтобы все знали, тоже был «экстра-сексом», только давно, раньше, в школе.

Все ребята с нескрываемой жалостью посмотрели на Витю. Спасая свою посрамленную репутацию, Копыто ударился в неприкрытую ложь. А такое, в мужском коллективе не приветствуется. Витя, сознавая пагубность выбранного пути, не сдавался.

— Не верите? Да я, раньше, любого мог усыпить! Да! Любого! Мы так в пионерском лагере делали! По ночам, когда вожатые бухали!

Тут не выдержал сержант Валера Гнедовский, он резко повернулся к Виктору и пренебрежительно спросил.

— Ну, и как?

— Я сейчас точно не помню…

Гнедовский пожал плечами, презрительно окинул взглядом заюлившего Виктора и продолжил.

— Что и требовалось доказать. Мандатра ты, Виктор, язык у тебя без костей и голова мягкая. Трепло!

Такого пренебрежения от своего кумира, Копыто просто бы не пережил, он истошно завопил.

— Вспомнил!!! Кто-нибудь должен встать в полный рост и сделать вперед десять наклонов. При этом он должен очень глубоко дышать. На десятом разгибе, надо подойти сзади и обхватив его двумя руками, сильно сдавить под нижними ребрами. Вспомнил!!! Там диафрагма есть, ее и надо сильно давить. Очень сильно! Человек сразу засыпает. Вот!

— Врешь, только что придумал.

— Точно говорю, давай проверим?!

— Давай, но если не уснешь, челюсть сломаю.

— А, почему мне?!

— Потому, что тебе!

Такая перепалка продолжалась бы еще долго, и неизвестно во что бы переросла и чем бы закончилась. В спор вмешались остальные ребята. Все загалдели. Кто-то что-то на эту тему слышал, кто-то даже, якобы принимал участие. В результате, решили немедленно провести опыт по практическому гипнозу — такой небольшой экстрасенсорный сеанс. Исключительно, с научной точки зрения. Где был наш разум, непонятно?!

Для чистоты эксперимента и получения правдоподобного результата, независимого от заинтересованных сторон, распределили обязанности и разграничили степень участия каждого курсанта.

В итоге, Витьке Копыто досталась роль главного консультанта проекта. Гнедовский, не веря Виктору, настоял, чтобы роль усыпляемого подопытного кролика исполнил именно он. Все проголосовали и утвердили единогласно. Имеет право. На должность главного сжимателя Валеркиных ребер, после проведения им дыхательных упражнений, назначили мощного Лелика.

Долгожданный момент перехода от теории к практике наступил и эксперимент начался. Сержант Гнедовский выходит на свободное место в учебной аудитории, расставляет свои ноги на ширину плеч и старательно глубоко дыша, начинает совершать энергичные наклоны вперед своим тренированным телом. Комсорг Филин громко отсчитывает число повторений. Все видят, что Витя Копыто заметно нервничает. На кону стоит его репутация.

— … Девять! Десять! Лелик!

Киевлянин Лелик, который все это время находился позади Гнедовского в состоянии полной боевой готовности, в нужный момент, обхватывает его своими могучими руками поперек живота. Он сцепляет свои мощные руки в замок и, отрывая Валеру от земли, с чудовищной силой давит в подреберное пространство. Все присутствующие явно услышали хруст ребер несчастного Валерки. Гнедовский, поднятый под потолок и зависший в крепких объятьях здоровенного киевлянина, начинает отчаянно вырываться.

— Все, не получилось! Поставь скорее! Пусти, чертяка здоровенная, ребра сломаешь! Опусти на землю, Геросракл киевский!

Лелик мягко ставит Валерку на пол и осторожно разжимает нежные и могучие объятья. Все разочарованы. Копыто разочарован больше других, он уже приготовился начать оправдываться, как происходит следующее.

Внезапно, у Гнедовского подкашиваются ноги, закатываются глаза, и он бесформенным мешком валится на пол, попутно ударяясь головой о кромку стола. При этом его голова от удара об стол неестественно дернулась и, Валерка бездыханным телом распластался под соседним столом.

Все ребята, на время оставляют удрученного неудачей Витьку Копыто в покое и поворачиваются к неожиданно упавшему Гнедовскому. Лелик, посчитав, что Валерка решил по каким-то причинам подыграть Виктору Копыто, подходит к неподвижно лежащему под столом Гнедовскому и, толкая его в зад кончиком сапога произносит следующее.

— Ладно, проехали, кончай придуриваться, вставай.

Видя, что Гнедовский увлекся процедурой подыгрывания, и его тело желеобразно покачивается под воздействием сапога, киевлянин наклонился, чтобы помочь Валере подняться с пола. Вдруг Лелик резко отшатнулся, он побледнел и молча вытянул руку с оттопыренным указательным пальцем.

Я быстро присел на корточки возле лежащего под столом Валеры Гнедовского и сразу увидел лужицу черно-багровой крови, которая очень медленно расползалась по полу.

— Аааааааах!

Позади меня раздался грохот падающего тела. Я обернулся и увидел лежащего на полу в бессознательном состоянии курсанта Полимонова. «Замечательно! До окончания самоподготовки полчаса, а в активе имеем два трупа, один из них — сержант Гнедовский!», — пронеслось у меня в голове.

— Ребята, шевелись, чего замерли! Кто-нибудь, заприте дверь. Не хватало еще, чтобы зашел дежурный преподаватель. А у

нас тут действующий филиал городского морга.

Все забегали и засуетились. Надо отметить, что благодаря военному училищу мы научились мгновенно мобилизовываться в самых непредвиденных ситуациях, быстро соображать, а еще — быстро и качественно работать.

Кто-то из ребят зафиксировал входную дверь, просунув ножку стула в дверную ручку. Серега Филин открыл окно и сгреб в руку снег, который лежал на отливе. Выдвинули стол и положили на него курсанта Полимонова, расстегнули ему воротник гимнастерки и засунули во внутрь хорошую порцию снега. Также снегом обильно посыпали на лицо, растерли виски и уши.

Вторая импровизированная бригада трудилась над реанимацией Валеры Гнедовского. Его осторожно вытащили из-под стола и аккуратно протирали рану на голове, промакивая кровь носовыми платками, чтобы оценить степень повреждения и реально оценить ситуацию для разработки правильного алгоритма наших дальнейших действий.

Курсант Полимонов пришел в себя, немного порозовел и слабо промямлил.

— Вида крови не переношу с детства, поймите правильно.

Он повернул свою голову в сторону Гнедовского и, увидев багровую лужицу крови на полу, под столом на котором лежал Валера, жалобно охнув, Полимонов закатил помутневшие глаза и опять выключил свое сознание. Так, с одним уже понятно, жить будет! Сачок! Симулянт! Дизертир!

— Андрюха! Яровой, будь ласка, возьми ведро и замой кровь, а то Полимона регулярно теряем!

Даже в такой далеко непростой ситуации находилось место для шуток. Курсант Яровой пулей полетел в туалет за ведром и тряпкой. Оставив Филина с запасом снега приводить в чувство Полимонова, все обступили безнадежного Гнедовского, который вообще не реагировал ни на что. Зрачки его глаз закатывались, но на свет реагировали однозначно, сердце билось ровно и ритмично, дыхание было устойчивым. Ранка на голове была неопасная, просто при падении и сильном ударе о кромку стола Валера рассек кожу в районе виска на участке полутора сантиметров. Кровь на ране уже свернулась и сама рана, по всей видимости, опасности не представляла.

Лицо Гнедовского старательно обтерли влажными носовыми платками, и он выглядел просто образцово. За исключением одной маленькой закавыки — Валера был без сознания. Но если честно складывалось такое впечатление, что парень просто крепко спит. Спит, хоть из пушки стреляй!

Все замолчали и задумались. В наступившей тишине было

слышно, как стучат зубы у курсанта Копыто. Виктор отбивал азбуку Морзе.

— Витя, перестань клацать компостером! Колдун сраный, экстрасенс пионерский!

— В-ам хо-ро-шо, а ме-ня то-ч-но по-са-дят!

— За что?

— За у-би-йст-во. Э-то же я в-се при-ду-мал!

Тут неожиданно подключился молчавший Лелик. Он бережно поддерживал голову Гнедовского в максимально удобном положении.

— Меня тоже посадят.

— А тебя за что?

— Копыто придумал, как Валерку убить, а я тупо выполнил.

— Тогда и Филина посадят, он команды давал, как душить.

— Так, стоп! Тогда, нас всех посадят. Мы все тут при чем. Кто-то кровь замывал, кто-то орал громче всех, кто-то подначивал и провоцировал, кто-то голосовал. Хорошая компашка получается, господа экстрасенсы. Сержанта Красной армии укокошили, причем вступив в предварительный сговор всем личным составом отделения, да еще с привлечением «черной магии» и потусторонних сил. Приехали! Это срок. Прямо к Чебурашке и пойдем под его охрану, заодно и квалификацию подтянем. Усыплять мы уже научились, а вот с пробуждением пока хреновато. Недоработочка вышла. Да плюс еще и довесочки незапланированные получаются — в виде трупа Полимона. Как он там кстати, дышит?!

— Дышит. Андрей, вот еще пятно на полу, замой пожалуйста. А то Полимон из комы никогда не выйдет!

И тут заговорил Валера Гнедовский, но заговорил еле слышно, не открывая глаз, прямо во сне.

— Вода. Почему у меня в ухе вода?!

Все обступили Гнедовского, даже Филин бросил Полимона и метнулся к окну за новой порцией снега.

— Валерочка, дорогой, открой глазки. Это не вода, это кровь у тебя в ушке. Натекла туда. Ты головушкой ударился, помнишь?

Гнедовский продолжая спать, понемногу все активнее включался в разговор. Похоже, он находился в каком-то пограничном психическом состоянии, которое по-умному называется — транс.

— Не помню. Если бы я ударился, было бы больно, а мне не больно. Мне очень хорошо. Мое тело легкое и послушное. У меня ничего не болит. Впервые, ничего не болит. Так приятно.

Тут неожиданно активизировался Виктор Копыто, он растолкал всех курсантов и приблизился к Гнедовскому. Витька

принял гордую позу и выдал следующую тираду.

— Ага! Заработало! Я говорил! А вы не верили?! Нате! Вот получите. Его сейчас можно о чем угодно спрашивать. Он только правду скажет. Я по телеку видел. Он же сейчас, как зомби из африканской Замумбы, прости господи. Давайте, что-нибудь заветное и секретное спросим? А?! Все расскажет как миленький.

— Витя, исчезни придурок! Если такой умный, давай разбуди его. Он нам вменяемым нужен. Какой прок если он таким овощем останется. Достаточно в отделении одного дебила.

— Кого?

— Тебя, олигофрен-самоучка!

Копыто обиженно надул мясистые губы и отошел на второй план. Беседы со спящим Гнедовским продолжились. Испробовали всё и все, от ласковых уговоров, до строгих команд.

— Валерик, ты глазки открывай, хватит нас пугать, поспал и ладушки, в роту пора идти, скоро на ужин. Ну, давай, солнышко, давай маленький, откроем глазки. Сержант Гнедовский встать! Рота подъем, 45-ть секунд, время пошло!

Валера Гнедовский немного оживился но, тем не менее, глаза так и не открывал.

— Хочу сесть.

— Давай сядем, сейчас сядем, обязательно сядем, тьфу, чур, меня, чур! Давай «присядем», садиться нам нельзя Валерик, нельзя нам в тюрьму, ты только глазки открой. А?!

Сержант Гнедовский с нашей помощью сел, и понемногу начал открывать глаза — сначала чуть-чуть, потом больше. Его сознание медленно, но прояснялось. К нам постепенно возвращался наш привычный Валера Гнедовский, все вздохнули с облегчением. Минут через десять, сержант полностью пришел в себя.

В сопровождении Лелика и заботливо суетящегося Копыто, Гнедовский сходил в медсанчасть, где наплел историю о том, как поскользнулся на лестнице и ударился головой о перила. Дежурный врач сделала вид, что поверила в эту сказку и поставила ему две металлические скобки, стянув рассеченную кожу. Завершив процедуру, она попросила быть впредь осторожней и настоятельно рекомендовала держаться от подобных неприятностей подальше. Валера клятвенно пообещал и сразу максимально отодвинулся от Виктора Копыто, который нежно поддерживал своего кумира под руку.

Мы, тем временем, приведя учебную аудиторию в относительный порядок после серии наших научно-шарлатанских изысканий, выходили в коридор. Так получилось, что я выходил последним. Передо мной на подгибающихся от слабости ногах

шел недавно очнувшийся, но еще до конца не пришедший в себя, курсант Полимонов, который был белее мела. Остановившись в дверном проеме, он обернулся в аудиторию. Его мутный взгляд бессмысленно скользнул по классу и остановился на столе, о кромку которого ударился Валера Гнедовский. На торце этой кромке запеклась маленькая капелька крови. Наводя чистоту и приводя помещение в порядок, мы не заметили эту капельку и не замыли ее.

Полимон тяжело и обреченно вздохнул, закатил глаза «под образа» и, хаотично хватаясь руками за воздух, в очередной раз загремел в глубокий обморок. Реанимационные мероприятия продолжились.

33. Папаша Мюллер

На кафедре «Физкультуры и спорта» в нашем незабвенном училище ВВС служил весьма интересный преподаватель. Он был, несомненно, очень яркой личностью, обладал феноменальными организаторскими способностями и когда-то очень давно был чемпионом почти всего на свете. Нет, кроме шуток.

А ныне в свои 52 года полковник Миллер обладал феноменально крепким здоровьем, отменой выносливостью и был в замечательной физической форме. «Папаша Мюллер» пролетал 100-метровку при старте из положения: «лёжа», бегал изнурительную 3-ку, а также любой марш-бросок значительно лучше и быстрее подавляющего большинства курсантской братии нашей альма-матер.

Находясь в великолепной не по годам физической форме, полковник Миллер скрупулезно и методично «задрачивал» личный состав училища, приводя состояние наших изначально немощных тушек к некому одному ему известному идеалу, не давая нам ни малейшего шанса остаться слабыми и хилыми. Спасибо ему конечно, ибо даже спустя пару десятков лет после общения с этим общепризнанным монстром в около спортивных кругах, я имею относительно стройную спину, широкие развернутые плечи, легкую пружинящую походу и весьма приличную атлетическую фигуру. Короче, остатки былой роскоши «на лицо» и это, откровенно говоря, радует.

К тому же наше родное училище из года в год гарантировано входило в почетную тройку самых лучших училищ ВВС по состоянию физической подготовки и в десятку сильнейших — по уровню спортивных достижений во всей Красной армии в целом. Более того, под руководством и при непосредственном участии «дедушки» Миллера, мы легко и непринужденно сдавали любые самые жестокие нормативы неподкупным и принципиальным представителям строгой комиссии из ГШ ВС СССР. Так как после изнуряющей и бесконечно-постоянной перманентно-текущей физической подготовки нашего дорогого «чемпиона», все эти плановые и неплановые проверки были для нас абсолютно рядовым явлением — легкий разогрев и не более того.

Как уже ранее отмечалось, практически каждое воскресенье в нашем военном училище проводился гарантированно-традиционный спортивный праздник. Данное неизбежное мероприятие спортивно-массового явления в зависимости от текущего времени года и погодных условий могло плавно перерасти и вылиться в спортивный кросс на 3000 метров,

праздничный марш-бросок с полной выкладкой на 6-ть км., ну а зимой — это естественно стандартная 10-ка на тяжеленных сучковатых дровах и убогих пиломатериалах под неожиданным названием: «лыжи».

Эти так называемые «лыжи» не только отказывались маломальски скользить по снегу, но были вообще неподъемными и совершенно неприспособленными для какого-либо передвижения по снежному покрову любой толщины, плотности и консистенции. Поэтому, довольно частенько, наши курсанты пересекали финишную черту просто бегом по колено в снегу, отчаянно волоча за собой, а то — и на себе, два кривых бревна, с гордым названием: «лыжи», а также — лыжные палки, тоже весьма далекие от прямолинейности. Тоесть, фактически зимняя лыжная эстафета тупо превращалась в длительный изнуряющий бег по глубокому снегу с дополнительным весом — широченными деревянными лыжами на плечах или подмышкой. Причем в качестве крепления на лыжах использовались истлевшие от древности черные резинки, которые моментально рвались при малейшей попытке зафиксировать сапог.

Так как, с состав зимнего нательного белья курсанта Красной армии такой предмет, как трусы почему-то не входит, а стандартные подштанники имеют внушительную ширинку спереди то, как правило сразу же после финиша, приходилось очень долго искать в недрах необъятного галифе свое заиндевевшее мужское достоинство, которое после дистанции в 10-ть км., продуваемое насквозь морозным воздухом, съеживалось до неприлично маленького размера и задорно звенело, как крошечная сосулька с двумя микроскопическими колокольчиками. Чтобы сохранить для производства потенциальных потомков, катастрофически замерзший мужской аппарат в рабочем состоянии, «дедушка Мюллер» настоятельно требовал всех выживших после дистанции курсантов, срочно помочиться прямо за белой тряпкой с надписью «Финиш». Ибо, только таким общедоступным образом, относительно теплая жидкость желтого цвета, истекая наружу из организма курсанта, могла изнутри отогреть его сильно скукожившееся мужское начало.

Если бы вы знали, как было иногда совсем непросто справить элементарные естественные надобности — пописать тоесть, после дистанции в 10-ть км., особенно при встречном ветре и температуре воздуха при -20 и ниже по Цельсию. Далеко непросто, а еще — больно. Кто служил, тот знает.

В результате активной жизни, насыщенной всякими конно-спортивными развлечениями под издевательским названием:

«спортивный праздник», такая незначительная мелочь, как всевозможные 100-метровки, многоэтапные эстафеты, а также банальные 1000 метров, вообще не считались за серьезную дистанцию и воспринимались большинством курсантов, как легкий променад на свежем воздухе, полезный для моциона и не более того.

Причем все эти вышеперечисленные дистанции бегались нами — курсантами, исключительно в армейских сапогах «противотанковой модели», которые смело можно использовать в качестве якоря для небольшого парохода, ибо внушительный вес армейской обуви типа: «сапоги абнукавенные» приводил многих ребят в состояние легкого недоумения, местами переходящего в поголовную панику и неконтролируемую истерику.

Вес стандартных армейских сапог действительно просто запредельный. Убить можно. Наверное, на это и рассчитано. Складывалось устойчивое впечатление, что сапоги — это изуверское и секретное оружие, не попадающее под ограничительное действие ни одной международной гуманной конвенции.

Допустим, закончились в ближнем бою у красноармейца все патроны — нет повода для паники, тогда ты снимаешь свой сапог, берешь его нежно двумя руками за голенище и айда в «рукопашную» крушить врага-супостата смертоубийственными ударами наотмашь. Под напором тяжеленного русского сапога далеко ни одна вражеская черепушка «на раз» проломится, причем — вместе со шлем-каской, к бабке не ходи. Много противника таким нехитрым образом положить можно. Только успевай трупы оттаскивать. Есть правда одно «но» — до тех пор героически биться будешь, пока твои собственные ручонки от усталости не отвалятся. Такими серьезными весами, как стандартный сапог советского солдата длительное время махаться, далеко не каждый военный богатырь сподобиться, это точнее некуда. Sorry, за лирическое отступление… Итак.

Постоянная и активная спортивная жизнь была неотъемлемой частью повседневной курсантской жизни. Даже список увольняемых в город курсантов составлялся фактически после обязательного посещения ротного турника в спортивном уголке казармы. На этом турнике каждый соискатель кратковременного похода за пределы колючей проволоки, надежно опутывающей периметр военного училища, должен был под неусыпным контролем дежурного офицера, сделать не менее 15-ти подъемов переворотом — стандартное силовое упражнение на перекладине, требующее наличие весьма неплохой физической формы.

Кто не способен выполнить данное гимнастическое

упражнение — свободен! Пожалуйста, молодой человек занимайтесь, тренируйтесь, растите так сказать над собой, а сегодня в город к девочкам пойдут более достойные представители — гармонично развитые в физическом плане. А всевозможным слабакам, лентяям, немощным и убогим личностям нечего с девочками общаться и генофонд нации портить. Советская девушка должна дружить и строить свои близкие отношения только с крепкими и здоровыми парнями, а не с какой-то там «спирохетой бледной», прости господи. Строгий искусственный отбор в действии — слабые и нежизнеспособные особи мужского пола принудительно изолируются в пределах территории, исключающей осуществление тесного контакта с женским населением! Все строго в соответствии с гениальной теорией Дарвина. Вот так! Неплохой стимул для физического самосовершенствования, не так ли?! Виси себе на перекладине, сколько потребуется — хоть, до паховой грыжи — твое право. А через недельку подойдешь, прогресс в спортивных результатах продемонстрируешь, тогда можно и в увольнение в город прогуляться — к девочкам! Вот так.

Когда приходила пора более серьезной подготовки к традиционно-ежегодному спортивному смотру в масштабе всей Красной армии, наступал вообще полный писец — училище переходило на осадное положение, все увольнения отменялись, а наши тела и души безраздельно отдавались в полное и безраздельное распоряжение полковника Миллера, который получал в свои мускулистые руки неограниченную власть.

По воле «дедушки» Миллера мы начинали носиться галопом по огромной территории военного училища с самыми первыми лучами восходящего солнца. Усиленная утренняя зарядка плавно перетекала в интенсивный 3-4-х километровый забег. Затем, весь личный состав училища строился на плацу, продуваемом насквозь всеми уральскими ветрами. Полковник Миллер важно взгромождался на «генеральскую» трибуну и под рев мощнейших динамиков, почти 1000 курсантских душ, четко под счет — синхронно, с многократным повторением, делали «Комплекс вольных упражнений №№ 1, 2, 3». Выполняли эти комплексы до полного изнеможения — когда нас смело и безбоязненно можно было выставлять на торжественное открытие любых Олимпийских игр или какой-нибудь Спартакиады в качестве идеально вышколенной массовки, а то — и для украшения стадиона в качестве «живых скульптур». Все наши движения были идеально отточены до полного автоматизма, а в глазах горел безумный огонек фанатизма.

Затем следовали плановые учебные занятия, на которых у нас

появлялась кратковременная возможность просто тупо посидеть на собственной заднице, вытянув уставшие ноги и попытаться немного расслабить «забитые» мышцы, но на переменах все передвижения между учебными корпусами осуществлялись только бегом.

После занятий — очередная беготня по училищу в приличном темпе в районе 3000 метров. Затем, «пулей» на обед, опять же естественно «бегом». Потом незаметно пролетала сильно укороченная (кастрированная) самоподготовка — учеба оказывается в военном училище совсем далеко не самое важное, и «наука побеждать» плавно отходила на второй план, уступая главенствующее место вездесущему спорту. Главное — всем курсантам надлежало постоянно висеть на перекладине и бегать, бегать, бегать. Ну, а потом еще на сон грядущий, вместо обязательной «вечерней прогулки» на свежем воздухе, была очередная стандартная 3-ка вокруг училища. И такой конно-ипподромный режим сохранялся на территории училища ВВС в районе 2,5-3-х месяцев, аж до самого момента приезда дорогой и долгожданной комиссии из Москвы.

Стоит отдать должное, что полковник Миллер, несмотря на свой достаточно серьезный возраст, бегал почти наравне с нами. И это делает ему честь, безусловно. Уважаем и преклоняем свои головы, это бесспорно.

Но, для элементарной справедливости стоит заметить, что он то бегал в легоньких кроссовочках, а после работы шел домой отдыхать и «баиньки», а мы тащили всевозможные наряды, караулы, хозяйственные работы, погрузо-разгрузочные работы и всю внутреннюю и внешнюю службу, которую никто не отменял. Опять же питание тоже, несомненно разное, у кого-то — нормальная высококалорийная пища, а у кого-то — отвратный бигус.

Короче, такие непомерные нагрузки наши молодые, но несколько истощенные после суровой уральской зимы и длительной диеты из мерзкого бигуса, организмы отказывались воспринимать адекватно. Мы не успевали восстанавливаться после изнуряющих ежедневных тренировок по вполне объективным причинам и как следствие этого начались проблемы.

У некоторых ребят проявилось варикозное расширение вен на ногах и в области гениталий. Причем настолько серьезно, что кое-кому из парней пришлось в срочном порядке отменять давно запланированные свадьбы и ложиться в госпиталь для проведения операции на непомерно раздутых венах. А в возрасте 19-20-ть лет — это согласитесь, не «есть хорошо», тем более что в перспективе

для курсантов ВВС маячила реальная летная работа, для допуска на которую, состояние личного здоровья каждого парня выходило на передний план.

Сколько было пролито девичьих слез из-за отмененных свадеб, мама не горюй?! Этими обильными горькими слезами можно было наполнить наш училищный пруд у КПП до краев и еще хватило бы на приличный ручеек.

А сколько ребят испытали психологический шок от своей неожиданной мужской несостоятельности, когда хорошо знакомое с раннего детства содержимое собственной мошонки неожиданно для тебя любимого катастрофически увеличивается до неприлично-огромных размеров и вызывает недоуменное выпучивание удивленных глаз, хаотичное ощупывание такого непредвиденного «богатства», жгучий стыд, панический страх и неприятные болевые ощущения.

А представьте себе, как страшно становиться молодому парню, когда твой дорогой и любимый, а также некогда безотказный и работоспособный «боец» теперь грустно висит в постоянном положении «на пол шестого» и годится только для оправления естественных надобностей, в виде банального мочеиспускания и не более того?! И весь этот ужас в какие-то 19–20 лет?! Кошмар! Шок! Паника! Конец жизни!

Одно радует, что после беглого осмотра у дежурного врача училищной медсанчасти выяснялось, что эта фатальная беда все же поправима достаточно несложным операционным путем. Но, тем не менее, многочисленные нервные клетки, погибшие от внезапно испытанного шока, мощнейшего стресса и прочих многочисленных переживаний, когда в голову лезет всякая дрянь и всевозможные дурные мысли о бесполезной бренности твоего дальнейшего существования, не восстанавливаются, не так ли?! Да еще в перспективе и под скальпель хирурга укладываться надо. Мде…приехали. А все это ради чего…?!

Лично я неоднократно просыпался посреди ночи с криком от страшной боли, когда во сне жестокая судорога цепко хватала мои икроножные мышцы. Хаотично растирая «окаменевшие» ноги, я часто видел, что на соседних койках мои соседи по казарме тоже не спят и с приглушенным стоном пытаются подавить неожиданный приступ мышечной судороги. И таких, как я было немало. Судороги икроножных мышц — это было наименьшее зло, от которого страдали многие ребята.

Но полковника Миллера подобные мелочи жизни не интересовали. Он выполнял категорический приказ нашего генерала о поголовной подготовке курсантов вверенного ему училища ВВС до 90 % от всеобщей численности на

перворазрядников и обеспечения заоблачно высокого уровня физической подготовки, дабы не ударить в грязь лицом перед строгой московской комиссией. Генералу был нужен солидный результат с последующим победоносным докладом вышестоящему командованию в ВУЗ ВВС, и верный Миллер дрючил нас и в хвост и в гриву, ежедневно и ежечасно, не вынимая. Работоспособность у него была просто бешенная, и с потенцией у спортивного полковника тоже был полный порядок, на зависть некоторым.

Абсолютная власть мобилизует, знаете ли, и придает дополнительные силы, открывает «второе дыхание» и все такое… И «старина Мюллер» старался оправдать оказанное ему высокое доверие. 52 года возраста в активе однако, а послужить Родине верой и правдой еще некоторое количество лет, ой как хочется, поэтому Миллер через наш пот, мозоли, ночные судороги и варикозное расширение вен, доказывал всесильному генералу свою нужность и незаменимость любой ценой. Включая, ценой нашего здоровья.

Во время прибытия важной и многочисленной комиссии из Москвы, в училище повсеместно практиковались массовые подставы. Допустим, кто-то из ребят отлично бегал 100-метровку и полосу препятствия, показывая взрывную скорость и феноменальные результаты, в результате эти курсанты носились на данных дистанциях до полного изнеможения, многократно выступая и за себя и за «того парня».

Стандартная дистанция в 100-метров после контрольного замера эталонной рулеткой, привезенной проверяющими ревизорами из Москвы, за одну ночь, чудесным образом сократилась на добрый десяток метров, причем с асфальта была виртуозно смыта белая краска и нанесена новая разметка. Данная дерзкая операция проводилась под личным руководством «папаши Мюллера», пока дорогие московские гости расслаблялись в уютной училищной бане после долгой и утомительной дороги из далекой столицы нашей Родины в уральскую глухомань.

Повсеместно переклеивались фотографии потенциально перспективных курсантов на «Военных билетах» безнадежных аутсайдеров. Тут и там, ребята переодевали форму одежды и стартовые номера. Частенько бывало, что быстроногий скороход только пересек финишную линию, показав очень приличный результат, а его уже выставляют бежать под чужой фамилией и за другую роту.

Курсанты бегали даже за некоторых офицеров с их «Удостоверениями личности». Смешно было смотреть на 18-

летнего «майора» с короткой стрижкой, тоненькой шейкой и оттопыренными ушами, но в принципе такие подставы проходили достаточно гладко, ибо неподкупные проверяющие из Москвы находились в состоянии постоянной «кондиции» и смотрели на окружающий мир расфокусированными осоловевшими глазами и под углом в 40-к градусов.

На дистанциях в 3000 метров и на марш-бросках с полной боевой выкладкой на «Старте» полуофициально выставляли ведра с глюкозой — «ешь ни хочу», а кое-кому из желающих ребят, медработники, обязательно присутствующие на подобных соревнованиях, тихонечко давали глотнуть весьма стоящую настойку «Пантакрин» и прочие безобидные стимуляторы.

Загодя, перед выходом на «Старт», парни массово сдирали металлические подковки со своих тяжеленных сапог и вырезали внутреннее содержимое кожаной подкладки голенища, радикально облегчая обувь вплоть до подрезания самого голенища сапога на пару сантиметров, доводя его размер до минимально-приемлемого состояния на манер десантных сапожек.

На марш-броске по пересеченной местности с боевой выкладкой и оружием, некоторые особо одаренные ухари из курсантской братии умудрялись вытащить из своего АК-74 затворную раму с бойком и прочую требуху, максимально облегчая персональный автомат. Сколько было изувечено противогазов, вообще не поддается исчислению — как бы даже не все 100 %. Показуха и подставы процветали повсеместно. Наши строгие отцы-командиры как будто массово ослепли и демонстративно не замечали наши всевозможные хитрости и незамысловатые уловки. Оно и понятно — «Победа любой ценой!»

То, что после фантастически замечательных результатов на «Финише» поголовное большинство «рекордсменов» потом активно блевало желчью в ближайших кустах — это уже никого не интересовало.

Короче, все средства хороши — главное результат. И результаты были просто потрясающие. Фактически каждый из нас стал перворазрядником, за редким исключением — второразрядником.

И вот, наконец, все закончилось — строгая комиссия, офигевшая от невиданных результатов, достойных золотых медалей Олимпиады, после очередного грандиозного и обильного возлияния спиртосодержащих жидкостей, подкорректировала оценочные ведомости на предмет удаления легкоатлетических мировых рекордов планетарного масштаба, легко перекрытых подавляющим большинством наших курсантов и, подсчитав

среднее арифметическое число потенциальных чемпионов, благополучно убралась восвояси.

Мы же в свою очередь приготовились прилично расслабиться и услышать законные слова благодарности в свой адрес со стороны командования училища, а возможно, даже получить заслуженную пару дополнительных суток к отпуску, которые никогда не были лишними, но не тут то было. Как говориться: «Держи карман шире! Все поощрения выдаются сжатым воздухом. На процедуру награждения приходить со своими баллонами!»

Полковник Миллер вышел перед строем нашей легендарной 4-й роты, внесшей достойную лепту в грандиозные спортивные достижения минувшего «Общеармейского смотра» и вкрадчиво объявил о проведении планового экзамена по физической подготовке.

От такого факта вопиющей несправедливости, личный состав роты удивленно загалдел, повсеместно раздался рокот законного возмущения, переходящий в неконтролируемый рев.

Не, в натуре! За что боролись?! За что жопу на британский флаг рвали и желчью блевали?! Где справедливость?! Столько пацанов на «варикоз» раскрутилось, про ночные судороги вообще молчим?! Личное здоровье и активная половая жизнь полетели коту под хвост и положены на алтарь показушных спортивных достижений! А ради чего?! Офигеть! Как за ожиревших офицеров по полосе препятствий скакать, так все нормально будет, а наши чемпионские результаты и олимпийские рекорды в оценочные ведомости за полугодие тупо перенести, чтобы заслуженно освободить измотанных курсантов, прославивших родное училище, от никому ненужного экзамена, так хренушки вам, дорогие детишечки?! Ничего себе раскладец! Где справедливость?! Какой в сраку экзамен?! Мы же выложились «до нельзя», еле ноги таскаем…

Полковник Миллер пару минут слушал все нарастающий гул праведного возмущения, затем лукаво улыбнулся и выдал следующее.

— Ну, чего разгалделись, как стая ворон с училищной свалки. Вы же не хуже меня знаете, что все ваши чемпионские результаты — сплошная липа, которая годится только для дутых отчетов московским бездельникам. А меня интересует истинное положение дел с вашим тщедушным физическим состоянием. Хрен с вами, предлагаю сделку! Мне 52 года и я делаю на перекладине 30-ть подъемов переворотом. Учитывая поправку на мой преклонный возраст и все такое, вы должны делать это упражнение в районе 55-60-ти раз. Но я буду великодушен. Если кто-то из вас, дорогие мои чахлики, сделает хотя бы 52-а подъема

переворотом, я лично засчитаю все ваши «эфемерные» результаты на этом позорном спортивном смотре за плановый экзамен. А если этот доброволец сделает 55-ть повторения, я поставлю ему 5-ку по «Физо» за год. Ну, а если данный выдающийся индивидуум сподобится выполнить более 60-ти повторений, то я поставлю ему 5–ку за весь период обучения, вплоть до самого выпуска из училища. Ну, желающие ест?! Или все настолько убогие, что пупки могут развязаться и очко треснет… Ну чего притихли, смелые есть?!

— Есть!

Из строя нашей 4-й роты вышел курсант Василий Рожнев из 44-го классного отделения. Это был ничем неприметный худенький парнишка из Белоруссии, небольшого ростика, но с хорошо развитой мускулатурой. «Грюпенфюрер Мюллер» скептически посмотрел на Василия и, не обнаружив в его телосложении ничего особенного, великодушно махнул рукой.

Рота недоуменно замерла, Вася был скромным и немногословным парнем, к тому же он никогда не был замечен в числе выдающихся спортсменов. Тем не менее, именно от него, в данный момент зависела наша жизнь и остатки потрепанного здоровья на ближайшую пару недель. Заново сдавать все нормативы и бегать по утомительным дистанциям, ой как нехотелось.

Вася неспешно подошел к турнику, расстегнул поясной ремень и снял гимнастерку. Все это аккуратно и обстоятельно сложил на лавочку у турника и сверху положил свою пилотку. Затем, Рожнев поплевал на ладони и попытался допрыгнуть до перекладины. Но, будучи невысоким парнишкой, у него это не получилось — ростика не хватило. Миллер ехидно ухмыльнулся и пробурчал.

— Подсадите бойца. Тоже мне, Геракл в миниатюрном варианте. Смотри геморрой не заработай, юноша бледный.

Из строя нашей роты быстренько вышли двое рослых парней и легко забросили худенького Рожнева на высокорасположенную перекладину спортивного турника. Вася четко зафиксировал вис «снизу» и неожиданно ловко начал накручивать подъемы переворотом. Полковник Миллер умилительно закатил глазки и пренебрежительно поцокал языком, а толпа курсантов начала спонтанно считать в слух.

— … Восемнадцать! Девятнадцать! Двадцать!

Курсант Рожнев старательно и красиво прописывал упражнение, четко фиксируя вис «снизу». Через некоторое время несколько удивленный «Мюллер» начал посматривать на Василия уже с некоторым любопытством и со скрытым интересом. А

Васятка старался не столько за себя, сколько за всех нас. Честь ему и хвала!

— …Сорок девять! Пятьдесят! Вася давай! Осталось чуть-чуть! Держись!

Полковник Миллер перестал улыбаться и прикусил язык. Предчувствуя свое скорое поражение, он сделал вид, что полностью потерял интерес к происходящему на перекладине.

Вася начал заметно уставать и сильно вспотел. Густой пот блестел на его спине ровным слоем, медленно стекал в сапоги и неумолимо разъедал глаза, но стереть проклятый пот у курсанта Рожнева не было никакой возможности. Время от времени Василий быстро перехватывал турник, стараясь таким образом стереть вездесущий пот со своих катастрофически слабеющих ладоней.

— …Пятьдесят два! Ура! Молоток Вася! Так его! Спасибо тебе дружище!… Пятьдесят три! Пятьдесят четыре! Пятьдесят пять! Васятка, ты — супер, лови заслуженный «пятак» за год! Потерпи дорогой, давай тяни до 60-ти…

Василий замер на верхней точке перекладины, тяжело переводя хриплое дыхание. Миллер болезненно поморщился.

— Ну ладно парень, убедил, слезай. Заработал свою честную 5-ку за год. Кто бы мог подумать?! Еле-еле душа в теле, почти мешок с костями, а такой цепкий и упертый. Хотя, честно говоря, я в твои годы и гораздо больше мог сделать! Подумаешь 55-ть?! Слезай, говорю, пока не надорвался. Отвечай потом за тебя.

Рожнев упрямо помотал головой с насквозь мокрыми от противного пота волосами и снова начал интенсивно накручивать подъемы переворотом дальше с каким-то патологическим упорством и с удвоенной энергией. Было заметно, что уставший Вася начал активно использовать энергию пружинящей перекладины турника, помогая силой инерции, своим слабеющим мышцам.

— … Семьдесят девять! Восемьдесят!… Вася! Вася! Вася!…

Волосы на голове Василия уже полностью слиплись от едкого пота, его галифе намокли. Курсант Рожнев все чаще и чаще менял хват руками, чтобы просушить катастрофически потеющие ладони. «Мюллер» заметно нервничал.

— Курсант Рожнев, слезай, говорю, а то грыжа вылезет, слышишь меня, упрямец?! Я приказываю…

А Вася как будто обезумел. Его глаза остекленели, на скулах играли желваки. Было отчетливо слышно, как скрипят его зубы и, временами Рожнев глухо постанывал от нечеловеческого напряжения. А мы заворожено считали дальше.

— …Девяносто девять! Сто! Васька, слезай на хрен, ну его на

хуль!

Вася очень тяжело дышал и его густой пот обильно капал с кончика носа уже прямо в пыль непосредственно под перекладиной. Вены на руках упрямого белоруса страшно взбухли, а мышцы выпирали каменными буграми, но Рожнев не сдавался. Курсанты в строю нашей роты уже, откровенно говоря, обалдели от увиденного, но продолжали восхищенно считать, заворожено наблюдая за щупленьким кудесником на перекладине.

— …Сто восемнадцать! Сто девятнадцать! Сто двадцать!… Вася! Вася!…

Полковник Миллер раздраженно сплюнул на землю, развернулся и, неожиданно сильно ссутулившись, молча побрел в сторону кафедры «Физкультуры и спорта».

— Сто двадцать один! Сто двадцать два! … Ёёёёёёёб твою …

Неожиданно для всех нас, Вася сорвался с влажного, от его же собственного пота, турника и упал на землю. Строй нашей роты мгновенно сломался, мы подхватили беспредельно замученного героя — курсанта Рожнева на руки и начали дружно качать его, высоко подбрасывая в воздух, продолжая при этом восторженно и бешено орать.

— Сто двадцать два! Сто двадцать два! Сто двадцать два! …

Было отчетливо видно, как вдалеке шел заметно поникший полковник Миллер, а на училищном стадионе и ему в спину неслось громогласное.

— Сто двадцать два! Сто двадцать два! Сто двадцать два! …

34. Газированные танцы

Ура! Свершилось! Столкнули летнюю сессию без потерь, заходов на второй круг, аккордных работ и прочих незапланированных тормозов. Значит, срочно линяем из обрыдлых стен любимой казармы в заслуженный, фактически выстраданный отпуск. Подальше от прочных ворот родного КПП, колючей проволоки по периметру и вездесущих отцов-командиров, занудливых и придирчивых, но местами душевных и даже, где-то заботливых до тошноты и тихого ужаса. А, чуть не забыл, еще — деликатных и вежливых, подольше бы их всех не видеть.

Отпуск! Слово то, какое приятное во всех отношениях. Тем более что в активе целых 30 суток. Это же целая вечность! Красота.

Делай «что хочу», твори «чего душе угодно», по мере сил и возможностей конечно и на грани приличия желательно и за пределами юрисдикции уголовного кодекса естественно. Эйфория, поймите правильно.

Эх, свобода! Куда поехать, к кому податься?! География страны просто впечатляет. На глобус посмотришь, и благоговейная оторопь в свои объятия крепко тебя берет и долго-долго не отпускает. А по спине мурашки величиной со здоровенную кошку так и бегают, так и прыгают. Приятные ощущения, многообещающие.

Велика страна, широка! Дохрена места на планете Земля нам цари-батюшки навоевали! Поклон и уважение им за это абсолютно искренние. Вот только дума непростая кручинит сейчас добро-молодца — куда же все-таки лыжи свои навострить?! Куда метнуться?! Ограничений то нет, вот глаза в разные стороны и разбегаются. Честно говоря, да и кости свои кинуть можно в любой точке на карте СССР, ребята в училище со всех закоулков необъятной Родины понаехали, даже из самых запыленных. Все будут несказанно рады своего дорогого сокурсника приютить и потрясающий отдых для него замастрячить, со всеми вытекающими отсюда последствиями и незабываемыми впечатлениями естественно.

Эх, прямо как в сказке — стоит Иван-дурак в глубоком раздумье у путевого камня на дорожном распутье и небритую щетину на оттопыренной челюсти чешет. Хочешь в золотую Бухару?! Пожалуйста. На потрясающую Камчатку?! Да не вопрос. В Ленинград, Львов, Минск, Керч, Батуми, Баку, Измаил, Поти, Салехард, Астрахань, Черкассы, Белую Церковь, Одессу, Ейск,

Душамбе, Хабаровск, Мукачево, Витебск, Уссурийск …, блин! Да куда угодно! На Черное море, Азовское, Каспийское, на озеро Иссык-куль, на Байкал. Нет проблем! Везде есть знакомые, везде тебя примут, везде накормят. От таких потенциально нереализованных возможностей, аж «в зобу дыханье сперло». Ну почему отпуск такой короткий?! Всего-то каких-то жалких 30 суток — всего ничего. Мизер! Несправедливо.

Киевлянин Лелик в категоричной форме прервал мои творческие терзания в практическом применении основ навигации и штурманской подготовки. Оторвав меня от настенной карты СССР, он однозначно и категорически заявил.

— Нечего думать, курс — на запад. Едем ко мне в Киев. Киев — это мать (или отец, точно не помню) городов русских. 2500 лет — аргумент?! Вокруг, красотища неимоверная — парки, дубы, каштаны, Лавра, Крещатик, Этажерка, Родина-мать. Люди хлебосольные, жрачки завались, бухла море! А девчонки — вообще отпад полный, одна красивее другой, устанешь отвисшую челюсть подтягивать и слюну глотать! Если не женишься на второй день, я тебе ящик шампанского поставлю и «киевский» торт сверху! Именно в Киеве, ты обязательно пожалеешь, а я уже давно пожалел, что мы — не мусульмане и гарем нам, увы, к сожалению никак не светит. А так иногда хочется! И ты знаешь?! Чем ближе к отпуску, то «хочется» все чаще и чаще. Эх!

Лелик мечтательно закатил свои черные как уголь глаза «под образа» и, энергично тряхнув густой иссиня-черной, как смоль, шевелюрой, с удвоенной настойчивостью продолжил живописно рекламировать город Киев и его чудесные окрестности.

— К тому же, под Киевом, у нас дача в шикарном месте. Природа фантастическая, экология незагаженная. Чернобыль не в счет! Поверь на слово, после Чернобыля вся ненужная флоре и фауне хрен давно повымирала, осталось только то, что надо. Далее, горилка натуральная, закуска обильная, девки опять же… Ах Саня, какие у нас девки?! Кровь с молоком, коса до колен. К тому же коса, толщиной в руку. Не вру, сам увидишь! Брови в разлет, кожа смуглая, грудь… Саня, ты видел когда-нибудь настоящую украинскую грудь?! Это я тебе скажу что-то! Картина! Не какая-то жалкая картинка, а настоящая картина размером 3х4. Не для слабонервных картина. Увидишь и не удержишь себя в руках, точно тебе говорю. Два баскетбольных мяча, во! Короче, обсуждению не подлежит, плюю… плюрали…плюрали-ралибизм разводить не будем, тьфу блин, весь язык от речей Горбачева поломаешь. В общем, плюем на этот либизм с дибилизмом и едем ко мне. Однозначно! Кстати, Витя Копыто тоже едет, заодно поможешь мне этого индивидуума из всякого дерьма

вытаскивать. Он же любит свой нос «сувать куда неследоват». Сань, не смотри на меня так. Не надо. Я не переношу, когда ты так смотришь. Ну, боюсь я, понимаешь, боюсь?! Не управлюсь один с его энергией и гиперпотенцией. Не бросай меня, а?!

Услышав про небольшой довесочек в виде попутного туриста Вити Копыто, я сразу же начал терзаться смутными сомнениями. Ехать в Киев что-то как-то расхотелось. Отпуск то в принципе и дается в военном училище, наверное, именно для того, чтобы можно было спокойно отдохнуть от крендебубелей таких замечательных товариСТЧей как Витя Копыто. А тут уж какая с ним будет расслабуха?! Только и смотри в оба.

С одной стороны любопытно конечно посмотреть на это «ходячее происшествие» в свободном от колючей проволоки пространстве, но с другой стороны — быть постоянно в тонусе, дабы опекать это дитя неразумное от всевозможных и гарантированных приключений, не очень то и улыбается. Это уже не отдых, а выездной филиал нашей казармы — караул сопровождения какой-то. Только без оружия.

В результате, мое персональное любопытство и отчаянно жалостливые глаза Лелика (не могу точно сказать, что именно сыграло решающую роль) пересилили остатки здравого смысла и врожденный инстинкт самосохранения, и мы полетели в стольный град Киев.

Описывать общеизвестное украинское хлебосольство и гостеприимство не имеет никакого смысла, так как оно прошито генетически где-то очень глубоко на межклеточном уровне, причем поголовно у всех жизнерадостных жителей славной Хохляндии.

Нас поили и кормили так, как будто сразу после отпуска хотели сдать на живодерню, с единственной целью — потом всю зиму наслаждаться огромными запасами нашего нежного и толстого сала. Кормили тупо «на убой», «на перспективу». Все мои воспоминания о Киеве, в той или иной мере связаны с бесконечной чередой постоянного поглощения огромного количества всевозможных продуктов питания, исключительной вкусности и разнообразия.

Отвыкшие в армии от обильной, вкусной и жирной пищи, наши усохшие курсантские желудки с большим трудом вмещали в себя и с титаническими усилиями переваривали многочисленные изыски украинской кухни, в паническом ужасе, мобилизуя все внутренние резервы аскетичного в своей непритязательности армейского организма.

А все близкие, дальние и очень дальние родственники и совсем не родственники Лелика, а так же — соседи и просто

многочисленные знакомые, буквально рвали нас на части с одним единственным желанием — накормить побольше и повкуснее трех замореных худышек — фактически военных сироток. Не взирая на то, что наши массово-габаритные параметры были в районе 185–190 см. роста и 80–90 кг. живого веса тушки каждого. Витя Копыто не в счет, его «бараний» вес был где-то 65–68 кг. Короче, Витя напоминал этакое ходячее пособие по анатомии для наглядного изучения строения скелета homo sapiens'а. Глядя на его выпирающий кадык и торчащие в разные стороны рёбра, у сердобольных и пышнотелых хохлушек непроизвольно выступали слёзы, и они накрывали для нас шикарные столы с удвоенным рвением.

В разумении киевлян, мы были непростительно худы и чуть ли не с катастрофическим дефицитом веса, а то возможно — на грани истощения. Так как более-менее солидный мужчина на Украине, начинается от 120 кг. Исключительно поэтому нас ускоренно и усиленно подгоняли под этот общепринятый стандарт.

В результате такого напряженного режима питания, мы начинали сразу же кушать уже в те моменты, как только у нас пропадало чувство стойкого отвращения к пище, так как чувство сытости не исчезало никогда, а про голод вообще говорить неуместно. При такой диете, напоминающей откровенное и непрерывное обжорство, наши пищеварительные системы дали достаточно легкий, но местами переходящий в лавинообразную катастрофу устойчивый сбой.

И как следствие всего этого, у каждого из нас началось постоянное неконтролируемое и неприлично обильное газообразование, что в медицинских кругах называется красивым словом — метеоризм. Но, что поразительно — к космическому пространству, этот самый метеоризм не имеет никакого отношения. Нас просто тупо пучило. Причем, пучило конкретно. Реально раздувало, как резиновые шарики. Кожа на животах натянулась как барабан и, внутри организма постоянно что-то бурлило и громко булькало.

Совершенно неожиданно для самих себя, мы стали гарантированным источником большого количества метана и сероводорода которые, вступая в бесконечную цепную реакцию, создавали критический объем газа, исчисляемый не иначе как кубометрами. Как следствие всего этого в наших, потрепанных кошмарной диетой, организмах создавалось избыточное давление газовой смеси. А дальше все происходило в строгом соответствии с законами термодинамики из курса физики средней школы за 8-й класс.

Гремучая смесь этих газов, периодически срывая анальные клапана, абсолютно независимо от нашего желания, более того — вопреки всем нашим усилиям, с громким звуком выхлопа вырывалась наружу, беспощадно отравляя окружающую среду.

Жаль, в то время не было «Газпрома». Наша славная троица составила бы ему жесткую конкуренцию и неминуемо привела бы к банкротству и планомерному разорению, а мировой газовый рынок — к падению цен на данный носитель энергии. Без преувеличения, нашу компашку можно было использовать в качестве альтернативного источника газообразного топлива и смело подключать к существующему газопроводу «Уренгой-Помора-Ужгород». Золотовалютные запасы страны только бы множились и прилично прирастали. Но, достойных предложений на тот момент не поступало и мы, тупо отравляли окружающую среду периодическими аварийными выбросами метана и сероводорода.

Оп-па, кстати, а проблема глобального потепления климата из-за избытка метана в верхних слоях атмосферы, не в конце ли 80-х годов прошлого века в полный рост заявила о себе?! Мда, вопросец?! Может знаменитый «Киотский договор» надо было еще тогда в Киеве подписывать, кто знает?!

Будучи частично воспитанными юношами — тоесть с остатками домашнего воспитания, мы старательно сдерживали рвущиеся наружу «эмоции», стойко терпели и постоянно бегали в туалет, чтобы не нарушать покой гостеприимных киевлян несанкционированными и бурными газоизвержениями. А так как газообразование было непрерывным, то и в туалет мы бегали тоже очень часто, нетерпеливо подгоняя друг друга и создавая при этом иллюзию хаотичного мельтешения спонтанно движущихся тел или наглядную модель теплового Броуновского движения из курса физики за 5-й класс средней школы.

Однажды загуляв по красивейшему вечернему Киеву (родители Лелика были на даче), мы свернули с набережной Днепра и зашли в парадное дома, где жил Лелик. Поднявшись на лифте на 3-й этаж, мы с Витей немного потолкались и подурачились на лестничной площадке, пока Лелик отпирал ключом квартиру и, расталкивая друг друга, наперегонки бросились…. Куда?! Естественно, в туалет! Лелик оказался сильнее, быстрее, ловчее и так как знал в своей квартире более короткий путь, то финал забега был предрешен. Он на правах победителя кросса по пересеченной местности — коридорам квартиры, заперся в персональном кабинете раньше, чем мы успели снять обувь. А нам с Витькой осталось терпеливо ждать своей очереди.

Дабы не терять время зря и скоротать вынужденное ожидание с пользой мы, продолжая весело толкаться, заскочили в комнату Лелика и, не включая свет — на ощупь запустили магнитофон, который сразу же выдал замечательную песню Виктора Цоя «Война». А так как, в наших венах протекал коктейль из смеси дурной молодецкой кровушки и высококачественной украинской горилки примерно в равных пропорциях, то заведенные забойной музыкой и изначально хорошим настроением, мы с Витькой начали прыгать по комнате как два барана и старательно подпевать популярной песне любимой группы.

— Вооойййййнаааааа!!!!! Меееееждуууууу зеееееемлёёёёёй и нееееебоом!!!! Войнаааааа!!!!! — дружно орали мы, как два незаслуженно амнистированных из дурдома, идиота и скакали по темной комнате, рискуя врубиться друг в друга или в мебель.

От таких активных физических упражнений, организм Копыто переполнился, его анальный клапан вышибло, и Витька оглушительно выпустил в атмосферу огромную порцию метана, скопившуюся в его кишечнике.

— Ба-бах!

Напуганный неожиданным грохотом, я инстинктивно присел, уклоняясь от «пролетающего снаряда». Было очень похоже на выстрел из РПГ-7 — ручной противотанковый гранатомет.

Кроме оглушительного выхлопа, сопоставимого по громкости с небольшим взрывом, по комнате неизбежно начал распространяться характерный запах сероводорода, такой замечательной консистенции и приятности, что у меня сразу же начали слезиться глаза. Я мгновенно перестал активно радоваться жизни и скоропостижно подлетел к окну, в смутной надежде глотнуть порцию свежего воздуха и тем самым спасти свою никчемную жизнь. Пока я в полумраке комнаты на ощупь сдвигал шторы, тюль, переставлял цветы и отчаянно боролся со шпингалетами на окне, Витя продолжал, как ни в чем не бывало носиться и прыгать по комнате, истошно фальшивя и подвывая своему корейскому тезке Цою.

— Вооойййнаааа, меееееждуууууу зеееееемммллёёёёёййй и нееееееебом, воооооооййййнаааааааа.

— Тратататата-тататататата! Быдых-быдых! Тратататата-та-та-та-тратарарара! Уууууух! УУух! Ба-бах! — подпевала Виктору, разными голосами (чаще всего — басом) его безотказно работящая задница которая, не зная ни пауз, ни продыху активно извергала в комнату новые умопомрачительные порции дурнопахнущих отравляющих веществ.

Я, задыхаясь и отчаянно сдерживая ускользающее сознание, наконец-то справился с окном, распахнул его настежь и начал

жадно пить свежий воздух, который легким ласковым ветерком приносило с ночного Днепра. А Копыто, тем временем разошелся не на шутку. Он схватил футболку Лелика, висевшую на спинке кресла и, не переставая громко отравлять воздух в квартире, запрыгал с новой интенсивностью. Непостижимым образом Витя умудрялся при этом ритмично пердеть строго в такт музыке.

— УУууУХ! Траааататататата! Та-Та! Бу-бух! Бу-БУХ! Ды-дых! Трарарататата! БыДЫХ!

Я тем временем, вывесился по пояс в раскрытое окно, отчаянно рискуя вывалиться с третьего этажа. Перспектива загреметь на асфальт привлекала меня гораздо больше, чем неминуемая и весьма неприятная смерть от гарантированного удушья, ибо концентрация отравляющих веществ в воздухе была запредельной и постоянно увеличивалась.

— Тра-тататата! Та! Та-та! Быдых-быдых! Бабах! Тататата! Быдых-быдых!

Складывалось устойчивое впечатление, что в квартире у семейства Пономаревых идет общевойсковой бой с применением не только скорострельного стрелкового оружия, но и тяжелой артиллерии, а так же все это происходит на фоне активного использования ОВ — боевых отравляющих веществ, типа — зарин, зоман, фосген и прочей удушающей дряни. Я реально почти терял сознание и еле балансировал на краю подоконника, отчаянно цепляясь пальцами за трубу центрального отопления, максимально вытянув тело и шею за пределы квартиры, пытаясь втянуть в свои легкие побольше свежего воздуха.

Тем временем Витя продолжал прыгать в импровизированном танце и активно махать футболкой Лелика в районе своей костлявой задницы, смешно задирая ноги, как солистка кордебалета, пытаясь равномерно разогнать щедро изрыгаемые (и очень-очень громко) своим неконтролируемым организмом многочисленные зловонные облака по всей комнате.

Картина маслом, я плакалЪ! Это надо было видеть. Хорошо, что Лелик в это время находился в туалете и не знал, что именно вытворяет его дорогой гость — Витенька, с футболкой добродушного и гостеприимного хозяина. Тем временем, здоровье и сама жизнь Вити Копыто находилось под реальной угрозой. Лелик был добрый, но весьма сильный парень, причем с очень внушительными по размеру кулаками.

Неожиданно в комнате включился свет. Это Лелик наконец-то расстался с керамическим другом. И первое, что мы увидели — была очаровательная загорелая девушка с иссиня-черной густой гривой роскошных волос, которая сидела, глубоко вжавшись в кресло. Подобрав под себя ноги и с округлившимися от ужаса

неестественно огромными серо-зелеными глазами, она смотрела на нас с нескрываемым испугом.

Лелик, удивленно приподнял одну бровь и добродушно расплылся в довольной улыбке. Он выключил орущий «благим матом» магнитофон и повернулся к девушке.

— О, Ленка привет! Ты все это время была здесь?! А ты, каким ветром?! Встречным или попутным?! А чего не дома, не рядом с любимым мужем. И как только Валентин такую кралю отпустил?! Он же сейчас все телефоны оборвет!

Посмотрев в нашу сторону, Лелик широко развел руки в разные стороны и добродушно продолжил.

— Парни, знакомьтесь, это моя старшая сестра — Лена. Я вам о ней уже рассказывал. Приятная особа во всех отношениях. Умница, красавица! А готовит как?! Умереть от ожирения, но из-за стола не встать. Но, уже замужем, так что закатайте губки и сглотните слюнку. Да! Забрали, буквально с руками оторвали. Повезло парню. Была Пономарева, стала — Милославская. Эх, Ленка-Ленка, у тебя подруга есть? Вот чтобы такая же, как ты, но лет на 5-ть моложе.

Лена заметно смутилась от такой рекламы и на ее смуглых щечках, под ровным загаром явно проступил румянец. Лелик картинно испугался.

— Молчу, молчу, второй такой кралечки нет, и не будет. Господи! Ну почему я — твой брат?! Ленка! Женился бы, не глядя! Да ладно, шучу. Короче, парни, знакомьтесь, потом будете всем рассказывать, какую красоту своими собственными глазами видели. Ведь не поверит никто.

От крайней степени изумления, я реально чуть не выпал из окна. С ужасом представляя, что это милейшее существо стало невольным свидетелем нашего не слишком приличного загула, я мгновенно протрезвел и густо покраснел. При этом, лихорадочно соображая, что лучше — все же прыгнуть в окно, сгореть ярким пламенем от стыда прямо на месте или каким-то немыслимым образом найти подходящие и достоверные слова для объяснения, что воздух в комнате (весь воздух) испортил в принципе не совсем я. Мой ступор был безнадежный, глобальный и качественный. Мозг ушел в длительную перезагрузку. А Лена была действительно фантастически хороша — глаз не оторвать!

Мысленно проклиная вонючего скунса Копыто, я жалко улыбнулся и, стараясь не смотреть в бездонные как украинская ночь глаза обворожительной Лены, многократно запинаясь и заикаясь, представился.

— Сссссссса-а……шшшшшшшша.

Лелик приняв мое стеснение и волнение за естественный шок

от сногсшибательного вида неземной красоты своей сестренки, сразу прокомментировал мое скромное и целомудренное представление.

— Александр — сама галантность и воспитанность, признанный стихоплет и дамский угодник. Большая половина из любовных признаний курсачей нашей роты писана этим застенчивым громилой. Не смотри, что он подпирает потолок головой и плечами закрывает окно. Где-то там — глубоко в душе, Санька — ранимое и нежное создание с трепетным сердцем и весьма приличным воспитанием, которое не смогли вытравить из него ни хамоватые отцы-командиры, ни длительное пребывание в отвратных стенах циничного по сути военного училища которое, прошу заметить, мы искренне любим. Кстати, поздравление в стихах, что ты получила на годовщину своей свадьбы и от которого еще восторженно визжала, а потом многократно показывала всем и каждому — его работа. Точно-точно. Можешь сказать спасибо.

Лена как-то очень недоверчиво и скептически посмотрела на меня и не совсем убедительно выдавила.

— Верю. При-ят-но. Спасибо.

На тот момент, под пренебрежительно-укоризненным взглядом смуглой черноволосой богини нереальной и завораживающей красоты, я готов был немедленно выброситься в открытое окно, но 3-й этаж — это согласитесь, ни туда и ни сюда. С жизнью не покончишь, а будешь только глупо выглядеть. Я реально ощущал, как от всепожирающего стыда ярким пламенем горят мои щеки и уши.

— Ну, а это Витя.

Лелик посмотрел на сильно ссутулившегося Копыто, который был неожиданно тих, несказанно смущен и подозрительно задумчив. Было заметно, что от позорного и скоропостижного бегства из квартиры родителей Лелика, Витю останавливало лишь то, что сумка с его вещами, деньгами и документами валялась неизвестно где. А бежать в киевскую ночь налегке и без копейки денег было несколько безрассудно. Да и сестра у Лелика оказалась, мягко говоря, редкой гармоничной красоты. От такой девушки не бегают, за ней бежать надо причем, высунув язык и затаив дыхание.

Лелик пристально посмотрел на Копыто, сделал паузу, пытаясь вспомнить какое-нибудь яркое его достоинство и в результате недолго подумав, выдал следующее.

— Короче, это Витя! Просто, Витя… Витя из Пилопедрищенска. Это типа, город такой. Очень известный город… в узких кругах.

Витя Копыто тем временем тоже был, мягко говоря, не в своей тарелке или вернее сказать — на грани обморока от удушья сероводородом. Он задумчиво теребил в руках футболку Лелика, которой еще пару минут назад очень старательно разгонял грозовые облака. Витек тоже густо покраснел и, пряча свои вечно выпученные глаза «испуганного ребенка», тихо промямлил.

— Витя. Копыто. Витя Копыто. Из Пилопедрищенска. Витя Копыто из Пилопедрищенска. Добрый вечер, тоесть доброй ночи…

Лена не переставая смотреть на нас с нескрываемой опаской, своими нереально огромными серо-зелеными глазами тоже густо покраснела и, непроизвольно морща свой аккуратный носик (поймите правильно, запах стоял сногсшибательный), вежливо представилась.

— Лена, очень ….. очень….. приятно. Я тут вам поесть приготовила. Мама с дачи звонила, просила присмотреть за вами. Мол, чтобы ребята не голодали. Я прихожу, а вас дома нет.

— А, это я ребятам вечерний Киев показывал. Всем каштаны очень понравились и Днепр тоже.

— Ну, я наварила вам тут всего и решила дождаться, чтобы рассказать что, где приготовлено и проследить заодно, чтобы вы поужинали, а то еще похудеете, вот будет неудобно. Позвонила домой Валентину, чтобы не беспокоился, и задремала…вот.

Безумно красивая Лена очень смущалась и старательно подбирала слова. Мы же с Витькой всячески пытались не смотреть на нее и закатили «глаза под образа». Я еще умудрялся незаметно подмахивать шторой, в слабой надежде обеспечить более интенсивную циркуляцию свежего ночного воздуха в комнате пропахшей насквозь метаном и сероводородом.

Лелик, наконец, тоже принюхался. Он брезгливо скривился и посмотрел с нескрываемой укоризной сначала на меня. Я, вцепившись в штору мертвой хваткой, скорчил невинную рожу и отрицательно замотал головой. Тогда, киевлянин понимающе посмотрел на съежившегося и смущенного Копыто. Тот в свою очередь, старательно избегал прямого взгляда с Лёлькой, продолжая непроизвольно и судорожно комкать в руках его многострадальную футболку.

Заметив это, Лелик отобрал у Витьки свою футболку и с вежливой улыбкой, предложил всем нам переместиться на кухню под благовидным предлогом — поужинать или, наверное, даже — пополуночничать.

Галантно пропустив единственную даму вперед, не столько из врожденной вежливости, сколько из жгучего желания оценить ее идеально точеную фигурку, мы двинулись следом. Витя

Копыто, восторженно смотря на стройные ножки Лены в оба своих выпученных глаза, восторженно прошептал.

— Лелик, это та самая Лена, которая на голом жеребце каталась?! (см. «Рассказ Лелика»)

Лелик сразу же не задумываясь и не колеблясь, влупил своей неприятно пахнувшей футболкой по сутулой спине Копыто и многообещающе прошипел.

— Еще одно слово вонючка, и я тебя утоплю в Днепре, благо идти недалеко — только из парадного выйти. Да, да! Это она, но прикуси свой длинный язык, а то я из него холодец сделаю и тебе же скормлю. Фу, блин! Майку мне испоганил, скунс техасский, ее теперь хрен отстираешь. На! Дарю! Только не вздумай здесь одевать, она уже на молекулярном уровне провоняла. Чего ты жрал, троглодит пилопедрищенский?!

— То же, что и вы, только у меня желудок слабый, не привык я в таких количествах жирный харч трескать.

— Ага, рассказывай! В училище, только и хомячишь непереставая. Так! Про ночные скачки не слова, придушу! Лена очень утонченная натура, в отличие от тебя, говнюк! Фу, блин, тухлыми яйцами воняешь. Отойди от меня. Иди что ли, одеколоном побрызгайся, аж глаза слезятся.

Короче, не смотря на все накладки и нестыковки, полуночный ужин прошел замечательно. Лена оказалась мировой девчонкой, с развитым чувством юмора, врожденным чувством такта и заразительным смехом. Сковывающая нас неловкость от не совсем благоприятных обстоятельств такого незабываемого знакомства, постепенно развеялась вместе с убойным запахом, оставшимся после Витькиных танцулек, и мы просидели на кухне за столом до самого утра, весело проведя время в приятной беседе, густо сдобренной различными нашими рассказами из реальной жизни безбашенной курсантской братии. Лена была замечательной собеседницей и деликатно опускала тему наших безумных танцев со зловонным аромосопровождением и громогласными акустическими эффектами.

В результате, уже под утро Лена сама доверительно рассказала нам все подробности своего незабываемого ночного путешествия на спине у прекрасного голого незнакомца. Мы изумленно охали и ахали, делая удивленный вид, что слушаем эту историю в первый раз. А Елена, совершенно искренне делилась с нами всей гаммой своих страхов, а также — незабываемо ярких переживаний и впечатлений.

Витя Копыто вел себя за обеденным столом очень благочестиво и показательно вежливо. Он даже настойчиво попросил столовый нож. Но, не умея им квалифицированно

пользоваться, беспомощно елозил тупой стороной по огромному куску мяса, щедро положенному ему с тарелку хозяйственной и хлебосольной сестрой Лелика.

Витя очень старался произвести хорошее впечатления на красивую смуглянку и даже временами пытался не чавкать и не разговаривать с полным ртом, но его хватало максимум минут на 5-ть…

Дружески и весело проболтав всю ночь, уже утром мы позвонили Валентину — мужу Елены и горячо поблагодарили его за проявленную заботу о нас — несчастных и убогих, со стороны его прелестной жены Лены.

Расставались с Леной очень тяжело и неохотно. Витя долго не выпускал ее изящные ручки из своих ладоней. Он обслюнявил ей все пальцы в неумелых, но старательно галантных поцелуях и трогательно смотрел на нее откровенно грустными глазами бездомного щенка. Только после незаметного для Лены дружеского увесистого пинка со стороны Лелика и моей двойной добавки Витя, наконец, завершил неприлично затянувшуюся процедуру слезного прощания.

Киевская красавица целомудренно чмокнула каждого из нас в щечку и, приветливо помахав рукой на прощанье, легко запрыгнула на подножку отъезжающего троллейбуса. Ах, как повезло Лелику с сестрой! Обалдеть, какая красота!

Лелик посмотрел в след троллейбусу, который скрылся за поворотом, потом посмотрел на нас, глубоко вздохнул и тоскливо промолвил.

— Ну, как думаете, вонища в квартире выветрилась?! Я когда утром в комнату заглянул, там даже все цветы завяли.

Витя Копыто обиженно надул губы, комично выпучил глаза, затем еще надул щеки и смешно зашепелявил.

— Ясен пень, давно. Всю ночь окно было открыто. К тому же, я отлучался периодически время от времени и пахучей водой на стены и на палас побрызгал. Она — вода в смысле, должна была весь запах перебить. Флакон большой такой…

Лелик настороженно замер от услышанного, затем заметно почернел лицом и в отчаянии обхватил свою голову руками.

— Витя, ты какой водой на палас брызгал?

— Какой? Какой?! Стояла там, на столике, хрен его знает, не по-нашему написано. «Водант» какая-то?! Я еще удивился, что за «вода» такая?! Вроде вода, а пахнет. И флакон такой красивый, из темного стекла. Ну, я его весь вылил, «вода» же…

— Витя!!! Это не «Водант» какая-то! Это настоящий французский одеколон «Богарт» (Bogart), твою мать! Мне его любимая девушка подарила! Я его берегу, только для нее и …. Я

тебя …. Сашка, держи меня срочно…

35. Хорошо иметь домик в деревне

Летний отпуск в Киеве проходил исключительно весело и беззаботно, несмотря на все титанические усилия Витьки Копыто, который просто задался целью его радикально испоганить. Ибо, Витя был в своем коронном репертуаре и регулярно позорил нас, с патологическим упорством попадая в различные неприглядные ситуации. Одна сцена ночных танцев чего стоит! До сих пор стыдно вспоминать. Постоянно краснею и пытаюсь выброситься в окно.

Хотя, ради объективной справедливости стоит отметить, что у курсанта, выпущенного за пределы колючей проволоки, всегда любой отпуск проходит весело и беззаботно. Мы ели и спали, спали и пили, пили и гуляли. Отрывались и чудили, как могли. Все было чудесно и замечательно. В наших релаксирующих телах и умиротворенных душах прочно поселилось ощущение уравновешенной гармонии и восторженного счастья. А как иначе?!

А условия для этого, были самые подходящие. В нашем полном и безраздельном распоряжении находилась уютная двухкомнатная квартира родителей Лелика, которые заблаговременно эвакуировались на дачу, чтобы не мешать нам наслаждаться долгожданной, но такой кратковременной свободой и относительной вседозволенностью, а также не видеть того бардака, что мы ежедневно устраивали.

Квартира находилась на Березняковской улице, фактически у самой набережной величественного Днепра, откуда открывался впечатляющий вид на грандиозный памятник Родина-мать. Обалдеть какая красота!

Каждый день мы ходили купаться на Днепр. Одеваться было лень и, откровенно наплевав на все рамки приличия, прямо в плавках и тапочках, с полотенцами на плече, мы выходили из парадного, абсолютно не взирая на то, что находимся почти в центре городской черты столицы Украины. Для похода на пляж было достаточно просто выйти из дома и пересечь оживленную дорогу. Надо было видеть глаза водителей многочисленных автомобилей, которые с нескрываемым удивлением наблюдали троицу крепких ребят, дефилирующих в тапках и плавках по пешеходному переходу.

Изредка забегала Лена — старшая сестра Лелика, чтобы приготовить для нас много вкусной еды, посидеть недолго, попить кофе, весело потрепаться и проследить, чтобы мы не дай бог, ненароком не похудели. Ее короткие, но долгожданные и

запоминающиеся, а также — очень приятные визиты, давали нам с Копыто новую пищу для неприкрытой зависти к Лелику.

Лёлька, как же тебе повезло с сестрой! И за что тебе такое счастье?! И почему она старше Лелика, а не младше или — хотя бы одногодка?! И почему Лена уже замужем?! Не могла нас подождать?! Почему такая несправедливость?! Почему?! Почему?! Почему?!

Однажды, с дачи позвонил отец Лелика — Владимир Николаевич и в настойчиво-категоричной форме пригласил нас посетить родовое гнездо семьи Пономаревых. Тоном, не терпящим даже малейшей попытки возражения, он добродушно выманивал нас из города на природу.

— Парни, срочно бросайте этот пыльный душный город и дуйте в деревню. Здесь обалденно чистый воздух, птички поют, коровки мычат, навозом пахнет. Красотища, словами не передать! Богатое звездное небо! Ночью тишина такая, аж в ушах звенит, только сверчки трещат, светлячки летают! Баба Галя — бабушка Лелика, вас заждалась, вареников с вишней и творогом налепила 340 штук, в ледник заложила. Борщец знатный в печке томится. Густой, аж ложка стоит, и мясо в чугунок не помещается. Сметанка такая, что из банки не выливается. Желтая! Ребятки, вы у себя в училище видели желтую сметану?! Бабуля коровку подоила, сливки отстаивает, горилку свою фирменную приготовила, баньку натопила. А девки?! Уууу! Какие здесь девки! Мне бы лет 20-30-ть с горы, я бы ух! Какие девчата?! Кровь с молоком, смугляночки, черноокие, губки сочные, кожа бархатная, косы ниже пояса в руку толщиной. Все свои глаза карие на дорогу проглядели, вас высматривают. По двадцать раз на день заглядывают. Все спрашивают, когда хваленые авиаторы приедут?! Деточки, никакие отговорки к рассмотрению и к оправданию не принимаются. Срочно хватайте свои худосочные задницы в горсть, напрягайте жопные мышцы и бегом на автовокзал. Не подводите меня. Я обещал, что вы скоро прибудете и всех «перемацаете», шучу конечно, но девчонки ждут. Выезжайте, а то они меня порвут на лоскуточки. Короче, выйдете с автобуса в Броварах, а там я вас на машине подхвачу. Лелик все знает, будет у вас за штурмана. Ждем!

Нищему собраться — только подпоясаться. Еще трубка телефона не успела упасть на рычаг, как мы уже были в пути. Приехали. Нас встретили, привезли до места.

Выгрузившись из вишневой «пятерки», мы с Витей Копыто замерли от изумления, откровенно отвесив челюсти и раззявя рты. Красота вокруг была фантастически неописуемая — как на картине великих живописцев.

Перед нами простиралось уютное гостеприимное село с аккуратными домиками и ровными заборчиками. За околицей был огромный цветущий луг, который ярко пестрел всевозможными разноцветными цветами и щедро зеленел сочными травами. Далее за лугом виднелся величественный лес с огромными древними дубами. А воздух?! Обалдеть!

У нас с Копыто сразу перехватило дыхания от чистейшего воздуха, щедро насыщенного пьянящими ароматами множества трав и запахами сельской кухни. Более того, у Витьки закружилась голова, и неожиданно подкосились ноги. Парню реально поплохело. Он заметно побледнел и под общий удивленный смех, шутки и красноречивые прибаутки, следуя «дружескому» совету Лелика, опустился на колени и страстно припал к выхлопной трубе «ВАЗовской 5-ки», чтобы не получить «кислородное» отравление.

Изумленный Лелик сам не ожидал такого развития событий и столь неадекватной реакции на его безобидную шутку. Он начал пытаться оттаскивать Виктора от машины, но тот усиленно отбрыкивался ногами и кричал, что «это» именно то, что надо.

Продышавшись пару минут привычным для себя «городским» воздухом, порозовевший и посвежевший Витя начал активно убеждать всех очевидцев данного представления, что ему реально полегчало. И еще через каких-то 5-ть минут подобной дыхательной процедуры, он полностью придет в норму.

Жители села, ставшие невольными свидетелями столь экстравагантной выходки «городского парубка», только удивленно посмеивались и живо обсуждали между собой эту непривычную картину — стоящего «раком» белобрысого парня и жадно втягивающего отравленный воздух из выхлопной трубы машины.

Для неискушенных и неизбалованных современной цивилизацией сельчан совершенно неожиданно начался бесплатный цирк. А чего они хотели?! Главный клоун — Витя Копыто, уже приехал. Теперь только держись.

Оглядевшись по сторонам, мы заметили несколько весьма достойных представительниц местного женского населения, которые целомудренно скрывались за плетеными заборами домовладений, но бросали в нашу сторону заинтересованные взгляды, полные задорного огня и озорного любопытства.

Из-за нашей врожденной вежливости, а также — военного воспитания, более близкое знакомство с местными дамами, мы решили отложить до вечера, на темное время суток. Пусть приготовятся получше, соскучатся и порядком истомятся в предчувствии страстной любви. Прочувствуют так сказать всю

важность и ответственность момента. Три таких подарочка приехало. Это вам тут не хухры-мухры, не механизаторы какие, широкого профиля, а ВВС. Это же «люфтваффе», понимать надо. Один Витя Копыто чего стоит.

К тому же, всякую войсковую операцию, как и любое другое сомнительное мероприятие с непредсказуемым финалом и фатальными последствиями, предпочтительней проводить под покровом темной ночи. Это очень удобно и максимально безопасно. Так как с одной стороны, в случае явного провала, свидетелей нашей постыдной неудачи и хаотичного отступления, переходящего в паническое бегство — раз, два и обчелся. А также, и позору для нас, естественно тоже будет гораздо меньше. Ну, а в случае успеха — у нас будет предостаточно времени спокойно, без лишней суеты и шумной бравады вдоволь насладиться плодами заслуженной победы и еще до рассвета планомерно и скрытно откатиться на исходные рубежи к заранее подготовленным позициям. Особая реклама в таких делах согласитесь, тоже не особо нужна. Скрытность, конспирация, зашифровка и молниеносность проведения операции — вот залог успеха. Зачем ставить нашего дорогого и любимого «противника» в неловкое положение. Мы, чай не звери какие?!

К тому же, противника надо заинтриговать и сразу же ввести в заблуждение своими непредсказуемыми и нетипичными действиями, наглядно убедив в своих абсолютно дружеских намерениях и ненавязчиво продемонстрировать полное нежелании вести активные боевые действия. Пусть он — враг в смысле, несказанно удивится и будет накручивать сам себя в томительном ожидании предстоящего сражения, а еще лучше — сам проявить инициативу. И тогда, заманив его в заранее приготовленную ловушку, победу можно добыть с наименьшими усилиями и затратами. Вот в принципе и вся военная хитрость. Все предельно просто и гениально.

Значит, для начала игнорируем «врага» — девушек тоесть, и займемся пока более насущными делами. А они пусть головушки свои красивые ломают в полном неведении и недоумении, а также, глубокоэшелонированную оборону постепенно ослабляют. Грамотно?!

Итак, первым делом самолеты, тьфу — осмотр усадьбы тоесть, чтобы доставить гарантированное и заслуженное удовольствие радушным хозяевам, ну а девушки — потом. Ждите красавицы своей очереди и трепещите. УУууууу!!!

А посмотреть, кстати, было на что. Воистину, родовое гнездо Лелика Пономарева впечатляло своим размахом, фундаментализмом, основательностью и честно говоря, радовало

глаз своей ухоженностью.

На наш строгий суд городских дилетантов предстали — огромный участок земли, два добротных двухэтажных дома, отдельностоящая летняя кухня, двухэтажный гараж на два автомобиля, просторный хлев, огромный фруктовый сад, безразмерный огород. Крепкое хозяйство, ничего не скажешь.

В гараже стояла новенькая ВАЗ-2105 и, еще оставалось место для грузового ЗИЛа, не меньше. В просторном хлеву гарцевала сытая ретивая лошадь, лениво переступала с ноги на ногу жирная корова постоянно жующая жвачку, из под ее необъятного брюха выглядывал маленький любопытный, но пугливый бычок. Так же, в загоне шустро мельтешили два жизнерадостных задорно чавкающих поросенка, а по двору бродили многочисленные ленивые куры, индюки и гуси.

Лелик с солидным видом радушного хозяина устроил нам подробную экскурсию по своим потенциальным владениям. Сначала он познакомил нас с непосредственной владелицей всего этого великолепия.

— Знакомьтесь, это моя любимая бабушка Галя.

На встречу вышла приветливая улыбчивая старушка, сильно ссутулившаяся, под гнетом прожитых лет, с грубыми натруженными руками и исключительно добрыми глазами на сморщенном загорелом лице. Она сразу засуетилась накрывать огромный обеденный стол, который стоял прямо на улице в тени шикарной ветвистой яблони.

На наши многочисленные и отчаянные мольбы, хотя бы немного повременить с приемом пищи, она лишь досадливо отмахнулась и, отставив кривую клюку, неожиданно шустро стала бегать между летней кухней и столом под яблоней. Баба Галя молниеносно летала по двору, вынося из запасников и сервируя старый деревянный стол огромным количеством аппетитных блюд и изысканных яств.

Мы, тем временем, по упорному настоянию Вити Копыто продолжили экскурс с углубленным изучением животного мира, базирующегося в огромном хлеву. Так как баба Галя живет в селе постоянно то, несмотря на преклонный возраст и достаточно дряхлый вид, сама содержит скотину и активно трудится в саду и на огороде.

Итак, повторюсь — в чистом хлеву нас встретила огромная корова с необъятно широкими боками и рядом с ней — маленький, но симпатичный бычок, который трогательно жался к мамке под бочок и смешно тыкался в ограждение стойла своим большим розовым носом.

Неожиданно для нас с Леликом, Витя Копыто восхищенно

запричитал от вида рогато-копытной живности. Он изумленно выкатил свои и так, постоянно выпученные по жизни, глаза и восторженно прошептал.

— Обалдеть, корова! Настоящая?! А потрогать можно?!

Несказанно удивленный Лелик, равнодушно пожал плечами. Он снисходительно посмотрел на Витьку, откровенно светящегося от переполняющих его положительных эмоций, и небрежно промолвил.

— Ну, потрогай. Ты что Копыто, коровы никогда в жизни не видел?!

Витя, не отрывая влюбленных глаз от обедающей душистым сеном коровы, отрицательно помотал головой.

— Не, так близко в первый раз.

Желтая копна непослушных волос на его голове хаотично взметнулась в разные стороны, и еще больше стала походить на растрепанный туалетный ершик для чистки унитаза. Лелик скорчил потешную рожицу.

— Вот деревня, темнота дремучая! Тундра. Трогай, раз так хочется.

Копыто опасливо протянул свою руку с вытянутыми пальцами за изгородь стойла и замер. Повернув голову к Лелику и, одновременно не переставая коситься в сторону флегматичной коровы, Витя спросил.

— Лелик, а она меня не укусит?!

— Ага, обязательно! Только и ждет, пока ты свою вкусную ручонку к ней пасть засунешь! Блин, Витя, я валяюсь! Делать ей больше нечего, как твои мослы обгладывать. Дурень, ты вообще в школу ходил когда-нибудь?! 1-й класс, 2-я четверть, учебник «Природоведение», 11-я страница, 4-й абзац сверху! Корова — скотина травоядная, а не плотоядная. Разницу чувствуешь?! Не хищница тоесть! Хотя, для тебя — деревянного, это все едино. Ну, Буратино понял?! Нет, не укусит. Лягнуть может, так что сзади к ней лучше не подходи и за вымя не лапай, а то она своим копытом твой пустой котелок проломит буквально на «раз». Кстати! Заодно узнаем, мозг у тебя в башке имеется или ты чисто на примитивных инстинктах существуешь?! Ладно, кергуду — шутка!

Витя старательно вытянул руку, оставаясь на максимальном удалении от ограждения стойла с коровой, просунул ее сквозь деревянную решетку и осторожно прикоснулся самыми кончиками пальцев к объемному боку буренки. Корова, не переставая лениво жевать сено, искоса посмотрела на Витю равнодушным взглядом. А Витя пришел в неописуемый восторг.

— Ух ты, живая! Вот здорово! А теленка можно потрогать?!

— Вот теленка лучше не трогать, а то у него рожки растут, лоб при этом очень сильно чешется и он постоянно бодаться пытается. А силенки у него уже будь здоров. Шея видишь, какая необъятная. Да и мамулька его, я так думаю, тоже не в восторге будет от похотливых прикосновений конопатого и озабоченного педофила к ее дорогому мальчику. За сыночка любимого сразу заступиться. Тогда уж тебе точно мало не покажется. Такая коррида здесь начнется, мама не горюй!

— А можно мамку за сиськи подергать?!

— Блин, Копыто! Ну, ты дятел! Не перестаю удивляться! Не за сиськи, а за вымя. Нет, нельзя! Наша корова, в отличие от твоих неразборчивых подружек, очень порядочная и высоконравственная девушка. За свои сиськи, как ты выражаешься, она разрешает дергать только бабе Гале и никому более. Понял, зоофил-извращенец?! Сисек захотел?! Слышь Сань, этот сексуально озабоченный маньяк всегда любую светскую и высокоинтеллектуальную беседу сведет к банальным сиськам. Вымя! Зарубку на стене сделай! Вы-Мя! Иди дальше Копыто — бык-производитель, пилопедрищенский осеменитель парноКопытный, вон там еще поросята есть, и лошадь имеется в наличии. Одна штука, масть белая, подкованная на четыре ноги — полный привод значит.

На любопытных и жизнерадостных поросят смотреть было неинтересно, так как точно такие же веселые розовые пятачки проходили вместе с нами военную службу в авиационном училище на свинарнике и мы, периодически заступали в наряд на хозяйственные работы по уходу за этой шебутной и вечно чавкающей братией.

А вот лошадь?! Лошадь — это интересно. В нашем училище была одна лошадка, но достаточно старая с провисшей спиной и уже подслеповатая. Она много лет медленно и размеренно ходила по одному и тому же маршруту — курсантская столовая и свинарник, неспешно волоча за собой бочку с объедками. Причем эта лошадь уже много лет ходила совершенно одна без кучера притаскивая, пустую бочку к запасному входу в столовую строго в одно и тоже время. Она подчинялась неслышному зову каких-то своих внутренних часов, которые каким-то немыслимым образом самостоятельно переводила на «зимнее» или «летнее» время, внося два раза в год коррекцию на час вперед или назад в строгом соответствии с общегосударственным переходом на соответствующий период времени.

Но, в хлеву у семейства Пономаревых стояла молодая, полная сил белоснежная красавица, с густой гривой и модно-игривой челкой, которая придавала лошадке кокетливо-задорный вид.

Витя, ласково похлопал лошадку по стройной шее и мечтательно закатил свои глазки. Наверное, в этот момент он представлял, как ловко гарцует верхом на этой белоснежной красавице перед многочисленными и визжащими от восторга сельскими девчонками. Его далекоидущие планы, несбыточные мечты и многообещающие сладостные грезы прервал скрипучий старческий голос.

— Внучатки, дорогие, вот вы где?! Кушать давно подано, давайте руки мыть, пожалуйста. Кстати деточки, а вы бабке старой не поможете?

В хлев, опираясь на клюку, вошла баба Галя. Лелик, предчувствуя какой-то подвох и неладное в ее ласково подкупающем голосе, не успел ничего ответить, как тут уже влез инициативный и вездесущий Витя Копыто.

— Не вопрос, бабуля! В чем проблема? Все сделаем как надо — качественно и в срок!

— Навоз в поле вывезете?!

— На лошади?!

— На ней, родимой.

— Запрягать надо?!

— А то как же?! Надо, надо.

— На возике?!

— На возике, на возике.

— Через все село?

— Да, через все село, за околицу.

— Легко!

— Вот и ладненько, спасибо вам родненькие. Дай бог, вам крепкого здоровьица. Давайте кушать и с божьим благословлением, за дело.

Лелик многозначительно промолчал и только многообещающе чмыхнул, кинув украдкой умилительный взгляд на довольного и улыбающегося Копыто. Мне было все едино, а Витя буквально светился от восторга предвкушая, как он будет эффектно выглядеть на возу, запряженном белой лошадью, звонко похлестывая кнутом. Все сельские девчонки просто удавятся от вожделения глядя, как он — Витя будет давить фасон, виртуозно управляясь с грациозной лошадью. Но это пока были только его мечты, а впереди нас ждал скромный украинский обед из не менее 20-ти блюд, тоесть — уже привычная для нас стандартная обжираловка.

Обед бы не просто вкусным и обильным, он был фантастическим. Добротный стол в саду под яблоней буквально прогнулся и жалобно трещал под тяжестью многочисленных блюд и всевозможных разносолов, плотно и убористо размещенных на

его огромной поверхности.

Баба Галя явно переоценила наши скромные силы и недостаточную вместительность курсантских желудков. Чтобы все это изобилие хоть как-то проваливалось в недра наших пищеводов и там более-менее улеглось, а также начало перевариваться, на стол была выставлена 3-х литровая банка «фирменной» горилки. Не какой-то там «казенки», как презрительно называют водку на Украине, а чистейшего и крепчайшего самогона, который разливался не в субтильные рюмашки, а в кондовые граненые стаканы. Обалдеть!!!

Наверное, именно вот так и должны питаться настоящие мужчины. Много пищи, много горючего и все это на свежем воздухе под кроной шикарной яблони, да под неспешную задушевную беседу, под различную мясную закуску, которая еще недавно бегала по двору и свежайшие блюда с овощами, которые только-только покинули свои грядки. Все было очень вкусно, обильно и неимоверно сытно.

С большим трудом и далеко не с первой попытки еле оторвав свои изрядно потяжелевшие тушки, которые напоминали изящные фигуры рожениц, ожидающих двойню, а то и тройню на самых сносях, мы медленно двинулись запрягать лошадь, чтобы выполнить просьбу баба Гали.

Так как мы с Витькой были достаточно далеки от познаний в конской сбруе, то Лелик самостоятельно, очень ловко и быстро запряг лошадку и, заставляя ее, пятится задом, виртуозно ровно загнал возок в хлев. Потом он вручил Вите большую лопату и, указав на внушительную кучу навоза, особо не скрывая гаденько-саркастическую улыбку, ласково промолвил.

— Ну, давай, сам вызвался?! Грузи.

Витя, с недоумением глядя себе под ноги на впечатляющую кучу дерьма, искренне возмутился.

— Это же говно!

— А ты что думал?! Лошадка и коровка тоже какать хотят, однако. И поверь уж мне на слово, гадят две эти скотины, будь здоров, с поразительной работоспособностью и производительностью. Без выходных и праздников. Тебе за ними сложно будет угнаться. Тренироваться надо! Бычок еще маленький, но серит тоже, будь здоров. Свинюшки тоже им не слабо помогают, не отстают, на пару трудятся. Чего замер, как неродной?! Бери лопату и давай — наваливай. Только осторожно, седушку на возке не испачкай, а то жопой на дерьмо садиться все же не приятно, но придется. Потом джинсы всю дорогу вонять будут. Замучаемся отстирывать.

Витя попытался слабо возмутиться и поспорить о смысле

жизни.

— Не, я не понял! Я на говно не договаривался. Я подписывался только на навоз. Говно уж давайте сами, а я буду навоз возить.

— Витя, ты что, бурундук что ли?! А что такое «навоз» по-твоему?!

— Ну, не знаю. Типа — трава там какая-нибудь — сено, солома, силос…

— Так, понятно, знаток флоры и фауны. Короче, открываю тебе страшную военную тайну. Навоз — это обычное говно. Говно! Говнище! Дерьмо! Фекалии! Какашки! Кому как нравится! Понял?! А навозом его называют, чтобы слух особо не резало. На психику интеллигентскую не особо давило, вот так вот Витенька. Так что давай доброволец, флаг тебе в руки и ветер в спину, махай лопатой чаще. Бери больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай. Ну, ты — дундук! Навоз — цветочки, травка полевая, ха-ха! Не говори никому, засмеют! Ну, ты, блин тундра! Что такое навоз, каждый дурак знает. А, ну да, извини! Ты, конечно дурак, но далеко не каждый! Ты у нас — яркая индивидуальность, единственная в своем роде тупость и убогость. Типа — Эразм Роттердамский! Копыто Пилопедрищенский! Нет, лучше — Копыто В-ротен-дамский, звучит?!

Делать нечего и обиженный Копыто, уличенный в вопиющем невежестве и необразованности, который жестоко обманулся в своих ожиданиях нехотя взялся за работу.

Витя брезгливо морщил нос и аккуратно цеплял с краешка огромную кучу дерьма самым кончиком лопаты. Мы с Леликом от души подтрунивали над гламурным эстетом — Копыто, попутно упражняясь в остроумии.

— Чего манерничаешь, Вить?! Тут просто парфюмерный рай по сравнению с той душегубкой, что ты в киевской квартире оставил. Дыши полной грудью, наслаждайся.

— Да пошли вы, я там все стены «Водантом» побрызгал.

— Молчи лучше про «Богарт», а то сейчас лопату об твою спину сломаю и тут же зарою, прямо в этом навозе.

— Кстати, чтобы вы знали, два бестолковых — сам великий Распутин от туберкулеза лечил сеансами аромотерапии, на которых его пациенты дышали испарениями фекалий разных животных, в том числе — парнокопытных. И лечил всех в хлеву, вот!

— Витя, ты нас удивляешь. Какие глубокие познания в медицине! Откуда ты слово такое вычитал — аромотерапия?! Офигеть! Слово «аромотерапия» знаешь, а что такое «навоз» — нет. Дремучая убогость. Да после твоего сеанса аромотерапии в

Киеве, меня до сих пор блевать тянет. Фекальный доктор. И вообще, Виктор, перестаньте умничать! Вам это совершенно не свойственно и совсем не идет. Александр, Вы могли бы представить, что под этой брутальной внешностью потомственного крестьянина скрывается рафинированный интеллигент, никогда не нюхавший навоза?!

Я не в силах больше смеяться, отчаянно взмолился.

— Лёля, завязывай травить Витьку, я больше не могу, сейчас кишки от напряжения лопнут.

Тут же не замедлил огрызнуться Копыто, наклеив на свою физиономию гаденькую улыбочку.

— А ты, газы то выпусти, сразу и полегчает.

— Да иди ты, вонючка парнокопытная.

— Сам такой же ароматный.

— Нет не такой! На основе твоих выделений, военные химики могут новые виды ОВ — отравляющих веществ, разработать с повышенной вонючестью и стойкостью к дегазации. Скунс пилопедрищенский. Ходячая фабрика метана и сероводорода! Тебе надо было не в авиационное училище поступать, а в инженерное, на факультет боевых отравляющих веществ.

Вот в такой незамысловатой, конструктивной и дружелюбной беседе пролетело время погрузки навоза на возок. Когда он заполнился до самого верха бортиков, Витя отставил грязную лопату и взмолился.

— Ребята, а можно я лошадь поведу?! Я об этом моменте всю свою жизнь мечтал. С самого детства.

Мы с Леликом переглянулись и снисходительно кивнули. Витька хоть был еще то «чудо в перьях», но это был наш друг и мы были готовы многое прощать ему и дальше терпеть всевозможные его выходки. Мечтает?! Да не вопрос, веди. Все для тебя дорогой и любимый.

Лелик взял лошадь под уздцы, чтобы она ненароком не дернула возок, а я протянул Витьке кнут, необходимый для управления лошадью.

— Ладно, давай. Залезай на седушку и сразу натягивай вожжи. Покажи лошади кто тут хозяин.

Просиявший от счастья Витя осторожно полез на возок, стараясь не наступить на многочисленные кусочки разбросанного везде навоза. Для удобства посадки на седушку возка, он взялся одной рукой за деревянную рейку, приколоченную к стропилам хлева. Вторая его рука была занята кожаным кнутом на тонкой деревянной палке, украшенной замысловатой резьбой. А далее произошло следующее.

Толи после сытного обеда масса Витькиного тела резко

увеличилась, толи после выпитой горилки его вестибулярный аппарат дал легкий кратковременный сбой, тем не менее, на долю секунды Витя теряет равновесие и более чем того следует, опирается на старую рейку. Раздается сухой треск, рейка ломается, Копыто в панике округляет глаза, еще некоторое время отчаянно балансирует, хаотично размахивая руками с обломком деревяшки в одной руке, с кнутом в другой руке и, потеряв равновесие, падает прямо в навоз. Плашмя! Спиной!

Его живописное падение сопровождалось щедрым выбросом не очень приятных запахов и громким смачным звуком «ЧВЯК». Погрузившись по уши в дерьмо Витя заорал так, что лошадь испуганно дернулась, и если бы могучий Лелик не удержал ее, понеслась бы по селу волоча за собой возок, полный навоза в котором лежит, прилипший к дерьму конюх-самоучка Витя Копыто.

Свиньи, услыхав истошный нечеловеческий вопль, хаотично заметались по загону, ища выход и громко захрюкали. Бычок сразу спрятался под свою мамку и забился в угол стойла. Корова повернула голову в нашу сторону и, ощетинившись рогами, протяжно замычала, заглушая орущего Витьку. Куры и гуси в панике разбежались по двору с громким кудахконьем и гоготанием, суетливо теряя многочисленные перья и недоношенные яйца.

Баба Галя, которая неторопливо и обстоятельно вытирала мытую после обеда посуду, уронила сковородку, а родители Лелика прибежали из дальнего конца огорода, предчувствуя что-то немыслимо страшное. Перепуганные Пономаревы-старшие застали в хлеву следующую картину.

Лелик буквально висел на беснующейся от испуга лошади, одновременно истерично хохоча и еле сдерживая ее, из последних сил, от непреодолимого желания вырваться из хлева и снеся забор отправиться в длительное путешествие по улицам села. Я, прислонившись к загородке свинячьего стойла, сполз на земляной пол и бессовестно смеялся не в силах подняться. А мне в спину хаотично и требовательно тыкались два розовых пяточка всполошенных свинок, которые настойчиво искали защиты. А из воза, наполненного под завязку душистым навозом, торчали кверху две ноги Вити Копыто, которые ниже коленей находились в воздухе гораздо выше уровня спинки седушки. А сам Витя возлежал в импровизированной «навозной» ванне, погрузившись в нее почти с головой. В побелевших от напряжения руках, горе-наездник продолжал сжимать сломанную рейку и резной кнут. Картина маслом.

Через некоторое время Витя перестал орать из опасения

набрать полный рот дерьма, так как при малейшей попытке пошевелиться, он погружался в навоз все глубже и глубже.

Когда, наконец, мы все вволю насмеялись — и я, и Лелик, и его родители, и баба Галя, и свиньи, и куры с гусями, и корова с теленком, и даже успокоившаяся лошадь, то стали освобождать неказистого кучера из ароматного плена. Что кстати, оказалось совсем непросто.

Витю как будто присосало к навозу. Взяв его за руки и за ноги, по команде: «Раз! Два! Три!», общими усилиями мы дружно выдернули Копыто из навоза и осторожно положили на земляной пол.

Витя сразу же вскочил на ноги и остался стоять, брезгливо съежившись, продолжая крепко сжимать в руках кнут и сломанную рейку. Модная футболка на его спине и джинсы на заднице и выше колен насквозь пропитались навозом и прилипли к телу.

Копыто представлял собой откровенно жалкое и одновременно смешное зрелище. Продолжая сдержанно и скрытно хихикать, мы осторожно, чтобы самим не испачкаться, помогли ему раздеться вплоть догола, так как его труселя тоже промокли и пропитались вездесущим навозом. Особую трудность при раздевании горе-ковбоя, мы испытали, стягивая с него футболку, так как находящийся в «творческом» ступоре Витя, наотрез отказывался выпускать из своих рук кнут и сломанную деревяшку.

Сняв с нашего нерадивого бедолаги благоухающую одежду, Лелик отнес ее бабе Гале которая, охая и причитая, взялась за срочную стирку. Я в это время старательно скрывал бессовестную улыбку и, пытаясь придать своему голосу серьезную и убедительную тональность, как мог успокаивал в очередной раз опозорившегося и расстроенного друга.

— Да ладно, Витек, не грусти. Ты же сам говорил, что великий Распутин всех своих пациентов лечил навозотерапией. Так что все получилось чисто по науке. Как ты сам и рассказывал. Аромотерапия и все такое… Более того, значит следуя твоей же логике — ты теперь из всех нас, самый здоровый!

36. Охота на уток

Пока Витькина одежда мирно сохла на веревке и проветривалась на ласковом ветерке после незапланированного, но очень эффектного и надеюсь, эффективного сеанса «навозотерапии», Владимир Николаевич предпринял все возможные меры, чтобы подбодрить заметно сникшего Копыто.

Отец Лелика, старательно скрывая непроизвольную улыбку, с максимальной дружелюбностью и подкупающей любезностью выдал следующее.

— Так, парни! А не сходить ли нам завтра на охоту?! Тут недалече имеется знатное озерцо! А на нем уток?! Ну, просто завались! Фактически с рук едят! Все жирные такие, просто загляденье! Муж бабы Гали — дедушка Лелика, при жизни был лесничим и тут у нас, прошу заметить, совершенно случайно завалялось с пяток, другой, весьма приличных ружбаек! Честно говоря, места тут на различные «стрелялки» весьма богатые! Бои жестокие шли в окрестностях Киева, поймите правильно. Если по дворам даже не особо старательно пошукать, то и рабочий «шмайсер» в приличном состоянии кое у кого можно сыскать. Но, честно говоря, на охоте «шмайсер» — баловство одно и толку от него никакого, проверено… А, Витя?! Ходил когда на охоту на уток?! С ружьишком?! Ась?!

Мрачный Витя, стараясь никому не смотреть в глаза и угрюмо надувший пухлые губы, отрицательно мотнул белобрысой головой. При этом Копыто продолжал судорожно сжимать в своих руках с побелевшими от напряжения пальцами, резную рукоять кожаного кнута. «Творческий ступор», поймите правильно и будьте великодушны.

— Ну, вот и ладненько! Вот и чудненько! Мы этот пробел быстро исправим. Впечатлений будет?! Гарантирую! Завтра с утреца и пойдем! А то Моня совсем захандрила.

Обрадовано подвел итог отец Лелика и кивнул в сторону старой спаниелихи, которая мирно посапывала под ближайшей лавочкой, постепенно приводя свою психику в душевное равновесие после недавних треволнений и угрозы получить гарантированный разрыв старого собачьего сердца, услышав «нечеловеческие» душераздирающие крики Вити Копыто, утопающего в свежем душистом навозе… (см. «Хорошо иметь домик в деревне»)

— Да вы не смотрите, что она старая! Моня добре свое дело знает! От нее ни один подранок не уходил. Знатная собачка. Ну да, постарела, спина провисла, зубы подрастеряла, а что осталось

— сточились. Но, на охоту побежит как молодуха. Сами увидите. Ей охота, только в радость… и нам по камышам не лазить, Моня все сама принесет…

Продолжая рекламировать многочисленные достоинства древней собаки, радушный и словоохотливый Пономарев-старший пытался максимально завуалировать и навести туман на недавнее происшествие в хлеву. Хотя, честно говоря, «ТАКОЕ» не забывается!!! Но, тем не менее, Владимир Николаевич старался от души!

Слушая заманчивое предложение про охоту, собаку и уток, Витя Копыто понемногу приходил в себя. «Новая игрушка» в виде предстоящей «незабываемой» охоты на уток постепенно сглаживала в его сознании позорный конфуз с персональным купанием в куче навоза.

Плотный полдник с традиционно-щедрым возлиянием всевозможных спиртосодержащих смесей, наливок, настоек и прочего, незаметно перешел в задушевный вечер с обильным ужином и закончился опять же стандартной посиделкой за роскошным столом в уютном саду загородной усадьбы Пономаревых. Постепенно, «на огонек» подошли ближайшие соседи, подтянулись кумовья, близкие и дальние родственники, еще кто-то…

Каждый из вновь прибывших, посчитал на признак хорошего тона принести с собой банку своего «фирменного» (на Украине почему-то самогон меряется не бутылками, а банками — 2-х и 3-х литровыми, точно говорю). И что характерно, каждый гость «авторитетно» доказывал, что его продукция гораздо лучше, чем у соседа и весьма навязчиво предлагал попробовать, продегустировать и сравнить. Мы пробовали и сравнивали, пробовали и сравнивали, про-бо-ва-ли и срав-ни-ва-ли… Короче, надегустировались от души и выше «заливной горловины»! Создавалось устойчивое впечатление, что все эти наливки, настойки и «просто коньяки» заполнили все тело и плещутся уже где-то в районе головного мозга! Причем, возле самой макушки…

Помню, что с очень большим трудом и с частично отключенным сознанием медленно и с катастрофически-длинными временными паузами выползал из-за стола, который жалобно поскрипывал и опасно потрескивал, прогнувшись дугой под тяжестью многочисленных блюд и всевозможных разносолов (украинское хлебосольство и гостеприимство — тема отдельного разговора).

Выползал из-за стола фактически уже на одних инстинктах, когда в очередной 3-литровой банке «домашней заготовки», настоянной на перегородках грецких орехов, плескался еле

заметный, чисто символический слой жидкости, и то, только на стенках…

Стемнело. Шикарное украинское небо, богатое на яркие звезды прямо над моей головой начало медленно вращаться по часовой стрелке. Причем, постепенно все увеличивая и увеличивая скорость своего вращения! …или все же против часовой стрелки?! Не помню! Но крутилось! Точно крутилось, и очень быстро! Крутилось так, что все звезды на угольно-черном небосводе постепенно слились в единый светящийся диск на манер колец у Сатурна. А в это время, «мягкая и зыбкая» земля так и норовила выпрыгнуть из под моих ног, не оставляя провокационных попыток больно ударить по носу. Вот, напасть, какая…

Цепляясь за прочный забор двумя руками, я куда-то шел, периодически отмечая восхитительную красоту украинской ночи, воспетую Тарасом Шевченко и попутно прислушиваясь к стрекотанию неугомонных сверчков. «Концерт по заявкам», куда деваться…

Когда вдруг забор неожиданно закончился, я потерял опору и шаткое равновесие чисто от неописуемого удивления (никак иначе) и упал на четвереньки. Благоразумно подключив передний мост — руки то есть (в результате, полный привод, «off road» и все такое, преимущество повышенной проходимости, поймите правильно), я стал уверенно продвигаться дальше, пока не уперся в капитальную стену с приставной лестницей. «Побродив» некоторое время вдоль импровизированной "китайской стены" туда-сюда, я принял «гениальнейшее решение» — подняться по этой лестнице поближе к полной Луне, висящей прямо на расстоянии вытянутой руки над моей головой. Дабы в непосредственной близости рассмотреть живописные лунные кратеры и великие пылевые моря… во всех подробностях, так сказать… В результате, еще очень долго карабкался по этой лестнице прямо на небо! К звездам! В космос…

Когда и «бесконечная» лестница вдруг неожиданно закончилась, я куда-то долго летел, но так не долетел! Так как просто банально выключился…

Просыпался тяжело и мучительно! Судя по отвратному привкусу, во рту переночевало стадо мерзких кошек, не иначе. Причем, похоже, что каждая из них соизволила обильно нагадить и не по разу! Тьфу, блин! Какая гадость?! Жутко мучила жажда и что характерно — в дополнение к мерзкому привкусу, во рту обнаружились некие посторонние предметы, которые застряли в зубах и навязчиво покалывали распухший язык и пересохшее нёбо?! Методом скрупулезного анализа было доподлинно

установлено, что посторонние предметы в моем рту — сено?!

Попытавшись возмутиться таким вопиющим положением дел и что-нибудь внятно сказать, типа: «Ну что за хрень?! Какая дрянь?!» и все в том же духе, я неожиданно услышал утробное коровье мычание и где-то вдалеке ласковый голос бабы Гали.

— Иду-иду! Не мычи! Сейчас, сейчас! Сейчас подою тебя, кормилица! Потерпи милая…

Не понял?! Кого подою?! Меня?! А мычал кто?! Неужели я?! Господи, может за все грехи мои тяжкие, меня в наказание и другим в назидание превратили в корову?! Не дай, Бог!

Хотя, судя по наличию сена во рту, вполне возможно! И сейчас меня придут доить?! Обалдеть! Какая радость?! Не надо!!! Не надо меня доить и дергать за… как его?! Не помню!!! Я начал хаотично ощупывать свое тело.

Стараясь идентифицировать себя как личность, я досконально облапил низ своего живота, а так же полезную площадь тела в районе «между ног» и, не обнаружив вымени, нащупал то, что и рассчитывал нащупать! Частично обрадовавшись, я начал лихорадочно вытаскивать непослушными пальцами (пальцами, а не копытами! ура! есть надежда, не все потеряно) клоки сена из своего рта. Так как слюны во рту не было, и меня одолевала страшная жажда, то губы распухли и плеваться, я уже был не в состоянии.

Вытащив все сено до последней травинки и, с превеликим трудом открыв один глаз, я попытался его сфокусировать. Получилось не сразу и не очень хорошо. Оглядевшись по сторонам, наконец понял, что нахожусь на сеновале прямо над коровником.

Вскоре услышав снизу шарканье старческих ног бабы Гали, и звук мощных струй молока звонко бьющих о дно наполняемого ведра, я облегченно вздохнул — не превратили в корову! Уф! Пронесло! Уже хорошо! Но состояние?! Бээээ! Ужас!

Продолжая скользить одним открывшимся глазом по окружающим окрестностям, вскоре моему затуманенному взору попалась «бездыханная» тушка, которая по всем приметам чем-то отдаленно и почти неуловимо напоминала Витю Копыто. Что характерно, в руке у спящего Виктора был зажат кнут! Точно, Витек, без вариантов!!!

Витя лежал, уткнувшись лицом в душистое сено, и чего-то смачно пожевывал, находясь при этом в состоянии полуобморочного сна. Тем не менее, жевательный рефлекс у Виктора был развит, будь здоров. Копыто мог жевать, совсем не приходя в сознание. Профи, одним словом!

Нестерпимая жажда погнала меня на поиски воды. Пи-иииии-

ить!!! Ориентируясь на свет утреннего солнца, падающий из полуоткрытой узкой чердачной дверцы, я с трудом дополз до лестницы, которая торчала в дверном проеме. По пути движения неожиданно наткнулся на тело Лелика, который лежал на спине, широко раскинув руки и ноги, как морская звезда. Дыхание его было ровным и глубоким. Он спал как ребенок и чему-то улыбался во сне. Стараясь никого не будить, я ползком двинулся навстречу новому дню.

Пытаясь периодически попадать на ступеньки деревянной лестницы, я медленно сполз на землю и, тяжело дыша после такого «подвига» непризнанного альпиниста, замер терзаемый дилеммой выбора очередности решения двух насущных проблем. С одной стороны — очень хотелось пить, с другой стороны — жутко хотелось в туалет. Разумно рассудив, что если немедленно не опорожнить свой мочевой пузырь, то пить воду будет просто некуда!!! Не поместится живительная влага в измученный и усыхающий организм! Некуда ее заливать! Жидкость в смысле… Чтобы залить новую, надо слить старую! Во как!

Искренне восхитившись собственной гениальной прозорливостью и приняв единственно правильное решение, слегка пошатываясь, самую малость (как мне тогда казалось) двинулся в поисках туалета.

Т.к. ячейки памяти головного мозга слегка закоротило после длительного употребления запредельного количества разных спиртосодержащих жидкостей, то определение местонахождения уборной типа «сортир» стало для меня фактически неразрешимой проблемой.

Бесцельно побродив по двору и фактически находясь на грани отчаяния, я нечаянно бросил взгляд «умирающего лебедя» на соседский участок. А там, прямо за забором однозначно вырисовывался желанный домик с характерной архитектурой, указывающей на однозначное предназначение данного садово-огородного строения — туалет выгребной. Как раз то, что надо! Ура!

Отчетливо вспомнив, что за ужином, прямо напротив меня сидел любимый сосед Пономаревых, который усиленно зазывал нас к себе в гости, не мудрствуя лукаво, я решил любезно воспользоваться данным приглашением и оказать честь гостеприимному соседу своим несколько несвоевременным утренним визитом. Имею право! Меня приглашали…

Не совсем аккуратно пройдя калитку (штормило, поймите правильно), путем открывания дверцы оной против рабочего направления навесных петель, я все же добрался до уборной. С глухим стуком уперевшись головой в заднюю стенку туалета, т. к.

меня заметно покачивало, а свободные руки должны были благополучно и быстро расстегнуть ширинку на джинсах, а также, крепко удерживать мужское достоинство, дабы аккуратно попасть с маленькое отверстие туалета типа «очко». Мы же не свиньи, в конце концов, обрызгать «стульчак» дорого соседа мощным напором непрезентабельных продуктов жизнедеятельности своего юного, но слегка утомленного организма?! Невежливо это, согласитесь?!

С величайшим трудом и на пределе терпения, все же справился с «проклятой» молнией на джинсах. Старательно удерживая двумя руками неприлично-активно фонтанирующий персональный «брандсбойд», я испытал неземное блаженство. Кайф, одним словом! Даже не обсуждается! Воистину говорят мудрые люди, что душа у человека находиться под мочевым пузырем. Пописал, и сразу на душе полегчало! Кто-нибудь будет спорить?!

Пока мой организм успешно, но весьма длительное время расставался с излишками жидкости, туалет наполнялся до боли знакомыми ароматами. Принюхавшись, я искренне поразился! В нос бил явный запах спирта. Ничего себе раскладец?! Не иначе, за прошедшую ночь, уставшая от непомерных возлияний личная печень запросила тайм-аут, т. к. не смогла достойно переработать огромное количество алкоголя и сейчас тупо выводила его из моего организма прямо через почки. Прямотоком! Могу предположить, что на тот период в моче была концентрация градусов так под 40-к?! Не меньше!

Облегчившись настолько, чтобы опять начать радоваться жизни и слышать заливистые трели утренних птичек (до этого в ушах банально булькало, поймите правильно), пришлось опять взяться за «проклятую» молнию. Вдоволь намучившись с брутальным замком известной фирмы «YKK», который при закрывании ширинки, почему-то еще прихватил и приличный кусок моих трусов, я с частично упакованной «принадлежностью к мужскому роду» двинулся искать источник живительной влаги. Т. к. после процедуры экстракции непереработанных этилосодержащих жидкостей за пределы потрепанной тушки, чувство нестерпимой жажды сразу же вышло на первый план и ведущие позиции. Пи-иии-ить!!!

Когда я покидал гостеприимный двор, за моей спиной раздался приглушенный девичий смех. Инстинктивно оглянувшись, я увидел два одинаковых очаровательных создания лет по 16-18-ти. «Наверно, двоится в глазах?!» — разумно рассудил я, глядя на двух девушек. То, что на девчонках были тенниски разного цвета, как-то не обратил внимания… Ну, не

бросился в глаза такой очевидный факт! Занят был более насущными проблемами — искал чего бы залить такого жидкого в свою пересохшую глотку! "Потом вернусь, когда буду в кондиции, в здравом уме и трезвой памяти, и досконально разберусь, кто есть who?!" — благоразумно рассудил я.

Жалко улыбнувшись и старательно прикрыв полузастегнутую молнию руками, я со второго раза все же попал в «непослушную» калитку. Причем, опять открыл ее против направления навесных петель. Беда какая-то с этими калитками?! Понавешают петель, хрен откроешь… Бардак! Человеку не зайти, не выйти…

А во дворе Пономаревых, бодренький Владимир Николаевич уже стаскивал с сеновала два бесчувственных тела — Лелика и Витю. Два тела, не приходя в сознание, чего-то жалобно бубнили, но отец Лелика не обращал внимания на их жалкие стенания и невнятные отмазки.

— Парни! Пора на охоту! Вот ружья, патроны. Моня уже вся извелась… Если вы ее обманете, она вас жестоко покусает! Мало никому не покажется…

Как мы не отнекивались, не помогло! Баба Галя вынесла нам по чашке горячего куриного бульона, т. к. от любой другой пищи нас тупо воротило.

Похлебали бульончику, немного полегчало. Блин, какой дурак, вообще придумал эту охоту?! Стрелять по птичкам?! Вы что, с ума сошли?! Какой стрелять, когда у нас каждое слово, сказанное даже шепотом, кувалдой в голове отдается?! Нихт чизен! Гитлер капут! Мы пацифисты! Долой оружие!!!

Все время пока мы пили горячий «завтрак» вокруг нас крутилась нетерпеливая Моня. Честно говоря, не ожидал, что у старой «клячи» окажется столько скрытой энергии, мгновенно выплескивающейся от одного волшебного слова: «охота». Вот бы мне так…

Получив в руки по ружью и по патронташу, мы обреченно двинулись следом за Пономаревым-старшим. Мне досталось весьма старенькое ружьишко со стертым до неприличия цевьем и прикладом и с непонятной надписью на «ненашем» языке, типа «Sauer».

Промучившись всю дорогу со сборкой ружья, я честно расписался в собственной некомпетенции, в душе надеясь, что меня дружно высмеют и отправят домой как ненужный балласт. А я уж благополучно посплю еще минут так 600-т и не секундой меньше.

Не тут то было! Ружье мне собрали, показали куда вкладывать патрон и откуда «вылетает птичка». Все! Инструктаж закончен! Всех нас по ускоренной программе приняли в общество

«бравых профессиональных охотников-браконьеров любителей».

Честно говоря, никуда идти не хотелось, но выбора у нас уже не было. Вслед за радостно-энергичной Моней мы вышли на чудесное озеро. Владимир Николаевич выглядел очень свежо и жизнерадостно. Отец Лелика был полон сил, как будто у него не было «тяжелой ночки» с несколькими 3-х литровыми банками на грудь честной компании. Тренировка, етить твою мать! Пономарев-старший сладко потянулся и, вздохнув полной грудью, восторженно произнес.

— Красотища, правда?!

— Угу!

Больше из вежливости ответили мы, хотя нам было абсолютно индеферентно в тот момент и само озеро и охота в частности и утки в целом и вообще…, отпустите нас поспать, пожалуйста?!

Погрузились в большую деревянную лодку. Еще раз прослушали подробный инструктаж: «тот, кто на носу лодки стреляет только вперед, кто на корме — назад и не в коем случае не наперекрест! В сторону бортов (перпендикулярно лодке, могут стрелять все), но не в коем случае не над головой человека!» Так же Владимир Николаевич обстоятельно объяснил нам про «опережение» при стрельбе по летящей цели и все такое.

Ха! Нашел кому мозг компостировать?! Да мы из АК-74 лупим за 200 метров, будь здоров! Все мишени на полигоне кладем легко, и не задумываясь! Сейчас уток столько добудем, что в селе все мужики удавятся от зависти… Лодка, кстати, маловата, не находите?! Вся добыча может не поместиться!

Итак, отчалили. За весла сели Лелик и его папа. Он сказал, что сегодня охотиться не будет, а посидит на веслах, чтобы нам не мешать «получать удовольствие», т. к. в лодке было достаточно тесно.

Моня встала передними лапами на носовую седушку лодки, бесцеремонно подвинув меня как бездушный и откровенно лишний предмет, и стала жадно втягивать воздух своими ноздрями. Спаниелиха смотрела вдаль своими умными глазенками, ожидая непосредственного начала охоты. Временами она нетерпеливо и еле слышно поскуливала в азартном предвкушении любимого занятия — охоты на уток.

На берегу раздалось «ба-бах»! Это местные жители вяло постреливали по уткам, засевшим в камышах. Зарядив ружья, мы стали ждать. Честно говоря, мы больше боролись со сном, чем вглядывались в утреннее небо. Тем не менее, процесс охоты на уток начался.

Вскоре прямо на нас вышла приличная стая уток, поднятая из

камышей. Мы вскинули свои ружья откровенно трясущимися руками, тщетно стараясь поймать в «линейку» (прицел охотничьего ружья) жирную тушку летящих уток. Бах-бах-бах!

Моня, не дождавшись результата нашей стрельбы, сразу же прыгнула в воду, подняв тучу брызг. Спаниелиха, шустро отплыв от лодки на пяток метров и активно работая лапами, вытянула морду и закрутилась на одном месте, старательно выглядывая возможное место падения сбитой утки…

Напрасно она выглядывала, мы не попали. Покрутившись в воде и не дождавшись всплеска от тушки упавшей утки, Моня разочаровано вернулась к борту лодки, где Владимир Иванович втащил ее на борт.

Через некоторое время на нас опять вышла пара уток. Бах-бах! Моня снова прыгает в воду… Покрутилась, повертелась, всплеска от падения убитой утки не дождалась. Только зря искупалась. Втащили обратно в лодку… И так раз десять! И все впустую…

В десятый раз, мокрая и откровенно разраженная Моня, втащенная за шкирку в лодку, посмотрела на нас с таким нескрываемым презрением, что лично мне стало стыдно. Обиженная спаниелиха недовольно пробурчала на своем собачьем языке типа: «Хе…! Охотнички, вашу мать!» и одарила нас угрожающим рыком.

Затем она демонстративно отряхнулась, специально окатив всех присутствующих в лодке плотным потоком противных мокрых брызг со своей кучерявой шкуры, и легла на дно лодки.

Когда мы, униженные откровенным презрением старой собаки, не жалея патронов, лупили чуть не длинными очередями по проклятым и неуязвимым птицам, Моня уже больше не прыгала в воду. Она только изредка со слабой надеждой и явной грустью смотрела в небо вслед улетающим прочь уткам, которые обидно крякали, откровенно издеваясь над горе-охотниками.

Осознав бесперспективность сегодняшней пародии на охоту, мудрая спаниелиха забилась под седушку лодки и, свернувшись в комочек, перестала реагировать на выстрелы. С «такими» охотничками добычи не будет, грамотно рассудила умная собака. Закрыв глаза своими висячими «до пола» ушами, Моня погрузилась в глубокий и здоровый сон.

Наверное, ей снилась «настоящая» охота, а не эта жалкая профанация?!

37. Особенности национального менталитета

Летний отпуск закончился, все парни благополучно вернулись в лоно родной церкви… то есть — в альма-матер ВВС, конечно же, причем — абсолютно целыми и невредимыми, в хорошем расположении духа, заметно посвежевшими, с задорным блеском в глазах, отдохнувшими и набравшимися сил для новых похождений и будущих великих свершений.

За время отпуска, все ребята успели знатно выспаться, частично восстановить потрепанное в нашей «школе жизни» здоровье и кое-кто — пошатнувшееся душевное равновесие, прилично откормиться, шикарно загореть, вдоволь накупаться, завести новые приятные знакомства с прекрасными представительницами женской половины человечества.

А кое-кто из особо нетерпеливых и сексуально-невоздержанных особей курсантской братии даже успел обзавестись новеньким обручальным кольцом — стильной моделью миниатюрных кандалов в золотой оправе. Ну что тут скажешь?!

Дурак естественно! Кто же женится во время учебы в условиях «ненавязчивого» микроклимата военного концлагеря?!

При строгом режиме полной изоляции от нормального общества в частности и реального мира в целом, на фоне постоянного и неконтролируемого буйства половых гормонов, при патологическом дефиците брома в курсантской столовой, жениться — много ума не требуется. Любая самая отвратная швабра в юбке, сразу писаной красоткой покажется, только держись! А если она еще и помурлыкать соизволит хотя бы пару секунд на ушко потенциальной жертве что-нибудь относительно нежное, то вообще, непуганного пацана можно прямо с руки кормить!

… и тащи его в ЗАГС родимого, прямо за эрегированное мужское достоинство … тащи, пока тепленький! Сколько таких сексуально озабоченных дурачков погорело, не счесть! Дорвались до сладенького, называется.

Поэтому, основная масса ребят сделала для себя категорическую зарубку на стене, огромную татуировку на личном члене (чтобы каждый раз перед глазами маячило, когда в ширинку полезешь — пописать там или еще чего… потребности же, у каждого разные, сами понимаете…) и глубокую отметку с пролонгированной кодировкой, вплоть до самого выпуска, в

персональных мозгах естественно: «Жениться можно не ранее, чем через год после окончания училища!» И все, хоть стреляйся!

Но этот научно-обоснованный минимум, подтвержденный на личной практике многочисленной курсантской паствой, необходимо обязательно выдержать! Это необходимо для будущей счастливой семейной жизни. Иначе, как доказано самой жизнью, необдуманная спешка в решении глобальных вопросов, приводит к неизбежным ошибкам с фатальными последствиями. Прозрение наступает весьма быстро, оно как похмелье — приходит совершенно неожиданно и фактически совсем необоснованно, но обязательно с жуткой головной болью и осознанием того, что «это» я сделал абсолютно напрасно и явно слетел с катушек. Более того, если вдруг я сегодня нечаянно выживу, то в будущем, уже точно, «так» второй раз не поступлю. К бабке не ходи! Но приходит новый день, уроки прошлого забываются, острота головной боли несколько притупляется или просто тянет «опохмелиться — клин клином…» и опять: «Баран, овца, начинай с конца!»

Как всем известно, отсутствие гармонии в семейной жизни, приводит к неизбежным изменам в частности и к всеобщей неудовлетворенности в целом, и как следствие — к гарантированным разводам и развалам семьи вдребезги и т. д. и т. п. со всеми «вытекающими… последствиями, естественно» — а это уже несчастные дети, поломанные судьбы, взаимные обиды, летящие в спину топоры, утюги, сковородки, страшные проклятия и все в том же духе. А нам этого, согласитесь, совсем не надо. Ибо, советский курсант — это образец благопристойности и воспитанности, идеальный семьянин, любящий муж, заботливый отец, «облико морале» и все такое.

А вот уже по истечению календарного года после выпуска — после выхода на свободу по факту гарантированной амнистии в виде успешной сдачи государственных экзаменов, когда катастрофически зашкаливающий уровень тестостерона в дурной курсантской кровушке более-менее придет в относительную норму, и вечно генерирующий член, получив некое право выбора и, какое-никакое разнообразие во всем неимоверном многообразии близкого и плодотворного знакомства, перестанет тупо стоять прямо поперек твоих мозгов в относительно пустой головушке, тогда уже совсем другое дело.

Ибо, постоянно стоящий в полной боеготовности твой персональный член, надежно блокирует такое великое достижение эволюции, как инстинкт самосохранения, а также, жестоко пресекает все слабые попытки возрождения даже задатков логики. Более того, он — «остростоящий вопрос о

сексуальной неудовлетворенности, в смысле», качественно заглушает робкие сигналы трезвого расчета, уверенно подавляет все посылы здравого смысла и незамедлительно накладывает категорическое «вето» на любой маломальский мыслительный процесс в твоем сознании! Вот она — настоящая проблема!

Кто бы мог подумать, что два таких разных органа, как мозг и член, имеют такую тесную и неразрывную взаимосвязь. Причем, именно член зачастую выступает в качестве «блокиратора» всех разумных поползновений мозга, настойчиво заявляя о своем присутствии и откровенно навязчиво требуя решить его «остростоящие вопросы» в первую очередь. Удивительно, но факт неоспоримый!

Чего греха таить, после выпуска из военного училища, «вчерашнему курсанту» необходимо срочно приводить свою, порядком расшалившуюся, гиперпотенцию в относительное спокойствие и гармоничное умиротворение. Чтобы остродефицитная кровушка, наконец-то отлила от персонального мужского начАла и началА бесперебойно поступать в головной мозг для незамедлительного возрождения всех замечательных качеств разума, которые радикально отличают любого «homo sapiens'а» от примитивной обезьяны.

Но, в нашем случае — при длительном нахождении в стенах военного училища, «эти самые качества» давно уже атрофировались за полной их ненужностью и ненадобностью внутри периметра колючей проволоки, кроме инстинкта размножения естественно.

В результате чего, среднестатистический курсант превращается в этакое неискушенное и доверчивое существо, взращенное в окружении себе подобных наивных юношей на заповедной территории, и оказывается совершенно не приспособленным к суровым реалиям «беспринципного взаимоотношения противоположных полов». А коварным девицам, с далеко идущими планами только этого и нужно…

Спокойно! Не нужно бросать в меня злобные взгляды и тяжелые камни! Это всего лишь рассуждения вслух, которые имеют под собой массу примеров. Поэтому, наученные горьким опытом своих безвременно женившихся товарищей, основная толпа курсантов, скрипела зубами, но держалась до победного конца… конца…, конца…, конца?! мда…, ах да, конца! …конца — в смысле, финала.

Но, из этого «золотого» правила всегда есть свои исключения. Всех не перечислить, но чисто для примера, в качестве противовеса всевозможным мнениям и догадкам, приведу одно из них. Итак.

Азербайджанец Фахраддин, в миру — Федя, после окончания летнего отпуска гордо и солидно поблескивал новеньким обручальным колечком на безымянном пальце правой руки.

Сегодня, он лихо подкатил к КПП училища на такси — желтой «Волге» с шашечками и в течение целого получаса, под несказанно удивленными взглядами сослуживцев, методично выгружал из ГАЗ-2410 многочисленные сумки, пакеты, чемоданы, узлы, свертки, коробки, ящики, авоськи, сетки, мешки и баулы с различной снедью.

Оказывается, в отпуске наш незабвенный Федя благополучно и скоропостижно женился! Точнее — его выдали замуж, тьфу, то есть — женили! Причем, этот факт предстоящего и счастливого процесса бракосочетания, был для самого Федора-Фахраддина полной неожиданностью. Сюрприз так сказать, своего рода — нежданчик! Надеюсь, что приятный.

Так вот, Федя выгрузил огромный багаж, щедро расплатился с водилой, отпустил такси и с помощью многочисленных ребят, спешащих отчитаться перед своими командирами об отсутствии замечаний в проведенном отпуске, с большим трудом дотащил все это продовольственное богатство и фруктовое изобилие в нашу родную казарму.

Хотя, простите покорно, слукавил! Не все! Конечно же, не все! Огромную сумку с парой ящиков коньяка и водки, Федя старательно заныкал в густой растительности возле училищного пруда — на территории, подконтрольной нашему 45-му отделению, дабы спокойно и беспрепятственно проскочить строгий «таможенный досмотр» с обязательной процедурой тотального обыска, в момент пересечения КПП.

А вот уже ближе к вечеру, после дружного выхода 100 % личного состава нашего учебного отделения на традиционную уборку закрепленной территории, все это обилие «стеклотары» (вместе с божественным содержимым естественно) было тайно и скрытно, доставлено в расположение нашей родной 4-й роты. Благо в боковые карманы галифе спокойненько помещалось по пол-литровой бутылке.

Вечером, неспешно прогулявшись на ужин, курсанты все как один, абсолютно проигнорировали убогие изыски военных поваров (зато училищных свинок порадовали).

Когда рота вернулась в казарму и в преддверии вечерней поверки по усеченному варианту — т. к. дежурный офицер благополучно слинял домой, оставив курсантов в полное распоряжение старшины роты, мы, рассевшись в спальном помещении, начали сердечно поздравлять нашего застенчивого новобрачного с эпохальным событием. При этом, не забывая

старательно поглощать обильное национально-азербайджанское свадебное угощение и прикладываться к немного резковатому (на мой личный вкус) азербайджанскому коньяку или к русской водочке.

На все это безобразие, старшина роты реагировал достаточно адекватно, ибо «старший курс» — это уже совсем другая армия, поверьте мне на слово. Нас уже не надо было безмерно контролировать, так как персонально-личного опыта приобретенного в стенах училища вполне хватало, для самостоятельного поддержания строгой воинской дисциплины в рамках разумной достаточности.

А тем временем, в спальном помещении 45-го классного отделения, на фоне импровизированного свадебного застолья (жаль, что без наличия невесты), протекала дружелюбная и познавательная светская беседа. Комсорг Сергей Филин, закусывая душистым мясом, завернутым в виноградный лист, пытал новоявленного молодожена о наличии убедительных обстоятельств, повергнувших его на такой серьезный шаг.

— Федя! Ёксель-моксель! И как же тебя дружище угораздило то, а?! Ведь уезжал домой, ни слова не промямлил! Не пригласил никого! Не хорошо это, брат, вот так, по партизански — в тайне от своих дорогих друзей-товарищей свою холостяцкую жизнь разменивать. Мы бы тебя всем отделением, от такого неразумного и скоропостижного шага удержали. Вот прямо бы по шестеро мужиков на каждой ручище твоей богатырской и висели бы… Точняк! Остальные бы в ногах валялись! Эх, Федя, Федя… Тебя случаем, не под конвоем в ЗАГС отвели?! Вроде, Баку далековато от училища находится, не мог ты братан, на таком удалении невинную девицу соблазнить и обесчестить… Не, все понятно, «елда» у тебя несомненно выдающаяся, но не на столько же…

Стоит особо заметить, что Федя был настоящий «богатырь-самородок» — он, шутя и не напрягаясь, поднимал штангу в 150 кг. и, никогда не занимаясь борьбой, легко клал на лопатки общепризнанных мастеров ковра и татами классического вида и дзюдо. А размер ножки у «казарменной Золушки» был в районе 48–50 и, обувь ему всегда шилась исключительно по персональному заказу, так как такие противотанковые сапожки в Красной армии никогда не использовались в виду их чудовищного веса. При этом, Фахраддин был феноменально спокойным и добродушным увальнем, абсолютно инертным и неконфликтным — этакий огромный ребенок. (в плане отдельный рассказ про Федю и штангу)

Федя, выслушивая наши шутливые нападки и дружеские наезды, застенчиво улыбался и стыдливо отводил свои карие

глаза. Он искренне извинялся, что не смог пригласить на свадьбу все 30-ть человек из нашего 45-го отделения, вот именно поэтому, чувствуя свою неизгладимую вину перед дорогими товарищами по оружию, он сейчас и развернул в нашей казарме, мини-филиал своего свадебного стола, фактически с полным ассортиментом представленных на свадьбе блюд, включая полнехонькую 3-литровую банку черной икры. Обалдеть! И это все великолепие в эпоху тотального дефицита?! Немыслимо! Но, тем не менее…

Федор, крепко сжимая в огромном кулачище стандартную эмалированную кружку армейского образца, которая откровенно терялась в его могучих пальцах, напоминающих приличные сардельки, и казалась жалким наперстком для шиться, оправдывался, как мог.

— Эээээээ! Ребята, простыте меня, за ради всего святого. Мамой клянусь, про свой свадьба, совсем ничего не знал. В Бакы прилетел, двайородний брат на белый «Волга» встретил меня в аэропорт, тоже промолчал. Только давольный улыбка в свой усы скрывал. К дому подъехал, а там гости, столы во дворе стоят, машина с куклой и лентами, два кольца на крыша. Говорю брат: «Свадьба?!» Он смеется: «Свадьба!» Спрашиваю: «Чей свадьба?» Он говорит: «Твой свадьба, Фахраддин!» Вот так получилось.

Ребята, пропустив еще по пару доз «огненной воды», ошарашено выпучили глаза.

— Федор, ёпт, а как же невеста?! Вдруг не понравится?! Ну, может же такое случиться, цвет глаз там негостированный, длина носа не уставная, усы там вдруг растут или еще чего, только без обиды, пойми правильно, о тебе же беспокоимся! Ноги кривые… или, не дай бог, одна другой короче, а левый глаз фанерой заколочен?! И что дальше?!

— Как не понравится?! Мой папа, ее папа деньга давал, так что все…

— Ни хрена себе! А если, ты ей не понравишься?!

— Как не понравился?! Мой папа, деньга ее папе давал, так что все…

— Обалдеть, во каменный век. Федя, ку-ку, родной, на дворе 1987 год, перестройка, советская власть, космос, спутник, ускорение, Горбачев, плюю…ралли…дибилизм, тьфу, блин, язык сломаешь и все такое… Вы чего там с ума посходили все дружненько и организованно?! Может где-то в далеких горных аулах, такое безобразие и прокатит, но Баку — столица, какая-никакая…республиканская! Ёёёёёёёёё, как будто в кино «Кавказская пленница». Ты не сбрендил часом, дружище?! Такого же не может быть, чтобы вот так — без согласия самих молодоженов, волоком и в ЗАГС…

— Может!

В разговор неожиданно вмешался таджик Мишка (по паЧпорту — Мумин-бубубубу-чей-евич-оглы-ага Холназаров). Прости Миша, запамятовал отчество!

Внешне Мишка был полной противоположностью Федора. Он был маленького роста, щупленького телосложения, изящный до неестественности и смуглый до синевы. Единственное, что их роднило — это черный цвет волос и угольно-карие глаза. Но, при этом, Мишка изъяснялся на общегосударственном языке — на русском то есть, гораздо хуже, чем Фахраддин и поэтому услышать его голос в миру, была настоящая удача — долгожданная и незапланированная редкость, сравнимая с личной встречей воочию Лохнесского чудовища, нос к носу. И это, притом, что парень благополучно проучился в военном училище уже далеко не один год.

Самое смешное, что когда еще на первом курсе, ребята пытались дружно учить Мумина русскому языку, он искренне удивлялся, как в общеизвестном анекдоте: «Почему такие слова, как СОЛ, ФАСОЛ, ВЕРМИШЕЛ, пишутся с «Ь» знаком на конце, а ВИЛЬКА, ТАРЕЛЬКА, БУТЫЛЬКА — без «Ь» знака посередине?! Фантастика!!!» Для Мишки это был настоящий парадокс в непостижимой русской словесности. Он так и выпустился из военного училища, не постигнув эту «страшную тайну». Но это все лирика, итак, Мишка заговорил…

Поэтому, все курсанты мгновенно перестали пить «шайтан-воду» и чавкать «деликатес-еду», а дружно уставились на Мумина, жадно ловя каждое его слово. Скромный тихоня-таджик несколько смутился всеобщему пристальному вниманию, так как привык находиться в комфортной тени и на вторых, а то и третьих ролях, но под воздействием коньячных паров он, гордо вскинув голову, уверенно продолжил.

— Может! Мой мама мне этот в отпуск сказаль, что Мумин когда училищь кончит, то в тот день ему дом мама отстроит, «Вольга» дарит и уже красивый молёдой жена нашель, их родне денег уже дала — калым. Так! Я свой будущий Гюйзаль еще не видаль, все говорят, что очень красивый. Мне только на свой свадьба видеть можна. Через еще целый год. Дом уже стройка, фундамент и первый этаж есть, площадь дома большой, солидный. «Вольга» уже куплен! У старший брат во дворе стояль, я издалека видель. А мой невеста тоже издалека видель! Подойти нельзя, говорить тоже нельзя. До свадьба ничего нельзя. Ее лицо, только моя мама видель. Говорит, очень красивый.

В спальном помещении воцарилась непроизвольная тишина. Изумленные парни, находясь под впечатлением от услышанного,

удивленно пораскрывали рты, рискуя расстаться с непроглоченной пищей, жадно запиханной за щеку.

В наших мозгах проскочила искорка короткого замыкания из-за явного осознании того, что на нашей планете, изъезженной вдоль и поперек, есть еще непуганые места, куда вездесущая советская власть еще просто банально не добралась! Заплутала бедняжка, наверное, в бескрайних песках Таджикистана еще где-то в начале 1917 года, а возможно, что померла от жажды или сошла с ума от незнания местных обычаев, языка и уникальной дремучести коренных жителей. А может, в гареме каком затерялась, где ее пользуют в качестве младшей жены или басмачи порубали, хрен его знает?! Короче, средневековый заповедник, в котором остановилось время, причем — радикально остановилось, еще в стародавние времена остановилось (наверное, песок в «песочных» часах закончился, а новый песочек подсыпать забыли), на лицо или прости господи, на рыло! Мде…, есть над чем глубоко задуматься с бутылкой пива в руке, а то и с чем посолидней, …на ближайшем досуге?! Обалдеть, мама дорогая!

А кто-то, где-то говорил, что мы уже в космос успешно летаем, и особь женского пола оказывается обладает такими же равными правами, как и нормальный человек — мужчина то есть… А тут такие дела творятся, причем в совершенно разных и отдельновзятых республиках… офигеть! Вот это откровение…

В этой всеобщей тишине было отчетливо слышно, как смачно плямкает никогда нестрадающий отсутствием аппетита Витя Копыто, который, пользуясь моментом всеобщего непроизвольного ступора, активно пережевывал какое-то очередное национальное азербайджанское блюдо. Серега Филин первым вышел из глубокого транса и, развивая успех в неожиданном диалоге, спросил у «болтливого» Мумина.

— Слушай, Мишка, объясни мне тупому русскому мужику, откуда у твоей мамы, которая в одиночку растит семерых детей, деньги на дома, машины и прочее. Это ведь, колоссальная сумма, каждому сыну дом забабахать, «Волгу» купить и еще жену-красавицу в придачу. А свадьбу сыграть — это же вообще пипец сколько гостей накормить надо. У Вас ведь если на свадьбу пришло меньше 2-х миллионов гостей и ближайших родственников, это же позору на всю оставшуюся жизнь! А шуршики то откуда?! Где денежков брать?!

— Тутовник.

— Что значит тутовник?!

— Тутовые черви.

— Фу, блин Мишка! Ты, что специально решил какими-то

сраными червями нам весь аппетит испортить, чтобы мы при таком продуктовом изобилии, совсем голодными остались. Ты не забывайся, мы ведь на импровизированной свадьбе у Федьки находимся. Какие на хрен фуфловые черви?!

— Тутовые. Шелк, шелк.

— Шелк?!

— Да, тутовник, шелк. Мама брать в колхоз тутовник — дерево такой и ростит черви, куколка, шелк. Деньги. По 30–40 тысяч в год.

— Обалдеть!

— Иногда, редко, мой мама через река Пяндж идти к родне в Афган…

— Все Мишка, хватит, рот закрой, ничего не хочу знать, про то, как твоя мама через границу, в Афганистан к своим душманским родственникам бегает. И тебе об этом «лялякать» тоже как бы не стоит… Сам понимаешь, мы то парни порядочные, но общеизвестный закон из курса физики: «Скорость стука всегда больше скорости звука!» никто не отменял, не забывай об этом. Все проехали. Итак, Федор, еще раз поздравляю тебя и твою дорогую Лейлу…

В это время мимо нашего спального помещения мирно топал старшина роты Игорь Мерзлов. В прошлом, он отслужил полтора года в ВДВ и поэтому носил полосатую майку бравого «десантника». Парень он был рослый и видный, строгий, но справедливый. Лишний раз не дергал, но и спуску не давал, хотя, чем ближе к выпуску, тем дисциплинарная хватка его все больше ослабевала. Тем более, сегодня первый день после отпуска, а сразу закручивать гайки начинают только полные мудаки, так как можно резьбу сорвать.

Старшина неспешно чапал из умывальника с полотенцем на плече, в галифе и в тапочках на босу ногу, во рту у него торчала зубная щетка. Он уже знал, что весь личный состав курсантов своевременно прибыл в расположение роты, а дергать и нервировать парней бесполезными построениями ему не хотелось, так как он сам еще находился под впечатлением от недавно проведенного отпуска.

Игорь остановился напротив нашей «банды», передвинул зубами щетку из-за одной щеки, за другую и пробубнил.

— Пацаны, построения не будет, в 23.00 отбой, по роте не шарахаться. Федю поздравляю с законным бракосочетанием. Всем много не пить, завтра на зарядку Нахрен прибежит самолично проводить сие увлекательное мероприятие.

Федя сразу протянул старшине початую бутылку коньяка и внушительный кусок какого-то мясного блюда, источающего

божественный аромат.

— Командир, выпей за меня и мою прекрасную жену Лейлу.

Старшина не вынимая щетки изо рта, так как обе его руки были заняты, пробубнил дежурный, но весьма проникновенный тост, желая Федору крепкого здоровья, чтобы активно плодиться и размножаться, и присоединился к нашему пиршеству, сетуя на то, что опять придется идти и чистить зубы.

Мероприятие «свадьбы» проходило весело и беззаботно, но дисциплина превыше всего и в 22.55. мы начали самостоятельно — без напоминаний, сворачивать «банчок», чтобы не подводить любезного старшину и не навлекать на него гнев дежурного офицера по училищу.

Пока наводился порядок, ребята тут и там в спальном помещении начали рассказывать новые анекдоты, которыми обогатились во время проведения летнего отпуска. В ответ посыпались смешки, повсеместно переходящие в разудалое ржание. И все было бы замечательно, если бы старшина не решил подвести итог нашего замечательного вечера своим анекдотом — «домашняя заготовочка», так сказать. Итак.

— Парни, слушай сюда! Последний наисвежайший анекдот и спать! Короче, летит самолет, например рейс «Душанбе — Свердловск» (Мумин улыбается ослепительной белозубой улыбкой). В самолете летит «чурка», пусть будет таджик (Мумин перестает улыбаться), живописный такой чурка — весь в бурке, в халате, в лохматой шапке, воняет овчиной! (Мумин замирает и напрягается) А на руках держит живого барана! (Мумин заузил свои черные глаза). К этому «чурке» подходит стюардесса и говорит: «Товарищ саксаул….» (Мумин болезненно скривился и поправляет старшину: «Аксакал») Ну да, саксаул, аксакал, какая хрен разница, неважно! Вот кстати, пусть этот аксакал, допустим Мишкин отец (Мумин категорически напрягся и сжался как пружина) короче — хуё мое, собачьи яйца, товарищ аксакал-саксаул, Вы зачем барана в самолете везете?! А «чурка» и отвечает: «Это, моя красавица, не баран! Это бакшиш — подарок значит, а настоящий баран в военном училище учится…»

— Зарежю шакаль! — Миша неожиданно бросает свое тщедушное тельце на громадного старшину. Ничего непонимающий Игорь Мерзлов оторопел и как пушинку откинул от себя внезапно рассвирепевшего таджика. Все в шоке — за годы совместного обучения, Мишка прослыл законченным тихоней.

Тем временем, отброшенный в спальное помещение, Мумин подбегает к своей кровати и рывком сбрасывает матрас, подушку, одеяло — все спальные принадлежности прямо на пол и с оголившейся панцирной сетки хватает толи очень длинный

кинжал, толи очень короткую саблю. (очевидно, только сегодня привез из отпуска и каким-то немыслимым чудом пронес на территорию училища ВВС)

Блеснуло лезвие клинка, с мелодичным звоном пустые ножны полетели в сторону окна, а наш доморощенный самурай, чуть ли не с криком «банзай» бросается на старшину роты.

Ошарашенный «десантник» Игорь, в ужасе округлил глаза и, выпрыгнув из тапочек, прямо босиком ломанулся в каптерку, не выпуская зубную щетку изо рта. По пути его бегства, на центральной взлетке, осталось валяться слетевшее с плеча полотенце.

За ним, выкрикивая «нечто тарабарское» на таджикском языке, мчался Мумин с налитыми кровью глазами и с шашкой наголо. Что ни говори, а молодые годы, проведенные в рядах ВДВ, оставили свой позитивный след в физической подготовке старшины Игорехи Мерзлова. Финишную линию в виде двери каптерки, оббитой снаружи толстенными листами железа, он пересек гораздо раньше, чем наш казарменный душман мини-моджахед Мишка.

Дверь каптерки громко хлопнула, старшина заперся в относительной безопасности. Тем временем, злобный таджикский карлик Мишка, наконец, добежал до каптерки и на глазах у обалдевшего дневального (тумбочка дневального находилась в 2-х шагах от каптерки, напротив оружейной комнаты), начал наотмашь рубить своей короткой саблей прямо по двери каптерки, высекая искры из листа железа и оставляя на нем глубокие зарубки.

— Виходи ишак! Будь мужчина! Ти аскарбиль мой атец! Виходи, все равно зарежю!

Мы, наконец, пришли в себя и бросились ловить нашего басмача и отбирать у него кинжал.

Успешно скрутив худосочного таджика и отобрав у него саблю а, также зачехлив ее в ножны, ребята стали проводить активную «разъяснительную работу» с Мумином с применением всего полного великолепия русского языка, что «чурка» из самолета не имеет ничего общего с уважаемым и давно усопшим отцом нашего дорогого сокурсника.

И не надо «ВСЁ» воспринимать так близко к сердцу, ибо, проучившись пару лет в военном училище, пора бы давно научиться абстрагировать собственное «эго», от всякой негативной и не совсем приятной херни, которая льется в курсантские уши фактически постоянно. И тем более бросаться на душевного собеседника с кинжалом наперевес, неправильно это, негуманно…

Мде…., чем больше наш азиатский Миша делал успехов в изучении русского языка, тем больше «смысла» в опрометчиво сказанных словах со стороны «ничего неподозревающих» сокурсников, стало доходить до его девственно чистого разума. Во дела, мы уже давно привыкли к всяким высказываниям и особо не фильтровали свою речь, справедливо полагаясь на прозорливость и устойчивый иммунитет своего собеседника.

В результате проведенной беседы, Мишка постепенно осознал все свои просчеты, искренне посетовал на непростительно слабое знание русского языка и абсолютно недоразвитое ассоциативное мышление. И в результате, добродушно согласился, что действительно общепризнанный юмор не следует огульно примерять на себя любимого, а отключать свое сознание от реальной действительности, он еще до конца не научился, но работает над собой и уже есть обнадеживающие сдвиги в нужном направлении и заметный прогресс. Ну что же, будем тренироваться и дальше, для закрепления успеха, так сказать. Мишка, потупив свои карие глаза в пол, сопел как нашкодивший школьник.

В это время сержант Валера Гнедовский ласково и нежно поскребся в наглухо запертую дверь каптерки, на которой отчетливо виднелись следы недавнего яростного штурма. В одной руке он держал толи длинный кинжал, толи короткую саблю, а в другой — тапочки, потерянные старшиной при его спешном отступлении на заранее подготовленные позиции.

Замок щелкнул, дверь слегка приоткрылась, в образовавшуюся щель осторожно выглянул Игорь Мерзлов. Старшина взял свои тапочки, просунутые Валеркой в открывшуюся щель, обул их и, опасливо оглядевшись, вышел наружу. Убедившись, что в коридоре кроме сержанта Гнедовского и дневального на тумбочке, больше никого нет, старшина Мерзлов принял более расслабленный и важный вид, выпятив вперед свою грудь, обтянутую «десантурской» майкой. Затем, он взял в руки толи кинжал, толи саблю и, вытащив клинок наполовину из ножен, посмотрелся в него, как в зеркало.

— Чего это Мумин разошелся?! Вроде анекдотец вполне безобидный?! И откуда, кстати, у него такая замечательная штукенция?! Не иначе привез, чтобы колбаску резать или карандаши точить. Типа — национальный вариант перочинного ножичка?! Великоват однако, не находишь, Валера?!

Гнедовский скорчил умильную рожицу и применил все свое дипломатическое обаяние.

— Игорь! Ну, во-первых, ты сам немного перешел границу. У них — у «чурок» в смысле, папа и мама — это святое, а у Мишки,

отец давно умер, а тревожить дух усопшего, да еще и в качестве персонажа для анекдота — грех! Согласись?! Во-вторых, за этот «ножик-режик», я его сам выдеру и вздрючу «будь здоров», поверь на слово! А тебе его сейчас передаю из рук в руки на продолжительное хранение, до самого нашего выпуска. Запрячь его, пожалуйста, поглубже, чтобы Нахрен и Пиночет не разыскали, лады?! А то, напридумывают чего, потом разгребать замучаемся. Ну, а в-третьих — надо с Мумином идти мириться, а то вроде как бы он успокоился, а там хрен его знает?! Спать ляжешь здоровеньким, а проснешься утром… а твоя буйная головушка уже и в тумбочке. Наш басмачонок ее тебе за ночь тупыми ножницами отпилит.

— Мде…

Старшина задумчиво почесал затылок.

— В принципе действительно, чего это я с «политесом» перемудрил. Где этот душман?! Пойдем разговаривать, только пусть его пацаны покрепче держат! Кто бы мог подумать, «соплей перешибешь», а с таким остервенением набросился, в натуре думал, сейчас яйца отрежет.

Старшина пришел в наше спальное помещение и подошел к Мумину, который в это время спокойненько разбирал свою койку и готовился ложиться спать. Он уже умылся на ночь, почистил зубки и был опять «тише воды, ниже травы». Игорь протянул ему свою руку.

— Мишка! Ты это… Не держи на меня зла, я же по доброму без всякого… А ножичек твой пусть в каптерке полежит от греха подальше. И вообще, какого рожна ты его в училище припер?!

Мумин аккуратно поправил одеяло на кровати, старательно взбил подушку и, повернувшись к старшине, улыбнулся свое фирменной белозубой улыбкой.

— Не ссы старшина, что я дурак, да?! Ты дюмаль, если «чурка», так совсем деревянный, да?! Ты пошутиль, я пошутиль, ребят повеселили! А кинжаль себе оставь, у меня таких дома еще много-много есть! Бери, бери, бакшиш, в знак мой к тебе уважений! На добрый память бери, что с Мумином Холнозаровым вместе учился, будешь патом свой детям рассказывать или на ковер его повесь — очень красиво! Что ковра нет?! Ай-яй! Гавно вапрос — на випуск подарю, тебе ковер! Ковер в каждом доме дольжен бить! Кстати, у меня после випуск свадьба будет, приезьжай, дорогой гостем всегда в радость и не держи на меня зла! Какой с «чурки» спрос, да?!

И Мумин вложил в огромную ладонь старшины свою узкую загорелую до копчености ладошку для крепкого мужского рукопожатия.

Наблюдая за картиной трогательного примирения, проходящий мимо в туалет, хохол Теодозий Вирвихвист из Львова, подмигнув задорно, попутно приколол Мумина.

— Мишка, будь ласка, почим, твия силь?! (за сколько продаешь соль?)

— Нэ СИЛЬ, а СОЛ, нэруский рожа!

Незамедлительно огрызнулся таджик, сверкнув идеальной белозубой улыбкой.

38. Роза, Рита, Рая

Яркий свет неприятно резанул по закрытым глазам, заставляя брезгливо зажмуриться. Следом, по ушам и по нервам ударил душераздирающий вопль дневального по роте.

— Рота, подъем! Выходи строиться в коридоре! Форма одежды номер «Раз»!

По смутному ощущению персонального организма, явно не успевшего отдохнуть за непростительно краткое время прерванного сна, на лицо факт наглого недосыпа. Значит, нас поднимают раньше положенного времени?! А это непорядок! Инстинктивно взглянул на часы — полтретьего ночи?! Охренели, что ли?! Где остатки совести, твою… дивизию. Если не разразилась Третья Мировая Война, пошли все на …

Судя по всему, со мной были солидарны и остальные курсанты 4-й роты, разбуженные посреди ночи не в самом наилучшем расположении духа. В сторону дневального на тумбочке полетели тапочки и дружные проклятия.

— Заткнись, придурок! Еще спать, да спать! На часы посмотри, идиот!

И тут грянул гром! Этот тихий и вкрадчивый голос, нельзя было спутать ни с каким другим на свете. Мягкий, но строгий, нежно-мурлыкающий и одновременно многообещающий…

— Кому не ясна команда, могу повторить персонально?!

Пиночет, бляха-муха, собственной персоной?! Атас, парни! Пипец! По казарме 4-й роты молниеносно пролетел стремительный ураган, мгновенно поднявший всех курсантов с кроватей, а постельные принадлежности хаотично взвились до самого потолка…

Еще не успели одеяла и подушки, сорванные неведомой силой с кроватей, упасть на пол, как все 144-ре курсантских тела поголовно стояли в центральном коридоре, благоговейно затаив дыхание. Причем, готовые выполнить любой приказ партии и правительства. Немедленно и беспрекословно!

Командир первого учебного батальона полковник Серов по прозвищу Пиночет, неспешно прогуливался вдоль монолитного строя неподвижных тел «а-ля-атланты и кариатиды» и ласково озвучивал.

— Так то лучше, дорогие мои детишечки. А теперь все дружненько выстраиваемся в колонну по одному и организованно заходим в «ленинскую комнату» на внеочередной медицинский осмотр.

Какой, в сраку, экстренный мед. осмотр посреди ночи?!

Совсем с башкой ку-ку?! А днем эту процедуру нельзя провести?! Всего три часа до подъема осталось. Что за спешка? Эпидемия ящура, что ли?!

Выстроились в длинную цепочку, ждем. Парни из 41-го классного отделения по одному исчезали за дверью «ленинской комнаты» и вскоре выскакивали оттуда с пунцовыми щеками, спешно подтягивая армейские труселя семейной модели почти до ушей. Стараясь не отрывать смущенного взгляда от пола, курсанты после мед. осмотра молча пробегали мимо. Все осмотренные спешили упасть в койку и баиньки. Оно и понятно, сон в военном училище — дефицитная роскошь. Не успеешь урвать положенное время, будешь весь день клевать носом и устало, шаркая по асфальту, таскать тяжеленные сапоги на манер доходяги-сомнамбулы.

Чего смотрят то?! Хоть бы кто намекнул… но, все курсанты пробегали мимо абсолютно молча, стыдливо пряча глаза… Непонятно?!

Тем не менее, живая цепочка двигается достаточно быстро, вот подошла и моя очередь.

Захожу в «ленинскую комнату», на входе стоит наш командир роты капитан Нахрен со списком личного состава, чуть поодаль майор милиции… офигеть?! А менты здесь с какого перепугу?! В центре помещения на стуле, прямо под бюстом В.И.Ленина, сидит молодая красивая докторша из нашей медсанчасти. Лицо уставшее, взгляд напряженный, но все равно безумно красивая…

Ротный сделал карандашом отметку в списке личного состава и огласил мою фамилию.

— Курсант Симонов 45-е к/о!

Приблизившись к докторше, замер в нерешительности. Ну, мол, смотрите, вот он я. Капитан Нахрен, видя мою нерешительность, тихо скомандовал.

— Трусы снимай!

— Чего?

— Трусы снимай, бестолочь! …до колен.

Чувствуя, как мои щеки покрываются густым румянцем, лихорадочно суетясь и путаясь в безразмерной тряпке синего цвета с неожиданным названием «трусы», наконец-то с трудом развязал давно и безнадежно растянутую резинку с многочисленно накрученными узлами. В результате моих хаотичных манипуляций трусы позорно свалились на пол.

— Оголи головку!

— Чего?

— Совсем тупой, что ли?!

…твою мать, стыдно то как! Стыдно оголяться перед

красивой молодой женщиной, да еще и в присутствии посторонних мужиков в форме… Бред какой-то…

— Поверни влево, вправо… подними кверху…

Что за херь, не понимаю… что же это за мед. осмотр такой?! А самой молодой докторше доставляет удовольствие посреди ночи на полторы сотни пиписек в упор пялиться?! Что происходит, в конце концов?!

— Свободен! Следующий!

Стремительно выскакивая из ленинской комнаты, на бегу натягиваю трусы с неприлично растянутой резинкой, и стараюсь не смотреть на ребят, ожидающих своей очереди на странный мед. осмотр.

Стыдно, твою…, как скот какой-то! И докторша тоже… Рассматривала писюн в упор с такой скрупулезностью и дотошностью, как будто никогда не видела. Влево, вправо, подними, опусти, открой, закрой! Осталось еще покрутить словно пропеллером?! Для завершения полноты картины надо было еще встать раком и ягодицы раздвинуть?! Что за порнография?! Веселенький мед. осмотр, ничего не скажешь!

Утром наше училище ВВС гудело как растревоженный пчелиный улей. Все курсанты были в полном недоумении и под впечатлением от ночного осмотра персональных гениталий, да еще и с пристрастием. Как оказалось, подобный мед. осмотр с эротическим уклоном прошел во всех подразделениях без исключения. Более того, пятерых ребят из 9-й роты ночью взяли под стражу и посадили на гауптвахту, во как?!

Различные слухи летали над всей территорией училища, повсеместно плодясь и многократно множась. Неопределенность ночных событий будоражила курсантские умы, внося нервозность и смятие в юные души, а сути происходящего никто не знал… Догадки и домыслы были один страшнее другой…

На перемене между уроками, Витя Копыто, обильно брызгая слюной и захлебываясь в праведном возмущении, эмоционально бухтел.

— Парни, а может они — пидары?!

— Кто?

— Ну, те пятеро, которых посадили?!

— Тогда бы у нас очки смотрели на предмет износа и потертостей, а не …наоборот!

— А может в училище эпидемия сифилиса или гонореи?! У кого с конца закапало, тех и забрали!

— С гнилыми свистками забирают в изолятор мед. санчасти и колют болезненный бицеллин полными шприцами в волосатую сраку до полного излечения, а не закрывают в камере с прочными

решетками. Чай не в средние века живем, когда больных чумой сжигали на кострах еще живыми…

— Это?! А помните, нам на политинформации говорили, что на империалистическом западе какой-то СПИД появился?! Заразный, что полный пипец!

— А мне кажется…

Киевлянин Лелик Пономарев, устав слушать откровенный бред, вставил свою весомую реплику.

— Мужики, хорош голову ломать и мозги сушить! У меня зёма (земляк) в 9-й роте учится. На завтраке в столовой успел шепнуть, что те парни в наряде на свинарнике стояли и кого-то там … якобы изнасиловали?!

Витя Копыто от услышанного взвился, чуть ли не до потолка, выпучив безумно глазенки и заводя самого себя.

— Ага! Зоофилы, что ли?! Ни хрена себе?! И все пятеро на свинью позарились?! Обалдеть! Никогда не поверю?! В городе куча общежитий с красивыми девчонками… Если даже все пятеро арестованных — нац. кадры, все равно им к свиньям нельзя прикасаться! Им этого… как его… ушастого ишака подавай! Так ведь, Фахраддин? У вас ведь в горах экзамен на мужскую зрелость на ишаке сдается?

Азербайджанский увалень Федя Мирзалиев болезненно сморщился, но не стал генерировать свой горячий темперамент, а равнодушно буркнул.

— Не на ишаке! На ослице… свинья — грязный животный, свинья нельзя!

— Во! Федя, а ты сам того?! Экзамен уже сдавал, да?!

— Да пошел ты!

— Федь, не стесняйся, расскажи а?! Интересно же!

— Отстань… а то на тебе сейчас экзамен сдавать буду…

— Мишка, тогда ты расскажи! Как с ишаком… приятно?! Лучше чем с женщиной?

Смуглый до неприличия таджик Мишка Холнозаров равнодушно отвернулся к окну и тоже ушел от прямого ответа.

— Моя твоя не понимай!

С перекура вернулся курсант Петровский. Постоянно сплевывая крошки табака, прилипшие к губам и к языку, мрачно озвучил.

— Парни, я сейчас в курилке слышал, как один пацан из 9-й роты рассказывал, что ночью у них шмон был в казарме очень даже по-взрослому. Менты приезжали и все такое… Короче, слушай сюда, самая достоверная информация. Те пацаны стояли в наряде по свинарнику. А вечером к ним пришла фрикаделька. Ну, из этих… из безотказных типа. Любви и ласки на халяву

поискать. То се, тили-тили, трали-вали, шпили-вили… Короче, мадама несколько увлеклась, придаваясь любовным утехам, и как Золушка забыла про время. И, спохватившись, побежала в свою общагу. А там злобная карга на вахте. Типа не пущу и все такое… а доложу ректору-проректору-коллектору, что ты по ночам шлындаешь и безобразия безобразничаешь, чтоб тебя из общаги поперли …и вообще отчислили из института за аморалку. Та кобыла типа сильно испугалась и давай бабульке слезу пускать. Мол, шла по улице, никого не трогала, налетели на меня изверги военные, изнасиловали до полусмерти. И вот именно поэтому, я такая вся хорошая и несчастная …задержалась в нарушение распорядка дня. Простите меня, бабулечка-красотулечка, больше так не буду. Старуха сразу же вызвала ментов, а девка обосралась и написала заяву. Вот и понеслась чехарда… А так как все курсанты одинаковы на морду лица, как братья близнецы… та сучка вспомнила, что когда ребят ублажала различными нетрадиционными методами, то типа прикусила одного в порыве бурного экстаза. Вот нам всем …писюны и смотрели весьма пристально… Ребят со свинарника загребли всех под чистую. Даже тех, кто орал истошно и божился всеми святыми, что к девке этой и близко не прикасался, а свиней кормил весь вечер по-честному. Короче, весь наряд закрыли. Сидят пацаны на киче и своей участи ждут. Такие дела…

— Ни хрена себе раскладец?! Вот попали!

— Говорят, что наш генерал с ментами пытается вопрос уладить. И с девкой той, типа по-тихому …но ее родители уже из деревни приехали и строят из нее дюймовочку ни разу нецелованную. Мол, стыдоба такая на всю деревню приключилась …и не может их дорогая кровиночка быть обычной потаскушкой, которая по ночам на разных свинарниках ошивается. Она мол, чисто по своей наивности пришла на тот свинарник, чтобы с приличным курсантом познакомиться …для чистой и светлой платонической любви, а так же для нежной дружбы, во как?! А они — уроды такие, ее носом в лоханку с объедками, юбку задрали и снасильничали все по очереди?! Прикиньте?! Аж, на слезу пробивает от умиления и сострадания…

Оглушенные такой информацией, все курсанты 45-го к/о жадно внимали Петровскому, боясь пропустить хотя бы слово.

— А еще говорят, что наш старикан-генерал, ее родителям предлагал любого из арестованных парней в зятья. Обещал, что тот, кого их драгоценная доченька выберет, сразу же на ней женится не глядя …только заявление пусть заберут. И все довольны будут. А кобыла типа ткнула пальцем на одного — мол, этого хочу! А парень ей кольцо обручальное показывает и

говорит, что уже женатый и ее вообще не трогал. Она хоть и подтвердила, что именно он ее не трогал, но уж очень ей нравится, аж силов никаких нет …и в качестве ейного жениха весьма подходит! Прикиньте, дурдом какой?! Остальные пацаны типа взмолились, давайте денег вам дадим?! Много! На новую «Волгу» и выбирай в мужья любого другого, дура! А она уперлась …или этого или разговор окончен?! Вот, сцука!

…далее был показательно-образцовый суд. Женатик с обручальным кольцом на пальце, как непричастный ко всему этому безобразию, пошел свидетелем и отделался легким испугом. Но, все равно был отчислен из училища как невольный «соучастник», своим равнодушным бездействием не предотвративший данное вопиющее преступление. Как оказалось, он еще дешево отделался.

Второй парнишка, видевший эту мадаму на свинарнике во фривольных позах, и посмевший даже неосторожно пошутить с ней на интимную тему, получил три года дисциплинарного батальона, как возможный провокатор, подвигнувший своей неосторожной репликой остальных ребят на тяжкое преступление против личности этой образцовой во всех отношениях девочки.

Еще трое ребят, вкусившие сомнительной любви, раскрутились на общий срок в 21 год — 6, 7, 8, взависимости от степени личного участия в процессе тесного общения с потерпевшей.

По итогам оглашения приговора, наше училище ВВС незамедлительно погрузилось в массовую депрессию. Вернее, даже, не погрузилось, а …рухнуло в длительный и беспросветный депрессняк. Ребята просто обалдели от такого сурового развития событий!

Находясь под удручающим впечатлением от страшного итога судебного заседания, все курсанты училища стали повсеместно избегать любого общения с представительницами противоположного пола и откровенно шарахаться поголовно от всех девчонок, как от заразной чумы!

Спустя полгода после вышеописанных событий, наше 45-е классное отделение заступило в гарнизонный караул. Время идет, тянем службу не шатко, не валко, как вдруг на гарнизонную гауптвахту привозят солдатика ВВ (внутренние войска), что было достаточно редким явлением. Ибо ВВ сами охраняли более серьезные объекты с соответствующей публикой — пересылочную тюрьму, арестантские зоны и с личной дисциплиной у солдат ВВ был полный порядок.

Оформляя пять суток начисленной отсидки, начкар лейтенант Зайчик задумчиво вертел в руках записку об аресте

солдатика ВВ.

— За нарушение режима?! Это как это?! Не вовремя сходил пописать, что ли? С каких это пор за режим арестовывают?

Солдатик, тяжело вздохнув, начал пояснять.

- Режим в нашем понимании — это установленный порядок содержания осужденных. Из-за жалости я тут… вот.

— Да ну?! Как это, из жалости?

— Пожалел троих обиженных, дал им по сигарете и возможность покурить. А контролер заметил и стуканул начкару. А тот быстренько оформил арест, чтобы другим неповадно было панибратские отношения с осужденными заводить. А ребят действительно жалко. Совсем их зачморили, доходяшки законченные, долго не протянут. Кстати, из ваших. Говорят, что бывшие летуны. Сидят в «пересылке» за изнасилование, ждут этапа на строгач. Их уже опустили и дерут все кому не лень…

— Как это опустили?! В каком смысле дерут?

— Как, как?! Петухами сделали, точки на губе накололи, и погоняла соответствующие дали — Роза, Рита, Рая…

Пипец, приехали! Все ребята 45-го к/о, кто был в тот день в гарнизонном карауле, испытали моральный шок, включая лейтенанта Зайчика. Вопросов нет, парни, конечно же, позволили себе лишнее, позарившись на доступность той девицы. И, возможно, даже и заслужили наказание, но не такое же?!

Не берусь судить ту мадаму, но тут многое шито белыми нитками. Вот какая вменяемая и скромная девушка, на ночь глядя, пойдет на окраину города?! Да еще и на свинарник?! Якобы с невинным желанием — познакомиться с благовоспитанным курсантом для будущих трепетных и платонических отношений?! Что за бред?

Даже если она оговорила ребят, побоявшись всеобщего осуждения, родительского гнева и вечного позора в своей родной деревне, а так же отчисления из ВУЗа за аморалку?! Так все равно получила и то, и сё, и это?! И тот же гарантированный позор на всю жизнь! И муки совести…наверное?! А парни получили гораздо больше и страшнее… Зачем?!

Любое наказание должно быть соизмеримо совершенному проступку, не так ли?!

После этого неприглядного случая, все курсанты нашего училища ВВС на долгие годы получили мощнейшую прививку и откровенно животный страх перед особами женского рода. И зачастую с трагическими последствиями (см. «Часы Seiko»), ибо никому не хотелось повторить судьбу Розы, Риты, Раи…

з. ы. Никого не хочу обвинять в предвзятости и непорядочности, но поневоле начнешь понимать американосов,

которые перед тем как поцеловать девушку, не менее трех раз спрашивают у нее разрешение и берут письменное согласие, полученное при десяти вменяемых свидетелях, оформленное на официальном бланке и заверенное у двух независимых нотариусов. Мали ли чего, вдруг передумает?!

39. Честь мундира

Суббота, время планомерно и неуклонно идет к ужину. Это, несомненно, радует, но не сильно, т. к. меню предстоящей «трапезы» прогнозируемое и легко предсказуемо — стандартная и откровенно обрыдлая «муйня» со щедрым добавлением бигуса, который способен легко и просто испоганить любые качественные продукты, с которыми соприкоснется даже мельком. Увы, и никуда от него не деться. Хочешь — не хочешь, а сидеть в столовой и вдыхать сногсшибательные ароматы прокисшего блюда все равно придется, не смотря на то, что к бачку с проклятой капустой никто из курсантов не притронется даже под угрозой отчисления из училища или расстрела.

А вот уже после обязательно-принудительного посещения столовой, в училищном клубе запланирован показ какого-то кинофильма. Какого?! Неважно! Да хоть «Ленин в октябре» или «Юность Максима», монопенисно.

Тут уже расклад более приятный, как ни крути. Вариантов развития событий хоть и не много, но они вполне приемлемы. Если фильм не очень древний и не совсем политически-отвратный, то почему бы и не посмотреть на сон грядущий. В крайнем случае, опять же — можно и поспать в уютной темноте кинозала, скрючившись «в три погибели» в позе эмбриона на деревянном кресле. Главное, чтобы «поджопница» на кресле попалась не очень сломанная. А хоть бы и сломанная, при наличии мало-мальского желания и небольшом старании, нас ни что не остановит. Подумаешь, кресло сломано, да и фиг с ним.

Действительно, а почему бы и не вздремнуть лишние полтора часика?! Распорядком дня не возбраняется. А я всегда кино так смотрю, …да-да, именно с закрытыми глазами, мне так больше нравится! На слух усваиваю лучше и вообще, мое право… Убедительно звучит, нет?!

Наша 4-я рота обреченно готовится к процедуре очередного планового построения. Идти в столовую никому не хочется, а куда деваться?! Надо! Распорядком дня предусмотрено.

Сержант Валера Гнедовский время от времени раздраженно посматривает на часы и тихо ругается. Даже не ругается, а желчно цедит сквозь плотно стиснутые зубы. Слова медленно вытекают из его полуоткрытых нервных губ как расплавленный свинец. Если бы хоть одно слово капнуло на сапоги, прожглась бы приличная дырка. Точнее некуда!

— Говнюк Пилопедрищенский, вот только появись приведение страшное, мослы ходячие. Только проявись спирохета

бледная, сразу в наряд полетишь быстрее ветра, как сраный веник, обгоняя собственную тень… Бля, я тоже хорош, нашел, кому поверить и с кем договариваться?! Ну, дурак я, ну дурак… Так мне и надо, умнее буду! Ведь зарекался уже сто раз…

Возмущение и отчаяние сержанта было вполне понятно, еще пару минут назад он должен был постучаться в металлическую дверь и уверенно зайти в канцелярию роты, чтобы предоставить дежурному офицеру подробный, обстоятельный и поголовный «расход» по личному составу 45-го классного отделения. В принципе, «строёвка» нашего отделения сходилась идеально, все курсанты были в наличии, за исключением одного тела.

Этим телом был Витя Копыто, который во время наведения планового порядка на закрепленной территории с внешней стороны КПП училища так изнылся, что абсолютно уравновешенный и невозмутимый флегматик сержант Гнедовский чуть не сломал черенок своей метлы о сутулую спину курсанта Копыто в приступе неконтролируемой ярости.

А причиной, вызвавшей жалкий и бесконечно-нудный скулеж незабвенного Витеньки, явилась пьянящая весна и многочисленные стайки аппетитных девчонок, которые косяками, словно рыба на нерест, шли к контрольно-пропускному пункту училища на краткие, но жаркие свидания со своими возлюбленными. Девчонки шли фактически бесконечным потоком, как волны, набегающие на берег, но — не к Вите!!!

Такого явного и неприкрытого оскорбления «в свой адрес» со стороны женского населения гостеприимного уральского городка, курсант Копыто вынести не мог. Ну, никак!

Картина повсеместно трогательно целующихся и нежно обнимающихся парочек, стремящихся найти уединение на скамейках в еле пробивающейся листве ниспадающей кроны ив, растущих вдоль училищного пруда, острым лезвием зависти резала Витьке прямо по сердцу и серпом — по яйцам. Витя жаждал любви. Немедленно!

Его умилительно-похотливые ужимки и недвусмысленные жалобно-страстные вздохи окончательно вывели из душевного равновесия сержанта Гнедовского и тот, рассвирепев, выдал следующее.

— Короче так, ловелас озабоченный, осеменитель хренов, фиг с тобой! До ужина я тебя прикрою, но чтобы на вечернем построении был как штык. Иначе, прости дорогой, но евнухом, я тебя лично сделаю! Кстати, а как ты предполагаешь в таком виде по улицам города шарахаться?! Тебя же любой военный сразу зацепит и в комендатуру сдаст! У тебя же на «морде лица» написано, что ты сексуальный маньяк и похотливый самоходчик.

— А я такси словлю и прямо к подъезду Маринкиной общаги. Ну а там, тили-тили-трали-вали и все такое…! А потом, Маринка машину поймает, я в нее прыг и сюда, прямо к дырке в заборе. Все будет в лучшем виде, не боись и не сумлевайся! Ну, как план?! Правда, генитально?!

— Опоздаешь хоть на секунду, не обижайся родной, будешь неделю жить на тумбочке, причем без первичных мужских признаков — без гениталий то есть! Усек, гениальный?!

Курсант Копыто обиженно отклячил нижнюю губу и капризно надул щеки.

— Валера, я тебя хоть раз подводил?!

Сержант Гнедовский болезненно поморщился, явно вспоминая свой «космический» полет в нисходящем штопоре с 3-го этажа женской общаги с последующим приземлением в цветочную клумбу (см. «Спорт и приметы»), а также все треволнения и седые волосы, нажитые в гарнизонном карауле (см. «Нервные клетки не восстанавливаются»)

— Витя, молчи, я тебя умоляю! Сверим часы.

Курсант Копыто и сержант Гнедовский, синхронно задрав левые рукава на своих гимнастерках, одновременно посмотрели на одинаковые наручные часы «Победа», которые задорно поблескивали новенькими корпусами. (см. «Постой паровоз, не стучите колеса») Витя попытался было акцентировать внимание хмурого сержанта на часах.

— 15.27., можно Кремлевские Куранты сверять, а у тебя?! Вот и часики, кстати, тоже как бы не без моего скромного участия…

— Копыто, исчезни с глаз, пока я не передумал.

— Валерик, будь спок, меня уже нет! Это уже не я, а оптический обман зрения, с угасающими вдали акустическими колебаниями воздуха… Не волнуйся, все будет тип-топ, в лучшем виде. Кстати, денег на такси не одолжишь?!

— Ну, хамло беспардонное?! Пшел вон идиота кусок! Причем, бОльшая половина… Трояка хватит?!

— А цветы?! Я же не могу без цветов?! Гусары без цветов — моветон!

— Пятерка и проваливай! Больше все равно нет.

Несказанно счастливый Витя прямо в безмерно застиранном и оттого выцветшем до неопределенной расцветки ХБ и «противотанковых» сапогах скоропостижно испарился с глаз долой и затерялся в ближайшем кустарнике. Он побежал ловить такси, заняв денег на «самоволку» у своего же сержанта. Наглец?! Кто бы спорил, но не я! Витя — это… Витя! …а кому было легко?! …и где взять «идеальных»?! Кто знает, назовите адрес?!

Сержант Гнедовский снова и снова озабоченно поглядывал на

часы. Из канцелярии роты после своевременного доклада вышел сержант Бояринов — командир 44-го классного отделения. Все, приехали, следом — очередь 45-го.

Гнедовский многообещающе скрипнул зубами и с решительностью обреченного взялся за ручку двери. В это время, нереально шумно громыхая сапогами, в казарму ввалился крайне возбужденный Витя Копыто, и тяжело переводя прерывистое дыхание, хаотично замахал пилоткой, обозначая присутствие своей тушки в расположении роты.

— Ах, ты…

— Уффф! Валера, умоляю, не надо, не говори ничего! Сам чуть не обосрался. Представляешь?! Вылезаю из такси, только углубился в березняк, чтобы в дежурную дырку у «дороги жизни» пролезть, а тут патруль, откуда не возьмись, да еще и краснопогонный. Комендатура, твою мать! Совсем ничего святого, уже у стен родного училища ловить стали. Прикинь?! Незыблемый принцип заповедных территорий не соблюдают, скоты педальные! (по неписанному закону, патруль никогда не стоял возле КПП училища и в непосредственной близости от забора). И охота им было в такую даль переться?! (наше училище ВВС находилось на «хуторе» — на окраине города)

Все курсанты 45-го отделения скучились вокруг «генерирующего» Вити Копыто, который исходя на праведный гнев в адрес «в конец обнаглевшего патруля», тяжело дыша, осипшим голосом, взахлеб повествовал о своем очередном чудесном спасении.

— Короче, понял я сразу, что в дыру однозначно не успеваю, ну и ломанулся вдоль «колючки», а эти сатрапы легавые за мной припустили. У меня фора — метров тридцать-сорок. Бегу значит, а они сзади тявкают: «Стой, да стой!» Ага! Сейчас! Нашли дурака?! Но жопой чувствую, догоняют. Не уйти мне от погони, даже если форсаж включу… Маринка — заводная мадам, поймите правильно, живым не уйдешь…

— Да ладно, Маринка не причем! Ты еще пару десятков подковок на сапоги приколоти, вообще с места не сдвинешься. Пижон! (у Виктора на каждом сапоге было по 6-ть подковок)

— Короче, бегу я, уже «колючка» закончилась и «бетон» начался (забор из штампованных бетонных плит) Чувствую, пипец мне в перспективе корячится — не перелезу через забор, а за углом уже КПП через сотню метров маячит. Пропадаю парни! Вдруг вижу, в березняке старикан какой-то с двумя детишками гуляет. Ну, я и взмолился: «Выручай, мол, отец, патруль на хвосте! Тюрьмой пахнет!» Мужик крепкий попался, с понятием — руки в замок подставил, я сапогом с разбегу уперся, а он меня на

забор и закинул. Ну, я патрулю 50 % от правой руки отмерил и был таков. Уф! Спасибо дядьке, мировой старикан! А то сидел бы сейчас на «киче» гарнизонной. Позору выше крыши и Валеру Гнедовского бы подвел! А мне подводить его, ну никак нельзя!

— Дуракам везет! В принципе, это уже не новость, Витя!

— Представляете парни, как эти олухи гарнизонные ухулели! А мужик — молоток! Молоток! Настоящий мужик! Старый пенек по виду, а еще крепкий, как пушинку меня на забор закинул. А патруль только зря потел! Ха! Теперь вонять будут всю дорогу, кретины! Сейчас сидят как полные мудаки под забором и плачут навзрыд. Я даже слышал, как начальник патруля звал свою маму и в отчаянии долго скребся ногтями по бетону… Ха-ха!

— Ага, верим! Тебе верим, балалайка знатная…

Так, восторженно кривляясь весь вечер, Витя живописно и в лицах рассказывал о своем очередном подвиге.

А потом еще и целое воскресенье, не забывая добавлять в историю все новые и новые подробности своего неожиданного приключения.

После каждой очередной коррекции, его рассказ становился все ярче и ярче, а образ незабвенного Вити вырисовывался все красивее и красивее. Но стоит отдать должное, курсант Копыто ни в коей мере не умалял активное участие в своем спасении случайного мужичка с двумя маленькими детишками и всячески выражал страстное желание встретиться со своим благодетелем, чтобы самолично засвидетельствовать ему свою искреннюю признательность.

Наступило утро понедельника. Весь личный состав училища после завтрака построили на главном плацу и наш генерал, солидно взгромоздившись на трибуну, представил нам своего нового заместителя.

— Прошу любить и жаловать, мой заместитель по учебной части кандидат технических наук полковник Архипов. Буквально недавно прибыл для дальнейшего прохождения службы из Челябинского училища штурманов.

На трибуну незамедлительно поднялся подтянутый седоватый полковник. Как только он появился в поле всеобщей видимости, сзади меня в строю 45-го классного отделения кто-то обреченно охнул. Оглянувшись, я увидел, как заметно побледнел Витя Копыто.

Вновь назначенный зам. начальника училища сказал пару «стандартно-дежурных» фраз и, попросив генерала оставить старшие курсы на плацу, пошел «прогуляться» вдоль строя курсантов.

По мере продвижения полковника от роты к роте, курсант

Копыто становился все грустнее и грустнее. И надо заметить, было от чего.

Поравнявшись с нашей 4-й ротой, зам. генерала остановился напротив Вити Копыто.

— Ну, здравствуй дружок!

— Здравжелавтащполк…

— И чего же ты себе позволяешь, дорогой?! Ая-яй! Как тебе только не совестно?!

— Да я …мммм…

— Стыдно, товарищ курсант! Мне стыдно! Да-да, мне за Вас стыдно! Старший курс, а мямлишь как ушастый новобранец!

— Готов понести любое наказание…

— Ну вот, уже лучше! Можем ведь, когда постараемся?! Естественно понесешь, кто бы сомневался?! Для начала, трое суток ареста тебе, любезный! На внутренней гауптвахте! Я уже узнавал, есть такая в училище. Вот там и посидишь, подумаешь на досуге о смысле жизни и своем безобразном поведении. Догадываешься, за что арест?!

— Угу…

Курсант Копыто стоял в строю, потупив взгляд под ноги, и шумно сопел как нашкодивший ребенок, а полковник тем временем продолжал процедуру «внушения».

— Вот и ладненько! А экзамен по физической подготовке будешь сдавать мне лично в присутствии начальника кафедры физподготовки училища и командира твоей роты. Все понятно?! Кстати, какая рота?! Ась?! Ага, 4-я значит, так и запишем. Позор! Просто по-зо-ри-ще! Это ж надо?! Курсант училища ВВС не может самостоятельно убежать от комендантского патруля и без посторонней помощи не в состоянии перемахнуть через паршивый заборчик! Стыд и срам! Да мы, в ваши годы, …хм… хотя, Вам лучше не знать! Эх, бестолочи, одним словом! Короче так драгоценный, в очередной отпуск поедешь только через «полосу препятствий»! Сдавать норматив будешь мне лично! Ужас какой?! Ужас! Сказать кому, не поверят?! Чуть честь мундира не посрамил… Курсант ВВС и в руках сраного патруля?! Нонсенс! Командир роты, проводите данного отрока на гауптвахту!

Витя, отсидев положенный срок на училищной гауптвахте, почти все свободное время проводил в спортгородке, оттачивая мастерство по преодолению различных препятствий в виде забора и прочее…

На полковника Архипова, курсант Копыто зла не держал. Более того, он был несказанно горд таким неожиданным взысканием, ибо считал, что наказан объективно и справедливо, а как же иначе?! Получить арест не за факт самовольной отлучки, а

за неспособность убежать от патруля?! Во как! Такого еще не было! Уметь надо!

Честь мундира превыше всего…, даже не обсуждается!

40. Посылка

Командир нашей 4-й роты капитан Хорошевский среди курсантской братии носил заслуженное прозвище «Нахрен». Ибо, это было наиболее часто используемое им разговорное выражение и словосочетание.

Бесспорно, в великом и могучем русском языке — языке Пушкина, Толстого и прочих общепризнанных гигантов мысли, несомненно, есть еще пару десятков достойных (а может даже и чуть-чуть больше, кто его знает), словесных оборотов, но капитану Нахрену это было не ведомо. Поэтому он успешно обходился стандартной фразой: «на хрен», используя ее всегда и повсеместно — практически на все случаи жизни. И Вы знаете — ничего критичного, вроде как бы хватало, обходился наш казарменный филолог таким достаточно «богатым и разнообразным» словарным запасом. Все окружающие его прекрасно понимали. А что не понимали, то успешно додумывали, частенько в свою пользу естественно. Но это уже отдельная история. Итак, ротный…

К тому же, он был человеком переменного настроения и при малейшем отсутствии «оного», с превеликим энтузиазмом и патологическим удовольствием срывал «приступ немотивированной ипохондрии» на любимом личном составе. (см. «Как хорошо быть генералом»)

В 4-й роте среди курсантов частенько ходила такая загадка: «Чем отличается Володя Нахрен от реактивного самолета?» Ответ: «Самолет, сначала видно, а потом слышно! (реактивный самолет, преодолев звуковой барьер, летит быстрее скорости звука) А Нахрена сначала слышно, а потом уже видно!» Как общеизвестно в любой шутке присутствует лишь микроскопическая доля шутки, а все остальное — чистейшая правда.

Наша легендарная рота дислоцировалась на 2-м этаже старого 3-х этажного здания, 1943 года постройки, которое ударными темпами возвели плененные под Сталинградом фашистские гастарбайтеры. Искренне раскаявшиеся на стандартном уральском морозе приверженцы теории Гитлера об исключительной роли арийцев в мировой истории, полуобмороженные потомки викингов в едином трудовом порыве старались от «чистого нордического сердца» хотя бы частично компенсировать нанесенные ими, по чистому недоразумению, естественно, и по вопиющей случайности, безусловно, все нечаянные разрушения в нашей стране.

Бывшие солдаты вермахта и люфтваффе свято поверили в преимущество социализма, поэтому остервенело пахали днем и ночью, как убежденные «стахановцы», ненавязчиво подгоняемые строгим конвоем, в слабой надежде завершить текущую пятилетку за три дня. И тем самым хотя бы частично искупить свою вину перед русским народом и заработать себе пусть даже иллюзорный шанс на досрочно-условное освобождение, с торжественным клятвенным обещанием, передать всем своим грядущим потомкам строгий запрет, когда-либо пересекать границу СССР и не дай Боже с оружием в руках. Думается, именно поэтому здание нашей казармы было построено очень добротно, качественно и на славу.

А гуманизм русского народа всегда был общеизвестным, поэтому «перековавшуюся на гостеприимном Урале» немчуру после окончания войны почти сразу отпустили на историческую родину восстанавливать то, что неосторожно порушили русские солдаты, а зря. Поторопились однозначно. Надо было бы «бригаду трудолюбивых пацанов-ударников» до 2000-го года у нас в гостях подержать, чтобы в соответствии с обещаниями М.Горбачева, немецкие гастарбайтеры построили каждому жителю СССР отдельное жилье. Сдается мне, что именно из-за этой непродуманной и скажем честно — несвоевременной амнистии фашистских прихвостней, сорвалась глубоко просчитанная жилищная программа нашей великой и мудрой КПСС.

Как уже ранее описывалось, казарма представляла собой стандартный образец саксонско-тевтонского народного зодчества в самом лучшем его проявлении. Итак, опустим то, что в здании были 5-метровые потолки, всевозможные грандиозные арки, идеальные мраморные полы в туалетах и огромные окна с метровыми по ширине подоконниками. Кстати, окна легко открывались и почему-то их фрамуги никогда не перекашивались, а также было еще достаточно много удивительных, но приятных мелочей, которые исправно функционировали, несмотря на преклонный возраст. И еще была грандиозная, но тоже не менее старая и помпезная лестница с широкими ступенями и старомодными перилами, чтобы подняться по которой, необходимо было затратить пару минут из своей «быстротекущей» жизни.

Пока командир роты совершал свое чинное восхождение по замечательной лестнице с целью величаво прибыть в подчиненное ему подразделение, дневальный на тумбочке, да и вся рота в целом, уже отчетливо слышала неумолимое приближение нашего любимого отца-благодетеля. Более того, спрогнозировать его настроение и последующее поведение было

тоже вполне легко и абсолютно реально, причем с большой долей вероятности. Так как эхо виртуозных и многоэтажных ругательств, изрыгаемых нашим дорогим Нахреным, гулко разносилось по всему лестничному пролету, многократно усиливаясь в акустической модуляции, хаотично отражаясь от фундаментальных стен и добротных перекрытий, приобретая наиболее угрожающие нотки.

Обреченный и «сбледнувший с лица» дневальный на тумбочке у входных дверей непроизвольно напрягался, испытывая гарантированную слабость в коленках от предстоящего «незабываемо-приятного» свидания со своей «ласковой и справедливой» судьбой в виде капитана Нахрена, в явном предчувствии получить гарантированную пару «внеочередных» нарядов. Хорошо бы — еще пару… Кстати, предчувствие в данном случае еще никого никогда не обманывало и не разочаровывало.

Дневальный курсант по роте мгновенно вспоминал все свои прегрешения «вольные» и «невольные», успевал написать чистосердечную явку с повинной, включая в нее такие неоспоримые факты из своей биографии, как персональное участие в покушении на Д.Ф.Кеннеди, Ф.Кастро, Л.Н.Троцкого и Николая II и умудрялся составить подробное завещание. Особо расторопный дневальный еще успевал позвонить родственникам с последним прощальным словом, а также попросить искреннее прощение у всех курсантов роты, чтобы его не «поминали лихом» в случае чего. А это «чего» в данный момент неумолимо поднималось по лестнице.

Остальные парни, которые, не будучи намертво прикованы дисциплинарной цепью к тумбочке дневального и поэтому имевшие относительную свободу передвижения в замкнутом пространстве казармы, сразу же поголовно испытывали массовую слабость живота и острый приступ «медвежьей болезни». В связи с чем, почти все пацаны, скоропостижно и наперегонки ломились в туалеты казармы, лелея в перепуганных душах, смутную надежду быстро занять пустующую кабинку и закрывшись изнутри на все запоры, а также для пущей надежности еще и подперев хлипкую дверцу своей ногой, безвозвратно затеряться в недрах романтично журчащих очек. Кое-кто был бы рад выброситься в окно от греха подальше, но приличная высота второго этажа здания останавливала от такого радикального выхода. Основная масса курсантов, затаив дыхание, плотно облепила массивные колонны, поддерживающие тяжеловесные своды арок и отделяющие спальное помещение от центрального коридора. Все ребята приняли максимально обтекаемый вид, стараясь идеально скопировать и придать своим лицам цвет бежевой известки на

побеленных стенах. Мимикрия, знаете ли, и все такое. Короче, любой хамелеон бы удавился от зависти.

Лишь только один человек, не определившись однозначно и бесповоротно, как ему поступить, хаотично метался по спальному помещению, провокационно грохоча сапогами и привлекая внимание Нахрена не только к себе, но и без малого, к доброй сотне ребят, которые прятались в спальном помещении роты. Это был незабвенный Петрович, причем Петрович, который был в откровенной панике, а это уже само по себе достаточно опасное и непредсказуемое явление. (см. «Петрович и дерево»)

Накануне, Петрович получил долгожданную серенькую бумажку под названием «Извещение» с училищной почты о том, что ему следует незамедлительно получить объемную посылку из родной Пензы. Совсем недавно парню исполнилось 18 лет, и заботливая мама выслала дорогому сыночку огромный фанерный ящик (на пределе ограничений по весу, в районе 15 кг.), битком набитый всевозможными сладостями и разнообразными вкусностями, чтобы ее дорогой и единственный сын Артурчик смог достойно отметить свое совершеннолетие и порадовать сослуживцев давно забытыми домашними лакомствами.

Получив долгожданную посылку, сияющий Петрович торжественно принес ее в казарму и, собрав личный состав 45-го классного отделения на долгожданное пиршество, только начал приоткрывать заколоченный ящик, как случилось то, что случилось — «к нам приехал, к нам приехал, Володя Нахрен, дааа-раааа-гоой!!!»

Перепуганный насмерть Петрович еще долго бы в растрепанных чувствах носился по спальному помещению, старательно повторяя траекторию элементарной частицы при Броуновском движении, до факта неизбежного полного «палева», если бы киевлянин Лелик беззлобно не рыкнул на него, приводя сознание нерешительного «пензюка» в относительное просветление.

Петрович, наконец, определившись с направлением «спасительного бегства», не придумал ничего лучшего, как поставить фанерный ящик с яркими атрибутами Советской почты фактически прямо на проходе от центрального коридора в спальное помещение нашего классного отделения — на самом видном месте. Совершив данную непростительную глупость, впрочем, вполне стандартную и прогнозируемую для «вечно суетливого и слегка подтормаживающего пензюка», Петрович метнулся к ребятам и старательно прижал свое, временами судорожно-конвульсивно трепыхающееся тельце к массивной колонне между Леликом и Витей Копыто. Все замерли. В воздухе

казармы повисла тревожная тишина. В любой точке спального помещения было отчетливо слышно как на 5-метровом потолке в дальнем углу страстно сношаются две бессовестные мухи.

Хлопнула массивная входная дверь, Володя Нахрен разъяренным тигром ворвался в роту. Мы услышали монотонное бубнение — это дневальный докладывал свою стандартную «молитву» об отсутствии происшествий во время его присутствия и т. д. и т. п., которое сопровождалось звериным рыком.

— Бубубубу-бу! Бубубубубубу….

— Твою мать… бардак и срач! Где личный состав?! Почему не так стоишь?! Подшива несвежая, рожа наглая, щетина небритая, сапоги в гармошку, бляха на ремне тусклая, ХБ ушитое, ремень висит на яйцах, штык-нож не на 4-ре пальца от бляхи, полы не натерты… Два наряда вне очереди на тумбочку … на хрен!

— Бубубубу-бу-бу-бу…

— …три наряда…на хрен, чтоб не оправдывался! Все устранить и вылизать, чтобы блестело как у кота яйца. Быстро принял позу бегущего египтянина (раком с задранным кверху халатом) и вперед «рексом» метнулся, обгоняя собственную тень… Перестань мямлить и выплюнь член изо рта… Пять нарядов, на хрен! …. УУууууу!!!….

Не переставая злобно гундеть, капитан Нахрен двинулся по центральному коридору в сторону своего кабинета. По мере его продвижения по «взлетке», курсанты, прилипшие к огромным колоннам с обратной от центрального коридора стороны, плавно и неслышно передвигались в «мертвые» зоны, недоступные зоркому взгляду раздраженного командира. Ребята чутко ориентировались в пространственном положении офицера по гулким звукам шагов офицера, по многочисленным отголоскам эха его бесконечных ругательств, которые били по ушам курсантов в гробовой тишине огромного помещения казармы и по отбрасываемой Нахреным тени, которая зловеще скользила по идеально начищенному до зеркального блеска полу.

Мрачная тень капитана Нахрена уже почти проследовала спальное помещение нашего 45-го классного отделения и должна была свернуть в перпендикулярный коридор казармы, а мы уже были готовы вздохнуть более-менее свободно, но тут ротный заметил внушительный ящик из желтой фанеры, который безобидно стоял прямо на входе в наше спальное помещение.

— Ага!!! Сколько раз я говорил, чтобы в спальном помещении не было посторонних предметов?! Ась?! Не слышу!!! Ну, пиндец, на хрен, такой наглости я не потерплю, держите мундеркинды!

И сменив направление первоначального движения, Нахрен немного разбежавшись, мощным ударом с ноги, зафутболил

посылочный ящик вглубь спального помещения.

Тонкая фанера, сколоченная неумелой женской рукой мамы Артура Юманова, жалобно треснула, ящик развалился по швам, и его содержимое разлетелось по всему спальному помещению не только нашего 45-го отделения, но и щедро покрыла пол на внушительной площади почти половины казармы.

Целлофановые мешки, в которые была заботливо уложена домашняя выпечка, лопнули и песочное печенье, рассыпаясь на мелкие крошки, равномерно покрыло намастиченный пол в спальном помещении казармы почти ровным слоем. Конфеты полетели следом за печеньем, разлетаясь веером от эпицентра места приложения сильного удара ноги Нахрена по посылочному ящику. Вишневое варенье, благополучно пережившее длительную пересылку в многократно-запаянном пакете, выползло наружу бесформенной слизью и растеклось на полу в бурую лужу возле разбитого вдрызг посылочного ящика.

Мерзкую картину полного разгрома завершала, прилипшая к поверхности месива из варенья, конфет и крошек печенья, красивая открытка с трогательной надписью «С днем рождения, сынок!», которая вылетела из разбитой посылки.

Посмотрев на разрушительные результаты своего «штрафного» удара, «казарменный форвард» Володя Нахрен на мгновенье возможно даже и пожалел о содеянном, так как он испоганил не просто кучу дефицитных для любого курсанта продуктов, но и наплевал в самую душу адресату данной посылки и тем ребятам, кто естественно разделил бы это «богатое» пиршество по братски. Но что сделано, то сделано, Нахрену надо было держать марку и он, отогнав в сторону робкое чувство вины и остатки совести, взревел с новой силой.

— Что, получили?! Не хрен разбрасывать посылки, где не положено! И так будет с каждым, кто осмелится не выполнить мое распоряжение. Все посторонние предметы буду выпинывать или выбрасывать в окно! Все без исключения! Кто не доволен, пусть пишет жалобу в ООН Пересу де Куэлеру. А теперь быстро навести идеальный порядок в помещении! Развели срач! На весь онанизм и розовые сопли, 10-ть минут времени! Время пошло!

И капитан удалился в свой кабинет, громко хлопнув дверью. Мде… приехали — отметили 18-летие Петровича, ничего не скажешь. Спасибо, тебе сучонок Вова, за поздравление, вовек не забудем…

У Петровича на глазах выступили непроизвольные слезы. Он молча сходил в туалет, взял веник, совок и начал заметать остатки печенья в сломанный ящик. Мы все как один, начали помогать ему наводить порядок. На душе было очень хреново.

Скотина ротный «ни за что» взял и обидел не только нашего парня, но и его маму, которая старательно пекла эти печенья, вкладывала в них свою душу, надеясь сделать приятное своему сыну и его друзьям. А теперь это печенье, которое проделало долгий путь, в виде мелких крошек было хамски разбросано по всему полу.

Петрович, закусив губы почти до крови, старательно подметал пол. Было отчетливо видно, как нереально крупные слезы, стекая по его детскому лицу, капают прямо на пол. Киевлянин Лелик подошел к Петровичу и своей огромной ладонью крепко сжал ему плечо.

— Петрович! Не надо. Сходи, умойся. А маме напиши, что все было очень вкусно. Ребятам понравилось, все курсанты в ультимативной форме требовали добавки. Парни, нам ведь понравилось печенье Артура?!

Толпа ребят, ползающих под кроватями и собирающих бесчисленные обломки печенья вперемешку с разлетевшимися конфеты, дружно загалдела.

— Ясен пень! Такого вкусного печенья отродясь не кушали! И варенье, несомненно, божественно замечательное. Вон какой обалденный запах в роте стоит. Маме отпиши спасибо от нас всех. Пусть ей будет приятно.

Очевидно, у Петровича от избытка неприятных эмоций перехватило горло и, он ничего не смог сказать в ответ, а только бессильно опустился на табуретку и его плечи сотрясли беззвучные рыдания — у парня сдали нервы. А чего вы хотели?! Никому не доставит удовольствие тот факт, что об тебя прилюдно вытирают ноги, да еще затронув самое святое — труд твоей мамы.

Витя Копыто молча подошел к жалкому Петровичу, осторожно, но весьма настойчиво вытянул веник из рук Артура и, тихо но, очень качественно матерясь на ротного, начал аккуратно подметать пол дальше.

Мда, Нахрен нарвался, это однозначно, к маме не ходить. Он переступил черту и теперь пусть не обижается. Месть будет обязательно, это даже не обсуждается. Готовься и жди, говнюк. Это будет не завтра и не послезавтра. Не даром говорят в Италии, что «месть — это такое блюдо, которое подают холодным», вот и подождем, пока Володя остынет, подзабудет, а потом и рассчитаемся. А сейчас, оставим его наедине со своей собственной совестью!

Могу поспорить, что капитан сейчас сидит у себя в канцелярии и ему очень стыдно за свой гадкий поступок, но «жизнь — не кинопленка, назад не отмотаешь». Если бы ротный нашел в себе душевные силы, вышел бы из кабинета, построил

роту и прилюдно извинился, вопросов нет — с кем не бывает?! Ну, сглупил, простите меня парни, виноват, исправлюсь. Но нет, не вышел, не извинился. Мужества не хватило?! Ладно, тогда держись дорогой и любимый Володенька, процесс пошел!

Прошло пару месяцев, все это время капитан старался не обращаться напрямую к курсанту Юманову и не смотреть ему в глаза. Было отчетливо видно, что Нахрена что-то тяготить, но он мастерски душил робкий голос своей совести очередными всплесками немотивированной ярости и бесконечных придирок. А мы тем временем готовились…

На училищной свалке был найден старый посылочный ящик. Все адреса на нем мы аккуратно затерли, чтобы не было никаких концов и зацепок. Затем заполнили ящик до краев песком и в одно солнечное воскресенье, когда ответственным офицером в роте остался Володя Нахрен, этот посылочный ящик был нагло выставлен в спальное помещение роты. Для увеличения поражающей силы «заряженной бомбы», в песок еще заботливо вылили пару литров воды, а на обратной стороне верхней крышки крупными буквами написали два адреса ярко-красным карандашом.

Итак, солнечное воскресенье, Володя Нахрен естественно в дурном расположении духа, так как такой замечательный день с прекрасной погодой бездарно пропадает в «вонючей» казарме наедине с уже давно обрыдлым личным составом, глаза бы которого не видели.

Личный состав роты сидит у телевизора и с сопливым восторгом смотрит передачу «В гостях у сказки». Да-да, именно эту, так как из-за постоянного информационного голода, курсанты были готовы с поросячьим упоением тупо смотреть даже в черный экран абсолютно выключенного телевизора. Время близится к обеду. Из канцелярии роты выползает Нахрен в стандартном настроении — «не в духах», презрительно долго смотрит на сидящую у телеприемника толпу курсантов и, брезгливо скривив губы, выдает следующее.

— Рота приготовится к построению на обед! 5-ть минут времени, время пош…

И тут Володя замечает посылочный ящик, который дерзко выглядывает из-за угла колонны спального помещения. Нахрен осекается на полуслове, заводится с пол-оборота и заметно багровеет. Отчетливо видно, что ему «этого» очень не хочется делать, но он — командир, начальник, цербер наконец, объявил — значит должен упереться как баран и держать свое слово до конца, спасая остатки своего авторитета, который болтается только на статье Общевоинских Уставов о единоначалии в

Красной армии и не более того. Нахрен взлохматил волосы на голове и зарычал.

— Я тут что — пустое место?! Я уже много раз предупреждал вас, господа тупорылые «юнкера-кадеты», чтобы в спальном помещении не было посторонних предметов. Но нет, мои слова для вас пустой звук — акустическое колебание воздуха, да?! Вы сами напросились! Что я обещал сделать, если увижу подобное безобразие?! Ась?! Кто хозяин посылки?! А? Нету хозяина?! Так расскажете ему, что мои требования одинаковы для всех и …

И Володя Нахрен, энергично разбежавшись, с правой ноги влупил по посылочному ящику, что было дури … «Хрясь!»

Честно говоря, ящик почти даже и не сдвинулся с места. А если и сдвинулся, то на 1–1,5 сантиметра, не более. Зато, ударная ножка нашего «фаната футбола» ротного офицера сразу подвернулась в голеностопе. Все курсанты отчетливо услышали противный хруст, который в одно мгновение был заглушен нечеловеческим и душераздирающим воем нашего отца-командира, который, тщательно скрывая набежавшие слезы и до крови закусив нижнюю губу, на одной ножке (здоровой естественно) запрыгал в свою канцелярию, где еще долго и жалобно поскуливал.

Мы сразу поняли, что неслабо перестарались и поэтому, ребята схватили ящик и быстро высыпали его содержимое прямо в раскрытое окно — в клумбу с цветами, а ящик поставили на место. Предусмотрительный Жека Ящиков немного поколебавшись, отломал верхнюю крышку от посылки, на которой мы заранее написали крупными буквами.

Адрес получателя: «Командиру 4-й роты капитану В.Л. Хорошевскому».

Адрес отправителя: «Твоя совесть».

Эту крышку Евгений Ящиков разломал на части и выбросил через забор училища в лесополосу. Свои действия, он позже объяснил тем, что травмированный Нахрен может потребовать служебного разбирательства и такая надпись наведет «душевных, но дотошных пацанов из особого отдела» на неожиданную мысль о заранее спланированном заговоре и тогда с нас живых не слезут, пока матку наизнанку не вывернут. Все ребята согласились с Ящиком. Разумно Евгеша. Береженого, Бог бережет.

В положенное время, дисциплинированная 4-я рота построилась для следования на обед, но Нахрен не вышел на плац, он по телефону через дневального курсанта, вызвал к себе старшину роты и тот, получив все ценные указания, самостоятельно отвел нас в столовую на обед.

Когда, мы вернулись, ротного уже не было. Дневальный на

тумбочке, особо не скрывая гаденько-ехидную улыбку, рассказал, что капитан сильно хромая и постоянно корчась от боли, уполз домой. Честно говоря, мы ждали кровавых разборок и жестоких репрессий, но на удивление, ничего такого не последовало.

Больше всех, конечно же, переживал Петрович, ибо он обоснованно опасался, что в качестве первопричины этих событий, могут притянуть за уши и его. Но все парни из нашего 45-го отделения договорились, что если начнется официальное расследование, то мы, как один, дружно напишем рапорта о непристойном поведении командира роты и наших вынужденных действиях. Мы понимали, что от неминуемого отчисления из училища нас это не спасет, но неуравновешенных людей с такими откровенно хамскими замашками, наверное, все же нельзя допускать к руководству личным составом.

Тем временем, Нахрен официально оформил больничный лист, доложив Пиночету — командиру нашего батальона, что нечаянно запнулся на проклятой лестнице, образца 1943 года и сильно повредил ногу.

Через месяц он вернулся в роту, все еще заметно прихрамывая, но опять же открытых расследований не проводил. Возможно, его верные «сексоты» тихонько и шуршали в роте, выискивая зачинщиков и активных участников данного заговора но, тем не менее, никто из нашего 45-го классного отделения не пострадал.

Более того, наш урок пошел капитану Хорошевскому явно на пользу, ибо уже на 3-м курсе обучения, вся рота наблюдала такую картину — после ужина наша 4-я рота, ведомая Володей Нахреным, медленно вползала в казарму, а он, торопясь доложиться Пиночету по телефону и скоропостижно слинять домой, поспешил в свой кабинетик… Но вдруг, неожиданно сменил курс и сунулся в спальное помещение, где под кроватью какого-то парня из 42-го классного отделения, виднелся краешек фанерного ящика — посылка!

Нахрен в охотничьем азарте резко ускорил шаг, сделал «футбольную» стойку и энергично отвел ногу максимально назад для последующего мощного удара, … но вдруг резко осекся, аккуратно и медленно поставил свою «ударную» ножку на пол и, развернувшись на 180-т градусов, тихонько потрусил в канцелярию.

В роте раздались сдержанные смешки, но мы нашли в себе силы подавить жгучее желание заржать во все горло и от души прокомментировать данную картину, а Нахрен в свою очередь, нашел в себе силы, чтобы сделать вид, что не услышал эти издевательские смехуечечки и не стал обострять ситуацию.

«Статус кво» сохранился.

Тем временем, Лелик с лукавой искоркой посмотрел на взъерошенного и непроизвольно напрягшегося Петровича и только молча улыбнулся, задорно прищурив глаза.

Процесс воспитания Нахрена начал давать свои первые положительные результаты.

41. Снежные барсы: Лирика

Интересное все же явление природы — снег! Да-да, самый обычный и вполне привычный снег. Или нет, все же, наверное, отдельная снежинка заслуживает более пристального внимания.

Вот в самом деле, вроде банальная снежинка?! А штукенция весьма занимательная и рациональному уму совсем непостижимая. Действительно, как из обычной капли воды, и такая симметричная красотища получается (как будто по микроскопической формочке отлита)?!

Несомненно, каждый из нас хотя бы раз в жизни а, скорее всего еще в раннем детстве очень старательно, возможно даже высунув кончик языка для большего усердия и максимальной активизации мыслительного процесса (кстати давно доказано, что чем сильнее и дальше высовывать язык, тем более плодотворно работает левое полушарие мозга …или правое, не помню, попробуйте сами при случае) рассматривал самую обычную снежинку, мягко упавшую на твою варежку. Искренне удивляясь при этом, насколько снежинка хрупкая, нежная и в тоже время, необычайно красивая.

Вся такая беленькая, пушистенькая, нереально симметричная с тонюсенькими палочками, оттопыренными усиками и всевозможными многочисленными перегородочками, с мельчайшими узорами и при этом, абсолютно плоская?! Удивительно, до чего хороша, просто чудо какое-то?! А действительно, почему плоская, а не объемная?! Раньше как-то не задумывался над данной проблемой?! Хм… плоская?! Капля воды объемная, а снежинка плоская?! Непорядок!

Уже в школе, из курса «Природоведение» за 2-й класс, мы с неописуемым изумлением и благоговейным восторгом узнали, что оказывается, все снежинки разные?! Представляете?! Вся эта многочисленная куча снежинок падает с неба нам на голову, а среди них нет и двух одинаковых?! Обалдеть!

Можно выйти на улицу на ближайшей перемене, набрать полную охапку снежинок, (их там будет пара миллионов, не меньше) а они все-все разные! Все до единой разные! Вот, чудеса то?! Все снежинки разные, нет ни одной похожей!

А если в масштабе всех сугробов в целом городе посмотреть?! Снега немеренно щедрая зимушка-зима накидала — все улицы завалены, дворники убираться не успевают, а снежинки всё равно все разные. Можно все сугробы на планете Земля тупо перелопатить и не найдешь двух одинаковых снежинок! Вот

загадка природы?! Или задорная шутка Всевышнего, как знать?! Чудо, одним словом!

Уже потом, спустя много лет после окончания беззаботного школьного детства были написаны эти строки, естественно под неизгладимым впечатлением от удивительного феномена яркой индивидуальности отдельно взятой снежинки, вдохновившей меня на порыв трепетной души при виде незнакомой девушки необычайной красоты:

…На ресницы ложится снежинка
Дивное чудо замёрзшей воды
Не подумай, что это слезинка
И рукой её прочь не смахни
Ведь снежинка — венец мироздания
Нет в природе второй как она
Все подруги её разноликие
Вот — загадка на все времена
Белизна, что невеста на выданье
Красота, совершенством полна
А ведь капли воды одинаковы
Но, не встретишь второй, как она
И порой, мы снежинкой любуемся
Наслаждаясь её красотой
Только нежность её очень хрупкая
Не нарушить бы милый покой…
Незнакомка, снежинке подобная
Гармонична её красота
Много видишь девчонок на улице
Но, не встретишь второй, как она…

Вот до каких неожиданных сравнений в пользу «замерзшей воды» доводит спонтанный приступ безответной любви к незнакомой девушке, которая, кстати, действительно оказалась порядочной «снежинкой»! Нет, наверное, все же, ледышкой! Или жестоким айсбергом, который равнодушно вспорол мое хрупкое и нежное сердце наподобие несчастного «Титаника» с Леонардо Ди Каприо на борту. (в роли Леонардо Ди Каприо Ваш покорный слуга, прошу любить и жаловать, хотя это уже другая история)

Итак, наверное, данное признание не станет сенсацией вселенского масштаба, но в детстве я очень любил зиму. Честно! Безумно любил и с нетерпением ждал ее наступления.

А кто не любил?! Или кто не ждал?! Наверное, нет таких?!

Идешь, бывало домой из школы, зима, снег выпал, наконец-то. Идешь неторопливо, по пути загребая носками ботинок

свежевыпавший пушистый снежок, несешь в портфеле дневник, а в дневнике — честно заработанную двойку по «Русскому языку». А в это время над твоей головой воздушные хлопья снега медленно кружатся в желтоватом свете подслеповатых фонарей, неслышно ложатся на твои плечи, задорно хрустят под ногами. А ты идешь неспеша в глубокой философской задумчивости, терзаемый извечным вопросом — как бы правдоподобно объяснить своим родителям появление восьмой двойки подряд и что характерно, именно по «русскому»?! А еще, было бы расчудесно, свалив всю вину исключительно на «несправедливо-придирчивого» учителя по русскому языку и литературе, избежать тесного знакомства с папиным ремнем «а-ля-портупея»?! Эх, думай головушка, думай! Скрипи мозгами!

А на улице до чего хорошо, прямо сказка! И домой совсем не хочется! Чего там увижу нового, дома то?! Ремня?! Чего на него смотреть?! Ремень — он завсегда ремень и ничего в нем интересного нет и не предвидится! Длинный кусок толстой кожи с металлической пряжкой и ничего более…

Бредешь себе неспеша, фактически на «автопилоте» и периодически слизываешь случайные снежинки с верней губы, пока не растаяли… Вкусно! Идешь и непроизвольно любуешься картиной давно знакомого города, который именно сегодня раскрывается перед тобой по-новому, укутанный в роскошные меха пушистого снега и погруженный в декорации вселенского спокойствия и умиротворенную негу.

Идешь, задумчиво передвигая ноги, завороженный нереальной тишиной и убаюкивающей красотой ленивого падения откуда-то «из небытия» огромных хлопьев невесомого снега.

Медленно-медленно опускается снег на землю и также медленно, и размеренно текут твои невеселые мысли, самопроизвольно подстраиваясь под всеобщее замедление самого течения времени. Действительно, куда спешить?! Зачем?! Даже сам снег, наплевав свысока на закон всемирного тяготения, не торопится лечь на землю, а как будто завис в воздухе или даже поднимается от земли вверх, в небо?! Нереально красивая картина! Складывается впечатление, что даже время почти остановилось. Все замерло. На часы посмотреть бы, может и стрелки на циферблате остановились?! …или, замерев на мгновенье, осторожно пошли назад, тихо-тихо, еле заметно…

И тебе уже как бы глубоко «параллельно» на «восьмую» двойку в дневнике (да еще и с соответствующими комментариями красной ручкой озабоченного и раздраженного учителя). И давно абсолютно «фиолетово» на предстоящую процедуру

гарантированной взбучки и головомойки со стороны откровенно расстроенных родителей. И почти наплевать на явную угрозу применения такого прогрессивного и весьма доходчивого метода убеждения как ремень «офицерский обыкновенный», т. к. данная двойка была «последней» в ограниченной череде отпущенного лимита на эту учебную четверть. А дальше, в строгом соответствии с ранее достигнутыми договоренностями, будут применены обещанные радикальные методы физического воздействия из «карательного раздела» домашней педагогики… ну и ладно, зато на улице красота какая?!

Идешь домой неспеша, пробираясь фактически уже по колено в снегу, а тебе неожиданно хорошо, спокойно и душе твоей радостно и комфортно… Почему?! А кто его знает?! Снег на дворе. Тихо. В мире царствует умиротворенность и гармония… Оп-па, а во дворе уже и горку залили?! Вот это здорово! Вот это кстати!

А еще, зима — это лыжи, горки, санки, снеговики, игра в снежки и гарантированная возможность поваляться в мягких сугробах. Разве нет?!

Когда, забросив портфель в ближайший сугроб, катаешься с ледяной горки до состояния «больше не могу» и заявляешься домой весь мокрый фактически насквозь, а твоя одежда стоит «колом» от снега, втертого в саму структуру ткани драпового пальтишка. А на штанишках спереди и сзади висят плоские ледышки, образовавшиеся при длительном скольжении с высокой горки, естественно на своей «пятой точке» и «на коленках».

А на шерстяном шарфике, связанном руками заботливой бабушкой, намерзла тяжеленная ледяная корка — от твоего горячего дыхания. Внутри меховой шапки плещется «море» — это растаял снег, который ты периодически засовывал в шапку, чтобы вспотевшие «от усердия» мозги не перегревались и не плавились. На варежках (были такие увязанные в единую цельную конструкцию резинкой от трусов, помните?!) намерзло бесформенное месиво из слюны и соплей, т. к. во время беззаботного детства мальчику (любому реальному пацану) пользоваться носовым платком — моветон, поймите правильно.

И ноги… конечно же, ноги замерзли так, что при малейшей попытке стянуть ботинки со смерзшимися в единое целое шнурками, они (ботинки в смысле) со страшным грохотом двух монолитных ледышек падают на пол, заставляя соседей снизу испуганно втягивать голову в плечи и опасаться за целостность потолка. А твои ноги, с промокшими насквозь носками, постепенно оттаивая, начинают нестерпимо болеть (как будто в них впивается миллион маленьких иголочек)… их (ноги в

смысле) потом еще долго отогревали в тазике с теплой водой! А это больно! Ох, как больно! Заиндевевшие ступни постепенно оживали, по ним начинала циркулировать живительная кровь, и ты корчился от нестерпимой боли!

Отмороженные ноги — это всегда больно! Вроде так хорошо покатались, было тепло и весело, а ножки все равно прихватило?! Несправедливо!

И сопли… безусловно, сопли чуть ли не до колен, только успевай на кулак наматывать, и кашель до хрипоты и отчаянная паника родителей, а также, и более старшего поколения — дедушек и бабушек! А тебе все по фигу! Ты счастлив! День удался на славу! Зима! Снег! Горку залили!

Двойка по русскому уже плавно отходит на второй, а то и на десятый план! Главное — чтобы ребенок ноги не поморозил, ангиной не заболел, воспаление легких не подхватил! И это правильно! Здоровье на первом месте, а учеба никуда не денется… Будет новый день и будет …новая двойка! Уже девятая подряд…, а там и новый год. Ух ты, чуть не забыл, Новый год!

Скоро же «Новый год!» с традиционными апельсинами, мандаринами и конфетными подарками, с дедом Морозом и Снегурочкой, с гарантированным походом на «елки». Сначала от маминой организации, потом — от папиной, а еще в школе, в районе, у Дома Культуры, у Дома офицеров, в гости к… Эх, красота! Успеть бы везде?! Зимушка-зима, обожаю…!

42. Снежные барсы: Практика

Поступив в училище ВВС, я искренне возненавидел зиму! Возненавидел сразу и категорически! Возненавидел всеми глубинными фибрами своей души! Потому что зима — это долбанный снег, который валится огромными пушистыми хлопьями бесконечно и в колоссальных объемах! Ладно бы тебе на голову, так снег валится еще прямо на территорию, закрепленную за нашим подразделением. А эту территорию надо постоянно убирать и вычищать до идеального состояния! Идеальное состояние — «асфальт»! Зимой?!

Лишь в кошмарном сне можно представить сюрреалистическую картину: Урал, снежная зима, собачий холод, бессовестный снег непрестанно валит уже целый месяц без малейшего перерыва на короткий отдых, обед или сон. Огромные сугробы выросли по окна второго этажа зданий, а на центральном плацу, дорогах, тротуарах и всех тропинках внутри периметра училища и на подъездной дороге к КПП (800 метров в сторону города) — черный асфальт! Представили?!

Весь город и его окрестности безнадежно утонули в снегу! Уборочная техника не может пробить даже узенькие дороги для организации бесперебойного движения городских автобусов, все дворники пришли в ужас от увиденного и тупо ушли в перманентный запой! Дети не могут добраться до школы без риска затеряться и сгинуть в нереальных залежах снега, который невозможно вывезти из города, т. к. дороги НЕПРОХОДИМЫ по определению (завалены снегом выше крыш автомобилей). Жизнь в городе фактически парализована, а в училище ВВС на всех дорогах и тротуарах, включая безразмерный плац, лежит девственно чистый АСФАЛЬТ!!!

Фантастика за пределами разумного понимания! У любого человека, сходящего с автобуса № 12 на остановке «Авиаучилище» от увиденной картины идеально чистого черного асфальта изумленно выпучивались глаза, которые сразу же дружненько и наперегонки лезли на лоб, сдвигая шапку на затылок. Асфальт?! Этого не может быть! Этого не должно быть! …но так было!

Со стороны складывалось впечатление что, каждая снежинка, опускаясь с заоблачных высот «сбрендившего с ума и потерявшего совесть» поднебесья на территорию нашего училища ВВС, приземлялась уже самопроизвольно (под действием строгой военной дисциплины, не иначе) исключительно в специально

отведенные места, старательно избегая малейшей возможности оказаться на дороге и «запачкать» своим присутствием идеально черный асфальт!

Ох, если бы так было на самом деле?! Проклятый снег, состоящий из стасплексов (самое большое математическое число в мире, больше еще не вычислили) отдельно взятых снежинок чистили мы — курсанты училища ВВС. Чистили как проклятые, не покладая рук, то есть лопат и скребков. Чистили плац, чистили дороги, а также многочисленные тротуары, перелопачивая кубометры снега ежедневно! А то и по несколько раз за день во время бессовестно затяжных снегопадов.

Т.к. распорядок дня училища, утвержденный строгим генералом «раз и навсегда» подразумевал учебу, как основное занятие курсантов (с перерывами на караулы и различные хозяйственные работы) то, чтобы вылизать «закрепленную территорию» до идеального состояния (читай: «до асфальта», независимо от времени года и погодных условий) приходилось вставать «затемно» — за пару часов до официальной команды «подъем» и остервенело скрести всеми ненавистный снег за счет «личного времени». Пропади этот снег пропадом! Мама, ну почему мы не в Африке?! Как мы завидовали неграм, кто бы знал?!

Более того, убирать обрыдлый снег необходимо «не абы как — бери больше, кидай дальше», а исключительно с художественно-эстетическим подходом в формировании внешнего облика сугробов. Вот ведь оказывается все непросто?! Наука целая, куда деваться?! Трехмерная геометрия с применением объемных сечений и никак иначе.

По разумению «высокого» начальства внешний вид сугробов должен иметь правильные геометрические формы (предпочтения отдавались кубам, многогранникам и параллелепипедам) с углами горизонтальных ребер обязательно в 90 градусов с исключительно идеальными плоскими гранями.

По «монаршему» замыслу, такой порядок уборки снега устанавливался «вовеки веков», чтобы данные снежные фигуры однозначно подчеркивали «уставное» единообразие в «архитектурном изыске» многочисленных сугробов на всей территории воинской части и радовали глаз командования гармоничной законченностью идеальных форм и геометрических линий. Во как! (максимально близко в первоисточнику)

Мама дорогая, каких же неимоверных трудов нам стоили эти гармонично-законченные «в дупло нахрен плашмя эти гребаные» линии?! Просто тихий восторг, переходящий в прогрессирующую холодную ненависть и продолжительную истерику, вплоть до

мелкой трясучки уставших конечностей.

Лопаты, причем любые, были в приличном дефиците, поэтому использовались в основном для ювелирной и филигранной работы по формированию долбанных ребер и гармонично-идеальных граней у снежных кубов и параллелепипедов. Известные на весь мир идеальные Японские садики Дзен просто не котируются и позорно блекнут перед величием фундаментальной красоты Уральских сугробов, воссозданных руками «трудолюбивых» курсантов на территории военного училища ВВС.

17-20-летние ребята, повсеместно запрягшись в огромные скребки «всем миром» двигали такие объемы снега, перед которыми трусливо пасовали даже гусеничные трактора (кроме шуток).

На сакраментальный вопрос зампотыла училища полковника Волченко заданный чисто из вежливости, не иначе, представителю складов НЗ: «Что тебе выделить — трактор или десяток курсантов с лопатами?!» Честно говоря, лукавил полковник, т. к. ответ был заранее известен! Курсанты всегда были несомненными и бессменными лидерами хит-парада уборщиков снега, поверьте на слово. Просто вне конкуренции! Там где позорно буксовал гусеничный трактор, толпа «курсантов с лопатами» разгребалась буквально за считанные минуты.

Так как по большому счету не только с лопатами, но и со скребками была некоторая «напряженка», но и тотальный дефицит (их банально тырили конкурирующие фирмы — соседские роты), то зачастую курсанты мастерили самодельный деревянный скребок из огромного листа честно-украденной толстенной фанеры площадью 2х3 метра. С боков фанеры проделывались отверстия, в которые продевались прочные парашютные стропы, и учебное отделение курсантов впрягалось в эту конструкцию аки бурлаки на Волге.

Такими скребками с дружными криками, незатейливыми шутками и «такой-то матерью» передвигались запредельно немыслимые объемы снега. Куда там трактору?! Гусеницы порвутся и движок заклинит! Про «Белорус» вообще скромно промолчим — с места не сдвинется! Можно даже не проверять, будет беспомощно елозить колесами и жалко фыркать, не более того…

Но скребки из дерева были недолговечны, увы! Фанера быстро расслаивалась, позорно бахромилась по периметру клееной деревянной панели, повсеместно выкрашивалась и … мы вскоре оставались без «прогрессивных» орудий труда! А снег продолжал падать и падать!

Учитывая, что на Урале стандартная зима вполне бывает по девять месяцев в году, а лето — плавный переход с весны на осень, то на весь период нашего обучения в военном училище, пресловутая русская зимушка-зима, воспетая многочисленными писателями, поэтами и певцами, а также связанный с ней снег в целом и каждая отдельно взятая снежинка в частности, становились для любого нормального курсанта, объектом самой лютой и искренней ненависти.

Самое противное — чтобы занять личный состав училища по выходным дням, периодически объявлялся грандиозный ПХД — парко-хозяйственный день. И 3000 курсантов вместо долгожданных увольнений в город к любимым и желанным девушкам, вооружившись, кто чем, выходили на свою закрепленную территорию и до остервенения долбили толстенный лед и многослойный наст, укатанный грузовыми автомобилями на проезжей части дорог до прочности мостового камня.

И долбили-долбили-долбили как заведенные, дабы к вечеру предоставить на строгий суд «жюри» идеально черный асфальт, причем на всей территории, закрепленной за подразделением. Твой личный «надел» идеально обработанный и любовно взлелеянный к рассмотрению не принимался. В армии не бывает промежуточных вариантов — или всё или ничего, шахматно-кустовой метод очистки не считается! Поэтому, расчистив свой участок, шли помогать соседям, а куда деваться?! Так и сплачивается коллектив, развивается взаимовыручка и помощь ближнему.

Вот это был настоящий праздник труда и отдыха!!! Когда от рассвета и до заката, 3000 «бойцов» тупо долбят ломами и лопатами в ближайшем радиусе вокруг себя любимых, вскрывая толстенные льды на зависть атомному ледоколу «Арктика».

Самое сложное — это первому человеку добраться до асфальта! Радости было, как при находке нефтяной жилы, не иначе! Дальше, проще! Ставится лом под углом к плоскости асфальта и, действуя уже на манер рычага, взламывался лед огромными кусками. Иногда, правда, лед выколупывался с приличными кусками самого асфальта, а что делать?! Издержки производства, такова се ля ва! Зима на дворе, — 30 и ниже, лед к асфальту намертво примерзал!

Расколов монолитный лед на отдельные куски, эти глыбы надо было опять же аккуратно сложить на газонах и сформировать из них гламурный парапет с идеальными краями — пипец! При этом, старательно замаскировав всевозможные щели в импровизированной «китайской стене» — технология,

отработанная годами, етить …

И все это независимо от погодных условий! Хоть — 10 на улице, хоть — 35 с северным ветром и порывами от 5-ти до 15-ти метров! Неважно! ПХД, асфальт и все такое! Тяготы и лишения никто не отменял! (читай текст Присяги)

Честно говоря, на таких ПХД выматывались так, что шинель промокала от пота буквально насквозь, а ноги в сапогах с тоненькими портяночками безжалостно замерзали до образования ледяной корки внутри самих сапог.

Постепенно набравшись уму-разуму, стали мотать портянки вместе с газетами (воровали периодическую подшивку из «ленинской комнаты» — воинское преступление участвовать в расхищении политического наследия В.И.Ленина и мудрых постановлений партии и правительства, а что делать?!) Вафельное полотенце, намотанное на морду лица, дабы по возможности исключить обморожение оного, после работы на улице по прочности могло поспорить с фанерой, т. к. теплый воздух, выходящий из носоглотки, намораживал на внешней поверхности полотенца приличный слой инея.

С легкой руки курсанта Петровского-«Люфтваффельник», который как-то брякнул мимолетом: «Ну, бляха-муха, прям снежные барсы!», ребята во время уборки снега стали называть друг друга именно «снежными барсами».

А действительно, похоже! Шинель и шапка усыпаны слоем снега, темные проплешины обмундирования на белом фоне еле заметны — расцветка как раз под шкуру барса.

Парни, повсеместно скукоженные от длительной и тяжелой работы с лопатой и скребком, нахохлившиеся и «вусмерть» замерзшие, несмотря, что по спине течет пот в три ручья, видок у каждого откровенно жалкий — хоть в «Красную книгу заноси» (снежный барс именно в Красной книге и прописан).

Голоса у ребят хриплые — почти все безнадежно простужены и опять холодного воздуха нахватались. Не говорят, а фактически еле слышно сипят и похрипывают (как большая кошка мурлычет и фыркает).

Лица укутаны полотенцами, только одни глаза горят, жалобно и яростно одновременно! «Гребанный снег! Когда же это все закончится?! Ненавижу! Где весна, твою мать?! Порвал бы того, кто первый додумался снег до асфальта чистить!» — точно дикие звери, подойдешь не вовремя, загрызут и порвут на тряпочки, а что останется, в снегу же и закопают.

Вот, пожалуйста, на лицо четыре «бронебойных» аргумента в пользу «снежных барсов».

А кроме бесконечной уборки снега, каждую зиму еще и

регулярные лыжные кроссы на дистанцию в 10 км. на кривых и тяжеленных дровах с неожиданным названием — «лыжи»… тоже занятная развлекуха из серии знатных извращений с сексуальным уклоном, но это уже другая история. (см. «Папаша Мюллер»)

p. s. После окончания нашего училища, будучи еще «зеленым лейтенантом», зашел как-то по случаю в зоопарк — время перед поездом скоротать и на зверей диковинных посмотреть. Продвигаюсь неспешно вдоль клеток со всевозможными зверушками, эскимо на палочке наслаждаюсь, как вдруг меня словно электрическим током прошило, аж неприятная волна по всему телу пробежала, и эскимо из рук выпало.

Смотрю, огромная грязно белая котяра с темными подпалинами на шкуре из-за мелкой сетки прямо на меня пристально в упор смотрит. Грустно так смотрит. Поднимаю глаза выше, а на клетке табличка висит: «Ирбис — снежный барс».

Сжалось что-то в груди неожиданно, вторая волна по телу пробежала. И так тоскливо стало на душе, нехорошо и муторно, хоть вой.

Прошептал тогда тихо той кошечке: «Извини, ничем тебе помочь не могу. Держись брат!», развернулся и ушел быстрым шагом из того зоопарка, чуть ли не слезу непрошенную утирая…

Уходя от клетки, спиной чувствовал, что «барсик» тот в спину мне жалобно смотрит. Душу родственную почувствовал, не иначе…

p. p.s. Кроме устойчивого отвращения к зиме, с тех пор не могу себя заставить в зоопарк зайти — не хочу на грустные глаза того «снежного барса» нарваться… не место ему там.

43. Тем, кому за 30-ть

Выходной день как-то сразу не заладился, культпоход в увольнении летел коту под хвост, а вместе с ним — все призрачные надежды и романтические мечты. В кино идти не хотелось. Отчаянно хотелось на танцы.

Хотелось взять и пригласить красивую девочку, обнять ее за стройную талию точеной фигурки и под эротичный «медляк» — минут на десять крепко прижать ее трепетное изящное тело к своей идеально прокачанной мускулистой тушке.

Хотелось погрузиться лицом в ее пышные волосы и опьянеть от тонкого запаха дефицитных французских духов, которые тайком и украдкой — буквально по капельке сливались из маминого флакона.

Хотелось чувствовать каждый вдох и выдох своей партнерши, каждый ели уловимый удар ее сердца. А после танца, взять в свою сильную руку ее узкую нежную ладошку с тонкими хрупкими пальчиками и в благодарность за приятно проведенное время, нежно поцеловать изящное запястье.

Девчонка мило покраснеет и потупит взгляд. Оставаясь в кругу своих подружек, все остальное время, девушка будет украдкой бросать взгляд своих бездонных глаз именно в мою сторону. И как бы случайно встретившись с моими глазами, она будет мило улыбаться только мне одному, как будто в этом огромном зале, кроме нас, никого больше нет. А когда объявят «белый» танец, уже сама подойдет ко мне, вся такая обворожительная, стройная, с пунцовыми щечками и, застенчиво потупив взгляд, робко пригласит. Сама.

Так хотелось заглянуть в ее красивые выразительные глаза и, потеряв рассудок и самообладание утонуть в их бездонной завораживающей глубине… А там, уже и до лямур-тужур-абажур недалеко. Эх! Мечта.

В реалии все более-менее приличные места с музыкой и танцполом были уже давно забиты под завязку, а толкаться в потной толпе, как шпрота в банке с маслом, постоянно ощущая назойливое присутствие дружеского локтя в глубине твоей печени, как-то не улыбалось.

Наша сплоченная компашка из 20-ти курсантов уже фактически без настроения медленно брела в последнее, из нашего необъятного списка более менее приличных злачных мест с дискотекой — ДК им. Ленина. Но день был явно не наш, звезды на небосводе встали раком, и ангел-хранитель ВВС похоже тупо

слинял в самовольную отлучку, бросив нас на произвол жестокой судьбы.

Приблизившись к величественному зданию с фундаментальными колоннами, мы увидели автобусы с курсантами ракетного училища, и наше настроение совсем окончательно ухудшилось. Расстроенный Витя Копыто скрывая досаду и отчаяние, окончательно потерял самообладание и расхорохорился.

— Ну, блин, рого… рогоносцы, тьфу … ракетоносцы, вообще офигели! Скоро поездами будут на танцы ездить! Прикиньте парни, подползает бронепоезд, пар, свист, гудок. Погрузка-разгрузка, выходи строиться! И на танцы, под прикрытием брони и с поддержкой тяжелой артиллерии. Вот жопа! А ведь «помидоры» и сухопутчики нас реально боятся, стадами из училища выезжают, с охраной. Может, накажем?!

Мы дружно посмотрели на Витю как на умалишенного, а Валера Гнедовский ласково чмыхнул.

— Ага! Сейчас шинельки сбросим и покажем силушку свою богатырскую, удаль молодецкую. Правда придется кулачками помахать и ножками подрыгать, но это мелочи. Такие мелочи, что говорить даже не хочется. Правда, парни?! Чего нам — 20-ти лихим ухарям против 120-ти, а то и 180-ти? Так, размяться, вспотеть даже не успеем. Да, Витенька?!

Витя замялся, но отступать не хотелось и он, потупив невинные глазки, пролепетал следующий шедевр изысканной словесности.

— Мля, пля, я фто, я ето. А что я?! Я же тоже буду, потом, наверное, много их, вижу, да. План есть. Я это, вы начинайте тут, а я пока за подмогой сбегаю. Вот! Я ж понимаю, что не все просто, более того — вообще все непросто, полный абзац, облом, и писец. Я же обо всех беспокоюсь. Стратеги обнаглели, факт, учить же надо и на место поставить тоже, вот. Ну, это… Я побежал? Я быстро! Продержитесь минут десять, а может даже и меньше?! Я хорошо бегаю, быстро…

— Угу. Сейчас. Есть более радикальное предложение. Давайка Витенька, мы за подмогой сбегаем! А ты не стесняйся, давай приступай! Начинай герой!

— Я?! Один? Сам? Ну, бля?!

— Да Витюша! Один, бля! Сам, бля! Без ансамбля! А мы потом твой хладный трупик заберем. Если конечно получится от асфальта отколупать. Может проще будет снежком его присыпать, до весны. А, подснежничек?! Ну ладно, пошутили и хватит! Сегодня явно не наш день парни, надо проигрывать достойно, в «Минутку» что ли?! А «слабо» 20-ть раз по 3-ри порции, еще и с

хлебом?! Вот, тетки с ума посъезжают. Пошли отсюда, здесь нам не светит. Сегодня праздник на улице у стратегов.

И бросив откровенно завистливый взгляд в сторону молодцеватых курсантов ракетного училища, которые организованно выгружались из автобусов и быстренько исчезали в дверях гостеприимного ДК, мы, не торопясь, с достоинством двинули в сторону легендарной пельменной. На душе было тоскливо, мерзопакостный снег падал огромными хлопьями и противно скрипел под ногами, увольнение в город бездарно пропадало. Настроение было просто дрянь.

Мы уже прошли мимо ДК «Октябрь», как вдруг Витя Копыто так заорал дурным голосом, что прохожая тетка выпустила объемные сумки из своих рук, обреченно охнула и схватилась за сердце. Ее ноги подкосились, и она грузно осела в сугроб. А Витя продолжал орать как резанный.

— Стоять! Стоять, я кому сказал! Всем стоять! А ну назад!

Ребята нехотя остановились, время увольнительной неумолимо таяло, а до дверей гостеприимной пельменной было еще далеко. Но Витя уже взбежал вверх по мраморной лестнице ДК и остановился у огромной цветной афиши. Копыто светился как прожектор, комично пританцовывал и тыкал руками в огромное полотно. На афише, размером 3х4 метра красовалось яркое и красочное приглашение посетить танцевальный вечер «Тем, кому за 30. .». Блин, вообще красота, совсем парень умом тронулся. Первым вслух возмутился опять Валера Гнедовский, выражая наше общее мнение.

— Ну, вообще, писец! Витя, ты болен! Ты просто безнадежно болен! Твой шифер треснул, и крыша съехала. Повторяю, для тех, кто на бронепоезде: «Тихо шифером шурша, едет крыша неспеша!» Курсант Копыто, бегом в аптеку, срочно возьми яду и принимай по 5-ть капель три раза в день! В воде не растворять, принимать в чистом виде, натощак! Запомнил? Повтори, пожалуйста.

— Не, а что?! Чем не танцы?

— Ну, точно чердак потек. Витя, увидишь белую машинку с красной полосой и цифрами «03» на капоте и на боках, беги на дорогу и сразу прыгай под колеса. Тебе обязательно помогут, отвезут «куда следоват». Там хорошо, рубашки с длинными рукавами, режим, кашка манная, тишина и спокойствие. Дурилка картонная, на этом вечере твои папы и мамы в вальсе кружатся, бабушки и дедушки — мазурку с гопаком скачут. Слышишь, полонез Огинского играет?! Запомни, где пишут: «За 30-ть, там все 70–80…», я точно говорю. Вежливость, этика, эстетика и как его… — толерантность. Во! Понимаешь?! Прикинь член к носу,

это же танцульки для завсегдатаев «Дома престарелых». Твоя потенциальная партнерша по танцам, вставную челюсть на ночь в стакане замачивает. Ну, дятел! Ребята вяжите его, на обратном пути в «дурку» сдадим.

Но Витя не унимался, он дико вращал глазами и отчаянно брызгал слюной, которая на трескучем уральском морозе разлетаясь, превращалась в маленькие льдинки и с веселым звоном падала на мраморные ступеньки ДК.

— Да какая нам в принципе разница?! Пусть будет хоть 100 лет, день все равно пропал. Давайте зайдем, хоть будет, потом что вспомнить и внукам рассказать. Тем более времени осталось пару часов, а тут девушки, ну в смысле — дамы должны быть однозначно. Не понравится, всегда свалить можно. Короче, хорош ломаться, как ни разу не целованные, пойдем, опозоримся и все. Где наша не пропадала?!

Не знаю, что на нас нашло в тот вечер, но спорить и сопротивляться безумному порыву нашего дурачка, было просто лень, да и любопытство, знаете ли, короче, мы почему-то поддались на доводы умалишенного Копыто и нехотя двинули за Виктором, который уверенно по-хозяйски распахнул массивную дверь и вошел в огромный холл ДК.

У заспанной старушки-гардеробщицы от удивления вывалилась вставная челюсть, когда она растерянно металась, принимая в раздевалке наши 20-ть шинелей. Добрая бабулька попыталась нас о чем-то предупредить или предостеречь, но уверенный тон Виктора свел на «нет» все ее благие намерения.

Раздевшись и старательно причесавшись, мы столпились у дверей, которые отделяли нас от зала, откуда доносилась размеренная и слегка заунывная музыка. Сделать решающий шаг — распахнуть массивную дверь, и войти в зал было непросто, совсем непросто. Валера Гнедовский вытолкнул Витю вперед и дружеским пинком ноги по костлявой заднице придал ему поступательный импульс. Копыто ничего не оставалось делать как, распахнув своим тщедушным тельцем настежь двери, влететь в просторный и ярко освещенный зал.

Никому из нас не хотелось показать свою робость или неуверенность, и мы дружно двинули следом. Нашему взору открылась идиллическая картина. В огромном зале с шикарным лакированным паркетом, с бронзовыми люстрами, висящими под потолком на внушительных цепях, находилось примерно около 100 человек мужчин и женщин, возрастом от 35 до, глубоко за 45–50. Мда, прозорливый Гнедовский был частично прав на счет поправки на возраст в более древний период.

На старомодной эстраде зала располагался звукооператор с

весьма приличной аппаратурой и ведущая вечера — дама в длинном, до самого пола, элегантном парчовом платье со сложной многоэтажной прической на голове, которая своим видом очень напоминала Пизанскую башню.

Когда наша компашка ввалилась в зал, все присутствующие на вечере изумленно замерли, музыка затихла и наступила гнетущая тишина.

Представляю, как глупо выглядела эта сцена со стороны. Ведущая вечера беспомощно хлопала глазами, она поднеся микрофон к своим ярко накрашенным губам, открывала рот, но не находила нужных слов. Звукооператор тупо вертел в руках виниловые пластинки и старался не отрывать взгляда от проигрывателя. Все те — кому, если верить афише, было за 30-ть, в недоумении уставились на толпу молодцеватых, розовощеких курсантов, одинаковых как цыплята из инкубатора.

Мы сами уже с первой минуты пребывания в этом зале, поняли всю абсурдность нашего положения, и мысленно проклиная Витю Копыто. Глупо улыбаясь, ребята были готовы попятиться назад в раздевалку за шинелями и, включив форсаж, дать хода отсюда, чтобы потом на досуге намять бока нашему дорогому Витечке. А, скорее всего — лучше даже и похоронить его тихонечко, в ближайшем сугробе, пока совсем не опозорились.

Но, честь и хвала настоящим профессионалам своего дела. Уважаем! Ценим! Преклоняемся! Пытаемся учиться и стать такими же.

Дама, ведущая вечер, наконец, взяла себя в руки, и мило улыбаясь, задушевным тоном обратилась к залу.

— А вот, собственно и наш обещанный сюрприз! Сегодня у нас в гостях, курсанты из прославленного училища ВВС! Им конечно еще пока не за 30-ть, но ведь им когда-нибудь будет и 30-ть, и 40-к, дай бог, что и рубеж в 100 лет им тоже будет по плечу, поэтому поприветствуем этих милых ребят нашими дружными и теплыми аплодисментами. Не стесняйтесь молодые люди, проходите, милости просим. Надеюсь, ваше появление, несомненно, внесет, свежую струю в наши почти домашние дружеские встречи.

И дама ободряюще зааплодировала, показывая пример дружелюбия остальным собравшимся. Постепенно ее поддержали и остальные участники вечера. Нам не оставалось ничего другого как, глупо улыбаясь во все стороны, медленно и робко пройти в зал. Мужчины смотрели на нас с недоуменными улыбками, а дамы — с нескрываемым любопытством.

Мы немного приободрились, тем более что линять в таких

условиях было бы еще большей глупостью и постыдным позором, чем принять самое активное участие в этом непривычном действе. Казнь Виктора Копыто временно откладывалась. Ведущая дама, улыбаясь как прожектор перестройки, ласково продолжила.

— В виду того, что аудитория значительно расширилась, наш уважаемый Максим Павлович подберет сейчас что-нибудь более подходящее, что-нибудь этакое — молодежное, модные тенденции так сказать, чтобы всем участникам нашего вечера было комфортно. Максим Павлович, прошу!

Звукооператор срочно поелозил в своих пыльных запасниках и вскоре мощные динамики S-90 изрыгнули знаменитый шедевр: «Косил Ясь конюшину! Вжик! Поглядав на дивчину! Вжик! А дивчина жито жала и на Яся поглядала! Вжик! Вжик!..»

Все в зале дружно оживились (кроме нас естественно) и начали дрыгаться под музыку в стиле школы танцев из кинофильма «Кавказская пленница», где Вицын, Моргунов и Никулин учили курортному твисту всех желающих джигитов на примере одновременного тушения двух окурков.

Делать нечего, мы тоже встали в круг, и вяло подергались в ритме ретро-музыки. Очередное музыкальное произведение было следующим: «Мы встретились с тобий на таныцах! А ты была в червоних штаницах…»

Делать нечего, мы опять немного поморщились, снисходительно посмотрели на старательно танцующую публику и, скрывая свои улыбки, дабы не обидеть гражданскую аудиторию из прошлого поколения, подмигнули Лелику. Тот молча и многозначительно кивнул и сразу же отвесил волшебного пендиля Вите Копыто, который, опасаясь за свое здоровье, а возможно — и саму жизнь, лихо выкручивал своими кривыми ногами кренделя на паркете в такт музыки с двумя наиболее активными дамами из малочисленной подгруппы «кому чуть-чуть немногим за 30-ть».

Витя сразу все понял правильно, он вообще чутко держал нос по ветру. Копыто сразу перестал кривляться, и полез на эстраду. Солидно подойдя к даме, ведущей вечер, Витя начал эмоционально что-то шептать ей на ухо, та энергично закивала головой в знак согласия. Затем сделала знак оператору и когда музыка затихла, поднесла микрофон к нереально ярко накрашенным губам и произнесла следующее.

— Уважаемые гости, сегодня в преддверии Нового 1987 года, рушатся традиции и замшелые устои, на дворе перестройка, ускорение и прочие модные тенденции, поэтому в качестве жеста доброй воли, музыкальное сопровождение нашего мероприятия, возьмут на себя наши юные друзья. Подержим их начинание

товарищи.

Все в зале опять дружелюбно зааплодировали. Витя торжественно и картинно раскланялся, затем показательно сунул руку во внутренний карман своего небрежно расстегнутого кителя и вытащил оттуда видавшую виды магнитофонную кассету со сборкой забойной музыки. Подойдя к аппаратуре, Витя по-хозяйски отодвинул Максима Павловича и, как фокусник-иллюзионист, продемонстрировав всем присутствующим в зале заезженно-задрипанную кассету, вставил ее в магнитофон. Щелчок клавиши и в зале задорно заорала австрийская группа «Opus», изрыгнув в толпу свой нетленный хит «Life is life», а следом было еще много еще такого забойного, о существовании чего эти люди в свои немногим за 30-ть, даже и не догадывались.

Курсанты, услышав знакомые и привычные для уха мелодии приободрились, расстегнули кителя и пустились в пляс, выделывая гимнастические кульбиты с элементами агрессивной акробатики и брейк-данса.

Завсегдатаи вечеров «Кому за…» изумленно вытаращив глаза, с нескрываемым интересом смотрели на происходящее. А нам отступать было некуда. Время увольнения в город неумолимо таяло, из-за дебильного Вити Копыто, мы покрыли себя несмываемым позором, засветившись на танцах в этом доме престарелых. Эх, гуляй рванина, терять нечего! Позорится, так по полной программе!

Первыми в наш круг присоединились дамы. Как ни крути, а женщины более склонны к азарту, авантюрам и разным экспериментам, а так же — к совершенно необдуманным поступкам. И вот, одна мелодия сменилась другой, и в нашей толпе весело прыгает уже все население зала, включая даму — ведущую вечера, которая выше колен задрала подол своего длинного платья, чтобы оно не мешало ей поднимать ноги на уровень головы. Дальше — больше, мы все — курсанты и остальные «гражданские», обнявшись за плечи, выстроились в одну импровизированную шеренгу, чтобы в такт музыки отбивать дорожку заводной джиги. Старались все — ноги взлетали очень высоко и стремительно, прямо как у танцоров профессионального кордебалета.

Азарт и кураж захлестнул всех и каждого. Солидные мужики, ослабив свои галстуки, и сбросив пиджаки, позабыли про радикулиты и прочие возрастные неудобства и вытворяли на танцполе ТАКОЕ…???!!! Был даже хваленый «ручеек» и прогрессивный «паровозик». Моральные устои были на грани приличия. Звукооператор Максим Павлович, пытался танцевать под нетленный хит: «You are in army now» толи «камаринского»,

толи «барыню», толи цыганочку с выходом. Было смешно, но очень забойно.

Дамы с пунцовыми щеками и горящими глазами, задирали свои ноги в модных туфлях на шпильках гораздо выше головы под «Go, Jonny, go!».

Медляки вообще пошли на ура. Каждый танец был «белый», исключительно по требованию дам. Курсанты разлетались как горячие пирожки. Слабый пол буквально рвал нас на части.

Короче, вечер удался на славу, прошел с настроением! Когда мы уходили из ДК, в холле нас провожали все участники вечера. Раскрасневшиеся дамы с горящими глазами висели на ребятах, умоляя прийти в следующий раз. Некоторые, особенно потерявшие головы, страстно шептали свои номера домашних телефонов.

Все искренне благодарили нас за фантастический вечер и приятно проведенное время. Ведущая вечера дама, стояла на паркетном полу босиком (попробуйте почти 2-а часа активно попрыгать на высоких шпильках), с задранным платьем и съехавшей на бок прической. Она все порывалась написать официальное обращение к нашему начальнику авиационного училища с просьбой постоянно, и гарантировано выделять N-ное количество курсантов ВВС для проведения потрясающих по эмоциональному наполнению тематических вечеров. Никто не хотел нас отпускать, повторюсь, особенно — дамы. С нас пытались стребовать клятвенное обещание, регулярно посещать подобные мероприятия.

Это был успех! Возвращаясь в казарму и трясясь в полупустом холодном автобусе № 12, мы всю дорогу неугомонно ржали как кони, вспоминая отдельные наиболее яркие и запоминающиеся фрагменты наших показательных выступлений, а также реакцию окружающих на происходящее действо.

Повеселившись от души, мы решили, что хорошего понемногу и туда мы больше ни ногой. Хватит позориться! Витя Копыто попытался было вякнуть, что спас нам вечер и планирует сводить нас по этому адресу еще разок-другой но, получив нежный и весьма убедительный подзатыльник от Лелика, скромно затих.

Посмотрев на разгоряченные лица ребят, я обратил внимание на постоянно блуждающие задумчивые улыбки. Парни как будто бы заново вспоминали недавно пережитые веселые моменты вечера и испытывали неожиданно приятные эмоции.

Во время последующих увольнений в город, заходя в кафе, в магазины или просто гуляя по улице, мы иногда чувствовали на себе чьи-то внимательные, пронзительные, проницательные и

одновременно восторженные взгляды. Подняв свои глаза, ребята часто пересекались взглядом с горящими глазами солидных дам которые, открыто улыбаясь, откровенно и оценивающе разглядывали нас.

Похоже, слушок по городу явно прокатился. Вероятно, кое-кто, кое с кем непременно поделился своими незабываемыми и восторженными впечатлениями о забойных танцульках с курсантиками. По секрету естественно.

В некоторых дамах, благосклонно смотрящих на нас, мы узнавали тех женщин, которые лихо отплясывали вместе с нами на незабвенном вечере «Тем, кому за 30…». И хотя смутить нас было совсем непросто, в виду отсутствия стеснительности и скромности, как таковых, после прохождения воспитательных процедур у нашего дорогого Пиночета но, тем не менее, мы стыдливо и густо краснели, вспоминая, что именно вытворяли на танцполе с дамами, годящимися нам если не в бабушки, то — в мамы однозначно.

И самое главное, что вгоняло нас в панический ужас и всепоглощающий стыд — это всплывающие в памяти обрывки из того, что так страстно и нежно шептали нам на ухо во время бесконечных и продолжительных «медляков» умудренные жизненным опытом партнерши, прижимаясь своими роскошными и зрелыми телами (4-й размер и более, сами понимаете чего) к нашим неискушенным и неокрепшим душам.

Вспоминая эти горячие слова, мы еще долго непроизвольной покрывались испариной, стыдливо и скромно опускали свои глазки, не смея открыто посмотреть в ответ. И хотя целомудренность не входила в перечень наших многочисленных достоинств, к такому повороту событий и многообещающим отношениям, мы были просто не готовы. Мы были бессовестно молоды.

После того вечера, ДК «Октябрь» мы обходили 10-й дорогой и за 20-ть кварталов.

44. 23 февраля

Это сейчас 23 февраля так себе, а не праздник. Профанация. Стандартная протокольная показуха, обязательная к исполнению, с ненавязчивой гримасой легкой брезгливости на толстом личике государственного деятеля, поздравляющего с высокой трибуны служивый люд. Важный чиновник фальшиво лыбится «голливудским смайлом» и напыщенно говорит о тяготах и лишениях воинской службы, хотя не имеет о них ни малейшего понятия и представлений. Честно говоря, смешно и противно слушать ожиревшего чинушу, который сам никогда не служил в армии и старательно отмазал своего мажорного отпрыска, который мгновенно теряет свой высокомерный лоск и начинает биться в истерике, а также — обильно гадить под себя от одного-единственного слова — «ВОЕНКОМАТ».

Было время, когда народ искренне гордился своей армией, уважал её, искренне любил, считал нужной и полезной защитницей, познавшей радость и гордость далеко не одной победы. Каждый уважающий себя мужчина считал возможность отслужить своей стране, за школу жизни, почётную и важную необходимость, а не воспринимал данную процедуру, как безысходность и повод для паники, запугиваемый в наше время многочисленными правовыми организациями типа: «Кормящие матери плачущего ребёнка», «Гей-Глобал-Анал-Пидар-Центр», «Голубые пацифисты», «Онанисты-откосисты», «Всероссийская партия любителей ночного энуреза», «Розовые сопельки», «Гомосек — человек будущего», «ДебилОлигофренНаркоДиспансер-Холдинг» и прочими не менее уважаемыми их последователями.

В 80-е годы прошлого века, все мужчины в Советском Союзе (за очень редким исключением) служили. Честно говоря, бывало по-разному — было тяжело, но было и весело, часто было — просто познавательно. Школа жизни, однако, причем абсолютно реальная. Мы мужали, набирались жизненного опыта. От трудностей не бежали, но и эти самые трудности на свою голову, добровольно тоже старались особо не искать. Нам их придумывало и создавало наше мудрое руководство. Причем, с патологически пугающей регулярностью. Итак, немного внимания.

В канун праздника Советской Армии, краснознамённой и легендарной, в боях познавшей радость побед и так далее и тому подобное (прошу заметить, что в моих словах нет и намёка на

иронию), наше доблестное руководство, тоесть — начальство, решило почувствовать себя великими полководцами. Думало оно не долго, а как общеизвестно, начальство вообще зачастую никогда не утруждает себя здравыми размышлениями. И придумало оно — это начальство, значит, поднять боевой дух и закрыть пару планов по боевой подготовке. Провести, так сказать, грандиозные учения, с выходом в поле, да на пару суток, да по полной программе, так чтобы в НАТО содрогнулись от нашей силушки богатырской и удали молодецкой.

Всё бы ничего, да вот в России-матушке, в канун 23 февраля обычно зима на дворе, согласно календарю, да и соответственно морозы трескучие, а на Урале-батюшке, где училище наше легендарное базировалось, эти морозы вообще запредельные. Такие замечательные морозики накатывали, что в казарме было аж целых + 4 градуса жары, а сколько на улице, вообще вспоминать не хочется. Просто страшно становится. Откровенно сказать, далеко не каждый читающий поверит в эти цифры, которые на градуснике и рассмотреть то не всегда возможно было, по причине замерзания оного. Но по секрету всё же скажу. Однажды, до — 52 по Цельсию накатило. Во, оно как! Одно радовало, что такое замечательное явление природы не каждую зиму нас радовало, далеко не каждую, но — 30–35 градусов мороза — это уже стандартная температура, регулярно из года в год, с октября по апрель, без вариантов.

Спутникам НАТОвским, бороздящим просторы равнодушного космоса, и то, наверное, тоскливо становится подсматривать за военными объектами на Урале, да ещё зимой. В космосе и так вечный холод, а тут нет, что бы на пляжах Майами на голых тёток смотреть, фигурки их загорело-копченые оценивать, надо свои заиндевевшие фотообъективы на замёрзшую Россию наводить. И зачастую не веря своим фотоплёнкам разведывательным и чутким датчикам ИК-станций («инфракрасных» значит, что на тепло реагируют), которые бешеную активность советских войск регулярно фиксируют. Да ещё именно в тот момент, когда аналитики из Лэнгли — штаб-квартира ЦРУ, ужасающе-морозную метеосводку читая, дают авторитетный прогноз, что жизни на Урале нет!!! Вообще, нет, и до мая месяца даже попыток зарождения этой самой разумной жизни даже и не ожидается. Холод собачий на Урале, потому что свирепствует, и конца и края этому лютому морозищу не видно!

Тем не менее, война дело святое и погнали нас касатиков защищать землю русскую от басурманов иноземных. А так как басурмане иноземные и вороги лютые в здравом уме обычно находятся, и уроки истории запоминать хорошо научились, на

примерах Наполеонов и Гитлеров там всяких. То сейчас их — врагов нашенских, в Россию-матушку, особенно зимой, а уж тем более — на Урал-батюшку, ни по доброй воле, ни под прицелом, да и под конвоем, не всегда и загонишь. Упираются вороги. От пары исконно русских слов, типа — Сибирь и мороз, быстро с них спесь заграничная слетает.

Вот и разделили нас — воинов, на «наших» и «не наших», чтобы по взаправдешному всё было, чтобы более-менее реалистично с противником каким-никаким воевать пришлось, уму-разуму и опыту ведения боевых действий в зимних условиях набираться.

Как окопы в мёрзлой земле копались — это уж простите, описывать не стану. Кто копал, тот не хуже меня знает, а молодёжь пугать не буду, им ещё Родину защищать надо будет. Но война шла у нас, не по-детски — и оружие стреляло, и гранаты рвались. Всё по-настоящему. И кормили нас через раз, замороженным супом, в котором ложка просто стояла, и то, если получится корку льда в котелке продолбить. А ложки алюминиевые, им всё согнуться хочется, а нам кушать желательно, организм молодой, в зимние холода, с особой жадностью килокалорий требует.

Потери в войне тоже были настоящие, причём одна. И эта боевая единица, вышедшая из строя, был наш легендарный Витя Копыто.

Витя давно мечтал совершить подвиг. Да такой, чтобы УХ! Да с письмом на малую родину — в Пилопедрищенск, от благодарного и восторженного командования, чтобы каждый «пилопедрощанин» знал, что их земляк — это, о-го-го какой парень, гроза НАТО одним словом, и никак не меньше.

Ждал Витя удобного момента для своего подвига долго, и дождался. На исходе второго дня, когда от мороза уже автоматы позамерзали так, что стали напоминать пушистые меховые игрушки белого цвета и перестали стрелять, в наш окоп прилетел взрывпакет от «ненаших». Взрывпакет — это шашечка из картона, цилиндрической формы, с бикфордовым шнуром и слабым зарядом взрывчатого вещества. Абсолютно безобидная вещица, если не начать заниматься с ней различными дурными экспериментами.

Так вот, летит в наш окопчик дымящийся врывпакетик. Все ребята естественно зажмурились. Хоть вещица безобидная, но условный рефлекс, он, знаете ли, где-то глубоко в подсознании зашит, где-то на генетическом уровне (у кого-то, возможно, забит), но не у курсанта Копыто. Витя ждал этого момента, для совершения великого подвига, всю свою бестолковую жизнь, и вот

дождался. Хватает этот чудак (на заглавную букву «М») взрывпакет, короткий замах рукой, и кричит при этом, наш полудурок, тоненьким голоском: «УРряяяя!» Героически так кричит!

Но, не успел Витя докричать свое писклявое «УРряяяя». Раздаётся взрыв, и все, кто не зажмурился, видят, как Витины пальцы разлетаются в разные стороны. Пипец, приехали!

Так как бикфордов шнур длины далеко небесконечной, то и догорел он, прямо в руках у нашего героя. Следовательно, и взрыв не заставил себя ждать. Взрывпакет рванул аккурат на замахе костлявой ручонки нашего доморощенного героя — богатыря дистрофичного.

Командир взвода — молоденький лейтенантик, сомлел от увиденного, жалобно заскулил, предчувствуя скорое свидание с военным прокурором. Он сорвал свою шапку и, закрывая ею свое лицо, в полубессознательном состоянии сполз на дно окопчика. Все парни рванули к Виктору, на бегу вскрывая личные медпакеты, чтобы спасти это чудо героическое, в пример для будущих поколений.

Но Бог, Витю любил! То, что мы приняли за разлетающиеся пальцы, оказались лохмотья от армейских рукавичек (трёхпалых таких, кто служил, тот знает). Эти рукавички приняли на себя всю кинетическую энергию взрыва. Витина правая рука, конечно, тоже пострадала, но была без видимых повреждений, лишь только кисть мгновенно опухла до состояния подушки, пальцы раздулись и оттопырились в разные стороны. Да так, что Витя и пошевелить им не мог.

Когда все поняли, что руки-ноги у бойца-членовредителя целы, на всех присутствующих накатил истеричный смех. Нервы, поймите правильно! Витя смотрелся очень комично. Его рука напоминала пластиковый сувенир, который автолюбители вешали на заднее стекло автомобиля — такая пятерня с надписью STOP или «ПРИВЕТ», которая игриво покачивалась на пружине, помахивая при обгоне, остающимся сзади машинам.

Войну сразу закончили, Витю срочно загнали в медсанчасть на рентген. Дежурный врач, скрупулезно просмотрев снимок, тоже пришёл к однозначному выводу: «Бог Витю любит!»

Все кости, связки, мышцы и прочая требуха были в полной целости и сохранности. Ну, а такая мелочь, как обширный отёк должен был постепенно сойти за пару недель. Витю решили не госпитализировать (чтобы не вносить данный случай членовредительства в перечень срочных донесений и не портить показатели по технике безопасности и % боеготовых «штыков»), а просто выписали полное освобождение от службы и отправили в

казарму на амбулаторное лечение.

Боевые действия на стандартном уральском морозе не прошли даром, и личный состав училища методично потянулся в медсанчасть, оглушительно сотрясая её тесные коридоры своим богатырским кашлем, забрызгивая стены обильными, как бы помягче сказать — выделениями из воспалённых носоглоток жидкообразной консистенции, неприятного цвета хаки.

Потери личного состава от генерала-мороз были настолько катастрофичны, что медсанчасть, исчерпав свои койко-места, стала тупо раздавать освобождения от службы. Военные врачи руководствовались обоснованной надеждой на мобилизацию внутренних сил молодых организмов, которые сами справятся с недугом, если больным курсантам просто разрешить пару дней спокойно полежать на койке в комфортных условиях казармы при жарком климате (+ 4 по Цельсию) внутри помещения.

Среди таких, кому не хватило мест в больничке, оказался и я. Моё горло раздирала фолликулярная ангина («перпендикулярная», как сказал наш доморощенный филолог Витя) и мне великодушно разрешили болеть на своей родной койке в спальном помещении казармы. В качестве лекарства выдали второй матрас, чтобы я попытался согреться, а лучше даже в перспективе — обильно пропотеть. И это, при + 4 в помещении?! Что ни говори, а военные медики знают чудотворные секреты врачевания и обладают самыми прогрессивными методиками.

Как уже отмечалось выше, травмированного Виктора также оставили на казарменное долечивание. А наше 45-е классное отделение, в ночь на 23 февраля, как самых достойных и морозоустойчивых, отправили в караул, охранять чихающее и сопливящее войско, чудом выжившее в полевых условиях стандартной уральской зимы. А то еще, вдруг, упаси господи, кое-кто из командования НАТО воспользуется плачевным состоянием защитников заботливой родины, да и отдаст коварный приказ на захват нашего поголовно кашляющего лазарета. Только вряд ли, по Женевской конвенции, пленных лечить надо, а на наше количество страждущих тепла, заботы и здоровья, у НАТО медикаментов не хватит.

Тем не менее, в казарме 4-й роты остались все больные, включая меня и травмированного Витю. Даже суточный наряд на тумбочке, набранный из самых здоровых, периодически сотрясал ночную тишину, своим душераздирающим.

— АААаааааппп!!!! — пчХУЙ!!!!

Ночь. Я, утомлённый кошмарной болью (казалось, что многочисленное стадо пьяных ёжиков устроило чемпионат по

футболу в моём горле), забылся полуобморочным сном, но ненадолго.

— Санёк, просыпайся! — жаркий шёпот неугомонного Виктора лишил меня слабой надежды на короткий отдых и смутную перспективу выздоровления. Копыто тряс меня за плечо и брызгал слюной прямо в лицо.

— Саня, сегодня праздник — 23 февраля, а ты дрыхнешь!

— Витя, отстань. Дай мне умереть спокойно.

— Санечка, как ты можешь?! Мы же военные. День Советской армии — это ж святое!

— Витя, не гневи бога! Я тебя в очке утоплю, козья морда! Дай поспать! По-хорошему прошу. Деликатно.

— Да ты послушай! Пока ты валяешься бездыханный, я в самоволочку метнулся.

Как Витя надел шинель со своей растопыренной пятернёй — загадка?! Но, не голый же он в такой мороз бегал?! А как через забор перелез?! Он же подтягиваться на перекладине и раньше не умел. Силенок не хватало у Геракла Пилопедрищенского. Фантастика! Но слабость в организме, неумолимо тянула в объятья Морфея. Витькины слова долетали до меня через раз, я сопротивлялся, не желая просыпаться.

— Короче, в активе две бутылочки «беленькой», а в столовой я лучку прихватил, хлебушка. Лёлик вчера посылку получил, сальца нам оставил, остальной харч в караул взял. Сашок, да тебя сейчас «в раз» вылечу.

— Копыто, будь человеком исчезни. Веришь, ничего ни хочу?! Даже пить не хочу. А самое большее чего я не хочу — это твою гнусно-счастливую рожу видеть. Дай покоя, пока тебя в травматологию не забрали с переломом черепа, по-доброму прошу. Вежливо, мать твою!

Но с Витей спорить — занятие бесперспективное. Как уже потом я услышал в одной женской компании, куда меня занесла нелёгкая: «Есть такие мужчины, которым проще отдаться, чем объяснить, что они тебе не нравятся».

Вот Витя Копыто и был наверно той моделью мужчины, после общения с которой, и появилась эта женская народная мудрость.

Долго ли, коротко, проходило моё лечение, не помню, но тогда мы уже спорили: «стоит ли открывать вторую беленькую». Я был категорически «против», а Витя убедительно настаивал, аргументируя, что «это» необходимо только лишь для закрепления позитивного эффекта моего лечения, и не более того.

Вообще, по словам этого обормота получалось, что Витя рисковал своей конопатой шкурой в самоволке и в организации

ночной пьянки, только исключительно ради моего же блага. Душа-человек, оказывается! А я к нему так несправедлив! Эх!

Витя приготовился пустить скупую слезу показной обиды, а я — слезу, умиления и сопливого восторга, но не успели.

Пока мы препирались и бодались как два барана, и я уже начал постепенно отступать и сдаваться, понимая, что процесс моего лечения уже перешёл за грань «управляемого», мигнул свет в спальном помещении. Это был сигнал дневального, о прибытии дежурного офицера в нашу роту.

— Санёк, ложись, я сам всё быстренько уберу, будь спок! — промычал заботливый Витя.

Остатки хлеба, сала, лука и непочатая бутылка «беленькой» скрылись в недрах прикроватной тумбочки. Я принял «горизонталь», Витя заботливо прикрыл меня вторым матрасом, выданным для согрева. Сам схватил пустую бутылку и громыхая сапогами в ночной тишине (по шесть подковок на каждом! ПИЖОН!!!), хаотично заметался по пустому спальному помещению.

Бежать в туалет, к мусорному баку было поздно, так как монотонное бубнение дневального, докладывающего об отсутствии происшествий дежурному офицеру, постепенно и неумолимо приближалось. Виктор метнулся к окну.

В звенящей ночной тиши, внезапно раздался душераздирающий треск разрываемой бумаги (зима, знаете ли, окна заклеивались полосками бумаги, вымоченными в мыльном растворе) — это Витя рывком открыл одну створку форточки. То, что створок две (одна — внешняя, другая — внутренняя), Витя как-то запамятовал. Знакомый, профессиональный замах рукой, правда, уже левой и пустая бутылка летит в форточку. Предчувствуя непоправимое, я зажмурился.

Бог Витю любил! Бутылка попадает в створку фрамуги, почему-то не разбивается, и со страшным грохотом падает между створок окна. Раздался еще более душераздирающий треск бумаги. Это Витя рывком открыл всю створку огромного окна, схватил непослушную бутылку. Опять, профессиональный, отточенный, практически коронный замах рукой и Витя отправляет стеклотару в форточку, причём, в закрытую ее часть. Пипец, приехали — звон бьющегося стекла, бутылка скрывается в ночной темноте, глубоко зарываясь в чудовищных по размерам сугробах. Кстати, мы её потом нашли, в мае, когда снег стаял. Далее, невозмутимый Витя успел закрыть внутреннюю створку окна и метнул своё нескладное тельце в ближайшую койку (владелец оной, в это время был в карауле), на лету укрывая себя любимого одеялом. Скрипнули пружины, по спальному

помещению скользил луч фонаря дежурного офицера.

На дворе была перестройка, ускорение и яростная борьба с любым проявлением пьянства и алкоголизма. За лёгкий запах спиртного вышибали из армии не задумываясь, не учитывая 24 года безупречных, пинком под зад, без пенсии!!! А тут, сломать об колено, жизнь двоим курсантам?! Да запросто. Но, БОГ Витю любил!!!!! Заслуженное и жестоко карающее возмездие за злостное нарушение воинской дисциплины, а также мудрых указаний любимой партии, в ту ночь, прошло мимо. Нас не поймали. Невероятно, но факт. Пронесло! Чудо!

Утром 24 февраля, к нестерпимой боли в горле (ёжики опять активизировались и устроили необузданные брачные игрища), прибавилась ещё и головная боль. Жить не хотелось вообще, и в целом.

— Сань, сейчас поправимся, — Витя опять склонился над моим неподвижным телом, как образцовая курица-несушка над своим желторотым цыплёнком: — У нас бутылочка завалялась, а клин клином вышибают, да и горлышко пополоскать тебе надоть. Лучше нет лекарства! Не сыщешь, говорю лучше! Я тебе точно говорю. Авторитетно заявляю. К бабке не ходи.

— Витя, пропади где-нибудь, сделай милость!

Бесполезно, Виктор, как гигантское членистоногое, неестественным образом сложился вдвое и полез в свою тумбочку, причём, его задница всё это время торчала наружу. Раздался характерный звук открываемой ёмкости, и по спальному помещению потянуло назойливым запахом водки.

— Копыто!

Этот голос, заставил меня инстинктивно вздрогнуть и накрыться одеялом-матрасом с головой: «Мама, ну почему, я не умер вчера?! Ну, всё, налетели! Теперь точно выгонят!»

— Копыто, что ты там делаешь? — вкрадчиво повторил командир нашего 1-го батальона, суровый полковник по прозвищу «Пиночет». Комментарии излишни, этот военный был лишён всех чувств сострадания и жалости. Да чего там — он был лишён всего человеческого. Боевая машина, запрограммированная Общевоинскими Уставами Вооруженных Сил СССР.

Витя мгновенно вытащил из тумбочки свою белобрысую голову, с торчащими в разные стороны непослушными волосами, напоминающую ёршик для чистки унитаза, причём уже пользованный и загипнотизированный взглядом чудовищного полковника, начал лепить ТАКОЕ. .

— Я, товарищ полковничек, Симонова лечу. У него перпендикулярная ангина. Горло раздирается на части, парень

просто загибается. И температура бешеная, правда, не знаю какая — градусника нету, но горячий… Ужас! Вон он, под одеялом, то есть под матрасом, валяется.

— Ну и чем же ты его лечишь, Айболит хренов?! Проникающим массажем простаты что ли?

— Водкой, товарищ полковник. Лучше компресса не придумаешь, согревает очень хорошо. А если ещё в рот набрать побольше, да пополоскать от души — совсем чудненько! Но выплевывать нельзя. . эффект будет лучше…

— Водкой?! ХА-ХА-ХА!!!! — комбат решил, что курсант Копыто или сошёл с ума или шутит откровенно подобострастно. А ему — полковнику, очень лестно, когда его подчинённые не только скоропостижно обделываются при появлении его — великого и могучего, ужасного и справедливого, но и шутить временами изволят. Но в меру! В меру — самую малость. В пределах нормы, не более — как с отцом родным. А великим быть, ой как приятно! И довольно похохатывающий комбат двинулся дальше по коридору, в сторону кабинета нашего командира роты Володи Нахрена.

Когда Витя приблизился ко мне со стаканом водки, наполненным до самых краёв, я не стал ничего говорить, что я о нём — законченном мерзавце и редкостном говнюке, думаю, а просто молча выпил содержимое. Перед тем как проглотить обжигающую жидкость, я тщательно и очень старательно прополоскал воспаленное горло, смачно побулькал, и сразу заснул глубоким и спокойным сном выздоравливающего.

До моего материалистического разума, воспитанного в школе на принципах убежденного атеизма и всяческом отрицании любого духовного начала, внезапно дошло — осенило фактически, что ни хрена плохого со мной не случится, пока рядом со мной, будет Витя.

Я понял, да что там понял?! Каждой клеткой своего мозга осознал, что БОГ Витю любит! Не знаю за что, но любит искренне! Может как свое не очень гармоничное и не совсем правильное творение?! А слабых и немощных, убогих и дурных, сирых и чудных, недаром народная молва зовет «божьими людьми».

И в результате, заодно, вместе с этим неказистым недоразумением — ошибкой, так сказать природы, прикрывая его непрактичные и неразумные, но абсолютно искренние и чистосердечные проступки, Бог погладил и меня грешного по моей дурной головушке, своей нежной, заботливой, ласковой отеческой рукой.

45. Химический день

Как уже ранее отмечалось, наш комбат полковник Серов был бравый вояка и образцово показательный служака. И для поддержания нашего боевого духа в надлежащем тонусе — в напряжении тоесть, по-русски говоря, а может всего лишь из личной и персональной вредности, кто знает но, тем не менее, он ежемесячно устраивал в батальоне «химический день».

«Химический день» — это значит, 2-ю среду каждого месяца весь личный состав 1-го батальона — порядка чуть менее 1000 бойцов перед разводом на занятия тупо строились на центральном плацу со своими личными противогазами. Командиры взводов производили беглый осмотр и докладывали о готовности командирам рот, а командиры рот в свою очередь уже докладывали о готовности к процедурам уже изнемогающему от сладострастного вожделения нетерпения Пиночету.

Мы же — курсанты, тоскливо и обреченно ждали горячо любимую всеми нами и такую замечательную команду, как: «Газы».

Командир батальона в наших трепетных ожиданиях никогда нас не разочаровывал и не обманывал, команда: «Газы» обязательно подавалась своевременно. Причем, подавалась исключительно под гаденькую и ехидную улыбочку нашего дорогого отца-командира — родного Пиночета, который с профессиональной скрупулезностью и педантичностью засекал на секундомере время ее выполнения.

Услышав сакраментальное «Газы», все курсанты дружненько натягивали на свои головы персональную резиновую конструкцию типа противогаз.

А тем временем Пиночет упивался увиденной картиной монолитного и безликого строя в тысячу голов с серыми презервативами на головах и слоновьими гофрированными хоботами, теряющимися в зеленых брезентовых подсумках, которые висели на левом боку каждого курсанта. Удовлетворенный и улыбающийся комбат, поглядывая на «резиновое» стадо, громко и внятно подавал команду для торжественного прохождения маршем, мимо него естественно.

И мы, идеально ровными строями, по-ротно и по-взводно, бодренько топая сапогами, проходили мимо нашего ненаглядного Пиночета старательно оттягивая «носок» и с традиционным равнением «направо», гармонично поблескивая ровными шеренгами окуляров запотевших стеклянных очков на резиновых

масках ненавистных противогазов.

Спасибо, хоть строевую песню в этот незабываемый момент петь не заставляли. Есть правда модель противогаза с металлической мембраной в области рта, и комбат Серов был искренне уверен, что это усовершенствование в конструкции маски противогаза было сделано специально для обеспечения возможности исполнить строевую песню в момент передислокации боевого подразделения на зараженной местности. Не знаю у кого как?! У меня просто нет слов. Вообще-то военные медики просто так справок не дают, согласитесь, а у Серова она была. Контуженный. И по пояс деревянный.

После торжественного прохождения строем, курсанты расходились своими классными отделениями по плановым занятиям и еще целый день таскали с собой, а то и на себе — в перерывах между учебными парами, свои индивидуальные и обрыдлые до тошноты, резиновые изделия.

За соблюдением режима «химического дня» полковник Серов наблюдал лично, появляясь в самых неожиданных местах (вплоть до туалетов) и щедро раздавая внеочередные наряды на тумбочку дневального всем желающим избежать или уклониться от увлекательной процедуры обязательного ношения ненавистного противогаза в короткую перемену между занятиями.

Стоит отметить, что «химический день» был абсолютно неизбежен. Он неизменно наступал независимо от времени года и погодных условий. «Химический день» стал таким же обязательный явлением как восход солнца.

Мы таскали противогазы летом в жару при +30 по Цельсию и выше, когда пот обильно стекал внутри маски этого резинового гандона, безжалостно разъедая глаза и кожу лица. Окуляры очков сразу же запотевали, и курсант превращался в слепого котенка, который ориентируется, полагаясь исключительно на слух или, двигается в строю своего подразделения фактически на ощупь, опираясь на плечо товарища. Оставалось только точно выполнять строевые команды сержантов или офицера: «левое плечо вперед, стой, шагом марш» и т. д. и т. п. и прочее. Зато развивалось пространственное осязание и чувства локтя.

Самое интересное, что сверху на противогаз надо было обязательно надеть головной убор. Картина маслом, просто обхохочешься. Когда началась массовая утеря пилоток, посудите сами, через толстую резину маски противогаза трудно оценить, находится в данный момент на твоей тыковке казенный головной убор или нет, обеспокоенное командование разрешило подтыкать пилотку за поясной ремень. А зимой, военную шапку все равно приходилось надевать на голову, скорее всего из опасения

заботливого начальства, чтобы курсанты свои черепушки не заморозили. Цирк, да и только, представить такое далеко непросто, особенно на трезвую голову, это надо увидеть собственными глазами. Рекомендую. Потом по ночам будет сниться.

Жарким летом, при снятии противогаза, частенько из подбородочной части резиновой маски выливалась приличная струйка пота, а лица курсантов были красными с разопрелой и опухшей кожей, которая покрывалась многочисленными раздражениями и болезненно саднила.

Противогазы таскали естественно и зимой при -30 по Цельсию и ниже. Зимой было особенно тоскливо натягивать холодную и замерзшую резину, опять же с заиндевевшими стеклянными очками, на свое обмороженное и обветренное лицо.

Народ тихо матерился и всячески пытался саботировать данное увлекательное мероприятие. Летом, многие ребята вырывали обратные клапана у своих противогазов в призрачной надежде на некоторое незначительное облегчение дыхания и дополнительную вентиляцию кожи лица, которая запревала, обжатая тисками плотно подогнанной резиновой маски. Отдельно стоит отметить, что маска противогаза изнутри еще была щедро посыпана слоем талька. Тальк необходим, чтобы резиновое изделие не слипалось при хранении, но в тоже время тальк безбожно сушит кожу, доставляя исключительно приятные воспоминания в виде противного ощущения стянутой «кожи на роже», готовой мгновенно треснуть на британский флаг от любой слабой попытки улыбнуться или открыть рот.

Некоторые ребята откручивали соединительный гофрированный шланг от фильтрующей коробки и просто засовывали его свободный конец в брезентовую сумку. Слабое утешение, но дышать становилось немного легче.

Но опытного комбата Серова просто так не возьмешь, на мякине не проведешь, об член не треснешь и за пятак не купишь! Дабы исключить и свести на «нет» все отчаянные уловки курсантов хоть как-то облегчить себе жизнь, злорадный Пиночет частенько приносил на построение батальона какую-нибудь небольшую хлорпикриновую шашку. Серов периодически обкуривал ею подозрительные, на его зоркий командирский взгляд, подразделения потенциальных нарушителей склонных к порче военного имущества.

Те парни, у кого герметичность противогазов была нарушена в результате нехитрой, но несанкционированной рациональной доработки описанной выше, в прямом смысле этого слова — «со слезами на глазах» вываливались из монолитного строя, срывали

с себя ненавистный, но абсолютно бесполезный в данном случае противогаз. Они, падая на колени, продолжительно и обильно рыдали горючими слезами, усиленно вытирая свои воспаленные и покрасневшие глаза, кто просто голыми руками, кто — носовыми платками, далеко не первой свежести.

А Пиночет в эти моменты был особенно доволен и даже весел. Небрежно указывая носком идеально начищенного ботинка, на плачущих и ползающих на четвереньках по плацу ребят, он ласково и нежно называл их «гофрированными шлангами» и «потенциальными кандидатами в трупы». При этом комбат никогда не забывал внести всех провинившихся в список «очередного» внеочередного наряда. Вопросов нет, естественно он был прав, но нам от этого было не легче.

И вот однажды суровой уральской зимой, во 2-ю среду февраля Пиночет решил превзойти самого себя и притащил на построение батальона не какую-нибудь там позорную маломощную и слабосильную дымовую шашечку микроскопических размеров, а огромную зеленую металлическую хрень, размером с внушительное ведро. Объемная штукенция с двумя внушительными ручками по бокам выглядела непривычно и достаточно устрашающе.

Толпа недоуменно и робко притихла, на улице было -32 с порывистым ветром. Надевать резиновые намордники добровольно никому не хотелось. Все курсанты настороженно смотрели на зеленое ведро, которое всем своим видом источало явную угрозу.

Полковник Серов с доброй отеческой заботой посмотрел в наши испуганные лица и нежно со своей неизменно-стандартной ехидной улыбочкой подал команду: «Газы». При этом, вытащив зажигалку, он осторожно поджег фитиль зеленой ведроподобной шашки.

Было жутко холодно, порывистый ветер безжалостно трепал полы тонюсеньких курсантских шинелей, пробирая промозглым холодом почти до самых костей, и естественно почти никто из ребят не горел желанием расстегивать сумки противогазов и уж точно не торопился надевать противные и замерзшие резиновые маски противогазов. Все заворожено смотрели на быстро убывающий фитиль.

Пиночет, откровенно скучая, искоса наблюдал, как веселый огонек, щедро разбрасывая многочисленные искры, постепенно подобрался к верхней крышке «ведра» и, замерев на короткое мгновенье как бы раздумывая, ярко вспыхнул на прощание и шустро исчез внутри зеленой банки. Пиночет оживился, его улыбка стала заметно шире, в глазах загорелся гаденький огонек

любопытства и азарта, веки слегка прищурились, комбат замер в ожидании чего-то «этакого» особенного.

Через секунду банка весело пыхнула и начала очень активно дымить клубами желто-горчичного газа, показывая неожиданно достойную производительность. Желто-горчичный дым буквально поднимался столбом, а затем горчичная его часть начинала стелиться вдоль поверхности земли, желтая — поднималась выше и рассеивалась. Комбат был явно доволен, но не долго.

Сильный уральский ветер начал сносить эту вонючую дрянь в сторону от курсантов, и она фактически не цепляла наш строй. Пиночет видя, что ядовитое облако расходуется напрасно, фактически «в никуда» и не производит ожидаемого эффекта на курсантскую братию, обиделся как капризный ребенок. Он смешно выпятил нижнюю губу и раздраженно повторил свою любимую команду: «Газы».

Мы, мягко говоря, не спешили ее выполнять, потому что на сильном ветру даже шевельнуться было противно и холодно. Все ребята уже основательно замерзли и замерли с оттопыренными в разные стороны руками, стараясь вообще не двигаться. Наш батальон напоминали стадо арктических пингвинов. При малейшей попытке прислонить руки «по швам», промерзшая насквозь одежда соприкасалась с еще относительно теплой кожей тела и начинала безжалостно холодить ее, вызывая очень неприятные ощущения.

Но армия — это есть дисциплина и, получив команду «Газы» повторно, пересилив себя, мороз и ветер, зябко поеживаясь, ребята начали своими замерзшими и одеревеневшими пальцами медленно расстегивать брезентовые сумки. Некоторые стали нехотя снимать свои зимние шапки, чтобы освободить головы, для надевания маски противогазов. Тихо ругаясь, курсанты засовывали эти шапки в самые различные места. Кто себе под мышку, кто в промежность между ног, кто в освободившееся место в противогазную сумку. Но делалось все это так медленно, так неторопливо, что ни о каких нормативах при команде: «Газы», даже и говорить нечего. Стрелка на секундомере в руках Пиночета замыкала далеко не первый круг.

Короче, народ упирался «до последнего», а Пиночет настаивал. Он уже грозился ввести два «химических дня» в месяц и сгноить нас в газовом бункере за штабом училища (там нам подгоняли противогазы, но это отдельная истории), как вдруг случилось неожиданное. Двое «рецидивистов» из числа курсантов нашей роты, быстро надев противогазы, подбежали в «ведру», схватили его за боковые ручки и бегом затащили в фойе главного учебного корпуса.

Изумленный такой наглостью, полковник Серов не успел даже, и крякнуть, как из 4-х этажного здания учебного корпуса повалил густой горчичный дым и через некоторое короткое время, сломя голову и наперегонки друг с другом, побежали все преподаватели, включая суточный наряд и женщин с кафедры «Иностранных языков». Увиденная картина массовой эвакуации плачущей и сопливящей толпы, которая в панике ломилась в единственную открытую дверь стеклянного аквариума, повергла нас всех в состояние ужаса и неудержимого смеха одновременно. Такое зрелище не забывается, поверьте мне на слово.

В результате, занятия в этот февральский день были сорваны «в чистую», учебный корпус проветривали целый день, причем все окна были открыты настежь. И это при -32 и сильном ветре. В придачу к загазованности и нестерпимой вони в учебных классах и бесконечных коридорах учебного корпуса, еще чуть было не разморозили систему отопления огромного 4-х этажного здания.

Полковник Седов был вызван в кабинет к нашему генералу и суровый старик «ни в чем» себе не отказал. Он исключительно качественно вздрючил Пиночета, который потом еще целую неделю имел бледный вид и неровную походку.

С большим трудом, оправившись от процедуры многоразового анального досмотра в самой извращенной форме, добросовестно и качественно выполненной лично начальником училища, Пиночет навсегда отменил проведение «химических дней» в нашем батальоне. Ура, ура, ураааааааа!!!

В последствии, уязвленный и злопамятный Серов неоднократно делал попытки через своих прикормленных осведомителей и ручной комсомольский актив, выяснить личности двух «мерзавцев», которые затащили газовую шашку в учебный корпус. Но все его титанические усилия ни к чему не привели. Ибо, форма одежды у всех курсантов одинакова, а противогазы на лицах превратили двух этих ребят в серую обезличенную казенную массу.

Сами активные участники данного происшествия, осознавая степень нависшей над ними угрозы, благоразумно и надежно держали свои языки за зубами и сохранили тайну своего участия в этой дерзкой операции вплоть до самого выпуска из училища в звании лейтенантов, обеспечив себе более-менее приличные распределения.

А Пиночет рвал и метал, он буквально заходился в приступах бессильной злобы, переходящей в неудержимую ярость. При его патологической подозрительности, мстительности и фантастической памяти, вычислить этих ребят, он мечтал буквально любой ценой. Это было для него делом чести.

Однажды, осознавая, что время неумолимо приближается к выпуску, а отмщение не предвидится и заслуженная кара в виде самого засраного распределения остается нереализованной, Пиночет в порыве отчаяния даже объявил награду за их головы — распределение для дальнейшей службы по желанию и выбору того «стукачка», который предоставит достоверную информацию, изобличающую личности двух «камикадзе». Но тщетно, эта тайна так и осталась, не раскрыта.

От себя лично могу выдвинуть предположение, что не пойманными героями были — Артур Рудась из 43-го классного отделения и наш незабвенный Витя Копыто. Причем, Артур Рудась — это точно, без вариантов, его я узнал однозначно, а вот Витя — под вопросом. Но тот факт, что Витя исчез из строя нашего 45-го классного отделения, когда мы стояли на плацу и не спешили натягивать противогазы, и появился только уже по пути в казарму, наводит на соответствующие выводы и раздумья.

В качестве закрепления моих догадок — это, что при многократных обсуждении данного случая, всегда заводной и словоохотливый Витя мгновенно менялся в лице, откровенно бледнел, замолкал как рыба и всячески пытался увести тему «интересного» разговора в другое русло. Смею предположить, что из-за справедливого опасения проболтаться, раскрыть себя и в полной мере испытать на своей конопатой шкуре всю необузданную ярость мстительного Пиночета.

Тем не менее, кто бы это не был, спасибо вам парни!

46. Часы «Seiko»

Бррр! Холод собачий. Ну, почему на Урале, такая отвратная и длинная зима?! По 9-ть месяцев зима, холодная, снежная, ветреная. А лето — жалкий и кратковременный переход с весны на осень. Настолько скоропостижный переход, что почти незаметный. Несправедливо. И вообще, сегодняшний день сразу как-то не заладился. Воскресенье называется?!

Те курсанты, что не попали в счастливый, но микроскопический список увольняемых из расположения части, с короткими перерывами на завтрак, обед и ужин, весь день усиленно боролись с обнаглевшим снегом. Не просто снегом, а с бесконечной бело-пушистой напастью, которая бессовестно сыпется и сыпется не только на наши курсантские головы и за воротники шинелей, но и на обширную территорию, закрепленную за 4-й ротой для тщательной уборки — до состояния идеального черного асфальта. Замудохались «вусмерть», причем, конкретно.

А после незабываемо-отвратного ужина, состоящего из традиционного и всеми проклятого бигуса, мы, уставшие «донельзя», в составе остатков 1-го батальона посетили училищный клуб. Где, наверное, уже в 29-й раз, а может и в 129-й, посмотрели увлекательный и помпезный фильм «Ленин в октябре» … или «Чапаев»?! Прошу прощение, точно не вспомню, ибо проспал всю дорогу. Неудобно конечно на сломанном деревянном кресле с откидывающейся «поджопницей» спать, особенно, если эта самая «поджопница» и сломана, но куда деваться?! Все лучше, чем бесконечный снег чистить скребком от трактора «Белорус».

После окончания фильма «Броненосец Потемкин» (или «Юность Максима» все-таки?! неважно, в принципе, те же яйца, но вид сбоку), притопали в родную казарму, где уже постепенно собрались все откровенно-довольные курсанты-счастливчики, благополучно вернувшиеся из увольнения в город. Эх, повезло же ребятам, в легендарную пельменную «Минутка» сходили, наверное?! Пельмешки, ммм… мням-мням… остается только слюну сглотнуть.

В полусонном состоянии частичного анабиоза мы отстояли обязательную вечернюю поверку и, особо не мешкая, стали усиленно и активно готовиться к долгожданному и полноценному — в смысле, «горизонтальному» сну, а не в позе скрюченного эмбриона, на деревянном кресле в кинозале, прости господи, да

еще и со сломанной «поджопницей».

Та-да-да-дах!!! За окном нашей казармы коротко рявкнул знакомый до изжоги АК-74. Я повернулся в Лелику, который только что с большим трудом стянул свои промокшие насквозь сапоги и в «полумертвом» состоянии на частичном «автопилоте», выдавливал зубную пасту из сильно помятого тюбика на замызганную щетку, явно собираясь посетить умывальник, не приходя в сознание. Лично я, такой проблемой не страдал, ибо почистил свои зубки уже загодя, перед увлекательным киносеансом и сейчас, откровенно злорадствуя над остальными ребятами, лихорадочно-энергично стягивал галифе и гимнастерку, предвкушая скорейшее свидание с долгожданным Морфеем.

— Слышал?!

Лелик не оставляя тщетных попыток попасть зубной пастой, безвольно свисающей из тюбика на растрепанную щетину убогой зубной щетки, лениво пожал плечами и откровенно зевая, равнодушно пробурчал.

— А! Наверное «минусы» опять в караул заступили, теперь лупят в белый свет, как в копеечку. Понабрали олухов по объявлению, не в состоянии порядок разряжания автомата запомнить. Куда катится мир?! Регресс на лицо или, прости господи, на рыло! Мы ведь такими не были Саня, а?!

Я уже был готов добродушно согласится с мудрым киевлянином и посетовать на поголовную и патологическую бестолковость курсантов-первокурсников из крайнего набора в наше доблестное училище ВВС в частности и на вырождение генофонда мировой цивилизации в целом, но не успел.

В вечерней тишине частично засыпающей казармы было отчетливо слышно, как на тумбочке дневального по роте зазвонил телефон.

Дневальный курсант неспешно взял трубку телефона и вальяжно присев на краешек тумбочки, жеманно закинул ногу на ногу, максимально вытянув носочки «противотанковых сапог». Он показушно-эротично облизал кончиком языка свои губы по кругу и приготовился с игривой нежностью промурлыкать: «Алле, прАтивный», с шутливой целью неожиданно шокировать своего невидимого собеседника, но буквально через мгновение, дневальный напрягся, вскочил по стойке «смирно», его движения стали резкими и собранными, а в голосе зазвучали металлические нотки.

— Есть, товарищ майор! В настоящий момент в роте находится капитан Нахр…, то есть Хорошевский. Есть! Так точно! Сейчас он, Вам перезвонит! Есть! Так точно! Будет исполнено!

Есть! Есть! Есть! Принял! Есть!

И еще не повесив трубку телефона на рычаг, дневальный заорал на всю роту дурным голосом.

— Рота, в ружье! Командир роты, на выход! Старшина роты, на выход! Дежурный по роте, на выход! Рота, в ружье!

Пипец! Ну, что за хрень?! Как ложиться спать, так обязательно «тревогу» сыграют или «войну» объявят?! Ну, вот чего им, целого дня не хватило?! Завтра понедельник, начало новой недели, еще будет время методично и поголовно затрахать личный состав, обстоятельно и с любыми извращениями. Ну, дайте поспать, а?!

В это время, к тумбочке дневального «рэксом» подбежал капитан Нахрен и буквально повис на телефоне, перезванивая помощнику дежурного офицера по училищу.

Дежурный сержант по роте, получив «монаршее» благословление и утвердительное подтверждение от взъерошенного Вовы Нахрена, бросился открывать «оружейку», в казарме зазвонил противный «зуммер» сигнализации. Старшина роты, округлив свои глаза, принял информацию от дневального и метнулся в каптерку одеваться. Процесс приведения роты в повышенную степень готовности начался.

Курсанты, беззлобно гундя и вяло возмущаясь, быстро натянули сапоги и, набросив шинели уже по давно отработанному до полного автоматизма алгоритму, шустро выдернули из оружейной пирамиды свои персональные автоматы АК-74, штык-ножи, подсумки и по два магазина для патронов.

Буквально через неполные 5-ть минут, 4-я рота в полном составе построилась на «взлетке» центрального коридора казармы.

Володя Нахрен в откровенно нервозном состоянии повесил трубку телефона и, растерянно потирая подбородок, взволнованно скомандовал.

— Рота! Напра-во! Строится на улице! Бегом марш! Ребятки, давайте быстрее, я прошу вас! Организовано…

«Ребятки»?! «Прошу вас»?! Не заболел ли Володенька часом?! С рассудком своим, не распрощался ли?! Чего это вдруг его на такие неожиданные нежности пробило?! Не иначе «конец света» намечается и «наше казарменное хамло» начал себе место в раю зарабатывать, с подкупающей вежливостью грехи свои многочисленные замаливать. Наверное, действительно нечто экстраординарное случилось.

С гулким топотом, 144 курсанта молниеносно пролетели по ступеням помпезной лестницы нашей казармы образца 1943 года постройки и высыпали на небольшой плац перед скверико́м, где

мы очень «любили» частенько бегать в противогазах, причем независимо от погодных условий и времени года (с подачи Нахрена естественно). Но это все лирика. Сейчас, похоже, не до шуток. Капитан Хорошевский совсем не по-боевому выглядит. Вон, как ножки трясутся, и губки свои нервно покусывает. В чем же дело то, наконец?!

Ребята мгновенно построились. Перед ротой мельтешил взъерошенный и крайне взволнованный офицер, чуть поодаль стоял откровенно ошарашенный старшина роты с автоматом в руке. Нахрен, наконец, остановился, взял себя в руки и, хаотично пританцовывая на месте, выдал следующее.

— Парни! В училище ЧП! (чрезвычайное происшествие) По территории бегает курсант в ПШ (зимняя одежда, типа ХБ, но из темно-зеленого полушерстяного материала) с автоматом в руках и он недавно стрелял в дежурного по училищу подполковника Дудкина. А до этого, данный придурок напал на часового у склада вещевого имущества и забрал автомат. Задача нашей роты, как дежурного подразделения, определенного в календарном плане на эти сутки, плотно оцепить периметр училища и не выпустить обезумевшего ублюдка с оружием в город. КПП, спортгородок и территорию от клуба до учебного аэродрома уже оцепила «тревожная группа» из внутреннего караула. Задача нашей роты, взять под контроль «тыловую дорогу», курсантскую столовую, оружейный склад — пост № 3, свинарник, главный учебный корпус и упереться в аэродром. В случае чего, стреляйте, наверное, все же в воздух или, в крайнем случае, по ногам! Не берите грех на душу! Нале-Во! В цепо…

— А чем стрелять?! Патронов то тю-тю… Не дали патроны! Снежками что ли в него кидаться прикажете?! - раздались возмущенно-издевательские возгласы курсантов из глубины строя роты. Действительно, оружие мы получили, а вот патронов нам никто и не выдал. Непорядок.

Старшина роты болезненно скривился и, сильно хлопнув ладонью себя по лбу, метнулся к офицеру.

— Товарищ капитан! А команды на выдачу боеприпасов ведь не было! Не поступила такая команда от дежурного офицера. Точно, не было! Мы, что?! Парней на убой погоним?!

Командир роты Вова Нахрен опять хаотично заметался перед строем, было отчетливо видно, что офицер находится в состоянии, близком к панике. Но стоит отдать ему должное, он быстро собрал волю в кулак и обратился к старшине.

— Игорь, срочно беги в казарму, звони дежурному по училищу, уточни про боеприпасы, а мы побежим оцеплять училище. Если что, действуй по обстоятельствам.

Ответственность, я беру на себя. Давай, с Богом…

Старшина, чертыхаясь и матеря самого себя, метнулся в казарму. Нахрен опять обратился к личному составу роты.

— Парни! Выхода нет, надо удержать этого мудака внутри училища! У него автомат и он опасен! Уже стрелял по людям, в город выпускать его нельзя! Рота, нале-Во! В цепочку по одному, дистанция 20-ть, …а может 30-ть шагов?! Короче, хрен его знает?! Мужики, дистанция в пределах прямой видимости, растянуться от теплицы до учебного аэродрома, через 3-й пост оружейного склада и главный учебный корпус по «тыловой дороге». Бегом марш!

С нелицеприятными комментариями в адрес бестолкового руководства и «сбрендившего с ума» пацана с автоматом, мы организованно потрусили в нужном направлении, попутно выстраиваясь в импровизированную живую цепочку. Рядом бежал капитан Нахрен и воодушевленно орал.

— Примкните магазины! Пусть он думает, что у нас оружие заряжено!

Обалдеть, какая радость — будем банальным «пугалом» работать! И какого хрена, этот дундук в бега подался?! Да еще и с оружием?! «Дедовщины» в училище нет, никогда не было и даже в проекте не предвидится! Надоела армия и хочешь отчислиться?! Да нет вопросов, пиши рапорт, и пошел на хрен отсюда, никого насильно не держат! А этот идиот еще на часового напал, и автомат с патронами захватил! Во, кретин! За это уже срок полагается. Так он еще для полной радости и в офицера стрелял! Ну, совсем дурак, горем убитый! Жить, что ли, надоело?! Тут уже покушение на убийство, с отягчающими… Пиндец тебе, дурачина мудоковатая! Что же его на такую безумную дурость подвигло?! Крыша что ли неожиданно сдвинулась?! Или, наверное, любимая девка, скоропостижно замуж выскочила, а у пацана нервишки сдали?! Все равно, это не повод, чтобы по офицерам из «калаша» лупить. Кстати, попал или нет?! Подполковник Дудкин — классный дядька, эксплуатацию летательных аппаратов преподает, добрый и душевный. Жаль, чисто по-человечески жаль. Мда, парниша, что же ты натворил?! Ты, о своих родителях, о маме с папой, подумал?!

Все, добежали, растянулись в цепочку, стоим. Я стою между Леликом Пономаревым и Витькой Копыто. Дистанция между нами метров по 25-30-ть. На улице ночь, тишина, мороз и только ослепительно белый снег, играя в свете фонарей, крупными хлопьями медленно опускается с неба и скрипит под ногами. Эх, красота! Бля, такой вечер испоганили. Ну, чего вот людям спокойно не живется?!

Время тикает. Стоим уже почти час, а кажется, что — целую вечность. Холодно, твою мать, начинаем планомерно и неумолимо остывать! Чтобы не окочуриться, остервенело долбим заиндевевшими сапогами друг о друга и старательно пританцовываем, пытаясь немного согреться. В ночь, с каждой последующей минутой начинает все сильнее поддавливать знаменитый уральский морозец. Мы продолжаем стоять «пограничными» столбами. Идиотизм, одним словом.

Тупо замерзаем, чтобы не помереть окончательно, заводим разговор. Первым подает голос Витька Копыто. Он вообще не может молчать дольше 5-ти секунд, а тут продержался почти целый час — рекорд однозначный, хоть в книгу Гиннеса вноси. В отблеске подслеповатого фонаря видно, как от его губ отделяется облачко теплого воздуха.

— Слышь, мужики?! А вот представьте — мы стоим тут, мерзнем, а сейчас из-за «муравейника» (казарма 2-го и 3-го учебных батальонов), выскочит этот парень, и что будем делать?!

— Стреляться!

— Не, я серьезно. Стрелять ведь не чем, патронов не выдали.

— Вытаскивай штык-нож и в рукопашную.

— Вы что, охренели?! Куда со штыком супротив автомата?! Это же не вариант! Безнадега полная, на грани безумия. Не прокатит.

— Тогда, прыгай в ближайший сугроб, закапывайся поглубже и тупо сойдешь за спящего в берлоге медведя. Короче, Витя не нахлобучивай наши девственные мозги на свой член. Утомил уже всякую лабуду нести и так на душе тоскливо.

— Пацаны, слышь?! А вот если, патроны были бы?! Вы бы стали в него стрелять?! Это же свой парень, нашенский, только умишком немного йопнулся?! Временное помутнение — ум за разум зашел неожиданно…

А ведь действительно — вот проблема?! Парень то «наш»?! Или уже «не наш»?! Если «наш», то стрелять в нас он не должен и не будет…, наверное?! А если будет?! Сколько ему сейчас?! 18-ть?! Ну, 19-ть?! От силы — 20-ть! И нам, столько же! Мда… дела, … Что же произошло, твою мать…

— Витя, закрой рот! У нас не стоит такой дилеммы, ибо патронов все равно нету и, похоже, вообще не предвидится. Так что и стрелять нам при любом раскладе не придется. Как бы самим банальными мишенями поработать не пришлось, вот о чем думать надо! А вообще, наше дело, телячье — обосрался, стой и мычи! Самое главное, чтобы тот пацан «сдуру» не стал в нас палить, а то прострочит из своей «швейной машинки» как миленьких. Стоим тут полными дураками на дороге, прямо под

фонарными столбами фактически. Как зайчики в тире, выщелкивай по очереди, только в путь. И чего он в подполковника Дудкина шмальнул, совсем дурак, что ли?! Не понимаю?! Короче, хоть объяснил бы кто — в чем дело и долго мы еще свои яйца будем здесь морозить?! У меня уже ноги к подошвам примерзли, пальцы совсем не чувствую.

Тра-та-та-та! Где-то совсем недалеко короткой очередью грозно рыкнул автомат Калашникова. Ага! Накаркали называется! Прямо на глазах становится несколько веселее и, несомненно, гораздо теплее. Правда, личное «очко» почему-то хаотично запульсировало и «под ложечкой» завибрировало! К чему бы это?! А вообще то, слышь парень, шел бы ты на …!

Мимо нас резво проскочила генеральская «Волга». Ага, вот начальник училища приехал и сразу полетел к «муравейнику». С чего бы это?! Понятно, что вызвали из дома. Ох, и достанется старику! Начальство ему всю задницу развальцует. ЧП такого масштаба — это вообще пипец! Предыдущего начальника нашего училища с должности сняли за 5-х мудозвонов-ловеласов, будь они неладны! Хотя, честно говоря, история та, была очень темная и неоднозначная. (в плане отдельный рассказ)

Интересно, а наш генерал в своем кресле удержится?! Если снимут — жалко будет. Хороший мужик, справедливый. Вон сколько раз нас отмазывал — и с «Агдамом» и вообще…

Вдруг из темного удаления «тыловой дороги» со стороны овощной теплицы показались две бегущие и хорошо нам знакомые фигуры — старшина Игорек Мерзлов и каптерщик Димка Норкин, с объемными вещмешками в руках и с автоматами на плечевых ремнях.

Ненадолго останавливаясь у каждого курсанта нашей роты — звена импровизированной живой цепочки, они что-то передавали ребятам?! Да неужели патроны, уже снаряженные в магазины?! Точно! Ну, молодцы парни, спасибо вам. Теперь, хоть не будем «бычками на заклание».

Игорь, весь взмыленный и вспотевший, с безумными глазами навыкат, протягивая Лелику снаряженный магазин и продвигаясь в мою сторону, успевает взахлеб скороговоркой выдать всю интересную и шокирующую информацию, которую ему удалось выяснить.

— Парень из 10-й роты, второй курс обучения. Был сегодня в увольнении. Чего-то в городе накуролесил. Короче, следом приехали менты с двумя мадамами, вроде как заявление о групповом изнасиловании… Да-да, он один, в гордом одиночестве одновременно и по очереди изнасиловал сразу группу бабс! Причем, не по разу! Оказывается, такое тоже

бывает?! Короче, ни хрена они его в лицо не помнят — случайно познакомились. Помнят, что на рукаве шинели две курсовки под шевроном и часы на руке японские — «Seiko». Пошли по ротам второго курса проверять, а пацанчик все просек, снял часы, сунул дежурному по роте, а тот его через «черный ход» из казармы выпустил. Короче, он выскочил на улицу, увидел ментов у «муравейника», обосрался и деру. Автомат у часового «минуса» забрал и сразу нарвался на дежурного по училищу, который к ментам в «муравейник» шел. А тот и кричит: «Мол, сынок, ты откуда такой весь красивый, да еще и с автоматом?» Ну, а пацана уже переклинило в конец, он и врубил в упор по Дудкину. Того счастье, что ростиком не вышел — от горшка два вершка. Все пули над головой просвистели, а он в сугроб упал и …. Короче, полный пиндец парню постучался! Всю жизнь себе испоганил… хорошо, что у «минуса» только один магазин забрал, про 2-й просто забыл, наверное…

Принимая от старшины магазин с патронами, я увидел на своих руках кровь. Но, это была не моя кровь. Это была кровь Игоря Мерзлова. Старшина, вместе с каптерщиком и дневальным по роте, лихорадочно снарядили 144-ре магазина 30-ю патронами каждый (4320 патронов), чтобы хоть как-то вооружить беззащитную роту парней, стоящих живой цепочкой в холодной и снежной ночи. Ребята, сбивая пальцы в кровь об острые заусенцы и выступающие части направляющих частей металлических магазинов, спешно «набивали» их патронами, не думая о себе и превозмогая боль в содранных до мяса пальцах. Спасибо вам ребята. Большое спасибо! Поклон вам в ножки…

— Игорь, у тебя руки в крови.

— Знаю, знаю, мелочи…

— Старшина, где расписаться за патроны?!

— Потом… все потом…

Старшина и семенящий следом коротышка каптерщик, постоянно подтягивая на плече сползающий ремень автомата, побежали дальше по живой цепочке 4-й роты. Уф! А жизнь то налаживается…

Неожиданно, из-за угла учебного корпуса, в промежутке между двумя зданиями, выскочил парень в одном ПШ и без шапки. Увидев цепь в серых шинелях, он развернулся и мгновенно скрылся за зданием медсанчасти.

Некоторые наши особенно горячие головы, включая Витю Копыто, закричали, привлекая всеобщее внимание и передергивая затворы на своих автоматах, бросились вдогонку. Старшина Мерзлов остановился и, бешено выпучив налитые кровью глаза, страшно заорал, брызгая слюной.

— Стоять! Стоять, вашу мать… Я кому сказал! Все назад… в цепь! Назад! Ваше дело — периметр держать, а не за пулей бегать! Назад, я сказал! Сокрушу, суки! А ну, назад, в цепь и стоять здесь как привязанные! Давайте, на хрен, свалку и хаос устроим, толпой будет носиться, и друг друга перестреляем, а ну назад! Копыто, назад, говнюк, челюсть раскрошу! В цепь! Всем в цепь! Держать периметр!

Все парни вернулись обратно на «тыловую дорогу» и заняли свои места в цепочке. Так простояли еще около часа, замерзли еще больше. Сердобольный Витя прокричал.

— Парни, а представьте, как этому бедолаге сейчас в одном ПШ бегать?! Холодно ведь! Сдавался бы уже, что ли?! Чего свою жопу морозить?! Да и наши задницы тоже озябли. Яйца уже реально колоколами звенят.

Бах-бах! Где-то плюнули два выстрела из пистолета ПМ. Вот ёпт! Когда же это закончится?!

Очевидно, этот второкурсник в панике мечется по огромной территории училища, отчаянно ища выход. Все подразделения курсантов, не участвующих в облаве, загнали в казармы и запретили подходить к окнам, чтобы не поймать «дурную» пулю. На входных дверях в ротах и учебных корпусах выставили вооруженных часовых, а периметр училища был надежно оцеплен нашей 4-й ротой и составом внутреннего караула. Мышеловка захлопнулась.

Мда, сейчас этого пацана, гоняет группа офицеров и ментов, чтобы курсантов под пули не подставлять. Прямо как крысу в лабиринте. Парень, парень, что же случилось?! Не верится как-то, что одному ушастому пацанчику, можно запросто двух взрослых теток изнасиловать. Причем, у них же дома. Бред какой-то?!

Опять генеральская «Волга», поднимая клубы невесомого снега, пронеслась мимо нас, но уже в район вещевого склада.

Ты-ды-ды-дых! Ага, снова АК-74 огрызается. Пора бы уже патронам закончиться. С одним магазином в 30-ть «пулек», долго не навоюешь. Парень, похоже, совсем с ума сошел?! Неужели в генерала стрелял?!

В ночной тишине, раздался голос нашего старика, усиленный мегафоном.

— Курсант Михайлов, ты меня слышишь?! Сынок! Перестань стрелять! Ты слышишь?! Ваня, перестань стрелять и ответь мне. Ты слышишь меня, Ваня?! Это я — твой начальник училища, генерал-майор …

— Я нееее хоооооочуууу в тююююрьмуууууууууу!!!!!!!!!!!

— Ваня! Я тебе даю честное слово, что следствие пройдет абсолютно непредвзято. Ты слышишь?! Мы во всем досконально

разберемся. Пока никто не пострадал, брось автомат и выходи ко мне. Я обещаю, что никто по тебе стрелять не будет. Ваня, повторяю, никто не пострадал, возможно, все обойдется дисциплинарным батальоном. Дисбат — это не тюрьма! Я все сделаю от меня возможное, чтобы твое наказание ограничилось дисциплинарным батальоном. Верь мне, сынок! Курсант Михайлов, я вам приказываю, бросьте оружие и выходите.

— Нееееет! Я не хоооооочуууууу в тююююрьмуууууу! Я не хочу в тюрьму, не хочу, не хоооооооочуууууууууууу… Я не насиловал, все было по-другому… Я не пооооооойдуууууууууу в тюрьмуууууууууууу….

— Сынок, успокойся! Я тебе верю! Мы во всем разберемся, обещаю! Ваня, сейчас я иду к тебе. Ты оставляешь оружие, и мы вместе пойдем ко мне в кабинет и все спокойно обсудим. Ты слышишь меня, курсант?! Я иду к тебе!

Ба-бах! Прозвучала очень короткая очередь, буквально из двух патронов и все.

Через некоторое время, вдоль нашей цепочки пробежал капитан Нахрен с «мраморным» лицом и тихо проговорил каждому курсанту.

— Все ребята, в роту! Бегом в роту, сдавать оружие. В роту, в роту!

Окончательно озябшие, мы пришли в казарму. Сдали оружие, сдали патроны. Роту построили, всех посчитали, еще раз провели вечернюю поверку, досконально посчитали оружие и патроны, все совпало идеально.

Прозвучала запоздалая команда «отбой», но мы не спали. Некоторые ребята лежали в своих койках и тупо смотрели в потолок. Многие парни собирались в небольшие кучки, обсуждая данное происшествие. Все курсанты сходились во мнении, что тут «что-то» не так! Слишком уж притянуто за уши «групповое изнасилование», как в дурном анекдоте: «Группа изнасилованных, заходите в зал суда не более чем по десять человек. Не толпитесь на входе, проходите парами!»

И зачем кого-то насиловать, когда с этим делом проблем вообще не было?! Или, почти не было…

Один курсант из 41-го классного отделения, имея хорошего знакомого на втором курсе обучения, позвонил своему «зёме» в злосчастную 10-ю роту. И тот, по телефону шепотом рассказал более подробные обстоятельства этого трагического события в том объеме, которыми владел сам. Итак.

Ничем непримечательный парнишка-тихоня был в городе в увольнении, познакомился с двумя молодыми и симпатичными учительницами начальных классов. Они пригласили его к себе в

общежитие, посидели, отдохнули, выпили. Тили-тили, тралировали, лямур-тужур-абажур! Что-то не поделили, парень вернулся в казарму несколько возбужденный. А через пару часов из города приехали милиционеры с этими разобиженными дамами, и началась процедура поголовного опознания курсантов второго курса.

В качестве отправной точки были наручные часы «Seiko». Парень сразу все понял, жутко перепугался, сбледнул с лица и слезно попросил дежурного по роте выпустить его через черный ход, за эти самые «Seiko».

Дежурный сержант больше из чувства мужской солидарности, чем из желания обогатиться на редкие и дорогие часы, открыл запасной выход. Беглец выскочил на улицу и, сразу напоровшись на милицейскую машину, испугался еще больше и, свернув за угол здания, попал на территорию поста у вещевого склада.

Этот пост не имел выгороженной территории, и часовой фактически гулял в неком каменном мешке небольшого дворика.

На посту стоял «минус» — первокурсник. Беглец наплел ему басню, что возвращается из самоволки и прячется здесь от проходящего мимо офицера. Пока «минус» хлопал ушами, «насильник-террорист» напал на него и отобрал автомат. Выскочив с территории поста, он по жуткому для себя стечению невезучих обстоятельств, сразу столкнулся с дежурным по училищу подполковником Дудкиным и, услышав его безобидный вопрос, окончательно ошалев от страха и потеряв способность адекватно мыслить, влупил очередь практически в упор, но промахнулся. К счастью для Дудкина естественно!

Тем временем, обиженный «минус», лишившись своего персонального автомата, позвонил начальнику караула и пожаловался на хулигана-второкурсника. В подтверждении его слов, в вечерней тишине прозвучала автоматная очередь…

Ну, а дальше, уже все знаете. Побегав более двух часов по территории училища и осознав, что выбраться за пределы «колючки» ему не светит, замерзший и окончательно обезумевший парень забился в глухой угол опять же на территории поста вещевого склада и, проигнорировав все обещания генерала о честном расследовании, застрелился.

Кровавое пятно на стене здания многократно и старательно закрашивали, но оно неизменно проступало вновь и вновь. В результате, пост у вещевого склада вообще был снят, чтобы не нервировать курсантов, заступающих во внутренний караул.

По непроверенным слухам, оскорбленные дамы — учительницы начальных классов моментально забрали из милиции свое заявление о групповом изнасиловании, сняли все

претензии и были таковы, а в дело вступили прокуроры и чего-то там долго мудрили.

Что именно наваяли прокуроры, нам никто ничего не сказал. Вот в принципе и все. В своих невеселых беседах на данную прискорбную тему, курсанты никого не обвиняли и никого не оправдывали. Нам просто не хватало объективной информации, а узнать подробности было не у кого…

На утро, весь личный состав училища экстренно построили на главном плацу. Начальник училища в полурастегнутой шинели с ввалившимися от бессонной ночи воспаленными глазами, молча шел вдоль замершего строя курсантов, от отделения к отделению, от роты к роте, от курса к курсу. Он внимательно смотрел в глаза ребятам, всем и каждому, стараясь не пропустить никого.

Суровый старик выглядел очень уставшим. Генерал не проронил ни единого слова. Он только медленно шел вдоль строя курсантов, иногда останавливаясь и пристально вглядываясь, как будто хотел что-то увидеть или услышать или почувствовать…?!

В его руке, на полусогнутом пальце висели часы на металлическом браслете — японские наручные часы «Seiko».

47. Легенда (сказка, рассказанная на ночь в военном училище после очень тяжелого дня)

Молодой и суровый рыцарь помпезно и шумно праздновал свою свадьбу. Его невеста была самой красивой и образованной девушкой в ближайшей округе.

Буквально накануне свадьбы ее родственники забрали благочестивую деву из женского монастыря, где она вела праведный образ жизни в смирении и молитвах.

Многие знатные рода мечтали породниться с могущественным рыцарем и выдать за него своих дочерей. Но такой чести удостоился благородный и давно обедневший древний род, главным богатством которого на сегодняшний день была юная красавица.

Впервые своего будущего мужа, девица увидела уже на своей собственной свадьбе, которая торжественно и церемонно проходила в огромном зале неприступной крепости рыцаря. Невеста не желала этого брака, но как было принято в те суровые времена — мнение прекрасной девы никого не интересовало.

Все, что она успела узнать о своем супруге, это были обрывки из героических баллад, восхваляющие смелость и силу рыцаря, его молодость и красоту, искушенность в любви, полководческие таланты и неукротимую ярость, с которой он безжалостно крушил многочисленные полчища своих заклятых врагов. Число славных побед рыцаря было велико, и слава его была нетленна.

Вокруг величественного замка рыцаря, за неприступным рвом с водой, лежали его обширные владения. Земли сурового воина простирались от горизонта до горизонта. Верные подданные рыцаря почтительно преклоняли свои головы и становились на колени, когда опускался подвесной мост и благородный рыцарь, закованный в железные доспехи, выезжал из ворот мрачной крепости на своем верном боевом коне.

Завидев рыцаря верхом на огромном коне, многие крестьяне поспешно падали ниц прямо на землю и замирали в благоговейном ужасе, ибо конь рыцаря имел весьма дурную славу из-за очень свирепого норова. Могучее животное, закованное в тяжелые железные латы, легко сбивало человека с ног и могло безжалостно и жестоко искалечить замешкавшегося беднягу или даже яростно затоптать до смерти своими страшными копытами.

Преданный конь признавал лишь только одного седока — своего хозяина-рыцаря.

Много было выпито доброго вина на роскошной свадьбе. Еще больше было сказано изысканных слов о неземной красоте прекрасной невесты и о славе великого воина.

Отзвучали все тосты, восхваляющие молодых, затихли веселые песни и хмельные возгласы. Многочисленные и знатные гости откланялись. Кто не смог уйти на своих ногах, тех вынесли образцово вышколенные слуги рыцаря, молчаливые и незаметные, но весьма расторопные.

Взволнованная девица с трепетом ждала того момента, когда останется наедине с рыцарем. Она была невинна и совсем не знала, что ее ожидает. По словам монахинь, супружеский долг неизменно связан с невыносимой физической болью и постоянными душевными страданиями. Настоятельница монастыря утверждала, что делить ложе с мужчиной необходимо лишь только для продолжения рода. А сладострастные плотские утехи — это смертный грех, который недоступен благородным дамам. Это удел презренных блудниц и падших женщин из самой черни, которые после праведного божьего суда буду вечно гореть в страшном пламени мерзкого ада без малейшей надежды на снисхождение и спасение своей пропащей души. И будет так вовеки веков.

Прекрасная невеста, а ныне — молодая жена, медленно вошла в спальню и, сбросив одежды, легла на брачное ложе, которое было покрыто шкурами животных, добытых рыцарем на кровавых охотах. Юная дева решила с честью выполнить свой супружеский долг. Лишь один вопрос терзал ее — нежность?!

Будет ли этот совершенно незнакомый ей человек, который сегодня стал ее мужем, ее господином, ее властителем, хоть немного нежен с ней?! Ибо она с несказанным удивлением и благоговейным трепетом ощущала рождение непонятного сладкого чувства внизу своего живота — как будто в ее чреве распускалась нежная роза.

«Боже, я совершенно не знаю этого человека! И совсем не хочу быть его супругой! Но я исполню волю родителей и твою волю, господи. Я буду для него верной женой. Я буду терпеливо ждать его из военных походов. Я буду готовить ему вкусную пищу и различные яства. Я буду заботливо врачевать его раны. Я буду дарить ему нежное тепло своего тела, и говорить лишь только ласковые слова. Я буду рожать ему красивых и здоровых детей. Я стану ему преданным другом и никогда не предам его. Я буду стойко и смиренно переносить его раздражение, бранные оскорбления и плохое настроение. Я буду с достоинством сносить

его равнодушие ко мне, грубость и возможно, жестокие побои! Я буду улыбаться, когда ему это будет приятно. Я буду украдкой глотать слезы, когда он совсем перестанет замечать меня. Когда моя молодость и красота увянут, я сделаю вид, что не замечаю его новой молодой любовницы. Я все сделаю, как велит моя святая клятва и брачный договор. Господи, я вынесу все это многократно, но молю тебя, заклинаю — пусть в первую брачную ночь, мой муж будет хоть немного нежен со мной! Хотя бы один-единственный раз. Пусть этот цветок, что расцветает в моей плоти незнакомым мне ранее сладострастным чувством, не будет безжалостно сорван грубой рукой рыцаря, закованной в железную перчатку и, не будет втоптан в дорожную пыль копытами его боевого коня. Пусть, хотя бы в первую нашу общую ночь, рыцарь не доставит мне физической и душевной боли. Пусть наш первенец будет зачат в нежности и познает великую силу родительской любви. Я хочу, я мечтаю, я молю тебя господи, чтобы наш ребенок не был лишен отцовской любви. А свою любовь я отдам ему всю — без остатка».

Половицы жалобно скрипнули под тяжестью тела, закованного в железные латы — в комнату вошел рыцарь. Дева испуганно замерла, закрыла глаза и затаила дыхание. Рыцарь подошел к брачному ложу, было отчетливо слышно, как глухо звенят его боевые доспехи. Он медленно склонился к молодой супруге и неожиданно резким движением сорвал покрывало.

Его взору предстало удивительно гармоничное тело юной красавицы. Рыцарь долго смотрел на роскошное великолепие плоти, законным хозяином которого он стал в сегодняшний день. Девица лежала, затаив дыхание и не смея шевельнуться, отчетливо осязая бархатной кожей, тяжелый взгляд своего властителя-мужа, который медленно скользил по ее нагому телу. Так продолжалось достаточно долго. Затем, рыцарь молча развернулся и вышел из комнаты.

Именно в те мгновения, когда молодая жена, уязвленная равнодушием рыцаря, горько рыдала в одиночестве на холодном брачном ложе и страстно взывала к богу с молитвами полными искренних слез и отчаяния, многочисленная армия ее мужа громкими восторженными криками и боевыми возгласами приветствовала своего грозного предводителя.

Рыцарь бросил свою прекрасную юную невесту на брачном ложе, не вкусив ее невинной чистоты и фактически не сделав ее своей женой. Он, возглавив огромное войско, вероломно вторгся на сопредельные территории с огнем, и мечем, безжалостно порабощая многочисленные народы.

Величественно входил рыцарь во главе своей мощной армии

в захваченные и разоренные города. Он презрительно смотрел на склоненных в почтительном поклоне новых подданных своей стремительно растущей империи. Кто не хотел склонять голову, был силой поставлен на колени. Кто не хотел становиться на колени, безжалостно истреблялся.

Рыцарь продвигался все дальше и дальше, оставляя позади себя разграбленные города и пепелища пожарищ, реки крови и озера слез. Там, где прошла жестокая армия грозного рыцаря, слышались отчаянные стенания обесчещенных женщин, плач детей, потерявших своих отцов, проклятия стариков и зубовный скрежет немногочисленных мужчин, выживших в недавних боях.

Владения рыцаря росли, а могущество крепло. О славных победах сурового воина слагались новые мелодичные и красивые баллады, которые эхом бродячих менестрелей изредка добирались до стен родового замка рыцаря.

Великое множество прекрасных женщин из числа захваченных благородных невольниц согревали рыцаря в его походном шатре холодными ночами и покорно делили с ним ложе. Но ни одной весточки не было послано рыцарем своей законной супруге.

И однажды, встретив достойного противника, рыцарь потерпел первое и единственное поражение в своей жизни. Несмотря на свою личную храбрость и героизм — рыцарь яростно бился во главе передового отряда как лев, участь его войска была предрешена. Мужественный воин был вчистую разбит. Он потерял всю свою армию, некогда, самую боеспособную армию мира. Рыцарь положил на поле жестокой и бессмысленной брани всех — до последнего своего воина. Но, впервые победа досталась не ему.

Щит рыцаря с фамильным гербом знатного и гордого рода был разрублен надвое чудовищным по силе ударом грозного противника и остался лежать на поле боя как бесполезная вещица. Надежный шлем рыцаря, изготовленный искусным мастером кузнечного дела и украшенный ярким роскошным пером, с честью выдержал страшный удар вражеского копья, но был сорван с головы рыцаря и втоптан в грязно-кровавое месиво поля жестокой битвы.

Верный боевой конь вынес раненного рыцаря из самой гущи кровавого сражения, спасая жизнь своему хозяину. Последнее, что увидел в этом бою, теряющий сознание рыцарь было то, что священный для него лик герба древнего благородного рода славных предков, был презрительно втоптан в грязь вражеским предводителем. Последнее, что услышал поверженный рыцарь — был боевой клич ликующего врага. Врага-победителя!

Выполнив свой долг, обессиленный конь рухнул замертво,

придавленный бесформенной грудой пробитых доспехов.

Оставшись один, рыцарь долго сидел у трупа коня, обхватив свою голову израненными руками. Рядом с ним лежал на земле его верный меч со сломанным клинком. Лезвие меча было в крови по самую рукоять.

Руки рыцаря были по локоть в крови. Это была кровь многочисленных вражеских воинов лично повергнутых смелым рыцарем в жестокой битве. Тело рыцаря тоже было в крови. Это была кровь самого благородного рыцаря, которая сочилась из множества ран, неумолимо проступая сквозь дыры в изувеченных доспехах и пробитой броне.

На фоне звездного неба с полной Луной пролетела стая воронья, привлеченная запахом свежей крови и спешащая к месту недавней беспощадной сечи на знатное пиршество. В ночной тиши было слышно, как воют довольные шакалы, разрывающие бездыханную, но еще теплую плоть поверженных воинов. Рыцарь все это видел и слышал, но ни один мускул не дрогнул на его суровом лице.

С наступлением утра, облачившись в лохмотья пилигрима и опираясь на кривую клюку, рыцарь двинулся в обратный путь. Далеко стороной обходил грозный рыцарь те города, что еще совсем недавно разорил и разграбил, стыдясь ныне своей слабости и ничтожности. Завидев случайного путника на дороге, рыцарь укутывался в истрепанный плащ, скрывая свои боевые доспехи, а голову и лицо прятал под грязный капюшон.

Голодный рыцарь с почтительной благодарностью принимал милостыню, которую подавал многочисленный прохожий люд жалкому нищему. Спать рыцарю приходилось на скотных дворах, а все чаще — просто под открытым небом и нередко — под проливными дождями.

Рыцарь медленно пробирался к своему родовому замку, с большим трудом передвигая уставшие ноги и тяжело опираясь на деревянный посох, с приходом каждого нового дня, неизбежно осознавая всю иллюзорность славы и тленность величия.

Все ближе и ближе, с каждым шагом приближаясь к своему дому, рыцарь непроизвольно убыстрял темп движения, несмотря на хроническую усталость, постоянное недоедание и кровоточащие раны…

И вот уже вдалеке — на самом краю горизонта показался знакомый с раннего детства шпиль величественного замка с гербом грозного и воинственного рода славных предков знатного рыцаря.

Сердце рыцаря неожиданно забилось по-новому, непривычно для своего хозяина — гораздо чаще и сильнее, отчаянно стремясь

вырваться за пределы грудной клетки и железной брони… Так сердце рыцаря еще не билось никогда и нигде — ни во время азартной охоты на затравленного зверя, ни на хмельном пиршестве, ни в победоносном кровавом бою, ни в страстных объятьях обворожительной красавицы…

Сердце смертельно уставшего пилигрима билось трепетно — оно, то неслышно замирало и полностью остановившись, уже через мгновение изо всех сил рвалось на свободу, тщетно ища выход для неожиданно приятных, но совершенно необъяснимых чувств и удивительных эмоций, наполняя израненное тело рыцаря незнакомым ему ранее сладостным волнением…

И вот, гремя мятыми и поврежденными в бою доспехами, рыцарь неожиданно для самого себя перешел на бег и первое, что открылось взору утомленного путника… — была его отвергнутая молодая жена, которая все это время стояла на дороге почти нагая, прикрывая ослепительную красоту своего гармоничного тела только мятой простыней с брачного ложа!

Рыцарь тяжело рухнул перед ней на колени и, обняв своими израненными руками стройные ноги прекрасной девы, зарыдал.

Суровый воин плакал впервые в своей жизни. Его мятежную душу переполняла буря противоречивых эмоций — от жгучего стыда, до искренней радости.

В тот момент, когда еще только первые слезы жалкого пилигрима стекали по лицу, покрытому толстым слоем дорожной пыли, а его тело сотрясали неудержимые рыдания, рыцарь почувствовал, как на его смиренно склоненную голову легла изящная девичья рука…

Остаток своей жизни рыцарь положил на то, чтобы создать большую крепкую династию, в которой было много прекрасных детей, зачатых и взращенных в родительской любви и нежности, красавица жена и небольшое, но процветающее имение…

48. Мороз

Во попали, так попали! За окном казармы на градуснике целых -42 градуса по Цельсию! Пипец! Фантастика! Аж представить страшно! — 42, куда деваться?! И такая радость на Урале?! Как вспомню, до сих пор мурашки по спине бегают, причем, каждая, размером с приличного бегемота.

Слов не хватает, чтобы выразиться адекватно и в рамках разумного приличия! Остались одни эмоции и те, всё больше упаднические — на грани безысходной истерики … и с явновыраженным нецензурным уклоном!

У национальных кадров «а-ля-Кавказ, очень средняя и весьма южная Азия» случился непроизвольный, но весьма продолжительный ступор с неконтролируемо-паническим выпучиванием угольно-карих глаз.

Вечно смуглая кожа теплолюбивых ребят, которую не смогла отмыть суровая училищная баня с хозяйственным мылом и стандартной армейской мочалкой, похожей на пучок колючей проволоки, неумолимо побледнела и стала землисто-серой с явно синеватым оттенком, как у бройлерной курицы отечественного образца, самопроизвольно усопшей от глубокой старости. Еще совсем немного и наши кавказско-азиатские мачо начнут превращаться в блондинистых арийцев, причем абсолютно «истинных» и с нордическим характером. Сдвиги уже на лицо… и на лице.

С резким понижением температуры за бортом казармы и внутри ее, «горячий» темперамент наших «настоящих мужчин» заметно поостыл. А куда деваться, когда персональная тушка постепенно остывает, а нижняя челюсть начинает самопроизвольно (независимо от желания хозяина) отбивать отчаянные сигналы «SOS» по азбуке незабвенного Морзе! Громко так… и, что характерно — непрерывно!

А глаза?! Глаза?! Какие у них были глаза?! Глаза — это нечто! Огромные, выразительные, наивно-трогательные и жалостливые. Такого неприкрытого страха и абсолютной потерянности в темно карих глазах ребят с уютно-комфортного юга (генацвали and аксакалы), мы еще никогда не видели.

Всё, пиндец, для них — нац. кадров в смысле, никакой формы жизни, включая даже «неразумную и спонтанную», за пределами нашей казармы уже не существует.

Там космос, вакуум, бабай-кирдык-кальтен-жопа. Причем, слово «жопа», с заглавной буквы и с двумя «п» — Жоп-па!

Легендарный «3,14здец», просто банально отдыхает, там — Жоп-па! У-уууу!!!

Выставить представителей национальных меньшинств за дверь — верная смерть. И, наверное, даже — почти мгновенная?! Причем, даже не от самого небывалого мороза, а просто от элементарного шока и всепоглощающего ужаса. -42?! Жоп-па! Действительно страшно! Конец света!

Потом, между степенными затяжками душистого кальяна на «малой родине» можно будет всю оставшуюся жизнь, если выживешь, конечно, неторопливо и солидно рассказывать «глЮпому и зеленому» молодому поколению в тюбетейках, героические эпосы из своей армейской жизни о «шайтан-урал-земля», где живет невиданный и жестокий «лютый-капец-3,14здец-морозяка». Слушайте и удивляйтесь — был, видел, мерз как собака, но чудом выжил (хвала Аллаху), и заклинаю вас всеми святыми, в ту сторону, куда показывает единственная стрелка непонятных и странных часов (которые даже почему-то не тикают), под идиотским названием «компас», ездить нельзя! Там живет «холодная белая смерть»! УУуууу!!!

А говорят, где-то в Оймяконе (по дружному и единогласному мнению нац. кадров вообще проклятая небом земля) стоит памятная стела с табличкой и надписью в -67,7 по Цельсию (сподобилось такое счастье в 1933 году). Сам не видел ни стелу, ни табличку, ни того мороза, и, честно говоря, не горю желанием. Совсем! Никогда! Даже и не уговаривайте…

Абсолютно не желаю, не только лично засвидетельствовать данную температуру, но даже и слышать о ней не имею ни малейшего удовольствия. Упаси господи! Эту бы пережить без потерь обмороженных конечностей и половых органов… (не смейтесь, один придурок из соседней роты, на спор, решил пописать на улице, потом в медсанчасти отдыхал почти месяц — крайнюю плоть обморозил), а так же других пагубных последствий для персонального здоровья.

Все-таки «товариСТЧ» Гитлер был законченным кретином! Перед тем как идти воевать на землю русскую, ему надо было бы к товарищу Сталину за льготной путевочкой обратиться. И прокатиться в туристическую поездку до Дальнего Востока, через Урал-батюшку и Сибирь-матушку, на паровозике, неспешно так. И обязательно, зимой! С чувством, с толком, с расстановкой, чтобы самолично убедиться в неописуемой красоте земель русских и прочувствовать на себе любимом всю прелесть уральско-сибирского резко-континентального климата. А то, икалось ему долго, «бедненькому», не иначе. Особенно, когда «благодарные» солдаты вермахта и люфтваффе, отбывая стандартную трудовую

повинность на гостеприимной Урале и в не менее гостеприимной Сибири, в качестве военнопленных естественно, вспоминали «добрым сердечным» словом своего «мудрого и прозорливого» фюрера с его патологической мечтой о мировом господстве. Ладно бы начал с «американосами» на курортных Багамских островах воевать или высадился бы во Флориде или в Калифорнии, вопросов нет, а то поперся сразу в таежную Россию?! Придурок, одним словом! Эх, Адольф, Адольф — дубина немецкая, Бисмарка читать надо было, а не по пивнушкам шастать.

А тем временем, долбанный гидрометеоцентр все продолжает с каким-то издевательски-патологическим и жизнеутверждающе-убогим оптимизмом вещать о дальнейшем «кратковременном» понижении температуры на ближайшие сутки.

Причем, радостно так вещает — типа, идем на рекорд, дорогие жители сурового, но очень гостеприимного края! Такой уникально низкой температуры не было зафиксировано на Урале еще со времен первобытно-общинного строя! А сейчас, нате Вам, дорогие сограждане, получите и наслаждайтесь. Рекорд! Да, да, рекорд, можете и не сомневаться! Ура, товарищи! Ура!

Идиоты, нашли чему радоваться, когда этот самый «рекордный» мороз уже в нашу казарму пробрался и решил тут поселиться на постоянной основе, пока весной не выгонят. Если, конечно, она еще будет — весна в смысле. Что-то уже как-то и не особо верится в такое чудо. А если зима вообще не кончиться?! Вот это будет засада… Круглый год зима?! Представляете?! Это, когда каждый день -42! Да упаси господи!

А улыбчивый диктор по телевизору, всё знай себе радуется, и зубоскалит с раздражающим оптимизмом беспросветного дауна: «В ближайшие сутки, по уточненным данным авторитетных метеорологов, ожидается очередное понижение температуры! Ориентировочно, показание термометра может опуститься ниже отметки в -50 градусов по Цельсию!» Атас! Пипец! Помогите! Маааааааа-маааааааа!

Куда же еще ниже?! Куда еще опустится?! Я вас, спрашиваю! Ниже, уже конец шкалы термометра. Некуда дальше опускаться, некуда! Я точно говорю, сам проверял! За -30 градусов, нету больше на шкале ничего…нету, и дорисовать уже не успеем. Товарищи метеорологи, Вы что там, совсем йопнулись умишком с вашими прогнозами?! Поимейте совесть! Нам еще жить хочется! И что характерно — жить долго и счастливо, но не внутри холодильника с гигантской морозильной камерой! Сделайте одолжение, посмотрите еще разок повнимательней на градусник, а?! Снимки из космоса проананизируйте…., тьфу, то есть

проанализируйте получше, ну нельзя же так! Может, где потепление, какое-никакое проглядывается?! Ну, пожалуйста…

Откровенно говоря, очень похоже, что наш градусник за окном казармы уже совсем и окончательно замерз. Реально и конкретно превратился в ледышку с жалкой красной каплей спиртосодержащей жидкости на самом дне стеклянной колбочки. Кстати, сама капля давно уже была не красная, а какая-то бледно розовая! Тоже наверно остыла и безнадежно замерзла родимая?! Скоро посинеет, не иначе. Да и честно говоря, не видно что-то этого градусника за приличным куском намерзшего льда вперемешку с инеем. Даже можно и не стараться на оконное стекло дышать, все равно не отогреешь. Только с последним теплом своего организма бездарно расстанешься.

В помещении казармы и так уже всего +4 градуса жары осталось, все окна изнутри, покрылись толстенным слоем льда. Причем толщиной в палец, не меньше. И это несмотря, что перед входной дверью в роту повесили одеяло, на манер «тепловой завесы». Все щели в окнах были повторно и тщательно проконопачены и загерметизированы. Курсанты провели данную процедуру, с хаотичной поспешностью каким-то остервенелым отчаянием. Но, все тщетно. Товарищ «Мороз» уже прописался внутри казармы на постоянной основе, хрен выгонишь.

Батареи в помещении роты были еле-еле теплые, можно было и не пытаться их щупать, из-за 100 % риска примерзнуть или обморозиться. Складывалось такое впечатление, что горячая вода из училищной котельной не успевала добежать до ближайшего здания, как уже остывала в трубах, возлежащих в промерзшей насквозь земле. В наши замерзшие головы лезли дурные мысли, что остыла вся планета Земля! Целиком! Повсеместно! Вот ужас то, а?!

Почистить зубы или банально умыться — считалось подвигом. Повторить судьбу генерала Карбышева никому не хотелось, ибо вода из крана текла не просто холодная, а супермегагипер ледяная. Она походила на некую густую субстанцию с пограничными физическими свойствами. От любого контакта с такой водой, кожу рук и лица мгновенно обжигало нестерпимым холодом. А при малейшей попытке прополоскать рот, чтобы почистить зубы, их — в смысле, зубы начинало ломить вплоть до корней. Мде…

Тут уже не до личной гигиены и санитарии, из двух зол надо выбирать меньшее. Будем надеяться, что всякая хренотень, типа вшей, чесотки, бактерий, микробов и прочей мерзости — достаточно теплолюбивая дрянь, и поэтому уже давно и благополучно вымерла от таких скотских условий.

Нет, ну что за «блядство»?! Что за климат, я вас спрашиваю?! Как в таких условиях можно жить или просто и тупо, банально выживать?! Ась?! От проклятого и всепроникающего холода ведь никуда не спрячешься. Он везде и повсюду! Холод был не только внутри помещений, но фактически и внутри каждого из нас. Мы планомерно остывали, кровь уже практически не согревала наши безнадежно закоченевшие тушки.

А, укутанный в кучу шарфов и свитеров, диктор по телеку, знай себе, вещает про морозную погоду с радостной ухмылкой клинического олигофрена. Причем, уже почти без перерыва вещает. Итак!

Детям в школу однозначно не ходить, взрослым дядям и тетям — на работу, в принципе, как бы и надо …, но если не очень далеко… — по самочувствию, так сказать, не в ущерб персональному здоровью. Короче, по личному усмотрению, дорогие товарищи, как вам подскажет ваша социалистическая совесть… (мне бы точно подсказала — оденься потеплее и сиди дома безвылазно до самой весны, периодически посасывая водку с медом)

А нам — курсантам 45-го классного отделения, завтра во внутренний караул заступать, причем, без вариантов. Внутреннюю службу никто не отменял, поэтому никакие отговорки не принимаются и не рассматриваются.

Аномальная погода и трахнувшийся умом мороз-извращенец, потерявший последние остатки совести, побоку, причем абсолютно. Боеготовность — это, понимаешь, боеготовность! Независимо от температуры забортного воздуха. Куда деваться?! Пиндец, приехали мальчики, перемерзнем же все поголовно, к бабке не ходи.

Капитан Нахрен экстренно построил нашу 4-ю роту на «взлетке» в центральном коридоре казармы. Курсанты встали в строй в шинелях, пока еще без шапок на голове, но уже засунув руки в карманы. Володя Нахрен тоже был в шинелке, причем основательно застегнутой на все пуговицы и с поднятым воротником. Когда он заговорил, от его губ отделилось облачко теплого воздуха — почти пар.

— Товарищи курсанты, командование училища проявляя постоянную и своевременную отеческую заботу о личном составе, то есть о вас, господа юнкера-кадеты, приняло решение, разрешить вам поддевать под военную форму одежды все «вшивники» и прочую хрень из «гражданки», что у вас запрятана для самовольных отлучек. («вшивник» — предмет гражданской одежды, типа майка, шерстяной свитерок, футболка, вязаные носки, спортивный костюм… короче, любая неуставная форма

одежды) А также, в дополнение к спальным принадлежностям, всем курсантам надлежит срочно получить второй матрас и использовать его вместо одеяла, а то окочуритесь на хрен, не дай бог. Все учебные занятия, кроме строевой и физ. подготовки будут проводиться строго по плану и в соответствии с утвержденным расписанием, но в учебных аудиториях можно сидеть в шинелях. Как только потеплеет хотя бы до — 30, все послабления автоматически отменяются. Понятно?! До всех дошло?! А то будете потом блеять, что не слышали, не поняли, не вьехали…

— Ага, понятно! Только сейчас по радио и по «телепиздеру» передали, что завтра мороз, вообще, окончательно офигеет и типа, берет на себя «повышенные социалистические обязательства» разменять минус полста градусов. Причем легко и со свистом! А нам — 45-му классному отделению, как бы это… в караул заступать…надо…?! Это ничего?!

— Да знаю я, слышал этот ублюдочный прогноз. Совсем «метео» охренело, дибилоиды мудоковатые, не могут что-нибудь потеплее намастрячить и спрогнозировать. Сплошные коновалы в гидрометеоцентре работают, совсем распоясались. Некому в бубен постучать, что ли?! Поворожить над картой, в жертву чего-нибудь или кого-нибудь принести, небеса задобрить?! За что только деньги получают?! Непонятно! Так! Слушай сюда, я все продумал и о вас позаботился. Цените, господа мундеркинды, своего отца-командира! Только не все сразу и давайте без слюнявых поцелуев. Итак, всем заступающим в караул, надлежит немедленно получить в каптерке роты вторые портянки и валенки. Старшина! У тебя где-то завалялось несколько шинелей 56-го размера?! Выдай их личному составу караулу, пусть по две шинели на себя натянут, кому налезет естественно, а сверху еще постовой тулуп, может, поможет ближайшие сутки пережить. Также, обязательно, в караул взять лицевые полотенца. Всем! Будете их вокруг «морды лица» наматывать, чтобы щеки и нос не поморозить. Далее, морозонеустойчивых нац. кадров по возможности расписать на посты внутри помещений — Первый пост (знамя в штабе), 4-й пост — училищная гауптвахта. У тех Золушек, у кого размер ноги немыслимо огромный и валенок на его грациозную и соблазнительную во всех отношениях ножку банально не налезет, приказываю назначить разводящими, пусть бегают каждый час — посты меняют, все замерзнуть не успеют. (по Уставу гарнизонной и караульной службы, при понижении температуры ниже -30, посты меняются каждый час, а не через два часа, как при нормальном режиме) Ну, а некоторым сержантам славянской наружности, придется заступить обычными

часовыми, а куда деваться?! Нац. кадров надо беречь. Всё, все свободны! Вечерней поверки не будет! Надеюсь в такую погоду ни один сексуальноозабоченный «Казанова» в самоволку не побежит?! Себе дороже! Рота, отбой!

Все-таки, сделав над собой нечеловеческое усилия и превозмогая чувство брезгливости и инстинкт самосохранения, ребята почистили зубы ледяной водой, до противной ломоты в глубине десен и челюстных костях.

Затем, вместо того, чтобы раздеться и лечь «баиньки», все парни повытаскивали из своих чемоданов и тайников всю «гражданскую одежду», какая была старательно заныкана и хранилась «пуще глаза».

Короче, все курсанты напялили на себя любое годное к маломальской носке домашнее тряпье, на манер немчуры, плененной под Сталинградом. Старательно укрывшись вторым матрасом сверху одеяла, мы попытались совладать с противным ознобом, мелкой трясучкой, непроизвольным клацаньем зубов и хоть как-то согреться.

Было отчетливо слышно, как дневальный по роте, вместо того, чтобы стоять на тумбочке «как привязанный», всю ночь тупо шарахался по коридору, нарезая километры, и активно играя при этом в «два притопа, три прихлопа»…

Наступившее утро гарантировано «порадовало» нас очередным «планово-предсказанным» понижением температуры до -45 градусов. Полный восторг, местами переходящий в отчаянную безысходность, панику и животный ужас!

На утро, желающих умыться и почистить персональные зубки, оказалось значительно меньше, чем вечером. Оно и понятно, вода из крана, уже фактически не вытекала, а грациозно тянулась, а на зубах «весело» похрустывали мелкие кристаллики льда.

Выходить из казармы совсем не хотелось, даже для того, чтобы пойти позавтракать. Тем не менее, максимально плотно натянув шапки на «тыковки» и завязав ушные клапана у подбородка, а, также подняв воротники шинелей, 4-я рота осторожно и нехотя выползла на улицу.

А на улице, красота неимоверная! Небо чистейше голубое, ни облачка. Вся влага в воздухе давно вымерзла. Видимость «миллион на миллион», почти звезды видно! Невесомый снег задорно хрустит под ногами и все бы ничего, но настырный морозец как-то сразу по-хозяйски полез под полы курсантских шинелей и начал страстно лизать ноги и кусать колени. Сапоги почти мгновенно «задубели» и фактически перестали гнуться. Всепроникающий холод, противной волной, пробежался по спине, повсеместно обжег кожу и начал неумолимо пробираться

вовнутрь планомерно остывающего тела. Курсанты мгновенно замерзли и начали хаотично хлопать себя по бокам, пританцовывая на месте. Особенно усердствовали «товарищи с юга», их незамысловатые движения напоминали «пляску святого Витта» или брейк-данс сломанного робота, получившего приличный разряд молнии.

Старшина роты, видя, что рискует потерять личный состав, причем весь и сразу, дал команду: «Рота, бегом марш!»

Пробежавшись от казармы до столовой, и хватанув в свои легкие приличную порцию колючего морозного воздуха, многие парни сразу надрывно закашлялись, но хотя бы не замерзли на полдороги и то ладно!

Без энтузиазма, вяло поковырявшись в заиндевевшей пище и запив все это «мороженое» откровенно холодным чаем, мы опять же шустро разбежались на учебные занятия, которые прошли в режиме пассивных лекций, так как все шариковые ручки безнадежно замерзли — паста наотрез отказывалась перемещаться из стержня на лист бумаги, несмотря на все титанические усилия по разогреву самой ручки методом интенсивного трения между руками и усиленным обдувом относительно теплым воздухом, извлекаемым из самой глубины персональных легких.

Чернильные ручки вели себя также не очень стабильно и не совсем адекватно, хотя, откровенно говоря, были на голову выше шариковых. Что ни говори, а чернильная ручка — это классика жанра! Шедевр научно-технической мысли, особенно, поршневая! Но, держать чернильную ручку в безнадежно замерзших руках со скрюченными пальцами, на которые натянуты трехпалые армейские рукавицы — не совсем удобно, поверьте на слово. Почерк почему-то портится и скорость письма резко падает. Потом, ни один «дешифровщик» в этих каракулях не разобрался, поверьте на слово.

Пообедав безнадежно замерзшим супом с неизменным и традиционным комбижиром, застывшим вдоль окантовки тарелки в виде противной коричневой пленки «а-ля-солидол» и, попытавшись тщетно погрызть кусок заледеневшей геркулесовой каши, ребята дружно потянулись к выходу из столовой, так как пить компот с плавающими кусочками льда в стакане, почему-то совсем не захотелось.

Быстро выскочив на улицу, курсанты, максимально оттопырив руки в разные стороны на манер крыльев у самолета, побежали в роту, принимая вид «приблизительного» строя, уже практически на бегу.

…растопырили руки в стороны, потому что малейшее

прикосновение, промерзшего насквозь обмундирования к пока еще относительно теплой коже персональной «тушки» вызывало очень неприятные ощущения. Очень!

Вот так, напоминая стадо галопирующих на взлете пингвинов, мы ввалились в родную казарму, где «комнатный» термометр похоже тоже бессовестно замерз на отметке +4 градуса, так как откровенно говоря, его достаточно оптимистичные показания уже не вызывали ни малейшего доверия.

Получив автоматы и боеприпасы, 45-е отделение, с чувством безысходной апатии, «как бычки на заклание» потащилось на развод суточного наряда, который пролетел буквально за 5-ть секунд — закончился, не успев начаться (дежурному офицеру было не до политеса, по причине катастрофически замерзания оного — офицера, в смысле), и мы побежали принимать караул.

В помещении караулки, было на удивление, комфортно и относительно жарко. Термометр, висящий в помещении отдыхающей смены, позиционировал наличие целых +16 градусов! Обалдеть, вот оно счастье! Жара! Тропики, одним словом! Ура, живем! Хоть отогреемся, наконец!

Попытка развести первую смену по постам получилась очень быстрой, почти стремительной, так как о качественной приемо-сдаче постов не было и речи. Длительно это…когда качественно и скрупулезно, а помереть молодым, проверяя наличие и целостность мастичных печатей на дверях оружейных складов, как-то не особо и хотелось. Поймите правильно и не судите строго. Будьте снисходительны, у нас есть оправдание — лютый мороз!

При смене часовых, самое сложное было — открыть замки внешнего периметра поста, чтобы сменить ребят. Амбарные замки позамерзали «вусмерть». Приходилось брать с собой кусок газеты, спички и жарить замок в открытом пламени, пока абсолютно промерзший насквозь часовой танцевал задорную «джигу с чечеткой» и всячески подгонял нас, отборно матерясь за колючей проволокой, грозя перестрелять всех и каждого за малейшее промедление.

Открыв калитку поста, я как разводящий брал в руки два автомата — заступающего и сменяющегося, а парни в это время быстро менялись на посту. Как это выглядело?!

Часовой, отстоявший свой положенный час, молниеносно сбрасывал меховой тулуп, а курсант, заступающий на пост, быстро нырял в длиннющую дубленку армейского образца. Затем, сменившийся часовой забирал у меня свой автомат и автомат заступившего часового, а я вытаскивал из грудной части своей

шинели вафельное полотенце, согретое моим телом, и вставлял его за клапана шапки часового, закрывая его лицо наподобие маски от подбородка по самые глаза. Потом, поднимал огромный ворот постового тулупа и чтобы он остался в вертикальном положении, брал кусок колючей проволоки, накидывал его вместо шарфика на шею часового и одним витком «колючки» фиксировал данную конструкцию.

Стоит особо отметить, что на таком морозе, теплый воздух, выходящий на выдохе через нос или рот человека, сразу же осаждается на ресницах, покрывая их толстым и пушистым слоем белого инея. Длина ресниц у курсантов становилась обалденно-гламурная, любая девчонка душу дьяволу продаст за такую красоту. Правда, моргать глазами было категорически противопоказано, так как заиндевевшие ресницы мгновенно слипались. А полотенце, намотанное на лицо, буквально через полчаса прогулки на свежем воздухе, покрывалось приличной ледяной коркой.

Последним штрихом в процедуре смены ребят было следующее — я брал автомат заступившего за пост курсанта и вешал его, на шею часовому на манер немецкого «шмайсера», мысленно моля Бога, чтобы парень не запутался в длинных полах тулупа и не грохнулся в сугроб, потеряв равновесие. Ибо, самостоятельно подняться без посторонней помощи, боец одетый, как капуста в многослойное обмундирование, уже не смог бы. Так и пришлось бы бедолаге лежать в сугробе, распластавшись плашмя, пока очередная смена не прибежит меняться на посту.

Затем, опять следовали традиционные огненные процедуры с уже успевшим основательно замерзнуть амбарным замком и, оставив часового один на один с безжалостным морозом, мы, стремглав бежали в караульное помещение в смутной надежде хоть чуть-чуть отогреться за стаканом чая в стенах относительно теплого помещения.

Добежали… Звонок в калитку периметра караульного помещения. К нам выбегает курсант с газетой и спичками, опять огненные процедуры с замком и, наконец, мы внутри караульного дворика. Вот она металлическая дверь с маленьким окошком, дверь, за которой есть горячий чай и целых +16 градусов остродефицитной жары! Вот она, но перед тем как зайти вовнутрь «караулки», сначала надо разрядить оружие…

А тут опять закавыка. Автомат сменившегося часового, за минувший час «приятной» прогулки на свежем воздухе, промерз насквозь и стал «белым и пушистым» в прямом смысле этого слова (АК-74 покрылся слоем пушистого ослепительно белого инея, похожего на меховой ворс).

В результате, «Калашников» отказался разряжаться. Оружейное масло, находящееся внутри автомата, образцово замерзло и надежно «склеило» все внутренности оружия в единый монолит. Супернадежный «калашик» превратился в бесполезную металлическую палку. Он просто-напросто не захотел сниматься с предохранителя. Пришлось тупо отстегнуть магазины с патронами и забежать в караульное помещение, спасая остатки своего здоровья и саму жизнь. А когда, АК-74, наконец, соизволил оттаять и покрылся обильной влажной «испариной», только тогда мы смогли снять его с предохранителя, передернули затвор и произвели контрольный спуск. Обалдеть! Тихий восторг! И такая «ерунда» повторялась целые сутки, с периодичность в каждый час, при возвращении ребят с охраны постов.

Получается, часовые стояли на своих постах фактически с бесполезной железякой, так как, на наше искреннее удивление и поголовное недоумение, хваленый автомат Калашникова был просто неспособен переводиться в боевое положение. Объявил перманентную забастовку, тихо протестуя против «нечеловеческих» условий службы.

Одна надежда, что в такой «немыслимый» мороз ни одна вражеская скотина, свой супостатский нос на улицу не высунет. Вопросов нет, в армии существует специальная смазка для условий Крайнего Севера и Заполярного круга, но нам она не выдавалась, по причине того, что Урал, как бы не подходит ни под определение Крайнего Севера, ни тем более — под Заполярье. И такого знатного морозяки, история Урала еще не помнит.

Пробегав «как заведенные» целые сутки по постам и буквально чудом выжив в таких мерзопакостных условиях, мы, абсолютно замученные и промерзшие фактически до самого костного мозга, и обалдевшие от неописуемой радости, с поросячьим восторгом сдали караул следующим «счастливчикам» и, наконец-то, вернулись в лоно родной казармы.

В роте, ребята быстро скинули «бесполезное» оружие и патроны в оружейку и, проходя мимо телевизора, услышали, как вечно счастливый диктор с нескрываемым восторгом и стандартной улыбкой законченного идиота проблеял о «документально» зафиксированном рекорде в «ЦЕЛЫХ» -52 градуса, которые сподобились «порадовать» нас минувшей ночью. Ночью, когда мы стояли во внутреннем карауле. Лучше бы мы этого не слышали! И не знали! И не ведали! — 52!!! Шок! Какой на хрен рекорд?! Это уже не рекорд, а полный «аллес-3,14здец-кальтен-капут»!!! Но, несмотря на все это, мы все-таки выжили! Аллилуйя!

Выдавив из себя все возможное и невозможное, а также

потрясся нашу неокрепшую психику до самого основания, товарищ мороз, вернее — господин Великий Мороз, наконец-то, выдохся и пошел на попятную.

Сейчас температура воздуха повысилась уже до -37! (всего то?! тьфу, фигня полнейшая, даже несерьезно как-то) А завтра уже ожидается -31 и дальше, будет только потепление.

Ну вот, опять повезло, причем именно нам — проторчать во внутреннем карауле в самый кошмар. Мде…, а помнится на занятиях по «философии», кто-то говорил о какой-то вселенской справедливости и всеобщей гармонии?! Что-то не верится…

Но, что стоит особо отметить — все наши нац. кадры благополучно выжили и даже совсем почти не обморозились. Так, почихали для приличия недельки две-три, кое-кто небольшим воспалением легких переболел, кто — односторонним, кто — двухсторонним. Некоторые в окружном госпитале повалялись под капельницей но, тем не менее, выжили все! И это радует…

49. Кавказская пленница

Культурная жизнь в военном училище не блистала насыщенностью и разнообразием. Главным и единственным официально разрешенным развлечением был просмотр информационных телевизионных передач, но в строгом соответствии с планом воспитательной работы.

Как уже ранее отмечалось, телевизионные программы в военном училище просматриваются исключительно в определенное распорядком дня время и обязательно, полным составом роты. Отсутствие курсанта на процедуре просмотра программы «Время» приравнивалось к самовольной отлучке. Уважительных причин для увиливания от данного увлекательного процесса культурного роста не существовало. К этому виду развлечения отношение было очень серьезное. Проводилось оно организованно, строго по определенному сценарию, по заранее разработанной системе и многократно отработанному на практике алгоритму. В основе практикуемой системы лежала теория, основанная на принципах справедливости, равенства и братства.

Ровно в 21.00. личный состав подразделения — все 144 человека, размещался перед телевизором, причем исключительно строем. Не удивляйтесь, именно строем. Не верите?! Попробую объяснить.

В 20.55. вечера, дежурным ответственным офицером или старшиной роты, подается команда.

— Рота! Для просмотра информационной программы «Время», приготовиться!

Все курсанты организованно бегут в спальное помещение и, захватив свою персональную табуретку с порядковым номером на сиденье, который поразительным образом совпадает с номером на кровати и номером прикроватной тумбочки, а так же — с номером на личных тапочках, выходят в центральный коридор казармы. Для примера, мой официально любимый номер был — 138.

Один из концов бесконечного центрального коридора, именуемого «взлеткой», упирался в тумбочку дневального и в перпендикулярный мини-коридорчик, ведущий к выходу из казармы, а вторым концом — в дверь, за которой расположен туалет.

Второй конец «взлетки» упирался в аналогичный перпендикулярный коридор, ведущий во второй туалет (тот,

который был в бесконечном процессе перманентного ремонта, после экспериментов Нахрена со взрывчатыми веществами — отдельная история), и к запасному выходу, который обычно закрыт на замок. Если посмотреть сверху, то система коридоров роты, в проекции, образует растянутую по середине, букву «Н». Так вот, во втором коридорчике, кроме туалета, еще находилась канцелярия командира роты — Володи Нахрена и кабинет командиров взводов — лейтенанта Зайчика и еще двух моральных недоразумений с лейтенантскими погонами, но о них позже.

Попробуйте представить следующее. На границе сочленения главного коридора со вторым мини-коридорчиком, висит телевизор, именно висит. Но это был не суперплоский плазменный телевизор, модно висящий на стене (их тогда, вообще, и в проекте не было), а достойный благоговейного почтения ламповый ящик, с диагональю 61 см, который после включения в сеть, полчаса медленно разогревался, перед тем как выдать на экран какое-либо жалкое подобие изображения.

Своим весом и габаритами данное произведение инженерно-технического прогресса могло поспорить с параметрами небольшого упитанного бегемота. Тем не менее, телевизор был цветным, что уже радовало. В качестве пульта дистанционного управления использовался черенок от лопаты, один конец которого был аккуратно заточен до толщины среднестатистического указательного пальца. И напоминал кий для бильярда. Эта рационализаторская доработка использовалась для удобства управления кнопками и всевозможными регуляторами, задранного под потолок, телевизора.

Дабы, это замечательное великолепие висело и не падало на головы вечно шныряющих в туалет и обратно жителей казармы, была сварена металлическая платформа, которая на внушительных цепях через огромные крючья, крепилась к потолочной арке. Прямо как «гроб хрустальный» из стихотворения Пушкина о вечно непроспавшейся царевне и ее семи вооруженных воздыхателях крепкого телосложения.

Цепи, державшие платформу гроба, тесть, прошу прощения — телевизора, были привезены из речного порта, где вероятно, служили в качестве привязи для какого-нибудь, не очень большого, корабля. Группа курсантов, временно переданная в речной порт для оказания посильной физической помощи грузчикам речного пароходства, посчитала возможным, в качестве оплаты за непосильный труд, прихватить в училище «абсолютно никому не нужную» цепочку, которая мгновенно разошлась по братским соседним подразделениям.

Соединившись воедино, платформа и цепи, смотрелись очень гармонично, солидно и даже — грандиозно. Точно такими же платформами для телевизионных приемников обзавелись все казармы в училище. Потому как, главное требование воинских Уставов — даже в безобразии должно быть единообразие! Все и у всех в армии должно быть строго одинаково. На том армия стоит, и стоять будет. Унификация!

Осмелюсь напомнить, что казарму построили плененные под Сталинградом немцы, которые отбывали трудовую повинность на Урале, компенсируя своим ударным трудом, малую толику, произведенных в СССР разрушений. В ностальгической тоске по далекой родине, фашистская немчура создала архитектурный шедевр в виде нашей казармы, с колоннами и арками в стиле тевтонских замков. Монументальная красота вызывала благоговейный восторг, хоть экскурсии проводи или снимай кино о зверствах средневековой инквизиции. Подходящий антураж и для первого и для второго.

Так вот, получив команду: «Рассаживаться». Не «Присаживаться», а исключительно — «Рассаживаться», наша рота, в соответствии с утвержденным порядком, начинала рассаживаться в колонны. Число колон строго соответствовало количеству учебных отделений в роте. Объясню, на примере. У нас в роте было 5-ть классных отделений — значит, и колон в сидячем строю было тоже 5-ть. У каждого военнослужащего было строго определенное место, закрепленное только за ним, любезным. Меняться местами — запрещено! Порядок и дисциплина, однако!

Первыми у телевизора садились сержанты — заместители командиров взводов. За ними присаживались сержанты помладше — командиры отделений, а следом, уже прочая курсантская шелупонь, но в порядке прямо противоположном своему росту. Тоесть, ближними, к телевизору оказывались низкорослые курсанты, за ними сидели ребята среднего роста, а великаны и крепыши — на галерке. Острота зрения зрителей при этом, отчего-то не учитывалась. Наверное, предполагалось, что у будущих офицеров Красной армии зрение должно быть строго «единица» — 100 % и в процессе обучения, его параметры остаются неизменными.

Учитывая, что после обязательной медкомиссии на вступительных экзаменах в училище, медики сразу забыли о нашем существовании, то о неизменности состояния здоровья курсантов можно бы поспорить, но это уже лирика. При разработке системы культурного воспитания подрастающих офицеров, за систему отсчета бралось условие, что все курсанты

имеют исключительно орлиную зоркость.

Такое гениальное распределение курсантов по иерархии и ранжиру — по росту, весу и по жиру, по мнению командования, давало возможность сержантам всегда занимать привилегированное положение — непосредственно у телеэкрана и гарантированно любоваться цветным изображением сомнительного качества.

Для рядового курсантского состава, тоже соблюдался принцип справедливости. Высокие ребята сидели позади коротышек и не загораживали голубой экран своими мощными спинами менее рослым товарищам. Идиллия и гармония, справедливость и равенство. Генеральный секретарь ООН может спать спокойно. Права человека на свободный доступ к информации соблюдены и повсеместно реализованы.

Так как, я был высоким курсантом, то обычно сидел почти в километровой удаленности от источника культуры. Мне определенно не везло, я никогда ничего не видел и не слышал и объективно оставался за пределами политической жизни страны. Используя свою полную политическую неграмотность, необразованность и культурную убогость я, упираясь носом в широкую спину Лелика, благополучно подремывал лишние 30–45 минут в день. И на том спасибо.

Программа «Время» в свою очередь, культурой и разнообразием информации тоже не блистала. То очередной съезд, то внеочередной пленум, то всеобщее ускорение, то перестройка, то награждение очередной медалькой очередного борца за мир во всем мире и т. д. и т. п., но ее обязательный просмотр был санкционирован начальником училища и строго закреплен в распорядке дня.

Замполит училища, тонко улавливающий все незначительные изменения и глобальные шараханья в извилистом курсе партии, беспокоясь об уровне нашей грамотности и политкорректности, а так же — целостности своей персональной задницы, мгновенно среагировал на «горбачевскую» перестройку и настоял на координальном увеличении объема просматриваемых телепередач. Это, аж на целых 15 минут. В Распорядке дня, незамедлительно появилась запись о продлении срока пребывания телевизора в активном состоянии — появилась долгожданная архиважная и архинужная программа «Прожектор перестройки».

В принципе — те же яйца что программа «Время», только вид сбоку, такая же мутотень, только еще более тоскливая и безысходная. В результате, суммарное время, моего незапланированного и преступного с точки зрения Общевоинских

Уставов, сна увеличилось в среднем до 45–50 минут в день. Вот оно счастье! Спасибо генеральному секретарю Горбачеву за перестройку. Ее позитивные плоды я ощутил непосредственно на себе.

Вот, собственно, и все! Наверное, ограничивая время просмотра телеприемника, руководство училища искренне беспокоилось о сохранении нашего здоровья. Говорят, что при длительном просмотре телепрограмм, ухудшается зрение и в организме накапливается радиация, излучаемая некачественным кинескопом допотопного телевизора отечественного производства. Ну что же, мы — ребята наивные, все поняли как надо, на веру. Нас вообще легко обмануть и соблазнить, особенно — соблазнить. А вообще, что ни говори, а культурная жизнь курсанта, обилием событий и разнообразием не блещет. Это точно. Факт.

Но нас, пока, все устраивало. В училище жизнь идет по принципу — лишь бы, не стало хуже. Позиция отцов-командиров по данному вопросу была прямолинейна и откровенна. «Вас сюда учиться набрали, а не «тИлИвизЕр» смотреть. Учиться науке побеждать, а не по театрам и музеям толкаться, книжки всякие читать, «билиби… либитристику», тьфу, язык поломаешь, и ногами в мазурках и вальсах всяких дрыгать. Устав, плац и матчасть — вот курсантская стезя, а культурку в увольнении в город почерпнуть можно или потом, когда уже офицерами послужите в гарнизонах типа — Оловянное болото, Комариное стойбище или Червонодышло. Вот там, в музеи и походите, в свободное от службы время. Естественно! Ишь, распустились! Может, вас еще в театр отвести?! Кто сказал — не помешает?! Шаг вперед! Ага, мундеркинд недоношенный, возмутитель спокойствия и злостный нарушитель воинской дисциплины! Рота, смирно! Слушай состав суточного наряда…!!!»

Информационный голод обычно длился по полгода, от отпуска до отпуска. Иногда, в увольнении, заглядывали в кинотеатр, тайно читали книги — ночью в наряде на тумбочке дневального. Короче, просвещались, как могли. Но иногда случались и неплановые приятные сюрпризы.

Однажды в пятницу, ротный папа — Володя Нахрен, отпросившись у Пиночета, слинял со службы пораньше (дела семейные — святое), оставив за себя лейтенанта Зайчика. Тот, не мудрствуя лукаво, рассадил роту на очередной супер важный просмотр новейшего выпуска программы «Время» и супер-пупер-мега-гипер-архиважного выпуска «Прожектора перестройки», а сам удалился в канцелярию, помурлыкать по телефону со своей молоденькой женой. Тоже дело нужное, все понимаем и местами

даже завидуем, вопросов нет. Но, занявшись сексом по телефону, лейтенант Зайчик пропустил момент окончания программы «Прожектор перестройки». Заболтался и забыл.

Личный состав роты, привыкший все делать строго по команде, не дождавшись от любимого командира распоряжения: «Выключить телевизор и приготовиться к вечерней поверке», продолжал тупо сидеть у экрана.

А, в ту пятницу, после тоскливой и отвратной до рвоты передачи, про какую-то тлеющую лучину для какой-то очередной перестройки, к всеобщему восторгу курсантов, стали показывать кинокомедию «Кавказская пленница» величайшего мастера Леонида Гайдая. Обалдевшая от такого неожиданного счастья, рота благоразумно осталась у телеэкрана, наслаждаясь веселыми приключениями любимых героев.

Зайчик в это время, наверное, в 297 раз целовал в ушко свою горячо любимую мадаму, по телефону естественно. Его крольчиха, на том конце провода таяла от нежности и вожделения. Сеанс секса на расстоянии был в полном разгаре, Зайчик в порыве страсти забыл обо всем, включая про толпу курсантов численность в 144-ре бойца. Когда дневальный по роте осторожно заглянул в приоткрытую дверь канцелярии, то увидел, как увлеченный и взъерошенный лейтенант одной рукой вдавливал в свое вспотевшее ухо покрасневшую от стыда и жарких слов трубку телефона, а второй рукой что-то азартно теребил в кармане галифе. Дневальный благоразумно не стал тревожить дежурного офицера и на цыпочках вернулся к тусклому экрану телевизора. Мы, чай тоже не звери, все понимаем.

В принципе, происходящее в канцелярии нас полностью устраивало. Всем было глубоко наплевать и на Зайчика и на его любовные переживания. Стараясь не сорвать эротический настрой нашего надзирателя, ребята смеялись в полголоса, почти шепотом, по партизански, в особо смешных моментах кинофильма затыкая подручными средствами, от полотенца до пилотки, рот себе и своему товарищу.

В одном из эпизодов фильма, где красавица Нина выставляет за дверь испачканного сластолюбца товарища Саахова с гвоздиками на ушах, толпа не смогла совладать со своими эмоциями и дружно заржала. Лейтенант Зайчик, услышав дружный гогот, оторвался от телефона, взглянул на часы и ужаснулся. Время вечерней поверки давно прошло, а личный состав роты должен был досматривать третью серию снов.

Выскочив из канцелярии, Зайчик обнаружил весь личный состав роты, дружно сидящим перед телевизором. Лейтенант

сделал грозный вид и вытащил руку из кармана галифе. Затем пультом ДУ — дистанционного управления, переоборудованным из черенка лопаты, выключил телевизор и произнес следующее.

- Вечерней поверки не будет, всем умываться и спать. Я сейчас быстренько завершу очень важный служебный телефонный разговор и проверю. Через 5-ть минут выхожу из канцелярии и удивляюсь, потому что все лежат в своих кроватях и сладко спят. Все, время пошло. Иначе, будем играть в три скрипа!

«Три скрипа» — стандартная тупая игра дежурного офицера. Это, когда после команды: «Отбой», рота падает в свои койки и замирает, а дежурный обалдуй с офицерскими погонами вальяжно ходит по спальному помещению и считает скрипы кроватных пружин курсантов.

Для того чтобы сменить не очень удобную позу в, провисших от времени почти до самого пола, кроватях, ребята пытаются аккуратно лечь на бок, на спину или еще как кому нужно. Все зависит от степени износа пружинной сетки на кровати. В результате чего в ночной тишине раздается скрип изношенных пружин. Эти самые скрипы и считает изнывающий от безделья офицерик. Три «скрипа» и он подает команду: «Подъем» Рота мгновенно вскакивает и сломя голову бежит строиться в центральном коридоре — на «взлетке». Далее следует весьма продолжительная лекция о роли воинской дисциплине в системе вооруженных сил Варшавского договора в целом, по длительности и содержанию зависящая от личной убогости и персонального словарного запаса дежурного офицера.

Команда: «Отбой», все курсанты бегут в спальное помещение и прыгают в свои койки и замирают. И так можно играть всю ночь. Ибо скрипящие пружины — такая же постоянная составляющая казарменной жизни, как масса электрона или свет солнца. Обычно данная игра длится достаточно долго. Пока не надоест дежурному офицеру, этакому казарменному хамло-затейнику, комментирующему наши хаотичные полеты туда и обратно, и оправдывающему свои ублюдочно-унизительные действия исключительно заботой о нас же — с целью воспитания у курсантов пунктуальности, исполнительности и ответственности. И ни как иначе.

Итак, Зайчик побежал в канцелярию, домурлыкивать по телефону страстные обещания скоро прилететь на крыльях любви, а мы, нехотя стали отрывать свои тушки от табуреток, выполняя распоряжение лейтенанта.

Все приуныли, очень хотелось досмотреть веселый фильм. Расходиться никто не хотел, курсантские руки отчаянно тянулись к пульту дистанционного управления, чтобы продолжить

несанкционированный просмотр любимой кинокомедии.

План действий созрел неожиданно, самопроизвольно и спонтанно. Двое ребят, один из которых был сержант, взяли в спортивном уголке гриф от штанги и, уперев его в противоположную стену узкого коридора, подклинили металлическую дверь канцелярии. Зайчик оказался в ловушке.

Одновременно с этим, телевизор был включен, а освещение в казарме выключено. Наряд по роте оставил только дежурное освещение. С улицы, расположение 4-й роты выглядело, как и все соседние — благочестиво и умиротворенно. Курсанты быстренько расселись прямо на полу, заворожено уставившись в экран телевизора.

Тем временем, Зайчик, осознав, что он в западне, принялся ломиться в закрытую дверь. Дверь в канцелярии Нахрена была добротная и массивная, поэтому, у лейтенанта Зайчика не было никаких шансов на освобождение. Но, как известно, надежда умирает последней. И к тому же, у Зайчика был стимул — дома его ждала изнывающая от вожделения и нетерпения молодая красавица-жена. Грохот в коридорчике стоял неописуемый, хоть уши затыкай.

Личный состав роты — все 144 человека старательно делали вид, что не слышат чудовищного грохота, эхом повторяющегося в закоулках фундаментальной казармы образца 1943 года, с ее грандиозными 5-ти метровыми потолками.

Зайчик стучал в дверь кулаками, бил в нее стулом, бросался на нее всем своим офицерским телом, но напрасно. Дверь действительно была хороша. Когда шум и ругательства, доносящиеся из-за двери импровизированной тюрьмы, стали навязчиво мешать просмотру кинофильма, пришлось радикально увеличить громкость телевизора.

Лейтенант Зайчик принялся названивать дежурному по роте на тумбочку дневального, но тот, услышав голос разъяренного офицера, благоразумно оборвал провод телефона, обеспечив себе пусть слабое, но все же алиби.

Плененный Зайчик отчаянно погремел в металлическую дверь еще некоторое время и затих. Звонить и жаловаться Пиночету или дежурному офицеру по училищу он благоразумно не стал, дабы, не подрывать свой офицерский авторитет, сознавшись в беспомощном положении, а так же из опасения стать посмешищем среди коллег-сослуживцев. К тому же, ему пришлось бы объяснять причину, приведшую к этому заточению. Секс по телефону, даже со своей законной женой, во времена построения развитого социализма не приветствовался и считался позорным проявлением западного образа жизни. Подобные

вопросы личной семейной жизни неоднократно публично рассматривались вплоть до партийных собраний, на которых парт-полит-рабочие гневно клеймили распутников и извращенцев, которые удовлетворяли свои постыдные похотливые потребности способами, не предусмотренными в «Памятке активного строителя коммунизма». Ведь по всем официальным постановлениям партии и правительства, в стране победившего социализма «Секса не было!» Вообще, как такового, не было и все!

После окончания фильма, личный состав роты мгновенно занял горизонтальное положение в своих кроватках, гриф от штанги был моментально убран и лейтенант Зайчик получил долгожданную свободу. Он с видом мрачнее тучи вышел в коридор и увидел умиротворенную картину сладко спящей роты. Будить личный состав и экстренно строить его в коридоре, лейтенант почему-то не решился. Он еще долго стоял возле тумбочки дневального, с раздражением и обидой в голосе выговаривая дежурному по роте свои обоснованные претензии.

Дежурный сержант в ответ нес несуразную чушь и полную околесицу, держа в руке оборванный провод телефона. Парень тупо включил «дурака» и ушел в глубокую защиту. Его детский лепет мог довести до сумасшествия любого признанного эксперта в области психологии и психиатрии.

Зайчик по своему базовому образованию был военным, а не психическим нервным патологом, поэтому, опасаясь за остатки своего пошатнувшегося рассудка, он своим волевым решением прекратил дальнейшие выяснения обстоятельств позорного заточения. Он грамотно рассудил, что это абсолютно бесперспективное занятие, ничего кроме очередной нервотрепки ни к чему хорошему не приведет.

Наверное, где-то глубоко в душе, Зайчик очень хорошо понимал нас и возможно, даже оправдывал все наши действия, ибо еще совсем недавно сам носил погоны курсанта. Наш непроизвольный спонтанный протест был ему хорошо понятен. Более того, возможно он вызвал у лейтенанта чувство зависти, и даже уважения, так как в свою бытность курсантом, их рота не была такой дружной и не могла реализовать подобную дерзкую операцию. Но обида, что жертвой военного мятежа стал именно он, не давала Зайчику покоя.

Лейтенант с тоской и презрительной жалостью посмотрел на пускающего слюну здоровенного сержанта по прозвищу Винчестер (настоящая фамилия — Гвинтовка), бестолково размахивающего оборванными телефонными проводами, и устало махнул рукой.

В результате, весь состав наряда получил внеочередную

возможность поторчать на тумбочке еще пять раз, причем, вне очереди. Наряд бодро ответил: «Есть!» Ребята были согласны на все, ибо «Кавказская пленница» того стоила.

Выпустив пар, лейтенант Зайчик побежал к своей «крольчихе», его реактивный полет на крыльях любви, явно затягивался. Зайчик очень спешил, наверное, пришлось включать форсаж! Любовь! Как мы его понимаем!

Данное ночное происшествие осталось без глобальных последствий, лейтенант повел благоразумно и проявил себя неболтливым и немстительным офицером. Все посвященные в обстоятельства — 144 курсанта + 1 офицер, старательно делали вид, что ничего не произошло. Тем не менее, лейтенанта Зайчика около года, за глаза, называли — «кавказская пленница».

50. Блатной пост

В гарнизонном карауле был один замечательный пост — так называемый «блатной». Этот пост все курсанты нашего училища очень любили за его необычность и связанные с этим ряд положительных и приятных моментов. В принципе, в зимнее время это был самый обычный и абсолютно стандартный пост, а вот летом…

Прелесть была в том, что маршрут этого привлекательного во всех отношениях поста проходил прямо по улицам гостеприимного уральского городка, почти в центральной его части — прямо вдоль здания городского архива, который в свою очередь стоял на пересечении двух довольно-таки многолюдных улочек. Что, в свою очередь для истосковавшихся по любому проявлению маломальской цивилизации, курсантов было фактически «подарком судьбы» или своего рода — билетом в кино на увлекательный сеанс «Гражданская жизнь», которая активно кипела и шумно бурлила за высоким забором военного училища, то есть ежедневно и повсеместно проходила фактически мимо нас. А тут целый архив. Да еще и в центре города. Не то что в окошко посмотреть, но и пару часов по тротуару пошарахаться среди обычных людей законная возможность имеется. Обалдеть, почти что — увольнение в город, на свободу, на волю, в пампасы… Вот оно — маленькое счастье.

Гражданским людям наши поросячьи восторги будут явно не совсем понятны и кроме искреннего недоумения никаких других эмоций не вызовут. Типа — чего тут такого?! Идешь себе по улице — ну и топай «куда надобно и зачем следоват»?!

Но для курсанта, который длительное время ходит исключительно строем и «в ногу», видит «грудь четвертого человека» и общается только с себе подобными «homo sapiens'ами» облаченными в стандартную военную форму цвета хаки, а также постоянно вдыхает изысканный запах гламурных портянок, фантастический амбре умопомрачительного бигуса и незабываемый аромат половой мастики образца 1936 года, не так все однозначно и просто. Поверьте на слово.

Пройтись по улице, пусть даже в границах поста, и жадно втянуть в свои ноздри все пьянящие запахи улицы, вперемешку с выхлопными газами проезжающих мимо автомобилей, чахлых цветочков с ближайшей клумбы и неуловимый аромат духов от «Красной Москвы» и «Дзинтаре» до супердефицитных «Клима» и «Пуазон», это уже дорогого стоит. А сама возможность слиться с

галдящей толпой и пройти свои положенные 50-т шагов по периметру поста рядом со стройной девчонкой в полупрозрачном платьице… Итак, архив.

Городской архив не имел внешнего ограждения, у него не было бетонного неприступного забора, колючей проволоки под высоким напряжением, мощных прожекторов на вышке, злых собак с бегунком на тросике вдоль периметра, капканов, таблички с грозной надписью «Стой! Граница поста! Стреляют без предупреждения!» и прочего устрашающего антуража, который обязательно полагается мало-мальски «серьезной» организации.

Принадлежность данного старинного здания с откровенно обшарпанными стенами и вечно грязными стеклами к ценным объектам государственного значения и, следовательно — подлежащим надежной охране, определяло лишь наличие слабеньких и насквозь проржавевших решеток, причем только на тех окнах архива, которые выходили на проезжую улицу. И то, это были не внушительные решетки в полном смысле этого устрашающе-надежного слова: «РЕШЕТКА», а жалкое их подобие — типа «а-ля-пособие для начинающего вора-дилетанта».

К тому же, эти — так называемые решетки были смонтированы лишь на окнах первого этажа старинного дома и висели на «честном слове», угрожающе поскрипывая и вибрируя от малейшего дуновения слабого ветерка, постоянно угрожая свалиться на голову любому прохожему, приблизившемуся к стене городского архива, которая в свою очередь, еще щедро осыпалась позорно облупленной краской и отслоившейся штукатуркой. Складывалось устойчивое впечатление, что здание архива ни разу не красили и не ремонтировали со времени его первоначальной постройки — эпоха нашествия татаро-монгольского ига, причем первая его половина, не иначе.

О какой-либо системе сигнализации в середине 80-х годов прошлого века вообще говорить не приходится. Не изобрели еще систему сигнализации. Не было ее и в проекте, даже самой паршивенькой и убогой не было и, в перспективе и в дерзновенных мечтаниях архивариусов даже и не ожидалось.

Вот поэтому, для охраны архиважных сведений, запрятанных в бездонных подвалах и всеми давно уже забытых, наверное, ежедневно выставлялся пост с часовым, вооруженным автоматом Калашникова и двумя магазинами с 30-ю патронами каждый. Именно этот вояка, по гениальной задумке коменданта гарнизона, должен был в полном объеме компенсировать отсутствие охранной сигнализации в здании архива и своим грозным видом отпугивать различных злоумышленников, охочих до всяких запыленных и заплесневелых государственных

секретов.

В результате, бездельнику в военной форме из состава гарнизонного караула приходилось нести свою нелегкую службу фактически в райских условиях гражданской жизни, небрежно прогуливаясь по центру города с вороненым автоматом на плече. Чувствуя себя при этом практически почти обычным городским жителем — этаким беспечно прогуливающимся прохожим, но с грозным оружием в руках. А это, приятно, поверьте.

Неторопливое и размеренное дефиле часового с таким героическим антуражем, как автомат, всегда сопровождали восхищенные взгляды школяров и прочего подрастающего поколения, любопытные и благожелательные взгляды многочисленных особей женского пола, уважительные взгляды мужского населения города и доброе отношение со стороны поколения стариков, переживших войну.

К тому же у часового появлялась реальная возможность побаловать себя такими редкими для любого курсанта лакомствами, как мороженое или газировка, и опять же именно на этом замечательном посту. Такая роскошь тоже как бы иногда удавалась.

Сгоняешь на форсаже в ближайший магазинчик и отоваришься без очереди, пока начальник караула не видит и до смены еще долго. Да и простые люди относились к «солдатику» с пониманием и сердечной доброжелательностью. «Вишь, человек с ружом! Некогда ему по очередям стоять, Родину охраняет, а енто тебе не хухры-мухры, понимать надо! Отпусти, милая, касатику служивому мороженое вне очереди, а мы подождем сколько надобно! Эх, лишь бы не было войны!»

А почему бы, собственно говоря, и не побаловать себя, в рамках разумного естественно?! Ведь пост все равно в пределах видимости и досягаемости. Да и честно говоря — никуда этот архив не денется. Стоял и, будет стоять. До нас стоял и после нас стоять будет, причем именно в таком же убогом и жалком состоянии. Было бы надо — давно бы решетки заменили и новые запоры купили, а то вон — входная дверь на одной петле болтается и в фасадной стене дыра сквозная…

Так как днем здание архива было заполнено до отказа различными умными и очень серьезными архивариусами в толстенных очках, а также — прочими служащими в старомодных засаленных нарукавниках, то охранять архив не имело никакого смысла. Тем более что средний возраст этой публики был в районе где-то глубоко за 60-т, то и многочисленные дамы, работавшие в недрах пыльных хранилищ всевозможных секретных документов и не менее секретных кинопленок, нас

особо не интересовали. Было бы им лет 18-25-ть, мы бы этот архив с превеликой радостью и фанатичным энтузиазмом хоть круглосуточно охраняли бы вместе со всеми служащими, даже в туалет сопровождали бы, прости господи, а так — увольте, неинтересно это и бесперспективно.

А вот вечером — уже после 19.00 и до 7.00 утра, выставлялся 2-сменный пост — по 2 часа каждому часовому. Кстати, совсем непыльная служба получается — прогулял вечер, скоротал ночку, а утром пост снимается и валяй себе «Ваньку» на топчане в комнате отдыхающей смены или торчи себе на калитке в караулке, что тоже совсем не в тягость. Вроде и в караул на сутки сходил, а в тоже время отдохнул, выспался, а при хорошем раскладе еще и со своей ненаглядной девчонкой повидался, а то и поцеловался пару раз украдкой и если совсем повезет — даже потискался. Только быстро, чтобы никто из прохожих не заметил. При «исполнении» все-таки… Лепота. Достаточно «блатной» пост, не так ли?!

Согласитесь, после монотонного однообразия военного училища, расположенного на приличном удалении от малейшего проявления разумной цивилизации и городской инфраструктуры, такой пост расценивался почти как увольнение в город. Так как он давал реальную возможность посмотреть на людей в гражданской одежде, поглазеть на красивых девушек, проходящих мимо, успеть вдохнуть аромат их духов, улыбнуться и, возможно даже зацепившись языком, выклянчить номерок телефона и завязать многообещающую основу для долговременных перспективных отношений. Что для многих наших общепризнанных ловеласов не являлось какой-либо запредельной или непосильной задачей.

Для военного парня очень даже неплохо иметь гарантированную возможность поторчать на свежем воздухе возле никому ненужного архива, загодя пригласив свою подружку на вечернее рандеву, чтобы иметь возможность погулять с ней в течение 1,5-2-х часов своего нахождения на посту, да еще с таким романтическим довеском как автомат Калашникова. Как на свиданку сбегал. Девчонки только восторженно ахали, глядя на мужественных защитников Родины.

Поэтому конкурс среди желающих заступить на пост у городского архива был очень высок — 30-ть человек учебного отделения на место и, вся курсантская братия ревностно отслеживала наступление своей долгожданной законной очереди. Особенно весной или летом.

В тот знаменательный день на «блатной» пост должен был заступать Витя Копыто. Спустя год томительного ожидания,

наконец, подошла его очередь. Витя откровенно светился от счастья и, носился на форсаже по казарме, напевая какую-то модную песенку, при этом отчаянно фальшивя и безбожно перевирая слова. Он заблаговременно выстирал и идеально отгладил свое обмундирование ХБ. До зеркального блеска начистил бляху на ремне и, тщательно прогладив сапоги утюгом, старательно начистил их так, что в солнечный день смотреть на них без опасения ослепнуть от нестерпимого блеска, было просто невозможно.

Витька выбрился до «синевы» — на два миллиметра под кожей и без малого, миллион раз покрутился перед зеркалом в бытовке, оттачивая суровый взгляд мужественного защитника Родины. Далеко не каждый артист так тщательно готовится к своему выходу на сцену, как готовился курсант Копыто перед заступлением на охрану городского архива. Витя был в предвкушении своего «звездного часа» и сногсшибательного успеха у местных красавиц.

Но случилось непредвиденное — родители Виктора вызвали его на междугородние переговоры срочной телеграммой «Молния». Копыто капризно отклячил нижнюю губу и скорчил обиженную рожу, как будто у него украли конфетку, а потом еще и гундосо-шепеляво выматерился. Возможность услышать родные голоса его радовала, чуть ли не гораздо меньше, чем смутная перспектива покрасоваться перед случайными прохожими и зацепить очередную неразборчивую «мадаму» на вечерней улице.

Толпа ребят злорадно захихикала и единогласно предложила вычеркнуть Витьку из списков кандидатов на «блатной» пост, как уже дождавшегося такого счастья. Копыто, услыхав о таком раскладе, чуть публично не отрекся от своих родителей и наотрез отказался идти на телефонные переговоры, пока не получил «клятвенные гарантии», что его очередь совсем не «аннулируется», а просто переносится на следующий караул. И только после многократного подтверждения этой обнадеживающей информации, искренне переживающий Витя в самых расстроенных чувствах нехотя отправился на почтамт для проведения долгожданных переговоров с малой родиной — Пилопедрищенском.

… а с нами в караул заступил курсант Першин (кличка «Першинг») из другого классного отделения нашей роты — краснощекий щеголь из Мурманска. Причем, Славка Першин заступил «без малейших претензий», лелея в душе определенные романтические планы на «блатной пост». Более того, именно «блатной пост» и был главным аргументом и единственным условием, чтобы Славка безропотно подменил Витю Копыто в

гарнизонном карауле.

В данный момент у «Першинга» не было постоянной девушки для развития мало-мальски серьезных отношений, и приглашать на неожиданное «удачно подвернувшееся» свидание было естественно некого. Поэтому, лихо надвинув пилотку на нос, максимально ослабив поясной ремень с подсумком для магазинов с патронам так, что идеально начищенная ременная бляха со звездой повисла на самом кончике его мужского достоинства и молодцевато собрав начищенные до неприличного блеска сапоги в «гармошку», Слава Першин принял героический вид советского курсанта в пику сомнительному образу обожравшегося стероидами и вечно небритому американскому «Рэмбо», далеко не первой свежести.

Для придания гармоничной законченности своему образу видавшего жизнь вояки, курсант Першин в нарушении требований Уставов гарнизонной и караульной службы, будучи на боевом посту, повесил свой автомат Калашникова не на плечо, как полагается, а на свою героически выпяченную вперед богатырскую грудь, кстати, щедро украшенную всевозможными военными значками. Причем, абсолютно, честно заслуженными.

В результате, стандартный автомат Калашникова занял местоположение на Славкиной груди на манер немецкого автомата «шмайсер». Осталось еще рукава на гимнастерке закатать по локоть и можно смело фотографироваться на политический плакат под лозунгом «Гроза НАТО!».

Затем, небрежно забросив на ствол и откинутый приклад автомата АК-74 две свои показательно расслабленные ручонки, с видом умудренного опытного воина, «Першинг» принялся неторопливо, с походкой «от бедра» прогуливаться по маршруту «блатного» поста.

Несколько десятков вальяжных шагов до угла архива, затем поворот на 90 градусов и еще пару десятков шагов до границы здания, разворот на 180 градусов и обратно, не забывая при этом очаровательно улыбаться всем проходящим мимо девчонкам, которые были хоть немного симпатичней крокодила и стройнее верблюда. Поймите правильно, потенция «Першинга» уже булькала у него в ушах, а рубить дрова по ночам и звонить в колокола — это, не наши методы.

Бросив молниеносный взгляд, полный неразделенной любви на потенциальный объект воздыхания, Славка скромно опускал свои невинные глазки в землю, страстно закусывая нижнюю губешку. Короче — пара стандартных приемов из арсенала великого Казановы. Нельзя сказать, что улов был фантастически удачный, но поклевка была достаточно активная. Многим

симпатичным студенточкам откровенно говоря приглянулся краснощекий молодец с автоматом Калашникова на могучей груди.

День упрямо близился к завершению, солнышко неумолимо клонилось к закату, прохожих на улице становилось все меньше и меньше. Славка был в приподнятом настроении, не переставая одаривать уже немногочисленных прохожих своей лучезарной улыбкой «а-ля-Голливуд» и продолжая надеяться на скорейшую встречу со своей «единственной и неповторимой». А дальше произошло следующее.

Першин, двигаясь по установленному табелем поста маршруту, доходит да угла здания архива, делает поворот на 90 градусов и к полной для себя неожиданности, нос к носу, сталкивается с угрюмым человеком средних лет. Славка приветливо улыбается и, почти прижавшись спиной к стене архива, пытается пропустить мрачного незнакомца, который совершенно немотивированно, прямо в упор — с расстояния 2-х метров 5-ть раз стреляет в молодецкую грудь безмерно удивленного таким развитием событий, курсанта Першина из пистолета ПМ — 9-миллиметровый пистолет Макарова.

Бандит ждал курсанта, затаившись за углом здания городского архива уже с пистолетом в руке. Тоесть, этот мерзавец не колебался ни секунды, безжалостно посылая в грудь 19-летнего мальчишки, облаченного в военную форму, 5-ть зарядов равнодушной смерти.

Кстати, мы тогда еще долго думали и пытались анализировать: «Почему именно 5-ть пуль полетело в Славку, а не 6-ть, 7-мь или — не 8-мь?! Ведь в обойме ПМ 8-мь патронов, а при большом желании, стандартный ПМ можно снарядить и 9-ю патронами — один в стволе и восемь в обойме. И ребята пришли к однозначному и неутешительному выводу — очевидно 5-ть патронов, это все, что было в арсенале у бандита?! Была бы у него тысяча патронов, курсант Першин получил бы всю тысячу смертей в свою юную плоть».

Но произошло немыслимое — смерть пожалела хорошего парня Славку Першина. Разгильдяйство, позерство и личная недисциплинированность спасли жизнь курсанта Першина. Непостижимо, но все 5-ть пуль, выпущенные преступником, попали в автомат Калашникова, висящий на манер немецкого «шмайсера» поперек груди военного раздолбая.

Огромное спасибо и низкий поклон заслуженному оружейнику за его феноменальное творение. В тот вечер, автомат Калашникова сыграл роль импровизированного бронежилета. Он стойко принял на себя убийственную энергию пяти штук 9-

миллиметровых тупорылых свинцовых чушек.

Одна пуля, пробив магазин с патронами, застряла в нем. Еще три пули попали в затворную раму и ствольную коробку с механизмом автомата. Отброшенный кинетической силой 4-х пуль калибром 9-ть миллиметров к стене архива, курсант «Першинг» заорал так, что его услышали за 3-ри квартала от поста — в караульном помещении гарнизонной комендатуры.

Напуганный криком жертвы ничего непонимающий преступник выстрелил в 5-й раз. Пуля, скользнув по газовой камере, ударила в цевье автомата и, уйдя на рикошет, плашмя вошла в ногу часовому. Последняя 5-я пуля, потеряв свою убийственную энергию, прорвала ткань галифе и кожу бедра, засела в мышечной ткани курсанта. Раненный Першин тяжело осел на колени, но орать не прекратил. Ошарашенный и обалдевший преступник в панике убежал.

Из караулки прибежала тревожная группа курсантов с автоматами и, следом подскочил дежурный ГАЗ-66 с вооруженным подкреплением.

Славка сидел на асфальте, прислонившись спиной к стене архива и, с отчаянным упрямством дергал затворную раму, безуспешно пытаясь перевести свой изувеченный автомат в боевое состояние. Вокруг него на асфальте валялись 5-ть стрелянных гильз от пистолета ПМ.

Одна штанина его галифе была красно-бурого цвета. Курсант Першин уже не мог орать. Он совершенно сорвал свой голос и только тихо сипел.

Прочесав пару близлежащих кварталов, мы никого не нашли. Оказав раненному «Першингу» первую помощь на месте, его погрузили на ГАЗ-66 и быстренько отвезли в госпиталь. Пост у архива был немедленно усилен.

К счастью, ранение у парня оказалось совершенно «несерьезным». Дежурный лекарь поддел пулю пинцетом и быстро извлек ее из раны. Пуля была вся мятая и деформированная. Неслабо ей досталось, пока она хаотично долбилась в рикошетах о составные части автомата курсанта Першина.

Симпатичная медсестричка вколола нашему бойцу что-то успокаивающее и чуть погодя загнала Славику укол от столбняка под лопатку. При этом она смотрела на «Першинга» откровенно влюбленными глазами. Герой, ничего не скажешь. Причем, герой, рожденный в рубашке — счастливчик!

А Славка сипло ругался.

— Бля, вот не повезло, так не повезло. Вот тебе и хваленый «блатной» пост, погибнешь ни за что. Так нарвался! За что?! Ведь

реально чуть не загасили по ошибке. Твою мать… Копыто — сука! Чего он там такого жуткого натворил, что его как Джона Кеннеди мочалят посреди белого дня. Может он — гандон штопанный, какую девицу обесчестил, или жениться одновременно на троих обещал?! Так, я то здесь при чем?! Я же ни ухом, ни рылом… Говнюк ваш Копыто, так ему и передайте. Не согласный я за него пулю в брюхо получать! У меня желудок слабый, не умею я свинец переваривать, изжога потом долго мучает. Короче, передайте вашему Витьке, будет должен…

У Славика еще нашлись силы и воля, шутить при таких совсем невеселых обстоятельствах. А может, он еще находился в шоке от пережитого?! Кто знает?! Нам всем было не до смеха. Тревожное недоумение прочно поселилось в мозгу у каждого курсанта из состава гарнизонного караула.

Автомат Першинга представлял жалкое зрелище. Предохранительная скоба и ствольная коробка пробиты насквозь и загнуты вовнутрь, магазин с патронами пробит, затворная рама и цевье искорежены. Калашик пришел в полную негодность — ни стрелять, ни с предохранителя снять.

Данное происшествие произвело на состав караула неизгладимое впечатление. Мы напряглись и осознали, что спокойное время в государстве уже закончилось.

Плоды перестройки и политика Горбачева давали о себе знать. В стране наступала эра кооперативного движения. На окраинах необъятной Родины поднимало голову и зацветало буйной плесенью оголтелое националистическое движение. Появлялись первые рэкетиры и отмороженные бандюганы. Всем вышеперечисленным господам позарез нужно было автоматическое оружие, причем, любой ценой — даже ценой жизни 19-летнего парня.

Вечером, после сдачи караула, мы молча тряслись в громыхающем кузове училищного «УРАЛА», говорить не хотелось. Каждый курсант, крепко сжимая в руках свой родной АК-74, ушел в себя и в который раз обдумывал случившееся происшествие, а также — последующее чудо с фантастическим спасением «Першинга». Оказаться на его месте никому из нас, откровенно говоря, не хотелось.

Неожиданно Женька Ящиков встрепенулся.

— Охренеть, 5-ть штук всадили в упор! Представить страшно, чем бы все закончилось, если бы Славка свой автомат на плечо повесил, как по Уставу полагается. Кстати парни, а ведь точно — сегодня на «блатном» посту должен был стоять общепризнанный везунок — Витька Копыто! Значит, «Першингу» реально повезло, и Бог закрыл его от неминуемой смерти вместо нашего

незабвенного Витеньки, которого, как всем вам известно, он очень любит! Мда, однако… Кто-нибудь будет возражать?!

51. Петрович и дерево

В 45-м классном отделении учился парнишка из г. Пензы, по имени Артур, фамилия — Юманов, а отчество — Петрович.

Самое интересное и занимательное, что в жизни каждому человеку, или почти каждому, в детстве или в юности давалось какое-нибудь прозвище. Затем, уже во взрослой жизни это незатейливое детское прозвище из далекого прошлого, вспоминается с особым удовольствием, за очень редким исключением. И то, если прозвище было обидным или указывало на какой-либо физический недостаток, тогда оно вызывает стыдливое раздражение владельца, который прилагает максимальные усилия, чтобы вытравить из своей памяти данное позорное и обидное слово. Но чаще всего детские прозвища и клички всегда безобидны и тонко подмечают особенности или самые яркие качества их обладателя.

Время идет, человек взрослеет, мужает, его перестают называть просто по имени, а все чаще уже обращаются по имени и отчеству, не забывая подставлять слово «уважаемый». Иногда называют исключительно по должности — генеральный директор сети общественных уборных «Живая струя» или президент чего-то там очень важного и солидного ООО «Холдинг-молдинг» например, глава управы «Пупкино-Залупкино» и т. д. Но, все равно, где-то глубоко в ячейках архивной памяти постаревшего и обросшего жирком или наоборот похудевшего и потрепанного жизнью, очень важного или не очень важного мужчинки продолжает бережно храниться на постоянной основе его прозвище, кличка, а так же все яркие моменты из детства и юности, связанные с этим словом. Память очень цепко держит данную бесценную информацию.

И вот, однажды, совершенно неожиданно, наступает такой момент, когда, увидев совершенно случайно знакомого тебе человека — закадычного друга, соседа по двору, однокурсника и т. д., с которым не виделся «миллион» лет, а то и гораздо больше, ты после длинной серии лихорадочных и отчаянных попыток порыться в памяти, чтобы хоть как-нибудь обратиться к нему, вдруг понимаешь, что категорически не можешь вспомнить ни его имя, ни фамилию, ничего. А вот детское прозвище этого человека ты вытаскиваешь из запылившихся глубин своей побитой склерозом, местами переходящим в старческий маразм памяти, абсолютно спонтанно, легко и непринужденно. И зацепившись за эту единственную достоверную информацию об этом человеке,

как за спасательный круг, ты выкрикиваешь его кличку в приступе поросячьего восторга: «Привет, Цапель!» (для примера)

И какой бы этот взрослый дядя не был, даже допустим очень «неприлично» высокопоставленным солидным человеком, с внушительным пузом, убеленный сединами или уже с лысиной в полгектара, неважно, обремененный ответственной должностью или безбожно помотанный суровой судьбой и необласканный жизнью, услышав свое прозвище, человек сразу инстинктивно вздрагивает. По его телу сразу пробегает мощная энергетическая волна, и он непроизвольно молодеет прямо на твоих глазах. Морщины на лице твоего собеседника неожиданно самопроизвольно разглаживаются, в некогда потухших и уставших глазах внезапно загорается озорная искорка, дряблые мышцы принимают юношеский тонус, солидное брюшко пытается активно подтянуться в профиль груди, и стремится, уже не так заметно нависать, над длиннющим брючным ремнем, застегнутым на последнюю дырку. Его сердце самопроизвольно мобилизуется, как будто после воздействия кардиостимулятора и начинает работать более ритмично и четко, сбросив со счетов, что как бы и не было парочки предынфарктных состояний и устойчивого подозрения лечащего врача на прогрессирующую ишемию.

Человек как бы мгновенно забывает свой истинный биологический возраст, сбрасывает груз прожитых лет и на время, пусть даже на очень короткое, начинает позиционировать себя с тем пацаном-оторвягой, которым был несколько десятков лет назад. Вот такие чудеса порой творят самые обычные детские прозвища, произнесенные вслух. Попробуйте провести такой опыт, и вы несказанно удивитесь его результатам.

Но самое парадоксальное, что ребята, отцов которых звали Петя, почему-то фактически в 9-ти случаях из 10-ти возможных, называют исключительно «Петрович». Поразительно, но факт. Такое впечатление, что отчество «Петрович» имеет какую-то скрытую магическую силу, некую феноменальную энергетическую ауру. Как будто, еще при зачатии сына, папа Петя накладывает на своего отпрыска неизбежное «проклятие» (в хорошем смысле) на всю его сознательную жизнь в памяти всех людей, с которыми его сведет жизнь, оставаться именно «Петровичем» и ни кем иначе.

Зачастую, окружающие люди, которые каждый божий день общаются с человеком, не могут вспомнить ни имени, ни фамилии своего сослуживца, но как только кто-либо из собеседников произнесет: «Петрович». Всё, приехали! Все и каждый обрадовано кивают головами, ибо сразу и однозначно поняли о ком идет речь. Разве не так?!

Итак, в 45-м классном отделении учился абсолютно неприметный курсант по прозвищу — Петрович. В принципе альтернативы у него не было, так как папу его звали — Петя. Значит, независимо от желания или нежелания парня, наличия у него отличительных примет и явно выраженных достоинств или недостатков, Артур Юманов носил кличку «Петрович», причем, получил ее сразу же и навсегда.

Он был небольшого ростика, и честно говоря, немного нескладный. Военная форма на нем смешно топорщилась, причем во все стороны сразу, гимнастерка висела как на вешалке, и создавалось устойчивое впечатление, что филейная часть этого защитника Родины значительно шире его «могучих» (в теории) плеч.

Парнишка он был неплохой, очень искренний и открытый, в меру старательный и ответственный. Петрович всячески хотел показать свою значимость и усердие, он ежеминутно прилагал все свои усилия, чтобы заслужить уважение товарищей и приносить людям какую-нибудь пользу. Но стоит откровенно отметить, что при этом, Петрович был достаточно суетливый, шебутной, немного дерганый и склонный к необоснованной панике человек. Он всегда находился на некотором «перепутье» и в «творческом» поиске. Петрович постоянно терзался в сомнениях о правильности своих совершенных поступков, анализировал их, как бы заново прокручивая ситуацию, мучился в выработке более рационального и эффектного варианта своих действий в состоявшемся прошлом и что-то планировал на ближайшее будущее и т. д. и т. п.

Если Петрович как герой русских сказок, однажды вышел бы на распутье, то любая сказка там же и закончилась, именно на этом же первом распутье. Тоесть, Петрович так бы и остался стоять навечно у камня с надписями, терзаясь в сомнениях «куда пойти, куда податься» и что лучше — «коня потерять» или «женатым быть». Точнее некуда, можно даже и не проверять, поверьте на слово. Одно слово — Петрович!

Короче, между нами, Петрович немного — тоесть совсем чуть-чуть, но постоянно «подтормаживал». В результате этой его особенности, Петрович иногда (будем честными, частенько) попадал в весьма комичные ситуации, доставляя неописуемое удовольствие и массу положительных эмоций окружающим его людям. Например, реальный случай.

На главной дороге нашего военного училища росло дерево — роскошная старая липа. Росло оно достаточно оригинально, фактически посреди заасфальтированной части центральной дороги.

Очевидно, когда-то очень давно, это жизнелюбивое деревце робко пробилось сквозь маленькую трещинку в толще бездушного асфальта навстречу солнцу, навстречу жизни. Пробилось и стало жить наперекор суровой судьбе, наперекор каменному мешку, в котором угораздило ее родиться и всему жестокому и безжалостному миру в целом, с трескучими уральскими морозами, проливаемое дождями, продуваемое ветрами, сохнущее от недостатка влаги засушливым летом в плотном окружении раскаленного как сковородка асфальта. И росло оно удивительно стройным и красивым деревом с могучим стволом и густой роскошной кроной ласково шелестящих листьев.

Складывалось такое впечатление, что у наших предшественников, проходивших обучение в военном училище, искренне пораженных такой волей к жизни и тягой к свету, своевременно не поднялась рука срубить жалкую липу, которая, борясь с суровым уральским климатом, отчаянно цеплялась за жизнь.

Командование авиационного училища в лице суровых военноначальников в те стародавние времена, тоже проявило снисхождение и милосердие к трепетному росточку и дало деревцу шанс самостоятельно побороться за место под солнцем, оставив его на произвол «деревянной» судьбы и на волю равнодушного асфальта.

Всеми забытое дерево росло-росло и в конечном итоге выросло «будь здоров» — на уровень 3-го этажа казармы, учитывая, что этажи в казармах, построенных гитлеровскими гастробайтерами, были по 5-ть метров.

В результате многочисленных плановых ремонтов дороги по распоряжению начальства, вокруг ствола липы многократно закатывался асфальт в смутной надежде, что дерево все же сдастся и, смирившись с неизбежностью, самопроизвольно задохнется под бессчетными слоями гравия, битума и асфальта, что упрямая липа тихонько зачахнет, потеряет листву и, в конце концов, засохнет. И вот тогда уже его можно будет спокойно спилить, без оглядки на совесть, не взяв грех на душу и топоры в руки.

Но жизнелюбивая и гордая красавица-липа наперекор людям, уральскому климату, погодным условиям и жестокому асфальту, плотно сковавшему ее ствол, продолжала бороться за свое законное место под солнцем, за право жить, расти и вырабатывать хлорофилл. Она упрямо зеленела каждую весну, причем гораздо раньше своих соплеменниц, которые находились в более благоприятных условиях на плодородной земле ухоженных парков и газонов.

Липа, набирая мощь, ежегодно увеличивалась в объеме своего ствола и, раздвигая границы кольца асфальта, старательно отвоевывала себе жизненное пространство. Асфальт возмущался, но беспомощно вспучивался по периметру вокруг ее ствола и был вынужден сантиметр за сантиметром отступать, все же продолжая отчаянно цепляться за кору жизнелюбивого дерева.

Честно говоря, многие ребята сходятся во мнении, что эта липа всем своим примером давало нам моральные силы вынести все многочисленные тяготы и искусственно созданные лишения воинской службы, которые были неизменными спутниками повседневной жизни курсантов.

Дерево как бы подбадривало нас: «Мол, смотрите, мне гораздо хуже, чем вам, но я держусь уже много десятков лет, и вам надо держаться, не смотря на усталость, на сложности в учебе, на желание все бросить и отчислиться из училища. Более того, вы — ребятки рано или поздно выпуститесь из этого военного училища и разъедитесь, а я так и останусь здесь, стоять посреди дороги в каменном мешке. И быть может, настанет такой момент, что через пару десятков лет, вы привезете сюда в ставшее родным училище своих сыновей, которые тоже будут ходить строем по этой же самой дороге, прижимаясь немного вправо, чтобы обходить стороной мой гордый ствол. И вполне возможно, что в торжественный день получения вашим сыном первого офицерского звания, вы все вместе встанете у моего ствола в тени ласковошуршащей гостеприимной кроны для того, чтобы запечатлеть радостный момент в вашей жизни на памятной фотографии». Прошу прощения, пробило на лирику…

Итак, дерево росло на самой дороге, что создавало ряд неудобств для беспрепятственного прохождения многочисленных колонн курсантских подразделений. Приходилось немного прижиматься к правому бордюру дороги, чтобы гордое дерево оставалось по левому «борту» строя. Грузовые машины по этой дороге не ездили. Для них была предназначена так называемая «тыловая» дорога училища, которая тянулась по задворкам и выходила прямо на курсантскую столовую, оружейные склады и свинарник. А по центральной дороге ходили только монолитные строи курсантов, и очень редко проезжала генеральская черная «Волга» с начальником училища, которому по статусу было положено иметь служебный автомобиль, и было лень прогуляться пешочком от штаба до главного учебного корпуса. Места для беспрепятственного проезда «Волги» с драгоценным телом любимого начальника вполне хватало, а мы привыкли обходить нашу красавицу-липу стороной и строй курсантов уже автоматически при подходе к дереву, без какой-либо

дополнительной команды со стороны офицера, самопроизвольно принимал немного вправо.

Однажды, в строгом соответствии с расписанием нарядов и караулов, наше классное отделение заступало во внутренний караул по училищу. Заступали далеко не в первый раз. Все знакомо, все отработано, все отлажено до автоматизма, прошито в подкорке головного мозга и функционирует независимо от сознания курсанта, фактически на уровне животных инстинктов. Обычная и ничем непримечательная скучная рутина на ближайшие сутки.

Мы пришли с обеда, получили оружие, боеприпасы. Старательно подогнали обмундирование, перемотали портянки, начистили до зеркального блеска сапоги и бляхи на поясных ремнях, построились и под руководством командира взвода несравненного лейтенанта Зайчика, двинули на плац училища для участия в «увлекательной» и монотонно-длительной процедуре развода.

Развод караула — это, когда дежурный офицер по училищу будет минимум в течение часа компостировать нам мозги, подробно опрашивая каждого курсанта на предмет знания статей из Устава гарнизонной и караульной службы. Причем, курсант должен ответить не просто близко к тексту, а исключительно дословно процитировать нетленные строки из раздела: «Права и Обязанности часового». Короче, тоска смертная, все уже выучено не просто наизусть, а уже прописано на генетическом уровне, но изменить ничего нельзя, так было установлено в армии за тысячу лет до нас и так будет после нас. Такова военная «селява».

Двигаясь четким строем в сторону плаца, каждый из нас, мысленно прокручивал, освежая в памяти, выученные ранее определения, понятия, права, действия и обязанности, а так же все, что хотя бы отдаленно связано с несением караульной службы, вплоть до экстренных действий, когда «часовой услышит лай караульной собаки». Эту статью Устава гарнизонной и караульной службы любой из нас тоже знал на зубок, хотя в авиационном училище караульных собак отродясь не было. Но, тем не менее.

Получилось так, что ребята из первой шеренги задумались о предстоящем разводе караула и вопреки отлаженной привычке, не приняли вправо при выходе на центральную дорогу, и наша красавица-липа оказалась ровно по середине первой шеренги на пути бодро шагающего 45-го отделения. Лейтенант Зайчик заметив такую оплошность впередиидущих ребят, для того чтобы не останавливать строй отделения, не сдавать назад и не обходит дерево, своевременно подал команду: «Препятствие спереди!

Обогнуть слева и справа в колонну по трое». Все понятно, приказ получили — выполнили, чай не дураки, 2-й курс обучения как никак.

Мы разделяемся на две колонны, красиво обходим дерево, как бы обтекая его с двух сторон, и соединяемся в первоначальный строй уже за стволом липы, продолжая движение в сторону плаца, где, как уже видно издали, томится и изнемогает от нетерпения дежурный офицер по училищу с красной повязкой на левом рукаве.

Отделение уже фактически завершило эффектный маневр по огибанию препятствия в виде дерева, как вдруг сзади (я был рослый курсант и ходил в первой шеренге строя) неожиданно раздался грохот падающего тела и металлический лязг автомата Калашникова, ударяющегося об асфальт. Инстинктивно мы начали оглядываться на шум и самопроизвольно сбавлять шаг. Строй начал ломаться.

Сзади раздался громкий и раскатистый смех Игоря Шадрина, который подхватил Саня Полимонов, Пим и остальные ребята из последних шеренг. Смех, переходящий в хохот широкой волной покатился по всему строю. Ребята окончательно остановились, поломали равнение в шеренгах и откровенно гоготали. Лейтенант Зайчик, который шел рядом со строем, с левой его стороны и видел развитие событий в динамике, тоже, мягко говоря, ржал как конь Буденного или лошадь Преживальского (кому как нравится), согнувшись пополам и придерживая одной рукой спадающую с головы фуражку, а другой, упираясь в подогнувшиеся колени.

Остановившись и обернувшись, я увидел лежащего на земле Петровича, который распластался как морская звезда, широко раскинув свои некультяпистые конечности в разные стороны. Рядом с ним на асфальте валялся его автомат.

Игорь Шадрин давясь от смеха, поведал о том, что когда наш строй курсантов начал разделяться на две равные колонны, обходя дерево, слева и справа, Петровича охватила настоящая паника. Видя, что часть впередиидущих ребят уходит налево, а другая часть ребят уходит направо, Петрович отчаянно заметался. Он до последнего момента не мог определиться с какой же все-таки стороны обогнуть это «проклятое» дерево.

По словам хохочущего Шадрина, Петрович жалобно повизгивал и хаотично дергался то влево, то направо, то влево, то направо, влево, вправо, влево, вправо…

В результате, так и не приняв единственно правильного решения и с ужасом глядя на неумолимо приближающееся дерево, Петрович в отчаянии зажмурил свои глаза и с обреченной

неизбежностью со всего маху врубился носом прямо в центр ствола липы, потерял равновесие и, опрокинувшись на спину, загремел на асфальт. Автомат соскользнул с плеча Артура Юманова и, громко лязгая и звонко дребезжа, немного попрыгал на асфальте, отскакивая от его твердой поверхности и, занял свое законное место рядом с лежащим хозяином.

Толпа буквально писалась паром от восторга, наше настроение заметно улучшилось. Подняв Петровича с асфальта, мы отряхнули его от пыли, повесили ему на левое плечо его многострадальный автомат и, продолжая задорно хихикать, двинули дальше в сторону плаца.

Пока мы, в хорошем расположении духа с шутками и смехуечками в адрес Петровича и его любимого дерева, с которым он слился в страстном поцелуе, шли вдоль учебного аэродрома, совершенно забыв про все требования строгих статей Устава регламентирующих караульную службу, смущенный Петрович плелся в последней шеренге, растерянно потирая опухший нос.

Слушая его обиженное монотонное бубнение по поводу неожиданно появившегося под самым носом дерева (буквально выскочило «откуда ни возьмись»), мы еще долго не могли успокоиться и с большой охотой комментировали данное событие. Одним из многочисленных предложений было — выдать Артуру армейскую каску, чтобы наш дорогой Петрович не повредил остатки своего мозга, когда в следующий раз надумает бодаться с деревом.

Наш офицер молча топал рядом со строем, старательно скрывая свою улыбку, которая бессовестным образом самопроизвольно растягивалась от уха до уха. Делать нам замечания о неуставных разговорчиках в строю, ему совсем не хотелось. Петрович нас от души порадовал.

Уже стоя на плацу, взъерошенный и сконфуженный Петрович еще долго и нудно, с нескрываемой обидой в голосе страстно клялся, что на выпуске из училища, обязательно спилит злосчастное дерево «под самый его корень», к чертовой бабушке. Слушая эту ахинею из уст нашего товарища, мы только тихо посмеивались. Его никто не отговаривал, хотя судьба легендарного дерева нам всем была далеко небезразлична.

Просто, хорошо зная натуру самого Петровича, за судьбу красавицы-липы никто из нас нисколько не переживал, ибо Петрович никогда и ничего не доводил до логического завершения. Он всегда и повсеместно был в постоянных сомнениях, в бесконечном самоанализе, в мучительных раздумьях и в творческом поиске.

52. Война за водные ресурсы

Лето! Невыносимая жара, термометры зашкалило, асфальт плавится под ногами. Курсантская форма ХБ из экологически чистой хлопчатобумажной ткани не спасает, все ребята ужасно и обильно потеют. На спинах парней виднеются многочисленные узоры — белые солевые разводы. Кожа под мышками рук и в паху постоянно мокнет. От прикосновения с прочной тканью, нежная кожа быстро натирается и воспаляется. Многочисленные опрелости вызывают неприятные болевые ощущения и доставляют невыносимые страдания даже при обычной ходьбе. Ноги, закутанные в портянки и обутые в яловые сапоги, просто варятся заживо. Обильный горько-соленый пот стекает по лицу, попадает в глаза, разъедает веки. Носовые платки хронически мокрые и тоже пропитаны солью. Они уже не впитывают влагу. Вытирать ими глаза бесполезно, будет только хуже.

Единственное и желанное облегчение наступает только в одном случае — когда, добравшись до казармы, появляется возможность сбросить одежду и попытаться омыть свое разгоряченное тело, покрытое липким противным потом, стоя у раковины желанного рукомойника. Но и это не всегда доступно.

Старая изношенная система водоснабжения училища, абсолютно не справляется и не может обеспечить достаточный напор воды при ее массовом потреблении. А потребление, не просто массовое, оно — поголовное.

Курсанты постоянно стоят в бесконечно длинных очередях к умывальнику, чтобы хоть немного ополоснуть запревшую кожу, смыть липкий вонючий пот, разъедающий глаза и хотя бы на мгновение, почувствовать иллюзорное, призрачное и долгожданное облегчение. Облегчение, которое очень быстро исчезает, фактически сразу, как только наденешь пропитанную насквозь, потом и солью, военную форму.

О портянках разговор, вообще, отдельный! Аромат, просто сногсшибающий! Высушенные портянки, принимают прочность фанеры. При малейшей попытке намотать их на разопревшие и опухшие ноги, с портянок начинала осыпаться соль. Соль проступала сквозь толстую кожу яловых сапог, покрытых не одним слоем ваксы. Народ, реально изнемогал от аномального и непривычного для сурового Урала необычайно жаркого лета.

Наша 4-я рота дислоцировалась на втором этаже старого здания, и напор воды в кранах был явно слабоват и недостаточен. Жадно подставляя руки под тоненькую струйку противной теплой

воды, мы проклинали жестокое и равнодушное солнце, которое почему-то сошло с ума и решило изжарить нас заживо.

Мы проклинали убогую форму одежды, образца 1936 года, не приспособленную к подобным погодным условиям с высоким температурным режимом, тяжеленные яловые сапоги с портянками, высокий подворотничок на крючке, который запрещено было расстегивать, даже под угрозой получения теплового удара.

Мы проклинали старый водопровод, с извечным дефицитом воды, а так же всех и каждого, кто мог бы встать на пути между нами и спасительной живительной влагой. Однако так плохо было далеко не всем. Кому-то было еще хуже, чем нам.

Положение соседей сверху было вообще катастрофическим. У ребят в 16-й роте, краны в умывальниках лишь жалобно шипели и скупо плевались слабыми брызгами, выдавая более-менее приемлемые порции воды лишь только в ночное время, когда общее потребление живительной влаги радикально снижалось.

Зато, соседи снизу — 5-я рота, наслаждались изысканными водными процедурами в бессовестно полном объеме. Они могли позволить себе протянуть резиновый шланг на улицу и под видом поливки цветов на клумбах вокруг казармы, массово и весело, с шуточками и смехуечичками, принимать почти настоящий душ.

Нам же и соседям с третьего этажа, подобная роскошь была недоступна и только снилась. Все жители 2-го и 3-го этажей, страшно завидовали, особенно — с 3-го. Форма у ребят из 5-й роты была всегда свежей и чистой, так как проблем со стиркой никогда не возникало, воды было в избытке, хоть залейся. Их, свежевыстиранные портянки, нагло развевались на фрамугах распахнутых настежь окон.

Наши слабые и призрачные надежды на вечерний заход солнца, не оправдывались. По ночам облегчение тоже не наступало. Раскаленный за день асфальт и стены зданий активно аккумулировали солнечную энергию и ночью щедро делились выматывающим жаром и всепроникающей духотой с тщетно пытающимися забыться в тревожном сне курсантами училища ВВС. Складывалось впечатление, что мы все находимся внутри гигантской русской печки и, нас методично поджаривают.

Спасение было только в воде. Водные процедуры стали навязчивой идеей и постоянной мечтой всех и каждого.

Однажды в субботу, в районе 15 часов дня, после импровизированного душа в раковине умывальника, курсант Евгений Ящиков, в одних трусах, образца семейной модели и армейских тапочках с порядковым номером 143, довольный и в хорошем настроении, улегся у открытого окна, прямо на

подоконнике.

Стоит отметить, что подоконники в казарме были знатные, почти метр шириной. Их длинна была около двух метров, и они очень подходили для удобного расположения медитирующего тела полусонного курсанта в горизонтальной плоскости. Спасибо гитлеровским гастробайтерам! Отдельное спасибо, бойцам Красной армии, пленившим этих добросовестных работников и знатных строителей под Сталинградом в 1942-43 годах. Жаль, конечно, что этих фашистов рано освободили и отпустили домой. И обалдевшая от такого счастья немчура не успела решить жилищную проблему в Советском Союзе. Очень жаль! Потому как, в бредовых речах очередного генсека нашей славной и заботливой партии М.Горбачева, отдельное жилье нам светило не ранее, чем в 2000 году. А до 2000 года, целых 15 лет, где ютиться? Где жить? Ну ладно, пусть это останется на совести Горбачева. Сейчас речь не об этом. Итак!

Все окна в здании были открыты, и почти на каждом шикарном подоконнике возлежал курсант, загорая на солнышке. Офицеры батальона находились на каком-то очередном совещании, посвященном развитию воинского братства, взаимовыручки и укреплению воинской дисциплины, особенно в условиях скудности и дефицита водных ресурсов. Власть в батальоне отсутствовала, младшие командиры были не счет. Они сами валялись у открытых окон, ловя легкий слабый ветерок и попутно шлифуя солнечный загар до шоколадных оттенков.

Жека Ящиков, после принятия водных процедур, не вытирая капельки живительной воды со своего крепкого загорелого тела, спокойно улегся на удобном подоконнике. Ибо, по странностям общевоинских Уставов, ложиться на свою родную кровать посреди белого дня — это преступление более тяжкое и дерзкое, чем распластаться на подоконнике у открытого настежь окна. За лежание на кровати, почему-то, наказывали гораздо строже?!

Ящиков, не вставая с подоконника, вытащил из своей прикроватной тумбочки ножницы и начал подстригать ногти на руках, насвистывая какую-то мелодию. Весь его внешний вид источал благодушие и игривое настроение.

Из его открытого окна раскрывался замечательный вид на буфет и кулинарию, где курсантская братия, отстояв в длинной очереди, получала возможность попить нормальный компот из свежих фруктов и съесть сладкий коржик или булочку, а еще — прикупить 200–300 грамм конфет. Благодать!

В это время, из дверей буфета вышли двое курсантов из 16-й роты, расположенной на третьем этаже нашего здания. Скор подходила их очередь в кассу, а бежать на третий этаж за

деньгами не хотелось. Жарко, душно и высоко.

Ребята быстро подошли к стене здания и, задрав головы, начали дружно свистеть и вызывать своих сослуживцев. Сверху отозвались, после активных, но скоротечных переговоров с 3-го этажа сбросили вниз деньги и две сумки. Дополнительно, продиктовали обширный заказ на кефир и сдобную выпечку.

Получив наказ, гонцы скоропостижно скрылись в буфете. Женька неспеша и аккуратно подстриг ногти на одной руке и принялся за вторую. Вскоре, из буфета вернулись курсанты 16-й роты с объемными сумками, они опять подошли к стене и засвистели. Сверху им опять ответили.

— Ну что?! Все взяли?

— Ага, как заказывали и даже больше! Слушай, Боб, мы сейчас дойдем до КПП, моя Светка должна подойти с подругой. Хочу Стаса познакомить. Скинь веревку, а то пока сумки на третий этаж затащим, вспотеем и провоняем как кони. А это не эстетично, сам понимаешь!

— Лады! Слушай, а для меня у Светки подруги не найдется? Мне бы надо такую, чтобы картошечку жарила с хрустящей корочкой. А?! За жареную картошку с корочкой, я что угодно сделаю, даже родину продам. Внешность не самое важное, главное, чтобы готовила хорошо. Хотя, законченного крокодила тоже не надо! А то, картошка в рот не полезет. Спроси, ладно?!

— Спрошу. Бросай веревку.

Сверху спустилась веревка, типа бельевой. Ребята, стоящие на газоне, привязали к ее концу объемный груз и дали команду: «Вира!» Тяжелые сумки поползли наверх, медленно вращаясь на веревке и периодически цепляясь за стены. Двое курсантов остались стоять внизу на своем месте, затаив дыхание, наблюдая за подъемом продуктов. Путь веревки, поднимающей драгоценный груз, проходил как раз через окно, на подоконнике которого, возлежал курсант нашей 4-й роты, отличник боевой и политической подготовки «Ев Гений» Ящиков из города Воронежа.

Далее, события пошли развиваться строго по сценарию первой серии мультфильма «Ну, погоди!» Жека, подстригая ногти, временами бросал многозначительный взгляд вниз, как будто, что-то задумывая и прикидывая. И в тот момент, когда сумки с провизией почти поравнялись с его подоконником, Женька неуловимым движением обрезает веревку. Сумки, естественно, летят вниз, прямо на головы двух гонцов из 16-й роты. Те, еле успели отскочить в разные стороны. От сильного удара об бетонную опалубку фундамента казармы, сумки разрываются, щедро разбрасывая свое содержимое в радиусе нескольких метров. Из пакетов вываливается печенье и прочая выпечка,

бутылки с кефиром и молоком разбиваются, обдав двух ребят, собравшихся на КПП для свидания с девушками, белой густой жижей кефира и брызгами молока. Снизу и сверху раздались крики отчаяния и самые отборные ругательства.

Из окон сверху высунулись разъяренные курсанты, не получившие заказанные вкусности. Снизу под окнами прыгали перепачканные гонцы. Шум, гам, крики, взаимные обвинения.

— Ты плохо привязал!

— Ты слабо тянул!

— Веревка порвалась!

— Не удержал, скотина!

— Узел не затянули!

— Сейчас, яйца тебе перетянем и хуль узлом завяжем!

— Себе завяжи, придурок!

— Наверно, веревка гнилая!

— Сам гнилой!

— Руки из жопы растут, говнюк!

— На ней мы тебя и повесим!

— Козлы и уроды! Себе хуль завяжите!

— Что мы есть будем?!

И т. д. и т. п. и много еще чего интересного и содержательного из армейского лексикона. Страсти кипели нешуточные. Продуктов пропало немеренно. По курсантским меркам — целое богатство. Все кричали, обвиняя друг друга, искали виноватых. И только Ящиков продолжал отрешенно и спокойно подстригать свои ногти. Все происходящее снизу и сверху, его как будто бы не интересовало.

Собрав сумки, остатки еды и обрывок веревки, гонцы поднялись в свою роту на третий этаж, чтобы умыться и переодеться, а так же — более досконально разобраться в случившемся. Их долгожданное свидание с девушками, явно, откладывалось.

Курсант Ящиков, закончив наводить маникюр, гаденько усмехнулся, отложил ножницы и сладко потянувшись, с чувством выполненного долга, разлегся на подоконнике принимать солнечные ванны. Его состояние было близко ко сну, на границе глубокого сладострастного обморока, местами переходящему в нирвану.

Лелик, который только что ополоснулся, и еще не успел обсохнуть, видел все происшедшее. Подойдя к окну и опершись на подоконник, он обратился к Женьке.

— Ящик, зачем ребят обидел?

Не открывая своих бессовестных глаз и подставляя лицо под солнечные лучи а, также расплываясь в открытой пакостной

улыбке, Женька Ящиков лениво ответил.

— Ты знаешь, Леля?! Чего-то вдруг, вспомнил мультик, где волк обрезает канат и ему на голову падает монтажная люлька с бегемотом! Ха-ха! Правда, смешно?! И к тому же, если честно, то — это банальный приступ зависти! Мы тут паримся, слюну глотаем, а они будут печенье за обе щеки точить и кефиром запивать?! Неправильно это. В жизни во всем должна быть гармония и справедливость. Всем все или никому ничего! Вот главное кредо в армии. Единообразие во всем, даже в безобразии. Парни решили выделиться, возвыситься над нами и получили законное возмездие. Это своего рода акт справедливости и…

— Кончай трепологией заниматься, болтун! Все знают, что у тебя язык без костей! Философ хренов! Высшую материю под свое гадкое поведение подвел и доволен, как жук-говноед на куче навоза. Послушаешь эту фигню и сразу хочется орденом Сколиоза Горбатого тебя наградить, с занесением в грудную клетку! Короче, Спиноза, не трать на меня свое убогое красноречие. Мне интересно другое. А если парни сверху, два конца веревки соединят воедино?! Что тогда? Бока тебе точно намнут, мало не покажется! Голодный курсант — это оружие массового поражения, безжалостного уничтожения и глобальных разрушений. Сам знаешь. Нажил врагов, целую роту!

— А?! Я тебя умоляю! Я все рассчитал. Я же Евгений! евГЕНИЙ! Понятно? Эти лопухи еще долго будут друг друга обвинять, виноватых искать. Ха-ха! А дураков надо учить! Чтобы скорее поумнели! Их скудному умишку не дано осознать. .

Женька не успел договорить глубокомысленную и заранее заготовленную умную фразу-клише, как соседи сверху, высыпали на него целое ведро сухих белил. Соединили, все-таки ребятки из 16-й роты два конца веревки воедино. Соединили и увидели истинную причину катастрофического падения долгожданного и драгоценного груза. Прикинули плюс к минусу, член к носу и сразу же адекватно отомстили. Никогда не стоит недооценивать соседей. Заслуженная кара и гарантированная месть последовали незамедлительно.

А курсант Ящиков отчаянно кашлял и плевался. Белила щедрой порцией попали ему в открытый рот. Белый порошок покрыл Женьку идеальным и равномерным по толщине слоем. Он напоминал негра, только белого! Весь подоконник, часть пола у окна, а так же вся кровать Женьки и его тумбочка, были засыпаны толстым слоем белил. Сверху донесся задорный боевой клич, довольный смех и злорадные комментарии. Расплата попала точно по адресу. Но на этом, ничего не закончилось, а все только начиналось.

Белый Ящиков, растерянно хлопая глазами и смешно растопырив руки в разные стороны, словно пингвин, смешно шаркая тапочками с номером 143, побежал в умывальник. Там, оттеснив огромную очередь из страждущих облегчения, под тоненькой струйкой воды он попытался смыть белила. Получалось не очень хорошо. Женька слегка смочил сухую белую пыль и теперь тщетно, но очень старательно размазывал по телу образовавшуюся алебастроподобную кашу.

Тем временем, события продолжали стихийно развиваться. Пока Женька был еще только на середине своего стремительного пути к умывальнику, с первого этажа здания раздался новый душераздирающий вопль.

Из распахнутого настежь окна 5-й роты высунулась белая голова ни в чем неповинного перепачканного курсанта. Белила, пролетев наш второй этаж и запачкав Жеку с ног до головы, под действием силы тяжести, плотным и однородным облаком опустились на землю, окрасив траву на газоне. Опускаясь вниз, в строгом соответствии с законом Ньютона о всемирном тяготении, белила полномасштабно и качественно зацепили загорающего парня из 5-й роты, мирно возлегающего на подоконнике первого этажа казармы. Пострадавший невинно курсант из 5-й роты грязно ругался и требовал сатисфакции. С третьего этажа ему вежливо ответили.

— Прости брат! Тебя нечаянно зацепило. Мы хотели говнюка из 4-й роты накрыть! Поверь на слово, есть за что! Редкостный мерзавец, местами даже циничный подонок! Покусился на святое! Прости нас! Не держи зла, пойми правильно!

Услышав, что его обозвали говнюком, недомытый Ящиков искренне возмутился и, будучи еще грязным, сразу бросил помывку и прибежал в спальное помещение. Высунувшись по пояс в окно, он начал орать.

— Это я говнюк?! Да?! Тогда, вы — недоразвитые дебилы и законченные гомосеки, причем все поголовно. Эй, где вы, высуньте ваши идиотские морды! Слабо, посмотреть глаза в глаза! Трусы! Только и можете, из-под тишка! Нежданчиком! Ну, придурки! Где вы?! Алло! Педики! Петя, Петя, петушок! Золотой гребешок! Масляно головушка, шелкова бородушка, выгляни в окошко, дам тебе горошка! Цыпа, цыпа, цыпа! Цыпа, цыпа, цыпа!

Продолжая орать, Ящиков незаметно взял огнетушитель, стоявший в пожарной пирамиде под подоконником, снял предохранитель и взвел его в боевое состояние. Как только из окон третьего и первого этажа высунулись оппоненты, чтобы достойно ответить наглецу, Женька разрядил огнетушитель во всех своих обидчиков, а так же и в случайных зрителей

возникшей перепалки. В результате, вместе с непосредственными участниками событий, мощная струя пены окатила и праздных любопытствующих, которые тоже выглянули в открытые окна.

А Женька в азартном порыве щедро поливал всех и каждого, не разбирая и особо не задумываясь о последствиях. Он лил и вверх и вниз, пока фонтан пены не иссяк.

Конфликт зацепил новых участников. Ряды обиженных бойцов, требующих немедленной сатисфакции, резко пополнились воинствующими новобранцами, обтекающими потоками пузырящейся пены.

Удовлетворенный Жека, отставив пустой огнетушитель, победно заржал и пошел умываться дальше. А ему на смену к раскрытому окну подошел сержант Валера Гнедовский, с искренними намерениями, по-доброму, мирно разрешить набирающий обороты скандал. Он уперся руками в подоконник и по пояс высунулся в окно. Зря он это сделал. Из окна сверху, на Валеру вылили ведро грязной воды. Похоже, у соседей сверху, шла половая жизнь, в полном разгаре. А снизу, прямо в лицо Гнедовскому прилетел кусок тряпки, густо смазанный сапожной ваксой. Валера обескуражено замер. В принципе, он не успел еще сказать ни одного слова. Он так и остался стоять, по пояс, высунувшись на улицу. По его светло русым волосам и мускулистой борцовской спине стекали потоки очень грязной воды, а на щеке красовался черный поцелуй сапожной «негритянки». Сверху и снизу раздались робкие извинения.

— Извини! Мы, не в тебя, хотели попасть. Так получилось. Мы думали, это тот мудак с огнетушителем.

Но было поздно извиняться. Гнедовский похоронил свое желание о проведении мирных переговоров, выкопал топор войны и мгновенно включился в самые активные боевые действия. Второй огнетушитель, из его рук, излил свое содержимое в лица, извиняющихся ребят 5-й и 16-й роты. Когда струя пены закончилась, Витя Копыто услужливо подал Валерке третий баллон, уже заботливо снятый с предохранителя. Война продолжала набирать обороты.

Конфликт разрастался, как снежный ком, втягивая в свои ряды новых участников. Три роты, расположенные в одном здании, сцепились в азартной схватке. Стоит сразу отметить, что до кулачных боев, дело не доходило, ибо синяки и факты открытого мордобоя рассматривались на педагогическом совете училища, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вплоть до отстранения от обучения и отчисления из училища, без надежды на восстановление.

Около 400 человек приняли самое активное участие в

артиллеристской дуэли. В ход пошло все. В небе летали тапочки, сапожные щетки, банки с ваксой.

Врагов, расположенных ниже, посыпали алюминиевым порошком — «серебрянкой», приготовленной для покраски батарей парового отопления. А также, поливали дефицитным мебельным лаком, грязной водой, пеной из огнетушителей. Наверх забрасывали комки солидола и ветошь, смоченную в растворе аммиака. В бою использовалось все, что попадало под руку разгоряченным воякам.

На обломок швабры намотали старую тряпку, затем, щедро помакали ее в туалетном очке и забросили в 5-ю роту, через открытое окно. Громкий негодующий вопль снизу, известил, что наш снаряд с фекальной начинкой, благополучно достиг своей цели. Азарт и веселье захлестнуло всех участников этого грандиозного побоища.

5-я рота, получив вонючую посылку, пошла на радикальные меры. Их курсанты размотали резиновый шланг, подсоединили его к крану и, выскочив на улицу, стали поливать наши открытые окна. Все кровати, стоящие возле внешней стены здания мгновенно промокли. Мы попали в невыгодное положение. Наша рота оказалась между двух огней, между молотом и наковальней. Сверху, нас забрасывали всяким мусором, а снизу — обильно поливали водой. Ситуация складывалась непростая. Мы были на грани поражения и вынужденной капитуляции.

В это тяжелое для роты время, наш евГений и первопричина этой текущей войны в одном лице — Жека Ящиков выдал интересную мысль.

— Пацаны, когда 5-я рота подключила свой водомет, у нас в кранах исчезла вода! Вообще! Ее нет, ни капли! Возможно, у них есть вентиль, которым можно закрывать воду. Если это так, то все это время, наглая 5-ка обделяла нас, регулируя и занижая напор.

— Вот уроды! Надо проверить! Воровать воду, это же… полный писец!!!

Воспользовавшись всеобщим увлечением боевыми действиями, Ящиков, Петровский и я, вооружившись пассатижами и ножовкой по металлу, выскочили на улицу и, забежав за угол казармы, через открытое окно, проникли в умывальник 5-й роты. Женька встал на «шухер», а мы с Петровским ринулись шарить по стоякам труб.

Осмотрев все трубы, Петровский обнаружил плотно затянутый вентиль, который располагался на магистральном стояке, обеспечивающим водой нашу роту и 16-ю роту на третьем этаже здания.

Не говоря ни слова, мы действовали быстро и дерзко. Курсант

Петровский открутил вентиль до упора, открывая доступ воды в вертикальный стояк трубы, а я быстро перепилил ножовкой шток крана вместе с ручкой-барашком. Перепилил у самого основания контровочной гайки крана. Водяная заслонка крана осталась в открытом положении и лишилась возможности закрываться. На улице раздались недовольные крики ребят из 5-й роты. Напор воды в шланге резко упал, и струя еле-еле доставала до наших окон на втором этаже, фактически не причиняя нашим парням никакого вреда.

Мы выскользнули незамеченными обратно в открытое окно умывальника 5-й роты и, опять оббежав здание по кругу, по лестнице поднялись в расположение родной роты. В нашей казарме царствовал поросячий восторг и поголовная эйфория. В умывальнике, в кранах был фантастически сильный напор воды. Такого мы не видели ни разу. Значит, «рваные гандоны» и «земляные червяки» из 5-й роты, регулярно обворовывали нас и ребят сверху.

К соседям наверх был незамедлительно отправлен гонец с этим эпохальным известием. А, как известно, парламентеров и гонцов, приносящих благие вести, сразу не бьют, то Ящиков добровольно вызвался стать переговорщиком. Он прихватил белое полотенце — импровизированный флаг, и побежал к соседям наверх. А мы продолжили войну.

Получив неограниченный доступ к воде, наши парни разыскали в каптерке старый резиновый шланг, подсоединили его к рукомойнику и принялись поливать соседей снизу. Инициатива перешла в наши руки. Бомбежка сверху постепенно стихла. Это наш парламентер Женька Ящиков, повел соседей из 16-й роты в их умывальник и продемонстрировал наличие воды, неожиданно появившейся в кранах, посреди белого дня. Попутно, он объяснил причину возникновения приличного напора в системе водоснабжения, раскрыв всю неприглядную вину соседей снизу из 5-ки.

Соседи сверху, моментально обидевшись на хитрожопых и коварных курсантов из 5-й роты, долгие годы державших их на сухом пайке, сразу же перешли на нашу сторону, великодушно простив нашей 4-й роте перерезанную веревку и потерю продуктов.

Боевые действия развернулись с новой силой. 5-я рота, лишившись всех преимуществ в этом локальном конфликте, спешно закрывала свои окна. Дабы, не захлебнуться в потоках воды, низвергаемых нами в их окна в больших объемах и количествах, и не утонуть в колоссальных объемах мусора, ваксы и солидола, которыми завалили их благодарные соседи с третьего

этажа.

Изолировавшись за закрытыми окнами, 5-я рота начала проводить уборку спальных помещений, пострадавших в результате нашей глобальной битвы. Лишившись притока свежего воздуха и некогда обильных водных ресурсов, парни из 5-й роты, быстро потели и сильно воняли. При малейшей попытке открыть окно и впустить в помещение вечернюю прохладу, на них сразу же изливался новый поток воды, и обильно сыпались мусорные бомбы. Месть ребят из нашей 4-й роты и 16-й роты с третьего этажа казармы была ужасной, а память и обида — долгой.

У наших распахнутых настежь окон, постоянно дежурили ребята, ожидающие и зорко отслеживающие все факты открытия любого окна на первом этаже. Сразу же в него влетала очередная посылка с вонючим приветом.

Монополия на водные ресурсы, для 5-й роты закончилась. Самостоятельно заменить кран в магистральном водопроводе они не могли. Их звезда закатилась. Бог воды — Нептун, покинул свою нерадивую паству.

К тому времени, как офицеры батальона вернулись со своего супер важного совещания, война уже самопроизвольно закончилась. Курсанты успокоились и принялись наводить порядок в помещениях своих подразделений. Замывали следы белил и «серебрянки», оттирали ваксу и солидол. Осторожно собирали грязные и вонючие тряпки, застирывали белье, сушили форму и одеяла с залитых водой кроватей.

Командир 5-й роты — майор Череп, зайдя в душное помещение со спертым воздухом, и с сильным запахом фекалий и аммиака, сразу же возмутился нерадивостью своих подчиненных, которые ленятся открыть окна и сидят в зловонной духоте. Будучи импульсивным и нетерпеливым человеком, он стремительно подошел к окну и резко распахнул его. В это самое время, ему на голову, сразу же вылилось ведро чистейшей холодной воды. Довольный Витя Копыто громко закричал.

— Yes! ЗаеBeetles! Получил, козлина?!

Неугомонный Витя, вдохновленный легкой победой, высунулся из окна, чтобы разглядеть лопуха, которого только что искупал с ног до головы. Увидев мокрую офицерскую фуражку и майорские погоны, Витя Копыто от неожиданности и крайнего удивления выронил ведро, которое со свистом пролетело мимо обалдевшего и обтекающего Черепа.

Разъяренный командир 5-й роты, высунувшийся в окно в надежде разглядеть и запечатлеть в своей памяти фотографию наглеца, покусившегося на честь и достоинство офицера, еле увернулся от падающего ему на голову пустого ведра, которое,

пролетев мимо, ударилось о бетонную опалубку фундамента здания и сильно погнулось. В результате, Череп не успел увидеть лицо наглеца, щедро подмочившего его командирскую репутацию, но громко и матерно поклялся обязательно разыскать и лично кастрировать этого мерзавца.

Видя, какой неблагоприятный расклад принимает это пакостное дело, курсант Копыто благоразумно и скоропостижно затерялся в недрах спального помещения, усиленно и талантливо создавая видимость того, что он — Витя Копыто, к данному происшествию не имеет никакого отношения и вообще абсолютно не причем.

Через некоторое время, буквально через 1-ну минуту, нашу роту экстренно построили, и майор Череп, мокрый и мрачный, долго бродил вдоль строя наших, еле сдерживающих смех, курсантов. Командир 5-й роты бродил с погнутым ведром в руке, на котором ярко синей краской было размашисто и неаккуратно намалевано: «4 рота, туалет».

Поиски ничего не дали, своего обидчика, Череп так и не узнал, а добровольно Витя не признался. Ибо, по его искреннему убеждению: «Чистосердечное признание — это кратчайший путь на гауптвахту!» А сидеть в такую жару, в душной камере?! Спасибо, увольте! Дураков нет!

К тому же, наш ротный Володя Нахрен, досконально разобравшись в обстоятельствах покушения на командира 5-ки, своевременно и очень убедительно наехал на Черепа с грубыми претензиями за перекрытый вентиль и несанкционированно ограниченный доступ к воде. Он резко посоветовал командиру 5-й роты, не нарываться на более крупные неприятности и, не злоупотребляя нашим гостеприимством поскорее отбыть в расположение своей роты, для дальнейшего плодотворного командования стадом презренных водяных воров. Иначе, об обстоятельствах данной водяной войны, а именно — о хитром вентиле, будет немедленно поставлен в известность главный третейский судья — кровожадный Пиночет, тьфу, тоесть — справедливейший из смертных комбат Серов.

Обиженный и мокрый Череп, прижатый тяжестью справедливых обвинений, раздраженно бросив гнутое ведро на пол, ушел восвояси. Володя Нахрен усмехнулся, небрежно махнул рукой и скрылся в своей канцелярии. Он ушел обдумывать пути реализации своевременного распоряжения Пиночета о скорейшем внедрении в жизнь своевременного лозунга о повсеместном и всеобщем развитии воинского братства и взаимовыручки на фоне очередного укрепления строгой уставной дисциплины.

В это самое время, прямо у нас над головами раздавались

восторженные крики и громкий топот. Это на третьем этаже казармы, курсанты 16-й роты восторженно качали нашего Жеку Ящикова.

Все ребята искренне благодарили его, как своего чудесного спасителя от изматывающей жары и жажды. Они дружно и восторженно подкидывали Женьку, в признательность за подаренную воду. Польщенный Ящик великодушно принял все эти заслуженные знаки внимания к своей фигуре и позволил немного побросать себя в воздух, под 5-ти метровые потолки казармы.

О своем личном и персональном участии в процессе разрезания веревки, поднимающей сумки с продуктами, Женька скромно умолчал. Скромность — это вообще была его самая яркая положительная черта.

Как он потом неоднократно высказывался, ему просто не захотелось портить хорошее настроение ребят и общую атмосферу праздника в многострадальной 16-й роте. Гуманист, ничего не скажешь!

По итогам этих событий, Жека стал лучшим и самым желанным гостем у благодарных соседей сверху. Они всегда и охотно приглашали Ящикова воспользоваться их очередью в буфете. И Жека никогда не отказывался. Естественно, не корысти ради, а только чтобы не обидеть радушных ребят из 16-й роты и для поддержания исключительно добрососедских отношений. Тактичный парень, не так ли?! Сама скромность! Жека! Женька! Ящик! Джон! Джексон! Евгешка! Евгеша! Геша! Евгений! евГений! Гений!

53. Синие паруса

С участком территории военного училища ВВС, закрепленной для ежедневной уборки, за нашим 45-м классным отделением нам явно и несказанно повезло. Нам достался самый лакомый и перспективный кусок непосредственно у КПП — контрольно пропускного пункта, причем с внешней стороны забора.

А это, в свою очередь давало нам гарантированную возможность назначать внеплановые свидания со своими знакомыми девушками, независимо от наличия или всеобщего запрета увольнений в город, так как приводить училищную территорию в порядок — подметать ее летом, убирать опавшие листья осенью и вычищать снег, обильно выпадающий каждую суровую уральскую зиму, требовалось ежедневно. И это было очень удобно.

Даже, если у кого-то из ребят на данный момент не было знакомой дамы сердца, все равно на уборку территории ходили все курсанты нашего дружного 45-го отделения и всегда с нескрываемым удовольствием, так как появлялась реальная возможность выйти за пределы официально охраняемой границы военного училища, подышать пьянящим воздухом относительной свободы.

Вроде, чего тут особенного? Вот забор, вот воздух?! Ан, нет, с внешней стороны колючей проволоки, воздух всегда чище и приятней. И чего скрывать, конечно же, ходили поглазеть на симпатичных девчонок, которые пришли на свидание пусть не к тебе, а к твоим товарищам. Но каждый курсант лелеял в душе смутную надежду познакомиться с самой красивой девушкой на свете, которая чисто случайно пришла к училищу со своей подругой — просто за компанию или из любопытства и сейчас скучает в сторонке, пока ее подруга шепчется и украдкой целуется со своим пылким возлюбленным. Вы нечаянно пересекаетесь с ней глазами, густо краснеете и понимаете, что это и есть ваша судьба. Наивно и трогательно?! Не спорю, но все в этой жизни возможно и такое тоже бывало. Поверьте на слово.

Рядом со зданием КПП на красивом бетонном пьедестале торчал устремленный в небо настоящий, но списанный с военной службы удивительно красивый самолет МиГ-21, что придавало определенный ареал романтизма и не побоюсь этого слова — героизма, к портрету юного защитника Родины в глазах изящной красавицы на коротком, но жарком свидании. Согласитесь, вдвойне приятно, провести время с красивой девушкой, пока твои

сослуживцы убираются на территории, давая тебе возможность поворковать с желанной и такой соблазнительной подругой, уединившись на ближайшей лавочке под густой ниспадающей кроной плакучей ивы. А ребята в это время активно шуршали на территории, временами бросая в вашу сторону понимающие и откровенно завистливые взгляды.

Стоит обязательно отметить, что роскошные ивы росли по берегам небольшого, но очень живописного пруда, который тоже входил в зону ответственности нашего 45-го классного отделения. Следовательно, за порядок на поверхности данного водоема мы тоже несли самую полную ответственность.

Скажем честно — два года пруд не доставлял нам вообще никаких хлопот. Он образцово замерзал глубокой осенью и всегда самостоятельно оттаивал весной в положенное время, давая необходимое количество живительной влаги для произрастания на его пологих берегах большого количества красивейших плакучих ив.

Кстати, была даже такая курсантская легенда, что эти ивы — есть ни что иное, как души красивых девушек, которые не дождались своих женихов, выпустившихся из нашего авиационного училища в грозные годы Великой отечественной войны и сложивших свои героические головы на полях жестоких сражений.

Если быть откровенным, то среди ребят гуляла еще одна легенда. Но уже связанная с грозным красавцем МиГ-21, безмолвно стоящем на пьедестале. Она была достаточно современная и совсем не такая романтичная как легенда о роскошных старых ивах. Суть курсантской байки была такова, что если линию КПП пересечет хотя бы одна девственница, то двигатель самолета самопроизвольно запустится, выйдет на форсаж, самолет сорвется со своего пьедестала и унесется в бескрайнюю синеву неба, оставляя за собой белый пушистый инверсионный след, который самопроизвольно сложится в имя этой феноменальной героини.

Так как на территорию военного училища девушек вообще никогда не пускали, то проверить на взлетающем МиГе их целомудренность не представлялось возможным по определению. Поэтому приходилось полагаться на несколько другие способы, но это уже личное дело каждого и согласитесь — нас это не касается.

Итак, немного отвлеклись и сейчас речь абсолютно не об этом. Мы авиаторы, а не гинекологи там какие, прости господи и не обязаны вывешивать на воротах КПП простыню с постели любимой девушки после лямур-тужур-абажур и все такое.

Каменный век и времена мракобесия давно закончились.

В бытность нашей учебы, на суровом и капризном на погоду Урале неожиданно случилось аномально затяжное и фантастически жаркое лето. Асфальт бессовестно плавился, а все люди поголовно потели — это само собой разумеющееся но, обалдев от такой непривычной жары и феноменально благоприятных условий, разная всевозможная живность и всякая там растительность стали плодиться безмерно, без малейшего стыда и оглядки на совесть. В том числе размножилась и немногочисленная некогда «ряска» — маленькое плавающее растение, на поверхности нашего пруда, заполонив его полностью и покрыв всю площадь воды в несколько толстых слоев — от берега до берега.

Не прошло и пары недель жаркой погоды, как наш некогда уютный прудик постепенно и незаметно превратился в противное зеленое зловонное болото. Для полного завершения гармоничной картины не хватало только кваканья лягушек.

Видя такую неэстетичную картину, проезжающий мимо пруда на своей служебной «Волге» начальник училища приказал остановиться. Брезгливо посмотрев на густое месиво из ряски, он вызвал к себе командира нашего 1-го батальона полковника Серова и дал ему категорическое указание: «Срочно привести училищный пруд в надлежащий вид».

Пиночет старательно втянул живот, образцово вытянулся, и подобострастно выпучив глаза, бодро ответил: «Есть!» Прибыв в свой кабинет, комбат незамедлительно вызвал к себе командира 4-й роты капитана Хорошевского и передал ему категорический приказ генерала. Нахрен лениво скривился, но пронзенный насквозь испепеляющим взглядом Пиночета молодцевато вытянулся, услужливо прогнув спину и сексуально оттопырив зад, громко рявкнул: «Есть!» Добравшись до своей канцелярии, Нахрен вызвал лейтенанта Зайчика и озадачил уже его в свою очередь, не откладывая в долгий ящик решить проблему по срочной и качественной очистке пруда. Удрученный Зайчик построил наше отделение и свалил проблему по борьбе с обнаглевшей ряской на наши курсантские головы. Сержант Гнедовский почесал свою черепушку, приказал брать лопаты, грабли и прочий шанцевый инструментарий и выдвигаться в район пруда.

Осмотрев на месте необъятный фронт работ, мы растянулись на берегу в редкую цепочку по периметру пруда и начали граблями и лопатами вытягивать ряску на берег. Работа спорилась не шатко, не валко и через некоторое время поверхность воды, «до куда» хватало длины черенков лопат и граблей, была худо-бедно очищена от плавающей растительности.

Тем не менее, в центре пруда красовалось недосягаемое для нас смачное пятно ряски, которое лениво колыхалось плотным зеленым ковром. Стоим, отдыхаем, попутно — думу думаем, различные мысли размышляем. Задача поставлена — надо делать. Как? Это уже наши проблемы. Посовещавшись, решили смастерить плот. Ребята побродили по окрестностям пруда и вдоль забора училища в поисках материалов более-менее пригодных для постройки плавательного средства. В течение получаса парни приволокли на берег пруда кто — полусгнившие бревна, кто — обрезки досок.

Приложив к найденным материалам пару десятков ржавых гвоздей и сноровку, мы сколотили плот. Плот получился кривой и убогий, но мы спустили его на воду с торжествами и помпезностью не хуже, чем у роскошного круизного лайнера. Плот тяжело ухнул в воду, полностью погрузился в зеленую воду, затем нехотя всплыл и остался покачиваться на поверхности, что уже радовало.

Среди нашей курсантской братии быстро нашлись добровольцы, которые, не задумываясь, скинули с себя всю одежду, за исключением казенных трусов синего цвета и, взяв в руки лопаты вместо весел, полезли на плот проводить ходовые испытания. В результате небольшой серии проведенных опытов, выяснилось, что 4-х ребят плот держит на поверхности воды достаточно сносно, а на большее мы и не рассчитывали.

Определив экипаж корабля, главным среди которого вызвался быть Лелик на правах действующего к.м.с. (кандидат в мастера спорта) по гребле на каноэ, остальные ребята столпились на берегу, наблюдая как, загребая штыковыми и совковыми лопатами, команда галеры уверенно выплывает в самый центр пруда.

В то время, пока наш бравый экипаж плота мужественно бороздил просторы училищного пруда, и безуспешно гонял ряску по поверхности воды, пытаясь прибить ее к берегу, к зданию КПП со стороны города приближалась стайка симпатичных и загорелых девчонок в легоньких и модных одеяниях. Все такие аппетитные, красивые, смешливые, смуглые, в открытых маечках и коротких юбочках. Поймите правильно, ну не могли мы пропустить мимо себя такой соблазн на стройных ножках, не могли. Короче, зацепились с ними языком, стоим, треплемся. Вопрос о борьбе с обнаглевшей и безмерно расплодившейся ряской мгновенно отошел на десятый план и далекие заоблачные перспективы.

Пока мы интенсивно блистали своим красноречием и «казарменным» остроумием, ребята на плоту заметно

занервничали. Больше всех взвился Витя Копыто. Еще бы, на берегу девчонки, а он в открытом море. Кошмар! Все лучшее разберут, а он — весь такой красивый и остродефицитный останется у разбитого корыта. Это недопустимо, лучше тогда сразу утопиться в пруду. Ибо, жизнь теряет всякий смысл.

Короче, видя такое развитие событий, Виктора обуяла острая зависть и он начал активно агитировать команду плота немедленно «забить» на ряску в частности и на весь пруд в целом, а так же — на всех парусах срочно лететь к берегу на встречу самой главной любви всей его бестолковой жизни. Ну, или, по крайней мере, чтобы тоже поучаствовать в процессе знакомства с таким перспективным количеством благосклонных красавиц. Парней долго уговаривать не пришлось, они сразу сменили курс и направились к берегу.

А теперь представьте живописную картину — по воде плывет гнилая кособокая хрень, на которой трое крепких парней — а-ля-Аргонавты, дружно и мощно гребут своими веслами-лопатами, создавая приличную волну. Четвертый член экипажа или просто — «член», кому как нравиться, худосочный Витя Копыто важно стоит посреди плота в своих огромных синих труселях, как будто капитан дальнего плавания и громко командует: «И раз, и два!» Лично по мне, Витя Копыто больше походил на длинную и сутулую мачту с жалко трепещущим на слабом попутном ветерке полуспущенным парусом в виде синих армейских трусов необъятного размера.

Неказистый плот постепенно набирает скорость, исключительно из-за мастерства и стараний Лелика который, мощно загребая большой совковой лопатой с неестественно длинным черенком, умудрялся еще удерживать это плавающее недоразумение на относительно ровном курсе. Плот, поднимая приличную волну с гребешками пены, красиво и неудержимо стремился к берегу, до которого оставалось уже совсем немного. Девчонки с любопытством и нескрываемым интересом посматривали на неумолимо приближающуюся водоплавающую лоханку с живописным экипажем на борту.

И тут случилось неожиданное — Лелик как будто прочитал мои мысли про мачту и парус, решил немного покуражиться. Ловким и почти неуловимым движением лопаты, киевлянин Лелик эффектно поворачивает плот на 90 градусов и ведет его вдоль берега, мимо нас и девчонок, стоящих на дороге. Поравнявшись с нами, Лелик дает команду: «Копыто, поднять паруса!» Витя Копыто, приученный за время учебы в военном училище к беспрекословному выполнению полученных указаний и распоряжений инстинктивно схватил себя за трусы и

максимально растянул их в разные стороны.

Картина маслом — по заросшей ряской водной глади пруда двигается шикарная яхта под синими парусами. Девчонки в нескрываемом восторге. Они задорно визжат и хлопают в ладоши. Зрелище стоит того. Не «алые паруса» конечно, скажем прямо, но тоже очень живописно и романтично.

Солидно продефилировав вдоль берега, Лелик как искусный лоцман, опять эффектным маневром развернул плот и красиво пришвартовал его к берегу в промежутке между плакучих ив. Девчонки с нескрываемым интересом во все глаза смотрели на загорелых и улыбающихся ребят с хорошо развитой мускулатурой и загорелой кожей. Лелик вообще был бесподобен. Гигант киевлянин отличался мощной спиной, иссиня черными волосами, красивым и мужественным лицом.

Витя Копыто, желая переключить внимание юных красавиц на себя, комично шлепая босыми ластами по асфальту, вышел на передний план.

— Уважаемые дамы и господа, леди и джельтмены, медам и месью, мистеры и миски, сэры и сэруньи, я имею честь пригласить вас совершить незабываемую «морскую прогулку» на борту комфортабельной яхты. Капитан корабля Виктор Копыто и экипаж приветствует вас…

Витя не успел закончить свою зажигательно соблазнительную речь, а жаль. Тем более, честно говоря, совсем неизвестно чем бы все это закончилось, потому что Витя был красноречив и убедителен, а девушки благосклонно и с юмором воспринимали данную ситуацию. И вполне возможно, что неравная борьба с распоясавшейся ряской, незаметно превратилась бы в веселые покатушки, в компании приятных девчонок на гнилом плоту по училищному пруду. Кто знает?! Все может быть.

Но, за увлекательным процессом охмурения девчонок, мы совсем потеряли осторожность и военную бдительность и поэтому не заметили приближение главного «врага» всех без исключения курсантов — коменданта училища подполковника Голдурова.

Описывать этого человека действительно нет никакого смысла, ибо все коменданты абсолютно одинаковы, будто бы у них были одни родители на всех или их всех — комендантов тоесть, поголовно копировали на одном сломанном ксероксе. А возможно даже, что все коменданты — это ничто иное, как результат «суперсекретных» опытов армейских медиков по клонированию особей мужского пола военного образца с одним неизбежным побочным эффектом — частичное уничтожение интеллекта и полная деградация личности, с колоссальным обеднением словарного запаса.

Итак. Появившийся буквально из «ниоткуда» — как черт из коробочки, вечно разраженный и недовольный жизнью красномордый комендант визгливо разорался как абсолютно законченный долбо*б. Девчонки изумленно округлили глаза, улыбки моментально слетели с их очаровательных лиц. Такого объемного потока отборных ругательств во всем великолепии убогого разнообразия нецензурных выражений на них еще никогда не выливали.

Покрасневшие и смущенные дамы, обиженно цокая каблучками, поспешили скоропостижно покинуть негостеприимную территорию. А им в след еще долго летели мерзкие и похотливые высказывания ублюдочного коменданта.

Когда пунцовые от стыда и праведного возмущения девушки скрылись за пределами границ досягаемости грязных ругательств убогого подполковника, его внимание переключилось на курсантов. Ребята скованные воинской дисциплиной, были вынуждены стоять вытянувшись в струнку и, скрипя зубами, сдерживать себя из последних сил, чтобы не поддаться справедливому искушению и не врубить хороший удар справа, желательно с ноги, по обрюзгшей противной харе пропитого армейского хама с погонами подполковника на плечах. А руки чесались, мама не горюй, аж суставы на пальцах захрустели, и сухожилия сладко заныли от напряжения в крепкосжатых кулаках.

Заступиться за честь дамы — благородно, слов нет, но в нашем случае — это прямой путь на гауптвахту, педсовет, отчисление из училища и возможно — срок заключения в дисциплинарном батальоне. Парадокс, но подобные моральные уроды, как Голдуров, в армии защищены гораздо лучше, чем вежливые и воспитанные военнослужащие но, к сожалению не наделенные властью, высокими должностями и званиями. Справедливость в данном случае даже не числится и в проекте. Маразм.

Тем временем, комендант Голдуров набросился с упреками и нападками на экипаж плота, покрыв всех и каждого толстым слоем отборного площадного мата. Такое впечатление, что это комендантское ЧМО все свои годы своей безупречной службы провел не иначе, как в тюремной камере в районе параши.

Ребята сразу пожалели, что у них не подводная лодка и нет возможности скрыться на дне пруда от этого бесноватого подполковника. Пока комендант орал на ребят, временами пытаясь дергать их за обвисшие трусы, упрекая в дискредитации внешнего вида военнослужащего, наземная часть команды постепенно и методично испарялась из поля зрения

невоспитанного офицера и старалась затеряться в густых зарослях прибрежных растений на другой стороне пруда.

Комендант еще долго компостировал нам мозги, брызгая слюной в разные стороны, как кобель перед случкой, обещая сгноить всех на училищной гауптвахте, но тут мимо нас проезжал начальник училища. Остановив машину, генерал оценил ситуацию, внимательно осмотрел плот, увидел горы ряски, лежащей на берегу. Мудрый старик похвалил нас за усердие и смекалку, а багровому и вспотевшему от усердия Голдурову посоветовал заняться чем-нибудь более полезным, чем групповое порево курсантов с применением матерных выражений.

Короче, все это лирика. Обидно другое, что этот, мягко говоря, некультурный комендант с явными признаками ярковыраженной и прогрессирующей импотенции (здоровый и счастливый в интимной жизни мужчина, не стал бы с такой неприкрытой злобой набрасываться на очаровательных девушек), обломал нам все далекоидущие планы, на перспективное и приятное, во всех отношениях, знакомство.

Вечером, после команды: «Отбой», мы собрались на филиал военного минисовета, на котором единогласно проголосовали заслуженно и справедливо наказать долбонутого коменданта. Мы решили, по факту нашего выпуска из родного училища, отловить подполковника Голдурова с целью — искупать его в училищном пруду, причем прямо в военной форме.

Но, к сожалению, нашим планам не суждено было сбыться. Комендант Голдуров, будучи по своей натуре патологически трусливым человеком и зная истинное к себе отношение всей без исключения курсантской братии, всегда из года в год брал свой плановый отпуск еще до выпуска молодых лейтенантов из нашего училища. Он позорно прятался, скрываясь от заслуженных знаков внимания «благодарных» вчерашних курсантов. Почти все ребята, получив новый статус, страстно желали встретиться с горячо «любимым» и искренне «уважаемым» комендантом.

Но, увы, такой встречи не суждено было состоятся. Справедливо опасаясь за целостность своего организма и остатков чувства собственного достоинства, комендант Голдуров заблаговременно исчезал из города. Пусть это останется на его совести. А в нашей жизни все же были «алые….», прошу прощения — «синие паруса».

54. Блажен, кто верует

Плановые занятия закончились, и 4-я рота лениво вползла в казарму на короткую передышку перед обедом и самоподготовкой. «Почтальон», он же «письмоноша», «почтарь», «голуба» и т. д. и т. п. — курсант, ответственный за получение корреспонденции на училищной почте, метнулся «рэксом» за долгожданными весточками с «малой родины». И сейчас, торжественно взгромоздившись на табуретку, установленную посередине «взлетки», под шум и гвалт нетерпеливой курсантской братии, с дежурными шутками и прибаутками «почтарь» раздавал конверты с письмами из далекого дома, серенькие бланки на право получение посылок со всевозможными вкусностями, а также бандероли, телеграммы и маленькие квитки-приглашения на междугородние переговоры.

Вокруг «почтового голубя», возвышающегося на табуретке, аки Зевс-всемогущий на горе Олимп, образовывалась хаотичная свалка из страждущих. Услышав свою фамилию, «счастливец» жадно вытягивал руку и ухватив за краешек конверта, сразу же стремился выбраться из толпы и старался уединиться… Хотя, честно говоря, где можно «уединиться», если в казарме «проживает» 144 курсанта? Но, тем не менее, каждый старался отойти в сторону, чтобы хотя бы пару минут побыть наедине с бумажкой, которая сохранила на своей поверхности знакомый почерк, принесла дорогую весточку, а то и поделилась еле уловимым запахом… своего, родного, желанного. А может, и отпечаток любимых губ где-то затаился, кто знает?!

Курсанты, получив заветный конвертик, чуть ли не трясущимися руками нетерпеливо разрывали «оболочку» письма и, шурша бумагой под откровенно завистливые взгляды «пролетевших мимо ребят», жадно погружались в изучение содержимого.

По мере прочтения… или даже вернее «проглатывания» текста залпом, взахлеб, не пережевывая, выражение их лиц заметно менялось. В глазах загорались озорные искорки, счастливые улыбки непроизвольно гуляли по «одухотворенным» лицам.

Могу поклясться, что в данный момент, для «читателя» весь окружающий мир «переставал существовать», ибо он был ТАМ — внутри письма и тех событий, которые сейчас хаотично отматывал перед своими глазами на манер кинофильма, пробегая по письму фактически по диагонали.

Ухватив общую суть написанного, курсант сразу же начинал перечитывать письмо заново. Но, уже с радикально меньшей скоростью и более подробно, делая некоторые кратковременные паузы для более подробного обдумывания полученной информации. Любо-дорого было смотреть на ребят со стороны, ибо они менялись до неузнаваемости. Их «маски», которые ежедневно носит каждый из нас, слетали напрочь и парни напоминали больших детишек, которые, забывшись, с беззащитной искренностью вытягивали губы в трубочку или непроизвольно шевелили губами, проговаривая милые сердцу строки. А по мере прочтения писем, лица ребят с неописуемой мимикой, подкупающей своей непосредственностью, выдавали всю бурю эмоций, которые захлестывали каждого, кто держал в руках мятый листочек долгожданного письма…

По факту многократного прочтения письма, оно бережно складывалось в разорванный фактически в клочья конверт (ибо именно конверт был главным препятствием к долгожданной весточке и его безжалостно взламывали как оборону упорного противника, как замок на сундуке с кладом, как «броню» свадебного платья, скрывающую…)

Письма были разные. Были письма из дома от родителей, от сестер и братьев. Были от любимых девушек …и опять же разные… Были письма щедро пропитанные девичьими слезами и дефицитными французскими духами, тайно украденными у мамы. Были листки бумаги с наивными рисунками в виде цветочков, и различных зверушек с трогательными мордочками… Были с отпечатком свежего поцелуя пухлых губок, щедро намазанных помадой… А были короткие, типа: «Прости, сердцу не прикажешь, беременна от твоего лучшего друга, выхожу замуж, привет и все такое…»

Последняя категория писем радикально выбивала парней из состояния душевного равновесия ибо, находясь внутри «колючей проволоки» и на удалении в тысячи километров от родного дома, под ежедневным прессингом, нервы у ребят были фактически оголены. Почти все курсанты жили от «письма до письма», зачастую идеализируя своих возлюбленных. Т. к. все великое хорошо смотрится на расстоянии, а вблизи могут быть заметны изъяны и все такое… Поэтому, тлеющие чувства к своим «соседкам» по парте, по дому, по улице и т. д. в военном училище вспыхивали с новой силой. И многие парни горели очень ярко, засыпая «предмет своей страсти» кубометрами любовной макулатуры с незатейливыми стихами собственного сочинения и весьма сомнительного содержания…

Тили-тили, трали-вали
Я соскучился, подруга
Ты мне снилась этой ночью
Горько плакал я в подушку
В кулаке сжимая фото
Где мы сняты вместе летом
На пляжу в красивом Сочи…

Будьте снисходительны и поймите правильно, курсанты военного училища — не Пушкины, а само училище ВВС — не институт благородных девиц! …а жаль, ибо эмоции зачастую переполняли через край, а выразить их красоту и затаенную глубину, банально не хватало слов, увы! И девицы не помешали бы, честно говоря… мде…

Чтобы не травмировать ребят «потенциально» дурными известиями и не провоцировать на необдуманные поступки в нашем училище ВВС было ЖЕЛЕЗНОЕ правило — перед заступлением личного состава в караул, письма не выдавать! Оно и правильно, чтобы у парнишки, получившего последнее «прости» и холодное «прощай», за время нахождения на посту наедине самим собой в растрепанных чувствах и с верным автоматом Калашникова, не возникло дурного желания пальнуть себе в башку «с кипящими мозгами» или под «разбитое в дребезги» сердце. Т. к., откровенно говоря, в 17–19 лет подобные известия «о финита ля вселенской любови» воспринимаются исключительно как «конец света» и никак иначе. И что ЛУЧШЕ, чем моя Галя, Маня, Зоя, Катя, Оля, Настя, Жанна, Аня и т. д. мне уже никого не встретится и не попадется… АААааа! Е*ись все конем и пусть ей же будет хуже, когда она… меня… никогда… вот…

Это уже потом, когда мы обросли жирком «здорового цинизма», нам стало все абсолютно фиолетово и по барабану, ибо как ни крути, а СССР — страна воюющая и правители выбивают молодежь мужского пола с поразительной методичностью, и как следствие: соотношение 1:4 в пользу перевеса женского населения — очевидная реальность и «этого добра» на наш век хватит, только выбирай и вороти нос по мере надобности… но, это будет «там» — на свежем воздухе! А внутри периметра, обнесенного «колючкой», наши души были бессовестно обнажены, и их можно было ранить чем угодно… даже словом.

Поэтому, парни стрелялись, но врать не буду, очень редко… т. к. командование училища СТРОГО выполняло данное правило — письма перед получением оружия и боеприпасов личному

составу НЕ ДАВАТЬ!

А после караула, «получите и распишитесь», но не забывай, что ты — мужчинка и волю чувством надо давать в нужном направлении — боксерскую грушу поколоти, штангу в спортуголке потягай до «одурения», с парнями думками невеселыми поделись и пусть время работает на тебя, дорогой ты мой человек.

Время — лучший лекарь, оно поможет! А различные ухари-сослуживцы из родной казармы путем интенсивной «шокотерапии» с применением исконно-русского языка и всего богатства лексикона с нелестными эпитетами, резко опускали морально-этический уровень «неверной красавицы» ниже городской канализации. При этом превознося «экстерьер», богатство и красоту внутреннего мира и все такое» брошенного парня на заоблачные высоты. Такая незатейливая психотерапия обычно подкреплялась незамедлительным походом в ближайшую общагу, где данного пацана методично ЛЮБИЛО и страстно желало все женское население…. или почти все. А он остервенено «мстил», «мстил» и «мстил» по нескольку раз, всем и каждой, на радость безотказным обитательницам данного общежития, которые искренне не понимали «как можно бросить такого неутомимого жеребца»?!

Тем не менее, подобные письма приходили достаточно с «завидной» частотой и регулярностью, ибо чего греха таить, девчонки взрослеют несколько раньше ребят и подсознательно «спешат жить» — если девушка до 20 лет не выскочила замуж, то ее жизнь пролетела мимо и она уже «никомуненужная старуха»! Обхохотаться но, тем не менее, приходили к ребятам письма и с категорическими ультиматумами: «если в ближайшем отпуске, ты на мне не женишься, между нами все кончено и я выхожу замуж за Петьку с соседней улицы!» Вот так!!!

В 99 случаях из 100, парни отвечали: «Флаг в руки, барабан на шею, красный вымпел в задницу и попутного ветра в спину, горн в зубы, счастья в личной жизни и т. д. и т. п.», но были и те, кто «ломался» и летел в ЗАГС на всех парусах! Но, речь пока не об этом, итак.

Прочитав свое письмо, сержант 45-го классного отделения Валерка Гнедовский стал мрачнее тучи. Ребята, чутко уловив перемену настроения у друга, молча, одним движением бровей и мимики лиц, достойной подмостков лучших театров мира, стали привлекать внимание окружающих к Валерке, который нервно кусал губы и сжимал в руке листок бумаги. Спрашивать надо бы поосторожней, а вообще, захочет, сам расскажет. Но как его подтолкнуть, чтобы захотел? Ведь в себе держать вредно…

Витя Копыто, небрежно разбирая внушительную пачку макулатуры (он всегда получал по 5-10-ть писем в день и сам писал зачастую «на опережение» всем своим многочисленным подругам и не менее многочисленным родственникам, изводя кубометры бумаги и тонны чернил), используя свою врожденную воспитанность и приобретенную с жизненным опытом, витиеватую дипломатию, ненавязчиво и тонко поинтересовался у «своего кумира». (см. «Спорт и приметы»)

— Валер, случилось чего? Парни беспокоятся, почему у тебя нос висит ниже яиц?

— Невеста приезжает… Вера… через неделю. Пишет, что соскучилась!

— Ну! Так это ж бронебойный повод для халявного увольнения на ночь и вообще… наоборот должен до потолка прыгать, слюну пускать и визжать, аки кобель перед случкой!

— Ага, должен! Но не сейчас … я трипак поймал в общаге «кулька»… (института культуры)

— Вот ведь?! Вовремя, блин, ничего не скажешь! Говорили тебе — к «медикам» в гости ходить надо! А его на культурку потянуло?! На возвышенные разговоры о поэзии и все такое… Так? Вот и получил «фашист гранату». Все знают, что медички самые чистые! Ну, не отличают они Пушкина от Гоголя, ну и хрен с ними. И вообще, с бабцой можно столько интересного сотворить, а не разговоры разговаривать. Тьфу, только время терять! И вообще рот у женщины должен быть постоянно занят…

— Витя, закрой хавальник, пока в бубен не получил! Вера на неделю приезжает, у нее сессия закончилась, а мне как неделю в наряде проторчать, чтобы в увольнение не пустили? Кто беспроигрышный рецепт подскажет? Это надо Пиночета «на хрен» послать или на голову ему нассать при свидетелях, не иначе. Тогда будет шанс на гауптвахте отсидеться (см. «Подмоченная репутация») или в караул сопровождения уехать, с концами… Вот ведь не повезло. Блин, держал себя в руках до последнего… не в том смысле, что вы подумали! А тут не устоял, такая краля с невинными глазками попалась. Скромница, куда деваться, краснела как никогда нецелованная. Ломалась до последнего, а потом ТАКОЕ в постели вытворяла, только держись… и с конца закапало… твою мать!

— И давно закапало?

— Второй день… и что характерно, с каждой процедурой «поссать» все больнее и больнее становится… Беда какая-то…

— Спокуха! Валера, тебе крупно повезло, ибо для меня трипак словно насморк. Я тебя в лучшем виде проконсультирую! Ничего страшного в этом нет, поверь на слово. Колется «бицелин»

в жопу и всего делов, затем делается «провокация» в виде стакана пива и если не закапало снова, значит, ты уже здоров! Уколы, правда, весьма болезненны, но сам понимаешь, за «неземное блаженство» и неудобства соответствующие. «Бицелин» купим в аптеке, а уколы тебе мои знакомые девахи из общаги мединститута поколют, говно вопрос. Да, Валерочка, да! Надо было сразу к Вите Копыто общаться, дабы избежать приступ острого спермотоксикоза и не опуститься до фактов злостного онанизма. Я тебя с такими красотульками познакомлю. Уууу, закачаешься! И что характерно, если сами заразят, то сами и вылечат… Медики, понимать надо!

— Идиот!

— Кто идиот? Ты? Это само собой разумеется, но не беспокойся…

— Ты идиот! Сами заразят, сами и вылечат?! Ты подумал, что сказал то? Все спермоотстойники в городе пособирал, так еще и меня приплетаешь?

— Молчал бы лучше! Я то чистенький и здоровенький, только недавно вылечился, а вот ты в «культурке» цепляешь незнамо что! А лечить тебя, чем будут? Томик Лермонтова к яйцам приложат и заклинания в виде стихов Фета почитают? Или в бубен постучат, возле костра дикие пляски устраивая… Ха-ха! На дворе век научного просвещения и микробиологии с эпидумино… эпимидимини… тьфу, блин, короче вирусы и прочая дрянь убивается банальными уколами «бицелина», вот! Когда твоя мадама приезжает?

— В пятницу вечером… Через неделю…

— Мде, не успеваем! Так чего же мы ждем? Вперед, в самоволку! В аптеку и в мой личный кабинет на 2-м этаже медицинской общаги. Персонал уже ждет!

— Неудобно как-то…

— Ха-ха-ха! Неудобно ему? Трипак цеплять значит удобно? А лечится неудобно! Покраснел, пилять… Все видели?! А свою драгоценную Верочку наградить триппером удобно? Сержант Гнедовский, смирно! Втянуть сопли, принять вид «бравого гусара» и за мной! Валера, о тебе же беспокоюсь…

Худо-бедно, Валерка бегал в самоволки строго по расписанию и по графику уколов «бицелина». Для ускорения курса лечения, студентки мединститута кололи ему «лошадиные» дозы, но антибиотику надо еще «накопиться» в организме больного, чтобы методично вытравить всю заразу.

По словам Вити Копыто, красавец Валера Гнедовский произвел фурор в общежитии будущих медиков и многие девчонки чуть ли не бросали жребий за право лицезреть парня

неглиже и вколоть ему очередную дозу лекарства.

По словам самого Валерки, «бицелин» — варварская дрянь и его уколы буквально раздирали его задницу как «битое стекло», доставляя невыносимые страдания, поэтому девочки из мединститута пошли на встречу пожеланиям и жалобам больного» и разбавляли «бицелин» новокаином.

Время «Ч» — момент истины близился. Валерка уже ходил в туалет по маленькому без скрежета зубовного, и это его откровенно радовало. Но, пятница приближалась неумолимо, а будущая «мадам Гнедовская» приближалась к Валерке со скоростью пассажирского поезда. По мере сокращения расстояния между влюбленными голубками, Валерку мучил вопрос: «как бы ему правдоподобно и убедительно отвертеться от исполнения мужских обязанностей под благовидным предлогом», ибо девахи-медички не давали 100 % гарантию полного излечения, т. к. курс уколов еще не закончен + нужна процедура «провокации» и т. д. …а пятница уже наступила.

Сержант заметно сбледнул с лица и был очень нервозен. Оно и понятно, через несколько часов, в его объятия бросится истосковавшаяся по его ласке красавица и потащит его в гостиницу в надежде, что соскучившийся «потенциальный муж», покажет свои лучшие мужские качества не на словах, а на деле и проявит себя как настоящий …жеребец… Иииии-го-го!!!!

— Бля, что же делать?! Парни! Это надо же, я ищу повод отвертеться от долгожданной *бли?! Сказал бы кто, убил бы морально! Дурдом! Меня ведь не поймут! Я сам себя не понимаю… Уууууууу!

Курсант Петровский по прозвищу «Люфтваффельник» (включая все производные от данного слова) старательно полазил по заначкам и вытащил упаковку импортных презервативов «а-ля-пулеметная лента», которую запасливый москвич контрабандой привез в училище ВВС после крайнего отпуска. (страшный дефицит)

— Возьми, с «пупырышками», сногсшибательный эффект! На стенку полезет, проверено!

— Люфт, какие «пупырышки»?! Мы же всегда «в живую», с резинкой — как цветы нюхать через противогаз! Вера сразу неладное заподозрит! Парни, я пропал… Я же ее люблю! Мы жениться хотим… вот ведь с цепи сорвался, дурак!

Гнедовский был на грани отчаяния и самовыбрасывания в открытое окно казармы. Он обреченно заламывал руки и принимал живописные театральные позы «а-ля-Гамлет». Типа: «быть или не быть, вот в чем вопрос» его отчаяние было искренним.

Комсорг 45-го классного отделения «мудрая птица» Серега Филин задумчиво поскреб свой внушительный подбородок, и вкрадчиво проговаривая каждое слово, выдал следующее.

— Так парни! Есть одна задумка, по поводу данного остро стоящего вопроса. Сейчас мы все вместе ее старательно обсосем и обсудим. И если мысля потечет в нужном направлении, то надо, чтобы вы ее поддержали и приняли самое активное участие в одной неприятной афере! Придеться не хило опозориться, а что делать? За друга пострадать — святое дело! Так вот! Валера, смело встречай свою кралю ненаглядную. Обнимайся сколько тебе влезет, потискайтесь себе в удовольствие, слюну погоняйте и все такое! Это незаразно, я у фельдшера в медсанчасти спрашивал! А когда дойдет «то, да се», ты ей прямо и честно скажи: «Так, мол и так, Верочка моя любимая и ненаглядная, я словил трипак!»

Гнедовский в приступе отчаяния закатил «глаза под образа» и приготовился прыгать в окно, причем головой на асфальт, но Филин крепко ухватил его за поясной ремень и надежно зафиксировал на расстоянии вытянутой руки.

— Валера, погодь размазывать сопли по лицу, а мозги по асфальту, я еще не закончил. Не давая Вере опомниться, ты убедительно говоришь, что заболели мы все — всё 45-е отделение! Поголовно! Мол, когда пруд училищный чистили и в воду грязную за долбанной ряской лазили, да на плоту гнилом, аки на «Титанике» плавали, то именно в тот момент и заразились… (см. «Синие паруса»)

— Она не поверит! Не дура же набитая…

— Не поверит? Вези ее сюда! Пруд она уже видела, когда к тебе на «присягу» приезжала, а мы все авторитетно подтвердим. Прямо и честно глядя в ее глаза! Мол, так и так, вода полна различными бациллами и мерзопакостными вирусами. Вон, посмотри дорогая Вера, как они, эти самые микробы в пруду активно плещутся. Вон аж какую волну поднимают, эти самые возбудители всякой дряни. Отойди типа подальше от воды, а то они могут и на берег выпрыгивать! Парни, все как один заболели триппером и сейчас лечатся. Не боись Валерка, поверит как миленькая! Не может не поверить, когда 30-ть парней в один голос ТАКОЕ скажут. Мы же не дураки какие на себя наговаривать?! Триппер — это, понимаешь, триппер! Очень коварное заболевание, передающееся бытовым путем! Мужики, все согласны подтвердить!

Толпа пришла в неописуемый восторг и дружно заревела.

— Все!!!!! Если не поверит, то мы еще и трусы снимем! Типа — смотри сама! Вот тут то она и смутится и поверит всему

угодно…

А комсорг Филин развивал успех и вливал в мозги сержанта Гнедовского новые инструкции и правила поведения.

— Вот, а потом ты ей предоставишь право выбора! Или тупо обниматься как два дурачка и целомудренно держаться за ручку или отдаться страсти, но с «пупырышками»… Кстати, Люфт, отмотай от ленты с презиками и мне пару метров…

p. s. Каникулы Веры и ее встречи с Валеркой Гнедовским прошли на «ура»! Причем с традиционным «лямур-тужур-абажур»! По словам Валерки, от неожиданной новости Вера сначала округлила глаза и надула свои прелестные губки, но под давлением авторитета «общественности из 30-ти курсантов», готовых клятвенно продемонстрировать свои первичные половые признаки для скрупулезного осмотра, она сочла за благо поверить… или сделать вид, что поверила… это уже не столь важно.

Ребята, не теряя времени на проведение «очных ставок» с жертвами «лавинообразной эпидемии триппера, бушующей в грязных водах пруда училища ВВС», в полной мере насладились друг другом в любовных игрищах …с пикантной приправой в виде «пупырышек».

p. p.s. Валера Гнедовский просто светился от счастья и периодически прибегал в казарму 4-й роты к безотказному Петровскому, который безропотно снабжал сержанта расходными боеприпасами в виде пулеметной ленты импортных презервативов с пупырышками, опустошая свой личный НЗ (неприкосновенный запас). А как же иначе?! На какие жертвы не пойдешь ради счастья своего друга?!

55. Дизель и дискотека

Летний отпуск, между вторым и третьим курсом обучения, пролетел весело и стремительно, как один день. Пришло время возвращаться в альма-матер. Нельзя сказать, что кто-то из ребят горел особым желанием вернуться за высокий забор, в крепкие объятья строгой воинской дисциплины. Но, время, отпущенное для летних каникул, закончилось и нас ждали суровые армейские будни. Одно успокаивало, что вместе с такими неизменно сопутствующими радостями воинской службы, как любимая тумбочка дневального, добрые глаза, ласковые речи заботливого Пиночета и сногсшибательный вкус остродефицитного и желанного бигуса на завтрак, обед и ужин, ожидалась еще и искренне приятная встреча с ребятами. Как ни странно, но за прошедший месяц, мы успели соскучиться друг по другу. Поэтому, обратная дорога в училище не казалась такой отвратной. Всем парням не терпелось поделиться с друзьями своими позитивными впечатлениями о проведенном отпуске.

К тому же, в училище прижилась и поддерживалась хорошая традиция, когда все ребята привозили из отпуска разные домашние вкусности. В результате, еще пару недель, рота питалась за счет внутренних резервов и домашних заготовок, игнорируя такие изыски военной кулинарии, как перловая каша и мясо «белого медведя» — волосатое сало в подливке, приготовленной, наверное, на отработанном машинном масле. По вкусу и цвету, очень похоже на правду.

Эта подливка с большим трудом отмывалась от тарелок, ее не брал даже концентрированный стиральный порошок. Ацетон и бензин жалко и беспомощно стекали по любой поверхности, смазанной этой подливкой, не желая растворять ее термоядерные ингредиенты. В желудках курсантов это замечательное блюдо переваривалось очень неохотно, основательно и неспешно — вместе со стенками пищевода и самими желудками, недели за две, не раньше, смазывая кишечник изнутри нерастворимой жирной пленкой. С зубов эта субстанция счищалась только фактически вместе с эмалью, безнадежно забиваясь между щетинками зубных щеток, которые потом приходилось или выбрасывать или долго и нудно отмывать хозяйственным мылом.

Вот, именно поэтому, чтобы отложить неизбежное свидание с такими изысканными кушаньями наших училищных поваров, курсанты волокли из отпуска огромные чемоданы и баулы, битком набитые всякой домашней снедью. А, исходя из обширной

географии СССР, это было достойное разнообразие — от прибалтийских копченых колбас и доброго украинского сала, таящего во рту, черной астраханской икры до пресных таджикских лепешек и острого армянского сыра и прочее, прочее, прочее. И все это великолепие, и разнообразие многонациональной кухни великой страны было к нашим услугам и радикально скрашивало скудный училищный рацион, особенно в первые дни после отпуска.

В автобусе № 12, который проезжал мимо училища ВВС, ехали одни курсанты. Веселая, разбитная братия живо и горячо делилась самыми яркими воспоминаниями о проведенном отпуске, задорно пересказывая животрепещущие и смешные моменты своего отдыха — достаточно напряженного и насыщенного различными приятными событиями. Кто-то хвалился ровным шикарным загаром, кто-то показывал фотографию своей новой подружки-красотки и т. д. и т. п.

Но, смеялись и веселились, далеко не все пассажиры автобуса. Известный краснобай и баламут — Витя Копыто, скромно сидел на огромной сумке, небрежно брошенной на пол автобуса, и с молчаливой тоской слушал рассказы о стремительных любовных похождениях и категорически отказывался смотреть на фотоснимки умопомрачительных красавиц. На него это было совершенно не похоже. Причина такого пуританского поведения Виктора вскрылась через пару автобусных остановок.

Оказывается, Витя Копыто умудрился скоропостижно жениться, и на его безымянном пальце блестело новенькое обручальное кольцо. Это известие повергло всех курсантов в глубокий шок. От кого-кого, но от любвеобильного ловеласа Копыто, с его гиперпотенцией, такого решительно необдуманного шага, никто не ожидал.

Самое смешное, что в не меньшем шоке, чем мы, находился и сам молодой муж. На все многочисленные ненавязчивые вопросы о его второй половинке и причинах, приведших к таким плачевным и необратимым последствиям, Витя лишь часто, глубоко и тяжело вздыхал, и молча отмахивался рукой с золотым колечком. Парень был, явно, в глубокой депрессии и прострации. Вот угораздило, так угораздило?! Витька реально попал! Хотелось бы, посмотреть на эту даму, которая за такие короткие сроки умудрилась окрутить нашего искушенного в амурных делах казарменного Казанову и успешно довести его до дверей ЗАГСа. Скорее всего, Копыто опьяненный сладким воздухом свободы, ушел в глубокий разудалый загул и женился, фактически не приходя в сознание. Практически, на автопилоте! Очнулся, так

сказать, уже мужем, и не дай бог, многодетным отцом?! Ладно, не будем гадать и домысливать! Отойдет от шока, сам расскажет.

Вытряхнувшись из автобуса на нужной остановке с названием «Авиаучилище», шумная, галдящая толпа, подхватив свои чемоданы и объемные спортивные сумки, дружно двинулась к КПП — контрольно-пропускному пункту.

От остановки автобуса до КПП вела прямолинейная асфальтированная дорога, протяженностью метров 800-т. Уже виднелся знаменитый училищный пруд, расположенный непосредственно возле двухэтажного здания КПП и задранный в небо памятник легендарному истребителю МИГ-21. Сладкое волнение и легкая нервозность охватили всех нас. По спине забегали мурашки, размером с упитанную кошку. К горлу подступил комок, на глазах навернулись непроизвольные слезы умиления и сопливого восторга. Дома! Пусть не в родительском доме, но за два года учебы, училище стало нашим вторым домом. Не очень уютным и комфортным конечно, но все же родным и почти любимым.

По мере приближения к училищу, нас стало охватывать чувство, похожее на смутное беспокойство. Еще бы, у ворот нашей военной альма-матер, творилось нечто непонятное. У здания КПП колыхалось и штормило однородное зеленое море, состоящее из курсантов-отпускников.

Итак, прямо перед воротами КПП, толпился весь наш батальон в полном составе — без малого 1000 человек. Все в парадной форме, с чемоданами в руках. Ворота КПП были наглухо закрыты, и открывать их, похоже, никто не торопился. Вот это да?! Такого, в истории училища еще не было. Понятно, когда ворота закрывают, чтобы лишить курсантов свободы и запереть их внутри охраняемой территории, обтянутой многочисленными рядами колючей проволоки, но чтобы держать ребят на свободе и не принимать их в свои крепкие и заботливые объятья?! Это уже, что-то из области фантастики! Чтобы армия добровольно отказалась от 1000 молодых и крепких парней и спокойно отпустила их на все четыре стороны. Не бывало такого!

Приблизившись к волнующемуся морю из курсантских тел, мы окунулись в его край, став частью прибрежной волны. Пробиться к воротам КПП через плотную толпу не было шансов, и мы, оттопырив уши, начали впитывать слухи и догадки, тоесть — собирать информацию. Толком никто ничего не знал, но галдели все и сразу. Слухи были один страшнее другого.

— Училище расформировали. Армию разгоняют. Новый курс партии, во как! Перестройка гребаная! Горбачеву ВВС не нужны! Пошел по стопам Хрущева, оставляют только ракетчиков,

Америку пугать, и внутренние войска, чтобы народ сажать и охранять где положено. Дадуда! Лучше бы разговаривать, по-русски научился без ошибок! Знаете, его новое прозвище? Нет?! Переведите на английский: «Мир, дверь, мяч!» Что получается?

— Peace Door Ball — «Писдобол!»

— То-то!

— А нас куда?

— Куда-куда?! На кудыкину гору, воровать помидоры. Кто изъявит желание доучиться и стать офицерами Красной армии, тех переведут в Ракетное училище, причем, только на первый курс.

— Да иди ты!

— Сам не хочу! Но это чистая правда. Наши два года, на фиг — коту под хвост! Типа, потренировались! Слышите эхо? Это ракетчики в своем сраном училище ржут над нами. Потешаются.

— Не может быть! Это же полный писец!

— Точно, уже списки составляют! Говорят, даже казарму у стратегов для наших перебежчиков выделили. Но, это не все плохие новости. Есть еще одна. Правда, те же яйца, но вид сбоку! Кто не захочет в ракетчики подать, берут в конвоиры!

— Вот уж, точно, конец света!

— Но что характерно радует, сразу на второй курс. Правда, мест не очень много, казематов и тюрем на всех не хватает. Конкурс большой! Надо еще заслужить такое счастье, полизать где надо и у кого следует. Для сексотов предпочтение.

— Трещишь?!

— Не хотите, не верьте. Кстати, у комсомольских активистов и отличников есть право выбора. Остальным, тупо засчитают два года учебы за «срочку» в армию, и на «дембель». Вот так! Говорят, что будут предлагать прапорщиками в строевые части. Предпочтительно в Афганистан.

— Не, не может быть. Горбатый, конечно, еще тот мудак, но до Хрущева ему далеко.

— Дело ваше, но говорят, что уже «помидорные» погоны привезли, чтобы все желающие смогли перешить на своей форме. И, с чистой совестью в новые войска!

В наш разговор включались все новые собеседники, готовые поделиться тем, что узнали сами. Некоторые были очень раздражены и несли законченную чушь.

— Закрой вафельник, пока не нагрузили! Не слушайте, балалайку. Он глумится над вами, а сам ни хрена не знает. Короче, из достоверных источников, только для вас. Эксклюзивная информация! Короче, в училище под главный учебным корпусом, нашли авиабомбу времен Второй мировой,

немецкую. Фашисты бомбили город, а она упала и все. Лежит в повале здоровенная германская подлюка, ржавая чушка, килограмм на 500-т! Не взорвалась в свое время. А мы по ней, сколько лет бегали?! На волосок от смерти были! Саперов уже вызвали. Обещали скоро подъехать, чтобы разминировать. Ждем! Полтонны тротила — аргумент! Все разнесет в пыль! Мало не покажется!

— Ты что, дурак? Нет, ты не дурак! Ты — люфтваффельник, вот кто!!! Какая, на хрен, бомба германская?! Мы с тобой, на Урале, в глубине страны, 1500 километров от Москвы. А Москва — это столица нашей Родины. Немец в Москве никогда не был, и бомбил ее раз в год, да и то, по обещанию Геринга. А все больше, в дерзких мечтаниях и в речах главного сказочника Германии — доктора Геббельса. Какая немецкая бомба?! Каким ветром ее сюда занесло? Может, на воздушном шаре или на бумажном змее, немчура свою бомбу до Урала тащили? А?! Включи мозг, подумай! Если еще есть чем думать?! Иди отсюда, дятел! Люфтганза сраная! Вермахт водоплавающий! Сейчас в пруду искупаем, дурилка фанерная. Учи историю, двоечник! Ганс Христиан Андерсен! Тебя послушать, так сейчас посреди нашего пруда, атомная субмарина ВМС США всплывет! Капитан выйдет на мостик и заблеет жалобно: «Извините, мы сами не местные! Компас сломался, уран для реактора на исходе, корпус течет. Укажите, пожалуйста, направление на запад, люди добрые! Не дайте пропасть, в Уральской тайге!» Не говори больше никому, а то ненароком в бубен получишь! Все! Больше не отнимай время у солидных людей! Иди отсюда, внук доктора Геббельса, правнук Троцкого!

Посрамленный «всезнайка» скрылся в толпе, корректировать свою байку и искать более достойные и благодарные уши, чем наши. Но, незамедлительно, появился новый осведомленный источник информации.

— Мужики, дело говно! В училище зараза, эпидемия! То ли ящур, то ли чума?! А возможно, что холера или черная оспа! Короче, два батальона, уже передохло. Реально! В училище море трупов! Все казармы забиты, складировать негде. Сначала, в столовой складывали в холодильнике, вместе с мясом, теперь прямо в казармах, на своих койках лежат, голубчики. А сверху, ребятушки усопшие, хлоркой засыпаны. Вот так парни, на кладбище приехали. В морг! За свинарником, экскаватор работает, братскую могилу роет. Огромную! Такие дела наши, скорбные.

Долго бы, коротко, народ кормился бы небылицами, но скрипнули петли калитки, и нам навстречу вышел офицер в

белом халате. Опаньки, врач! Толпа курсантов, инстинктивно, отшатнулась и попятилась назад. Значит, точно, эпидемия! Шум и галдеж мгновенно затих.

Врач, взял в руки мегафон, залез на широкий фундамент КПП и начал говорить.

— Товарищи курсанты, попрошу без паники! В училище эпидемия!

1000 человек курсантов шарахнулась и еще активнее попятилась назад, оставляя перед доктором проплешину пустого пространства. Врач придвинулся ближе, ребята отступили еще дальше. Кто-то из парней, выдавленный плотной толпой, оказался на самом краю берега пруда и отчаянно балансируя, хватался за впередистоящих ребят, чтобы не упасть в воду, густо заросшую ряской. Тем временем, доктор продолжил.

— Товарищи курсанты! Командование училища поручило мне довести до вас важную информацию. В настоящий момент, в училище зафиксирована вспышка заболевания дизентерией. Источник заразы пока не выявлен. На территории училища установлен карантин, со всеми вытекающими отсюда последствиями и ограничениями. В настоящий момент, командование училища решает вопрос о целесообразности вашего присутствия на территории, объявленной в зоне карантина. Начальник училища просит соблюдать спокойствие и воинскую дисциплину. Сейчас проводится экстренное совещание. По факту его завершения, результаты вам сообщат дополнительно. Всем спасибо за внимание. Никому никуда не расходиться. Всем ждать здесь!

Медик слез с возвышения и скрылся на территории училища. Металлическая калитка тихо закрылась за его спиной. Толпа загудела и зашевелилась с новой силой, курсанты, начали перетекать с места на место, выискивая ребят из своих подразделений. Все горячо обсуждали услышанное. В воздухе, разносились новые слухи. Наше классное отделение компактно собралось под памятником МИГ-21, в принципе, это была территория, закрепленная за нашим классным отделением, и мы регулярно вычищали ее от опавших листьев и снега. Поэтому, все ребята спонтанно собрались в знакомом и привычном для нас месте и стали высказываться по поводу последних официальных известий. Курсант Полимонов сиял от счастья и болтал без умолку.

— Парни, сейчас, нам выпишут новые отпускные билеты и продлят отпуск. Вот свезло, так свезло. Опять по домам. Ура! Да здравствует эпидемия!

Рассудительный Лелик был иного мнения, его аргументы

весомо ложились на воздушные замки и розовые эмоции Полимона.

— Погоди веселиться. Мне не верится, что нас так легко отпустят. Ведь, если мы разъедемся по домам, то родители нас спросят: «А что случилось?» И мы все, дружно, расскажем про целую армию военных засранцев, побежденных эпидемией дизентерии. А дальше, во всех концах нашей необъятной Родины, поползут слухи. Один страшнее, другого причем. Люди такое придумают и наплетут?! Мама не горюй! То, что нам объявили о дизентерии — это очень плохой симптом! Хренушки нас отпустят. Волнует другое! Если источник заразы не найден, как мы жрать будем? Мы же все тоже заразимся и обосремся реально!

Ребята задумались. Всем стало не по себе. Да и кушать уже хотелось, аж под ложечкой сосало. Было слышно, как у многих урчало в животе. Молодые здоровые организмы требовали калорий в виде вкусной и обильной пищи.

Витя Копыто первым нарушил гнетущую тишину, он пнул ногой по своей тяжелой спортивной сумке, которая отозвалась, до боли знакомым всем и каждому, звоном стекла.

— Парни, я тут женился давеча. Короче, так получилось! Пока не спрашивайте, потом сам расскажу. Насколько я понимаю дизентерия — это зараза! А супротив заразы, у меня есть знатная дезинфекция. Я когда, на своей свадьбе женихом оказался, то о вас, кстати, сразу вспомнил и позаботился. Тут, в сумке, ровно 20-ть бутылок «беленькой», еле допер, чуть пупок не развязался. Давайте, пожуем что-нибудь и заодно кишки продезинфицируем заранее. Все равно, чемоданы обшманают и все продукты отберут, с этим долбанным карантином. Вот увидите! Кстати, Адиль, полный чемодан копченой мастурбы привез. У меня уже слюнки текут, по запаху чую. Адиль, я прав?!

Смуглолицый Адиль белоснежно улыбнулся и утвердительно кивнул головой. Ребята дружно повеселели, наша ситуация, явно имела и положительные моменты. Все начали поспешно раскрывать свои сумки, чемоданы, пакеты и выкладывать продукты, привезенные из дома на пьедестал МИГ-21. Курсант Филин под общий хохот, поправил Копыто.

— Витя! Наш дорогой Адиль привез умопомрачительную по вкусу бастурму. За что ему огромное человеческое спасибо, честь и хвала, поклон до земли. А мастурба — это то, чем ты каждую ночь, у себя под одеялом занимаешься! Когда правой рукой, а когда — левой! Вот подрастешь немного, тогда, двумя ручонками начнешь свою мастурбу гонять, если тебя молодая жена с полового довольствия снимет и на сухой паек переведет!

Под общий хохот настроение улучшалось, прямо

пропорционально количеству съеденного и выпитого. В результате незапланированного обеда, мы спонтанно отметили неожиданную свадьбу Виктора, выпили за скорейшее выздоровление всех заболевших и еще много за что. Солнце клонилось к закату, гора пустых бутылочек пополнялась, запасы продуктов таяли. Вокруг нашего 45-го отделения, остальные ребята из нашего батальона так же сформировали импровизированные пикники и с завидным аппетитом подъедали многочисленные домашние припасы.

Когда уже начало темнеть, неожиданно, ворота КПП распахнулись, и родное училище все же приняло нас в свои объятья. Командование училища решило не продлять нам отпуск, а возложить на наши хрупкие плечи всю заботу об обеспечении полномасштабного функционирования инфраструктуры всего училища.

Пока мы ели и пили, сидя на травке у закрытых ворот КПП, в отделе планирования училища, умные офицерские головы расписали все наряды, хозяйственные работы и прочее, между подразделениями нашего батальона. Каждому из 1000 человек определили свое место на весь период карантина. Курсантов запрягли в двухсменную систему несения дежурств. Получалось, что мы заступали на работы и в наряды через сутки. Заработал военный принцип внеочередных нарядов: «Через день на ремень». Сутки нарядов, сутки отдыха и такая карусель до особого распоряжения.

1-ой роте нашего батальона повезло особо. На нее возложили заботу об «обсерватории». Оказывается, больных и немощных было настолько много, что под «обсервацию» выделили 3-х этажное отдельностоящее здание, куда складировали всех обгадившихся.

Дизентерия славится слабостью живота и поэтому в туалеты «обсерватории», стояла постоянная живая очередь. Многие страждущие, просто не успевали ее выстоять и гадили прямо себе в штаны. Запах в помещении, стоял сногсшибательный. Угроза заразиться и занять койку по соседству, для ребят из 1-ой роты была более чем актуальной. Не позавидуешь.

Неунывающие парни из 1-ой роты внесли рационализаторское предложение, чтобы переименовать дизентерию в «дизель». Ибо, больной человек, находясь на своем постоянном месте дислокации, тоесть — в туалете на очке, издавал такие же звуки, как старый дизельный двигатель, работающий на некачественной солярке. Правда, у дизеля запах выхлопа был гораздо приятней, чем от обдриставшегося курсанта. Тем не менее, предложение прижилось и даже на уровне высшего

руководства, данная зараза, свалившая на лопатки большую часть курсантов училища ВВС, именовалась, исключительно, как «дизель».

Что ни говори, а на героических ребят из 1-ой роты свалилась самая грязная, тяжелая и вонючая работа. Они кормили, поили больных ребят, разносили лекарства, выполняли работу сиделок и санитарок. Мыли и убирали помещения «обсерватории». Тащили всю внутреннюю службу. Помогали, валившимся с ног от усталости, дипломированным военным врачам. Им никто не завидовал, их все жалели и желали им выдержки, терпения и крепкого здоровья. Попасть на их место, пусть даже на время, желающих, не было. Вообще!

Остальным курсантам нашего батальона, тоже досталось «будь здоров», заняты были все и каждый. Из курсантов были сформированы команды по законам военного времени. В батальоне был собран резерв, призванный оперативно затыкать дыры в рядах борцов с «дизелем», которых этот самый «дизель», в перспективе неизбежно свалит с ног.

Ваш покорный слуга, получил распоряжение возглавить команду из пяти человек и заступить в бессменное дежурство по посудомойке в курсантской столовой. Но, не через день на ремень! Нет, нас назначили мыть посуду ежедневно, без права замены и отдыха! Нашу команду, даже не водили в баню, справедливо полагая что, работая по уши в воде, курсанты помоются сами, автоматически. А спинку потереть и белье сменить на чистое — это уже изыски, сейчас, не до них. Грязное белье и портянки можно вместе с посудой постирать, в одной ванной. Короче, проявите смекалку, подумайте, выкрутитесь, не первый день в армии. Тяготы и лишения воинской службы в тексте Присяги прописаны. Дерзайте, ребята! Успехов вам и крепкого здоровья, менять вас, просто некем. Будет совсем тяжко — пишите письма в ООН, этому… как его… Пересу де Куэлеру, во!

Посудомойка, так называемая «дискотека» — это небольшое помещение в столовой, где в центре комнаты, расположена вечносломанная посудомоечная машина, а в остальном стесненном пространстве, стоят шесть обычных эмалированных ванн. Таких же, как те, что стоят у вас дома. В этих ваннах и приходилось мыть бачки, кастрюли, тарелки, ложки, вилки для 1000 курсантов из нашего 1-го батальона. И так три раза в день, после завтрака, обеда и ужина. Учитывая, что посудомойка, находилась на втором этаже, а варочный цех с горячей водой на первом, то подогретую воду приходилось таскать вверх по лестнице, в объемах, необходимых для наполнения шести ванн. И

так три раза в день. Хорошая зарядка, не правда ли?!

Перед мытьем грязной посуды, ее надо было собрать со столов, вычистить объедки и, спустив их вниз, на первый этаж, загрузить в огромную бочку для отправки на свинарник. Военные свинки тоже стояли на продовольственно-объедочном довольствии и ждали своего трехразового питания, не смотря на различные эпидемии и прочие напасти. И так, тоже, три раза в день. Учитывая, что при любой кишечно-пищевой эпидемии, особое внимание уделяется чистоте посуды, то и проверяющие от медсанчасти и штаба, организованного для борьбы с «дизелем», проверяли и пороли нас с особым пристрастием и садистскими наклонностями — с каким-то фанатичным остервенением и бессильной злобой.

Наша пятерка «ди джеев» с пониманием и достоинством принимала все замечания и пожелания суровых и строгих проверяющих лиц. Посуда отмывалась до характерного скрипа, который возникал при малейшей попытке провести пальцем по ее идеально чистой поверхности.

От использования стирального порошка и хлорки в огромных количествах, а так же такой дряни, как лизол и прочая химия, призванная эффективно и безжалостно уничтожать все виды бацилл и бактерий, наши руки сначала побелели, а потом, кожа истончилась, начала трескаться и покрылась незаживающими язвами и болячками. На все просьбы хотя бы о кратковременной замене, нам отвечали, что людей нет, и ко всему прочему, наша команда очень хорошо справляется с поставленной задачей. Достойной замены для нас просто не найти. Родина нами гордится! Ура!

Конечно, приятно услышать такой лестный отзыв о наших скромных персонах. Но, руки нещадно болели и кровоточили. В адском коктейле из моющих средств бесследно растворились толстенные грубые мозоли, которые была набиты на ладонях ребят от ежедневных занятий на турнике и брусьях в спортивном уголке.

Чистая посуда давалась нам тяжело, очень тяжело. Днями напролет, мы работали в мокрой одежде, с руками изъеденными хлоркой. Таская тяжеленные баки с кипятком, наши руки вытянулись как у обезьян, ниже колен, почти до самого пола. Трое ребят, включая меня, обварили паром глаза. В медсанчасти, нам заложили за нижнее веко какую-то глазную мазь, которая несколько заглушила болевые ощущения, облегчив наши страдания, и отправили мыть посуду дальше. Повторно, обработать воспалившиеся глаза, времени не нашлось. Это так, лирика.

В расположение родной роты, мы возвращались, зачастую уже после вечерней поверки. Молча кивали головой дневальному, в знак приветствия и проходили в спальное помещение. Нас никто ни о чем не спрашивал. Говорить не хотелось, язык от хронической усталости совсем не ворочался. Мы не умывались, так как на воду смотреть уже никто не мог. От постоянного пребывания по колено в воде разбухли сапоги. Стащить их с ног, перед сном и обуть утром, было весьма проблематично. Снять сапоги можно было только при помощи товарища. За ночь, яловые сапоги почти не просыхали. Летом казарменная сушилка не работала.

Мы обессиленные валились на койку. По ночам нам снились тарелки, «дискотека» не отпускала нас даже во сне. Моя самая нелюбимая песня с той поры, та в которой есть фраза: «Кружатся диски!»

Положение остальных ребят, тоже, мягко говоря, было не фонтан. Кое-кто ходил в караул через день, а там боевые посты, оружие, боеприпасы. Измотанные ребята, при разряжении оружия путали последовательность своих действий и частенько по ночам, особенно где-то в районе 4-х часов утра, когда сон накатывается вопреки желания и воли курсанта, раздавалась короткая очередь. Ничего не поделаешь, объективная реальность! Хронический недосып и патологическая усталость делали свое дело!

Одно хорошо — пули летели в резиновый коврик пулеулавливателя, пострадавших не было и, как правило, на следующую ночь или через ночь, сонную тишину опять разрывали звуки, очередных незапланированных выстрелов. Парни реально валились с ног, тупили и страшно «тормозили».

Доставалось всем. Курсанты напоминали некачественных роботов с их характерными отрывистыми движениями и с горящими в темноте красными глазами — «Терминаторы». Хроническая усталость стала ближайшей подругой каждого, оставшегося на ногах парня. Самое парадоксальное, что эпидемия не прекращалась, не смотря на все титанические усилия военных медиков. Каждый день, новые группы обгадившихся ребят исчезали за дверью бездонной обсерватории. В войне с заразой, перевес и подавляющее превосходство было явно на стороне коварного «дизеля».

Командование училища в порыве отчаяния пошло на крайние меры. В воду, предназначенную, для приготовления пищи стали добавлять лошадиные дозы хлорки и лизола. Думаю, что это не очень полезно для растущих организмов 18-20-ти летних парней. Но, нашего мнения, никто не спрашивал.

Перед входом в столовую поставили алюминиевые баки с

зелеными плодами лимона. Подразделение курсантов, перед посещением столовой, выстраивалось в колонну по одному и, заходя во внутрь здания, каждый из ребят брал из бака зеленый лимон, который был обязан съесть целиком и полностью — вместе с кожурой.

Затем нам строго запретили пользоваться училищным водопроводом и стали завозить воду в цистернах из города. Эту воду, каждый из курсантов набирал в свою личную 800-граммовую фляжку, разрешалось пить только ее.

Во время проведения вечерней поверки, каждому выдавались какие-то таблетки, которые надлежало проглотить, после того как ответственный офицер, огласил твою фамилию. Факт заглатывания таблеток, строго контролировался. И так далее, и тому подобное.

Не смотря на хроническое недосыпание и усталость, мы набирались ума и опыту. Делали разумные выводы из происходящего и пытались по возможности облегчить жизнь самим себе и окружающим. Покумекав пару дней, нам удалось реанимировать «безнадежную» посудомоечную машину, которая без движения простояла далеко не один год. Жить стало веселей, появилось время отдышаться. Контактировать с хлоркой стали меньше, раны на руках стали постепенно затягиваться. Жизнь начала налаживаться. Появилась небольшая возможность, кратковременно вздремнуть после обеда или недолго понежиться на солнышке.

Вот как раз за этим занятием нас и застал Пиночет. Однажды, зайдя в столовую, проконтролировать наличие личного состава, он был несказанно удивлен. В помещении посудомойки со страшным скрежетом и лязганьем, вопреки всем законам физики и здравому смыслу, работала древняя посудомоечная машина. Один из курсантов, не торопясь и без лишней суеты, ставил на ленту транспортера грязные тарелки, а другой курсант, снимал уже чистые тарелки и аккуратно раскладывал их на стеллажи для просушки. Пиночет озадаченно призадумался. На его памяти эту машину, неоднократно и безуспешно, пыталась отремонтировать многочисленная бригада наладчиков с завода изготовителя, которая раздраженно посоветовала безжалостно выкинуть данный безнадежный образец металлохлама на ближайшую свалку металлолом. Пиночет нахмурился.

— Курсант Петровский! А где остальные три тела из состава наряда?

— Выносят объедки, для своевременной доставки их на свинарник, товарищ полковник.

Петровский не успел предупредить о надвигающейся

опасности и Пиночет нашел нас троих, мирно загорающих на трубах теплотрассы. Пустые бачки из под объедков валялись рядом. Бочка с едой для свинок, давно была отбуксирована на свинарник. Мы полусонно нежились на солнышке и не заметили приближающегося комбата, который находился в крайней степени раздражения (впрочем, это было его стандартное состояние). А когда заметили, то было уже поздно.

— Симонов!

— Я, товарищ полковник!

— Ага, Пономарев и Копыто! Все здесь, голубчики! Загораете, значит?! Все училище, в поте лица, не жалея сил воюет с заразой, а вы тут балдеете?!

— Товарищ полковник, мы только-только вышли. Замотались в конец, и просто валимся с ног. Машину вот посудомоечную отремонтировали своими силами, чтобы полегче…

— Симонов, трое суток ареста!

— За что, товарищ полковник?

— Пять суток!

— Есть, пять суток! (лучше ограничиться на 5-ти сутках, чем неизбежно раскрутиться на «червонец» и не дай бог, еще на «гарнизонку», там вообще можно на месяц зависнуть) Кому прикажете передать дискотеку? Тьфу, тоесть посудомойку!

— Никому, после карантина отсидишь, голубчик! Кстати, на счет посудомоечной машины. За мной!

Волоча пустые бачки из-под объедков, мы еле поспевали за Пиночетом, который был свеж и бодр. На бегу, я по наивности предполагал, что комбат оценит наш рационализаторский талант и объявит амнистию, а может даже и заслуженную благодарность, но я ошибся. Надо было знать полковника Серова!

Пиночет легко взбежал по ступенькам на второй этаж и зашел в помещение посудомойки. Обойдя работающую машину со всех сторон и тщательно осмотрев ее, он взял штыковую лопату, которой мы размешивали стиральный порошок в ваннах с водой, и вставил ее черенок в ленту транспортера. Машина жалобно хрюкнула, в ее недрах что-то рыкнуло, запахло горелой изоляцией. Клемная коробка ярко заискрила и машина, жалобно звякнув, остановилась. Чудо автоматической техники умерло на наших глазах. Навсегда.

Удовлетворенный Пиночет выдернул силовые кабеля из щитка управления, помахал ими у нас перед носами. Затем, сурово посмотрел на нас и изрек следующее.

— Вот так! Не хрен бездельем маяться. Ишь, чего удумали. Загорают! Слишком много свободного времени у вас появилось, того и гляди, в самоволки начнете бегать. Заразу по городу

разносить!

— Товарищ полковник, мы хотели как лучше! Чтобы быстрее и посуда чище отмывается. Ее только сполоснуть остается. Рукам, однако, тоже полегче стало. Кожа буквально растворяется. Посмотрите, мозоли и те исчезли. Мы старались как лучше…

— А мне не надо быстрее. Мне не надо лучше. Надо, чтобы вы были всегда при деле. Праздношатающийся курсант — это предпосылка к нарушению воинской дисциплины. А чище, грязнее?! Какая разница?! Механизацию им подавай?! Ручками, ручками! Может, еще прикажете вам маникюр сделать?!

Довольный комбат ушел проверять остальные места работы курсантов. Научно-технический прогресс прошел стороной мимо нашей посудомойки. Технологический этап в развитии курсантского общества закончился, мы опять вернулись в каменный век, и перешли к низкопроизводительному ручному труду. Эра автоматизации монотонных и трудозатратных процессов была пресечена на корню ярым ретроградом и мракобесом — Пиночетом.

Полковник Серов сопровождая 1-й батальон в столовую, три раза в день заглядывал в посудомойку и лично контролировал, чтобы состав наряда «дискотеки» работал своими руками, а посудомоечная машина продолжала стоять без движения. И так продолжалось больше месяца.

56. Женитьба Копыто

В училище свирепствует эпидемия коварной дизентерии — «дизель», который безжалостно выкашивает курсантские ряды с патологической методичностью. Каждое утро здоровых ребят остается все меньше, а заразившихся и обгадивших свои галифе все больше. Дизель уверенно набирает обороты, растет вширь и вглубь, постепенно и неуклонно превращая училище ВВС в позорную зону вонючего бедствия.

Дизентерия?! Фу! Как это мерзко и неэстетично! Болезнь грязных рук! Фи! Все военные такие грязнули, не иначе?! Мойдодыра на них нет! Стыдно болеть дизентерией! Стыдно, особенно в наши дни, да еще и в масштабах целого военного училища! Есть повод задуматься, кому следует.

Наша бригада из легендарного 45-го классного отделения бессменно днюет и ночует в училищной посудомойке — так называемой «дискотеке». Канул почти месяц беспросветной и хаотично-суетливой борьбы с дурнопахнущим заболеванием. Уже почти половина курсантов нашего училища ВВС валяется в трехэтажном изоляторе — «обсерватории» (от слова «серить»). От зеленых лимонов, лежащих в огромных 50-литровых бачках на входе в курсантскую столовую нас мучает противная изжога, вся приготовленная пища отдает морской солью. Сама курсантская столовая, все казармы и учебные корпуса провоняли хлоркой и лизолом чуть ли не до рвоты, до рези в глазах… Липкий лизол въелся в нашу форму уже на молекулярном уровне и его запах преследует постоянно. Никакой одеколон не в силах перебить его специфичное амбре.

В училище фактически никто не учится, т. к. половина курсантов уже благополучно обосралась и активно лечится, глотая всевозможные таблетки полными горстями, а другая половина — пока еще здоровая, скрипя зубами тащит все наряды, караулы и прочие подсобные работы. Через день на ремень — жестокий график, а куда деваться?! Кому сейчас легко?

Через день на ремень — это еще по-божески! А наша дружная компашка вкалывает в посудомойке вообще без права на смену и какой-либо отдых. Ибо, заменить нас просто некем. Все, кто пока еще на ногах, расписаны по другим нарядам и неотложным работам — ежедневную службу никто не отменял, воинская часть обязана полнокровно функционировать в любых условиях. Даже в момент поголовной эпидемии, обороноспособность страны зависит от боеготовности каждого отдельного воинского

подразделения, которые в момент опасности для страны сжимаются как пальцы в единый кулак для нанесения сокрушительного удара по супостату. Поэтому, постоянная боеготовность — это закон! А какой ценой она достигается, это уже никому не интересно.

Парни валятся с ног, но не ноют. Тяжеленные сапоги давно разбухли от избытка влаги в помещении посудомойки и по вечерам не снимаются без помощи соседа, а с утра не успев высохнуть, надеваются только «с разбега» или после долгих прыжков на месте с целью утрамбовать распухшие ноги в мокрые сапоги.

От бесконечного таскания 50-литровых бачков с горячей водой из варочного цеха на второй этаж в посудомойку, наши руки непропорционально вытянулись ниже колен. Прямо как у обезьян. Обратно со второго этажа на первый таскаем тяжеленные бачки с объедками, руки становятся еще длиннее и почти волочатся по полу. Кожа многократно ошпарена кипятком, а так же разъедена агрессивным «посудомоем», хлоркой и вонючим лизолом. Глаза почти у каждого курсанта неоднократно «обварены» паром, который бурно вырывается из под крышки огромного электрического котла, когда огромным половником черпаем кипяток в бачки для мытья посуды, но никто не скулит и не ропщет.

Ребята напоминают роботов, которые отключили свое разумное сознание вместе с эмоциями и тупо выполняют монотонно-выматывающую работу. Всем тяжело! Вот именно поэтому никто и не ноет, т. к. тяжело всем, а не только тебе любимому.

Еще повезло, что не попали в обслуживающий персонал «обсерватории», там уже точно хватанули бы прилипчивую заразу и свалились бы на пустующие койки, пополняя бесконечную очередь к ближайшему туалету.

«Двойка» — Вторая рота нашего 1-го учебного батальона, которой выпала «почетная обязанность» исполнять роль санитаров, несет катастрофические потери. Ребята падают один за другим. Тихий ужас! А ведь на их месте могли бы оказаться и мы! Упаси Господи от такого сомнительного «счастья»!

В караулах, куда личный состав заступает через день, курсанты от хронического недосыпа, начинают путаться в порядке заряжания и разряжения оружия. Все чаще ночую тишину разрывает короткая автоматная очередь — опять кто-то из ребят клюнул носом и передернул затвор АК-74 до момента отсоединения магазина с патронами. А там следует контрольный спуск и нате вам, дорогие товарищи — несанкционированный

выстрел и пара-тройка пуль кучно летят в ближайший пулеулавливатель. Хорошо, что именно туда, а не куда-нибудь мимо… в сторону мирно спящего уральского города… тьфу-тьфу, стучу по дереву.

Поэтому, как ни крути, а гораздо предпочтительней пахать день и ночь, стоя по колено в воде, разлитой на скольком полу … и погрузившись почти по пояс в ванну с раствором «посудомоя» и лизола. Нежели бегать от провонявшей койки до обгаженного чуть ли не до самого потолка туалета в обсервации-резервации и серить дальше, чем предельная дистанция полета тактической ракеты с химической боеголовкой. А потом еще стоять в позе «бегущего египтянина» — с задранной гимнастеркой и спущенными штанами, покуда очередной эскулап-докторишка из училищной медсанчасти будет скрупулезно копошиться длинной палкой с куском ваты на конце в твоей персональной заднице в поисках коварного возбудителя проклятой дизентерии. Короче, полный 3,14здец, а не перспектива! Из двух зол всегда выбирают меньшее, не так ли?! Поэтому, посудомойка forever!

Как-то возвращаясь в казарму родной 4-й роты глубоко за полночь и еле передвигая опухшие ноги в мокрых и оттого неподъемных сапогах, мы застали дневального на тумбочке — парнишку из 41 к/о Игореху Трофимова за несколько необычным занятием. От беспросветной тоски, не иначе и чтобы окончательно не сойти с ума от обрыдло-бесконечного наряда по роте, курсант Трофимов повесил себе на шею гитару с оставшимися тремя струнами и, закатив глаза «под образа», самозабвенно наигрывал нетленную композицию «Игги Поп», смысла которой никто из нас не понимал. Но там были до боли знакомые слова, типа: «Эй, деффка!». Такие приятные для ушей любого курсанта.

Честно говоря, у него получалось весьма недурственно. Что ни говори, а в армейке в избытке по-настоящему талантливых ребят, которые могли бы заслуженно блистать на эстрадных подмостках, но почему-то выбрали для себя далеко не самую денежную, а в последнее время не очень уважаемую в обществе профессию?! А всё любовь к Родине, не иначе?! Причем, безответная и зачастую несчастная…

Дневальный по роте сидел на тумбочке, покачиваясь всем телом в такт замысловатой мелодии. При этом, еще периодически отстукивая пальцами на треснувшей деке гитары соло ударника, одновременно не переставая виртуозно бренчать по откровенно дребезжащим струнам в количестве аж, трех штук. Обалдеть?!

Оригинальный состав «Игги Поп» удавился бы от приступа острой зависти, если бы услышал данную интерпретацию своего

всемирного хита с ключевой фразой «Эй, деффка» в исполнении курсанта 4-й роты Игорехи Трофимова.

Вяло среагировав на хлопок входной двери и наши по-стариковски шаркающие шаги, дневальный лениво открыл один глаз и, увидев Витю Копыто, не прекращая терзать разбитую гитару, монотонно пробубнил, причем исключительно в такт музыке.

— Копыто, танцуй! Тебе посылка! Если будет домашний харч или любая спиртосодержащая жидкость хотя бы на пару градусов выше водопроводной воды, я завсегда помогу употребить и то и это… Эй, деффка, ааааааАААаааааа…

Витя Копыто равнодушно послал дневального по роте по общеизвестному адресу и вытянул из под его задницы серую почтовую квитанцию. Жадно пробежав глазами по адресу отправителя, откровенно уставший Витя, заметно помрачнел еще больше. Получив квиток на посылку из дома, курсант Копыто не выказал даже намека на какую-либо радость. Зато наша бригада, откровенно задрюканная монотонной работой за текущий день и весь предыдущий месяц, заметно оживилась в предчувствии скорой перспективы полакомиться какими-нибудь домашними вкусностями.

Киевлянин Лелик Пономарев, зацепив указательным пальцем тщедушную тушку Копыто за поясной ремень и ласково заглядывая в его глазенки сверху вниз, с нескрываемой нежностью в голосе, мягко буркнул.

— Хоть пожуем чего домашнего… А, Витек?! Пожуем ведь?! А то столовская дрянь уже никуда не лезет… ни в горло, ни в задницу. Одни лимоны чего стоят?! Брррррр! Хочешь, завтра я свой лимон тебе подарю? К чаю…

— Пожуем, пожуем… без вопросов. Эх…

Лелик недоуменно глядя на откровенно потухшего Витю и не понимая его красноречивого образцово-удрученного состояния, меняя тембр голоса еще на более максимально-душевный, мурлыкающе-вежливо поинтересовался.

— Из дома посылочка, Витенька?! Вес какой?

— Угу, из дома… от жены. Вес?! Вес 20 кг.

Оп-паньки! Услышав неожиданный ответ с ключевым словом «жена», засыпающая на ходу курсантская братия заметно оживилась.

— От жены?! Слышали парни?! От жены?! Жена — это… ЖЕНА! Понимать надо! Витя, завтра рэксом гони на почту и тащи посылку прямо в столовую. Посмотрим, что тебе молодая ЖЕНА прислала. Проинспектируем так сказать, степень и уровень ее заботы о молодом и горячо любимом супруге, хе-хе…

Дневальный по роте, продолжая монотонно бренчать на трех уцелевших струнах раздолбанной гитары, уже как на арфе, не переставая тупо бубнить «эй, деффка», вставил свою весомую реплику.

— Карантин, парни! Забыли, что ли? Все посылки надлежит вскрывать только пред строгими очами старшины роты или в присутствии дежурного офицера! Продукты и все отдаленно похожее на съестное, включая консервы и прочую консервацию, изымаются под чистую в фонд ближайшей мусорки и безжалостно уничтожается в канцелярии роты в присутствии хозяина продуктов, дабы треклятый дизель не плодился и не множился… во как! Эй, деффка… аааааАААаааааа…

Тут уж на правах старшего в команде курсантов-посудомоек, пришла моя очередь выказывать свое пролетарское возмущение.

— Вот, ёпт! У себя дома, что-то мы этим сраным дизелем никогда не болели, а если и обсерались, то явно с пережору незрелыми фруктами и никак иначе. И даже не слышали про подобную дрянь… а тут идеально стерильные и категорично пользительные для здоровья наших организмов домашние продукты, присланные из дома заботливой мамой… пардон, МОЛОДОЙ ЖЕНОЙ и в мусорку?! Вот уж хрен! Завтра тайно вскроем посылку в ближайших от почты кустах, что надо изымем и заберем с собой, а ящик заколотим взад. Лелик все притащит в столовку, скрытно естесссссссно. А Витек демонстративно прогуляется в казарму и повторно вскроет ящик в каптерке у старшины. Остальные же прям с утреца запряжемся таскать горячую воду, чтобы после всеобщего завтрака каши из хлорки, сваренной на лизоле, опять долбанные диски елозить. Дискотека, твою мать, вот романтика…?! И когда ж она только закончится?! И ради этого беспросветного дерьма надо было ехать за тридевять земель и поступать в военное училище?! Ухулеть какое счастье?! Сказал бы кто раньше?! Эх, мамочка… То дизель, то желтуха, то вши, то туберкулез… Просто йопнуться от вселенского восторга! You are in army now, парни!

С огромным трудом разувших и частично раздевшись, в полуобморочном состоянии мы попадали в койки с давно провисшими пружинами даже не умывшись на ночь. А какой смысл?! И так целый день копошимся в воде насквозь промокшие, высыхать не успеваем! Будем считать, что априори чистые… Мокрые — значит чистые! Такая вот бронебойная логика.

Проспав до команды «Подъем», с утра пораньше, в соответствии с ранее утвержденным незамысловатым планом мы разделились на две группы.

Пока разводили «посудомой» в древних эмалированных

ваннах, приспособленных для ручной мойки больших объемов посуды, и таскали из варочного цеха горячую воду, с училищной почты притопал Лелик Пономарев с вещмешком на плече. Его смуглая физиономия светилась от счастья как «Прожектор перестройки».

— Пацаны, живем! Витькина жена… не знаю как там… в профиль, в анфас… и как у нее обстоят дела с прочими тактико-техническими характеристиками, типа рост, вес, размер бюста и все такое, но хозяйственная, заботливая и по-бабски мудрая, бля буду… Просто сокровище и ангел воплоти!

— Чего это ты разошелся на неслыханные комплименты и дифирамбы в адрес чужой жены к тому же, Леля?! С какого полового члена?!

Киевлянин, улыбаясь образцовым голливудским смайлом от уха до уха, театральным движением расстегнул гимнастерку и вытянул из-за ремня толстенькую резиновую грелку. Самую обычную медицинскую грелку грязно бордового цвета… но раздутую до неприличия.

— Ву-а-ля! Коньяк!

Мы дружно взвыли от поросячьего восторга, не в силах сдержать свои бурные эмоции. Ай, какая умница, женушка Витьки Копыто! Вот удружила! Вот услужила! Многократно расцеловали бы руки и все остальное, несмотря, что чужая жена… и задушили бы в объятиях… искренней благодарности, естественно и никак иначе.

Лелик, довольный произведенным эффектом, неспешно развязал вещмешок и под наши многочисленные возгласы и самые искренние комплементы Витькиной жене, а так же обильное слюнотечение, начал вытаскивать дефицитные деликатесы.

Чего там только не было?! Четыре палки сухой копченой колбасы, витые круги сногсшибательно-ароматной домашней колбаски, заботливо замотанной в марлю с пропиткой, полновесный шмат нежнейшего сала с чесночком и тмином, завернутый в пергамент, объемный свиной желудок под завязку забитый мелко-резанным жарено-копченым мясом и залитый нежнейшим смальцем и т. д. и т. п.

Могучий киевлянин, смеясь и зубоскаля, рассказывал, что Витька Копыто потащил в роту на скрупулезный санитарно-пограничный досмотр дотошному старшине, почти пустой посылочный ящик, в котором на самом дне сиротливо болталось пару носовых платков, шерстяные носки ручной вязки, семейные трусы из ситцевой ткани в мелкий горошек и …все!!! Хе-хе!

Пока мы отмывали посуду в ускоренном режиме, был послан

гонец в хлеборезку и в овощной цех. Наша бригада лихорадочно готовилась к грандиозному пиршеству. При этом, не переставая восхищенно отзываться о прозорливости молодой Витькиной жены, которая услужила, так услужила, положив в посылку именно то, чего так не хватало курсантскому желудку, утомленному до полного отвращения однообразной казенной пищей с преимуществом отвратного бигуса. (см. «Бигус»)

Вскоре в столовую прибежал взъерошенный Витя Копыто, похожий на тореадора, неоднократно изнасилованного разъяренным быком прямо на арене при проведении очередной корриды.

— Ёпт, зубоскалите, да?! А старшина смотрел на меня как на полного долбоеба! А как иначе?! Посылка на 20 кг., а на дне пустого ящика две тряпки сиротливо болтаются. Мерзлов пригрозил, что если в казарму пьяными приползем или хотя бы с остаточным запахом, то лично всем очки развальцует похлеще, чем в обсерватории. И анализ на «дизель» шомполом от автомата соскабливать будет или даже шваброй… аж до самого горла… во, как! А потом еще и на гауптвахту сопроводит… недельки на две.

— Вот и чудесненько, хоть отдохнем от этой «дискотеки» и выспимся в волю.

— Хрен там! Все аресты раздаются авансом, а сидеть будем, когда с дизелем разделаются.

— Фигово! Спать охота, аж глаза режет! Будто и не ночевали сегодня, а под веками словно по килограмму песка… или стекла битого…

— Глаза режет потому, как паром обварили, когда воду из котла черпали. Хорошо хоть в медсанчасти тетрациклиновый гель под веки положили, а то совсем тоскливо было бы…

— Ладно, завязывай трындычать, парни! Раньше управимся, раньше поедим по-человечески. Предлагаю, бухло и жрачку оставить на ужин! Все «за»?!

В этот день мы пахали особенно рьяно. Объедки сгребли и вынесли в бочку для отправки на училищный свинарник. Несколько сотен пятилитровых бачков для первых и вторых блюд, а также тысячу тарелок отмыли с поразительной скоростью. Нам не терпелось завершить обрыдлую работу побыстрее и всласть насладиться изысками домашней пищи… не говоря уже об объемной грелке с коньяком. Мысли и грезы с предвкушением знатного ужина с божественным коньяком уже заранее согревали наши сердца и наполняли рты обильной слюной.

Все вкалывали как проклятые без перерывов на отдых и перекуры. А после обеда даже не пошли посидеть традиционные минут 20-ть на трубах теплотрассы, ловя ускользающее уральское

солнце, нарушив устоявшуюся процедуру, выработанную за текущий месяц бессменного наряда.

Под вечер вся текущая работа была завершена, тарелки и бачки заняли свои места на полках для просушки. Их поверхность при проведении пальцем образцово скрипела, и ослепительно сияла. Вся посуда была отмыта на славу.

После общего ужина в практически пустой столовой накрыли роскошный стол. Трясущимися от хронической усталости и нетерпения руками быстро нарезали нежнейшее сало тонкими полупрозрачными ломтиками, жареную колбаску накромсали большими аппетитными кусками, красиво разложили мясное ассорти, нарезали кружками свежий лучок, в центр стола поставили скворчащий противень с жареной картошечкой. Красота! А запах?!

Остальные ребята из наряда по столовой и по хозяйственным работам с нескрываемой завистью издали поглядывали за нашими суетливыми приготовлениями. Увы, но «Боливар не вынесет двоих», сегодня на нашей улице праздник, простите парни! Надо было удачно жениться в летнем отпуске… или женить ближайшего друга, гы-гы!

Заботливо спрятав объемную грелку за пазухой, Лелик весь день согревал коньяк своим крепким мускулистым телом. На предложение Вити Копыто, засунуть грелку в проточную холодную воду, киевлянин, важно надув щеки и солидно нахмурив брови, прочитал подробную и увлекательную лекцию, что коньяк пьют неохлажденным, а исключительно теплым, чтобы он в полной мере раскрыл свой неповторимый букет и порадовал насыщенным вкусом. Попутно Лелик Пономарев поведал, как правильно пьются белые и красные вина. Как их надо подавать на стол и чем закусывать. Как хранить, когда открывать, когда разливать и все такое… Коньяки и прочие благородные напитки надлежит хранить исключительно в стеклянной посуде, дабы не портить их божественные вкусовые качества …а не в кондовой резиновой грелке…

Познавательная лекция Лелика неожиданно прервалась на самом увлекательном месте после нашего единодушного обещания утопить господина лектора в ближайшей ванной с концентрированным «посудомоем», ибо слушать подобное весьма вредно для курсантской психики, не избалованной великосветскими изысками. А так же вредно и для здоровья, т. к. концентрированная слюна стекала в наши желудки буквально ведрами, разъедая слизистую оболочку и грозя обеспечить всех присутствующих прободными язвами, причем возникшими исключительно на нервной почве.

Столько нюансов и соблазнов в гастрономическом мире, обалдеть?! К тому же нам было глубоко наплевать на всевозможные условности избалованных гурманов, т. к. банально хотелось ЖРАТЬ!!!

То, что коньяк был прислан в резиновой грелке, которая радикально испоганила его вкусовые качества, нас особо не трогало. Главное, что коньяк был! Был и все тут! А это — самое лучшее средство для дезинфекции курсантского организма, функционирующего в плотном окружении всевозможных мерзопакостных бактерий, агрессивных вирусов и прочей заразной дряни. Так что пусть хоть слабое, но моральное алиби у нас было. Пить или не пить?! — такой вопрос даже стоял на повестке дня. Естественно, пить!!! Хотя, честно говоря, во времена Горбачевской антиалкогольной истерии даже за еле уловимый запашок, все мы рисковали мгновенным отчислением из училища ВВС без права на восстановление. Такова селява, увы. Но кто не рискует и не пьет, тот уже занял свое персональное очко в туалете обсерватории — правда жизни и наши реалии, два раза увы!

И вот наконец-то с заходом солнца в пустой училищной столовой начался праздник чревоугодия. Иначе говоря, алчный жор! Коньяк из медицинской резиновой грелки разливали малыми дозами по стандартным армейским эмалированным кружкам. Вдыхая пьянящий аромат душистого напитка, мы быстро заглатывали золотистую жидкость, и жадно закладывая за щеку очередной кусок деликатесных изысков, ребята не забывали восторгаться вкусовыми качествами восхитительной пищи. Воздав заслуженную хвалу и коньяку и всем присланным яствам, мы в который бесчисленный раз дружно изошли на пьяненькие восторги, передавая свои искренние сердечно-душевные благодарности молодой супруге Вити Копыто, которая обеспечила нам такой изысканный и сытный ужин.

Витя Копыто громко чавкал и только молча кивал в ответ на восторженные реплики в адрес его дражайшей половинки. Когда крепкий коньяк радикально согрел нашу кровь и весьма прилично затуманил мозги, стремительно понижая границы общепризнанных условностей и всевозможных приличий, Лелик затронул щекотливую тему, которую все курсанты 45-го к/о деликатно обходили стороной вот уже почти календарный месяц после окончания летнего отпуска. Несмотря на показную брутальность и нарочитую грубость, мы старались не тревожить душевное равновесие нашего друга.

— Витя, ты это… не томи, братан! Колись давай наконец, а то все парни уже столько версий твоей скоропостижной женитьбы

обсосали, что хоть конкурс бредовых фантазий объявляй.

Витя смешно поплямкал своими мясистыми губами, торопливо дожевывая огромный кусок жареной колбасы и скорчил обиженно-дебильную козью морду, начал жалобно блеять.

— Только, чур не ржать, парни, ладно? Я влетел …просто пипец! Врагу не пожелаешь! Только никому…

— Неужели по залету женился?! Неужто умудрился за какой-то месяц девицу обрюхатить?! Или отголоски зимнего отпуска сказались?!

— Не совсем… Не перебивайте, а то ничего не скажу… самому стыдно…

— Нет уж, давай продолжай, дорогой ты наш человечище, а то мы и так целый месяц томились в догадках и безвестности! Ну?!

— Короче, в летний отпуск приехал домой. В первый же день картофана жаренного натрескался от пуза, мясца жаренного маманя наделала… ребрышки и баранью ногу…

Все парни, присутствующие при исповеди курсанта Копыто, невольно сглотнули набежавшую слюну и дружно возмутились.

— Хорош про харч травить, чучело! А то сейчас желудочный сок снова начнет с новой силой вырабатываться и все съеденное быстро переварит. Опять голодными останемся. Дай насладиться забытым ощущением сытости!

— Ребята, слушайте с подробностями, чтобы потом непоняток и кучи уточняющих вопросов не было! Второй раз повторять не стану… Да и самому про отпуск охота вспомнить. Приятно и стыдно одновременно… Эх! Итак! …закушал все это обилие вкусностей парой бутылок холодненькой водовки из морозильника. С батяней знатно тогда посидели! Да! Затем неожиданно потянуло меня на танцульки… типа, целлюлитом потрясти и все такое. Надел парадную форму чин по чину и пошел на местную дискотеку, куда еще в школьные годы захаживал и отрывался по-взрослому…

— А значки на грудь нацепил?!

Витя Копыто, уезжая в отпуск, выменял в роте кучу красивых значков от «ВСК-1» (военно-спортивный комплекс), до «Отличника ВВС».

— А то?! Полный иконостас нацепил, только «Мать-героиня» не надел. По пути встретил пацанов знакомых. Короче, то да се… Еще выпили. Где-то?! Не помню где… За встречу выпили, за военно-воздушные силы и все такое… Пришли на дискач… Танцуем. Я естесссссно высший класс показываю, а то новых танцевальных тенденций никто не ведает. Провинция, хуле?!

Смотрю, девки местные ко мне в центр зала подтягиваются, все мои движения копируют. Типа, нравится… ну, я оторвался от души, хе-хе! Ох, как я там выдал?! Аж самому понравилось. Весь танцпол прям визжал от восторга!

— Так уж и визжал?!

— Не сумлевайтесь! Такие крендебубели выписывал, что сейчас хрен повторить смогу. Короче, был в соответствующем образе — Нуриев и Майкл Джексон в одном флаконе! Потом чего-то на перекур потянуло, хотя я не курю, как вы знаете. Но раз начал давить фасон, так уж до конца… Стоим курим… китель расстегнут, галстук висит на закрепке… все как полагается! Ну, а пацаны давай про бабс и про тили-тили выспрашивать. А я им и говорю, мол любую кобылу здесь могу зацепить и раскрутить на пару палкен штрассе. Они не поверили, давай сомневаться, типа я загибаю… слова разные обидные говорить. На слабо решили взять! А я пошел на принцип… Ну, и начал в зал орать…

— Что стал орать?!

— Нуууууууу, типа, потрахаемся?!

— Ты что, совсем идиот?!

— Примерно такие же ответы и были от девчонок на танцполе, мол, … «Что?! …ммммм… Дурак!!! …Идиот!!! … Кретин!!!» …и прочие нехорошие слова и совсем невежливые. А я кураж поймал… да и перед пацанами неудобно… Ну и давай в ответ орать: «Спокуха! Нет, так нет, будем искать!» Типа как в кино «Брильянтовая рука», где Семен Семеныч по магазинам шатался…

— Ну, ты дебил, Витя!

— Да ладно?! Выпил тогда много, ум за разум зашел, что ли?! Опять же, гусарская удаль и все такое, фасон давил…

— Продолжай, Витек, извини, что перебиваю…

— Опять ору, мол, потрахаемся?!

— В ответ…ммммм… ДА!

— Поздно! Будем искать! Типа, медленно ответила… надо быстрее соображать, гы-гы…

— Витя, тебе рожу твою лошадиную не расцарапали?! Мордуленцию пьяно-гусарскую не набили?!

— Офигели, что ли?! Копыто в Пилопедрищенске — это о-го-го!!! Имя! Копыто?! Каждый знает…

— Ну-ну?!

— Короче, одна кобыла меня подхватила меня под руку и пошли мы…

— Куда?!

— А хз?! Куда-то пошли?! К ней, наверное?! Мне тогда все едино было… помню, что на выходе с дискотеки читал стишок…

— Похабный?!

— Да как сказать? Все уже и не вспомню, но что-то вроде:

Тили-тили, трали-вали
Переспать с тобой хотел бы
Раздвигай пошире ноги…

— Витя, ну ты и дерево?! Просто офигеть?! После таких возвышенных стихов, твоя спутница должна была влепить смачную пощечину, и бросить тебя прямо там же, стихоплет Пилопедрищенский?

— Эх, лучше бы бросила! …утром проснулся в приличной квартире, с кошмарной головной болью, а во рту как будто стадо вонючих котов переночевало… Беее! Глядь, а рядом девка лежит и рукой своей …меня за шею обнимает, а губками в плечо уткнулась и сопит так сладко… Я присмотрелся к ней и чуть не завыл от ужаса! …и протрезвел мгновенно, факт!

— Такая страшная что ли?!

— Хуже!

— Что может быть хуже?! Местная блядина с шикарным набором венерических заболеваний?!

— Хуже, парни!

— Беззубая старуха с внуками, которые старше тебя в три раза?!

— Еще хуже!

— Куда уж хуже, Витя?! С мужиком, что ли переспал?

— Да ну вас, придурки! Тьфу-тьфу…дайте по дереву постучу.

— По голове себя постучи, чудило. А что прикажешь думать?! Не томи…

— Маринка рядом лежит… Понимаете?! Ма-рин-ка!

— И что?! Маринка?! Хм?! Что в этой Маринке такого страшного?! Одна нога другой короче и левый глаз фанерой заколочен?! Или это лучшая подруга твоей мамы?

— Да нет, парни, вы не понимаете! Эта Маринка — дочь заклятого врага нашей семьи и всего рода Копыто! О, как?!

— Ни хрена не понимаем! Поясни, Витя!

— Короче, оказалось, что я со своей очень дальней родственницей переспал. А с этими родичами наша семья вообще не знается. Никак! Категорически! И не общается во веки веков, вот так!

— Почему?!

— Лет сто назад, а может и еще раньше, хз… прапрапрапра… прадед Маринки мою прапрапрапрабабку спортил, а женился на другой. Вот и …

— А ты типа отомстил спустя сто лет, так?! Герой, не иначе?! Кровная месть в исполнении пьяного гусара Вити Копыто, офигеть… справедливость восторжествовала спустя пару веков, гы-гы, и ты сразу стал национальным героем клана Копыто и всего Пилопедрищенска в целом…

— Угу, только хрен там! У Маринки такой папа, что полный 3,14здец! Кто Маринку спортит, тот и дня не проживет! Убьет и не дрогнет! Маринка — его единственная доча, причем, охеренно любимая. Короче, вспотел я моментально, как будто в душе помылся, а полотенце взять забыл… Оделся быстро по-тихому, за 45-ть секунд как в армии приучили. Трусы и галстук в один карман сунул, майку в другой, фуражку подмышку, ботинки под другую… И решил свалить по-аглицки, не прощаясь, то есть…

— По-партизански типа?! Разумно! Нашкодил от души, нагадил по-родственному, спортил единственную дочку главного врага, вывел межсемейную вражду на новый уровень и тикать обратно в военное училище за колючую проволоку?! Браво, Витя! Очень грамотно и благородно! Извини, дорогой! Продолжай, пожалуйста…

— Так вот, оделся тихонечко, иду в носках, чтобы половицы не скрипели. Прошел мимо комнаты, где могучий храп Маринкиного папани раздавался, а дверь в прихожей на замок закрыта, и ключа в скважине нет?! Вот попадалово?! Нет, чтобы замок в дверь с «собачкой» врезать?! Оттянул ее и беги себе на здоровье… а там вали на вокзал и дуй на ближайший поезд… Короче, зашел на ихнюю кухню… второй этаж, думал, окно открою и спрыгну на газон. Не очень высоко, типа не сломаюсь… наша полоса препятствий по высоте почти такая же… А на подоконнике пятилитровая кастрюля борща стояла. Наверное, с вечера остывала?! Так спешил, что и не заметил… Короче, ставню раскрываю осторожненько и медленно, чтоб не скрипнула, а проклятая кастрюля фигак и падает прямо на пол… что ты будешь делать?! Хороший борщ, наваристый, жирный. Я запаниковал и заметался на кухне с перепугу. …сразу же поскользнулся на разлившейся жиже и как в кино про Чарли Чаплина заелозил по полу как корова на льду… Ноги разъехались, чуть ли не на шпагат… думал, что сейчас яйца порвутся… ну, и навернулся плашмя в самую лужу с борщом… мордой вниз. Пока падал, за скатерть на столе ухватился, типа зацепиться для равновесия… скатерть слетела, и еще куча посуды на пол попадало… Звон битых тарелок стоял?! Мама дорогая! Жуть! Мертвый бы проснулся…

Пока Витя рассказывал о своих похождениях, все ребята слушали, затаив дыхание, частично забыв про роскошный ужин

на нашем столе. Как только Копыто сделал короткую паузу, чтобы набрать воздух в легкие и продолжить, мы просто взвыли от неописуемого восторга, представляя в красках живописную картину неудачного побега нашего некультяпистого друга. А Витя тем временем продолжил свою исповедь.

— Лежу себе весь в борще и осколках посуды …барахтаюсь периодически, пытаясь подняться, но безуспешно… и слышу: «Доброе утро, Витенька! Ну, здравствуй, племяш многоюродный! Как папа с мамой поживают? Не хворают ли?! Все ли благополучно дома? Решил в чужом огороде отметиться, козья морда?» Я аж зажмурился и замер… лежу и думаю, вот и смертушка моя пришла… Сейчас прямо в этом борще меня и замочат… в качестве гарнира или яйца оторвут …на десерт… Маринкин папа на флоте служил и там к гиревому спорту пристрастился… слоняра, шо пиндец… шкаф, хрен обхватишь! Маринкина маманя чего-то там загалдела, я уже не вникал в суть и смысл… А тут еще и Маринка прибежала …в коротком халатике вся такая и давай родаков своих строить: «Папа, мама, мне на ваши родовые обиды глубоко до сраки! Мне Витька Копыто еще в школе нравился… давно мол, по нему сохну. Люблю я его и замуж только за него пойду, хоть стреляйте»…

— Обалдеть раскладец! И чего дальше?!

— А ничего! Меня из ихнего дома не выпустили, пока штамп в «Военный билет» не тиснули. Ейная маманя — теща моя теперешняя то есть, в облисполкоме какая-то шишка, папа в райпотребсоюзе, дядя — завсклад, тетя — завмаг, короче, семья в авторитете и в полном порядке. Пока моя форма стиралась, сушилась и гладилась, ее папаня сказал, что позора и прелюбодеяния в своей семье не потерпит и тот, кто с его дочей переспал, тот ее мужем и станет, а ему зятем, соответственно. Мол, нех тут блядство разводить, а его авторитет и мужицкую гордость на посмешище выводить, несмотря, что наши семьи в контрах на веки вечные… Раз такой повод для примирения подвернулся, то и грех его не использовать. А кто старое помянет… Короче, пришел я домой только вечером… пришел в новом костюме, который мне новая теща подарила, пока китель и брюки от жира отстирывали… пришел, чтобы своих предупредить, а следом уже и родственнички подъехали. Типа свататься, но наоборот — не жених к родителям невесты, а родители невесты к жениху. Моя маманя охала и ахала, папа тоже радости особой не выказал… затрещину такую влепил, что у меня в глазах калейдоскопы закружились, и в обоих ухах почти неделю гудело. Хорошо еще, что мне уезжать скоро, отпуск всего месяц, а то папаня весь портрет бы мне радикально попортил от такой

нескрываемой …радости. Свадебку сыграли быстро… скромненько, но с размахом — почти весь город был. Короче, типа помирились все… особенно, после третьей рюмки …почти все тосты только за это примирение и были… А еще, что Маринка будет род Копыто прибавлять, нам наследников рожая …и не будет нам лучше родственников во веки вечные, нежели ее родичи. Все плакали то ли от счастья, то ли от горя, хрен его разберешь?! Мои мама с папаней все равно недовольные остались. А ихние братья и сестры — тетки и дядьки мои значит, все как один, меня ублюдком и предателем величают… и чуть ли не в рожу плюют. Вот в чем проблема и стыдуха…

— А ты прямо со свадьбы в бега не хотел податься?! Типа, за поруганную честь единокровной бабульки отомстил и деру?! Семейный герой и сексуальный мститель, гы-гы…

— Куда уж там? Маринкиного папу надо знать! Он, бляха-муха, из под земли достанет и яйца оторвет… А все остальное в морской узел завяжет, даже поссать не получится. Опять же, нас расписали по закону, «Свидетельство о браке» выдали и все остальное… как полагается… Короче, наша столетняя вражда закончилась весьма скоро и неожиданно, но в глазах моей родни я все одно — предатель …твою мать! Эх, опозорил весь славный род Копыто! Прапрапра…прабабка наверное в гробу перевернулась?!

— Витя, а у невесты фамилия какая была до замужества?! Вот ты — Копыто, а она часом не Капулетти?! Или все-таки Монтеки? Огласи уж, если не секрет.

— Какие на хрен в Пилопедрищенске Монтекарлы с Капучинами?! Маринка Подковкина она …а теперь Марина Копыто!

Толпа курсантов, на время забывшая про выпивку и деликатесы, снова громогласно заржала…

— Маринка Подковкина Витьку Копыто подковала, гы-гы-гы… обоссаться?! Во совпадение?!

Витя Копыто демонстративно набычился, и комично надул свои пухлые щеки. А затем, тяжело вздохнув, выдал следующее.

— Кстати, свидетелями на свадьбе были Миха Кузнецов и Натаха Гвоздева. Прикиньте, ребята?! Действительно, хренотень какая-то?!

Стены курсантской столовой в очередной раз вздрогнули от оглушительного хохота, который громогласным эхом разносился по пустым залам. Почти до самого утра мы сидели и обсуждали обстоятельства неожиданной свадьбы нашего общепризнанного «ходока» и завсегдатая женских общежитий, который весьма нетривиальным способом оказался в немногочисленных рядах

«женатиков» 4-й роты.

з. ы. Стоит отдать должное Марине, Витя получал подобные посылки с завидным постоянством — раз в две недели. К нашему неописуемому удовольствию, естественно.

з. з.ы. Похоже, что молодая жена действительно искренне любила Витю Копыто и всячески заботилась о своем муженьке … или пыталась загладить вину своего прапрапра…прадедушки перед Витькиной прапрапра… прабабушкой, кто знает?!

57. Круг замкнулся

— Сань, тебя Гадик Васильевич искал. Злой как … полный 3,14здец! Забежал на 5-ть сек, побухтел муйню всякую, впрочем, как обычно, ничего нового. Затем психанул чего-то, стеллаж с суповыми бачками завалил на пол, сейчас вот перемываем. Ногами топает, слюной брызжет во все стороны, орет, как баба сварливая: «Где старший, где старший?!» Ну, мы сказали что, мол, ты к дежурному по столовой пошел за «Посудомоем», а бесноватый полкан, знай себе, визжит: «Старшего ко мне в кабинет! Немедленно!»

Старшим в наряде по курсантской «дискотеке» (посудомойке) — был я, курсант Симонов. В настоящее время, в нашем училище безраздельно царствует наглый «дизель» — дизентерия то есть, и мы — пятеро «ди-джеев» бессменно торчим здесь уже почти три недели, без права на отдых или замену.

Пока я ходил к дежурному прапорщику за очередным пополнением израсходованного порошка «Посудомой», курсантскую столовую посетил САМ — великий и ужасный заместитель «старика» (генерала — начальника училища) по тылу полковник Адик Васильевич Волченко (в миру, крещенный курсантами в Гадика Васильевича Сволченко). Такая незатейливая модернизация ФИО, произошла из-за его патологического желания нагадить всем поголовно без исключения курсантам, стоящим в наряде по столовой, независимо от их место нахождения — варочный цех, овощной цех, мясной цех, хоз. работы, посудомойка, официанты.

Все, буквально все и каждый из курсантской братии с трепетом и ужасом, граничащим с патологическим вожделением, ждали ежеутреннего прибытия в столовую «крутого» на нрав и скорого на расправу полковника.

Полковник Волченко не заканчивал академий, и у него вообще не было высшего образования, но благодаря своей уникально-луженой глотке, в прямом смысле данного слова — лучше его и самое главное — ГРОМЧЕ, никто из офицеров училища не мог отрапортовать строгому и придирчивому генералу о текущем положении дел и отсутствии всевозможных происшествий. Слабаки! Пусть тренируются пока, а горлопан Волченко тем временем делал головокружительную карьеру, повсеместно и постоянно показывая свою незаменимость и готовность выполнить любой приказ точно и в срок. Ну и естественно громогласно отрапортовать об этом, легко и

непринужденно заглушая всевозможных «безголосых» конкурентов.

А сколько в эту легендарную глотку помещалось спиртосодержащих смесей?! Мама не горюй! Даже и не пытайтесь меряться, все это плохо закончится. Ибо, в современной медицине есть такое понятие, как «удельное содержание спирта в крови трупа, причем — абсолютно несовместимое с жизнью». В переводе на нормальный русский язык, это означает, что самоуверенный клиент благополучно помер от банального «пережора», что в свою очередь привело к неизбежному и закономерному этиловому отравлению организма, с последующим лавинообразно прогрессирующим распадом печени.

Заявляю с полной ответственностью, что данный медицинский постулат, полковник Волченко успешно опровергал, чуть ли не ежедневно. С треском, помпой и шумом, с безусловным позором для заумных докторишек! Медицина стыдливо краснеет и тихо отползает. Адик Васильевич — уникум, его непревзойденное мастерство достигалось планомерными, упорными тренировками, строгим выполнением распорядка дня, особенно «питейной» его части и все такое…

Выслушав недобрую весть, я бросил мешки с порошком на влажный пол «дискотеки» и, перебирая в голове все свои возможные прегрешения — вольные и невольные, обреченно потопал на многообещающий «разбор полетов» в кабинет к зампотылу. А куда деваться?! Заодно, сейчас и узнаю причину его утреннего раздражения. Вдруг мы действительно в чем-то накосячили?!

Если честно — непонятно, вроде все чисто вымыто, поверхности всех бачков и тарелок задорно скрипят при малейшей попытке провести по ним пальцем?! Повторюсь, в училище свирепствовала эпидемия коварной дизентерии, и мы старательно и на совесть отмывали всю посуду как проклятые, до идеально-благородного свечения металла.

Ребята молча проводили меня «понимающими» взглядами — дело швах, к бабке не ходи, а что поделать?! Подошел к знакомому кабинету на первом этаже (который обычно все курсанты и прапорщики настороженно обходили «десятой» дорогой), постучал и, не дождавшись ответа, открыл обшарпанную дверь и «смело» вошел.

За хаотично захламленным столом сидел багровый от праведного гнева хмурый полковник с угрожающе надутыми щеками и страшно выпученными глазами. В полной боеготовности, так сказать. В ожидании неминуемого процесса, в предвкушении акта неизбежной любви, причем, в самой грязной

и извращенной форме, не иначе…

— Товарищ полковник, старший по посудомойке 1-го батальона, курсан…

— Трое суток ареста!

— За что, това…

— Пять суток!

— Товарищ полко…

— Семь!!! Семь суток ареста, твою мать…

Я как-то сразу догадался, что в данной ситуации продуктивного и паритетного диалога явно не получится и поэтому вполне удовлетворенный начисленным сроком заключения, поспешил своевременно и церемонно откланяться, пока длительность моего пребывания в уютной камере училищного «санатория» не превысила все разумные пределы.

И не дай Бог, чтобы местом моего «заслуженного» отдыха стала гарнизонная гауптвахта (оттуда, как правило, раньше 30-ти суток еще никто не возвращался — то заботливый комендант добавит, то душевный нач. гуаптвахты подкинет, оно и понятно — искренне жаль с курсантами расставаться, привыкают к ним, как к родным, вот и оттягивают всячески момент «долгожданного» освобождения, чтобы в тоске неразделенной и безответной любви не мучаться). Мде…, приехали.

Попрощавшись с заметно погрустневшими парнями из дружной и сплоченной команды «ди-джеев», я с чувством полной апатии и законченной безысходности побрел в роту, дабы в строгом соответствии с требованием Общевоинских Уставов, немедленно доложить своему непосредственному командиру об объявленном аресте и с его «монаршего» благословления, занять место в «уютной» камере училищной гауптвахты. Хоть высплюсь, наконец, «нет худа без добра», что ни говори. Гармония — в одном месте убавится, в другом — прибавится. Ладно, посидим, подумаем о смысле жизни.

Выяснив у дневального по роте, лениво подпирающего тумбочку, что наш командир 4-й роты находится на архи-супер-мега-гипер-важном совещании в политотделе училища, я пошел «сдаваться» лейтенанту Зайчику, который, важно восседая в канцелярии роты, традиционно трещал по телефону с очередной дамой сердца. При этом офицер по-ковбойски игриво закинул скрещенные ноги в щегольских штиблетах чешской фабрики «Цебо» прямо на лакированную поверхность своего стола.

Внимательно выслушав мое «чистосердечное» признание во всех «смертных грехах» и тяжких преступлениях, включая непосредственное участие в убийстве Джона Кеннеди, Григория Распутина и организацию последних 27-ми покушений на Фиделя

Кастро, лейтенант тяжело вздохнул и, положив телефонную трубку на рычаг, начал оформлять «Записку об аресте».

Учитывая мое искреннее раскаяние и страстное обещание «больше так не делать» (еще неплохо было бы узнать, что именно), Зайчик выразил готовность «скостить» срок моего «справедливого» заключения на пару суток, справедливо полагая, что если полковник Волченко все же решит проконтролировать мое нахождение на гауптвахте, то подтвердив сам факт присутствия моего тела в камере, дежурный начкар скромно упустит длительность начисленного срока, что весьма и весьма вероятно… А после процедуры «монаршего» контроля со стороны мстительного полковника, лейтенант Зайчик незамедлительно выкупит меня с «губы» за 3-литровую банку дефицитного клея ПВА или за полное ведро не менее дефицитного мебельного лака. Спасибо тебе добрый человек, ценю, люблю и уважаю! Расцеловал бы в уста сахарные, да строгая субординация не позволяет — дисциплина, иерархия, ну и ориентация естественно.

Продолжая сетовать на «фирменную» вспыльчивость и постоянные приступы необоснованной сварливости у зампотыла, лейтенант вызвал старшину роты Игоря Мерзлова и приказал ему обеспечить меня всеми видами довольствия, полагающимися каждому кандидату на отсидку — внеочередная помывка в бане и смена чистого белья (единственный плюс из этой ситуации).

Игорь понимающе и деликатно помалкивал, глядя, как заполняется пакет обязательных документов на «врага народа» — на меня то есть. Он уже взял в каптерке комплект чистого белья по мою душу и терпеливо ждал завершения бюрократических процедур. Лейтенант Зайчик еще раз посмотрел на мои руки, изъеденные почти до кровоточащих язв от постоянного пребывания в горячей воде с агрессивным порошком, лизолом и хлоркой, и тихо промолвил.

— Ты это… веди себя там смирно, через пару дней, когда страсти улягутся, мы тебя вызволим, заберем с «губы» по-тихому, обещаю. Волченко — известный арестовывальщик, еще в мое время щедро выписывал сроки налево направо, только успевай ворота на «киче» открывать-закрывать, пачками в темницу отправлял. Сатрап! Ну, ничего, он сейчас перебесится и забудет, а там самое главное — на глаза ему недельки две-три не попадайся и все будет нормально. Точно говорю. За что, кстати, столько начислили?! У него обычно стандартная такса — трое суток! Оправдываться начал или, не дай Бог, спорить да?!

— Угу! А за что конкретно и сам не знаю…

— Понятно, знакомая песня. Ладно, не бери в голову, иди в баню, помойся неспеша. Старшина, дай ему возможность в буфет

зайти, пусть компоту попьет и шпандориков пожует. Деньги на шпандорики есть?!

— Есть.

— Ну, тогда, в добрый путь…

— Ага, в добрый…?!

Не успели мы со старшиной покинуть расположение роты как, обгоняя собственную тень, в казарму влетел крайне возбужденный капитан Нахрен и сразу набросился на дневального курсанта.

— Аааааа…! Что за хрень?! Как стоишь?! Почему ремень висит на яйцах…

Но, заметив старшину роты и меня, убогого, да еще с мочалкой и полотенцем в руках и в неположенное время, когда все курсанты должны были быть на учебных занятиях или в нарядах, ротный переключил свое внимание на нас. И как будто он даже обрадовался?!

— Ага! Симонов! Вот ты то мне и нужен, твою…. дивизию!

Справедливо полагая, что злобный зампотыл уже знатно отодрал командира нашей роты за его нерадивого подчиненного — за меня, то есть, я, приняв максимально обтекаемую форму, сразу принялся убедительно и жалобно оправдываться.

— А что Симонов?! Я не виноват, что у него настроения нет, порет всех без разбору, то есть — подряд, с утра пораньше, никакой сортировки, всю столовую перетрахал, ни одного живого тела не осталось. А я чисто случайно под раздачу попал и «ни причем» вовсе. Может у него голова с утра болит от …ммм… усталости, вот и бросается на всех, как собака бешенная, или перед женой облажался, так зачем на нас срываться…?!

Нахрен совершенно не слушая мой бред, обратился к старшине роты Мерзлову.

— Игорь! Выдай этому мундеркинду парадную форму! Только быстренько, время не ждет, и так уже опаздываем! Давай-давай, шевелись!

Пипец, приехали! Парадная форма?! С какого перепугу?! Ох, ты ёбт… Это может означать только одно — сейчас меня потащат на педсовет училища и после краткого слушанья «персонального дела», образцово-показательно отчислят к «чертовой бабушке». Вот ведь мстительная скотина наш зампотыл, а?! Ну, Гадик Сволченко! Ну, бигус четырежды протухший?! Вот за что меня на педсовет?! Чего я такого «этакого» сделал, что нельзя свои законные 7-мь суток спокойненько по-тихому отсидеть, искупить, так сказать, отслужить, отработать. Бля, ну ты подумай, так бездарно вылетать из училища, за «не за что» фактически?! А на хрена тогда надо было столько мучиться — мерзнуть зимой,

питаться «не пойми чем», не спать нормально?! С «Агдамом» так все замечательно получилось, никто не запалился, а из-за какой-то сраной «дискотеки», вылетаю со свистом как пробка из бутылки шампанского?! Обалдеть! Нет справедливости в жизни! Нет, и даже не предвидится. Мда… ну вот и все. Вот оно как оказывается, по-будничному. Оступился разок и на, тебе — свободен, как стая напильников на бреющем полете. Кстати, а где именно оступился?! Где конкретно?! Нет, я попрошу разъяснить… А, ну да! На педсовете же объявят чего-нибудь, обвинительное слово и так далее…

А Володя Нахрен тем временем продолжал раздавать молниеносные указания налево и направо.

— Дневальный! Где дежурный по роте?! Почему я его сейчас не наблюдаю перед своими командирскими очами, причем, стоящего в позиции «бегущего египтянина на низком старте» — согнувшись раком и с задранным халатом, то есть. Звони дежурному по училищу, будем вскрывать «оружейку», пусть с сигнализации снимет. Где книга выдачи оружия, мать вашу….?!

Так, не понял?! А зачем нам оружие?! Неужели меня сейчас…?! Да не может быть! Да не дай Бог! За что?! Что я такого сделал, чтобы вот так — без суда и следствия…?! Не, я не согласен! Мааа-маааааа…. Я уже согласен на отчисление! Я хочу в войска, рядовым! Отведите меня на педсовет, немедленно. Разрешите мне сдаться властям. Да здравствует советский суд — самый гуманный суд в мире! Ура, товарищи! …а может в бега податься, пока еще «оружейку» не вскрыли?! А что, если повезет, в товарных вагонах можно до Владивостока доехать, а там к бичам пристать… Бля, вот что за жизнь, когда тебя вот так…, как скот на бойне?! А самое главное — за что?! За что?!

— Симонов! Курсант Симонов! Симонов, я к тебе обращаюсь! Я что — тихо говорю, да?! Чего стоишь, мычишь и пузыри пускаешь?! Иди, автомат свой из пирамиды забери и один магазин в придачу.

Ну вот, совсем охренели сволочи, еще из моего же автомата… ничего святого не осталось. Стоп, не понял, повторите еще раз, пожалуйста, только медленно…

— Значится так, сейчас переодеваешься в темпе вальса и дуешь в штаб! Там в фойе фотографируют «яйцеголовых» отличников у развернутого знамени училища — типа благодарственное письмо на малую Родину от командования училища и все такое. Ты же у нас «круглый» отличник, а Симонов?! Несмотря, что рас3,14здяй редкостный. Чего стоишь, как не родной?! Ты какой-то неправильный сегодня, наверное, думаешь слишком много. Запомни, все беды от лишних

раздумий. Вредно много думать, мозги сохнут. Ты же будущий офицер, тебе думать не полагается, команду получил — выполнил или передал дальше. Все, других вариантов нет. Аллё, Симонов, не заболел ли часом?! Не стой столбом, двигайся-двигайся. Перед тобой такие перспективы открываются, закачаешься!

Тьфу ты, а мне уже в дурную башку, черти чего поналезло. Фу, слава яйцам! Не на расстрел значит, а я уж чуть не обоссался. Прав капитан Нахрен, не хрен в голову всякую мутотень брать, лучше в рот. Так жить проще и гораздо сытнее.

— Товарищ капитан, тут это…, все не совсем просто. Даже, наверное, все совсем не просто, закавыка одна имеется. Не знаю даже, как и сказать…

— Ты для начала выплюнь член изо рта и давай, вещай по быстренькому, а то фотограф ждать не будет, а политотдел училища мне потом матку на изнанку вывернет, что сорвал архиважное политическое мероприятие — работу с подрастающим поколением и все такое. А с политикой шутить нельзя, себе дороже, потом всю жизнь не отмоешься. Короче, получив письмо с фотографией, твою геройскую «морду лица» ведь однозначно в родной школе на какой-нибудь стенд повесят. Чтобы всякие «тебе подобные» олигофрены и дибилы, проходя мимо с единственной целью покурить на переменке или пару стекол высадить, заметив знакомое рыло с «ружом в руках и в красивой хформе», радостно пускали сопли и, брызгая слюной в поросячьем восторге, брали с тебя всесторонний и повсеместный пример, а потом в едином порыве, пачками ломились в наше многострадальное училище. Что-то так, если ничего не путаю! Преемственность поколений, во! Новый курс нашей мудрой партии, понимать надо! Ты еще здесь?!

Пока я, мягко говоря, тупил и откровенно подтормаживал, переваривая довольно-таки радостную информацию о предстоящей вселенской славе и гарантированных заоблачных перспективах, старшина Мерзлов, мрачно процедил сквозь зубы.

— Его, полковник Волченко арестовал, на пять…

— На семь суток, уже и записка об аресте выписана, — поправил я любезного старшину.

Нахрен болезненно скривился и почернел лицом, по хаотично бегающим желвакам на его идеально выбритых щеках, мы поняли, что сейчас наш Володенька решает в своей буйной головушке весьма непростую задачку. Наконец, он скрипнул зубами и выдал следующее.

— Бля, в училище эпидемия, все поголовно обосрались, «обсерватория» переполнена и каждый живой боец на счету, а

этот старый мудила еще умудряется аресты раздавать! Идиота кусок, причем бОльшая половина! А где я смену в посудомойку найду?! Так! Сейчас быстро получаешь парадную форму и автомат! Мы с тобой вместе идем в штаб! Скоренько и скрытно идем, шустрыми перебежками, а местами — ползком. Я договариваюсь, и тебя фотографируют без очереди. Затем, старшина ведет тебя в баню, ну и «в добрый путь на долгие года». Тьфу-тьфу, на семь суток, естественно. Где дерево, чтобы постучать?! Дневальный, голову подставь, что ли?! Симонов, ты не ссы, я тебя раньше вызволю. Не хрен, тебе на нарах массу давить (спать) и харю на шпандориках отъедать, здесь дел «невпроворот». Зампотыл Волченко — знатный душегуб, но склеротик законченный, точнее некуда. Столько пить?! Через пару дней о тебе забудет, тогда и вызволим. А вообще-то, полковник Волченко — рядовой член КПСС, а фотографирование у развернутого знамени — решение политотдела училища. Следовательно, коммунист Волченко, как самый обычный член первичной парторганизации, причем пассивный и давно сморщенный член, обязан неукоснительно и беспрекословно принять к исполнению это эпохальное решение, независимо от своего желания или нежелания. Грамотно?! Партийная дисциплина — это вам не хухры-мухры, лучше «неполное служебное соответствие за упущения по службе», чем строгач по партийной линии, правильно говорю?!

Мы со старшиной и дневальным курсантом недоуменно пожали плечами, но синхронно и «подобострастно» поддакнули командиру.

— Угу, точнее некуда.

Я быстренько переоделся в «парадку», схватил автомат и «рексом» припустил вслед за ротным. Прибежали в штаб, а там не протолкнуться. Вот никогда бы не догадался, что в нашей «бурсе» столько отличников?! Батюшки святы?! Да, тут каждый второй — это комсомольский рабочий, только нашего незабвенного Конфоркина и не хватало. Так он бедняжка в это время на «очке» в «обсерватории» заседает. Ладно, потом сфоткается, когда гадить под себя перестанет. Ну, с комсомольскими вожаками все понятно. Эта публика, завсегда всем пример, несмотря на низкую успеваемость и личные достижения в спорте, вернее — их отсутствие. Одно радовало, что фотографии у знамени были сугубо индивидуальные, и мне не пришлось бы позориться в групповом снимке с этим «уважаемым» авангардом прогрессивной молодежи. На фиг, на фиг…

Нахрен, используя все свое дипломатическое красноречие, основанное на беспросветной наглости и хамстве, пер как танк —

напролом. Он легко и непринужденно подвинул огромную очередь из страждущих запечатлеть свой одухотворенный лик на фоне орденоносного знамени военного училища, да еще и с персональным «калашиком» в руках, а также — с «дежурным» мужественным взглядом «а-ля-гроза НАТО».

Пользуясь моментом, я быстренько встал возле знамени, идеально распрямил спину, по-богатырски расправил плечи, в глубине глаз «включил» огонек угрожающего фанатизма, сделал глубокий вдох и как только из допотопной фотовспышки с порошком магния вылетела «птичка», в фойе штаба зашел полковник Волченко собственной персоной. Именно так и никак иначе, … что за невезуха?!

Вечно раздраженный взгляд его слегка прищуренных глаз скользнул по толпе курсантов, набившейся в фойе здания, и сразу же переключился на знамя училища, которое любой военнослужащий обязан поприветствовать молодцеватым вскидыванием руки к козырьку фуражки или к правому виску (зимний вариант, когда на персональную тыковку нахлобучена шапка, папаха или еще чего). Приветствуя знамя училища, глаза сурового зампотыла незамедлительно пересеклись с моими откровенно бегающими и панически-затравленными глазенками. Пипец, приехали! Подводить командира роты, ой как не хотелось, а куда деваться?! В окно бы прыгнул, но на нем были решетки.

Если бы у меня в автомате были патроны то, не мудрствуя лукаво, я бы однозначно застрелился. Или, если бы вместо глаз у полковника Волченко была бы двустволка 12-го калибра, то мой хладный труп мгновенно впечатался бы в стену штаба под задорно-противный вой картечи, дуплетом. Не иначе…

Полковника аж перекосило! В приступе нескрываемого бешенства и неконтролируемой злобы, он выпучил глаза и начал страшно багроветь, местами покрываясь белыми пятнами. Я сжался до минимальных размеров и, хаотично пометавшись по замкнутому пространству фойе, попытался спрятаться за древком флага. В принципе, получилось весьма неплохо, только фуражка, да автомат АК-74 предательски выступали с двух сторон «черенка» знамени, предательски обозначая присутствие моей трясущейся тушки.

Стоит отдать должное, Володя Нахрен не бросил меня один на один с разъяренным монстром а, прогнувшись в спине до уровня колен грозного полковника и сексуально оттопыривая свой зад, залепетал что-то ласково-нежное, при этом заискивающе заглядывая в налитые кровью глаза бесноватого зампотыла. В ответ было слышно только нечленораздельное и громогласное рычание раненного в яйца льва, причем, раненого именно в оба

яйца, а не в одно. Это, согласитесь, существенная разница. В штабе стоял ужасный рев, переходящий в дикие завывания?! Просто закачаешься! Реактивный самолет «на взлетном» режиме стыдливо отдыхает.

Толпа курсантов в панике ломанулась на выход из штаба, снеся допотопный деревянный фотоаппарат на кособокой треноге вместе с укутанным в черное покрывало фотографом. Дежурный офицер по училищу благоразумно заныкался в «аквариуме» за стеклом «дежурки» и трепетно прижавшись к сейфу с оружием, пытался успешно мимикрировать в зеленый цвет, давая приличную фору самому искушенному хамелеону.

Тем временем, полковник Волченко надвигался на меня как обезумевший слон на микроскопического таракана. А перед ним в живописном брачном танце влюбленного павлина, распушив хвост, «гоголем» выплясывал капитан Нахрен. Живописная картина, ничего не скажешь.

А полковник разбушевался не на шутку.

— Я тут что?! Пустое место?! Это издевательство над полковником?! Данный разгильдяй, уже битый час, как должен образцово-показательно мести двор гауптвахты! А он, бляха-муха, фотографируется у воинской святыни?! Кто посмел?! Что за хрень, я вас спрашиваю?! Кто разрешил?! На «гарнизонку» (гарнизонная гауптвахта — тихий ужас, поверьте на слово) его! Немедля, бля! Сегодня же, сейчас же! Десять суток! Десять!!!

— Товарищ полковник, это единогласное решение, вынесенное на заседании политического отдела, во главе с замполитом училища полковником Боргударовым. Курсант Симонов — круглый отличник и за его кандидатуру ходатайствовали все преподаватели по профильным дисциплинам с обязательным утверждением на заседании учебного совета училища. Очень достойный курсант, исполнительный…, кандидат в члены КПСС! Комбат Серов, ему лично рекомендацию написал…

— Боргударов, говоришь?! Серов?! Политотдел?! Образцовый «яйцеголовый»?! А чего он в столовой торчит… в посудомойке…?! На глаза мне попадается, да еще и с наглой рожей… И самое главное — вякать что-то пытается?! Совсем распустился…

— Больше не попадется! Я ему рот заклею, портянку засуну! Я его на свинарник сошлю, буду в наряды по КПП ставить, ей-ей… Политотдел, Боргударов, Серов, преподаватели, все как один…

— А ладно, хрен с ним и с политотделом долбанным, вместе с Боргударовым и Серовым вашим. Слышь ты?! Отличничек! Выходи из-за древка, все равно уши твои видно, торчат два

локатора… Короче, хуль с тобой, амнистия. Но в следующий раз, УУУУуууууххххх….!!!

Выпустив пар, грузно переваливаясь с ноги на ногу, полковник Волченко потопал в свой кабинет в штабе училища.

Володя Нахрен вытер обильно вспотевший лоб и жалобно улыбнувшись, прошептал.

— Уф, проскочили! Вот принесла нелегкая, пьянь непотребную…

Посмотрев в мою сторону, ротный подмигнул и с показной грозностью прошипел.

— Ты ничего не слышал, в нарядах сгною!

Обиженно закатив глаза «под образа», я посчитал за благо скромно промолчать, прикинулся ветошью и решил не отсвечивать. Честно говоря, не ожидал, что Володя Нахрен с таким упорством будет спасать мою никчемную шкурку, отбивая атаки всемогущего зампотыла. Благодарствую, Володенька, век не забуду.

Сдав оружие и парадную форму, я вернулся в столовую к обалдевшим от недоумения парням, опять исполнять обязанности старшего «посудомойки». Ребята, которые хорошо знали патологическую мстительность ретивого Гадика Васильевича Сволченко, никак не ожидали увидеть меня так скоро.

Более того, они уже досконально разрабатывали дерзкие планы, по бесперебойному обеспечению «страдальца в тюремных застенках» усиленным питанием и свежими коржиками из буфета. Блин, я чуть не прослезился от такой трогательной заботы. Все-таки неплохо всех нас спрессовала армия в единый организм, в котором составные части трепетно и заботливо относятся к братьям по крови.

Старательно отмывая посуду на бесконечном конвейере, в монотонно-однообразных действиях задрюканного робота, я многократно прокручивал в своей головушке события этого дня, не переставая удивляться — насколько переменчива капризная судьба. То, я — старший в посудомойке, то — арестант, то — в «парадке» и с оружием с помпезным видом фоткаюсь в пример подрастающему поколению, то — опять арестант, но с еще большим сроком (почти рецидивист), то — неожиданная амнистия, и я опять в кругу своих ребят тупо тру грязную посуду изъеденными до крови руками, которые методично и неумолимо «умирают» под воздействием агрессивного порошка и хлорки, круг замкнулся. Что ни говори, а эволюция развития и все события в нашей жизни движутся по спирали и неизменно возвращаются на круги своя.

А на губе сейчас прогулка на свежем воздухе и никакой тебе

ненавистной хлорки, тарелок и бачков. Мде… Вот и не знаешь, где лучше?! Где найдешь, где потеряешь?!

В училище все еще свирепствовал «дизель» (дизентерия) и менять меня в наряде было откровенно некем, а оставлять замотанных «вусмерть» ребят в меньшинстве, было бы неправильно. Несправедливо и негуманно. Наверное, все же, этими соображения и руководствовался капитан Нахрен, отчаянно борясь за мою свободу, кто знает?!

Пока, я «рулил» в посудомойке, то всячески старался не попадаться на глаза полковнику Волченко, которого постоянно драли всевозможные комиссии из «санэпидемстанции» за непрекращающуюся эпидемию «слабости живота» в периметре училища. И поэтому, взбешенный полковник срывался в бессильной злобе «на всех и на вся». Досталось очень многим. «Губа» была безнадежно переполнена, а очередь из «потенциальных сидельцев» растянулась на многие месяцы вперед.

Если вдруг, так случалось, что я непроизвольно натыкался на грозного и вечно раздраженного зампотыла, то мгновенно скукоживался до размера тараканчика и пытался незамедлительно испариться из его поля зрения или тщательно заныкаться в какую-нибудь щелочку, а он сурово хмурил брови и всячески делал вид, что не заметил моего присутствия. Не узнал типа…

58. Зайчик в тумане

Слухи распространялись в казарме с реактивной скоростью, по пути обрастая многочисленными уточнениями и пикантными подробностями. Все курсанты восторженно, отказываясь верить своему нежданному счастью, передавали самую последнюю горячую новость. До наших ушей, эстафета донесла следующее.

— Слышали, про последнюю жертву «дизеля»? Как?! Ну, темнота! Володя Нахрен обосрался и его загребли в обсерваторию. Койку поставили прямо в туалете, серит дальше, чем видит.

— Хорош нести чушь. Не обосрался, но близко к этому — облевался, причем, реально. Прямо на построении офицеров, на плацу, чуть ли не на грудь Пиночету нагадил. Тот еле отпрыгнул. Лишь, по ботинкам зацепило.

— Иди ты! Во, дела! Слышь пацаны, Нахрен облевал Пиночета и нашего генерала, с ног до головы уделал, прямо в штабе, на красной дорожке. Перепил вчера знатно, вот заглушку и выбило, точно говорю! Весь день зеленый ходил, но опохмелиться, так не успел. Теперь его на суд чести и в свете борьбы с пьянством и алкоголизмом в рядах красных офицеров, в соответствии с последними постановлениями партии и правительства дадут коленом под зад. Уф, отмучились! Живем ребята! Ура!

— Не трещи, все немного не так. Вернее, все совсем не так. Володя Нахрен не обосрался, а облевался. Это абсолютно точно! И у него не банальный «дизель», который тупо свалил половину училища, а обычная стандартная «желтуха» — гепатит. Не то «А», не то «Б». Короче, «А» и «Б» сидели на трубе. Выбирайте, кому что больше нравиться. Где он его подцепил, непонятно! В училище гепатита нет, только дизель поголовный. Так, что желтуха — это его личная, не побоюсь этого слова — персональная наработка. Точнее, можно сказать — домашняя заготовка. Говорила ему мама: «Вова, не бери в рот!», а он не послушался. Вырос мальчик и назло мамочке, хапнул говнеца большой ложкой. Все, от жадности своей, вот и получил китайца! Смачную такую китаёзу, цвета спелого лимона. Ха-ха. А ты, Петя — дальтоник! Не можешь желтую рожу любимого командира от зеленой хари пропитого алкоголика отличить. Стыдно! Помните, как вы все возмущались, что ни какая холера, нашего дорогого Володю, не берет?! Накаркали колдуны дремучие, ведьмаки глазливые?! Нате, наслаждайтесь! Короче, загремел голубчик месяца на два, к бабке

не ходи, а то и больше. Вопрос в другом! Кто, в нашей многострадальной 4-й роте, рулить будет?! Вот задачка на сообразительность?!

Толпа замолчала и задумалась. Действительно задачка. Месяц выпал адски кошмарный. Эпидемия «дизеля», свирепствовавшего в училище и безжалостно косившая курсантов как из крупнокалиберного пулемета, только-только пошла на убыль. Оставшиеся в живых — в строю тоесть, измотались безмерно. Обеспечивать полнокровное функционирование всей огромной инфраструктуры училища и заботливый уход за больными — кормить, поить, выносить фекалии — это не просто тяжело а, очень тяжело. Режим «через день на ремень» — это, честно говоря, очень утомительно, даже для молодого здорового организма. Усталость ребят была запредельной, недосып хронический, дисциплина катастрофически падала, единоначалие рушилось на глазах.

Курсанты уже не боялись ни внеочередных нарядов, ни лишения увольнений, ничего! Всем, все было параллельно и глубоко фиолетово! Ибо, сейчас, вся наша повседневная жизнь — это один бесконечный наряд, а карантин подразумевает полную изоляцию от внешнего мира. Увольнений нет и в обозримом будущем, даже и не предвидится. Об аресте приходилось только мечтать, как о гарантированной возможности выспаться на нарах училищной гауптвахты. Ребята реально валились с ног, безразличие и апатия стали постоянным спутником всех и каждого. И отсутствие в роте строгого командира, способного поддерживать остатки воинской дисциплины в рамках разумной достаточности, грозило изменить нашу «отличную» дисциплинированную и образцово выдрессированную роту до неузнаваемости, до хаоса и бедлама народного ополчения или до анархии партизанского соединения.

В самый разгар наших оживленных споров о возможной замене в рядах командования, в казарму вбежал пунцовый от счастья лейтенант Зайчик. Он нервно сжимал губы и теребил кончик форменного галстука. Офицер был крайне возбужден и нервно подергивался всем телом, как кобель перед случкой. Его командный голосок временами срывался на визгливые нотки.

— Рота! Экстренное построение! Немедленно! Я сказал! Бегом! Шевелись! Сержантам доложить о наличии личного состава. Распустились совсем, я повторять не буду! Бегом, кому сказано?!

Замотанные в нарядах курсанты медленно выползли в центральный коридор и нехотя построились на «взлетке». Попыток застегнуть воротники гимнастерок и подтянуть поясные

ремни не наблюдалось. Разложение личного состава началось, остатки дисциплины улетучивались на глазах.

— Рота! Слушай приказ командира батальона полковника Пино… Серова. В виду скоропостижной и по всем оптимистичным прогнозам врачей, длительной болезни капитана Нах… Хорошевского, обязанности командира 4-й роты в полном объеме, возлагаются на лейтенанта Зайчика, тоесть — на меня. Рота! С этого момента, в подразделении начинается новая жизнь, основанная на строгом соблюдении требований воинских Уставов и жесткой дисциплины. Спрашивать буду строго, поэтому всем надлежит подтянуться и собраться. Под моим командованием, рота должна в кратчайшие сроки вернуть себе звание «отличной». Вот так! Всем надлежит немедленно мобилизовать свои внутренние ресурсы и быть в постоянной готовности образцово выполнять все распоряжения командования. Вопросы?!

Зайчик, выпалив данную информацию, важно надул щеки. Он ждал ответной реакции курсантов на это эпохальное, с его точки зрения, решение комбата.

Личный состав роты устало и равнодушно, почти с откровенной жалостью посмотрел на лейтенанта. Как командир взвода, он еще был туда-сюда. Молод, зелен, амбициозен, год назад получил офицерские погоны, короче — сопляк, который в детстве не наигрался в оловянных солдатиков. В тени и за спиной опытного и искушенного командира роты, лейтенант Зайчик еще вполне сносно справлялся с обязанностями командира 3-го взвода. А вот, единолично — без ансамбля, это самому, лично и персонально, роту взваливать на свои юные плечики, да еще в такой не самый удобный момент — надорваться можно, и конец карьере. Ну, что же, дерзай, милый. Только щечки сильно не надувай, а то лопнешь ненароком. Вон уже слюнка пузырится и с подбородка капает. Ну-ну, «кавказская пленница», успехов тебе! Ха-ха!

Вечер в роте прошел по инерции, относительно спокойно. Курсанты возвращались после работ и нарядов. Уставшие и задрюканные они, молча и очень медленно снимали грязную одежду и шли отмываться раствором лизола, мылом и хлоркой от бацилл и возможных микробов возбудителя дизентерии, в изобилии и вольготно расселившихся на всей территории военного училища. Разговаривать и шутить не хотелось, да и не было сил.

Через час, в казарму приковылял состав внутреннего караула. У ребят от хронического недосыпа воспалились глаза и подкашивались ноги. Почти месяц, через сутки в караул, на посты, с оружием — одуреть можно!

Они равнодушно приняли известие о болезни законного командира роты и воцарении на его троне лейтенанта Зайчика. Парни, фактически на голом инстинкте сдали оружие и патроны и, не умывшись, не сняв пыльные сапоги, повалились на табуретки (до команды «отбой», прикасаться к кроватям нельзя — суровое требования Устава). Некоторые сразу заснули, сидя в самых неудобных позах. Мы старались не шуметь, чтобы их не тревожить. Завтра, ребятам опять на развод и снова, уже в который раз, заступать в суточный караул. И такая карусель через день, до окончания эпидемии, до снятия карантина. Выдержать бы все, не сломаться.

А в это время, лейтенант Зайчик сидел в канцелярии командира роты в кресле Володи Нахрена и строил наполеоновские планы. Он вытянул свои ноги и положил их прямо на полированный командирский стол. Зайчика распирало от гордости за себя любимого и за доверие, которое на него свалилась. Еще бы, офицер без году неделя, а сам великий и ужасный Серов, назначает его — лейтенанта Зайчика, исполняющим обязанности командира 4-й роты. Это успех! Это, просто, фантастика!

Крыша у новоявленного полководца треснула, и шифер отъехал в сторону. В голове Зайчика роем вились дерзкие мысли, которые по закону «броуновского движения» хаотически сталкивались и, сменяя друг друга, все дальше отдаляли сознание лейтенанта от суровой реальности бренного мира. Одна дерзновенная мечта сменялась другой, Зайчик грезил наяву.

«Значит, разглядел все-таки зверюга Пиночетовская, жилку мою командирскую! Косточку офицерскую! Признал незаурядные способности организатора и руководителя! Ага! Хватит, довольно мне — таланту военному, прозябать в тени за спиной у бездарности — капитана Хорошевского! А все из-за скромности моей природной, воспитали родители тихоней, вот и помыкали меня солдафоны различные. Довольно! Сколько еще Хорошевский будет на моих феноменальных способностях, идеях и предложениях выезжать! Тупица аморфная, амеба бесхребетная, все ему «по хрену». Не даром, его «На хрен», курсанты прозвали. А я не такой, нет! Я — вулкан идей, генератор. У меня планов громадье! Я такое заверну! Я еще себя покажу! Обо мне узнают, заговорят! Мне надо только развернуться в полную силу, масштабно! Да если так дело дальше пойдет, то и карьера будет просто вертикального взлета. Оправдаю доверие комбата любой ценой. В рот смотреть будут, асфальт грызть, но рота будет образцовой! Вернется капитан, а надобности в нем уже и нет. Рота носит звание «отличной»! Подтянутая в дисциплине, первое

место в спорте и на строевом смотре! Кто такое чудо сотворил? Кто такой молодец?! Кто, это расхристанное и распущенное курсантское быдло, в чувство привел и в строгие рамки поставил? А вот он — лейтенант Зайчик! Да, что там лейтенант, коли дырку парень! Заслужил-заслужил! Заработал! Выстрадал! Старлей Зайчик! Звучит, однако. Ох, отслужу! Эх, оправдаю! Замордую роту, в порошок сотру, а славу себе добуду. Комбат рано по утрам приходит, а моя рота, да, именно — это моя рота, уже на зарядке. Ровненьким строем бежит, точно в ногу. Левой, левой! А впереди командир роты — лейтенант Зайчик, скромненько так бежит, но легко и уверенно управляя этим стадом. А тут Серов, откуда не возьмись нежданно-негаданно навстречу идет, на часики свои посмотрит и одобрительно кивнет головой. Плюс в мою копилочку. Красота! Вот, прямо с утра, бодренько так и начнем. Как раз и костюмчик вовремя женушка прикупила. Новенький «Адидас». Очень кстати. А Хорошевский пусть себе поправляется, не спешит, не торопиться. Здоровье обстоятельного к себе отношения требует, а мне время надо, ой как время мне надо! Пусть подлечится, а я пока тут проявлю себя с лучшей стороны-сторонушки, во всей красе себя покажу. Вот подвезло, так подвезло!».

Зайчик посмотрел на часы и вышел из канцелярии строить роту на вечернюю поверку. Построив личный состав, Зайчик решил лично провести вечернюю поверку личного состава. Он взял у старшины список роты и медленно, с выражением, начал зачитывать фамилии курсантов. Курсант, услышав свою фамилию, громко отвечал: «Я!». Лейтенант не торопясь, подходил к данному курсанту и долго всматривался ему в лицо. Как будто, он заново знакомился с вверенным ему личным составом. Вечерняя поверка затянулась. Обычно, когда ее проводил старшина роты Игорь Мерзлов, поверка пролетала минут за 5-ть, не более. Старшине вполне хватало этих 5-ти минут времени, чтобы огласить все 144 фамилии, стоящих в строю курсантов и отпустить их на вечерний туалет. Зайчик же мямлил уже минут 40-к. Время, отведенное на ночной сон, катастрофически сокращалось. Уставшие за день ребята клевали носом и засыпали прямо в строю, стоя. Наконец, все закончилось и, получив долгожданную команду: «Отбой», мы повалились в родные кроватки, в сладкие объятья Морфея. Но, утро наступило неожиданно быстро.

Электрический свет больно резанул по глазам. Инстинктивно взглянув на часы, все ребята начали дружно возмущаться. До официального времени, отведенного на побудку по распорядку дня, было еще полчаса. У нас пытались украсть целых полчаса

законного сна. Возмутительно! Это притом что вчера вечером, долбанный Зайчик затянул вечернюю поверку и отпустил роту на сон, на 40-к минут позже обычного. Где справедливость?! Казарма загалдела.

Стараясь укрыться одеялами с головой, разбуженные курсанты стали дружно проклинать дежурного по роте. Настоятельно рекомендуя ему, срочно засунуть свои «самые быстрые часы в мире» себе же в задницу, причем исключительно плашмя и поглубже, а также немедленно выключить проклятый свет.

— Рота, подъем! Я, что?! Особое приглашение должен повторить?! А ну, строиться на зарядку! Форма одежды — голый торс! Бегом! Я сказал!

Все услышали брезгливо раздраженный голос лейтенанта Зайчика. Это нас озадачило. Обычно скромный и воспитанный лейтенант не позволял себе переходить на хамские нотки в голосе. Ага, понятно! У мальчика сорвало крышу, и начался острый приступ звездной болезни! Ну что ж?! Диагноз ясен! Пока болезнь не перешла в хронику, будем лечить. Прости лейтенант, но это для твоей же пользы!

Зайчик тем временем хаотично бегал по спальному помещению, подгоняя отстающих и заспанных курсантов. Некоторые ребята вообще не отреагировали на крики и на свет, бьющий им прямо в глаза. Они крепко спали. За годы, проведенные в училище, в рамках однообразного и размеренного распорядка дня, необходимость в часах для нас фактически отпала. Наш организм сам давал выверенную команду на сон и на пробуждение, в четко определенное время. А также, на выделение желудочного сока перед посещением столовой и устранение потребности в опорожнении содержимого внутренних органов от продуктов жизнедеятельности — все в строгом соответствии с утвержденным распорядком дня. Привычка, выработанная годами!

Система внутренних часов работала внутри каждого курсанта. Работала четко, качественно, без сбоев, дважды в год, переводя стрелки внутренних персональных часов на один час вперед или назад, в соответствии с принятым общегосударственным стандартом времени. И малейшее отклонение от хода внутренних часов, хотя бы на одну минуту, вызывал в организме дискомфорт и законный протест.

Ребята нехотя поднимались, все-таки приказ командира обсуждению не подлежит. Независимо от его глупости. Дисциплина!

Зайчик словно обезумел, он стаскивал заспанных курсантов

на пол вместе с матрасами, грязно ругался и щедро раздавал внеочередные наряды налево и направо. Рота, недовольно бурча, построилась в коридоре. «Эх, лейтенант, не стоит гайки закручивать, не время! Люди и так на пределе своих сил, резьбу сорвешь!», — читалось в глазах у многих ребят.

Мы посмотрели в окна и ничего за стеклом не увидели. На улице висел густой грязно-молочный туман.

Лейтенант нервно бегал вдоль строя и ежесекундно посматривал на свои часы. Он явно опасался пропустить эффектно запланированное утреннее рандеву с Пиночетом.

«Интересно, он так же суетился когда бежал на свидание к своей крольчихе?», — подумалось мне в тот момент. Зайчик открыто изнемогал от нетерпения.

— Рота! Напра-Во! На улицу, Бегом Марш! Строиться на плацу.

Толпа курсантов, не отдохнувшая за короткую ночь, измотанная в бесконечной череде нарядов и караулов, медленно и нехотя выползала на улицу. Зябко поеживаясь от промозглой сырости, рота построилась на плацу, в молочной белизне густого непроглядного тумана.

На плацу мы оказались в гордом одиночестве. Командиры остальных рот нашего батальона и других батальонов училища в целом были умудренные опытом офицеры. Они понимали, что оставшиеся на ногах курсанты, которых пока не свалила эпидемия безжалостного дизеля, несут колоссальную физическую нагрузку и по-отечески жалели своих подопечных «детишек». В это туманное утро, командиры соседних рот, приняв грамотное решение о корректировке распорядка дня, не вывели свои подразделения на утреннюю зарядку. Честь и хвала этим офицерам. Низкий поклон. Они дали небольшую передышку своим курсантам, чтобы те поспали лишние 15-20-ть минут, а затем, не торопясь, встали, умылись и подготовились для очередного изнуряющего витка нарядов и хозяйственных работ, которые надлежало выполнить за всех парней, лежащих на излечении в обсерватории и вновь обгадившихся сослуживцев. Дизель ежедневно собирал урожайную жатву.

Но Зайчик пошел по иному пути. Он решил красиво рисануться перед комбатом, и зарекомендовать себя принципиальным и строгим командиром, свято исполняющим требования распорядка дня и не дающим спуску симулирующим усталость бездельникам и обалдуям.

— Рота! Напра-Во! За мной, Бегом Марш!

Облаченный в новенький спортивный костюм и легонькие кроссовки, вставив в уши наушники от супердефицитного

кассетного плейера, лейтенант возглавил колонну из вяло бегущих курсантов. Мы же были одеты лишь в галифе и тяжеленные яловые сапоги. Влажный туман, неприятно облегал голые тела ребят, вызывая противный озноб и покрывая их густой «гусиной кожей». Уставшие и «забитые» мышцы ног, с трудом отрывали от асфальта тяжеленные «противотанковые» армейские сапоги. Зайчик был бодр и свеж, он как горный козлик, легкими прыжками летел навстречу комбату а, следовательно, и своей блестящей карьере.

Сделав полный оборот вокруг училища, наша одинокая рота, почему-то не встретила Пиночета. Блестящий план Зайчика дал трещину. Но он решил идти до победного конца. Несмотря на легкую спортивную экипировку, Кролик устал скакать и принял воистину замечательное решение. Он взгромоздился на крыльцо, отсекая нам, возможность пробраться внутрь теплого здания через входную дверь и дал команду, бегать вокруг казармы до победного конца. А сам принялся терпеливо ждать комбата, всем своим видом показывая полный тотальный контроль над ротой курсантов, которая послушно наматывает круги.

Тихо матерясь и проклиная неугомонного спортивного маньяка и меломана Зайца, искренне желая ему отупеть и оглохнуть от плейера-дебильника, наша рота медленно забежала за угол казармы и остановилась. Принимать участие в этом идиотизме не было никакого желания ни у сержантов, ни у рядовых курсантов. Вечно стоять на промозглом влажном холоде тоже было абсолютно бесперспективно. А проскочить в двери казармы за спиной стоявшего как монумент лейтенанта Зайчика было невозможно.

Стоя за углом казармы в колючих кустах акации и поголовно дрожа от холода, мы с тоской и нежностью вспоминали Володю Нахрена — ласковое заботливое существо с ранимой психикой и тонкой душевной организацией, который скоропостижно нас покинул и оставил в лапах кровожадного и безжалостного монстра. Да еще с навязчивой идеей карьерного роста в скудном умишке. Как справедлива, глубокомысленна и права народная мудрость — «Оценишь, когда потеряешь».

На первом этаже нашей казармы располагались любимые соседи — 5-я рота, которая перехватила у нас звание «отличной». Мы с ними частенько конфликтовали, в основном из-за напора воды в умывальниках, регулярно подначивали друг друга, иногда воевали, но всегда беззлобно и шутливо.

Сейчас же, все курсанты нашей 4-й роты, прилипли к окнам соседей, и с завистью смотрели как ребята из «пятерки» неторопливо и степенно вставали с постелей, спокойно

умывались и без суеты подшивали чистые подворотнички. А мы — несчастные, замерзали под их окнами и стенами, за углом нашего общего здания.

Витя Копыто не выдержал первым. Его захлестнул острый приступ отчаянной зависти от увиденной идиллической картины, и он жалобно поскребся в окно 5-й роты. Его услышали, и окно распахнулось. Из окна на улицу протянулась крепкая дружеская курсантская рука. Витя ухватился за эту руку и его рывком втащили в теплую казарму. Захлопали фрамуги остальных окон, и операция по спасению замерзающей на утренней зарядке курсантской братии началась.

Все — почти 144 человека (за исключением наряда по роте) в считанные минуты залезли в окна 5-й роты. С нами заботливо поделились одеялами, и мы начали немного отогреваться.

Наши соседи, проявив сострадание и взаимовыручку, с пониманием происходящего, грязно материли лизоблюда и показушника Зайца, и желали ему в жизни всего самого наилучшего — от двухстороннего косоглазия до лавинообразной патологической импотенции. И чем скорее, тем лучше.

В результате, мы были спасены и заботливо отогреты, но оставаться у гостеприимных соседей бесконечно долго не представлялось возможным. В гостях хорошо, а дома лучше. Поэтому, искренне поблагодарив соседей за помощь, все 144 человека, вытянувшись в одну цепочку тихо — буквально на цыпочках поднялись по лестнице на второй этаж, в расположении родной роты и занялись решением насущных проблем — туалет, уборка, подготовка к завтраку.

Вся эвакуация и перемещение из «пятерки» в расположение нашей родной 4-й роты происходила фактически за спиной лейтенанта Зайчика, который тупо стоял на крыльце, в проеме входной двери и усиленно вглядывался в туман. Лейтенант заметно нервничал. Еще бы?! Он потерял роту, причем всю целиком! Почти полторы сотни курсантов строем и в ногу дружно забежали за угол здания, а из-за противоположного угла никто не выбежал. Более того, даже и не выполз. Фантастика! Как будто, всех — 144 рыла, инопланетяне украли. Испарились в тумане и все тут. Сгинули! Все как один. Летучий голландец какой-то! Мистика.

Выглядывая из окон второго этажа, мы видели в густом тумане одинокую фигуру офицера, который суетливо озирался по сторонам, выискивая хотя бы признаки наличия своего любимого личного состава. Похоже, батарейки его дебильника уже разрядились и миниатюрные наушники плейера жалко свисали на груди владельца. Уйти с крыльца и пробежаться вокруг здания

в поисках курсантов Зайчик не решался. Очевидно, он боялся разминуться с нами, все еще «бегающими» вокруг казармы.

— Стоит дурачина?

— Стоит. Ждет, кролик вислоухий! В туман очень старательно вглядывается, даже дебильник выключил. Пусть, ждет! А мы пока, еще пару кружочков нарежем! Ха-ха!

Проторчав на улице около часа, замерзший и на грани умственного помешательства лейтенант, поднялся на второй этаж в казарму с явным намерением срочно доложить по телефону дежурному по училищу о вопиющем ЧП — поголовной пропаже личного состава 4-й роты.

Каково же было его искреннее изумление, когда он обнаружил казарму битком набитую людьми. Все курсанты были в помещении и активно занимались традиционно насущными делами. Остолбеневший Зайчик повернулся к дневальному по роте, беспристрастно подпирающему тумбочку, и ласково задал вопрос.

— А скажи-ка друг любезный! Когда рота вернулась с утренней зарядки?

Дневальный, не моргнув глазом, вытянулся в струнку, посмотрел на часы и нагло привирая, бодро отрапортовал.

— Ровно 7-мь минут назад, товарищ лейтенант. Вернулись организованно, все одновременно, уставшие и потные. Загоняли вы их сегодня, товарищ исполняющий обязанности командира роты. А уже, через 3-ри минуты, по распорядку дня, построение на завтрак полагается. Успеют ли умыться и побриться архаровцы, прямо не знаю. Построение в столовую, когда объявлять?

Зайчик, глядя на счастливое выражение лица дневального курсанта, почувствовал, что однозначно сходит с ума. Он битый час простоял без движения, на мраморном крыльце здания, неустанно вглядываясь в туман. Лейтенант мог поклясться на военной библии — общевоинских Уставах, что никто из курсантов мимо него не проходил. Ибо, он стоял прямо в дверном проеме, ведущем с улицы на лестничную клетку здания. Точно мистика!

Зайчик ухватил за поясной ремень ковыляющего мимо Витю Копыто. Лейтенант смутно понимал, что его грязно обманывают. Но где именно, в каком месте?

— Копыто! Отвечай козья морда, как ты оказался в казарме?!

Витя принял изумленный вид, старательно выпучив глаза. Отчаянно гундося и шепелявя одновременно, он начал грузить мозги командира.

— А что Копыто?! Опять Копыто! Чуть что, сразу Копыто!

Копыто как все! Все бегали вокруг казармы, и я бегал. Устал как собака. Почти час бегали как заведенные, кругов двадцать намотали. Ноги до колен стерли. Вы на крыльце стояли как памятник, что в парке напротив. Ну, этот истукан каменный, с протянутой рукой и с кепкой, ну этот — Ленин вылитый. И, вообще, не шевелились. Стояли как парализованный…

— Копыто не забывайся! В нарядах сгною!

— Ну вот, сразу в нарядах! Не хотите, не спрашивайте, а то сразу нарядами пугать, некрасиво это — нарядами пугать. Вот я и говорю. Бегали мы, бегали! Глядь на часы, а до завтрака 10-ть минут остается, вот и пошли в роту умываться. Доктор говорил, чтобы дизелем не заболеть надо руки мыть часто с лизолом или с хлоркой. Так вот, завтрак скоро, по распорядку дня положено, ну мы аккурат мимо вас и прошли. Когда по лестнице поднимались, вы так и стояли весь такой недвижимый, прямо как парализованный…

— Копыто! Ты что с ума сошел?! Хочешь сказать, что 144 человека мимо меня целый час бегали, а я не увидел никого! Ни разу?! А потом все 144 рыла табуном прошли по крыльцу и поднялись в роту?! А я то где был, что вас не заметил? Чем я, в этот момент, занимался? А?! Может пальцем в жопе ковырялся и так увлекся, что не видел ни хрена. Отвечай!

Витя обиженно надул пухлые губы и принял позу оскорбленного интеллектуала и потомственного интеллигента в седьмом поколении. Копыто манерно закатил глаза и продолжил.

— Вы, товарищ лейтенант, в этот момент на крыльце стояли. Как вкопанный! С таким видом будто Вас «Кондратий» посетил. На этом крыльце, Вас товарищ и.о. командира роты, все 144 человека видели. Любого спросите, стояли Вы на крыльце, окутанный туманной дымкой или нет?! Может, кто-то в этих неблагоприятных погодных условиях с пониженной видимостью и усмотрел, как вы в своей заднице глубокомысленные анальные исследования пальцем проводили, но я, лично, этого не заметил. Дебильник Ваш еще орал громко. Очень громко! Кстати, давно хочу спросить. Как вы такую дрянь слушаете?! Может вам записи поприличней из отпуска привезти? Я могу. Для любимого командира?! Легко, только скажите!

Зайчик был на грани обморока, он явно ничего не понимал. Тихое помешательство уже стояло на пороге его офицерского разума. Оно, буквально стучалось в его черепную коробку. Лейтенант выпустил ремень Виктора Копыто из своих рук, ноги его дрогнули, и он прислонился к тумбочке дневального. Произошедшее на зарядке было для Зайчика за гранью разумного объяснения.

Витя Копыто видя, что наша рота теряет второго командира за неполные сутки, благородно подбросил спасательный круг для ускользающего разума лейтенанта Зайчика.

— Я так думаю, товарищ лейтенант, это туман во всем виноват. Настолько густой туман, что дальше своего носа ни хрена не видно. Вот, скорее всего, вы и не заметили, как мы вокруг Вас бегали, а потом и в казарму заходили. Туман. Да! Да точно туман! Туман, знаете ли, такое плохо изученное явление природы, что не даром же на машины противотуманные фары надевают. Это такое специальное изобретение человечества. Без них вообще ни хрена не видно, любой водитель скажет. Может, Вам тоже такие фары купить?!

Лейтенант тупо смотрел на разглагольствующего наглеца Виктора Копыто, а дневальный тем временем, находясь вне поля зрения Зайчика, корчил идиотские рожи за спиной у обалдевшего офицера.

А Витя, развивая успех, решил совместить полезное с приятным — проявить заботу о душевном равновесии лейтенанта и заодно решить свои шкурные дела. Поэтому, он расширил область своих научных наблюдений и мягко сменил тему, переводя беседу в выгодное для себя русло.

— Хотя по логике, слышать топот наших армейских сапог с металлическими подковами, вы — товарищ лейтенант, должны были обязательно. Такой топот и лязганье не услышит только безнадежно глухой. Вы, случайно, плейер-дебильник постоянно слушаете?! Говорят, он очень слух подсаживает. Вредная штукенция, жуть! Подумайте на досуге, может продать его стоит от греха подальше, пока не оглохли как Бетховен. Если что, я могу его у вас купить. По разумной цене конечно.

Видя, что ошарашенный такой безбожной наглостью лейтенант находится в состоянии близком к прострации, Витя, получив благодарного и покорного слушателя, продолжил вываливать на него все свои скудные познания о тумане.

— А в море, на кораблях, чтобы в тумане не заблудиться используют другое устройство. Его называют «ревун». Хороший ревун в тумане слышно до 40-ка морских миль. Если такой ревун выдать на каждую роту, то проблем на зарядке с потерей личного состава будет значительно меньше. Их, практически вообще не будет. Как вы считаете, товарищ лейтенант?!

Зайчик как-то странно посмотрел на Витю, одной рукой нащупал висящие на груди наушники плейера и тяжело вздохнув, произнес.

— Туман. Очень густой туман.

Витя Копыто участливо склонился к лейтенанту.

— Товарищ командир, вы хорошо себя чувствуете? Может, доктора вызвать? Не надо?! Ну, как знаете. Вы, на счет плейера подумайте, я куплю.

Зайчик отмахнулся от Копыто, он мучительно переваривал полученную информацию. Реально, все события и факты, сопутствующие сегодняшней утренней зарядке в единую логическую цепочку никак не сходились. А здравомыслящего объяснения случившемуся событию, офицер придумать не мог. Копыто еще с плеером пристал, ведь не отвяжется.

Мозги лейтенанта были основательно запудрены и отчаянно скрипели. Потирая пальцами виски на своей голове, Зайчик скрылся в канцелярии. Он сел в кресло командира роты, обхватил голову руками, непрестанно бубня под нос.

— Туман, конечно же, туман. Иначе, вообще не может быть.

Воспитание Зайчика и лечение его от приступов «звездной болезни» успешно началось.

59. Вечерняя поверка

После досадной неудачи на утренней зарядке, вызванной густым туманом, неожиданно образовавшимся вопреки всем научнообоснованным прогнозам гидрометеоцентра, лейтенант Зайчик заперся в кабинете командира роты, собрался с мыслями и постарался успокоиться. Через некоторое время он перестал рыдать, биться головой о стол и, в отчаянии грызть ногти. Офицер собрал свою волю в кулак и решил действовать более продуманно, изощренно и решительно.

Окольными путями и очень осторожно лейтенант Зайчик выяснил, что его тщательно запланированное утреннее рандеву с полковником Серовым сорвалось исключительно по вине проклятого тумана. Удивительно, но Витя Копыто оказался прав. Пусть правота его была частичной и косвенной, но все же — туман! Да, да! Банальный туман! Все беды и неудачи Зайчика были исключительно от него — от тумана.

Оказывается, матерые самоходчики, тонко чувствуя любые изменения в погодных условиях и особо не доверяя сводкам гидрометеоцентра, которые радостно и авторитетно обещали безоблачное небо на текущие сутки и всю неделю, предчувствуя нулевую видимость, устроили ночью настоящее попрание всех устоев воинской дисциплины. Глубоко наплевав на установленный в пределах периметра нашего училища жесткий карантин, большая масса курсантов третьего курса, на основе предварительного сговора, совершила в полночь массовый и дерзкий побег из наряда по свинарнику. Оставив боевой пост на мирно спящих свинок, ребята предались неудержимым и страстным любовным утехам в ближайшем студенческом общежитии.

Сей факт вопиющего безобразия, был выявлен и немедленно пресечен бдительным командиром 1-го батальона который совершенно случайно, тоесть ненароком, прогуливался в половину четвертого ночи в районе училищного свинарника. «Привычка у него такая — в разгар ночи гулять возле свинарника, дышать свежим воздухом и вести здоровый образ жизни. Это называется красивым заграничным словом — моцион».

Итак, полковник Серов, самолично и собственноручно, переловил всех бесстыдных участников недавней любовной оргии, которые абсолютно беспечно — с радостными криками и задорным улюлюканьем возвращались в родное училище по незабвенной «дороге жизни». Жизнь для парней была хороша и

прекрасна. Оно и понятно, их только что качественно и многократно полюбили, глубокая ночь, все в училище, включая огромное стадо ожиревших на курсантский объедках свиней, спали глубоким сном. Ничего не предвещало кровавой развязки.

Но, материализовавшаяся из непроглядного тумана, мрачная и зловещая, а так же до боли знакомая фигура оказалась легендарным безжалостным Пиночетом. Комбат из-за плохой видимости не рискнул лазать по кустам, а решил вспомнить молодость и, не мудрствуя лукаво, тупо прочесал «дорогу жизни». Тем более что в ночной тишине призывно раздавались провоцирующие разудалые крики и неприличные песни похотливого содержания.

Охота удалась на славу. В его руки попали шесть утомленных любовью, но искренне счастливых ловеласа — наряд по свинарнику в полном составе, во главе с сержантом. Бегать от Пиночета было бесперспективно, ибо он обладал феноменальной фотографической памятью и безошибочно назвал всех и каждого из шести наследников Казановы по фамилии, имени, отчеству.

Отпираться никто не стал, ребята самостоятельно приняли вид строя и четко в ногу, ведомые комбатом, отправились прямиком на губу. Где их ожидал заслуженный отдых в течение 7-ми, а то и 10-ти суток, в зависимости от настроения и щедрости Пиночета.

Рано утром, оформляя арест на гауптвахте, полковник долго компостировал мозги группе безответственных курсантов легкомысленно променявших суточную и благородную заботу о здоровье и своевременном питании военных свинок на скоротечные и сомнительные по качеству любовные ласки студенток педагогического института. Комбат взывал к совести ребят, к их воинскому долгу, делая упор на том, что поддержание стерильной чистоты в училищном свинарнике гораздо более полезное и важное занятие для военнослужащего Советской армии, чем ночные несанкционированные марш-броски в поисках тесного общения с любвеобильными особями женского пола. Причем, его слова звучали настолько искренне, что создавалось впечатление, будто бы Пиночет сам верит в то, что сейчас говорит. По его словам, женщина — это мерзкое порождение ада! А все, что связано с любовью и нежностью — есть грязное похотливое грехопадение, чуждое моральному облику будущих красных офицеров и строителей светлого коммунистического будущего.

Провинившиеся курсанты смотрели на полковника с нескрываемым состраданием, как на умалишенного и дружно кивали головами в знак понимания и согласия с тем бредом, что

убежденно и красноречиво излагал убеленный сединами офицер, обильно брызгая слюной в своем справедливом гневе.

Напрашивался законный вопрос: «Как вообще умудрилось жениться это чудо природы? И принимал ли какое-либо посильное участие, господин Серов в рождении своих двоих детей? Возможно, он просто отдал приказ своей жене родить парочку наследников мужского пола, а та проявила грамотную инициативу для своевременного его выполнения. Кто знает?!». Но, как известно скромность, человеколюбие и сострадание — это три самых распространенных положительных качества курсанта, поэтому свои комментарии и догадки по вышеуказанным вопросам никто вслух не озвучил. Грешно смеяться над больными людьми. А как все помнят, у полковника Серова была справка от Военно-медицинской комиссии. Контуженный! Уж очень крепкий пень попался на траектории падения его военной головы! Не иначе дубовый.

В результате этого происшествия, Пиночет нечаянно пропустил, гениально запланированную встречу с нашей ротой, которая одиноко слонялась в мерзком и влажном тумане, словно неприкаянный белеющий парус из незабвенного стихотворения Ю.Лермонтова. Встречу, которую так скрупулезно готовил наш великий казарменный тактик и стратег — лейтенант Зайчик.

На утреннем построении батальона Пиночет, находившийся в приподнятом настроении по случаю успешно проведенной ночной вылазки, рассеянно выслушал доклады командиров рот об отмене утренней зарядки в виду хронической усталости у личного состава. Комбат легко согласился с этим своевольным решением и, даже похвалил офицеров за проявление разумной инициативы. Личный состав иногда все же следует беречь.

Лейтенант Зайчик прикусил губу. Явно он дал маховецкого и не уловил общей тенденции. Ну, что же, еще будет шанс проявить себя. Несомненно. Обязательно будет. И он — Зайчик, этого шанса ни за что не упустит.

На последующем совещании командиров рот, Пиночет акцентировал внимание на назревшей необходимости в радикальном и качественном улучшении учета наличия личного состава. И как следствие этого, обязательному пресечению на корню фактов и даже любых слабых попыток самовольных отлучек курсантов из училища.

Полковник Серов строго напутствовал офицеров, водя указкой по висящему на стене его кабинета графику, на котором разноцветной тушью отмечалось количество заболевших дизелем.

— Как показывает анализ динамики роста количества курсантов заболевших дизентерией за прошедшие сутки,

эпидемия начала сдавать свои позиции. Жесткие меры командования училища дают свои ощутимые результаты. Оптимистичные заверения наших анальных анализаторов — военных докторишек тоесть, дают надежду, что общими усилиями, мы сможем побороть «дизель» в ближайший месяц, другой. И на фоне этих последних и обнадеживающих известий, вынос заразы в город, за пределы карантинной зоны, может привести к новому витку в распространении данного гнусного и позорного заболевания. Расширение аудитории зараженных из числа гражданского населения может негативно сказаться на хорошем отношении этого самого гражданского населения к нашему училищу в частности, и к Советской армии в целом. Всем офицерам надлежит принять самые строгие и безотлагательные меры, чтобы курсанты не покидали зону карантина. И не общались с любвеобильной и безотказной прослойкой женской популяции города и не тащили постыдную и сраную дизентерию в массы. Подумать страшно, чем аукнется для руководства училища и для нас всех, если вдруг одновременно, скоропостижно и дружно обосрется все население миллионного уральского города. А источником этого нежданного подарочка в виде слабости кишечника и неудержимого обильного поноса объявят, не кого попало, а человека с ружьем — защитника Родины. Тогда лозунг ГЛАВПУРа Министерства обороны СССР: «Народ и армия едины!» получит новое глубокое наполнение и неоднозначный смысл. А именно, народ и армия будут сидеть рядом в одном чистом поле, и серить дальше, чем видят, причем синхронно, в едином массовом порыве. Поэтому, товарищи офицеры, контроль за людьми, контроль, и еще раз, контроль! Необходимо четко знать и строго обеспечить нахождение всех наших дорогих обормотов в определенных начальством местах и только на территории училища, чтобы исключить саму возможность улизнут за пределы периметра карантина, на часик-полтора. Обо всех неучтенных единицах и группах праздношатающегося личного состава, докладывать мне немедленно. Все! Все свободны!

Лейтенант Зайчик все время восторженно и жадно ловивший каждое слово любимого комбата и законспектировавший в точности все его ценнейшие указания в свой блокнот, немедленно бросился реализовывать их на практике.

За день, Зайчик многократно посетил все места работ и несения нарядов, где находились курсанты нашей роты. Складывалось впечатление, что офицер бегает по кругу. Он неоднократно облазил всю столовую, раз десять посетил варочный и овощной цеха, пару раз слазил в выгребную яму и

сбегал на свинарник. Также посетил посудомойку, пощупал бачки и тарелки, заглянул в «обсерваторию», пересчитал всех больных и выздоравливающих и обошел все посты внутреннего караула. Он побывал везде и всюду.

При каждом своем посещении неугомонный Зайчик требовал немедленно прекратить все работы и срочно построить личный состав для тщательной и поголовной проверки его наличия. Каждую группу курсантов, он проверял самолично и многократно, часто сбиваясь и начиная сначала, долго сверяясь с какими-то бумажками и своим блокнотом. И так, целый день без конца и края. И такая дребедень целый день! Динь-дилень! От рассвета до заката!

Мы не успевали соскучиться по нашему дорогому командиру, как он уже прибегал к нам и затевал новое построение.

Офицер дергал курсантов постоянно. Он вносил хаос в отлаженный механизм несения нарядов и дежурств, в отработанную за годы обучения технологию и хронометраж проведения давно знакомых и привычных работ. Зайчик нам реально мешал. Мы катастрофически не успевали выполнить тот объем работы, который без его проверок делали легко и спокойно. На раз!

В результате, чтобы успеть выполнить все дела и поставленные задания в установленные сроки, всем курсантам приходилось затрачивать гораздо больше усилий. От спешки и накладок стали появляться ошибки и накапливаться нервозность. Везде царила бесполезная суета. Ребята стали больше уставать, причем не только физически, но и морально.

Зато, Зайчик был доволен. Еще бы, ежеминутными построениями и поголовными проверками, он обеспечил себе 100 % владение информацией о ежесекундном нахождении каждого человека в том или ином месте. Контроль над личным составом был тотальным. Не смотря, что КПД того же личного состава заметно упал и сроки по всем работам вылетели из привычного графика, лейтенант регулярно звонил комбату, доставая его постоянными докладами о расходе личного состава, подчеркивая свою осведомленность в ходе проведения запланированных на день работ.

Всему в этой бренной жизни приходит конец. Пришел конец и данному бестолковому и безумному дню, с его бесконечной суетой и нервотрепкой. С большим опозданием и отклонением от устоявшихся графиков, с трудом выполнив и закончив все назначенные на день работы, задрюканные и откровенно задроченные многократными построениями и перекличками, уставшие курсанты возвращались в расположение роты.

Мы забегались и замотались до такой степени, что на ужин никто не пошел. Есть не хотелось. Руки и ноги противно дрожали от усталости, во рту пересохло. Лишь только одно-единственное желание было на гране с заветной мечтой — упасть на кровать и закрыть глаза. Можно даже прямо так — не раздеваясь. Да что там на кровать?! Какая роскошь?! Дайте команду: «Отбой» и толпа ребят повалится прямо на пол, на голые доски и будет спать до самого утра. Спать без снов, крепко и сладко! Хрен добудитесь!

Старшина роты, видя плачевное состояние большинства ребят, быстро построил роту и скороговоркой пробубнил список личного состава, не дожидаясь ответа вызываемого курсанта, лишь опытным взглядом скользя по неровному строю измотанных бойцов, профессионально выискивая владельца оглашаемой фамилии.

Поверка близилась к логическому завершению, как через открытые окна казармы, мы услышали рев мотора и противный визг тормозов. Стоявшие в последней шеренге строя, спиной к окнам, ребята оглянулись и увидели непостижимую картину.

Отчаянно тормозя и громко газуя, возле крыльца нашей казармы лихо остановился белый «Москвич» из которого, вальяжно красуясь, выгрузился незабвенный лейтенант Зайчик.

Надо заметить, что въезд на территорию военного училища для личных автомобилей офицеров и прапорщиков, был строго запрещен. Для личного транспорта сотрудников училища ВВС прямо перед КПП была оборудована автостоянка. Но, пользуясь поздним временем и отсутствием в училище нашего генерала, лейтенант Зайчик каким-то непостижимым образом, смог уговорить помощника дежурного по училищу — такого же желторотого обалдуя, как и он сам, в тайне от начальства, дать команду наряду КПП пропустить личный «Москвич» Зайчика на закрытую территорию.

Пиночет в это время был в городской комендатуре, где проверял качество несение службы нарядом гарнизонного караула. Он не мог по достоинству оценить вызывающе наглый поступок своего фаворита, чтобы немедленно и жестоко изнасиловать Зайчика прямо на капоте его собственного же белого «Москвича», пока самого Пиночета образцово показательно не изнасиловал наш генерал — начальник училища, причем на том же капоте, того же белого «Москвича».

Полковник Серов очень много потерял! Такой перспективный залет молодого офицера проходил без его непосредственного участия! Ведь этим проступком, лейтенанта Зайчика можно было пенять и попрекать всю его оставшуюся беспросветную жизнь.

«Рапорт на академию?! Господь с тобой, золотая рыбка! В твоем активе злостное нарушение пропускного режима. Не достоин! Рановато пока, послужи еще лет триста, прояви себя добросовестным офицером, искупи вину. Тогда и посмотрим, подумаем, посовещаемся с товарищами. А пока, идите, работайте, растите над собой! У вас еще неполное служебное соответствие не снято. Что вы говорите?! Злополучный «Москвич» уже давно сгнил! А-яй-яй. А это неважно, взыскание за нарушение режима нахождения на закрытых территориях срока давности не имеет! Так что идите, товарищ вечный лейтенант и подумайте над своим поведением, недостойным высокого звания офицера Красной армии».

Это в теории, а пока, для красивого и эффектного выступления Зайчика все обстоятельства складывались как нельзя лучше. Операция по созданию у личного состава роты впечатления о лейтенанте, как о суперзначимой и потрясающе солидной фигуре, которой дозволены любые поступки и действия, строго запрещенные для остальных офицеров училища, началась очень успешно и многообещающе.

Учитывая, что Зайчик был единственным ребенком в достаточно интеллигентной семье, его родители вкладывали в своего сыночка всю душу и старались привить ему чувство прекрасного. Юного Зайчика водили в театры и музеи, покупали ему модную одежду и дорогие игрушки. И по факту окончания военного училища любящие и заботливые родители подарили своему дорогому отпрыску белый «Москвич» АЗЛК-2140.

Зайчик сразу же обклеил свой автоагрегат всевозможными дефицитными наклейками типа орла с растопыренными крыльями и надписью: «MONTANA», обвесил брызговиками со светоотражателями, а по периметру лобового и заднего стекол была пропущена яркая желтая бахрома от старой кухонной скатерти и прочая многочисленная блестящая дрянь вплоть до колокольчиков и погремушек. Своими усилиями и стараниями по украшению автомобиля глупый Кролик превратил обычный «Москвич» в трудно узнаваемое средство передвижения, которое по количеству бесполезных и разноцветных блестящих висюлек можно было смело квалифицировать как цыганскую лошадь с период разгульной свадьбы. Этакая яркая и разноцветная безвкусица! Что кстати было очень странно, учитывая регулярные походы Зайчика в театры и на выставки.

Учитывая, что двадцать лет назад легковые машины была весьма недоступны и дефицитны, то лейтенант Зайчик мгновенно возвысился над всеми своими сверстниками до заоблачных высот и стал объектом вожделения со стороны многочисленных

девушек, не горящих желанием пользоваться общественным транспортом или стачивать об асфальт свои стройные ножки. Сколько же он этих самых девушек перекатал на своем драндулете пока не встретил свою единственную и неповторимую крольчиху?! Лучше и не считать! Да и речь не об этом.

У Зайчика от головокружительной карьеры, реально снесло крышу. Желая показать всем нам свою значимость и заоблачно высокий социальный статус, лейтенант сделал то, чего себе не позволял даже могущественный Пиночет. Лейтенант въехал на закрытую территорию военного объекта и лихо подкатил к казарме, да еще с таким визгом тормозов, что весь батальон — 1000 человек высунулись в окна. Зайчик пошел Ва-банк! Действительно, люди правду говорят: «Понты дороже денег!» В тот вечер, мозг у нашего лейтенанта явно не функционировал! Зайчик, фактически не думая о возможных последствиях, преподнес нам роскошный подарок. Какой именно? Скоро узнаете.

Итак, небрежно хлопнув дверью личного авто, Зайчик скрылся в дверях здания. Поднявшись по лестнице и войдя в роту, лейтенант всех нас весьма неприятно удивил. Пренебрежительно слушая подробный доклад старшины о только что проведенной вечерней поверке, обуревший Кролик небрежно покручивал на указательном пальце ключи от машинки и демонстративно жевал резинку. Его нижняя челюсть двигалась с такой интенсивностью и амплитудой, что подбородок периодически упирался в грудь. Симпатичное лицо Зайчика искажалось до неузнаваемости, а так же не смолкало громкое и сочное чавканье. Рисовки молодого офицерика были такие откровенные и дешевые, что нам стало противно и весело одновременно. Лейтенанта надо было срочно лечить!

Прервав доклад старшины о расходе личного состава, Зайчик, оттопырив нижнюю челюсть, смачно проплямкал следующее.

— Вечернюю поверку я проведу заново, лично!

Небрежно выдернув список личного состава из рук старшины Зайчик, высокомерно окинув взглядом, строй курсантов принялся, смачно пожевывая резинку, медленно и неразборчиво зачитывать фамилии курсантов, длительно и пристально оглядывая каждого отозвавшегося.

Зря он это затеял. Во-первых — он унизил старшину, не приняв его доклад перед младшими по званию. В армии, это не принято, Устав категорически не рекомендует выкидывать подобные фортели. Во-вторых — играть на публику надо в подходящее время и в подходящем месте. А сейчас ни то, ни другое не соответствовало определению «подходящее».

Лейтенант медленно, в течение 20-ти минут мурыжил 41-е классное отделение затем, так же не торопясь, взялся за проверку 42-го отделения, подолгу сверяя список с наличием стоящих в строю курсантов. Процесс вечерней поверки обещал быть утомительно долгим. Такое прощать нельзя, пора было приступать к активной фазе спасения офицера от прогрессирующего чванства и острого приступа звездной болезни.

Пока Зайчик куражился перед 42-м отделением, часть ребят из уже проверенного 41-го классного отделения тайком, незаметно, с молчаливого одобрения и благословления старшины роты, выскользнула на улицу.

Через открытые окна было видно, как многочисленная группа курсантов дружно облепила «Москвич» и, оторвав его от асфальта, аккуратно переместила на газон.

Потом, ребята рассказали, что сначала было всеобщее страстное желание поставить «Москвич» в самую середину цветочной клумбы, но в результате просто пожалели цветы. Чувство прекрасного человеку с ружьем совсем не чуждо.

В результате краткого обсуждения ребята остановились на втором варианте парковки который, по их мнению, имел гораздо больше скрытых достоинств по сравнению с цветочной клумбой.

Парни поставили машину так, что она одним бампером уперлась в бетонное крыльцо здания, а другим — в могучий тополь. В результате этих манипуляций автомобиль Зайчика потерял возможность к самостоятельному передвижению. Закончив свою дерзкую операцию, ребята из 41-го отделения незаметно для Зайчика, вернулись в строй на свои законные места.

Знатно покривлявшись еще около часа, лейтенант, наконец, завершил вечернюю поверку и дал команду: «Отбой». Курсанты, вяло, почистив зубы и посетив в туалет, улеглись по койкам.

В общей сумме, Зайчик на своих рисовках и придирках задержал время отхода роты ко сну более чем на час что, в принципе, является нарушением распорядка дня. В Советской армии запрещалось наказывать личный состав лишением сна тем более в полном составе подразделения. Зайчик явно и целенаправленно нарывался на неприятности.

Сухо попрощавшись со старшиной роты, не переставая жевать дефицитную резинку, лейтенант вышел на улицу. Толпа курсантов немедленно вскочила со своих кроватей и прилипла к окнам. Развлечение только начиналось.

Кролик обескуражено замер на крыльце казармы. Он даже выронил из рук ключи от машины. Офицерик снял фуражку и почесал затылок. Затем, подняв ключи, он подошел к «Москвичу»

открыл дверь и сел в салон. Зайчик включил фары и запустил двигатель. Потом заглушил двигатель и вылез из машины. Было явно видно, что наш командир в полном недоумении. Зайчик несколько раз обошел машину потрогал руками мощный тополь и опять сел за руль. Курсанты в казарме злорадно хихикали.

— Ну, давай, взлетай! Ты же из ВВС! Штурвал на себя! Форсаж и вертикальный взлет! Давай, зайка, дерзай! Дома крольчиха заждалась!

— Хорош тупить! Пили тополь! Грызи скорей, бобер вислоухий, а то Пиночет застукает!

Зайчик опять вылез из «Москвича» и попытался сдвинуть его в сторону. Ноги офицера, обутые в щегольские полуботинки чешской фирмы «Цебо», беспомощно заскользили по траве. В казарме, раздались смех и новые издевательские комментарии.

— Ну, давай, давай, упирайся лучше, кентавр педальный!

— Смотри не надорвись, а то жопа на британский флаг порвется, Геракл сраный! Береги себя, а то завтра Пиночету некуда будет тебя пороть! Беги в аптеку за вазелином, очко мазать. Комбат его тебе, в раз, развальцует!

— Какие аптеки?! Ночь на дворе. Сливай масло из мотора и втирай в задницу! Эх, Пиночет тебя полюбит! До самых гланд достанет!

— Полный привод подключи! Становись на четыре кости и рогами в бочину упрись! Руками, руками загребай! Передний мост блокируй!

— Толкай сильнее, Геросракл лапчатый! Ну, давай, давай, давай! Перди сильней и громче, реактивную силу используй! Даешь тягу на форсаже, пошел, пошел, давай, еще разок!

— Слабак! Смотри не обосрись, а то в обсерваторий поселят! Три раза в день доктор будет телевизор в жопу пихать, тоже не подарок.

— Эх, дистрофик!

— Кишка! Доходяга сушеная!

Зайчик еще долго метался вокруг машины, пытаясь самостоятельно освободить ее из плена. В результате затраченных усилий, он устал, выдохся и вспотел, рубашка на его спине стала мокрой. В отчаянии, хлопнув водительской дверью, офицерик побежал обратно в казарму. Курсанты бросились в рассыпную от окон, и попрыгали по своим койкам. Все приняли горизонталь и дружно захрапели.

В роту влетел взмыленный и тяжело дышащий лейтенант Зайчик. Увидев старшину, он метнулся к нему.

— Старшина! Немедленно поднимите роту и постройте ее в коридоре.

Старшина, обиженный за хамское поведение офицера унизившего его при подчиненных, скрестил руки на груди и угрюмо ответил.

— Не положено!

Курсанты, лежащие в кроватках и усиленно имитирующие сон, напряглись. События принимали любопытный оборот. Зайчик выпучил глаза, его мелко затрясло. От добродушного и всегда покладистого старшины лейтенант не ожидал явного неповиновения и пренебрежения к его приказам. Молодой офицер высокомерно поджал губы.

— Что значит — не положено?! Я приказываю!

— Вам не положено такие команды подавать. Маловаты еще. Звездочек на погонах не густо и калибр мелковат. По нормативно-распорядительным документам после команды: «Отбой» роту имеет право поднять только командир батальона, поставив при этом в известность начальника училища или дежурного офицера по училищу. Учите Устав, товарищ лейтенант! Статья номер…

Зайчик оторопел, старшина был прав, но бунта и неповиновения он терпеть не намерен, тем более от старшины. Зайчик взял себя в руки и, перебивая старшину, максимально спокойно процедил сквозь зубы.

— Устав мне известен старшина. Вы меня не поняли. Я приказал поднять и построить взвод, а не целую роту. У вас, наверное, проблемы со слухом?!

— Не положено! Поднять взвод после команды: «Отбой» имеет право командир роты…

Зайчик важно надул щеки и опять перебил старшину, который наизусть лепил статьи из Устава, как будто читал с листа.

— А я есть командир роты — исполняющий обязанности в полном объеме. Приказ комбата Серова. Поднимай взвод немедленно, а с тобой я разберусь завтра. Еще поговорим об исполнительности и пререканиях со старшим по званию. Продолжим разговор в кабинете комбата завтра, тоесть уже сегодня.

Старшина равнодушно пожал плечами и спокойно без эмоций в голосе продолжил.

— Взвод может поднять командир роты, вопросов нет, но уведомив командира батальона или дежурного по училищу. Вы комбату звонили? Я что-то не заметил. Не хотите тревожить по пустякам?! Машинка застряла! Понимаю. Звоните дежурному по училищу. Ему по ночам спать не положено, работа такая. Вот телефон. Номер помните?

Старшина повернулся к тумбочке дневального и обратился к курсанту, который стоял рядом и старательно делал вид, что при сем разговоре не присутствует и к тому же страдает острой формой глухоты и явно выраженного слабоумия. Выражение его лица больше соответствовало счастливому идиоту, чем военнослужащему.

— Курсант Апраксин, наберите номер дежурного по училищу.

Повернувшись к побелевшему Зайчику, старшина понизил громкость голоса и наклонился вперед. Но дневальный, снявший трубку телефона и набирающий номер абонента, все хорошо расслышал и потом дословно передал содержимое разговора по курсантской эстафете.

— И кстати товарищи лейтенант, а кто Вам разрешал со мной разговаривать на «ты». Я младше Вас по званию, но старше по возрасту. И как мне сдается более качественно воспитан. Мое отношение к людям всегда уважительное и корректное, а поведение адекватно в отличие от некоторых молокососов и хулесосов возомнивших себя…

Лейтенант съежился под колючим взглядом старшины, его глазки забегали. Ситуация накалялась. Зайчику очень не хотелось продолжать этот разговор, но и объясняться с дежурным по училищу ему тоже не хотелось.

— Курсант Апраксин, отставить телефон!

Зайчик еще попытался что-то сказать, но старшина роты, надвигаясь на офицерика, не давал ему раскрыть рта.

— Завтра в кабинете у комбата обязательно поговорим! О белой машинке, которая подпирает крыльцо казармы и еще многое, о чем есть поговорить…

Лейтенант жалко улыбнулся, непроизвольно проглотил жевательную резинку и заискивающе посмотрел на старшину.

— Игорь… Мммм… простите меня, я немного погорячился.

— Михайлович.

— Да, да, конечно Игорь Михайлович, поймите правильно, был тяжелый день. Я устал. Все устали. Мда, все навалилось, я опаздывал на вечернюю поверку. А командиру опаздывать нельзя, авторитет, знаете ли…

Зайчик еще долго вполголоса объяснялся со старшиной роты. В результате тот сжалился над бестолковым офицером и помог ему вытащить машину. Силушки у нашего старшины было немеренно. Никого из курсантов привлечь для этой процедуры старшина не позволил. Мы, типа продолжали спать.

Во время вызволения «Москвича» нетерпеливый Зайчик резко нажал на акселератор, и на газоне было повреждено травяное покрытие. В результате Зайчик, еще полночи вооружившись

лопатой, таскал дерн и приводил газон в первоначальное идеальное состояние. Только под самое утро его машина, наконец, покинула территорию училища. В эту ночь Кролику поспать не удалось! Ни минуты.

Утром на построении Зайчик напоминал жалкого альбиноса. Воспалившиеся от недосыпания и усталости глаза выдавали офицера с головой. Пиночет хмуро посмотрел на лейтенанта и ласково пригласил его в себе в кабинет. Через закрытые окна его берлоги еще долго доносились приглушенные крики. Это Пиночет порол Зайчика за ночные забавы с «Москвичом». Кто-то из «сексотов» комбата заработал себе возможность хорошего распределения — несчастного лейтенанта сдали с потрохами. А уж Пиночет ни в чем себе не отказал. Он никогда ни в чем себе не отказывал.

Всю последующую неделю лейтенант Зайчик имел бледный вид и неровную походку. Лекарство нашло больного! Мы презирали «сексотов», но процедуры комбата пошли на пользу молодому офицеру. Приступы «звездной» болезни конечно же остались, но их частота и периодичность резко снизилась, а особо острые вспышки почти прекратились. Хвала Пиночету!

Наконец, источник инфекции дизентерии был найден и эпидемия «дизеля» постепенно пошла на убыль. Все оказалось банально просто и смешно, но мне даже сейчас почему-то не до смеха. Оказывается, при планомерных ремонтных работах вечно пьяные слесаря-сантехники в одном из коллекторов училища соединили воедино обводку водопровода и канализационной системы. В результате, при падении давления в системе, канализационные воды просачивались в питьевую воду. Такие вот дела.

Когда ржавые трубы, наконец, развели по своим стоякам, «дизель» самопроизвольно сошел на «нет» и быстро закончился. Обсерватория постепенно опустела и жизнь в училище вернулась в свое привычное русло.

Не вернулся лишь Володя Нахрен. Его гепатит — то ли «А», то ли «Б», только набирал обороты.

60. Армейская элита

В нашем училище ВВС, как впрочем, в любой среднестатистической воинской части была своя «элита» и среди представителей срочной службы (солдат и курсантов) — безмерно уважаемые люди, к которым даже офицеры и прапорщики обращались исключительно на Вы и считали на честь пожать им руку (хорошо еще не припасть губами). К таким ярким представителям высшего армейского сословия без малейшего преувеличения и натяжки можно отнести — хлебореза, маслореза, водителя генеральской машины, личного писаря, любимого художника, свинаря (смотрителя училищного свинарника) и т. д. и т. п. с небольшой вариацией в зависимости от каждой конкретной воинской части.

Именно в нашем легендарном училище была еще одна должность, которая котировалась значительно выше, чем все вышеперечисленные — начальник водокачки. Как уже ранее отмечалось (см. «Дизель и дискотека», «Война за водные ресурсы» и прочее), училище ВВС располагалось на окраине уральского города в районе, находящемся на возвышенности. Поэтому, городской водопровод, основанный еще в Петровские времена известным и уважаемым на Урале кланом Демидовых, мягко говоря, не справлялся с более-менее сносным обеспечением водой 3000 курсантов.

Как тонко и грамотно было подмечено в довоенном шедевре советской кинематографии «Волга-Волга»: «Удивительный вопрос — почему я водовоз? А потому что без воды — и ни туды и ни сюды!»

Действительно, 3000 бойцов надо накормить! А для этого следует три раза в день приготовить пищу! Курсантов надо помыть — даешь воду в баню! Кстати, надо еще помыть полы в аудиториях, в казармах, котлы в столовой и машины в автопарке! Воду необходимо подать в умывальники, чтобы ребятки смогли умыться утром и почистить зубки, а так же помыть уставшие и запревшие ножки вечером. Необходимо подать воду в прачечную, чтобы постирать портянки и постельные принадлежности на всю ораву. Вода нужна для… Короче, куда не посмотри, везде нужна вода! И надо ее очень много! А городской водопровод не справлялся. Ну, никак не покрывал нашу ежедневную потребность в чистой холодной воде! Про горячую, вообще и не мечтали!

После того, как училище посетил ужасный и безжалостный «дизель» (дизентерия) и начальник медслужбы потерял свое тихое

и спокойное место, а генерал отделался неполным служебным соответствием, вопрос по бесперебойному обеспечению водой встал не просто ребром, а фактически — острым колом в заднице. Причем, в первую очередь в персональной заднице у того же начальника училища.

Когда в очередной раз суровый генерал, предварительно разложив в удобной позе на персональном столе, безжалостно драл своего зам. по тыла полковника Волченко за сорванный завтрак в курсантской столовой (в виду полного отсутствия воды в периметре училища), рыдающий полковник клятвенно пообещал что-нибудь придумать или «пустить себе пулю в лоб» — уволиться из армии. Кстати, уволиться с такого хлебного места как зам. по тылу — в принципе, равносильно самоубийству. С таких должностей обычно или сажают или снимают под угрозой посадить или выносят ногами вперед и никак иначе. Поймите правильно, дураков нет, чтобы оторваться от сытной кормушки.

Уставший от процедуры жестокого порева, генерал взял хрустальный графин и хотел плеснуть немного водички себе в стакан — восстановить водно-солевой балланс, вспотел от усердия, поймите правильно. Но увидев, что стакан пуст, начальник училища многообещающе скрипнул зубами и дал зам. по тылу ровно сутки на размышление. Иначе рапорт на стол или… «пулю в висок».

Откровенно удрученный полковник Волченко задумчиво шел по коридору штаба, пока на него не налетел курсант 45-го классного отделения Серега Филин. В руках у Сергея было два ведра с «дефицитной водой» и он бежал к «черному» выходу из штаба с кощунственной целью вылить на землю это невиданное богатство. Два ведра воды, полнехоньких «с горкой»!

Полковник Волченко заорал во все свое полковничье горло.

— Стой! Куда, твою …дивизию!

Серега Филин, воспитанный на постоянном оре и хамстве со стороны ротных офицеров с философским спокойствием замер в той позе, в которой его застигла душераздирающая команда великого военноначальника (зам. по тыла для среднестатистического курсанта — нечто приравненное к небожителям и никак не меньше). Полковник приблизился к недвижимой статуе в исполнении курсанта Филина (из детской игры «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три — фигура с ведром мгновенно замри») и заглянул в ведра. Там плескалась исключительно свежая и чистейшая вода. У полковника от волнения пересохло в горле.

— Откуда вода, сынок?

Курсант Филин, будучи дневальным по штабу, по

неожиданно ласковому голосу всегда сурового офицера внезапно понял, что сейчас сама судьба благосклонно дает ему реальный шанс головокружительно возвыситься и радикально изменить свою ныне текущую и всю дальнейшую жизнь.

— Из подвала, товарищ полковник! Там этой воды сколько угодно! По колено, а местами — по яйца! Вот черпаю ведрами и на улицу таскаю, уже руки до пола отвисли!

— А скажи мне, друг сердечный, откуда в подвале водичка? Ведь даже если трубы прорвало, воды в них быть не может… город воды не дает.

— Товарищ полковник вода просто ледяная, у меня аж руки от холода сводит. И чистейшая с голубым отливом, посмотрите сами. Я так думаю, родник под штабом бьет. Раньше он куда-то в землю уходил, а теперь фундамент штаба подмыл и в подвал прорвался. Пипец штабу, размоет здание…

Красномордый полковник просиял как лампочка Ильича! Вот она — спасительная случайность!

— Слышь, сынок, а ты смог бы проект водокачки смастерить с какой-нибудь автоматикой не особо сложной и не слишком заумной, чтобы резервуар не переливался?…мммм… на вроде бачка для унитаза, только огромного!

Курсант Филин тоже просиял. Вот оно — перспективное распределение на выбор по выпуску из училища и «авторитетная крыша» в лице самого свирепого и всемогущего полковника в училище ВВС на весь период обучения.

— Помозговать надо, товарищ полковник! Но, ничего невозможного нет! Только, я так думаю, надо скважину бурить и насосы ставить и бочку от вагона, чтобы воды побольше…

Серега не успел закончить мысль, как полковник Волченко со слезами сердечной благодарности и нескрываемой радости на лице крепко пьющего человека бросился обнимать своего спасителя. Еще бы?! Карьера военного и сытое будущее были благополучно спасены.

Вскоре работа по созданию водокачки непосредственно за штабом училища закипела. Стоит особо отметить, что все было сделано «своими руками» и «за счет внутренних резервов». Кстати, в армии почти все делается своими руками и за счет внутренних резервов — и пробурена скважина до водоносной жилы и установлены трубы, «погружной» насос и огромный резервуар. Схему «автоматического управления» спаял Серега Филин фактически на своей коленке из старых запчастей, найденных на аэродромной свалке.

Единственное, что сделала внешняя организация — приехали лаборанты из санэпидемстанции взять пробу воды для анализа на

пригодность к использованию в пищу. Всё!

И всем стало хорошо! В училище появилась вода! Курсантскую столовую больше не лихорадило — завтраки, обеды и ужины четко по графику и распорядку дня! Баня в полном объеме и т. д. и т. п. Все довольны и счастливы. А курсант Филин мановением волшебной палочки взлетел в наивысшие эшелоны училищной власти и входил в кабинет свирепого зам. по тылу, открывая дверь ногой и не вынимая рук из карманов. В училище ВВС наступили умиротворение и всеобщая гармония!

Но однажды… впрочем, судите сами.

Стандартная картина возле штаба училища: Зам. по тылу слегка пьяный и вечно раздраженный полковник Волченко не стесняясь в выражениях, регулирует капитана Хорошевского — командира нашей 4-й роты (недавно вышедшего с продолжительного больничного после перенесенной «желтухи» — гепатита). Мимо равнодушно дефилирует курсант Филин. Причем, проплывает по траверсе в полной прострации — на офицеров ноль внимания, фунт презрения.

Командир роты, дабы слегка передохнуть от продолжительной процедуры пассивного секса в самой извращенной форме, делает замечание курсанту Филину "за не отдание воинской чести", лелея смутную надежду переключить внимание бесноватого полковника на нерадивого курсанта.

Серега Филин, не испытывая даже намека на благоговейное почтение и попытку перейти на строевой шаг, подходит к зам. по тылу, протягивает ему ручку и глаголет.

— Здравствуйте, товарищ полковник!

Услышав в ответ ласковое: «Здравствуй, Сережа!» из уст грозного зам. по тыла, курсант Филин абсолютно спокойно продолжил путь по своим делам.

Чуть позже в казарме, экстренно построив 4-ю роту, не в меру раздраженный капитан Хорошевский орет на курсанта Филина дурным голосом.

— Что за ёпт? Я — командир роты, стою перед полковником в позе "бегущего египтянина" — на низком старте, раком, с задранным халатом и с оголенными гениталиями! А какой-то курсантишка, шлындает мимо, не вынимая рук из карманов… Что за блядство, етить твою…

Невозмутимый по жизни Серега Филин, прекрасно осознавая, что командир роты находясь на больничном многое пропустил из последних событий и слегка не в курсе новой иерархии в стенах училища, абсолютно спокойно выдает на потеху себе и всей курсантской братии.

— Должность у Вас такая, товарищ капитан — раком стоять!

Вы — командир роты, а я — начальник водокачки!

Капитан Хорошевский смутно осознавая, что тут «что-то не так» но, не желая сдавать свои позиции и остатки авторитета, тупо закусил удила и, заглушая обидные смехуечички из монолитного строя курсантов гневно кричит.

— Сгною в нарядах, сучонок! Старшина, поставил Филина в сегодняшний караул на пост № 1 — на знамя! Вот так! Ну что скажешь, умник?

— А может не надо, товарищ капитан?

— Ага, испугался?! То-то! Старшина, А когда сменится, еще пять раз на тумбочку! И так будет с каждым, кто…

— Смотрите сами, товарищ капитан, Вам же хуже будет!

Тихо буркнул Серега Филин, сохраняя олимпийское спокойствие.

p. s. Курсант Филин простоял на посту ровно 5 минут, пока выходящий из своего кабинета в штабе училища ВВС зам. по тылу не увидел "свою надежду» и фундамент "относительно благополучного существования" с оружием в руках, подпирающего пост № 1.

Как только полковник Волченко добрался до первого телефона, спокойная жизнь и чувство удовлетворенности от сладкой мести для командира 4-й роты кануло в небытие.

Ибо, капитан Хорошевский за время, украденное из его бестолковой жизни коварной «желтухой» и проведенное под капельницей на койке в окружном госпитале, забыл чуть ли не главное золотое правило любого лизоблюда и чинодрала: «Держи нос по ветру …или штаны приспущенными!»

p. p.s. В результате, еще не успела раскаленная от смачного мата телефонная трубка выпасть из рук зам. по тыла и мирно упокоиться на рычагах аппарата, как в караул на пост № 1 заступил чуть ли ни сам командир 4-й роты капитан Хорошевский, подменяя САМОГО ВАЖНОГО ЧЕЛОВЕКА в училище ВВС — начальника водокачки!»

А почему!

Да потому, что без воды и ни туды и ни сюды!

— это, во-первых!

Если хочешь быть

На хорошем счету

И к начальству близко

Держи задницу высоко!

А голову — низко!

— это, во-вторых!

61. Агдам

Витя Копыто ворвался в роту как реактивный истребитель, как метеор, обгоняя грохот своих собственных тяжеленных армейских сапог, замечу, что — легендарных сапог — по 6-ть металлических подковок на каждом. Он оставил за собой широко распахнутую входную дверь и снесенную напрочь тумбочку дневального, причем, снесенную вместе с дежурным по роте, который беспомощно барахтался на полу, придавленный этой громоздкой тумбочкой.

Шум был такой, будто обвалился потолок во всей казарме, и не иначе как вместе с межэтажными перекрытиями. Все курсанты хаотично побросали насущные воскресные дела и, поддавшись общей панике, бросились в центральный коридор, чтобы срочно покинуть разрушающееся здание, но натолкнулись на взъерошенного и крайне возбужденного курсанта Копыто. Витя остановился на «взлетке» — центральный коридор, и заорал дурным голосом.

— Мужики! Агдам! АГ-ДАМ! АГ-дам! Аг-ДАМ! АГДАМ! АГДАМ!

Он прыгал на месте, топал ногами, закатывал глаза, рвал на себе гимнастерку, заламывал руки, слюна летела в разные стороны. Ребята обступили орущего благим матом Витьку и загалдели, пытаясь перекричать Копыто, друг друга и самих себя.

— Какой Адам?

— Кому как дам? За что?

— Дам! Что?

— Давай!

— АКа? Чей АКа?

— Дамы?! Какие? Где дамы?

Шум стоял невообразимый. Витя Копыто видя и осознавая, что его не понимают и наша общая реакция на его судьбоносное и эпохальное известие абсолютно неправильная, тоесть — не совсем такая, какая должна была бы быть, тогда он взял себя в руки и перестал судорожно биться в истерике, вдохнул воздуха поглубже и заорал, что было дури.

— Молчать!

Услышав знакомую до боли команду, все курсанты сразу притихли и уставились на взлохмаченного и взъерошенного Виктора. А тот, дождавшись относительной тишины, торжественно и важно продолжил.

— Молчать! Всем слушать меня! Дети мои! Я принес важную

весть! Даже не так — архиважную! Не побоюсь этого слова — эпохальную, дерзновенно фантастическую и долгожданно желанную!

Витя сделал многозначительную паузу, оглядел недоуменно затихших ребят и, чеканя каждое слово, вкрадчиво продолжил.

— Дети мои, боевые соратники! Прямо за забором училища, на железнодорожной сортировочной станции, где сейчас 22-е классное отделение разгружает вагон со стиральным порошком «Сумгаит», на запасном пути стоит цистерна с «Агдамом». Стоит одна-одинешенька, никому ненужная, заброшенная и всеми забытая, но абсолютно полная портвейна «Агдам»! Все понятно?! Агдам! Да-да, Агдам! Это Агдам! И 22-е отделение, между прочем, его уже вовсю дегустирует. Качество?! Во!!!!

Виктор вскинул вверх обе руки со сжатыми кулаками и оттопыренными большими пальцами.

Вопль дикого восторга и яростного негодования дружно вырвался из наших глоток. Восторга — потому что вино, а негодование — потому что оно было во рту не у нас, а у ребят из 22-го отделения 2-й роты. В расположении нашей роты начался невообразимый шум, гвалт и вселенский хаос. Все курсанты пришли в неописуемое возбуждение. Еще бы, на дворе перестройка и сухой закон, очереди за водкой длиннее, чем в мавзолей Ленина. А тут такое сокровище! И без присмотра. Фактически ничье, значит общее — НАШЕ! И его уже пробуют. Но, не мы! Аааааа!

Агдам — душистый портвейн, мечта утомленного путника! Целая железнодорожная цистерна! И все это великолепие на расстоянии вытянутой руки, всего-то пару километров от забора училища. А забор, преградой для нас, никогда не являлся. Тьфу!

— Витя! А цистерна большая? Нам хватит?

— А хрен его знает! Тонн 20–30 не меньше, но 22-е прислало гонцов во 2-ю роту, и все живые, уже побежали на станцию с фляжками. Даже наряд ломанулся. В казарме только один боец на тумбочке остался и тот на грани истерики. Надо спешить, а то всем не хватит. «Двойка» все выжрет!

В роте началась форменная паника, почти 144 курсанта суетливо метались по огромному помещению, разыскивая свои личные 850 граммовые фляжки, заброшенные в тумбочки и чемоданы, и кто его знает еще куда. Кто-то тащил ведра из туалетов, в коридорах активно потрошили пожарные огнетушители ОУ-10. Все банки, склянки, бутылки, канистры опустошались и быстро ополаскивались в умывальнике. Серебряная пудра была безжалостно высыпана в кулек из газеты «Красная звезда», освободившаяся 3-х литровая банка заняла

место под мышкой у сержанта Валеры Гнедовского. Дефицитный клей ПВА, который доставался всеми правдами и неправдами, просто тупо слили в туалете в ближайшее очко, но зато освободили 40-ка литровую флягу.

В казарме царствовала суета и истеричная нервозность. Из каптерки извлекли древние 20-ти литровые армейские термосы, заросшие со временем зеленой лохматой плесенью — а-ля-пенициллин, и наждачной бумагой быстро оттерли пораженную грибком алюминиевую поверхность до первозданного матового блеска.

Курсанты, все как один, озаботились поиском тары, пригодной для переноски жидкостей. Из канцелярии Володи Нахрена украли стеклянный графин и офицерскую походную 1-но литровую фляжку с котелком. Вскрыли кабинет командиров взводов и позаимствовали канистру с дистиллированной водой, которую лейтенант Зайчик заботливо приготовил для радиатора своего ненаглядного «Москвича». Воду слили опять же в очко. Прости, Зайчик!

Особо нетерпеливые ребята и потенциальные алкоголики побежали на станцию с пустыми руками и открытым ртом, кое-кто — только с эмалированной кружкой на перевес. Жажда, однако!

По факту готовности тары и прочей посуды, ребята исчезали из роты группами и по одному. Основная масса парней, солидно затарившись пустыми емкостями, дружно ломанулась на сортировочную станцию. По дороге, нам попались курсанты из других рот нашего учебного батальона, которые волокли с собой пустые банки, фляги, армейские термосы, пластиковые пакеты.

Курсантская почта сработала на 100 % оперативно и эффективно. Почти все ребята училища, как хорошо организованная цепочка муравьев, продвигались к заветной цистерне. Бежали в ногу, как учили — левой, правой, левой, правой, левой, правой! А в голове стучало: «аг, дам, аг, дам, аг, дам», левой, правой. Аг — левой! Дам — правой! Аг — левой! Дам — правой! Ак-дам, ак-дам, левой, правой, левой, правой!

На грузовой станции, на запасных путях, в тупике, у незаметной цистерны, на которой не было вообще никакой надписи, в полной тишине колыхалось живое море цвета хаки. Ни криков, ни давки, ни скандалов. Все было продуманно и четко организовано. Армия! Порядок! Дисциплина! Полнейшая скрытность и тишина! Тссс! Зачем привлекать внимание охраны?! Пусть отдохнут, им еще надо охранять народное добро, оберегать его от, всяких там несознательных расхитителей социалистической собственности.

Группа добровольных виночерпиев стояла у вентиля цистерны. Впередистоящие в живой очереди курсанты принимали у ребят сзади пустые емкости и наполняли их душистым напитком. Заполненные емкости сразу же передавали по цепочке назад и дальше. Конвейер работал четко и слаженно, без задержек и сбоев. Все ребята понимали друг друга по взглядам, по жестам, по мимике. Никаких разборок и попыток спорить или скандалить, все курсанты работали в едином порыве, независимо от курса обучения и принадлежности к разным номерам рот и батальонов. В этот момент каждый из нас был частью единого гармонично функционирующего организма. Быстрый взгляд, отточенное движение, открыл-закрыл, передал дальше, эвакуация, ничего лишнего, ничего личного. Одним словом, телепатия! Ни одной капли драгоценного золотистого напитка не упало на землю! Ювелирная работа! Организация!

Из ведер вино здесь же переливалось во фляжки, огнетушители, виниловые пакеты и термосы, а пустые ведра возвращались опять к вентилю цистерны. Огнетушители, термосы и пластиковые пакеты, наполненные портвейном, мгновенно эвакуировались со станции в пределы училища, для последующей консервации и захоронения в тайниках. Пластиковые пакеты с портвейном уже в казарме, прокладывались с двух сторон бумагой и аккуратно запаивались горячим утюгом. Наряд по роте вскрывал полы и закладывал между лагами межэтажных перекрытий все это богатство для последующего длительного хранения. Затем доски возвращались на свои законные места и щели густо промазывались половой мастикой. Все трудились как проклятые, без перекуров и отдыха, четко, слаженно и быстро. Словно трудяги-муравьи, цепочка курсантов носилась бегом от железнодорожной станции до училища и обратно.

Где были служащие и охрана станции, неизвестно, но мы бегали почти до самого вечера и цистерну опустошили очень основательно. Лишь только построение на вечернюю поверку остановило все расширяющийся и углубляющийся процесс организованной экспроприации божественного напитка.

На фоне активной борьбы с пьянством и алкоголизмом развернутой повсеместно во всей стране, согласно последним мудрым и своевременным постановлениям партии и правительства, все курсанты в училище ВВС, за исключением первого курса и отцов-командиров, были весьма в приподнятом настроении. Жизнь казалась прекрасной, ибо внутри каждого из нас (кроме, как уже отмечено ранее, курсантов первого курса, им еще рано, офицеры — не счет, та еще пьянь), плескался волшебный напиток под названием «Агдам».

Никто из офицеров нас не поймал, более того, даже не заподозрил. Сержанты не отставали от личного состава и приняли самое активное участие в процессе перекачки «Агдама» из цистерны в более мелкие, но многочисленные емкости. Комсомольские вожди и сексоты молчали в тряпочку. Сдать народ в особый отдел или командованию училища, никто из этой «благородной» братии не рискнул. Ибо, случилось бы страшное. Заполучить единовременно в районе 2000 персональных врагов — это не шутка. Здоровье, а так же целостность и наличие зубов, дороже распределения и дальнейшей карьеры.

Народ в казармах особенно не наглел, но и не терял времени даром. Время от времени, ребята снимали свои тяжелые фляги с пояса и делали из них пару добрых глотков. Гармония и эйфория поселились в казармах, в учебных классах и в спальных помещениях. А запах?! Эдем! Ароматный рай! Нирвана!

Но, на утро следующего дня наступило похмелье. Не в смысле головной боли и тошноты. Нет, гораздо хуже. В училище приехал начальник железнодорожной сортировочной станции. Вернее, не приехал, а пришел ножками. Пришел по тропе, утрамбованной до прочности асфальта, сапогами не одной сотни курсантов, которые сделали далеко не по одному плодотворному рейсу.

Очевидно, в понедельник утром, на станции все же обнаружили почти опустошенную цистерну, следы от которой привели непосредственно к забору училища ВВС.

Весь личный состав училища экстренным порядком построили на плацу. На трибуну, облицованную красивым белым мрамором, взгромоздился наш генерал в красивом мундире с золотыми погонами и начальник ж.д. станции в пиджаке и галстуке. Честно сказать, гражданский чиновник как-то слабенько смотрелся на фоне грозного генерала, как-то терялся. Не та стать, осанка, взгляд, формат и прочая харизма. «Пижмак жамжевый» одним словом. Но угроза нашему благополучию исходила именно от него.

Подключили микрофоны, подали электропитание на усилители и динамики. Мгновение, пауза, глубокий вдох и … началось порево!!! Не просто порево, а образцово-показательное массовое изнасилование в самой дикой извращенной форме с элементами циничного садизма. Таких слов от нашего старика, мы не слышали очень давненько. Его мощный и низкий от природы голос, усиленный хорошей стереосистемой, напоминал непрерывные раскаты грома. Генерал выражался так смачно, что хоть святых выноси!

У курсантов первого курса сразу подкосились колени и были

отмечены случаи массового недержания мочевого пузыря и даже — обмороков. Начальник ж.д. станции густо покраснел и напоминал вареного рака. Было заметно, что таких слов в его лексиконе до сегодняшнего дня еще не было. Неуч! Бестолочь! Посредственность! Ну что же, учиться никогда не поздно. Запоминай, а лучше записывай. Заведи конспектик и учи на досуге. Такое, редко где услышишь.

Генерал ненадолго прервался и жестом подозвал к себе комбата первокурсников. Пока полковник трусцой бежал от строя к трибуне, генерал взял паузу, чтобы отдышаться, но над плацем училища продолжало носиться эхо отборных проклятий. Аккустическая система была очень хорошей, дорогой и мощной.

Начальник училища прикрыл рукой микрофоны и что-то коротко приказал подбежавшему полковнику. Тот вскинул руку, проорал: «Есть!» и так же трусцой побежал обратно.

Первый курс, сразу же, отвели на занятия, по причине их однозначной невиновности, основанной на поголовном искреннем удивлении и паническом испуге, переходящим в ужас и потерю контроля над организмом и рассудком. Потерявших сознание курсачей-«минусов» оттащили волоком в медсанчасть, обмочившихся — отправили по казармам, переодеваться. Пощадили так сказать их еще неокрепшую детскую психику от тяжелых и необратимых последствий.

На плацу остались невозмутимые и опытные рецидивисты — курсанты старших курсов. В результате селекции и последующего искусственного отбора, круг подозреваемых существенно сузился почти на 1000 человек. Но в целом, ситуацию это не меняло. На нас, слова начальника училища уже не действовали. Иммунитет, знаете ли. Пой птичка, пой, только не очень громко, а то головка немного бо-бо.

Последующая полуторачасовая горячая и эмоциональная речь начальника училища, временами переходящая в визгливый и нечленораздельный словопоток, больно била по ушам и долбила мозг.

Наш старик призывал к добровольной сдаче незаконных запасов какого-то разворованного «Агдама», о котором никто из нас не имел ни малейшего понятия. Мы невинно закатывали глазки и удивленно пожимали плечами.

Первое предложение об амнистии результатов не принесло. Поехали дальше. Нас запугивали и уговаривали. Потом опять запугивали, давили на совесть, жалость и еще на какие-то совсем незнакомые или мало знакомые нам чувства. Смутные воспоминания что-то навеивали, но не более того.

Нет, а чего он хотел?! За годы, проведенные в училище, из

нас вытравили много чего человеческого, создавая идеальную военную машину, не обремененную сентиментальностью, страхом и прочими бесполезными, на взгляд отцов-командиров, качествами. Что хотели, то и получите, господа офицеры! Пугайте лучше ежиков в лесу, своей голой розовой, а может, волосатой (у кого как) попой (мягкий вариант)! А нас, ничем, не проймешь.

Агдам?! Какой Адам? У нас в роте, Адамов нет! И Адамовых тоже нет! Не знаю, не видел, не участвовал. В первый раз слышу. Агдам? Ни разу не пробовал. Вино?! Да вы что?! Надо же?! Не знал, не знал, надо будет запомнить. Никак нет. Как Вы могли подумать?! В стране борьба с пьянством и алкоголизмом. Перестройка. Ускорение. Горбачев. Вот.

Учебные занятия отменили окончательно. Прошел еще час. На плацу, в гробовой тишине, стоял монолитный строй, без малейшего поползновения откликнуться на вторую амнистию, объявленную генералом, в случае искреннего чистосердечного признания и раскаяния. После еще двух часового ожидания и 183-го «последнего предупреждения», генерал выдохся окончательно. Начальник потерял последнюю надежду достучаться до иллюзорных остатков нашей совести и в училище начались массовые повальные обыски.

Обыску подвергались все и всё. Первое что бросилось офицерам в глаза — это наличие у каждого курсанта личных фляжек, чего никогда не получалось добиться даже во времена сурового и безжалостного «дизеля». Осмотр личных фляжек, висящих у каждого бойца на ремне, сразу же дал положительный результат. Поступила команда: «Сдать фляжки!». Кое-кто из ребят, прямо на плацу, еще успел пару раз незаметно глотнуть напоследок, но процесс реквизиции начался.

На вопрос: «Откуда во фляжках вино?», все делали изумленные глаза и тупо бубнили про то, что это, наверное, элементарное и общеизвестное чудо, описанное в курсе истории религий, так как утром все как один — поголовно набрали воду из крана в умывальнике.

Допрос с пристрастием тоже результатов не давал. Курсанты отвечали все как один, по шаблону. «Нет! Попробовать не успел! Точно! Дыхнуть? Да легко! Хыыы! Запах?! Зубная паста такая. Возможно, туалетная вода так пахнет, раньше, не замечал. Акдам? Не видел, не пробовал, от водки не отличу. Можете проверить. Несите водку и как его там — ваш Акдам. Буду пробовать при всех, для чистоты результатов эксперимента. Почему дурак? Сами предлагали, я ни при чем». И такого типа беседы проходили в каждом подразделении курсантов, стоящих идеально ровным строем на плацу.

На территорию училища въехали грузовики — прибыли со станции, привезли 200-т литровые бочки, в которые сливался весь найденный портвейн. В процессе реквизиции «Агдама» наметилась положительная динамика.

Около 2000 фляжек по 850 грамм — 1,7 тонны! Неплохое начало. Из речей начальника училища, мы поняли, что из чуть более 20-ти тонн напитка, в цистерне осталось только немногим более 9-ти. Итак, 1,7 плюс 9 с копейками, равняется почти 11 тонн. Недостача — еще более 9 тонн, обыски продолжились. Из огнетушителей, термосов, запаянных утюгами пластиковых пакетов, найденных в коридорах, каптерках, сушилках, туалетах и под матрасами кроватей, извлекли еще около 3-х тонн. Вскрыли полы в казармах, обыскали столовую и свинарник, чердаки и подвалы всех зданий училища, включая учебные корпуса, клуб, библиотеку, теплицы, гауптвахту и штаб + 2,5 тонны.

Итого: 16,5 тонн «Агдама» было в наличии. Начальник сортировочной станции был в шоке. Он, изумленный масштабами хищения и объемом недостачи, вопрошал нашего генерала.

— Оставшиеся 3500 литров разделить на… Ну, хрен с ними, пусть на 2000 ваших законченных алкоголиков. Представим генерал, что в вашем училище каждый курсант — это потенциальный или активно практикующий алконавт. Что получается?! По 1,75 литров на рыло?! Никогда не поверю, что выжрали! Не может советский курсант за ночь выпить почти 2 литра портвейна. Он же не хронь какая?! Это же будущие офицеры, цвет и гордость Красной армии. Как они к самолету подходить то будут? На карачках?!

Наш генерал снисходительно посматривал на гражданского чиновника, близко незнакомого с армейской публикой.

— Может, может! Эти орлы еще и не то могут! Для них, вообще, ничего святого не существует. Вынесли 11 тонн, а твоя охрана даже не пикнула. Если бы сегодня не спохватились, к обеду в цистерне «Агдамом» бы и не пахло. Вообще! Тоесть, абсолютно! Изнутри стенки бы вылизали! Точно говорю. А потом, могли еще и водой залить. Тогда бы ты точно бы не спохватился. Мои парни сообразительные, интеллект и смекалка присутствуют, будь уверен.

— Да Вы что? Ужас какой! Хотите сказать, что мне еще повезло?!

— В принципе, да! Посмотри, после такой грандиозной пьянки, все в строю, никто не шатается, румянец на щеках, глаза горят! Да их сейчас на любой марш-бросок, да с полной выкладкой, олимпийский рекорд будет! Точно говорю! Орлы! Моя школа! Слушай, Петрович! Что с недостачей делать то будем?

Может, на усушку, утряску или испарение списать каким-нибудь образом? А?! Землетрясение там, какое незапланированное, цистерна вдруг треснула, опрокинулась нечаянно или просто банальный недолив?! Ну?! Пошли ко мне, дорогой ты мой человечище в кабинет, коньячку пропустим, помозгуем.

Поздно вечером, машины с бочками реквизированного портвейна уехали. Нас никто особо уже не драл. А действительно, как отодрать почти 2000 человек. Отчислить всех?! Кто, тогда, в армии останется?! Да, и генералу не с руки выносить сор из избы. Карьера, знаете ли?!

Короче, договорились полюбовно в кабинетах своих высоких, начальник училища и начальник станции за стаканчиком коньяка или «Агдама». Нам то не ведомо, да и не интересно. Пришли два чиновника к устраивающему всех соглашению и ладненько.

Но, тем не менее, наши парни из 2-й роты пару месяцев разгружали почти все вагоны на ж.д. станции. И на этот раз уже под усиленным наблюдением охраны, ни шагу в сторону. Даже пописать, только под конвоем.

Начальник станции и наш генерал стали закадычными друзьями. По первому звонку первого, наш старикан сразу же выделял взвод-другой для погрузочно-разгрузочных работ на сортировочной станции. В ответ, ему с благодарностью присылались: фрукты, овощи, промтовары и много еще чего полезного, дефицитного и вкусного.

В училище со временем все устаканилось и служба пошла своим чередом. Первокурсники еще долго приходили в себя после задушевной беседы с генералом на плацу, жалобно вскрикивая по ночам и просыпаясь в мокрой кроватке. А старшие курсы, еще пару недель ходили с еле уловимым нежным запахом «Агдама».

Как наши отцы-командиры не принюхивались, но запалить никого не смогли. Конспирация в училище была на должном уровне и заоблачной высоте. В невскрытых офицерами тайниках, оставалось еще около 1500 литров божественного «Агдама», которые мы экономно тянули еще около полугода.

Более того, во время встречи нового 1988 года, наша 4-я рота в праздничную ночь, выпивала, естественно тайно, именно золотистый «Агдам».

62. Как хорошо быть генералом

Настроение, мягко говоря, было хреновое, причем у всех. Складывалось устойчивое впечатления, будто мы дерьма наелись и к тому же большой ложкой хлебали. И по усам текло и в рот предостаточно попало. Всем понятно, что у курсанта военного училища, причем — абсолютно любого училища независимо от вида и рода войск, жизнь далеко не сахар и присказку командира нашей роты: «Офицер рождается из грязи!» мы запомнили очень хорошо и уже давненько. Но, сколько еще в этой грязи нас вывалять, чтобы наш горячо и искренне «любимый» капитан Володя Нахрен перестал срывать на нас свое дурное настроение.

Вроде человек не совсем плохой, образованный, местами даже с чувством юмора, но иногда переклинит его так, что «мама не горюй» и понеслось… Начинает упражняться в своем убогом остроумии на безответных парнях в курсантских погонах, скованных воинской дисциплиной. Что за мудак?!

Нахрена как прорывает — оскорбит всех сразу и каждого в отдельности, пройдется персонально и оптом вытрет об нас свои ноги. А потом еще в нарушение требований Уставов о строгом запрете наказания всего личного состава подразделения вместо непосредственного виновного, методично затрахает всю роту до полусмерти непомерными физическими нагрузками. Тем не менее, подведя под это гнусное действо красивую теорию о коллективном воспитании, слаженности подразделения и всеобщем «чувстве локтя», а все только для того, чтобы восстановить свое пошатнувшееся душевное равновесие.

Вот так было и на этот раз. Рота пришла с обеда, и у нас было еще целых 20-ть минут свободного времени (для армии это неслыханная роскошь), чтобы неспеша собрать конспекты необходимые для самоподготовки, снять сапоги и, размотав влажные портянки хотя бы недолго посидеть на табуретке в спальном помещении, спокойно вытянув усталые ноги.

Или от скуки, чтобы частично заглушить жестоко свирепствующий информационный голод, взять и зайти в Ленинскую комнату роты, где «с дуру» или чисто «по приколу» взять и уперевшись взглядом в газету, прочитать от корки до корки какую-нибудь очередную бравую статейку из «Красной звезды». В которой с дежурным пафосом говорится об очередной инициативе и всеобщем едином порыве целого экипажа из 3-х матросов какого-то ржавого буксира образца 1927 года выпуска, в составе Азовской флотилии. Офигевшие от безделья матросы

решили взять, да и переплюнуть по всем боевым показателям суперсовременный атомный ракетоносный крейсер Краснознаменного Тихоокеанского флота. И все это только за право поиметь переходящий вымпел социалистического соревнования с надписью «Делу Ленина верны». Полная хрень конечно, но хоть какая-никакая информация.

А может, просто вырвать эту бредово-слащавую статейку из уже обрыдлой и занудной газеты «Красная звезда», помять ее старательно раз несколько, чтобы она приобрела необходимую однородную мягкость, и посетить место философского уединения. Где, полностью абстрагировавшись от убогой реальности и облегчив свой юный организм от недавно принятой в столовой порции очередной мерзкой отравы, можно использовать данную статью по ее прямому назначению.

Ведь, по большому счету альтернативы в армии нет, не было и вряд ли когда-нибудь появится. Газету «Красная звезда» выписать все равно заставят, бессовестно выкроив из курсантских копеек необходимую сумму. А все для того, чтобы потом браво отчитаться перед политотделом училища, округа и Красной армии в целом о поголовном участии личного состава в процессе политического роста. А вот туалетную бумагу закупить — это хрен вам по всей мордочке господа будущие офицерики, не бары какие. Это раньше армия была дворянская, а теперь армия рабоче-крестьянская, так что не фиг вам к разным изыскам в виде чистой и мягкой бумаги привыкать! Ишь чего захотели?! Сначала бумагу им туалетную подавай, потом ананасов в шампанском потребуете. Лучше журнальчик «Трезвость и культура» изучите, а еще лучше — «Коммунист Вооруженных сил» почитайте на досуге, или еще лучше — подробно законспектируйте его от корки до корки. Это вам в будущей жизни, ой как, пригодится…

Но не выгорело нам в этот день свои законные 20-ть минут личного времени использовать. Не свезло. В расположении роты ворвался разъяренный Володя Нахрен. Он громко хлопнул входной дверью и, не слушая стандартного и суетливого доклада дневального на тумбочке, дико заревел.

— Рота! Строится в центральном коридоре! Бегом!

Затем он начал носиться по спальному помещению, щедрыми пинками подгоняя курсантов, итак спешащих занять свои законные места в строю подразделений. Когда через пару секунд личный состав 4-й роты стоял на вытяжку по стойке «смирно» на центральной взлетке казармы, заметно возбужденный Нахрен прошелся вдоль строя, издавая нечленораздельное рычание и сверля ребят из первой шеренги безумным взглядом. Нам очень сложно было понять, что именно привело нашего командира в

такую крайнего степень психического возбуждения. Тем не менее, прослужив не один месяц в рядах Красной армии, во многих ребятах проснулись скрытые задатки философов-самоучек и активно практикующих врачей-психопатологоанатомов.

По мере продвижения необоснованно беснующегося командира роты вдоль строя, тут и там, ребята стали шепотом ставить свои предварительные диагнозы нашему «ротному папе» и высказывать предположения возможных обстоятельств, приведших к нервному срыву нашего офицера. Версии, высказанные курсантами шепотом, были приблизительно следующие.

— Наверное, его Пиночет изнасиловал за что-нибудь.

— За что? Мы вроде ничего такого не натворили?!

— А просто так — для профилактики. Для поддержания своей потенции в надлежащем тонусе и постоянной готовности. Да и Володеньке полезно быть в безотказной форме, чтобы не расслаблялся.

— Скорее всего, Нахрен этой ночью просто облажался — не смог проявить себя как мужчина, был заслуженно осмеян и отлучен от женского тела, вот поэтому на фоне половой несостоятельности и решил нас образцово затрахать. Для восстановления уверенности в себе как в мужчине, ну вы понимаете, коллеги.

— А может, он у себя под кроватью нашел …

Нахрен резко развернулся и глаза его извергнули мощный электрический разряд. Молния грозно просвистела у нас над головами. Вместо раската грома, прозвучала раскатистая команда.

— Рота! Строиться на улице с противогазами! 5-ть минут, время пошло!

Ага, понятно, давно в «слоников» не играли. Эх, Володя, Володя, как же ты банально предсказуем. Значит опять на посмешище всего батальона будем вокруг сквера с памятником В.И.Ленина бессчетное количество кругов нарезать, пока половина роты не начнет желчью блевать. Старо, старо, мог бы чего-нибудь оригинальнее придумать.

Выбежали из казармы, построились на улице. У каждого на боку висит свой личный противогаз с деревянной бирочкой, пришитой к сумке, на которой записаны ФИО хозяина, размер маски противогаза и номер фильтрующей коробки. Руки многих курсантов инстинктивно и самопроизвольно нырнули в сумки, откручивать гофрированный шланг от фильтрующей коробки. Похоже, бегать сегодня придется долго, очень долго. Надо бы о своих легких позаботиться. Попотеть придется изрядно. В

принципе — не совсем смертельно, не в первый раз бегаем и, похоже, что далеко не в последний.

Нахрен вышел перед строем замершей в нехорошем предчувствии роты, упер «руки в боки» и зычно скомандовал.

— Газы!

Убедившись, что по истечении 4-х секунд времени, все 144 курсанта были облачены в резиновые гандоны, типа — стандартный противогаз, ротный впервые улыбнулся. Но улыбка эта была злорадно-гаденькая и не обещала нам ничего хорошего.

В это время, сквозь начинавшие неумолимо запотевать очки маски противогазов, мы увидели, как остальные роты нашего батальона выходят из своих казарм, неспеша строятся и спокойно расходятся на самоподготовку. В глазах этих ребят читалась откровенная жалость в наш адрес и пожелание «держаться». Тем временем прозвучала следующая команда неугомонного командира.

— Рота напрА-ВО! Вокруг сквера, бе-гооОМ МАРШ!

Понеслось. То, что сразу количество кругов для беготни вокруг скверика не было определено — плохой знак! Значит, точно будет носиться галопом, как кони Буденного пока все не передохнем! Мамочка и зачем я только подался в Люфтваффе, сидел бы себе сейчас в каком-нибудь институте, модные джинсы протирал бы старательно, в преферанс играл бы на лекциях, а по вечерам с девчонками тискался. Красота! Нет же, в угоду истеричному командиру буду сейчас в резиновом презервативе круги наматывать вокруг статуи В.И.Ленина, пока у Володи Нахрена голова не закружиться от нашей беготни и бесконечного мельтешения. Мля, вот стану генералом, сгною суку ротную! Жизнь и карьеру положу, а этому пиНТарасу все припомню. Импотент хренов, жену бы лучше ублажал, чем на нас свои нервные клетки тратить. Ведь потенция, первая от злобы и гнева страдает! Когда же ты это усвоишь, козлина редкостная?! Оп-па, неувязочка получается — пока я до генерала доползу, Нахрена уже на пенсион вышибут. Жаль, жаль, а кому же я должок тогда возвращать стану?! Блин, хоть бы у него сын родился что ли и его в армию отдали… Ё-маё, не о том думаешь Сашка, совсем не о том! Дыши, дыши ровнее, а вон как сердце в груди прыгает, аж до гландов в горло долетает. Очки запотели, совсем ни хрена не видно. Ладно, не в первый раз бежим, маршрут уже наизусть знаем, на автопилоте пробежать можно, только шаги считать надо. 122 больших беговых шага — поворот налево, еще 98 шагов — поворот налево, снова 122… Дышать, считать, дышать, считать, налево… Эх, скорее бы в генералы пробиться, хрен тогда противогаз надену и бегать меня точно уже никакая скотина не

заставит. Дышать, считать, дышать, считать, налево…дышать… налево…

Вот такие неказистые и сумбурные мысли посещали если не каждого из 144 курсантов нашей роты в момент бесконечного бега по замкнутому кругу, то через одного, это точно. Сколько кругов мы намотали, одному Нахрену известно, из нас точным подсчетом никто не занимался, так как можно с разума от безысходности и от жалости к себе съехать. По возможности надо постараться вообще абстрагироваться от происходящего, переключить мозг в режим «отсечки» и выполнять все движения и команды только на автоматизме. По себе знаю, так гораздо проще переносить все «тяготы и лишения воинской службы». А самое идеальное — это вообще свой мозг сдать на длительное хранение, отслужить чисто на одних инстинктах и забрать его уже по факту выхода на пенсию, после 25-ти безупречных…

— Рота, стой! Отбой «Газы»!

Долгожданная команда прозвучала совершенно неожиданно, когда ее уже совсем перестали ждать. Рота вяло собралась в бесформенную кучу, ребята поснимали противогазы и начали выливать из подбородочной части масок солидные порции пота. Лица у всех были багровые, разопревшие, глаза выпученные и воспаленные. Дыхание было прерывистым, курсанты жадно хватали воздух широко раскрытыми ртами и не могли надышаться. У многих парней, липкая слюна вперемешку с соплями висела почти до самой земли, во рту стоял горький привкус желчи. Гимнастерки на спинах были абсолютно мокрые, кожа в паху и под мышками натерлась, воспалилась и противно зудела. Картина замученных бойцов была жалкой и неприглядной. К тому же, все ребята источали сногсшибательный аромат. Удовлетворенный и заметно успокоившийся Нахрен посмотрел на часы и выдал следующее.

— Время самоподготовки давно началось, так что не хрен тут нежиться и раскачиваться. Быстро построились по классным отделениям и на самоподготовку, бегом марш! Застегнуть крючки на гимнастерках, ишь, распустились!

— Товарищ командир, умыться бы?!

— Кто там вякнул про умыться?! Курсант Рудась?! Сегодня заступаешь дневальным в суточный наряд! Ночью можешь умываться, сколько тебе будет угодно. Все понятно?! Тяготы и лишения воинской службы никто не отменял! Это в воинской присяге прописано! Все! На самоподготовку бегом марш! Кто желает умыться, могут остаться, сейчас еще вокруг сквера побегаете, своим же потом умоетесь!

Желающих остаться с ротным и еще немного побегать под его

чутким руководством, почему-то не нашлось и мы, едва передвигая уставшие ноги, потные и вонючие, побежали в главный учебный корпус на самоподготовку.

Скрывшись от глаз Володи Нахрена за углом роскошного сквера, мы сразу же перешли на шаг и тяжело дыша, неторопливо двинули в сторону учебного корпуса, по пути восстанавливая сбившееся дыхание.

Добравшись до учебной аудитории все рухнули на стулья. Расстегнув влажную форму практически до пупков, ребята устало стали перебрасываться, нелестными для нашего ротного, фразами.

— Удот законченный, совсем затрахал, мудила бесноватый. Я думал сейчас печень свою выплюну!

— Не говори, повезло нам с ублюдком, слов нет. Ладно бы за дело гонял?! А то фиг его знает, чего мы сегодня летали как сраные веники. Вот что случилось?! Кто-нибудь что-нибудь понял?!

— Да какая на хрен разница?! Что?! За что?! Зачем?! Почему?! Да просто так! Ротный у нас — законченный мудак и этим все сказано.

— Мля, скорей бы выпуск, чтоб это чудо не видеть больше никогда.

— Вот уж хренушки! Наоборот! Стану генералом, разыщу его и задрочу до смерти. С живого не слезу! Затрахаю не вынимая! Пока его бездыханное тельце на моем члене признаков жизни подавать не перестанет.

— Да, генералом — это здорово! Сиди себе в кабинете, в носу ковыряйся, ничего не делай. Хочешь — телек смотри, хочешь — секретаршу сиськастую используй для решения своих острострящих вопросов. Красота!

— Точно, а после службы в баньку или на охоту. Везут тебя пьяного в дупель на служебной черной «Волге», а тут, откуда не возьмись, Нахрен по тротуару на «Пешкарусе» чапает. А ты водителю и говоришь: «А давай-ка, любезный, вон через ту лужицу проедем!» И Володеньку нашего любимого, с ног до головы водицей грязненькой окатишь. Едешь себе дальше, а это чмо стоит на тротуаре и… обтекает. А на кончике носа, капля висит мутная. Лепота!

— Да, генералом быть — это мечта, фактически счастье. Рай, который тебе достался еще при жизни. Прикиньте ребята, дача на халяву, паек царский. Мемуарчик за тебя адьютантишка накарябал, а тебе слава, деньги, почет, орденишко. Не жизнь, а сказка! Эй, Санек! Симонов! Саня, ты у нас стихоплет проверенный, можешь собрать воедино, о чем мы тут намечтали?!

У певца Эдуарда Хиля песенка есть задорная «Как хорошо быть генералом», можешь чего-нибудь такое же намастрячить, а то настроение — совсем полная жопа.

Я задумчиво почесал тыковку и задумался. Тогда мой девственный юношеский мозг еще не был окончательно забит всякой марксистко-ленинской теорией о всеобщей неизбежной победе коммунизма на планете Земля и ее окрестностях и поэтому достаточно живо отзывался на любую литературную графоманию. На лавры великого поэта, я никогда не претендовал в виду врожденной скромности, но пару строк связать иногда получалось. А самое интересное, что получалось это очень быстро, фактически влет.

Взяв у ребят небольшой тайм-аут, я, высунув от усердия язык в порыве вдохновения, накарябал несколько строк и, попросив капельку внимания, вывалил на всеобщее судилище, не претендующий на шедевр следующий набор слов.

Я взгромоздился на трибуну возле учебной доски и немного кривляясь, гундося а, также специально ломая голос, начал читать.

КАК ХОРОШО БЫТЬ ГЕНЕРАЛОМ
ИМЕТЬ ПРОСТОРНЫЙ КАБИНЕТ
ГДЕ СЕКРЕТАРША МОЛОДАЯ
СО СМАКОМ СДЕЛАЕТ МИНЕТ

Когда, я прочитал первое четверостишие, то сделал небольшую паузу. Так как все парни в аудитории сначала выпучили глаза, а потом захохотали так, что в окнах задребезжали стекла. Сержант Валера Гнедовский отчаянно взмолился, чтобы ребята держали себя в руках, иначе на шум прибежит дежурный офицер по учебному корпусу и устроит нам законный разнос. Ребята немного успокоились, и я продолжил с максимально возможным выражением…

НЕ НАДО ДЕРМАНТИН НА РОЖЕ МОРЩИТЬ
КОГДА ЧИТАЕШЬ ДОКУМЕНТ
ТЕБЕ УСЛУЖЛИВО ПОДСКАЖУТ
ГДЕ ПОДПИСЬ СТАВИТЬ, А ГДЕ НЕТ

Шквал хохота и бурные аплодисменты убедил меня в правильности направления хода мыслей, а так же — интонации моего голоса. Поехали дальше…

И «ВОЛГУ» ЧЁРНУЮ К ПОДЪЕЗДУ
ТЕБЕ МГНОВЕННО ПОДАДУТ
ВСЮ ЖОПУ ВЫЛИЖУТ ДО БЛЕСКА
И ПОЖЕЛАЮТ: «В ДОБРЫЙ ПУТЬ!»
КАК ХОРОШО ИМЕТЬ ШИНЕЛКУ
С ПОГОНОМ, ПОЛНЫМ ЯРКИХ ЗВЁЗД
ЕЁ НАДЕТЬ ТЕБЕ ПОМОЖЕТ
ТВОЙ АДЪЮТАНТ — ХОЛУЙ И ПЁС
И ДАЧУ — МАЛЕНЬКИЙ ДВОРЕЦ
С КРЕМЛЁМ ПО ПЛОЩАДИ ПОХОЖИЙ
ТЕБЕ ПОСТРОИТ ПОЛК СОЛДАТ
ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ ВСЕГО, БЫТЬ МОЖЕТ

По мере того, как я читал эти строки, настроение у ребят заметно улучшалось. Парни катались от смеха и периодически сползали под столы. Все уже забыли про недавнюю бессмысленную и утомительную беготню в отвратных противогазах, про запрелые подмышки, про зудящую от воспаления потертую кожу в паху. Ребята смеялись до слез. Как только, я сделал паузу, чтобы набрать воздуха, все курсанты уставились на меня с откровенным любопытством, в нетерпеливом ожидании продолжения. Глубокий вдох и …

А ЕСЛИ ВДРУГ СЛУЧИТСЯ БИТВА
ЗАПАХНЕТ ПОРОХОМ ВОКРУГ
ТЕБЕ ПОСТРОЯТ ПРОЧНЫЙ БУНКЕР
И ЗАВЕЗУТ ТУДА ПОДРУГ
И ОРДЕНОВ ВСЮ ГРУДЬ НАВЕСЯТ
ПОВЕРЬ МНЕ ДРУГ, НЕ ПРОСТО ТАК
ВЕДЬ В НАШЕЙ АРМИИ НАГРАДЫ
ДОСТОЙНЫЙ ДОЛЖЕН ПОЛУЧАТЬ
В ПАЁК ТЕБЕ ИКРЫ ПОЛОЖАТ
КОЛБАС КОПЧЁННЫХ, САЛА ШМАТ
ВЕДЬ ТЫ ДЛЯ АРМИИ ДОРОЖЕ
ТЫ — ГЕНЕРАЛ, А НЕ СОЛДАТ
И ОТПУСК БУДЕТ ТОЛЬКО ЛЕТОМ
ПУТЁВКА В СОЧИ ИЛИ В КРЫМ
А ЕСЛИ СОЧИ НАДОЕЛИ
ОТПРАВЯТ ХОТЬ В ЕРУСАЛИМ
КОГДА УСНУВ НА СОВЕЩАНЬЕ
ТЫ ЗАД СВОЙ ЦЕННЫЙ ОТСИДЕЛ
ТЕБЯ ДЕНЩИК ДОСТАВИТ В БАНЮ
ЧТОБ ОТДОХНУЛ ОТ РАТНЫХ ДЕЛ

Витя Копыто лег на учебный стол и звонко забарабанил по нему ладонями, уткнувшись носом в открытый конспект по «Кислородному оборудованию и высотному спец. снаряжению». Он истошно вопил дурным голосом: «Хочу, хочу, хочу! Именно так, все и хочу! Хочу генерала, секретаршу, минет, баню, дачу, икру, черную «Волгу», Сочи хочу!»

А ВЕЧЕРОМ, ПРИЙДЯ СО СЛУЖБЫ
ЗАПИШЕШЬ В ЛИЧНЫЙ МЕМУАР
КАК ПРЕДАННО СЛУЖИЛ ОТЧИЗНЕ
ВСЕ СИЛЫ РОДИНЕ ОТДАЛ…

Закончив вещать наскоро слепленные низкопробные перлы, я попытался сложить листок вчетверо, чтобы порвать его, но мне не дали этого сделать. Протянулись жадные и цепкие руки, ребята вырвали листок с набросками, и началась импровизированная свалка за право первому переписать эти строчки в личную записную книжку на память.

Наконец разобравшись с очередью, парни понемногу успокоились, но все продолжали весело улыбаться и шутить на тему сладкой генеральской жизни. Наше настроение вернулось на позитивную волну, усталость и раздражение отошли на второй план, жизнь наполнилась смехом и радостью.

В оставшееся время самоподготовки, мы по очереди отлучились в туалет, где хоть как-то смогли нормально умыться и привести себя в относительный порядок.

А вечером, уже после команды «отбой» в спальном помещении 45-го классного отделения, тут и там раздавались всплески веселья и задорные смехуечички. Это ребята перечитывали наиболее понравившиеся строки из импровизированной коллективной мечты о генеральском звании и прилагающихся к нему материальных и иных неизменно сопутствующих благах.

63. Голый король

Во время обучения в нашем незабвенном военном авиационном училище, мне довелось общаться с разными ребятами, которые радикально отличались друг от друга, как по внешности, так и по росту, по массе, объему, телосложению, воспитанию, вероисповеданию, личным убеждениям, степени порядочности, взглядам на жизнь, а самое главное — по своему характеру и темпераменту.

Среди курсантов встречались откровенные холерики, ярко выраженные сангвиники, флегматики, очень редко встречались меланхолики, было много представителей смешанных типов. Короче, на любой вкус и цвет, на удовлетворение самого придирчивого выбора. Как говаривал парнишка из соседского 44-го классного отделения махровый одессит Андрюха Чуханин: «Вам надо всё такое же, но все же очень различное?! Да не вопрос. Их есть у меня предостаточно, на всевозможное ваше удовлетворение к нашему большому удовольствию».

Но все же один парень отличался от всех курсантов нашей легендарной 4-й роты своим поразительно уравновешенным темпераментом и хорошо сбалансированной в эмоциональном плане, психикой. Этот удивительный человек был патологической и беспросветной флегмой. И звали его — Пим, просто и незатейливо — ПИМ, в миру — Павлюков Игорь Михайлович. Родом Пим был из уральского города Кирова, но не думаю, что данный факт местожительства дает какое-либо логическое и однозначное объяснение его феноменальному спокойствию и поразительной невозмутимости.

Самое любопытное и невероятное, что Пиму было абсолютно индеферентно и параллельно как его называют однокурсники. Хоть, Ицхаком Зильбербергом или Зинаидой Павловной, не важно. Когда он осознавал, что обращаются именно к нему, Пим охотно отзывался практически на любое имя. При этом он почти никогда не разговаривал, а только лишь снисходительно улыбался, молча и спокойно посматривая на окружающий его мир и на нас — раздолбаев сослуживцев, которые регулярно упражнялись в своем незатейливом остроумии на безответном и безобидном однокурснике.

За все время, проведенное в стенах училища, я могу фактически по пальцам пересчитать все случаи, когда слышал голос Пима. Это были его ответы на экзаменах два раза в год, доклад при несении суточного наряда пару раз в месяц и… вот

практически и все.

Все остальное время Пим пытался спать «где придется», и читать книжки «какие попадутся». Он оставлял устойчивое впечатление умудренного жизнью старца, который молча и степенно созерцает окружающий мир, стараясь даже звуком своего голоса не нарушать установившуюся вокруг него гармонию.

Пим всегда наблюдал за суетой остальных курсантов с некой философской отрешенностью, заранее прощая всем нам любые попытки подтрунивать, неуклюже подшутить или откровенно поглумиться над ним. Пим всегда с молчаливым достоинством сносил все шутки и подколки, направленные в его адрес, независимо от степени их остроты и навязчивости, абсолютно на них не реагируя, и только легкая улыбка никогда не сходила с его доброго лица.

Итак, абсолютно реальный случай — 2-й курс обучения, лето, ночь, рота сладко спит. Курсант нашего 45-го отделения Эдвард Серобян (Армения) стоит в суточном наряде на тумбочке дневального и, откровенно скучая от безделья, чувствует, что явно проигрывает в постоянной и неравной борьбе с неумолимо накатывающим сном, поэтому решает немного взбодриться.

Он, отчаянно зевая и сладко потягиваясь, оставляет тумбочку дневального на «автопилот» — то есть, просто и тупо оставляет, что в принципе категорически запрещено по всем статьям Устава, подходит к кровати мирно спящего Пима, некоторое время осторожно тормошит его и вежливо просит оказать дружескую услугу.

— Пим, Пимушка, дружище дорогой, будь добр, дай трусы, пожалуйста, в самоход сходить надо. Хочу на свою девушку впечатление произвести.

Пим не просыпаясь и не открывая глаз и абсолютно не вникая в абсурдность ситуации, безмолвно стаскивает с себя синие казенные трусы семейной модели и протягивает их Эдику.

Получив желаемое, довольный Эдвард, ухмыляясь ослепительно белозубой улыбкой, прячет трусы Пима под матрас его же собственной кровати и с чувством выполненного долга, а так же — заготовленной на утро потенциально гарантированной «развлекухи», идет достаивать положенное время на тумбочку дневального.

Утро не заставило себя ждать и наступило строго по расписанию. В спальном помещении казармы зажигается освещение и звучит зычная команда старшины роты.

— «Рота подъем, выходи строиться на утреннюю зарядку! Форма одежды номер «Раз» — трусы и сапоги.

Естественно, все ребята быстренько вскакивают с кроватей, шустро мотают портянки, натягивают тяжеленные сапоги и бегут строиться на «взлетке» в центральном коридоре.

Выбежали, построились, стоим, ждем новых распоряжений и ценных указаний. Старшина роты нетерпеливо прохаживается вдоль строя курсантов, грозными, но шутливыми окриками подгоняя отстающих и замешкавшихся ребят.

Вдруг из спального помещения 45-го классного отделения неспеша выползает невозмутимый Пим, из одежды — одни сапоги и спокойненько становится в строй на свое законное место, всем своим невозмутимым видом показывая, что ничего особенного не происходит, и он готов принять самое активное участие в ежедневном утреннем оздоровлении курсантских организмов.

Увидев несколько неожиданное явление Пима широкой публике, весь личный состав роты естественно моментально заходится в приступе неудержимого хохота, постепенно переходящего в громогласное и дружное лошадиное ржание.

Старшина роты Игорь Мерзлов, который только приготовился подать команду: «Рота, направо, на улицу шагом марш!», поперхнулся на первом же слоге команды от искреннего изумления.

Несомненно, увиденная картина голозадого бойца его сильно поразила и несколько озадачила. Старшина сделал пару безуспешных попыток прокомментировать увиденное, но издал лишь булькающие нечленораздельные всхлипывания, комично хлопая при этом широко раскрытыми глазами. А курсанты продолжают откровенно ржать. Утро удалось, настроение у всех было соответствующее.

Старшина Мерзлов подходит к Пиму максимально ближе, еще раз внимательно его осматривает с ног до головы, и запредельно выпучив свои наливающиеся кровью глаза, старательно пытается собраться с разбежавшимися мыслями. Всем заметно, что от невозможности правильно воспринять ситуацию из-за ее изначальной нереальности и абсурдности, Игорю Мерзлову нелегко подобрать правильные слова. Глубоко вздохнув и мобилизовав все свое самообладание, старшина ласково и нежно задает сакраментальный вопрос:

— Павлюков, а трусы то где?

Пим равнодушно пожимает плечами, продолжая стоять в строю роты и отрешенно смотреть в затылок впередистоящего товарища. При этом он не издает ни единого звука, а толпа естественно продолжает хохотать уже не переставая — без малейшего перерыва на вдох и выдох.

Вместе со всеми откровенно веселится от души подпирающий

тумбочку дневального курсант Серобян. Шутка явно удалась, курсантам уже естественно не до утренней зарядки. День начался с позитива, а это дорогого стоит. Смех, как всем известно, активизирует кислородный обмен и продлевает жизнь. Спасибо, тебе Эдвард, за хорошую порцию смеха.

Обалдевший и ничего непонимающий старшина роты в течение 10-ти минут безуспешно пытается вытянуть из Павлюкова мало-мальски приемлемую версию пропажи его трусов. Пим молчит как партизан, при этом, не проявляя ни малейшей тени беспокойства о судьбе своих таинственным образом исчезнувших трусов и себя лично, показывая всем своим невозмутимо-решительным видом полную готовность выполнить любой приказ партии и правительства.

Старшина, не добившись вообще ничего, окончательно выпадает в осадок и устав пытать несгибаемого Пима, раздраженно машет рукой.

— Ну, бляха-муха, совсем 45-е классное отделение одурело! Ладно бы что-то ценное с3,14здили, тогда еще можно попытаться понять, но одичать до такой степени, чтобы на сраные трусы позариться?! Это уже полный писец, дорогие мои товарищи! А дальше, что?! Вонючие портянки пропадать начнут?! Не рота, а стадо идиотов недоделанных. Прекратите ржать как кони. Курсант Павлюков, ты как себя чувствуешь?! У тебя вместе с трусами невинность случайно не пропала?! Ну, чего стоишь, дурак дураком?! Девственность, спрашиваю, не нарушена?! Что происходит в роте?! Или живешь по принципу: «Один раз не пидарас?!»

Пим стоял недвижимым как бронзовый памятник, как каменный истукан. Даже веками не моргнул ни разу. А старшина бегал вдоль строя.

— Рота, кто сейчас сказал: «Лучше нет влагалища, чем очко товарища?!»

А в ответ неслись новые всплески задорного веселья и разухабистые реплики. Мерзлов никак не мог угомониться.

— Павлюков, ну чего ты молчишь, они же над тобой смеются. Все это стадо именно над тобой потешается, ну скажи что-нибудь, хотя бы просто голос подай.

Но тщетно, стиснув зубы, Пим был нем как рыба. Старшина сдался и махнул рукой.

— А, хрен с тобой, ни «бе», ни «ме», ни «кукареку», дуй в каптерку, получи новые трусы. Только учти, дорогуша, твоего размера точно нет, возьмешь, что в наличии осталось.

Пим, услышав распоряжение старшины, абсолютно спокойно и совсем не прикрывая руками свое мужское хозяйство, выходит

из строя и шаркая тяжелыми сапогами по полу, топает вдоль улюлюкающих ребят в сторону каптерки с достоинством «голого короля» из сказки Ганса Христиана Андерсена, гордо подняв голову, распрямив спину и развернув плечи.

Получив у каптерщика Вадима Нурова синие казенные труселя безразмерного объема, которые напоминали чехол легкового автомобиля и вполне поглотили бы в себя целое отделение курсантов, Павлюков не снимая сапог, просунул ноги в безразмерные штанины и натянул огромные трусы вплоть до уровня сосков на своей груди.

Чтобы данная конструкция из темно синей материи не свалилась, Пим опять же совершенно невозмутимо — с чувством, с толком и расстановкой, вытянул резинку трусов и, подогнал ее длину под объем своих подмышек. Затем, он навязал на ней узел, отсекая лишнюю часть свободной резинки. В образовавшуюся петлю, он продел одну свою руку и голову. Получилась фиксированная конструкция на манер «помочей» детских шортиков. Завершив таким образом подгонку огромных труселей под свое худощавое тело, Павлюков неторопливо занял свое место в строю 45-го отделения.

В это время, находящийся весь на нервах старшина Мерзлов, громко скрипя зубами и постоянно играя желваками на щеках, наблюдал за процессом неторопливого дефилирования Пима с голой жопой через всю казарму до каптерки. Но, когда Пим продемонстрировал холодную невозмутимость, смекалку и находчивость при надевании такого предмета туалета как трусы из гардероба упитанного бегемота, старшина не выдержал и психанул. Со словами: «Да ну вас всех в жопу, придурки!» он, страшно вращая глазами, заперся в каптерке громко хлопнув дверью и отказываясь вести роту на утреннюю зарядку.

А ребята в роте, продолжали глумиться над хладнокровным Пимом, высказывая все более смелые предположения и моделируя возможные пикантные обстоятельства пропажи его трусов, вплоть до нетрадиционной сексуальной ориентации Пима и как вследствие этого — подарка трусов в качестве доказательства преданности, любви и благодарности своему пылкому любовнику.

Но Игорь Павлюков был на высоте. Проявляя чудеса выдержки, он словно статуя стоял на своем месте в строю, абсолютно не шелохнувшись. Ни один мускул на его добром и вечно улыбающимся лице даже не дрогнул.

Пим снисходительно и спокойно посматривал на беснующуюся и веселящуюся курсантскую братию и только где-то очень глубоко в его мудрых глазах светились еле заметные

озорные искорки.

64. Вампиры

Слухи и различные известия разлетались по нашему училищу феноменально быстро, с парадоксальной скоростью — быстрее света. Еще командование училища только собирается провести срочное построение 100 % личного состава для оглашения какой-нибудь новости, а курсанты уже равнодушно дожевывают последние подробности давно устаревшей информации, потеряв к ней остатки интереса.

Но, не в этот раз. Информация была, действительно, стоящая. Курсантские массы гудели от восторга и нетерпения. Еще бы, у всех и у каждого, появлялся реальный шанс получить абсолютно гарантированную возможность сходить в увольнение в город, без опасения быть записанным или задержанным комендантским патрулем. Ибо, в данных условиях, используя устную договоренность с руководством гарнизона, мы становились «неприкасаемыми» для всех патрулей и прочей комендантской нечисти. А все потому, что в субботу, к нам в училище, приезжали вампиры!

Нет, конечно, не граф Дракула, собственной персоной с многочисленной свитой вурдалаков, нет. В училище приезжал передвижной филиал станции забора человеческой крови из окружного госпиталя.

Крови в госпиталях всегда не хватает. Советский Союз — страна активно воюющая. Корея, Вьетнам, Египет, Афганистан и еще масса мелких и тайных войн. Поэтому, кровь нужна всегда, разной группы и резуса. Чем больше, тем лучше. А так как кровь стоит денег и не малых, то самое оптимальное — сливать ее у солдат и курсантов, абсолютно бесплатно, за вторую тарелку пшенки на обед, в качестве усиленного питания, и за возможность прогуляться в город по праву внеочередного увольнения. О деньгах, речи вообще не заходило, никогда.

Откуда и по каким причинам, к славным работникам передвижной станции забора крови прижилось зловещее прозвище «Вампиры», узнаете дальше.

Дежурный офицер по училищу, еще не успел положить трубку телефона, после приема срочной телефонограммы, торопливо записывая в журнал дату и время прибытия в нашу альма-матер, бригады кровопивцев, как известие об этом, по каналам «сарафанного радио» и «курсантской почты» уже разнеслось по каждому, даже самому занюханному подразделению училища.

В результате, пока наш еще генерал натужно скрипел мозгами, обдумывая завлекающие меры по обеспечению активной явки добровольцев на процедуру кровопускания, в умах у нетерпеливых ловеласов в курсантских погонах, уже составлялись дерзновенные и насыщенные потенциальными любовными приключениями, головокружительные планы на предстоящие, честно заработанные, увольнения.

Начальник училища подумал-подумал и переложил нелегкую заботу на командиров батальонов. Пиночет, в свою очередь, получив распоряжение от генерала, тоже принялся обдумывать правильные и вдохновенные слова, способные всколыхнуть курсантские массы и сподобить всех нас на героический подвиг, спущенный сверху по строгой разнарядке. Чтобы донести возвышенные патриотические слова, до всех и до каждого, он — Пиночет тоесть, движимый благородным порывом, решил личным примером открыть данное мероприятие — сдать свою полковничью кровь. Первым! Сколько нужно!

Комбат зашел в расположение нашей роты, чтобы поделиться ценной информацией о приезде бригады кровосборцев и своими героическими планами на личное участие в данной процедуре, но сильно удивился. Ибо, на тумбочке дневального, его ждал красиво оформленный список всего личного состава роты, горячо желающего выполнить свой посильный военный и гражданский долг по сдаче крови.

Пиночет был озадачен. По тексту телефонограммы говорилось, что переболевших в детстве желтухой и прочей гадостью, надлежало отсеять из списка желающих добровольно отдаться кровососам а, следовательно, и из списка увольняемых в город тоже. Но, никто из курсантов, добровольно и чистосердечно, не признавался в наличии подобных диагнозов в своих историях болезней.

Комбат не любил думать, он предпочитал действовать, пусть неправильно, но зато быстро. Главное — мгновенно отреагировать и безотлагательно начать что-то выполнять, а потом нас поправят, если что не так. Полковник Серов брезгливо махнул рукой — мол, хрен с ними, пусть докторишки сами потом разбираются и отсортировывают, по мере пригодности и надобности.

Командир нашей роты Володя Нахрен восторженно и подобострастно согласился с этой незатейливой идеей комбата.

— Не знали, и все тут! Чай, не медики! Наше дело — массовость обеспечить, а остальное нам не ведомо. Это, гениально, товарищ полковник! Впрочем, как и любое Ваше бесценное указание!

Всю неделю, только и было разговоров о предстоящей процедуре кровопускания. Тех, кто уже имел смутное счастье быть донором, фактически не было, по причине поголовной юности курсантов, но казаться опытными, хотелось многим. Поэтому, всегда находились «зубры», снисходительно поглядывающие на окружающий мир. Их обступали взволнованные товарищи и требовали поделиться секретами и личными знаниями в данной области медицины.

Подобные разговоры на тему донорства, случались регулярно и повсеместно. Обычно выступал один «бывалый», а вокруг него собиралась толпа полунапуганных любопытных курсантов, но не теряющих надежду, собраться с духом и все же, заработать своей кровью возможность сходить в долгожданное увольнение в город.

— Это не больно. Ложишься на специальный стол, если не уверен в себе и боишься сдавать кровь, сидя в кресле. Тебе накладывают жгут на руку, протирают место спиртом. Работаешь пальчиками, вены вспухают. Потом иголочкой «чик» и снимают жгут. Все, кровь потекла в систему. Прямо в 3-х литровую банку.

— А много сливают?

— Нет, литр, полтора, иногда два, не больше!

— Охренеть! А что останется?!

— Не ссы, шучу! Грамм 400, не больше. Иначе, сознанию «каюк», и носом в пол. Ноги протянешь! Самому надо будет вливание делать.

— А, если вены тонкие?! Ну, не видно их, глубоко расположены.

— Говно вопрос, жгут на шею. Из носа кровь нацедят, прямо в тазик. Правда, потом ее фильтровать надо от соплей там и все такое… Такая кровь только на плазму идет или на конфеты в аптеку! Про «Гематоген» слышал?! Вот, это оно самое. Есть еще вариант — из члена. Когда в туалет пойдешь, посмотри, какие на нем вены образцовые. Игла легко заходит, точно говорю! Только сначала, надо подрачить, чтобы вены надулись! Будешь хорошо себя вести, журнал заграничный, с голыми сиськами, дадут полистать — «Playboy» или «Penthouse» или еще чего.

Удивленная толпа охала и ахала. Все с жадностью внимали словам «опытных» товарищей, которые авторитетно мотали лапшу на уши и откровенно глумились над доверчивыми ребятами. Хотя, со стороны, было хорошо видно, что эти «бывалые» за своей напускной храбростью и юмором, пытаются скрыть от окружающих ребят, свой собственный персональный мандраж. Могу поспорить, что в ночь с пятницы на субботу, спокойно спали очень немногие.

Наступил момент истины. Субботним утром на территорию

училища заехал грязный потрепанный автобус «ПАЗ» и остановился у клуба. Из него вышли угрюмые и суровые люди с металлическими контейнерами в руках. В основной массе своей — это были крепкие мужчины с хорошо развитой мускулатурой. Настоящие мясники! Потом, я понял, отчего они такие крепкие и накачанные.

Свой пункт приема крови, медики развернули в спортивном зале, разделив его на две части. В одной части зала, напротив запасного выхода разложили гимнастические маты, один к одному. Образовалось огромное пространство пола, застеленное импровизированным кожаным ковром. «Для чего это?», — думалось мне, наивному.

Во второй части спортивного зала, напротив парадной двери, в шахматном порядке на некотором удалении друг от друга, установили учебные столы, в числе двадцати, не меньше.

В холле, у запасного выхода из спортивного зала, поставили огромные армейские термосы с горячим чаем. Борцовский зал отвели под склад для крови.

По автоматизму и сноровке, с которой работали эти кряжистые и молчаливые медики, я сделал вывод, что они свою работу знают очень хорошо. Все их действия были лишены эмоциональной составляющей, все движения — на инстинктах и рефлексах, по давно отлаженной и многократно отработанной программе.

В спортивном зале постепенно вырисовывались очертания конвейера для слива и заготовки человеческой крови. Действительно, пропустить через свои руки почти две тысячи человек, именно столько ограничил своим волевым решением наш генерал, согласитесь, совсем непросто.

Пока два батальона курсантов выстраивались в цепочку, я, вместе с живой очередью, быстро продвигался к холлу клуба. Там я увидел, как медики, облачившись в свои халаты и маски, оценивающе оглядывали огромную человеческую массу, которая выстроилась как на бойню. Их не пугал объем в две тысячи душ, извините — тел. Из нас не отсеяли никого, даже ничего не спросили. Загребли всех, включая переболевших гепатитом, краснухой и прочей заразой. Все подойдут, все сгодятся! Главное объем! План. Литры. Килограммы.

Бригада кровосборцев даже не потрудилась надеть чистые халаты и маски, их вид был не просто неприятен, он был ужасен. Когда-то белые медицинские халаты, выглядели камуфлированными, где в качестве раскраски были бурые и пожелтевшие пятна крови, относительно свежие и очень старые. Маски, в виде, ниспадающих почти до пояса, балахонов, скрывали

лица этих людей. В узкую прорез маски виднелись только равнодушные и потухшие от хронической усталости глаза. Рукава на халатах были закатаны по локоть, перчатки отсутствовали. Оголенные волосатые руки, добавляли медикам сходства с суровыми безжалостными мясниками. Далее, началось действо, которое укрепило меня в мысли, что в тот момент, мы были для них, как обезличенный скот, расходный материал и не более того.

Начали! Пиночет и другие отцы-командиры, почему-то передумали участвовать в благородном деле по сдаче крови. Ну и ладно, мы быстрее проскочим. Поступила команда раздеться по пояс. Я попал в первую сотню, во вторую ее половину.

Когда подошла моя очередь открыть дверь и войти внутрь спортзала, то я увидел следующую картину. На столах, расставленных в шахматном порядке, лежали курсанты, с закатанными по локоть гимнастерками. Кто-то работал пальцами, и его рука была перетянута жгутом, у кого-то из вены торчала игла системы сбора крови и густая кровушка медленно стекала в банку. Кому-то уже перевязывали руку, кому-то совали под нос ватку с нашатырем. Медработников было гораздо меньше, чем столов с лежащими на них ребятами. Медики, как рабочие-многостаночники, быстро носились между несколькими столами, одновременно, обслуживая всех сразу и в порядке очереди.

— Чего встал?! Проходи и ложись на свободный стол!

Я огляделся, свободных столов не было. На ближайшем столе, лежал бледный курсант Копыто, кровь у него уже взяли, но Витя был без сознания. Его остекленевшие глаза закатились «под образа» и правая рука, с торчащей иголкой в области локтя, безвольно свисала с поверхности стола.

Кстати, норма сдачи была для всех одинакова — 400 грамм — и для двухметровых громил под сотню кг. весом и для худосочных ребят с бараньим весом в 165 см. ростом. На дворе была зима, в организме — слабость и авитаминоз, а так же — нервозность, при виде этой самой, кровавой, процедуры, поэтому обмороки случались сплошь и рядом. Парни почти поголовно отключали свое сознание, сплошь и рядом.

Тем временем, подбежавший вампир обслужил Копыто, перевязал ему руку бинтом, оторвал клок ваты, макнул ее в нашатырь и сунул Виктору под нос. Затем равнодушно кивнул своим ассистентам. Двое крепких ребят в масках и с накачанными руками, профессионально подхватили Витькину тушку со стола и быстро оттащили на гимнастические маты, уложенные на второй половине зала. На этих матах, лежало уже человек 30-ть, которые постепенно приходили в себя и самостоятельно отползали через запасной выход в холл клуба, где их встречали более крепкие

ребята с кружками горячего чая. После сбора крови, интерес к донору и к его самочувствию, со стороны медиков, больше не возникал.

Этот конвейер планомерно работал, не оставляя место милосердию и индивидуальному подходу к донорам. Не до них, главное максимально набрать крови. Организм молодой, не помрут. Даже полезно, наверное. Кто-то где-то говорил?! Не помню!

Я лег на освободившийся после Витьки Копыто стол и попытался расслабиться, старательно гоня прочь, набежавшее волнение. Подбежал лекарь, рывком стянул жгутом мою правую руку, больно защемив кожу.

— Больно, перетяните!

— Некогда, потерпишь! Работай рукой!

Вампир убежал к следующему столу. Не скажу точно, но возможно, что иголку в мою вену втыкал уже другой человек. Под маской не видно. Возможно, что в бригаде существовала своя иерархия и распределение труда. Поставив мне систему, подсоединенную к банке с градировочной сеткой, медик снял жгут и убежал к следующему. Глядя, как густая кровь прошла отметку в банке за 400 мл. и, уверенно двинулась дальше, я начал проявлять некоторое беспокойство. Наконец, меня услышали, подбежали, убрали иглу и перевязав руку, сунули в ладонь ватку с нашатырем.

— Сам уйдешь?!

— Да.

— Иди, не задерживай. Следующий!

Я, осторожно, стараясь не делать резких движений, слез со стола и минуя многочисленную группу курсантов, загорающих на матах, двинулся к выходу. Последнее, что я увидел в «лаборатории», был курсант Полимонов, потерявший сознание прямо на входе в зал, еще до момента начала сдачи крови. Он вообще вида крови не переносил на дух.

Нисколько не удивившиеся вампиры, быстренько втащили бездыханное тело Полимона на стол и спокойно воткнули ему в вену иглу системы для сбора крови. Я вышел за дверь. В холле ребята предложили мне кружку чая.

Медленно, стараясь не обжечься, я пил абсолютно несладкий чай и думал о происходящем. Рядом со мной сидели осунувшиеся и побледневшие ребята. Никто не балагурил и не зубоскалил. Настроение было поганое, всех угнетала картина увиденного и происходящего в настоящий момент за дверьми спортзала.

Все понимаю, кровь нужна, катастрофически нужна. Армия несет потери в Афганистане, много раненых. Патриотизм и

гражданский долг призывают и требуют. Все ясно. Но, почему, так?! Почему, как на бойне?! Как, у скота?! Даже, у потерявшего, от страха, сознание Пима?! Почему, как на страшном и кровавом конвейере?! Без уважения и сострадания, с равнодушным цинизмом?! Ведь, в следующий раз — хрен, кто купится на ваши увольнения! Да, кровь надо собирать, но не так! Ни как мясники и вампиры!

Поздно вечером, перегруженный «ПАЗик» с просевшими рессорами, нехотя выполз за территорию училища. На его грязном борту, кто-то, пальцем, сделал свежую надпись — ВАМПИРЫ!

Этим кем-то, был не я. Просто, многие из ребят пересмотрели свои взгляды на окружающий мир. Мы повзрослели. Большая часть курсантов, получив право на внеочередное увольнение в город, посреди дня разобрали свои койки и просто легли спать, а маленький желтый листочек с синей гербовой печатью — «увольнительная записка», остался сиротливо лежать на прикроватной тумбочке.

65. Нервные клетки не восстанавливаются

В гарнизонном карауле был один весьма необычный пост — военный окружной госпиталь. Не весь госпиталь естественно, а только две камеры в темном подвале с металлическими решетками вместо дверей и микроскопическими окошками под самым потолком, через которые дневной свет фактически не проникал.

В этих камерах содержались военнослужащие, отбывающие свой срок заключения в дисциплинарном батальоне, которые нуждались в серьезном лечении или операциях. Вторая категория «пациентов» — те «умники», которые еще находились под следствием за различные уголовные преступления и по мере сил и возможностей, а также при наличии аппетита, периодически глотали ложки, вилки, ключи, монеты и прочие «заведомо-неперевариемые» мелкие металлические предметы. Или время от времени, добровольно резали себя бритвами, бились головами об стены, ломали себе руки и выворачивали пальцы, справедливо полагая, что лежать на больничной коечке, пусть даже в темном подвале, все же гораздо уютней и предпочтительней, чем сидеть в одиночной камере гарнизонной гауптвахты между допросами строгого и дотошного следователя в ожидании справедливого судебного приговора.

Но класть такую замечательную, образцово-показательную и местами даже душевную публику в общие палаты для нормальных военнослужащих никто из командования округа особым желанием не горел, и поэтому для подобной клиентуры отвели относительно уютное помещение в глубоком подвале госпиталя — с глаз долой из сердца вон.

Для охраны «ненадежных больных» выставили вооруженный пост, дабы эта деликатная публика не подалась в бега или не натворила еще чего похуже. А на лечебные процедурки и планомерный осмотр доктора можно и под конвоем прогуляться, не так ли?!

Законное право гражданина СССР на медицинское обеспечения, никто у данных индивидуумов не отнимал, так что ООН в целом и Генеральный секретарь Перес де Куэльяр в частности, могут спать спокойно. Все условия содержания и права человека в гостеприимных и уютных камерах уральского госпиталя соблюдались гораздо трепотней, чем в хваленой

американской тюрьме на базе Гуантанамо, к бабке не ходи, можно и не проверять.

Данный пост для караула был удобен и неудобен одновременно. На него заступали по два курсанта на 4-ре часа, чтобы осуществить вывод больных и страждущих на прописанные медицинские процедуры и в тоже время обеспечить надежную охрану достаточно серьезной публике, от которой можно было ожидать чего угодно.

Здесь были и дезертиры — кто бежал с оружием и жестокие убийцы, ожидающие решение суда, с последующей отправкой в обычные тюрьмы и лагеря строгого режима.

По тяжести совершенных преступлений и возможной опасности для общества, «сидельцы» были отсортированы на две камеры: № 1 — «полный пипец» и № 2 — «не очень полный, но тоже пипец». Поэтому открытие дверей камеры и вывод «пациента» осуществлялся со всеми мерами предосторожности — оружие заряжено, металл в голосе, второй часовой страхует первого и все такое… Все процедуры и каждое открытие камер осуществлялось только с обязательным уведомлением по телефону начальника караула.

А вот уже по коридорам госпиталя «пациента» следовало вести с разряженным оружием (дурной приказ коменданта, в плане отдельная история по данному вопросу), магазин с патронами отстыковывался от автомата и убирался в подсумок, разрешалось только примкнуть штык-нож. Идиотизм, а куда деваться?!

В тот день, на данный пост были назначены четверо ребят из нашего 45-го классного отделения, попарно: курсанты Лелик Пономарев и Саня Симонов, а также — курсанты Витя Копыто и Костя Остриков.

К слову сказать, Остриков в последствии, оставил военную службу и стал священником — настоятелем православного храма. Не могу однозначно утверждать, что именно после данного караула Костя укрепился в мысли сменить военный мундир на церковную сутану, но то, что он в полной мере и во всех красках осознал бренность своего существования в рамках сурового мира и крепко задумался о смысле своей жизни, как таковой, это точно.

Итак! Мы с Леликом заступаем во вторую смену и пока принимаем по описи имущество в караульном помещении у предыдущего состава караула, а Витя Копыто и Костя Остриков, в сопровождении разводящего — сержанта Валеры Гнедовского, взгромоздившись в кузов армейского ЗИЛ-131 цвета хаки, уехали в окружной госпиталь принимать необычный пост и больных арестованных.

Через положенное время, ребята отзвонились начальнику караула лейтенанту Зайчику, отчитавшись, что процесс приема-передачи прошел благополучно — пост принят, арестанты все в наличии и в данный момент часовой Остриков отведет «пациента Михайлова из камеры № 1» на вечерние процедуры — укол антибиотика, а в помещении с камерами останется курсант Копыто. Стандартный доклад, ничего особенного и для ребят на посту потянулось тягучее и монотонное время служебной рутины.

В положенное время, спустя 4-ре часа, мы с Леликом Пономаревым и сержантом Гнедовским, на громыхающем ЗИЛе потащились на пересменку по ночным улицам гостеприимного уральского городка. На улицах ни души, устав от дневной суеты, город спит. А мы не спим, мы охраняем покой и спокойствие мирных граждан.

ЗИЛ-131, обиженно хрюкнув и изрыгнув облако сизого дыма, остановился во дворе лечебного учреждения. Спустившись в подвал старинного особняка, где располагался госпиталь, мы постучали в неказистую металлическую дверь с зарешеченным окошком.

Визгливо скрипнули несмазанные петли и в открывшейся маленькой форточке, показалась откровенно заспанная физиономия Вити Копыто. Мельком окинув нас осоловевшим взглядом, откровенно зевающий Витя открыл тяжелую дверь, впуская смену вовнутрь тесного помещения.

В комнате охраны стоял древний стол, две табуретки и вешалка для шинелей, а на стене висел огромный «корабельный» телефон с убогим диском — номеронабирателем. Прямо напротив стола были расположены зарешеченные двери в две камеры, сквозь которые хорошо просматривались обычные армейские кровати со спящими на них «невольниками».

Что ни говори, а решетки вместо дверей — это удобно и достаточно функционально, можно было даже и не заходить вовнутрь камер, все и так хорошо видно. Но и вплотную к дверям лучше не приближаться, а то «кто его знает» чего от этих душевных ребят ожидать?! Придушат между делом, а потом скажут, что так и было.

Костик Остриков протирая кулаками, покрасневшие от рваного сна глаза и сдержанно зевая, оптимистично пробормотал.

— Не пост, а малина, парни! Дверь входную закрыл и сопи себе все 4-ре часа до следующей пересменки. Днем правда придется побегать, вон на столе расписание с процедурами «больных» валяется. А так, в принципе, терпимо. Санаторий, одним словом. Эх, повезло!

Пока Витя Копыто и Костя Остриков натягивали свои

шинели, а мы с Леликом наоборот — раздевались, попутно прикидывая, как бы поудобней устроиться на жестких табуретах, чтобы, откровенно говоря, по быстренькому провалиться в глубокий обморок и немного вздремнуть, как неожиданно, сержант Гнедовский приблизился вплотную к решеткам и, сосредоточенно вглядываясь в тела, лежащие на койках в камерах, задумчиво обронил.

— Не понял?! Коек в двух камерах — 16-ть. По списку — 14-ть арестантов, а 3-ри койки свободные?! Как так?! Может, я — идиот, не спорю, сей факт документально не доказан, но одного явно не хватает!

Витя Копыто находясь в пограничном состоянии близком к анабиозу, скорчил умильную гримасу и комично-звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

— Блин, вот ведь голова дырявая, чуть не забыл! Не волнуйтесь парни, я одного «сидельца» из 2-й камеры отпустил на пару часов в город. Типа вроде увольнения… Короче, скоро придет.

Нам с Леликом спать как-то сразу расхотелось, причем радикально и однозначно. У сержанта Гнедовского неестественно вытянулась физиономия, и немыслимо округлились глаза, а курсанта Острикова встряхнуло так, как будто в него попал разряд молнии. У парня сразу подкосились ноги, и Костик тяжело рухнул на ближайшую табуретку. Он крепко вцепился в свой автомат, уперев его в пол, на манер подпорки и уставился на Витю Копыто с немым вопросом, беззвучно открывая рот, не в силах выдавить из себя что-либо внятное.

Витя, тем временем не переставая сладко позевывать, не выказывал даже легкого признака какого-либо беспокойства.

— Представляете, один пацан оказался местным. У него тут жена недалеко живет, буквально пара кварталов. Уж очень просился к жене на свиданку сбегать, за сиську давно не держался. Два пузыря «беленькой» обещал! Ну, я и отпустил, не зверье же, чай какое?! Кстати, должен был уже вернуться. Чего-то задерживается, не иначе, весь писюн стер до самого основания?! Наверно, женушку свою и так и эдак…

Костик в отчаянии закрыл свое лицо ладонями и жалобно простонал, с трудом озвучивая простые слова.

— Когда ты успел…?!

— А когда ты выводил арестанта из 1-й камеры на уколы. Тебе не стал говорить, чтобы сюрпризом так — раз, и два фуфырика водочки, между делом так — «из неоткуда», практически! Правда, здорово?!

Сержант громко скрипнул зубами и, глядя в откровенно

счастливые глаза довольного жизнью курсанта Копыто, с какой-то обреченной пустотой в голосе тихо спросил.

— Витя, ты что — дурак?!

Курсант Копыто показательно-обиженно надул губы и театрально заломил руки, бездарно кривляясь в образе «а-ля-Гамлет».

— Я так понимаю, вы водку пить не будете?! Да?! Пить или не пить?! Вот в чем вопрос?!

Валера Гнедовский уперся тяжелым и немигающим взглядом в глаза Вити Копыто и уже с заметным отчаянием и раздражением в голосе повторил.

— Витя, ты что — дурак?!

— Почему это дурак?! На дворе «сухой закон» и прочая горбачевская херня, а тут два пузыря… на халяву… понимать надо!

Гнедовский с кулаками ринулся на курсанта Копыто и заорал во все свое сержантское горло.

— Придурок! Ты что натворил, идиота кусок?! Я же сейчас должен доложить по команде о побеге заключенного и тебя сдать, как соучастника! Кретин е**нутый! Ты же всех нас подставил и себя в первую очередь, долбоебина! Ты же в тюрьму сейчас пойдешь, дибилина мудоковатая… Нет, не пойдешь, а побежишь! На четырех костях побежишь, галопом, уё*ище недоделанное! И Костю за собой потащишь! Его, правда, возможно и оправдают, в конце концов, но из училища точно выгонят! А нервов потреплют, мама не горюй! Тварь! О чем ты вообще думал в этот момент?! Ты вообще когда-нибудь о чем-нибудь думаешь?!

От Валеркиного крика начали просыпаться арестанты и чего-то там попытались вякнуть по поводу: «дайте поспать, ночь на дворе».

Сержант Гнедовский рассвирепел еще больше и пообещал незамедлительно перевести всех «откосистов-шланголоидов» в разряд законченных инвалидов, если они не заткнутся. В результате, посчитав за благо не испытывать на себе неконтролируемый гнев и сокрушительную силу нашего сержанта — КМСа по классической борьбе, арестанты дружно затихли, а перепуганный Витя Копыто наконец-то начал осознавать всю «красоту текущего момента».

— Я…. я же как лучше хотел! Для всех же старался…

Всегда спокойный и предельно уравновешенный сержант был просто ужасен в своем праведном гневе, в таком состоянии его никогда не видели.

— Старался?! Ах, ты оказывается, ста-рал-ся?! Чего ты старался?! Себя в тюрягу посадить?! Не ссы, у тебя получилось, с

гарантией…! И Костика рядом, чтобы сидеть было не скучно, да?! А ты Костю спросил?! Согласен ли он, за два пузыря, компанию тебе на зоне составить?! Ни хрена! Ты его просто и тупо подставил! И нас всех сейчас подставляешь, говнюк! Ну, Витя?! Все, хана тебе! На этот раз, ты превзошел самого себя! Дрочи жопу, кандидат на нары…

Витю мелко затрясло, его глазки хаотично забегали и он начал жалобно лепетать.

— Ребята, я не подумал ведь… Он так жалобно просился… жена, стояк и все такое… Ну, нельзя же так обманывать, правда?! Он придет, точно придет. Давайте еще подождем, а?!

— Витя, для того чтобы из тюремных застенок на свободу слинять, тебе еще и не такое наплетут, идиот! Развешивай уши шире, чтобы в них ссать удобней было! И твоя цена оказалась — всего-то две паршивые бутылки водки! Дешевка! Ты хоть адрес у него спросил?! Так, между делом, хотя бы для приличия! Где его сейчас искать?! Где?! Два квартала… в какую сторону?!

— Нет, не спросил! Ребята, давайте ждать! А?! Он обязательно вернется…

— Витя, сколько ждать?! Сколько нам ждать, ты скажи?! Мы должны в караулку позвонить о приеме-сдаче. Не можем мы тут до утра тупо сидеть и ждать! Не можем! Понимаешь?!

Витя поник головой и почти заплакал от осознания того, что его могли просто и банально обмануть. В наступившей ненадолго тишине зазвонил телефон. Не иначе, начкар — лейтенант Зайчик, не дождавшись своевременного доклада с поста, начал проявлять беспокойство.

Услышав противный перезвон армейского телефона, который резанул по нервам, курсант Копыто заметно вздрогнул, но собрал волю в кулак и решительно выдал следующее.

— Парни, я все понял! Выхода нет! Я виноват! Один! Костик не при чем, я все возьму на себя!

И Витя обреченно вздохнув, медленно и нехотя потянулся к телефонной трубке. Но сержант Гнедовский внезапно перехватил его руку и, сняв громоздкую трубку с допотопного аппарата, бодрым и уравновешенно-размеренным голосом доложил о приемо-сдаче поста без замечаний, мотивируя задержку по времени, светофорами, которые как, сговорившись, переключились в режим «красной улицы» и поэтому ЗИЛ добирался до госпиталя непростительно долго.

Затем, дав отбой и ловя на себе наши несказанно удивленные взгляды, Валера, нервно покусывая губы, пристально посмотрел в глаза каждому из нас и тихо произнес.

— Значит так парни, у меня такое предложение — сейчас мы

делаем вид, что ничего не произошло! Санька и Лелик заступают на пост! Если приедет любая проверка и обнаружится «недостача», вы дружно «включите дурака» и скажете, что камеры не открывали и по головам никого не проверяли, а при дежурном освещении могли и просчитаться на одно тело. Это конечно нарушение Устава, но не смертельное. Ну, а Витенька тогда уже и возьмет всю вину на себя, старательно отмазывая Костю Острикова. Предупреждаю, при таком раскладе, достанется нам всем и очень даже не по-детски! Возможно, что отсидка на гауптвахте будет наименьшим из возможных наказаний. С Витей уже все понятно, он без вариантов идет под следствие! Я лишаюсь лычек сержанта и рискую отчислением из училища, но вас всех буду отмазывать до последнего, что вы не в курсах и не при делах. Условие — всем «мертво» стоять на своем! Я — не я, знать ничего не знаю! Так мы выиграем еще 4-ре часа! Потом опять заступят Витя и Костя, и до начала утренних процедур и завтрака арестантов есть еще где-то 4-часа. Итого, если этот «казанова», нашего доверчивого и наивного дурака Копыто все же не обманул, а действительно сейчас носится «савраской» по всему городу в творческом поиске, где бы посреди ночи взять две бутылки водки, чтобы рассчитаться с любезным Витенькой, в чем я оо-очень глубоко сомневаюсь, то у нас в активе появляется уже почти 8-мь часов! Согласитесь, это уже что-то?! Ну, а потом, Витя, ничего не остается как чистосердечное признание и в долгий путь на долгие года! Не дай Бог конечно! Этот безнадежный план может осуществиться только при единогласном участии всех нас и каждого. Если кто-то не согласен, тогда по приезду в караулку, Витя сразу идет сдаваться! Добровольное признание вроде как бы смягчает вину… Итак парни, кто за то, чтобы дать Вите фору в 8-мь часов, вдруг «беглеца» совесть замучает или он одумается и действительно вернется?! А?!

Честно говоря, вылетать из училища, а тем более оказаться под «строгим, но справедливым» следствием и испытать на себе все прелести дисциплинарного батальона никому из нас совсем не хотелось, но Витьку было откровенно жаль. До него, наконец, дошло, что он натворил и парня колотила мелкая дрожь.

Валера Гнедовский первым поднял полусогнутую в локте руку вверх и тихо спросил.

— Кто «за»?!

Все ребята, особо не медля, подняли руки, курсанта Копыто надо было спасать. Он, конечно, дурачина редкостный, что в очередной раз подтвердилось в результате «глубоко-обдуманных» действий, но мы «своих парней» в «биде» не бросаем! Попробуем, а там как получится?!

Растроганный Витя чуть не плакал. Он понимал, чем мы все рискуем, и монотонно твердил как заклинание, «уговаривая» нас и себя в первую очередь.

— Он скоро вернется! Он скоро вернется, он обещал… два часа…

Ребята уехали, рычание армейского ЗИЛа затихло в ночной тиши. Мы с Леликом молча сидели на жестких табуретках и старались не смотреть друг другу в глаза. На душе скребли кошки, и было очень тревожно.

Все было предельно ясно и понятно — наше алиби было настолько хлипким, а возможные отговорки «шиты белыми нитками», что мама не горюй!

К тому же, достаточно было нашему Витеньке на следующей пересменке удивленно выпучить глаза и поднять тревогу, как главными подозреваемыми в побеге «арестанта» автоматически становимся мы с Леликом. Это же, как дважды два! Но Витя Копыто не такая же сука, чтобы нас подставить?! Хотя, в такой гнилой ситуации, когда на кону стоит реальный срок заключения, кто его знает?! Мде, ситуёвина?!

Вот в таких невеселых мыслях потянулись эти бесконечные 4-ре часа. Спать совсем не хотелось, нервы натянулись до предела, а ладони и ХБшка на спине предательски намокли. В воздухе физически ощущалось «электричество» нервозности и напряжения. Хотелось вскочить с табуретки и энергично побегать по комнате охраны от стенки к стенке, но места в помещении было непростительно мало, и мы сидели неподвижно как влитые.

Неожиданно по ушам ударил противный звонок телефона. Я инстинктивно вздрогнул, а Лелик взял трубку.

— Часовой 7-го поста, курса… Ну чего тебе надо, придурок?! Нет! Никого! Не пришел! Нет! Ладно, позванивай время от времени. Да, понимаю, что очко противно пульсирует! У самого очко так сжалось, что иголку хрен засунешь! Все, не трахай мне мозг и так противно на душе! Отбой!

Я понял, что звонил Витя, переживающий об «арестанте». Он, наконец, доехал до караулки и, сдав оружие в пирамиду, сразу же повис на телефоне.

А дальше началось нечто — телефон звонил практически каждую минуту! Изнемогающий Витя, накручивая самого себя и нас всех, беспрестанно вращая диск телефона, не успев положить трубку на рычаг после предыдущего звонка.

— Ничего?!

— Ничего!

— Никого?!

— Никого!

— Ничего?!
— Ничего!
— Никого?!
— Никого!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!

— За**ал, понял?! От того, что ты звонишь каждую секунду, ничего не изменится! Звони хотя бы с 5-минутными паузами! Понял?!

— Понял! Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!
— Никого?!
— Никого!
— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!

И так все 4-ре часа. Пипец, мы с Леликом уже реально завелись и озверели не на шутку. Арестанты в камерах, ворочаясь в своих койках, зажимали головы подушкой, но спать уже ни у кого не получалось. Телефон звонил не умолкая. Возмутиться или тихо пискнуть, «сидельцы» просто не рискнули, понимая, что «охрана» не совсем адекватна и находится «на взводе».

— Ничего?!
— Ничего!
— Ничего?!
— Ничего!

— Бля! — взревел Лелик и, вскочив, швырнул табуретку на пол: — Эта ночь когда-нибудь кончится?!

— Ничего?!
— Ничего!

— Ничего?!
— Ничего!
— Никого?!
— Никого!

До конца нашей смены оставалось минут 20-ть, в очередной раз зазвонил телефон. Багровый и злой Лелик сорвал «кондовую» трубку древнего аппарата с рычага и, со всей дури врезал ей по столу. Шумно набрав в свои легкие максимальное количество воздуха, он приготовился рявкнуть что-то супер многоэтажно-заливистое и непотребное, но очень доходчивое, как вдруг неожиданно напрягся и, выпустив воздух, оправдательно забормотал.

— Часовой 2-й смены, 7-го поста, курсант Пономарев! Прошу прощения, товарищ лейтенант, трубка из рук выпала и об стол ударилась! Есть! Так точно! Все будет в лучшем виде! Есть!

Аккуратно и нежно повесив трубку на рычаг, Лелик посмотрел на меня жалким взглядом обреченного и тихо прошептал.

— Ну, вот нам и 3,14здец, Санечка! Сейчас наша смена приедет, причем вместе с комендантом гарнизона! Лейтенант Зайчик позвонил предупредить, чтобы все было «тип-топ»! Сдается мне, что комендантская зверюга или что-то знает или плановую проверку решил провести. А может «беглого» где-то в городе поймали и нас сейчас как свежеощипанных курепчиков на банальном вранье и повяжут! Копыто — говнюк, без вариантов! Вот попали, твою мать! Если нас с ним в одну камеру посадят, придушу мерзавца!

Я бездумно уперся взглядом в секундную стрелку наручных часов, которая неумолимо отматывала круги, отмеряя наши последние мгновения на свободе. Как хорошо на воле, господи! Воздух то, какой?! Не надышишься!

На нервной почве, у нас необычайно обострился слух, и мы буквально кожей чувствовали приближение «нашей судьбы». Вот в ночной тишине капризно рычит армейский ЗИЛ, вот сейчас он «перегазовывается» и скрежещет раздолбанной коробкой передач, чтобы сдать назад, маневрируя во внутреннем дворике госпиталя. Еще пару секунд и сейчас мы услышим, как по асфальту громогласно застучат металлические подковки на тяжелых сапогах нашей смены…

Неожиданно в железную дверь помещения раздался осторожный стук и тихие поскребывания совсем не похожие на уверенные и требовательные удары кулаком ребят из состава караула. В тот момент, для нас уже не было никакой разницы, мы уже не жили, а существовали…

Я, с равнодушием и смиренностью приговоренного к смертной казни, подошел к двери и, не глядя в зарешеченное окошко, открыл тяжелую дверь. На пороге, счастливо улыбаясь от уха до уха, стоял незнакомый мне молодой человек в госпитальной пижаме и, вытягивая вперед руки, держал в них по бутылке водке.

Находясь в «творческом ступоре», я машинально протянул вперед обе свои руки и инстинктивно взялся за горлышки бутылок… В это время, Лелик мгновенно вскочил с табуретки и быстрее молнии метнулся к двери. Не обходя меня стороной, он буквально из-за моей спины, врезал длинный хук по бессовестно улыбающейся физиономии незнакомца.

Учитывая, что в прошлой «доучилищной» жизни, Лелик был КМСом по боксу и КМСом по гребле на каноэ, то удар справа у него был просто сокрушительный.

Не переставая улыбаться, незнакомец в пижаме, закатывая глаза и безвольно разжимая пальцы, оторвался от земли и попытался отправиться в непродолжительный полет на пределы подвала. Но не успел, однако!

Пока, я перехватывал бутылки, Лелик схватил бесчувственное тело за «грудки» госпитальной пижамы и резким рывком, втащил его в помещение охраны. Затем, удерживая «улыбающегося» клиента одной рукой, Лелик открыл дверь камеры и мощным поступательным движением швырнул тушку «ночного ловеласа» на свободную койку и мгновенно захлопнул камеру.

Вовремя однако, так как в ночной тиши уже отчетливо были слышны шаги приближающейся смены. Лелик остался у входной двери, приводя свою форму в порядок и готовясь к встрече проверяющего офицера.

Я же в это время отчаянно метался по маленькому помещению поста, с двумя бутылками водки в руках, даже не представляя, куда их заныкать. В последний момент, успел сунуть бутылки в боковые карманы своей шинели, висящей на вешалке.

В тот самый момент, когда вторая бутылка еще только скользила в глубокий карман курсантской шинели, Лелик Пономарев уже докладывал суровому коменданту об отсутствии происшествий на вверенном нам посту. Уф, пронесло!

Приемо-передача поста проходила идеально и строго по требованиям руководящих документов. Двери камер открывались, арестанты обязательным порядком поднимались со своих коек, и их наличие строго проверялось методом переклички. Все как один были «на лицо»!

Заметив на физиономии одного из «сидельцев» внушительный «синячище» свежего разлива, несказанно

удивленный комендант строго поинтересовался о его происхождении. Вяло владея языком и хаотично подергивая головой, «сонный» арестант доверительно посетовал, что часто ворочается во сне и периодически падает с кровати. Вот, не далее как за пару минут до переклички, опять вывалился, просто беда какая-то?!

Мы с Леликом дружно подтвердили данный прискорбный факт. Комендант удивленно пожал плечами и сделал вид, что поверил. Витя Копыто, увидев своего «давнего знакомого» заметно порозовел и начал дышать более-менее регулярно. Вместе с ним просветлели лицом Костя Остриков и сержант Валера Гнедовский.

Не выявив явных нарушений, удовлетворенный комендант уселся в кабину ЗИЛа, а мы, пьяные от счастья, полезли в кузов.

По пути в караулку, трясясь в раздолбанном ЗИЛе, я спросил Лелика Пономарева.

— Слышь Леля, а если это оказался бы не то парень, а случайный больной?! Типа, обычный прохожий — принес водку от беглеца и прощальную весточку с извинениями, что тот передумал возвращаться. Мы ведь его в лицо не видели?! А ты его сразу приложил не по-детски!

— А какая на хрен разница?! Тот, не тот?! Значит, не повезло пацану! У нас для кворума одной тушки не хватало, а с ним вместе — полный порядок! Должен же кто-то сидеть, чтобы не нарушать отчетность?! Почему бы не он?! А так оказалось то, что надо! Да и за несанкционированное превышение времени разрешенного увольнения в город на 4-ре лишних часа, наказать надо было?!

— Однозначно!

— Ну вот! Все по-честному! Бля, нервов потрепал на 10-ть лет вперед! Еще ненаглядного Витеньку Копыто после караула знатно отмудохаю для профилактики! 3,14здюк Пилопедрищенский! Разве можно так?! Я ведь эти 4-часа и не жил вовсе! Вечностью показались! Думал, сейчас сердце из груди через жопу выскочит! Признаться стыдно, чуть не обоссался раз несколько! Слышь Саня, а, правда, что нервные клетки не восстанавливаются?!

— Вроде как!

— Я ведь нутром чувствовал, как они бедненькие, прямо миллионами и миллиардами загибаются! Ну, Копыто…

Пока Лелик раздраженно пыхтел, исходя на праведный и запоздалый гнев, давая волю своим некогда натянутым нервам, я тем временем поймал себя на мысли, что в который раз, мы все получили очередное подтверждение незыблемой истины — Бог, Витю любил!

В который раз из такого дерьма выпутаться?! Правда, с колоссальной потерей нервных клеток… но по сравнению с потерей свободы, это такие мелочи…

66. Как принимают в партию

Во времена СССР в военное училище принимали только комсомольцев. Для ребят, не состоящих в авангарде советской молодежи, в боевом резерве коммунистической партии, путь в офицеры Красной армии, был надежно и прочно закрыт. Без вариантов! Оно и понятно! Как доверить безопасность страны развитого социализма, которая, выполняя мудрое завещание великого вождя всего мирового пролетариата — В.И.Ленина, бодро шагает к построению главной мечты прогрессивного человечества — к КОММУНИЗМУ?! Да никак! Ибо, политически неграмотный индивидуум, не достоин такой великой миссии, потому что не верит в неизбежную победу коммунизма во всем мире, на планете Земля в целом, и в ее окрестностях. Не верит, хоть ты тресни! Если бы верил, то давно вступил бы в комсомол! А потом бы еще, незамедлительно, попросился и в партию.

Раньше, в Советском Союзе, с подрастающим поколением очень плотно и постоянно работали. Остаться самим по себе, без членства и привлечения к активной работе в какой-либо общественно-политической организации, было просто нереально. Невозможно!

В начальной школе — в первом классе, всех детей поголовно принимали в «октябрята», приучали ходить строем в ногу и носить на детской груди значок с портретом юного В.И.Ленина.

В районе 3-4-х классов, опять же всех, скопом и валом, принимали в пионеры и организованно повязывали на шею красный треугольный галстук. Вместо молитвы «Отче наш», дети как заведенные повторяли: «Пионер — всему пример!».

В старших классах, шла непрерывная и жесткая агитация о вступлении в ряды комсомола — ВЛКСМ. Всем сомневающимся в целесообразности данного шага, школьные учителя ненавязчиво объясняли, что с красной комсомольской книжицей в нагрудном кармане, проще поступить в институт. Из двух абитуриентов, успешно сдавших вступительные экзамены с одинаковым результатом, по конкурсу не пройдет, именно тот, у которого нет комсомольского билета. Так что, делайте выводы, дорогие детишечки! Делайте «правильные» выводы!

А, уж в военное училище, без этого минимального идейно-политического набора, можно вообще, не соваться. Даже и близко, можно не подходить к военному училищу. Не теряйте время, силы и нервы. Не возьмут! Никогда! И правильно сделают. Как тебе, политически безграмотному и идейно неохваченному,

можно грозное оружие доверить, если тебе даже соседи по парте не доверяют?! К тому же, макулатуры маловато принес. И от массового сбора металлолома уклонился. В кино сбежал?! «Пираты 20 века» смотрел?! Мерзавец. Разгильдяй!

Детей, со школьной скамьи, приучали быть полноправными членами политического общества и играть по установленным в стране правилам, иначе — «Ты останешься никем!»

Будущее подростка напрямую зависело от того, являлся он членом ВЛКСМ или нет. Если нет, то милости просим в ПТУ на такие замечательные и остродефицитные специальности, как токарь, сварщик, дворник, скотник, сантехник, грузчик и прочее. Карьерный рост в данной сфере деятельности вполне головокружительный — есть шанс получить очередной разряд или бумажную грамоту, но не более. А вот высшее образование и интеллектуальный труд — удел политически грамотных и идейно преданных молодых людей. Такой, в принципе, незамысловатый расклад на будущее и карьерный рост, практиковался в СССР, в стране равных возможностей, для всех и для каждого. Все, исключительно, в строгом соответствии с Конституцией СССР и основными принципами Организации объединенных наций (ООН).

Однако, вступать в комсомол, горели желанием, далеко не все. Ибо, просиживать долгие скучные часы на многочисленных бессмысленных собраниях, протирая штаны и принимать единогласные глупые решения по указивке более старших и опытных товарищей из коммунистической партии, согласитесь, удовольствие сомнительное. К тому же, комсомольцев строго обязывали тупо переписывать из газет и разных многочисленных брошюрок, все материалы постоянно чередующихся Пленумов и Съездов комсомола и, обязательно конспектировать все судьбоносные и архиважные бредни со Съездов коммунистической партии, а это уже, поверьте на слово, кубометры бумаги и бессонные ночи. Времени на это увлекательное и плодотворное занятие требовалось много, очень много. В идеале, все эти решения и постановления требовалось знать по номерам и датам их принятия, а так же пересказывать наизусть близко к тексту. Вот такие сомнительные и отвратные удовольствия ждали каждого, вступившего в комсомол.

Дураков, для пополнения монолитных рядов юных борцов за светлое будущее всего человечества, рекрутировали с большим трудом и титаническими усилиями всевозможных горлодеров-агитаторов и многочисленных пропагандистов. Борьба за юные души кипела постоянно, без перерыва на выходные и праздники. В ход шли любые приемы — от средств массовой информации, до

личных задушевных бесед в кабинетах различных комсомольских и партийных организаций всех уровней и инстанций, от ласкового убеждения, до открытого принуждения.

В результате такого плотного и постоянного прессинга со стороны ВЛКСМ, а так же солидных и всемогущих членов КПСС — директор школы, завуч и почти все учителя, новые жертвы для комсомола все же находились и откровенно сказать достаточно в большом количестве. Более того, в комсомол приходили массово и почти добровольно, с осознанием необходимой безысходности, на основе заученных уроков и плачевных примеров старшего и более опытного поколения. Становиться дворником или грузчиком как-то не очень хотелось, и ребята, прикинув возможные варианты развития событий и перспективы на будущее, принимали установленные в обществе правила игры и дружно, а частенько — просто за компанию, писали заявления о приеме в члены ВЛКСМ.

Одно успокаивало, что «это» не навсегда, а лишь до наступления возраста в 28 лет — предельный срок. А там, свободен как птица в полете, и клади с прибором на все собрания, конспекты, общественно-полезную нагрузку и прочую идеологическую чушь.

Да и взносы на содержание колоссального комсомольского аппарата, для школьников, были ничтожные — 2 копейки. Берите, дорогие толстомордые бездельники, горлопаны, тунеядцы, первые секретари, пропагандисты, инспекторы и прочая приспособленческая шушера, не желающая трудиться и двигать науку. Берите детские деньги и ни в чем себе не отказывайте! И ведь брали! И не отказывали! Ни в чем!

Слухи о бесконечных пьянках и блядских похождениях первых лиц ВЛКСМ — Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, ходили по стране с завидным постоянством и регулярностью. Гнусные подробности этих выкрутасов, не пройдут ни одну цензуру. Самые грязные и разнузданные порнофильмы, с многочисленными извращениями — просто пуританское и целомудренное пособие для молодоженов, по сравнению с регулярными загулами первых лиц ВЛКСМ. А какое беспробудное пьянство царило на этих сборищах?! И все это на фоне гласности, перестройки, бескомпромиссной борьбы с очковтирательством, проявлением чванства и непримиримой войной с пьянством и алкоголизмом в стране.

В принципе, всем было уже все равно! Жили по принципу — «Ну и хрен с ними, пусть хоть все пережрутся, скорее печень отвалится! Плакать не будем!» Прочитаем стандартный

душещипательный некролог со списком многочисленных профессиональных заболеваний очередного борца с идеями капитализма, посмотрим на его опухшую пропитую физиономию, постоим в принудительной минуте молчания и единогласно проголосуем за нового комсомольского вождя, рекомендованного опытными товарищами из КПСС — Коммунистической Партии Советского Союза. И так, по бесконечному кругу лицемерия и профанации!

Поступив в военное училище, все 100 % комсомольцев нашей роты, на первом же комсомольском собрании, единогласно проголосовали за курсанта Конфоркина, настоятельно и убедительно рекомендованного неприлично упитанным полковником из политотдела и дружно забили член на все общественные поручения в частности, и на комсомол в целом.

Выполняя установленные правила политической системы страны, разумеется, мы выбрали комсорга 45-го классного отделения — мудрого Сергея Филина и возложили на его широкие плечи обязанности улаживать все бюрократические вопросы и политические отношения с вышестоящими комсомольскими организациями.

Курсант Филин, будучи родом из глубины матушки России, обладал врожденной мужицкой хваткой и фантастической способностью выживать при любой власти. Очевидно, это свойство поразительной мимикрии передалось ему с генами от предков — потомственных уральских крестьян. Хлебопашцам в России всегда доставалось! То халявная раздача помещичьей земли, то жестокая продразверстка и массовые расстрелы, то принудительная коллективизация и показательные раскулачивания. Вся жизнь крестьянина — сплошной эксперимент на выживание. Но, ничего, русский мужик выжил и приспособился. Правда, у него выработался устойчивый иммунитет на все политические эксперименты и полное недоверие к любому виду власти. Из таких мужиков-нигилистов был наш комсорг Серега Филин, мудрая ночная птица — филин, муж совы, а сова — это талисман клуба «Что? Где? Когда?», клуба всезнающих и находчивых. Все сходится?! Логично.

Сергей старательно писал замечательные протоколы липовых комсомольских собраний с грамотными и своевременными решениями и сногсшибательными идейными инициативами и головокружительными предложениями. Чего, например, стоит предложение, выйти с инициативой в правительство СССР о приглашение в нашу страну всех безработных жителей капиталистических стран, для предоставления им советского гражданства и последующего трудоустройства. Ведь по

Конституции СССР, у нас в стране было гарантировано право на труд всем гражданам страны. К тому же, рабочих рук постоянно не хватало, а в загнивающих капиталистических странах свирепствует безработица, и прозябают от вынужденного безделья миллионы людей. Вот, их бы сейчас на БАМ (строительство Байкало-Амурской магистрали), или на целину?! Эх, глядишь и коммунизм не за горами! Как вы считаете? Коммунизм — это о-го-го! Ура, товарищи!

А если вывезти из вечно голодающей Африки всех бедствующих негров и организовать из них новые колхозы и совхозы на неосвоенных землях бескрайнего СССР. Да с такой массой благодарных рабочих рук, любая «Продовольственная программа» по плечу. Превратим все необработанные степи страны в цветущие поля! Обгоним Америку и Канаду по производству пшеницы! Ура, ура, ура!!! Ну, как масштабы? Размах и смелость мышления?! Дух захватывает?! То-то! Серега был еще тот генератор идей.

Его грандиозные доклады в вышестоящие комсомольские организации были наполнены политически зрелыми предложениями с далеко идущими перспективами и глубокомысленными анализами непростой ситуации в стране и во всем мире. Весь комсомольский актив батальона, буквально плакал от умиления и восторга, зачитываясь толстенными приложениями к протоколам и решениям комсомольских собраний, которые, «между нами девочками», вообще, ни разу не проводились. Спасибо тебе друг, за сэкономленное время и сохраненный в здравом уме рассудок.

Наша первичная комсомольская организация считалась образцовой и лучшей в батальоне, поэтому на отчетно-перевыборное собрание, всегда приходил важный и толстомордый полковник из политотдела. Худенький такой, килограмм на 140 или чуть-чуть побольше. Его огромный китель еле сходился на выпуклом шарообразном животике. Политрабочий важно садился на, жалобно скулящий под его внушительной задницей, стул и отчетно-перевыборная показуха начиналась.

Сергей Филин степенно выходил к трибуне, и не торопясь, с чувством, с толком и расстановкой, вещал часа три, а то и три с половиной. В зависимости от вдохновения. До знатного оратора Фиделя Кастро ему, конечно же, было далековато, но Сергей работал над собой. Он постоянно эволюционировал и прогрессировал. Его доклад был наполнен красивыми и непонятными словами и густо приправлен многочисленными цитатами основоположников марксизма и ленинизма. Не доклад, а песня! Под него очень неплохо дремалось.

Лишь один раз комсорг Филин увлекся и допустил досадную оговорку, типа: «Да здравствует великий теоретик и основоположник эпохальных идей прогрессивного социализма и неизбежного коммунизма незабвенный гений — Карл Маркс, а также его верный соратник и жена — Фридрих Энгельс!» Наше дружное классное отделение вовремя сориентировалось и вместо заслуженного хохота, переходящего в неудержимое ржание, мы встретили этот лозунг бурными аплодисментами, гармонично переросшими в продолжительные овации. Проверяющий полковник ничего не понял, его мозги прочно заплыли жиром, а оговорившийся Филин вовремя сдержал непроизвольную улыбку, степенно прокашлялся и с непревзойденным солидным достоинством продолжил грузить контролирующий партийный орган многочисленными ссылками на очередной доклад Генерального секретаря коммунистической партии СССР М.С.Горбачева.

По завершении грандиозного доклада, «политический» полковник долго плакал от умиления, временами даже рыдал. Он крепко жал руку курсанту Филину, многократно обнимал его, красноречиво благодарил за титаническую проделанную работу и лез слюняво целоваться. Затем, растроганный коммунист-политрабочий взгромождался на трибуну и, срываясь на эмоциональные всхлипывания и продолжительные рыдания, настойчиво рекомендовал переизбрать этого замечательного комсорга Филина на второй срок, причем, на безальтернативной основе.

Естественно, все были единогласно «за» и наша активная комсомольская жизнь продолжала бурно протекать только в липовых отчетах и фиктивных протоколах. Очковтирательство и показуха процветала! Не судите строго, а поймите правильно, мы были детьми своего времени. В то время, так жила вся наша страна.

И все было бы замечательно и гармонично, если бы не сработала система, обеспечивающая гарантированный карьерный рост всевозможных выскочек и комсомольских холуев-активистов.

Наши комсомольские вожаки, желая получить очередные блага и достойные распределения на дальнейшее место службы, дружно потянулись в ряды коммунистической партии Советского Союза, как стая алчных шакалов на запах свежего мяса.

Процедура приема в КПСС, несколько отличалась от массового и скоропалительного приема в ВЛКСМ. А именно — необходимо было выклянчить пару рекомендаций от старых и опытных партийцев, получить рекомендацию от первичной комсомольской организации, выдвигающей самого достойного из

достойных. А еще, обязательно законспектировать полтонны работ плодовитого на разные бредовые идеи В.И.Ленина, и пару кубометров постановлений и решений всевозможных очередных и внеочередных съездов, а так же многочисленных пленумов и прочих запланированных и незапланированных бесконечных коммунистических сборищ, всяких банно-прачечных заседаний и полуночных партийных бюро, советов и вечеринок.

Затем, следовала обязательная продолжительная занудная беседа в политотделе училища, которая напоминала страшное судилище, и допрос с пристрастием, на котором выдавалось объемное задание на более глубокое изучение всех фундаментальных идей К.Маркса и Ф.Энгельса.

И в результате, тебя принимали кандидатом в члены КПСС. Далее, давался целый год, чтобы за это время, ты вырос над собой, проявил себя преданным идейным борцом за светлые идеи коммунизма.

У кандидата появлялось почетное и обязательное право присутствовать на многочисленных партийных собраниях и даже иметь совещательное слово. Тоесть, кандидат мог выходить на трибуну, откуда гневно вскрывать недостатки товарищей по партии и критиковать других членов КПСС, вплоть до Володи Нахрена или даже, самого великого и ужасного Пиночета. Но, это в теории! На практике, такими делами заниматься не стоит, поверьте на слово. Искренне не советую — сгноят в нарядах, сошлют в ТуркВО (Туркестанский Военный Округ) и похоронят в Кызыл-Арвате или в Каршах. Замечательные местечки, одни названия уже ласкают слух.

Испытание на партийную профессиональную пригодность длилось целый год. А там опять куча собраний, политотдел училища и прочее. В случае, успешного прохождения всех вышеуказанных процедур, тебя принимали в монолитную семью коммунистов. Своего рода — типа мафии, но на государственном уровне. Очень похоже! С каждой зарплаты отчислялась доля в «общаг», для обеспечения достойного содержания вышестоящего аппарата. А это, уже другие деньги! Не те детские 2 копеечки в копилку ВЛКСМ, а много больше! Но, и членство в партии давало тебе возможность претендовать на престижную работу за границей, на внеочередное право поступления в академию, на более успешный и быстрый карьерный рост и т. д. и т. п.

А можно было вообще забросить тяжелую службу и монотонную работу, и посвятить себя полностью, и всего без остатка партийной работе. Двигаясь по прямым коридорам и уютным кабинетам горкомов, райкомов, обкомов и прочих «-комов», можно было получать за этот непыльный труд, зарплату,

превышающую денежное содержание обычного инженера, военнослужащего, учителя, врача и остального расходного материала. В разы!

К тому же, в эпоху тотального дефицита — от промышленных товаров до продуктов питания, комсомольско-партийные трудяги отоваривались в закрытых магазинах, получали весомые продуктовые наборы и возможность внеочередного приобретения автомобилей, телевизоров, дубленок и много еще чего, о чем обычные граждане нашей страны могли только мечтать. Именно, за такими колоссальными возможностями и скрытыми привилегиями, дружной и организованной толпой наши комсомольские вожаки, ломанулись в члены коммунистической партии на перегонки, расталкивая друг друга локтями, сбивая с ног конкурентов и вознося восхваления своим скудным достоинствам до заоблачных небес.

Их, естественно, быстренько и дружно рекомендовали куда следует. На комсомольских собраниях единогласно выдвинули куда надо, политотдел всех утвердил. Всем этим счастливчикам выдали серые книжки кандидатов в члены КПСС и все. Наступила тишина! Больше заявлений в партию не было! Месяц, два, три, полгода, ни одного! Политотдел напрягся.

Сверху грозно вопрошали о работе с подрастающим поколением, о его желании пополнить ряды активных строителей коммунизма, о числе кандидатов, о количестве заявлений, о проделанной работе по сбору партийных взносов. Где новобранцы?! Где очередь из желающих?! Кто деньги в «общаг» платить будет?! На какие «шиши» дачи строить и банкеты закатывать?! А?! Плохо работаете, товарищи! Выговора по партийной линии давно не получали?! Так это в раз обеспечить! А ну, усилить агитацию, ускорить работу! На дворе ускорение и перестройка, а у вас застой и болото! Немедленно, ликвидировать отставание по процентному соотношению идейных партийцев в комсомольском стаде. Даешь приток молодой крови, в строгом соответствии с последним решением, принятым естественно единогласно, на текущем пленуме. Вперед! Все на борьбу за молодежь! Проявите активность и настойчивость, политическую гибкость и дальновидность, чудеса убеждения и дипломатии, обложите ее красными флажками, натяните колючую проволоку, капканы расставьте наконец! Ату ее! Загоняй, загоняй! Фас! Хватай, а то уйдет!

И охота на молодежь началась. Однако нельзя сказать, что ее результаты были молниеносными или внушительными.

Все задушевные беседы с молодежью представителями политотдела или командованием обычно заканчивались ничем.

Курсант, который попадал в число потенциальных жертв, обычно сразу уходил в глубокую непробиваемую защиту. На словах, он выражал страстное желание заиметь красную книжицу члена КПСС и пополнить авангард прогрессивного человечества планеты Земля, но просил время для обдумывания такого эпохального и ответственного шага. Его выпускали на время. Парень лихорадочно метался, размышляя, как бы избавиться от неожиданно свалившегося на его голову такого счастья и нечаянной радости. Когда его повторно вызывали на более обстоятельную беседу, то он каялся в своих многочисленных грехах и тайных проступках, ссылался на скрытые от посторонних глаз негативные и постыдные качества свое характера, пытаясь мягко отказаться от такой незаслуженной чести. Бедолага называл себя «земляным червяком», недостойным носить высокое звание коммуниста, в тайне, надеясь дотянуть до 28 лет и самопроизвольно выйти из комсомола по возрастному ограничению.

Но, не тут то было, вырваться из цепких объятий партии было непросто. Как отвергнутая женщина, КПСС не прощала такого к себе отношения, и она жестоко мстила отказникам, не принявшим ее соблазнительного предложения.

Ребят методично задрачивали, корили, пеняли, гноили в нарядах, занижали оценки, особенно, по предметам, которые вела кафедра ППР — партийно-политической работы. Такие предметы, как Политическая экономика, История КПСС и прочая искусственно придуманная ерунда, радикально гробили успеваемость любого самого одаренного курсанта, осмелившегося отказаться от брачного союза с коммунистической партией.

А какие у ребят были распределения?! Мама родная! Где такие гарнизоны выискивали?! Уму непостижимо. Одни названия дорогого стоят — Могоча, Могдагача, Кокайты, Борзя, Домна, Мары, Кяхта, Хурба, Степь, Новая земля, Белая губа, Чирчик и прочие достойные места. Песня, а не названия! Наверное, их специально создавали, именно для воспитания и наказания строптивых молодых офицеров, которые решили прожить свою жизнь без фундаментального изучения многочисленных работ теоретиков марксизма-ленинизма. 54 толстенных тома работ В.И.Ленина чего только стоят. А ведь по замыслу старших товарищей, все эти тома надо было прочитать и законспектировать! Во, какое счастье! Тупо купить, хранить и таскать с одного места службы в другое, не прокатывало. К зачету принимался только рукописный вариант ленинского бреда, старательно переписанный в толстую общую тетрадь. Самые интересные и животрепещущие места надлежало подчеркнуть

цветными карандашами или фломастерами. И так, из года в год, без надежды на амнистию и снисхождение, до самого выхода на пенсию. Тихий восторг!

На примере отказников, эдаких политических диссидентов, компартия с доброй и ласковой улыбкой, но суровой и беспощадно карающей политикой, навязчиво и настойчиво приглашала курсантов в свои ряды. Постоянно и повсеместно создавала все условия, чтобы упирающиеся и сомневающиеся отроки неразумные, сделали неотвратимый и единственно правильный выбор.

На примере всяких неуважаемых в курсантских кругах Конфоркиных, КПСС давала понять, что будущее этого парня будет, просто шоколадное. В результате, Конфоркин стал круглым отличником и самым перспективным курсантом, в смысле распределения. В списках увольняемых из расположения части, он всегда был под № 1. Но, как ни странно, девушки на него, почему-то не западали. Не клевали и все тут, хоть вешайся! Значит, не все бабы дуры, и это откровенно радует!

Итак, не смотря на все титанические усилия партийной организации училища, процесс вербовки новых адептов шел очень вяло, тяжело и мучительно, со страшным скрипом и переломанными об колено судьбами ребят-отказников.

Добровольцев, решивших таким образом гарантировать себе приличное распределение на дальнейшее место службы, было совсем немного, и поэтому список заочно приговоренных постоянно расширялся. В него автоматически попадали все курсанты, кто более-менее прилично учился и не сидел на училищной гауптвахте, тоесть — не входил в число законченных «негодяев» и беспросветных «рецидивистов», а мог реально представлять потенциальный интерес для пополнения рядов КПСС. Положа руку на сердце, можно откровенно сказать, что гребли всех и каждого, у кого средний балл по успеваемости был выше 4,0.

Однажды, мне в руки попала занятная книжица, без обложки и первой сотни листов. Испытывая острый информационный и культурный голод, я с жадностью углубился в ее изучение и вскоре понял, что речь идет о любовных страстях вокруг обворожительно красивой графини де Монсоро. Эту книгу мне дали под «честное слово» всего на три дня. Учитывая, что у курсанта военного училища, катастрофически мало личного времени, я пытался читать ее везде и всюду, старательно скрывая книгу от шныряющих повсеместно офицеров и прочих отцов-командиров. Отберут ведь и безжалостно конфискуют, мракобесы!

Вечером, как всегда неожиданно, объявили о суперсрочном и архиважном незапланированном комсомольском собрании. Делать нечего, мы люди подневольные, собрание — так собрание.

Я занял свое привычное место на табуретке с номером 138, в центральном коридоре нашей казармы. Учитывая, что впереди меня сидел киевлянин Лелик, надежно спрятавшись за его широченную могучую спину, я углубился в занятные любовные хитросплетения благородных жителей Парижа.

— Саня! Вставай!

Дружеский удар локтем в область печени, вернул меня с похотливых улочек Парижа в реальную действительность — в нашу роту, в самый разгар комсомольского собрания. Быстро оглядевшись и, ничего не понимая, я решил, что кто-то из офицеров, сидящих в президиуме собрания, каким-то образом заметил мою отрешенность от активного участия в важных политических делах роты и решил подрюкать в воспитательных целях.

Желая спасти книгу от неминуемой экспроприации, я, медленно поднимаясь, сунул ее под табуретку. Распрямившись в полный рост и приготовившись убедительно и жалобно оправдываться в своем тяжком преступлении, с целью смягчения неминуемого и справедливого возмездия, я вдруг услышал зажигательную речь нашего комсомольского вожака и кандидата в члены КПСС курсанта Конфоркина.

— Итак, товарищи! Как я уже ранее докладывал, в комсомольскую организацию нашей 4-й роты, которая носит почетное звание «отличной», а тоесть мне лично, поступило заявление от курсанта Симонова с просьбой выдать ему рекомендацию для вступления в коммунистическую партию Советского Союза. Всем известно, что курсант Симонов, являясь круглым отличником, имеет ряд злостных нарушений в воинской дисциплине, и неоднократно наказывался содержанием на гауптвахте. Этот досадный факт в его биографии не делает ему чести, товарищи. Однако будем объективны, по ряду уважительных причин, курсанта Симонова всегда амнистировали и выпускали досрочно. Но, тем не менее, для кандидата в члены КПСС, подобные проступки недопустимы. Я надеюсь, что комсомолец Симонов сделает выводы и подтянет свою персональную дисциплину до образцового уровня. Учитывая, колоссальный потенциал курсанта Симонова и его высокие шансы закончить обучение с баллом 5,0. А также претендовать не только на красный диплом, но и занесение на Доску почета нашего краснознаменного училища, считаю возможным проявить великодушие и выдать комсомольцу Симонову, так сказать, наш

всеобщий мандат доверия, а так же положительную рекомендацию для вступления в кандидаты КПСС. Кто «за», прошу поднять руки?!

Я не успел рта раскрыть, чтобы попытать возразить: «Что я не подавал никаких заявлений, что Конфоркин занялся элементарным подлогом, фальсификацией и вообще, так — нечестно. В крайнем случае, я недостоин, мне еще рано, позвольте мне уйти в самоотвод». Но поздно, поднялся лес рук. И сияющий Конфоркин довольно и важно провозгласил.

— Единогласно?! Замечательно! Я и все руководство нашего батальона, а также командование училища выражает надежду, что глубоко обдуманное решение нашего с вами дорогого товарища Симонова, послужит достойным примером для остальных курсантов — для всех, кто еще не решился, открыто заявить о своем решении, вступить в КПСС. Комсомолец Симонов, поздравляю Вас, прошу садиться! После собрания, Вам надлежит незамедлительно подойти в канцелярию роты.

Опаньки, попал!!! Настроение было безнадежно испорчено, я опустился на свою табуретку, читать расхотелось. Собрание быстренько свернули, толпа ребят мгновенно рассосалась по своим делам. Перед тем как идти сдаваться в канцелярию, я накинулся на своих сослуживцев, осыпая их упреками.

— Вы что, совсем охулели?! Зачем проголосовали? Не могли пару негативных черт моего мерзопакостного характера озвучить, чтобы меня мягонько зарубить, дать мне возможность исправиться в будущем и вырасти над собой?!

Ребята дружно сделали округлые глаза, недоуменно переглянулись и все как один стали искренне извиняться.

— Сань, честно, мы не в курсах! Когда Конфоркин, тебя назвал, мы обалдели реально! Но решили, что ты созрел и хочешь в партию податься, чтобы красный диплом не срезали. Учишься ты идеально, спору нет, но ведь раздолбай законченный. А диплом надо спасать, ты его заслужил! Не только ведь мудаку Конфоркину на Доске почета висеть. Вот и проголосовали как надо — единогласно! Тебе же помогали.

— Как надо?! Ладно, я вам припомню, как надо?! Все, писец, лавочка закрывается, теперь будете экзамены сами сдавать! Своими силами! А мне теперь некогда! Надо всякую хренотень конспектировать!

Раздраженный таким неожиданным раскладом, я двинулся в канцелярию роты. Ребята остались в спальном помещении отделения, в спину я услышал их скупое: «Извини».

Я дерзко постучал в дверь и, не дожидаясь разрешения, вошел. В канцелярии восседал добродушный капитан Нахрен и

улыбающийся курсант Конфоркин. Не спрашивая разрешения, я сел на стул и глядя в глаза нашему комсомольскому активисту, с максимально возможной издевкой и сарказмом спросил.

— А скажи-ка мне, дружище Конфоркин, где мое заявление о приеме в партию? Я там в своей фамилии, две ошибки сделал, вместо «Симонов», нечаянно написал «Симоноff», хочу исправить. Дай, пожалуйста!

Конфоркин растерянно захлопал глазенками и вопросительно посмотрел на ротного. Тот громко захохотал и сразу же вступил в разговор.

— Ладно, проехали! Я оценил твой юмор. Кончай гоношиться, тебя рекомендовали и точка. Ты — отличник, все преподаватели тебя хвалят, уверенно идешь на доску почета, явных залетов нет. Образцовый курсант, за тобой люди потянутся. Все, вот тебе моя рекомендация. Вот рекомендация комбата полковника Серова. Сейчас Конфоркин допишет протокол собрания и выдаст тебе комсомольскую рекомендацию. Вот список литературы, что ты должен изучить. Послезавтра, идешь на заседание политсовета училища. Свободен!

Делать нечего, я встал и повернулся к двери. По пути к выходу, я бросил благодарный и многообещающий взгляд на съежившегося Конфоркина, который шустро строчил рекомендацию в партию. Цепляясь за последнюю соломинку, я обратился к Нахрену.

— А заявление?!

— Какое заявление?

— Мое заявление!

— Какое еще, в жопу, заявление?! В училище план по приему в партию горит! А он тут кочевряжится. Сам Серов тебе честь оказал, приметил, выбрал, рекомендовал. Гордись и цени! Тебе еще все завидовать станут! Ты не понимаешь своего счастья?! Вот бляха-муха, еще капризничает?! Партия тебе честь оказывает, головокружительную карьеру и обустроенное будущее предлагает. А он — дурачина, ерничает! Заявление?! В задницу засунь свое заявление! Скомкай и засунь, плашмя! У тебя уже все рекомендации есть! Не надо никакого заявления! Все! Пошел вон, готовься к беседе на послезавтра!

Я пулей вылетел из канцелярии. Эмоции переполняли меня. Ну, попал, так попал! Ладно, хрен с вами, пойду на принцип. Ну, не будет у меня красного диплома, несмертельно! Но, все свое свободное время, писать разную идеологическую мутотень, в которую сам не верю, я не желаю. Я, свою Родину люблю, и воевать за нее готов, хоть сейчас, и без всякого партийного билета. Тем более что такого подлога от чистокровных партийцев

училища, включая образцово принципиального Пиночета, я не ожидал. Вот хуль вам, по всей морде, не буду готовиться к беседе и все! Некогда мне, недосуг, гранит науки грызть надо, национальных кадров к экзаменам и зачетам готовить нужно. Кто им еще учебный материал разжует, лучше меня?!

Я и отличником стал, фактически, из-за подавляющего большинства национальных кадров в нашем классном отделении. В результате того, что я более или менее, адекватно понимал наших преподавателей, которые говорили на государственном русском языке. Затем, многократно пересказывая лекционный материал, до 20-ти раз и более, а для особенно одаренных ребят из Средней Азии и по 30-ть раз одно и тоже (адское терпение надо иметь, поверьте), я волей-неволей, усваивал предметы на железобетонную оценку 5 баллов. Запутать меня какими-либо каверзными вопросами было абсолютно нереально. В экзаменационной ведомости, напротив моей фамилии, почти всегда преподаватели делали приписку: «лучший ответ». Скорее всего, на фоне остальных ребят, носящих титул нац. кадров, получать отличные оценки было не очень сложно. Возможно и так. Но, тем не менее, я стал патологическим отличником, причем буквально, по воле случая и под воздействием, независящим от меня обстоятельствам.

Вернувшись в спальное помещение, я увидел группу ребят, ползающих по огромной электрической схеме топливомера-расходомера Ил-76, разложенной прямо на полу казармы. Парни ползали не совсем верно, и я включился в привычное для себя занятие. Общими усилиями, ребята, которые не понимали национальные языки друг друга и с большим трудом вникали в русскую речь, осознали замысловатую работу топливной системы самолета или тупо заучили, неважно. Главное, что они уверенно показывали все цепочки прохождения электрических сигналов, в зависимости от многочисленных режимов работы этой системы.

Вот, в таком незатейливом и монотонном режиме многократных повторений незаметно прошли два дня, и наступило послезавтра.

Володя Нахрен выловил меня на самостоятельной подготовке, приказал получать парадную форму одежды и двигать в штаб училища на заседание политсовета. Приказание получил, выполнил. Армия = дисциплина, свободы для маневра нет, ну или почти нет.

Заходя в просторное фойе штаба, я увидел группу парадно одетых курсантов, численностью человек 12–15, которые лихорадочно перелистывали свои конспекты и доставали друг друга различными умными вопросами по датам проведения

каких-то пленумов и съездов. Их психологическое и душевное состояние можно было однозначно классифицировать как неприкрытый ужас и паника на грани истерики.

Так как никаких конспектов по истории КПСС у меня никогда не было, а в голове — никаких знаний кроме тех, что нам вкачивали на лекциях и лабораторных занятиях, не наблюдалось, то я был абсолютно спокоен. Спрашивать меня по теории марксизма-ленинизма было бесполезно. Осознавая бесперспективность своего положения, я присел на подоконник и начал наблюдать за происходящим.

Из кабинета, где заседали строгие дяди из политсовета, в полубессознательном состоянии на подгибающихся ногах вышел курсант 3-й роты. Его лицо было белее мела, губы посинели, зубы отбивали звонкую морзянку. Все соискатели, находящиеся в фойе, бросились к нему. Я остался сидеть на подоконнике, но разговор услышал в полном объеме.

— Ну, как? Что спросили?

— Зверье! Почти час пытали. Спрашивали, на каком съезде партии был развенчан культ личности Сталина?!

— На двадцатом, конечно! А еще что?

— Про перестройку, про пленум 1985 года, про борьбу с пьянством и алкоголизмом. Много еще чего. Уф, отстрелялся! Приняли в кандидаты.

— Счастливчик! А нам еще все впереди. Кто следующий? Иди, я за тобой!

Вот так в течение многих часов медленно продвигалась эта очередь. За окном стемнело, я видел, как наша 4-я рота прошла мимо штаба в сторону столовой, на ужин. В животе предательски заурчало, я безнадежно пролетал с ужином как фанера над Парижем. Одна надежда, что ребята догадаются прихватить для меня порцию хлеба, сахара и масла, тем и перекушу.

Время в штабе училища ползло очень медленно, оно фактически остановилось, а я все сидел на подоконнике. Курсанты периодически по одному исчезали за тяжеленными монументальными дверями, облицованными блестящими латунными пластинами и появлялись оттуда измочаленными и изможденными. Всех пытали не по-детски. У кого-то скрупулезно смотрели конспекты и досконально проверяли объемы и качество законспектированных материалов, задавали вопросы об основах какого-то демократического централизма и единой партийной дисциплине.

Сидя в холле, перед дверью, я услышал много новых и незнакомых ранее слов мне из бюрократического лексикона. Запоминать их я не старался, ибо участь моя была предрешена.

Любой вопрос и в ответ — тишина. Далее, еще прозаичней — меня с позором изгоняют с заседания политсовета. Затем, вызывают на него всех несчастных, кто выдал мне рекомендации и начинается кровавая экзекуция.

Затем, по ее окончании, меня вызывает к себе Пиночет и образцово показательно порет. А потом, что останется от курсанта Симонова, зверски и с особым цинизмом изнасилует Нахрен. Конфоркин не в счет, я сам его знатно вздрючу, за такую жестокую подставу. А, ну еще в активе будет стандартный строгий выговор по комсомольской линии и очень увлекательное и беспросветное времяпровождение на тумбочке дневального, и естественно — распределение на дальнейшую службу в остродефицитное место, которое на карте страны просто не значится, в виду его микроскопического размера и фантастической удаленности от любого очага цивилизации. Вот, в принципе, и все. Такова неказистая курсантская се ля ва!

Мои тоскливо-пессимистические размышления прервал стук открывающейся двери, из кабинета выполз последний курсант и, зажимая разодранную в клочья задницу, он быстро удалился из штаба. На его безумном лице, блуждала глупая счастливая улыбка. Я в робкой надежде оглянулся по сторонам, выискивая еще кого-нибудь, способного оттянуть момент моего визита за тяжелую дверь. Увы! Никого.

Инстинктивно одернув китель, я открыл дверь и с храбростью обреченного вошел в кабинет. Прямо, напротив входа располагался длинный стол, покрытый красной материей, за которым восседало человек 10-ть. Среди них были политрабочие из политотдела училища и преподаватели, ведущие у меня занятия. Атмосфера в кабинете была тяжелой и угнетающе мрачной. Со стен на меня укоризненно смотрели портреты совершенно незнакомых мне бородатых и лысых мужиков, самым родным из которых, был дедушка Ленин, известный еще с детского сада. В воздухе висел густой табачный дым, на лицах сидящих за столом просматривалась беспросветная скука и усталость.

Переступив порог, я профессионально принял строевую стойку. Руки, свободные от конспектов, автоматически, по заученному до рвоты алгоритму, вытянулись по швам, идеально отглаженных брюк. Я образцово и молодцевато развернул плечи, оттопырил вперед подбородок и, громко щелкнув каблуками начищенных ботинок, четко представился.

— Курсант Симонов! 45-е классное отделение.

Все, присутствующие в помещении, посмотрели на меня. По их одобрительным и потеплевшим взглядам я понял, что офицеры

заметили на моем кителе знак «Отличник ВВС». Сидящий в центре стола угрюмый полковник подал голос.

— Вас там еще много?

— Никак нет, товарищ полковник, я последний!

— Вот и ладненько! Ну, вот что, отличник ВВС, а скажи-ка мне…

Ну, вот и все — начали за здравие, кончили за упокой! Я приготовился сразу честно расписаться в своем невежестве, как неожиданно для себя услышал реплики других офицеров, сидящих в кабинете.

Свое присутствие вдруг обозначил толстомордый политрабочий, регулярно приходящий к нам на комсомольские собрания, послушать замечательные и содержательные доклады наимудрейшего Сереги Филина.

— Аааааааа, 45-е, легендарное?! Знаю-знаю, образцовое отделение! Там у них очень сильный комсорг. Филин его фамилия. Я его давно на карандаш взял. Принципиальный парень, настоящий идейный комсомолец. А, кстати, он еще заявление в партию не писал? Ты скажи ему, любезный, что я с радостью напишу рекомендацию. Такие зубастые и преданные партийцы нам нужны. Достойная смена, так сказать!

«Ага! Серега тоже попался!», — злорадно подумал я. «Не одному же мне пропадать ни за что?!» В непроизвольную беседу включился мой преподаватель по пилотажно-навигационным комплексам.

— Симонов?! Хороший парень! Отличник! Тянет все отделение. Благодаря нему, успеваемость среди национальных кадров резко повысилась. Двоек практически нет. Молодец! Образцовый курсант! Толковый такой, идет на красный диплом! Возможно, даже на доску почета!

Я посчитал за благо скромно молчать, потупив в пол свои глаза, оставаясь в идеальной строевой стойке. Услышав такую лестную характеристику, загалдели и остальные члены совета.

— Да что его спрашивать?! И так все понятно! Рекомендует его полковник Серов, а эту личность вам никому представлять не надо. Вы все, его дотошность и принципиальность, хорошо знаете.

— Да, я тоже согласен, достойный парень! Да и поздно уже, давно домой пора!

Все члены политсовета дружно загалдели. Угрюмый полковник, сидевший в центре стола, почему-то не стал спорить и поставил вопрос на голосование.

— Кто за то, чтобы принять курсанта Симонова кандидатом в члены коммунистической партии, прошу голосовать. Единогласно?! Поздравляю! Готовься, конспектируй, расти над

собой, через год встретимся!

Я вышел из кабинета с таким чувством, что меня нагло обманули. Шутки шутками, но так, наверное, в партию принимать нельзя! Ведь таким образом, в ней — в партии этой, могут оказаться случайные и посторонние люди, вроде меня. Ну ладно, я! Я — человек безобидный и вполне приличный, временами даже порядочный. Но ведь, таким образом в КПСС всякие мерзавцы и прихлебатели поналезли. Беспринципные люди, которые ради своей персональной выгоды, любую самую прогрессивную идею испоганят, любую хорошую задумку до полного абсурда доведут. Что вероятно, в результате, с КПСС и произошло!

Вернувшись в роту, я разыскал Филина и обрадовал его скорыми перспективами по вступлению в ряды идейных коммунистов. На что, мудрая птица-Филин, вытаскивая из тумбочки сверток с нехитрой едой, прихваченной для меня с ужина, степенно и рассудительно ответил.

— Ну что же, значит планида такая. Каждый из нас временами во что-то вступаем. Кто-то ногой в дерьмо, а кто-то — в партию. Не бери в голову Саня, выкрутимся, чай не в первый раз. Покушай вот лучше, ребята в столовой собрали. А то не жрамши, на пустой желудок, спится плохо. Всякая дрянь может присниться — К.Маркс, к примеру, со своей бородатой женой Ф.Энгельсом. Лопатой не отмашешься. Ха-ха! Жуй-жуй, а я пока бульбулятор заправлю и водичку вскипячу, у меня банка сгущенки завалялась, сейчас какао заделаем. Парни! У кого-нибудь сало или печенье осталось?! Сашка на ужине не был, покормить парня надо.

Воистину, у Сергея был фантастический инстинкт выживания. Его феноменальная способность к мимикрии была безграничной. Вот, посади его в клетку с людоедами и к вечеру, он уже станет их уважаемым вождем или самым почитаемым и полоняемым богом! Без шуток.

Год моего нахождения в кандидатах, пролетел незаметно. Я, естественно, ничего не конспектировал из того умопомрачительного и безразмерного списка рекомендуемой литературы, что мне выдали для ознакомления и скрупулезного изучения. Я не прочитал ничего, что было связано с марксизмом и ленинизмом.

Когда пришло время, идти на политсовет, я опять тупо просидел на подоконнике в фойе, наблюдая за трясущимися от волнения курсантами, отчаянно перелистывающими свои толстенные тетради с речами вождей и протоколами совещаний, пленумов и всяких съездов.

Выбрав проверенную тактику, я снова остался последним в

очереди, предусмотрительно собрав у каждого курсанта, успешно прошедшего собеседование, его личные рабочие тетради, с клятвенным обещанием все вернуть в целости и сохранности. Таких тетрадей в 96 листов каждая, у меня скопилось порядка 7–8 штук. Не меньше. Солидная стопка, согласитесь?!

Подошла моя очередь сдаваться, и я вошел в кабинет с толстенной пачкой тетрадей в руках. Встав по стойке «смирно», я представился.

— Кандидат в члены Коммунистической Партии Советского Союза курсант Симонов, 45-е классное отделение!

Знакомые мне по прошлой встрече офицеры, сидели в том же составе и на тех же местах. Даже выражение их равнодушных лиц было абсолютно то же — глубоко одухотворенно скучающее! Как будто, 365 дней прошедшего года, пролетели мимо них. Ничего не изменилось. Вообще, ничего! Застой! Факт на лицо.

Увидев меня, угрюмый полковник задал один-единственный вопрос, на который я ответил абсолютно честно.

— Курсант Симонов! Что у тебя в тетрадях?

— Конспекты первоисточников, товарищ полковник!

О том, что это не мои конспекты, я скромно промолчал. А меня, в принципе, никто и не спросил. Зато, все члены политсовета наперебой затрещали.

— Во, видали?! Все заходили с одной тетрадкой. Ну, с двумя! А у этого, почти десяток! Обалдеть! Вот это ответственный подход к изучению великого теоретического наследства марксизма-ленинизма! Результат, прошу заметить, на лицо, очень плодотворно поработал кандидат.

— Чего тут говорить и так все ясно!

— Да, Симонов — известный отличник. Его отделение еще лучше стало учиться. Причем, все поголовно, включая самых дремучих и безнадежных нац. кадров. Старается парень, тянет, как паровоз! Более того, 45-е отделение вышло на второе место в батальоне, после легендарного 44-го. Уму непостижимо?! С таким количеством национальных кадров и на втором месте по успеваемости?! Молодцы!

В разговор влез и толстомордый политрабочий.

— Да, да, 45-е?! Знаю-знаю! У них очень сильный комсорг. Курсант Филин! Я ему рекомендацию давал. Помните, в кандидаты принимали?! Обстоятельный такой молодой человек, солидный. Скоро опять придет, хороший будет партиец. Достойная смена!

— Я тоже согласен! Все ясно, годится! К тому же, уже поздно, домой пора!

Угрюмый полковник, сидевший в центре стола, опять почему-

то не стал спорить и поставил вопрос на голосование.

— Кто за то, чтобы принять курсанта Симонова в члены партии, прошу голосовать. Единогласно?! Поздравляю!

Свершилось! Меня, фактически вопреки моей воли, приняли в коммунистическую партию без сучка и задоринки. И это, притом, что я не приложил к этому, не малейшего усилия — не прочитал и не законспектировал ни одной строчки из нетленных и гениальных работ великого теоретика Карла Маркса и его жены Фридриха Энгельса (как сказал мудрый Филин). А так же, их последователя — дедушки В.И.Ленина, его сподвижников и наследников-продолжателей, «перестройщиков», «ускоряльщиков» и прочих прихлебателей, приспособленцев партполитрабочих, которые опять собрались на очередной «внеочередной» пленум, симпозиум, банно-прачечную посиделку, заседание политбюро или съезд?! Кто их там разберет?!

Мне, например, недосуг всякие бредни выслушивать, изучать их с важным видом и конспектировать! Мне надо уму-разуму набираться, прилежно учиться военному делу и постигать науку побеждать. Чем, я в военном училище собственно и занимался, причем, очень старательно.

67. Боевая ничья

Со 2-го курса обучения началась занимательная программа по очень полезному предмету с названием «Войсковой ремонт». Если в двух словах, то на теоретических занятиях по данной дисциплине нам объясняли, как быстро привести летательный аппарат в исправное состояние подручными силами при полном отсутствии ремонтной базы, запасных частей и расходных материалов. А на практических занятиях, офицеры-преподаватели, которые на своем личном примере испытали все прелести участия в боевых действиях и локальных конфликтах, реально показывали, как из «ничего» можно сотворить «чего-то» и оно — это «чего-то» еще будет замечательно работать и отлично функционировать, имея при этом зачастую весьма неприглядный вид.

На примере различных чудес «Войскового ремонта», мы убедились, что страна наша богата различного рода доморощенными умельцами, Кулибиными, Левшами, ее так просто невыполнимой проблемой не испугаешь и на выдумку хитра. Главный принцип «Войскового ремонта» — глаза боятся, а руки делают!

Для повсеместного развития у курсантов способностей к нетривиальному мышлению, нам показывали различные способы применения в жизни общеизвестных изобретений. Нам рассказывали и на практике обязательно показывали их сильные и откровенно слабые стороны.

Например, мы с удивлением узнали, что одна-единственная капля сварки выдерживает нагрузку на разрыв до 1-й тонны, но очень боится ударов. Непостижимо, но сварной шов, после непродолжительной серии достаточно слабеньких ударов стандартного молотка, позорно трескается и непременно разваливается.

Оказывается, что металлический трос очень трудно перепилить ножовкой по металлу, так как полотно ножовки, перерезав несколько отдельных волокон и погрузившись в глубину троса, начинает тереться об них и в результате, трос в месте запила сильно бахромится и неизбежно закусывает само полотно ножовки. Чем создает реальную проблему для быстрой нарезки. В результате, целесообразно и гораздо удобней металлический трос рубить элементарным зубилом.

Для того чтобы просверлить стекло, надо полить его водой, а чтобы пробить металлическую пластину обычной швейной

иголкой, надо предварительно загнать эту самую иголку в кусок мыла. И так далее и тому подобное…

Правда стоит заметить — никто из наших мудрых преподавателей, даже и не догадывался, что курсантский ум, обогащенный этими, несомненно, полезными знаниями, обязательно будет искать для этих самых знаний именно такое применение, чтобы получить в первую очередь персональное или коллективное, но обязательно, эстетическое удовольствие. Тоесть, немного подшутить над ближним и беззлобно посмеяться вдоволь. А смех, как известно, обогащает кровь кислородом, активизирует процессы внутриклеточного метаболизма и продлевает жизнь. Поэтому, делайте соответствующие выводы.

Итак, однажды у нас получилось окно в бесконечной череде всевозможных лекций, а класс для вынужденного отстоя был определен в учебном корпусе, где проходили практические занятия по «Войсковому ремонту». Все курсанты нашего 45-го классного отделения организованно расселись в пустующей аудитории и занялись весьма насущными делами — чтение конспектов, написание писем на родину, преферанс, чтение книг, кратковременный здоровый сон и все такое. Все ребята были поголовно заняты решением накопившихся насущных проблем. Или почти все.

Витя Копыто изнемогая в муках нереализованного творчества — постоянного ощущения назойливого присутствия «фантомного» острого шила в районе свой худосочной жопы, страстно желал повторить незабываемый и нетленный подвиг Женьки Ящикова со сваренным воедино рублем и арматурой. (см. «Проверка на жадность») А также, одновременно горя мстительным порывом достойно отплатить за свое несанкционированное и прилюдно-позорное падение на задницу во время подготовки аттракциона «Проверка на жадность», отпросившись у сержанта Гнедовского в туалет, сам в это время, тайно умыкнул из раздевалки, шинель курсанта Ящикова.

Затем, гаденько улыбаясь и непроизвольно подхихикивая, он скоренько пробежался по стоящему рядом с учебным корпусом, ангару с расходными материалами для практических занятий по «Войсковому ремонту» и нашел подходящий кусок металлического троса. Вставив тросик в рукава Женькиной шинели и заведя их за спину, Витя соединил концы троса воедино. Затем, инкогнито проникнув в лабораторию, где шли практические занятия по сварке, используя все свое шепелявое красноречие и фантастическое обаяние, каким-то немыслимым образом убедил доверчивого мастера производственного обучения, пару раз ткнуть электродом электросварки по

соединенным вместе концам троса.

Тем не менее, уговорил. Мастер, вытирая слезы умиления от картины хаотично шевелящихся ушей Виктора, которые хлопали в разные стороны, не зависимо от желания своего хозяина, быстро сдался и выполнил несколько неожиданную прихоть курсанта Копыто.

В результате, трос был сварен в замкнутое кольцо, а само кольцо, напоминаю, было продето в рукава Женькиной шинели. Длинна тросика была такая, что его не было видно, а рукава шинели курсанта Ящикова просто ненавязчиво смыкались позади спинной части шинели на уровне хлястика.

Удовлетворенный качественно заготовленной гадостью на предстоящую перемену между учебными парами, Витя аккуратно повесил шинель Ящикова на вешалку и, как ни в чем не бывало, вернулся в класс. Его появление, как впрочем, и недолгое отсутствие никого не взволновало. Все занимались насущными делами и делишками.

Ехидно и многообещающе улыбаясь, Витя подсел к Женьке Ящикову, который в это время увлеченно возился с … ШИНЕЛЬЮ!!! Озадаченный увиденной картиной, Копыто подумал, что ошибся и случайно перепутав шинели, приготовил пакость не по тому адресу — не для Евгения Ящикова, а для абсолютно другого курсанта. Впрочем — ничего страшного, и так сойдет, был бы повод позубоскалить. Как говориться — на кого, Бог пошлет?! Но Женька, увидев подсевшего к нему Витьку, вдруг тоже широко улыбнулся во все свои 32 зуба — «а-ля-Голливуд» и с подкупающей искренностью зашептал.

— Тсссс, Витек. Видишь, Петровский спит?! Пока он сладкие сны смотрит, я его шинелку из раздевалки тихонько взял и рукава зашиваю.

Ящиков доверительно показал курсанту Копыто длинную черную нитку, вдетую в иголку.

— Представляешь, Люфт проснется, пойдет одеваться, а рукавчик то «того» — зашит! Всунет ручонки, а шинелку надеть и не сможет. Правда, здорово?!

Витька с плохо скрываемым злорадством посмотрел на Женьку. Наверное, в этот момент Копыто думал: «А все-таки классную я гадость для Ящика приготовил! Посмеемся над Петровским — это даже, кстати будет, а потом и над Ящиком все дружненько поглумимся! Как говориться — не рой другому яму!» и Витька задорно улыбнулся и утвердительно кивнул.

— Ага, здорово!

Курсант Ящиков в свою очередь тоже достаточно ласково посмотрел на Витьку и с подкупающей мольбой в голосе

обратился к нему с дружеской просьбой, почти одолжением.

— Слышь Витек, выручай! Я тут еще одну штукенцию придумал. Помнишь, наш ротный в тапочках по казарме ходит. Мы, как дураки, целый день в тяжеленных сапожищах ноги топчем, а он — пижон, эстет недоделанный, по казарме в домашних тапочках рассекает. Несправедливо это. В столярке гвозди валяются, хочу пару «соток» прихватить, а учебная пара скоро закончится и нам в другой корпус топать, не успеваю я.

— А зачем тебе гвозди?

— Ты что не понял?! Хочу канцелярию ротного тихонько вскрыть и тапочки Нахрена к полу приколотить. Вот будет здорово. Как думаешь?! Давай дружище, подмени меня и пошей пока шинелку Петровского, а я тем временем в столярку смотаюсь. А?! Один рукав, я уже зашил, еще один остался.

Витя, предчувствуя скорый и заслуженный глум над Женькой, решил не мелочиться, и гаденько подхихикивая, взялся продолжить начатое Ящиковым «черное дело». Тем более что курсант Петровский крепко спал с полуоткрытым ртом и, тоненькая струйка липкой слюны стекала из уголка его рта прямо на зимнюю шапку, используемую Люфтом вместо импровизированной подушки. Опасность немедленного разоблачения непосредственного участия Копыто в предстоящей «веселухе» с шинелью Петровского была минимальна. Да и действительно то, что капитан Нахрен шарахается по казарме в домашних тряпочных тапочках, тоже — как-то не дело. Можно бы и наказать олуха.

В результате, Витя Копыто принялся с невиданным до сего момента энтузиазмом зашивать рукав шинели. А тем временем, Женька побежал за гвоздями в столярку. Пока Ящиков отсутствовал, Витя успел зашить второй рукав шинели и даже пройтись по второму разу на первом рукаве. Он старательно вязал узлы на узлах, живописно представляя, как глупо будет выглядеть курсант Петровский, просовывая руки в зашитые наглухо рукава своей шинели.

Время неумолимо близилось к перемене, Ящиков вернулся буквально за 5-ть минут до окончания учебной пары. Победно продемонстрировав два мощных гвоздя своему соучастнику по заговору Витьке Копыто, он тихо спросил.

— Ну как?! Зашил?!

— Да, все успел. Аж, в два слоя прошелся.

— Крепко?!

— Зае**тся распускать, узел на узле!

— Вот и чудненько, давай отнесу шинелку на вешалку, пока спящая царевна — Петровский не проснулся. А то наваляет нам

обоим — мало не покажется. Какой же я все-таки Гений, а Витек?!

Улыбающийся и довольный Женька схватил шинелку и задорно подмигнув полному самых радужных предчувствий и сияющему, как 100-ваттовая лампочка Копыто, убежал в коридор.

Не успел он скрыться за дверью, как резко зазвенел звонок, оповещающий об окончании очередной учебной пары. Ребята стали шустро собираться, чтобы, не теряя времени быстренько одеться и перейти в другой учебный корпус на занятия по приборному оборудованию самолета. Курсант Петровский проснулся разбуженный весьма неприятной трелью навязчивого звонка и сладко потянулся. Он подтянул отвисшую челюсть, вытер слюну, нехотя расправил смятую шапку и, многократно позевывая, ленивой походкой двинулся вслед за ребятами в раздевалку за верхней одеждой.

В раздевалке, все парни разобрали свои шинелки и неспешно одевались. Витя Копыто, в предвкушении скорой развязки, снял с вешалки свою шинель и, не спуская хитрющих глаз с Петровского, приготовился принять самое активное участие в неумолимо приближающейся коллективной «ржачке». Он, уже загодя растянул свои пухлые губы в гнусной улыбочке но, через мгновение удивленно выпучил глаза и скорчил возмущенную рожицу, так как происходило что-то непонятное и непредвиденное. А именно.

Заспанный Петровский, с идеально отпечатавшейся на его левой щеке звездой с кокарды зимний шапки, абсолютно спокойно и беспрепятственно надел свою родную шинелку, свободно просунув руки в широкие рукава. Затем он надел шапку со следами недавней слюны на серо-голубом мехе и вытащив из недр многострадальной шапки мятую вдрызг сигарету с надломанным фильтром, вышел на улицу покурить в ожидании остальных ребят, на ходу застегивая поясной ремень.

Ничего непонимающий и обманувшийся в своих надеждах Витя Копыто, обиженно надул губы и сунул руки в рукава своей шинели. Ага! Приехали. Пальцы сразу же уткнулись в непреодолимое препятствие в виде прочных двойных швов. «Во, дурак!», — пронеслось в голове у курсанта Копыто. «Значит, этот пройдоха Ящиков, наколов меня, как маленького «писюневича», заставил зашивать рукава у своей же собственной шинелки. Твою мать… и как же я на личное клеймо не взглянул, дубина дубовая?! Писец!»

— 1:0!

Весело рявкнул под общий смех Женька Ящиков и начал быстро натягивать свою шинелку, да так и замер в неестественной позе с отведенными назад руками. Засунув

одновременно обе руки в рукава шинели, он так и остался, беспомощно стоять в промежуточном положении, старательно дергаясь всем телом в тщетной попытке сбросить «застрявшую» шинель на пол.

— 1:1!

Угрюмо промолвил Копыто и побежал по учебным классам, искать у ребят из других отделений какие-нибудь ножницы или перочинный ножик, чтобы распороть собственноручно навязанные узлы.

Следом за ним бежал Женька Ящиков, но с другой целью. Он бежал в учебную мастерскую, чтобы срочно найти молоток и зубило с целью перебить металлический тросик, так как перепиливать стальной трос ножовкой по металлу, как мы все знаем из мудрого курса по «Войсковому ремонту», очень долго и неэффективно, а перемена между учебными занятиями далеко не безразмерна. И получить внеочередной наряд за опоздание на лекцию, ой как не хочется…

68. Проверка на жадность (невинная шалость)

Все курсант сидят тише воды и ниже травы — идет занятие по «Войсковому ремонту». Преподаватель, испытавший на себе все прелести ведения боевых действий в Афганистане, абсолютно спокойно делится с нами своим богатым личным опытом по восстановлению боевой техники в условия катастрофической нехватки запасных частей, полного отсутствия расходных материалов, дефицита квалифицированных специалистов и зачастую — просто под огнем противника. Тоесть, все виды ремонта потрепанной в боях техники, проходят с постоянным применением характерной русской смекалки, находчивости, изобретательности и с широкомасштабным использованием всевозможных подручных средств, включая крепкое матерное слово.

Ранопоседевший майор говорит четко, размеренно и вкрадчиво, с необходимыми паузами, чтобы нужная информация обязательно осела и закрепилась в наших ветреных головушках. Его речь хорошо поставлена, и каждое слово имеет свой глубокий смысл и осязаемый вес.

Сразу видно, что человек знает, о чем говорит. Он ведет занятие без лишнего пафоса, без «высоких слов», опуская ненужную шелуху, дает только самое необходимое и полезное, подкрепляя свои слова конкретными случаями из личного опыта и реальной жизни. Все ребята сидят на занятиях седого майора с оттопыренными ушами, широкораскрытыми глазами, полуоткрытыми ртами, жадно ловя каждое слово авторитетного офицера.

Преподаватель в течение лекции иногда переходит на уменьшительно ласкательные обороты, но нас это совершенно не задевает и не обижает, ибо этот майор воспринимается как отец родной — суровый и строгий, но справедливый и добрый. А впрочем, действительно, по своему возрасту, седой офицер в самый раз в отцы нам и годится.

— Так вот, дорогие мои детишечки, обратите ваше пристальное внимание на этот сварочный аппарат. На суд вашему заспанному взору выносится настоящее чудо техники. Имея небольшие массово-габаритные характеристики, этот компактный прибор является незаменимым помощником при осуществлении ремонта в полевых условиях любой степени сложности. В ваше

полное распоряжение поступают уникальные возможности электродуговой сварки разнородных материалов в газовой среде. За основу для этого чуда взято гениальное изобретение великого русского ученого Николая Гавриловича Славянова. Так вот, данный аппарат быстро и качественно соединит в единое целое отдельные конструкции, изготовленные из различных металлов. И что немаловажно — очень крепко. Например — высокоуглеродистую сталь и легированную, алюминий и железо, серебро и золото, и так далее. В музее города Нью-Йорка лежит образец, сваренный русским инженером Славяновым из 7-ми различных металлов, которые по-определению вместе не варятся. Но этот замечательный аппарат позволяет делать подобные фокусы. В качестве чудотворной силы выступает плазма, которая образуется на кончиках электродов — великая сила, этакий суперклей для любых металлов, одним словом. Не впечатляет?! Ну, тогда сейчас перейдем к практической части занятия и, наш уважаемый мастер производственного обучения Анатолий Владимирович чего-нибудь сварит на этом замечательном и абсолютно уникальном в своем роде аппарате. Прошу всех встать поближе и надеть защитные очки.

Пока мастер настраивал прибор, курсанта Ящикова посетила очередная гениальная мысль. Впрочем, все мысли, которые посещали Евгения Ящикова, были, бесспорно, гениальны. Он быстро метнулся к стеллажу с обрезками арматуры и вытащил оттуда штырь длинной сантиметров в 30-ть. Затем, растолкав всех ребят, столпившихся у рабочего стола с аппаратом, приблизился к Анатолию Владимировичу и обратился к нему с неожиданной просьбой.

— Товарищ мастер, а можно, мы сами выберем, что именно надо сварить?

Мастер вопросительно посмотрел на преподавателя. Тот незаметно утвердительно кивнул и вступил в разговор.

— Я думаю, что для такого профессионала как Анатолий Владимирович, все равно, что варить, только надеюсь, это будет не золото и не платина. А то немного дороговато получится! Тем более что часть металла при этом виде сварки обязательно испаряется в безвозвратные потери.

Жека Ящиков отрицательно замотал головой и протянул обрезок ржавой арматуры. Майор посмотрел на нее и одобрительно сказал.

— Годиться. Простенький, но в целом хороший выбор. А что еще?

Женька вытянул вперед сжатую в кулак руку и разжал пальцы. Все ребята, хорошо зная нашего «ЕвГения», из чувства

праздного любопытства, подались вперед и увидели лежащий на ладони курсанта Ящикова, обычный металлический рубль с изображением профиля незабвенного В.И.Ленина.

Несколько удивленный майор взял рубль, задумчиво повертел его в руке, ловко перебирая пальцами, внимательно осмотрел монету со всех сторон, улыбнулся и обратился к Женьке.

— Оригинальный выбор! Тебе не жалко?! Ведь для курсанта, это целое состояние. В буфете можно 9-ть шпандориков купить или 10-ть стаканов компота?! А можно 5-ть шпандориков и 6-ть компотов или… комбинаций достаточно много, согласись?!

— Жалко конечно, но где еще такое чудо увидишь. Тем более, я хочу этот рубль домой забрать. Как сувенир! А то в каком-то там занюханном Нью-Йорке есть образец сплава из 7-ми металлов великого русского сварщика Н.Г.Славянова, а у меня дома в Воронеже нет, это несправедливо. Я эту штуковину в наш школьный музей сдам. Вот поеду в зимний отпуск и сдам.

— Ну что же, твое право. Анатолий Владимирович, прошу Вас, покажите школярам настоящий класс работы.

Преподаватель убежденный искренней речью и благородным порывом курсанта пополнить экспонаты школьного музея, передал рубль в руки мастера. Тот тщательно зачистил конец арматуры от ржавчины, окалины и грязи и начал примерять свариваемые образцы друг к другу. Тут опять влез Женька Ящиков.

— Только, товарищ мастер, пожалуйста, сделайте так… ну как большой гвоздь. Да-да, типа гвоздя! А шляпкой этого гвоздя пусть будет монета. И чтобы профиль Ленина был обязательно на внешнюю сторону. Ладно?!

Мастер с улыбкой посмотрел на суетящегося рядом курсанта Ящикова, пренебрежительно чмыхнул и сказал.

— Ладно, сделаем. Как говориться — любой каприз за Ваши деньги.

После занятий, наше 45-е классное отделение вернулось в расположение роты. Как полагается — в положенное время сходили на обед и в соответствии с распорядком дня, отправились на самоподготовку, делать уроки и готовиться к занятиям на завтрашний день.

В учебной аудитории, Женька гордо вертел свой гигантский гвоздь с рублем вместо шляпки, на торце которого находился профиль вождя мирового пролетариата и при этом загадочно улыбался каким-то своим тайным мыслям.

Витя Копыто взял у курсанта Ящикова импровизированный гвоздь. Он неодобрительно поглядывал на испорченный рубль и,

переводя его стоимость на несъеденные нами продукты питания, завел следующий разговор, одновременно хаотично размахивая над головой внушительной металлической конструкцией как импровизированной дубинкой.

— Дурак ты Женька! Ей-ей, дурак! А еще Евгений, евГений! Гений, но недоделанный, местами — тупой как мой штык-нож. Бездумно и расточительно испоганил целый рубль и вместе с ним, кучу вкусных и полезных для курсантского организма харчей перевел, которые на него купить можно было. Ну, зачем тебе эта бесполезная еболда?! И чего вот с ней делать?! Ну, спину почесать удобно, это да, не спорю и все?! Ну, еще пятку почухать можно не снимая сапог! Это можно, не спорю. Ну, еще в задницу тебе засунуть, тоже можно, причем рублем вперед, чтобы в мозгах фосфора прибавилось, а то совсем странный стал, деньги переводить на всякие идиотские опыты додумался. Дурачина ты Женька, дубина дубовая, вот. Лучше бы меня в «чепок» (буфет, чайная) сводил и шпандориком угостил.

Женька Ящиков лукаво и одновременно снисходительно посмотрел на Копыто и отобрал у него импровизированный гвоздь. Затем он слазил в свою планшетку и вытащил из нее тяжелый молоток. Витя Копыто увидев молоток, на всякий случай предусмотрительно попятился назад подальше от непредсказуемого в последнее время и, особенно в сегодняшний день курсанта Ящикова. А улыбающийся Женька Ящиков, легко поигрывая увесистым молотком, ласково произнес.

— Вот посмотри, дурилка картонная, молоточек видишь?!

Курсант Копыто сразу нахмурился и отодвинулся еще на шаг назад, удаляясь от Женьки Ящикова на более безопасное расстояние.

— Ну?! И что?!

— А то! Ты в кино или в цирк, зачем ходишь?!

Витя от неожиданности вопроса и связанного с ним полного недоумения выпал в осадок. Разговор принимал непонятное для его прямолинейного как взлетно-посадочная полоса, разума, развитие и Копыто начал явно и заметно подтормаживать, пытаясь судорожно соединить воедино такие понятия, как кино, цирк, молоток, рубль и продукты питания — компот и замешанные на сметане шпандорики.

— Не понял, а причем тут кино или цирк.

— Витя, я понимаю, что ты не блещешь логикой и сообразительность — это не самая твоя сильная сторона, поэтому начинаем сначала. Для тех, кто не обезображен интеллектом и имеет лобовую кость толще 6-ти сантиметров, дубль два — ты в цирк когда-нибудь ходил?

— Нуууууу…. ходил.

— Ура, процесс пошел! Витя, тебе в цирке понравилось?

— Очень!

— А что больше всего понравилось?

Копыто старательно ворочал своими немногочисленными извилинами девственно чистого мозга, пытаясь уловить суть вопросов, скрип в аудитории стоял страшный. Все ребята с нескрываемым интересом стали прислушиваться к занимательной беседе двух общепризнанных интеллектуалов.

— Ну, эти… как их там… клоуны всякие, во!

— Так, замечательно, это уже радует. Витек, ты оказывается далеко небезнадежен. Так вот, ты денежку за право посмотреть на клоунов в цирковую кассу платил?

— Платил, конечно платил. А кто же меня в цирк без билета впустит?! Но молоток то зачем?!

— Для того чтобы… врубить по башке твоей бестолковой, прямо промеж выпученных глаз! УУУууууу!

Витя инстинктивно отшатнулся от курсанта Ящикова, который скорчил страшную рожу и замахнулся молотком. В результате, Копыто с перепугу запутался в своих же кривых ногах, зацепился одним сапогом за другой и, потеряв шаткое равновесие, загремев костлявым задом, плюхнулся на пол. Ребята дружно засмеялись, а Женька Ящиков довольный произведенным эффектом, снисходительно продолжил.

— Ладно, не надо ссаться в галифе, шутю я, тоесть — шучу! Шутки шуткую, понятно?! Так вот, дорогой ты мой Витенька, молоточек мне нужен, чтобы заколотить этот самый рубль в матушку сырую землю, аж по самое «немогу». А все для того, чтобы для всех вас, включая тебя — дурака беспросветного из сраного и дремучего Пилопедрищенска, цирк бесплатный устроить! Понял?! И не падай на задницу, защитничек Родины, а то яйца об пол отобьешь, девчонки любить не будут.

— Нет, я не понял. А зачем рубль в землю забивать?! А?!

— Витя, прости меня, я слишком хорошо о тебе подумал, ты действительно безнадежен. Слушай сюда, Копыто тупорылое. Короче, после самоподготовки нас отправят на уборку территории. Так?! А территория наша где?

Копыто совсем затупил окончательно и потерял всякую возможность к мыслительному процессу.

— Где?

— В Караганде, Витенька, в далекой Караганде, твою мать, прости меня грешного и дай мне силы удержаться от рукоприкладства, ибо посещает меня непреодолимое искушение, прибить на месте это тупое создание! Блин, Витя, пригласи меня

скорее к себе в гости, пожалуйста, в славный город Пилопедрищенск. Так хочется своими глазами на заповедник непуганых идиотов посмотреть. Короче, Витенька, рядом с контрольно пропускным пунктом — КПП тоесть, находится территория, закрепленная за нашим классным отделением, конечно же, именно там и нигде иначе! Слушай Копыто, я начинаю подозревать, что при прохождении медкомиссии, ты скрыл от врачей тот неоспоримый факт, что учился в интернате для слабоумных. Или в Пилопедрищенске эти школы считаются вполне нормальными и вменяемыми?! Мамочка родная, а кто же тогда у вас в …

— Сам ты…

— Ладно, кергуду, шутка, проехали. Короче, выходим мы за КПП, кто-нибудь из ребят стоит на шухере, кто-нибудь отвлекает наряд по КПП, а мы — быстренько заколачиваем этот маленький гвоздик в асфальт, шляпкой естественно наружу и аттракцион «Проверка на жадность» в действии. Конец рабочего дня, все офицеры активно топают домой, а тут целый рубль лежит на дороге. Копыто, ты наклонишься за рубликом? А?! Новенький, блестящий, лежит себе сиротливенько так, …, наклонишься?!

— Конечно же, наклонюсь, рубль же целый — не копейка какая, столько шпандориков купить можно, компота…

— Стоп, Витя, я понял, не развивай идею продуктов питания. Витя, как же ты предсказуем?! Все сведешь к жрачке, троглодит Пилопедрищенский. Так вот и другие тоже наклоняться, слаб человек по своей сущности и весьма жаден, а 30-ть сантиметров арматуры, забитой в асфальт — это, я вам скажу, сила. Рублик наш поднять и в кармане своем спрятать, никто из потенциальных фигурантов аттракциона и не сможет! Опять же по причине той же слабости, но уже — физической. Силенок не хватит, пупок развяжется, и задница на Британский флаг порвется от перенапряжения! А мы в это время, будем территорию подметать и одновременно, к тому же совершенно бесплатно над нашими дорогими офицерами посмеиваться, заодно и на жадность каждого из них проверим. Ву-а-ля! Ну, как идея?! Согласитесь, что я — как всегда гениален! И не стоит мной восхищаться и восторгаться, вы же знаете, что скромность и застенчивость — это мои самые любимые и яркие качества!

До нас, наконец, дошла воистину гениальная идея Женьки Ящикова пожертвовавшего целый рубль, чтобы поднять нам настроение и устроить бесплатный цирк. Мы бурно зааплодировали, выражая свой восторг и бросились дружно качать нашего дорогого раздолбая, предвкушая веселую развлекуху и с нетерпением стали ждать окончание

самоподготовки.

После самоподготовки, мы целым классным отделением в едином трудовом порыве вышли на уборку закрепленной территории. Подготовка к аттракциону «Проверка на жадность» прошла без сучка и задоринки. Выбрав безлюдное время и заговорив зубы курсанту-первокурснику, стоявшему на воротах КПП, мы отвлекли его внимание. В это самое время, несколькими мощными ударами, могучий киевлянин Лелик загнал импровизированный гвоздь в асфальт по самую шляпку почти непосредственно у самой калитки — в пару метрах за пределами охраняемой территории училища. Успешно завершив подготовительную операцию, мы мгновенно разошлись по своей закрепленной территории и стали имитировать активную трудовую деятельность. Кто-то старательно подметал автостоянку, кто-то выщипывал пожелтевшую траву на газоне возле памятника самолету МИГ-21, кто-то подбирал листву, опавшую с плакучих ив. Но в тоже время, все ребята зорко поглядывали на то место, где на сером асфальте пешеходной дорожки заманчиво и призывно, поблескивал рубль с профилем В.И.Ленина на поверхности, обращенной к безоблачному вечернему небу и красивому закатному солнцу.

Первой жертвой своей алчности оказался дневальный по КПП — курсант первого курса, которому еще совсем недавно успешно заговаривал зубы наш сержант Валера Гнедовский. Стоя на калитке, скучающий первокурсник заметил лежащий на тротуаре бесхозный рубль. Курсантик, не поверив своему счастью, жадно облизнул свои пересохшие губы и сразу же бросил пост. Он быстренько подошел к своей находке, воровато оглянулся на наших ребят, которые равнодушно работали рядом, присел… Цап-цап-цап! А результата ноль! Рубль оказался неподъемным.

Попытка номер два. Цап-цап! Цап-цап! Результат тот же. Парень бы еще долго и безуспешно царапал в алчном азарте своими ногтями по асфальту, но тут вдалеке показалась одинокая фигура офицера, и дневальный «минус» быстро, но нехотя вернулся на свое законное место у ворот КПП, все же не оставляя надежды заполучить в личную собственность желанную денежку.

Стоит заметить, что в этот момент, все курсанты 45-го классного отделения тихо давились от смеха, наблюдая за тщетными попытками упрямого первокурсника обогатиться на 1 рубль.

Но вот на горизонте появился капитан Бакланов с учебного аэродрома, он явно спешил домой, походка его было соответственно очень энергичной и торопливой. Мы с интересом наблюдали за приближением нашего инструктора, гадая про себя:

«заметить, не заметит»?!

Вот капитан поравнялся с дневальным по КПП и, предъявив пропуск, приветливо кивнул ему. Бакланов пересек линию КПП, еще два торопливых шага и он заметил ничейную денежку, мирно лежащую на асфальте. Движения капитана Бакланова заметно изменились, на лице промелькнула довольная улыбка. Все парни нашего 45-го отделения опять прекратили имитировать уборку территории и замерли в азартном предвкушении второго акта бесплатной комедии.

Предчувствия нас не обману, капитан Бакланов попался на приманку… Замедление темпа, энергичный наклон, цап-царап… и ступор! Мы дружно прыснули в кулаки, обиженный капитан недоуменно оглянулся по сторонам. Все курсанты нашего отделения закатили «глаза под образа», сдерживая приступы гомерического ржания и, усиленно делали вид, что наводим идеальный порядок на территории, прилегающей непосредственно к КПП.

Капитан остановился и озадаченно сдвинул фуражку на затылок. Он вернулся к рублю, мимо которого проскочил на внушительной скорости, очевидно пытаясь поднять его с ходу. Офицер задумчиво почесал оттопыренный вперед подбородок и попытался поддеть упрямую монету носком форменного ботинка. Рубль даже не пошевелился и продолжал гордо возлежать на том же месте, призывно поблескивая бородатым ликом вождя мирового пролетариата.

Курсант-первокурсник, стоящий на воротах КПП тоскливо вздохнул, понимая, что его надежда на неожиданное богатство только что безнадежно растаяла. А капитан Бакланов и не думал сдаваться, он присел на корточки и начал энергично хватать непослушный рубль пальцами двух рук, тщетно пытаясь оторвать его от поверхности асфальта.

Рубль держался очень достойно. Он даже не шелохнулся. Тогда раззадоренный капитан вытащил из бокового кармана кителя расческу. Злорадно ухмыльнувшись в предчувствии скорой победы, он попытался поддеть упрямую монету краем расчески, но почти мгновенно сломал несколько зубчиков. Раздосадованный неудачей Бакланов посмотрел на сломанную расческу и обиженно чертыхнулся, затем резким движением доломал оставшиеся зубья расчески и раздраженно запустил ее остатки в ближайшие кусты.

2:0, победа оставалась за рублем! Женька Ящиков победно ликовал, он принял гордую позу рядом с пьедесталом МИГ-21. Незаметно для капитана Бакланова и дневального по КПП, он безмолвными жестами, призывал нас к бурным аплодисментам в

его честь. Евгешка бессовестно кривлялся, комично передразнивая все бесполезные действия капитана. Мы же беззвучно загибались от смеха. Бесплатное цирковое представление набирало обороты.

Курсантик у ворот КПП, видя неудачные маневры офицера, тоже злорадно улыбнулся, ибо расставаться с этим рублем ему явно не хотелось. Похоже, что у парня были свои грандиозные планы на эту монету. Поэтому в данный момент, дневальный по КПП азартно болел за чеканный рубль Монетного двора Советского Союза, невинно лежащий на тротуаре.

Тем временем, уязвленный капитан опять присел на корточки и с нескрываемой ненавистью посмотрел на гордую монету, затем разогнулся, достал пачку сигарет и нервно закурил. Он чего-то явно не понимал. Снова взяться за упрямый рубль ему помешала группа офицеров, которая неторопливо приближалась к КПП. Капитан быстро отошел в сторону от монеты и старательно сделал вид, что просто бесцельно прогуливается рядом с забором родного училища ВВС. Он уже никуда не спешил. Его можно было понять. Тут уже было дело принципа — кто победит?! Или рубль или он?! Капитан Бакланов азартно поглядывал в сторону монеты с изображением В.И.Ленина, равнодушно лежащей на тротуаре.

Большая группа старших офицеров — от майора и выше, пересекла линию КПП, оживленно беседуя. Преподаватели шли, горячо обсуждая какую-то научную проблему и, уже почти прошли нашу ловушку с монетой, к великому облегчению нервно курящего капитана и затаившего дыхание курсанта, стоящего на воротах КПП, как вдруг один из офицеров запнулся на ровном месте за некое препятствие, лежащее на дороге. Подполковник Гусаков с 32-й кафедры автоматики оглянулся, чтобы разглядеть, обо что именно он зацепился рантом своего ботинка и увидел задорный блеск ничейного рубля, который абсолютно мирно возлежал на асфальте и спокойно ждал, когда его приютит в своем кошельке новый рачительный хозяин.

Подполковник немного отстал от своих собеседников и попытался поднять денежку. Ага! Не тут то было! 3:0, в пользу рубля! Озадаченный неудачей подполковник повторил попытку и, потерпев очередную неудачу, окликнул своих спутников. Те вернулись и, посмотрев под ноги, активно подключились к процессу зарабатывания халявных денег.

Но рубль не сдавался! Он вообще вел себя очень достойно! Его пытались подковырнуть ключами от квартиры и от машины, зажигалкой и лезвием перочинного ножика. Наш рубль был на высоте! Он не поддался даже на уговоры приличной отвертки, которую специально ради такого «Ленинского» упрямца, принес с

автостоянки один из офицеров, чей автомобиль «Жигули ВАЗ-2107» находился поблизости. Рубль с ликом Владимира Ильича Ленина на внешней стороне монеты держался настоящим молодцом, как истинный несгибаемый революционный борец с человеческой алчностью и любым проявлением мелкобуржуазной частнособственнической сущности в рядах офицеров Вооруженных сил Советского Союза.

Время шло, и начался «час пик» — офицеры и служащие, нескончаемым потоком хлынули через КПП училища и сразу же останавливались у многочисленной толпы офицеров и прапорщиков, желающих покорить неподъемную монету.

Счет уже пошел: «Десятки: ноль» в пользу рубля. Самое смешное, что все люди, кто попробовал свои силы на непреклонном рубле, уже не спешили домой. Они отходили в сторону, закуривали и с интересом наблюдали, как новые жертвы попадутся в капкан собственной жадности. У ворот контрольно-пропускного пункта толпилось несколько десятков офицеров и прапорщиков, а так же многочисленная часть гражданского персонала, желающих дождаться логического завершения в развязке этой комичной ситуации. Многие остались стоять чисто из любопытства.

Мы — курсанты 45-го классного отделения, устав смеяться до кишечных коликов, тоже с интересом посматривали на вновь приближающиеся группы сотрудников училища, которые поочередно пробовали поднять с земли непослушный рубль.

И все было бы замечательно, но вот к КПП подошел седой майор, читавший нам сегодня лекцию по «Войсковому ремонту» и мастер Анатолий Владимирович, сваривший этот самый рубль с куском арматуры в единое целое. Это был конец! Наше разоблачение было неминуемо! Посмотрев на все это безобразие и переговорив с несколькими группами праздношатающихся офицеров, майор пересекся глазами с заметно побледневшим Женькой Ящиковым, укоризненно покачал головой, затем широко улыбнулся и, продолжив прерванную беседу с мастером производственного обучения, спокойно двинулся в сторону дома. Курсант Ящиков заметно порозовел и тайно перекрестился. Седой преподаватель и старый мастер производственного обучения проявили свое великодушие и показали наличие здорового чувства юмора, чем заслужили еще большее уважение в наших глазах.

С уходом двух самых опасных для Женьки Ящикова фигурантов, угроза нашего немедленного разоблачения благополучно миновала и, бесплатный цирк продолжился. В этот момент, от штаба училища отделились внушительные фигуры

солидного и важного заместителя начальника училища по политической части полковника Боргударова и заместителя генерала по хозяйственной части авторитетного полковника Волченко. Дело принимало все более интересный, но — уже очень опасный оборот.

К линии КПП приближались два весьма объемных и весомых тела, которые не преминули заметить оживленное столпотворение у ворот училища в нерабочее время. Опросив «местное население» о причине их нахождения в неурочный час возле забора училища и получив откровенные и весьма исчерпывающие ответы, два солидных полковника кряхтя и проклиная свои внушительные животы, склонились над непокорным и свободолюбивым рублем. Досконально изучив диспозицию противника, лично проверив его морально-политические качества и стойкое желание обороняться до «последнего», полковники с трудом разогнулись и приняли вертикальное положение. Рубль призывно поблескивал в лучах заходящего солнца и презрительно посматривал на двух солидных полковников внизу вверх.

Проведя выездное совещание на месте, два зама нашего генерала развернули бурную и кипучую деятельность по экспроприации рубля с тротуара. Они немедленно вызвали дежурного прапорщика по КПП который, включив форсаж на бреющем полете, хаотично носился между телефоном и двумя суровыми полковниками, передавая в различные дежурные службы училища их многочисленные распоряжения и ценные указания.

Вскоре, на место боевых действий прибыла бравая бригада дежурных сантехников из гражданского персонала — вечно пьяных и красномордых, но готовых незамедлительно выполнить любой приказ партии и правительства.

Дело принимало весьма серьезный оборот, и наш инстинкт самосохранения усиленно подсказывал, что пора бы срочно испариться с места «преступлении», ибо развлекуха уже давно закончилась, но нездоровое любопытство победило и мы остались.

Заметно пошатывающийся слесарь, солидно прищурив один глаз с абсолютно расфокусированным зрачком, вытащил газовый ключ и попытался подцепить упрямый рубль, но не тут то было. Наш рубль никак не хотел зацепляться грубыми захватами газового ключа. Коррида продолжалась довольно долго и с переменным успехом. Спустя полчаса безуспешных попыток ухватить непослушный, но уже порядком исцарапанный рубль, частично протрезвевший слесарь, в сердцах откинув бесполезный

ключ. Он схватил небольшую кувалдочку и крепко выматерившись, врезал по нагло блестящему в лучах заката, рублю — прямо по профилю В.И. Ленина.

Замполит училища сразу переменился в лице, схватился за сердце и истошно заорал.

— Ты, что, совсем ухулел, пьяная аполитичная морда?! Как ты смеешь, своей грязной кувалдой по святому лику незабвенного Владимира Ильича?! Сталина на тебя нет, сука! В 37-м, таких как ты, без суда и следствия, прямо за капониром… УУууууу…

Слесарь протрезвел окончательно. Осознав всю тяжесть своего преступления, он отбросил кувалду и вцепился в китель сурового полковника никогда немытыми грязными руками. Полковник Боргударов брезгливо поморщился и попытался освободиться из вонючих объятий. Слесарь тем временем привычно гундосил.

— Не губи! Да, я его… сейчас, все будет… в лучшем виде!

Сантехник метнулся к обшарпанному инструментальному ящику, схватил зубило и молоток и начал крошить асфальт в ближайшем округе рубля. Выдолбив внушительное углубление, он предложил.

— А давайте, вы все отвернетесь, а я тихонечко забью… этого самого Владимира Ильича ниже уровня асфальта и растворчиком цемента замажем?! А?! Не было его и все тут.

Замполит опять взбеленился.

— Ты что мелешь, контра?! Доставай быстро, а то я тебе в задницу сейчас растворчику залью. Совсем пьянь подзаборная оборзела, увольнение по 33-й статье захотел?! Тебя же не в один сраный ЖЭК не примут, ты же… деградировал как личность! Вот!

Слесарь непривыкший работать в трезвом виде но, осознав всю пагубную близорукость своих аполитических высказываний, с удвоенной энергией приступил к работе. С применением лома, зубила и кувалды, он расковырял асфальт в радиусе полуметра. Затем, углубившись в недра земли на глубину по свой грязный локоть, спустя некоторое время, прикладывая титанические усилия и обращаясь за помощью к какой-то «неприлично распутной матери», героический сантехник выковырял на поверхность земли длинную ржавую арматуру в виде гигантского гвоздя с металлическим рублем на кончике, вместо импровизированной шляпки. Победно швырнув эту конструкцию на асфальт, слесарь начал важно и степенно собирать инструмент, разбросанный в радиусе нескольких метров.

Политический полковник благоговейно взял в руки рубль с изображением великого вождя всего прогрессивного пролетариата и изумленно осмотрев, приваренную к нему уже

погнутую арматурину, завопил что было мочи.

— Кто?! Кто посмел?! Кто посмел осквернить образ великого Ленина?! Я найду… Я узнаю… Я все выясню, и наказание будет жестоким! Жестоким, но справедливым… Жестоким!

Женьке Ящикову заметно поплохело, ножки его мелко затряслись и подогнулись — шасси самопроизвольно сложилось. Жека без сил присел на ближайшую лавочку, его глазки отчаянно забегали, а нижняя челюсть мелко завибрировала. Евгений заметно струхнул, оно и понятно. Получить мстительного врага по политической линии — это пипец всему! Это прямая угроза отчисления из училища, возможно с исключением из кандидатов в члены КПСС — коммунистической партии Советского Союза, коим Женька являлся как признанный отличник боевой и политической подготовки, или пожизненная ссылка в Мары, что в принципе «монопенисно» (однохуЛьственно) ко всему вышеперечисленному. Сидя под плакучей ивой, Евгений жалобно лепетал, что никак не предполагал, что под его безобидную шутку полковник Боргударов подведет «политическую платформу» с антисоветским базисом. Мда…

Все свидетели неожиданной развязки быстро засобирались домой и, вскоре возле КПП не осталось ни офицеров, ни прапорщиков. Мы тоже заторопились в расположение роты. Курсант Ящиков совсем упал духом и уже попрощался с нами. Факт его несомненного отчисление из училища был почти состоявшимся. Осталось только проболтаться кому-нибудь из нас или седому майору с мастером производственного обучения с кафедры «Войскового ремонта», где нам преподали практический пример феноменальной сварки разнородных металлов. Но, как ни странно, все обошлось.

Стоит отметить, что все курсанты добросовестно молчали как рыбы, спасая нашего друга — Евгения Ящикова. Надо отдать должное, что и майор, преподающий нам «Войсковой ремонт», а так же мастер производственного обучения Анатолий Владимирович тоже не отличались непомерной болтливостью и мало-помалу страсти вокруг металлического рубля с оскверненным В.И. Лениным на ржавой арматуре постепенно улеглись. Все забылось.

Но потешная картина, когда многочисленная толпа офицеров и прапорщиков пытается безуспешно выковырять рубль из асфальта, вызывает у меня, да и не только у меня, бессовестную широкую улыбку.

Спасибо тебе Жека за бесплатный цирк.

69. Нервы, нервы, нервишки…

Во время учебы в военном училище, несмотря на изначально устойчивые доброжелательные и доверительно теплые взаимоотношения между ребятами внутри учебных подразделений, рано или поздно, но обязательно и неизменно наступал мерзопакостный момент, когда персональные нервы каждого парня непроизвольно — то есть, спонтанно, приходили в крайнюю степень неконтролируемого возбуждения и натягивались как звенящая струна.

Абсолютно без видимых причин, некогда спокойный и уравновешенный курсант с нордическим характером «истинного арийца» буквально «ни с того, ни с сего» — фактически «вдруг» становился безмерно раздражительным и патологически нервным, как банальная гламурная истеричка «а-ля-Ксюша Собчак».

Шутки шутками, но совершенно неожиданно и абсолютно неизбежно, независимо от нашего личного желания и степени готовности к данному весьма неприятному событию, как «снег на голову» приходило время, когда любой и каждый из нас, легко заводился с пол-оборота, словно престижная иномарка. Причем, «заводился» по самому безобидному поводу. И что характерно, сразу же шел в неконтролируемый разнос со всеми вытекающими последствиями — обида, ссора, ругань, склока, драка… Как правило, именно по такому незатейливому сценарию развивались все события в этот нервозный период, откровенно неприятный для всех ребят.

«Фатальный» отрезок времени со всплеском «поголовной неуравновешенности и немотивированной агрессивности» подкрадывался весьма незаметно, но абсолютно гарантировано. Массовая истерия и всеобщая раздражительность, незваными гостями приходили в нашу казарму как к себе домой, да и не только в нее, а также на территорию всего училища ВВС и вели себя по-хозяйски. Приходили как некое стихийное бедствие, от которого ни спрятаться, ни скрыться. Приходили целых два раза в год и, как правило, в период очередной учебной сессии.

Мягко говоря, в течение календарного полугодия, находясь в замкнутом пространстве военного училища или перефразируя — в узком кругу «широких лиц», и наблюдая «без перерыва» битые 24-е часа в сутки одни и те же любимые «морды лица», уже ставшие фактически родными и одновременно обрыдлыми до изжоги, то независимо от личного мироощущения, степени

воспитанности, персональной уравновешенности и толерантности (модное словечко, пришлось кстати), где-то в самых дальних, затаенных и неизведанных закоулках некогда спокойной и умиротворенной души, начинает медленно, но неумолимо накапливаться необоснованное раздражение на «дорогого» соседа справа или слева, напарника по наряду, сокурсника, однокашника и т. д. и т. п.

И как следствие этого, любое неосторожное и вполне безобидное слово, на которое еще пару дней никто бы не обратил совершенно никакого внимания, уже сегодня могло гарантированно и неизбежно привести к лавинообразному конфликту, который мгновенно грозил перерасти в банальную драку.

В воздухе реально пахло грозой, и периодически потрескивали многочисленные разряды электричества, явно попахивало порохом, серой и всеобщей немотивированной нервозностью, которая постепенно сгущалась как свинцовые тучи и при наступлении критической массы, обещала пронестись по казарме разрушительной волной массовых стычек и полномасштабных «боестолкновений».

Как правило, такие мимолетные и спонтанные «терки» были без многоходовых и долгоиграющих последствий в виде занудного «разбора полетов» с участием отцов-командиров, с подробным и скрупулезным выяснением всех гнусных обстоятельств вопиющего факта неуставных взаимоотношений, заседания строгого педсовета и как логическое развитие событий — отчисления из училища.

Во спасение ситуации, как правило, двух «слетевших с катушек и несколько зарвавшихся забияк», потерявших голову, остаток здравого смысла, ощущение реальности, чувство «жопы», а также, инстинкт самосохранения, остальные ребята моментально растаскивали в разные стороны на максимально возможное расстояние и пределы взаимной досягаемости.

И что любопытно — уже буквально через пару минут, обильно изрыгнув в адрес «только что» искренне ненавистного оппонента весьма объемную по содержанию и неприлично-многословную по длительности серию угроз, проклятий и всевозможных страшных ругательств, банально спустив пар до приемлемого давления, парни, которые еще секунду назад, были готовы вцепиться друг другу в глотку, как правило, тут же скоропостижно мирились и продолжали мирно общаться, как ни в чем не бывало, искренне не понимая по какой же именно причине у них сорвало клапана и снесло крышу?!

А все нервы! Нервы, нервы, нервы… натянутые как гитарные

струны или корабельные канаты!

Причина такого безобразия была очевидна и абсолютно незатейлива — всем курсантам отчаянно хотелось спихнуть очередную «гребаную» сессию и незамедлительно рвануть в долгожданный отпуск — домой, к маме, к друзьям, к любимой девочке… за пределы ненавистной колючей проволоки, наконец. Понять нас сможет только тот, кто сам побывал в подобной шкуре и в сходных обстоятельствах.

Господи, как хочется домой! Наверное, как многие из наших парней, не задумываясь продал бы душу за возможность неслышно подняться по стертым ступенькам в старом подъезде, стены которого были еще недавно исписаны твоей же собственной рукой вдоль и поперек… тихонько открыть дверь своим ключом (который многократно и задумчиво вертел в руках, представляя картину долгожданного возвращения домой в красках, в ролях, в лицах и до мельчайших подробностей), …переступить порог родного дома, …жадно втянуть ноздрями еле уловимый, до комка в горле, дорогой и знакомый с детства, а сейчас почти забытый запах родного дома, …крепко обнять отца и, показывая удаль молодецкую, легко оторвать охнувшего от неожиданности «старика» от пола, сильно прижимая его к своей груди, … смущенно чмокнуть в щеку любимую мамочку, у которой почему-то и совсем некстати прибавилась пара глубоких морщин и седая прядь волос. Откуда?! Зачем?! Ведь раньше же не было?! …или не замечал?! …не видел?! Мама, мама, зачем же ты стареешь?! Не надо! Прошу тебя, не надо, подожди! …бросить сумку с нехитрыми казенными вещами, …с наслаждением принять душ или нет, …конечно же, нет, …не душ, а неприлично долго полежать, и томно понежится в обычной горячей ванне …с пеной. Да-да, именно с пеной (несбыточная роскошь, абсолютно недоступная в стенах военного училища), пока непрестанно охающая и ахающая мама суетливо накрывает на стол.

За столом, солидно хмурясь с показной серьезностью, некогда строгий отец обязательно вытащит из холодильника запотевшую бутылочку дефицитной водочки или из шкафчика — бутылку мегадефицитного коньяка (в стране «горбачевская» оголтелая и показушная борьба с виноградниками, виноделием, производством коньяка, вина, водки и прочей алкогольной продукции) и, мельком поймав укоризненный взгляд матушки, важно пробурчит.

— Мы по «маленькой», парень уже совсем взрослый! Чуток можно. С дороги. Ну, с приездом сынок. Наконец-то ты дома…

А ты, проглотив содержимое рюмки фактически «на автопилоте» и не оценив по достоинству весь аромат,

насыщенный букет, богатое и стойкое послевкусие благородного напитка, не почувствовав ничего, кроме обжигающей горечи, жадно набросишься на домашнюю пищу, хаотично поглощая все наличное продуктовое изобилие, заботливо приготовленное руками родной мамочки …и будешь почти давясь от непроизвольной алчности, запихивать за обе щеки …и старательно глотать плохо пережеванные деликатесы, вперемешку с обильными домашними вкусностями, которые недоступны в стенах военного училища.

А мама тихо всхлипнет и смахнет украдкой, ненароком набежавшую слезинку …и добавку, конечно же, наложит щедрую добавку, которую положит еще и еще много раз, …не давая ненаглядному сыночку даже теоретически приблизиться ко дну своей тарелки.

Когда первая волна непроизвольной жадности — «хаотичный жор» постепенно сойдет «на нет» и в заметно отяжелевшем организме мягко поселится устойчивое отвращение к пище как к таковой, то прилично осоловевший и опьяневший от давно забытого ощущения абсолютной сытости, а не от пары «дежурных» рюмочек коньяка, ты медленно и слегка пошатываясь, выползешь из-за стола и под пристальными взглядами откровенно счастливых родителей, пройдешь в свою комнату (отдохнуть с дороги).

В «детской» комнате, окунувшись в тонкую ностальгию, задумчиво и почти бесцельно будешь перебирать старые вещи из своего гардероба …с колоссальным трудом, влезая в неожиданно «ставшие маленькими и усохшими»…

И с несказанным удивлением заметишь, что за незаметно пролетевшие 6-ть месяцев, некогда знакомый и казавшийся постоянным (как скорость света в вакууме или масса электрона) мир вокруг тебя изменился и в зеркальном отражении на тебя смотрит уже несколько другой человек. Я?! А вроде уже и не я?! Или все же я, но немного другой?! Что-то неуловимое изменилось, а что?! Плечи стали шире, осанка ровнее, …глаза…, именно глаза…, взгляд стал серьезней, жестче… Мде…, дела?!

Затем снимешь трубку телефона, «автоматически» наберешь знакомый «до боли» номер и услышав звонкое девичье: «Алло!», неожиданно севшим голосом, тихо прошепчешь.

— Здравствуй, это я…

Ах, отпуск, отпуск! Сколько всего надо запланировать и успеть осуществить?! А тут еще сессия с чередой экзаменов. Один серьезней другого! Еще и залетов набралось с десяток-другой, твою мать! Значит, опять придется гарантированно искупать свою вину перед Родиной. Правда, объективности ради стоит заметить,

что строгую и справедливую Родину в данном случае будет олицетворять всего лишь командир роты Володя Нахрен или в самом противном случае — комбат Пиночет (в девичестве — полковник Серов). Тем не менее, что не может не радовать — искупать вину придется всего лишь «аккордными» работами, а не своей кровью! И на том спасибо. А мы уж за ценой не постоим, потрудимся на благо училища! Эх, потрудимся! Такую производительность труда покажем, просто закачаешься! Издевательский лозунг: «Пятилетка за три дня!», как показывает практика, вполне реализуем. Да-да, даже не обсуждается, но только при наличии достойного стимула. Очередной отпуск для курсанта — самое оно — стимул, лучше не придумаешь, поверьте на слово.

Но, до отпуска надо еще дожить. Его надо заслужить и выстрадать, а пока все на нервах. Сдадим ли сессию?! Не зависнем ли в училище?! Тут каждый день на счету… На всех настенных календарях и в карманных глянцевых календариках делаются соответствующие скрупулезные отметки (крестик, ручкой или сквозную дырочку, иголкой), где только возможно и невозможно ставятся памятные зарубки. Отсчет обратного времени до наступления долгожданного отпуска пошел уже на число запланированных к поеданию яиц (курино-вареных или варенных куриных, кому как нравится) и порций сливочного масла. Кто служил, тот меня понял?!

Психика некоторых ребят напряглась настолько, что парни начали разговаривать во сне независимо от своего желания.

Стоя в наряде на тумбочке дневального можно было спокойно подсесть на краешек кровати к спящему курсанту и начать задавать ему несложные вопросы и, как правило, парнишка, не приходя в сознание и не открывая глаз, начинал поддерживать с тобой «светскую» беседу, отвечая на однозначные вопросы. Точно-точно, поверьте на слово, проверено.

Более того, однажды подпирая тумбочку дневального по роте и усиленно борясь с неумолимо накатывающим под самое утро сном, я неожиданно вздрогнул от искреннего удивления, переходящего в жуткий испуг. Меня фактически реально «передернуло» от неумолимо накатывающего ужаса.

По «взлетке» казармы из темноты длинного коридора на меня медленно и бесшумно надвигалась расплывчатая фигура в белом! Пипец, приехали, привидение!

Я инстинктивно схватился за штык-нож и вытащил его из ножен, в слабой надежде отбиться от нагло приближающегося «глюка» в человеческом обличии. Но буквально сразу же меня посетила мысль о безнадежности моего положения — привидение

бесплотно (у призрака, по определению отсутствует материальное тело) и ножом его не зарежешь, так ведь?! Мама, что же делать?! Мамочка!

Включать свет в казарме и душераздирающе орать во всю глотку, призывая на помощь мирно спящих ребят, я как-то не додумался! Страх и животный ужас парализовали разум и лишили меня малейшей возможности здраво мыслить и действовать логически, поймите правильно! Все мало-мальские мыслительные процессы снизошли в небытие, остались только инстинкты! Причем, один — выживания!

Основательно трясясь в приступе противной мелкой дрожи, переменной периодичности и амплитуды, а также, непроизвольно клацая зубами (нижняя челюсть самопроизвольно отбивала сигнал SOS по азбуке Морзе), я панически вжался в стену так сильно, что своей мгновенно вспотевшей спиной ощущал фактически каждый «сапожный» гвоздик (с микроскопическими шляпками), заколоченный в агитационный стенд.

Ма-ма! Ма-моч-ка! Ма-муль-ка, ма… Фу, блин…, твою мать! Привидится же такое?!

Приведение «в белом» по мере приближения постепенно материализовалось в узнаваемую худосочную и некультяпистую фигуру комсорга нашей 4-й роты — курсанта Конфоркина, который с абсолютно закрытыми глазами с белом нательном белье и босыми ногами медленно и осторожно продвигался по центральному коридору.

Я вытер ледяную испарину со своего лба, мысленно перекрестился и раздраженно сплюнул на идеально намастиченный и отполированный пол казармы.

Это ж, какой только гадости и нечисти не привидится спросонья, да еще и с перепугу?! Тьфу, сгинь нечистый! В принципе, что занудный комсорг-показушник, что привидение (хоть с мотором, хоть без…типа «а-ля-Карлсон, у которого съехала крыша»), хрен редьки не толще! Блин, чуть в штаны не нагадил! Как вспомню, до сих пор руки-ноги противной дрожью вибрируют…

Комсомольский вождь тем временем вплотную приблизился к тумбочке дневального и, не открывая глаз, остановился прямо передо мной. Картина маслом, хоть стой, хоть падай! 100-процентный лунатик, мать его?!

Медленно отходя от неожиданно пережитого волнения и некоторой опаской поглядывая на новоявленного «лунохода», я раздраженно засунул штык в ножны и приготовился принять более удобное положение (желательно сидя), чтобы самопроизвольно не подкосились ноги, отекшие от длительного

«стояния столбом» на тумбочке дневального.

Курсант Конфоркин постояв некоторое время рядом с тумбочкой, неожиданно повернулся направо на 90 градусов и медленно, даже, наверное, плавно и грациозно, но достаточно уверенно двинулся к выходу из казармы.

Учитывая, что в обязанности дневального входит функция — постоянно отслеживать текущий «расход» и наличие личного состава роты я, справившись с незапланированной вибрацией нижней челюсти, начал непринужденный разговор, старательно скрывая свою недавнюю нервозность.

— Конфоркин, стоять! И куда же это ты собрался, друг любезный?! Ночь на дворе, а ты, вроде как, в неглиже?!

Конфоркин, взявшись за ручку входной двери и не открывая глаз, неожиданно тихо ответил.

— Я в туалет.

— Туалет в другой стороне! К тому же на улице холод собачий, а ты как бы — босиком, не находишь?! Да и в бельишке не по сезону?!

— Мне позвонить надо…домой!

— Где же ты, позволь полюбопытствовать, посреди ночи переговорный пункт найдешь?!

— Я в штаб схожу… там, у дежурного… межгород есть…

— Ага?! Вот только в штабе тебя еще и не хватало! Дежурный офицер по училищу, увидев приведение босое, по сугробам бодренько рассекающее, сначала в окно выбросится, когда ты начнешь в штаб ломиться. Причем, исключительно головой вперед выброситься, не иначе. И стекло вынесет, что характерно — вместе с решеткой! А потом, если не застрелится с перепугу от увиденного, то сам умишком незамедлительно отъедет, не говоря уже про сонного часового у знамени… Тот, однозначно тебя из «калашика» прострочит, приняв за призрак коммунизма или диверсанта НАТОвского в маскхалате белом… Короче, слушай сюда, авангард прогрессивной молодежи, пока тебя в «дурку» не забрали прямо из штаба, давай-ка баиньки, друг сердечный!

— Мне надо…

— Так! Курсант Конфоркин?!

В соответствии с требованием общевоинских уставов, каждый военнослужащий независимо от воинского звания (и генерал, и рядовой), услышав свою фамилию, обязан принять строевую стойку — пятки вместе, носки врозь, сжатые в кулак руки идеально вытянуть по швам, распрямить спину, поднять подбородок и громко рявкнуть: «Я!», что Конфоркин успешно и продемонстрировал, даже в частично бессознательно-анабиозном состоянии.

— Я!

— Крууууу-Гом!

Конфоркин четко повернулся на 180-ть градусов и напряженно замер в ожидании новой команды. А мне вдруг стало бессовестно весело (наверное, реакция организма после пережитого волнения при виде незапланированного привидения)

— В свою кроватку для крепкого и здорового сна, шагоооооом мАрш!

Старательно топая босыми пятками и, размахивая руками в такт движения, Конфоркин почти строевым шагом бодро проковылял по коридору и скрылся в темноте спального помещения. Уф!

«Веселенькая» ночь вскоре закончилась, что откровенно меня порадовало! А на утро наш комсорг удивленно выпучивал свои глаза и категорически отказывался верить, когда я пытался во всех живописных подробностях поведать ему о пресеченной попытке отправиться в зимнюю ночь, с целью побродить по снежным сугробам и получить у дежурной службы по штабу монаршего разрешения недолго потрепаться по межгороду.

Конфоркин обильно брызгая слюной в праведном гневе, всячески обвинял меня в политической близорукости и наглой попытке дискредитировать его незыблемый авторитет в частности, всю структуру ВЛКСМ (комсомола) и Советскую власть в целом.

Спорить с авангардом прогрессивной молодежи и резервом партии в лице нашего казарменного лунатика мне было абсолютно лениво, и я равнодушно отмахнулся от назойливого Конфоркина, сославшись на свое полусонное состояние и гипотетическую возможность обознаться в личностях при скудном освещении дежурного светильника. На том и разошлись, но… не все так просто.

На следующую ночь и все последующие ночи до наступления очередного и долгожданного отпуска, ситуация с неугомонным «призраком коммунизма» в лице «гуляющего комсорга» неожиданно повторилась.

Парень реально начал бродить во сне, причем, очень часто. Складывалось такое впечатление, что психика нашего комсомольского вождя, существенно обремененная грандиозными идеями марксизма-ленинизма не смогла благополучно переварить фундаментальное наследие и активист Конфоркин тихо «глюкнулся». По ночам, его тушка начинала функционировать абсолютно автономно от мозга и периодически рвалась за пределы казармы, на волю, в пампасы. Одно радовало, хоть на Луну не выл и шерстью не обрастал, на людей не

бросался, никого не кусал, кровь не пил, на четвереньках не бегал и на том спасибо!

Наряды по роте уже привыкли к несанкционированным похождениям спящего тела комсорга Конфоркина и держали ухо востро, чтобы «в случае чего» парня не поймали на улице и не списали по «дурке» как банального лунатика.

Шутки-шутками, но немотивированные и весьма непредсказуемые поступки на фоне общей нервозности совершали многие ребята. Например: Витя Копыто сидел в курсантской столовой на обеде и разливал чай. Киевлянин Лелик Пономарев сидел напротив и мягко пробурчал, что Витя мог бы наливать и побольше: «мол, что, края кружки не видишь?!»

Этого, абсолютно нейтрального по содержанию пожелания, было вполне достаточно, чтобы Витя Копыто, всегда трепетно боготворивший Лелика, с грохотом поставил огромный чайник на стол и, не долго думая, схватив свою кружку с кипятком, швырнул ее Лелику прямо в лицо.

Вся 4-я рота удивленно замерла в предвкушении. Мгновенно смолкли все голоса, затих звон вилок и ложек, в зале наступила зловещая тишина, толпа непроизвольно напряглась в ожидании незамедлительных и адекватных действий со стороны общепризнанного силача-гиганта из Киева.

Сам Витя тоже скоропостижно осознал и с ужасом понял, что жить ему осталось пару мгновений, не больше. Курсант Копыто обреченно сжался до размера котенка, зажмурил глаза и приготовился умереть достойно, не пикнув, ни пукнув, терпеливо ожидая, когда его разорвут на тряпочки. Но на удивление всего личного состава роты и на еще большее изумление самого перепуганного «вусмерть» Вити Копыто, ничего не происходило.

Громада киевлянин сидел за столом абсолютно неподвижно и молча, по его лицу и промокшей форме стекал горячий чай. Со стороны было отчетливо видно, как от Лелика Пономарева идет пар, а по щекам гуляют энергичные желваки.

Витя, осторожно открыл один глаз и, увидев данную живописную картину, съежился еще больше. Он смирился со своей неминуемой участью быть немедленно утопленным в бачке с невкусным супом и небрежно захороненным на училищном свинарнике без полагающихся каждому военнослужащему торжественных почестей.

Но свершилось чудо. Поскрипев зубами некоторое время, Лелик достаточно красноречиво смял свою эмалированную кружку пальцами правой руки. Причем, смял ее легко и непринужденно, будто стандартная армейская кружка была из тонкой фольги, а не из металла.

Разжав кулак, Лелик поставил эту кружку на стол (вернее, ее искореженные остатки) и, вытащив носовой платок далеко не первой свежести, медленно вытер влажное лицо. Аккуратно промокнув последнюю каплю, он тихо сказал.

— Ну и мудак же ты, Копыто!

И все! Больше ничего, ни ползвука, ни кулаком с «бубен», ни обещаний посчитаться, ни угроз, ни оскорблений, ничего. Ни-чего!

Когда 4-я рота выходила строиться на плацу, присутствовавший при сем событии, капитан Нахрен подошел к нашему столу, задумчиво повертел в руках смятую «в хлам» кружку, тихо поцокал языком, изумленно округлил глаза, покачал головой и аккуратно поставил ее на место.

Весь день и наступивший следом вечер, 4-я рота ждала, чем же все закончится?! В курсантской курилке выдвигались различные предположения и смелые гипотезы возможной кончины Вити Копыто! Предположения были достаточно разнообразные, но финишная концовка сходилась к единому мнению — Витя будет неминуемо наказан! Но, как именно?! Народ томился в ожидании, изнемогал от нетерпения и откровенно жаждал продолжения «банкета». Чем, ну чем же все закончится?! Чем?!

А ничем! Лелик, нашел в себе мудрость, выдержку и внутренние силы, чтобы совладать с обидой и публично нанесенным оскорблением. Как все могучие люди, обладающие недюжинной силой, курсант Пономарев был необычайно добрый. Своим откровенным бездействием, он унизил курсанта Копыто гораздо больше и сильнее, чем хорошей полномасштабной взбучкой. Ибо, он при всех показал, что не считает курсанта Копыто за личность, мало-мальски достойную своего внимания. Лелик его просто проигнорировал. Тупо и однозначно, как мелкую и противную букашку.

Витя Копыто, не готовый к такому развитию событий, выпал в обильный осадок и был морально раздавлен. Когда страх неминуемой смерти сменился на осознание того, что об него банально побрезговали марать руки и фактически вытерли ноги, курсант Копыто пришел в неописуемый ужас и начал таскаться за Леликом везде и повсеместно, как побитая собачонка, самолично умоляя «дать в глаз, что ли»?! Чисто ради приличия и соблюдения политеса… так как находиться в роли презренного изгоя, на уровне мерзопакостного и вонючего клопа, согласитесь, перспектива весьма унизительная, а куда деваться?! Сам напросился. А все нервы, нервы, нервишки…

Но как оказалось, обычным бездействием, помноженным на

абсолютное равнодушие, граничащее с холодным презрением, можно наказать человека гораздо сильнее и доходчивей, чем громогласными оскорблениями и «общепринятыми процедурами» физического воздействия…

А всего лишь — надо уметь контролировать свои эмоции и держать себя в руках при любых обстоятельствах. Ох, как тяжело зачастую бывает удержаться в рамках приличия и не сорваться до уровня «оппонента», но зато, каков результат?! Любо-дорого посмотреть!

70. Кто кого и сколько раз?!

Незаметно пролетел учебный семестр, и тихо подкралась очередная зимняя сессия. Такое бывает, поверьте на слово.

За всевозможные хитромудрые зачеты и заумные экзамены, я фактически не волновался, ибо достаточно цепкая от природы память (спасибо папе с мамой), исправно функционировавшая даже в анабиозно-полусонном состоянии, позволяла без особого труда впитывать лекционный материал на уровне перманентно дремлющего подсознания. А затем, легко воспроизводить его на экзамене, удивляя строгих преподавателей, ответом «близко к тексту первоисточника».

Так что фактически, зимний отпуск был у меня в кармане. Главное — избежать незапланированных залетов и непредвиденных форс-мажорных обстоятельств, подстерегающих любого, даже самого идеального курсанта, буквально на каждом шагу.

Короче, задача минимум на ближайшее время — прикинуться ветошью, принять максимально обтекаемый вид, не вибрировать и не отсвечивать.

На все провокационные наезды строгих отцов-командиров, надо фанатично выпучивать глаза и тупо орать: «Есть!» и «Так точно!», местами трепетно вставляя: «Это гениально!», желательно с одухотворенно-восторженным выражением лица и эротично-сексуальным придыханием. Чего проще?!

Поэтому можно позволить себе немного расслабиться и помечтать о предстоящем заслуженном отпуске с грандиозными задумками и всевозможными приключениями. А еще лучше — составить скрупулезный план различных безобразий вперемешку с сексуально-похотливыми похождениями.

Но, как показывает «запоздалый» опыт, расслабляться как раз и не следовало. Ибо, теряется ощущение реальности и начинает подводить притупившийся инстинкт самосохранения, а это уже чревато самыми непредсказуемыми последствиями, причем, фатальными.

— Курсант Симонов!

— Я!

— К командиру роты!

— Иду…

Услышав приказ незамедлительно явить свою мечтательно релаксирующую тушку перед строгими очами Володи Нахрена (в армии любой приказ выполняется не задумываясь, а лучше —

бегом или молниеносно-мгновенно), я достаточно неторопливо приблизился к канцелярии роты, предварительно посетив туалет. И это правильно, честно говорю. В армии, надо успеть справить естественные надобности при любой маломальской возможности, ибо, получив приказ командира, можно было отгрести такое задание, которое предстояло бы выполнять долго и муторно, причем «бегом», без малейшего перерыва на «покурить и пописать». Поэтому, надо быть постоянно готовым к любым тяготам и лишениям, так сказать, во всеоружии, и в идеале — с пустым мочевым пузырем.

Взявшись за ручку двери кабинета командира роты, я с показным усердием категорически участил дыхание, дабы у сурового начальника возникла устойчивая иллюзия, что его подчиненный летел «сломя голову», страстно желая получить от своего «дорогого» командира монаршее указание на выполнение, несомненно, архиважного поручения.

С образцово запыхавшимся видом и показной готовностью выполнить ЛЮБОЙ приказ партии и правительства, я шумно ворвался в канцелярию 4-й роты с таким видом, как будто прибежал на «пожар» с единственной целью — лично вынести из огня бесценное тело любимого начальника (титулованные актеры театра и кино, стыдливо отдыхают).

Командир роты, оценив по достоинству мой «творческий» порыв, «эмоциональный» напор и убедительно-подкупающий огонек преданного фанатизма в бешеных глазах, максимально выпученных из орбит по такому торжественному случаю, удовлетворенно кивнул головой и, указав на стул, ДАЖЕ предложил сесть. Фантастика! Это фавор, однозначно! Моя карьера головокружительно поперла в гору, не иначе?!

— Симонов, я тут на досуге в очередной раз проанализировал успеваемость «дебильного» 45-го классного отделения и с несказанным удивлением обнаружил, что оказывается ты у нас потенциальный отличник, претендующий не только на «красный» диплом, но и на персональную «доску» по факту неизбежного выпуска из нашего многострадального училища (доска почета или «могильная плита» — курсантский вариант). Отрадно и похвально! Неожиданно конечно, но все равно, данный факт не может меня откровенно не радовать! Это ж, какие головокружительные перспективы перед тобой открываются — распределение по выбору, в академию через год службы, один вступительный экзамен и все такое…

Я непроизвольно напрягся и насторожился. Не к добру такие ласковые разговоры, ой, не к добру.

— Тем не менее, я вижу только одну угрозу, которая может

помешать тебе, прославить нашу доблестную 4-ю роту.

Ага! Вот начинается…

— Это упражнение на брусьях в системе физической подготовки. К моей безмерной озабоченности и надеюсь — к твоему жгучему стыду, у тебя стабильный «трояк» за брусья! И это при том, что бегаешь, плаваешь, подтягиваешься и проходишь полосу препятствий на уверенные «5-ки», но ты банально режешься на проклятых брусьях! В чем дело, Симонов?! Ну-ка, доложи, друг любезный, Симонов, что ты делаешь, чтобы ликвидировать это постыдное явление, как «3-ка» за упражнение на брусьях?!

— А ничего не делаю, у меня перед училищем операция была на правом плече, мне брусья…

— Я так и знал! Плохо! Очень плохо! Это никуда не годиться, Симонов! Ты хочешь оставить вверенную мне 4-ю роту без заслуженной «Доски почета»?!

— Товкапитан, да как бы мне, эта «доска» особо и не…

— Молчать, мальчишка! Совсем охренел, да?! «Доска» ему не нужна! А распределение «на выбор» тебе нужно или хочешь в Чуркестан поехать?! Я тебе такое удовольствие быстро устрою! Мне! Мне твоя «доска» нужна! Я может, тоже хочу в академию поступить?! А без громких успехов и таких вот «яйцеголовых» как ты, Симонов, меня Пиноче… тьфу, на хрен, комбат Серов никуда не отпустит. Чем больше вас — дебилов, получит «красные дипломы», тем больше мне почета и уважения… ну и карьера естественно. А ты чего хотел?! Это жизнь! Обычная жизнь без прикрас! Сам скоро все узнаешь и прочувствуешь! Да-да и не смотри на меня широко открытыми глазенками. Короче, слушай приказ — сдать «физо» на одни 5-ки, чтобы смог гарантированно претендовать на «Доску почета». Понял?! Не слышу?!

— Това…

— Все! Вот и ладненько! Я знал, что на тебя можно надеяться. Приказ не обсуждается, вперед на брусья и дрыгаться там до посинения, пока не будешь вертеться «белкой в колесе» гораздо лучше «папаши Мюллера» (см. «Папаша Мюллер») Свободен!

Выходя из кабинета ротного, я услышал в спину последнее его напутствие, кстати, весьма обнадеживающее в смысле стимула на самое ближайшее время.

— Не будет 5-ки по «физо», не будет и зимнего отпуска… тем более, он не обязательный, а поощрительный…

Твою мать, вот блин, а я уши растопырил и расслабился, мирно почивал на лаврах в предвкушении отпуска и размечтался в сладострастно-эротических грезах. Вот, что за хрень, ведь никого не трогал и не мешался под ногами?! Попадалово на

ровном месте, теперь точно не отвяжется…

Надо знать Нахрена, даже если я все экзамены сдам на 5-ки, а «физо» на 3-и и 5-ки, но с итоговой 4-кой, мстительный Володенька легко и непринужденно изыщет пару возможностей тормознуть меня в зимнем отпуске по «дисциплине» или по «политике» (монопенисно, что и дисциплина, но более расплывчатые формулировки потенциального «предательства Родины»). Легко! Эх, нет в жизни гармонии и счастья. Делать нечего, потащился в училищный спортзал.

В огромном зале на различных спортивных снарядах копошилась группа «безнадежных» и «местами подающих периодические надежды» чахликов, пытающихся совладать с таким неожиданным явлением как спортивный конь, например!

Несомненный извращенец изобрел эту мерзопакость, под неожиданным названием — конь спортивный. Не иначе в тайном желании перевести всех мужиков в разряд безнадежных импотентов.

Ведь перепрыгнуть того же «спортивного козла» (укороченный вариант «спортивного коня») было проще пареной репы, а вот «конь»?! Это я вам скажу, еще та зверюга!

Далеко не все ребята находили в себе силы и смелость, разбежавшись и сильно оттолкнувшись от спортивной «приспособы» в виде упругого мостика, отправить свое вытянувшееся «в струнку» тело в свободный полет над «бесконечно длинным» телом спортивного коня. Чтобы, слегка коснувшись его задницы кончиками своих растопыренных пальцев, красиво приземлится на спортивные маты. Не всем давался строптивый конь! Ой, не всем…

В спортзале, неожиданно обнаружился Витя Копыто, который тщетно пытался совладать с приступом «несанкционированного» волнения и успешно перепрыгнуть «проклятого» коня. Тщательно разбегаясь, Витя за пару метров до равнодушно стоящей «лошади», самопроизвольно сбивался с энергично заданного темпа, начинал мелко семенить ножками и, зажмурив глаза, а так же хаотично выставив вперед руки, бросал свое тельце на «спортивное чудовище» с двумя неизменными результатами.

Первый вариант — нахлобучивал своими многострадальными и уже посиневшими от многократных попыток гениталиями прочный торец спортивного коня, словно хотел слиться с ним в порыве страстного экстаза и как следствие — воссоздать вымершую (если верить «Мифам Древней Греции») породу кентавров;

Второй вариант — найдя в себе мужество частично подпрыгнуть, пролетал пару десятков сантиметров и со всего

маху приземлялся (опять же персональными гениталиями), но уже на негостеприимно-твердую спину спортивного коня.

И в 1-м и во 2-м случае, упражнение «Прыжок через коня» не засчитывалось, а в журнал ставилась заслуженная «двойка».

Учитывая, что по остальным физическим упражнениям на зимней сессии — подтягивание, упражнение на перекладине и брусьях, у Виктора были стабильные результаты с железобетонными тройками, то два балла за «прыжки через проклятую кобылу» надежно закрывали Виктору все иллюзорные возможности навестить родной Пилопедрищенск.

Но Витя не сдавался! Снова и снова, беря внушительный разбег «все дальше и дальше», Витя с громким «шлепком» своей костлявой задницы приземлялся уже в середине спины лошади (головокружительный прогресс, поверьте на слово), но без малейшей надежды долететь до ее дальнего края и благополучно соскочить на маты.

Витя заметно устал. Он все чаще и чаще комично нахлобучивал круп спортивного коня на свой отбитый «донельзя» член. Все ребята, находящиеся в зале, болезненно морщились, скрывая откровенные улыбки, наблюдая как в очередной раз, курсант Копыто звонко прилипает своими чреслами к торцу «спортивного коня», страстно обхватив его обеими руками за блестящие кожаные бока. Извращенец, блин! Статью Уголовного кодекса СССР за скотоложство еще никто не отменял. И куда только «Green peace» смотрит?!

Сняв поясной ремень, я с нескрываемым отвращением взгромоздился на брусья и с грубыми помарками сделал ненавистное упражнение — твердая «3-ка», как ни крути. Твою, дивизию…! Даже, если я тут умру на этих «гребанных» брусьях, все равно, я не вытяну на 5-ку! Хоть стреляйся! Не дано мне крутиться на брусьях, не дано! А в результате, общая оценка за «физо» будут заслуженные 4-ре балла или — 5-ка с длинным-длинным-длинным-длинным-длинным минусом (очень-очень длинным). Хотя вряд ли, зная папашу Мюллера…

Пока, измученный «в конец» Витя, тяжело дыша, в очередной раз проверял наличие, целостность и сохранность своего мужского начала, многократно отбитого об своенравного коня, неторопливо разбежавшись, я легко и красиво перелетел через «строптивую кобылу» и как влитой приземлился на спортивных матах. Чистая 5-ка, без вариантов! Курсант Копыто, глядя на мой «призрачный полет» с нескрываемой завистью, чуть не заплакал от обиды и отчаяния.

— Тебе хорошо, ты в отпуск всяко-разно поедешь, а я уже все яйца отбил об эту проклятую скотину… УУууу!!!

— Не ссы Витек, похоже, в отпуске будем вместе сидеть. Ты за «2-ку», а я за «4-ку». И не смотри на меня так! Такое тоже бывает, особенно у нас.

Присев рядом с живописно страдающим Витей, я грустно поведал о красноречивой угрозе командира роты, оставить меня в училище на период зимнего отпуска.

Пока я, на примере своей нежданно-негаданной беды, «успокаивал» Витю, в это время беспрестанно чесавшего свое причинное место, в спортзал пришел Вася Рожнев — курсант нашей 4-й роты, но из 44-го классного отделения. Он был бывший гимнаст и временами заглядывал в спортгородок, тряхнуть «стариной» и вспомнить «молодость» (см. «Папаша Мюллер»). Услышав у меня в голосе грустные нотки и учитывая, что мы были в приятельских отношениях, Вася неожиданно выдал следующее.

— Саня, могу посодействовать. Наш физрук заболел гриппом и на экзамен нос не кажет, сопли на кулак мотает и чихает дальше, чем видит. А вместо него принимает нормативы молодой «летеха» (лейтенант) — выпускник «Лесгафта». В лицо никого не знает. Мы когда сдавали «физо», то все наши чахлики подмену из 43 к/о выставили. Прокатило на «ура», никто не попался. Могу за тебя выступить, если хочешь?!

Пока я обдумывал это лестное предложение, прикидывая все возможные риски и вытекающие отсюда последствия гарантированного зависания в отпуске, причем «навсегда», и также и т. д. и т. п., Витя Копыто все решил за нас обоих. Он завопил что было мочи.

— Да! Да-да-дадада! Дадада-да-да! Ты сдаешь за Сашку на все 5-ки, и он получает мраморную могильную плиту на выпуске, причем в полный рост! А он в свою очередь сдает за меня, на 5-ки и 4-ки и я еду в отпуск! Ура!

Спорить и что-то додумывать было лениво, и я успокоенный, что «такая афера» уже успешно прокатила в 43-м и 44-м отделениях нашей роты, благодушно согласился.

Как позже выяснилось, напрасно! Лучше иметь синицу в руках — в виде честной 3-ки за брусья в частности и общую 4-ку в целом по «физо», чем журавля в небе и полный 3,14здец по всем фронтам, но об этом чуть подробней…

Вася Рожнев, будучи обязательным и пунктуальным человеком, в день сдачи экзамена по «физо», добровольно заступил на тумбочку дневального по роте и, подменившись в положенное время, прибежал в спортзал, где занял место в строю 45-го классного отделения и «неожиданно» начал отзываться на фамилию — Симонов, я скоропостижно перекрестился в курсанта

Копыто. А сам Витенька благополучно спрятал свое немощное тельце в курсантской раздевалке, откуда с трепетом и поросячьим восторгом наблюдал как молоденький и ничего неподозревающий лейтенантик выставляет нам «заслуженные оценки» в экзаменационную ведомость. И все было бы хорошо и замечательно, если бы не наш вездесущий Пиночет, чтоб ему…

Обладая каким-то неестественным магическим предчувствием, данное исчадие ада с погонами полковника неожиданно приперлось в спортзал именно во время сдачи экзамена по «физо» и сразу выловило в курсантской раздевалке радостно танцующую тушку Виктора Копыто, который уже фактически начал отмечать успешную сдачу зимней сессии восторженно-истеричными плясками. И вот именно, с момента встречи двух фигурантов данного дела, все пошло не так как было запланировано в наших гениальных расчетах…

Мгновенно сбледнувший с лица и перепугавшийся до икоты, курсант Копыто сразу же перестал корчиться в «приступах эпилепсии» (поскольку, танцами «это» назвать было невозможно даже с натяжкой) и голосом «умирающего лебедя» доложил грозному комбату, что вышел из спортзала, чтобы банально пописать. Комбат сделал вид, что поверил и изъявил настойчивое желание самолично сопроводить курсанта Копыто до туалета и обратно.

Витя действительно прогулялся до туалета, где не только обильно обоссался, но и чуть знатно не обгадился от неожиданного перепуга.

Тем временем, в спортзале уже во всю шло оглашение результатов экзамена. Лично меня все устраивало как нельзя лучше…

Как вдруг, в зале появляется алебастрово-бледный Витя Копыто под конвоем самого Пиночета и спрашивает у лейтенанта-экзаменатора разрешение встать в строй. Вася Рожнев, не дожидаясь «провала адресов и явок», а также начала повальных обысков, арестов и погромов, «под шумок» незаметно улизнул из строя 45-го классного отделения вместе с подразделением 16-й роты, которое сдавало экзамен в этом же зале другому преподавателю кафедры «физо» и уже выходило из зала. Получилось очень удачно, Вася испарился самым чудесным образом — как будто его и не было.

Уф! Хоть Вася спасся, скрытно покинув поле зрения Пиночета, сохраняя в нетронутой целостности свою жизнь и карьеру, и то радует!

Лейтенант-физрук, недоверчиво посматривая на новоявленного незнакомца и не признавая в нем «курсанта

Копыто», уверенно ткнул в меня пальцем, «авторитетно» заявляя, что Копыто — это я! А этот «Копыто» — вовсе и не Копыто, а какой-то наглый самозванец! Комбат несказанно удивился данному утверждению и приказал принести наши «военные билеты».

Лейтенант уверенно настаивал на своем, мы в Витей дружно мычали и тупо отнекивались. Тогда, Пиночет попросил экзаменационную ведомость. Увидев 4-ки и 5-ки у «Копыто», комбат удивился еще больше и потребовал настоящего Виктора Копыто продемонстрировать «пятерочный» прыжок через коня.

Настоящий курсант Копыто обреченно вздохнул, максимально разогнался и, зажмурив глаза, со всей дури «засадил» свой член в торец упрямой животины, сдвигая спортивного коня с установленного места чуть ли на пару метров, причем с характерным противным скрежетом и глубокими царапинами на деревянном полу спортзала. Все приехали! Это провал! Никакие слова оправдания к рассмотрению не принимаются! Коронный прыжок Виктора красноречиво расставил все на свои места! Виновны!

Лейтенант-физрук осознав что его банально обманули, щедро влупил Виктору двойки по всем пунктам экзаменационной ведомости, а заодно и мне… Но я, возмутившись такому «несправедливому» решению, бодренько подтянулся 20-ть раз, легко перепрыгнул через коня на честнейшую «5-ку» и четко прокрутив упражнение на перекладине, приготовился идти «позориться» на брусья, но вмешавшийся Пиночет своим волевым решением остановил мое «триумфальное» шествие по спортивной арене училища ВВС и собственноручно вписал мою скромную фамилию в необъятный черный список «политических» (неблагонадежных) до выяснения всех обстоятельств, так сказать.

Стоит отдать должное, все парни их 45-го к/о, включая сержантов, стояли «мертво» на нашей стороне: «мол, я не я, лошадь не моя, это Симонов, это Копыто, и никого здесь больше не было…»

Тем не менее, наш с Витей зимний отпуск благополучно полетел «коту под хвост» до «особого распоряжения» — на усмотрение пострадавшей стороны — лейтенанта с кафедры «физо» (так определил полковник Серов), а наши отпускные билеты «белыми перелетными птицами» перекочевали в личный сейф Пиночета. Мде… И вот на фига мне все это надо было?! Эх, твою…!

Тем не менее, уныние и отчаяние не входит в число первоочередных качеств и многочисленных достоинств курсанта ВВС и поэтому, сдав последние профильные экзамены, мы с

Виктором ломанулись на кафедру «физо» вымаливать «индульгенцию».

Ошарашенный нашим неистовым напором, лейтенант почти сдался и уже был готов позвонить Пиночету с эпохальным сообщением, что великодушно прощает нас, но «более умные и старшие товарищи» из числа преподавателей кафедры «физо», ненавязчиво подсказали «молодому и неопытному товарищу», что неплохо было бы решить пару задач «не решаемых по-определению», а именно…

Под грандиозными сводами потолка огромного училищного спортзала, на запредельной высоте, болталась старая и уже неприлично выцветшая растяжка: «Приветствуем участников Олимпиады-80 в Москве!»

Если учесть, что данная олимпиада благополучно закончилась почти 10-ть лет назад внушительной победой советских спортсменов, то этот лозунг (баннер, по-модному) мягко говоря, несколько потерял свою актуальность, а вот снять его было невозможно по причине высотной недосягаемости и недоступности оного.

Глядя на некогда помпезный баннер, мы с Витей пришли к единому и однозначному мнению, что его (баннер, в смысле) повесили в момент первоначальной постройки самого спортзала — сначала возвели стены, затем «присобачили» это вывеску, причем, что характерно — под самый потолок, а уже потом установили крышу! А как иначе?! Ведь лестниц такой умопомрачительной длины в СССР не выпускают, точнее некуда! Техника безопасности не позволяет на такие запредельные высоты лазить! Точно-точно!

Так вот, в качестве «разминки», старшие товариСТЧи неопытного лейтенанта-физрука и предложили снять этот несколько устаревший баннер. Это так, для начала, а там еще что-нибудь придумаем…

Мде…, то есть, бля!!! Они что, совсем рехнулись?! Это же невозможно?! Это же 3,14здец какая высота! Это …?! Хотя…, если покумекать, то почему бы и нет?!

Побегав по территории альма-матер как два укушенных за задницу сайгака и умыкнув все известные нам и относительно доступные лестницы — деревянные, металлические, комбинированные, раздвижные, раскладные и просто убогую хренотень, мы попытались все это разнообразное «великолепие» увязать и сколотить в единую цельную конструкцию.

Получилось как-то не очень! Данная конструкция была весьма неказистая, хлипкая и что самое огорчительное — ее общей суммарной длины все равно катастрофически не хватало.

Коротка кольчужка, то есть, лестница, естественно, непростительно коротка… мде…

К тому же, поднять «это» и прислонить к стене, не представлялось возможным! Вообще! Никак!

Вдоволь намучавшись с разваливающейся на глазах тут и там вибрирующей конструкцией, «смастряченной» фактически на соплях и на честном слове, мы бросили данную бесперспективную затею. Причем, бросили в прямом смысле данного слова — по диагонали в спортзале.

Вспотевшие и злые… (заметьте, злые от временной неудачи и тупикового направления решения поставленной задачи, а не отчаявшиеся), мы уселись на полу рядом с конструктором для лестниц и тупо уставились на ненавистную растяжку, которая нагло висела прямо у нас над головами. Другие бы сдались и расписались в собственном бессилии, но «мы не привыкли отступать», как говорится в тележурнале для детишек «Хочу все знать!» и, забраковав вариант с «супер» лестницей, предприняли интенсивный «мозговой штурм». Что ни говорите, а стимул — великое дело! А отпуск — великий стимул! Проверено!

В результате, задумчиво поигрывая раскладным перочинным ножичком, которым собирался резать веревки баннера, меня неожиданно осенила «генитальная мысля». Крикнув Виктору «за мной», я бросился в хранилище лыж и лыжных палок. Притащив кучу кривого спортинвентаря, мы связали воедино пару десятков палок, а на кончик последней, примотали ножик.

Затем, забравшись на балкон второго этажа и опасно балансируя на самом его краю, этой хлипкой и прогибающейся многоколенной конструкцией, грозящей «вот-вот» развалиться прямо на наших глазах, путем многократного совершения возвратно-поступательных движений и намучившись от души, до судороги в мышцах рук, наконец-то перерезали веревки проклятой растяжки. Ура! Ура! Ура!

Надо было видеть вытянувшиеся от крайней степени изумления лица офицеров с кафедры «Физической подготовки», когда мы приволокли им эту проклятую растяжку?! Аллилуйя! Мы их сделали!

Но «преподы» оказались не лыком шиты! Осознав, что нам подвластно буквально «всё», обнаглевшие от вседозволенности офицеры-физруки поставили «суперневыполнимую» задачу — доставить на кафедру 50-т лампочек накаливания! Да-да, самых обычных бытовых лампочек накаливания, причем, абсолютно любой мощности (хоть 40 Ватт, хоть 150 Ватт), неважно. Вот это засада!

В бытность развитого социализма, такая мелочь, как обычная

бытовая лампочка числилась в беспросветном дефиците наравне с эпохальной «лампочкой Ильича» и поэтому банально смотаться в самоволку (рискуя быть пойманным и гарантированно лишиться зимнего отпуска) до ближайшего магазина промтоваров было делом безнадежным, по причине полного и фатального отсутствия ламп в свободной продаже. Дефицит!

Вот все-таки, какие же физруки — сволочи, такие невыполнимые задачи ставить?!

Отчаянно поторговавшись с офицерами и убедив их в заведомо нереальных объемах партии затребованных ламп, мы сошлись на 40-ка единицах. И понеслось…

В училище ВВС началась повальная охота на лампочки. Волна хищений прокатилась по всем учебным корпусам, включая «секретные» — с ограниченным допуском. Не остались в стороне свинарник и курсантская столовая. Выкручивали лампы везде и повсюду, особенно в туалетах, в запасных выходах, коридорах и технических лабораториях. Не обошли и родную роту, а куда деваться?! Тем более что счет до долгожданного отпуска пошел уже на часы.

Несколько раз чуть не попались «на воровстве», скоропостижно пряча «свежескрученные» и еще раскаленные лампы в карманы своих шинелей, буквально на доли секунды расходясь с дежурными прапорщиками по кафедрам и учебным корпусам. На одно мгновение разминулись с помощником дежурного офицера по училищу, когда реквизировали лампу на 150 Ватт в учебной библиотеке, а молодой старлей забежал «буквально на минуточку» потрепаться с красивой и незамужней библиотекаршей.

Горячие лампы обжигали пальцы даже сквозь рукавицы (когда выкручивали) и припекали кожу ног на ляжках (когда воровато прятали их в карманы). А как горела совесть?! Лучше и не вспоминать…

Училище ВВС постепенно погрузилось во тьму.

Пройдя опустошающим рейдом по территории родного училища и посчитав добычу «электротоваров» в вещмешке, мы немного загрустили. Вот они — лампы накаливания, 37-мь штук, разной формы и размера, различной мощности, совсем новые и с ржавыми цоколями, с матовыми, прозрачными или уже с мутными колбами, но всего лишь 37-мь, а надо — 40-к.

Делать нечего, идем в спортзал, быстро пробежались по туалетам кафедры «Физической подготовки» и по всем раздевалкам, выкрутили еще две лампы. Осталась одна, последняя. Где?! Где же ты?! Ау?!

А вот она — красавица, прямо над дверью

«Преподавательской кафедры «Физической подготовки», в которой сидит человек наделенный властью отпустить нас домой на целых 14-ть суток или не отпустить. А совсем рядом висит очень нужная нам 100-вая лампочка и светит так ярко, так заманчиво, но высоковато висит, под самым потолком коридора — где-то 3-ри метра, не допрыгнуть…

Быстро становлюсь к стене в стандартную позу «арестованного» — ноги шире плеч, руки в упор на стену, а некультяпистый Витя карабкается мне на спину, причем, вместе с вещмешком полным предательски звенящих ламп.

Витя лезет на мою спину непростительно долго, постоянно соскальзывая. Ему очень мешается вещмешок, но банально положить его на пол, наш «умник» почему-то не додумался! А если нас заметят?! Это же просто 3,14здец — свистнуть лампу непосредственно над входом в «преподавательскую»! Вот наглость?! Тут уже однозначное расторжение всех договоренностей и новый круг «аккордных» работ без конца и края, к бабке не ходи.

Злобно но, очень тихо шипя, я всячески подгоняю Витю, который, больно истоптав мне всю спину, наконец-то выкручивает «проклятую» лампу и со страшным грохотом спрыгивает на пол (по 6-ть подковок на каждом сапоге, поймите правильно). А еще прибавьте мелодичный звон 39-ти лампочек в мешке?! Это надо было слышать! Музыка!

Не успел я одернуть шинель, приводя себя в порядок, как открывается дверь «преподавательской» и в «неожиданно потемневший» коридор (действительно, чего это вдруг так стемнело, ась?!) выглядывает «наш» лейтенант. Беспомощно и подслеповато щурясь в кромешной темноте, он с большим трудом различает наши «зловещие» и притихшие фигуры.

— Ну чего?!

— Принесли!

— 40-к?!

— 40-к, как договаривались!

Витя протянул лейтенанту вещмешок с 39-ю лампами и на закуску — отдельно вручил еще одну, предательски горячую «только скрученную», …ай молодца. Офицер жалобно «ойкнул», схватившись за раскаленную колбу лампочки, а Витя, не давая ему опомниться, выдал следующее предложение, откровенно подкупающее своей неожиданностью и новизной.

— Товарищ лейтенант, у вас тут в коридоре лампочка перегорела, давайте мы прямо сейчас и вкрутим!

И не дожидаясь согласия, быстренько вытянул из рук обалдевшего офицерика еще горячую лампочку, и старательно

кряхтя, опять полез мне на плечи. Вкрутив «их же собственную» лампочку на исконно-родное место, Витя опять с характерным грохотом спрыгнул на пол и счастливо улыбаясь, победно промолвил.

— Все 40-к, как в аптеке!

Я посчитал за благо тупо промолчать. Лейтенант тоже сделал вид, что ничего не понял или не заметил, а может и на самом деле, он так ничего не понял, кто знает?! Хотя, вряд ли…

Тем не менее, лейтенант не стал «возмущаться» нашей неприкрытой наглости и откровенной беспардонности, а незамедлительно позвонил Пиночету с благим известием, что никаких претензий к нам больше не имеет и просит выдать отпускные билеты на руки.

Покидая стены родной альма-матер чуть ли в первом потоке отпускников, я в пол-уха слушал бесконечный Витькин треп, когда он открыто и, не стесняясь в выражениях, глумился над «тупорылым» лейтенантом. Который так не осознал, что его «как писюневича» виртуозно облапошили два «общепризнанных» гения — это мы, то есть.

Пока Витя Копыто бессовестно рисовался и бездарно играл на публику, громогласно подсчитывая сколько именно раз, мы обвели вокруг пальца и нагло «поимели» бестолкового «летеху», свирепого Пиночета, мстительного Нахрена и все училище в целом, я размышлял о том, что Бог нашего Витю все-таки действительно любит, даже не обсуждается. Потому что, все наши отчаянные потуги решить проблему с отпуском были топорно шиты «белыми нитками», но нас все равно не поймали. Не поймали, когда мы сначала стырили все лестницы в училище, а потом, еще для полного счастья — украли все лампочки. Хотя, чего нас ловить, вот они мы… Хм! И это не мы кого-то, а именно нас в очередной раз поимели, причем, опять с извращениями…

И еще, я был искренне благодарен молодому лейтенанту с кафедры «Физической подготовки» — выпускнику «Лесгафта», который, несомненно, все прекрасно понял, но просто чисто по-человечески пожалел двух раздолбаев (почти своих ровесников), которым отчаянно хотелось в отпуск…

Когда на выпускном курсе, я успешно сдал все упражнения и нормативы по «физо» на чистые 5-ки, а «треклятое» упражнение на долбанных брусьях бездарно срезал на заслуженный «трояк», этот самый лейтенант напротив моей фамилии в экзаменационную ведомость «по ошибке» поставил 5-ть баллов, в результате чего, я получил и «красный диплом» и «мраморную доску»…

Спасибо тебе, добрый человек!

71. Двое из ларца, одинаковы с лица

Во все времена царской, русской, советской и российской армии всегда существовало и ныне существует неписанное правило — близких родственников, а именно — братьев, особенно — близнецов ни в коем случае не разлучать, а следует обязательно направлять для прохождения службы в одно подразделение. И, насколько мне известно, данный постулат выполняется неукоснительно и беспрекословно.

В нашей легендарной 4-й роте в 42-м классном отделении старательно (по мере сил и возможностей естественно) служили и весьма прилично учились два брата близнеца из средней полосы России, по фамилии Тутаевы.

Ребята были удивительно похожи, и поэтому, чтобы не мудрствовать лукаво, курсантская братия нарекла их — Тут и Там. Братья с удовольствием отзывались на данные прозвища, но тем не менее, все равно однозначно определить, кто перед тобой маячит — Тут или Там, было практически невозможно. Природа, а также родители братьев Тутаевых постарались на славу. Даже родинки на лицах братьев располагались идентично с точностью до миллиметра.

Братаны были огромные как два былинных богатыря. Рост в пределах чуть выше 185 см., бычьи шеи от ушей, покатые плечи, мощные руки, степенные и вальяжные движения. В тоже время, Тут и Там были немного рыхлые, имели явный «избыточный» вес в виде заметных жировых накоплений «на черный день» в районе груди и живота, которые комично трепыхались при ходьбе на манер холодца, но в целом, Тутаевых это не портило.

Честно говоря, братаны Тутаевы достаточно гармонично и эффектно смотрелись как два фундаментальных гренадера, кандидаты в гвардию, не иначе. Они выделялись из монолитного строя курсантов, как гора, то есть прошу прощения, как две горы и были знатным украшением нашей 4-й роты. Мы пугали братьями наших строптивых соседей и осаживали заносчивых забияк. Действовало безотказно, поверьте на слово!

За живописно «презентабельный» вид, Тута и Тама сразу назначили в «парадный расчет» училища, где они, олицетворяя «саму надежность», своими могучими плечами весьма живописно подпирали штатного училищного знаменосца, подчеркивая значимость и красоту торжественного момента выноса боевого знамени.

Тем не менее, как показывает практика, запредельный вес и

внушительная «имПУЗАНтная» внешность имеют оборотную сторону медали. Откровенно говоря, по «физо» (физическая подготовка) братья были откровенными слабаками. Но, не потому что природа обделила их силушкой. Как раз с силушкой у них было все в полном порядке. Чего-то неподъемное легко передвинуть или ухнуть что-то безмерно тяжелое?! Это Вам однозначно в артель общепризнанных грузчиков имени «братьев Тутаевых» или в фирму «Тутаев и брат», без вариантов. Не в этом дело.

Имея весьма впечатляющий запредельный вес, братья очень медленно бегали. Очень-очень медленно! Очень-очень-очень-очень… Ну не могли они быстро вскочить при старте из положения «лежа» и резвенько-прыжками, высоко вскидывая конечности (в идеале надо подбрасывать колени чуть ли не до уровня подбородка), как легконогий сайгак, пулей пролететь 100-метровку за 15-ть секунд. Не могли! Какой там 15-ть секунд?!

Братаны только в течение целой минуты, жалобно кряхтя, медленно и тяжело вставали сначала на одно колено, а только потом уже и в полный рост. А как они бежали злосчастную стометровку?! Господи, какая пуля?! Что Вы, что Вы?! В лучшем случае — степенно летящее ядро! …или даже нет, скорее всего — лениво катящийся валун! Вот!

Да и стандартная 3-ка для Тута и Тама была полный 3,14здец! Не хватало парням-великанам банальной выносливости, чтобы поддерживать скоростной режим от старта до финиша, отдышка мучила, и потели сильно, хоть ХБ на финише выкручивай.

Про марш-броски на 6-ть и более километров вообще молчу. Финишную линию несчастные братья пересекали исключительно в положении «волоком» и в полубессознательном состоянии. Стыд и срам, вопросов нет, а куда деваться?!

Ходить?! Пожалуйста! Хоть с рассвета и до заката, но медленно и размеренно. Можно даже с непомерными весами в рюкзаке за спиной или с телами парочки-другой «бездыханных» товарищей на плечах — легко! А вот бежать?! Увольте! Не обучены! Не приспособлены! Не могём, хоть стреляйте!

Со спортивными снарядами дела обстояли еще хуже. Между брусьев братья Тутаевы фактически не помещались по причине непростительной узости конструкции таковых. Не продумали изготовители спортивных брусьев и не предусмотрели дерзновенную возможность, что какой-нибудь средне упитанный бегемот или крохотных слоник изъявит страстное желание покрутиться «белкой в колесе» на этих самых брусьях. Недоработочка вышла с брусьями! Узковаты! Обещали исправить

в опытной партии, но не скоро!

До перекладины турника братья Тутаевы благополучно допрыгивали и даже умудрялись зацепиться, врать не буду, было такое. И Тут и Там замечательно фиксировали идеальный вис… вот в принципе и все. А чего больше то?!

Пока братья тупо висели неподвижными тушками (извиняюсь, бесформенными ТУШАМИ — данное слово наиболее верно характеризует незабываемое и завораживающее зрелище), турник постепенно и неизменно прогибался, а Тут и Там медленно опускались вниз, каждый раз касаясь ногами земли. При этом вертикальные стойки турника страшно изгибались, растяжки натянутые как струны жалобно скрипели и тихо постанывали, а поперечная перекладина напрягалась как тетива гигантского лука.

Когда, наконец, парням надоедало стоять на земле с поднятыми вверх руками и сдерживать изогнутое от непомерного напряжения железо, и братья разжимали свои уставшие пальцы, то напряженная металлическая конструкция (турник, то есть) резко освобождалась от невиданной массы. Распрямляющиеся стойки с воем долгожданного облегчения почти мгновенно принимали первоначальное положение, а поперечная перекладина с радостным визгом выстреливала в воздух, при этом, многократно вибрируя, возвращалась в исходное положение уже в несколько погнутом виде.

Как данные близнецы умудрились сдать вступительные экзамены по «физо» с достаточно жесткими нормативами, лично для меня всегда было непостижимой загадкой?! Тем не менее, братья Тут и Там благополучно поступили в училище ВВС и начались их ежедневные муки в прямом смысле данного слова.

Самое странное, что при весьма скудном рационе питания, парни совсем не худели?! Справедливости ради стоит отметить, что в еде они были абсолютно неприхотливы и с завидным аппетитом поедали все то безобразие (включая отвратный бигус) от которого брезгливо воротили рыло даже всеядные и образцово прожорливые училищные свинки.

К тому же братья Тутаевы были постоянными завсегдатаями училищного буфета, где курсантская очередь почтительно расступалась, пропуская двух вечно голодных гигантов за очередной порцией продуктов питания, причем не важно каких — от шпандориков до рыбных консервов «Килька в томате» («братская могила», в курсантской интерпретации). Тут и Там поглощали все, без разбору! Они постоянно чего-то жевали.

Безобидный детский стишок в исполнении 5-летнего сынишки нашего инструктора по автомобильной подготовке,

типа:

…люблю повеселиться, особенно, пожрать!

двумя-тремя буханками в зубах поковырять…

как нельзя лучше, характеризовал любимое времяпрепровождение братьев Тутаевых.

Учеба братьям Тутаевым давалась достаточно легко, головы у них были светлые, мозги жиром не заплыли, а вот «физо» было настоящим кошмаром и ежедневной изощренной пыткой. Вид двух огромных аутсайдеров, которые ежедневно жалко прятались в чахлых кустиках декоративной акации поджидая, когда 4-я рота наконец вернется, добежав до «дальней точки» стандартной дистанции, в наивной надежде, что их не заметят. Замечали, стыдили, наказывали. Две «горы мяса» регулярно стояли перед строем роты, стыдливо краснели, трогательно и жалобно вздыхали, но пробежать утреннюю дистанцию наравне со всей ротой не разу так и не смогли.

Как только их не драли на занятиях по физической подготовке?! Как их не дрючили на утренней зарядке?! Что с ними только не делали — занимались дополнительно, индивидуально, применяли различные заумные авторские методики, все бесполезно.

Забегая вперед, могу сказать, что братья Тутаевы выпустились из военного училища так и не научившись подтягиваться на перекладине ни одного раза. Не дано поднять такую массу, взять и оторвать ее от земли, не дано! Нет, не дано!

«Папаша Мюллер», наивно взявшись сделать из братьев Тутаевых гармонично развитых атлетов, в сердцах бросил начатое на первом же «персональном» занятии. А чего Вы хотели, если Тут сразу же безнадежно застрял в «окне» на полосе препятствий, перед этим позорно свалившись в бетонный ров с водой. А Там — тоже предварительно свалившись в тот же самый ров с водой (не смогли братаны перепрыгнуть ров с разбега… нужную скорость никак не набрали), затем Там, поднявшись по вертикальной лестнице, не смог встать в полный рост на «взорванном мосту»! И чего «папаша Мюллер» только не делал — и сам показывал многократно, ругался матерно и страшно, уговаривал ласково и нежно, даже угрожал немедленно отчислить из училища по профнепригодности… бесполезно! Никакие попытки вразумить «ушедших в творческий ступор» курсантов Тутаевых не возымели волшебного действия.

Вернув безнадежных братьев Володе Нахрену (командиру 4-й роты) «папаша Мюллер» ушел думать о смысле своей бездарной жизни (по слухам — в глубокую депрессию и в продолжительный запой).

А капитан Нахрен, мрачно прогуливаясь перед двумя мокрыми по ватерлинию — «по яйца» то есть, громилами, замершими по стойке «смирно», пришел к замечательному и единственно-верному (как ему тогда казалось) решению.

— Приказываю срочно похудеть! Никаких посылок из дома и никакого «чепка» — буфета! Увижу жующими, сгною в нарядах, все понятно?! О вас же забочусь, троглодиты ходячие! Вы же в отпуск однозначно не поедете, т. к. банально не сдадите «физо»?! Чего не ясно?! Папу с мамой увидеть не ходите, да?! Не соскучились по папе с мамой?! Ась?! Не слышу?!

Браться Тутаевы молча и синхронно вздохнули с откровенно жалким видом и безнадежным выражением одинаковых лиц. Ротный расценил этот вздох, как полное согласие с его «генеральной линией».

— Все, решение окончательное, обжалованию и даже малейшей попытке обсуждения, не подлежит! С этой минуты ничего, кроме рациона в столовой, не жрать!

Для братанов это «варварское» распоряжение командира было равносильно смертной казни. Они были готовы безропотно отсидеть в отпуске целиком и полностью, беспросветно и без малейшей надежды высунуть нос за периметр колючей проволоки, но остаться без продуктов питания?! Это… это… это негуманно! Вот!

Тем не менее, получив приказ командира ограничить себя в еде, парни продержались героически долго — почти полчаса. Когда капитан Нахрен зашел в училищный буфет прикупить сигарет, то первого кого он там увидел, был один из братьев Тутаевых, Тут или Там, не важно. Ему (одному из братьев, в смысле) выпал опасный жребий, и он воровато оглядываясь обильно затаривался свежими шпандориками и огромным кульком конфет — батончиками.

Так как брат Тутаев был в единственном лице то, возмущенный «таким законченным безобразием» Володя Нахрен, не мудрствуя лукаво, влупил ему свое стандартное наказание.

— Курсант Тутаев!

— Я!

— Пять нарядов!

— Есть!

Начислив достойное вознаграждение за невыполнение монаршего командирского приказа, капитан Нахрен спокойно занялся насущными делами.

Вечером того же дня, перед тем как убыть со службы домой, ротный, проходя мимо тумбочки дневального, обнаружил там грустного курсанта Тутаева, который (как ни странно) даже

ничего не жевал. Удовлетворенный увиденной картиной, офицер решил посетить туалет, чтобы не тащить домой груз ненужных проблем. Зайдя в ротную уборную, капитан с некоторым удивлением обнаружил в ней дневального по роте — опять же курсанта Тутаева, который весьма бодренько совершал плановую приборку.

Поскольку братья Тутаевы были абсолютно неразличимы, как будто отпечатанные на ксероксе, то Нахрен неожиданно поймав себя на крамольной мысли, что скорость курсанта Тутаева должна быть намного быстрее звука не иначе, чтобы вот так молниеносно обогнать командира роты и оказаться в туалете раньше его. Володя Нахрен некоторое время тупо молчал, наблюдая за работающим курсантом, тщетно пытаясь вспомнить имя «преступника Тутаева». В результате не обнаружив явных идентификационных признаков, позволяющих однозначно определить который из братьев в данный момент наводит уборку в туалете, капитан Нахрен выдал сакраментальную фразу.

— Так, курсант Тутаев! Ну-ка отвечай быстро! Это ты?! Или твой брат?!

— Я! Конечно же, я!

— Ага! Вот ты то мне и нужен! Пять нарядов отстоишь через день, чтобы неповадно было приказы командира игнорировать! Поспишь поменьше, поработаешь побольше, глядишь и похудеешь между делом?! Мало покажется, еще начислю, все понятно?! А теперь, иди давай отсюда, не мешай командиру о делах насущных думать!

Выгнав курсанта Тутаева из туалета, ротный неспеша «подумал» некоторое время о делах насущных и задачах нерешенных, а также о дерзновенных планах на будущее и с чувством глобального удовлетворения от качественно выполненного долга, двинулся в сторону дома. Проходя мимо тумбочки дневального, он подозрительно прищурил глаза и погрозил указательным пальцем дневальному Тутаеву, образцово вскинувшему руку в воинском приветствии и постаравшемуся максимально втянуть свой объемный живот хотя бы в пределы, визуально ограниченные поясным ремнем.

— Курсант Тутаев!

— Я, товарищ капитан!

— Так это все же ты или брат?! Только честно!

— Я, тащкаптан! А кто же еще?!

— Ну, ладно, верю.

По истечении цикла из 5-ти внеочередных нарядов, Володя Нахрен с несказанным удивлением обнаружил, что курсант Тутаев, подпиравший тумбочку дневального и заступавший «через

день на ремень» не выглядит откровенно изможденным или хоть чуть-чуть похудевшим. Более того, он имеет явно отдохнувший и посвежевший вид, неприличный румянец, и полон энергии без малейшего теоретического намека на «задроченность». В мозг Нахрена опять закралось смутное сомнение. Желая окончательно расставить все по своим местам, офицер «рентгеновским» взглядом посмотрел на пышущего здоровьем курсанта Тутаева и опять задал убийственный вопрос.

— Так, курсант Тутаев! Ну-ка отвечай быстро! Это ты?! Или твой брат?!

— Я! Конечно же, я!

— Ась?! Не врешь?! Точно ты?!

— Честное слово! Я!

— Ну, тогда ладно!

И, несколько удивленный, но в целом уже частично успокоенный, Володя Нахрен проследовал в свой кабинет.

А ларчик просто открывался — на тумбочку дневального, братья-близнецы заступали по очереди, что было очень удобно и весьма необременительно. При этом они на всякий случай, даже менялись «Военными билета» — вдруг командир роты потребует предъявить документ для скрупулезного выяснения личности. Но, до этого, дело так и не дошло, а визуально отличить где — Тут, а где — Там, наверное, смогли бы лишь родные папа с мамой.

Тем временем стрелка часов неумолимо бежала по кругу, учебный семестр подходил к долгожданному концу, приближалась зимняя сессия, а братья Тутаевы все также показывали стабильно безрадостные и абсолютно безнадежные результаты по физической подготовке.

Тут и Там уже фактически смирились с неизбежной перспективой гарантировано отсидеть весь зимний отпуск внутри периметра, обтянутого колючей проволокой, как вдруг в нашем училище ВВС в строгом соответствии с ранее утвержденным планом, начались спортивные соревнования по всем видам борьбы одновременно.

Как уже ранее отмечалось (см. «Спорт и приметы», «Сломанное ухо»), многие наши парни в своей «доучилищной» жизни активно занимались различными видами спорта, в том числе и борьбой, поэтому были несказанно рады любой официальной возможности тряхнуть стариной и размять косточки. А в перспективе — выступить на городе и на округ съездить, себя показать, да альма-матер родную прославить. Почему бы и нет?!

Вышедший к тому времени из продолжительной алкогольной депрессии после тесного и плодотворного общения с братьями

Тутаевыми, несколько помятый «папаша Мюллер», составляя отборочную таблицу борцов, озадаченно почесывал свою роскошную седую шевелюру. Картина вырисовывалась достаточно кособокая.

Если с борцами по дзю-до, самбо, вольному и классическому стилю в малых, средних и тяжелых весах был полный «кворум», а местами даже и частичный избыток, то среди «супертяжеловесов» просматривалось позорное белое пятно, в котором сиротливо маячила внушительная, но одинокая фигура командира 13-роты майора Медведева.

Это был двухметровый «медведеподобный» громила весом за сотню килограмм, да еще и с приличным довеском в полцентнера. Альтернативы ему в данной весовой категории фактически никогда не было и поэтому из года в год, он становился чемпионом училища на безальтернативной основе.

Затем, выезжая на соревнования в город или в округ, майор Медведев бездарно проигрывал на первой же схватке но, тем не менее, звание «чемпион всея училище ВВС» у него было гарантировано в кармане из года в год. Ну и статус великого борца в придачу естественно, куда деваться?!

Еще в качестве «резерва ставки» в списке «тяжеловесов» номинально числился прапорщик из складских работников — совсем не борец, но с весом персональной тушки немногим за сотню, и его периодически умоляли за пяток отгулов выйти на борцовский ковер, чтобы тот же Медведев хоть на ком-то продемонстрировал свое «непревзойденное» мастерство.

А чего Вы хотели?! Ребята в училище всякую дрянь не жрут по причине персональной брезгливости и полной несъедобности оной, а также, по причине непомерных физических нагрузок, максимальные веса у наших «казарменный Гераклов» были в районе 90 килограмм, не больше. Вполне хватало, кстати, и очень гармонично смотрелось при росте в 180–185 см., но «папаше Мюллеру» нужны были более внушительные особи.

Вспомнив про неудачную попытку индивидуальных занятий с двумя безнадежными «жиртрестами», «папаша Мюллер» ринулся в 42-е классное отделение, которое в данный момент сдавало плановый зачет по «физо». Ворвавшись в спортзал, озабоченный проблемой острой нехватки борцов в супер-мега-тяжелой категории, «папаша Мюллер» сразу зацепился цепким взглядом за два горилло-образных тела, которые понуро стояли с поникшими головами и почтительно слушали унизительно-уничижительные реплики в свой адрес со стороны инструктора-экзаменатора.

«Группенфюрер Мюллер» прервал тираду экзаменатора и громко рявкнул.

— Эй, слоны! А ну ко мне! Быстро!

Два увальня старательно топая, медленно приблизились к суровому полковнику.

— Бороться умеете?!

— Не а!

— А пробовали когда-нибудь?!

— Не а!

— А хотите попробовать?!

— Нуууууу, не знаем?!

— А в отпуск хотите?!

— Ага!

Как общеизвестно, отпуск — замечательный стимул для любого курсанта (по секрету скажу, самый лучший стимул), который подвигает молодого парня на свершения всевозможных подвигов и героических поступков.

Братья Тутаевы, внезапно осознав, что «борьба» — это единственная призрачная возможность поехать в отпуск на малую Родину, к маме на домашние пирожки и шанежки, все свободное время начали старательно копошиться на татами в борцовском зале, скрупулезно разучивая и многократно отрабатывая пару несложных приемов.

Со стороны, возня Тута и Тама напоминала неуклюжие сексуально-брачные игрища молодых гиппопотамов или убогое вальсирование двух ожиревших борцов сумо.

Тем не менее, стоит отдать должное, но за пару дней, оставшихся до соревнований, братья Тутаевы достаточно сносно отработали несколько приемов. А если честно, то в «приватной» беседе парни раскрылись, что все их надежды зиждутся на грубой силе и внушительной личной массе. Логично, массой и силушкой, их природа не обделила, это точно!

Итак, Борьба! Наступил день взвешивания! Чтобы не бороться друг с другом и не отнимать призрачные шансы поехать в отпуск, братья Тутаевы принимают гениальное решение — один из братанов привязал к спине блин от штанги и осторожно встал на жалобно застонавшие весы.

Есть рекорд — вес взят, парень выскочил из весовой категории брата в более высокую подгруппу, где неожиданно легко и непринужденно завалил майора Медведева.

Медведев, привыкший получать чемпионские звания и почетные регалии фактически на халяву, первоначально презрительно смотрел на бесформенное и рыхлое тело лысого курсантика, который таращился на «медведеподобного» майора с затравленным видом, хаотично хлопая испуганными глазенками. Ехидно ухмыльнувшись и пару раз «цыкнув» на неуверенного

соперника, Медведев пошел в напористую атаку. Но, как известно, стимул — великое дело, а храбрость — города берет!

Когда дело дошло до контактной схватки, майор Медведев банально попался на простецком приеме, испуганный Тутаев к всеобщему изумлению провел чистейший бросок с предварительным захватом, а Медведев комично шаркнул ногами по потолку борцовского зала и неестественно округлив в неописуемом удивлении свои глаза, бездыханным мешком рухнул на татами. Есть первые баллы. Вскочив на ноги, уязвленный Медведев решительно бросился на Тутаева с единственной целью немедленно отомстить непомерно обнаглевшему юноше, но опять попался на тот же самый прием (наверное единственный, что успел запомнить и выучить Тут) и опять смешно взбрыкнув ногами в воздухе, звонко шлепнулся на ковер, да еще и под удержание на лопатках. Чистая победа!

Второй братан — Там, недолго покопошившись с соперником из своей подгруппы — толстым и ленивым прапорщиком, который похоже вообще не был настроен бороться, тупо завалил «складского работника» под себя и окончательно подмяв противника своей тушей, вынудил его «просить пощаду» похлопыванием ладони по ковру. Есть контакт!

Так совсем неожиданно, два одинаковых по весу братана взяли призовые места в двух различных весовых категориях. Чемпионы!

«Папаша Мюллер» сдержал слово и, поставив им итоговые «тройки», обеспечил поездку в зимний отпуск.

Дальше-больше, братаны Тутаевы достаточно прилично выступили на городских соревнованиях, где заняли какие-то призовые места и с недурными надеждами показали себя на округе.

«Папаша Мюллер» опять сдержал свое полковничье слово и закрыл им оценки по «физо» на очередной сессии.

Вот таким неожиданным образом, братья Тутаевы, так и не научившиеся подтягиваться на перекладине, бегать различные дистанции, проходить полосу препятствий и т. д. и т. п. стабильно выставлялись на всевозможные борцовские состязания, где на удивление показывали приличные результаты, а в качестве поощрения, получали гарантированные «3» и «4» в оценочные ведомости.

Более того, насколько мне известно со слов Валеры Гнедовского — к.м.с. по классической борьбе, головокружительный успех братьев Тутаевых впервую очередь обусловлен, что «супер-мега-тяжелых» борцов найти в армии совсем непросто и поэтому командование зачастую выставляет на

соревнование «абы кого» — чисто для галочки.

Тот же Гнедовский по секрету делился, что Тут и Там иногда практиковали «подмену» на борцовских соревнованиях, выступая друг за друга, т. к. одному легче давались подсечки и захваты, а другой тупо заламывал противника своей грубой силой, то есть подбирали «индивидуальный» подход к каждому противнику.

А в 4-й роте «с легкой руки» капитана Володи Нахрена прижилась стандартная шутка.

— Привет! Это ты?! Или твой брат?!

72. Скучно

Во время учебы в незабвенном училище ВВС, курсантов одолевала постоянная скука, местами переходящая в откровенную «тоску зеленую». Дни тянулись в монотонном однообразии и сплошной рутине. Каждый последующий день был поразительно похож на предыдущий. Как шарики в подшипнике. Зачастую возникало ощущение «дежавю» — где-то уже видел, недавно проходили, плавали-знаем. Ощущение реальности постепенно подменялось унылой картиной «бесконечного бега по кругу» из абстрактного сюрреализма. Иногда казалось, что время незаметно замкнулось само на себя и елозит как заезженная пластинка. А временами замедляет ход и даже останавливается.

Все титанические усилия и вулканическая энергия отцов-командиров были однобоко направлены лишь только на улучшение качества непрерывного процесса нашего обучения и организацию военной службы. Вопросов нет, командование училища было озабочено и озадачено благородной целью — планомерно и неизбежно «перековать» вчерашних «школяров-раздолбаев» в будущий цвет и гордость Вооруженных Сил СССР, а в частности — в бравых соколов ВВС.

Мы, естественно сопротивлялись в процессе «перековки» как могли, т. к. расставаться с беззаботным детством совсем не хотелось, а строгие преподаватели и суровые командиры терпеливо настаивали.

В результате, «негласная» война между ленью и безалаберностью (с нашей стороны) с прочными фундаментальными знаниями и уставной воинской дисциплиной (со стороны армейского руководства) шла с переменным успехом. Промежуточные сводки с «полей учебных фронтов» подводились ежемесячно, строго 20-го числа.

То есть, каждый месяц, как ни странно приходило 20-е чисто, и для всех курсантов наступал момент истины. Умные дяди в учебном отделе училища старательно сводили в единые ведомости наши более чем скромные успехи, все «это» скрупулезно анализировалось и достаточно эмоционально выплескивалось в наши уши на традиционном подведении итогов за календарный месяц.

Цель данной процедуры предельно понятна — каждый курсант имеет право и обязан знать реальное положение дел со своей успеваемостью по каждому учебному предмету. А твой ближайший сосед в монолитном строю воинского подразделения

должен иметь полное представление, кто именно из курсантской братии — дундук слева или мудак справа, тянет этот самый «монолитный строй» назад — в позорную яму хаоса, во тьму постыдного мракобесия и в преступную вакханалию потенциальных нарушений воинской дисциплины. Во, как! И кому конкретно из братьев-курсантов надо выказать свое решительное недовольство (каким именно способом, это личное дело каждого), что Пиночет опять закрыл увольнения в город для всего подразделения, пока мы в свою очередь не закроем «хвосты» и не подтянем воинскую дисциплину на должный уровень. Воспитание коллективом, куда деваться?!

Накануне наступления очередной учебной сессии, традиционное подведение итогов решили провести в составе всего 1-го учебного батальона. Для осуществления данного эпохального мероприятия на центральном плацу училища построили шесть рот второго курса, выставили громкоговорящую аппаратуру, а Пиночету принесли красную папку из учебного отдела с предварительными результатами за семестр. Подготовка к процедуре нашего идейного вдохновления и убедительного настроя на успешную сдачу экзаменов, а попутно еще и процесс воспитания с истеричным давлением на остатки «какой-то» совести, началась.

С откровенной опаской, а также смешанным чувством брезгливости и тихого ужаса, полковник Серов заглянул в оценочные ведомости. Мде… Лучше бы, он этого не делал. Так и «Кондратия» с инфарктом и с инсультом получить можно. Причем, гарантированно, все и сразу. Это же в учебном отделе служат специально обученные офицеры, ко всему привыкшие и не такое видавшие, а вот несведущим отцам-командирам с их нежной психикой и трепетной душевной организацией «такие» оценки лучше после пары стаканов валерьянки или чего покрепче, градусов эдак в 40-к, смотреть можно и то, мельком. Одним глазком. С расстояния в пятьсот метров, не ближе. Ну ладно, давай уж… начинай… воспитывай… Сам захотел себе нервы трепать…

Комбат, взгромоздившись на помпезную трибуну из белого мрамора, страшно ругался, местами, даже матерился, периодически взывая к нашей совести и стыдя нас всякими нехорошими и нелитературными словами. Фи, как некультурно?!

Самые мягкие высказывания были следующие: «Бля, у нас не училище ВВС, а какая-то фабрика деревянных игрушек! Понабрали по объявлению кого ни попадя — кто в ПТУ по среднему баллу не прошел, да из интернатов для дебилов и олигофренов через дырку в заборе сбежали! Принимаем чурки

дубовые, выпускаем или Буратино, или неликвидные пиломатериалы в виде трухи и опилок! Вы же деревянные! Вы стадо идиотов с явными признаками вырождения! Интеллекта как не было, так и не видно… Где наличие интеллекта, где оно?! Хоть кто-нибудь, может мне показать свой интеллект?!»

Чем больше комбат углублялся в папку с оценочными ведомостями, тем активней портилось его настроение. Хотя, между нами говоря, он всегда и постоянно был «не в духах». А что поделаешь?! Работа такая…

А в это время в голубом небе, прямо над нашими бессовестными головами, летит серебристый самолет. Высоко летит, а за ним белый след тянется. Красиво!

— Как же вам — беспросветным кретинам, технику многомиллионную доверить?! Она же летать должна, а не на головы советским гражданам падать?! Ась?! Я вас спрашиваю?! Живете тут на всем готовом, государство вас кормит, поит, в бане вашу сраную жопу мочалками драит в смутной надежде, что вы?! А вы?! Эх, вы?!

Пока Пиночет отчаянно взывал к нашей совести (кстати, поголовно сданной на длительное хранение еще при первичном пересечении порога КПП училища), курсанты-озорники-камикадзе (с Пиночетом шутить — себе дороже, многократно проверено, поверьте на слово) из задних шеренг монолитного строя 1-го учебного батальона, в четверть голоса затянули незамысловатую песенку на мелодию общеизвестного «похоронного марша». (не судите строго и поймите правильно, мы ж еще были детьми, пусть большими, дурными и бестолковыми, но детьми) Итак! Тихо-тихо, в глубине строя рождалась песня…

Туууу! Стоооо! Че-тыыы-ре! Саааа-мый быыыыст-рый саа-мооо-лет!

Туууу! Стоооо! Че-тыыы-ре! Ниии-кооог-даааа нееее упааа-дёёёёёт!

Затем, уже в полголоса припев импровизированного «похоронного марша» подхватывался многоголосым хором остальной разбитной курсантской братии, и по училищному плацу все с нарастающей громкостью, но еще не очень наглой (чтобы не дай Бог, долетело до ушей праведно-возмущенного комбата), неслось с явным надрывом и показным драматизмом в голосе.

Наааааааа-до быыы-ло пооо-ездом!

Наааааааа-до быыы-ло пооо-ездом!

И опять, тихо и мрачно, с каменным выражением комично-бессовестных лиц, якобы трепетно внимающих каждому

драгоценному слову обвинительно-уничижительной речи полковника. А на самом деле…

Туууу! Стоооо! Че-тыыы-ре! Саааа-мый быыыыыст-рый саа-мооо-лет!

Туууу! Стоооо! Че-тыыы-ре! Ниии-коооог-даааа нееее упааа-дёёёёёт!

Офицеры — командиры взводов и рот, стоящие в одном строю рядом с нами и с показным усердием благоговейно внимающие справедливые упреки безмерно раздраженного Пиночета, естественно слышали наши незамысловатые потуги на оригинальность, но активно не реагировали, в строю не метались и спонтанное «народное творчество» пресекать даже не пытались. Т. к. понимали, что процесс бесконечного и планомерного порева уже давно прошел «порог восприятия» и личный состав курсантских подразделений на все туго забил и драть его, мозги сушить, и регулировать непопулярными мерами — себе дороже и абсолютно бесперспективно. Не чувствует личный состав «боли»! Не чувствует! Ни физической, ни моральной! Тем более, уже не кто-то «один», «сам» в отдельности, а весь цельный коллектив устал от «ежедневных процедур плановой задрочки». Все, приехали! Предел. Критическая масса.

Сейчас, как раз наоборот целесообразно резьбу чуть-чуть и незаметно ослабить, т. к. ребятами сами в отпуск хотят «к мамкам, нянькам, куклам, тряпкам», как говаривал М.И.Кутузов в фильме «Гусарская баллада», выпроваживая безусого корнета домой. Поэтому, сами курсанты, гораздо больше праведно возмущенного командования, были заинтересованы подтянуть свою откровенно просевшую учебную успеваемость, спихнуть «долбанную» сессию и благополучно свалить в долгожданный отпуск. Сейчас лучше ослабить вожжи, и пустить все на самотек. Парни уже не маленькие, не первый год учатся, задолжности по учебным предметам сами распырхают и все «хвосты» закроют. Главное — им не мешать, на мозги не давить, нервы не массажировать и лишний раз не дергать.

Пиночет еще долго чего-то грозно вещал с трибуны, гневно потрясывая над своей головой списком откровенно убогих результатов по всем учебным программам, но его никто не слушал.

Все курсанты, и не только курсанты, но и офицеры, незаметно улыбались одними краешками губ, а из глубины монолитного строя, почти в «тысячу штыков», тихо, но мощно, с переливами на красивую многоголосую тональность, неслось надрывное…

Наааааааа-до быыы-ло пооооо-ездом!

Наааааааа-до быыы-ло пооооо-ездом!

Ту! Сто! Че-тыыы-ре! Сааaа-мый……

Итак. Воспитательные процедуры закончены, увольнения в город для нас в очередной раз «наглухо» закрыли, чтобы все курсанты непременно осознали, что «так жить» дальше нельзя, что озабоченное и возмущенное командование этого не потерпит, что надо напрячься, взяться за ум… и мы двинулись учиться дальше, набираться так, сказать уму-разуму.

А в запредельной синеве чистого уральского неба, серебристый самолет все дальше уверенно чертит пушистую белую линию — инверсионный след. Куда летит?! Куда несется?! А какая собственно разница?! Эх, красота! Пока Пиночет бубнил чего-то, далеко авиалайнер улетел, почти за горизонт!

Жека Ящиков, находясь под впечатлением от «утренней чистки мозгов через анальное отверстие», с нескрываемым поросячьим восторгом поглядывая на летящий самолет, выдает незамысловатое четверостишие.

Белоснежный лайнер «Ту»
Развалился на лету
Потому что из ВАТУ
Выпускают «х*ету»!

p. s. ВАТУ — военное авиационно-техническое училище

Самокритично, ничего не скажешь. Ладно, как ни крути, а пора за голову браться. Действительно, сессия на носу, а у нас куча лабораторных занятий не закрыта, семинары завалены, и коллоквиумы в загоне! Пора бы и спихнуть чего?! Все, решено, беремся за ум! Вот прямо сейчас и беремся! И начинаем старательно учиться, конспектировать лекции, заниматься на самоподготовках, а не спать, писать письма на родину, играть в домино и карты и …

А как учиться, когда на супермегасерьезной лекции по «Истории КПСС» в огромной аудитории из рук в руки гуляет старая, желтая и откровенно засаленная бумажка с «вековой мудростью», трепетно хранимая и передаваемая из поколения в поколение, а на ней корявым почерком выведены нетленные строки неизвестного автора…

ИКАР
Согласно древнему поверью,
Случилось это в старину.
Когда Икар сидел с Дедалом
На жутком острове, в плену.
Когда кругом враги шныряют,

Нужны тут хитрость и обман.
И вот отец и сын решают
Бежать, чрез пятый океан.
Икар на скалах птичьи перья
Для крыльев будущих собрал.
Дедал же, как гласит поверье,
Пчелиным воском их скреплял.
Проходит времени немного,
Готовы крылья для двоих.
И вот небесная дорога
Открыла свой простор для них.
Махая лёгкими крылами,
Они в неведомый полет!
Над островами и морями
Неслись все дальше и вперед!
Еще тогда, расправив крылья,
Икар впервые напевал:
«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью…»
Мотив тот, нынче маршем стал.
Полет Икара и Дедала
Открыл небесное житье
И авиации начало!
И продолжение её!
Икар забыл про дисциплину,
Нарушил грубо НПП. (НПП — наставление по полетам)
А это ведь в делах старинных
Вело к воздушному ЧП.
Он от маршрута отклонился
Вираж у солнца у закрутил.
Тут воск на крыльях растопился
И вниз, пилот «заштопорил»
Но, не имея парашюта
На скалы острые упал.
Тут на какую-то минуту
Настал трагический финал.
Сквозь зубы сплевывая воск,
Икар сказал, смежая веки:
«Да, видно, в этом роде войск
Бардак останется навеки?!»
И с той поры его заклятье,
Как неизбежное проклятье
Над авиацией висит
И всем делам ее вредит.
То техник после полбутылки

Забыл заправить самолет.
То вместо выпуска закрылков
Вдруг летчик, шасси уберет.
То «бочку» крутит над домами,
То пролетает под мостом.
То падают машины сами,
И пассажиров бьют при том.
Нам это все небезразлично,
Ведь мы живем в машинный век,
Когда летает самолетом
Почти что каждый человек…
Икар с Дедалом — два пилота
Первопроходцы! Молодцы!
Всегда почтим за труд, за смелость
Мы их, достойные сыны!

и т. д. и т. п., что-то так, полную версию стиха, история не сохранила. Есть предположение, что папирус с «первоисточником» сгорел во время общеизвестного пожара в Александрийской библиотеке.

Какие лекции?! Какие конспекты?! Когда сие великое творение надобно срочно перекопировать исключительно с благой целью, чтобы трепетно сохранить и торжественно передать следующему поколению авиаторов.

Так вот, упирая на учебные процессы и на службу войск — караулы, наряды, хозработы и прочий рабский и бесплатный труд, руководство училища напрочь упускало из вида такие немаловажные моменты, как развлечения. Да-да, элементарные развлечения. С развлечениями в училище был откровенный напряг.

Ученые биологи, зоологи, психологи и прочие «ологи» и те регулярно ломают свои умные головы и выносят мозги наружу, решая немаловажную проблему, как же озадачить диких зверей в зоопарке, чтобы они хоть чем-нибудь занимались на досуге, а не впадали в гарантированную депрессию, которая неминуемо наступает вслед за элементарной скукой.

И ведь решают же, при небольшом желании и маломальской выдумке. Белые мишки в бассейне купаются, обезьяны на трапециях болтаются, слоны красками рисуют, дельфины перед детьми выступают, лошади малышню катают, кролики размножаются и т. д. Вороны бездомные и те себе что-то придумывают — собак и кошек подразнить, на крышах покататься как на горках американских, да спереть чего-нибудь успешно. Ну,

чем не развлечения?!

А курсантам военного училища почему-то была отведена роль пассивных наблюдателей за активной жизнью, которая в этот самый момент проходит мимо — бурлила и переливалась всеми красками и соблазнами за колючей проволокой внешнего периметра военного училища. Шутки шутками, но постоянная изоляция от внешнего мира просто угнетала, а временами начинала тупо бесить (см. «Нервы, нервы, нервишки»)

Телевизор — 35 минут в день на просмотр программы «Время». Потом еще появился «Прожектор перестройки». Аллилуйя! По воскресеньям — «Служу Советскому Союзу» и все!!! Пипец! Шикарно, не так ли?!

Про репертуар училищного клуба вообще постараюсь промолчать, ибо «Чапаева» посмотрел 17 раз, «Юность Максима» — 14, «Броненосец Потемкин» — 12, «Ленин в Октябре» — 11 раз. Как говорится, комментарии излишни!

Чтобы курсанты не скучали и не страдали онанизмом, по субботам после окончания учебных занятий проводилась «еженедельная половая жизнь» (см. «Особенности половой жизни»), по воскресеньям — праздничная эстафета на 3 километра или не менее «праздничный» марш-бросок на 6-ть, а то и на 10 километров с оружием и противогазом. Обалдеть какой праздник!

Вообще, честно говоря, понятие «праздник» в гипертрофированных умах армейского начальства приняло какую-то откровенно выраженную садистскую направленность. Ничего себе ПРАЗДНИК?! Месить сапогами раскисшую от дождя глиноземную почву или глотать пыль, умирая от жары и страшно потея, сбивать ноги в кровь (в зависимости от погодных условий, а «спортивный праздник» состоится при любой погоде). А на финише некоторые ребята еще и обильно поблюют желчью в ближайших кустах. Для усугубления «праздничного» настроения, не иначе.

Зимой, естественно, отдельный праздник — кросс на длинные дистанции на тяжеленных сучковатых дровах с неожиданным названием — лыжи. Тоже удовольствие весьма сомнительное и плохо забываемое. До сих пор иногда по ночам мне сняться такие замечательные праздники (см. «Папаша Мюллер») Я с тоскливым восторгом обреченного выхожу на «Старт», принимаю привычную позу «бегущего египтянина»! Внимание! Марш! …в это время спасительно звонит будильник — пора вставать на работу! Уф! Лучше на работу, чем на лыжный кросс на 10 км с паразитным грузом на ногах в виде лыжный пиломатериалов и с кривыми палками в руках, да еще и с

оборванными ремешками…

И естественно, самое любимое наше «развлечение» в зимнее время года — это долбить толстенный лед в мороз — 30-ть и ниже, до состояния идеального асфальта! Учитывая, что на Урале-батюшке, зима по 9-ть месяцев, а скоротечное и незаметное лето — это плавный переход с весны на осень, то снег чистили и лед долбили достаточно часто! Как бы даже не сказать — регулярно. ПесТНя одним словом. (см. «Снежные барсы»)

Порядком утомившись от таких несколько однообразных официальных «развлечений» курсантская братия, не мудрствуя лукаво, стала искать некую приемлемую альтернативу, чтобы не сойти с ума от скуки, планомерно переходящей в «тоску беспросветную», и создать себе повод хоть немного улыбнуться и слегка повеселиться на кратковременном досуге.

Скажу сразу, наши развлечения были достаточно специфичными и слегка выходящими за рамки общепринятых, поэтому некоторым гражданам понять «такую развлекуху» будет достаточно проблематично. (см. «Проверка на жадность» и «Боевая ничья») Но, как упомянул общепризнанный теоретик марксизма-ленинизма Карл Маркс (по версии нашего комсорга Сереги Филина) в интимной переписке со своей преданной женой Фридрихом Энгельсом: «Бытие определяет сознание!»

Так как мы жили в условиях строгой изоляции от внешнего мира и соблазнов нормального общества, а также под давлением ежедневного морального и дисциплинарного прессинга, то и развлечения у нас были соответственно несколько своеобразные. (про искрометные и разрушительные опыты со взрывчатыми веществами будет отдельная история)

Относительно свободное время для курсантов наступает только после долгожданной команды «Отбой» и убытия дежурного офицера домой.

Воруя у себя же любимого дефицитную возможность поспать, немного отдохнуть и восстановить свои потрепанные силы, мы всячески пытались найти любую возможность и малейший повод для того, чтобы немного развлечься, испытать прилив позитивных эмоций и гарантированно позубоскалить.

Вот, например, несколько разновидностей незатейливых безобразий, с многообещающими последствиями, но вполне доступных для быстрой реализации. Итак.

Берется обычная стеклянная бутылка из под лимонада (во времена развитого социализма в государстве не было пластиковых бутылок, не изобрели еще, наверное) и наполняется обычной водой из под крана.

Бутылка с водой затыкается ветошью (куском портянки или

вафельного полотенца) и аккуратно вставляется в сетку кровати второго яруса непосредственно над физиономией сладко посапывающей жертвы — фигуранта, так сказать, сладкой мести или просто нечаянно попавшего «под раздачу» ничего неподозревающего парня (ничего личного, поверьте на слово)

Тряпка под действием водички постепенно намокает (в строгом соответствии с эффектом смачивания), и вода начинает понемногу подкапывать на лицо курсанта. Сначала подкапывает очень редко и по чуть-чуть. Затем, по мере намокания тряпочной «затычки», все активней.

В первое время, «жертве» наверное сниться, что ему на лицо села какая-то хрень и он начинает, не приходя в сознание, понемногу и достаточно вяло отмахиваться «от назойливой мухи», все активней подключая мимику лица.

Картина просто уморительная, поверьте на слово! Хваленый мим Джим Керри рядом не валялся, даже не обсуждается! Кстати, при желании можете попробовать на своем знакомом или на близком родственнике.

Затем, водичка начинает подкапывать все активней, безжалостно заливая лицо и кровать «жертвы». «Неожиданно» промокший курсант вынужден просыпаться и что характерно, не в самом добром расположении духа, поверьте на слово.

И вот, брезгливо открыв один глаз, парень с омерзением осознает, что ему на лицо капает какая-то противная, да еще и мокрая жидкость?! Вот что за дрянь?!

Т.к. сознание человека, крепко спящего еще каких-то пару минут назад, как правило отказывается активно и адекватно анализировать сложившуюся ситуацию, то в зависимости от текущего состояния личной нервной системы, возможны несколько путей решения возникшей проблемы:

1) наплевав на источник внешнего раздражения, курсант банально натянет одеяло себе на голову, изолируя свою «морду лица» от неприятного воздействия капающей водицы и героически проспит в таком неудобном положении до самого утра, проснувшись в приличной луже и во влажном белье;

2) разумно предположив, что у его горячо любимого соседа сверху (спящего на втором ярусе кровати) случился несанкционированный приступ обильного энуреза, искренне возмущенный таким безобразием, «пострадавшая сторона» даст мощного пинка двумя ногами в провисшую сетку кровати второго яруса;

Опять же, в зависимости от направления вектора приложения и величины значения момента силы двух пяток «соседа снизу», мирно спящий и ничего не подозревающий «сосед сверху»,

внезапно подлетал под самый потолок казармы и, частично проснувшись уже в момент катапультирования, причем в состоянии «невесомости» в наивысшей точки полетной траектории, с ужасом осознавал, что под действием силы гравитации (открытой еще Исааком Ньютоном и которую, как Вы понимаете, никто не отменял, кстати), неизбежно летит вниз — «в бездну». А «это» очень «страшно», особенно спросонья, когда мозг еще окончательно не проснулся и организм функционирует только на инстинктах самосохранения, прописанных где-то на генетическом уровне.

Итак, свободный полет, паника, крики, вопли и все такое… весело! Иногда в процессе приземления, некоторые наиболее легковесные экземпляры, прописанные на втором этаже кровати, пролетали мимо койки и приземлялись на пол. Тогда уже начинались «дипломатические» разборки из серии изысканного политеса:

— Ах ты, скотина! Ты что творишь, говнюк?!

— А ты, зассанец! Завяжи себе член морским узлом, а то вся кровать мокрая…

Но, как правило, и как показывала регулярная практика таких полетов и последующих разборок, до открытого боестолкновения дело никогда не доходило и в результате, никто из ребят не обижался.

3) ОСНОВНОЙ ВАРИАНТ развития событий: постепенно просыпающийся фигурант запланированного развлечения, подвергнувшийся несанкционированному потопу «сверху», спросонья, в темноте спального помещения, скупо освещенного дежурным освещением, начинал хаотично искать источник с «живительной влагой». В конце концов, курсант обнаруживал висящую над собой некую фигню, потянув за которую, он естественно вытаскивал ветошь и откупоривал бутылку. В качестве бонуса на призовую игру на него сразу же изливался щедрый водопад. Вставай, приехали!

После незапланированного душа, вдоволь пометавшись по спальному помещению в приступе бессильной ярости и праведного гнева, и не обнаружив явного «виновника данного торжества», пострадавшей стороне оставалось только снять мокрые спальные принадлежности и, перевернув матрас на сухую сторону, быстренько падать в койку. Чтобы доспать в тишине и спокойствии положенное время, оставшееся до утренней зарядки.

Вы удивитесь, но именно в этот момент сон был наиболее сладкий и умиротворенный. Т. к. погружаясь в желанную негу и блаженную нирвану, мокрый курсант с упоением и восторгом уже тщательно прикидывал и досконально просчитывал какие именно

«заслуженные кары» он устроит в следующую ночь, обрушив справедливое возмездие на всех и на каждого, кто мог быть причастным к сегодняшнему «заплыву».

То, что пострадавший мог банально ошибиться и «наказать» невинного, обычно никого не волновало, т. к. данная игра тянулась перманентно бесконечно и под ее раздачу рано или поздно попадали все ребята без исключения, включая и того, кто ее начал первым.

Попутно, развлечения и мелкие пакости могли носить и воспитательный характер — благие цели, так сказать. Так, еще на первом курсе, одному сержанту-зазнайке вылили в сапоги пол-литра дефицитного клея ПВА. Жалко конечно (в смысле, клей ПВА жалко), а что делать?! Надо же донести до человека, что он не прав и сплоченный воинский коллектив данное положение дел безропотно терпеть не намерен.

А сержант в свою очередь, получивший шанс задуматься над своим недостойным поведением, пересмотрел отношение к жизни и остался вполне вменяемым человеком.

Некоторым особо упрямым и патологически туповатым, приходилось время от времени повторять нечто подобное, т. к. процесс планомерного воспитания сержантского состава роты прерывать не гоже, а то «звездная» болезнь может выйти из под контроля и перейти в лавинообразную хронику! А это неправильно! Если человек оторвался от коллектива и фактически гибнет на наших глазах, мы всегда готовы протянуть ему руку помощи или нассать в сапоги, вопросов нет.

Выбрать тот или иной вариант дружеского курса лечения, добровольное дело каждого. Кто не понимал предупреждения, получал более радикальный курс интенсивного лечения, но без мордобоя естественно. Нельзя своего собрата по оружию кулаком по физиономии прикладывать! Неправильно это! Не по-товарищески и негуманно, когда в нашем арсенале были более доходчивые методы воздействия, гарантировавшие положительный результат.

Зубную пасту на волосы почти не мазали! Дефицит! Да и волосы коротко подстрижены. Эффект не тот, что в пионерском лагере в школьные годы!

Тем не менее, шутили постоянно. Шутили как могли, но всегда беззлобно. Петровичу из Пензы ночью на сапоги накрасили белой краской по три полоски. На утреннее построение он вышел в армейской обуви гламурной модели «а-ля-Адидас». Вся 4-я рота с восторгом пропела: «Адидас! Три полоски!!!» (на мотив песни «Учь-Кудук» популярной группы «Ялла»)

Знатному храпуну Вите Копыто время от времени надевали

на кончик носа спичечный коробок. И крепко спящий Витя максимально использовал всю свою богатую мимику лица, пытаясь, не прерывая сладкого сна, снять с носа раздражающий его предмет. Он комично шевелил носом, старательно вытягивал губы в трубочку, непроизвольно хлопал ушами и т. д. и т. п. А вся казарма, сгрудившись вокруг Витькиной койки, зажимала друг другу рты и тихо давилась от хохота, дабы наш общепризнанный храпящий мим не проснулся и концерт «по предварительным заявкам» не закончился.

Однажды Витю вынесли в технический коридор вместе с кроватью и поставили в спортуголок. Проснувшись в «незнакомом» месте, Витя долго осматривался по сторонам, удивленно протирая глаза. Перед тем как, Витя все же решился слезть с кровати, он долго и жалобно кричал: «Люди! Где Вы?! Ау?!»

Снимали спящих ребят со второго яруса вместе с их койками (в целях экономии жизненного пространства койки в казармах ставились в два яруса) и ставили на пол. А теперь представьте, как просыпается утром человек, привыкший по команде «Подъем» инстинктивно спрыгивать с высоты под 160 сантиметров. А сегодня пол то рядышком?! Удивительно, да?! Надо было видеть выражение лиц парней, «спрыгивающих» на пол с высоты 20-ть сантиметров?! Изумление вперемешку с ужасом! Словами это не передать.

Или аккуратно снимали кроватную сетку со спящим парнем на первой ярусе и перекладывали на второй. Тоже было неплохо наблюдать, как утром, привычно свесив ноги с кровати, частично проснувшийся юноша с ужасом обнаруживал, что до пола «ой, как далеко». Ма-ма! Снимите меня отсюда!

Меняли сапоги у соседей по кроватям. Громила-богатырь в утренней спешке при команде «Подъем» за 45-ть секунд быстро натягивал сапоги на два размера меньше, а коротышка с ножкой от Золушки выползал в строй на «взлетку» в противотанковых шкарах 46-го размера, тяжело волоча их по полу, рискуя ежесекундно выпрыгнут из безразмерного голенища.

Частично меняли форму одежды, аккуратно уложенную на табуретках возле кроватей. В результате, поутру, галифе надел свое, быстро нахлобучил пилотку, а гимнастерку 44-го размера натянул «соседскую» уже на бегу при экстренном построении.

На финише имеем рукава по локоть, на груди гимнастерка не сходится, а его оппонент стоит, чуть ли не в «плаще по колено» и с рукавами, свисающими до пола, застегнув крючок воротника в районе своего пупка.

По ночам пугали суточный наряд. Например, в дальнем

туалете ставили стул из «ленинской комнаты», брали плечики для одежды и с помощью ниток, иголок и запасной формы ХБ формировали фигуру (галифе пришивали к гимнастерке в единое целое), которую «сажали» на стул. А плечики, вставленные в гимнастерку через крючок светильника на потолке, привязывали веревкой к входной двери туалета и выкручивали лампочку электрического освещения.

В результате, посреди ночи, полусонный дневальный шел в туалет осуществить плановую уборку. Нажимал на включатель, свет естественно не включался. Парень, плюнув на освещение, все равно открывал дверь, чтобы разобраться еще и с «перегоревшей» лампочкой. Веревка, привязанная к ручке двери, натягивалась и через крючок на потолке поднимала плечики, на которых висела бесформенная фигура.

А теперь представьте как душераздирающе орал дневальный по роте, увидев в полумраке туалета бесформенную фигуру, которая «прыгает ему навстречу»?! Громко орал! Очень громко! Некоторые ребята, особо слабонервные, штанишки потом застирывали.

В условиях монотонных будней, любое событие, выпадающее из однообразной череды, воспринималось как «веселуха». Мы сами искали и создавали себе развлечения. И чего мы только не делали?! Пытливый ум при небольшом желании способен много чего изобрести и придумать, а в частности.

Пропускали брючной ремень галифе спящего парня через спинку кровати. Утром, по команде старшины автоматически схватив при «подъеме» штаны и ломанувшись с ними в коридор на «45 сек», курсанты вставали в строй, чуть ли не вместе с двухъярусной кроватью.

Заколачивали двери прикроватных тумбочек, переворачивали звездочки на пилотках и «крабы» на шапках, перекручивали хлястики на шинелях в виде пропеллера. Короче, веселились, как могли, чудили по любому поводу.

Чтобы пошутить над дежурным по классу, толкли и размачивали мел, пропитывая этой белой массой тряпку. В результате, малейшая попытка стереть надпись с учебной доски приводила к ее качественной побелке и покраске…

Звонили на тумбочку дневального и «измененным офицерским» голосом отдавали строгие указания какому-либо курсанту срочно явиться в кабинет командира роты, комбата, начальника особого отдела (жестокий вариант). Могли поднять роту по тревоге (прокатывало только на 1-м курсе), вызвать курсанта на КПП к «беременной девушке, которая ждет двойню» от счастливца и т. д. и т. п.

Заклеивали листы в конспектах, зашивали рукава в шинелях и на кителях, штанины у галифе. В столовой в кружку с чаем могли капнуть «синьку», «йод» или «зеленку» (потом пару дней надо было держать рот «на замке и играть в молчанку» — десны и передние зубы «жертвы» были соответствующего цвета)

В середине конспекта по нетленному марксистко-ленинскому наследию могли написать неприличное слово и обвести его в красивую рамочку, которое при последующем «контроле» приводило в неописуемый «восторг» офицера кафедры ППР. Такое всплывало?! Обалдеть! Контрреволюция, одним словом! Слава Богу, что на дворе был не 37-й год!

В общем, чего только не вытворяли?! Но, у нас есть оправдание и смягчающие нашу вину, объективные обстоятельства.

Дотошные ученые на основе своих скрупулезных исследований и многократных опытов пришли к однозначному выводу: «Развлечения присущи только тем представителям животного мира, которые обладают интеллектом!» То есть мы, ежедневно на деле и на практике, опровергали утверждение Пиночета, что «Курсант — существо аморфное, которое обладает примитивными инстинктами — пожрать, попить поспать, размножиться! Наличие интеллекта и здравого смысла в его действиях скрупулезными наблюдениями и многократными опытами не выявлено!» А вот и фигушки! Читайте научные труды, дорогой товариСТЧ Пиночет! Если животная особь пакостит всем окружающим и себе подобным или пытается хоть как-то разнообразить свой ежедневный быт созданием нехитрых развлечений, значит, она разумна! А уж мы пакостили?! Пффф!

Пакостили от души, повсеместно и ежечасно, но всегда беззлобно, видит Бог. Более того, готовность в любой момент самому стать объектом для чужой шутки, пусть не всегда удачной и корректной, а зачастую и на грани фола, а также отреагировать на нее достойно, очень ценилась в мужском коллективе.

Нельзя быть истеричкой или дурачком, озлобленным на всех и каждого, а также и на весь окружающий мир. Надо уметь посмеяться не только над товарищем, но и над собой любимым, а это бывает совсем непросто! А надо.

Именно вот так и под воздействием подобных дружеских шуток закаляется характер настоящего мужчины, великодушного и толерантного, умеющего оценить шутку и простить не совсем удачную, не прибегая к злобному мщению. В таких незамысловатых играх и подколках, шаг за шагом формировалась терпимость и воспитывалась железная выдержка…

73. Шлагбаум

В армии всегда любят создавать всякие сложности и какие-нибудь всевозможные препятствия, чтобы потом героически их преодолевать. Представители командования, которые в своем стремлении нелепом выдумывают все новые и новые мерзопакости, как правило, почему-то забывают, что Земля круглая, но за углом, все и всегда неизменно встречаются. Что в нашем мире все события однозначно взаимосвязаны в единую цепочку и твой посыл, выпущенный якобы в «никуда», сделав полный круг, обязательно вернется к тебе же любимому. И что есть всеобщее чувство справедливости, а также — состояние гармоничного равновесия, которые всегда восторжествуют, вернувшись в исходное положение независимо от степени их первоначальной разбалансировки. Все и всегда вернется в состояние тишины и устойчивого покоя.

Вера в это, наверное, и есть основа всех существующих религий. И хвала Богу, что для поддержания своего непоколебимого авторитета, величия и могущества, он непременно замыкает круг и любой негатив, исторгнутый в пространство и в общество, возвращает именно на того дурного мудака, кто этот самый негатив и создал. В подтверждение этих слов хочу вынести на суд читателя небольшую, но правдивую историю.

Путь к нашему училищу ВВС из города был не очень близкий. От автобусной остановки с названием «Авиаучилище», до ворот КПП — контрольно-пропускного пункта, был приблизительно 800 метров добротной асфальтированной дороги, которая шла под небольшой уклон в сторону училища.

По одну сторону этой дороги, за ровными кустами всегда идеально подстриженной акации, тянулся автомобильный полигон училища, где мы постигали азы автомобильной подготовки, а чуть далее — в непосредственной близости у КПП растянулся живописный училищный пруд с красивыми плакучими ивами.

По другую сторону дороги находился огромный училищный автопарк, склады ГСМ — горюче-смазочные материалы, и у самого КПП, была стоянка легковых автомобилей для всех сотрудников училища, так как въезд на территорию авиационного училища частного автотранспорта был строго запрещен. Все было достаточно ухоженно, красиво и очень функционально.

Но вот однажды, в нашем училище появился новый

полковник. Он недавно прибыл из Москвы на должность заместителя начальника училища и, наверное, считал для себя это назначение своего рода вынужденной ссылкой, которую необходимо перетерпеть как страшный сон, чтобы получить соответствующую солидную запись в свое безупречное личное дело, чтобы скоренько с триумфом вернуться в Москву на более вышестоящую и достойную должность. Назовем этого офицера, к примеру — полковник Звездунов.

И был этот полковник Звездунов очень неприятным человеком. Он был весьма заносчив и гневлив безмерно, постоянно срывался на крик по всякому незначительному поводу и без повода. Итак.

Как-то утром, приехав на службу, он с удивлением обнаружил, что все места на училищной автостоянке уже заняты, и его новенький ВАЗ-2108 не может найти себе достойный отстойник в соответствии с заоблачно высокой должностью своего хозяина.

Постепенно раздражаясь и накручивая самого себя, Звездунов немедленно вызвал дежурного прапорщика по КПП и потребовал самый подробный отчет по каждому автомобилю, находящемуся на училищной стоянке, а именно — чья машина, ФИО, звание, должность.

Дежурный прапор, естественно исчерпывающую информацию сразу дать не смог, чем еще больше разозлил новоявленного заместителя начальника училища, который начал свой первый рабочий день с того, что приказал составить список всех машин на стоянке и установить их владельцев. Срок установил до обеда. Бросив машину у ворот КПП, раздраженный полковник Звездунов пошел в штаб, занимать свой рабочий кабинет.

Приказы начальства, конечно же, чего греха таить, могут обсуждаться и зачастую комментируются подчиненными весьма бурно и чаще всего — нецензурно, но выполняться должны точно и в срок, что и было сделано. Еще до обеда на столе у беснующегося полковника лежал список всех автовладельцев.

Углубившись в его изучение, Звездунов скоро обнаружил, что на стоянке, наряду с автомобилями офицеров и прапорщиков училища, находятся машины служащих Советской армии — тоесть гражданского персонала, а также машины близких родственников, на которых служащие СА училища ездили только по доверенности, не имея самих машин в собственности. Я думаю, что многим читателям, сей факт ни о чем не говорит, но для полковника Звездунова это была ценная зацепка для реализации своего гнусного маневра и он, озабоченный нерациональным использованием автостоянки училища,

принялся истерично махать шашкой, активно расчищая место для своей персональной машинки.

Полковник Звездунов срочно издал гениальное распоряжение, в прямом смысле оскорбительное для всего гражданского персонала военного училища. Он, в категорической форме, запретил служащим Советской армии ставить свои машины на общей автостоянке. В число персон «нон грата» попали преподаватели кафедры математики, физики, химии, иностранных языков, мастера войскового ремонта и производственного обучения. А также — персонал медсанчасти, работники столовой, библиотеки, клуба, секретной части, телефонисты, слесари и т. д.

Люди, занесенные в «черный список», естественно и справедливо возмутились, что их причислили ко второму сорту и обратились за разъяснением к начальнику училища. Генерал всех принял, внимательно выслушал их обоснованные претензии и обещал скрупулезно разобраться. Он был мудрым человеком и не хотел с первых дней подрывать авторитет неожиданно навязанного ему из Москвы неуравновешенного заместителя. Наш старик хотел дать полковнику Звездунову шанс самому исправить свою грубую ошибку и найти более разумный путь в проблеме поиска места для парковки личного автомобиля. Суть состоявшегося между ними приватного разговора мне естественно не известна, но генерал строго приказал изыскать равноценное место для стоянки автомобилей гражданского персонала именно Звездунову или вернуть все на круги свои.

Полковник был очень заносчив и поэтому, отступать не стал, а начал издавать все новые бредовые указания, которые только усугубляли сложившуюся ситуацию, вызывая всеобщее раздражение и новые обиды.

Тем временем Звездунов определил, что ставить машины, выселенные со стоянки, можно вдоль дороги от остановки автобуса до КПП училища, но на удалении 200-т метров от КПП, прямо напротив ворот автопарка училища. Этим он сразу создал проблему для грузовых машин, выезжающих на перегруженную дорогу с территории автопарка. Некоторые представители гражданского персонала, мягко говоря, просто проигнорировали распоряжение Звездунова и продолжали демонстративно парковаться на общей автостоянке училища, непосредственно у КПП. В ответных мерах, полковник Звездунов дал строгое указание наряду по КПП выявлять этих злостных нарушителей, составлять подробные списки и предоставлять ему.

Наряд из числа курсантов не горел желанием сдавать своих преподавателей и просто хороших и порядочных людей,

обиженных хамоватым полковником. Дневальные по КПП пытались тоже всячески саботировать данные «мудрые» приказы заместителя начальника училища полковника Звездунова, который все больше и больше завоевывал всеобщую неприязнь и презрение со стороны гражданского персонала училища, а так же — со стороны офицеров и прапорщиков.

Дальше больше, неугомонный полковник приказал поставить дополнительный шлагбаум, который надежно перекрывал бы дорогу к училищу именно напротив ворот автопарка и отсекал бы несанкционированный проезд для автомобилей гражданского персонала непосредственно к КПП. «Ничего, не бары какие, 200 метров ножками прогуляются» — злорадно хихикал Звездунов.

Сказано сделано. Денег на создание шлагбаума естественно никто не выделял. Как всем известно, в армии все делается за счет внутренних резервов и исключительно собственными силами. Была срочно сформирована бригада из курсантов-рецидивистов, сидящих на внутренней гауптвахте, которые в кратчайшие сроки возвели опорные столбики для будущего шлагбаума. Плюс еще по мере надобности, чтобы заменить освободившихся на волю работников, в соответствии с окончанием срока заключения, комендант Голдуров, желая всячески угодить новому заму, подлавливал необходимое количество курсантов в буфете при покупке печенья и компота за «неотдание воинской чести» и с прочими подобными бредовыми формулировками. То, что честь у человека одна и отдавать ее никто не обязан, в отличие от воинского приветствия, подполковник Голдуров так и не удосужился ни осознать, ни тупо запомнить. Мудак короче, что с него возьмешь?!

Так вот, опорные стойки и поворотный механизм для шлагбаума смонтировали довольно быстро — всего за неделю, противовес нашли на училищной свалке, а вот с самой «палкой», перекрывающей дорогу, вышла непредвиденная заминка. Никак и нигде не находилось трубы необходимой длинны, способной качественно перекрыть дорогу шириной в две полноценные полосы движения, и не прогнуться при этом под своей же тяжестью. Не было ничего достойно на училищной свалке и все тут.

Звездунов, самолично и ежедневно контролировавший строительство архиважного стратегического объекта, раздраженно топал ногами и щедро брызгал слюной, требуя немедленно изыскать, найти «где хотите», выменять, украсть где-нибудь, сварить из кусков чего-нибудь, родить наконец, но завершить строительство очень нужного шлагбаума.

Изыскали, нашли, родили, обошлось без воровства и то

радует. На учебном аэродроме мирно стоял списанный вертолет Ми-6. Это такая большая тяжелая винтокрылая машина с колоссальной грузоподъемностью, которая поставила много мировых рекордов по грузоподъемности на немыслимые высоты и часто использовалась как безотказный высотный подъемный кран. Кстати, Останкинская телебашня стоит именно благодаря виртуозной работе вертолетов Ми-6. Вот с него как раз и снимали лопасти несущего винта. А длинна их, оказалась именно «то, что надо».

Лопасть вертолета сложна по своей конструкции и рассчитана по всем законам сопромата. Она очень упругая, легко гнется, подпружинивается от нагрузки и всегда возвращается в исходное положение — настоящий шедевр конструкторской мысли. Взяли одну такую замечательную лопасть от МИ-6, просверлили ее, где надо подпилили, нацепили противовес, накрасили яркие запрещающие полоски и нате вам, товариСТЧ неугомонный полковничек — шлагбаум готов.

Но тут опять новая нестыковка — а кто будет этот шлагбаум закрывать и открывать?! Сначала, эту почетную обязанность, полковник Звездунов решил возложить на дежурного по автопарку, но данная идея как-то не прижилась. Так как дежурному прапорщику надо было выписывать многочисленные путевые листы, выпускать машины, проверять их готовность к выходу, контролировать исправность техники и прочее, прочее, прочее и еще одновременно каждую минуту бегать открывать и закрывать шлагбаум?! Согласитесь, это нереально.

Оставить шлагбаум на «автопилоте», чтобы каждый подъехавший к нему мог выйти из машины, самостоятельно поднять шлагбаум, проехать за него и, опустив, снова закрыть, Звездунов категорически запретил и приказал навесить на шлагбаум амбарный замок.

А вот кому же вручить этот ключ?! Вот проблема. Прапорщики из автопарка категорически отказались от такой чести, ссылаясь на свою катастрофическую занятость. Они организованно и дружно пошли на открытый конфликт, грозящий перерасти в военный мятеж, выражая общую готовность получать ежедневные дисциплинарные взыскания и в случае чего — уйти со службы, но не летать сраным веником между воротами автопарка и шлагбаумом. Начальник училища их полностью поддержал и предложил своему заместителю оставить персонал автопарка в покое.

Звездунов крепко задумался. Вводить новый пост, ему не позволил генерал. Это надо строить будку, оборудовать ее средствами связи, подводить электричество, утеплять и т. д. В

идеале, пост получается круглосуточным, а это значит надо каждый день срывать 3-х курсантов с занятий. Тут однозначно возмутился заместитель генерала по учебной части всеми уважаемый кандидат технических наук полковник Архипов.

Но полковник Звездунов был тот еще фрукт. Он опять рубанул шашкой и возложил обязанности открывать шлагбаум на суточный наряд по КПП.

Представьте, на КПП заступает прапорщик и три курсанта, которые обеспечивают проверку пропусков у всех лиц, пересекающих линию охраняемой зоны, открывают ворота для пропуска автомобилей на территорию училища, поддерживают в 2-этажном здании КПП чистоту и порядок, а так же — порядок на прилегающей территории. И в нагрузку ко всему этому, им еще навесили шлагбаум, находящийся на удалении 200-т метров. Пипец, полный восторг, нирвана!

Тоесть, увидев, что где-то далеко — у шлагбаума установилась машина, одному из парней надо хватать ключи и подрываться за 200-ти метров, чтобы открыть эту полосатую длинномерную хрень. Проторчав там «час пик» — основное время, когда все прибывают на службу (это может быть и дождь и снег и лютый мороз), возвращаешься обратно за 200 метров и становишься на ворота КПП. Туда обратно — уже 400 метров, и так не один раз, согласитесь «не слабо». А в течение дня машины в училище шныряют нескончаемой вереницей. И уже другому парню, чья очередь открывать «долбанный» шлагбаум приходиться бежать за 200 метров и так целые сутки. А вечером наступал второй «час пик», когда весь контингент училища разъезжался после службы по своим домам.

Наряд на КПП стал «проклятым» местом. Мы выматывались на нем «мама не горюй». Проще было один раз пробежать кросс на 6 км. с любимым автоматом Калашникова по пересеченной местности или сходить в караул, чем сутки бесконечно летать шустрой савраской к шлагбауму и обратно.

Офицеры училища ВВС в основной массе — хорошие и порядочные люди. Видя такие мучения своих подопечных курсантов, они пытались хоть как-то облегчить нашу участь. Кое-кто тайно откопировал ключ от замка, запирающего шлагбаум и скрытно, чтобы не увидел полковник Звездунов, самостоятельно отпирали и запирали его, стараясь, лишний раз не дергать задрюканный наряд по КПП. Кое-кто из офицеров, отъезжая с автомобильной стоянки от КПП, подсаживал в свою машину дневального курсанта, чья очередь которого была бежать гарантированную 200-метровку для открытия амбарного замка на проклятом шлагбауме. Некоторые офицеры, выйдя за ворота

училища, подолгу ждали своих сослуживцев и выезжали с автостоянки небольшими колоннами, чтобы всем вместе проскочить за одно открытие ненавистного шлагбаума.

Больше всего нас радовали владельцы переднеприводных машин ВАЗ-2108 и -09. Так получилось, что когда монтировали шлагбаум, его опорные стойки получились несколько высоковаты, и такие машины как «Жигули» -08-09 серии в случаях, когда в них набивалось по 4-5-ть человек, аккуратно проезжали прямо под лопастью шлагбаума, чуть-чуть не задевая ее. В то же время, те же «восьмерки» и «девятки» с одним или двумя пассажирами упирались своей крышей в лопасть шлагбаума буквально на 1-н сантиметр и проехать самостоятельно уже не могли. Тогда, как правило, один из пассажиров выходил и, прикладывая небольшое усилие, легко оттягивал вертолетную лопасть вверх, давая возможность машине проехать под шлагбаумом, затем отпускал лопасть, и она без нагрузки быстро возвращалась в исходное положение.

Вот такими незамысловатыми способами, «нормальные» офицеры и прапорщики нашего училища пытались облегчить жизнь наряду по КПП и сократить себе время томительного ожидания у вечнозакрытого шлагбаума, пока уставший за день от бестолковой беготни, курсант с ключами доковыляет эти 200 метров от КПП.

А теперь немного о справедливости и заслуженном возмездии. Когда чаша заслуженных проклятий, изрыгаемых в адрес полковника Звездунова, наконец переполнилась, случилось следующее.

Однажды, в строгом соответствии с утвержденным распорядком дня, один из дневальных по КПП отправился на законный обед, а второго дневального вызвал к себе по телефону дежурный по штабу. Именно в этот самый момент полковник Звездунов соблаговолил подъехать на личном автомобиле ВАЗ-2108 к своему ненаглядному творению — шлагбауму. Подъехал со стороны города.

Не вылезая из машины, он несколько раз призывно мигнул фарами и начал ждать, пока с КПП прибежит дневальный «скороход» с ключами. Подождав до тех пор, пока до него не дошло, что никто к нему не торопится бежать, Звездунов опять помигал фарами и даже несколько раз погудел в клаксон. Эффект был тот же — от здания КПП никто не отделился. Прищурив свои поросячьи глазки, полковник разглядел одиноко торчащую фигуру курсанта у ворот КПП, которая отчаянно размахивала руками, подавая какие-то непонятные знаки.

Яростно чертыхаясь, Звездунов поставил машину на ручной

тормоз, вылез из салона и пошел к зданию автопарка где, не слушая стандартного рапорта дежурного прапорщика об отсутствии происшествий, он схватил трубку телефона и набрал номер КПП. Через пару секунд полковник услышал запыхавшийся голос дневального.

— Дневальный по КПП курсант Красносельцев.

— Мать твою так, эдак… и еще… вот так сто раз подряд, почему никто не бежит открывать шлагбаум. Я уже целых 5-ть минут тут стою, что за хрень?! Всех снимаю с наряда, под арест на 10-ть суток… АААааааааа!!!

— Товарищ полковник, нет никакой возможности открыть шлагбаум. Я на КПП остался один и не могу покинуть вверенный мне пост.

— Как так ты пиииии-лядь один?! Ты что ухулел, где остальные уроды?! Ыыыыы вас всех сгною, будете до выпуска у шлагбаума жить, в Чуркестан служить поеееедееееетееее всееее, твари!

— Товарищ полковник, курсант Белов в соответствии с утвержденным распорядком дня, убыл на обед для приема пищи, а курсанта Шаповалова вызвал по телефону дежурный по училищу подполковник Колесников. Дежурный по КПП прапорщик Загорудько в данный момент находится в клубе, куда его срочно забрал замполит училища полковник Боргударов. Прапорщик Загорудько красиво пишет пером и тушью и его вызвали в клуб. Надо какой-то важный плакат писать. Да вы не нервничайте так, товарищ полковник, скоро кто-нибудь вернется, и сразу же к Вам побежим, откроем этот проклятый шлагбаум.

Полковник раздраженно швырнул трубку на рычаг телефона и, продолжая грязно материться, выскочил на улицу. Подбежав к своему автомобилю, он неожиданно заметил, что лопасть шлагбаума перекрывает крышу автомобиля всего где-то на 1-н сантиметр. Злорадно ухмыльнувшись и предвкушая скорую расправу над всеми дневальными по КПП, а заодно и над дежурным по училищу, жаль прапорщика Загорудько нельзя изнасиловать, тут политика — плакат для замполита и все такое, понимать надо, Звездунов потянул вертолетную лопасть вверх. К его искреннему удивлению, она легко поддалась, освобождая свободный проезд для автомобиля. Если в машине был бы еще кто-то, вопросов нет — один тянет лопасть вверх, второй едет! Но не в этом случае. Звездунов был один на один со шлагбаумом. Шансы были равны и у того и другого.

Полковник быстро запрыгнул в машину и снял ее с ручного тормоза. Затем, выскочив из-за руля, он подтолкнул свой любимый ВАЗ-2108 под уклон в сторону училища и взялся за

лопасть…

Далее, прошу внимания!!! Машина, получив ускорение на поступательное движение от своего владельца, двинулась под небольшой уклон в сторону КПП и сразу же уперлась кромкой крыши в вертолетную лопасть.

Лопасть шлагбаума сразу напряглась под действием ВАЗовской «восьмерки» и немного выгнулась, подпружиненная весом автомобиля, ведь два противоположных конца лопасти были жестко закреплены на опорных столбиках. Один конец — поворотным механизмом, а второй — закрытым висячим замком.

Итак, полковник Звездунов подходит к шлагбауму, естественно со стороны машины чтобы, приподняв лопасть, подтолкнуть автомобиль еще дальше под уклончик. А потом, отпустив вертолетную лопасть, быстро догнать мирно катящийся автомобиль и шустро запрыгнуть в салон.

Видя, что лопасть немного изогнулась от упершегося в нее ВАЗа, Звездунов приседает и осторожно приподнимает ее выше крыши своего автомобиля.

А дальше…, освобожденная лопасть, под действием силы упругости, разгибается с чудовищной силой гигантской тетивы (а вы чего хотели, эти лопасти огромный вертолет в воздухе таскают вместе с грузом) и смачно бьет полковника Звездунова по голове. Получив сокрушительный удар в лоб, свирепый полковник мгновенно выключается.

Далее следует глубокий и качественный нокаут, падение бесчувственного тела на асфальт, «Скорая помощь», диагноз — сотрясение мозга…

Машинка ВАЗ-2108 тем временем никуда не уехала, так как освобожденная вертолетная лопасть, молниеносно вырубив владельца «Жигулей», мягко опустилась на крышу автомобиля и надежно зафиксировала его на месте. Вот в принципе и все.

Хотя на счет диагноза: «сотрясение мозга», можно поспорить. Чтобы сотрясти мозг, его надо для начала иметь, что в случае со Звездуновым весьма сомнительно.

Тушите свет, аплодисменты, занавес. Круг замкнулся, справедливость восторжествовала. Не даром у славян существует великое множество мудрых пословиц. Вот, например две из них:

«Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

«Кто с мечем к нам придет, тот от меча и погибнет» (В случае Звездунова, вместо меча оказался шлагбаум).

Полковник Звездунов остался жив и здоров, но искренне надеюсь, что данное происшествие пошло ему только на пользу и заслуженный удар вертолетной лопасти навсегда сбил с него непомерную спесь.

В училище полковник не появлялся очень долго, но его отсутствие никого не особо тяготило и совсем не волновало, ибо: «По труду и награда!»

74. Канал правительственной связи

Поступив в военное училище, буквально с первых же минут мы испытали острый приступ лавинообразного шока от ошеломляющего давления и всевозможной муштры, от бесконечных занятий и «бестолковой беготни», которые обрушились на нас — «зеленых» и несчастных, словно серия сокрушительных и безжалостных цунами на песчаный пляж с хрупкими бамбуковыми домиками.

А именно: многочасовые строевые занятия, непривычная и неудобная форма одежды (одни сапоги и портянки чего стоят), безразмерный плац, высокие заборы, колючая проволока, угнетающего вида казармы с туалетами без унитазов, а с допотопными «очками». Сидя над которыми в скрюченном состоянии на корточках многие курсанты-первогодки имели на «жопной части» своих необъятных в филейной части галифе характерные гуталиновые полосы от голенищ своих же собственных сапог. Да-да голенища сапог бессовестно мазали новенькую форму. И в строю "минусов-первокурсников" маршировало почти 100 % "черножопиков".

Это уже много позже, мы привыкли «на автопилоте» приспускать голенища сапог «гармошкой» при очередном посещении туалета по большой нужде. Или могли позволить себе неспешно посетить уборную, загодя переобувшись в легкие тапочки.

И все эти сомнительные удовольствия, да еще на фоне железной дисциплины, полного отсутствия личного времени, занудных придирок и бесконечных обидных подгонялок со стороны отцов-командиров, упражняющихся на нас в своем убогом остроумии и сержантов, которые пытаются самоутвердиться, выделившись показным усердием и служебным рвением из лысой и ушастой безликой серой массы. Старались оправдать «высокое доверие», куда деваться?! Старались-старались, пока не нахлебались «адекватного» ответа и не притихли, хвостики свои смиренно поприжавши. (это уже другая история)

Так вот, исключительно на фоне всего этого и многого другого, а также из-за оторванности от родных и близких, каждый из нас испытал щемящее чувство невыносимой тоски по родному дому, родителям и близким, а также периодические приливы удручающей ностальгии о прошлой жизни.

Т.к. в те стародавние времена (80-е годы прошлого века)

такое чудо как обычный ныне мобильный телефон еще не был изобретен, то в казармах училища ВВС над тумбочкой дневального висели старинные аппараты времен зарождения телефонной эры как таковой. Глядя на эти громоздкие и фундаментальные (в прямом смысле данного слова) образцы телефонных аппаратов, достойные занимать центральное место в музее ретро-техники, создавалось устойчивое впечатление, что при изготовлении конкретно именно этих образцов телефонов, принимал непосредственное участие сам Александр Белл. На правах прародителя самого вида телефонной связи, не иначе.

Аппараты представляли собой убого-кондовую конструкцию с корпусом из тускло-блестящего металла, с неподъемной трубкой (удобно вместо гантели использовать, коротая время на тумбочке дневального) и вечно заедающим номеронабирателем. Слышимость в трубках была настолько отвратная, что проще было докричаться в открытое окно до Луны, чем позвонить в соседнюю роту и внятно разобрать фамилию твоего собеседника.

И самое гнусное — звонить по этим телефоном можно было лишь внутри периметра училища ВВС. Все, приехали! За пределы колючей проволоки, данный вид связи не удосужился протянуть свои длинные «медные руки». Облом!

А так хотелось услышать родной голос и поделиться первыми впечатлениями от увиденного и «пережитого», возможно даже просто поплакаться и услышать в ответ обнадеживающие слова поддержки от мамы или строгое напутствие от папы или… Даже, нет, просто услышать теплый голос родного и близкого тебе человека… Особенно, нежный голос любимой девушки! И жадно слушать, слушать, слушать, абсолютно забывшись на время вашего разговора, что между вами огромные расстояния, что она где-то там — в беззаботном прошлом, а ты где-то тут — в отвратном настоящем… И постепенно отвлекшись от суровых реалий казенной жизни, незаметно проваливаться в блаженную нирвану сладких грез, завороженный и убаюканный ангельской музыкой прелестного голоса.

Ага, сейчас?! Держи карман шире! Возможность гарантированно поговорить по телефону могла выгореть лишь при очередном увольнении в город (которое надо еще заслужить) и то с ближайшего междугороднего переговорного пункта… а так хотелось сейчас! …а лучше — в любое время…

Давно известно, что разум, заключенный в строго ограниченные рамки, за высокие заборы и прочные границы, обязательно найдет лазейку! И мы находили.

Самовольные отлучки на тот же междугородний переговорный пункт — не самый лучший вариант! Слишком

рисково! Шанс «залететь» и попасться патрулю или любому праздношатающемуся офицеру из враждебного училища, размещенного на территории военного гарнизона (училища ракетных войск или внутренних войск) были очень высоки. А это гарантированный арест, с последующим продолжительным пребыванием в «уютной» камере на гарнизонной гауптвахте. Со всеми вытекающими последствиями, естественно. Поэтому наши парни стали активно прорабатывать и изыскивать менее «кровавые варианты». И нашли (пытливый ум всегда найдет лазейку)!

В кабинете у командира нашей 4-й роты стоял обычный и ничем неприметный телефон, но с выходом на город. Аллилуйя! Прочная железная дверь с простецким замком не стала для нас преградой, и первый месяц любой желающий (после убытия дежурного офицера домой, естественно) мог беспрепятственно звонить себе домой при первом же душевном порыве и маломальском желании услышать родные голоса.

Затем календарный месяц неожиданно закончился. Так всегда бывает, как оказалось весьма некстати. И разъяренный (скорее всего, «взбешенный» более точно характеризует текущее состояние пошатнувшейся психики нашего ротного отца-командира) Володя Нахрен с выпученными глазами, разбрызгивая желчь, кислоту и яд во все стороны, хаотично метался перед монолитным строем роты, гневно потрясая толстенной пачкой телефонных счетов за бесконечные услуги междугородней связи.

Чего греха таить, т. к. несанкционированный «переговорный пункт» 4-й роты работал бесперебойно и весьма напряженно, то и счет за междугородние переговоры был просто запредельный. Суммарная стипендия личного состава всей 4-й роты (144 курсанта) едва-едва покрыла его внушительную цифру, скрупулезно посчитанную и записанную в графе «Итого».

Дабы исключить подобные сюрпризы на будущее и надежно перекрыть «канал утечки информации» (даже не канал, а каналище), Вова Нахрен пошел на радикальные меры. Он сменил дверной замок на супермега хитрый и стал носить ключ от своего кабинета у себя на груди, повязав его на кусок прочной бечевки. Могу поспорить, что капитан Хорошевский ложился спать с ключом на шее, а также принимал душ, ванну и прочее. А по ночам тревожно просыпался в холодном поту и с громкими криками, нервно ощупывая свою волосатую грудь на предмет наличия «золотого ключика». Счета за телефон воистину были золотыми! Еще парочка таких квитанций и можно смело покупать машину! (кроме шуток)

Итак. Дверь закрыта, капитан Нахрен пообещал лично

повесить за яйца всех и каждого, чьи города — малая родина то есть, совпадет с цифровым кодом на телефонных счетах. К тому же, суточный наряд, который допустит проникновение «неустановленных лиц» в канцелярию роты будет образцово-показательно задрочен и бессменно провисит на тумбочке дневального до полного погашения счетов за телефон. Дела?! Но, общаться с домом, ой как хочется, связь поддерживать, быть в курсе последних событий.

Это же как пуповина, нельзя ее рвать! Тонкие невидимые ниточки, связывающие нас с родными и близкими, всю жизнь за нами тянутся, где бы мы не служили, куда бы не поехали. Это и есть — родственные связи. И большая беда, когда они рвутся… неужели непонятно?!

Методом коллективного «мозгового штурма» и на основе бесценной информации, случайно добытой при несении суточного дежурства в штабе училища в качестве посыльных и дневальных по штабу, мы пришли к обнадеживающему открытию — телефоны в штабе училища ВВС используются весьма активно и плодотворно — фактически не замолкая, включая междугороднюю связь. Оп-па! Вот оно как?! Вот это удача.

Ротные умельцы, имеющие за своими юношескими плечами весьма полезный прикладной опыт радиокружков, полученный еще в «Доме юных техников», из старого разбитого телефона быстренько сварганили достаточно компактный переносной вариант: облегченную модель (трубка, номеронабиратель и два провода) — своего рода, прототип общеизвестной мобилы.

Осторожно и незаметно проникая в штаб поздними вечерами в короткий промежуток времени от «после ужина», до «вечерней поверки» (исключительно в те дни, когда дневальными по штабу стояли проверенные парни из нашей 4-й роты естественно) и, подключаясь к телефонной линии в распределительной коробке на пыльном чердаке двухэтажного здания, можно было особо не наглея, трепать языком в течение 5-10-ти, а то и целых 15-ти минут, ни в чем себе не отказывая.

Подключаться старались к двум проверенным линиям (проверенным опытным путем): к генеральской (начальник училища), т. к. его счета за телефон оплачивались начфином автоматически и без проверки «куда соизволил» позвонить САМ. (служебная необходимость и будь свободен!)

И к телефону «особиста», когда генерал был в отпуске. К «особисту» подключались очень неохотно и то, чтобы не вызывать подозрение: «начальника в училище нет, а с его телефона болтают призраки?!» С телефона «особиста» звонили очень редко и только в крайних случаях, чтобы не нарваться на неприятности.

Особый отдел — это особый отдел, понимать надо!

Но, тьфу-тьфу, благодаря строгим мерам предосторожности, тщательной конспирации и разумной скромности в «длительности» общения, нас ни разу не запалили. И такая вот идиллия продолжалась где-то до 3-го курса обучения.

Однако после очередного летнего отпуска вскоре выяснилось, что некий неустановленный ухарь (не из нашей роты, однозначно), нагло подключается к телефонному кабелю в каком-то другом (неизвестном нам месте) месте и забивает «давно освоенный и взлелеянный» канал связи, причем, именно «генеральский».

Что характерно, этот «некто» бессовестно болтая по телефону бесконечно длительное время, ставит под явную угрозу само существование отработанного, устойчивого и абсолютно надежного (все эти годы) средства общения с дорогими, любимыми и близкими. Непорядок!

Наши дружеские увещевания по телефонной трубке (в качестве «третьего лица») с убедительной просьбой радикально сократить время «плодотворного общения» до разумных пределов, естественно, не возымели никакого действия.

Невидимый абонент, пользуясь своей безнаказанностью и неуязвимостью, нагло хамил, дерзко посылая всех и каждого на общеизвестный адрес и как ни в чем не бывало, продолжал обсасывать по пятисотому кругу одни и те же заезженные новости со своей подругой. Которая, при этом, противно хихикая и подобострастно поддакивая, безмерно гордилась своим возлюбленным. А как же иначе?! Весь такой смелый, куда деваться?! Еще бы?! Юноша борзо отшил все вежливые просьбы: «быть человеком, войти в положение и освободить линию для других абонентов, чтобы люди успели пообщаться до наступления вечерней поверки». Не тут-то было!

В результате, все попытки наших ребят договориться полюбовно и справедливо установить символическую очередь на право «по-честному» подключиться к генеральскому каналу связи, заканчивались очередной порцией дешевого куража и полным нежелания искать компромиссы.

Рисковое время, проведенное на чердаке штаба, бездарно пропадало. Ребята в крайней степени раздражения «ни с чем» возвращались в казарму на традиционную процедуру вечерней поверки, когда всему личному составу надлежало стоять в строю, дабы громко и внятно выкрикнуть «Я!», при оглашении «знакомой» фамилии. Каждый из нас мечтал вычислить неизвестного хама и по-дружески (желательно с ноги) объяснить ему что «так делать не следоват». Эгоизм — нехорошее качество и

все такое… Но, явных зацепок для идентификации «неизвестного телефониста» у нас не было.

А дерзкий юноша явно упивался своей безнаказанностью и дешево рисовался перед девушкой, не стесняясь «посылая» курсантов нашей роты налево и направо. Вот что за мудак, простите за грубость слова! Еще кот Леопольд из всеми известного мультика постоянно призывал с наивной непосредственностью: «Ребята, давайте жить дружно!» Не тут то было.

В очередной раз удрученный Витя Копыто вернулся из штаба «ни с чем», бездарно проторчав около часа на пыльном чердаке у вскрытой распределительной коробки. Ему так и не удалось связаться с дорогим его сердцу родным Пилопедрищенском и обсудить животрепещущую проблему: «В своем письме ненаглядной Маринке он написал слово «люблю» 218 раз, а она в ответном — лишь 73 и не больше?!» Не, ну что за фигня?! Разлюбила, что ли?!

Откровенно расстроенный Витя тяжело рухнул на койку, которая жалобно взвизгнула провисшими пружинами панцирной сетки. С надрывом в голосе, Копыто начал прилюдно возмущаться и жалобно плакаться.

— Вот сука, а?! Опять послал меня на хуль! Представляете?! Я ему вполне вежливо и культурно говорю: «Мол, освободи урод, линию! Дай домой позвонить! Сколько можно 3,14здеть об одном и том же можно?! Затрахал уже своей тупостью, пустобрех долбонутый! Не надоело еще?!»

— А он?!

— А он давай мне хамить в ответ и грязно ругаться! Говорит: «Да, пшел ты в пинду! Буду разговаривать, сколько захочу!» И девка его противозная на другом конце провода хихикает там противно и мерзопакостно, тьфу! Да еще и подзюзивает: «Какой ты Морозик у меня смелый! Правильно, так их всех! Не дадут важные проблемы обсудить! Подождут сколько надо, сейчас наша очередь! Ты первый пришел! Освободите линию молодой человек и не мешайте разговаривать! Мы обсуждаем личные темы с интимными подробностями!» Представляете, вот фифа?! Это я то молодой человек?! Фрикаделька, етить…, а туда же вякает! Блин, вот что за хер?!

Витя обиженно надул пухлые губы и принял вид оскорбленного интеллигента. Действительно, «молодым человеком» его еще никто не обзывал. Копыто смертельно обиделся и разошелся не на шутку.

— Чего греха таить, я сам люблю языком потрепать, но чтобы каждый вечер и по часу?! Эгоист хренов, наглухо канал связи

забивает… И болтает почти часами! Парни, начфин точно скоро задумается и к генералу прибежит с ненужными вопросами! Тогда точняк нашим переговорам пиндец настанет! А если еще и номера с телефонных счетов за межгород за два года поднимут, тогда вообще полный 3,14здец настанет! Мало никому не покажется! Отчислят как миленьких. Мде…?! Как же его вычислить?! По голосу, полный дятел какой-то и говор какой-то южный, мягкий. А еще они в разговоре несколько раз упомянули Таганрог. Наверное, девка из Таганрога?! Он сегодня ее спрашивал: «Как вода в море?! Еще купаетесь?!» Вот дубина, никакого инстинкта самосохранения! Сам попадется и всех нас засветит…

Комсорг нашего 45-го классного отделения Серега Филин (мудрая птица), присутствующий в спальном помещении при Виткиных стенаниях, задумчиво почесал свой подбородок.

— Морозик, говоришь?! Значит фамилия этого ухаря не иначе, как Морозов?! Вот ты и вычислен, курсант Морозов! Из Таганрога значит?! Чудесненько, а другие подробности нас в принципе и не волнуют. Этого вполне достаточно. Витя, завтра в штабе 43-е отделение стоит. Вместе с тобой пойдем, на удачу так сказать, вдруг этот юноша словоохотливый, дундук невоспитанный, спирохета бледная, опять по своей подружке соскучится?! Ну, я ему урок вежливости и преподам, есть одна задумка! На всю жизнь запомнит, если сразу не обделается. Лишь бы пришел, родимый, на связь бы вышел?! И чего можно каждый вечер в уши несчастной девчонке вливать, а Копыто?! О чем ты со своей Маринкой чуть ли не каждый вечер трепешься?!

В назначенное время, Витя Копыто и Серега Филин незаметно испарились из казармы и просочились в штаб. Пока дневальный по штабу — курсант 43-го к/о Егор Клинкеев стоял на «шухере», ребята подключились к контактной группе распределительной коробки. И сразу же услышали в своей телефонной трубке знакомый голос неизвестного болтуна и его смешливой пассии. Разговор был в самом разгаре. Пацан восторженно взахлеб — почти без пауз на вдох и выход, чем-то продуктивно грузил девственно-чистый мозг своей далекой, но похоже, что весьма «недалекой» подружки. А та стандартно хихикала, восторженно охала и ахала.

Курсант Филин, немного сосредоточившись и приняв грозную позу, с характерным металлом в голосе внятно и вкрадчиво выдал замечательный по своему содержанию монолог. По свидетельству Вити Копыто, у него самого пробежали непроизвольные мурашки по спине и противно запульсировало в районе персонального ануса, настолько Филин был убедителен и великолепен.

Кстати, по нашему всеобщему разумению, Сереге Филину надо было поступать в «театральное», а не в военное училище, не иначе. Впрочем, судите сами. Хорошо поставленным голосом наш любимый комсорг Филин выдал следующую тираду.

— Внимание! Курсант Морозов! Вы несанкционированно подключились к секретной линии правительственной связи! Содержание Вашего разговора и номер абонента в городе Таганроге зафиксирован на магнитной ленте в Центре безопасности секретной связи КГБ СССР!

«Ой, мамочки!» — испуганно всхлипнула девчушка на другом конце провода.

А Филин продолжил, усиливая эмоциональное давление.

— Немедленно прекратите разговор! Положите трубку телефонного аппарата на рычаги и срочно явитесь в «особый» отдел училища! Ордер на Ваш арест уже выписан! Машина из тюремного изолятора выслана! Скрываться от правосудия не имеет смысла! Добровольная явка с повинной и активная помощь следствию обязательно будет засчитана при вынесении справедливого, но сурового приговора…

— Ой, бля… пип-пип-пип…

Пацанчик бросил трубку. Наверное, обосрался и упал в обморок… или сначала упал в обморок, а потом уже обосрался… Хотя, не столь важно, от перемены мест слагаемых, сумма не изменяется!

Услышав такой рассказ из уст наших парней, вернувшихся из штаба и давящихся от приступов смеха, мы в красках и в лицах попытались представить весь разговор и реакцию незадачливых абонентов. Ну, комедия! Смешно и страшно! Ну, Серега выдал?! Ну, молоток! Не иначе, девчонка сейчас в Таганроге не спит, а по квартире сраной кошкой мечется, неминуемого ареста ожидая, а этот «Морозов» головой о стены долбится, причем, с разбегу… Ха! А чего хотели деточки?! К вам неоднократно по-доброму обращались: «Давайте жить дружно и соблюдать справедливую очередь и элементарные меры безопасности!» Не хотите по-хорошему, получите по-плохому!

На следующий день, история с «секретной линией правительственной связи» получила неожиданное продолжение. Когда парни из 43-го классного отделения вернулись после дежурства из штаба, начался второй акт «марлезонского балета». Ребята принесли в роту убогий телефонный аппарат времен матроса Железняка и Ф.Дзержинского. Периодически плача от смеха, они рассказали, что сразу же после ухода Филина и Копыто, к штабу прибежал плачущий «минус» (курсант первого курса) и, размазывая по лицу слезы и сопли, настойчиво пытался

выяснить место расположение кабинета «особиста» — типа, пришел сдаваться.

У него в руках было «орудие преступление» — старый черный телефонный аппарат (эбонитовый такой, кто помнит) и кусок провода.

Дневальным по штабу пришлось приложить максимум усилий и актерских способностей, чтобы этим «минусом», активно рвущимся в штаб с благой целью срочно написать явку с повинной, не заинтересовался дежурный офицер по училищу или его помощник.

А скольких трудов ребятам из 43 к/о стоило, чтобы уговорить искренне раскаивающегося в своем «тяжком преступлении» курсанта-первокурсника не привлекая постороннего внимания, вернуться в расположение своей роты и держать язык за зубами. Парни из 43-го убедили «преступника», что «на первый раз» он «милостиво» прощен, но взят на контроль и пристальное внимание соответствующих органов?! Юношу реально трясло и лихорадило.

В результате долгих уговоров и убеждений, дневальные по штабу все же вложили в дурную головушку ревущему в три ручья пацанчику разумную мысль, что на будущее вести себя надлежит более скромно, нежели до этого момента. Надо всемерно уважать старших и более опытных товарищей, а также внимательно и с благоговейным почтением прислушиваться к их мудрому мнению и ни при каких обстоятельствах не пользоваться «правительственными каналами секретной связи». Типа, в этот раз «юноше бледному» несказанно повезло и он великодушно помилован.

Якобы «особист» училища, буквально только что, покидая штаб и уезжая домой, самолично попросил дневальных по штабу любезно довести «это» его «монаршее и благосклонное» решение до ушей курсанта Морозова! (шито белыми нитками конечно, грубо и топорно исполнено, вопросов нет, но для перепуганного «вусмерть» курсанта-первогодки прокатило без сучка и задоринки)

— Ты ведь Морозов?!

— Да… а точно меня простили и не будут судить?!

— Точно-точно! На этот раз тебе крупно повезло, курсант Морозов, в рубашке родился! Но, на будущее… Ух!!! Оставь телефон и вали отсюда! Стой! Где подключался?!

— В колодце за медсанчастью…

— Как додумался?

— До училища, техникум связи закончил…

— Ух ты, какой образованный?! …и невежливый! Чтоб

больше «ни-ни»! И держи язык за зубами! В твоих же интересах, понял?! Иначе тюрьма или расстрел?! Правительственная связь, понимать надо! Все ясно?!

— Так точно…

— Исчезни отсюда!

Устранив «незадачливого и невежливого конкурента», мы неожиданного получили в свои руки второй телефонный аппарат, вполне пригодный для осуществления нелегальной коммутации, а также и более безопасное место для «потайного переговорного пункта». Правда, достаточно грязное место, т. к. приходилось сдвигать тяжелый чугунный люк и лазить в коллектор под землю, но это такие мелочи по сравнению с гарантированной возможностью услышать родной голос… соединить невидимой нитью два любящих сердца…

75. Глубокий вдох

— Леха, тебе хреново?!

— Все нормально ребята…

— Да какой же нормально, когда ты весь посинел, и глаза мутные… Ты, чего обкурился?!

— Не курю я, вы же знаете… плохо мне… дышать тяжко…

— Давай в санчасть! Сейчас проводим… Хочешь, на руках отнесем?! Или лучше, дежурную медсестру в роту вызовем! А чего?! Вариант! Заодно и на женщину посмотрим, а то с этим добанным Пиночетом (любимый командир батальона) уже и забыли, как нормальная деваха выглядит и откуда у нее ноги растут…

Стоит особо заметить, что в нашем училище ВВС дежурными медсестрами подрабатывали весьма симпатичные девчонки-старшекурсницы из местного медицинского института — копейка, какая-никакая и медицинский стаж типа, шел в зачет чего-то там, точно не знаю… Ну и молодые, перспективные парни на любой вкус и выбор, все здоровые и красивые. Опять же, реальная возможность познакомиться, связать судьбу и выйти замуж. И выходили…

После очередного выпуска молодых лейтенантов, отдел кадров массово вешался и переходил на круглосуточный режим работы, т. к. в училище приходилось заново набирать почти весь гражданский персонал, женского пола естественно — в медсанчасть, библиотеку, секретку, телефонисток и машинисток в штаб, лаборанток и методисток на кафедры и т. д. и т. п.

Молодые лейтенанты, дорвавшись до вседозволенности и пьянящей свободы, вычищали «закрома альма-матер» под чистую! Хотя, честно говоря, зачем спешить? Смысл?! Вот она — свобода! Впереди всего такого, что только ух… но, тем не менее — «выпускники» вычищали училище в ноль! Такова «селява», куда деваться?!

Алексей вяло вскинул руку и на всеобщее удивление весьма слабым голосом отчаянно взмолился, почти зашептал.

— Стойте! Мне нельзя в санчасть… отчислят… сразу…

— Да ладно?! За что тебя отчислять?! Пьяный что ли?! Когда успел?! Почему с товарищами не поделился?! В одну харю все залил и зачавкал, а теперь муторно?! Все жадность, Леша…

Но курсанту Чернухину было совсем не до шуток. Его мучила тяжелая отдышка. Чернухин с заметным трудом втягивал воздух, и цвет его лица постепенно принимал все более выраженный

синюшно-землистый оттенок. Причем, буквально на наших глазах. Было отчетливо видно, как при очередном вдохе Алексея, судорожно напрягаются его плечи, шея и мощная спина. Каждый вдох и выдох давались ему совсем не просто! Совсем не просто…

Курсант Чернухин, в обиходе — Чернуха был родом из Одессы и в его атлетической фигуре всегда угадывался приличный пловец с хорошо развитыми и выносливыми мышцами. Явных проблем со здоровьем за ним никогда не замечалось, Лешка был еще тот «лосяра» — крепкий и выносливый парень, отличник по физ. подготовке. Но, сегодня с ним творилось что-то неладное. Он очень медленно и натужно вдыхал и выдыхал воздух, как будто плотность этого самого воздуха была неестественно запредельной. Как будто по своим свойствам «текучести» обычный воздух приблизился к воде или к тягучему сладкому сиропу. На наших глазах происходило что-то непонятное — Алексей старательно втягивал «жидкий воздух» с непомерным напряжением всех своих сил.

Густой воздух как бы нехотя просачивался сквозь приоткрытые и уже пересохшие губы курсанта Чернухина и выходил из его легких с характерным натужным свистом. Складывалось впечатление, что Лешка, ежесекундно прикладывает массу запредельных усилий, чтобы загнать непослушный воздух в свои легкие, а потом затрачивает еще больше усилий, чтобы вытолкать его наружу.

Чернуха глазами побитой собаки жалобно посмотрел на ребят, обступивших его плотным кольцом, и сделал над собой очередное усилие. Его открытое и красивое лицо с «вечно загорелой» кожей исказилось от страшного напряжения, вена идущая от ключицы по внешней стороне шеи заметно вздулась.

— Астма… у меня бронхиальная астма… с рождения…

— Чего?! Какая в жопу астма?! А как же ты в военное училище поступил? С астмой нельзя… Не годен…

— Знаю! Мед. книжку выбросил… в военкомате папа договорился… а комиссию в училище с ингалятором проходил… и два года с ингалятором учился… из отпуска всегда привозил… с избытком… чтобы до следующего хватило… а позавчера на марш-броске последний посеял… больше нету… сессия вот-вот кончится… должен был протянуть… дома в Одессе… много… в субботу в увольнении… куплю…

— Ётить… вот засада?! И что же делать?! В самоволку до аптеки метнуться уже поздно, все закрыто! Ты до завтра дотянешь? Лешка, потерпи до завтра, а?! Прямо с утреца сгоняем в аптеку и все достанем! Напиши, что надо… Весь город перевернем!

— Потерплю сколько смогу, но ночь слишком длинная… не вытяну, наверное… хана мне, парни …если по «Скорой» в госпиталь заберут, комиссуют… зря… все зря…

Неожиданно, по щеке курсанта Чернухина пробежала слезинка. Оп-па?!

— Не надо, Леша, не плачь! Что-нибудь придумаем! Как ингалятор называется? Или таблетки, какие подходящие есть? Чего же ты молчал, бляха-муха, марш-бросок позавчера был?! За два дня мы бы все аптеки в городе перетряхнули! Или по маршруту пробежались бы! Нашли бы! Леха, Леха, ты нам не доверяешь, да?! Два года молчал, партизан хренов…

— Астма, парни… отчислят ведь… мечта… зря все…

— Не плачь, все будет хорошо! Что надо из лекарств?

— «Астмопент» — ингалятор или «фликсотид» …и что-нибудь от спазмов… таблетки «преднизолон» …и любое …все что есть…

Курсант Петровский метнулся к своей кровати. Скрипнули пружины и откуда-то «из неоткуда», он вытащил маленький бумажный конвертик, свернутый из обычного тетрадного листа в клеточку.

— «Но-шпа»! Подойдет?

Витя Копыто, громыхая тяжелыми сапогами (шесть подковок на каждом), побежал в умывальник за водой. Курсант Чернухин протянул раскрытую ладонь.

— Давай попробую… сколько там…

— Десять или двенадцать! Держал на всякий пожарный — если живот закрутит или голова заболит… Мама с собой сунула. Еще есть две таблетки «баралгина».

— Давай все!

— Не много?!

— Хуже уже не будет…

Алексей тщательно разжевал противные таблетки и запил водой.

Пока Чернуха с характерным хрустом жевал таблетки «но-шпа», всех аж перекосило от такой отвратной сцены. Еще бы?!

Получив «но-шпу» из рук смазливой фельдшерицы в медсанчасти училища, мы всегда старались мгновенно проглотить эти маленькие желтенькие таблеточки и поскорей запить водой. Ведь стоило ненароком раскусить «но-шпу», как во рту надолго оставался препротивный привкус и неприятное онемение языка. Фу, бяка! Как он может «это» жевать, да еще так старательно?! Бэеее! Хотя, если приспичит, то и дерьмо, наверное, с аппетитом зажуешь и зачавкаешь, лишь бы помогло…

Все парни из 45-го классного отделения озаботились и встревожились не на шутку. На наших глазах загибается наш

друг, но врача вызывать нельзя! Вот засада! И что делать?!

До окончания сессии чуть меньше месяца и в отпуск! Потерпеть всего ничего, а нет такой возможности. Помочь бы ему?! Чем? Как? Аптеки в городе до 20.00. работают. Уже давно закрылись, твою дивизию… В самоволку слетать и весь город перевернуть — не проблема! Даже если и залетишь, за друга пострадать — святое дело! Но аптеки закрыты! ЗА-КРЫ-ТЫ! До утра! Что же делать?!

А если у Лешки ночью начнется лавинообразный приступ с «отеком Квинки» (где-то слышал данное словосочетание, где, не помню)?! И до утра он не дотянет?! Все равно придется «Скорую помощь» вызывать, только уже в авральном режиме! А если бригада реаниматоров не успеет?! Что тогда?!

Что-что?! Ну и толстый хрен с прибором на эти «золотые погоны», если ты уже на два метра под землей и под холмиком?! Тьфу-тьфу-тьфу!

— Копыто, подойди сюда, пожалуйста!

— Зачем?!

— Возникла потребность по дереву постучать, а под рукой нет ничего подходящего! Голову свою неси…

— Ага, сейчас, только упор лежа приму! Парни, а давайте в медсанчасть сходим и тупо попросим нужное лекарство у дежурной медсестры. Чай не звери же, войдет в положение…

— Войдет! Обязательно войдет в положение! На целых девять месяцев войдет в положение! И сразу же даст! Даже не спросив «для кого» и «для чего»?!

— Бля, Лешке совсем хреново, а вы тут всякую муйню несете! Думайте лучше, что можно сделать?!

Сержант Валера Гнедовский склонился к Чернухину и, промокнув своим платком мелкий бисер блестящей испарины с Лешкиного лба, озабоченно спросил.

— Леша, как «но-шпа» с «баралгином»?! Полегчало?!

— Если только самую малость… чуть-чуть…

— Лешенька, ты только пойми меня правильно! Сейчас мы сходим в медсанчасть и попытаемся достать лекарство. Если не получится, то извини, я докладываю старшине и дежурному по училищу. Пойми, жизнь дороже лейтенантских погон и офицерской карьеры. Но, твердо тебе обещаю, мы сделаем все возможное, чтобы этого не произошло. «Скорая помощь» — будет как самый крайний вариант! Надеюсь, до этого не дойдет. Верь мне!

Валера Гнедовский ободряюще похлопал по плечу Алексею и, не теряя времени, направился к выходу из казармы. По пути он махнул ладонью Лелику Пономареву, мне и Сереге Филину.

Следом за нами как обычно увязался вездесущий Витя Копыто.

Остальные ребята из 45-го к/о находились рядом с Чернухой и были готовы мгновенно исполнить любую его просьбу и малейшее пожелание.

Стараясь не оборачиваться, чтобы не смотреть в откровенно тоскливые глаза курсанта Чернухина, мы быстро вышли на улицу.

Медсанчасть училища представляла собой двухэтажное здание из силикатного кирпича и находилась не очень далеко от нашей казармы, буквально каких-то 100 метров. По пути, не теряя времени, мы стали обсуждать непростую ситуацию и вырабатывать примерный план наших действий.

Т.к. мы не знали даже приблизительно, как может выглядеть необходимое лекарство-ингалятор, то сержант Гнедовский, взяв с собой Филина (общепризнанного мастера переговоров и убеждения) и Витю Копыто (для массовки, не иначе), решил пойти в лоб — подойти к дежурной медсестре и, вкратце обрисовав ситуацию, открыто попросить ингалятор или таблетки.

Мы с Леликом остались у входа в санчасть «на всякий случай». Просемафорить, если вдруг некстати появится Пиночет (он всегда появлялся некстати и не во время) или его закадычный дружок — комендант училища (такое же чудо «генной инженерии») и в случае чего «героически» принять на себя первую ударную волну их немотивированного желчного гнева. Отвлечь, так сказать «огонь на себя».

«Переговорщиков» не было минут 15-20-т, парни вышли откровенно расстроенные.

— Ну?!

— Есть похожее лекарство из той же серии, но не дала! Уперлась однозначно, как китайская стена, не сдвинешь! И так ее ломали и эдак?! Ни к какую! «На это я пойтиТЬ не могу! А вдруг он умрет!!?! Давайте, я пойду с Вами, осмотрю его и по состоянию больного на месте квалифицированно определимся в необходимости госпитализации или с вызовом бригады «Скорой помощи»! Всяко ей объясняли — и в лоб и по лбу и раком и сверху каком! Мол, отчислят парня по здоровью! Ни в какую! Говорит, что жизнь дороже! Права, конечно, но Лехе от этого не легче…

— Само лекарство хоть увидели?!

— Увидели! Мы с Серегой все вокруг да около, мол спазмы снять надо, а Копыто взял про астму ляпнул. Она как услышала слово: «астма», сразу же к стеклянному шкафчику подлетела. Там на полочках разложены «экстренные» и «реанимационные» препараты… Кстати, предложила, Лешке укол сделать, говорит, чуть ли не мгновенно поможет проклятый приступ снять! Что же

делать?!

— Что-что?! Не дает по-хорошему, возьмем по-плохому! Нельзя парня светить! Докторам только отдайся, с живого не слезут, пока до смерти не залечат! Чернуха — слоняра здоровенный и громила офигенный, а его спишут как писюневича малахольного и вся жизнь в унитаз…

— Мде, не пруха… Медичка, как только наши фамилии и номер подразделения стала выяснять, мы мило улыбнулись, сославшись на неудачный повод познакомиться и деру оттуда. Вот, что за упертая попалась?! Кстати, Светой зовут! Вроде, красивая, сиськи чуть ли не наружу, должна быть дурочкой восторженной, а ничего не прокатило. Копыто ей улыбался своей фирменной лошадиной улыбкой, Серега мозги квалифицированно сушил. Я, подключив все свое обаяние, уговаривал ее с надрывом в голосе и с подкупающим отчаянием — бесполезно! Кремень! «Или давайте мне больного или не дам лекарство! Может Вам для чего дурного, а потом реальному страждущему не достанется. Препарат «учетный», каждое применение строго под запись в журнале: время, доза, фамилия, подразделение и все такое…» Бюрократка! …хотя конечно, стройная и смазливая… ножки там, грудь третий номер…

Услышав про грудь, Витя Копыто оживился и протиснулся в центр «мини-военного совета». Заглушая сержанта, он восторженно забубнил в развитие темы.

— Да, третий, не меньше! Аргумент в ее пользу! Хороша, девка! Парни, а по-плохому, это как?! Ограбим да?! Наденем противогазы, чтобы не узнала! Попросим у дневальных штык-ножи… Эх, жаль старшина «оружейку» не откроет! А так, представляете, с автоматами?! Всем стоять! Это ограбление!

Все ребята одновременно и однозначно многозначительно «зыркнули» на Копыто, как на законченного умалишенного и он, сразу же осознав, что предлагает далеко «не самый оптимальный вариант», скромно потупил глаза и поспешил затеряться за спиной могучего Лелика.

Комсорг 45-го классного отделения Серега Филин не зря носит эту фамилию! Филин — муж совы, а сова — талисман клуба «Что? Где? Когда?» (клуб знатоков). Серега окинул скользящим, но проницательным взглядом фасад здания медсанчасти и заговорщицки прошептал.

— Ребята, смотрите, все форточки открыты! Лето, жара — нам на руку! Сейчас берем Полимона (курсант Сашка Полимонов) и как самого маленького и шустрого быстро запихиваем в форточку. Предварительно подробно объяснив, где этот шкафчик, и на какой полке что искать!

— Дело! А как медсестру Свету из кабинета выманим?!

— Ну…?! Она же обычный человек, в конце концов! В туалет ей надо будет пойти когда-нибудь… Будем ждать сколько надо! Лишь бы Чернуха вытерпел…

Быстро вернувшись в казарму, мы неожиданно поняли, что для осуществления нашего «гениального» плана очень мешает «вечерняя поверка» (ежедневная обязательная процедура, предусмотренная Уставом).

Делать нечего, сержант Гнедовский подошел к старшине нашей 4-й роты и долго с ним шептался. Судя по всему, Игорь Мерзлов все понял правильно и вошел в положение. Старшина сходил в спальное помещение 45-го к/о, посмотрел на курсанта Чернухина и попросил ребят помочь Лешке раздеться и уложить его в койку.

Ну, а мы, прихватив Полимона, скрытно потрусили в сторону медсанчасти. На улице заметно стемнело, в училище включились фонари. Наша …мммм… шайка, банда, группа, отряд, стая…. кому как нравится, старалась держаться неосвещенных участков территории, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Мы вышли на «дело» (благородное, естественно), но любая реклама была бы излишней.

Осторожно подкравшись к зданию медсанчасти и тщательно замаскировавшись в густом кустарнике, стали украдкой посматривать в освещенное окошко на первом этаже, за которым сидела дежурная медсестра. Девушка была не одна, что в принципе нас нисколько не удивило.

У любой симпатичной мордашки приемлемой возрастной категории, обладающей аппетитной фигуркой и стройными ножками, однажды пересекшей линию КПП нашего военного училища, обязательно заводился страстный поклонник или тайный воздыхатель, причем мгновенно — то есть, сразу же по факту первичного пересечения периметра военного училища ВВС. Но, на этот раз, ситуация была несколько неожиданней и пикантней.

В комнате дежурной медсестры Светы находился помощник дежурного по училищу — молодой старлей Мартынов, в должностные обязанности которого входил традиционный обход всех «злачных» мест училища, где было организовано суточное дежурство. «Пом. деж. по училищу» обязан посетить все подобные места не менее двух раз за ночь. Обычно ходили один раз или, честно говоря, вообще зачастую довольствовались устным докладом по телефону. Но, медсанчасть посещали всегда, причем, с большим удовольствием.

Еще бы?! Такие красотки! Опять же, ослепительно белые

халаты на пару размеров меньше чем нужно, стройные ножки в чулочках и в модных элегантных туфельках на шпильке, трепетная грудь, рвущаяся наружу, непослушная прядь волос, ниспадающая… мде, что-то меня понесло, не находите… но ведь, правда волнительно, разве нет?!

Блин, уже полчаса в кустах прячемся, а старлей «ни туда и ни сюда»! Решайся уже! Или страстно целуй обаяшку Свету, крепко сжимая ее в своих объятиях, или вали отсюда, сколько ж можно?! Вон, у нее румянец уже давно на всю щеку, зарделась девочка, хоть прикуривай! Верхнюю пуговичку на халатике украдкой расстегнула. Кончай тупить, Мартынов, вперед, в атаку! Ну, что за нерешительные офицеры пошли?! Если бы не лекарство для товарища, на твоем месте, товарищ бездарный старлей, мог бы быть любой из нас, сидящих в колючих кустах, включая того же Витю Копыто, например! А что, ловелас еще тот?! И неутомимый любовник — мечта любой девушки (правда, по его личному утверждению).

Ну вот, старлей на часы мельком поглядывает — надо остальные места суточной службы посетить и строго проверить, а уходить не хочется, да?! Ну, так оставайся, дежурному по училищу потом убедительно наплетешь, что за неизвестным самовольщиком бегал полночи как собака Баскервиллей, но …не поймал! Но бегал! Долго бегал, старательно… Эх, всему учить надо…

Фу ты, наконец-то, девчонка взяла инициативу на себя — уломала таки его девица красная, чайку похлебать, твою то мать, старлей?! С таким то ухажером до самой пенсии в девках так и останешься?! Эх, старлей, старлей — позорище, одним словом! Вот Света — молодец и умничка, сначала чайку для продолжения приятного разговора и незаметного перевода зарождающихся отношений в более интимное русло! Учись, зелень!

Ага! В другой кабинет переходят, где чайничек на плитке стоит и печеньице в вазочке, это нам на руку. Правильно, сестричка, корми его с руки, и пока он горячим чаем давится, пару слов ласковых ему в уши, да еще и с глубоким взглядом и низким тембром голоса, как будто кошечка ласково-убаюкивающе мурлыкает! А когда офицерик попривыкнет и перестанет нервно вздрагивать от каждого стука чашки об блюдце, стремительную серию ошеломительно-страстных поцелуев в диафрагму и тащи его в ЗАГС, пока тепленький! Браво, Света! Уважаем достойных противников! Молодец девочка, так его!

Серега Филин для осуществления тотального контроля за «вероятным противником» незамедлительно переместился под окно помещения, где развернулось многообещающее чаепитие…

Хотя, уже достаточно скоро по его довольному «уханью» (точно ночная птица филин) и восторженным возгласам «ёксель-моксель», можно было с большой долей вероятности предположить, что в комнате для «перекусов» развернулась не только процедура полуночного чаепития. Неужели, старлей наконец-то очнулся, вышел из «творческого ступора» и вспомнил, что он потомок славных гусаров?! Хотелось бы верить…

Ладно, целуйтесь пока! Милуйтесь на здоровье, давно пора! Серега за вами пока понаблюдает, уж простите, а мы в это время важным делом займемся — друга от приступа бронхиальной астмы надо спасать.

Лелик и я, как самые рослые, взяли тело Полимона как бревно для тарана вражеской крепости и, легко подняв на вытянутые руки, аккуратно вставили в открытую форточку (благо первый этаж медсанчасти не очень высокий). Гнедовский и Копыто старательно подстраховывали «драгоценное тело» начинающего «форточника» с двух боков, дабы наш дилетант-воришка Полимоша попал исключительно в нужное отверстие, аккуратно и без лишнего шума.

Санька Полимонов, оказавшись в комнате с лекарствами, быстро нашел нужный стеклянный шкаф, но не смог найти ключи от замка. То есть, ингалятор был фактически под носом (его было видно сквозь стекло дверцы шкафчика), но взять в руки было невозможно.

Пометавшись, некоторое время по комнате в поисках ключей курсант Полимонов, недоуменно развел руки в разные стороны, мол, не знаю, что делать дальше. А Филин тем временем прилип к окну, аж нос расплющился, и стекло запотело…

Сержант Гнедовский, поколебавшись пару мгновений, принимает решение.

— Полимон, выдави стекло! Только тихо.

Курсант Полимонов снял полотенце с вешалки над рукомойником и, плотно приложив к стеклу медицинского шкафа, начал осторожно давить. Дзинь! Стекло жалобно всхлипнуло и украсилось веером многочисленных трещин.

Валера Гнедовский посмотрел на Филина. Тот не отлипал от окна, обильно пускал слюну и не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Наоборот, похоже, церемония чаепития за стеклом становилась все интересней и интересней. Комсорг даже расстегнул пару верхних пуговиц на гимнастерке и задвинул пилотку на затылок.

Видя такой неподдельный интерес к «обычному чаепитию», Витя Копыто со словами: «Я только одним глазком…», тоже прилип к стеклу своим носом рядом с комсоргом 45-го к/о

курсантом Филиным. Судя, по тому, как азартно загорелись его глазенки, за окном действительно происходило что-то весьма захватывающее и многообещающее.

В это время, курсант Полимонов осторожно вытащил из медицинского шкафа большой осколок стекла треугольной формы и в образовавшееся отверстие просунул свою изящную ручку. Извлекая ингалятор с нужным лекарством, Санька показал его нам.

— Этот?

Гнедовский утвердительно кивнул. Саня Полимонов сунул баллончик в карман галифе и аккуратно вставил осколок стекла на место в дверцу шкафа. Завершив нехитрые манипуляции, «форточник-любитель» залез на подоконник, но впопыхах наступил сапогом на штору, которая сразу же оборвалась, причем вместе с карнизом. Вешать все это на свои законные места, у коротышки Полимончика не было ни времени, ни подходящего роста, поэтому он панически округлив глаза, скоропостижно юркнул в форточку и тут уж его приняли наши заботливые руки.

Приложив общее усилие 4-х человек, мы с величайшим трудом оторвали курсантов Филина и Копыто от «интересного» окошка. Причем, Копыто отрывали уже впятером, включая присоединившегося к нам Серегу Филина. Что характерно, Витю Копыто оторвали от окна чуть ли не с металлическим отливом, который «намертво» приколотили строители медсанчасти снаружи оконного проема, в момент постройки самого здания.

Пока мы бежали в сторону родной казармы, Витя Копыто все порывался вернуться к окну медсанчасти, «буквально на одну секундочку»…

Самое любопытное и смешное, что церемонию «вечернего чаепития» не смогли потревожить ни звон разбитого стекла, ни треск рвущихся штор, ни грохот падающего карниза. Очевидно, чай неблагоприятно действует на слух, уши закладывает, не иначе…

У входа в расположение роты, возле тумбочки дневального, нас встретил внешне спокойный старшина Игорь Мерзлов, но было понятно, что его нервы тоже «на взводе» и он искренне переживает за курсанта Чернухина.

— Все в порядке?!

— Ага, почти… наследили самую малость…

— Слушайте сюда все! Если начнется шум, крики, опознание, дамочка из медсанчасти естественно Валерку Гнедовского узнает! Сержант и все такое. Может еще Филина и Копыто с перепугу подтянуть?! Полимон, Симон и Лелик, вообще не засветились! Их никак не зацепишь. Ничего, в любом случае отобьемся. И вообще,

все это неважно, главное лекарство добыли! Если что, всем идти в глухую несознанку: «Я — не я! Лошадь не моя!», а я подтвержу, что после вечерней поверки никто никуда из казармы не выходил. Все, вопрос закрыт, пошли к Чернухину!

Личный состав 4-й роты уже отбился и крепко спал, за исключением 45-го классного отделения. Все парни встревожено кучковались возле кровати Алексея Чернухина, которому было совсем «кисло». Парень дышал очень натужно и с громким свистом. Даже в полумраке спального помещения, с тусклым фонарем дежурного освещения было отчетливо видно, что каждый вдох и выдох дается ему с огромным трудом.

Санька Полимонов протянул Чернухе баллончик ингалятора и тут же испуганно ойкнул. Оказывается, он сильно порезал руку стеклом, но в горячке «операции» даже не заметил своей раны. Увидев кровь, текущую тонюсенькой струйкой из под манжета рукава гимнастерки, Полимон заметно побледнел, у него предательски подкосились ножки. Старательно отвернувшись от своей кровоточащей ранки, Полимончик сразу же рухнул на ближайшую табуретку (курсант Полимонов патологически не переносил вида крови см. «Экстрасенсы»).

Лешка схватился за ингалятор и, жадно сделав несколько длинных «пыхов», через некоторое время откинулся на подушку и блаженно прошептал с отчетливой дрожью в голосе.

— Живу! Отпускает! Спасибо ребята!

Старшина Мерзлов, присев на краешек кровати курсанта Чернухина, тихо сказал.

— В первое же увольнение пойдешь в город, купишь целый ящик этой дряни и передашь её мне на хранение. Запру в каптерке, и буду самолично выдавать тебе по мере надобности. Только возьми много, чтобы до самого выпуска из училища хватило!

Леша Чернухин блаженно улыбался, но старшину нашей роты уже не слышал. Он крепко спал.

— Спи-спи, дружище! Намучался, бедолага. Спи, набирайся сил.

Игорь Мерзлов заботливо поправив одеяло на кровати Чернухина, осторожно вытащил ингалятор из его руки и положил рядом — на прикроватную тумбочку. При этом он обратился к сержанту Гнедовскому.

— Валера, завтра не поднимай его на зарядку, пусть лишний часик подремлет. Сколько ж силенок за эти два дня растерял, дурачок…

Затем, старшина, посмотрел на «истекающего» кровью и почти бездыханного Полимошу, который тонко балансировал на

грани обморока и ускользающего сознания лишь на остатках своей силы воли, и с улыбкой промолвил.

— Тащите зеленку и бинт из аптечки, реанимация 4-й роты продолжает свою работу… Давай сюда руку, герой!

p. s. Справедливости ради, стоит особо заметить, что дежурная медсестра Света, обнаружив исчезновение ингалятора (после окончания чаепития, естественно) не подняла истеричный шум и не поставила в известность руководство медсанчасти в частности и командование училища ВВС в целом о выявленном факте хищения дефицитных мед. препаратов, несмотря на разбитый медицинский шкафчик, наличие четких следов курсантских сапог на белоснежном подоконнике, оборванные шторы и свежие капли крови на полу и оконном стекле…

Спасибо тебе девочка! И старлею Мартынову — помощнику дежурного по училищу ВВС тоже отдельное и персональное спасибо!

p. s. На выпуске из училища ВВС, будучи молодыми лейтенантами, мы (Чернуха особенно) хотели преподнести этой медсестричке букет цветов и попросить извинения, но не успели этого сделать, т. к. молодой врач Светлана Мартынова — жена капитана Мартынова (того самого бывшего старлея), как и положено верной и любящей жене уехала со своим мужем к новому месту службы.

76. Белокурое совершенство

Весна! Наконец-то, свершилось, дождались, отмучились, аж не верится! Аллилуйя! После кошмарно-угнетающей уральской зимы с небывалыми, умопомрачительными и незабываемыми –52 градусами по Цельсию, любое маломальское потепление начинает восприниматься как «манна небесная», а тут настоящая всамделишная ошеломительная и многообещающая весна! Ура! Ура! Ура!

Боже, как хорошо! Тепло! Комфортно! Чудо, как замечательно! Птички разнокалиберные орут во все горло, соревнуясь друг с другом в громкости и красоте переливов, а также попутно пытаются переорать колонку S-90, нагло выставленную в раскрытое окно на 4-м этаже дома напротив, которая отчаянно дребезжа и сотрясаясь на последнем издыхании, изрыгает нетленный хит «Life is life» австрийской группы «Opus». Непроизвольная музыкальная дуэль идет с переменным успехом, но красота заливистой брачной песни одуревших от дерзкой весны пернатых ловеласов явно побеждает.

Ласковое солнышко нежно и ненавязчиво пригревает, заставляя сонно щуриться ленивого рыжего кота на ближайшей лавочке. Последний снег уже давно и повсеместно стаял, а сквозь серо-грязный слой раскисшей почвы, озябшей и промерзшей за время неприлично долгой зимы, пробиваются робкие и нежные, но весьма настойчивые ростки новой жизни. Почки на деревьях уже набухли и показались кончики еще свернутых листочков, которые начинают источать еле уловимый маслянистый аромат.

Красотища, да и только! Природа постепенно оживает и буйно расцветает, показывая заразительный пример людям, в своей неудержимой и подкупающей искренности.

В полной солидарностью с матушкой природой, постепенно оживают и начинают медленно оттаивать наши окоченевшие «вусмерть» организмы.

Суровая уральская зима не смогла окончательно вытравить из курсантских тушек отчаянную «жажду жить». И вот теперь под воздействием провокационных лучей нежного весеннего солнышка, где-то в самой глубине промерзшего насквозь тельца, облаченного в военную форму, осторожно и нехотя пробуждаются «секретные железы», которые, постепенно набирая темп и повсеместно наглея от весеннего безумия и вседозволенной безнаказанности, начинают вырабатывать весьма приличные порции различных гормонов. Которые в свою очередь, вносят

сладостное смятение в наши и так достаточно хаотичные мысли, переводя их исключительно в раздел инстинкта размножения и безусловных рефлексов, а первичные половые признаки (мужское достоинство то есть) — в состояние постоянной сладостной возбужденности и трепетного томления.

Шутки шутками, а «хваленый» бром, якобы щедро добавляемый армейскими поварами в традиционный компот для своевременного сдерживания бушующего курсантского либидо, уже позорно не действовал. Совсем не действовал, точнее некуда! Абсолютно не действовал, поверьте на слово!

Нет, кроме шуток, бесконечная и образцово-постоянная эрекция просто утомила. Галифе у всех курсантов смешно и нагло топорщились, ширинки жалобно трещали, а пуговицы, пришитые «намертво» суровыми нитками, так и норовили оторваться, чтобы отправиться в длительный свободный полет на сверхзвуковой скорости.

Все выступающие углы в помещениях казармы и учебных корпусах родного училища ВВС приходилось осторожно обходить с гораздо бОльшим радиусом и крутым креном из-за нешуточного опасения зацепиться за «проклятый угол» бессовестно оттопыренным первичным половым признаком, причем в самый неожиданный и неподходящий момент. Больно это, поверьте на слово…

А на спину каждому курсанту можно было смело вешать табличку, как на автобусе «Икарус»: «Держи дистанцию! Радиус заноса 1 метр!»

Итак. Солнечный и пьянящий май месяц, наше 45-е классное отделение обреченно стоит в гарнизонном наряде, а мы с Леликом героически торчим на внешнем шлагбауме, который отделяет обширную территорию гарнизонной комендатуры, включая отвратное здание гауптвахты и легендарные «красные казармы» от гражданской вольницы.

Фактически, мы — два курсанта доблестного училища ВВС стоим буквально на рубеже, на границе, практически на передней линии, на острие… Оберегаем, так сказать, моральные устои наивных военнослужащих от реалий грязного разврата, всеобщей вакханалии и полной разнузданности гражданской жизни, которые бушуют на улицах, этого милого с виду уральского городка.

Именно такое ответственное и архиважное задание было получено на занудном инструктаже от начальника гауптвахты — угрюмого капитана-краснопогонника, который славился своей патологической жестокостью, а также неслыханной щедростью к раздаче дополнительных суток ареста для всех военнослужащих,

поимевшим сомнительное счастье оказаться на нарах «гостеприимной» гауптвахты. Это был человек-параграф, человек-Устав, безжалостный тюремщик и весьма последовательный в своей изощренности, сатрап-душитель любой свободолюбивой мысли.

И вот, к нашей «неописуемой радости», мы с Леликом удосужились его «монаршего» внимания и были «ЛИЧНО» определены для несения службы в качестве «олицетворения благопристойности» военнослужащих гарнизонной комендатуры на первой линии обороны — на шлагбауме.

Куда деваться, два громилы за 185 см ростом, косая сажень в плечах у каждого, одухотворенный внешний вид, на щеках блуждает здоровый румянец и полное отсутствие даже малейшего намека на маломальский интеллект. Ну и естественно — обязательный стандартно-суровый взгляд «а-ля-гроза НАТО». Вот в принципе и весь «секретный» рецепт нашего «грандиозного успеха».

Во время развода гарнизонного наряда, мерзкая тюремная крыса — начальник губы, выдернул гиганта Лёлика из монолитного строя 45-го классного отделения и не успел я злорадно хихикнуть, подтрунивая над закадычным другом, как гарнизонный капитан, взявшись за идеально начищенную бляху моего поясного ремня, вытащил из замершего строя и меня любимого, следом.

Мде…, осчастливил, ничего не скажешь?! Шанс загреметь в убогую и мрачную камеру гауптвахты со шлагбаума, был абсолютно реален и очень высок. Гораздо проще было выиграть в лотерею миллион, чем уйти «живым» с этого поста.

Бля, все же с «героическим» внешним видом, мы с Леликом слегка перестарались, надо было быть немного попроще, без показного фанатизма и все такое. Глядишь и в городской патруль определили бы, а там и до легендарной пельменной «Минутки» недалеко. (см. «Городской патруль, Две по три») Ну, да ладно, шлагбаум — значит, шлагбаум, будет тупо стоять безмолвными столбами, исполняя роль образцовых швейцаров. Худо-бедно, а сутки выдержим, не в первый раз.

А за шлагбаумом?! Обалдеть, что творится?! Нашему изумленному и жадному на любые впечатления взору открылся микроскопический кусочек ошеломительной красоты большого города, пропитанный насквозь всевозможными соблазнами! Прямо напротив нашего поста у шлагбаума, находилась достаточно широкая арка между двумя жилыми домами — своего рода «форточка» в большой мир, через которую, захлебываясь в острых приступах откровенной зависти, мы с Леликом могли

короткими «урывками» наблюдать за свободной гражданской жизнью.

В непростительно узком проеме между стенами арки кипела бурная жизнь гостеприимного уральского города! По улице, что открывалась нашему «голодному» взору, туда-сюда шныряли машины и неторопливо прогуливались женщины. Ах, женщины… Конечно же, женщины!

Боже, какие в городе красивые женщины, …а девушки?! С ума сойти и не вернуться, какие обворожительные девушки?! Только успевай глазенками своими алчными постреливать в разные стороны.

За то время, пока в проеме арки проходило несколько девушек, мы в Леликом, рискуя гарантированно заработать прогрессирующее косоглазие, интенсивно крутили головами и молниеносно стреляли глазами, своевременно подтягивая отвисшую челюсть. Да еще успевали обильно текущую с подбородка слюнку периодически смахивать. Какая красотища?! Слов нет, одни эмоции…, да и те все больше похотливые!

Остатки сознания не потерять бы от приступа «острого малокровия», так как вся дурная кровушка дружненько устремилась в персональный первичный половой признак, причем вся — до последней капли. Вон как шинелька ниже поясного ремня «неприлично» топорщится, аж тяжелый штык-нож почти параллельно земной поверхности зависает, дерзновенно нарушая все авторитетные законы всемирного тяготения. (курс физики за 5-й класс, история о Исааке Ньютоне и падающем яблоке и т. д.)

Самые смелые и отчаянно-нетерпеливые девушки, пользуясь относительно теплыми деньками и весьма благоприятной погодой, уже максимально и провокационно оголились, на всеобщую радость и нескрываемый поросячий восторг для всего мужского населения, включая нас, естественно.

Юбчонки, короткие до неприличия и за гранью дозволенного, выгодно подчеркивали стройные ножки. Легкие курточки повсеместно игриво расстегнуты, не в силах сдержать рвущуюся наружу соблазнительную грудь.

Шикарные и свободно распущенные волосы, после утомительно долгого пребывания «в плену» под зимними шапками, тщательно начесаны, завиты и задорно-эротично обрамляют жизнерадостно-улыбчивые лица.

Смешливые искорки поблескивают в очаровательных глазках, которые легко и непринужденно прошивают насквозь любую мужскую защиту, причем вместе сердцем, которое отчаянно жаждет любви и ласки. И мы, сраженные наповал мощным и пронзительно-бронебойным зарядом сексуальной энергии,

трепетно и сладостно замирали в немом восторге и безысходном отчаянии. Ах, весна-проказница, что ты делаешь с нами?!

Текущий день прошел в убогой и монотонной рутине — открыл-закрыл проклятый шлагбаум, автоматически вскинул руку в обязательном воинском приветствии, включил на короткое мгновение «огонек фанатизма» в своих глазах, чтобы проходящий мимо офицер удовлетворился оказанным уважением и не сгенерировал нравоучительные замечания, переходящие в продолжительный срок заключения, и сразу же выключил. Не фиг баловать, а то привыкнут еще, упаси господи.

И так целый день, от рассвета до заката, с короткими перерывами на обед и на «покурить».

Незаметно наступил вечер, офицеры комендатуры организовано «гуськом» потянулись домой. Причем основная масса офицеров жила в ближайших домах, которые обрамляли «нашу любимую» арку слева и справа, непроницаемой крепостной стеной.

Два раза пришлось образцово вытянуться во «фрунт» — проводили двух злейших врагов любого курсанта — бесноватого и постоянно брюзжащего коменданта гарнизона, а также свирепого и вечно недовольного начальника гауптвахты. Уф!!! Вроде, пронесло, теперь можно немного расслабиться.

Сходили на скудный ужин, брезгливо пожевали всякую несъедобную дрянь и оперевшись задницами на шлагбаум, стали с «дежурным» любопытством поглядывать на редких прохожих, которые появлялись в створе арки.

Грустно вздыхая, мы молча смотрели на многочисленные влюбленные парочки, которые нежно обнявшись, бессовестно целовались через каждые два метра неспешного дефилирования, вселяя в наши изголодавшиеся по любви и ласке сердца острый приступ зависти. Нет, они что?! Специально издеваются, да?!

— Девушка! Девушка, ну на фига тебе такой худосочный и малахольный очкарик?! Посмотри сюда, вот стоят два красавца! Огонь! Выбирай любого! Эх, девушка…?!

И вот, неожиданно в арку между домами вошло белокурое чудо лет 18-19-ти, нереальной красоты! Умереть, не встать!

Мы с Леликом, одновременно оторвали свои «пятые конечности» от шлагбаума и, выпучив изумленные глаза, больно закусили нижнюю губу. Это надо было видеть!!!

Высокая стройная девушка с идеальной гармоничной фигуркой, звонко цокая каблучками, приближалась словно фея из сказочного мира. Модные обтягивающие джинсы выгодно подчеркивали ее длинные стройные ножки с крутыми бедрами, а короткая спортивная курточка указывала на осиную талию и

высокую грудь. Длинные белокурые волосы ниспадающими локонами обрамляли ее нежное лицо с правильными чертами и нежной бархатной кожей.

Картину фантастически-неземной красоты дополняли изящные и тонкие брови вразлет и густые ресницы, нереальной длины, иссиня-голубые глаза, розовые пухлые губки, естественный румянец на щеках и полное отсутствие какой-либо косметики, которая была бы абсолютно неуместна.

А какая походка?! Боже, какая у девушки была походка?! Летящая, невесомая, грациозная — от бедра! Загляденье, одним словом!

И все это великолепие в «гордом одиночестве» приближалось к ближайшему подъезду слева от арки! Еще минута и она скроется с наших глаз!!! АААааааа….!!! Нет, только не это!

Не сговариваясь, мы с Леликом, отчаянно заорали, хором! Нет, не заорали, а фактически истошно завопили.

— Девушка! Девушка! Да, да, Вы! Будьте любезны, не уходите! Не бросайте нас, пожалуйста! Не дайте пропасть двум безнадежно влюбленным военным! Нам очень нужна Ваша помощь… Очень! Срочно… Пропадаем! Умираем! Аааааа…!

Красавица доверчиво остановилась и недоуменно пожала плечами. Остановилась?! Обернулась?! Ура! Уже что-то…

Развивая успех, мы с Леликом понесли законченную околесицу и полную ахинею, постоянно перебивая и, одновременно дополняя друг друга. Юная блондинка, слушая наш бред «сивой кобылы в лунную ночь», невольно улыбнулась и легким движением руки поправила непослушную прядь золотистых волос, ниспадающую на высокий лоб. Она с явным интересом и нескрываемым любопытством посматривала в нашу сторону, а мы старались…

Ах, как мы старались! По своему красноречию и скорострельности выдачи акустических колебаний, мы оставили далеко позади, всех признанных сатириков и авторитетно-маститых ораторов, старательно загружая в очаровательные ушки белокурой незнакомки очередные и неиссякаемо-щедрые порции самых изысканных комплиментов, весьма сомнительного качества. Поймите правильно и будьте великодушны, сортировать и шлифовать выдаваемую «на поток» информацию не было времени. Самое главное на тот момент — было не упустить внимание белокурой очаровашки.

И тут случилось чудо — небеса услышали наши страстные мольбы и вознаградили за отчаянные старания. Наши усилия не пропали даром — девушка медленно приблизилась к шлагбауму, с внешней стороны естественно, откуда с милой улыбкой и слегка

прищуренными глазками молча посматривала то на меня, то на Лелика.

А мы, захлебываясь от пьянящего восторга, позорно глотали слова и периодически путали падежи, временами издавая нечленораздельные булькающие звуки.

Когда наше красноречие окончательно иссякло, а речь вообще превратилась в бессмысленный поток нескончаемых междометий и восхищенных всхлипываний, блондинка одарила нас очаровательной улыбкой «а-ля-Голливуд» и задорно сверкнув иссиня-голубыми глазами, промолвила ангельски приятным голосом.

— Передохните ребята, а то уже языки заплетаются. Я по достоинству оценила Ваше красноречие и готова Вам помочь. Пока Вы лихорадочно думаете, чем бы меня правдоподобно озадачить, давайте познакомимся! Ольга!

И она протянула нам изящную ручку с длинными, тонкими, и трепетными пальцами. Мы с Леликом одновременно вцепились в ее руку и больно врезались головами, позорно теряя фуражки, при одновременной попытке «галантно» поцеловать девичье запястье.

Ольга звонко засмеялась и дабы не вводить нас с Леликом в состоянии свирепой и безжалостной войны, переходящей в немедленную кровавую дуэль а, стремясь сохранить нашу заметно пошатнувшуюся мужскую дружбу в целости и сохранности, благосклонно и с царской щедростью протянула вторую руку.

Получив по равным долям «своего счастья», мы трепетно и нежно облобызали изящные и ухоженные пальчики юной красавицы.

Максимально обслюнявив ее руки, мы одновременно замерли в благоговейном молчании, с умилением закусив нижнюю губу (старый избитый прием), чем еще больше развеселили Ольгу.

В результате, видя, что мы окончательно и безнадежно выдохлись, войдя в непроизвольный ступор, Ольга тактично взяла инициативу в свои нежные руки. Не по годам умная девочка мягко и ненавязчиво стала рассказывать о себе и задавать незамысловатые вопросы, не требующие каких-либо литературных изысков при формировании относительно внятного и членораздельного ответа.

Через некоторое время, мы уже непроизвольно болтали как старые друзья на самые различные темы. При этом мы с Леликом продолжали крепко держать красавицу за руки. Так, на всякий случай… чтобы не убежала.

Вскоре, мы уже знали, что Оля живет в доме напротив

комендатуры, учиться в Политехническом институте на 2-м курсе, давно и успешно занимается бальными танцами, а по выходным дням плавает в городском бассейне «Звезда».

Мы же в свою очередь поведали о себе любимых, старательно опуская все неприятные подробности из нашей нелегкой службы, всячески пытаясь выглядеть в небесно-голубых и бездонных глазах белокурого «ангела во плоти», бравыми геройскими парнями. Вроде получалось?! Наверное…

Так, отчаянно вцепившись, фактически до синяков на нежной коже «Белоснежки», мы простояли у шлагбаума не меньше часа. Затем Ольга осторожно освободила свои затекшие и онемевшие руки из наших «железных» тисков и, посмотрев на часы, посетовала на позднее время и попыталась вежливо проститься. Ага, сейчас?! Не тут то было! Мы с Леликом мгновенно выразили единогласное желание проводить ее если не порога квартиры, то хотя бы до подъезда, а то мало ли чего — маньяки, хулиганы и прочая невоспитанная дрянь, знаете ли.

По логике вещей оставлять вверенный пост строго запрещено, и этот вид воинских преступлений сурово карается вплоть до длительного заключения на гауптвахте, мрачное здание которой, маячило в вечерних сумерках в непосредственной близости за нашими спинами, являясь немым укором и внешним раздражителем для уснувшей совести и инстинкта самосохранения. Но в тот момент, нас это интересовало весьма относительно.

До подъезда ненаглядной Оленьки было каких-то жалких 20-30-ть метров, и наш «ответственный» пост оставался в поле зрения. Да куда он на хрен денется?!

Проводив дорогую Олю до ее дома еще в течение часа, мы опять зацепились языками уже у самого подъезда и присев буквально на минутку» на лавочке, продолжили милую беседу.

Оля села между нами посередине, дабы не вносить разлад и затаенные обиды в курсантскую дружбу. С ума сойти?! Красотка, да еще и тактичная умничка! Так не бывает! Хотя…, оказывается бывает. Итак, продолжаем разговор…

Вскоре, к нашей неописуемой и нескрываемой радости, нам удалось выяснить, что в данный момент сердце красавицы Ольги абсолютно свободно и молодого человека у нее нет. Благая весть, наполнила наши трепетные души сладострастным волнением и головокружительными фантазиями. Честно говоря, такое положение вещей была очень удивительно и совсем нетипично, ибо девушка такой неземной красоты, как Ольга, по-определению не может оставаться в гордом одиночестве. Многочисленные поклонники, а также тайные и явные воздыхатели обязаны

плотными косяками ревностно носиться вокруг таких девчонок, отчаянно борясь хотя бы за мимолетное внимание и относительную благосклонность с их стороны.

На что Оля, грустно вздохнув, посетовала на чрезмерную строгость и предвзятое отношение своего отца, который буквально наводит животный ужас на всех избранников своей белокурой доченьки.

Папа?! Да не вопрос, это не проблема! Вообще! Он же не кровожадный Минотавр в конце концов?! Фигня полная! Тем более что по выпуску из училища ВВС, получив законное распределение, мы уедем, милая Оленька, как можно дальше от твоего «любезного» папочки и нашего потенциального тестя и будем держать его строго в границах полной недосягаемости и невмешательства. Ишь, чего удумал?! Суверенитет молодой семьи нарушать?! Пусть знает свое место и к любимому зятю только по предварительной записи… Не кручинься дорогая, вопрос фактически закрыт! Осталось только срочненько и однозначно определиться, кому из нас конкретно — мне или Лелику, строить далеко идущие планы?! Не томи красавица, мы ребята серьезные…

— Оля! Вот ты, где?! А мы с мамой уже начали волноваться!

Пипец, приехали! Этот скрипуче-хриповатый голос, мы не спутали бы ни с каким другим голосом. Ибо, он мог принадлежать только одному человеку — начальнику гауптвахты нашего гарнизона!!!

Инстинктивно втянув головы по самые плечи, на манер испуганных черепашек, мы в Леликом осторожно и синхронно подняли глаза кверху, стараясь открыто не выглядывать из-за козырьков фуражек, максимально нахлобученных на брови. Точняк, то есть, пиндец! Причем ПОЛНЫЙ и без вариантов!

На балконе 3-го этажа, прямо над лавочкой, на которой мы до недавнего времени уютно сидели, выстраивая грандиозные и дерзновенные планы — фактически непосредственно над нашими головами, в майке и спортивных штанах с растянутыми коленками стояла гроза всех военнослужащих гарнизона, САМ — начальник гауптвахты, который оперевшись на литое ограждение парапета, медленно потягивал папиросу «Беломор».

Мде…, внезапно обострившийся слух нас не обманул. От такой головокружительной и перспективной новости, в зобу дыханье сперло и мы с Леликом, скукожившись до минимального размера двух жалких котят, замерли от ужаса, боясь даже тихо пискнуть.

Оля, тем временем, положила свои нежные руки нам на колени и божественным голосом с нотками легкого раздражения

ответила дорогому папочке.

— Пап, я еще полчасика с мальчиками посижу, ладно?!

— Наверное, все же вряд ли доченька! Так как мальчикам, насколько я понимаю, необходимо быть на боевом посту и героически подпирать шлагбаум, не так ли?! В противном случае, этим «мальчикам» придется посидеть совсем не на лавочке и совсем не полчасика. И не в приятной компании моей единственной дочери. Я внятно выразился, бойцы?!

Подброшенные словно невидимой пружиной, мы одновременно вскочили и, приняв идеальную строевую стойку «смирно», синхронно проорали.

— Так точно! Разрешите идти?!

— Идите-идите, маль-чи-ки… Оля, домой!

— Ну, папа… вот всегда ты так…

Скоропостижно попрощавшись с обворожительной дочкой легендарного чудовища, мы в мгновении ока оказались у проклятого шлагбаума.

— Это же надо?! Такая краля и ТАКОЙ на хрен папа?! Бля, такого тестя врагу не пожелаешь, а Саня?! У такого отвратного монстра и такая жемчужина?! Ухулеть, что скажешь?!

— Да уж, Леля, не повезло девчонке, к бабке не ходи. А как ее будущему жениху не повезет?! Хотя, я бы не прочь рискнуть, а ты…?! Папа папой, а…

Мы не успели прийти к общему знаменателю по данному животрепещущему вопросу в нашей изысканно-светской беседе, как дверь подъезда хлопнула, и к нам приблизился Олин папа, собственной персоной. Причем, прямо в майке, растянутых на коленках спортивных штанах и тапочках на босу ногу.

Что он нам сказал, простите, я скромно опущу (у монитора могут оказаться дети), но провести остаток своих дней в одиночной камере в обнимку с ведром хлорки, да еще с кастрированными яйцами, ни мне, ни Лелику, такая головокружительная перспектива совсем не понравилась. Ах, Оля, Оля, наше счастье было так близко….?!

Утром, мы с волнением и трепетом ожидали «продолжения вечернего банкета», но стоит отдать должное, начальник гауптвахты прошел мимо нас, не удостоив даже взглядом. По его угрюмому виду, мы поняли, что он совсем не горит желанием видеть кого-либо из нас в качестве своего любимого зятя, и за прошедшую ночь его мнение совсем не поменялось. А жаль!

Сменившись с наряда, мы погрузились в кузов «ЗиЛ-131» и со смешанным чувством горечи и облегчения, скоропостижно эвакуировались в родное училище. Это был наш последний гарнизонный наряд перед гос. экзаменами и выпуском из родной

альма-матер ВВС.

Белокурая красотка Оля еще очень долгое время снилась мне и Лелику по ночам. Во сне она о чем-то ласково говорила и грустно улыбалась, но о чем именно, ни я, ни Лелик на утро вспомнить уже не могли.

Так сложилось, что красавицу Олю мы больше не видели. Закончив обучение в училище ВВС и, прослужив календарный год на новом месте в полутора тысячах километров от этого уральского городка, я, уже будучи «умудренным» и опытным лейтенантом, встречал молодое пополнение выпускников из нашего родного училища.

Во время традиционной беседы «за жизнь», я задал вопрос вчерашним курсантам о «комендантской дочке» и то, что услышал в ответ, повергло меня в состоянии глубокого шока. Впрочем, посудите сами.

Красавица и умничка Оля все же встретила достойного человека — молодого и видного офицера, который окончил общевойсковое училище и получил направление в городскую комендатуру.

В результате, вымолив благословление от своего «бесноватого» папаши, сияющая от счастья белокурая красотка стала готовиться к долгожданной и желанной свадьбе. Жених тоже был неимоверно счастлив и горд, ибо такая жемчужина, как Оля — большая редкость, поверьте на слово.

Но, буквально на кануне свадьбы, группа неустановленных лиц — возможно рецидивисты из числа завсегдатаев гарнизонной гауптвахты или уже дембеля (уволенные в запас, солдаты срочной службы), затаившие кровную обиду на безмерно строгого начальника гауптвахты, подстерегли счастливую невесту у подъезда дома и обычной медицинской «зеленкой» густо залили ее шикарные белокурые волосы и прекрасное лицо.

При этом данные мерзавцы (другого слова у меня просто нет) подробно и обстоятельно разъяснили рыдающей девушке, причину данного мстительного поступка — личные счеты с ее отцом.

Именно таким гадким и циничным способом, эти ублюдки отомстили ненавистному начальнику гауптвахты, обрекая его сжимать кулаки в приступе бессильной ярости и выслушивать многочисленные горькие упреки и отчаянные рыдания из уст родной дочери. Согласитесь, весьма неприятная перспектива, тем более что «зеленка» с белокурых волос не отмывается вообще, а с кожи — с очень большим трудом…

Вопросов нет, начальник гарнизонной гауптвахты — скотская должность и на нее мало-мальски нормальный офицер никогда не

согласится (посчитает подобное назначение оскорбительным для своего личного достоинства), но Оля то при чем?! И как вообще поднялась рука на такую красоту…?!

Родителей, безусловно, не выбирают, но и отвечать за их непристойные и отвратные деяния, дети тоже не обязаны, не так ли?!

Дальнейшая судьба девушки, моим собеседникам была неизвестна, но я очень надеюсь, что в конечном результате у нее все сложилось хорошо, не смотря ни на что… Хотелось бы верить, что долгожданную свадьбу все же перенесли на более благоприятное время и она состоялась, а полученная психологическая травма никак не сказалась на взаимоотношениях молодых супругов. Очень хочется в это верить! Надеюсь, что именно так все и было. Хотя…, кого я обманываю?! Но так хочется…

77. Полевой выход или сон под наркозом

В соответствии с планом занятий по тактике, скрупулезно разработанным на кафедре общевойсковых дисциплин, все учебные подразделения училища ВВС были обязаны периодически выходить «в поле» для тщательной отработки навыков общевойскового боя в составе отделения, взвода, роты, батальона и т. д. и т. п.

Вопросов нет, каждому мужчине, особенно «будущим офицерам» Красной армии необходимо виртуозно владеть личным стрелковым оружием, а также получить практические навыки грамотно организовать оборону, с целью стойко выдержать натиск врага. А затем, измотав супостата в жестоких боях, сломить его сопротивление мощной атакой и добить уверенным наступлением. При этом необходимо сберечь людей и сохранить своих подчиненных живыми и здоровыми.

А это совсем непростая наука, хочу Вам честно сказать. Тупо положить свой личный состав ради достижения победы «любой ценой» — чести полководцу не принесет и героем его не сделает, поверьте на слово. Надо еще матерям «погибших» как-то в глаза посмотреть. Похоронки подписывать тоже дело весьма непростое и нервенное, не каждому под силу, «врагу не пожелаешь»… поверьте на слово, лучше не проверять. Поэтому «нравится, не нравится», а полевые выходы для отработки занятий по тактике были достаточно частыми.

«Курсантская разведка» старательно разнюхала и достоверно сообщила, что завтра, ровно в 4-ре часа утра начнется очередная «мелкая» война. Почему «мелкая»?! Потому что в составе одной 4-й роты. «Средняя» — в составе 1-го учебного батальона. «Большая» война — в составе всего училища ВВС. «Мегаглобальная» — с внешним противником, упаси Господи от такого сомнительного счастья, тьфу-тьфу-тьфу, стучу по дереву.

Итак. Разумно используя полученные разведданные и организованно проснувшись загодя — в 3.30 утра, курсанты 4-й роты спокойно и неторопливо умылись. Неспеша и без лишней суеты оделись. Идеально намотали портянки. Свернули свои постельные принадлежности вместе с матрасом в головную часть кровати. Аккуратно, не оставляя даже намека на малейшие щели, вывесили на все окна казармы плотную «светомаскировку». Навьючили на себя, любимых «с вечера приготовленные»

вещмешки и противогазы. Дотошно отрегулировали натяжение ремней и всевозможных лямок. Старательно подогнали амуницию с максимальным удобством для предстоящей «беготни» по бескрайним полям предстоящей войны. Подготовились весьма прилично, чего греха таить и лукавить.

Выполнив все обязательные и желательные процедуры самым тщательным образом, курсанты 4-й роты опять завалились на голые панцирные сетки своих кроватей и, прислонившись к свернутым «в рулет» матрасам, погрузились в сладкие грезы ленивой полудремы, ожидая наступление «время Ч» — секретное и совершенно внезапное время начала «официальных боевых действий»!

Естественно «внезапное и совершенно неожиданное», а как же иначе? Откуда ж нам знать? Мы сладко спим, и ведать не ведаем…

— Рота, подъем! Тревога! Команда: «777»!

В спальном помещении казармы включилось яркое освещение. Противно завыл зуммер сигнализации у вскрытой «оружейки». 144 курсанта мгновенно вскочили с металлических сеток персональных кроватей и уже одетые и обутые, с вещмешками за спинами и обвешанные с ног до головы всевозможной армейской амуницией, организовано побежали получать оружие.

Живая цепочка цвета хаки без лишней суеты и хаотичного мельтешения, опустошила оружейку в неприлично рекордное время и, буквально через 5-ть минут личный состав 4-й роты уже стоял на улице в монолитном строю, с полной готовностью выполнить любой приказ «партии и правительства».

У офицера-посредника, назначенного на предстоящую «войну» с общевойсковой кафедры, вытянулась мордуленция как у безмерно удивленной лошади. Челюсть подполковника безвольно отвисла и уперлась в портупею. Глаза офицера изумленно округлились как у совы, попавшей в свет прожектора. Недоверчиво пялясь на показания «контрольного» секундомера, искренне пораженный невиданным результатом построения роты по «тревоге», преподаватель кафедры тактики торжественно зафиксировал в своем блокноте установление нового «олимпийского рекорда».

Категорически не веря своим глазам, «тактический» подполковник, периодически проверял исправность секундомера методом интенсивного встряхивания с последующим плотным прикладыванием оного к своему уху, на предмет акустического обнаружения признаков характерного «тиканья». Главный посредник удивленно-радостно цокал языком и восхищенно

покачивал головой с такой неприличной амплитудой, что полевая фуражка не слетала с его головы лишь по причине периодического повисания на ушах подполковника, оттопыренных в разные стороны на манер боковых антенн радиолокационной станции.

Ёпт…, ну дык…?! А чего он еще ожидал? Кто владеет информацией, тот владеет миром. Честь и хвала разведке! Даешь рекорд! Мы еще и быстрее могём… только предупреждать надо … заранее!

Пока 4-я рота демонстративно скучала на плацу в ожидании дальнейших распоряжений, прибежали взъерошенные и слегка растерянные отцы-командиры, которых разбудили наши посыльные. Выслушав восторженные комплименты за образцово организованный выход по «тревоге» идеально-вышколенной роты, и получив «заслуженно-хвалебные отзывы» от офицеров-посредников, командный состав 4-й роты с несказанным удивлением и как-то «по-новому» — с плохо скрытым недоверием и явным недоумением, посмотрел на свой «любимый» личный состав.

Честно говоря, было чему удивиться! Рекорд училища — раз! Перекрытие всех разумных нормативов — два! …и все это выполнено легко и непринужденно, причем на полном «автопилоте» — без какого-либо участия и непосредственного присутствия отцов-командиров. Без их истеричных вскрикиваний с давно надоевшими угрозами лишить всю роту увольнений в город и прочих откровенно убогих «ускоряющих подгонялок». Мде… непонятно как это все так вот… мммм…. вышло, но все равно молодцы! В смысле, молодцы — командир роты собственной персоной безусловный молодец! Его рота рекорды бьет, значит, именно он и молодец! Ну и частично молодцы командиры взводов — молоденькие лейтенанты! Вот как подготовили личный состав?! Каких орлов воспитали?! …аж сами не ожидали такой идеальной «организованности» и фантастических результатов! Сейчас стоят перед главным посредником, глупо улыбаются и недоуменно глазенками хлопают. Молодцы! А чего молодцы? А кто его знает? Хвалят? Значит за дело! Заслужили, раз хвалят!

В соответствии с планом предстоящего «полевого занятия», нашу роту разделили на «наших» и «ненаших». Роль «ненаших» отвели 41-му классному отделению — диверсанты, враги-супостаты, кровожадные головорезы которых надлежало срочно поймать и жестко обезвредить.

«Ненаших» возглавил старшина роты — Игорь Мерзлов (бывший десантник), посредником к нему назначили молодого

старлея с общевойсковой кафедры — тоже бывшего десантника, списанного из ВДВ после ранения в Афгане. Мде, сегодня побегают парни из 41-го отделения, много километров намотают, только держись!

Позавтракали в столовой «ни свет, ни заря», в просторных залах никого — училище еще спит. А мы уже воюем — дурдом имени Адольфа Гитлера. Можно подумать, что все войны только в 4 утра начинаются и не секундой позже?! Ага, верим! А в 7 часов утра уже будет поздно воевать, да? Типа, проспали Родину?! Войну просрали! Враг уже нас давно победил и сейчас в Кремле празднует свою победу помпезным парадом и хлебосольным банкетом с русской водкой, икрой, цыганами и пьяными танцами на столах?! Самим не смешно, товарищи великие полководцы и гениальные военноначальники?! Зачем курсантов дефицитного сна лишаете? Итак, хронический недосып среднестатистического защитника Родины — рядовое и повсеместно стандартное явление во всей Красной армии, поверьте на слово. Будучи курсантами только и пытались прикорнуть на пару минут где-нибудь и как придется включая неожиданные места и немыслимые позы (отдельная история).

Пока получали «сухпай», холостые патроны, взрывпакеты, химические шашки, «диверсанты» из 41-го к/о скоропостижно растворились в утренних сумерках. Дав небольшую фору, мы бросились по следу коварного противника.

Уперевшись в берег неглубокой речки-вонючки, берущей исток в ближайшей канализации, остатки 4-й роты, разделившись на две группы. 42-му и 43-му отделениям «несказанно повезло» — им выпал «счастливый» жребий переправиться через водное препятствие прямо вброд. К поросячьему восторгу 44-го и 45-го к/о нам выпало переправляться через речку по хлипкому мосту. И то радость! Ура! Кому охота сапоги мочить и потом весь день с мокрыми портянками бегать, поймите правильно?! В перспективе стертые в кровь ноги! Оно нам надо?

Парни из 42-го и 43-го к/о, обреченно вздохнули и, задрав персональные автоматы высоко над головой, брезгливо скорчив физиономии, нехотя полезли в однородный коктейль из воды, мочи и фекалий. Противно, а куда деваться?!

На основании устоявшийся воинской традиции, согласно которой в бою «оберегается самое ценное, что есть у солдата» — знамя полка или командир, лейтенант Чубрей, ввиду отсутствия полкового знамени, на «вполне законных основаниях» взгромоздился на плечи одного из братьев Тутаевых (см. «Двое из ларца, одинаковы с лица»). У Тута особого выбора не было и он «почти добровольно» подставил свой хребет для выполнения

благородной миссии по переправе «дорогого и всеми любимого» командира на противоположный берег реки.

Удобно и даже с комфортом расположившись на спине своего богатырского коня — на шее курсанта Тутаева, и находясь на безопасном удалении от досягаемости речной жидкости сомнительного качества и запаха, молодой офицер, всячески подгонял ребят, не горящих особым желанием окунуть свои тушки в пенистые воды речки-вонючки.

По мере того, как курсанты погрузились в воду почти по грудь и медленно продвигаясь по илистому дну, оказались посередине реки, рьяный офицеришка решил добавить остроты ощущений от «боевых событий». Особо не думая лейтенант Чубрей принял «гениальное» решение — живописно рисануться перед главным посредником на данных учениях. Пока старый подполковник скрупулезно фиксировал в блокноте все действия офицеров 4-й роты и учебных подразделений в целом, отмечая слаженность и уровень выучки, молоденький лейтенантик отчаянно скрипя мозгами решил привлечь к себе повышенной внимание со сторону проверяющего лица. Решил и привлек.

Пока посредник взгромождался на любезно предоставленные плечи Тама — второго брата-близнеца из клана Тутаевых, с незамысловатой целью «без проблем и, не замочив ноги» переправиться на другой берег реки, лейтенант Чубрей, восседая на широких плечах Тута, незаметно поджег три взрывпакета и бросил их в густые и мутные воды фекальной реки.

Прогремевшие взрывы произвели сногсшибательный эффект, причем в самом прямом смысле. Во-первых, многие курсанты оказались обрызганными с ног до головы зловонной жидкостью, и сей факт, популярности откровенно нелюбимому офицеру, мягко говоря, не добавил (см. «Путевка в Чернобыль»).

Во-вторых, полусонная толпа курсантов, осторожно продвигающаяся по скользкому илистому дну речки-вонючки, не ожидавшая такого радикального развития событий, инстинктивно ломанулась к спасительному берегу, при этом поднимая приличную волну. Хаотично спасаясь от неожиданной «бомбежки коварного врага», ребята создали непроизвольную свалку и «кучу малу».

Как следствие возникшей толкучки и панической суеты, пара нерадивых курсантов, уронила свои автоматы в воду. Будучи подхваченными неуправляемой толпой эти «военные преступники и злостные предатели Родины» оказались вынесенными на берег и не успели внятно запомнить какие-либо ориентиры на поверхности воды в тех местах, где благополучно утопили личное оружие. Последнее, что они видели — это круги на воде! Но где

именно?!

В-третьих, кое-кто из ребят, напуганных неожиданными взрывами, выбежал на ту же сторону реки, откуда и вошел в воду. В результате переправа через водную преграду была сорвана, единое подразделение разделилось на две части и стало фактически неуправляемым.

В-четвертых, испуганное стадо курсантов, панически бросившееся к спасительным берегам, налетело на меланхоличного и откровенно спящего на ходу Тута который, получив несколько ощутимых толчков по своему внушительному корпусу, поскользнулся на донном иле, потерял равновесие и рухнул в воду вместе с гордо восседающим на его плечах лейтенантом Чубрей. Рухнул плашмя, подняв новую волну (не «цунами» конечно, но тоже весьма приличную) и обдал всех окружающих очередным потоком мутных брызг.

Награда нашла героя — всплывший на поверхность лейтенант Чубрей всем своим видом напоминал пациента, посетившего «грязелечебницу». Мокрый офицер стоял по грудь в зловонной жиже, проклиная на чем свет стоит неуклюжесть курсанта Тутаева в частности и всех Тутаевых в целом, причем обоих братьев сразу. Грязно ругаясь, Чубрей барахтался на середине реки, безуспешно пытаясь поймать свою полевую фуражку, которая благополучно уплывала вдаль, подхваченная мутным потоком взбаламученной воды. Рядом с визжащим лейтенантом, напоминая меланхоличного бегемота, вяло барахтался курсант Тутаев. Что характерно — спасать офицерскую фуражку, флегматично позевывающий Тут даже и не пытался.

Картина маслом, хоть стой, хоть падай. Офицер-посредник, не успевший взгромоздиться на плечи Тамма (брата Тутаева), не знал, что и делать — бессовестно ржать как полковая лошадь от уморительной картины происходящего или срочно писать в свой блокнотик все замечания о бездарно организованной переправе, включая многообещающий эпизод с утоплением двух автоматов.

Наша часть 4-й роты, состоящая из 44-го и 45-го отделений и выигравшая «по жребию» право комфортабельно переправиться через зловонную речку по ближайшему мосту, тихо давилась от хохота и умывалась обильными слезами, наблюдая с берега за уморительным процессом преодоления водной преграды, осуществленным под мудрым руководством лейтенанта Чубрей. Мде… а ведь на их месте могли бы оказаться мы?! Не надо!

Видя откровенно «провальный» результат бездарно организованной переправы, командир 4-й роты капитан Вова Нахрен угрюмо скрипнул зубами и, пообещал лично утопить

лейтенанта Чубрей в этой канализации с неожиданным названием «речка», если потерянное оружие не будет немедленно найдено.

Почерневший от ярости Вова Нахрен предпочел за благо остаться на месте утопления оружия, дабы лично организовать его поиски, передав командование нашей группой другому офицеру 4-й роты лейтенанту Зайчику.

Воистину, с дурными командирами никакой враг не нужен! Под чутким руководством гениальных отцов-командиров мы способны успешно «победить» самих себя. Было бы желание и нездоровая инициатива не в меру рьяных начальничков.

В результате, часть 4-й роты под командованием капитана Нахрена и с непосредственным участием «мудрого и прозорливого» лейтенанта Чубрей зависла на берегу проклятой речки на достаточно длительное время.

Пока капитан Нахрен лизал сапоги главному посреднику, умоляя его временно закрыть глаза и не фиксировать данное отвратное событие, особливо — факт утери двух единиц оружия, курсанты 42-го и 43-го к/о все как один, включая лейтенанта Чубрей, искали утопленные автоматы. Нашли! …но, не сразу! В течение часа активных купаний нашли один автомат, а ближе к обеду и второй!

Правда пришлось вдоволь понырять ребяткам в мутную водичку …всем и каждому …и не и по разу, но это уже мелочи! Нашли оружие и, слава Богу!

А тем временем, наша группа под руководством лейтенанта Зайчика и под наблюдением третьего посредника — толстенького и вечно улыбающегося майора-химика, успешно переправилась по древнему и откровенно хлипкому мостику. Прошли по мосту естественно «не с ногу», дабы не ввести этот памятник «старины глубокой» в разрушительный резонанс.

Переправились, идем, бредем по бескрайним просторам земли уральской. Луговая трава по пояс — лепота. Запах от цветов?! Обалдеть! Аж голова закружилась! Солнце из-за горизонта встало, птички проснулись и радостно запели! Красота и гармония! Что ни говори, а восход Солнца — красота неимоверная!

Кстати, восход Солнца ничуть не хуже, чем закат, точнее некуда. Солнце — вообще чудесное зрелище, причем в любом его проявлении — хоть в закате, хоть в восходе… И что характерно, данная красота циклическая, смотри кому что больше нравится! Кому рассвет, кому закат! Кому солнечное затмение!

Пока дружно раззявя рты, мы пялились на солидно восходящее светило, наша группа незаметно приблизилась к

«офицерским горкам»…

— Тратататататататата! Ба-бах! Ба-бах! Тратататататата! Ба-бах!

Вот, бля, бездарно нарвались на засаду! Мама дорогая, были бы у «диверсантов» настоящие патроны с гранатами, большая часть нашей группы вернулась бы домой в качестве «супового набора». Обидно, досадно, но стоит признать реально — вляпались в банальную засаду по самые уши!

«Диверсанты» из 41-го отделение, грамотно замаскировавшись на ближайшем пригорке, легко и непринужденно «покрошили» нас в мелкий винегрет! Обидно, блин! Все тихо, спокойно, как неожиданно «бац» …и ты ничего не успеваешь сделать, оказавшись под шквальным огнем более хитрого и прозорливого противника… Обидно.

Хорошо, что это «учеба», а не настоящее боестолкновение. Но шок от личной «беззащитности» лично я испытал самый настоящий!

Мде… надо срочно умнеть и набираться опыта! А то, не дай Бог… и в реальном бою долго не протянешь. Бац-бац, уноси готовенького… Обидно… До слез обидно!…и страшно! Оказывается, как легко стать жертвой, мама дорогая! Страшно!

Майор-посредник, не переставая улыбаться, совершенно спокойно и абсолютно бесстрастно (даже как-то по-будничному) «перевел» половину ребят в «безвозвратные потери»!

Половину?! Лихо нас пощипали, ничего не скажешь. Вот Вам и обычная засада…

41-е отделение, щедро засыпав нас взрывпакетами, разделившись на мелкие группы по 3–5 человек, бросилось врассыпную.

— Тыдыдыдыдыдыды! Тыдыдыдыдыдыды! Тыдыдыдыдыдыды!

«Выживший» пулеметчик 45-го классного отделения Федя Мирзалиев, мгновенно сориентировался, заняв выгодное положение на «господствующей высотке». На глазах у посредника Федя методично «положил» почти всех «диверсантов», которые старались укрыться в складках местности и, огрызаясь автоматами а, также разбросав дымовые шашки, под прикрытием которых пытались добежать до ближайшего перелеска.

Но не тут то было, не свезло ребятам. Фахраддин, четко фиксируя сектор обстрела и комментируя свои действия на ломанном русском языке (предпочтительно на матерном), показывал майору-посреднику выявленные группы «противника», сопровождая их длинными очередями из своего пулемета.

Спасибо тебе, Феденька, отомстил! Хоть не так обидно… хотя, чего греха таить, естественно, обидно! Такой молодой, всего

18 лет и уже того… не дай Бог, конечно!

— Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых! Тыдыдыдых!

Вот Федя разошелся, лупит не жалея патронов — потом замучается ствол пулемёта чистить.

Но Фахраддин об этом не думает, а методически выбивает «диверсантов» из полевых учений. Посредник ставит действиям Федора наивысшую оценку — спас подразделение от полного разгрома. Молоток! …а никто и не спорит. Герой! Герой и умничка!

Но часть «диверсантов» все же уцелела. Что же, будем искать… встали и потопали дальше. Эх, тяжела и неказиста жизнь у пехоты — царицы полей! Все ножками, ножками… и пыль полевую в полное горло поглотать и водички на переправах вдоволь похлебать и землицу, пересохшую на летнем солнышке покопать вдоль и поперек… тяжело, етить твою…, горький хлебушек у пехоты! Ох, горький и соленый! Соленый от своего же собственного пота, который стекает откуда только можно и даже периодически капает с кончика персонального носа в мелкую как пудра, дорожную пыль… Пыль! Эта пыль уже покрыла толстым слоем сапоги, форму, оружие, кожу на руках и лице. Проклятая пыль скрипит на зубах и сушит глаза… Пыль! А ребята сейчас на речке купаются… автоматы ищут… им сейчас свежо, хорошо и не так жарко… Эх, вот и пойми что лучше — по бескрайним просторам носиться, ноги в кровь сбивая и дорожную пыль глотая или в речке-вонючке плескаться…

Наша группа бегала по полям, лесам и горкам до самого обеда. Результаты впечатляли и удручали одновременно — диверсантов частично выбили, своих потеряли немеренно. А что делать?! Надо учиться военному делу — науке побеждать! Мы умнели прямо на глазах, расплачиваясь за свои фатальные ошибки достаточно высокой ценой! Мы — жмурики! Тфу, блин! Какое противное слово — жмурики! А куда деваться, реальность наших дней! Правда, «условные жмурики» и это радует!

Итак, подошло время обеда, и «война» наконец-то закончилась. Причем, война закончилась исключительно по волевому решению главного посредника, который, откровенно скучая, просидел почти весь день на берегу вонючей реки, угрюмо наблюдая за «увлекательным» процессом «поиска уплывших автоматов».

Наши парни потом рассказали, что данное действо напоминало эпизод из фильма «Чапаев», когда легендарный Василий Иванович заставил своих нерадивых бойцов выловить

все оружие, утопленное в мелкой речушке.

Так вот, когда оба автомата были наконец-то найдены, подполковник с кафедры тактики с плохо скрываемой тоской посмотрел на часы и принял гениальное решение — войне конец, т. к. неумолимо приблизилось время обеда. А в армии существует золотое правило: «Война войной, обед по расписанию!» Поэтому будем считать, что всех «диверсантов» благополучно уничтожили. Задача учений полностью достигнута. План полевого выхода выполнен. Всем спасибо. Все молодцы! Результаты и оценку объявят дополнительно.

Собравшись в положенное время в «контрольной точке», 4-я рота опять объединилась в единое целое. Офицеры объявили большой привал. Уставшие за день парни повалились на землю.

Сидим на травке, жуем «сухпай» — гадость несусветная но, побегав целый день на свежем воздухе выбирать не приходится. Едим консервы за обе щеки, наворачиваем концентраты, грызем сухари и куски сахара. Такое ощущение, что ничего вкуснее еще не пробовал, честно.

Тем временем, офицеры с кафедры тактики убыли восвояси — в училище, подводить предварительные итоги наших учений. С ними упорхнул и Вова Нахрен, лелеющий смутную надежду основательно подкорректировать итоговую оценку в свою пользу.

Т.к. откровенно неприглядный случай с «вчистую» сорванной переправой и утопленным оружием радикально перевешивался рекордным временем построения нашей роты по тревоге, то шанс уйти от вполне законной «двойки» за "полевой выход" все же был. А чего?! По тревоге выскочили очень даже шустренько! Мировой рекорд, однозначно! В качестве аргументов в пользу «закрыть глаза» на переправу, Нахрен клятвенно пообещал, что вверенная ему 4-я рота выкопает вокруг периметра училища сплошной окоп, предусмотренный по плану охраны и обороны училища ВВС, как военного объекта …и еще противотанковые рвы в придачу. А также образцово «вылижет» все кабинеты на «любимой» кафедре тактики во время ближайшего парко-хозяйственного дня (ПХД).

Офицеры с кафедры тактики с пониманием отнеслись к разумным предложениям капитана Нахрена и обещали тщательно взвесить и рассмотреть такую соблазнительную возможность прийти к общему знаменателю, но с однозначным ответом не спешили, т. к. опасались продешевить… Два утопленных автомата — это бронебойный аргумент, поверьте на слово…

Тем временем, набив желудки всякой несъедобной дрянью, всех курсантов неумолимо потянуло в сон. Свободное время еще есть, а для курсанта и 5-ть минут — вечность, кроме шуток. Сытая «толпа», лениво повалившись на свои вещмешки, друг на друга и

просто на «сырую землю» мгновенно «выключилась» и провалилась в нирвану. Широко раскинув руки и обняв Землю — всю планету целиком и полностью отключив персональное сознание, забылся и я…

…я плыл в теплой и ласковой морской воде, неестественно бирюзового цвета, которая нежно облегала мое тело, снимая возможную усталость от продолжительного пути. ….плыл долго, очень долго… за моей спиной осталось расстояние в много-много километров, но мощно загребая руками, уверенно продвигаюсь к своей цели …абсолютно не чувствуя даже малейшего признака усталости…

…выходя из воды на роскошный пляж с белоснежным песком …нереально мелким как сахарная пудра, я с нескрываемой радостью вижу, как мне навстречу бежит удивительно красивая девушка …с неестественно длинными волосами, которые фактически волочатся вслед за ней по песку… девушка приветливо улыбается… она широко раскинула руки, как бы стремясь обнять горизонт, обнять небо, но не дать мне возможности ускользнуть от нее… …я счастлив… чувство тепла и восторга переполняет мое сердце… ведь именно ради этой красотки я и проплыл огромное расстояние …я переплыл целое море… переплыл, чтобы прикоснуться губами…

…вдруг со страшным грохотом земля разверзлась… пляж с белоснежным песком раскололся надвое, красиво лицо девушки исказилось от ужаса… она напугана и молит о помощи… а мои ноги как будто налились свинцом и стали неподъемными… падаю на колени, не в силах сделать и шага… ….в образовавшийся разлом земли с душераздирающим криком отчаяния сорвалась моя прекрасная незнакомка, …следом посыпался нескончаемый поток белоснежного песка с некогда прекрасного пляжа… а я все стоял на коленях и, погрузив руки в песок почти по локоть, что было сил сжал кулаки… небо разверзлось проливным дождем, сверкнула молния… вторая… по моему лицу ударили жесткие струи дождя, …но у них был соленый привкус — это были слезы… …и грянул гром…

Инстинктивно дернувшись всем телом и открыв глаза, я увидел улыбающуюся физиономию лейтенанта Чубрей. Частично просохший после продолжительного купания в речке-вонючке, лейтенант Чубрей держал в руках автомат, ствол которого слегка дымился. Заметив мой откровенно «непонимающе-отсутствующий» взгляд, молоденький офицер противно засмеялся и, переступив через меня, продвинулся дальше среди лежащих вповалку и крепко спящих курсантов. Остановившись, офицер приблизил ствол автомата к уху очередного спящего парня и

нажал на спуск. Прогремел холостой выстрел (точно такой же только что разбудил и меня). Курсант вздрогнул всем телом и мгновенно проснулся, открыв воспаленные глаза. Поднявшись на четвереньки, испуганный парень лихорадочно заметался, не понимая сути происходящего.

Вид панически ползающего курсанта вызвал очередной приступ гаденького смеха у бесноватого лейтенанта. Бля, совсем дебил, что ли?!

А лейтенант Чубрей продвигался все дальше среди спящих ребят и стрелял из автомата возле ушей курсантов, прерывая тревожный сон уставших парней. Вот дундук! Ладно, хрен с тобой, дурачина слабоумная, в долгу не останемся, можешь даже и не сомневаться.

4-я рота постепенно проснулась и мрачные парни с откровенным недовольством посматривали на дурного офицера, который не придумал ничего лучшего для своей идиотской забавы.

Лейтенант Зайчик, наблюдающий за происходящим с дежурной идиотской улыбкой, перехватил осуждающий взгляд старшины роты и многообещающие взгляды курсантов. Почувствовав своей персональной задницей лавинообразное приближение «революционной ситуации» в отдельно взятой 4-й роте, Зайчик поспешил оторвать своего зарвавшегося коллегу от такого увлекательного и содержательного развлечения.

Время для отдыха еще не вышло, Володя Нахрен не объявлялся, молодых офицеров тоже пробило на сон. Уединившись в тени роскошного дерева, лейтенанты прилегли немного отдохнуть (после дел ратных и трудов праведных, не иначе). Вскоре их глаза безвольно закатились, веки благополучно сомкнулись, ретивые юноши крепко заснули.

Оскорбленная откровенно хамским поведением молодых офицеров, 4-я рота разделилась на три лагеря.

Представители первого лагеря, наплевав на всё и на всех, включая дурных отцов-командиров, банально улеглись спать, досматривая прерванные сны.

Представители второго лагеря задумали осуществить полноценную и весьма изощренную акцию адекватной мести.

Идеи были различные и не отличались особой оригинальностью и глубокой проработкой. Вариант с аналогичной стрельбой возле уха решили отвергнуть из-за прямой опасности быть застигнутыми на месте при непосредственном проведении благородной акции.

Задумка бросить взрывпакет между телами спящих офицеров была отвергнута как антигуманная, т. к. могла привести к

членовредительству или к полному выбиванию остатков разума из полупустых голов молодых лейтенантов. А нафига нам два умалишенных офицера в роте?! То-то и оно!

Поэтому, немного посовещавшись, ограничились поджиганием химической шашки с горчичным газом и аккуратном установлении оной в непосредственной близости к спящим олухам с офицерскими погонами и что характерно — с подветренной стороны. Сказано-сделано! Вскоре клубы ядовито-горчичного дыма плотным туманом окутали спящих офицеров. Спите крепко, дорогие детишечки, баю-бай!

Пока «невоспитанные» лейтенанты проходили процедуру химического окуривания, исключительно с благой целью избавить дорогих и любимых нашему курсантскому сердцу отцов-командиров от всевозможных мерзопакостных насекомых — мух, оводов, комаров и прочей кровососущей гадости, могущих хотя бы теоретически помешать крепкому и здоровому сну, представители третьего лагеря принялись экспериментировать с холостыми патронами и взрывпакетами, сэкономленными во время недавних «боевых» действий.

Откровенно скучающий Витя Копыто засунув шомпол в ствол автомата, прицелился в ближайшее дерево и произвел холостой выстрел. Пластиковая пуля холостого патрона вытолкнула шомпол из ствола и он, пролетев словно стрела Робин Гуда, воткнулся в дерево. Причем, достаточно глубоко.

Оп-па! Как всем известно, дурной пример заразителен. Вскоре, толпа дурачков-переростков уже вовсю упражнялась в стрельбе шомполами по всевозможным целям. Как шомпола не потеряли, уму не постижимо? Наверное, все же наши парни были достаточно меткими стрелками и шомпола втыкались исключительно в цель, а не летели «незнамо куда».

А тем временем, наши офицеры крепко спали. Их распластанные на земле фигуры фактически не просматривались в плотных клубах желто-горчичного дыма. Что им снилось в этот момент? А кто его знает! Но выстрелов они уже не слышали.

Кто-то из «продвинутых» артиллеристов-любителей нашел кусок ржавой трубы и, воткнув его в пригорок, соорудил что-то на манер миномета. В качестве мины замечательно подходила малая саперная лопатка, вставленная черенком в трубу. А вот где взять заряд, для придания поступательного движения мине по стволу миномета? …мммм…

— Эврика!

Воскликнул парнишка из 43-го классного отделения и, поджигая взрывпакет, сунул его в трубу. А затем, сразу же вставил туда же и саперную лопатку, ориентируя рабочую

поверхность лопатки параллельно плоскости горизонта, чтобы использовать ее подъемную силу. Занятия по аэродинамике не прошли даром! Так то!

— Ложись!

Ба-бах! Все курсанты пригнули головы. С пронзительным свистом саперная лопатка вылетела из ствола импровизированного миномета и словно газонокосилка стремительно пронеслась метров 60-80-ть над самой поверхностью земли, оставляя после себя ровную дорожку срезанной травы. Дальнейшему полету «аэродинамической мины» помешало огромное дерево, в которое и воткнулось лезвие лопаты с характерным дребезжащим звоном. Кстати, лезвие воткнулось так глубоко, что лопату вытащили из дерева, прикладывая немало усилий нескольких человек. Вот это моща?! Класс!

— Давай еще?

— Давай!

— Ложись!

Ба-бах! Все опять пригнули головы и мина-лопатка снова отправилась в свой очередной стремительный полет… Так продолжалось бы до тех пор пока не пришел бы командир роты капитан Нахрен, но неожиданно закончились взрывпакеты. Блин, как всегда, на самом интересном месте…

Старшина роты, искоса поглядывая одним глазом на развлечения детишек с большими пиписьками, укоризненно покачал головой и пробурчав: «Больше взрывпакетов не дам», уткнулся носом в свой вещмешок, тщетно стараясь заснуть под «канонаду» выстрелов и взрывов разгулявшейся молодежи.

Два лейтенанта все продолжали крепко спасть. Уже химическая шашка давно иссякла и перестала отравлять окружающий мир щедрыми всплесками горчичного дыма, а всего лишь слабенько «шикала» и вяло струилась еле заметным дымком. Грохот от выстрелов импровизированного миномета тоже не произвел на лейтенантов никакого впечатления. Мде… не померли часом, любезные?

Кто-то из сержантов роты посмотрел на часы и начал проявлять вялое беспокойство.

— Пора бы будить юношей, как считаете? Скоро время ужина, а до училища еще топать и топать!

— Ротный вернется и заберет… Пусть еще похрюкают. Все лучше, чем сейчас мозги бы клевали и под ногами мешались. А так пошалить удалось на славу. Кстати, может у них взрывпакеты остались? Давайте сначала старшину разбудим!

Разбудили старшину, тот молча выслушал предложение

пощупать пульс у заспавшихся офицеров, предварительно обыскав их тела на предмет наличия взрывпакетов. Охота еще посмотреть на летающую лопатку! Жуть как охота!

Старшина Игорь Мерзлов отличался уравновешенным характером и врожденным чувством справедливости, поэтому в свете последних событий тоже не испытывал особого уважения к дурачкам с офицерскими погонами, но субординацию в армии никто не отменял. Подойдя к спящим лейтенантам, он с большим трудом разбудил молодых офицеров.

С трудом сев, и еле разлепив свои веки, два лейтенанта долго мычали, не понимая где они находятся и кто они вообще такие. Угорели, птенчики! Глаза молодых офицеров слезились, из носов текли обильные сопли. Юные отцы-командиры частенько надрывно кашляли, жалуясь на жжение в горле, першение в носу и головную боль.

И что бы это могло быть?! Прямо и не знаем! Наверное, простудились на сырой земле и в тени роскошного дерева полдня возлегая. А лейтенант Чубрей еще и купался целое утро, утопленные автоматы разыскивая. Одежда до сих пор влажная! Вот сопельки и потекли, не иначе…

Уф, живы дурашки и, слава, Богу! Мде… с горчичной шашкой конечно же перебор получился… Хотя, пусть спасибо скажут, что возле ушей не стреляли пока спали суслики, а надо было бы…

Вскоре прибежал командир роты капитан Нахрен. Судя по его абсолютно счастливой улыбке, он все же нашел общий язык и точки взаимовыгодного соприкосновения с «посредниками учений».

Построив 4-ю роту, сияющий как «прожектор перестройки» Вова Нахрен торжественно объявил.

— Товарищи курсанты, оценка за сегодняшний полевой выход — 5 баллов. Несмотря на самое активное старание некоторых представителей офицерского состава сорвать учения, о чем, кстати, я уже сделал соответствующие орг. выводы дисциплинарного порядка, в целом наша рота показала себя очень достойно и на самом высочайшем уровне. Особенно радует факт, что рота смогла радикально перекрыть норматив по факту получению сигнала «Тревога!»! Все действия личного состава при получении команды «777» признаны исключительно грамотными и правильными! Молодцы! Парни, я вами горжусь! Руководство кафедры тактики и общевойсковых дисциплин посчитало возможным закрыть глаза на мелкие недочеты и незначительные шероховатости, выявленные на полевом выходе, при условии, что наша 4-я рота будет защищать честь училища на предстоящих учениях перед лицом комиссии из Москвы… Наша 4-я рота

должна показать такой же высокий результат… не ударить в грязь лицом… надежда училища…

Пипец! Приехали! Сегодняшний денечек, честно говоря, мог бы выпасть из колоды годового календаря хоть чуть-чуть, но немного менее гадкий. Что ни новость, то очередные проблемы.

И как же, позвольте спросить, уважаемый товариСТЧ Вова Нахрен наша замечательная и легендарная 4-я рота покажет строгой Московской комиссии «такой же высокий результат», если сегодня утром данный рекорд был установлен на основании разведданных о предстоящей тревоге, ась?

«Ентот самый рекорд» устанавливался неспеша и лениво, небрежно ковыряясь в носу и почесываясь в самых неприличных местах, вот так! Чуть ли не со вчерашнего вечера все было загодя приготовлено! И что теперь? Вот попали, епёноть… это ж надо? Что же делать? Опозоримся, блин! Хотя, есть одна прогрессивная мыслишка, но это уже совсем другая история.

78. Шутки богов

Аллергия — состояние повышенной чувствительности животного организма, по отношению к определенному веществу или веществам (аллергенам), развивающееся при повторном воздействии этих веществ.

Аллергия проявляется сильным раздражением слизистых оболочек, кожными сыпями, общим недомоганием и т. п., включая отек Квинке и летальный исход от асфиксии (удушения).

Аллос(греч.) — другой + Эргон(греч.) — действие (аллергия).

Во время процедуры долгожданного выпуска из военного училища ВВС новоиспеченные «зеленые» лейтенанты беспечно соревнуются друг с другом в патологическом идиотизме, дабы, прощаясь «навсегда» с закадычными друзьями, в тоже время остаться в памяти сокурсников «реальным пацаном» и «рубахой-парнем».

Выпуск из училища предыдущего перед нами курса совпал с разгаром оголтелой Горбачевской компании по остервенелой вырубке всех виноградников в стране победившего социализма и с умопомрачительными очередями за спиртосодержащими жидкостями на фоне абсолютно пустых прилавков в продуктовых магазинах, а также полным отсутствием съестных продуктов, которые в простонародье называются: «закуска». (написал и аж на слезу пробило — во, времена были, упаси Господи)

Итак. Два друга «не разлей вода», получив распределения в разные концы необъятной Родины, слезно прощались друг с другом, вися в пьяненьких объятьях. Один из ребят получил направление в морскую авиацию на Дальний Восток и был одет в безумно красивую черную форму с болтающимся на боку золотистым кортиком, второй — уезжал в западную группу войск в Германию. Залихватски заломив на затылок синюю фуражку, он ненавязчиво предлагал выпить еще по «чуть-чуть» и посидеть на прощанье, коротая время до поезда.

Денег парни получили весьма прилично — подъемные и все такое, поэтому в финансах ограничений не было. Сидеть в душном зале ресторана, когда на улице солнечная погода было единогласно признано моветоном, поэтому парни решили «крякнуть в крайний раз» на берегу училищного пруда — на фоне территории любимой альма-матер, так сказать.

Сказано-сделано. Ребята разделились в поисках «выпить и закусить», застолбив «реперную» точку для скорой встречи на

второй скамейке от ворот КПП (контрольно-пропускного пункта).

Через пару часов к КПП училища с некоторым зазором по времени лихо подкатили две машины такси. Из одной вышел «мареманский лейтенант», который извлек из недр салона «Волги» ящик «Столичной» (как достал такой дефицит — непонятно, но достал), а из второй машины выгрузился «стандартный сухопутный летун» с 20-литровым пластиковым ведром шикарной клубники и объемной авоськой сочных персиков.

На удивленный вопрос «моряка»: «И что это?», сухопутный коллега с апломбом в голосе ответил: «Витамины — мировой закусон! В стенах училища всегда мечтал о дефицитной клубничке и о сочных персиках! Теперь имеем полное право и все возможности! Не бигусом же закусывать!» (см. «Бигус»)

Не теряя времени на пустые препирания, друганы расположились на удобной лавочке на берегу пруда под ниспадающей кроной роскошной ивы, в тени и комфорте.

Т.к. процесс «прощания» с родным училищем свят и неприкосновенен, то под откровенно завистливые взгляды курсантов, стоящих в наряде по КПП, два лейтенанта (сами вчерашние курсанты) обильно возливали в свои недра приличные порции «Столичной» и смачно закусывали огромными ягодами клубники, периодически чередуя нежными персиками, которые истекали обильным сладким соком прямо по щекам и подбородкам откровенно счастливых ребят. Их громкие причмокивания свидетельствовали о неземном блаженстве, снизошедшем от осознания пьянящей свободы в купе с обильным употреблением дефицитной водочки и нежнейшими яствами в виде витаминосодержащих фруктов и огромного количества вкуснейших ягод.

Когда после захода солнца, наряд по КПП подошел к загулявшим выпускникам с вежливым предложением: «Переместиться в недра училища с благой целью переночевать под гостеприимной крышей альма-матер, т. к. уже темнеет, холодает и все такое», то дневальные по КПП тихо ужаснулись и начали хаотично креститься. А испугаться было чему — два лейтенанта походили внешним видом на мерзких чудовищ, сошедших со страниц произведения Гоголя «Вий». Лица молодых офицеров были опухшие донельзя, а веки ребят отекли до такой степени, что напрашивалась сакраментальная реплика самого Вия.

— Поднимите мне веки!

В результате, одного лейтенанта увезли по "Скорой помощи" под капельницей прямо в реанимацию, а не на поезд — отек

Квинке (аллергический шок с частичным удушением), а второго парня кололи различной дрянью прямо в помещении КПП. А когда ему радикально полегчало, то опять же вместо вокзала и уютного купе скорого поезда на «малую родину» его оставили под наблюдением дежурной медсестры в училищной медсанчасти до полного выздоровления.

Пока над незадачливыми «летехами» активно трудились две бригады врачей-реаниматоров, на небесах, свесив ножки с пушистого облачка, сидели два ангела-хранителя этих неразумных офицеров и, наверное, то же выпивали спиртосодержащие смеси за здоровье и карьеру своих подопечных…

Иначе как можно объяснить тот факт, что у одного лейтенанта — «морячка» в частности, на всю жизнь развилась жестокая нелюбовь к клубнике (малейший запах клубнички и у парня моментально проявляется приступ отека Квинке со стандартным маршрутом: госпиталь + палата реанимации). А у другого парня — кошмарная аллергия на персики и все, что из них приготовлено (примерно все то же самое, что и у морячка, правда без приступа удушья и традиционной реанимации, но то же все очень плохо — обширная крапивница, отеки слизистой глаз и носа, обильные сопли, слезы, противный кашель и т. д. и т. п.)

p. s. Когда спустя много лет, два закадычных друга встретились в стенах академии ВВС, их жены, сетуя на привередливость своих мужей в пище и ярую нелюбовь к витаминам, взахлеб сокрушались друг другу.

— Вот почему аллергия у наших мужей на такую полезную вкуснятину, как ягоды и фрукты?! Да еще с фатальными последствиями! Нет, чтобы аллергия на водку развилась?! Так хренушки, пьют проклятую в два горла и хоть бы что?! Где справедливость?

79. Не болит голова у дятла

Поступая в военное училище, мы сдавали кучу экзаменов, хитрые тесты на профпригодность, жестокие нормы физподготовки и прочее-прочее. Далее началась учеба и ежедневная служба.

Целью каждого обучения — выпуск, золотые лейтенантские погоны на плечи и распределение к дальнейшему месту службы… желательно, не в самое дремучее место.

Поэтому, поступив в училище ВВС, каждый из нас вступил в некое негласное состязание за право получить престижное место для дальнейшей службы. А вот тут начинается самое интересное. Право на «шоколадное» место каждый курсант зарабатывает, как может, по мере своих сил и способностей! Кто-то отлично учится, пользуясь своим врожденным интеллектом по полной программе и цепкой памятью, полученной в наследство от папы с мамой. Кто-то берет учебу персональной «задницей» — сидит по ночам и тупо зубрит пройденный материал, в «миллионный» раз перечитывая конспекты. Кто-то надеется на «мохнатую лапу и бронепоезд с локомотивом», который в нужное время выползет из густых кустов, надежно прикроет броней, испугает выбросом пара, надавит авторитетом и поддержит огнем тяжелой артиллерии. Кто-то активно ведет показную общественно-политическую работу — комсомольский вожак Конфоркин, например. Кто-то равнодушно плывет по течению, надеясь на волю случая и свою счастливую судьбу. Кто-то подается в писари и художники, оформляя каллиграфическим почерком и яркими рисунками многочисленную агитационную документацию для всевозможных кафедр, особенно, политических. Кто-то пишет пером и тушью учебные пособия и ведет на кафедре «рационализаторскую» работу. А кто-то подается в осведомители разного уровня…

А вот тут уже складывается свого рода скрытая иерархия среди стукачков разного уровня, работоспособности и возможной перспективности. И таких «добровольных» помощников и осведомителей командования и компетентных органов в периметре любого военного училища великое множество и огромное количество всевозможных разновидностей.

В основном эта «уважаемая публика» делится на две категории: «дятлы» и «радисты».

«Дятлы» стучат командирам взводов, командиру роты, комбату. Реже, преподавателям. Иногда, работникам

партполитактива батальона или училища. Редко, но бывает. По выпуску из училища, «дятлы» добившись своей цели, благополучно соскакивают с крючка и становятся обычными офицерами, старательно вытравливая из своей памяти данные нелицеприятные факты личной биографии.

«Радисты» стучат в особый отдел — высший пилотаж и наиболее головокружительные перспективы. Такие «работящие» парнишки после выпуска из училища как правило получают спец. отметку в личном деле и передаются по эстафете «из рук в руки» в особые отделы по новым местам службы. И шансов соскочить из презренных сексотов практически не имеют.

Некоторых — особо-перспективных и мегасуперподающих надежды «радистов» направляют в спец. школы, после окончания которых данные ударники «передачи информации в компетентные уши» становятся полноправными и дипломированными особистами. И уже сами выискивают очередное поколение желающих поучаствовать, чтобы тайное стало явным. «Подающих надежду» лелеют и холят, оберегая себе подобных, всячески продвигая их по карьерной лестнице и подстраховывая на экзаменах в академию и т. д. и т. п. Но для такого фавора надо стучать …и стучать очень долго …и продуктивно.

Противно, конечно, но цель оправдывает средства. Не даром говорят: «Не болит голова у дятла!» У него, как правило, болит морда лица …и очень сильно!…если проколется, естественно…

Если в коллективе пошла утечка информации, это сразу чувствуется. Подозревать можно кого угодно, но лучше об этом помалкивать, ибо обидеть человека необоснованным подозрением — гораздо хуже, чем пропустить реального стукачка…

В 45-м отделении неожиданно проскакивает искра недоверия и нарастает нервозная напряженность — командование 4-й роты в курсе всех наших «мелких пакостей». Завелся стукачок, без вариантов. Мелочь конечно, но все равно неприятно.

Подозревали всех и каждого, парни постепенно перестали общаться друг с другом. Некогда дружный и монолитный коллектив методично разваливался на мелкие кучки и одиночек-отшельников. Нервозность нарастала, в воздухе повисло электричество, готовое перерасти в громовые разряды, жестокую разборку и массовую драку… Так дальше жить было нельзя. Но и начинать неприятный разговор тоже как-то никому не хотелось.

На самоподготовке неожиданно встает Леха Крошкин из Ярославля и шокирует всех неожиданно-откровенной репликой.

— Парни, я не дятел!

В аудитории наступила гробовая тишина, в которой было

отчетливо слышно как между стекол огромной фрамуги страстно сношаются две мухи, потерявшие остатки стыда и малейших приличий. Сержант Гнедовский поморщившись, вяло парирует.

— Лешка, не начинай… Тебе никто не предъявляет но, честно говоря, трахать сержантов стали гораздо чаще, глубже, дольше … и весьма в точку. Настораживает, однако… И чего ты решил, что на тебя кто-то тянет?

— Парни, мы служим уже три года, вместе по самоволкам, вместе картофель выбрасывали (отдельная история), вместе пакостили, вместе водку жрали, «Агдам» тырили… я вам не говорил, что… мой дядя — особист нашего училища! Но, я — не радист!

Шок! Оп-па, вот так Леша?! И молчал три года …и чудил наравне со всеми…

И тут началось… Всех как прорвало… Никакой детектор лжи не понадобился. Парни стали вслух анализировать все «проколы», за которые дрюкали нас и дрючили наших сержантов. Постепенно круг «подозреваемых» начал сужаться… Неожиданно встал казах Эрик Чухманов.

— Парни, простите меня! Я виноват и готов написать рапорт на отчисление!

Ба-бах, приехали… Как гром среди ясного неба. Вот бы никогда не подумали!

— Эрик! Как? Когда вербанули?

— На абитуре еще… экзамены запорол, а возвращаться домой стыдно! Провожали всем кишлаком, отец столы накрывал на 1500 человек, все … а тут домой, неудачник. Нельзя! Подошли, поговорили… я возмущался, отказывался… потом думал, плакал, губы кусал… стыдно домой неудачником. Обещали, что распределюсь домой… согласился. Простите парни! Я отчислюсь…

После длинной паузы, Валера Гнедовский медленно выдавливая слова, чеканил фразы, как будто наносил удары по щекам…

— Хрен с тобой! Учись дальше! Хуле, столько стучать?! Обидно отчислиться …и совесть продал …и золотые погоны просрал! Но на выпуске исчезни куда-нибудь, за ради бога… не нарывайся! Как считаете парни? Дадим ему выпуститься? Ради этого же он себе на горло наступил… и душу продал… Кто «за»?

В гнетущей тишине учебной аудитории, среди «единогласно» поднятого леса рук и обжигающих равнодушно-презрительных взглядов, как из карих глаз Эрика Чухманова капают огромные слезы и разбиваются о поверхность полированного стола…

80. Пробитый

Как уже отмечалось ранее (см. «Нервные клетки не восстанавливаются») в гарнизонном карауле, куда заступали периодически все военнослужащие, расквартированные в уютном уральском городке, был один весьма необычный пост — две камеры в темном подвале военного окружного госпиталя.

В этих камерах содержались военнослужащие, отбывающие свой срок заключения в дисциплинарном батальоне, или еще находились под следствием за различные уголовные преступления в ожидании суда. Данная «душевная» публика нуждалась в серьезном стационарном лечении или операциях.

Но, честно говоря, таких «объективно больных» пациентов была лишь малая толика среди хитрожопых «умников», которые по мере сил и возможностей, а также при наличии соответствующего аппетита, периодически глотали ложки, вилки, ключи, монеты и прочие мелкие предметы. Или добровольно резали себя бритвами, старательно бились головами об стены, причем все чаще — с разбегу. А также, ломали себе руки и выворачивали пальцы из суставов, справедливо полагая, что лежать на больничной коечке, пусть даже в темном подвале, все же гораздо уютней и предпочтительней, чем сидеть в одиночной камере гарнизонной гауптвахты или отбывать срок в периметре колючей проволоки дисциплинарного батальона.

Т.к. командование округа не горело особым желанием размещать эту расчудесную и образцово-показательно воспитанную публику в общих палатах с нормальными военнослужащими, то для подобной клиентуры отвели относительно уютное помещение в самом дальнем закоулке глубокого подвала госпиталя — с глаз долой из сердца вон.

Прописанное в Конституции СССР законное право каждого гражданина на бесплатное медицинское обеспечения, никто у данных индивидуумов не отнимал, так что в ООН могут спать спокойно. Все условия содержания, а также полное соблюдение прав человека в гостеприимных и уютных камерах уральского госпиталя соблюдались гораздо тщательней, чем в хваленой американской тюрьме для международных террористов на базе Гуантанамо, к бабке не ходи, можно и не проверять. Положение дел будет не в пользу Америки с ее хваленой демократией, поверьте на слово.

Для охраны «специфического контингента железоглотателей и членовредителей» выставлялся вооруженный пост, дабы эта

деликатная публика не имела соблазна податься в бега, не контактировала с нормальными военнослужащими, не «навязывала» им свое общество или не натворила еще чего похуже. А на лечебные процедурки и планомерный осмотр доктора можно и под конвоем прогуляться, не так ли?!

Данный пост для личного состава караула был удобен и неудобен одновременно. На него заступали по два курсанта на долгие 4-ре часа, чтобы осуществить вывод больных и страждущих на прописанные медицинские процедуры и в то же время, обеспечить надежную охрану достаточно серьезной публике, от которой можно было ожидать чего угодно. А персонажи были, мама не горюй и упаси Господи!

Здесь были и дезертиры — кто бежал с оружием в руках и жестокие убийцы, расстрелявшие своих сослуживцев и насильники, и прочая мерзость, потерявшая человеческий облик, ожидающая решение суда, с последующей отправкой в обычные тюрьмы и лагеря строгого режима.

По тяжести совершенных преступлений и в зависимости от потенциальной опасности для общества, «сидельцы» были отсортированы на две камеры — «полный пипец» и «не очень полный, но тоже пипец». Поэтому на данный пост назначали, как правило, крепких ребят с приличной физической подготовкой и уравновешенной психикой.

Любое открытие дверей камеры и вывод «пациента» осуществлялся со всеми мерами предосторожности — оружие заряжено, металл в голосе, второй часовой страхует первого и все такое… Все медицинские процедуры и каждое открытие камер осуществлялось только с обязательным уведомлением по телефону начальника караула и в строгом соответствии с курсом лечения для конкретного арестанта.

А вот уже по коридорам госпиталя «пациента» следовало вести с разряженным оружием (дурной приказ коменданта, в плане отдельная история по данному вопросу), магазин с патронами отстыковывался от автомата и убирался в подсумок, разрешалось только примкнуть штык-нож. Идиотизм, а куда деваться?! Вся надежда свою силушку и «копье» в виде «пустого» автомата с примкнутым штык-ножом. Типа, эпизодически тыкай в задницу «беглого» или бегай с ним наперегонки, аки на олимпийских играх и попутно уговаривай «остановиться по-хорошему», а стрелять ни-ни! — комедия, блин! Но, об этом чуть позже, итак.

Заступаем на пост в госпиталь, часовые — я и Лелик Пономарев. Т. к. пост считается «геморройным», то на первую смену и «приемо-передачу» приезжает дежурный помощник

коменданта — подполковник из училища РВСН (ракетные войска).

В маленьком закутке перед камерами откровенно тесно и подполковник дает команду открыть первую камеру, дабы лично проверить наличие всех «сидельцев».

Представители «старого» караула открыли камеру с контингентом «не очень полный, но тоже пипец». «Болящие» встали с коек и по очереди представились. Скрупулезно сверив личный состав, подполковник изъявил желание посетить камеру, где сидит категория «полный пипец».

Хочет?! Нет вопросов! Желание начальника — закон для подчиненного. Немного скривив морду лица, часовой из предыдущего состава караула открывает камеру № 2. Офицер-ракетчик смело заходит вовнутрь и сразу же на него бросается «придурок» с табуреткой в руках. Мы с Леликом не успели адекватно отреагировать, т. к. находились в «творческом ступоре», а парнишка из «старого» караула за минувшие сутки успел досконально разобраться «с кем именно» приходится иметь дело, и поэтому был начеку. Молниеносно ворвавшись в камеру, он ударом приклада АКМ по голове «вынес мозг» нападающему и отправил его в полет через койку в дальний угол камеры. Пока откровенно сбледнувший подполковник приходил в себя после скользящего удара табуреткой по фуражке, часовой еще успел пару раз приложиться сапогом по ребрам «бездыханного» тела, распластавшегося на полу. Мде… замечательное начало несения службы, многообещающее… Мама дорогая, забери меня отсюда.

Офицер, подобрав с пола фуражку с погнутой пружиной, растерянно промычал.

— И часто так?

Солдатик ВВ, не переставая пинать «напавшего», равнодушно ответил.

— А кто его знает? Вчера, мы так же заступали. Разве вас дежурный по комендатуре не успел предупредить? У него же правое запястье перебинтовано — успел рукой прикрыться от этого малахольного. А этот еще укусить пытался…

Убедившись, что «клиент» жив, мы приняли пост. Офицер и «старая» смена уехали. Мде… и с этой публикой битые сутки торчать… еще и кормить и водить в госпитальный корпус по врачам и на процедуры … а сегодня в ночь еще и помывка в бане запланирована — вообще, полный восторг. Наша воля, заварили бы клетки «намертво» и просовывали бы пищу сквозь решетку. «Душевные пацаны», ничего не скажешь.

Тем временем, «агрессивное чудо с табуреткой» благополучно очухалось и, посчитав за благо поменять свое текущее

местоположение с пола на койку, встал на карачки и злобно загавкал. Понятно, еще и под «дурика» косит. Одуреть! Вот подарочек, твою мать! Ладно, к этому экземпляру особое внимание. А все-таки интересно, ему прививку от бешенства ставили, а то вдруг кусаться начнет?! И если он возомнил себя животным, то ему самое место в ветеринарной клиники на процедуре полной кастрации, не иначе. Вот, бля… попали!

Ох, как же время медленно тянется?! Звонок телефона резанул по нервам, позвонила медсестра.

— Михайлова из 1-й камеры на перевязку в 202-ю, это на втором этаже. Жду!

Кинули с Леликом на пальцах, вести мне. Уф, лучше на «свежем воздухе», чем с дебилами в подвале. Прости, Лелик, твоя очередь следующая.

Вывел Михалова — огромная 2-метровая гора мяса весом за центнер, ноги в бинтах, еле ходит, взгляд стеклянный. Бррр! Задушит и не вздрогнет!

— Вперед!

Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, арестант Михайлов побрел на перевязку. Я потащился следом. Идя по коридору госпиталя, я обратил внимание, как непроизвольно замолкали солдатики, находящиеся на излечении, которые попадались нам навстречу. Улыбки сползали с их лиц. Ушастые ребята с плохо скрываемым страхом смотрели на гиганта, которого вели под конвоем.

202-я! Постучавшись в дверь, завел Михайлова. Врач, посмотрев на меня из под лицевой маски, попросил выйти за пределы перевязочной.

— Не положено! Выводной обязан постоянно контролировать…

— Парень выйди. Тебе же лучше. Во-первых, тут гнойная перевязочная, стафилококки всякие в воздухе летают, оно тебе надо? Во-вторых, лицезреть зрелище гниющего заживо человека даже мне — врачу с огромным опытом и то неприятно! Ты еще чего в обморок рухнешь, и возись тут с тобой! А ты при исполнении и с оружием… и куда он денется? Не Карлсон, в окно не улетит!

Я вышел за дверь и, коротая время, присел на подоконнике. Окно госпиталя выходило в мир — на живописную улицу, по которой неспешно дефилировали девушки… Ах, девушки, какие все же красивые девушки гуляли по улицам уральского городка…

Пока я исходил на слюну и тупо грезил наяву, «больной» Михайлов, выйдя из перевязочной, неожиданно шустро «дал деру». На мгновение вернувшись в «реальность», я краешком

глаза заметил как мой подконтрольный «увалень», перекатываясь словно шарик, уже фактически скрылся в конце госпитального коридора. Под ложечкой противно ёкнуло, спинка мгновенно вспотела и, громыхая тяжеленными сапогами, я с истошными криками: «Стой!» припустил в погоню.

Бегу и думаю: «Ну и что дальше?» Догнал… Обогнал… Встал перед Михайловым… А он надвигается на меня как айсберг на «Титаник». Упираю штык-нож ему в кадык и опять кричу.

— Стоять!

Парень хватает ствол моего автомата двумя руками и пытается насадиться на лезвие штыка, как кусок мяса на шампур. Его глаза безумны, а губы шепчут.

— Убей меня!

Оп-па! Так мы не договаривались! Резко дергаю автомат на себя, вырываю его из рук арестанта и прикладом даю под дых. У Михайлова выпучились глазки, и он тяжело осел. Подбегает медсестричка.

— Изверг, что же ты делаешь?! (это мне) Я напишу рапорт главврачу, что ты избил Михайлова. Он и так весь забитый и обиженный!

— Умом трахнулась?! Он бежать пытался, а потом на штык кидался! Пиши что хочешь, мне пох…

— Дурак! У него и так жизнь тяжелая! Его все обижают, он сам себе ноги режет, и грязь в раны забивает, чтобы гангрену получить …и ампутацию ног! Любой ценой под амнистию попасть хочет. Он всего лишь из отпуска не вернулся, а его в дисбат. А там его «обидели»… Он жить не хочет…

Ну, пипец, совсем на головушку «ку-ку». Да они все тут, похоже, по башке трахнутые. Им место в дурдоме… А мы то здесь причем?! С этим дерьмом общаться, да еще его лелеять и холить и входить в положение? Ага, сейчас! А кто виноват, что его обижают? Вон какой «лось» огромный, кулак, что 2-литровая банка… Тьфу, блин, дрожь противная в руках, что ни говори, а неприятно, когда от тебя арестанты бегают, да еще посредством твоего же оружия, горло себе хотят перерезать…

— А меня ипёт, что у него жизнь тяжелая? Вместо него прикажешь на нары садиться? А ну, вставай, сука! Руки за спину! Вперед!

Привел Михайлова, запер в камере, а у самого испарина на лбу и руки трясутся. Лелик посмотрел на меня и ничего не сказал, наверное, и так все понял.

Ему выпала очередь выводить «психа с табуреткой» на физиопроцедуры. Когда они вернулись, у Лелика нервно подрагивали губы, а у «любителя помахать табуреткой»

красовался свежий кровоподтек аккурат посреди лба. Я тоже посчитал за благо промолчать и ничего не спрашивать.

Мде… стадо ублюдков и никак иначе! И «это вот» находилось в казармах с нормальными солдатами, а потом мы удивляемся волне насилия и дедовщины, захлестнувшей армию. Таких уродов надо сразу в тюрьму отправлять, а не в армию призывать в надежде, что они осознают свою «роль в истории» и займут достойное место в монолитном строю защитников Родины! Ага, сейчаззззззззз!

Во время кормления сидельцев обедом, мы обратили внимание, что у Михайлова ложка с просверленной дыркой и кружка с дыркой и алюминиевая тарелка… Непонятно!

После приема пищи, «табуреточник» приблизился к решетке, и заискивающе заглядывая нам в глаза, начал ласково нашептывать.

— Ребята, простите меня за недостойное поведение и поймите правильно, не хочу в тюрьму, тем более что меня совсем незаслуженно…

— Рот закрой, нам это неинтересно. Любого из вас спроси, все тут незаслуженно сидят. Прям, пай-девочки, куда деваться?!

— Нет не все! Вон Михайлов из 1-й камеры. Он — дезертир, сука! Уже 1,5 года отслужил и получил отпуск на «малую родину», а в часть не вернулся! Это же надо?! Уже «дедом» был! Лежи себе на койке, дрочи молодых и жди дембеля! А он, 3,14здюк, обоссался и не вернулся. Больше года бегал, пока не поймали! А когда в дисбат 3 года начислили, так он, сопля ублюдочная, в «опущенные» перевелся. Прикиньте?

— Какие еще опущенные?

— Ну, в «пробитые»…

— Лелик, ты чего-нибудь в тюремной иерархии понимаешь? Что за «пробитые»?

— Петух, что ли?!

— Во-во, петушня! Слушайте, парни, пустите меня в 1-ю камеру на полчасика к Михайлову…

Лелик взорвался и пнул сапогом по решетке камеры.

— Тьфу, твою мать! Пшел на *уй, придурок! Петушня гомосечная, бля, аж блевать с вас уродов тянет… Калоприемники сраные. Фууу, бля… Саня держи меня, пока я ему опять прикладом в бубен не на*ебнул!

— Я не петух! Я настоящий пацан, меня знаете, как били? Места живого не было, но я все вынес….

— Заткнись, говнюк, а то сейчас в твою жопу ствол автомата засуну и весь рожок выпущу, тварь петушиная… Прикинь Саня, жили мы себе спокойно в наивном неведении всей петушиной

иерархии мерзопакостной, пока на этот гребаный пост не заступили. Твою мать, настроение на всю оставшуюся жизнь испоганили, тьфу… Жили бы себе как все нормальные люди… Ненавижу, пидары сраные…

Ночью (чтобы исключить контакт с нормальными военнослужащими) сводили всех арестантов в госпитальную баню. Что характерно, сами же соседи по камере не подпустили Михайлова к крану с водой, и он сидел в сточной яме в центре душевой и умывался фактически водой из канализации. Брррррр!

Огромный детина и так себя довел?! И зачем в бега подался?! О чем думал?! А сейчас мечтает о гангрене и ампутации ног как о великом счастье, только чтобы вырваться из мест заключения …. вернуться домой и выйти из категории «обиженных». Тихий ужас! Упаси Господи от такого зрелища! Скорей бы этот караул закончился, противно, слов нет. И куда только призывная комиссия смотрит, когда всех под одну гребенку призывает и дебилов умалишенных и вменяемых пацанов в едином миксере перемешивая?!

А потом удивляемся — дедовщина и дезертиры!

81. Если хочешь быть здоров…

«Если хочешь быть здоров, закаляйся!» — данный лозунг, несомненно, известен всем и каждому еще по старинному черно-белому кинофильму «Первая перчатка». В котором, принимая контрастный душ, усатый и улыбчивый тренер команды боксеров напевает веселенькую песенку именно с такими словами.

Командование нашего училища ВВС взяло этот нехитрый и весьма доходчивый лозунг на вооружение. Взяло, с энтузиазмом подхватило и всячески озаботилось процедурой принудительного закаливания юных курсантских организмов.

Причем, взялось рьяно закаливать поголовно всех и каждого, независимо от нашего личного желания, а так же без учета индивидуальных особенностей персональной тушки.

А как иначе? И зачем иначе? Ведь в армию в целом и в военное училище в частности набирают изначально здоровых. И только здоровых. Чахликам, болезным, немощным, хилым и убогим путь в офицеры Красной армии надежно закрыт строгими и неподкупными медкомиссиями.

Посему всех ребят, попавших в периметр военного училища и надевших курсантские погоны надо всячески усовершенствовать и в кратчайшие сроки довести до состояния среднестатистических суперчеловеков, с высокой степенью морозоустойчивости, а заодно и привить нечувствительность к высоким плюсовым температурам. Тоесть, из вчерашних школьников и домашних птенчиков «а-ля-маменькины сынки» за период обучения в армейском ВУЗе следует создать выносливых солдат для своей страны, которым ни пустынная жара, ни арктический холод не страшны. Во, как?!

С жарой все просто — не разрешай курсантам летом оголяться, когда на улице +30, попотеют слегка и фиг с ними. Переживут, чуть усохнут, потеряв излишки влаги и только крепче станут, выносливей.

А вот с холодом чуть подольше придется повозиться. Но тоже вполне решаемо. Особенно, если к данной проблеме подойти комплексно:

Во-первых: в казармах не должно быть горячей воды. Вообще и ни в каком ее проявлении. Все умывания, подмывания промежностей, мытье ног, ополаскивание тела и чистка зубов исключительно холодной водой. Пусть привыкают! Тяготы и лишения службы никто не отменял. Это еще в тексте «Военной присяги» прописано. Вот и создадим данные тяготы и лишения,

чтобы с младых ногтей не боялись всяких трудностей. Чтоб наличие горячей воды ценили и воспринимали как великое счастье.

Во-вторых: вода в училищной бане тоже не слишком горячая. Мыльная пена с головы смывается?! Вот и ладненько! Уже хорошо.

В-третьих: не давать курсантам тепло одеваться в дождь, в снегопад, и в прочие резкие понижения температуры забортного воздуха. Вот курсанты самопроизвольно и закалятся до нужного состояния пониженной чувствительности к колебаниям температуры окружающей среды.

Все гениальное просто и при минимальных затратах! Красота! А местами даже и красотища!!!

И нас усиленно закаливали. Весной, летом и осенью мы ходили в ХБ (хлопчато-бумажная форма), зимой в ПШ (полушерстяная), а наши суконные шинелки продолжали сиротливо висеть идеально-ровными рядами на вешалках в казармах. И надевали их лишь в караул или в увольнение в город. Остальные передвижения в периметре училища только в легкой форме одежды и только бегом. И не важно, что на улице — 30 с порывистым ветром. Неважно!

Пока бегут детишечки из одного учебного корпуса в другой, согреются. И полная ерунда, что тонюсенькая форма продувается уральским ветром вплоть до костей ее хозяина. Потерпят, не маленькие.

И не беда, что толпа замерзающих курсантов напоминает арктических пингвинов с оттопыренными крыльями, т. к. прижать руки к телу было весьма неприятно. Ткань ПШ, стоящая от уральского мороза колом, промерзала насквозь и, прикасаясь к коже, холодила ее еще больше. Портянки зимние были чуть-чуть толще летних, но не намного… А, ерунда! На Урале зима всего-то девять месяцев! Потерпят. Зато потом, бац, и сразу лето! Вот тогда и согреются, родимые.

Чтобы хоть как-то противостоять всепроникающему холоду, периодическая подшивка СМИ в ленинской комнате постоянно разворовывалась. Т. к. из пламенных докладов генсеков правящей партии, напечатанных в газетах, получались неплохие стельки в задубевшие сапоги — своего рода изолятор и тоненькая прослойка между неумолимо остывающей ступней и промерзшей насквозь подошвой сапога. А если удавалось урвать всю газету целиком, то ее можно было намотать вместе с портянкой, что радикально утепляло не только ступню, но еще и икроножные мышцы ног — пусть сомнительная, но все же защита от судорог, постоянно промерзающего организма.

А вот зимние кроссы на лыжах на «десятку» (10 км.) — это уже совсем отдельная история. Как уже ранее отмечалось, практически каждое воскресенье в нашем доблестном училище ВВС проводился гарантированно-традиционный спортивный праздник. Данное неизбежное мероприятие спортивно-массового явления взависимости от текущего времени года, зимой — это естественно стандартная 10-ка на тяжеленных сучковатых дровах и убогих пиломатериалах под неожиданным названием: «лыжи», а вот весной, летом и осенью — кросс на три километра, независимо от наличия дождя. Дождь?! Какая мелочь! Не сахарные, не растают.

Итак, зима. Эти так называемые «лыжи» не только отказывались мало-мальски скользить по снегу, но были вообще неподъемными и совершенно неприспособленными для какого-либо передвижения по снежному покрову любой толщины, плотности и консистенции. Поэтому, довольно частенько наши курсанты пересекали финишную черту просто бегом по колено в снегу, отчаянно волоча за собой, а то — и на себе, два кривых бревна, с гордым названием: «лыжи». А также еще и лыжные палки, тоже весьма далекие от прямолинейности. Тоесть, фактически, зимняя лыжная эстафета тупо превращалась в длительный изнуряющий бег по глубокому снегу с дополнительным весом — широченными деревянными лыжами на плечах или подмышкой. В качестве крепления обуви на лыжах использовались истлевшие от древности черные резинки, которые моментально рвались при малейшей попытке зафиксировать сапог. Посему, проще и быстрее, было пробежаться бегом, нежели, попытаться довести до ума громоздкую конструкцию, чтобы использовать ее по прямому назначению.

Так как, с состав зимнего нательного белья курсанта Красной армии такой предмет, как трусы почему-то не входит, а стандартные подштанники имеют внушительные ширинки спереди и сзади. Спереди понятно — для оправления естественных надобностей по-маленькому. А вот сзади?! Хм?! По большому сходить, конечно же, можно, но приложив ряд эквилибристических усилий. А вот если предположить, что ширинка сзади предусмотрена как раз для совершения насильственных действий сексуального характера, то самое оно, поверьте на слово, гы-гы… (кергуду естественно, в армии гомосеков не держат, не выживут они по ряду причин…). Хотя, честно говоря, армейское начальство регулярно пытается поиметь своего подчиненного. Но, исключительно в моральном плане. Извините, отвлекся! Итак, лыжи!

Как правило, сразу же после финиша лыжного кросса,

приходилось очень долго искать в недрах необъятного галифе свое заиндевевшее мужское достоинство, которое после дистанции в 10-ть км., продуваемое насквозь уральским морозным воздухом, съеживалось до неприлично маленького размера и задорно звенело, аки крошечная сосулька с двумя микроскопическими колокольчиками. Чтобы сохранить катастрофически замерзший мужской аппарат в рабочем состоянии для производства потенциальных потомков, нач. физ училища полковник Миллер (в миру — папаша Мюллер) настоятельно требовал от всех выживших после лыжной дистанции курсантов, срочно помочиться прямо за белой тряпкой с надписью «Финиш». Ибо, только таким общедоступным образом, относительно теплая жидкость желтого цвета, истекая наружу из организма среднестатистического курсанта, хоть чуть-чуть могла изнутри отогреть его сильно скукожившееся мужское начало. … или все же конец?! Хотя, не важно. Отогреть и все тут.

В зимний период года перед началом ежедневных занятий, по команде дежурного офицера в роте, все курсанты сворачивали свои спальные принадлежности вместе с матрасом, подушкой и одеялом и выносили прямо на улицу, чтобы разложить в ближайших сугробах. По утверждению заботливых умников из училищной медсанчасти — для профилактики и борьбы со всевозможными вшами, бактериями, бациллами, клопами и прочими кровососущими. Типа, передохнут все твари от нестерпимого мороза, и будет на территории училища ВВС полная тишь и благодать в плане эпидемиологической обстановки. Ура, товарищи!

А нам потом приходилось спать на промерзших за день постелях. Полный восторг! Особенно учитывая, что казармы были построены в 1943 году пленными немцами, и старинная система отопления давно сгнила вместе со всеми трубами, котлами, коллекторами, посему в казармах температура в +4 градуса жары была совершенно не редкость! Особенно, в зимы, когда температура за окном бессовестно падала ниже отметки в — 35 градусов. Тогда в качестве всемерной заботы о молодых растущих организмах, отцы-командиры разрешали нам укрываться не только одеялами, но еще и шинелями. Обалдеть! Вот это настоящая отеческая забота. Пробивает аж до слез умиления и сопливой благодарности. Кстати, для того, чтобы писать конспекты на плановых занятиях в зимнее время, нам пришлось закупить перьевые чернильные ручки, т. к. паста в шариковых банально замерзала.

Таким образом, всемерно и постоянно заботясь о нашем методичном закаливании, сами офицеры училища тем временем

свои шинели носить не брезговали. И перчатки, кстати, тоже. Потому на уличных построениях наши отцы-командиры никуда не спешили и проводили развод как полагается — со скрупулезной проверкой личного состава, с длительными инструктажами, с подробными напутствиями и все такое… А чего спешить?! Им же тепло, а курсанты пусть закаляются. Здоровее будут. Поклацают немного зубками, заодно и азбуку Морзе выучат. Какая-никакая, а тоже польза.

Неожиданно наше училище потрясла зловещая новость — во время проведения снегоуборочных работ на главном плацу, упал курсант 12-й роты и у него пошла кровь горлом. Парня быстренько отнесли в училищную медсанчасть, где дежурный врач констатировал его смерть?! Во как?!

Через некоторое время, всех курсантов училища организованно погнали в медсанчасть на поголовную флюорографию. Построили в живую цепочку и через узкий коридор, вперед под рентгеновский аппарат. Прям, настоящий конвейер.

А по возвращению в казармы, всех офицеров вызвали на экстренное совещание. Тем временем курсантская почта принесла еще более страшную весть — у парня из 12-й роты был выявлен туберкулез!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Звиздец, приехали! Туберкулез — болезнь трущеб, убогих ночлежек для нищих и бездомных, тюрем, промозглых казематов и концлагерей! Во, дела?! К какой же именно категории можно отнести наше краснознаменное училище ВВС?! Нужное подчеркнуть!

Володя Нахрен вернувшись с совещания мрачнее тучи, приказал всем надеть шинели и строиться на ужин. 4-я рота, обалдела от услышанного.

— Шинели?! Все слышали?! Это не акустический обман слуха? Точно шинели? Полтора года ходили без шинелей, а теперь нате вам…

Дальше-больше! Через пару дней нам раздали огромные консервные банки. Вроде стандартных банок с тушенкой, но не с мясом, а с витаминами. Причем, витамины были тоже неестественно огромные. И всех курсантов обязали глотать эти витамины горстями аж по десять штук сразу, при проведении вечерней поверки. Глотать именно в тот момент, когда старшина роты или дежурный офицер оглашали твою фамилию с внимательным контролем, что курсант заглотил положенную порцию желтеньких шариков и сколько штук?! Однако?!

Внезапно из 44-го классного отделения исчез Андрюха Кряжев — огромный парнишка из Крыма. Ребята из 44-го к/о

рассказали, что Андрюху забрали прямо с уроков. Как позже выяснилось, у крымского богатыря по результатам флюорографии и последующим анализам обнаружили туберкулез!!!!!!!

Вместе с Андреем из нашего училища с разных курсов забрали порядка двух десятков ребят с этим кошмарным диагнозом! И это у крепких и изначально здоровых парней в возрасте 18–20 лет?! Дозакалялись, твою мать!

А всех остальных гоняли на флюорографию с периодичностью раз в три месяца! И так в течение целого года. Смею предположить, что для юного и растущего организма, при норме одного сеанса флюорографии в год, раз в три месяца — все же явный перебор. А сколько витаминов и различных таблеток сожрали?! Ужас! Правда стоит заметить, что процедура поголовного закаливания быстренько закончилась. А что толку?! Столько ребят загубили!

Андрюха Кряжев вернулся из тубдиспансера спустя полгода. Вернулся тощим и костлявым как явная жертва фашистского концлагеря. Куда делся огромный и мускулистый богатырь, непонятно?! Его и других ребят со страшным диагнозом в мед. книжке не отчислили из училища, не уволили из армии и не комиссовали по здоровью, а распределили для дальнейшей службы на побережье Черного моря — поправлять здоровье, подорванное бездумным закаливанием.

В результате жестоких разборок строгой московской комиссии, из нашего училища ВВС уволили лишь нач. меда — майора, который сыграл роль «бычка на заклание и мальчика для битья». Остальным товариСТЧам начальничкам и отцам-командирам не в меру заботящихся о поголовном закаливании молодого поколения, натыкали кучу дисциплинарных взысканий от строгачей до неполного служебного соответствия и …все!

Но умершего парня не вернуть. Как, впрочем, и подорванного здоровья остальных ребят, кто имел смутное удовольствие пройти школу «принудительного закаливания».

Увы, но зачастую очевидные ответы на простые вопросы, лежащие на поверхности, приходят в «мудрые головы», лишь после невосполнимых потерь среди вверенного личного состава.

Так и хочется ответить на бравурные лозунги не в меру ретивых начальничков, желающих поэкспериментировать в «благих целях» над подчиненными людьми: «Потренируйтесь сначала на кошках! Или на себе, любимых!»

Все пройдет — и беззаботная молодость, и карьера, и успех… на склоне лет каждый нас останется один на один со своим изношенным организмом, скрипучее состояние которого, как раз и будет напрямую зависить от того, как владелец оного в течение

всей жизни относился к своему главному богатству — здоровью!

Будьте здоровы и живите долго!

82. Закон Ома

После команды: «Отбой» в роте начиналась полуночная жизнь. Недолго — на часик не более, но достаточно активная. Если на первом курсе мы, измотавшись за день, бездыханными телами падали в койки и забывались в полуобморочном сне, то в последующем — на старших курсах, перед тем как заснуть у нас появлялось законное желание попить чайку, послушать радио или магнитофон, почитать книжечку, расписать преферанс. Воинская дисциплина и боеготовность страны от этого не очень пострадает, а нам, какая-никакая отдушина. Ностальгия по нормальной жизни знаете ли.

А для реализации этих нехитрых изысков, особенно после выключения освещения в спальном помещении, требовался источник электрического питания. Батарейки не годились по причине малого ресурса. Не смотря на то, что их нагревали, варили, кипятили, били молотком с целью продлить им жизненный цикл, но все равно, батарейки катастрофически быстро разряжались, а покупать новые было накладно. Да и тратить увольнение в город на поиск элементов питания — моветон. Есть более интересные и полезные занятия, в которые можно с удовольствием углубиться, оказавшись на кратковременной свободе.

Для удовлетворения наших ночных скромных потребностей требовался более надежный источник бесперебойного электрического питания, чем банальные батарейки.

Учитывая, что в спальное помещения электропроводка изначально не была проведена в целях обеспечения пожаробезопасности, то в принципе, задача была не очень сложная. А именно — достать подходящих проводов нужного сечения и длины, прицепиться к действующей розетке, оторвать плинтус, протащить под ним провода до своей кровати, просверлить в плинтусе две дырочки, подходящие по размеру с электрической вилкой, подвести к ним провода и секретная розетка готова. Один нюанс — во время проведения активной фазы половой жизни — влажной уборки тоесть, елозить мокрой тряпкой в районе плинтуса следовало с большой осторожностью, дабы не познать на себе всю великую и страшную силу электричества. Вот в принципе и все, а дальше сплошные удобства и научно-технический комфорт. Красота!

Втыкай в плинтус розетку, и нет проблем — слушай себе магнитофон. Чайку? Пожалуйста, подключаем бульбулятор и

опускаем его в банку с водой. Пару минут и чай готов. Кофе, какао?! Да ради бога! Пейте на здоровье, не обожгитесь. Бульбулятор — это сила, прогресс, техническая революция, наука на службе у благодарного человечества.

Вы не знаете, что такое бульбулятор?! Нет проблем, объясняю. Так как все виды нагревательных приборов в армии строго запрещены и безжалостно отбирались офицерами, то мы спонтанно изобрели два вида доступных к производству кипятильников из подручных и абсолютно доступных материалов. И назвали их абсолютно незатейливо — «Бульбулятор». Почему «бульбулятор»? Все элементарно. Потому что вода под их воздействием не просто кипела и бурлила, она практически стремилась выпрыгнуть из банки. Процесс кипячения был стремителен и очень бурный. Итак.

Модель № 1: берутся два лезвия типа «Нева» от безопасной бритвы старого образца, между ними прокладываются две спички без серных головок (сера — яд, странно конечно, но привычные ко всякой гадости курсантские желудки почему-то плохо переваривают серу — проверено опытным путем). Все это перевязывается ниткой, а к каждому из лезвий прикрепляется зачищенный от изоляции провод, ведущий к электрической вилке. Эта незамысловатая конструкция опускается в банку с водой, вилка втыкается в розетку и менее чем через одну минуту закипает литр воды. К явным недостаткам данной конструкции относится недолговечность — малый ресурс так сказать. Лезвия быстро прогорают и разлагаются в труху, особенно в месте контактов с электрическими проводами.

Модель № 2: (более фундаментальная конструкция и долговечный вариант): берутся две стандартные подковки от армейских сапог, а дальше — смотри описание модели № 1. Этим вариантом конструкции бульбулятора мы кипятили большие объемы водички — 3, 5, 10 литров. Когда включали кипятильник в сеть, в казарме просаживалось напряжение в розетках. Сам бульбулятор страшно гудел и хаотично подпрыгивал в емкости с водой. Было видно, как между сапожными подковками в прозрачной толще воды зловеще светится синяя электрическая дуга. Из курса физики и химии мы знали, что при пропускании электричества через воду происходит процесс ее разложения на кислород и водород. В воздухе казармы явно чувствовался озон.

Вот так мы укрощали электричество и приучали его приносить пользу и служить на радость людям. Когда мы были на 3-м курсе обучения, в гости к Лелику забрел его землячек — киевлянин, который учился на первом курсе нашего училища ВВС. Лелик, как радушный хозяин, решил угостить дорогого

гостя, который пребывал в состоянии искреннего поросячьего восторга и удивления, наблюдая за относительно разнузданной и вольготной жизнью курсантов 3-го курса.

Худосочный (а кто из нас на первом курсе был толстым) и гремящий мослами «минус» — у первокурсников всего одна нашивка-курсовка на левом плече под шевроном, изумленно хлопал глазами, наблюдая как Витя Копыто открыто и никого не таясь, надевает яркие пижонские плавки вместо армейских необъятных трусняков семейной модели. А затем, щедро поливает одеколоном финский спортивный костюм, готовясь к очередному самовольному (несанкционированному) посещению женского студенческого общежития. Для первокурсника эти действия Вити были далеко за гранью самых дерзких мечтаний.

Вообще-то, если честно, на 45-е отделение было любо-дорого посмотреть. Серега Филин и Андрюха Яровой, сидя на кровати Олеся, играли в нарды и попивали горячий какао, тонкий батон сырокопченой колбасы они макали в открытую банку сгущенки и поочередно откусывали от него по объемному кусочку. Олесь Потыну, высунув от усердия кончик языка, старательно записывал очередной анекдот про молдаван, воспроизводимый Жекой Ящиковым, который тоже активно прикладывался к колбаске и сгущенке. Валера Гнедовский сидел на тумбочке и вертел в руках общественный портативный магнитофон «Весна-202», который забойно пел про какого-то Луи-Луи голосами Дитера Болена и Томаса Андерса.

Первокурсник заинтересовался приятной мелодией, но постеснялся обратиться к сержанту Гнедовскому и спросил Лелика.

— А что за группа поет? Музыка занятная, как называется?! Буду дома в отпуске, обязательно записи достану.

Лелик прислушался к приятной мелодии, на мгновенье закатил глазки, перебирая варианты возможного ответа, и выдал следующее.

— А, ерунда всякая! Это «Morden talking», что в переводе с английского означает «Лицо женщины». Хотя, если честно странновато, вроде два парня горло дерут, причем тут «Морда телки»?! Может педики раз такое название. Один в красных штанах и волосы длинные, как у моей подружки в Киеве. Точняк голубок, по глазам видно. Глазки подведенные макияжем, масленые такие. А другой — блондин загорелый, еще все почему-то говорят, что он очень болен. Чем болен, не знаю, наверное, все же педерастией, не иначе. А, хрен с ними! Давай, я тебя чайком угощу с вишневым вареньем. Знатное варенье и сальце где-то завалялось. Есть хочешь? В сальЦЕ очень много витамина «ЦЕ», а

он, поверь мне на слово, полезная штукенция. Будешь сальце домашнее, киевское?!

В принципе, Лелик мог бы и не спрашивать. Забыл, наверное, как на первом курсе сам ходил вечно голодный. Парнишка инстинктивно сглотнул набежавшую слюну и утвердительно кивнул головой. Лелик вытащил из тумбочки банку с водой, опустил туда бульбулятор, модель № 1, воткнул вилку в плинтус — в розетку и пошел спросить у ребят хлеба под сальце для дорогого землячка.

А землячек, тем временем, с изумлением наблюдал, как воткнутый в деревянный плинтус провод, снабжает кипятильник электроэнергией. Все законы физики, которые он изучал в курсе средней школе, опровергались прямо на его глазах. Вода быстро нагрелась и бодренько закипела. Пораженный «минус» открыл рот и в крайнем изумлении выпучил глаза.

Лелик вскоре вернулся с четвертинкой буханки черного хлеба, оценивающе посмотрел на кипящую воду и вытащил вилку бульбулятора из плинтуса. Затем он засыпал в банку с кипятком заварку цейлонского чая и накрыл ее горлышко конспектом по пилотажно-навигационным комплексам самолета Ил-76. Протягивая земляку начатую банку вишневого варенья и огромный бутерброд с толстенным, как стандартный строительный кирпич, куском сала, Лелик заметил, что парень смотрит на него как-то не так — необычно как-то, неестественно. Лелик решил, что первокурсник недоволен размером кусочка сала (грамм 300, не меньше) и добродушно начал оправдываться.

— Что не так?! Сала мало? Извини зёма, подъели, однако копченое, сам понимаешь, во рту тает. Налетели наши проглодиты или троглодиты, хрен редьки не толще, 12 кг. сала влёт сожрали. Так что, давай зёма наваливайся, пока есть, что есть.

— Лелик! А это как?

— Что как?

— Вода кипит как?!

— Ну блин, ты тундра! Во вопросы. Как, как?! Кипит как-то! Буль-буль! Буль-буль-буль! Буль-буль! Ну, как-то так! А что, сам не видишь или не слышишь? Не позорь меня, зёма. Ты же медкомиссию проходил, на тесты психолога отвечал. И не знаешь, как вода кипит?! Не говори никому! Засмеют.

— Лелик! Ты не понял! Я окончил физико-математическую школу и очень хорошо знаю электротехнику в целом и закон Ома в частности. Типа — сила тока пропорциональна напряжению и обратнопропорциональна сопротивлению. Все просто и в тоже время гениально. Но! Дерево ток не проводит, у него кошмарное

сопротивление! Дерево — изолятор! Оно электромагнитные волны не генерирует, электроэнергию не вырабатывает! Кипятильник работать не должен! Не должен, понимаешь?! Это против всех законов физики! Физика — царица наук! А ты опроверг физику! Это фантастика! Переворот в науке! Новая эпоха в энергетике!

— Так! Зема остынь! Не сходи с ума. С чего ты взял, что я там чего где-то опроверг. Ты говори нормально, ни хрена тебя не понять. Бубнишь бред законченный! Ты по-русски скажи, чтобы я тебя понял и хватит бухтеть про какие-то перевороты в каких-то изоляторах. Не умничай, ты же — будущий офицер!

— Лёля! Ты же вставил розетку в плинтус, а он из дерева. Плинтус из дерева. А дерево ток не проводит. Дерево — изолятор. Ток вырабатывает генератор, и он — ток тоесть, бежит по проводам. Провода из металла, а не из дерева! Плинтус — это дерево! Изолятор!

— Вот блин! Ботаник! Переучился брат. Ты — дерево! Фу, я аж перепугался, думал у тебя шифер треснул, и крыша отъехала. Ну ты даешь! Мда, тихо шифером шурша, едет крыша неспеша! Ха-ха! Расслабься, а то придется тебя наволочкой ловить, простынями вязать и в «дурку» везти. Все гораздо проще, чем ты сейчас наплел. Розетка там… в этом… как его… в плинтусе. Понял?! Потайная розетка, дружище. А под плинтусом провод. Провод — эта такая веревочка, но из меди, а сверху пластик. Пластик — это изоляция такая, она ток типа не проводит. Ну, или почти не проводит… не уверен, но что-то так. Понял, деточка?!

— Да ты что?! Ух ты, здорово! Расскажи, как сделать такую же!

Лелик не был готов на роль великого мага и чародея, поправшего все законы материалистического мира и, не мудрствуя лукаво, посвятил своего земляка в секрет протягивания потайной электрической линии. Тот внимательно слушал и восторженно жевал гигантский бутерброд, запивая чаем с вишневым вареньем. Когда бутер был доедет, чай выпит, а варенья в банке осталось лишь тонкой микронной пленкой на стенках, приблизилось время вечерней поверки, и первокурсник поспешил откланяться.

На прощанье, радушный Лелик подарил дорогому земляку моток медного провода, проводил его до выхода из казармы и предложил заходить на досуге, обещая подкормить в меру сил и возможности.

Спустя пару дней курсантская почта принесла странные и весьма тревожные известия. Ночью, на первом курсе произошло ужасное ЧП — чрезвычайное происшествие. Есть пострадавший,

которого срочно эвакуировали в гарнизонный госпиталь по «Скорой помощи». Подробности данного происшествия были следующими, а именно — некий курсант-недоумок решил провести к своей кровати личную электрическую линию. Прошлой ночью, после команды: «Отбой», он скрытно подсоединился к розетке в центральном коридоре своей казармы, оторвал плинтус, протянул под ним провод до своей койки. Затем проковырял гвоздем два отверстия в плинтусе под электрическую вилку и решил подвести к этим отверстиям контактные провода.

Так как провода были в изоляции, а из инструментов у парня был только ржавый гвоздь, гантели из спортивного уголка, сломанная отвертка и персональные зубы, то для снятия изоляции с провода, парень не придумал ничего лучшего, как засунуть провода в рот, стиснуть зубы и стянуть пластик.

Внимание!!! А так как провода уже были подсоединены к действующей розетке в 220 вольт, то в строгом соответствии со всемирноизвестным законом великого физика Ома, сила тока, которая создала электрическую дугу на языке первокурсника, была обратнопропорциональна сопротивлению слюны на этом самом языке. Итак, все до последнего из 220 вольт (Вольт, кстати, тоже не менее известный и великий физик) разрядились на влажном и розовом языке ночного электромонтера.

В результате, образовавшаяся электрическая дуга так долбанула этого горе-электрика, что он сразу потерял сознание, а его язык мгновенно разбух до такой величины, что вывалился изо рта и болтался на груди как манишка или галстук, кому как нравиться.

Вызванный по телефону дежурный офицер по училищу скоренько прибежал на место ЧП и увидев бессознательное чудовище с огромным языком на груди, чуть не получил инфаркт. У седого полковника подкосились ноги, и он долго не мог дать внятных приказаний и распоряжений для столпившихся вокруг места происшествия, перепуганных курсантов. Общими усилиями парня привели в чувство, но засунуть его язык обратно ему же в рот так и не смогли. Не помещался он там и все тут.

Полковник вызвал медиков из города, так как дежурная медсестра, быстренько прилетевшая на экстренный вызов из медсанчасти училища, сама была в полном ступоре и прострации от картины увиденного. С такими вундеркиндами она еще не сталкивалась. Ну не знала 20-летняя девушка, что ей делать, хоть плач. Кстати, реветь и ахать у нее получилось очень даже неплохо.

В результате, пострадавшего первокурсника увезла «скорая помощь» и сейчас он больнице, жизнь его вне опасности, и врачи

сломали не одну умную голову, думая как снять обширный отек с языка этого бедолаги, чтобы в перспективе засунуть его обратно в рот хозяина. И будет ли этот чудо-хозяин вообще когда-нибудь разговаривать, вот еще вопрос?!

Услышав эту занимательную историю во время обеда в курсантской столовой, мы дружно заржали, комментируя личный идиотизм персонажа и саму абсурдность данной ситуации. Женька Ящиков высказался так.

— Понаберут кретинов, физику с электротехникой не учат! Прикиньте, а если ему язык так и не вправят. Во блин хамелеон получится. Зато зимой шарф надевать не надо и на галстуках сэкономит. Шизоид, двоечник, дибилина. Естественный отбор — великая штука, в природе он бы не выжил.

Вдруг, табуретка с грохотом полетела на бетонный пол, Лелик вскочил и ничего не говоря, выбежал из столовой. Все замолчали и удивленно переглянулись. Мудрый Филин, поскрипев мозгами, разрядил тишину.

— Ексель-моксель! А не зёма ли нашего Лелика отличился, который давеча бутер с салом захомячил и смотрел на Лёлю как на приведение своей бабушки. Если так дело пойдет, малой пацанчик зёму то своего сдаст. Ага, скажет мол, это меня хулиганы из 4-й роты научили провода в рот засовывать. Попал Лёлька, а все по доброте своей. И мы попали, опять казарму на изнанку вывернут, провода оборвут и могут все остальное найти. Мда, дела?!

Все закивали в знак согласия. Киевлянина было жаль, парень реально хороший. Если «минус» заговорит или напишет на бумажке, откуда в его бестолковую голову переселилась такая гениальная идея, то обыска в нашей роте точно не миновать — опять полы вскроют, а там много чего интересного можно найти, а не только розетки.

Далее по распорядку дня следовала самоподготовка, и мы двинули в учебную аудиторию, определенную расписанием. Через некоторое время туда пришел Лелик мрачнее тучи. Он подошел к сержанту Гнедовскому и попросил записать его в увольнение на ближайшие выходные.

— Валерка выручай, оформи увольняшку. Зёма мой — мундеркинд недоученный, физик хренов в госпитале лежит. Хочу проведать. Вину чувствую, мама не горюй. Вот научил на свою голову, еще и провода подарил. Парень себе чуть мозги не вскипятил. До сих пор в их роте паленым воняет. Дубина, не мог «вольтомметром» напряжение померить, отличничек!

— Вольтметром, Лелька брось себя корить. В увольнение пойдешь, вопросов нет. А провода в рот не ты ему совал. Он сам

ими отужинал. Может, любит парнишка на ночь изоляцией закусить — его проблемы. Согласись вкусовые пристрастия у всех разные. В Китае, например, пауков едят. Перестань дергаться. Ты нас вспомни, учил тебя кто?! Сами до всего доходили, уму-разуму набирались — методом «научного тыка»! Получилось?! Хорошо! Нет?! Работаем дальше! Пытливый разум вознаграждается открытием. Ломоносов, блин! А ты ему все на блюдечке выложил. Точно говорят, что у семи нянек, дитя без члена.

— Без глаза. У семи нянек, дите без глаза Валер, а не без члена. Короче, я хочу парня проведать, передачку принести какую-никакую.

— В твоем случае, без языка. Вернее, наоборот — с офигительным языком. Дарвин не зря придумал красивую сказку про естественный отбор. Ящик прав, такие умники в природе не котируются. Не понял чего, переспроси, язык чай не отсохнет пару вопросов задать. Зачем горячку пороть?! Наверно, перед остальными парнями решил рисануться, превосходство свое показать. Вот и получил по заслугам. Гордыня — грех! Дураков надо учить, вот его и научили, что технику безопасности соблюдать надо, пусть теперь свой деликатес жует, может меньше станет. Шучу, не психуй, а если серьезно, то еще неизвестно, может, он нас уже запалил и в роте обыск в самом разгаре, а мы только недавно «Агдам» под полы перепрятали. Мда, ребята расстроятся, что делать будем?! Опять в клумбу закапывать, осень на дворе. Замерзнет, однако. Как думаешь, парень не проболтается?

— Нет, не должен, в Киеве ребята-кремень. Да и болтать ему теперь не скоро. А писать в киевских школах не учат, вообще, только читать. Шучу. Увольняшку пиши.

В субботу Лелик сходил в увольнение, проведал своего дорогого земляка и принес успокаивающие новости. Парень жив, здоров, идет на поправку, на все вопросы дотошных офицеров-дознавателей отписывается на промокашке: «Ничего по данному прискорбному случаю объяснить не могу. Не помню». Врачи госпиталя хором подтвердили: «Парень не врет, в данном случае, частичная потеря памяти — ретроградная амнезия, случается довольно часто. Еще повезло, что дурачком не стал».

Этот киевский кадр после выписки из госпиталя частенько приходил к Лелику в гости, его язык со временем пришел в норму, и речь полностью восстановилась. Мы часто подшучивали над ним, называя его «Электриком» или «Электроником». Парнишка не обижался, с чувством юмора у него был полный порядок, а в мужской среде это дорогого стоит.

Этот киевский парень прославился на все училище. Но, слава

его была недолгой, ибо вскоре нашу альма-матер облетела новая весть, которая затмила все предыдущие события.

Опять же, на первом курсе нашелся очередной гений, который, будучи в наряде на хозяйственных работах в столовой, выпил два полных чайника компота и, выкроив время, залез позагорать на крышу столярной мастерской. Когда зов организма стал нестерпимым, довольный жизнью и вкусным компотом, курсантик-первогодка со словами: «Лучше нет красоты, чем поссать с высоты!», умудрился помочиться на распределительный щит электропитания с напряжением в 380 вольт.

Расплата за идиотизм не заставила себя ждать и очередного любителя проверить на себе силу электричества увезли на «Скорой помощи» в гарнизонный госпиталь с неимоверно распухшим членом и хорошо прожаренными яйцами.

Закон Ома работал без перебоев — чем больше напряжение, и меньше сопротивление, тем больше сила тока и страшнее последствия.

Интересно, а самого великого Ома электричеством било?! Наверное, да! Ибо, вывести такой гениальный закон можно только лежа на больничной койке после ряда практических экспериментов.

83. Основы казарменной педагогики

— Авдеев!
— Я!
— Апестин!
— Я!
— Белов!
— Я!

Идет стандартная вечерняя поверка — предусмотренная Общевоинскими Уставами обязательная для всех военнослужащих срочной службы процедура проверки наличия персональной тушки в пределах казармы. И никуда от нее не деться.

Каждый вечер перед сном, в строгом соответствии с распорядком дня весь личный состав 4-й роты — поголовно все 144-е морды лица или вернее — откровенно засыпающие прямо в строю, 144-е тела стоят в центральном коридоре казармы, построившись в две шеренги. Стоят, уже частично отключив сознание, но пока еще в вертикальном положении. Стоят с единственной целью — громко и внятно выкрикнуть: «Я!», услышав свою фамилию из уст дежурного офицера.

Благо, если офицера в расположении роты уже нет — слинял, любезный, по делам своим персонально-шкурно-неотложным (порцию водовки заглотить после нелегкого трудового дня или какую симпатичную мадам в кино сводить с перспективой)?! Вопросов нет, все мы — люди-человеки и личная жизнь должна быть у каждого, независимо от чинов и регалий.

В этом случае вечернюю поверку проводит старшина роты — Игорь Мерзлов. Игорь уже многократно и досконально заучил список личного состава 4-й роты наизусть и выстреливает все 144-е фамилии, не заглядывая в бумажку.

Услышав ответное «Я!» владельца фамилии, старшине нет необходимости скользить пристальным взглядом по длинному строю курсантов, дабы лично убедиться, что «Я!» выкрикнул именно тот, кому положено. А не его закадычный дружбан, который, талантливо изменив тембр своего голоса, старательно прикрывает отсутствующего в «самоходе» парня, рискуя получить пяток внеочередных нарядов за наглый подлог или трое суток ареста на гауптвахте за целенаправленное содействие в злостном нарушении воинской дисциплины — самовольной отлучке. Не смотря на строгость наказания, все равно периодически «ломали голос» и рисковали, а куда деваться?! Пострадать за друга — это

святое! А отсутствующий на вечерней поверке друг-курсант в это время, как правило, жадно и хаотично вкушал все прелести быстротечной любви в жарких объятьях не слишком капризной и не очень разборчивой девицы из ближайшего общежития мед., пед. или института культуры. Не столь важно, главное, что вкушал… Причем, вкушал по максималу …и еще разок за того парня, который сейчас «ломая голос», отзывается на его фамилию!

А как иначе?! Взаимовыручка и все по-честному, одному — женские ласки, другому — удобные нары в уютной камере училищной гауптвахты. В следующий раз все будет с точностью до наоборот. Постоянный круговорот курсантских тел в женском общежитии и на училищной гауптвахте, при общем сохранении общего числа — природная гармония и математическое равновесие.

Опытный и мудрый старшина, пробубнивший список личного состава 4-й роты уже не менее тысячи раз, ориентируется на отрывистый отзыв «Я» и ему вполне достаточно доли секунды, чтобы однозначно определить подлинность личности курсанта, независимо от интонации голоса или длительности уставной реплики: «Я!», от короткой и хлесткой, до мелодичной или гортанно-протяжной. Да еще и с нерусским акцентом — нац. кадров в 4-й роте вагон и еще маленькая тележка («Народ и армия едины!» — лозунг ГЛАВПУРа в действии, какой народ, такая и армия — многонациональная, следовательно и банальный отклик: «Я!» так же многонациональный)

Вечерняя поверка роты, проводимая старшиной, была необременительна и скоротечна — 5-ть минут и «Отбой» — самая любимая команда любого курсанта всех времен и народов. Отбой и баиньки! Кувырк в «люлю» и мгновенно забыться в глубоком сне… Нирвана!

Когда ту же самую процедуру поверки наличия личного состава проводит дежурный офицер — пипец, ее длительность мгновенно и неуклонно возрастает от 40-ка минут до 1,5 часов, к маме не ходи! Вариации в продолжительности возможны взависимости от настроения или уровня личной тормознутости того или иного экземпляра homo sapiens с офицерскими погонами на плечах.

Оглашение фамилий строго по списку, а «трудные» фамилии — чаще всего по слогам! А как иначе, когда в роте около 20-ти % нац. кадров?! (см. «Национальные кадры») А их фамилии — мечта и ужас логопеда одновременно!

— Шукур… бархан… дери… галиев! Охренеть а не фамилия… Шукурбархандеригалиев! Есть такой?!

— Я!

— Мирза… хаким… да еще и … ни фига себе …заде! *бануться просто?! Мирзахаким-заде тут?!

— Я!

— Зурам… берил… оглы! Во как! Язык, бл*дь сломать можно! Зурамберил-оглы!

— Я!

— Вырви… хвист! Вырвихвист?! Офигеть?! И откуда вас таких только берут… Вырвихвист!

— Я!

На выкрик: «Я!», доносящийся из глубины строя, дежурный офицер всенепременно посмотрит в лицо откликнувшегося курсанта и, натужно скрипя персональными мозгами, будет нудно соображать, додумывая и фантазируя, является ли увиденная физиономия курсанта, владельцем названной фамилии или нет?! ХЗ, конечно, ну да ладно! Будем считать, что именно он!

Если офицер — неисправимый зануда или просто ему некуда спешить, то он, как правило, практиковал убогий метод «воспитания» личного состава — начать всю перекличку сызнова с первой фамилии длиннющего списка, если владелец оглашенной фамилии на мгновение задумался, отвлекся, задремал или просто тормознув, не успел отозваться с первого раза!

— Все, дорогие мои детишечки, начинаем перекличку заново, гы-гы!

И неважно, что это был уже 143-й номер по порядку и в списке личного состава 4-й роты остался всего один человек — 144-й Жека Ящиков! Неважно!!! 3,14здец! Баран-овца, начинай с конца! И все заново, опять минут на 40-к! По слогам и по буквам! Тоска смертная наблюдать за убогими потугами «по пояс деревянного» начальника в желании дешево порисоваться и показать «кто тут главный». А спать то хочется…

Совсем беда, если дежурный офицер еще и патологически туп или с претензией на казарменный юмор и заезженно-обрыдлую «оригинальность», что впрочем, стоит где-то рядом.

— Рыбаков! ….хм…. Матросов?! Не понял?! Рыбаков-Матросов!

— Я!

— А ты кто?! Рыбаков?! Или Матросов?! И почему одна персона на две фамилии… Второй где?! Ась?! Гыгыгыгы!

Сам сказал, сам смеется… обалдеть, как весело?! Ну не дурак ли?! А толпе курсантов, скованных воинской дисциплиной, стоять в строю и наблюдать представление одного актера с одной и той же дежурной шуткой, озвученной уже в 293.873 раза…

Чтобы хоть как-то скрасить «увлекательное»

времяпровождения в строю в ожидании команды «Отбой», парни пытались немного отвлечься от монотонной процедуры и найти хоть какое-то развлечение для вскипевших за день мозгов и уставшего тела. Кто-то, отключив мозг, слегка подремывал, сохраняя равновесие тела в вертикальном положении. Кто-то мягко релаксировал, погрузившись в приятные воспоминания о далеком доме. Кое-кто периодически напрягал и расслаблял мышцы пресса — своего рода неплохая тренировка для создания рельефных кубиков на персональном брюшке (летом на пляжу приятно ловить заинтересованные взгляды загорелых красоток). Кто-то украдкой читал письмо, полученное из дома. Кто-то выжимал кистевой эспандер, тренируя железное рукопожатие…

Например, Витя Копыто и Жека Ящиков на протяжении нескольких лет во время вечерней поверки играли в однообразную, но весьма увлекательную игру, рассчитанную на быстроту реакции.

Витя Копыто стоял в первой шеренге 45-го классного отделения, весь такой сутулый, неультяпистый и жалкий, а Женька Ящиков — шустрый, острый на язык и с задорной хитринкой в умных глазах, прямо за его спиной.

Курсант Копыто в нарушении требований Строевого Устава, никак не мог длительное время удержать свои руки «по швам» в виду «наличия острого шила в персональной заднице», поэтому всегда сводил руки за спину, сцепив ладони в произвольном «замке». А курсант Ящиков, стоящий прямо за Витей Копыто, в течение всей вечерней поверки, периодически вкладывал свой указательный палец правой руки в полураскрытую ладонь Виктора, стараясь мгновенно убрать его при малейшей попытке Копыто захлопнуть «капкан». Получался некий облегченный вариант детской игры «кошки-мышки».

Если Витьке удавалось подловить Женькин палец, он несказанно радовался как малое дите, а Евгеша Ящиков старался в следующий раз молниеносно выскользнуть из цепкой ловушки, не оставляя курсанту Копыто ни малейшего шанса. И такая незамысловатая развлекуха двух ребят продолжалась весь период обучения в нашем училище ВВС.

И вот однажды, вечернюю поверку проводил сам командир 4-й роты капитан Нахрен. Он медленно и с театральным выражением хорошо поставленного командирского голоса, четко, внятно и членораздельно зачитал список 41-го классного отделения, затем неторопливо перешел к 42-му…

Витя и ЕвГений, дабы немного отвлечься и не нарушать установленную традицию, предались стандартному занятию — игре «в кошки-мышки». Увлекательная игра шла с переменным

успехом! То Женькин палец успевал выскочить из Витькиной ладони за какое-то неуловимое мгновение, то курсант Копыто все же захватывал шаловливый пальчик в свои тиски, и довольно закатывая глаза под образа, самозабвенно лыбился от уха до уха и радостно сиял как первая лампочка Ильича…

Капитан Нахрен тем временем пробубнил список 43-го к/о и уже дошел до середины 44-го… как вдруг неожиданно для всех, Витя Копыто вывалился из монолитного строя с пронзительным визгом?!

Все курсанты 4-й роты сначала вздрогнули от душераздирающего вопля, резанувшего по ушам и от вида курсанта Копыто, который хаотично прыгал в центральном коридоре, брезгливо вытирая ладони о свою гимнастерку и галифе, а затем захохотали над очередным представлением казарменного клоуна!

Капитан Нахрен же, выронил из рук планшетку со списком роты, и опасливо глядя на взъерошенного курсанта Копыто, разразился истеричными криками.

— Совсем ухулел, мундеркинд сраный?! Чего визжишь как свинтус недорезанный! Я ж чуть не обгадился с перепугу! Разве так можно подрывать авторитет своего командира, ась?! Как бы я командовал ротой с дерьмом в штанах?! Уф… Что, не устал за день?! В наряд на свинарник захотел или три наряда на тумбочку?!

— Тащ капитан, простите, задумался чего-то… показалось… мерзость такая…! Фубля, аж передернуло!!!

— Какая такая мерзость?! Ась?! Лучше бы шкурку свою передернул, истеричка гимназическая… Похоже, спать никому не хочется, да?! Ну…., ладно… сейчас мы это поправим! Рота, смирно! Из-за неуставных воплей курсанта Копыто, вечерняя поверка начинается сначала… Авдеев!

— Я!

— Апестин!

— Я!

…..

Рота недовольно загудела, но делать нечего, народ быстро стих, осознавая, что последствия могут быть гораздо хуже — беготня вокруг скверика с памятником В.И.Ленина, причем в противогазах. Поэтому, ну его нах, снова, значит снова. И утомительная процедура монотонной переклички началась заново с 41-го классного отделения.

Личный состав 4-й роты угрюмо перетаптывался на месте, периодически меча в сторону Витьки Копыто многообещающие взгляды, полные «сердечной благодарности и сопливого

восторга». И только курсанты 45-го к/о сдавлено похохатывали, рискуя получить гарантированные грыжи от нестерпимого морального напряжения!

Оказывается, ЕвГений Ящиков решил в одностороннем порядке немного усовершенствовать и разнообразить устоявшиеся правила игры — внести, так сказать, нетривиальную составляющую… Он быстренько расстегнул ширинку своих галифе и вложил в цепкие руки Вити Копыто свое …мужское достоинство…

В результате, с тех пор, находясь в строю, Витя Копыто всегда образцово держал свои руки строго по швам! Женьке Ящикову одним движением своего… мммм… главного указательного перста «под номером 21-й», удалось то, над чем тщетно бились все строевые офицеры нашего авиационного училища — приучить курсант Копыто к основам строевой подготовки и привить его сутулой фигуре образцово молодцеватую выправку. То есть, держать руки строго по швам в соответствии со «строевой стойкой», предусмотренной требованиями Строевого Устава!

Никому из офицеров не удавалось! (см. «Витя Копыто») А ЕвГению Ящикову удалось! Во как?! Педагог-любитель, куда деваться?! Казарменный Макаренко, не иначе… Осталось подвести научную базу и повсеместно внедрять в качестве передового опыта для строевых занятий с безнадежными и отстающими…

з. ы. А традиционная игра в «кошки-мышки» сразу закончилась! Причем, навсегда!

84. Жаль

Тянем стандартный гарнизонный караул. Начальник караула старший лейтенант Гвоздев, потрепавшись по телефону с комендантом, выделяет двух бойцов на усиление и в распоряжение… «Счастливчики» — я и Костя Остриков (в списке караула мы числимся «выводными», а гауптвахта практически пуста, нам делать откровенно нечего — торчим на калитке в караульное помещение как два дурака, надоело, а куда деваться). Сходим в «распоряжение» — будет хоть какое, но разнообразие…

Получили оружие, потопали в комендатуру, все рядом — 60 шагов по дорожке. Краснопогонный полковник, старательно хмурясь и периодически надевая и снимая очки с толстыми стеклами, провел беглый, но незабываемо-убедительный инструктаж.

— Прибыл автозак из пересыльной тюрьмы. Привезли душегуба очень опасного — убийца жестокий и многократный. Прапорщик. Бывший, из наших. Кто бы подумал, мда?! В крови не только по локоть рук, аж по самую голову. Сколько гражданских погубил, вообще немеренно. Маньяк, наверное?! Хотя в дурдом возили пару раз, выдали заключение, что вменяемый. И по службе характеризуется хорошо, тихоня безотказный. Вышка ему корячится. Очень опасен, очень! Заседаний будет много, сегодня первое. Ваша задача, бойцы — обеспечить «усиление» в зале, где будет проводиться судебное заседание.

Костик Остриков понимающе кивнул и вклинился в монолог комендантского полковника.

— Чтобы не сбежал?

Комендант в очередной раз нацепил на нос очки и внимательно посмотрел на Костю. Тот мгновенно заткнулся и непроизвольно съежился под колючим взглядом угрюмого вояки.

— …чтобы родственники убитых его не порвали… Много людей на процесс приехало, почти со всей страны. Поэтому, необходимо внятно обеспечить «эффект присутствия» и в случае чего, упаси господи, сдержать толпу, пока конвой эвакуирует подсудимого в безопасное место. Мда…, на старости лет, факт самосуда и суд Линча мне, на хер, не нужен, все понятно?!

Нам было все понятно. Пришли в зал суда, благо в этом же здании, только вход с другой стороны. Людей на удивление много. Мужчины и женщины предпочтительно пожилого возраста. Мужики все мрачные, сидят с мраморными лицами. У женщин глаза на мокром месте. Есть и молодые женщины, не намного

старше нас с Костей. Лица чернее черного, аж природная красота поблекла. В зале явно попахивает валерьянкой. Атмосфера тяжелая…

Тюремный конвой ведет обвиняемого… Оп-па?! После инструктажа у коменданта ожидал увидеть огромного монстра с внешностью брутального австралопитека, с кулаками как пудовые гири, а в зал вводят маленького и сухонького парнишку. Шейка тоненькая, ушки оттопыренные, но спина ровная, взгляд прямой… спокойный, походка уверенная. Вот никогда бы не подумал… Маньяк-убийца?!

— Встать, суд идет!

…и началась занудная тягомотина. Начальник конвоя поставил нас с Костей у входной двери. Стоим недвижимыми столбами с «калашами» за спиной — не намного лучше, чем на калитке в караулке… там хоть на свежем воздухе.

От самого судебного заседания впечатлений фактически не осталось — гневные речи прокурора, сбивчивые показания свидетелей, эмоциональные реплики из зала, плачь женщин, обмороки… короче, дурдом! Брррр!!! Спасибо юношеской психике, которая старательно подтерла мою память, удаляя особо негативные моменты…

Наконец судья объявил перерыв. Конвой вывел подсудимого в специальную комнату, мы потащились следом. Парня посадили на скамейку, намертво прикрученную к полу, и приковали к ней же наручниками. Старший конвоя обратился к нам с Костиком.

— Пацаны, посмотрите за клиентом, мы хоть поссать сходим, да и покурить охота. Уши уже опухли.

— Лады.

— Вот вам «Ромашка» (убогая радиостанция), если чего, шумнете. Ключ от наручников не оставим, от греха подальше. Не положено вас оставлять, да куда он на хрен денется. Если что, мы рядом.

— А если он в туалет попросится?

— Обойдется! Пусть в штаны ссыт, ублюдок, его проблемы. Мы вернемся тогда и выведем.

Конвой вышел из комнаты, закрыв входную дверь на ключ и заперев нас вместе с убийцей. Мы с Костиком непроизвольно напряглись. Я сел на подоконник у зарешеченного окна и положил автомат себе на колени, «Ромашку» кинул на подоконник. Костик подпер спиной входную дверь. Мало ли чего? Молчим. Поскользив глазами по убогой комнатке, я уперся взглядом в преступника. Убийца?! А с виду и не скажешь, обычный «заморыш», вот только глаза… глаза спокойные. Абсолютно!

— Ребята, вы с Бахаревки?

От неожиданности, не знаю как Костик, а я непроизвольно вздрогнул. (Бахаревка — район города, где располагается наше училище ВВС) Голос преступника звучал абсолютно спокойно. И хотя нам запретили разговаривать с ним, вопрос был ничего незначащим, и ответить на него можно было простым кивком головы. Промолчишь, решит, что мы его боимся… А мы не боимся! Боятся — стыдно!

— С Бахаревки.

— Я тоже там учился.

— Ага! Конечно! Гонишь?! Сейчас что угодно скажешь, чтобы нам в уши нассать…

— Нет, кроме шуток, во 2-м бате, в 11-й роте учился…

И «убивца» начал бегло перечислять фамилии наших офицером и преподавателей, чередуя с подробным описанием территории нашей «бурсы»… Оппаньки, а пацанчик то нашенский…

— Ребята, у вас сигаретка есть? Курить хочется!

— Нет, мы не курим!

— Раньше и я не курил.

— …слушай, не понял, а как же ты прапором стал?

— Отчислили на втором курсе. Из самоволки возвращался, уже через забор перелез, а под забором Голдуров дебильный стоял (комендант училища). Я опять на забор и деру, а он меня за галифе ухватил и на себя тянет, здоровый кабан… я ногой его ткнул и перемахнул на сторону «железки» (железнодорожного полотна), но мой сапог у Голдурова в руках остался… а внутри голенища маркировка моего «военника» (номер военного билета) хлоркой вытравлена. А дальше процедура опознания, педсовет… а говнюка комендантского вы сами прекрасно знаете …и я вылетаю из училища как пробка из бутылки шампанского.

«Убивец» грустно усмехнулся и потянул к себе руку, прикованную наручниками к скамейке но, звякнув железом, оставил попытку.

— Перешил я погоны курсанты на СА и направили меня в роту охраны в «красные казармы»… и вот тут то попадаю на обратную сторону Луны. То, что отфигачил в училище более года, в армейке оказывается не считается. Там своя иерархия. Попал в роту, где была махровая дедовщина. Пипец полный, парни! И долбили меня старики как молодого …и даже хуже. Шинелка у меня курсантская, цвет другой, не солдатский… Дембеля гноили меня за само желание в офицеры податься. Смертным боем били. По ночам поднимали духов и приказывали мастичные полы натирать. Мною! Вместо «машки» (чушка, сукном обтянутая),

меня использовали. Духи хватали меня за ноги и по полу елозили. Туда-сюда, туда-сюда… Живого места на мне не осталось… очень быстро в доходяшку превратился, еле ноги таскал и от малейшего шума вздрагивал, чуть ли не кровью ссался. И пропал бы на хрен, если бы не новый командир роты. Пришел мужик толковый и справедливый, узнал, что я из курсантов и назначил меня ротным писарем. Вот так и выжил …в канцелярии роты. И спал там же, …а по ночам дембеля и сержанты в металлическую дверь долбились, а я сожмусь в комочек, молюсь, чтобы дверь выдержала …и ночь длиннее жизни кажется…

Парень явно торопился высказаться до возвращения конвоя и начал говорить почти скороговоркой с короткими паузами на вдох и выдох.

— У ротного в столе нашел книгу с личными данными на призывников — состав семьи, адрес местожительства и т. д. Переписал адреса всех уродов, которые надо мной измывались. Когда они дембельнулись, стало гораздо легче… начал из канцелярии выходить не только днем, когда ротный был, …ожил короче, откормился. А через полгода и сам на дембель ушел. Не рисовал альбомы дембельские, форму не вышивал, аксельбанты не плел. Шинель в бане не парил и шубу не начесывал, все думу думал, как бы нелюдей этих остановить. Не должны эти звери по земле ходить… недостойны! Твари они! Вернулся домой, зубы выбитые вставил на родительские деньги, покрутил башкой из стороны в сторону и пошел опять в «красные казармы» на прапора устраиваться. А попутно думал, как бы говнюков тех достать. И тут сама удача мне улыбнулась. Услышало небо мои мысли невеселые… В комендатуру бабулька позвонила, божий одуванчик, потолок в ее доме на Мотовилихе обвалился и прямо на голову патроны посыпались. На Мотовилихе (район города, славный своим революционным прошлым) дома же старые, чего вам рассказывать, место известное, еще в 1905 году рабочий класс бузил… Короче, у бабульки вместе с ментами и комендантскими саперами нашли трехлинеек пару десятков, наганов целую кучу и патронов немеренно. Пока описывали, то да се, заиграл я один наган и горсть патронов… прокатило… Сточил мушку, нарезал резьбу на конце ствола, методом проб и ошибок сотворил глушитель. С глушителем пришлось крепко потрахаться. Корпус глушителя дружок на токарке выточил, а с мембранами и с порошком алюминия долго подрюкался… Но, сделал хорошо. Качественно!

В первый отпуск рванул в Прибалтику — Латвия, Дубулты. Нашел нашего дорогого лабуса, говнюка уродского. Гинтас —

викинг сраный, лютовал немеренно, сука фашисткая. Короче, выпал моментик один на один столкнуться. Здоровенный лабус, в два раза меня выше и шире… Окликнул его и когда он обернулся, сразу выстрелил ему в коленку. По земле сучонок ползает, … узнал меня, сука. Руками вцепился в мои штаны, плачет ублюдок …слезы текут огромные, ботинки мне целует и лопочет что-то не по-русски — умоляет, наверное, чтобы не убивал… урод! А в казарме, такой непробиваемый был, высокомерная тварь, смертным боем меня бил и шипел презрительно… а тут в пыли ползает, рот кривит, ботинки мне слюнявит и лапочет что-то жалобно… Видит, что я его не понимаю и давай по-русски бубнить.

— Доч-ка! Доч-ка! Два месяца… доч-ка…

Это типа дочка у него родилась, жить ему надо очень… ага, а он о своей дочке раньше подумал? А о моих будущих детях он думал, когда своим сапогом мне по яйцам пинал?! Прямо в раскрытый рот две пули и всадил ему… он так и откинулся с головой запрокинутой назад и с открытым ртом… И так мне спокойно стало… радостно, что доброе дело сделал…

Через год поехал на Украину — хорошее место, девки красивые, люди улыбаются… А я за свой отпуск целое путешествие… прям турне совершил — Запорожье, Манькивка, Черкассы, Одесса, Мелитополь, Керчь, денег потратил целую кучу… но ничего, копил весь год, зато всех ублюдков нашел …не один не ушел. Каждому в глаза посмотрел!

Еще через год в Нижний Тагил съездил — совсем рядышком, бывшего каптера быстро нашел. Толстый стал, с молодой женой каждый вечер гуляет — моцион, свежий воздух и все такое… Девка беременная, с арбузом огромным, вот-вот родит… постоянно вместе …не хотел при ней убивать. На втором этаже они жили …в хрущебе. С улицы видно как они на кухне ужинали …а потом он сигареты взял и к балкону пошел. Я пулей на карниз у подъезда забрался …еще разогнуться не успел, как балконная дверь хлопнула. Пока наган вытаскивал и курок взводил, услышал как спичка чиркнула. Поднялся из-за балконного парапета …и нос к носу с ним встретился. Он даже дым сигареты выдохнуть не успел… ха-ха, в упор прямо в лобешник всадил. Спрыгнул с карниза и пошел спокойненько, а за спиной женщина закричала… страшно кричала, почти завыла… Слышала бы она, как я в свое время кричал?! Ничего в моей душе не дрогнуло, верите?!

Еще через годик в Хабаровск поехал, к очередному «дорогому сослуживцу» …на вокзале с поезда сходил, меня и взяли… пистолетик в сумке, глушак, патроны… Следак из Хохляндии уж

очень толковый попался, объединил всех жмуриков в одну команду и нашел единое и неделимое для всех и для каждого — армейское прошлое. Вот так! Второй год в тюряге сижу, по всей стране меня покатали, на эксперименты по местам преступлений… а мне только в кайф, с таким удовольствием вспоминаю, как этих зверей гасил! Только в казарму не возили, где эти твари меня убивали день за днем, ночь за ночью… а вот она, рядышком. Сейчас родственнички этих ублюдков меня упырем называют… смерти моей требуют… дебилы скотские! … знали бы, что их дорогие детишечки в казарме по ночам вытворяли?! Сами нарожали…

Костик Остриков, потрясенный услышанным, попытался что-то промямлить.

— Ты, это…

Парень улыбнулся от уха до уха и, торопясь выговориться до возвращения тюремных конвоиров, перебивая Костю, продолжил.

— Вышак мне светит, к бабке не ходи но, о другом жалею — еще двух зверей оставил по земле ходить. А они недостойны! НЕДОСТОЙНЫ! Твари они без сердца! Уроды моральные! Нельзя им жить и детей рожать… Эх, еще двое…

Щелкнул ключ во входной двери — вернулся конвой. Судебное заседание продолжилось и быстро свернулось, т. к. опять упала в обморок молодая светловолосая женщина с прибалтийской фамилией. Вокруг нее засуетился дежурный врач, а судья перенес слушание на другой день.

Мы с Костиком тупо отсекали дверь, пока конвой уводил убийцу, а родственники жертв выкрикивали угрозы и всевозможные проклятия на его голову…

Бывший прапорщик шел с гордо поднятой головой, развернутыми плечами и прямой спиной, а его губы беззвучно шептали.

— Еще двое… жаль…

Вечером, сменившись с гарнизонного караула и вернувшись в училище, мы с Костиком поделились впечатлением от рассказа убийцы с остальными курсантами…

Никто из нас не осудил того парня, т. к. ни у кого из ребят не было четкой уверенности, что именно сделал бы каждый из нас, оказавшись на его месте.

p. s. Что же за дурь такая, когда нормальные и вменяемые ребята превращаются в одуревших зверей и тупо обрываются на себе подобных, не только унижая их человеческое достоинство, но и калеча физически… не думая о возможных последствиях, включая такие страшные, как возмездие ценой жизни…

p. p.s. Что было дальше с этим парнем мы так и не узнали,

т. к. в гарнизонный караул заступили только спустя пару месяцев, а на «усиление» никого из наших больше не направляли… а спрашивать у коменданта гарнизона язык не повернулся… и так все более-менее понятно.

85. Прыжок

Курсант 45-го классного отделения Фахраддин Мирзалиев (в миру — Федя) попался в самовольной отлучке. В разгар суровой уральской зимы к тоскующему по любовным ласкам парню из солнечного Азербайджана приехала молодая жена. И горячий Бакинский мужчинка 20-ти лет отроду не устоял.

А бессердечный комбат Пиночет в очередной раз традиционно закрыл все увольнения в город. Закрыл наглухо и без исключений. Приезд жены — это не уважительная причина, чтобы выписать маленькую желтую бумажку под названием «Увольнительная записка» и пожелать смущенному юноше приятно провести время… вернее ночь. Показать, так сказать, удаль молодецкую, не посрамить честь мундира, продемонстрировать гусарский натиск, сокрушительный наступательный напор и все такое… Хрен вам, дорогие детишечки, пусть южная красавица Лейла летит обратно домой несолоно хлебавши! Гы-гы! Увольнений нет и не будет!

Наряд по 4-й роте в отличие от деревянного полковника Серова вошел в положение молодого мужа, изнывающего по знойной черноокой красавице. Дневальные курсанты, рискуя гарантированно занять уютную камеру на училищной гауптвахте, причем вместе с самим Федей в качестве доброго соседа, за содействие в «побеге» естественно, не скрывая завистливых взглядов, дружно благословили парня на самовольную отлучку. Дабы хоть кто-то вдоволь вкусил все прелести и страстные ласки прелестной красотки.

— Федя! Будь молодцом! Покажи себя настоящим мужчиной! И это… за каждого из нас по разику… а лучше, по два! Эх! Давай парень, удачи тебе!

Благодарный и откровенно смущенный Федя искренне расшаркался в самых изысканных реверансах и сложился в глубочайших книксенах, клятвенно заверив, что ни при каких обстоятельствах не сдаст душевный наряд по роте на растерзание злобному и завистливому Пиночету — тайному извращенцу и моральному импотенту. (а как иначе прокомментировать его неприглядные действия?)

Но как говорится: «Человек предполагает, а судьба располагает!» В эту эпохальную ночь звезды на небе находились явно в зодиакальном знаке полковника Серова, а не курсанта Фахраддина Мирзалиева.

Абсолютно счастливый и опьяненный любовью Федя бездарно

попался в тот самый момент, когда перелазил через бетонный забор с двумя объемными сумками в зубах. (именно в зубах, т. к. своими руками уставший от сладких утех азербайджанец цеплялся за скользкую кромку заиндевевшего забора — зима на дворе, поймите правильно, а зубы у Фахраддина были просто на зависть — медную проволоку на спор перекусывал)

Федя попался в том момент, когда висел на заборе, как собака в седле верхом на корове, отчаянно балансируя под тяжестью сумок, которые неумолимо влекли его тушку на территорию военного училища ВВС, а огромные сапоги 48–50 размера предательски скользили по внешней стороне бетонного заграждения, стараясь максимально отсрочить факт неминуемого падения. Причем, падения именно мордой в сугроб. Но Федя, был боец от природы! Скрипя зубами и «намертво» сомкнув челюсти, он крепко держал сумки, в недрах которых покоились две 3-х литровые банки с азербайджанским коньяком и вкуснейший закусон — изыски национальной кухни.

Когда Феденька был на самой грани позорного падения с забора, его и принял полковник Серов. Принял в свои нежные и цепкие объятья. Он любезно подстраховал курсанта Мирзалиева, чтобы тот не грохнулся «портретом вниз», и даже заботливо перехватил из «бультерьерских» челюстей уставшего курсанта две тяжеленные сумки с многочисленными гостинцами, которыми заботливая жена нагрузила Фахраддина по самое «немогу». Сам же Федя, чувствуя свою ответственность перед душевными товарищами, благословившими его «в бега», словно вьючный ишак старательно волочил тяжелый груз в качестве сердечной благодарности наряда по роте и 45-го к/о. Эх, и попался, фактически на «финишной прямой»! Абидна, панымаеш, да?!

Поймав курсанта Мирзалиева с поличным, Пиночет довольно потирая руки, горел страстным желанием немедленно арестовать весь наряд по 4-й роте (соучастников, выпустивших Федора из казармы после команды «Отбой»). Являясь приверженцем методов «а-ля-Макаренко», комбат хотел посадить всех парней в одну камеру, дабы переложить процесс воспитания самовольщика на плечи дневальных по роте. Типа, парни сами найдут «правильные слова» для курсанта, «подставившего» их под раздачу и уложившего на «уютные» нары. Логично, с одной стороны, а с другой: «за друга пострадать — святое дело!» Нас гауптвахтой не испугаешь!

Пока Федя, безбожно коверкая русский язык, эмоционально доказывал абсолютную невиновность ребят из состава суточного наряда, пытаясь чуть ли не слезно убедить комбата, что покинул расположение роты незаметно для дневального на тумбочке,

комбат тащил тяжеленные сумки и ехидно улыбался. Добравшись до казармы, Пиночет отдал сумки Федору и приступил к массовым допросам с применением интеллектуальных пыток типа «вынос мозга». Но дневальные сопротивлялись весьма достойно. Они с наивно-убедительным взглядом обиженного ребенка клялись чем угодно, что курсант Мирзалиев мимо тумбочки не проходил и через дверь казарму не покидал. Такая вот мистика!

Упертый Пиночет не добившись чистосердечного признания от состава наряда по роте, радикально расширил список подозреваемых. 45-е отделение было экстренно построено в центральном коридоре казармы.

Довольный собой и своей прозорливостью, аки Шерлок Холмс и миссис Хадсон одновременно, дотошный комбат проводил скрупулезное экспресс-расследование на предмет, кто из ребят был в курсе происходящего и более того — способствовал осуществлению факта самовольной отлучки — вопиющего нарушения воинской дисциплины и т. д. и т. п. еще на час «полоскания мозга». Такое впечатление, что полковник Серов наслаждался процессом массового изнасилования личного состава, попутно любуясь собой и своей «ролью в истории человечества».

Наконец, частично стравив пар и завершая монолог из репертуара театра одного актера, гаденько улыбаясь, Пиночет вежливо и членораздельно обратился к Федору, который понуро стоял перед строем курсантов, не выпуская сумки из своих рук. Было заметно, что курсанта терзают муки совести — подвел товарищей! Вай-вай-вай, как нехорошо!

— Ну, и как же ты просочился мимо наряда? Ась, любезный! Каску-невидимку надел или в масхалат закутался? А может еще и портянки-скороходы намотал, чтобы быстрее обернуться? Хе-хе!

Фахраддин сверкнув угольными глазами на полковника, убедительно рявкнул.

— В акно прыгнуль! Магу еще раз… и сколька нада прыгнуть!

Учитывая, что казарму строили пленные немцы, и потолки были по 5-ть метров, то и второй этаж здания был достаточно высокий, поэтому прыгать из окна было весьма проблематично … и даже опасно, независимо от времени года, включая снежную зиму.

Пиночет был опытный цербер, словам не верил, а верил только своим глазам. Не переставая многообещающе гаденько улыбаться, комбат кивает головой.

— Пойдем, покажешь!

Мирзалиев уверенно заходит в спальное помещение 45-го

классного отделения. По пути, он ненавязчиво оставляет сумки на полу между кроватей и подходит к окну. Комбат и командир роты следуют за ним, остальные курсанты чуть сзади. Сумки тем временем скоропостижно испаряются из спального помещения и бесследно исчезают в необъятных недрах сушилки (от греха подальше). Коперфильд стыдливо отдыхает и завистливо кусает губы. Вуа-ля!

Федя абсолютно спокоен, более того, он — молодец, ибо не оставляет попытку вывести из под удара, ребят из состава суточного наряда. Его любовные утехи прошли на «ура» и курсант Мирзалиев готов самолично сидеть в камере гауптвахты сколько угодно длительное время — хоть до самого выпуска из училища и до получения золотых лейтенантских погон. А ребята тут совсем не причем, правда-правда!

Крепкий азербайджанский парень скалится бессовестной белозубой улыбкой. Сейчас он подойдет к окну, заберется на широченный подоконник, откроет фрамугу и выбросится из казармы хоть десять раз подряд, не вопрос… хоть, головой вниз, хвала Всевышнему, сугробов предостаточно…

По мере приближения к окну, улыбка Феди начала самопроизвольно скукоживаться, на лицо опустилась тень глубокой задумчивости, а лоб прорезала глубокая морщина неприкрытого недоумения. Уперевшись лбом в закрытое окно, Фахраддин капитально задумался. А задуматься был повод весьма основательный! Окно было наглухо заклеено широкими полосками бумаги по всему периметру фрамуги. (как же иначе — зима на дворе, куда деваться) Пипец! Приехали! Комбат, гаденько хихикая, мягко поинтересовался.

— Ну?! Сквозь стекло просочился, Хам СамДурак ибн Мирзалиев Фахраддин Хоттабович, да?

Федя внимательно и скрупулезно осмотрел окно, старательно почесал свою иссиня-черную шевелюру и уже не столь уверенно пробормотал.

— Я из другого акна прыгаль… из калидора… возле туалет-та.

Услышав эту фразу, сержант Гнедовский мгновенно и бесшумно испарился из-за спины капитана Нахрена и из спального помещения казармы тоже. Вскоре все, кто присутствовал на «следственном эксперименте» услышали характерный треск рвущейся бумаги — в коридоре у туалета открылось окно. Комбат «рэксом» поспешил на шум в коридоре, следом побежали Нахрен, Федя и все остальные курсанты. Все, но не все! Лелик Пономарев побежал на улицу…

Ворвавшись в коридор, Пиночет обнаружил полуоткрытое

окно возле двери туалета. Фахраддин же обрадовано воскликнул.

— Вот! Из этава акна пригнуль!

Комбат подбежал к окну… и сразу ринулся в туалет. Проведя обыск в лучших традициях царской охранки, в кабинке на крайнем очке, полковник Серов обнаружил сержанта Гнедовского, который мирно сидел со спущенными штанишками и увлеченно читал газету «Красная звезда» двухмесячной давности. Пиночет громко скрипнул зубами с досады и ничего не сказав, вышел из туалета, раздраженно хлопнув дверью.

В это время, стоя у полуоткрытого окошка, я выглянул вниз и увидел Лелика Пономарева, который энергично топтался и ползал в девственно чистом сугробе прямо под стеной казармы, оставляя характерные следы и создавая иллюзию, что в снег кто-то прыгал …именно из этого окна.

Оттолкнув меня от окна, Пиночет высунулся по пояс и заметил спину Лелика, который уже успел скрыться за углом здания. Полковник пришел бешенство.

— Так!

Густо покраснев, комбат понял, что его нагло на*бывают прямо у него же на глазах. Пытаясь сохранить свое лицо, он грозно рыкнул на Федора.

— Показывай, как прыгал!

Федя осторожно взгромоздился на подоконник и опасливо посмотрел вниз. Было заметно, что увалень-азербайджанец панически боится высоты и прыгать вниз ему совсем не хочется. Комбат это заметил и победно пробурчал.

— Все ясно! Не прыгал, т. к. ссышься в галифе… и срешься когда страшно! Все понятно, вышел через дверь перед носом дневального, наряд виновен…

…зажмурив глаза Федя прыгнул. В последний момент, Пиночет попытался поймать его за поясной ремень, но не получилось. Курсант Мирзалиев глубоко зарылся в сугробе гораздо дальше тех следов, что пару минут назад создал киевлянин Лелик, обеспечивая алиби для азербайджанского друга из Баку. Курсанты 4-й роты прилипли к окнам, вглядываясь в сугроб, в котором плашмя и лицом вниз, широко раскинув руки и ноги «а-ля-морская звезда» возлежал курсант Мирзалиев.

Капитан Нахрен откровенно сбледнул с лица и не отрываясь смотрел в раскрытый рот Пиночету, который тоже был несказанно взволнован. Полковник Серов не издал не звука, внимательно всматриваясь в тело курсанта, неподвижно лежащего в рыхлом снегу под окнами казармы. Жив ли?

…и тут Федя зашевелился. Он медленно встал на ноги и, находясь по пояс в сугробе, выплюнул снег изо рта, победно

вскинул правую руку вверх и издал гортанный клич.

Уффф! Все парни выдохнули с облегчением и дружно заржали! Комбат был посрамлен! А Мирзалив — мужик!!!

Пиночет, удостоверившись, что мятежный курсант жив, цел и невредим, опять принял непроницаемо важный вид и, обращаясь к Нахрену, мрачно пробурчал.

— Оформи-ка на этого кузнечика-попрыгунчика записку об аресте на трое… нет, на пять суток.

Нахрен подобострастно прогнувшись и заглядывая в глазки комбату, по-гусарски щелкнул каблуками.

— Есть! А на личный состав наряда?

Пиночет еще раз выглянул в окно и, сплюнув с досады, сокрушенно вздохнул.

— На дневальных не надо. Алиби, хуле!

Выходя из помещения роты, комбат столкнулся с курсантом Мирзалиевым, который был весь в снегу, включая сапоги, плотно набитые по самые голенища. Федя гордо взглянул своими угольно-карими глазами прямо в колючие глаза сурового комбата.

— Я пригнуль! Наряд невиновен, товарищ полковник…

Пиночет остановился и, глядя на сияющего курсанта, крепко пожал ему руку.

— Мужик, хуле… Больше не прыгай, сгною на гауптвахте…

з. ы. В горячке событий и комбат, и капитан Нахрен напрочь забыли про две тяжеленные сумки, которые Федя старательно приволок из самоволки.

з. з.ы. Содержимое этих сумок частично дождалось возвращения своего «хозяина» с гауптвахты. Разносолы и скоропортящиеся продукты пришлось быстро уничтожить — в смысле, съесть. А «божественный» нектар из двух 3-литровых банок 45-е к/о употребило под покровом ночи, когда Фахраддин Мирзалиев вернулся из «мест заключения»…

86. Физиология

Физиологию не обманешь! Как ни старайся и чего не предпринимай?! Особенно, физиологию молодого растущего организма, у которого гормоны в крови не просто бурлят, а бессовестно бушуют и фактически сходят с ума. А также хаотично бьются друг с другом то жестоко враждуя, то коварно объединяясь в едином порыве внутри истомленного организма, надежно блокируя мозг и подавляя любые проявления разумной деятельности, отдаваясь на милость примитивным инстинктам размножения, настойчиво требуя обеспечить им — гормонам то есть, исключительно «правильное применение». Причем, немедленно — здесь и сейчас!

А как иначе, когда 17-22-летний здоровый мужчинка (кровь с молоком) надежно заперт внутри круглосуточно охраняемого периметра военного училища, обнесенного колючей проволокой?! Да еще и в окружении себе подобных. Ужас!

А так хочется любви! Настоящей, большой и чистой! Или … просто увидеть женщину. Хотя бы мельком… украдкой! Да-да, просто увидеть самую обычную женщину! А если еще и ГОЛУЮ?! То, это гарантированный обморок! Причем без вариантов, т. к. взбунтовавшиеся гормоны моментально ринутся к перевозбужденным гениталиям, которые в стенах военного училища используются только лишь для оправления естественных надобностей, типа пописать и не более того. При этом, навевая смутное томление… но, какое именно уже даже как-то и подзабывается за ненадобностью! (шутка, такое забыть невозможно, гыгыгы, это на генетическом уровне прописано) … так вот, мужское достоинство моментально отреагирует на приток свежей кровушки дурного разлива и смачно врежет своего молодого хозяина прямо по лбу, отправляя родимого хозяина в глубокий нокаут! Отсюда и обморок!

А чего хотели?! Физиология! Клапана срывает от переизбытка энергии, а перспектив для ее применения в любовных утехах… нет и не предвидится! Воинская дисциплина и постоянная боеготовность не подразумевает близкие контакты с особями противоположного пола, коих в Красную армию почему-то не призывают?! Поневоле позавидуешь служивым из Израиля! Эх, лепота, девчонки служат практически бок о бок! Крути всевозможный лямур-тужур-абажур сколько душеньке твоей будет угодно?! До полного изнеможения… и взаимного удовольствия.

Мде… только безнадежный импотент или неизлечимо-

законченный извращенец с прогрессирующими гей-педерастическими наклонностями может запереть здоровенную ораву растущей молодежи мужского пола за решеткой в стенах военного училища. А потом еще с патологической жестокостью методично лишать всех и каждого, оптом и в розницу долгожданного права «увольнения в город» …за малейшие прегрешения, несущественные шалости и микроскопические отклонения от строгих требований воинской дисциплины. Типа, в воспитательных целях?! Угу, верим… Именно в воспитательных целях и никак иначе.

Отсюда и самоволки (самовольное оставление части — злостное нарушение воинской дисциплины) — хаотичные и стремительные набеги на общежития всевозможных мед. пед. и культ. просвет. институтов, где томились в ожидании всевозможных прЫнцев, уральские и не только …красавицы. Изнемогающие в свою очередь от дефицита крепких и красивых ребят… которые, в это время все как один подались в военные училища — патриотизм и все такое… Вот такой дурдом! Молодежь вроде как бы в стране и есть, но она разведена по разным учебным заведениям. И чтобы им встретится, надо преодолеть кучу всевозможных искусственно-созданных преград.

В виду того, что СССР — страна перманентно и активно воюющая на протяжении всего периода своего существования, то руководство государства, партии и правительства из-за постоянной убыли молодежи мужского пола, было серьезно озабочено восстановлением численности генофонда своего населения.

А то кем же руководить будем, если всю молодежь на многочисленных войнах положим и повыбиваем?! Один Афган, чего стоит?! Посему, долго и нудно посовещавших в кулуарах, ответственные товариСТЧи пришли к эпохальному решению: «в местах плотного скопления женского населения надо срочно разместить военные училища» и …периодически устраивать вечера встреч, танцы, дискотеки (слово буржуазное и политически опасное, но молодежное, куда деваться) и всячески поощрять знакомства, включая тесные контакты, дабы создавались все условия для образования новых ячеек общества.

И молодой офицер уже ехал к дальнейшему месту службы не один, а с законной женой!

Безусловно, это была гениальная и полезная идея, т. к.:

— молодой и пока еще не обросший жирком цинизма офицер не сопьется от гарантированного восторга, что по факту окончания альма-матер оказался в полной жоп… в несколько необжитом месте (мягкий вариант), где он никому нах не нужен,

а ближайший очаг цивилизации в 4-х часах лету на вертолете Ми-8 — и молодая жена, кстати, не убежит — не сможет, что тоже способствует укреплению семейных уз, а там дети пойдут …и вообще, все будет просто хорошо и расчудесно, но не сразу… надо потерпеть лет двадцать-тридцать;

— любвеобильный юноша не будет страдать онанизмом по вечерам после службы, откровенно скучая в холостяцкой квартире;

— и разваливать чужие семьи не станет, совершая отчаянно-дерзкие набеги на представительниц прекрасной половины человечества, смущая своим страстным натиском вынуждено "холостякующую даму", когда ее законный муж на дежурстве или в длительной командировке; — опытным путем доказано, что женатый офицер и служит добросовестнее, и скандалит меньше и управляем лучше, т. к. ему надо думать о семье, жене, детях, квартире, карьере …и об академии — зачастую, единственный шанс выбраться из медвежьего угла, чтобы не слушать длинными ночами горькие упреки своей дражайшей половинки, как правило сдобренные обильными слезами, оторванной от мамы наивной девочки, увезенной хрен знает куда;

— а т. к. в отдаленных гарнизонах делать откровенно нечего, то молодожены активно возлюбят друг друга при каждом удобном случае и нарожают целую кучу новых строителей светлого будущего, что тоже очень даже неплохо;

— и т. д. и т. п.

Короче, нравится-не нравиться, а проводить культурно-массовые мероприятия с привлечением женского населения ВУЗов города, командование нашего училища ВВС было обязано — строгая указивка сверху! И попробуй не исполни?! ГЛАВПУР строго спросит! Ох, как спросит?!

Посему, время от времени, на потеху курсантской публике, в училищном клубе проводились вечера встреч, танцы, дискотеки и т. д. и т. п. Нечасто, но все же…

Данные танцы-шманцы-обжиманцы разбитная курсантская братия прозвала «случкой», ибо нет ничего хуже, чем организованно-запланированное мероприятие в масштабе военного училища, организованного идейными политрабочими для целенаправленного выполнения распоряжения ГЛАВПУРА. Тем более, что данное мероприятие всем своим действом как нельзя лучше напоминало процесс «случки» — визуальный контакт в присутствии хозяев (офицеров училища), быстрое «обнюхивание» в процессе медленного танца…и если возникала искорка взаимной симпатии…

"Уф, задача минимум достигнута! Дальше вы уж сам, дети

мои?! Совет да любовь! Аминь!" — замполит училища, украдкой вытирая слезы умиления, считал свою миссию успешно выполненной.

А чего стоят тематические вечера с заумным уклоном: "Интегралы и их применение в прикладной математике"?! Да еще и с привлечением студенток физ. мата?! Вот зачем нам разгибать эти долбанные интегралы и блистать своими познаниями в науке и технике, если аж до трясучки в мышцах и до скрежета зубовного, хочется сжать в своих объятиях студентку-красотку и жадно вдыхая аромат ее духов, очертя голову, закружиться в танце, позабыв все на свете…

Загодя, перед процедурой очередной «случки» по ВУЗам города и женским общежитиям лавинообразно прокатывался слух о предстоящих танцах в военном училище. В результате чего, у КПП собиралась такая живописная публика, мама не горюй?!

Кого здесь только не было?! И дамы «последний шанс» — неопределенного возраста, но с явными желаниями заарканить потенциально-невоздержанного соколика, принять его в свое лоно и, окутав паутиной ответственности и обязанностей, быстренько затащить в ЗАГС. И откровенно-потасканные особи, которые ни в чем себе не отказывали. А тут они могли сойти за наивных и ниразу нецелованных дюймовочек. То же вариант — городские парни уже все про них знают и неоднократно пробовали и так, и сяк и эдак. А наивные мальчики из военного училища сидят себе безвылазно за колючкой и, следовательно, не в курсе о девяти абортах, трех маленьких детишках, находящихся на воспитании у бабушки в деревне (от разных и неизвестных отцов, естественно) и прочих несущественных мелочах.

Были даже и замужние мадамы, искусно скрывающие свой возраст под слоем косметики, ищущие необременительные приключения на время длительного отсутствия законного мужа (тюрьма, например). Пока выпустят родимого, а юный любовничек уже благополучно упорхнул в неизвестном направлении, а я любила только тебя и была верна до умопомрачения! Не веришь?! Докажи обратное и предъяви на публику автора твоих ветвистых рогов. Не можешь?! Ну и нех терзать меня, красивую, напрасными сомнениями.

Были просто желающие выйти замуж за военного и после окончания учебы в ВУЗе, рвануть не домой в деревню, а заграницу (наш ВУЗ работал исключительно на обеспечение войск, дислоцированных в странах Варшавского Договора и ребята всегда считались потенциально-привлекательной добычей).

Приходили целыми учебными группами или даже целыми

курсами. А как иначе?! В пединституте с мальчонками дефицит, а тут кардинально обратная ситуёвина, поэтому шансов на взаимную симпатию предостаточно, только успевай мило и застенчиво улыбаться.

Курсанты, которые уже встречались с девчонками, использовали данные мероприятия для гарантированного свидания и приглашали своих «половинок» в назначенное время.

На дискотеках кроме обычных танцев под музыкальное сопровождение, утвержденное в политотделе училища, существовала неформальная игра «в крокодила». Группа ребят тянула жребий, и кому выпадала обломанная спичка, приглашал на медляк (специально ставилась нереально длинная композиция, минут на 8-12) самую страшную мадаму на танцполе. (дама выбиралась методом тайного голосования). Все фонари в зале поворачивались на танцующих, и сладкая парочка оказывалась в заслуженном центре всеобщего внимания.

А потом, как правило, следовал «белый танец» и обалдевшая от счастья «красотка» непременно приглашала своего кавалера, по достоинству оценившего ее сносшибательный облик и все богатство внутреннего мира, на «бис». Отказаться или слинять из зала он не имел права, поэтому следовала вторая серия «марлезонского балета», а толпа бессовестно зубоскалила и беззлобно веселилась!

Иногда прямо на танцульках вспыхивали мимолетные романы и молниеносные романчики. Те дамы, которые пришли за ничемнеобязывающими молниеносными отношениями, как правило, их получали прямо здесь же — в многочисленных закутках клуба (таких мест было предостаточно). И только замполит училища, лично возглавляя политактив и комсомольский авангард батальона, азартно рыскал по клубу, рьяно выявляя и пресекая «акты вопиющего разврата» — элементарная зависть, куда деваться?! Не иначе!

Как правило, застуканного на «месте преступления» парня долго третировали, позорили на всех последующих построениях училища, наказывали по комсомольской или партийной линии, плюс еще накладывали дисциплинарное взыскание. Взависимости от резкости ответа в адрес «полиции нравов», гноили на гауптвахте и в нарядах, ставили гарантированный «банан» за ППР — партполитработу и за «Историю КПСС», распределяли на Тугалым и т. д. и т. п.

А у любвеобильной дамы, перед тем как выпроводить ее за пределы островка пуританства и благочестия — периметра училища ВВС, дотошно выспрашивали — по согласию или нет?! Каковы впечатления от процесса тесного общения с

воспитанником нашего ВУЗа?! Понравилось ли?!

Что надо улучшить в процессе воспитания или физической подготовки молодого поколения будущих офицеров?! Не собирается ли она связать себя с этим парнем узами законного брака?! (вот тут самое страшное).

Если дама изъявляла такое желание, то парня фактически насильно женили, терроризируя возможным отчислением из училища и прочими доходчивыми методами убеждения … вплоть до угрозы реального срока за изнасилование — весьма убедительный аргумент, поверьте на слово.

Честь и репутация училища поддерживалась любой ценой, даже такой! Особенно после ЧП на свинарнике. (см. «Роза, Рита, Рая»)

А что творилось на выпуске?! Мама дорогая, красивых девчонок было гораздо больше, чем самих выпускников, честное слово. Т. к. у каждой мало-мальски смазливой мадамы, заметно оформленной спереди и сзади, появлялся реальный шанс познакомиться с молодым лейтенантом, с перспективой оформить отношения в экспресс-варианте — (гульбище в ресторане по поводу выпуска, молниеносный роман — бесчувственное тело лейтенанта грузится в такси, затем волоком по лестнице домой и в койку… Утром: «Мама, папа, знакомьтесь, мой …фактически, уже муж! Документы вчера поданы в ЗАГС, а скоро мы уезжаем в Германию, Польшу, Венгрию, Чехию… Короче, куда повезет… Как нет?! Что значит, я даже не знаю, как тебя зовут?! Папа, пригласи, пожалуйста, из прихожей наряд милиции! Мама, принеси мое заявление об изнасиловании …и свидетелей самого процесса изнасилования тоже зови…» Беспроигрышный вариант, куда деваться?!

Кстати, при похожих обстоятельствах, вернувшийся с войсковой стажировки парень, грустно вздыхая, продемонстрировал всем желающим, свеженькую печать в военном билете — женат.

— На ком?!

— Стыдно признаться, парни, полковой спермоотстойник — повариха из местной столовки! Вот попал, бляха-муха?! Хоть стреляйся! А у меня дома невеста. Еще со школы дружим… Пока я у этой шлюшки зависал и ошивался, она в мой военник через знакомого в сельсовете штампуху тиснула. А я по пьяни и подписал где надо… Во, дурак!!!

— Слушай, а где был твой мозг?!

— Где, где?! Там… сам зарифмуешь или помочь?!

Мде… Попадалово, врагу не пожелаешь. Не пропадать же парню?! И сердобольный курсант — ротный писарь при замене

«Военного билета» на «Удостоверение офицера» перед получением лейтенантских погон, как-то неожиданно запамятовал перенести в графу «Особые отметки» сведения о молодой жене… с двумя детьми …причем, от разных отцов.

Парнишка благополучно выпустился из нашего училища ВВС с чистыми документами и с безупречным прошлым, получил распределение в Венгрию. И, женившись на однокласснице, абсолютно счастливый укатил в южную группу войск Варшавского Договора.

Но, счастье не бывает вечным, особенно в стране тотального учета гражданских актов, браков и прочих видов социальной отчетности… Где-то через полгода «первая жена», обеспокоенная долгим отсутствием законного мужа, прикатила в наше училище. И, предъявив обалдевшему от удивления генералу «Свидетельство о браке», поинтересовалась местонахождением любимого супруга.

Был жуткий скандал! Был развод со «второй женой»! Было обвинение в двоеженстве. Короче, был полный 3,14здец! Парня вышибли из Венгрии в 24 часа и поломали всю дальнейшую судьбу. Хотя, чего тут говорить?! Сам виноват…

з. ы. Наверное, на то человек и зовется гордо «homo sapiens», что способен разумом своим, пусть не всегда, но все же, контролировать зов низьменный плоти, не поддаваясь искушению примитивных инстинктов размножения…

з. ы.ы. Бррр, прочитал всю чушь, что написана выше, аж самому смешно стало — какой же бред?!

Эх, сейчас бы опять отмотать время на отметку курсантского возраста в 20-ть бессовестных лет, когда в молодецкой крови все бурлило и клокотало, …когда сердце начинало биться синхронно со стуком женских каблучков, идущей по улице красавицы, когда… ух… — физиология, куда деваться?!

87. Постой паровоз, не стучите колеса…

— Сержант Гнедовский!
— Я!
— Курсант Копыто!
— Я!
— Курсант Пономарев!
— Я!
— Курсант Симонов!
— Я!
— Выйти из строя на десять шагов! Училище, СМИРНО! За смекалку, находчивость и мужество, проявленные при тушении пожара и спасение железнодорожного состава с важным грузом, данные курсанты награждаются ценными подарками от Министерства путей сообщения СССР — наручными часами «Победа»!

Генерал-майор — начальник училища солидно спустился с трибуны, облицованной мраморными плитами, подошел к нам и с подчеркнутой важностью происходящего, вручил каждому по маленькой пластиковой коробочке с наручными часами. При этом лицо сурового генерала откровенно светилось искренней отеческой теплотой, многочисленные морщинки на коже пожилого человека разгладились, а в глазах периодически проскакивали озорные искорки молодецкого куража — «чертики бегали», и доброй зависти, наверное.

Да-да, скорее всего именно доброй зависти. Было явно заметно, что нашего генерала прямо распирает от нескрываемой гордости, что его воспитанники наконец-то отличились в лучшую сторону (не «Агдам» стырили, а действительно что-то приличное сотворили), и по-доброму завидует нам — четверым курсантам, благоговейно замершим на училищном плацу по стойке «смирно».

В этот торжественный момент, по крайней мере, нам четверым (вру, пятерым — включая генерала) было отчетливо и предельно понятно, что начальник училища с превеликим бы удовольствием и абсолютно не задумываясь, немедленно променял бы свой помпезный генеральский китель с красивыми погонами, расшитыми золотой нитью, на многократно застиранную, затертую и заношенную «в хлам» курсантскую ХБшку, лишь бы вернуться в бессовестно-беззаботную молодость.

И сбросив с себя всю показную напыщенность и важность — неизменные атрибуты высокой должности и наплевав на обрыдло-занудную кабинетную рутину, с молодецкой удалью и разухабистым юношеским азартом, поучаствовать в каких-нибудь головокружительных приключениях — в тушении пожара, например (про расхищение цистерны «Агдама» опять же скромно промолчу).

Крепко пожимая нам руки, начальник училища приветливо улыбался и тихо говорил.

— Спасибо, ребята! Порадовали старика, так держать! Молодцы парни! Молодцы! Спасибо, орлы!

Затем, степенно поднявшись на трибуну, генерал вновь принял «уставное» суровое выражение лица и с металлом в голосе громыхнул над притихшим плацем.

— А сейчас мой заместитель по политической части полковник Боргударов зачитает официальное письмо, присланное в адрес командования училища из Министерства путей сообщения СССР. Слушайте внимательно и гордитесь, что вместе с вами учатся эти славные и ответственные парни! Берите с них повсеместный пример и старайтесь хоть чуть-чуть походить на них! И тогда я могу с чистой совестью спокойно уходить на заслуженный пенсион, ибо лично меня переполняет чувство полного удовлетворения за проделанную работу и отеческая гордость, что эти курсанты — воспитанники именно нашего училища ВВС. Итак! Слово предоставляется полковнику Боргударову.

«Политический» полковник подошел к стойке с микрофонами и, медленно развернув противно шуршащий листок бумаги, с чувством, с толком и профессионально играя интонацией, завел долгоиграющую агитационо-помпезную песню.

— В благодарственном письме от руководства МПС СССР, за подписью ЛИЧНО САМОГО заместителя министра на имя командования нашего училища ВВС, выражается искренняя и горячая благодарность за воспитание достойной смены, которая в скором времени вольется в стройные и монолитные ряды офицеров доблестной Советской армии. Руководство МПС СССР абсолютно уверено, что курсанты нашего краснознаменного и орденоносного училища в трудную минуту для окружающих их людей, для своей страны, для своей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, сразу и все как один, решительно встанут плечом к плечу, мужественно преодолевая любое проявление постыдного страха и презрев личные интересы, будут надежной опорой… и т. д. и т. п. … еще на добрые полчаса.

Весь личный состав училища обреченно замер в монолитном

строю на огромном плацу, благоговейно внимая каждому слову зажигательной речи, а за нашими спинами, взгромоздившись на отделанную белым мрамором трибуну, заливался соловьем партийный рабочий — замполит училища полковник Боргударов.

Хорошо поставленным голосом, с правильной литературной дикцией достойной диктора центрального телевидения, он мощно вливал в благодарные уши курсантов, бесконечный словопоток, щедро насыщенный возвышенной патетикой пропагандисткой направленности. В коротких паузах, необходимых для физиологической вентиляции натруженных легких, работающих в авральном режиме, полковник периодически эмоционально потрясал в воздухе «гербованной» бумагой из незабвенного МПС СССР, призывая в авторитетные свидетели искренней правоты своей эпохальной речи, не иначе как все МПС СССР в целом.

Блин, вот умеет же привирать красиво, фиг докопаешься! Могу поспорить, что в том письме не было и половины того, что наплел наш краснобай-сказочник зам. генерала по политической части — Ганс Христиан Андерсен доморощенный. А куда деваться, работа такая! Профи… не зря свой «хлеб с маслом» кушает и «какавой» запивает! Эх, учиться у таких надо, если хочешь быструю и непыльную карьеру в уютных штабах делать — подальше от «любимого» личного состава и боевой техники! Блин, ну заткнулся бы что ли?! Неуютно как-то на плацу торчать! Отпустите за ради Бога в родную роту, дайте в строю среди ребят затеряться… неудобно как-то все это…

Но мы продолжали стоять перед всем личным составом училища, 4-мя неподвижными столбами, глупо улыбались и рассеянно вертели в руках маленькие пластиковые коробочки с часами «Победа». Честно сказать — совсем неловко стоять перед почти 3-х тысячным строем себеподобных, врожденная скромность там и все такое… Тем более, каждый на тебя пялится как на «чудо-юдо» какое-то.

Герои, ратиборы, огнеборцы, куда деваться?! Надо же, как вдохновенно замполит вворачивает красивые и непонятные слова. Мде, в красноречии полковнику Боргударову не откажешь, язык то «без костей», не иначе.

Пока над плацем носилось эхо восторженно-громогласных речей, в моей памяти, словно цветные картинки из детского калейдоскопа, всплывали все наиболее яркие обстоятельства и хронологические подробности свершения нашего «эпохального» подвига…

— Санька, Леля, собирайтесь! Сейчас шустренько двигаем в баню, а потом в чепок (буфет) заскочим, надо съестным

максимально затариться, в караул сопровождения завтра едем (караул сопровождения — группа вооруженных военнослужащих, сопровождающих груз военного назначения, который перемещается по стране на достаточно длинные расстояния).

Мы с Леликом многозначительно переглянулись и вопросительно посмотрели на сержанта Валеру Гнедовского, который принес эту достаточно приятную новость — прокатиться по стране и отвлечься на некоторое время от монотонности училищной жизни, а почему бы и нет?!

Валера, снимая пилотку и подтыкая ее за поясной ремень, озадаченно прищурил глаза и продолжил.

— Приказом по училищу от нашей роты, кроме нас с вами, еще курсант Петровский отдан, но он, как вы знаете, на прошлой неделе в госпиталь с двухсторонним гайморитом загремел — фиговый расклад, однако. Наверное, подмену из 5-й роты назначат.

Сержант Гнедовский опять недовольно поморщился.

— Жаль, конечно, лучше бы с нашим философствующим «Люфтваффельником» поехать, парень проверенный, да и веселее, а так с чужим … как-то не очень… попадется мудак какой-нибудь, замотаемся его перевоспитывать всю дорогу.

— А куда едем и насколько?!

— Из Свердловска тащат какое-то немыслимое артиллерийское орудие калибром в 152-мм образца времен Ивана Грозного…

— Охренеть?! А мы то причем?! С какого перепугу ВВС и сраная пушка, да пусть хоть внебрачная дочь шрапнельной пищали и Царь-пушки?! Орудие пусть другие волокут — стратеги например! У них же в петличках две пушки сношаются, перекрещиваются так сказать в порыве страстного экстаза… А нам подавай авиабомбы, реактивный движок или чего-то в том же духе похожее…

— Да какая в принципе разница?! Все, какое-никакое разнообразие! Покатаемся по бескрайним просторам Родины, пока пацанам тут будут мозги знатно сушить. Потом на сессии поноем жалобно: «Мол, пропустили все Ваши гениальные лекции, товарищ великий преподаватель, но не по своей воле и не корысти ради, а токмо из-за треклятого выездного караула». Глядишь, и накинут пару баллов?! А эту младшую дочку царь-пушки еще недавно сопровождали солдаты со «сверчком» (военнослужащий сверхсрочник) — стадо идиотов, иначе не скажешь. Не успели отъехать от Свердловска, как их караул поголовно нажрался в сопли и на первой же остановке, бдительный комендант застукал голубчиков. Прямо «тепленьких»

за ноги из теплушки вытаскивали. У нас же комендант — всем комендантам комендант, хрен проскочишь! Сейчас эти «алконафты» на гарнизонной гауптвахте вытрезвляются! Пока платформа попутную оказию ждет, в наше училище из гарнизонной комендатуры заявку на 4-х «конвойных» скинули. А пушку волокут в Измаил — солнечная Молдавия вроде как, если не ошибаюсь?! Не судите строго, в школе географию принципиально прогуливал. И если Измаил на самом деле в Молдавии или на Украине, кто его знает, мне все едино, то там все равно теплее, чем сейчас здесь — на суровом Урале-батюшке. Весна называется, что ни год, то — 10 в апреле и снега по колено, охренеть!

Услышав про «солнечную Молдавию», Витя Копыто, присутствующий в спальном помещении казармы, оттопырив уши, всячески проявляя максимальный интерес к нашему незатейливому разговору, неожиданно встрепенулся и, придя в «крайнюю» степень возбуждения, заорал дурным голосом.

— Парни возьмите меня с собой! У меня тетка единокровная в Измаиле имеется, молдаванка, пля буду — родная сестра матушки, сто лет не виделись…

— Витя, приказ по училищу, тебя там нет…списки утверждены…

— Давайте попросим Нахрена. Я уговорю! Я смогу! Я попробую… Я вам обязательно пригожусь, не пожалеете! Ну, возьмиииитееее меее…няяяяяяяя….

Как мы не отнекивались от такого незапланированного счастья, как наш незабвенный Витенька, но спорить с ним было абсолютно бесперспективно.

Откровенно надеясь, что у курсанта Копыто ничего не выйдет, мы поставили категоричное условие, что договариваться с командиром роты — капитаном Хорошевским о включении в состав выездного караула, Витя будет сам лично (один, без ансамбля), без нашего активного участия. Получится — значит, получится! Нет?! Извиняй Витенька, мы сделали всё, что смогли! Искренне расстроены, украдкой утираем слезы! Любим, целуем, пиши письма…

Однако мы недооценили дипломатические способности нашего дорогого Витеньки! Энтузиазм крайне заинтересованного индивидуума способен чудеса творить! Уболтал, уговорил, убедил, нашел нужные и проникновенные слова для вечно раздраженного Володи Нахрена.

При проведении данной процедуры, легендарные уши Виктора уморительно шевелились, а живописное лицо выражало такую степень отчаяния, что капитан Нахрен бессовестно ржал

взахлеб до полного изнеможения и обильно-истеричных слез в три ручья (у курсанта Копыто шевелились ушные раковины при разговоре, см. «Пластическая хирургия»). В результате, ротный офицер на удивление достаточно быстро сдался и Витя Копыто был незамедлительно включен в состав выездного караула.

Не иначе, Володя Нахрен с тайным восторгом воспринял данную идею — на законных основаниях отдохнуть от такого чуда «генной инженерии» и явной ошибки природы, как Витя Копыто, хотя бы в течение короткого времени, заслав его хоть в выездной караул в Молдавию, хоть в экспедицию на Северный полюс, хоть в полет на Луну, хоть к черту на кулички.

Готовились к неожиданной командировке в аврально-истеричном режиме. Времени на раскачку не было по-определению.

Используя всю без остатка накопленную и заныканную для романтических увольнений в город в приятном женском обществе, денежную наличность, накупили еды — печенья, пряников, конфет. Получили на училищном прод. складе тушенку, рыбные консервы «братская могила» — бычки в томате, различные крупы, сухофрукты, хлеб, сухари «термоядерные» (хрен раскусишь), сахар, чай, соль. Собрали вещмешки, взяли ложки, посуду, бачки, полотенца, зубные щетки, бритвы и прочее. Получили оружие, патроны, командировочное предписание на выполнение задание. Все шустренько и бегом.

Лихорадочно носясь по училищу, мы ловили на себе откровенно завистливые взгляды остающихся в училище ребят. Еще бы, сорваться в командировку на пару недель — это почти что «внеплановый» отпуск.

На училищном ГАЗ-66 «Шишига» приехали на ж.д. станцию, скоропостижно и без проволочек приняли маленькую теплушку (такие в кино о войне часто фигурируют) с прокопченной буржуйкой и деревянными нарами вместо кроватей (из постельных принадлежностей одни матрасы и свалявшиеся старые подушки без наволочек). Одеяла были в таком состоянии, что складывалось устойчивое впечатление, что на них выросло не одно поколение моли. Фиг с ним, не страшно, вместо одеял используем свои шинели.

Мде…, знали бы такое положение дел с постельным бельем, из училища прихватили бы свое. Ну, да ладно, это не самое страшное, не смертельно, стандартные тяготы и лишения и все такое… не в первый раз и самое досадное — не в последний.

Объект охраны впечатлил своими размерами и солидностью. Огромная пушка занимала всю грузовую платформу от края до края и завораживала своей исполинской мощью. Ее гармоничная

конструкция источала скрытую угрозу и вызывала трепетное уважение. Раззявя рты в благоговейном восторге, мы только и смогли издать нечленораздельное.

— Вот это «дааааа….»!

Платформа с длинноствольным орудием была предпоследней в длиннющем составе грузовых вагонов, а наша теплушка — самой последней. Так было удобней с точки зрения перецеплять наш груз от поезда к поезду, выбирая попутную оказию, да и нам — сподручней охранять военное имущество, просматривая сразу обширный сектор подступа к объекту на целые 270 градусов.

Но у этого «удобства» была и «обратная сторона медали» — т. к. теплушка была достаточно маленькой, двухосной и относительно легкой, то при движении ж.д. состава с более-менее приличной скоростью, нас болтало весьма нещадно. Создавалось устойчивое впечатление, что мы попали на маленький кораблик, который волокут на буксире в бушующем море.

Т.к. туалет в теплушке отсутствовал по определению — мятое ведро с днищем в виде прогнившего сита, а остановки грузового состава были крайне редкими, то справлять естественные надобности приходилось урывками, где как — в чистом поле, на перегонах, в отстойниках и во время работы маневровых паровозиков, перестыковывающих два наших вагона от одного локомотива к другому и т. д.

Особенно неудобно и достаточно рискованно было «облегчаться» на «полном ходу» поезда. Пописать было достаточно легко, элементарно открыв сдвижную дверь. Самое главное — удержать руками свое мужское достоинство и шаткое равновесие персональной тушки на краю мельтешащей «бездны», когда пол маленького вагончика так и норовит выпрыгнуть из-под твоих ног.

После того, как Витя Копыто, не справившись с силой гравитации и, не учтя общеизвестных законов гидродинамики из курса физики за 7-й класс средней школы, пару раз обильно обрызгал стены и пол теплушки (только потолок, почему-то остался сухим, непонятно) и, получив последнее «китайское» предупреждение в виде дружеского пинка по костлявой заднице, он тоже научился вполне прилично попадать личной струей в открытый проем огромной сдвижной двери, почти с первого раза. Снайпер!

А вот сходить «по большому» — это вообще «песня», заслуживающая отдельного краткого пояснения! Итак, прошу прощения за подробности, но жизнь есть жизнь, куда деваться?! Немного пофантазируйте и представьте следующее действо.

А лучше, попробуйте на досуге удержаться на постоянно

вибрирующем и хаотично дергающемся краю пропасти открытого проема вагонной двери, да еще со спущенными ниже колен штанами, на приличной скорости поезда и под задорный свист встречного ветра?! Это что-то! Впечатлений «выше крыши»! Главное — чтобы в этот ответственный момент, навстречу не попался другой поезд!

Во-первых — перепугаешься до полусмерти, а во-вторых — образовавшимся завихрением воздушного потока между двумя поездами, несущимися навстречу рядом друг с другом, в открытую дверь теплушки обязательно задует продукты жизнедеятельности твоего организма, с которыми только что стремился безуспешно расстаться. А это уже «не есть хорошо», поверьте на слово.

Вечно чадящую древнюю печку-буржуйку топили углем, который во время редких остановок шустро грузили из угольных развалов или добывали, входя в образ «жалобного попрошайки», у проводников пассажирских вагонов поездов, стоящих на параллельных путях. Приготовить на «буржуйке» горячую пищу было совсем не просто, ибо печка катастрофически быстро остывала но, тем не менее, мы старались питаться более-менее регулярно.

Во время остановок грузового состава, независимо от времени суток и погодных условий, выставлялся обязательный пост — курсант-часовой с автоматом.

Пушка — огромная длинноствольная «дура», зачехленная выцветшим брезентом, внушала уважение всем своим фундаментальным видом не только нам. На всех ж.д. станциях, поголовно все и каждый из местных жителей старался рассмотреть это чудо поближе, а ребятня норовила незаметно пробраться на платформу и заглянуть под брезент. Приходилось постоянно гонять «гражданское население», куда деваться?!

Откровенно говоря, такое внимание местных жителей, поднимало наш статус в наших же собственных глазах до заоблачных высот. Важно поглядывая на орудие, нас распирало от гордости и осознания всей важности выполняемой миссии. Мощная штукенция, ничего не скажешь, не смотря, что устаревшая. Не иначе, радикально усилятся западные рубежи нашей родины после получения такой грандиозной хренотени. Враги трепещите! Везем! Тащим!

До конечного пункта назначения ехали утомительно долго, наши вагоны то прицепляли, то отцепляли, то загоняли в отстойники и тупики. Мы уже почти три недели не мылись, форма ХБ, некогда цвета хаки, стала равномерно землистого оттенка, угольная пыль въелась в ткань очень основательно.

Подшива (сменный белый воротничок) была безнадежно черная, наши физиономии тоже были матово-черные от мелкой как мука угольной пыли и безнадежно чадящей печки. Складывалось устойчивое впечатление, что у нас четверых один общий папа, причем — негр!

Единственное, что радовало — погода. Чем дальше отъезжали от Урала, тем мягче становился климат. Ласковое солнышко посещало нас все чаще и чаще, шоколадный загар не заставил себя ждать, будет потом чем покрасоваться перед уральскими девчонками. Хотя, кого я обманываю?! Размечтался?! Это была банальная всепроникающая угольная пыль, не более того.

На редких остановках, чаще всего — ночных, вдоль нашего состава обязательно ходила пара станционных рабочих в исключительно грязной и промасленной буквально насквозь (до кожаного блеска) робе. Один монотонно постукивал молотком на длинной ручке по ступицам колесной пары, а второй, в зависимости от звонкости «эха», открывал створку колесной буксы и заливал в нее машинное масло из чайника.

Сначала, наш часовой попытался не подпустить чумазых работяг к платформе с пушкой и, передернув затвор АК-74, озвучил угрозу применения оружия — военная тайна и так далее, понимать надо! Но бригада в черных робах объяснила свой «повышенный» интерес к вагонам достаточно спокойно, прозаично и убедительно.

Оказывается, в конструкции колесных пар любого вагона применяется допотопный подшипник времен царя Гороха, который с поразительным и завидным аппетитом пожирает машинное масло в неимоверных количествах — прямопропорционально пробегу самого вагона и маслице надо периодически добавлять по мере выработки, чтобы не было перегрева всей колесной ступицы. Во как?! А кто-то сказал, что мы уже в космос летаем, а сраный подшипник для вагона изобрести не можем?! Мде, архаизм!

По мере незапланированной затяжки срока нашей командировки, начались неизбежные проблемы с продуктами питания. Хлеб и тушенка закончились неожиданно быстро, осталась одна крупа и сухари — мечта стоматолога …и вот вроде бы и все…

Так как с продуктами питания наступил фатальный дефицит, местами переходящий в полный пипец, у личного состава караула остро встал вопрос о добыче хлеба насущного, дабы не протянуть ноги и не опуститься до фактов откровенного каннибализма. Из всех нас, Витя Копыто был откровенно в выигрышном положении. Из-за своей телесной тщедушности, он напоминал банальный

суповой набор, состоящий из одних мослов и голых костей, и не представлял особого кулинарного интереса. Хотя, в качестве навара для первого блюда, почему бы и нет?!

На ближайшей станции единогласным решением всего состава караула, Витя Копыто как наиболее вызывающий жалость и сострадание у гражданского населения, был отправлен на «разведку».

Внешний вид нашего разведчика был впечатляющим — с беспросветно чумазым лицом, покрытым толстым слоем угольной и дорожной пыли, подшивой подворотничка цвета грязной земли, бесформенными сапогами неопределенной расцветки, окислившейся бляхой поясного ремня равномерно зеленого цвета, а также, некогда желтыми волосами, которые давно свалялись в грязные сосульки и торчали из под пилотки модными сейчас «дредами», выпирающими костями и громыхающий мослами — короче, полная жуть, а не воин или именно то, что надо!

На маленькой и ухоженно-симпатичной глубоко провинциальной станции, Витя с горящими от голода глазами приблизился к бабулькам, сидящим рядком вдоль перрона и торгующих жареными курочками, огурчиками, творогом, сметанкой, семечками и в процессе выяснения приемлемой цены на продуктовое изобилие, пробил поголовно всех старушек на элементарную жалость и острый приступ сострадания. Типа — едем на Запад, гаубицу секретную везем на границу. Обстановка в мире неспокойная! Но не волнуйтесь бабоньки, не посрамим, отстоим, все как один и все такое…

В результате, курсант Копыто вернулся к вагону в окружении многочисленной группы старушек, которые помогали ему нести кучу всего съедобного исключительной вкусности и, причем абсолютно бесплатно.

Когда наш состав тронулся в путь, сердобольные старушки продолжали насильно впихивать нам в руки незатейливую снедь домашнего приготовления — пирожки с различной начинкой, творог, вареную картошечку, посыпанную мелконарезанным укропчиком, а затем, не сговариваясь, выстроились на ж.д. платформе в идеальную шеренгу и еще долго махали нам вслед своими платочками, вытирая обильные слезы, периодически причитая.

— Эх, лишь бы не было войны! Берегите себя, ребята… совсем еще дети…

Очевидно, эти бабушки вспомнили, как когда-то очень давно провожали своих «соколиков» на жестокую войну.

У всех ребят от такой трогательной картины тоже защемило где-то глубоко в груди и предательски защипало в глазах. Что ни

говори, а поколение, которое пережило кровавую войну, питает к «человеку с ружьем» какую-то особую нежность!

Курсант Копыто опасно висел в проеме распахнутой настежь двери, вглядываясь в добрые лица старушек, остающихся на убегающей «вдаль» станции и отчаянно долго махал пилоткой, зажатой в грязной кулаке.

Уже давно осталась позади гостеприимная уютная станция с добрыми бабульками, и скрылись за изогнувшимся дугой горизонтом сама платформа с маленькими фигурками наших благодетельниц, а Витя все висел и висел на поручнях вагона, старательно вглядываясь в неумолимо удаляющийся вид провинциального городишка (даже названия не помню, а жаль).

Когда он, наконец, вернулся в вагон, мы заметили, что по Витькиным прокопченным щекам пробежали две крупные слезинки, оставляя после себя следы в виде относительно чистых дорожек.

Все ребята дружно сделали вид, что не заметили этого, т. к. у каждого из нас к горлу подкатил необъяснимый комок, говорить ничего не хотелось. Одно было предельно понятно — эти старушки видели настоящую войну, пережили пронзительный момент расставания «навсегда», познали горечь утраты близких и любимых, и наше неожиданное появление однозначно всколыхнуло их добрые сердца, захлестнуло волной щемящих воспоминаний и наполнило трепетными переживаниями.

— Эх, лишь бы не было войны…

Еще долго данная фраза отдавалась стуком вагонных колес в наших ушах. Спасибо Вам, бабушки!

Пару дней мы питались относительно сытно, но любые запасы, даже самые обильные и вкусные, имеют нехорошее качество — заканчиваться.

Очередная узловая станция, безликая и неприметная — одна из череды многих. Стоим ночью, зябко, сыро, промозгло, в воздухе висит ощущение скорого дождя. Часовой Лелик Пономарев кутается в шинель и постоянно дышит на застывшие руки, пытаясь хоть как-то согреться, но все равно парня откровенно знобит. Подходит «древний» старлей — комендант ж.д. станции, посмотрел на нас, на орудие, на теплушку, проверил предписание и документы на груз, спросил о запасах продуктов. Услышав откровенный неутешительный ответ, грустно вздохнул, тихо выматерился и привел меня и Витю Копыто в станционный буфет.

В буфете, полная и розовощекая мадам за прилавком, налила старлею стаканчик водочки «во здравие», а нам отпустила ящик «Буратино», 4 буханки хлеба, добрый кусок сыра, батон колбасы,

целлофановый пакет с гречневой крупой и дохлую курицу (сплошные кости, толстенная кожа в огромных пупырышках, не иначе как умерла своей смертью в глубокой старости или от хронического истощения, на «дареному коню в зубы не смотря», берем что дают). Также буфетчица насыпала в 2-литровую банку вкуснейший винегрет и выставила на прилавок 4-ре бутылки кефира, причем денег взять категорически отказалась. Спасибо Вам, добрые люди!

Едем дальше. Солнечный день, двери теплушки открыты нараспашку, варим гречневую кашу с расчлененной и мелкопорубленной курицей. В воздухе отчетливо попахивает горелым. Не хотелось бы испоганить дефицитный харч, поэтому стараемся разобраться в источнике и причинах возникновения характерного запаха.

Старательно и качественно обнюхали весь вагон, не у нас горит. Точно! Но горит ведь! И где?!

И вдруг Лелик, ухватившись одной рукой за металлическую скобу, высунулся из вагона и, вглядываясь по ходу движения поезда, прокричал.

— Парни, вагон впереди дымится!

Мы дружно повисли в проеме теплушки. Да, точно, буквально через один вагон впереди нашей платформы с пушкой, из-под днища вагона шел приличный черный дым, который уверенно набирал объем и плотность.

Сержант Гнедовский задумчиво заузил глаза и сплюнул в проем открытой двери.

— Букса, похоже, горит!

Действительно, складывалось впечатление, что подшипник в ступице колесной пары разрушился или его банально заклинило, а масло в буксе от повышенной температуры начало активно разлагаться или гореть. У локомотива «дури» — мощности выше крыши и он знай себе тащит состав длиной почти с километр, не меньше, особо не напрягаясь и не замечая такой мелочи, как дымящийся вагончик.

— Что будем делать?!

— Машинист увидит, остановится и потушит, а мы поможем!

— Что-то он не очень то и видит! И останавливаться тоже совсем не собирается?! И тушить, как бы тоже не сильно торопится, не находите, парни?! А сейчас все как разгорится, а до паровоза гораздо дальше, чем до нас… Факт!

— Надо подать сигнал…

— Надо…

— Давайте полотенцами махать!

— Давайте!

Схватив армейские вафельные полотенца далеко не первой свежести, и совсем уже далеко не белые, как в начале нашего затянувшего путешествия, мы, открыв обе двери теплушки, опасно высунулись из вагона по разные стороны и, рискуя вывалится на полном ходу, начали активно махать, свистеть и громко орать. Бесполезно! Локомотивная бригада нас не слышала! Совсем! Абсолютно не слышала! Оно и понятно, состав был очень длинный.

Замучавшись висеть на сквозняке и наглотавшись до «першения» в горле, набирающего силу дыма, мы увидели слабые огоньки пламени в районе колесной буксы. Вообще складывалось впечатление, что она уже успела раскалиться до красна.

Валера Гнедовский, задумчиво побегав по замкнутому пространству теплушки от стенки к стенке, решительно сказал.

— Выбора нет, будем стрелять!

Витя Копыто изумленно выпучил глаза и, оглядевшись по сторонам, спросил.

— Я готов! В кого?!

— Надо бы в тебя, конечно! Случай — самый походящий от такого дурака избавится, но пока — в воздух, к сожалению!

Валера был неисправим. Даже в такой нервозной обстановке, он умудрялся шутить. Копыто обиженно надул губы, а Гнедовский продолжил.

— Опять же, надо стрелять так, чтобы гильзы не просрать, а то потом отписываться замудохаемся. Куда дели?! Где патроны?! Почему стреляли?! Что, не было другого выхода?! Бюрократия сраная, куда деваться?! Расход боеприпасов — это строгий учет, так ведь?!

Валера взял свой автомат из пирамиды с оружием и отошел вглубь вагона. Теплушку прилично пошатывало.

— Так парни! Я стреляю, вы ловите гильзы! А Саня смотрит на реакцию машиниста и машет ему полотенцем. Приготовились!

Я привязал полотенце на ствол своего автомата и максимально высунулся «на улицу».

Гнедовский тем временем подоткнул магазин с патронами, поставил автомат АК-74 на «одиночный огонь», передернул затвор. Плотно прижав приклад к плечу, сержант произвел одиночный выстрел. Эхо выстрела в замкнутом пространстве теплушки больно ударило по ушам и оглушило всех нас (меня даже в меньшей степени — болтался на сквозняке за пределами вагона).

Лелик и Витя на перегонки — «рэксом», бросились на карачки и подхватили упавшую на пол гильзу, которая, задорно позвякивая, уверенно покатилась к «выходу» из теплушки.

— Ну, как Сань?!

— Хреново! В ушах звенит!

— Не, я о машинисте?! Высунулся?!

— Аналогично хреново! Нет, не высунулся. Вся сила звука в стенах теплушки потерялась! Одного выстрела мало!

— Понял! Всем приготовиться! Внимание! Стреляю!

Та-дадададах! Валера врубил весьма приличную очередь, гильзы весело позванивая и задорно подпрыгивая, хаотично раскатились по вибрирующему полу теплушки. Я опять повис «за бортом» вагона, отчаянно размахивая автоматом, на стволе которого болталось вафельное полотенце — черный флаг на манер пиратского «Веселого Роджера».

А по грязному полу вагончика опять ползали оглушенные выстрелами ребята, лихорадочно собирая стреляные гильзы, пока те не покинули пределы небольшой теплушки.

— Ну?!

— Ничего! Никакой реакции!

— Мде… ладно! То есть, хреново конечно! Сейчас бабки с гильзами подобьем — посчитаем, и надо будет что-то более радикальное придумывать!

Витя Копыто, высыпая собранные гильзы в пилотку Гнедовского, предложил «гениальную» мысль.

— А может, по крышам вагонов пробежимся?! Я в кино «Неуловимые мстители» видел. Ничего сложного в принципе! Прыг-прыг и ты в паровозе! Могу попробовать!

— Ты что дурак, Витя?! Над нами троллея с током! 6-ть тысяч вольт, не меньше! Да и скорости разные, сдует с крыши! Тем более, в кино каскадеры прыгали! Отставить! Не хочу потом твою бездыханную тушку с колес соскабливать. Думайте парни, похоже, эта дрянь, все сильней разгорается!

Собрав гильзы и отсоединив магазин, сержант Гнедовский начал было считать остаток и подбивать дебит с кредитом, но Витя Копыто с виноватым видом, «закатывая глаза под образа» промолвил.

— Валер, можешь не стараться, я одну гильзу упустил… Выпала! Прям, как живая, между пальцев проскочила! Но ты не беспокойся, я место запомнил! Там еще кустарник на полотне растет, найдем… сухостой такой, без листьев…обязательно найдем!

— Ты что идиот, Витя?! Как мы ее найдем?! Кустарник?! Сам ты кустарник! Сухостой! Когда найдем?! На обратном пути?! Сам ты … и руки у тебя из жопы растут! Все, теперь смысла нет, гильзы собирать! Однозначно все равно теперь все мозги через член высосут! Эх, была, не была! Обратного пути у нас нет! Пора

о своих персональных шкуренках подумать…

Гнедовский высунулся из вагона и, удерживая автомат одной рукой, дал длиннющую очередь вверх. Стреляные гильзы веером полетели на гравий железнодорожной насыпи и сразу же скрылись из вида в скудной прирельсовой растительности.

Машинист локомотива не высунулся. Становилось все грустнее, дым повалил более активно.

В это время наш ж.д. состав пошел по огромной дуге и вдалеке стал виден мощный локомотив, который уверенно тащил длиннющую связку грузовых вагонов.

— Ах, так?!

Валера разозлился! Он лег на пол теплушки и тщательно прицелился. Да-дадах! Мы увидели как вдалеке, перед самым локомотивом, от гравийной насыпи отделились легонькие облачка еле заметной пыли. Сержант влупил по прирельсовой насыпи, стараясь хоть как-то привлечь внимание паровозной бригады. Молодец, попал куда надо, облачка пыли вполне заметны! Но машиниста данное явление не заинтересовало! Совсем не заинтересовало!

— Бля, они не только глухие, но еще и слепые!

Взревел Валера Гнедовский и высадил еще одну длинную очередь. Он давил на спуск АК-74, пока не закончились патроны в магазине. Никакой реакции со стороны паровозной бригады! Никакой!

— Твою мать! Ах, так, вашу мать?! Ну, держитесь!

Гнедовский шустро сменил магазин и начал короткими очередями посылать пули в гравийную насыпь железнодорожного полотна, поднимая многочисленные фонтанчики пыли, которые поднимались перед паровозом весьма заметным облачком! Что ни говори, а наш сержант был неплохим стрелком, но ситуации это не изменило!

Безуспешно расстреляв второй магазин до последней железки, Валера в полном недоумении от происходящего, сел на полу и с надрывом в голосе произнес.

— Пипец, я уже не знаю, что дальше делать!

— Надо продолжать стрелять дальше! Ну не совсем же они глухие! На первой же остановке надо будет узнать фамилию машиниста, не Бетховен ли?!

— Парни, попробуйте Вы, может у вас получиться?! Придумал! А давайте все вместе, одновременно… залпом!

Мы вчетвером, дружно улеглись в один ряд на полу теплушки. Лелик передал свой запасной магазин Валере Гнедовскому. Тщательно выцеливая в пляшущем прицеле АК-74 полотно ж.д. дороги метров за 30–50 перед «паровозом», я

услышал команду сержанта: «Огонь».

Одновременно рявкнули четыре АК-74. Мы высадили каждый по 30-ть патронов, как вдруг «О, чудо», из форточки кабины локомотива высунулся машинист и наконец-то заметил дым, поднимающийся из-под «огнеопасного» вагона. Ура!

Скорость состава начала заметно замедляться и вскоре он совсем остановился. Мы спрыгнули на землю и, размахивая полотенцами и оружием, побежали к уверенно разгорающемуся вагону. От «паровоза» в нашу сторону бежал машинист с одним огнетушителем в руках.

Встретившись у проблемного вагона, мы начали дружно орать на машиниста, что уже почти полчаса не можем привлечь его внимание. При этом увлекшийся Витя Копыто красноречиво размахивал автоматом перед самым носом у достаточно перепуганного машиниста, который с явной опаской отслеживал траекторию движения пламегасителя на кончике ствола Копытиного АК-74. Пришлось даже отогнать не в меру активного Витю «для охраны» орудия, чтобы не нервировал представителя локомотивной бригады.

Как выяснилось, на пожар прибежал помощник машиниста, а старший в локомотивной бригаде в это время связывается по радио с ближайшей станцией, чтобы вызвать пожарную команду.

Машинист, искоса поглядывая на неожиданно разбушевавшегося курсанта Копыто, который принялся с особым показным рвением и усердием выполнять функции часового в «чистом» поле, озабоченно спросил.

— Парни, у вас на платформе с пушкой, снаряды есть?! А то давайте ее от греха подальше отцепим прямо здесь — на перегоне и саперов вызовем! Вдруг пламя на платформу перекинется, а впереди городишка районный… притащим эту хрень, а она и взорвется аккурат на станции …

— Нету, там одна железяка… по крайней мере, нам про снаряды ничего не говорили! Значит, будем считать, что нету!

Злосчастная букса тем временем уже раскалилась фактически до бела! Пом. машиниста, максимально вытянув руки и закрывая глаза, разрядил огнетушитель, который приволок с собой. Было много пара, шипения и белого дыма, но радикально ситуация не изменилась! Посмотрев на результаты «пенной атаки» железнодорожник посетовал, что больше у них огнетушителей нет и, волоча пустой баллон за собой (отчетность, куда деваться) побежал опять к паровозу, а нам посоветовал незамедлительно загружаться в теплушку, т. к. поезд сейчас опять помчится на станцию, до которой уже совсем недалеко.

Действительно, как только мы забрались в теплушку, поезд

тронулся в путь, но весь оставшийся отрезок пути, мы видели голову пом. машиниста, который постоянно торчал в форточке паровоза, наблюдая за процессом горения буксы и состоянием потенциально опасного вагона.

До станции поезд долетел достаточно быстро, и надо отдать должное, сразу же подкатила местная команда пожарных на допотопных ГАЗ-51, которые, опасливо поглядывая на платформу с огромной пушкой и на 4-х «бойцов» с оружием в руках, быстренько залили горящий вагон обычной водой. На всякий случай, команда пожарных щедро залила водицей и платформу с нашей пушкой. Типа — хуже не будет! От греха подальше! Да и хрен с ней, высохнет по дороге…

Затем шустренько подошла местная «кукушка» — станционный маневровый паровозик, подцепила нашу теплушку с платформой, а также злополучного «горелика» и отволокла в сторону от состава. Мы попытались, было возмутиться, но нас авторитетно заверили что «так надо»! И действительно, отцепив «горелого» в глубине узловой станции, после ряда прогонов «туда-сюда-обратно», наши вагоны опять пристыковали к «родному» составу.

Пока шустрая «кукушка» занималась «возвратно-поступательными» маневрами на путях, растаскивая вагоны, мы вели занимательную беседу с начальником станции с применением всего богатства русского языка, особенно его «непечатной» составляющей.

Т.к. станция достаточно маленькая и военной комендатуры здесь не было, то все спорные вопросы пришлось решать с начальником перегонного узла. Кстати, оказался на редкость вменяемый мужик. Уважаем!

Перебивая друг друга и, постоянно затыкая рот Вите Копыто вносящему нервозность и хаос, мы рассказали, что расстреляли «целую кучу патронов», пытаясь привлечь внимание «глухого машиниста» и поэтому нам позарез нужна авторитетная справка с «гербовой» печатью, что мы это сделали «не нарочно», а во благо.

Машинист, в свою очередь убедительно оправдывался, что как только услышал «страшный грохот» по всему корпусу локомотива, то сразу же высунулся в окно и, заметив дым в третьем с конца поезда вагоне, согласно инструкции остановил состав и послал своего помощника для выяснения всех обстоятельств.

В качестве аргументированного доказательства своих слов, бригадир машинистов продемонстрировал «всем желающим» характерные пулевые отверстия в боку «паровоза». Вот это уже было неожиданное и настоящее «откровение»?! Кстати,

достаточно кучно легли…

Мде… пипец, приехали! Оказывается, кто-то из нас «сдуру» попал в локомотив! Хорошо, что никого не угробили.

После таких «бронебойных» аргументов, мы посчитали за благо скоропостижно завершить данную дискуссию, снять все свои «необоснованные» претензии к «дефектам слуха» локомотивной бригады и активно восторгаясь исключительно грамотными действиями машиниста, начальника станции и пожарной команды, призвали решить все полюбовно.

Когда наконец все прения «враждующих» сторон затихли, нервная обстановка разрядилась и все фигуранты данного действия успокоилось, мы, получили необходимую справку из рук начальника станции и его клятвенное обещание (типа: «зуб даю!») сообщить в вышестоящую организацию о нашем несомненно геройском поступке. Пожав друг другу руки и заверив противоположную сторону в полной любви и солидарности, мы посчитали все возникшие разногласия исчерпанными и незамедлительно тронулись в дальнейший путь.

Кстати, пока тянулась эта бодяга с незапланированным пожаром и сомнительными маневрами в политесе и дипломатии, безнадежно сгорела гречневая каша и курица, оставленные в пылу событий на поверхности работящей «буржуйки». Бачек с пригоревшими «вусмерть» остатками дефицитных продуктов пришлось выбросить на следующем ж.д. перегоне. Блин, опять голодными остались… В который раз попили чай с "таком".

Монотонно трясясь в обрыдлой теплушке, ребята стали осторожно выяснять, кто из нас четверых мог бы оказаться таким виртуозным снайпером, что прострочил локомотив вдоль и поперек?! Вроде как бы все стрелки достаточно неплохие и на училищном полигоне откровенных ляпов никогда не допускали?!

Неожиданно Витя Копыто, наивно хлопая длинными ресницами с налетом угольной пыли, выдал следующее.

— А я сразу подумал, что надо по паровозу стрелять, раз машинисты ни на что не реагируют! Ну и высадил в него весь «рожок»! Еле попал, вагон ведь качало сильно…

При этих «страшных» словах откровенного признания, выражение его лица оставалось настолько непосредственно-трогательным, что ни у кого из нас не повернулся язык, высказать, что могло бы произойти при наихудшем раскладе и чем бы все закончилось! И что мы о нем — Вите Копыто, сейчас думаем, включая всю его родню до десятого колена и даже — домашних животных!

Мы дружно заткнулись от осознания незыблемой истины, неожиданно забытой нами в пылу «горячих» событий — Бог Витю

любил! Факт!

Действительно, посудите сами, высадив магазин из 30-ти патронов в «паровоз» с огромного расстояния, Витя никого не убил (тьфу-тьфу, не дай Бог), а всего лишь привлек внимание машиниста и фактически спас целый состав вагонов от неминуемого пожара! Герой, не иначе! Аллилуйя!

Весь остаток пути, мы искоса поглядывали на Витю, до которого похоже так и не доходила вся опасность и возможные последствия, совершенного им поступка. Что ни говори, а славяне — мудрая нация! Не даром, дурачков называют «божьими людьми»! Бог Витю любил!

И великое счастье, что наше училище перевооружили на автоматы АК-74 калибром 5,45 мм., т. к. еще не известно чем бы все закончилось, если бы под рукой у Витеньки оказался бы грозный АКМ с калибром 7,62 и «тяжелой» пулей?!

Наконец добравшись до Измаила и несказанно одурев от счастья, что все благополучно закончилось, мы сдали платформу с многострадальной пушкой куда следует. Комендант — майор этнический молдаванин, прочитав предъявленную сержантом справку начальника станции, искренне восхитился нашим «геройством». Ему весьма живописно рассказали обо всех обстоятельствах данного подвига, естественно, без «ненужных» подробностей со снайперской стрельбой по локомотиву.

Впечатленный майор решил тоже посильно принять участие в процедуре создания нашего «культа личности» и незамедлительно выдал свою «бумагу с печатью», что полностью подтверждает факт незапланированного израсходования боезапаса личным составом караула, с неизбежным отходом в невосполнимые потери, то есть — без возможности представить стреляные гильзы с целью оправдания оного расхода. Что-то так, уж больно фраза была очень замысловатая и витиеватая. Тем не менее, все равно спасибо.

Вздохнув свободней, мы смогли спокойно оглядеться вокруг. Измаил, Южная Украина, весна, тепло, красота. На Урале снег еще только начинает таять, а тут яблони цветут на каждом шагу. Обалдеть! Девчонки смугляночки черноволосые по улицам шастают. Загляденье! Эх, лепота, а мы не мылись три недели и питались абы как.

Мягкость природы наложила отпечаток и на характеры людей. Комендант оказался на удивление очень душевным человеком, не чета нашему уральскому монстру. Видя наш откровенно непрезентабельный внешний вид и плачевное состояние, майор незамедлительно предложил помывку в солдатской бане и приличное харчевание в казармах

комендатуры. Но мы, применив все возможные и невозможные чудеса дипломатии, вперемешку с неприкрытой лестью и постоянным давлением на жалость, все же выклянчили пару суток «не совсем законного» отдыха.

Договорившись с майором о нужной отметке в предписании, мы получили возможность посетить дорогую тетю нашего главного героя-снайпера, обрадовав, так сказать, ее неожиданным визитом.

Стоит отметить, что тетка Копыто оказалась очень радушной и хлебосольной хозяйкой. Зоя Николаевна проживала в частном доме и совсем не испугалась, когда перед её калиткой возникло 4-ре чумазых тела в военной форме с оружием в руках. Да еще и со словами: «Здравствуйте тетя Зоя, я — Витя Копыто, Ваш дорогой племянник, а это со мной!»

Надо отдать должное, тетя Зоя приняла нас лучше некуда! Мы спокойно и комфортно разместились в уютном доме и знатно покушали впервые за три недели нашего путешествия и наконец-то смогли отмыться от проклятой и всепроникающей угольной пыли.

Пока, наша форма, сохла после грандиозной стирки, мы сидели во дворе роскошного сада в тени беседки под виноградной лозой и смаковали замечательное «черное» вино из прошлогоднего урожая.

Наши автоматы АК-74 были надежно заперты в старинном и абсолютно не подъемном сундуке 18-го века, с углами, обитыми внушительными медными пластинами, который переходил по наследству среди женской линии клана Копыто, для хранения приданного, во как?! Грандиозный ключ от сундука, Гнедовский повесил себе на шею, для спокойствия.

Слегка захмелевший Витя авторитетно утверждал, что у них в гараже стоит точно такой же сундучина — приданое его дорогой мамы.

Прошу прощения, не могу не вернуться к вину. Оно было просто удивительным. Приготовленное из винограда сорта «изабелла», вино было абсолютно черным и не пропускало солнечный свет! А какой был вкус, и запах?! Не передать словами! Единственный недостаток — слабовато в градусах!

Тетя Зоя, выслушав, наши капризы, лукаво улыбнулась и принесла горшочек с сахаром. Взяв наши стаканы для очередного пополнения божественного напитка, она высыпала в каждый по столовой ложке сахара, налила вино до краев и размешала. Результат не заставил себя долго ждать, через полчаса, мы были «в слюни»!

Утром мы по достоинству оценили и побочные эффекты от

употребления «черного» вина — наша моча источала явный аромат «изабеллы», а фекальные массы были (прошу прощения) фиолетового цвета. Их смело можно было намазывать на хлеб вместо повидла и не стыдно подавать к столу. Запах в туалете стоял… потрясающий! Современные освежители воздуха с гламурными ароматизаорами стыдливо отдыхают!

Обратно ехали как белые люди. Муж Зои Николаевны, отвез нашу дружную и чудесно отдохнувшую команду на ж.д. вокзал на 412-м «Москвиче» где, доплатив из своего кармана необходимую сумму к положенным нам проездным документам, порадовал нас отдельным купе, в которое мы незамедлительно перетащили оружие и внушительный запас многочисленных вкусностей, приготовленных замечательной и гостеприимной тетей Виктора Копыто.

Среди сумок с разнообразными съестными припасами, тетя Зоя — добрейшей души женщина, аккуратно поставила четыре 3-литровые банки своего «фирменного черного» вина.

Наверное, не стоит все же описывать несказанное удивление пассажиров поезда, которые всем составом бегали в туалеты нашего вагона, чтобы приобщиться к прекрасному и насладиться божественным запахом «изабеллы», прочно поселившимся в туалете.

Комфортно доехав до уральского города, мы с чувством трепетной ностальгии прибыли в родное училище. Вернувшись в казарму, доложились дежурному офицеру «честь по чести» и когда старшина Игорь Мерзлов приготовился принимать патроны, сержант Гнедовский скромно, но с достоинством предъявил ему две справки — одну от начальника станции на бланке МПС СССР, а другую — от коменданта Измаила.

Мол, так и так, расстреляли все до железки, привезли кучу гильз. Не все конечно, а только те, что смогли поймать, когда они по рельсовому пути в город Измаил вдоль ж.д. полотна разлетались…в разные стороны, веером, вот.

У старшины Мерзлова, глаза налились кровью и повылазили из орбит, но он достаточно достойно проглотил данное известие о предстоящих «геморройных» проблемах в процедуре списания недостающих патронов.

Чтобы хоть как-то скрасить его бренное и беспросветное существование, а также вывести из глубокой отрешенной задумчивости, мы тайно — из рук в руки естественно, вручили ему одну 3-литровую банку «черного вина» (сэкономленную специально для этого). Старшина незамедлительно захлебнулся от восторженных слюнявых эмоций после подробного пояснения о таком необходимом ингредиенте как сахар, который следует

обязательно добавить в стаканчик и помешать тщательно ложечкой… желательно по часовой стрелке, для достижения лучшего сногсшибательно эффекта.

Какой запах стоял в ротных туалетах еще некоторое время?! Закачаешься!

А еще через месяц пришло благодарственное письмо из МПС СССР и наручные часы «Победа».

88-й

Проснулся посреди ночи от жуткой головной боли и пересохшего горла. Нос не дышит. Совсем не дышит. Это плохо… горло быстро пересыхает, даже спать невозможно. Пытаюсь высморкаться, но не получается, какое бы избыточное давление не создавал в носу, напрягая легкие. Аж, глаза выпучил от усердия, бесполезно. Чуть не лопнули, и уши заложило, а толку вообще никакого. Что за дрянь?! Свесив ноги с кровати, решил прогуляться в туалет, раз уж не спится. Может, по пути в умывальник загляну и там просморкаюсь? Хз, что-то с моей носоглоткой «не так» и мне это не нравится.

Наклонился к полу, разыскивая тапочки в тусклом свете дежурного освещения. Оп-па, резкая боль прошила лоб прямо по надбровным дугам! Мде… непонятно?! Аж, испарина выступила от неожиданной боли. Дотянуть бы до утра, а там, в медсанчасть к «Пилюлькину», пусть разбирается. Может капли какие выдаст или таблетки. Но симптомы полностью «убитого» носа откровенно не радуют. Нам нос надо беречь в исправном состоянии при любом раскладе, а то дорога в небо будет закрыта. А так мы не договаривались! Я летать хочу!

Дежурный врач, осмотрев мой нос и полазив в нем длинной палочкой с клоком ваты на конце, начал выписывать направление в госпиталь.

— Доктор, что-то серьезное?!

— Угу! Гайморит, сынок!

— Что это за дрянь такая?! Разновидность насморка, да?

— Почти… вот тебе направление в ЛОР-отделение. Через час пойдет дежурная машина в госпиталь и тебя прихватит.

— Типа, на консультацию?

— Нет, на госпитализацию. И возможно на операцию — прокол в носовых пазухах делать.

— Мне нельзя проколы в черепушке делать! Я же ВЛК (врачебно-летная комиссия) потом не пройду. Может, здесь полечимся?! А?!

— Поздно, парень, у тебя температура больше 38-ми и воспаление в лобовые пазухи продвигается. Надо срочно предпринимать радикальные меры. Чего раньше не пришел? Так и до хроники недалеко.

— Думал обычный насморк, посморкаюсь пару дней и само пройдет. Доктор, поймите…

— Все понимаю, но разговор закончен, в госпитале с ЛОРом

разговаривай. Там доктора опытные, может что-то и придумают. Следующий!

Твою мать, вот засада?! Это же надо?! Учиться в авиационном училище, мечтать о летной работе и срезаться на каком-то занюханном гайморите?! Где справедливость? Так, спокойно, не все потеряно, будем госпитального ЛОРа ломать на таблетки, порошки, капли и всевозможные примочки. Никаких операций и проколов черепа, нех мне такое сомнительное счастье.

УАЗ-452 «буханка» привезла меня в окружной госпиталь. Быстро оформился в приемном покое. Сбросил вещи в хранилище, сменив военную форму на полосатую пижаму. Бесполезно шмыгая наглухо забитым носом, побежал на прием к начальнику ЛОР-отделения.

Пока бежал по длиннющим коридорам госпиталя, репетировал проникновенную речь, попутно прикидывая в лицах и красках, как буду давить на жалость какой-нибудь очкастенькой бабульке — докторше с умным и добрым взглядом, без пяти минут пенсионерке.

— Разрешите?

Потянув дверь с табличкой «Отоларинголог», я вдруг осознал, что наивные мечты на душевное понимание со стороны милой докторши и мой трогательный напор на жалость, фактически, безнадежны. Мде…

— Заходи, голуба!

В кресле за столом сидела огромная туша свиноподобного мужика, килограмм на двести. Белый халат едва сходился на внушительном пузе живописного военврача с внешним обликом среднестатистического палача.

— Доктор, я…

— Садись в кресло, сынок, я сам все увижу.

— Мне летать надо…

— Рот закрой и хватит гундосить. Не мешай мне, я разберусь, поверь уж на слово.

— Только проколов не надо…

— Так! Кто тут врач?! Ты или я?! Ваше звание молодой человек?

— Рядовой… курсант.

— Обалдеть?! Вот наглость?! Курсант вздумал качать права в кабинете у подполковника?! Хотя, я всегда знал, что в авиации все сплошь как один, это распутные диссиденты и беспросветные разгильдяи!

Полазив у меня в носу, в ушах и в горле, подполковник, многообещающе улыбнулся и оценивающе прищурился, как людоед перед обедом.

— Носовым платком пользоваться умеешь, рядовой?

— Ну…

— Так почему не пользуешься? Наверное, втягивал в себя сопли, чтобы потом красиво сплюнуть на асфальт, так?

— Нет…

— Не ври! Все вы так делаете! Значит так, будем прокалывать пазухи, и промывать фуроцилином…

— Тащподполковник мне…

— Молчать и слушать! У тебя там, голуба сизокрылый, гной! Самый настоящий. И его много! Все носовые пазухи забиты наглухо. А дальше воспаление пойдет наверх в лобные, а там мозги. Хотя, у летунов мозга нет — научно установленный факт. Вы же все безбашенные, живете только на примитивных инстинктах и на эмоциях. Также возможны осложнения на уши. Хочешь отит получить?

— Не хочу…

— А еще возможно загнивание корней верхних зубов и прочие сомнительные удовольствия. Без зубов остаться хочешь? Да еще и глухим, да?! Глухой, беззубый, но болтаемся в небе, аки Икар?! Так?! Вот уж фиг тебе, будешь здоровый и красивый. Значит вот что, посиди в коридоре пяток минут, сейчас вызываю ассистирующего врача и медсестру. И в нашей операционной быстренько и качественно сделаем проколы в хрящах. Не бойся, это не больно! Я уже наловчился и вся процедура много времени не займет… Промоем твою гнилушку и будешь как новенький, засопишь в две дырочки как компрессор. Это я тебе гарантирую! И на земле хорошей работы навалом. Будешь в теплом штабе сидеть в мягком кресле… Что это еще за дела?!

Слушая «приговор» несговорчивого доктора, у меня неожиданно потекли непроизвольные слезы. Да-да, самые настоящие слезы. Вот ведь дела непонятные?! Не помню, когда в детстве в последний раз плакал, а тут раскис как кисейная барышня. Мечту отбирают. Мечту детства о небе! Обидно! Столько вынести, столько выстрадать и запороться на каком-то насморке?! Зачем мне все это, если небо закроют…

Док неожиданно замолчал и задумался. Затем тяжело встал из-за кресла и, сунув мне в руки марлевую салфетку, брезгливо пробурчал.

— Так, воин, ну-ка утри мокроту. Развел тут розовые сопли как, манерная девочка-старшеклассница на третьем месяце беременности… Хрен с тобой, давай пойдем иным путем, но предупреждаю, если улучшения не наступит, лично всю физиономию тебе располосую. И все хрящи в твоей черепушке выдолблю, как самый трудолюбивый дятел. Договорились?!

— Угу.

— Желудок крепкий?

— Нормальный был… вроде… до бигуса…

— Понятно. Выпишу тебе 40-к уколов бицелина. Вещь болезненная и колется по специальной программе. Дрочи жопу, летун, сидеть долго не сможешь, даже с грелкой. Хе-хе! А еще и желудок попортим радикально — флору повыжигаем, но это твой выбор. Сам решил, вот и получи … гастрит тебе обеспечен, голуба.

— Я согласен…

— Он, видите ли, согласен?! Я еще не совсем согласен. Согласен он?! Это будет пробный курс. Слезы то вытри, воин… Попутно, физиотерапия — УВЧ, КУФ и прочая электродрянь. Но мы лишь заглушим воспаление, а не вылечим его, понял?! А вот в летний отпуск, чтобы не загубить все, что мы тут наворотим, поедешь на море… ох, знахарщина средневековая, прости Господи… Итак, летом едешь на море. Слышишь меня, курсант? На море!

— Ага, на море.

— Берешь в прокат лодочку и отплываешь как можно дальше от берега. Там — подальше от берега… но тоже, смотри не увлекайся, без фанатизма, а то пограничники арестуют или в Турцию уплывешь…а на допросе скажешь, что дядя доктор научил?! Итак, далеко от берега, набирая морскую воду в ладони, втягиваешь ее в носоглотку, промывая воспаленные пазухи. Процедура очень противная, предупреждаю. Будешь и чихать, и плакать и возможно, блевать… все может быть. Но, пазухи промоешь знатно. Столько дерьма вылезет, сам удивишься. Соль, йод и прочие микроэлементы морской воды — вещь весьма пользительная. Однако не вздумай эту процедуру проводить у берега или на пляже, где все отдыхающие ссутся в море, аки в туалет общественный. У берега вода соленая исключительно от человеческой мочи, гы-гы, усек?! А то такое воспаление с моря привезешь, череп придется рассверливать и распиливать вдоль и поперек, все понял?!

— Понял.

— Фиг с тобой, иди в палату, готовься. Через час первый укол. Гы-гы, извращенец. Я давно знал, что авиаторы все как один мазохисты. Мде… Летать ему видите ли…

Пока я выходил из кабинета ЛОРа, огромный подполковник улыбаясь в усы, мурлыкал песенку.

— Бабочка крылышками бяк-бяк-бяк, а за ней воробушек прыг-прыг-прыг… Он ее голубушку, шмяк-шмяк-шмяк, да и шмыг-шмыг-шмыг…

Только устроился в палате, познакомился в соседями, как пришла симпатичная медсестричка с очаровательной улыбкой и задорной хитринкой в карих глазках. Пока я снимал пижамные штаны и блистал остроумием, мне всадили первый укол. Мама дорогая, как же больно?! А впереди еще 39-ть! Какой кошмар и тихий ужас!

Разовых шприцев тогда еще не было. Иголки тупые многоразовые, гнутые. Иголки кипятились минут по 40-к вместе со стеклянными шприцами. Сами уколы как битое стекло. Я скрипел зубами, стонал и лез на стены. Грелки и «сетки» из йода не помогали.

А еще, несомненно, незабываемо-приятная вещь, что уколы из этой серии ставились с интервалом в 6-ть часов — по четыре укола в сутки. И неважно, день это или глубокая ночь. Время, динь-динь! Пришла сестричка с ехидной улыбкой и со шприцем в руках, толкнула в плечо. Ты полусонный откинул одеяло, стянул трусы фактически на автопилоте, не приходя в сознание… а через мгновение, закусив подушку, стараешься не выть на Луну от нестерпимой боли, раздирающей твою задницу, позабыв про текущий сон и про дежурный комплимент в адрес красивой медички…

И так все 10-ть дней. Полный восторг, а куда деваться?! Иначе проколы носовых пазух и фото персональной черепушки в рентгеновских лучах — надежный шлагбаум для летной работы.

Десять дней непрерывной экзекуций наконец-то закончились и меня выписали из госпиталя с абсолютно чистым носом и со строгим напутствием — держать ноги в тепле и носить кучу носовых платков. Плюс, навсегда забыть, как втягивать воздух вовнутрь носа при любом насморке. Неважно, при сильном, слабом или просто при первых робких намеках на насморк. Только наружу и никак иначе. И на море, на море, касатик, при первой же возможности…

Вернувшись в казарму, попал на «чистый четверг» — рота пошла в баню. В предбаннике, раздевшись, слышу гомерический смех наших охламонов из 45-го классного отделения. Парни просто катаются, глядя на мою задницу. При этом отпускают шуточки далеко за гранью приличия. Вывернув тело и вытянув шею, увидел на двух «булочках» точечки — следы от уколов, которые выстроены в виде двух «восьмерок».

Понятно! Лежал в госпитале в канун 8-го марта, а медсестрички из ЛОР-отделения развлекались, передавая меня по смене. Опять же, на дворе 1988-й год… И в результате, девчонки накололи на моей заднице своеобразную татуировку в виде двух цифр «8»! Мде, одно радует, что уколы рассосутся и эти следы

исчезнут. Вот, блин, проказницы!

Тем не менее, пару месяцев меня дразнили: «88-й!» Дразнили, пока из госпиталя после воспаления легких не вернулся наш сокурсник с «татуировкой» на волосатой попке в виде забавного «солнышка». Естественно, у меня сразу же появилась достойная замена, гы-гы. Ой, девочки! Ну, шутницы!

з. ы. В текущий летний отпуск съездил в Одессу к Лешке Чернухину, который добросовестно протаскал меня по наиболее чистым пляжам города и его ближайших окрестностей, где я скрупулезно выполнил все рекомендации звероподобного ЛОРа. Выполнил в точности и со всей тщательностью.

Было противно, аж, жуть! Наревелся вдоволь, наплевался, насморкался от души, но полученный результат превзошел все ожидания. На протяжении долгих лет ни одна строгая мед. комиссия никогда не имела претензий к рентгеновскому снимку моей черепушки в целом и к носовым пазухам в частности.

з. з.ы. а на встрече с сокурсниками, нет, нет, да проскочит шутливая реплика: «88-й, гы-гы!»…

89. Спиртосодержащее

— Сань, вставай, спирт будешь?!

Нехотя разлепив веки, и хаотично цепляясь за нежные объятия Морфея, в темноте спального помещения казармы 4-й роты, я различил очаровательное личико курсанта Копыто с его фирменной лошадиной улыбкой в 32 зуба и глазами навыкат, что у лягушки-путешественницы в момент взлета.

Витя энергично тряс мою койку с такой впечатляющей амплитудой, что Петрович, спящий на верхнем ярусе, обреченно болтался под потолком казармы, отчаянно цепляясь пальцами рук и ног за панцирную сетку кровати, рискуя вылететь в открытое окно, с простыней вместо парашюта.

Воистину, если Копыто что-то делает, то делает это от всего сердца и с подкупающим энтузиазмом. Бедный Петрович! Вон как живописно раскорячился, аки морская звезда уперевшись в каркас кровати всеми своими конечностями, включая голову и мужское достоинство. А как еще иначе выжить в штормовых условиях… мде, еще немного такой деструктивной вибрации и кровать развалится или почки оторвутся.

Не переставая трясти двуярусную кровать на манер фруктового дерева в момент созревания плодов (Петрович в роли спелой груши, прошу любить и жаловать) Витя еще и шептал?!

Как шептал курсант Копыто — это отдельная песня. От его «шепота» проснулись не только все 144 курсанта нашей доблестной роты, но и соседи снизу — 5-я рота и соседи сверху — 16-я, могу поспорить. Ибо шепот Витеньки весьма сильно смахивал на душераздирающий рев сирены оружейной комнаты в момент тревоги.

— Сань, я спирт надыбал! Пить будешь? — восторженно орал Витя Копыто, брызгая в мое лицо своей липкой слюной.

— Твою …дивизию, Витя, заткнись, сделай милость! Дай поспать!

С соседней койки спустил ноги на пол угрюмый Лелик Пономарев. В свете дежурного освещения спального помещения было заметно, что киевлянин явно не в духах. Оно и понятно, сон в военном училище — страшный дефицит. Громада Лелик подошел к Вите и, рывком оторвав его руку от моей кровати, раздраженно прошипел.

— Тсссс! Витя, даже у стен есть уши, придурок. Еще солнце не взойдет, а ты уже будешь лежать на столе в кабинете у Пиночета, раскорячив ноги в самой неудобной позиции. А там в

свете горбачевской борьбы с пьянством и алкоголизмом сам понимаешь… педсовет и в армейку, дебила кусок. Причем, бОльшая половина… Спиртяшка откуда?!

— Тсссс! Витя, даже у стен есть уши, придурок. Еще солнце не взойдет, а ты уже будешь лежать на столе в кабинете у Пиночета, раскорячив ноги в самой неудобной позиции. А там в свете горбачевской борьбы с пьянством и алкоголизмом сам понимаешь… педсовет и в армейку, дебила кусок. Причем, бОльшая половина… Спиртяшка откуда?!

Витя сначала сделал вид, что разделяет опасения курсанта Пономарева, а потом сделал вид, что радикально понизил громкость голоса и самозабвенно забубнил, заглушая самого себя.

— Из самохода возвращаюсь от Маринки, а вдоль забора на ж.д. путях состав стоит., наверное на разгрузку на «Сортировочную» подают. Ну, я же не полезу под вагоны, ХБшку пачкать и все такое… и вдруг поезд поедет, задавит еще?! Полез через платформу, а на ней бочки стоят, с огромными надписями по бокам «Спирт какой-то там» и «Яд». Гы-гы! Прикиньте?! Типа слово «яд» = «спирт»?! Совсем Горбатый страну замордовал, придурок. А у меня в зобу дыханье сперло и под ложечкой екнуло от такой удачи. Я флягу свою с пояса снял (Пиночет в целях борьбы с «дизелем» обязал всех курсантов постоянно носить личные фляги с водой) и ножиком перочинным крышку с бочки сковырнул. Понюхал! Спирт! Аж в нос шибануло! Давай бочку набок заваливать… а она тяжелая, литров на двести. Короче, упала та бочка набок, и потекло из горловины, прям рекой. Ну, я фляжку набрал доверху и деру оттуда, пока не поймали. Вот! Классный спирт! Яблочный!

— Почему яблочный?

— А когда бочку открыл, яблоками запахло. Аромат сногсшибательный, аж слюнки потекли!

— Спирт не может быть яблочным. Он виноградный …для коньяка или пшеничный для водки или технический — из опилок. Гидролизный, во! В школе на химии изучали.

— Мамка самогон из яблок делает, значит, может быть и яблочный. Этот яблоками пахнет. Надо водой разбавить, а то так тяжело пить. И закусить нечем!

Лелик взял флягу из руки Виктора и несколько раз понюхал.

— Витя, ты уже пил?

— Нет! Все для вас, ребята! О друзьях же радею…

Огромный киевлянин молча двинулся из спального помещения, Витя громыхая сапогами (по 6-ть подковок на каждом, пижон) поспешил следом. Я решил не отставать от ребят и, укутавшись одеялом на манер пончо, двинулся в коридор.

Первая мысль, посетившая мой сонный мозг — Лелик идет в умывальник, чтобы глотнуть халявного спиртика и запить его водой из под крана.

Но курсант Пономарев прошел мимо умывальника и свернул в туалет, где особо не задумываясь и не колеблясь, вылил содержимое фляги в крайнее очко. Видя такое немыслимое зрелище, оскорбленный в лучших чувствах Витя истошно взревел.

— Ты… что ж… делаешь?! Сссссцццуууууккккккк… аааааааааа…

Лелька одной рукой зажал Витьке рот и мощным рывком прислонил его костлявую тушку к стене.

— Точно не пил?

Лишенный возможности даже пискнуть (а мне спросонья показалось, что Витя безвольно висит в воздухе, а его сапоги не достают до мраморного пола даже кончиками носков), Копыто выпучил глаза, всем своим видом показывая, что не пил.

Лелька отпустил Витю на пол и сунул ему в руки пустую флягу.

— Метил!

— Что?

— Метиловый спирт пахнет яблоками! Что на бочках было написано?! Какой спирт?! Метиловый или этиловый!?

Витя недоуменно похлопал глазенками и обиженно вытянул свои мясистые губы в трубочку.

— А какая разница? Спирт, он и в Африке спирт…

И тут Лелика прорвало, он заговорил резко и отрывисто.

— Кретин, твою… потравить нас решил, идиот!

Но, будучи по природе очень сильным человеком, а значит и непомерно добрым, курсант Пономарев мгновенно успокоился, и его речь постепенно вошла в привычный ритм и мелодичность.

— Этиловый спирт — единственный из бесконечной цепочки спиртов, который усваивается живым организмом и не является для него смертельным ядом! Тот же метиловый спирт — страшнейшая отрава! 50 мл. гр. — слепота, 100 — смерть, причем без вариантов! Примерно тоже самое можно сказать и о бутиле, пентиле и т. д. и т. п.

По утверждению разных умников, проводивших многочисленные опыты над живыми существами, именно этиловый спирт воспроизводится клетками организма, потому как участвует в роли растворителя в процессе выделения кислорода из воздуха, в человеческих легких и передачи его (кислорода в смысле) в кровь для последующего разноса к различным органам.

То есть, вся гениальность этого эпохального открытия

состоит в том, что раскрыт механизм воздействия спиртосодержащих жидкостей на организм здорового человека. Махнул испытуемый экземпляр рюмашку-другую, и концентрация спиртяшки в его крови резко возросла. А, следовательно, и количество кислорода, добытого в альвеолах легких, так же значительно возросло. И побежала кровушка, насыщенная кислородам по его венам и капиллярам, питая всевозможные органы живительным О2 и форсируя метаболизм в клетках. И испытал данный человечище необычайный подъем внутренних сил и жизненную энергию! Мол, ух, какой я сильный?! Горы свернуть готов! И опять за рюмашечку. А там уже обалдевший от избытка «внешнего» спирта мозг дает экстренную команду всем клеткам организма на аварийное прекращение выработки «собственного» спирта.

А на фига он действительно нужен, если извне его заливается немеренно, даже печень не успевает его разлагать и в почки отработку выбрасывать. Много спирта в организме плещется, ой много! Не нужно столько! И организм идет в разнос! На подвиги тянет и все такое…

А на утро картина прямо скажу, неприглядная! «Внешнего» спирта НЕТ! Кончилась пьянка! Новый еще не заливался в хавальник, т. к. хозяин пока еще не опохмелился, а воспроизводство «внутреннего» спирта заблокировано офигевшим от «вчерашней гулянки» мозгом. А питать органы кислородом надо?! А его то и недостаточно! Нету кислорода в тканях! Тю-тю! Легкие засасывают воздух из атмосферы, альвеолы его подержат-подержат, а растворителя в виде этилового спиртика в организме не хватает! Беда, прямо!

На лицо прогрессирующее кислородное голодание — гипоксия по научному!

Хреновато по утрам организму после обильной пьян… пардон, научного эксперимента по определению роли спиртосодержащих смесей в метаболизме клеток. Вот и мается наш персонаж по утрам похмельным синдромом — подташнивает, голова кружится, во рту, будто стадо кошек переночевало, мешки под глазами, рожа опухшая, кожа синюшного оттенка (оно и понятно — банальное удушье при дефиците кислорода). Беда, ой беда!

Что делать?! А два пути, Витенька — залить порцию спиртяшки извне и дать организму возможность добывать кислород из воздуха НЕМЕДЛЕННО. Или продолжать медленно умирать, и мучится, пока организм не обратится к парализованному мозгу с требованием выдать немедленную команду клеткам на выработку СОБСТВЕННОГО спирта, что …

ближе к вечеру и будет непременно сделано. Мозг — вещество серое и достаточно инертное, поймите правильно! Тем более, по утрам подтормаживает! Особливо после пьянок. Но не в этом суть, а в том, что кроме ЭТИЛА, все остальное — ЯД! ЯД и СМЕРТЬ! Ты понял, дубина пилопедрищенская…

Честно говоря, Лелька и выдал?! Шутки шутками, а киевлянин только что продемонстрировал охреннно-глубочайшие познания в области спирта и его разновидностей. Обалдеть! Не знаю как Витя, а я был потрясен услышанным. Как будто на лекции в химико-технологическом или медицинском институте побывали.

Ошалевший от обилия «умной информации» Витя, недоверчиво пробурчал.

— А ты откуда все это знаешь?!

Неожиданно помрачневший Лелик понижая громкость голоса, заговорил почти неслышно.

— От деда… Немцы, зная слабость русских к спиртосодержащим смесям, частенько оставляли метиловый спирт целыми цистернами и с огромными надписями на борту: «Спирт». А наши солдаты, дорвавшись до халявки, жрали отраву прямо здесь же и подыхали …целыми ротами…

— Да ладно, дед же твой тоже выпил, наверное, и ничего…

— Выпил… чуть-чуть… потому и живой остался, но очки носил… толще телескопа… про все разновидности спиртов что можно выучил фактически наизусть и талдычил, как заведенный, что метил пахнет яблоком… Все, лекбез закончен, пошли спать…

90. Экскурсия в Дисбат

45-е классное отделение заступило в гарнизонный караул. Начкар лейтенант Зайчик после беседы с комендантом вызвал Лелика Пономарева и меня на незапланированный инструктаж.

— Парни, придется поработать конвойными.

Мы с Леликом недоуменно переглянулись. Выводными работали, часовыми в карауле были уже столько раз, что и не сосчитать, на калитке во дворе гауптвахте стояли, шлагбаум в комендатуре подпирали, тюремные палаты в окружном госпитале охраняли, в выездной караул сопровождения крупногабаритных грузов ездили, в гарнизонном суде в качестве усиления охраны торчали… А вот конвойными бывать еще не приходилось?!

— Короче, курсанта училища РВСН (ракетных войск стратегического назначения) гарнизонный суд приговорил к одному году дисциплинарного батальона за драку с телесными повреждениями — сокурснику нос сломал, дурачок… Надо его сопроводить с дисбат для отбытия установленного срока наказания. Комендант затребовал двоих ребят, чтоб покрепче … для конвоя. Сейчас дадут дежурную машину, и с вами поедет местный прапорщик с документами на сидельца. Все просто до безобразия. Комендантский прапорщик — старший машины и вам начальник на текущую поездку. Вы сажаете бывшего курсанта в кузов грузовика возле кабины и обеспечиваете его конвоирование. Один из вас садится у противоположного борта, напротив осужденного, и не спускает с него глаз. Второй занимает место у заднего борта машины. Второй садится так, чтобы контролировать и осужденного и первого конвойного. Он же отвечает за выход из машины и подстраховывает, чтобы осужденный не набросился на первого конвойного с целью завладеть оружием или совершить побег… Все понятно?

— Тащлейтенант, наверное, парень все же не полный кретин, чтобы к одному году дисбата еще пяток приплюсовывать за побег и все такое… Тем более, дисциплинарный батальон — это не тюрьма. Санаторий, фактически… та же армейка, но с решетками и Уставщиной день и ночь.

— Ага, санаторий, как же?! Казематы и решетки — везде казематы… темница… она темница и есть! Вопросов нет?! Вот и ладненько. Получайте оружие, сейчас поедете.

Взяли из пирамиды свои АК-74, вышли во двор гауптвахты, ждем. Вскоре подкатил армейский вездеход ГАЗ-66 «шишига», из кабины вылез молодой прапорщик, чуть старше нас. Из камеры

вывели осужденного. Обычный парень такой же, как и мы. Бывший курсант-ракетчик явно бравирует и натужно рисуется, стараясь показать, что ему уже все пох и совсем не страшно. Типа, срок уже бежит, часы тикают, а дисбат тем и хорош, что судимость в документах не фиксируется. Отсидел и опять чистенький. Красота и никаких темных пятен в безупречной биографии.

Из вещей у осужденного ракетчика только тощий вещмешок с небогатым скарбом служивого. Нищему собраться — только подпоясаться. Шинелка курсантская из темного сукна, но уже без погон и без знаков отличия.

Взгромоздились в кузов «шишиги», едем. Я сел у кабины напротив осужденного, Лелик подпирает внешний борт, попутно посылая ослепительные улыбки и томные взгляды всем красивым девчонкам, прогуливающимся по улочкам уральского города. Машину ощутимо потряхивает, в кузове сквозняк, т. к. брезентовый тент уже штопанный перештопанный. Достаточно прохладно, осень, мы с Леликом подняли воротники шинелей — вольность, Общевоинскими Уставами не допустимая, но пока никто не видит, прокатит. Осужденный тоже поднял воротник шинели и опустил клапана у шапки. Естественно делаю вид, что так и надо. Мы же люди, а не звери. Всем одинаково холодно, и конвою и сидельцу…

— Курить можно?!

— Кури, пока едем. Если остановимся, бычок в дырку в брезенте выброс, чтобы прапор не засек, нам проблемы не нужны.

— Не вопрос, пацаны, своих не подвожу…

— Ага, верю, то-то своему нос сломал.

— Да какой там свой? Это стукачок курсовой был, а я не сдержался… Он рапорт подал… официальный. Ну и понеслось…

— Стукачки обычно мстят иначе… тихо и без рекламы — неофициально и чужими руками.

— А вот в моем случае был образцово-показательный суд и нате вам — отчисление и срок! Один год! А, фиг с ним… год быстро пролетит. Жаль, что со второго курса отчислили, диплом не получу …и золотые погоны тоже ёкнулись. Хотя, в принципе, отсижу свое, может еще восстановлюсь в родном училище с потерей года?! Судимость в дисбате ведь не считается?

— Вроде как?!

Едем, ракетчик курит не переставая, следующую сигарету прикуривает от предыдущей, и травит анекдоты один за одним… Заметно, что нервничает.

«Шишигу» трясет все сильнее, уже едем за городом по

разбитому до неприличия асфальту. Чтобы не вылететь из кузова на очередной колдобине приходится одной рукой держаться за скамейку, другой постоянно придерживать летающий автомат АК-74. Надрывно ревет движок машины, и ощутимо гудят мосты, а солдатик-водила давит на гашетку со всей дури, выжимая из вездехода ГАЗ-66 предельную скорость. Слева и справа по обочинам узкой дороги мелькает стена из корабельных сосен. Красота неимоверная. Армейский грузовик на фоне лесных исполинов кажется детской игрушкой, а люди — крошечными лилипутами или жалкими муравьишками. А какой воздух в сосновом лесу?! Пахнет смолой и …

Бац, визг тормозов и «шишига» резко встала. От неожиданности и под действием силы инерции, известной всем и каждому из курса физики за 5-й класс средней школы, я чуть не впечатался в борт машины, а мой АК-74 едва не вылетел из кузова. Лелик Пономарев уцепившись за скамейку двумя руками и уперевшись ногами в пол кузова, умудрился сохранить шаткое равновесие. А курсант-ракетчик, болтавший без умолку всю дорогу, прикусил язык и чуть не проглотил горящую сигарету.

Мде, что ни говори, а среднестатистический стандартный военный водитель — это нечто! Всевозможные Шумахеры и прочие лихачи-джигиты позорно отползают на обочину!

Хлопнула дверца в кабине. Подошел прапор. Стараясь не смотреть на осужденного, он тяжело вздохнул и тихо промолвил.

— Выгружайтесь. Приехали.

Попрыгали из кузова. Стоим. Осматриваемся. Рядом шлагбаум. Возле него стоит ефрейтор. Вернее, не просто ефрейтор, а образцовый ефрейтор! Отглажен, отутюжен. Коротко подстрижен. Выбрит до синевы и еще на два миллиметра под кожей. На левом рукаве шинели чисто-выстиранная и старательно-отглаженная повязка с надписью «Дневальный». Кирзовые сапоги ефрейтора начищены до зеркального блеска и кажутся лакированными.

Сам шлагбаум свежепокрашен, красно-белые полоски одинаковой ширины нанесены с точностью до миллиметра. Бордюры у дорожек побелены, стекла в здании КПП отполированы не хуже хрустальных стаканов на праздничном столе. Деревья и кустарник ровно подстрижены, травка на газоне имеет строго одинаковую высоту, нет ни одного сорняка или какого-либо неуставного растения. Урна возле крыльца КПП напоминает мраморный вазон из Эрмитажа. Везде сияет поразительная чистота, оставляя устойчивое ощущение нереального порядка и Уставной гармонии. Такое впечатление, что даже воробьи пролетают мимо нас исключительно строем,

держа равнение и синхронно взмахивая крыльями…

Завидев комендантского прапорщика, ефрейтор поправил головной убор и врубил образцовым строевым шагом, задирая ноги с идеально оттянутым носком кирзовых сапог чуть ли не выше своей головы, словно прима-балерина из Большого театра. Четко отмахивая руками, ефрейтор подошел к нам и выдал рубленно-отточенный рапорт.

— Товарищ прапорщик, дневальный по КПП ефрейтор Новичков и т. д. и т. п. Разрешите узнать цель вашего прибытия и все такое…

Мы с Леликом опять удивленно переглянулись. Многое видали, сами числились в парадном расчете училища ВВС как громилы с ростом под 190 см. На плацу не один десяток километров намотали, но такой идеальной строевой выправки никогда не видали. Мде?! Ефрейтор из Кремлевского полка что ли?! Талант, не иначе?!

Прапорщик, объяснившись с ефрейтором и коротко переговорив с кем-то по телефону, пошел к штабу дисбата с документами на осужденного, а мы остались по внешнюю сторону шлагбаума. Стоим, разминаемся, т. к. за время неблизкого пути наши персональные задницы приняли формы и сравнялись по плотности и жесткости со скамейками в кузове ГАЗ-66. Наш подопечный ракетчик тем временем подошел к ефрейтору.

— Слышь, зёма, как тут делишки, обстановка в целом и вообще?! Жить можно?! За что сам сидишь?! Давно?! Как с харчами?! Посылки из дома можно получать?

Ефрейтор, чуть прищурив глаза, неожиданно резко врубил с правой руки в челюсть бывшему курсанту, стирая с его лица заискивающую улыбку… А пока тот падал, запрокинув голову назад, дневальный по КПП идеально чищенным сапогом добавил еще и в живот, чуть выше паха.

— Ты как обращаешься к ефрейтору, сука?! Ась?! Устава не знаешь?

Мы с Леликом слегка обалдели от такого расклада событий. Лично я стоял недвижимым столбом в полном ступоре, недоуменно хлопая наивными глазенками и раззявив рот от несказанного удивления. Ибо ожидал увидеть в дисбате чего угодно, но только не это.

Т.к. Пономарев до училища был боксером и весьма успешным, то среагировал на происходящее гораздо быстрее меня. Киевлянин рывком сорвал автомат с плеча и, сняв его с предохранителя, взялся оттягивать затворную раму. Но ефрейтор, спокойно одернул свою шинель, разглаживая образовавшиеся складки, мягко промолвил.

— Спокойно, товарищи курсанты! Ваша власть по ту сторону шлагбаума. А тут дисциплинарный батальон. И я здесь — «товарищ ефрейтор», а не какой-то там «сраный зёма». Понятно?! Все в строгом соответствии с требованиями Строевого Устава. Военнослужащие обязаны обращаться друг к другу исключительно по воинскому званию. Не дергайтесь, господа будущие офицеры, здесь свои порядки… Попадете сюда, все сами узнаете и прочувствуете…

Мы с Леликом, осознав разумность и весомость слов дневального по КПП, инстинктивно сплюнули через левое плечо.

— Тьфу-тьфу-тьфу, упаси Господи прочувствовать на себе здешние порядки… Санаторий, етить твою мать!

Вскоре вернулся наш прапор с местным прапорщиком. Комендантский прапор молча посмотрел на помятую физиономию осужденного, испуганный взгляд и запачканную форму. Укоризненно покачал головой, но ничего не сказал ефрейтору, который в очередной раз молодцевато вскинул руку в воинском приветствии, и снова резанув идеальным строевым шагом, громко и внятно проорал рапорт дисбатовскому прапору о положении дел на КПП.

Дисбатовский прапорщик, внимательно оглядев бывшего курсанта-ракетчика, который стоял словно нашкодивший школьник, понурив голову и нервно теребил в руках лямки своего вещмешка, неожиданно рявкнул.

— Почему не приветствуем старшего по воинскому званию?!

Рявкнул настолько громко и сочно, что мы с Леликом непроизвольно вздрогнули, а я чуть не выронил автомат из рук. Хорошо еще, что от этого леденящего душу рыка, мое персональное очко инстинктивно сжалось от животного ужаса, и я не наложил в галифе. Шутки шутками, но так угрожающе реветь нормальный человек, наверное, все же не может. …ммммммм… это было похоже на рык предельно раздраженного льва или на угрожающий рев огромного бурого медведя, не иначе.

Осужденный курсант испуганно вскинул правую руку в воинском приветствии и начал, глотая слова и жалко заикаясь, скомкано и нечленораздельно бубнить рапорт. Дисбатовский прапор брезгливо скривился и многообещающе улыбнулся.

— Понятно… Ничего, сынок, здесь тебя быстро научат жить по Уставу и Родину любить. И рапорт научишься докладывать без запинки. И строевым шагом ходить. Пойдем, сиделец…

Бывший курсант-ракетчик закинул вещмешок на плечо и, понурив голову, поплелся вслед за прапорщиком.

— Прощайте, ребята…

Мде…, задора в его поведении явно поубавилось, вон как

плечи и нос повесил. Взгляд от земли не отрывает.

Мы с Леликом шустро запрыгнули в кузов «шишиги» с единственным желанием как можно быстрее убраться отсюда, т. к. впечатления от увиденного были весьма отвратные.

На обратном пути нам попалась колонна военнослужащих, которые были без знаков отличия и без погон. Этакая толпа военнопленных из черно-белой кинохроники времен Великой Отечественной войны. «Пленные» шли четким строевым шагом, синхронно задирая ноги чуть ли не до уровня бровей. Шли, чеканя шаг и впечатывая подошвы своих идеально-начищенных сапог в асфальт. Шли с отточенной отмашкой рук и громко орали строевую песню. При этом, даже не пытаясь повернуть голову или хотя бы скосить глаза, чтобы украдкой бросить взгляд в нашу сторону. Во как?! Шли, словно затравленные роботы! Шли с механическими движениями и полным отсутствием каких-либо эмоций на лицах. И только затравленные глаза выдавали их реальное душевное состояние.

А по периметру данного строя, устало брели обычные солдаты с автоматами на перевес. Некоторые солдаты вели злобных псов, которые тянули прочные поводки из парашютных строп и громко лаяли с пеной у рта на «солдат» внутри строя …на тех, кто шагал в шинелях без знаков отличия.

Не сговариваясь, мы в очередной раз переглянулись в Леликом. На душе было откровенно погано. Тьфу-тьфу, упаси Господи от такой дурости и опрометчивого шага, чтобы в результате этого оказаться в подобном строю. В строю …среди чеканящих шаг, без знаков различия …с затравленным взглядом…

Мде…, а ведь когда-то все эти парни — мои ровесники или чуть старше, были обычными военнослужащими. Считали дни до дембеля, получали письма из дома, от любимой девушки, мечтали о жизни на гражданке… но, им этого оказалось недостаточно, и кто-то из них стал жестоким «дедушкой», кто-то украл и пропил казенное имущество, кто-то самовольно оставил свою воинскую часть и подался в бега, кто-то натворил еще что-то противозаконное, мало ли… Неужели сиюминутная выгода, соблазн или персональная дурость соизмерима с последующим наказанием?

Эх, если бы в дисбат обязательные экскурсии для всех новобранцев проводили? Уверен, что этот строй в окружении солдат с оружием и злобных собак был бы гораздо меньше.

А сейчас над этим многочисленным строем, шагающих полулюдей-полуроботов неслась песня.

Россия — любимая земля!
Россия — березки, тополя!
Как дорога ты для солдата!
Родная, русская земля…

91. Перекур

— Парни, 5 минут перекур!

Сержант Валера Гнедовский вытер пот со своего лба рукавом грязной телогрейки и, на ходу снимая мокрые брезентовые рукавицы, двинулся к выходу из овощехранилища. Следом за своим кумиром (см. «Спорт и приметы») заковылял вездесущий Витя Копыто, комично выписывая кривыми ногами немыслимые крендебубели. На выходе из бокса, желая угодить уставшему Валерке и взбодрить остальных ребят, Витя бросил через плечо «дежурную шутку».

— Кто не курит, тот продолжает работать! Гыгыгыгы!

«Ага! Сейчас! Только упор лежа приму, чтобы разгон был получше! Как же?! Размечтался!» В военном училище любая возможность «перевести дух» и просто посидеть без движения, вытянув ноги, использовалась мгновенно, причем, под любым предлогом. Перекур?! Говно вопрос! Перекурим! Все, даже никогда некурящие.

Курсанты нашего 45-го классного отделения, привлеченные на переборку капусты в училищном овощехранилище, побросав кочаны на том месте, где нас застала долгожданная команда сержанта на отдых, лениво потянулись к выходу из влажного полуподвального помещения, используя даже кратковременную возможность покинуть мрачные казематы с кисло-дурманящем запахом разлагающихся овощей.

Курить?! Так курить! Главное, чтобы свои персональные легкие провентилировать от спертого и влажного воздуха, которому более подошло бы название: «зловонный смрад». Бля, слов нет, вот на хрена выращивать богатый урожай овощей, чтобы потом его почти 100-процентно бездарно сгноить в убогих и непроветриваемых хранилищах с вечно текущей крышей! И что за смутное удовольствие — перебирать склизкую и заплесневелую капусту, чтобы выбросить больше половины всех запасов на легендарную училищную свалку?! Непонятно! Не проще ли банальный ремонт крыши сделать и провести в помещение хотя бы символическую вентиляцию?! Короче, бесконечный патологический идиотизм, помноженный на банальную бесхозяйственность. А курсантов потом кормят всю бессовестно-длиннющую уральскую зиму отвратным бигусом, брррррр! (см. «Бигус»)

Курсанты, одетые в древние и вонючие телогрейки, перемазанные склизкой плесенью, скучковались в тесный кружок

у входа в мрачное овощехранилище с махровым грибком на некогда крашенных стенах и пустили по рукам початую пачку «общественных» сигарет «Ява». Кому не хватило персональной сигаретки, мгновенно «падал на хвост» более удачливому соратнику, с применением стандартной фразы сродной секретному паролю тайного общества. Причем эта фраза произносилась с вопросительно-утвердительной интонацией и не подразумевала даже намека на отказ.

— Оставишь?!

— Не вопрос.

Будучи категорически и убежденно некурящим, присел на «плавающий» в луже ветхий ящик из почерневших от древности шершавых досок. Разместившись с подветренной стороны от курящих ребят, попытался с характерным скрипом и скрежетом персональных позвонков, разогнуть уставшую спину. Честно говоря, загнали нас сегодня, уморились все, перелопачивая бесконечное количество кочанов полусгнившей капусты и сортируя их по внешнему состоянию на «полный пипец» и еще «не совсем полный пипец», но в пищу нормальным людям уже фактически не годную. Но по авторитетному мнению зам. потылу полковника гАдика Скотиновича(Васильевича) сВолченко курсанты училища ВВС к нормальным людям имеют весьма относительное и отдаленно-теоретическое отношение, поэтому подобная дрянь, как сгнившая капуста им в пищу класть можно. И даже нужно! Витамины там и все такое… Сожрут соколики за милую душу, еще за ушами трещать будет! А не сожрут, так все равно на свалку выбрасывать, ибо это дерьмо даже свиньи с подсобного хозяйства употреблять отказываются — рыло воротят! А высококалорийный продукт типа «капуста белокочанная» уже по всем накладным и финансовым отчетам давно проведен и списан с баланса. А его неоспоримая витаминная ценность в пересчете на поголовье личного состава училища ВВС уже во всех отчетах в вышестоящие инстанции давно подсчитана и отослана. Все чин чинарем, никакая инспекция и ревизия не подкопается!

Восседая на удобном ящике на краю огромной лужи я обратил внимание, что Лелик Пономарев вальяжно потянулся всем телом и глубоко затянувших сигаретой, выпустил замысловатый клубок дыма одновременно из ноздрей и уголков рта, создавая витиеватый образ в виде «дракончика». Томно закрыв глаза, киевлянин не выпуская сигарету изо рта, блаженно улыбался каким-то своим мыслям, явно никак не связанным с текущей работой в отвратном овощехранилище. Со стороны было отчетливо заметно, что Лелька «ушел в себя» и активно релаксирует…

Все парни из 45 к/о откровенно устали и молча курили, пытаясь немного расслабиться и восстановить потрепанные силы на предстоящий фронт работ необъятного масштаба. Тратить дефицитную энергию на пустой треп никому не хотелось. Но в любом правиле есть свое исключение, естественно, только незабвенному Вите Копыто было совершенно невозможно удержать свой рот в закрытом положении хотя бы на перекуре. Это ж самая страшная пытка, поймите правильно! Стоять и молчать?! Нонсенс! Оно и понятно, язык ведь у Виктора без костей и острое шило постоянно торчит в костлявой заднице. Как тут удержаться? Лично мне было бы удивительно, если бы Витя Копыто помолчал бы минут пять — наверное, у него вскипел бы мозг, и мгновенно разорвало черепушку от невиданного перенапряжения. Не иначе!

Итак. Хаотично помусолив сигарету, курсант Копыто с брезгливым видом утонченного эстета, смачно сплюнул под ноги, едва не попав себе на идеально-грязные сапоги и авторитетно заявил, тоном, не терпящем возражения.

— А табачок то — гавно! «Ява», одним словом! И вообще, лично я предпочитаю сигары! И желательно кубинские…

На пустой треп знатной балалайки и дипломированного пустобреха никто из ребят не обратил никакого внимания, если бы гигант Лелик неожиданно не открыл свои глаза, черные как уголь-антрацит. Окинув «ценителя сигар» пренебрежительно-скептическим взглядом, Пономарев озвучил следующее. Причем, озвучил исключительно вежливо, ласково и с убаюкивающе-мурлыкающими нотками в бархатном голосе с почти неуловимым киевским акцентом.

— Вить, а какие именно сигары ты предпочитаешь?

— А в принципе монопенисно! Главное — чем толще, тем лучше… Как затянулся, так чтоб аж глаза повылазили от удовольствия!

Слегка усмехнувшись, Лелик затянулся сигаретой и на выдохе неторопливо продолжил.

— Драгоценный Витенька, учитывая твое пристрастие к сигарам исключительно большого диаметра, нежели к банальным сигаретам стандартной толщины, не мудрствуя лукаво, можно нарисовать твой психологический портрет, причем включая сексуальные наклонности, вкусы и прочие скрытые влечения…

Копыто старательно состряпал на своем живописном лице недоуменное выражение, вытянул мясистые губы в трубочку и отмахнувших от Лелика рукой, недоверчиво промямлил.

— Да ладно…?!

— Не веришь?! Тогда давай рассуждать логически. Посмотри

внимательно на фильтр сигареты, что у тебя в руках. Старательно посмотри. Оцени его диаметр. Помни сигарету между пальцев, покрути ее в руках, сожми губами… Ничего не напоминает?!

Витя проделал все возможные манипуляции с дымящейся сигаретой, включая надкусывание ее фильтра своими «лошадиными» зубами.

— Не а…!

— Ладно! Зайдем с другой стороны. Когда куришь, какие ощущения испытываешь? А, Витенька? И вообще, какого рожна ты сигарету себе в рот суешь? Зачем ты ее пихаешь в свой хавальник? С какой целью? Объясни, пожалуйста!

Курсант Копыто сдвинул откровено замызганную зимнюю шапку с давно свалявшимся мехом убитого Чебурашки на затылок и многозначительно наморщил дерматин на лбу, изображая бурный мыслительный процесс.

— Нуууууу… типа успокаивает, когда покуришь. Аааааа! Голод еще притупляет, вот! Или время убить надо. И вообще…

— Вот, уже теплее! А тебе не кажется, друг сердечный, что разработчики сигареты были весьма толковые ребята?! И такой диаметр сигареты выбрали совсем не случайно, а взяв за основу диаметр соска с груди среднестатистической женщины?! Не было таких ассоциаций?

Ведь каждого из нас еще из глубокого детства сопровождают ощущения голода, нервозности, неуютности… Вспомни себя маленьким! Захотел пожрать — заорал во все горло! Сразу прибежала маманька, вытащила сиську и сунула ее вместо затычки в твое безразмерное и громогласное «орало». Ты пососал вкусную титьку, поел так сказать, подкрепился, удовлетворил свои текущие потребности и заткнулся на некоторое время! Красота! А если вдруг испугался чего-то там или просто заскучал и обиделся на весь мир, то недолго думая опять «варежку» свою раззявил и давай визжать на всю улицу! Мамка на твой душераздирающий ор стремительно прилетела и опять …сиську тебе в рот! Ты почмокал, успокоился и баиньки! Разве не так?! На кряйняк в груди своей прижала, у тебя рефлекс сработал, ты «калитку» свою захлопнул и опять давай радоваться жизни. А в школьные годы на уроках перед получением законной двойки, ты упоительно совал в свой детский ротик вкусную шариковую ручку или грифельный карандаш, не так ли?!

— Так то оно так, не поспорить, но нам на занятии по тактике говорили, что макаронные, карандашные и сигаретные заводы в случае войны сразу же переходят на выпуск патронов. И поэтому у сигареты калибр 7,62 мм., вот!

— А ты не думал, любезный, что изобретатель патрона, перед

тем как встать за чертежный кульман и нарисовать гильзу, за пару часов до этого эпохального момента в своей домашней спальне пользовал законную женушку во всех приличных и неприличных позициях. Или служанку соблазнительно-безотказную, его право, не так ли?! И при этом увлекательном действии периодически и страстно накручивая ей всевозможные прелести, включая соски на груди и все такое… Никогда не ловил себя, что абсолютно непроизвольно и спонтанно крутишь в руках патрон и не можешь остановиться?! Или перед тем как закурить, мнешь пальцами сигарету и абсолютно не задумываясь, постепенно проваливаешься в нирвану, теряя ход времени?! Ась?! Короче, курсант Копыто, читайте Зигмунда Фрейда на сон грядущий, а не замусоленный «Плейбой» 12-летней давности!

— Кого читать?

— Зинаиду Федоровну Зильбершухер, епёноть! Фрейда читай, неуч!

— А сигары то причем?!

— Да все при том же, дорогой Витенька, что нормальные мужики довольствуются обычными сигаретами! И в процессе пагубного курения неосознанно тянутся к женскому соску своей матери или к груди любимой женщины. Вот я, например, сейчас с удовольствием зарылся бы в роскошных грудях гарной украинской дивчины и… эх, а вместо этого приходится тупо сосать вонючую цигарку, рискуя получить рак легких… Но суть не в этом, теперь о сигарах. Основываясь на аналогии между соском женщины и сигаретой, тот же Зигмунд Фред утверждает, что сигара в свою очередь — наглядная модель мужского полового органа! Во как?! И, следовательно, их любители и страстные почитатели — все как один, латентные педерасты…Что сигару сосать, что… сам понимаешь! Вот так…моя прелесть!

Под дружный хохот курсантских глоток, Витя Копыто, выпучив свои глаза, изумленно прошептал.

— Не может быть!

Но его жалкие оправдания и запоздалые визгливые реплики уже никто не слушал, т. к. просветительская лекция о психологии неосознанных процессов и физиологии спонтанного сексуального влечения с точки зрения Зигмунда Фрейда на процесс курения уже закончилась. А добровольный лектор на общественных началах — Лелик Пономарев эротично почмокав фильтр догорающей сигареты, опять глубоко затянулся и мечтательно закрыл свои глаза, скрывая за длинными ресницами беснующиеся искорки озорного веселья.

92. Тульские пряники

Капитан Нахрен традиционно ворвался в казарму как сверхзвуковой истребитель, далеко обгоняя грохот распахнутой двери и рокот собственных ругательств.

— Рота, строится в центральном коридоре! Бегом, тараканы беременные!

Построились. Командир роты, ехидно улыбаясь, энергично прогуливался вдоль строя курсантов.

— Так вот, дорогие мои детишечки, мундеркинды недоделанные, завтра поедите на склады НЗ, пряники перебирать. Подъем в 4 утра, завтрак в 4.30. В 5.00. на КПП придут машины и вперед… Разойдись, глаза бы мои вас не видели!

Оп-па, совсем недурно, однако. После обрыдло-мерзкого бигуса, хоть пряников нажремся от пуза… и с собой натырим, сколько унести сможем, естественно… а унести можем просто немеренно. Интересно, а что за пряники? Хорошо бы, тульские — форменные с медовой начинкой! Хотя, в принципе, и любые пойдут! Не даром говорят: «На халяву и уксус сладкий!» Наверное, склады НЗ пора подчистить, чтобы прянички, запасенные на случай войны, не намокли, не заплесневели и не загнили. Эх, вот подвезло, так подвезло!

Привезли нас в дремучий лес. Светает, попрыгали из кузова ЗиЛ-131, стоим, сонно зеваем, осматриваемся. Место живописное, прямо как из русской народной сказки. С двух сторон непроходимая тайга. Сзади узкая асфальтовая дорожка, по которой нас сюда доставили, впереди шлагбаум, КПП, охрана, медведеподобная собака на парашютной стропе …и мама, дорогая, ТАНКИ! Огромное количество танков от шлагбаума …и до горизонта …и высокие стены из деревянных ящиков… выше корабельных сосен. Мде… Нижние ящики уже почернели, вросли в землю и частично сгнили.

Пришел толстый майор с красными погонами и характерным шлейфом застарелого хронического перегара. Окутав нас облаком хмельного зловония, поставил задачу перебрать ящики сверху вниз — верхние спустить на землю и нагромоздить на них все остальные, а на самый верх — втащить почерневшие и гнилые. Мде..

Вот такие на хрен пряники, опять обманули. Хотя, чего еще ожидать? Не испытывая особого энтузиазма и трудового подъема, лезем на «великую китайскую» стену из ящиков и по живой цепочке начинаем передавать тяжеленный груз друг другу.

«Фундамент» ставим прямо в раскисшую грязь. А куда деваться?! Подложить под ящики нечего!

Ящики тяжеленные. Как говорится: «Любопытство — не порок, а двигатель прогресса!» Открываем один, а в нем огромная гильза для пушки. Снаряда нет, а горловина гильзы залита воском. В других ящиках, которые поменьше — снаряды. Вот оказывается какие пряники в Туле делают?! Очень даже неплохие и полновесные, для противника в самый раз! Кушайте на здоровье! Только не подавитесь и зубы не поломайте, дорогие наши НАТОвские «фрэнды»! Гы-гы!

Подчиняясь народной мудрости: «Пытливый ум покоя жопе не дает!», расковыряли воск у гильзы, а там порох! Но не россыпью, а типа макаронов-спагетти, темно-коричневого цвета. В гильзах более крупного калибра — порох в виде цилиндрических гранул. Ин-те-рес-но! Набиваем карманы под завязку — в хозяйстве порох завсегда сгодится. Пока не знаем для чего именно, но сгодится! Распотрошенные гильзы упаковали обратно в ящики и «похоронили» в самом «сердце» новой стены из ящиков. Захочешь вытащить — хрен откопаешь!

Когда дошла очередь до сгнивших ящиков из нижнего ряда, мы уже порядком устали. С трудом выдергивали тяжелые полусгнившие ящики из цепкой грязи и с помощью «такой-то матери» затаскивали их на самый верх.

Хрясь!!! …черный ящик с характерным треском развалился в руках у ребят, принимавших его на макушке пирамиды и, высвободившийся снаряд полетел вниз по импровизированной стене, периодически ударяясь о другие ящики… Пипец! Рванет?! …не рванет?! Мама…

Толпа курсачей замерла и затаила дыхание. Ребята напоминали персонажей детской игры: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура замри!» Пока снаряд летел к земле, все стояли недвижимыми статуями с мраморным выражением сбледнувших лиц — не вздохнуть, не перднуть! Мамочка… мама… ма…

Чвяк! Снаряд шлепнулся на землю и глубоко завяз в раскисшей почве…Уууффффф! Не рванул, …сука! А мы чуть не обосра… не обгадились, короче, аж ручонки трясутся и спинка мокрая!

Побежали за майором. Тот равнодушно посмотрел на снаряд, затем посмотрел на наши бледные мордуленции и, пнув снаряд носком давно нечищеного сапога, спокойно буркнул.

— Не ссыте, школяры, взрыватель взводится центробежной силой при выстреле из орудия в момент движения снаряда по стволу! Так что «просто так» снаряд не рванет! …если конечно не

будете кидать его в костер или бить молотком по носику! Сержант, пошли со мной одного бойца, дам молоток и гвозди, ящик восстановите и туда его…

Работали без обеда, к вечеру задрюкались и замудохались до полусмерти, до трясучки в конечностях. Обратно в училище ехали вповалку друг на друге. В кузовах грузовиков возлежала «куча мала» из бессознательных курсантских тушек. Толпа тупо спала, погрузившись, кто в анабиоз, кто в глубокий обморок, восстанавливая потрепанные силы.

Майор со складов НЗ, махая нам вслед грязным носовым платком, или куском старой портянки, заменяющей ему платок, хз, смахивал скупую слезу аки сестричка Аленушка, провожая любимого брата Иванушку. Он клятвенно обещал походатайствовать перед нашим командованием о благодарности за наш каторжный труд.

Спасибо конечно, тронуты аж по самое «немогу». Пусть в свою толстую сраку забьет эти свои благодарности, причем плашмя. Лучше бы покормил… хотя бы пряниками, но не тульскими, сука…

А потом в периметре училища ВВС началась бесконечная канонада и зрелищные полеты различных фейерверков. Это сейчас в любом магазине навалом всевозможного китайского дерьма на любой цвет и вкус, а в середине 80-х прошлого века мы все мастерили сами.

Пустой тюбик из под зубной пасты «Помарин» туго набивался порохом, а затем расчудесно летал и красочно взрывался. В дело шло все — от обрезков латунных трубок до консервных банок и стеклянных бутылок из под кефира, которые разносило в мелкую пыль. Эх, красота! В течение месяца в училище все летало, взрывалось, вспыхивало, дымилось и горело… Офицеры тихо сходили с ума и нервно вздрагивали от очередного взрыва, храбро бросаясь в развевающееся облако дыма в смутной надежде поймать сапера-любителя, но тщетно. Никого поймать не удавалось.

Эпидемия пиромании и опытов с взрывчатыми веществами постепенно и самопроизвольно сошла на «нет» по мере истощения всех запасов честно-украденного пороха… до следующей поездки на переборку «пряников», естественно…

93. Мал золотник, да дорог

Санька Полимонов был маленького роста… даже очень маленького — в районе 160 см., с нижней границы. Он был самым низкорослым курсантом в 45-м классном отделении и очень комично смотрелся на фоне «громил» ростом за 1 метр 80. Санька был самым маленьким из 144-х курсантов во всей 4-й роте. И, наверное, самым маленьким во всем 1-м учебном батальоне. А может быть даже самым-самым маленьким во всем училище ВВС… или даже во всем ВВС?!

Полимоша был достаточно субтильный юноша — щупленький с изящными ручками и размером ножки, достойным сказочной Золушки. Его сапоги были настолько малы, что складские прапора искали их не один день, перелопатив пару тысяч пар, пока не нашли 36-й размер! И ел курсант Полимонов как Дюймовочка — пару рисовых зернышек в день. И крови в его организме было мало, чуть что и в обморок! (см. «Вампиры») И сердечко у него тоже наверно было очень маленькое — пропорционально его худосочной тушке. И звали курсанта Полимонова в обиходе исключительно уменьшительно-ласкательно — Полимоша. Реже, Полимон. И отношение к нему среди курсантской братии было как к младшему братику, которого даже всерьез воспринимать не получалось! Типа: «ну чего тебе, малыш?»

Но у маленького Полимоши была большая любовь! Не просто большая, а огромная — видная уральская девчонка, которая была выше его на целую голову и еще чуть-чуть. Как говориться: «сердцу не прикажешь» и наш дорогой Полимоша был сражен наповал яркой красотой и внушительными размерами местной красавицы по имени Ирина!

Санька смотрел на предмет своего обожания снизу вверх, широко раскрыв глаза и не скрывая сопливого восторга. И все бы ничего, но смотреть на любимую девушку снизу вверх — несколько унизительно для мужского достоинства и курсант Полимонов жестоко страдал по данному поводу. Оно и понятно! Более того, так и до комплекса неполноценности недалеко… Постоянно смотреть на женщину, задрав голову?! Врагу не пожелаешь!

По вечерам, всматриваясь в прекрасное лицо своей возлюбленной на черно-белом фото, Санька тяжело вздыхал и тихо грустил. Он страшно завидовал всем высоким парням в роте, коих было подавляющее большинство и с неприкрытым

отчаянием, взывал к очередному гиганту.

— Ну зачем тебе 190 см.?! Отдал бы мне сантиметров 10! К моим 159 было бы в самый раз! Отдаааааййййй!!!

После очередного увольнения в город, второкурсник Санька Полимонов словно сошел с ума… Каждый день при посещении курсантской столовой он забегал в овощной цех и набивал морковкой свою планшетку с конспектами под самую завязку. Шутки шутками, но Сашок пожирал морковку с фантастической производительностью огромной стаи кроликов. Более того, Полимоша часами висел на турнике, привязав к пояснице тяжеленные блины от штанги. Спустя пару недель, он обратился к нам с неожиданной просьбой.

— Парни, помогите мне подрасти!

Добродушный Лелик скептически посмотрел на Полимона, жадно грызущего очередную морковку и театрально потрогал его лоб на предмет определения высокой температуры.

— Что ты еще выдумал, Сашок? Перегрелся что ли? И вообще, какой-то ты одержимый! Головушкой не ослаб?

— Ребята, я жениться хочу!

Под дружный хохот бессовестных курсантских глоток, Лелик выдает очередную тираду.

— Женись! Кто тебе не дает?! Только, чур не на мне, у меня подруга в Киеве имеется! Гарная черноокая смугляночка! Прости дорогой, но мое сердце безнадежно занято! Вон к Копыто подрули, его сердце в очередной раз разбито вдребезги, может он ответит взаимностью?! Или хотя бы приласкает!

— Вам бы все позубоскалить, а у меня трагедия! Иришка выше меня на голову…

— И что?! В постели все равны!

— Так то ж в постели?! А как вместе по улицам ходить! Она ж меня стесняться будет!

— Если стесняется, значит, не любит! Найдешь другую… В город цирк лилипутов приехал, на афише такие красотки нарисованы…

— Не хочу другую! Не хочу лилипутку! Я Ирку люблю!

— Ну, тоды, ой! Что надо то?!

— Парни, вытяните меня!

— Чего?

— Я на турнике вишу, сколько могу, но пальцы быстро устают и разгибаются! Долго тянуться не получается! Если мои руки к спинке кровати привязать, а вы будете за ноги тянуть, то я смогу вырасти… Вот, и морковку жру регулярно! Витамин «А» — витамин роста! Столько ее сточил, что уже сру одной морковкой…

— А?! Понятно… ну давай!

Личный состав 45-го классного отделения собрался в спальном помещении на бесплатное представление. Просит помочь? А почему бы и нет?! Поможем! Санькины руки крепко привязали к металлической спинке кровати вафельными полотенцами, а за его ноги взялись двое сильных парней, и процесс пошел…

Как только Лелик Пономарев и Федя Мирзалиев потянули Полимошу за ноги, он заверещал, как недорезаный поросенок. Испуганные парни ослабили хватку, но упрямец, перестав визжать от боли, потребовал продолжить процедуру вытягивания. Ну, ладно! Поехали дальше! …опять орет! И так много раз подряд! Тянешь — орет! Перестаешь тянут — требует продолжения! Цирк!

И смех и грех, но мы добросовестно тянули Саньку пару недель каждый вечер перед сном. Процеру вытягивания Полимоши стала своего рода традиционным явлением на сон грядущий. Потом нам это несколько поднадоело… Тем более мы опасались навредить здоровью нашего друга. Мали ли? Позвоночник вытягивать?! ХЗ!

В результате наших совместных усилий, вскоре у Саньки вытянулось тело, причем несколько непропорционально по отношению к конечностям. А вот ноги остались первозданно коротенькими. Получив такой несколько неожиданный результат и посовещавшись на самоподготовке, мы решили прекратить все медицинские опыты над нашим другом. А то, уродец какой-то получается!

Оставшись без поддержки, упрямый Полимоша самостоятельно продолжил регулярные висения на перекладине. Каждую свободную минутку, пока все курсанты лениво валились баиньки или бежали на перекур, Санька Полимонов прыгал на турник и тупо висел до полного умопомрачения и изнеможения, до судорог в уставших руках и онемевших пальцев… Вот до чего любовь доводит!!! Ужас!

После таких упражнений, руки у Сашки вытянулись чуть ли не ниже колен. И он стал напоминать непропорциональную обезьяну с длинными руками и туловищем, но с очень коротенькими ножками… Смех, да и только!

Справедливости ради стоит отметить, что Полимон вырос где-то на 2,5 см., чем очень гордился. Каждый вечер он становился к стене казармы, где тонким карандашом были нанесены отметки «старого» и «нового» роста. Смешно подумать, но полученные таким образом 2,5 см. «прироста» грели душу Полимона и вселяли в его сердце трепетную надежду на взаимность со стороны видной и статной Иришки.

Наступил момент истины — Полимоша, заметно волнуясь, ушел в очередное увольнение в город делать предложение своей возлюбленной…

Вернулся мрачнее тучи и на грани отчаяния. Ребята пристали с вопросами… С одной стороны, Ирина призналась в любви к Сашке, но попросила время на раздумье. И Полимошка перестал жить, есть и пить, а начал дышать через раз… Его утешали и подбадривали как могли.

— Если сразу не отказала, значит все будет хорошо! Бабцы страсть как любят над парнями поизмываться! В крови это у них! Что ни говори, а Иринка — кобыла видная, да еще и с норовом, но и ты держись! Дави фасон, ты ж — мужик какой-никакой, а это главное! Сам не звони, выжидай…

Выдержав «традиционную» паузу, Ирина все же согласилась. Полимон светился от восторга и без сомнения в тот момент был самым счастливым человеком в мире. Еще бы! Отхватил такую видную красотку!

На веселой свадьбе гуляло почти все 45-е отделение. Невеста была обворожительно красива, грациозна, стройна и чудо как хороша. Белое платье и воздушная фата подчеркивали объем и вес богатства, которое отхватил Санька Полимонов. И хотя, Иришка надела туфли на низком каблуке, все равно она была выше своего жениха на целую голову. Тем не менее, несмотря на разительную разницу в росте, ребята были откровенно счастливы! Они просто светились от радости, и это явно бросалось в глаза!

Честно говоря, на собственной свадьбе Полимоша слегка терялся на фоне своих гостей — великанов курсантов, но это такие мелочи!!! Мы всячески показывали всем и каждому что, несмотря на хлипкое телосложение, Санька Полимонов среди окружающих его громил и великанов пользуется огромным уважением и непререкаемым авторитетом. А как иначе?!

Через положенное время у Саньки и Иришки родился сынок и Полимон стал первым папашей в 4-й роте. Дабы поднять его социальный статус и личную самооценку на заоблачные высоты, все ребята нашего 45-го отделения, а потом и всей 4-й роты стали называет его исключительно: «Отец». Кличка «Полимон» постепенно сошла «на нет». «Отец!» …и все тут.

Естественно, мы дружно подыгрывали Саньке, и наше уважительное отношение было несколько показушным и театрально-картинным, но откровенно счастливый Полимоша солидно дул щеки и важно держал спину. Со стороны было очень заметно, что его прямо распирает от гордости.

Честно говоря, наше уважение к маленькому Полимоше было абсолютно искренним, т. к. никто из нас еще не имел своих детей

и мы понятия не имели, что такое быть ОТЦОМ?! А в самой последней шеренге нашей 4-й роты стоял настоящий «Отец», … маленький и щупленький, но — ОТЕЦ!

94. Дурная голова рукам покоя не дает

Промозглая осенняя ночь, 45-е классное отделение в овощном цеху курсантской столовой лениво чистит картошку на следующий день. Норма 7 ванн. Чистим тупыми ножами, которые настолько безопасны, что не только картошку, вены себе не перережешь. Тупее этих ножей, только Гоги — нац. кадр из 3-й роты (легендарная личность).

Две картофелечистящие машины уныло стоят бесполезными мертвыми железяками, …и стоят так уже лет двадцать. Сломались на второй день после установки, не иначе. Поэтому, все ручками, ручками.

Мы уже не первый курс, поэтому, хрипло бубнит магнитофон (строго запрещенная роскошь) озвучивая жалкое подобие музыки, отдаленно напоминающее «Pink Floyd», все травят развеселые байки и все такое… В помещении овощного цеха холодно, руки зябко мерзнут, мы сидим в ватниках и в шапках, ноги по колено в картофельных очистках… но все зубоскалят, перемывая уже не по разу подробности минувшего отпуска, включая амурные похождения и дерзновенные мечтания, а также весомые достоинства своих подружек и просто случайных знакомых … романтика, куда деваться!

В результате, под утро обнаружилось, что картошки начищено всего 2 ванны, а бункер еще полон. Пипец, не успеваем! Мде… А это чревато! Заместитель начальника училища по тылу был «великий и ужасный» полковник Адик Васильевич Волченко (в миру — Адик Скотинович Сволченко), который порол и резал курсантов направо и налево без разбора и предварительной сортировки, щедро раздавая длительные сроки ареста, как на внутреннюю гауптвахту, так и на гарнизонную. А гарнизонная — это, понимаешь, далеко не курорт! Оттуда быстрее чем за месяц еще никто не возвращался, концлагерь в лучших традициях гестапо! Без вариантов!

Мде… попадалово! Подключив коллективную соображалку и применив некое усердие, мы достаточно легко и быстро отремонтировали одну картофелечистку и запустили ее. Ура! Вот ведь посрамили ремонтников-наладчиков с завода-изготовителя, которые все зубы пообломали о бездыханный кусок железа! А мы могём!!! Во как!

Ручками стали чистить тоже гораздо быстрее. Причем с

применением повсеместного энтузиазма, помноженного на инстинкт самосохранения (на кичу так не хочется, правда-правда), но не эффективно — картофель резали кубиками… все равно не успеваем! Набралось три ванны картофеля от силы… Горим, бляха-муха! Катастрофа! На горизонте замаячила «уютная камера» гарнизонной гауптвахты… МАМА! Не надо!!!

До времени «Ч» и до момента истины остается чуть более часа. Что делать? (кстати, «что делать?» — исконно-русский вопрос, не дававший покоя классику русской литературы, а не только нам) Не помню, кто именно подал «гениальную» идею, но в овощном цеху прозвучала весьма опасная реплика.

— Парни, давайте выбросим картошку на свалку!

— …..ммммм….. давайте! Нет картошки — нет проблем! Не почистили 7 ванн?! А потому что чистить нечего! Логично!

Где был наш разум в тот «эпохальный» момент — история умалчивает, но идея «на свалку!» нашла свой отклик в сердцах всех и каждого…

И понеслось! «Проклятый» картофель остервенело грузили совковыми лопатами и кидали голыми руками (лишь бы успеть) в огромные алюминиевые баки и «бегом» тащили на свалку. Трудились не щадя живота своего, пахали как «рабы на галерах», но вычистили весь овощной бункер на полчаса… Вылизали до идеальных стен!

Но на свалке образовалась огромная куча картошки — ТРИ тонны, это много!.. Что делать? Закапывать? Не успеем! Время!!! Аааaа, время катастрофически утекает…

У полковника Волченко было «железное» правило — ежедневное посещение всех подконтрольных объектов, включая столовую, овощной цех и естественно, училищную свалку. При обнаружении огромных залежей свежего картофеля нам светила бы уже не просто гарнизонная гауптвахта, а ближайшее заседание педсовета …и гарантированное отчисление из училища! Не меньше! Как ни крути, а мы — преступники и расхитители социалистической собственности! Выбросить ТРИ!!! тонны!!! Картошки?! Ужас! Признаю сей постыдный факт — принимал самое активное участие! Признаю и каюсь! Виновен! Но, на педсовет не хочется!!! Нет, не хочется…

В мутной дымке утреннего тумана вдалеке на тыловой дороге училища показалась зловещая фигура полковника Волченко! Пипец! Вот и все! Приехали!!!

И вдруг! О чудо! Полковника, ковыляющего по тыловой дороге в нашу сторону, неожиданно обгоняет городская мусорная машина и подъезжает к свалке… О, небо и великий Боже, спасибо тебе, что нашел в себе силы помиловать своих детей, дурных и

неразумных… Мы опять пахали как проклятые и с поразительной трудоспособностью погрузили в тендер грузовика весь картофель, а сверху засыпали мусором. Саму территорию свалки вылизали до идеальной чистоты и лунного пейзажа! Умотались до трясучки в конечностях и до промокания телогреек насквозь… Своим потом ребята просто умывались! Кроме шуток, аж с носа капало!

Мусорная машина с глубоко просевшими рессорами, отъехала от свалки именно в тот самый момент, когда к нам подошел зам. потылу полковник Волченко. Уф! Вытирая горько-соленый пот, лично я осознал всю дурь и абсурдность нашего положения — если бы мы приложили все усилия, затраченные на «выброс» картофеля на его чистку, то успели бы управиться с поставленной задачей еще вчера вечером до команды «Отбой». И заготовили ли бы не 7 жалких ванн, а все 20! Без вопросов и вариантов! Но, … имеем то, что имеем. Идиоты! Кретины! (это я о себе) И это правда, увы.

Суровый полковник посмотрел на идеально-вылизанную свалку и похвалил нашего сержанта за проявленное усердие. Затем с явным недоумением принял доклад, что почищенного картофеля хватит только на завтрак …и не более! Осознав услышанное, полковник пришел в ярость!

— Как, мать-перемать, только вчера завезли ТРИ тонны?! Где?

Ворвавшись в овощной цех, полковник сунул нос в три ванны с чищенной картошки, тщательно осмотрел пустой бункер и вприпрыжку побежал опять на свалку. Досконально осмотрев идеально вычищенную территорию и прощупав каждый сантиметр «лунного пейзажа», зам. потыл понял, что его нагло на*ебывают! Но, в каком месте??? Три тонны картофеля и три ванны? Как так?! Моветон!!! ТАК НЕ БЫВАЕТ!!! Остальной картофель где??? Но, не пойман, не вор!

Скрипнув зубами, полковник дал команду, чтобы повара варили «дежурное блюдо» — макароны на обед, а рис на ужин. Пройдясь вдоль строя притихшего наряда по хоз. работам и еще раз посмотрев всем и каждому из нас в глаза, зам. потыл отправил личный состав в роту на отдых.

Бредя по тыловой дороге без строя как стадо военнопленных, все курсанты 45-го отделения подавлено молчали. И хотя мы в очередной раз успешно выкрутились из совсем непростой ситуации, не понеся заслуженного наказания за откровенно гадкий поступок, нам было по-человечески СТЫДНО!

95. Политинформация с эротическим уклоном

Идет самоха — самостоятельная подготовка после окончания плановых занятий. Письма домой написаны, конспекты почитаны, спать чего-то не хочется, домино и карты надоели. Лето, жара, окна в аудитории открыты настежь, но сквозняка фактически нет. Безумно хочется купаться, но ближайшее озеро находится за колючей проволокой, окружающей наше авиационное училище в два ряда, а сбегать туда — есть самовольная отлучка со всеми вытекающими последствиями (внеочередные наряды, а то и уютная камера училищной гауптвахты). В принципе, ничего страшного, но жара такая, что куда-либо бежать — моветон! Потом будешь потный и вонючий как полковая лошадь, и какой смысл бежать купаться?! Лениво.

Комсорг 45-го классного отделения мудрая птица Филин (фамилия у него такая) вальяжно взгромоздился на трибуну с ликом В.И.Ленина на торцевой части, заботливо и скрупулезно изготовленного из шпона разных пород дерева. Тяжело вздохнув, Серега Филин разложил на трибуне «подшивку газет» — набор периодической печати и с равнодушно-брезгливым выражением своего деревенски-простецкого лица, утомленно пробубнил.

— А теперь, дорогие мои товариСТЧи, прослушаем кратенькую двухчасовую политинформацию о положение дел в окружающем мире в целом и в странах загнивающего капитализма в частности…

Толпа курсантов, откровенно страдающая от безделья, жары и персонально-коллективного приступа лени, недовольно загудела.

— Серега, да ну нах… Поспи лучше, завтра в караул заступаем, опять полночи будут дебильные проверяющие мозги сушить и тревогами дергать! Импотенты хреновы! Нет, чтобы женушек своих образцово-показательно ублажать, они по ночам шлындают… Идиоты! Имея дома личную голую женщину с которой можно тааааакое сотворить, они курсантам мозги *бут?! Ну, не извращенцы?!

Невозмутимый уральский увалень, не меняя выражения лица и интонации голоса, монотонно продолжил.

— Пацаны, данная бредовая идея политического воспитания подрастающего поколения будущих офицеров, то есть всех вас, я так понимаю, придумана не мной лично! Я еще умишком не тронулся, поверьте на слово. Инициатива такой муйни идет

«снизу» — от небезызвестного вам лунатика с фамилией Конфоркин (комсорг 4-й роты) — дурачина знатная, в представлении и дополнительной характеристике не нуждается. (см."Комсомольский вожак") Более того, данная хренотень поддержана «сверху» — главным политрабочим нашего многострадального училища полковником Боргударовым (зам. генерала по полит. части). И самое противное — политотдел училища поручил кафедре ППР (парт. полит. работа) взять на особый контроль и скрупулезно проверить проведение данного эпохального мероприятия в идеологически-выдержанных рамках. О, как?! Посему никого не принуждаю, самому лениво, но прокомпостировать вам мозг и поглумиться над остатками интеллекта все равно придется. Кто хочет, пусть спит, учит, дрочет, я вам мешать не буду! Итак, поехали…

Не повышая голоса и не используя никаких ударений в словах, а так же каких-либо интонации, курсант Филин начал читать «по диагонали» хаотично выбранные статьи из газет «Правда», «Красная звезда» и т. д.

Честно говоря, никто из ребят вообще не слушал, чего там наш любимый комсорг монотонно бухтел про «космические корабли, бороздящие просторы Большого театра». А Филину и не надо было, чтобы его кто-то слушал, очередное мероприятие «для галочки», не более того.

Пока Серега брезгливо листал газеты и чего-то там мямлил, подавляющая часть 45-го к/о скучковавшись в плотную группу с критической массой, коллективно просматривала иностранный журнал откровенно порнографического содержания.

Журнал был неприлично древний, что … дерьмо давно вымершего мамонта, без обложки, поэтому его название нам было доподлинно неизвестно. А это и неважно, т. к. в те стародавние времена построения развитого социализма (именно, «развитого» — было такое помпезное определение) любой журнал с обнаженными телесами включая гениталии, неизменно фигурировал как «Плейбой», независимо, что это мог быть и «Пентхаус» или какая другая литература с подобным содержанием. Неважно, «Плейбой» и все тут! Сиськи есть?! Значит «Плейбой» — игривый мальчик или шалунишка, хе-хе!

Краска на страницах журнала сильно потерлась, некогда блестящий глянец местами потрескался и осыпался. Некоторых листов вообще не хватало, выдрали неугомонные особи — горячие парни с южных рубежей нашей необъятной Родины, не иначе. Выдрали естественно для проведения регулярных пододеяльных актов страстного рукоблудия на фоне игривого лика заокеанских красавиц с пышными прелестями, возлегающих

в соблазнительно-откровенных позах…

Этот журнал был неустановленного года выпуска и вероятно попал в периметр нашего училища после очередного отпуска, когда какой-то неизвестный курсант привез образчик сладкой жизни с Западной Украины. А может, приобрел на легендарном Привозе в славном городе Одессе(на котором все есть, включая последний образец атомной бомбы — так говорят одесситы, но я не проверял) или выменял у моряков в портовом городе Прибалтики, Дальнего Востока или еще где, кто знает?!

Тем не менее, не смотря на замызганно-потрепанное состояние и неизвестный год выпуска, данный журнал хранился весьма бережно и трепетно, передаваемый выпускниками «по наследству» младшим курсам с нескрываемым пиететом, похотливым вожделением и с плохо скрываемым огорчением. Мол, жалко отдавать, но традиция — это святое! Берите, школяры, учитесь, но в меру — не сотрите руки до костей и кровавых мозолей. А в идеале, применяйте полученные знания на практике со своими подружками! Короче, не будьте лохами, да здравствует половое воспитание и сексуальная революция! Ура, товарищи!

Голос комсорга Филина периодически тонул в восторженных и мечтательных репликах курсантов, рассматривающих загорелые женские прелести и комментирующие те или иные позиции.

Выполняя свой патриотический долг по идейному воспитанию курсантской братии, Серега был лишен приятной возможности лицезреть обнаженные женские тела, причем, во всех откровенно-головокружительных подробностях.

На центральном развороте этого замечательного журнала находилось огромное расчудесное фото очаровательной блондинки, с воздушно-объемным начесом на прелестной головушке, с ярко накрашенными губками и бархатисто-загорелой кожей, у которой из одежды были лишь разноцветные гетры выше колен для занятия аэробикой (в те времена архимоднючее увлечение). Эта соблазнительная любительница аэробики с весомыми аргумента не менее 5-го номера занимала позицию… мммм… «а-ля-кревет», «доги-стайл» или если чисто по-русски — «раком», кому как будет угодно. А сзади, обхватив ее за талию своими волосатыми и мускулистыми руками, трудился раскачанный мачо — очевидно, личный тренер по аэробике, проводящий дополнительное занятие с отстающей спортсменкой?! Все может быть, не так ли?!

И вот на фоне этой соблазнительно-живописной картины, от вида которой у всех присутствующих в аудитории курсантов (за исключением комсорга Филина, естественно, который тупо

подпирал трибуну и листал обрыдлые газеты) перехватило дыхание, а с губ синхронно сорвался не то крик отчаяния, не то завистливый стон.

— На его месте должен быть я!

…наш общепризнанный и бессменный «генератор» сногсшибательных и гениТальных идей, ЕвГений Ящиков неожиданно выдал очередную эпохальную идею.

— Мужики! А давайте…?! Давайте, Серега Филин будет читать заголовки статей и передовицы газет, как реплики и названия к данной фотке. Мы еще в школе нечто похожее делали, когда в КВН играли. Было смешно…

И понеслось! Комсорг Филин громко и внятно озвучивал название очередной статьи, а остальные курсанты дружно пялились на цветное фото с блондинкой в гетрах и раскачанным мачо…

«Генеральный секретарь лично приветствует победительницу социалистического соревнования Ивановского текстильного комбината!»

«Перестройка и ускорение в действии!»

«Критика отстающих выходит на новый уровень!»

«Гласность постепенно набирает обороты!»

«Тревожный инцидент на советско-китайской границе!»

«Город N готовится к рождению миллионного жителя!»

«Позор и всеобщее презрение расхитителям социалистической собственности!»

«Повсеместно внедряются новые методы управления!»

«Торжественное награждение доярок колхоза «Путь Ильича»!»

«Вызов на соц. соревнование нашел правильный отклик!»

«Достойный ответ агрессору!»

«Инициатива снизу повсеместно приветствуется!»

«Сделаны правильные выводы на конструктивную критику!»

«Демарш неофашистов в Западном Берлине!»

«Елизавета—II посетила бывшие английские колонии».

«Необоснованные волнения профсоюза «Солидарность» на вервях в Польше подавлены силами народных дружин!»

«Недружественный жест Сальвадора с адрес Никарагуа!»

«Массовые беспорядки на улицах Лондона!»

«Ущемление прав и свобод в странах Северной Америки!» и т. д. и т. п.

Каждая реплика комсорга Филина, зачитывающего очередную передовицу газет, сопровождалась взрывом гомерического хохота. Увлекшись незамысловатой игрой в образы, мы потеряли чувство реальности. А зря! Ведь сразу за стенкой нашей кабинета была преподавательская кафедры ППР.

Дверь в аудиторию неожиданно открылась, и вошел преподаватель «Истории КПСС» майор Мочалкин — убежденно-фанатичный марксист-ленинец, не иначе. Хотя по нашему непредвзятому разумению — явный идейный показушник и просто неприятный тип.

Молниеносная попытка заныкать драгоценный журнал под парту успеха не имела. Нас банально застукали…

В течение получаса желчный политрабочий гневно потрясал в воздухе, свернутым в плотную трубку журналом «Плейбой» перед нашими бессовестными лицами. Майор Мочалкин клеймил нас позором, выносил мозг, тщательно пилил и резал вдоль, поперек и по диагонали… Визгу от него было как на пилораме.

— Как вам не стыдно?! Вы же поддались на западную пропаганду о сладком образе жизни, подрывающую устои социалистического государства в частности и коммунистической идеологии в целом. Это же форменный разврат! Вам — комсомольцам и кандидатам в члены КПСС недопустимо проявлять идейное малодушие и моральное разложение… Курсант Филин?! Ёпт, образцовый комсорг и допустил такой вопиющий факт политической близорукости?! Вы предатели! Да-да-да, вы все — предатели высоких идеалов марксизма-ленинизма! Это вам так не пройдет, обещаю!

Майор Мочалкин размахивал журналом как острой шашкой. И если бы мы были белогвардейскими офицерами, то наши буйные головушки уже давно покатились бы под его ноги, без вариантов. А пока слюна и желчь обильно летели в нашу сторону с перекошенных губ возмущенного майора.

— Сержант!

Валера Гнедовский незамедлительно показал свое наличие.

— Сержант! Доложите командиру роты о данном факте аморально-идеологического безобразия! А я изымаю данную подрывную литературу, заброшенную в нашу страну нелегальным образом, для передачи ее в политотдел училища. И запомните, у вас у всех будут колоссальные неприятности. Для начала я лично обеспечу вам проблемы при сдаче учебных дисциплин на нашей кафедре. Вы еще побегаете с пересдачей… Ух! Я вынесу вопрос на ученый совет кафедры с ходатайством перед партийной организацией училище образцово наказать всех и каждого, кто посмел прикоснуться к этой мерзости! Всех! …и каждого!

Ядовитая слюна обильно пенилась и текла в три ручья по выбритому до синевы подбородку откровенно истерящего политрабочего, накручивающего самого себя, дополняя безумный блеск в глазах, помноженный на праведный гнев образцового борца за светлое будущее пролетариев всех стран на планете

Земля и ее ближайших окрестностях.

Громко хлопнув дверью, майор Мочалкин наконец-то удалился из учебного кабинета. Паники среди курсантов не было. Было единодушное желание максимально сдемпфировать возможные последствия, и постараться увильнуть от гарантированного наказания. Толпа обиженно загудела.

— Не, ну не мужик, что ли?!

— Да какой там мужик, импотент и политическая проститутка, как говаривал В.И.Ленин.

— Ну и чего будем делать, парни?!

— А чего?! До окончания самохи еще час…

— Вот идиоты, «учительская» за стенкой, а мы ржали как табун жеребцов перед кобылами.

В коридор учебного корпуса как самый маленький и незаметный был послан Саня Полимонов, типа на разведку. Официальная легенда прикрытия — в туалет, пописать. Через пару минут Полимон вернулся.

— Дверь открыта, в щель посмотрел. «Мочалка» в преподавательской один, сидит за столом и журнал наш листает. Глазенки горят, ручонкой за промежность себя периодически лапает и в ширинке штанов чего-то тискает?! Чуть ли не кончает, удот. Морда красная, слюнка течет как у кобеля перед случкой.

Сержант Гнедовский вскочил со стула, и нервно постукивая карандашом по своим передним зубам, обратился к Саньке.

— Полимоша, пошлындай в коридоре, а?! Похоже «Мочалка» — дежурный препод и всяко-разно должен по классам пройтись, самоху проверить, расход личного состава переписать. Не с «Плейбоем» же пойдет?! Как только выползет из «учительской», умыкни журнальчик, а?! Сашок, вся надежда на тебя! Сделаешь?!

Курсант Полимонов, осознав о грузе ответственности, свалившейся на его тщедушные плечики — спасение всего личного состава 45-го к/о от грандиозного и бессмысленного порева, причем на всех уровнях — от комсомольской и партийной организации, так и гарантированных «бананов» на экзаменах, важно надул щеки. Старательно ломая голос на авторитетно-уверенный басок, Полимон небрежно пробурчал.

— Сделаем! За своих парней рискнуть — святое дело!

Саня Полимонов начал прогуливаться по коридору учебного корпуса, совершая возвратно-поступательные движения от аудитории до туалета и обратно. Причем его маршрут пролегал в непосредственной близости от полуоткрытой двери «преподавательской».

Томительное ожидание растянулось минут на 20-ть, пока не вернулся наш разведчик-диверсант-добытчик.

— Ну?!

— «Мочалка» вышел на проверку, а дверь на ключ запер. «Плейбой» положил в ящик стола, второй сверху, правая тумба. Стол у окна, но дверь заперта…

Сержант Гнедовский прищурив глаза, быстро спросил.

— Окно открыто?!

— ХЗ?! Наверное, жара ведь…

Полимон еще не закончил фразу, как Валера Гнедовский скинул поясной ремень с тяжелой бляхой и шагнул на подоконник открытого окна.

Мы не успели ахнуть, как Валера уже стоял на тонком в полкирпича парапете по ту сторону окна и цепко держался за карниз. Лелик Пономарев только успел выдохнуть.

— Валера, 4-й этаж…!

Гнедовский задорно улыбнулся и, кивнув в сторону сбледнувшего курсанта Копыто, который замер с отвисшей челюстью, весело воскликнул.

— После незабываемого полета с Витькой Копыто, мне уже бояться нечего! Типа, «Здравствуйте, девочки!» Гыгыгыгы! (см. «Спорт и приметы»)

Витя Копыто, высунувшись в соседнее окно по пояс, периодически комментировал действия нашего сержанта.

— Дошел до окна учительской!

О том, что кульбиты нашего сержанта могли заметить офицеры училища, находящиеся на улице, в тот момент, как-то не принимались к рассмотрению. Все просто забыли, что внешняя сторона учебного корпуса по парапету, которого на 4-м этаже прогуливался наш сержант Гнедовский, выходила как раз на центральный плац училища. На котором, как правило, всегда были люди. Но на этот раз плац был девственно чист. Аллилуйя!

Все курсанты 45-го к/о, затаив дыхание, ждали успешного возвращения рискового парня… и только с победой (с журналом) и никак иначе.

— Залез!

Уф, добрался целым и не сорвался, уже неплохо! Время как будто замерло, а сердце билось так сильно, словно это я иду по тонкому парапету… Брррр!

— Вылезает! Нащупывает ногой парапет…

Все ребята опять замерли, опасаясь лишний раз громко вдохнуть или выдохнуть.

— Идет обратно!

Когда сержант Гнедовский показался в проеме окна, все парни спонтанно метнулись ему навстречу и, ухватив Валерку за что попало — за гимнастерку, за галифе, за волосы, за плечи, под

мышки, рывком втащили во внутрь здания. Слава, яйцам, обошлось удачно!

Не успев отдышаться, взъерошенный Валерка, вытащил из-за пазухи изрядно помятый журнал и, отмерив ладонью левой руки по локоть правой, вскинутой резко вверх, злорадно усмехнулся.

— А вот ему!

И под дружный, но старательно приглушенный смех курсантской разбитной братии, добавил.

— Не свезло Мочалке подрачить на халяву. Пусть теперь на портрет Карла Маркса или на лик его бородатой жены Фридриха Энгельса онанирует. Идеологическая проститутка, хе-хе!

Через пару минут раздался сигнальный звонок — самоподготовка закончилась, и наше 45-е классное отделение организовано покинуло учебный корпус. На выходе с кафедры ППР нам попался майор Мочалкин, который многообещающе ехидно улыбался от уха до уха. Мол, дрожите и трепещите, ух как я вас…!!! Ага?! Сейчаззззззззззззззз!!! Только упор лежа примем… с разбегу…

По пути следования в казарму, напряженные нервы слегка отпустило и мы, восхищаясь смелостью и решительностью нашего сержанта, дружно обсуждали, как вытянется мордуленция у похотливого майора, когда он будет хаотично перелопачивать все 54-е тома эпохальных работ В.И.Ленина в поисках заветного порножурнала с сиськастыми красотками. Лелик Пономарев громогласно бубнил.

— Пусть хоть удавится, но ничего не докажет, дурилка картонная, мочалка сраная! Его слова без предъявления «Плейбоя» — пустой звук, не более того! Дурашка! Пустобрех политический, не выгорело приобщиться к прекрасному. Так и не наберется уму-разуму, кроме рабоче-крестьянской позы ничему и не научится!

Шагающий в строю чуть сзади Лелика, Витя Копыто — казарменный страдалец а-ля-Казанова и завсегдатай близлежащих женских общежитий, удивленно выпучил глаза, услышав название неизвестной ему позы, которая по непонятным причинам пока еще не входила в богатый арсенал ярого приверженца «Камасутры» и прочих разнообразно-прогрессивных поз, позиций и остальных всевозможных акробатических изысков.

— А рабоче-крестьянская поза — это как?!

— Это когда мужик на заводе с молотом у станка, а она — крестьянка с серпом …в поле!

— Какой же секас без мужика?!

— Ну, в крайнем случае, морковку надергает или огурец с грядки тоже потянет…

— А дети?!

— Детей в капусте находят! Давно знать пора, придурок! У нас секса нет! Ты что, газеты не читаешь?! Гы-гы! Комсорг Филин, проведите-ка с идеологически близоруким элементом дополнительную политинформацию! Гы-гы! А то, чем ты, в самовольных отлучках занимаешься, Витенька — это капиталистический разврат чистейшей воды и аполитичное оскорбление чувства собственного достоинства морально-неустойчивых комсомолок в самой извращенной форме…

з. ы. Многострадальный журнал был заботливо сохранен в надежных тайниках казармы 4-й роты для грядущего поколения курсантов нашего авиационного училища.

И накануне нашего выпуска был торжественно передан делегации ушастых и прыщавых «минусов» — первокурсников с настоятельной рекомендацией, просматривать фотографии с наглядными актами откровенно бесстыжей и плотской любви, с одновременным озвучиванием передовиц периодической печати типа газеты «Правда», «Красная звезда» и т. д. и т. п.

з. з.ы. Кстати, попробуйте на досуге взять газету и соответствующее фото…

96. Под белоснежным куполом

В училище ажиотаж — курсанты разъезжаются на войсковую стажировку. Кто-то летит на Дальний восток страны, кто-то в Прибалтику… Наша группа из пяти человек поехала в Белоруссию в уютный городок Витебск, где базировался полк ВТА (военно-транспортной авиации) с новенькими Ил-76.

После уральской зимы мы попали в настоящую весну. Городок чистенький и очень уютный! Погуляли по набережной Двины, зацепились языками с девчонками. Девчонки симпатичные, улыбчивые…

В полку нас приняли как родных, расписали по экипажам. В экипажах тоже приняли как давних знакомых — без занудного чванства и высокомерной заносчивости, с максимальной доброжелательностью и отеческой заботой. Авиация! …и этим все сказано. Погрузились в плановую работу полка, класс — все нравится…

В полку суета, переходящая в нервозную панику — плановые прыжки! Раз в год, каждый «летун» обязан прыгнуть с парашютом! Аж целых три раза! Положено так, чтобы в случае чего (упаси Господи), смог выбросить свое драгоценное тельце за пределы хаотично падающего самолета и спасти жизнь, а идеале еще и сохранить здоровье. Во как. Мало ли чего?! Техника, конечно же, надежная, но полк работает интенсивно, самолеты были в Афгане, на некоторых машинах имеются латки от попаданий из стрелкового оружия. На паре бортов стоят блоки с тепловыми ракетами-ловушками. Эти машины вообще работяги — из Афгана не вылазят! Экипажи — настоящие «зубры» и прожженные асы, солидные и молчаливо-улыбчивые ребята, не намного старше нас…

Поэтому пользоваться парашютом как средством спасения персональной тушки (не Карлсоны же, право слово, пропеллера в жопе нету, щеки дуй не дуй, ручками маши не маши, а самостоятельно летать за пределами самолета все равно не получится), каждый член экипажа обязан уметь «не приходя в сознание». То есть на полном автопилоте и на инстинктах самосохранения. И никак иначе! Все отрабатывается до автоматизма и ежегодно освежается на плановых прыжках! Так что, милости просим на борт, гыгыгы!

Тем не менее, особого рвения и повсеместного энтузиазма среди личного состава авиаполка не замечено — все стараются наглухо откосить от смутного удовольствия поболтаться на

шелковой тряпке в голубых небесах или договориться — получить заветную галочку, а с парашютом попрыгать вокруг самолета, стоящего на бетонке …и хватит!

Начальник ПДС (парашютно-десантной службы полка) организовавший допотопный Ан-2 и парашюты, чуть ли не пинками загоняет экипажи Ил-76-х в микроскопический «кукурузник». У потенциальных «попрыгунчиков» рожи откровенно бледные, а в глазах сквозит высокая тоска необъяснимая словами. Прыгать никто не хочет! Ну его к лешему! Тем более что приземление достаточно жесткое… да и судьбу испытывать тоже не особо хочется! Вдруг основной парашют не откроется?! Есть еще и запасной, но мало ли?! Полезная площадь его несколько меньше, чем у основного, а следовательно и скорость падения выше… и как следствие — удар о землю более основательный! Вопросов нет, запасной парашют автомат ППК откроет, который на критическую высоту настроен, так что пропасть не дадут, но… очко то все равно не казенное, жим-жим! И вообще, оно нам надо?! На старости лет добровольно выбрасываться из самолета и болтаться на стропах, как капля на…конце?!?! …в полном рассвете своих сил, да в здравом уме?! Брррр! Небо как небо! «Мильон» раз его уже видели! Я лучше на него из иллюминатора посмотрю… Может не надо?! А?!

А нам — курсантам страсть как охота прыгнуть — здорово же?! Выброс адреналина в кровь, ощущение свободного полета, сопливый восторг и все такое! Классно! Паришь себе как птица, а земля такая красивая! И тишина!!!

Но наших фамилий в списках на плановые прыжки естественно не значится! А прыгнуть хочется! Страсть как охота, честно-честно! Подходим и спрашиваем.

— Товарищ капитан, а нам можно прыгнуть?

Начальник ПДС сначала посмотрел на нас как на клинических умалишенных, затем просветлел лицом от неожиданного счастья и ободряюще улыбаясь, вцепился в каждого мертвой хваткой дружелюбного бультерьера.

— Конечно можно! И даже нужно! Прыгать надо много! Очень много!!!

И мы стали прыгать! Причем прыгали за всех и за каждого в этом авиаполку, кто смог «договориться» с прозорливым капитаном, включая авторитетных аксакалов — за командира полка, за старшего штурмана, за самого начальника ПДС естественно, «за папу», «за маму»…

Старым авиаторам «в лом» и честно говоря, страшновато прыгать — на хрен судьбу испытывать?! Справедливости ради, весьма боязно в зрелом возрасте доверять свою драгоценную

жизнь куску шелковой тряпки, пусть даже многократно надежной. Поэтому и тянут экипажи свои неисправные машины до аэродрома. Любой ценой, но на посадку. Железяка какая-никакая, а завсегда надежней «носового платка», пусть даже из высококачественного шелка пошитого. Взлетели на самолете?! На самолете и сядем! Он большой и красивый, а тряпочка вон какая махонькая, в рюкзачке утрамбованная… да и раскроется ли?! Несерьезно все это! Да и машину без присмотра жалко бросать! Мало ли куда свалится?! Кому на голову такая махина рухнет… Не, спасибо конечно, но лучше невостребованные парашюты после посадки обратно сдать…

А курсанты еще дурачки неопытные, жизни не нюхали, вот пусть и прыгают, пока мозгов нет! Подрастут немного, уму-разуму наберутся, сами начнут косить ежегодно и других восторженных дурачков искать! Благо на войсковую стажировку из года в год исправно присылают птенчиков неоперившихся, остро-желающих разнообразные приключения на свою жопу поискать! А чем старше становишься, тем мудрее и осторожней — закон жизни…

Когда мы напрыгались фактически до изжоги и замучались напяливать на себя подвеску парашютов, а также когда от постоянных ударов о землю наши персональные задницы стали равномерно синюшного цвета, то наши мозги немного зашевелились. Осторожно почесав отбитую «пятую точку», и прикинув «пятую конечность» к носу, мы стали активно достаточно филонить, всячески уклоняясь от дружелюбно-настойчивых приглашений начальника ПДС «попарить на халяву в бескрайних просторах голубого океана» еще раз 10-15-ть. Пипец, благодарим покорно, но романтика кончилась! Хватит! Хорошего понемногу!

И вот тогда уже за нами стали бегать все кто не попадя (в полку быстрее звука разнеслась благая весть о пяти дурачках-добровольцах, которых хлебом не корми, а дай башкой вниз из самолета выброситься). Все офицеры и прапорщики авиаполка, нежелающие рисковать своими драгоценными жизнями, устроили на нас массированную облаву и стали ловить нас везде и повсеместно, предлагая весьма неплохую денежку за каждый прыжок под фамилией убедительно-жалобного просителя. Хм! Вариант! Неплохая прибавка к стипендии, однако!

В результате, процесс прыжков с парашютом плавно перешел на коммерческую основу, и мы стали ОЧЕНЬ богатыми курсантами, которые в конце войсковой стажировки смогли позволить себе очень даже приличный ресторан, где весьма неслабо погудели… но, это уже другая история.

97. Штучка с ручкой

Парни возвращались после войсковой стажировки из различных уголков Советского Союза. Оставаясь детишками с большими пиписьками, с мозгами, функционирующими за счет незатейливых инстинктов типа поесть, поспать и захалявить, а также с интеллектом на уровне детсадовской группы младшего возраста, курсанты волокли в альма-матер и в родную казарму всевозможные железяки, которые «плохо лежали» на аэродромах в местах проведения стажировок.

Чего только мы не привезли?! И кучу стреляных гильз от авиационных пушек ГШ-23 и ГШ-30 и снаряды калибром в 23 и в 30 мм. после осечек, и звенья от лент и целые пиропатроны от системы пожаротушения и пороховые шайбы от двигателя НУРС и латунные трубки и нихромовую проволоку и старенькие приборы — от высотомеров ВМ-14 до компасов КИ-13 «рыбий глаз», парашютные стропы, пружинные ножи-стропорезы …и много еще чего полезного и, несомненно «очень нужного»…

Витя Копыто со стажировки из Белоруссии привез непонятную хренотень — дюралюминиевый блок серого цвета необычной формы с торчащим из его недр металлическим тросиком с прочным колечком на самом кончике. И начал хвастаться. То кольцо на палец наденет и начнет блочок раскручивать (хотя он весил под килограмм, не меньше), то сам блок в руки возьмет и за тросик дергает…

Подошел Эдик Серобян и попросил посмотреть непонятную штуковину. Витька не дал. Эдик уперся. Парни шутливо вцепились в блок и начали тянуть его каждый на себя как два барана. Один потянул за железяку, другой потянул за тросик. В результате в блоке что-то громко щелкнуло и подозрительно затикало. Затем опять что-то щелкнуло, и пошел зловещий дымок.

Эдик сразу же отцепился от «дурной игрушки» и на всякий случай отпрыгнул в сторону, удивленно выпучив свои угольно-карие глаза. А Витя, еще немного повертев в руках дымящуюся хренотень очевидно тоже заподозрил, что дело неладное и швырнул эту дымящую и тикающую дрянь в открытое окно… Так, от греха подальше…

До земли этот чудесный блочок, с болтающимся тросиком и с колечком на самом кончике тросика так и не долетел.

За открытым окном казармы долбануло так расчудесно, что осколками блока прошило «временную» теплотрассу,

проложенную вдоль здания (пока шел ремонт старой). А также частично вышибло стекла в 3-этажной казарме и глубоко посекло толстенные стены!!!

Слава богу, никто не пострадал, но так было не всегда…

з. ы. В батальонной курилке парни из 1-й роты бросили в урну что-то неопределенное, но тоже честноукраденное в процессе прохождения войсковой стажировки. Бросили и накрыли лопатой. Чисто на всякий случай! Мало ли чего?! В результате, рвануло так сильно, что разорвало лопату и раскололо бетонную урну, а самого «взрывотехника-дилетанта» увезли по «Скорой помощи» в окружной госпиталь с проникающим ранением грудной клетки.

Одно радует — парень выжил и даже выпустился из нашего училища…

з. з.ы. После тщательного и поголовного обыска в периметре училища ВВС, на аэродромной свалке (после скрупулезной сортировки, естественно) была закопано много всяких непонятных «штучек с ручкой».

Кое-что увезли саперы из гарнизонной комендатуры, но по тихому, чтобы жителей уральского города не пугать и нашего генерала — начальника училища под «оргвыводы» не подставлять…

98. От кутюр

Сдаем государственные экзамены. Курсантов-выпускников переодели в парадную форму одежды — брюки, рубашка, галстук, китель, ботинки, фуражка. На улице конец мая, начало июня — жара умопомрачительная. Термометр зашкалило, шкала закончилась, а солнце шпарит и шпарит! Совсем ку-ку! Все курсанты дико потеют, изнывая от невиданного пекла. Рожи у ребят красные! Пот струится по спине ручьями и водопадами, проступает сквозь рубашку и оставляет белые солевые разводы прямо на кителе. Волосы под фуражкой вечно влажные, хаотично спутаны и слиплись сосульками. А снять китель НИИИИЗЗЗЗЯЯЯЯ! Форма одежды Уставом предусмотрена и пипец! Хоть варись живьем, никого не волнует!

В промежутках между экзаменами, личный состав выпускного курса был вынужден начать максимально модернизировать свою одежду, а куда деваться?! И хотя мы не изысканные модельеры от кутюр, но как говориться: «голь на выдумки хитра». И понеслось…

Из фуражек безжалостно выдирались пружины, поддерживающие форму тульи, картонная прокладка околыша, заводская бирка из дерматина и вся подкладка. Оставался невесомый каркас, обтянутый тонкой материей. В кителях так же обрезалась подкладка, причем вся и полностью «под ноль». Рубашка методично превращалась в гламурно-узорчатую сетку или в «марлевку» — бралась обычная швейная иголка и после долгой скрупулезной манипуляции, вытягивались нитки, желательно «через одну». После такой процедуры ткань рубашки напоминала медицинскую марлю и вентиляция курсантского тела радикально улучшалась. В брюках подрезались карманы, и таким образом организовывался сквозной поток воздуха от обреза штанины до паховой области. У ботинок отрезалась верхняя часть, и они превращались… правильно, в полуботинки! У некоторых особо продвинутых — в тапочки без пятки, типа сабо!

В перерывах между занятиями, курсанты брали одеяло со своей кровати и шли «готовиться к следующему госэкзамену» — располагались где только придется — на крыше казармы, на стадионах, в парке за памятником В.И.Ленина, на трубах теплотрассы и подставляли свою загорелую тушку под лучи уральского солнца. Мягко говоря, вся территория училища ВВС напоминала «лежбище морских котиков». В роли котиков — курсанты выпускного курса, прошу любить и жаловать.

Дисциплина среди выпускников катастрофически падала. Командир батальона полковник Пиночет тихо и методично сходил с ума от массовых фактов вопиющего безобразия. На очередных внеочередных и экстренных построениях 1-го учебного батальона он прилюдно стыдил «свежее-отловленных» парней в безразмерных синих труселях семейной модели, которые стояли перед строем с отрешенным видом утомленных интеллигентов и картинно кутались в шерстяные одеяла, аки в перуанские пончо. Нарушители воинской дисциплины старательно делали вид, что абсолютно не понимают сути происходящего. А Пиночет страшно пыжился и злобно пыхтел, тщетно пытаясь достучатся до такого курсантского атавизма как совесть.

Почти все выпускники красовались ровным шоколадным загаром на идеально прокачанных тушках, а полковник Серов брызгал слюной, топал ногами, визжал, как недорезанная свинья и обещал отправить «рецидивистов» на Новую землю или на Землю Франца Иосифа, где солнышко выглядывало раз в году в ясную погоду и по большому празднику. Ну-ну…

— Бля, что за голозадое воинство? И где?! Прямо в парке непосредственно за памятником великого Ленина нахожу многочисленное стадо голых срак, волосатой наружности, которые задраны кверху, тьфу! И в таком виде почти весь личный состав 1-го батальона! Совсем ничего святого не осталось, да?! Жарко им, понимаешь! А кому не жарко? Мне тоже жарко! Думаете, что у меня яйца не потеют?! Еще как потеют! …и преют! По вечерам детским кремом мажу, перед сном, чтобы не свербило… знаете, как чешутся?! А кому сейчас легко? Но, всем военнослужащим надо стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы! Вы же будущие офицеры, мать вашу! Вот стоят же образцовые парни в строю в парадной форме и не ропщут! Всем жарко, но дисциплина превыше всего… можно же оставаться человеком?! Вот например, курсант Замятин, выйти из строя!

Андрей Замятин из 3-й роты, повинуясь приказу, вышел из строя и встал рядом с группой парней, закутанных в одеяла как в плащи, ниже обреза которых торчали волосатые ноги в тапочках.

Пиночет подошел к Замятину и на примере «первого встречного» попытался пристыдить злостных нарушителей формы одежды.

— Вот посмотрите, идеальный курсант, сразу видно! Форма сидит четко по фигуре! Брюки отглажены, китель без складок! Фу…раж…ка…

Пока комбат распинался, Андрюха Замятин тем временем скромно помалкивал, но было отчетливо заметно, что тулья его фуражки безвольно свисает (нет пружины) почти до ушей и

напоминает блин, раскатанный асфальтоукладчиком.

Полковник Серов тоже заметил бесформенную «пидарку» на голове курсанта, взятого за «образец» и, терзаясь в предчувствиях и смутных догадках, дает команду курсанту Замятину снять китель, дабы продемонстрировать всему батальону, что парню тоже жарко и спина у него мокрая, но он стойко переносит все тяготы и лишения. Хотя фуражечка конечно же… оставляет желать лучшего.

Андрей, закатив глаза «под образа» неторопливо расстегивает пуговицы и снимает китель… а батальон заходится в гомерическом хохоте.

Честно говоря, смеяться было от чего. Сняв китель, курсант Замятин предстал перед комбатом в гламурной манишке, которая когда-то очень давно все же была форменной рубашкой. В настоящий момент от военной рубашки нетронутым остался только воротник и небольшой кусочек ткани на груди с тремя пуговицами, остальная ткань отсутствовала. Манишка имела две длинные лямки на манер женского лифчика, которые были завязаны у Андрюхи на голой спине многослойным узлом с красивым бантиком. Рукавов у манишки не было по-определению, а на мускулистых руках курсанта в районе запястий болтались символические манжеты, отрезанные от рубашки в момент ее радикальной перекройки и модернизации. Галстук был также обрезан по металлическую закрепку, которая стыдливо прижимала куцый обрубок к импровизированной манишке. Пипец, приехали!

Комбат побагровел и захлебнулся от желчи. Задрав брючину на ноге курсанта, полковник увидел «модернизированный» полуботинок, обрезанный чуть ли не по самую подошву, а на лодыжке Замятина болталась резинка от носка, нижняя часть которого просто отсутствовала. То есть Андрюха был фактически босиком, а резинка носка лишь ненавязчиво обозначала свое присутствие на манер гламурной подвязки на соблазнительной ножке невесты.

Более того, с внутренней стороны кителя курсанта Замятина, красовались многочисленные записи, сделанные синей шариковой ручкой. Это были оценки, полученные на госэкзаменах, номер классного отделения, период учебы в военном училище, название родного города и т. д. и т. п. …много полезной и важной информации.

Увидев такое «форменное» безобразие, Пиночет смачно плюнул на плац и выдал вопль отчаяния.

— Бляха-муха! Ну, когда же вы, наконец, выпуститесь?! Глаза бы мои вас не видели! Тьфу, на хрен!

И под бессовестный хохот «завтрашних лейтенантов», комбат двинул в сторону своего кабинета.

А личный состав батальона, оставшись на плацу без командира, начал самопроизвольно оголяться, чтобы продемонстрировать всем и каждому свои персональные изыски в одежде, поделиться личными находками и передовыми идеями в области моделирования модной одежды военного образца…

Чего там только не было? Модернизации подверглось буквально все вплоть до маек и трусов… Ни один предмет военной формы не остался без внимания казарменных модельеров!

Хитом модного показа стали стандартные армейские труселя синего цвета семейной модели, с высокохудожественными узорами, кропотливо прорезанными ножницами на всей поверхности некогда безликой ткани. В результате, данное изделие армейского туалета могло поспорить по своей ажурности, воздушности, изысканной красоте с тончайшими женскими трусиками от кутюр…

з. ы Знаменитые кутюрье, жадно рассматривая фотоснимки, полученные со шпионских спутников НАТО, пролетевших над плацем училища ВВС в тот эпохальный момент, завистливо кусали губы, тайно копировали наиболее перспективные фасоны и образцы, нарезали готовые выкройки, истерично бились головами о стены, грызли ногти, ломали карандаши и пытались вскрыть свои вены портняжными ножницами …

99. За буйки не заплывать!

В каждом военном училище есть свои устойчивые традиции и неформальные ритуалы, которые не предусмотрены в Общевоинских Уставах. Но, тем не менее, давно прижились конкретно в данном ВУЗе, скрупулезно исполняются и трепетно передаются от предыдущего поколения к настоящему и завещаются будущему…

В некоторых ВУЗах, например, суконной бархоткой с пастой гоя или с асидолом натирают яйца и прочие выдающиеся гениталии у бронзового памятника коня до ослепительно-зеркального блеска. Где-то рисуют тельняшку на статуе великого морехода. Или перетаскивают тяжеленный якорь с одной стороны улицы на другую. Подводят красной краской зубы у мраморных львов, подпирающих шары перед штабом училища, типа «здесь грызут до смерти».

Во время «золотого карантина» выпускники везде и повсеместно выбрасывают телевизоры, «общественные» магнитофоны, усилители, колонки и прочую аппаратуру из открытых окон казармы. Ба-бах и все в мелкую пыль! Иногда на центральном плацу училища красят асфальт серебрянкой …или масляной краской рисуют гигантские детские картины «а-ля-солнечный круг, дети вокруг — это рисунок мальчишки…» Входные двери в родную казарму могут покрасить в розовый цвет или в какой-нибудь другой, но тоже яркий и броский (какая краска подвернулась в данный момент). На воротах гауптвахты наши парни набили предупредительную надпись по заранее заготовленному трафарету: «Не влезай! Убьет!» и «Добро пожаловать!» на двери кабинета коменданта училища (бесноватая особь, хотя чего удивляться — комендант). А еще: «Стучать круглосуточно!» на кабинете особиста в дальнем закоулке штаба. Кое-кто ловит бродячую собаку, прикормленную на училищной свалке и старательно пишет на ее боку яркой краской кличку своего комбата… типа ПИНОЧЕТ (польщенный таким вниманием комбат дает команду изловить собачку и тщательно побрить ее шкурку) …затаскивают лошадь на 4-й этаж казармы… заступают в последний наряд на хоз. работы в белых перчатках… и т. д. и т. п.

В нашем училище ВВС перед КПП был живописный пруд и естественно он не мог остаться в стороне от создания какой-либо «исключительно-нашей» традиции, связанной именно с его наличием. Курсанты не мудрствовали лукаво а, старательно

наморщив дерматин на лбу и почесав репу, создали свою традицию, которая стала «визитной карточкой» конкретно нашего училища ВВС! И естественно центральной частью данного ритуала являлся училищный пруд. Итак.

Еще на первом курсе, в каждом учебном отделении из числа курсантов был назначен журналист, в обязанности которого входило ежедневное получение журнала классного отделения у дежурного офицера по главному учебному корпусу.

И этот парнишка бессменно, с краткими перерывами на отпуск, болезнь и наряды, таскает учебный журнал весь период обучения. Стоит заметить, что каждый журнал хранился в специальном деревянном контейнере-планшетке, с красивой витиеватой надписью: «45 к/о ВТА» (в нашем случае) и высококачественным рисунком самолета Ил-76, старательно выжженным казарменными умельцами на полированной поверхности деревянной планшетки.

В 45-м отделении журналист Юрка Макаркин добросовестно протаскал журнал с нашими оценками весь период обучения. Там были и двойки (по 220 штук в месяц) — на первом курсе, куда деваться, было… Были и круглые пятерки — на более старших курсах. И так вплоть до самого выпуска…

И вот, наконец свершилось — сдали последний гос. экзамен. И перед окончательной передачей классного журнала в учебный отдел училища на архивное хранение, 45-е отделение организованно построилось и под командованием сержанта Гнедовского, четким строевым шагом проследовало за пределы училища, прямо через ворота КПП (неприкрытая наглость, конечно, но уже плевать, скоро выпуск).

Курсант-первокурсник, стоящий дневальным по КПП, беспрекословно открыл нам ворота, и 45-е отделение беспрепятственно вышло на берег училищного пруда. Сержант Гнедовский четко скомандовал.

— Отделение, стой! Нале-Во! Равняйсь! Смирно! Курсант Макаркин, выйти из строя!

Юрка Макаркин рубанул идеальным строевым шагом, вышел из строя и повернувшись к личному составу отделения, принял командование на себя.

— Сержант Гнедовский, встать в строй!

Валерка Гнедовский четко выполнил команду журналиста и занял место в монолитном строе курсантов. Юрка Макаркин открыл журнал и начал зачитывать список личного состава 45-го классного отделения. Каждый курсант, услышав, свою фамилию, громко отвечал.

— Я!

Закончив перекличку, Макаркин замер в идеальной строевой стойке. Сержант Гнедовский, оставаясь в строю, вытащил коробок спичек и, зажигая спичку, подал команду.

— Курсант Макаркин, 45 секунд, ОТБОЙ!!!

Юрка Макаркин передав журнал курсанту из первой шеренги, начал стремительно оголяться, хаотично скидывая с себя парадную форму одежды… Молниеносно выпрыгнуть из ХБшки и сбросить сапоги за 45 секунд — без проблем, а вот расстегнуть все многочисленные пуговицы на рубашке, кителе и брюках, а также расшнуровать ботинки за короткое время, пока горит спичка, естественно невозможно ни при каком раскладе.

Спичка, пожираемая жадным пламенем, быстро почернела и погасла… только сизый дымок струился у самых пальцев сержанта. Стоп! …журналист остался в трусах, в одном ботинке и частично-расстегнутой рубашке.

Сержант Гнедовский бросил сгоревшую спичку на землю и продолжил командовать.

— Курсанты Копыто, Мирзалиев, Пономарев, Симонов, выйти из строя!

Мы четко выполнили его команду, с лихой и молодцеватой выправкой, старательно и театрально выполняя все строевые приемы.

— Спустить журналиста на воду!

— Есть!

Взяв Юрку за руки и за ноги, мы раскачали его тело и на «раз, два, три» зашвырнули далеко в воду. В момент касания Юрки Макаркина поверхности воды, личный состав 45-го отделения дружно заорал.

— Большому кораблю, большое плавание! Не заплывай за буйки!

Плюхнувшись в густую зеленоватую воду, густо заросшую ряской, Юрка всплыл и, громко фыркая как сытый бегемот, поплыл на середину пруда, куда сержант Гнедовский предусмотрительно зашвырнул фуражку журналиста.

В это время мимо нас в служебной «Волге» проезжал начальник училища. Сержант Гнедовский подал команду.

— Отделение, кругом! Смирно!

Мы повернулись лицом к генеральской «Волге», спиной к пруду и замерли. Через опущенное стекло в дверце машины было отчетливо видно, что наш старик всеми силами старается сохранить серьезно-важный вид и пытается хмурить брови, но его губы упрямо тянутся в непроизвольной улыбке. Шутливо погрозив нам пальцем, генерал проехал мимо, не останавливаясь.

— Кругом!

Наше отделение опять повернулось к поверхности пруда, в водах которого неуклюже барахтался Юрка Макаркин. Доплыв до своей фуражки, журналист ухватил ее зубами за козырек, как охотничья собака берет «апорт» или добытую утку и, поднимая приличную волну, поплыл к берегу. Выбравшись на берег пруда, курсант Макаркин под шутки и смех надел предметы одежды, оставшиеся сухими и встал в строй.

Традиционный ритуал: "Купание журналиста" был скрупулезно исполнен, Юрка Макаркин смыл все наши двойки в "священных водах" училищного пруда и процесс обучения в альма-матер благополучно закончен! Finita la comedia!

45-е к/о сохраняя четкое равнение и чеканя идеальный строевой шаг, двинулось в сторону училища. В монолитном строю, громко хлюпая мокрым ботинком и оставляя после себя влажные следы, шлепал журналист Юрка Макаркин.

Проходя мимо откровенно обалдевшего первокурсника — дневального по КПП, мокрый, но улыбающийся Юрка задорно подмигнул «минусу» (минус — курсант первого курса обучения, с одной курсовкой на левом рукаве кителя) «Минус», скорчив умилительную мордочку, жалобно воскликнул.

— Я тоже журналист!

Услышав такую реплику — фактически крик души на грани отчаяния, наше отделение разразилось дружным и многообещающе-зловещим хохотом, а Юрка Макаркин выкрикнул.

— Учись плавать, парень!

Дневальный по КПП не успел закрыть ворота, а навстречу нам уже двигалось очередное классное отделение из батальона выпускников, личный состав которого уверенно топал в сторону училищного пруда…

Традиция, куда деваться!

з. ы. Построившись перед главным учебным корпусом, мы стали ждать, пока частично мокрый журналист, с болотной ряской на влажной фуражке, зайдет в учебный отдел нашей альма-матер и уже «В ПОСЛЕДНИЙ» раз сдаст наш классный журнал на архивное хранение.

Пока мы стояли, ожидая Юрку Макаркина, нас переполняли смешанные чувства, от пьянящей радости до легкой грусти — мы опять повзрослели…

100. Бым-тыдыдым!

Бессонная ночь накануне выпуска из училища ВВС наконец-то закончилась. Утром, облачившись в новенькую парадную форму с ослепительно золотыми лейтенантскими погонами, смотришь на себя в зеркале и не веришь — я это или не я?! Необычно как-то?! Голубые курсантские погоны с двумя желтыми просветами и буквой «К» были такими родными и привычными, но их уже больше никогда не надеть… жаль.

Оглядевшись по сторонам, замечаю, что все ребята ходят по казарме какие-то потерянные, что ли?! В глазах одновременно радость и … какая-то грусть?!

Остались позади гос. экзамены, войсковые стажировки, ежедневная учеба, всевозможные наряды, караулы, увольнения, отпуска, самовольные отлучки, семинары, групповые занятия, практика, хоз. работы, уборка закрепленной территории и многое другое… Господи, неужели все закончилось?! Ну, вот и все…

Построились в центральном коридоре казармы. Построились в последний раз. Именно, в последний, а не в крайний. (последний и крайний — две большие разницы, в ВВС из-за суеверия, слово «последний» никогда не употребляется) Всем составом 4-й роты мы здесь больше никогда не соберемся! Так что именно для этого случая наиболее уместное слово — в последний…

— Ребята, на завтрак идем?!

— Какой нах, завтрак, старшина?! Надо на КПП, встретить родителей, девушку…

— Короче, кто хочет пожрать, дуйте в столовую, остальные по своему плану! Мужики, не забудьте, что в 8.45. построение перед казармой, а то свой же выпуск пропустите…

Ну, уже нет, что-то, а свой выпуск, мы не пропустим ни при каких обстоятельствах. Сижу на подоконнике открытого окна — теперь уже все можно и тот же командир 4-й роты капитан Владимир Хорошевский (Володя Нахрен) проходит мимо, лишь слегка улыбаясь. Все, детишки выросли и оперились. Соколики, пусть молодые и неопытные, но уже соколики, а не птенчики.

Поглядывая на малый плац перед казармой, смотрю как курсанты с младших курсов подметают асфальт и затирают на нем разноцветные пятна… Это мы вчера немного побузили. Всю краску, серебрянку и лаки, что остались в каптерке роты, выбросили в окна в качестве разноцветного салюта прямо в банках, естественно. Выбрасывали под восторженные крики и

всеобщее улюлюканье новоиспеченных лейтенантов. И вот теперь на сером асфальте повсеместно виднеются разноцветные огромные кляксы, которые младшекурсники старательно затирают, чтобы привести внешний вид училища в надлежащее состояние. Трите лучше парни, мы тоже в свое время отмывали асфальт и остро завидовали выпускникам, которые бузили и куролесили всю ночь перед выпуском — традиция такая, куда деваться. Поймите правильно и не завидуйте, будет и на вашей улице праздник. Совсем скоро будет, поверьте, время быстро летит. Очень быстро. Мы оглянуться не успели, как золотые погоны легли на наши плечи… Чудеса! Пока тянули лямку учебы и службы, казалось, что не будет ей конца и края! А тут, бац, оглянулся назад, все пролетело как одно мгновение…

Стоим на главном плацу училища. Справа от нас на трибунах для гостей нет ни одного свободного места — приехали родственники, папы, мамы, тети, дяди, племяшки, жены, невесты и просто куча девчонок. Все красивые, нарядные, взволнованные… Вот и пойми, кто сейчас больше волнуется? Мы или они?!

Вокруг меня колышется синее море «парадок» с золотыми погонами — красотища!

Чуть поодаль находятся две черные коробки — морская авиация. Белые чехлы на фуражках, кремовые рубашки, кортики на парадных ремнях, тоже хороши, бродяги… Вон как девчата на них смотрят?! Чуть ли сквозные дырки не прожигают! Что ни говори, а морская форма — это очень сексуально! Любой заморыш преображается в настоящего морского волка…

Июльское солнце, поднимаясь все выше над горизонтом и отражаясь от золотой канвы парадных погон, освещает осунувшиеся лица вчерашних курсантов. Все несказанно волнуются, пытаясь скрыть бурю эмоций за дежурными шуточками и нервными смехуечками. Но получается не совсем убедительно. Откровенно заметно, что однозначной картины и единого впечатления от происходящего ни о кого из ребят нет. В голове у каждого парня полный сумбур в длиннющем диапазоне от бесконечной радости, что все закончилось! До неприкрытой грусти и недоумения — неужели, все закончилось?! А что дальше?! В озорных взглядах молодых лейтенантов периодически пробегает искорка некой потерянности. Дальше то что?!

На помпезной трибуне, отделанной белым мрамором, стоит генерал — начальник нашего авиационного училища и его свита. Старик образцово подтянут и взволнованно торжественен.

Речи! Речи! Речи! Генерал, многочисленные гости, от профкома, от месткома, какой-то мужик из Москвы, некая дама от

городской власти, замполит училища (куда ж без него), секретари обкома, райкома, горкома, напутственное слово чьей-то мамы, ответное слово от выпускников… Речи помпезные, речи душевные, скомканные и со слезами в голосе, с надрывом и с восторгом…

Грянул пневматический … пардон, духовой оркестр училища и началась выдача дипломов — красивая процедура синхронного движения нескольких сотен человек, отточенная многократными тренировками фактически до тошноты и полного автоматизма… Все движения только под большой барабан, который синхронизирует и задает ритм, темп и просто бьет по нервам…

Бум!

Строй лейтенантов расступился, и четко печатая шаг, я прошел к столу, покрытому красной материей, на котором лежит стопка дипломов. Остановившись, молодцевато вскинул руку к козырьку новенькой фуражки в воинском приветствии.

— Товарищ полковник, курсант… тьфу ты… лейтенант Симонов для получения диплома прибыл…

— Поздравляю, сынок! Удачи тебе и успехов!

Бум!

В числе других новоиспеченных лейтенантов, замерших у нескольких десятков столов расставленных на огромном плацу в шахматном порядке, по гулкой команде большого барабана, вернулся в недра синего строя, уступив место следующему…

Отлаженный конвейер без задержек и сбоев, на восторг и потеху гостям…

— Смирно! К прощанию со знаменем училища приготовиться!

Бум!

Несколько сотен человек одновременно сняли фуражки и положили их на левую руку, согнутую в локте…

Бум!

Сине-черное море синхронно колыхнулось, и почти тысяча выпускников опустилась на правое колено, неуловимым движением положив на асфальт училищного плаца металлический рубль (аналогичный как в см. «Проверка на жадность»)

Бум!

Лейтенанты почтительно склонили головы …а, знаменосец из парадного расчета училища еле заметным движением, склонил древко знамени нам навстречу. Взаимное уважение и последнее «прощай»…

Бум!

Резко встали с правого колена и разогнулись в полный рост,

развернув плечи и глубоко вдохнув воздуха полную грудь до приятной рези в легких…

Бум!

Надели фуражки и замерли. А на училищном плацу ровными рядами и шеренгами остались лежать тускло сверкающие металлические рубли… почти тысяча рублей (неплохая сумма в те времена) — стародавняя традиция и наш подарок детям (младшим братьям, сестричкам, племяшкам и т. д.), которые пришли на наш выпуск в числе дорогих гостей. Потом соберут… на конфеты, да на мороженое…

А в кармане кителя еще припасен новеньких хрустящий червонец — премия первому курсанту, который поприветствует тебя, как офицера (незыблемая традиция). А в другом кармане звенит горсть мелочи, старательно натертая пастой ГОИ для «золотого салюта» при прохождении торжественным маршем мимо трибуны с нашим стариком — генералом.

Спасибо тебе, добрый и мудрый человек, за ангельское терпение, когда мы шалили сверх меры! Спасибо, что прикрывал нас и прощал многие выходки, почти никого не отчислив за весь период обучения! Спасибо! Чисто по-человечески спасибо! И этот «золотой салют» из подброшенных в голубое небо монеток — будет наше признание и сыновья благодарность всем преподавателям, инструкторам, строевым офицерам и прапорщикам, а так же всему гражданскому персоналу нашей славной и любимой альма-матер! Спасибо вам всем! Спасибо!

И вот над огромным плацем из мощнейших динамиков несется.

— Училище, к торжественному маршу! По-взводно и по-ротно! На одного линейного дистанция…

Грянул марш — визитная карточка нашего авиационного училища в исполнении духового оркестра… И опять громко и навязчиво большой барабан… прямо по ушам …и по самим нервам…

Бым-тыдыдым!

Двинулась вперед 1-я рота нашего учебного батальона. А во главе строя, задавая темп, образцово марширует сам комбат полковник Серов (Пиночет). Ай, молодца, как ножку тянет, несмотря на приличный животик… румянец во всю щеку, как будто у него сегодня выпуск, а не у нас… Забылся полковник, что он уже давно не лейтенант…

Бым-тыдыдым!

Ну вот и наша 4-я рота двинулась… В последний раз шагаю в строю родного и легендарного 45-го классного отделения…

Бым-тыдыдым!

Рядом со мной, старательно оттягивая носок начищенных до зеркального блеска туфель, топает киевлянин Лелик Пономарев. Он еще не знает, что впереди его ждет Ил-76 в Мелитополе. А после развала некогда незыблемого Союза, прожорливые Илы на самостийной Украине встанут на прикол, уступив место древним, изношенным до неприличия и потрепанным Ан-12. Лелик будет долго бороздить просторы Азии и Африки… затем будет укус малярийного комара и жуткие приступы тяжелой болезни… парня везли домой фактически умирать, но выжил, не смотря ни на что, успели, спасли… честь и хвала экипажу, который выжал из старичка Ан-12 запредельные режимы …демобилизация и опять Ан-12 — регулярные почтовые рейсы в Европу…

Бым-тыдыдым!

Костик Остриков вскоре сменит погоны старшего лейтенанта на рясу православного священника, помотается по горячим точкам, коих будет в нашей несчастной стране весьма в избытке. Будет крестить ушастых призывников и матерых воинов …и отпевать погибших ребят, перемолотых в страшной мясорубке имперских амбиций… его оставит жена, презрительно бросив: «Я выходила замуж за офицера, а не за попа!». Будет духовная семинария, высокий пост в совете одной из епархий и «общественно-полезная» нагрузка в виде настоятеля 4-х православных церквей, которые он поднимет из руин и забвения в полном смысле данного слова…

Бым-тыдыдым!

Мишка Холнозаров уедет на свою историческую родину и станет заместителем министра обороны маленькой, но очень гордой страны. Баааальшой начаЛник, уважаемый, как и мечтал его отец — выходец из бедного рода, забитого клана, не доживший до выпуска своего сына и не увидевший его золотые погоны, а также подъем на заоблачные высоты…

Бым-тыдыдым!

Евгеша Ящиков — наш идейный локомотив и постоянный генератор генитальный идей… будет убит в подъезде своего дома группой школяров-отморозков, отмечающих окончание школы с вином и водкой… когда заскочит домой, чтобы переодеться после работы и пойти в школу на «последний звонок» к своему сыну… Забит до смерти за мимолетно брошенную фразу: «Парни, поздравляю с выпуском! Только, пожалуйста, оставайтесь людьми, не гадьте в подъезде!»…

Бым-тыдыдым!

Андрюха Яровой бессменно отслужит в Читинском авиаотряде, по выходу на пенсион останется в этом суровом краю и займет свое место на транспортном узле Забайкальского

участка железной дороге…

Бым-тыдыдым!

Эрик Чухманов вскоре уволится из армии, сменит много различных профессий, но в результате снова восстановится в вооруженных силах одного из независимых государств на южных рубежах некогда великого и неделимого Советского Союза…

Бым-тыдыдым!

ПиМ катастрофически тяжело примет метаморфозы и бесконечную чехарду в армии в частности и в стране в целом …и, несмотря на невозмутимый характер и железные нервы, все чаще и чаще будет прикладываться к спиртосодержащим смесям, благо на аэродроме этого «добра» хоть залейся…

Бым-тыдыдым!

Эдик Серобян получит направление в Звездный городок, но в разгар межэтнического конфликта между Арменией и Азербайджаном за Горный Карабах, оставит службу …и его следы затеряются в дыму военных сражений на просторах очередной независимой страны…

Бым-тыдыдым!

Федя Мизралиев будет служить в Калининском учебном авиацентре, заимеет душевные контакты с представителями дружной азербайджанской диаспоры …со всеми вытекающими отсюда последствиями — цветочки, фрукты, коньячный спирт с малой родины и т. д. и т. п.

Бым-тыдыдым!

Андрюха Овласенок поедет служить в Венгрию, где вскоре покончит жизнь самоубийством… не мне его судить, значит, были на то свои веские причины…

Бым-тыдыдым!

Юрик Макаркин отлетает положенный срок, выйдя на пенсион, вернется на малую родину, где начнет все с нуля… малый бизнес, полное банкротство, опять подъем с нулевой высоты и все это с упорством детской игрушки «Ванька-встанька»…

Бым-тыдыдым!

Витя Копыто, машущий сейчас руками как ветряная мельница, оседлает Ан-12, который будет старше его более чем в два раза …и когда в государстве вдруг неожиданно закончится керосин (весь и сразу), а самолеты, свесив свои усталые крылья к самой земле, встанут на долгую стоянку, сменит цвет погон и ведомство. Затем, вообще, снимет погоны и, закончив мегапрестижный ВУЗ, займет заметную должность в миллионном городе со всеми атрибутами успешного чиновника — огромный кабинет, сиськастая и безотказная секретарша, служебное авто и

все в том же духе…

Бым-тыдыдым!

Сержант Валера Гнедовский поедет служить в Германию, затем будет уволен из армии по сокращению …восстановится, прослужит много лет на Севере и под занавес военной карьеры сменит цвет погон и займет тихую и спокойную техническую должность в военном медицинском учреждении…

Бым-тыдыдым!

Петровский — наш «Лютфваффельник», «Люфт», «Ваффе» сгорит вместе со всем экипажем, когда его самолет с гуманитарным грузом миссии ООН при заходе на посадку на занюханный африканский аэродром, будет сбит ракетой из ПЗРК «Стингер», выпущенной местной обезьяной, представляющей многочисленные бандитские племена, воюющие между собой в частности и со всем миром в целом…

Бым-тыдыдым!

Игорек Фомин успешно закончит академию и после долгих лет образцовой службы займет заслуженную генеральскую должность. В положенный срок, заказав банкетный зал и разослав приглашения старым друзьям, будет… скоропостижно уволен из армии в 3-дневный срок в виду гениальной концепции нового руководства МО?! Жаль, одним порядочным генералом стало бы больше…

Бым-тыдыдым!

В строю 4-й роты, заходящей с поворота на «финишную прямую» мелькнул Вясятка Рожнев из 44-го к/о …после службы в Германии, закончит академию и, прослужив неприлично длительное время за «кривым озером», закончив еще и другую суперпрестижную академию, получит честно выстраданную и, несомненно, заслуженную генеральскую должность… но, получит ли «красивые штаны»?! ХЗ?! Желаемый Облик Перспективной Армии (ЖОПА) подразумевает колоссальное сокращение генеральских должностей вместе с лицами их занимающие … причем, независимо от образования, личных качеств и порядочности… Дай тебе Бог, Вася стать генералом! Ты достоин!

Бым-тыдыдым!

Олежек Макаров из 43-го к/о скоропостижно скончается в Москве от скоротечной болезни, которая сожрет его вскоре после окончания академии…

Бым-тыдыдым!

Олесь Потыну не доехав до первого места службы, разобьется в автомобильной катастрофе…

Бым-тыдыдым!

Лешка Крошкин послужит в Чехии и после кровавого

сокращения армии по живым людям станет хлеборобом… Ох и тяжелый же труд у крестьянина! И хлебушек на наших столах все же горько-соленый… от пота землепашца…

Бым-тыдыдым!

Леха Чернухин сделает молниеносную карьеру крупного бандоса в разгульной Одессе и …бесследно сгинет в местах лишения свободы…

Бым-тыдыдым!

Комсорг Серега Филин получит распределение в престижное место, затем закончит академию и опять будет распределен в престижно-хитрое место, достигнет приличных высот …и, разочаровавшись, все бросит …сменив цвет погон и ведомство, начнет все с практического нуля, опять поднявшись на достойный уровень…

Бым-тыдыдым!

Петрович — некультяпистый паренек, тихий и безобидный парнишка из Пензы сменит министерство и ведомство и, погрузившись с головой в непростую службу со всей ответственностью …посвятит свою жизнь тяжелой и зачастую неблагодарной борьбе с распространением наркоты и всего, что с ней связано…

Бым-тыдыдым!

Полимон после возвращения из Польши, оставит армию и займется бизнесом …станет долларовым миллионером, а после дефолта 98-го, который уничтожит его дело и надломит душу, уже никогда не поднимется из глубин стакана…

Бым-тыдыдым!

В 45-м к/о шагает тридцать человек… в 4-й роте — 144-е, в Первом учебном батальоне почти тысяча и у каждого парня своя судьба …про всех не расскажешь, а жаль…

Бым-тыдыдым!

Нет уже и самого училища ВВС …не пережила наша альма-матер дикие 90-е, сгинула в небытие, несмотря на богатую историю, славное прошлое, шикарную материально-техническую базу… горько и больно…

Бым-тыдыдым!

Саня Симонов, ваш покорный слуга… но, это уже совсем другая история…

— Рота! Смирно! Равнение на-право!

— Иииии-раз!

При торжественном прохождении мимо трибуны с начальником училища, над строем 4-й роты взметнулось золотое облако. Облако из начищенных до зеркального блеска монет — наш последний салют и дань уважения… Спасибо! Спасибо всем!

Спасибо за все!

Ну вот и все… Неужели, действительно, это все?! Ну, уж нет! Теперь, все только начинается… но, уже в другом качестве…